М. П. АЛЕКСЕЕВ

СИБИРЬ

В ИЗВЕСТИЯХ ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ И ПИСАТЕЛЕЙ

ВВЕДЕНИЕ, ТЕКСТЫ И КОММЕНТАРИЙ

XIII—XVII в.в.

Второе издание

ОГИЗ
ИРКУТСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИРКУТСК—1941

M. P. ALEKSEEV

SIBIRIEN

NACH DEN BERICHTEN DER WESTEUROPÄISCHEN REISENDEN UND SCHRIFTSTELLER

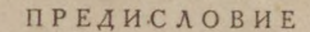
EINLEITUNG, TEXT
UND KOMMENTAR

XIII—XVII Jahrh

ZWEITE AUFLAGE

IRKUTSK—1941

ПРЕДИСЛОВИЕ

ко второму изданию

Первое издание настоящей книги вышло в свет в Иркутске, в двух частях, в 1932 и 1936 гг. (ч. I : LX+366 стр.; ч. II, 151 стр.). Разделение ее на две неравномерные части, выпущенные в разное время, было вызвано чисто техническими причинами и создавало значительные неудобства для читателей; кроме того, по тем же случайным условиям, во второй части не удалось поместить ни первоначально намеченные для нее иллюстрации, ни задуманные при начале издания указатели личных имен и географических названий, что в особенности затрудняло пользование книгой как справочно-библиографическим пособием.

Предлагаемое ныне второе издание книги стремится прежде всего исправить указанные недочеты. Оно объединяет обе части труда в одно целое и воспроизводит их текст полностью, с некоторыми, правда, незначительными, поправками и дополнениями. В первом издании было помещено в первой части 33 известия западно-европейских путешественников и писателей XIII--XVII вв. и комментарии к ним, во второй—14; в настоящем добавлены тексты XLVIII—XLIX (Адам Бранд, Генрих Вильгельм Лудольф), а в „Приложении I“ печатаются также большие извлечения из „Relatio de Siberia“ Юрия Крижанича; напротив, немецкий текст „Путешествия в Сибирь“ 1666 г. неизвестного автора, впервые опубликованный мною в отрывках в первом издании настоящей работы (ч. I, стр. 348—358) по рукописи Королевской библиотеки в Копенгагене, в настоящем издании не воспроизводится, так как в полном виде весь этот текст уже напечатан мною в „Историческом Архиве“ (Институт истории Академии Наук СССР, Труды Археографического сектора), т. I, М.-Л. 1936, стр. 97—194. В настоящем издании увеличен также иллюстративный и картографический материал. В остальном текст данной работы подвергся незначительным изменениям: в него внесены лишь мелкие поправки, уточнения и дополнения библиографического характера,—менее полные и подробные, чем того хотелось автору. Отвлеченный в последние годы от занятий сибиреведением предметом своей основной научной специальности—западно-европейскими литературами—автор не может не высказать сожаления, что со времени выхода в свет первого издания

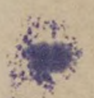
настоящей книги он не мог достаточно внимательно следить за текущей научной литературой по многим из тех разнообразных областей знания, которых ему приходилось касаться в данном труде, поэтому отдельные пропуски и упущения неизбежны и вполне объяснимы. Впрочем, книга и задумана была в свое время как пособие для сибиреведов самых разнообразных специальностей, которые, надо надеяться, продолжат начатые здесь исследования и исправят отдельные погрешности автора, в особенности в тех областях, которые выходят за пределы его научной компетенции. Обе части первого издания были встречены, в общем, благоприятными отзывами печати[1], и это дает право надеяться, что и второе дополненное издание окажется небесполезным для всех, интересующихся Сибирью и ее историческим прошлым.

Автор считает своим долгом принести благодарность Э. П. Зиннеру за любезное согласие составить указатели к этой книге.

Ленинград, ноябрь 1940 г.

---

[1] Автору известны следующие рецензии на первое издание данной книги: М. Гудошников. Новая книга о Сибири. «Будущая Сибирь» (Иркутск), 1933, кн. 3, стр. 49—52; М. К. «Moskauer Rundschau», 1933, № 37 (242), 10 September; A. Mazon—«Revue des études slaves» (Paris), 1933, XIII, 1—2, p. 133; Б. Г. Рензов—«Звезда» (Ленинград), 1933, № 7, стр. 191—192; Е. Г. Кагаров. «Советский Север». Общественно-научный журнал комитета севера при президиуме ВЦИК. М. 1934, № 5, стр. 104—106; Л. Виленский. «Критико-библиографический бюллетень», 1933, № 9, стр. 26—28; P. Savickij. «Germanoslavica. Vierteljahrschrift für Erforschung der germanisch-slavischen Beziehungen» (Prag), 1935, Heft, 1—2, S. 169—175; проф. С. В. Бахрушин. «Историк-марксист», 1936, кн. [illegible] стр. 149—152 и «Книга и пролетарская революция», 1936, № 10, стр. 77—8[illegible]

ПРЕДИСЛОВИЕ

к первому изданию

Познание Сибири несомненно входит в новую фазу. Задачи социалистической реконструкции края вплотную подводят к планомерному и вдумчивому изучению ее природных богатств и производительных сил, климатических условий и путей сообщения. Плановое изучение отдельных вопросов сибиреведения, однако, естественно предполагает, прежде всего, учет уже ранее произведенной работы, а между тем именно он представляет значительные трудности. Состояние сибирской библиографии, как известно, далеко не удовлетворительно. Несмотря на наличие капитальных трудов и целого ряда более мелких библиографических сводок, большое количество старой литературы, посвященной Сибири, нужно думать, все еще остается затерянным и зачастую находится вне внимания современного исследователя. Это относится, прежде всего, к иностранной литературе о Сибири.

В литературе о Сибири вообще сочинения на иностранных языках занимают, по своему количеству и качеству, довольно важное место. А между тем неполнота регистрации их в существующих указателях очевидна для всякого, кто так или иначе соприкасался с этим вопросом. Множество ценных работ по различным областям познания Сибири на главнейших западно-европейских языках, по разным причинам, в свое время не дошли до русского читателя и не были учтены в специальных исследованиях. Где можно навести о них предварительную справку? Не представляют ли их розыски утомительную работу, отвлекающую исследователя от непосредственного предмета его занятий?

К недавно происходившему в Иркутске Научно-исследовательскому съезду Восточно-Сибирского края Академия Наук СССР выпустила очень полезную библиографическую работу А. М. Белова — „Материалы к указателю литературы о Сибири на европейских языках с 1917 г.“ (Ленинград, 1931), отмечая в предисловии, что издаваемые „Материалы“ „дадут возможность ориентироваться, хотя бы отчасти, в иностранной литературе о Сибири и вместе с тем положат начало для дальнейших работ по составлению иностранной литературы о Сибири“. Значение этой работы, несмотря на ее очевидную неполноту, поспешность составления и

ограниченность материалов, бывших в распоряжении у автора, не подлежит спору. Всякая попытка в этом направлении может быть только приветствована. Вместе с тем пора подумать о составлении подобной библиографии и для прежних лет. Однако составление это наталкивается на еще большие трудности, чем регистрация вновь выходящих иностранных работ о Сибири. В самом деле, важнейшие библиотеки Союза не располагают для этого всеми необходимыми пособиями; много книг, не говоря уже о журнальных статьях, давно уже вышли из продажи и являются библиографическими редкостями; не упоминаем уже о размерах, объеме литературы, которая должна быть для этой цели обследована, просмотрена и изучена. Очевидно, такая работа должна быть разбита на несколько участков, и только совместными, коллективными усилиями ее можно было бы довести до конца.

В иностранной литературе о Сибири едва ли не самую важную ее часть составляют известия о Сибири иностранных путешественников и писателей. Вспомним хотя бы о литературе XVIII века, эпохи великих сибирских географических экспедиций, большинством которых руководили иностранные ученые, преимущественно немецкие. Положительно нет области научного знания, которой не коснулись тогда путешественники, совершая рискованные и утомительные путешествия по отдаленнейшим уголкам Сибири и собирая геологические материалы вместе с этнографическими, зоологические — с историческими и т. д. Нередко и современный исследователь — геолог, гидрограф, ботаник, не говоря уже об этнографах и историках, принужден бывает совершать свои экспедиции с книгами Палласа и Гмелина, Миллера и Фишера, Георги или Эрика Лаксмана в руках... Собранный этими учеными материал поистине необозрим и далеко еще не использован до конца: сделанные ими указания на месторождения ценных ископаемых, характеристики климатических условий и путей сообщения в Сибири и так далее порою могут быть с пользой вспомянуты и в наше время. Столь же важны сообщенные ими материалы для историков и этнографов: изучение племенного состава Сибири и тех изменений, какие произошли в нем за два последних столетия, колонизационного процесса, исторической динамики сибирской экономики и т. д. немыслимо без обращения ко всем этим иностранным книгам как к первоисточникам. Уходя еще далее в глубь веков, знакомясь с европейскими сочинениями о Сибири XVI и XVII столетий, не можем ли мы, например, сказать, что „Карская экспедиция“, играющая столь большую роль для советского экспорта и импорта в Сибири, является в значительной степени осуществлением тех транспортных планов, которые строили английские и голландские моряки в XVI—XVII вв.? Изучение этих планов может оказаться полезным не только с узко исто-

рической точки зрения. С другой стороны, не книга ли американца Дж. Кеннана о сибирской ссылке оказала известное воздействие на русское правительство в смысле пересмотра тюремного устава и не она ли значительно подорвала авторитет самодержавной власти в России в глазах европейского общественного мнения? Не представляет ли ей некоторую аналогию и книга Шаппа д'Оттерош, ездившего в Сибирь в половине XVIII века, всполошившая правительство Екатерины II и вызвавшая продолжительную полемику на Западе? Иностранные книги о Сибири могли, следовательно, являться также яркими памятниками общественной мысли. Таким образом, кажется, не может быть сомнения в том, что иностранные известия о Сибири имеют для нас выдающийся интерес и значение. Если ко всему сказанному мы прибавим, что эти известия важны для нас еще и потому, что исходят от наблюдателей, поставленных в непривычные для них условия (это, естественно, должно было обострять их внимание), что, наконец, они начинаются задолго до появления русских в этой стране и, таким образом, являются важнейшим, если не единственным источником для изучения **до-русской Сибири**, то это значение их станет еще более очевидным.

А между тем, как можем мы воспользоваться ими, где разыскать их? Нельзя, конечно, сказать, что эта важная группа исторических источников была совсем пренебрежена исследователями. Немало указаний на них собрано в известной „Библиографии Сибири" В. И. **Межова**. Были сделаны уже и отдельные попытки перевода их на русский язык, комментирования, даже монографического изучения. Литература о „сказаниях иностранцев о России" довольно велика и частично включает в себя и разбор известий иностранцев о Сибири. Есть и работы, специально посвященные интересующему нас вопросу. Таковы, например, небольшая и совершенно устаревшая статья А. **Оксенова**—„Сибирь до эпохи Ермака по сведениям западно-европейских писателей и путешественников", затерявшаяся в провинциальной газете („Томские губ. ведомости" 1888—89 гг.), две статьи И. **Тыжнова**—„Обзор иностранных известий о Сибири со 2-й половины XVI века" („Сибирский Сборник" 1887 г. и „Литературный Сборник" 1890 г.), ценная работа Д. Н. **Анучина**—„К истории ознакомления с Сибирью до Ермака" (1894) и так далее, но несмотря на наличие всех этих работ, иностранные источники о Сибири изучены все же еще очень плохо[1].

---

[1] Интересно отметить, что еще в 1877 г. в заседании Русско-Географического Общества М. И. **Венюков** предложил свой план книги о «Состоянии географии русской Азии до Ермака» и перечислил при этом имена «греческих, арабских и западно-европейских путешественников, древних и средневековых», которые, по его мнению, подлежали изучению для этой цели; собрание сочувст-

Русских работ на указанную тему очень немного, небольшая же иностранная литература вопроса (например, работы H. Michow'a, G. Henning'a и др.) плохо у нас известна. Большинство существующих работ устарели или же сделались библиографическими редкостями; наконец, даже лучшие из них не всегда написаны по первоисточникам и поэтому требуют дополнительных разысканий, сверки с оригиналами и т. д. Нужно признать, что изучение и использование иностранных известий поставлено у нас далеко не в надлежащие условия. Затруднительность разыскания оригиналов этих сочинений, разноязычие подлинников, трудности перевода их на русский язык, так как для древнейшего периода они зачастую написаны на устаревших или мало распространенных языках (вульгарная латынь, старо-французский, нижне-немецкий, голландский, шведский, датский и т. д.), — все это делает их малодоступными для большинства читателей и даже для специалистов. На помощь им и хотела бы прийти настоящая книга — первый том задуманного автором полного и систематического свода иностранных известий о Сибири.

Свою работу автор склонен рассматривать, как библиографическую по преимуществу. Ближайшей целью ее было — выявить материал и сделать его доступным для изучения. Первоначально предполагалось дать только библиографический перечень иностранных путешественников по Сибири, присоединив к ним указания и на важнейших писателей Западной Европы, которые, хотя и не побывали в Сибири лично, но смогли собрать достаточно интересные данные об этой стране на основании литературы или устных расспросов. Так поступил, как известно, Аделунг в своем старом, но не потерявшем доныне значения „Литературно-критическом обозрении путешественников по России“

венно встретило это предложение и постановило приступить к коллективной разработке этого труда, ввиду «не только полезности, но и необходимости его для русских географов» (Изв. Русск. Географ. Общества, 1877, т. XIII, I, стр. 97—98). Однако, он остался незавершенным и напечатан не был; доклад же М. Венюкова лишь частично использован им в его книге: «Apersu historique des découvertes géographiques dans la Russie d'Asie» (1879). Укажем, кстати, что по этому вопросу имеется старая, но во многом очень полезная книга Hugh Murray. Asia. Account of Discoveries and Travels... Edinburgh, 1820, 3 vols., где, однако северной Азии уделено сравнительно мало места. О том, как плохо и доныне известен весь этот материал местным сибирским исследователям, свидетельствует статья Краеведа: «Первые исторические и картографические сведения о Сибири» («Сиб. Огни», 1927, № 6, стр. 232—236). О Марко Поло здесь, например, говорится, что «Сибирь осталась неизвестной знаменитому венецианцу»; путешествие Идеса и Бранда названы русскими «учеными экспедициями», «организованными на средства правительства»; Витсен по ошибке Ф. Бельского («Россия», XVI, 303) назван Винзеном и так далее, повидимому, важнейшим источником автора служил «Хронологический перечень» Щеглова (Ирк. 1883). Попытку дать краткий обзор эволюции представления о Сибири в западно-европейской художественной литературе см. в моей статье в III томе «Сибирской советской энциклопедии“.

(1845). Аделунг ограничил себя только путешественниками, всю прочую литературу отмечая лишь случайно; против такого плана тогда же возражал акад. К. М. Бэр („Четырнадцатое присуждение учрежденных П. Н. Демидовым наград“, СПб., 1845, стр. 55—76), доказывая желательность не только библиографической регистрации указанных сочинений, но также и воспроизведения их в подлинниках, и справедливо указывал также на то, что критерием выбора материала не может быть личное посещение тем или иным автором описанных им стран: так, например, самое выдающееся сочинение о Сибири начала XVII в. принадлежит голландцу И. Массе, который хотя в Сибири и не был, но смог собрать о ней очень ценные сведения, опрашивая ряд лиц в Москве.

Я также должен был отказаться от такого плана, — по крайней мере для первого тома своего труда, — исходя прежде всего из того, что библиографический перечень со ссылками на редкую или трудно находимую литературу чаще всего не достигает цели, которой он служит; для изучения иностранных источников, притом учеными всех специальностей, важны самые источники в русских переводах, а не только лишь указание пути, по которому их следует разыскивать. Особенно важно это в условиях провинциальной работы, в отдалении от центральных книгохранилищ, притом для книг, имеющихся у нас нередко в одном, двух экземплярах, — в богатых собраниях „Rossica“ Гос. публичной библиотеки в Ленинграде и Академии Наук СССР. С другой стороны, существующие уже русские переводы иностранных известий или редки, в свою очередь, — как напечатанные в старых и малораспространенных изданиях, — или неудовлетворительны. Для исследователя, наконец, очень важно бывает одновременное помещение в одной книге всех сходных известий, что облегчает сверку их друг с другом, оценку их достоверности и т. д. Поэтому для своей работы я избрал другой тип книги — тип научной хрестоматии, в которой помещены самые тексты в переводе, вместе с объяснительными статьями и комментариями к ним. Выгоды и удобства такого типа издания давно уже засвидетельствованы рядом аналогичных работ, имеющихся в западно-европейской и русской научной литературах. Назову для примера книгу Mc. Crindle — сборник известий греческих и римских писателей о древней Индии, в переводе на английский язык, с комментариями редактора, французскую книгу G. Coedès — сборник известий греческих и римских писателей о Дальнем Востоке и т. д. Лучшие образцы работ данного типа дает немецкая литература, однако и в русской имеются удачные аналогии — известия античных писателей о скифах, собранные В. В. Латышевым, арабские известия о Золотой орде, собранные В. Тизенгаузеном и т. д. Именно этот тип показался мне наиболее удовлетворяющим задаче предлагаемой книги.

Однако, выполнение этой работы сразу же натолкнулось на целый ряд серьезных трудностей. Прежде всего это были трудности выбора текста. Древнейшие западно-европейские известия о Сибири невелики по объему, поэтому они воспроизведены у нас целиком; чем ближе, однако, подвигаемся мы к XVIII в., тем чаще встречаются нам уже не отдельные упоминания о Сибири, но целые сочинения, в форме журнальных статей и книг, помещение которых целиком было бы затруднительно и сильно загромоздило бы настоящее издание. В отдельных случаях предстояло поэтому из целой книги выбрать для перевода один или несколько отрывков, наиболее важных и характерных, которые в то же время могли бы дать представление о сочинении в целом. Правда, в настоящем первом томе нашей работы таких отрывков немного (Шлейсинг, Бранд, Идес и др.), большинство же переведено полностью, без пропусков.

Трудности второго порядка представил сам перевод. Многие из помещаемых ниже известий принадлежат не литераторам-профессионалам, но деловым людям, практикам в совершенно иных областях, например, солдатам, морякам, торговым гостям. Их рассказы, записанные порою тяжелым и архаическим языком, иногда с небрежностью деловой записи или случайного сообщения, представляют большие трудности для перевода, который, по смыслу настоящей работы, должен быть возможно более близким к подлиннику, „заменять" его. Поэтому, в интересах точности и цельности передачи, иной раз приходилось жертвовать литературными достоинствами перевода, сохраняя устаревшие обороты речи или намеренно пользуясь архаическим словарем; в этом смысле на помощь читателю должен прийти комментарий, где оговорены все вольные или невольные отклонения от подлинников. Конечно, единственным научно-правильным путем для издания текстов была бы одновременная публикация иностранного подлинника и русского перевода en regard, от чего, однако, в силу технических затруднений пришлось отказаться. Тем не менее, всюду, где это казалось необходимым, в тексте перевода в круглых ( ) скобках даются подлинные выражения текста, а в квадратных [ ]— выражения, внесенные переводчиком или редактором для дополнения или пояснения переведенного текста. Это, в свою очередь, несколько нарушает литературную цельность перевода. Наибольшую трудность представляла для переводчика передача по-русски собственных и географических имен подлинника, обычно сильно исковерканных или даже неузнаваемых. С этой целью автору книги пришлось при переводе изучать для каждого отдельного случая большую литературу или искать объяснения непонятного слова на старых и новых картах Сибири; во всех этих случаях в перевод внесен

итог разысканий в виде искомого слова, а за ним в круглых скобках следует исковерканное название подлинного текста.

Трудностями третьего рода, может быть наибольшими, явилось комментирование текстов. Оставить их без объяснения и без ссылок на литературу, специально изученную автором, значило довести работу только до половины и спрятать от читателя процесс и итоги исследования. Рассматривая свою работу важной прежде всего в библиографическом отношении и желая сделать из нее справочник своего рода, к которому удобно было бы обратиться, автор по возможности стремился к тому, чтобы не оставить необъясненным для читателя ни одного непонятного слова, выражения, факта, намека, имени и так далее и постарался в примечаниях к отдельным текстам дать, наряду с объяснениями, также и ссылки на литературу вопроса, побуждающую к дальнейшему исследованию или позволяющую познакомиться с ним более подробно, чем то позволяло место в настоящей книге. На указание иностранной литературы, как наименее известной, обращено было особое внимание. Поэтому не вина автора, если отдельные примечания выросли в целые исследования, нарушающие архитектурную стройность книги; зато можно надеяться, что в некоторых случаях даны новые точки зрения и самостоятельные выводы. Впрочем, будучи специалистом по западно-европейской и отчасти русской литературам, автор не может быть уверен, что достиг полноты в изложении вопросов, далеких от его непосредственной специальности, хотя к этому и приложены были все старания.

Таким образом, в настоящей книге принят следующий порядок изложения: вслед за „Введением", в котором дается общая характеристика помещаемых ниже материалов и сжатая оценка их, идут самые тексты, в количестве 47, обнимающие период с XIII по XVIII век. Каждому тексту предшествует вступительная статья, в которой даются биографические сведения об авторе, характеристика источника, избираемого для перевода, и библиографические данные; каждый текст сопровождают примечания, а всю работу заключают три указателя: 1) личных и географических имен, 2) предметов, 3) хронологический перечень иностранных известий, с указанием страницы, где следует искать отдельный источник. Составление последнего указателя необходимо потому, что количество приведенных в книге иностранных известий больше того, какое отмечено в оглавлении; ряд известий, по незначительности их объема или по второстепенности их значения, напечатан во вступительных статьях и комментариях к другим известиям, так что разыскание их в книге без означенного указателя представляло бы известные трудности. Не все из помещенных в книге переводов принадлежат автору ее; в некоторых случаях я считал возможным воспользоваться уже имеющимся переводом, как вполне удовлетворительным с научной точки

зрения, но, печатая его, производил дополнительную сверку с подлинником. Однако более половины помещенных в книге известий все же появляются в русском переводе впервые. В тех случаях, когда переводчик текста не указан, перевод принадлежит автору настоящей книги. Условной хронологической границей первого тома автор поставил себе год выхода в свет книги Н. Витсена „Северная и Восточная Татария“ (Амстердам, 1692; 2-е дополн. изд. 1705 г.), как известно, открывшей совершенно новую эпоху изучения европейцами Сибири. Предлагаемый вниманию читателя первый том книги должен был включить в себя все наиболее существенное из того, что написано было о Сибири в Западной Европе в период времени от XIII в. и до начала XVIII века. Абсолютная полнота, конечно, недостижима, поскольку настоящая работа является первым опытом этого рода,—опытом систематического свода этих известий; однако и относительной полноты, несмотря на все приложенные усилия, достичь все же не удалось из-за отсутствия в книгохранилищах Союза всех необходимых для этого пособий. Настоящая книга писалась несколько лет; во время поездок своих с научной целью в гг. Москву, Ленинград, Томск, Киев и Одессу автор имел возможность использовать для занятий ряд крупнейших библиотек Союза, и все же ряд источников и книг остался для него недоступным. Приходится, например, сожалеть о том, что в книгу не могли быть включены: отрывок из 6-й книги сочинения „Della Composizione del Mondo“, принадлежащего знаменитому итальянскому географу XIII века, Ristoro d'Arezzo, в которой дано краткое описание северной Азии на основании арабских известий о „шестом“ и „седьмом“ климатах, т. е. о севере; отрывки из книги Hubert de l'Espine „Description des admirables et merveilleuses régions de Tartarie“ 1558, которая сообщает, правда, баснословные и фантастические, но очень характерные для своей эпохи, сведения о северных берегах Сибири; не могла быть использована также книга иезуита P. Antonius Thomas „Synopsis Mathematica“, t I. II (Douai, 1685), где также есть сведения о Сибири и о сибирско-китайской торговле в XVII веке и т. д.

С другой стороны, однако, в книгу смогли быть включены материалы свежие или еще совершенно неизвестные в науке. Так, в библиотеке Иркутского университета нашелся любопытный и еще не изученный фрагмент сочинения Плано-Карпини, в пергаментной рукописи половины XIV в.; Королевская библиотека в Копенгагене (Дания), по моей просьбе, любезно предоставила мне право первого издания принадлежащей ей и еще неопубликованной, но крайне интересной рукописи, приписываемой Ф. Габелю—дневника путешествия в Сибирь в 1666 г. В настоящей книге впервые публикуется большой отрывок из этой рукописи, целиком же она будет напечатана в другом месте.

В числе особенностей комментария, которые следует принять во внимание всем, кому придется пользоваться этой книгой, следует отметить, что во избежание путаницы в этнографической терминологии, в книге всюду употребляются старые обозначения народностей, какие имеют место в приводимых текстах; так, например, вместо принятого ныне обозначения — ненцы, в книге всюду употребляется старое: самоеды, вм. входящего в употребление термина эвенки всюду говорится о тунгусах, вм. кеты — енисейские остяки, вм. тофа (тува) — карагасы, вм. селькупы — остяко-самоеды (Sölkup — „лесной человек"), вм. казахи — киргизы и т. д.

Надо надеяться, что систематические поиски в западно-европейских книгохранилищах неопубликованных материалов о Сибири дадут еще немало лыбопытных находок. Некоторые предварительные разыскания, сделанные мной, однако, повели также и к отрицательным результатам. Так, например, первоначально я хотел включить в книгу большой отрывок из рукописи, хранящейся в Берлинской государственной библиотеке, под заглавием „Eigendtliche und Richtige Beschreibung NOBA ZEMIA oder der Newen Länder und König-Reichs SIBERIEN. Wie solches unter IWAN WASILIOWICZ CZAREN und grossfürsten aller Reussen Botmässigkeit gekommen... Aus einem zur churfürstlich. Bibliothek gehörigen Sclavonischen Manuscript in der Teutsche Sprach übertragen durch EGVB" (4°, 2+1225, kgl. Bibl. Ms. slav., fol. 23), однако последующие изыскания убедили меня в том, что она издана и что, кроме того, славянский оригинал, с которого сделан этот перевод, хорошо известен; повидимому, таким образом, издание немецкой рукописи представляется излишним[1]. Как кажется, более всего любопытных и неопубликованных иностранных известий о Сибири могут дать голландские и шведские рукописные собрания и архивы.

[1] Рукопись эта написана между 1695 и 1698 гг. и принадлежит Ernst'y Gottlieb'y von Berge (инициалы которого и поставлены в заглавии ркп). Он жил в России и на Украине, знал русский язык (как видно из «Дневника» Патрика Гордона, Берге был воспитателем его сына), затем уехал в Англию и принимал участие в «The English Atlas» Моисея Питта, наконец, получил место переводчика при Прусском дворе и был одним из первых переводчиков Мильтона на немецкий язык (см. о нем в статье J. Bolte. «Die beiden ältesten Verdeutschungen von Milton's Verlorenem Paradies» — «Zs. für vergleichende Litteraturgeschichte», 1887, S. 428—429). Оригинал того русского сочинения, с которого переводил Берге, находился в библиотеке бранденбургского курфюрста, куда попал из Москвы; однако, и в Берлинской гос. библиотеке есть также список этого сочинения, но поздний, писанный по определению А. И. Яцимирского «северно-русской скорописью начала XVIII века» (Описание южно-славянских и русских рукописей заграничных библиотек, т. I, стр. 480. Сборн. Отд. Р. Яз. и Слов. Ак. Наук, 1921, т. 98); любопытно, что и другие списки того же сочинения, находившиеся в России, также, повидимому, использованы были иноземцами; такой список имеется, на-

Как уже было указано, настоящее издание рассчитано на несколько томов. Автор надеется со временем довести изложение до наших дней, несколько видоизменив тип заключительных томов. Однако такая работа потребует еще многих лет упорного труда. В настоящее время в значительной части собран материал только для второго тома, который автор рассчитывает, если позволят время и силы, выпустить в недалеком будущем. По плану он должен обнимать собою приблизительно первое тридцатилетие XVIII века и должен быть посвящен, главным образом, Витсену и Страленбергу.

Полные переводы монументальных трудов Страленберга и Витсена, конечно, невозможны, да и едва ли и необходимы; но библиографическое их описание и приведение в известность всего относящегося к ним материала, разбросанного во многих разноязычных сочинениях, было бы несомненно очень желательно. Например, история создания книги Страленберга, в общем, остается еще очень неясной; не определена роль в ней материалов Мессершмидта,

---

пример, в библиотеке Общ. Люб. Др. Письм. «Описание новые земли сии речь Сибирского царства и Московского государства и т. д.» (Хр. Лопарев. Описание рукописей И. Общ. Люб. Др. Письм., ч. II., 1893, стр. 103—108). По описанию Лопарева, «местами над менее употребительными русскими словами вставлен латинский и немецкий перевод их, сделанный, повидимому, судя по почерку, немцем». В. Н. Перетц (ЖМНПр., 1905, № 10, стр. 347) также считает, что весь рукописный сборник, в котором помещена эта русская статья, вышел, вероятно, из московской слободы, от одного из русских немцев; но самое интересное то, что в этом же сборнике имеются письма Матвея Винниуса к Э. Г. фон Бергену, 1701 г., то есть, конечно, к тому же Берге. Эта статья составлена после 1681 г. и издана в книге А. Титова. Сибирь в XVII веке. М., 1890, стр. 57—101, но по другому списку (б. Румянц. музея № CCXCIV, л. л. 1—19; сл. А. Востоков. Описание русских и славянских рукописей Румянц. музеума. СПб., 1842 стр, 411—415), а также в «Сибирских летописях», СПб., 1907, стр. 367—397, по двум спискам Публ. библ. и Румянцевскому. «Описанием» воспользовался также Н. Витсен для своей голландской книги: «Северная и Восточная Татария», 1692 (С. В. Бахрушин. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. М., 1928, стр. 30—32; 180—187). В 1785 г. перевод Берге напечатал Бюшинг «Magazin f. d. neue Historie und Geografie», XVIII, S. 83—110). Напрасно поэтому В. А. Обручев (История геологического исследования Сибири. Период первый, Лгр., 1931, стр. 118), которому «Описание» известно лишь по печатной редакции перевода Берге, говорит, что оно может служить «примером наиболее старинных сочинений о Сибири, «времен Ивана Грозного». Отметим, кстати, что в других немецких библиотеках имеются также материалы по Сибири, но, главным образом, на славянском и русском языках; так, в библиотеке Геттингенского университета есть сибирская летопись, писанная в Тобольске в 1745 г.; обширный картографический материал по Сибири и, в частности, по Иркутской губернии (XVIII в.) имеется также в знаменитой Вольфенбюттельской библиотеке (ср. Н. Новомбергский. В поисках за материалами по истории Сибири. I. Из экскурсий по германским университетам. СПб., 1906, стр. 7—8; Изв. РГО, 1907, т. 42, вып. 5, стр. 6—7; А. Яцимирский. Сборник Отд. Русск. Яз. и Слов., т. 98, Петр. 1921, стр. 480—482). Тем вероятнее нахождение в этих книгохранилищах и иностранных известий о Сибири.

не учтен вклад берлинского языковеда Леонарда Фриша и т. д. Что касается Витсена, то к характеристике его книги и критическому перечню опубликованных в нем материалов о Сибири было бы очень важно привлечь все еще неизданную переписку Витсена с бургомистром гор. Дефентера Хейсбертом Кюпером (1685—1716 гг.), посвященную, главным образом, этнографии и землеведению. Переписка эта, составляющая четыре объемистых портфеля, хранится в Амстердамской университетской библиотеке. Биограф Витсена Гебхард (J. F. Gebhard. Het leven van M. Nicolaus Witsen, Utrecht, 1882, II, 283—470) опубликовал из нее лишь 83 письма, но она далеко не исчерпана в части, относящейся как раз к России и Сибири. Между тем переписка эта представляет большой интерес, так как Витсен подробно говорит здесь о ходе своих ученых занятий по обработке и выпуску в печать „Северной и Восточной Татарии“. Ознакомившиеся с этими материалами А. М. Ловягин („Посольство Кунраада фан-Кленка“, СПб., 1900, стр. XXVI) и В. А. Кордт („Отчет о занятиях в голландских архивах летом 1893 года“,—„Изв. Ак. Наук“, 1895, июнь, т. III, стр. 114—115) не смогли воспользоваться ими; в портфеле первом А. Ловягин отметил неопубликованные „Выдержки из посланий Келлера о Сибири и Китае“ (1686) и посланий Де-Би о калмыках, догадки о происхождении названия Сибирь, о крестовой горе близ деревни Pisanets у Верхотурья, о древних сибирских письменах, о названии турок и татар и т. д. Из изданных Гебхардом писем В. В. Радлов извлек замечания Витсена о сибирских древностях и напечатал их в русском переводе („Сибирские древности“, т. I, вып. 3, СПб., 1894), но их неизданная часть осталась и для него неизвестной.

Во второй подготовляющийся том настоящей работы предположено также включить русский перевод ряда отрывков интереснейших дневников шведских военнопленных, после полтавской битвы сосланных в Сибирь: они опубликованы проф. Квенерштедтом и совершенно у нас еще не исследованы и не использованы (A. Quennerstedt. Karolinska Krigares Dagböker, jämte andra Samtida skrifter I—X, Lund, 1901—1914; обзор их содержания: А. Папков. Шведские архивы.—„Русск. Истор. Журн.“, 1917, № 3—4, стр. 71—72); вместе с ними предположено напечатать в русском переводе „Жизнь и нравы остяков“ шведского капитана Мюллера (1720), в сопоставлении с „Кратким описанием о народе остяцком“ Г. Новицкого (1715), которое, по наблюдению Л. Н. Майкова, было одним из важнейших источников Мюллера (Изв. Русск. Геогр. Общ., 1875, XI, стр. 7—9), а также неопубликованную полемическую работу В. Н. Татищева—„Примечания на книгу, учиненную г. Страленбергом... печатанную в 1730 г. в Стокгольме“,—по подлинной рукописи, хранящейся в библиотеке Академии Наук СССР в Ленинграде.

Кроме того, было бы несомненно желательным дать в русском переводе отрывки из книги кап. Вреха (Curt Friedrich von Wreech. Wahrhafte und umständliche Historie von denen schwedischen Gefangenen in Russland und Sibirien, Sorau, 1725, 2-te Aufl. 1728), в которой, между прочим, рассказана история школы, открытой шведами в Тобольске в 1713 г., далее—из книги неизвестного автора, скрывшегося под псевдонимом Alethophilo. „Der innere und äussere Zustand derer schwedischen Gefangenen in Russland (Frankf. u. Leipzig, s. a.), а также из любопытного сочинения Эннеса, внука одного из пленных шведов, корнета Эннеса, тринадцать лет прожившего в Тобольске (с 1711 г.); это сочинение основано на дневнике Эннеса, веденном в Сибири, а также из ряда старинных шведских сочинений, касающихся той же эпохи (B. A. Ennes. Biographiska Minnen of Konung Carl XII, Stockholm, 1818, 1819, 2 части) и дает немало интересных фактов и для сибирской культурной истории. Если принять во внимание, что в одном Тобольске в это время (до 1722 г.) находилось около 800 чел. шведских офицеров и солдат (К. Грот. О пребывании пленных шведов в России. ЖМНПр., 1853, т. 77, стр. 117—178) и что они, кроме того, разбросаны были по всей Сибири, не трудно будет понять, как много интересного материала могли они собрать за время своего невольного там пребывания. В дополнение ко всему сказанному напомним еще об их картографических работах (А. Макшеев. Карта Джунгарии, составленная шведом Ренатом, Зап. Русск. Геогр. Общ., т. XI, 1888, стр. 104—145) и востоковедческих трудах: интересно, что именно шведы открыли в Тобольске рукопись истории монголов и татар Абульгази, которая, благодаря их посредству (в переводе на немецкий язык шведа Шенстрема), сделалась известна западному ученому миру. Во II том настоящей работы должны также войти переводы из сочинений кап. Перри, Лоренца, Ланге, Корн. де-Брейна, Унферзагта, сопровождавшего посольство Измайлова в Пекин (сочинение его вышло в Любеке в 1725 г., но относится к 1719 г.) и т. д.

Заканчивая настоящую книгу, не могу не вспомнить с признательностью многих учреждений и лиц, так или иначе способствовавших ее завершению. Издательству Всеукраинской Академии Наук я обязан изготовлением ряда клише, снятых непосредственно с редких рисунков и карт, принадлежащих Всенародной библиотеке Украины в Киеве. Администрация королевской библиотеки в Копенгагене пошла мне навстречу, безвозмездно сделав для меня превосходные фотографические снимки с помещаемой здесь рукописи, устранившие необходимость пользоваться ее оригиналом... Было бы трудно перечислить всех лиц, кому обязан я предостав-

лением нужных книг или наведением необходимых справок. Считаю, однако, своим долгом поблагодарить: старшего библиотекаря Dr. Ellen Jorgensen (Kiöbenhavn) за сообщение сведений о Ф. Габеле, редактора журнала „Le Monde Oriental" проф. K. V Zetterstéen (Stockholm) за наведение нужных для меня справок в Швеции, проф. K. Brunner'а и проф. I. Stolz'а (Innsbruck) за исключительно любезные розыски, по моей просьбе, в архивах гг. Вены и Иннсбрука (Тироль), проф. В. А. Кордта (Киев)—за дружеские советы и указания. С признательностью вспоминаю также свои беседы с покойным проф. Г. Ц. Цыбиковым, охотно посвящавшим меня во многие вопросы ориенталистики.

Иркутск, февраль 1932.

ВВЕДЕНИЕ

I

Северная Азия поздно сделалась известной европейцам. Но ледяные просторы ее морей, ее снежные пустыни, безграничные леса и недоступные горы уже с давних времен тревожили воображение западных путешественников и ученых исследователей. Чем затруднительнее казался доступ в эти отдаленные края, тем сильнее разгоралось желание разведать их тайны, и тем причудливее громоздились друг на друга рассказываемые о них сказки—об удивительных явлениях северной природы, о странных свойствах населяющих их людей и животных. Длинной цепью идут эти вымыслы сквозь всю почти европейскую историю, то как бы загораясь полнотой жизни подлинной реальности, то вновь потухая в сумраке легенды и небылицы, которым верят, смеясь, и которые повторяют охотно, не страшась искажающих прибавок. Первые звенья этой цепи—в мифологических преданиях древней Греции, последние—в географических трактатах позднего возрождения. Более двадцати веков странствовали из страны в страну диковинные рассказы о краях вечного холода, безлюдья и смертной тишины, пока их не заменили, наконец, подлинные рассказы путешественников и сведения, заслуживающие полного доверия. История ознакомления с Сибирью в Западной Европе—это прежде всего история борьбы легендарной традиции с наблюдением и опытным исследованием.

Не следует думать, однако, что давний интерес европейских народов к территории нынешней Сибири был непрерывным, и что он неуклонно возрастал по мере накопления географической наукой сведений о поверхности земли. Проходили целые столетия, в течение которых северная Азия совершенно выпадала из кругозора европейцев, не возбуждая к себе ни ученой пытливости, ни простого любопытства. Это были века их полного разрыва и обоюдной незаинтересованности друг в друге. Азия жила своей внутренней и очень напряженной жизнью: в ней совершались массовые передвижения народов, возникали, цвели и рушились огромные царства; так или иначе, и дальний север материка принимал участие в том сложном историческом процессе, узлами которого были плодородные оазисы его средней части и богатые области юго-востока. Но Европе до всего этого еще не было никакого дела. Она шла своим раздельным путем, оглядываясь вокруг, но нимало не помышляя о том, что происходит на дальних пределах плохо известного ей мира. И только когда из азиатских глубин приходили в Европу полчища варварских орд, люди Запада в смятении и суеверном страхе пытались вглядеться в азиатский восток, закутанный мглою дальних пустынь и туманами древних легенд. Медленно и неохотно открывал он перед ними свой подлинный лик, в свою очередь посылая на Запад новую волну преданий о тех северных краях, где никогда не встает солнце. Но вот проходил угар возбуждения, затихал шум последних битв, кочевники Азии сходили с исторической сцены, вновь удаляясь в свои степи или растворяясь в многоплеменности западного мира—и далекие северо-восточные края вновь погружались в прежнюю тьму. Так дело шло много веков.

В гораздо более поздние эпохи исторической жизни многие обстоятельства также часто готовы были ослабить или даже совсем устранить интерес к северной Азии европейского наблюдателя. Отдаленность ее областей от центров европейской культуры, при трудностях и опасностях пути туда, сквозь народы и государства, которые сами пугали своей замкнутостью, отсталостью и непривычными условиями быта; преувеличенные, огульные и не приуроченные к отдельным областям громадной территории представления о суровости ее климата, бесплодности почвы, скудости недр, дикости суровой природы и незаселенности,—эти последние отзвуки старых легенд о «стране мрака», которым постепенно придавалась все более правдоподобная форма, в зависимости от успехов землеведения,—все это как будто сулило небольшие выгоды, однообразие и бедность впечатлений, малую пользу итогов исследования, все время охлаждая искательский пыл и бескорыстное любопытство европейца. Для возбуждения его внимания, деловой активности, исследовательской энергии нужны были вполне реальные причины и поводы. И они находились не раз,—уже на заре европейской истории.

По существу говоря, основная причина, вызвавшая неутомимую пытливость западного мира к Сибири, долго оставалась и единственной, лишь постепенно разветвляясь и давая новые отростки: это была перспектива торговли с дальним востоком, с давних времен манившая к себе европейца и всегда обещавшая ему неслыханные удачи. Ради нее он целые столетия подряд бросался наудачу во льды северного океана, подвергал себя опасности пиратских нападений в южных морях и тяготам караванного пути по степям средней Азии. Направление этой торговли много раз менялось. Она прокладывала себе сначала южные дороги; когда же исторические сдвиги азиатских племен замыкали одни пути, обращались к поискам новых. Рано или поздно пустынные области азиатского севера также должны были быть привлечены к разрешению вековой проблемы. Уже грекам припонтийских колоний в их сношениях с варварским миром приоткрылась было часть этих дальних краев, благодаря предприимчивости купцов и характерным изгибам тогдашних торговых путей на восток; но греки не смогли расширить своих познаний на крайний север, остановившись перед большими горными хребтами, которые замыкали Сибирь от средней Азии; позднее арабы добирались до Приуралья в своих смелых торговых поездках, в то время как западный мир в замкнутости своего хозяйства и неподвижности своего быта еще ограничивал деловые передвижения и странствования своих любознательных путешественников; но и арабы, вероятно, не доходили до Сибири, пользуясь в торговле с нею посредническими услугами финских племен, и сосредоточив свое внимание не столько на северных, сколько на юго-восточных рынках Азии. Но вот настал исторический черед и для новой Европы взять в свои руки эту торговлю с востоком, еще раз воспользоваться старыми путями и начать поиски новых.

Развитие сношений с монгольской державой в позднее средневековье, а три века спустя—новое открытие Китая и поиски кратчайших дорог туда, морских и сухопутных, вплотную поставили европейцев перед огромной «Татарией», как возможной транзитной территорией в крепнувшей европейско-восточной торговле. Еще плохо известные географам просторы этой страны и затертые льдами северные моря встали тогда интригующим любознательность препятствием между сказочными богатствами дальневосточных рынков и активностью молодого европейского капитализма. Исследование Сибири европейцами началось.

Чем труднее было оно, чем медленнее обнажалась истина от многовековых наслоений фантазии, сказки и вымысла, тем настойчивее становились затрачиваемые на это усилия: слишком очевидной становилась экономическая целесообразность восточной торговли для Европы и транспортные выгоды сокращения пространства при посредстве северной части Азии. Может быть, на первых порах именно слишком недостаточное знакомство с этой страной и возбуждало особенные относительно ее надежды: Сибирь занимала слишком малое место на

наивных картах мира, воображаемые трудности пути казались сначала слишком легко преодолимыми. В действительности, однако, оказалось наоборот: территория ее все расширялась, чем лучше знакомились с нею; густели таежные леса, выше вздымались горы, вдоль берегов Ледовитого океана все крепчали необозримые ледяные массивы... Но в то время как одна надежда медленно угасала, другая быстро шла ей на смену: вместо трудно достижимых восточных рынков шелка, пряностей и ароматов, сама Сибирь превращалась теперь для европейцев в не менее заманчивый и богатый рынок мехов, леса и рыбы, с открытым северным морем, куда неслись многоводные реки, открывая естественные и удобные пути внутрь страны. С этих пор любопытство Европы к Сибири не ослаблялось, но все повышалось вместе с ростом слухов о богатствах ее недр, ценном сырье и обширности рынков промышленного сбыта. Эти слухи еще более усиливались благодаря ревнивой подозрительности московской власти, зорко оберегавшей свою восточную окраину от нескромного любопытства иноземцев.

Заманчиво и привлекательно следить, как по торговым путям, мысленно проводимым европейцами по своим еще пустым картам этой «неведомой земли», по ее дальним морям, баснословным рекам, мимо несуществующих гор и воображаемых пустынь, шли в Европу первые сведения о Сибири, постепенно превращая ее из легендарной области в страну реальных географических очертаний, где вместо сказочных чудовищ,—хотя и в своеобразии своего примитивного быта, в чуждой пестроте своего племенного состава и озадачивающем множестве своих языков,—жил, в сущности, тот же человек, со своими маленькими скорбями и радостями. Материал для подобных наблюдений и стремится доставить эта книга.

Попробуем ближе всмотреться в отдельные этапы развития европейского представления о Сибири, выделить важнейшие из его слагаемых, определить историческую последовательность тех наслоений, которые веками скоплялись и оседали на нем. Общая перспектива позволит лучше оценить стоимость отдельных известий и в то же время свяжет их в одну цельную и закономерно развивавшуюся цепь.

II

Принято думать, что народы древнего мира и даже средневекового Запада ничего не знали о Сибири[1]. В отдельных случаях такой вывод должен быть несколько ограничен, но в основном он вполне справедлив, если речь идет о реальных географических фактах, имеющих неоспоримое значение научной истины. В этом смысле европейцы, действительно, долгое время ничего или почти ничего не знали о северной Азии. Но уже с давних времен они охотно связывали с ней ряд преданий и легенд, которые в свое время казались настолько же правдоподобными, насколько сейчас очевидна их сказочная сущность. Историку необходимо считаться с ними не только потому, что они некогда заменяли собою подлинное знание, но в особенности потому, что они составили ту основу, с которой началось и на которой впоследствии строилось самостоятельное исследование; так, в эпоху Возрождения, плененные античной наукой, европейские ученые долго не хотели расстаться с теми рассказами о северной Азии, которые оставили нам греческие и римские писатели.

Уже до Геродота, описавшего Скифию в V веке до н. э., быть может, дошли некоторые искаженные известия о вне-скифских землях отдаленного северо-востока—будущей Сибири. Он рассказывает, что «у подошвы высоких гор», под которыми возможно разуметь Уральский хребет или Алтай, «обитают люди от рождения плешивые, плосконосые, с продолговатыми подбородками», употребляющие свой особенный язык. До земли этих полу-легендарных «плешивцев» дорога была еще относительно известна: сюда ходили и скифы и, вероятно, даже греки из милетских факторий Причерноморья, но далее на север и восток начиналась уже область настоящего вымысла: «что находится выше этого плешивого народа, о том никто ничего ясного сказать не может. Путь туда пресе-

чен высокими горами, через которые никто не в силах перейти. Плешивцы рассказывают, чему я, впрочем, не верю, будто на горах живут люди с козьими ногами, а за ними другие, которые спят шесть месяцев в году». Здоровый скептицизм греческого историка нисколько не помешал распространению этой легенды, скрывавшей, повидимому, под своей явно сказочной оболочкой[2] какой-то непонятный этнографический факт: двадцать веков спустя та же легенда о засыпающих на зиму людях воскресла вновь на европейском Западе благодаря рассказам Герберштейна, собранным в Москве (112)*. А еще ранее средневековье локализовало в неизвестных областях севера причудливые создания своей фантазии: одноглазых чудовищ, людей с лицом на груди, кинокефалов, астомов и лемнов (13, 19—20). Этих «вымышленных чудовищ» (кн. IV, 191) знает и Геродот, помещающий их, впрочем, в западной Ливии; лишь позднее они переместились на север в географических представлениях; однако, для древних чудесные страны сплошным кольцом охватывали область известного им мира[3]; поэтому и на отдаленном северо-востоке, за землями скифов, Геродот знал еще несколько диковинных народов. Для IV книги своей «Истории» Геродот воспользовался, между прочим, рассказами легендарного путешественника и поэта Аристея из Проконнеса, жившего будто бы по свидетельству александрийских эрудитов, «во времена Креза и Кира» (VI в.) и обработавшего в поэме «Аримаспейя» воспоминания о своей торговой поездке в страну и с с е д о н о в. Из отрывка этой поэмы, приводимого Геродотом, мы узнаем, что за исседонами на далеком севере живут «одноглазые аримаспы», над ними—«стерегущие золото грифы», а еще выше—«гипербореи, простирающиеся до моря», по стихам «Аримаспейи» у византийца Цецеса «выше к северу соседит с исседонами народ многочисленный, крепкий и воинственный, богатый конями, овцами и быками, глаз же один эти люди с косматыми волосами имеют на своем прекрасном лбу»... Легендарных «аримаспов» упоминает и Эсхил в своем «Прометее Прикованном» (ст. 807—809), в длинном ряду народов, которых должна посетить блуждающая Ио:

Остерегайся грифов с острым клювом,
Собак безмолвных Зевса; берегись
И войска одноглазых аримаспов,
Что на конях кочуют и живут
У златоструйных вод реки Плутона...
(Перев. С. Соловьева).

Упоминаются они также у многих других греческих и римских писателей. Присущая Геродоту трезвость мысли не покинула его и при записи данного рассказа: в другом месте (III, 116), отвечая на вопрос, почему на севере Европы больше всего золота, он замечает: «даже этого не могу сказать точно, но говорят, что у грифов похищают его одноглазые аримаспы. Мне и то кажется невероятным, чтобы существовали одноглазые люди, в остальном сложении тела сходные со всеми»... Но сказка была сообщена и начала свое длинное странствование по векам и народам. Как ни велик легендарный элемент в этих рассказах, но исследователи пытались под ним обнаружить реальную основу. В народах отдаленного северо-востока, описанных Геродотом с чужих слов, давно уже хотели узнать некоторые народности Сибири и пограничных областей: в б у д и н а х видели предков вотяков, пермяков и коми-зырян, во всяком случае, несомненно какое-то финское племя; в ф и с с а г е т а х, живших по Геродоту на семь дней пути к северо-востоку от будинов,—также финское племя по средней Каме, где до сих пор, по догадкам, живет память о них в названии Чусовой; в их восточных соседях—и р к а х, живших в степях между Иртышом и Обью, в южных пределах нынешнего Тобольского края, узнавали угорское племя, много

* Арабские цифры, заключенные в круглые скобки, и здесь и дальше обозначают ссылку на страницу основного текста настоящей книги; цифры, стоящие вверху справа против отдельных слов, относятся к примечаниям „Введения“.

позднее известное и русским летописям под именем Югры; даже в загадочных аргимпеях—«плешивцах» готовы были признать передовую орду тюркских племен, в эпоху Геродота кочевавших за Алтаем. Все приведенные отождествления более или менее обоснованы[4] и представляются в общем вполне правдоподобными. Но старые исследователи шли еще дальше. Так, Дегинь видел в аргимпеях китайцев, а Геерен калмыков, тогдашних соседей Китая, от которых они отделены были племенем исседонов; китайцев видели даже в совершенно баснословных гипербореях[5]. Невероятно, конечно, что познания Геродота могли распространяться так далеко. Впрочем, единодушия в раскрытии заданных им здесь этнографических загадок не достигнуто до сих пор: исседонов, напр., исследователи помещали то к востоку от хребта Тянь-Шань, в бассейне р. Тарыма, то в степях между Волгой и Уралом. Соответственно перемещались и другие, названные у Геродота племена. Верить ли после этого в реальную основу и легенды об аримаспах, соприкасавшихся будто бы с золотоносными местами или восточного склона Урала или северо-западного Алтая? Едва ли это допустит осторожность критической точки зрения; между тем, исследователи легко забывали ее. Увлекаясь мыслью о том, что сибирское золото могло проникать в греческие колонии Черного моря (допущением, кстати сказать, не подтвержденным пока данными археологии), исседонов связывали с р. Исетью, притоком Тобола, и даже упомянутый у Эсхила «хранящий золото поток Плутона» готовы были принять за Енисей; в этом случае и аримаспы превращались в одно из кочевых племен южной Сибири[6]. Другие, напротив, видели в них один из скифских народцев, кочевавший на запад от Карпатских гор, «с которым у припонтийских греков молва связывала провозимое в степь золото»; отсюда и легенда о грифах, основанная будто бы на отождествлении скифского слова hripa—гора (давшего название «Рифейским горам» и русскому слову «хребет»; ср. 26—27) и грифов, птиц из породы орлов[7]. Правдоподобнее, однако, связь этих мифов с Кавказом, способствовавшая, между прочим, истолкованию наперед данного в греческой пластике декоративного мотива хищной птицы при помощи восточных, быть может иранских, легенд. Вообще не следует забывать, что для греков, еще в VIII веке до н. э., и Понт, и все земли к северу от него были еще страною мифов, связанных с солнцем и представлениями о потустороннем мире[8]; возможно, что именно эти представления и лежат в основе легенд о грифах, аримаспах и гиперборейцах, и что лишь позднее они слились с теми данными о севере, какие смогли добыть ионийские географы.

Как бы там ни было, у нас есть основания допустить, что в пору расцвета греческих колоний на северном берегу Черного моря у греков могли быть кое-какие сведения о варварских племенах отдаленного севера; они доходили к ним через многих посредников сильно искаженными, осложненные баснословными прикрасами, но даже эти прибавки порою не могут скрыть от нас их первоначально вполне реальной основы; это можно сказать, по крайней мере, о ряде финских племен приуральского севера и кочевниках-тюрках приалтайских степей. Как ни менялась картина расселения этих племен, как ни трудно поэтому ориентироваться в античной географической и особенно этнографической номенклатуре, но некоторая связь причерноморских степей с урало-алтайским севером в эпоху Геродота и позже представляется достаточно вероятной; археологические и литературные данные позволяют говорить о наличии торговых путей, связывавших колонии Понта со средней Азией[9]; северные племена также могли принимать участие в этой торговле, да и сами, видимо, доставляли в степи свои «лесные» продукты: мед, воск и пушнину; тот разрушительный поток, который почти непрерывно шел с азиатского Востока на Запад и порой заливал прикаспийские степи, несомненно увлекал за собою кое-какие случайные обломки северных этнических групп; на греческих рынках рабов, среди «скифов», с именем которых греки безразлично соединяли представление о «варварах», могли уже и тогда встречаться кочевники дальнего севера, как встречались они и позже: Гиппократ упоминает, что среди рабов в его время были и «желтокожие»,

приведенные издалека, быть может, как думают некоторые—«из нынешней прибайкальской Азии»[10]. И все же, несмотря на все это, именно северные области Азии остались грекам совершенно неизвестными. Как ни протестовал Геродот против тех вымыслов, которые сообщили ему путешественники, но он заботливо занес их в свою книгу и не смог противопоставить им никаких других, более достоверных данных. Эти вымыслы оказываются двух родов; с одной стороны мы вправе видеть в них добросовестные записи скифских известий или прошедшие через многие уста воспоминания бывалых торговцев-путешественников; с другой—они представляются продуктами чисто-греческой фантазии, посвоему переработавшей те немногие и смутные известия о северных краях, которые проникли в Элладу путем торговых сношений; к разряду последних относится популярная легенда о гипербореях—народе крайнего севера, человечном и справедливом, социальные доблести которого позднее распространены были и на другие «скифские» племена; этой легенде, слегка намеченной у Геродота, также суждена была долгая жизнь.

Греческие писатели после Геродота ничем не смогли дополнить нарисованной им картины. В описании далекого севера большинство из них базируется еще на сказочной поэме Аристея. Так, современник Геродота, Дамаст (2-я полов. V в. до н. э.), в фрагментах, сохраненных нам у Стефана Византийца, называет исседонов и аримаспов, за которыми находятся Рифейские горы, рождающие вихри холодного ветра, и гиперборейцев, живущих вплоть до моря. Гелланик (кон. V—нач. IV в. до н. э.) «отрывки которого сохранил нам тот же Византийский схолиаст, также на крайнем севере помещает Рифейские горы и местожительство гипербореев; повествованием Аристея воспользовался еще Феопомп (2-я полов. IV—1-я полов. III в.)[11]. Таким образом, все эти писатели, в еще большей степени, чем Геродот, обязаны греческой поэзии и мифологии; у них чувствуется уже чисто книжная передача традиционного предания и полное отсутствие подновляющих его свежих наблюдений. Это было причиной окончательного включения гиперборейцев, с которыми народная молва в Греции уже издавна связывала представление о неизвестных народах, живущих за пределами дальних гор, в скалу реально-существующих племен и перенесения на них той идеализации северных кочевников, которую мы встречаем еще в Гомеровских поэмах, у Гесиода и Эсхила. На немногие и без того уже искаженные фактические данные о народах дальнего севера теперь нанизаны были обрывки старых космогонических легенд и ряд черт известной нам по Платону и фрагментам стоического учения социальной утопии о золотом веке и стране блаженных; подлинные же или, во всяком случае, правдоподобные указания тонули в книжной идеализации, становились все скуднее и глуше. Историк IV века Эфор утверждает, что «иные из новых скифов справедливее всех народов»; к ним-то, по его словам, относятся стихи Гомера о «млекоедах»; «при простом образе жизни и отсутствии денег, они пользуются внутренним благоустройством, все между собою имея общее, не исключая жен, детей и родни; для соседей они непобедимы и неодолимы, не обладая ничем, из-за чего стоило бы их поработить». Представление о праведности самых северных племен перешло и в римскую литературу. Юстин говорит о них: «Справедливость их коренится в природе, а не в законах. Нет у них преступления больше кражи... Золотом и серебром они также гнушаются, как другие его жаждут. Питаются молоком и медом. Шерстяные одежды им неизвестны. Страдая от зимней стужи, они защищаются от нее лишь шкурами диких и пушных зверей. Это воздержание породило в них справедливость,—они ничего не алчут чужого». Чисто книжный характер этого рассказа не подлежит никакому сомнению; характерно, что здесь появилось уже упоминание о дорогих металлах, отсутствующее у Геродота и Эфора: «очевидно,—замечает исследователь,—аналогия обычной формы сказания о странах блаженства не замедлила оказать свое влияние»[12].

Здесь не место вдаваться в анализ социальных источников такого представления в древней Элладе и Риме, тем более, что это давно уже сделано[13]. Для

нас важно то, что эта идеализация северных «варваров», аналогичная той, какую мы встретим в эпоху Возрождения у Монтэня по отношению к туземцам Америки или у идеолога французской ремесленной буржуазии XVIII века Руссо по отношению к абстрактно понятому им «примитивному человеку» вообще, была древними применена к самым северным и, следовательно, наименее известным им варварам; с тем большей охотой гуманистически-настроенные европейские писатели XVI—XVII вв. применили их уже непосредственно к народам Сибири; сошлемся на Рейтенфельса, вспоминающего «млекоедов» и «абиев» греческого эпоса или на Олеария, сопоставляющего именно рассказ Юстина с признаниями ненцев (самоедов) (293—297). Чисто книжный процесс этой идеализации у древних интересен для нас и с другой стороны; как уже было сказано, он свидетельствует об отсутствии у греков новых сведений о скифах и смежных с ними народах сравнительно с теми, какими располагал еще Геродот. Причину этого следует искать в тех сложных исторических событиях, какие между V и III веками н. э. несколько раз сильно изменяли облик всего варварского, «скифского» мира; торговые пути, которыми некогда пользовались греки, также меняли свое направление или заграждались враждебными племенами; мало-помалу фактории теряли свою торговую связь с дальними варварскими рынками; тем самым и познание дальних областей останавливалось на прежней ступени.

Различные греческие войны лишали черноморские колонии греков поддержки метрополии и ограничивали прежнюю энергию ее странствователей-торговцев; вскоре и на самые колонии посыпался удар за ударом. Основание Боспорского царства мало способствовало расширению географического горизонта греков и не намного увеличило познания историков эллинистической эпохи. Берега Мэотиды (Азовского моря) находились теперь в зависимости от боспорских династий, то падавших, то вновь возвышавшихся; правда, боспорцы в устьях Дона построили Танаис, столь долгое время игравший роль надежного склада для товаров, шедших из дальних восточных и северных земель и, таким образом, та торговля, которую описал Геродот, постоянно возобновлялась, замирая только на тревожное военное время. Но и боспорцы, в конце-концов, не смогли сдержать натиска варварских племен и принуждены были уступить греческие колонии в руки Митридата Евпатора. Этот владыка Понта пытался было сосредоточить в своих руках всю северо-восточную торговлю, но война с римлянами отвлекла его от этих планов, и он плохо ею воспользовался. Вот почему греческие известия об отдаленных северных краях становились все более неправильными и запутанными. Даже еще в более поздние времена, когда римляне стали хозяевами значительной части черноморских берегов, земли, расположенные к северу и востоку от них, окутывал призрачный туман. К началу I века н. э. путешествия в земли за Волгой почти совсем прекратились; кочевья замыкали пути и переправы; торговые пути в Азию резко изменились и шли теперь через Кавказ и по берегу Персидского залива и Индию.

Географический кругозор греков значительно расширили походы Александра Македонского (334—326 до н. э.): Персия, передняя Индия до Пенджаба перестали тогда быть лишенными содержания именами; о странах, лежащих еще восточнее, запад получил в эту эпоху первые, правда, еще глухие известия. После распадения его громадной империи греки еще долго оставались господствующим народом в Европе и в передней Азии. И несмотря на все это, непосредственное значение этого времени для географической науки оказалось значительно менее плодотворным, чем можно было думать[14]; делу познания северной Азии и она не принесла ничего. Азиатский север не занимал никакого места в завоевательных замыслах Александра, как не занял он и внимания его историков. Литература этой эпохи, правда, вновь выдвинула скифов, но «не припонтийских, а дальне-восточных, поскольку борьба с ними была последним этапом в продвижении Александра на север»[15]; но даже первые известия о внутренней Азии, которые сообщили спутники Александра, вскоре потонули в прославлениях македонского владыки, которые характерно усилены были внесением в историю его деяний фантаст-

ческого элемента, и, в конце-концов, она была переделана и дополнена в духе восточных романов-путешествий. Только в этих последних редакциях исторического предания, превратившегося в сказку, отдельные эпизоды местом действия имеют северные страны: здесь появляется и страна мрака, из которой дорогу путешественникам показывают ослицы, легенду о чем в XIII веке Марко Поло записал у монголов (36—46), дальнее море, отделяющее землю от страны блаженных, многие диковинки северной природы, наконец и «нечистые» народы, запертые Александром в далеких северных горах,—предание в свое время также локализовавшееся в Сибири (123). Все это, конечно, восточные вымыслы, прикрепленные к первоначальной канве исторического повествования в результате определенной тенденциозной обработки его. Характерно, что те же тенденции способствовали возникновению ошибочных представлений уже чисто географического характера: несмотря на то, что еще Геродот писал о замкнутом со всех сторон бассейне Каспийского моря, историки Александра, в своем стремлении расширить завоевания Македонского царя до крайних пределов мира, заставили Каспий слиться с северным океаном, и эту ошибку впоследствии повторили многочисленные географы, в том числе и Страбон[16] (25—26); так, почти вся Сибирь заливалась волнами океана, а на северо-восточных берегах каспийского «залива» вновь помещались легендарные чудовища, которых так любил, падкий на диковины, поздний эллинизм; впоследствии, по следам этих преданий, их разыскивали на территории северной Азии итальянские монахи XIII века и даже еще русские администраторы в Сибири в XVII столетии (19—20, 123).

Город Александрия в Египте, сделавшийся средоточием греческой науки в эллинистическую эпоху, где обработаны были рассказы о подвигах Александра и сложился рассказ о нем, благодаря своему громадному торговому значению смог в ту же пору выдвинуть ряд крупных географов, создателей интересных учений о положении и форме земли. Еще в IV веке александриец Дикеарх, ученик великого наставника Александра—Аристотеля и друг Теофраста, в своем недошедшем до нас труде «Описание земли» учил о непрерывном ряде горных цепей, разделяющих материк Азии на две части по всей его длине от запада к востоку, и это учение усвоили Страбон и Птолемей, от которых оно перешло и к арабским ученым. Эти горы еще раз скрывали от взоров страны отдаленного севера: об этих странах не могли ничего рассказать ни «отец научной географии» Э р а т о с ф е н[17] (III в. до н. э.), утраченный труд которого мы знаем, главным образом, по С т р а б о н у (нач. I в. н. э.), ни сам Страбон, для которого вся Сибирь была необъятной снежной пустыней. Эратосфен упрекает Геродота за то, что он «называет гипербореями тот народ, у которого борей вовсе не дует», т. к. здесь должен разуметься «народ, обитающий на крайнем севере», но, насколько мы можем судить по цитатам Страбона, он и сам знает об этих краях не больше, чем Геродот. В северо-восточном углу Индии, где средне-азиатский горный хребет, по его представлению, вдается в океан, Эратосфен помещает мыс Т а м а р о с, на северо-запад от которого тянутся неизвестные пределы Скифии; этот мыс, упоминаемый и у позднейших писателей, превратился, повидимому, в тот баснословный м ы с Т а б и н, который мореплаватели XVI века ожидали встретить к востоку от реки Оби, и который исчез с европейских карт Сибири лишь в XVIII веке (177).

Больше данных о северной Азии мог сообщить К л а в д и й П т о л е м е й, живший и писавший в Александрии во II в. н. э., но они появляются у него в такой неопределенной форме, что имеют малое значение[18]. Существование длинной горной цепи, проходящей через весь азиатский материк и получившей у него название И м а у с а (323), Птолемей, согласно Эратосфену и Страбону, считает важнейшим фактом географии Азии; однако название тех областей Скифии, которые расположены на север от Имауса, ему плохо известны. Правда Птолемей уже довольно точно знал течение Волги, называемой им именем Ρα (в котором хотят видеть финское или «яфетическое» слово); она образуется, по его мнению, из слияния двух рек, так что ему не совсем безызвестен один из древнейших

путей в Сибирь—река Кама, которую он называет «восточной Волгой». Однако дальнейшее направление торговых караванов на восток, от участников которых Птолемей, вероятно, получил свои данные, шло все время по южным подножиям гор, отделяющих Сибирь от средней Азии, и это было причиной того, что о Севере он имел самые темные слухи. Старая комментаторская традиция, быть может, находившаяся еще под влиянием того пиэтета к Птолемею, который создался в эпоху Возрождения (85—86), пыталась отыскать на его картах следы реальных географических очертаний северной Азии, оправдывая и его странную номенклатуру[19], но эти попытки часто являются явной натяжкой. Так, напр., некоторые исследователи в Риммийских горах видели Урал, в Норосских — его южные отроги, в Анарейских — Алтай, в Аланских — «верхотурскую возвышенность, которая замыкает Сибирь с запада» и даже в Аузакских горах «отчетливо» узнавали «тот горный кряж, который тянется от истоков Селенги к северо-востоку, по направлению к Байкалу, хотя последнего древний мир не знает»[20]; впрочем им тут же приходилось делать некоторые оговорки. Так, например, Маннерт отмечает, что Птолемей, «приводящий названия всех рек, текущих на юг, ни слова не говорит о громадных реках, которые впадают в северный океан—Тоболе, Иртыше (sic!), Оби или Енисее... Сибирь осталась для древних географов вполне незнакомой страной. Лишь одно единственное и притом очень неопределенное указание говорит за то, что Птолемей мог слышать об Енисее...»[21]. Столь же рискованными нужно считать и усилия комментаторов в определении подлинных названий тех народов, длинные списки которых Птолемей приводит в своем труде; большинство из них получило имена от гор, вблизи которых они живут, иные заимствованы из литературных источников; лишь немногие данные базируются на подлинных известиях. Как разгадать всех этих аланов, суобенов и аланорсов (в других ркп. агафирсов), помещенных Птолемеем на дальнем севере, на всем протяжении материка Азии, с запада на восток, конадипсов, т. е. «жаждущих в степях», к югу от Урала, сквозь кочевья которых, вероятно, шла караванная дорога в среднюю Азию, саммитов у Риммийских гор и тибилков, сасонов и ястов?.. Как ни хотели бы современные этнографы угадать здесь то финские племена Приуралья (аорсы), то калмыков или киргизов (кахассы), в большинстве случаев это лишь пустые имена, лишенные реального содержания,—плод домыслов и литературных комбинаций ученого александрийца.

Сколь ни скудными кажутся нам сейчас все эти сведения Птолемея о северной Азии, но их не смог в древности увеличить более никто. Римляне интересовались больше югом и западом, чем востоком и севером: их легионы приносили новые данные из Феццана и Мавритании, из Германии, Галлии и Британии; римские всадники отправлялись уже сухим путем к морским берегам, где добывается янтарь, совершали экспедицию для открытия истоков Нила, моряки бороздили океан на запад от «геркулесовых столбов», торговцы приносили первые сведения о вендах-славянах, живших к востоку от германцев; горизонт расширялся, но в направлении, обратном азиатскому материку. Правда, поход Помпея в области между Черным и Каспийским морями до Кавказского хребта доставил новый географический материал, хотя римляне по наслышке знали уже серов-китайцев, из страны которых шел в Рим драгоценный шелк; правда, посольство ко двору Клавдия с острова Цейлона разъяснило некоторые географические ошибки, а Павсаний (кон. II в. н. э.) мог уже подробно рассказать о шелковичном черве, но север Азии и даже восточной Европы римлянам все же остался попрежнему совершенно неизвестным. Как неясны еще очертания крайнего северо-восточного угла азиатского материка в представлении Помпония Мелы (176)! Свои характеристики северных скифских племен и Мела и Плиний (I в.) строят почти исключительно на старом геродотовском материале; поэты августовского века—Вергилий, Гораций, говоря о северных скифах, примыкают к греческой идеализирующей традиции, следы которой мы найдем еще не только у Юстина, как указано было выше, но и у Валерия Флакка (II в.) вплоть до Арри-

ана (III в.). Даже в наиболее поздних трудах римских историков интересующие нас области нисколько не просветляются от прочно окутавшего их мрака. Аммиан Марцеллин (IV в.), писатель, переживший начало нового периода истории, вторжение гуннов и натиск германцев, писавший свою «Историю» накануне распадения великой империи, вставил в свой труд ряд географических экскурсов; они, однако, основаны не на живом современном знании; над ними преобладает ученый, антикварный материал, собранный из разных источников и традиционных карт. Повторяя Плиния и Птолемея, он описывает скифов, «которые граничат с азиатскими сарматами»: «заброшенные в отдаленный угол земли, привычные к пустыне, они живут в далеко отстоящих друг от друга обиталищах и довольствуются скудным и бедным пропитанием». Более подробные сведения об этих кочевниках дальнего севера кажутся ему ненужными: «Эти пределы населяют различные народы, перечислять которые считаю излишним... Но следует отметить, что между этими народами, почти недоступными ввиду их чрезвычайной дикости и грубости, есть кроткие и благочестивые люди, каковы яксарты и галактофаги, о которых поминает поэт Гомер в следующих стихах:

Дивных мужей Гиппомолгов,
Бедных, питавшихся только млеком, справедливейших смертных»...[22]
(«Илиада», XIII, 5).

Так, старая греческая легенда и теперь еще воскресала, когда писателю нечего было сказать нового: поэтическая цитата скрывала скудость реального опыта и ограниченность знания.

III

Византийцам северная Азия также осталась совершенно неизвестной, несмотря на то, что ее торговля с Дальним Востоком была очень интенсивна. Подобно римлянам из азиатских глубин получали они большую часть драгоценных товаров, в которых нуждались жившие в роскоши ее правящие классы. Индия и Китай снабжали их пряностями и ароматами, жемчугом и слоновой костью. Но сами византийские торговцы не ездили в столь далекие страны. Сношения Дальнего Востока с бассейном Средиземного моря шли через посредников—персов, которые крепко держали в своих руках и сухопутную и морскую дороги. В посредничестве персов на юго-востоке, скифов—на север от Черного моря в торговых сношениях Византии нужно видеть одну из причин ее слабого знакомства с географией Азии; ни основание Трапезунда, ни торговля через Каспий, ни возвращение Херсонеса под византийскую власть не оказали на это почти никакого влияния. Однако не мало и других причин способствовало тому, что в деле общего познания мира Византия не только не ушла вперед сравнительно с античной древностью, но даже подалась назад[23].

Христианизация греко-римского мира определила процесс медленного вырождения античной науки: философия превращалась в теологию, история и грамматика—в упражнения эрудитов; ученый зачастую становился трудолюбивым собирателем и комментатором того, что уже было высказано несколько веков назад. Падение науки в Византии резко сказывается уже к половине VII века. И если сила и своеобразие Византии были в развитии догматической и полемической литературы, то в области опытного исследования, лишенная критического дара, духа наблюдения и синтеза, она заявила себя несмелой и беспомощной. Это всецело относится и к науке земледения. Византия не смогла выдвинуть ни одного крупного ученого-путешественника, вроде Страбона или Птолемея, который, подобно им, использовал бы богатый опыт торговых странствований в дальних краях, и познание земли остановилось здесь почти на той же ступени, на которой оно стояло еще в Греции и Риме. Но в построение космологических систем на византийской почве вскоре же вторглась христианская теология и догматика, вступившая в борьбу с языческим преданием. В VI веке египетский монах Косма Индоплаватель, прозванный так за свое путешествие в

Индию, выступил уже горячим противником Птолемеевской системы. По е. учению, обитаемая земля представляет четвероугольную плоскость, имеющуі протяжение в длину (с востока на запад) вдвое более нежели в ширину (с севера на юг). Вокруг нее обтекает океан, образующий четыре симметричных входа в землю—Средиземное и Каспийское моря, Аравийский и Персидский заливы. Каспийское море, следовательно, и теперь еще рассматривалось как бухта Северного океана, поглощавшая значительную часть северной Азии; тем самым и Сибирь все еще исчезала в волнах далекого, неведомого моря, за которым, на крайних пределах недостижимой земли, по учению Космы, подымалась громадная стена, закругляющаяся кверху и образующая небесный свод. По небу совершали свое движение небесные светила, но не вокруг земли, так как она сливалась с небом, а вокруг конической горы, находившейся на севере, от которой зависели перемены дня и ночи[24]. Так создавалась христианская космология, сужавшая землю с севера и завещавшая западному средневековью тот тесный и ограниченный мир, пределы которого вновь смогли быть раздвинуты только в эпоху Возрождения. Система Космы дожила в Византии до поздних времен, передалась на Запад и на Русь, где смогла удержаться вплоть до конца XVII века. Греческие мифы о стране блаженства, расположенной на дальнем севере, не меняя своей локализации, получали теперь новую окраску, превращаясь в христианский рай, расположенный за океаном. Новый легендарный туман обволакивал области севера. С другой стороны религиозный идеализм и слепая доверчивость к Писанию открывали широкий простор для развития фантастических сказаний о людях и животных, перешедших в Византию с александрийского востока и здесь исправленных по Библии и дополненных. После всего этого неведение и наивность патристической географии не покажутся удивительными; нужно вспомнить при этом еще о том духе аскетизма, шедшем из Византии в средневековую Европу, который способствовал самоуглублению, но объявлял грехом положительное знание.

Несмотря на свою склонность к фантастике, восточному мистицизму и созерцательному успокоению, византийцы, однако, были все же наследниками не только эллинистической, но и римской культуры. От римлян они усвоили сильную долю их трезвости и здравого смысла; они должны были оглядываться вокруг себя, пристально и зорко наблюдая за этническими и социальными сдвигами в своей империи. По своему политическому положению и культурным традициям византийцы были единственным в ту эпоху народом, который непосредственно заинтересован был в том, чтобы отчетливо разобраться в том хаосе народов и племен, волны которых целые века бились у северных и восточных границ государства и из которых все время вздымались все новые и все более грозные этнические массивы: это были готы и гунны, пестрые толпы тюрко-татарских и славянских племен, наконец и османы, на которых пал исторический жребий выкопать Византии могилу. На все беспокойные передвижения этих народов византийские хронисты спокойно взирали как бы с безопасных сторожевых постов империи, но все же порой отрывались от пересказа и комбинирования старых исторических сочинений для того, чтобы занести и о них кое-какие сведения в свои анналы. Все то, что византийские историки сообщили про германские, славянские или урало-алтайские племена, было несомненной новостью в литературе и может считаться их неотъемлемой собственностью. В этих сообщениях мелькают иной раз исторические имена и этнографические названия, так или иначе связанные с южной Сибирью, Алтаем или предгорьями Урала, но они случайны, смутны и почти ни в чем не увеличили познания северных стран.

Византийские писатели—З о с и м, П р и с к, А г а ф и й С х о л а с т и к (VI в.)—рассказывают о кочевых народах урало-алтайской группы, о гуннах, аварах, сабирах, булгарах и происхождении татар; на страницах их хроник порою чувствуется движение варварских орд или слышатся отголоски дальних битв; но какую смутную и легендарную оболочку принимают эти известия под византийским пером! «Около этого времени (т. е. перед 465 годом н. э.),—пишет, напр.,

[П]риск,—послали сарагуры посольство к восточным римлянам; это были племена, [к]оторые после битвы с савырами были изгнаны оттуда, где они жили; последние [ж]е, в свою очередь, были вытеснены аварами, а эти принуждены были к выселению народами, которые жили на берегу океана, но покинули страну, так как из океана поднялась туманная мгла и появились многочисленные грифы»[25]. Как характерно здесь смешение реального события с античной сказкой!

Историк готов Иордан (VI в.), пользовавшийся не только античной географией (Птолемей), но и преданиями своего племени, почерпнутыми из разнообразных северных источников, знает уже, повидимому, и собольи меха, замечательные своим «черным отблеском», которые в его время вывозились из Югры, жившей за хозарами и булгарами; знает он, вероятно, и имя Югры, подобно другим финским племенам живущим на запад от нее. В том месте, где Иордан дает роспись народов, покоренных Эрманарихом, иные угадывают имена Веси и Перми, но во всяком случае с полной достоверностью отождествляют Merens и Morens с мерей и мордвой, а в thiudos inaunxis видят заладожскую чудь[26]. Эти известия, однако, единичны в литературе той эпохи. В других сочинениях византийской поры мы видим кое-какие просветы в еще более отдаленные области уже не Европы, а Азии, но и они остались случайными и не смогли быть использованы в чисто географических целях. Так, историки Менандр (VI в.) и Феофилакт Симокатта (VII в.) по официальным данным описывают путешествия византийских послов к восточным тюркам,—одно к Дизабулу (568), другое к Турксанфу (575), и эти рассказы неожиданно проливают некоторый свет и на те исторические факты, о которых повествуют орхонские надписи. Эти путешествия—не легенда и не вымысел; мы понимаем и причины, заставившие византийцев отправиться в столь далекий путь: посольства стояли в непосредственной связи с изменениями перспектив византийской торговли с дальним востоком и возможным устранением посредничества в ней персов. Появление могущественного тюркского государства к северо-востоку от Персии, образованного алтайскими тюрками,—«тю-кю» китайских летописей, которые незадолго перед тем разгромили уйгуров, овладели бассейном реки Тарыма и подчинили себе Согдиану, было наруку тюркам; вскоре после того имп. Юстиниан оказал поощрение бежавшей на запад, к Кавказу, тюркской орде аваров, как их зовут византийские писатели, или вархонитов («уар-хунны» Феофилакта), как называли их сами тюрки—в том расчете, что в интересах империи будет взаимное истребление аваров и гуннских племен сабиров и утургуров[27]. Сношения Византии с аварами послужили поводом к обмену посольствами между императором и владыкой тюркских племен. Византийское посольство с Земархом во главе отправилось на восток в 568 году; насколько непонятен и загадочен был его путь даже для современников посольства, видно из того, что историки повествуют о нем в самых неопределенных выражениях. Из рассказа Менандра мы узнаем только, что путешествие Земарха к хакану приалтайских тюрков Дизабулу было продолжительным и трудным; ханскую ставку орды Земарх нашел у подножья горы Эктаг или Эктел, что, по Менандру, должно было значить «Золотая гора»; имя это все еще представляет географическую загадку: в нем видят то Алтай, то одну из гор Тянь-Шаньского хребта[28]. Впрочем, где бы она ни была, несомненно, что рассказ византийцев описывает края совершенно новые и неизвестные античному миру. Это своего рода пролог к тем известиям о средней Азии и дальнем востоке, которые Марко Поло принесет в Европу семь столетий спустя; как и в его рассказе, в повествовании византийцев богатство и великолепие быта азиатского владыки принимают почти фантастические очертания; хакан принял их в палатке, обитой и испещренной шелковыми покровами, сидя на ложе, которое было все из золота; на середине палатки стояли золотые сосуды, кропильницы и бочки, тоже золотые; на следующий день, в другом помещении, послы видели деревянные столы, покрытые золотым узором и вызолоченное ложе, поддерживаемое золотыми павлинами... Эта пышность была, вероятно, самым сильным впечатлением путешествия: обо всем остальном источники умалчивают и вообще слишком скупы на

описание самого пути. Одна маленькая подробность говорит за то, что в ставке повелителя тюрков византийцы могли видеть и представителей приенисейских народностей сибирского юга и так или иначе получить некоторое представление о далеких северных степях; Дизабул почтил Земарха пленной рабыней, родом из племени Керкис, т. е. киргизов. Семь лет спустя (в 575 г.) из Византии отправилось второе посольство на «Золотую гору», заехав по пути к одному из восьми властителей тюркской державы—Турксанфу[29]. На самые последние годы VI века приходится еще одно известие о сношениях Византии с азиатскими тюрками: Феофилакт Симокатта сообщает, что «великий восточный повелитель» прислал в 598 г. посольство к имп. Маврикию с извещением о том, что он успокоил все внутренние раздоры в своей державе и покорил всех своих врагов; по этому случаю Феофилакт вставляет в свой рассказ историческую справку об утверждении господства тюрков на запад от «Золотой горы»[30]. От начала VII века у византийских писателей упоминаний об азиатских тюрках более не встречается.

Как ни важны были сведения об Азии, добытые во время сношений византийцев с восточными тюрками, но они не оказали никакого влияния на исправление ошибочных представлений об этой части света; даже Китай они представляли себе еще очень смутно: Феофилакт знает китайцев под именем «таугастов», искажая, повидимому, тюркское слово «табгач», как китайцы называются в орхонских надписях, Прокопий и Феофан Византиец могут уже рассказать, как римляне вывезли из Китая шелковичного червя, у Лаоника Халкондила (XV в.) Китай назван монгольским именем «Хатайя», но даже к этому времени никто из византийских эрудитов не смог еще отождествить этого имени ни с названием «тциница» (т. е. «Сина»), которое Косма в VI веке вывез из Индии, ни, тем более, с «серами» Птолемея. «Китай—это город на востоке от Гирканского (Каспийского) моря»,—читаем мы в поздней византийской хронике почти накануне падения Константинополя[31]. Тем более смутны представления византийцев о северных областях Азии. Открытия на востоке европейцев прекратились на долгий период—вплоть до XIII века.

Нашествие на Византию арабов в VII веке ослабило ее экономическую мощь и сосредоточило ее внимание на более близких к ней областях; империя шаталась, а вместе с ней падала и византийская наука; хронистика также влачила тогда самое печальное существование. Своеобразный «ренессанс» (IX—XI в. в.), совпавший в Византии с периодом нового подъема ее политического могущества и международного значения, принес некоторое оживление и в интересующей нас области, но северная Азия и теперь еще не привлекала к себе ничьего любопытства. Между тем, возвращаясь вновь к изучению своих ближних и дальних соседей, византийцы могли бы увидеть теперь совершенно новую картину. К этому времени уже закончился процесс переселения мадьяров из «Великой Венгрии» Приуралья в Паннонию (9—10; 70, 156), и они даже начали забывать свою азиатскую прародину[32]; в северной и восточной Европе возникли новые политические объединения; в Азии прочно утвердились арабы, и Ислам начал свое победоносное шествие на север материка... Кругозор византийцев был тогда, однако, значительно уже. Потребности дать отчет в своих силах и политическим заботам Константина Багрянородного (944—955) мы обязаны важной в историческом отношении характеристике всего северного варварского мира—от Венгрии до Урала («Об управлении империей»), но далее на северовосток не проникла и политическая дальновидность византийского императора: востоком Европы, славянами, финнами, булгарами на Волге кончалась земля, которая могла представить какой-либо интерес. Три века спустя даже монгольские завоевания в Азии и Европе не пробудили в Византии большого любопытства; впрочем, ей было тогда уже не до них, шаг за шагом отступавшей перед османскими турками и быстро шедшей к своему закату; правда, имя монголов знает Георгий Пахимер (17—18), но Георгий Акрополит (XIII в.), у которого есть маловразумительный рассказ о вторжении монголов в Малую Азию, называет их «скифами» и «татарами»[33]; у Никифора Григоры,

византийского гуманиста эпохи реставрации империи при Палеологах (XIV в.), мы читаем следующие строки об образе жизни и нравах «татар»: «Есть очень многочисленный народ, живущий так далеко на севере, как никакой другой... как повествуют нам об этом старые писатели и как мы сами исследовали это, после долгих расспросов, насколько это было возможно. Именно их назвал Гомер именем млекоедов, бедных и справедливых людей, так как у них нет изысканной кухни и роскошного стола»...[34] Ссылка на «Илиаду» не случайна, и приводит на память цитированные выше слова Аммиана Марцеллина. Обстановка сходна: и римский и византийский историки писали ввиду своих быстро разрушающихся империй; мысль обращалась к легенде о праведной жизни бедных северных кочевников, словно отталкиваясь от картины погрязших в роскоши правящих классов государства, не сознающих еще своей неминуемой гибели; поэтому тот же Гомер своей характеристикой галактофагов ответил и сходным настроениям упрека и предостережения. Марцеллин говорит о скифах, Григора—о татарах, согласно более употребительной в его время этнографической терминологии, как писатели XVI—XVII в. будут говорить о самоедах; но эта замена имени нисколько не меняет дела: перед нами не только пример живучей литературной традиции, но и достаточно характерное свидетельство того, что о кочевниках Сибири в XIV веке знали не больше, чем девять столетий назад.

IV

Следить за восточными источниками о Сибири не входит в нашу задачу. Укажем, впрочем, мимоходом, что о северной Азии кое-что знали китайцы; еще в истории династии Тан (618—907 г.г.) говорится о долгих днях и коротких ночах к северу от Байкала[35]; позднее, в монгольский период, у китайских и персидских историков упоминается Ибир-Сибир (55—56). До Европы все эти известия, конечно, не доходили. Лишь арабские географы в своих трудах поздно и с искажениями донесли на европейский запад легенды своих ранних купцов о «стране мрака» и о баснословных народах дальнего севера.

Арабская географическая наука возникла тогда, когда в передней Азии поднялась мировая держава арабского халифата, а его богатые промышленные центры начали энергичные поиски новых рынков для сбыта предметов своего производства и получения сырья. Через посредство сирийцев она усвоила географические представления античного мира, при помощи персов—индусские, но вскоре же смогла значительно расширить их на основании самостоятельно добытых материалов. В VII веке арабы утверждают свое владычество в Закавказье и странах Ирана, в Армении и Персии; они прочно основываются на побережье Каспийского моря и расширяют свою территорию в северо-восточном направлении до Аму-Дарьи. В первые годы VIII в. им уже достаются богатые области средней Азии—Балх, Бухара, Самарканд. Ширится арабская торговля, а вместе с ней растет и географическая наука, достигающая своего расцвета в IX и X веках. Составляются описания областей и городов обширного халифата, простирающегося теперь от Испании до Туркестана; благодаря торговым сношениям, сведения географов, однако, идут еще дальше—во все концы мира. Уже в эту пору арабам стал хорошо известен морской путь в Индию и Китай; на суше, кроме подробно описанной в литературе торговой дороги в Китай, были известны пути в Тибет и «к ставкам средне-азиатских кочевников на берегу Чу в Семиречье, на берегах Иртыша и верхнего Енисея в Сибири»[36]. С другой стороны арабские купцы ездили и на Волгу к булгарам, получая от них сведения о Приуралье, о стране башкиров (9—10, 44—45), о туземных племенах дальнего севера.

Сколь ни обширны были все эти данные в сравнении с предшествующими им, собранными в Греции, Риме, Византии, как ни высоко поднялась тогда арабская наука в отношении методов своего исследования, но как только дело касалось крайнего севера Азии, арабские ученые делали странные ошибки, и со слов путешественников примешивали к своим рассказам чудесные вымыслы. Быть

может, и не должно было быть иначе: пока рассказы купцов доходили до ученых, они украшались легендами и прикрасами; в центрах арабской науки—под ярким солнцем Африки, в тенистых садах Испании, так трудно было представить себе угрюмую природу дальнего севера—снежные пустыни, реки, скованные льдом, темное небо полярной ночи. Кроме того, с распадением халифата ученые пользовались преимущественно старыми трудами IX и X веков, не подновляя, а временами и запутывая в своих компиляциях прежние данные. Именно эти поздние труды, ставшие, в конце-концов, известными и в Европе, обеспечили нам появление шедшей с семитского востока второй легендарной традиции о далеком севере, значительно менее распространившейся, чем античная, но в оригинальном сплетении с последней, давшей на Западе тот своеобразный легендарный сплав, каким является представление об азиатском севере в конце средних веков.

Одна из старых легенд, занесенная в Коран и тем самым канонизированная для всего мусульманского мира, говорила о страшных народах яджуджах и маджуджах, в которых нельзя не узнать библейских гогов и магогов; она попала к арабам через посредство древне-еврейской литературы и полуисторических романов эллинистического Египта об Александре Македонском. Местопребывание этих народов, неясно отмеченное в Библии, уже тогда было поводом для споров и ученых толкований. Сначала их помещали в плохо известных краях между Кавказом, Каспийским и Черным морями; сирийские и персидские легенды отодвинули их далее на восток, в центральную Азию,—в том направлении, откуда обитатели Ирана могли ждать для себя наибольшей опасности. По мере расширения географических сведений, их отодвигали все далее к северу и поместили, наконец, за Алтаем и Уралом до океана, в пустынных областях Сибири. Такую локализацию легенда получила именно в арабской географической литературе[37].

Яджуджи и маджуджи помещены в Коране (гл. XVI, XVIII и XXI) где-то на дальнем севере, за высокими горами. По другому преданию, известному уже из Иосифа Флавия и Псевдо-Каллисфена (45) слившемуся с первым и также занесенному в Коран, они сидят там как бы в заключении, за крепкой стеной с железными воротами, построенными Зюль-Карнейном, т. е. Александром Македонским, для ограждения народов прочих стран от их страшных вторжений. Они силятся разрушить стену и выбраться на свободу, но будут находится там до тех пор, пока богу не будет угодно перед кончиной мира открыть им путь. Комментаторы Корана не скупятся на краски в изображении этих страшных чудовищ; мы узнаем здесь индусские сказки, занесенные в Грецию Ктесием и Мегасфеном (12—13) и переработанные в Александрии в эпоху Птолемеев: у яджуджей и маджуджей по четыре глаза, два на лбу, два на груди; их тело покрыто шерстью, у некоторых уши свисают до плеч; они не говорят, но издают своим голосом звуки, похожие одновременно на змеиное шипение и птичий свист. Эти сказочные чудовища попали в список реально существующих племен, и арабские географы считали своим долгом упомянуть о них при описании «седьмого климата», т. е. самого северного края земли.

Широкое распространение в арабской литературе получил рассказ о поездке Селлама-толмача к стене, воздвигнутой Александром. Поездка эта якобы была совершена по повелению внука Гаруна-ар-Рашида, Халифа Васика (полов. IX в.), который видел во сне, что стена эта разрушилась. Опечаленный этим предзнаменованием близкой кончины мира, Халиф в 842 г. послал Селлама отыскать легендарную страну и убедиться в действительности этого сновидения. Селлам совершил это путешествие в сопровождении пятидесяти спутников, употребив на это 28 месяцев. Сказание его—«рисалэ»—сохранилось у поздних историков: у Идриси (XII в.), Эбн-Эль-Варди, Али-Эфенди, Мирхонда, но в форме, возбуждающей значительные сомнения. Вопросы о том, куда именно добрался Селлам, к великой ли Китайской стене, отождествленной с легендарной постройкой Александра или напр., к Алтаю или среднему Уралу и что за народ Эдкеш,

якобы, живущий по соседству с яджуджами, описал он в своем рассказе (иные готовы признать в нем остяков, другие—хакасов)—едва ли когда-либо будут разрешены вполне удовлетворительно[38]. Быть может, в конечном счете, этот рассказ представляет собою такой же географический авантюрный роман, как и знаменитые путешествия Абу-Долефа на дальний восток, отнесенные к X веку, но появившиеся уже на закате арабской культуры, когда странствования арабов стали реже и произведения Мас'уди и Ибн-Фадлана (оба X века) вызывали к себе позднее одобрение потомков и чисто литературные подражания[39]. Для нас, в данном случае, важно другое: уверенность, что яджуджи и маджуджи действительно существуют, прочно державшаяся у арабов, и традиционная локализация их на севере Азии, к востоку от Уральских гор. Об этих народах арабы знали и из других, более авторитетных источников. Ибн-Фадлан, отправленный из Багдада послом к волжским булгарам в 921—922 гг. и оставивший описание своей поездки, в котором, как известно, столь драгоценны для нас известия о русских, хазарах и башкирах, рассказывает со слов булгарского царя, что «за его страною, на расстоянии трех месяцев пути, живет народ по имени Вису, у которого ночь меньше часа». По мнению Лерберга, разделяемому и новейшими исследователями[40]—в опровержение Френа, видевшего здесь финскую «Весь»—Вису, это Югра, населявшая область северного Урала (70—71); с жителями этой страны булгары ведут немую торговлю, получая оттуда бобров, соболей и белок; за Вису же, далее на север, живет страшное племя великанов. Сам царь видел однажды такого человека: он был «высотой в 12 локтей, с головою величиной с большой котел, с носом—в пядь длиною, с громадными глазами и пальцами; вид его привел в ужас его и его людей; они заговорили с ним, но не получили никакого ответа: он только пристально смотрел на них». Царь взял его с собою и написал к народу Disur (Wisu?), чтобы получить от них сведения об этом человеке. «От них узнал он, что человек этот принадлежит к племени Я д ж у д ж е й и М а д ж у д ж е й, которые жили от них на расстоянии трех месяцев пути, отделенные морем; были же они людьми, подобными зверям». Еще географ Я к у т (нач. XIII в.) внес этот рассказ в свой знаменитый словарь (под словом: Итиль), хотя и усомнился в его правдивости; аналогичные рассказы есть, однако, у писателей XII века[41]. Ал-Фарганий (IX в.) также упоминает яджуджей при описании северных стран: «Седьмой климат начинается на восток от севера страны Яджудж, затем проходит по стране турка, затем по берегам моря Друрждан (Каспийского)... Что касается (части земли), что по той стороне (дальше) этих климатов до конца обитаемой местности, о которой мы знаем, то она начинается на восток от страны Яджудж, затем проходит по стране Т а г а з г а з». Видеть ли в последнем названии известие о тунгусах, как это предлагает Френ, или уйгурах, по мнению Рено, мифические яджуджи все равно оказываются совершенно точно приуроченными к северной Сибири. Ибн-Хаукаль (X в.) и Ал-Истахри (X в.) говорят, что страна яджуджей граничит на севере с океаном; по Идриси (XII в.) и Ибн-Эль-Варди их страну ограничивает цепь гор, называемых К о к а я или К о р н а н, которые так круты, что нельзя на них взойти, а если как-нибудь и взберешься, то все равно не достигнешь вершины по множеству вечных снегов и густых туманов; горы эти тянутся от океана до пределов возделанной земли. Вот за этими-то горами,—в которых можно разуметь Уральскую цепь, Яблоновый хребет или Алтай и долина которых кишит громадными змеями, гадами и зверями, в стране мрака, облаков и непроницаемой мглы живут яджуджи и маджуджи[42].

В легендарной оболочке этих рассказов нам нетрудно сейчас отделить истину от вымысла: они представляют собой сплетение реальных данных с чисто литературными наслоениями; источник имени яджуджей и маджуджей уже был указан; другие подробности восходят к сирийским и еврейским редакциям «Александрии», повествующим, напр., о «з м е и н ы х п л е м е н а х» гога и магога, о стране, где нет ничего, кроме тьмы, где гады сторожат воду жизни, истекающую из-под божьего престола. И если арабские путешественники сами не бывали в

этих легендарных местах[43], что разумеется усилило фантастический элемент их рассказов, то все же многие, сделанные ими на основании расспросов, наблюдения о северных краях безусловно верны: их сведения о торговле, природе, даже иные из сообщаемых ими географических имен, имеют все признаки достоверности. Географы X века—Истахри, Ибн-Хаукаль и Ал-Балхи рассказывают о том, что черные соболи вывозились в Булгарию из страны Арта и оттуда шли в самые отдаленные места исламских земель; в «Золотых лугах» Мас'уди пишет, что из земли буртасов эти меха вывозились не только в ближайшие области, но даже «в страны Ифренджей», т. е. Западную Европу и арабскую Испанию; в Хорезм привозились меха не только из проволжских стран, но и из страны тюрков, т. е., вероятно, южной Сибири; Абу-Хамид-Эль-Андалуси, сам бывший в стране булгар, говорит, что там находят клыки, похожие на слоновые, и белые, как снег, т. е. мамонтову кость[44]; ряд арабских известий повествует о «немой торговле» булгар с сибирскими туземцами; климатические и природные условия также описаны очень правдоподобно; таковы, напр., короткие дни и долгие ночи дальнего севера; в рассказе Ибн-Фадлана о «красном, как огонь, облаке», из которого исходили шум и голоса, и в котором видны были как бы кони и люди, держащие луки, копья и мечи—нельзя не узнать северного сияния[45]; даже «страна мрака», где по словам Ибн-Батуты (41—42) «проводником служит собака, проходившая ее множество раз», имеет вполне реальные черты. Если прибавить к этому, что название Югры в весьма близкой форме упоминается у Казвини (XIII в.), что Мас'уди и Гурдези говорят об области «Каймак» на Черном Иртыше и что, наконец, поправки Френа к тексту Димешки как будто свидетельствуют, что в XIV веке арабы слышали о Тоболе[46], то можно будет признать, что природа и люди северной Азии были арабам несколько известны.

Однако все эти реальные подробности не были поняты и усвоены европейцами, когда им стали доступны арабские географические труды. Иное дело—их легендарная часть: она показалась не только занимательной, но и вполне достойной веры. Сказания о чудовищных народах северной Азии сопоставлены были с теми, какие средневековье унаследовало от древности и выправило по Библии: утопия о «праведных» кочевниках севера уступила место легенде о запертых в дальних горах народах, которые придут некогда на запад для всеобщего уничтожения в час кончины мира. Популярные западные версии «Александрии» способствовали распространенности веры в г о г о в и м а г о г о в, которыми много занималась и патристика[47]. В арабских известиях о я д ж у д ж а х и м а д ж у д ж а х увидели теперь новое свидетельство непогрешимого авторитета библейского предания, восходящего к словам пророка Иезекииля и указаниям «Апокалипсиса», а главное—более точное географическое определение их местопребывания. Для Иосифа Флавия это еще представители скифов за мэотидскими болотами; отцы церкви—Исидор Севильский (V в.) (ср. 20) и Блаженный Иероним (VIII в.) тоже ищут их еще на границах Европы и Азии; гогов и магогов отождествляют с гуннами и сабирами, позднее с хозарами; теперь, под воздействием арабов, их отодвигают еще дальше на север, в великий простор Сибири. Вскоре монгольское нашествие еще раз освятило старое предание. На этот раз даже звуковое сходство имен M a g o g и M a g o l, M o n g o l ввело в заблуждение[48]; во всяком случае, на европейских картах Сибири г о г и и м а г о г и дожили до конца XVII века, обозначая различные народности азиатского севера.

V

Арабские географические труды долго были недоступны для европейцев. Европейская наука долго стояла еще на одном месте. Средневековый мир, со всеми его «царствами», сокровищами и диковинками, целиком отраженный на наивных «картах мира» и в энциклопедиях, бесконечно повторяемый в скульптурных украшениях соборов, в миниатюрах готических рукописей, был тесен, прост и удобно обозреваем: средневековые мыслители и художники стали «великими про-

винциалами», не умевшими отойти от захолустных масштабов, возвыситься над кругозором, открывшимся с родной колокольни[49]. Плохое состояние путей, опасности, на каждом шагу подстерегавшие путника, невежество и неосведомленность относительно всего, что переходило тесные границы замка, округи, провинции — все это удерживало средневекового человека от попытки отправиться в далекие края. Но и тогда, когда он делал это, он плохо умел смотреть вокруг себя: христианство, заполонив умы, ослепило глаза для внешнего мира; можно ли, напр., считать случайностью, что христианские миссионеры, так далеко проникавшие в Азию, не оставили нам никаких свидетельств о совершенных ими путешествиях[50]? Лишь в XIII веке о необходимости познания самых отдаленных стран писал Роджер Бэкон в своем «Opus Majus» (22—23). Поэтому знакомство с дальним севером и востоком на Западе между V и XIII веками было совершенно ничтожно. На востоке сведения кончались Гангом, на западе — Геркулесовыми столбами, но на север почти не распространялись. Каспийское море все еще составляло залив Северного океана, и в представлениях христианского мира вплоть до Рубрука (на картах же — до XIV в.) составляло северную границу Азии; берега его образовывали дугу, шедшую в Индию, срезая громадные области (25—26). Даже крестовые походы, с их духом неугомонного, всеобщего перемещения вплоть до XII в. не оказали почти никакого непосредственного влияния на исправление ошибочных географических представлений. Важный шаг вперед сделан был лишь тогда, когда около 1140 г. христианские ученые при дворе норманнского владетеля Сицилии Рожера II познакомились с трудом араба Идриси: интересы двух наиболее предприимчивых народов средних веков — скандинавов и арабов, странствующих воинов и торговцев, столкнулись в научной области на южно-итальянской почве. По словам Идриси, Рожер захотел узнать не только границы своих обширных владений, но и «географическое положение других стран, не подчиненных его власти»; «он хотел определить пространство и подразделение этих стран на свидетельствах писателей, которые изучали и разрабатывали географию», но имеющиеся сочинения не удовлетворили его; тогда он приказал разыскивать сведущих путешественников и опрашивать их, сличая их показания, кроме того, отлить из чистого серебра большой круг, на котором были бы отмечены сфера семи климатов, а также страны и области, соседние с морем или от него удаленные, заливы, моря и реки». «Для объяснения этого круга он велел составить книгу, в которой дано было полное описание городов и территории, природы и культуры населения, морей, рек, равнин и долин. В этой же книге должны были быть указаны породы хлебов, плодов и растений, какие произрастают в каждой стране. Здесь же указывались свойства этих растений, искусства и ремесла, какими занимаются жители, предметы ввоза и вывоза, все замечательное, что встречается в этих семи климатах, положение населения, его телесные особенности, его нравы, привычки, религия, одежда и язык»... Этой работой и был занят Идриси, заимствовавший многое из арабских сочинений, в которых впервые точно описаны были мухаммеданские страны по всему неизмеримому халифату, от Пиренеев и Атлантического океана до границ Китая, и в которых и северным областям Азии уделено было некоторое место[51]. Так открывалась европейцам арабская ученость; с течением времени они смогли также усвоить понимание арабских карт; кроме того, арабские переводы позабытых древних классиков, и прежде всего «Альмагеста» Птолемея, становились теперь понемногу доступны, хотя для понимания их не настало еще время. Дальнейший шаг вперед сделан был при дворе Фридриха II Гогенштауфена (ум. 1250), где также переводились арабские сочинения[52]. В XIII веке арабские сведения о шестом и седьмом климатах, т. е. о дальнем востоке и северной Азии уже смог воспроизвести итальянский ученый Ристоро из Ареццо. Это было в эпоху, когда в хозяйственной жизни Европы происходили большие изменения: развивался торговый капитализм; разбогатевшие итальянские города сменили сарацин в Тирренском и Адриатическом морях и постепенно отнимали у Византии ее наиболее важные рынки; мало-помалу главные приморские города Италии обзавелись своими конторами во всех важней-

ших левантских портах. Ранние проявления такой же кипучей экономичес
деятельности мы замечаем также, кроме Италии, в некоторых городах юж
Франции и в Каталонии[53]... Торговая предприимчивость с надеждой взир
теперь на ближний восток, но вскоре ей открылись и более далекие восточн
пределы мира.

Для познания северной Азии к этому времени Европа получила могущ
ственный толчок: это было нашествие монголов. Их заметили на западе толь
тогда, когда восточные части Европы уже тонули в водовороте их коней и всад
ников: до тех пор о них ничего не знали, несмотря на то, что к этом
времени они успели уже наводнить всю Азию от берегов Тихого океана и д
Черноморья, а их грозные передвижения до основания потрясли восточные го
сударства. Однако Европу охватил суеверный ужас при первых известиях о на
шествии монголов на южную Русь; когда же вскоре после того они с огромны
силами вторглись в пределы Польши и Венгрии (1241), всеобщему сметению
было пределов; волна тревожных вестей о загадочном народе, вышедшем
азиатских глубин, прокатилась тогда по всему западу, от Франции и Фландри
до Рима. Однако современные анналисты могли занести в свои хроники лиш
самые скудные и однообразные известия о монголах—так неожидан был их пр
ход и так немного могли сказать о них самые сведущие люди. «Они не знаю
никакого другого разговорного языка, кроме своего собственного, который ник
больше не понимает,—пишет Матфей Парижский,—т. к. вплоть до самого после
него времени к ним не было никакого доступа, и сами они, в свою очередь,
показывались вне пределов своей страны»...«Я думаю, что это потомки мади
нитов,—записывает тот же анналист от русского беглеца, архиепископа Гали
ского Петра. Они намерены покорить себе весь свет; полагают, что по бож
ственному определению должны они в течение тридцати девяти лет опустоши
вселенную. Думают и уверяют, что произойдет страшная борьба между ними
римлянами»... В почти сходных выражениях об опустошении Венгрии рассказ
вают клерк Ивонн из Нарбонны (1243) в письме к архиепископу Бордосскому
Понс-де Обон (ок. 1242) к последнему из коронованных крестоносцев—Люд
вику XI[54]. Европа не считала монголов за людей, она отказывала им в чести бы
врагами или обычными неприятелями, описывая их с таким же чувством, с к
ким в бестиариях изображались апокалипсические звери и сказочные чудовищ
ведь они пришли из тех стран, где по представлениям жили песиголовцы и
люди с глазами и ртом на груди! Ничто не свидетельствует так отчетливо о бе
умном страхе, внушенном монголами даже в пределах наиболее западных стра
как призыв императора Фридриха II к новому крестовому походу против коче
ников-завоевателей, обращенный к «Германии пылкой в боях, Франции, вскар
ливающей на своей груди неустрашимое воинство, Англии, могущественн
своими воинами и кораблями, Криту, Сицилии, дикой Иберрнии и холодной Но
вегии».

После всего этого несколько неожиданным кажется то, что отрезвление
этого кошмара, по крайней мере в правящих кругах Европы, наступило оче
быстро. Когда в 1242 г. Батый отступил из пределов Польши и Венгрии и вн
запно двинулся в далекий обратный путь (к чему, как мы знаем сейчас, прин
дила его долгожданная смерть в Монголии великого хана Угэдэя), в Европе
только перестали бояться нового вторжения монголов, но даже тотчас же р
шили использовать их в своих политических целях; один и тот же план вскор
созрел у светских и церковных властителей: пресечь завоевательные замысл
монголов обращением их в христианство и превратить их в военных союзник
против Ислама, в котором не переставали видеть главную опасность,—таков бы
этот тонко обдуманный план; в реальность его верили тем более охотно, что с
мостоятельная борьба монголов против мухаммеданских государств средней Аз
могла рассматриваться как естественный пролог к грядущим войнам, в которы
папскому двору, кроме монголов, должны были бы оказать поддержку и византийц
и армяне, и франки в Палестине. Установление дружеских связей с монголам

От чего зависел весь успех предприятия, однако, могло иметь и другие выгоды: речь шла о той старой торговой дороге на дальний восток сквозь среднюю Азию, которой пользовался эллино-римский мир, Византия и арабы, и причерноморский ключ к которой теперь находился в руках молодых итальянских торговых городов—Генуи и Венеции. Все это вызвало решение отправить к монголам послов для наведения предварительных справок и установления постоянных дипломатических сношений: два францисканских монаха, один итальянец, Плано-Карпини, другой фламандец—Рубрук, ездившие в Монголию, вернулись в Европу—первый в 1247, а второй—в 1255 году.

Как характерно, что эти первые европейские легаты к монголам были родом из наиболее цветущих торговых стран тогдашнего запада, в руках которых уже находилась торговля с востоком—Левантом, как говорили тогда! Но все же это были пока еще только м о н а х и, многими культурными традициями связанные с ранним европейским средневековьем. Это, конечно, отразилось и на их отчетах, в которых мы видим своеобразную смесь реального опыта с бесспорными вымыслами, ребяческой болтовни и трезвой мысли, веру в авторитет и уменье вглядываться вокруг себя, словом все то, что так характерно для этой эпохи первого пробуждения и наивной радости зарождающейся умственной работы. Им принадлежат и первые, еще краткие и глухие известия о Сибири, полученные устным путем от монголов.

Сведения об Азии, доставленные Плано-Карпини и Рубруком в Европу, были очень свежи и новы, но, собирая их, они ни на минуту не забывали о целях своих миссий; поэтому они интересовались, главным образом, народами-властителями и оставили очень мало данных о подчиненных им или о самостоятельно живших племенах. Тем не менее у Плано-Карпини мы находим уже первое в европейской литературе упоминание о самоедах (8, 11—12), правда еще рядом с указанием на легендарных чудовищ. Рубрук, более трезвый и наблюдательный, чем его собрат по ордену, не так легко верит подобным вымыслам; но относительно Сибири он также дает слишком мало: лишь мимоходом говорит он о народе «керкис» и «оренгаях» (17—18), преувеличивая слухи о дикости этих племен, особенно приенисейских киргизов.

Несколько более данных оставили нам к у п ц ы, вслед за монахами отправившиеся в далекие страны Востока, но уже не для обращения монголов в христианскую веру, но ради торговых целей. Из первых рассказов европейских путешественников к монголам, буржуазия итальянских городов немедленно сделала свои выводы. Слухи о неистощимых сокровищах восточной Азии не могли не возбудить алчность купцов, ходивших по Черному морю, и они сами устремились в далекие края. Пример смелого венецианца Марка Поло не остался без подражания. Заново устанавливалась постоянная торговая дорога в Китай; она шла через Тану (Азов) и Каффу (Феодосия), служившие как бы базисами для дальних путешествий на восток. Этим путем воспользовались не только венецианцы и генуэзцы, имевшие там многолюдные колонии (64), но и флорентинцы, торговля которых уже в XIII веке охватывала весь тогдашний мир. Менее чем полвека спустя после того, как пизанец Рустичиано записал рассказы Марко Поло в уединении генуэзской тюрьмы, флорентинец Франческо Бальдуччи Пеголетти мог уже закончить свой труд «Практика торговли» («Pratica della Mercatura ок. 1340 г.),—интересное руководство для купцов, в котором описание путей в Китай через итальянские колонии Черноморья занимает далеко не последнее место[55].

Естественно, впрочем, что к себе притягивали в первую очередь богатые рынки дальнего востока с их драгоценными товарами, куда ездили по вековым путям, обеспечивавшим сравнительные удобства и относительную безопасность транспорта. Чисто коммерческий интерес к северной Азии, все еще казавшейся безлюдной и бесплодной пустыней, был слишком слабым. Об этих отдаленных и мало знакомых краях и сейчас еще упоминали только при случае, мимоходом и вскользь; все эти упоминания тонули в том множестве сведений, которые путешественники сообщали о Монголии, Китае и северном Тибете. Сибирь оставалась

лишь страною ценного пушного сырья, добывавшегося, однако, купцами чер
посредников и не требовавшего личных поездок туда. В книге Марко Поло, да
щего в общем важнейшие сведения об этих краях вплоть до XVI века, все э
характерно подчеркнуто (36): охотники, живущие в «стране мрака», ловят мно
дорогих животных высокой цены, а купцам соседних народов, что покупают м
ха, «большая от этого выгода и прибыль»; но вот сибирский пейзаж и перспе
тивы торговых странствований: «есть такие места, где никакая лошадь не про
дет»... «тут большой лед и трясины, лошади там не пройти. И эта дурная стр
на длится на тридцать днищ»... Лишь в «санях без колес», закутанного медвежье
шкурою, везут смелого путешественника собаки «по льду и грязи», «от стоян
к стоянке» в течение тринадцати дней. Такой рассказ поистине мог отбить вс
кую охоту побывать в этой негостеприимной стране. Ведь и Ибн-Батута, од
из неутомимейших путешественников XIV века, отказался от задуманной поезд
в «страну мрака» «по причине большого количества жизненных потребност
необходимых для этого, и незначительной пользы» (41). «Равнина Баргу», оп
санная Марко Поло, в которой узнают то Баргузинскую, то Барабинскую сте
представлялась венецианцу настоящей пустыней, пугающей своею дикостью
безлюдьем: «Нет там, знайте, ни мужчины, ни женщины, ни зверя, ни птиц
(34, 36—37). Поэтому,—как справедливо замечает Миддендорф,—бездомных жит
лей дальнего севера не отваживались посещать ни миссионеры, ни торговые люд
Столетие спустя (ок. 1410 г.) баварскому солдату Гансу Шильтбергеру, пленни
золотоордынского хана, довелось быть участником одного из наездов Едигея
Сибирь, и в своей автобиографии он кратко описал полудикие сибирские пле
на, их религию и быт (52—53); Шильтбергеру известно уже и слово «Сибир
(Ibissibur), но сведения его слишком кратки, а порою и мало вразумительны.
таким скудным запасом данных о Сибири, добытых миссионерами, купцами, сл
чайными людьми, Европа встретила новую историческую эпоху.

VI

Окончательное разложение феодализма, развитие городской культур
новая экономика и новые социальные отношения вскоре привели к тому ку
турному перевороту, который получил название В о з р о ж д е н и я. Он наш
свое выражение в росте индивидуализма и мирской точки зрения—в противов
средневековой аскезе—в усилении интереса к античному миру, и вскоре же п
вел к замечательному расширению знаний в пространстве и времени.

«Дух странствия» тогда объял всех. Все пришло в движение. Начинала
великая борьба эгоистических интересов, непобедимая сила гнала толпы люд
в неведомые моря и страны в поисках золота и удачи, неугомонный дух пр
приимчивости сказывался на самых разнообразных поприщах.

С увлечением разыскивали и изучали трактаты древних ученых. Из-п
вековой пыли извлечены были и античные географические сочинения, а изоб
тение книгопечатания сильно способствовало их распространению. Первое из
ние Помпония Мелы напечатано в Милане в 1471 г.; Страбон на латинском яз
вышел уже в 1469 г. и в течение нескольких лет перепечатывался в Риме и
неции; вскоре вышел и «Полигистор» Солина (20). Одним из важнейших при
ретений географической литературы этого времени был латинский перевод П
лемея: он был сделан еще в 1409 г., и хотя и появился в печати позже вс
остального (1475), но уже с половины XV, вплоть до конца XVI в. служил в
нейшим руководством для географических исследований (172—173, 178—179).

Два течения в культуре Возрождения—книжное увлечение античной нау
и огромный интерес к непосредственному опыту не могли не столкнуться в
ласти географических изучений и неизбежно должны были произвести силь
критическое движение в ученых умах. Если прибавить к этому, что дале
страны востока все ярче озарялись теперь фантастическим светом особой при

гательности и что именно здесь в описании их сразу же должны были почувствоваться наиболее уязвимые места древних землеописателей, то знаменательными и важными по своим последствиям покажутся нам те затруднения, в которые должна была попасть гуманистическая наука. Мы нигде не находим указаний на то, чтобы гуманисты пользовались географическими трудами арабов; более того, еще в начале XV в. даже наиболее яркие места из рассказов средневековых путешественников не пользовались широким распространением: Марко Поло, напр., долго не мог быть усвоен картографами (30—31); Пьер д'Эльи, епископ из Камбрэ, из книги которого «Образ мира» (1410) Хр. Колумб почерпнул знакомство с Аристотелем, Страбоном и Сенекой, ничего не знал о Марко Поло и ни словом не упоминает о Китае даже тогда, когда отстаивает мнения, заимствованные у Р. Бэкона относительно протяжения Азии. Поколение, которое начало забывать рассказы Поло, удовлетворяло свою страсть к чудесному в чтении фантастических странствований Мандевилля, представляющих лишь книжную компиляцию, обработанную в духе средневековых вымыслов. Обросший легендами скудный запас старых сведений об Азии стал теперь быстро пополняться новыми данными, шедшими с двух концов—из античной литературы и из реального опыта путешественников. Около 1420 г. во Флоренцию прибыл Николо де-Конти, родом венецианец, проживший много лет на дальнем востоке. В его диковинных рассказах можно было увидеть обновление чудес, поведанных Марко Поло. Папа Евгений IV заставил Конти рассказать обо всем, виденном им, гуманисту Поджио Браччиолини, тому самому, неутомимой библиофильской страсти которого мы обязаны открытием Плавта, Цицерона и десятка других древних авторов. Поджио извлек из этих рассказов все, что мог и перевел их на латинский язык. Сведениями Конти на этот раз ревностно воспользовались космографы того времени; можно думать, что и Фра-Мауро (1459) для своей карты получил от Конти гораздо больше, чем этот путешественник открыл Поджио. Правда, контуры суши в северной и северо-западной частях Азии на карте Фра-Мауро не имеют еще ни малейшего сходства с действительностью: все огромное пространство, лежащее на восток от Урала, между пустынями верхней Азии и Ледовитым океаном, изображено там лишь небольшим клином, занимавшим свободное место между «Пермией» и «Катаем» («Chatojo»), но что до Европы и, в частности, Италии, уж и тогда доходили кое-какие сведения об этих отдаленных краях, видно из того, что здесь отмечена Sibir (это имя было уже и на так называемой «Каталонской карте» 1375 г.) (54).

Двадцать лет спустя после того, как один ученый гуманист записывал рассказы Конти, другой—Эней Сильвий заносил в свою «Космографию» известия веронского монаха о путешествии «в азиатскую Скифию, неподалеку от Танаиса» (71), а еще несколько позже, третий—Юлий Помпоний Лэт включал в свои комментарии к древним классикам слухи о Сибири и уграх Приуралья (66—74). Наука вплотную подходила к противоречиям античных данных сравнительно с наблюдениями новейших путешественников. Тот же Лэт, энтузиастичный поклонник античности, но и сам совершивший путешествие в Приазовье, уже освобождался от слепой доверчивости к книжным источникам и непоколебимой веры в авторитет античной науки: «Древние,—пишет он,—считали Танаис (Дон) границей между Азией и Европой совершенно напрасно: не зная мест, они думали, что эта река течет с Рифейских гор, а самые горы доходят до океана; все это ложно. Танаис начинается среди равнины и тотчас становится судоходным; Рифейские горы тянутся к востоку; близ океана их окружает широкая и просторная низменность, соединяющая Скифию с верхней Индией». «Верхней Индией» в лекциях Лэта по Варрону, повидимому, называется Сибирь (74); это наименование внушено ему именно древними—Плинием и Помпонием Мелой, но как характерен в приведенной цитате дух смелой критики и сознание большей широты своего географического горизонта!

Вокруг аналогичных вопросов могли тогда завязываться уже и серьезные дебаты. Как типичен, напр., тот жаркий спор, который в начале XVI века раз-

горелся по поводу Рифейских гор, как ополчились на Меховского пламенные поклонники Птолемея за то, что польский ученый осмелился обвинить в ошибке «государя всех космографов»! (77, 85—86). Альберт Кампенский в своем «Письме к папе Клименту VII о делах Московии» (1523—24 гг.), идя по следам Меховского, также не может надивиться «дерзости» древних географов, которые «без стыда и совести рассказывают невероятные вещи о Рифейских и Гиперборейских горах»; на той же ошибке вновь настаивает и Павел Иовий, даже в заглавие своей книги включая указание, что в ней демонстрируется «заблуждение Страбона, Птолемея и других, писавших о географии там, где они упоминают про Рифейские горы, которые, как положительно известно, нигде не существуют» (92). Писатели еще долго удерживают классические названия и часто случайное звуковое сходство имен дает им повод к самым рискованным сближениям: Мюнстер, Бельфорэ в применении к Сибири воспроизводят географическую и этнографическую терминологию Геродота, свободно и некритически пользуются Плинием и Страбоном (142—143); Олеарий этимологизирует абиев, упоминаемых у Гомера, от реки Оби (298—299); Мейерберг в своем рассказе о Сибири пользуется Птолемеевским термином: «Скифия за Имаусом» и отождествляет Обь с рекою Карамбиком, упоминаемой у Плиния, но восходящей еще к греческому источнику (Гекатей); то же отождествление мы находим и у Рейтенфельса (1673 г.), который, кстати сказать, и в мысе Литармисе видит один из мысов Обского полуострова. Даже в XVIII веке еще не вполне отказались от заманчивости подобных сопоставлений: Страленберг в своей книге «Северная и Восточная часть Азии» (1730) в «острове Тазата», называемом Плинием, «в проливе к Северному океану» видел Новую Землю и производил это имя от р. Таз, текущей в Тазовскую губу; он же, отождествляя, согласно традиции, Карамбик с Обью, обосновывал это лингвистическим сближением латинских и татарских корней (от кара—черный); также и Гардвин (XVIII в.) видел Обь в Парапомисе Плиния[56]. Следы подобных догадок мы найдем еще не только у Витсена, но и у Миллера и Фишера. А сколько хлопот английским и голландским мореплавателям XVI—XVII в. в. принес мыс Табин, опять-таки взятый у Плиния и П. Мелы, в котором еще в XIX в., для спасения античного географического авторитета, хотели видеть то мыс Челюскин, то полуостров Таймыр! (177—178).

Итак, влияние античной географии долго держалось в европейской науке землеведения. Но чем больше накоплялся непосредственный опыт, тем сильнее, конечно, сказывалось стремление освободиться от связывающих старых легенд и явных географических фикций. В предисловии к своей книге «Трактат о двух Сарматиях, Европейской и Азиатской» (1517 г.), Меховский мужественно расстается с миром вымыслов, локализовавшихся в восточной Европе и северной Азии с давних времен; «многие авторы кропотливым трудом в тиши своих кабинетов составили описание земной поверхности, Сарматию же обходили молчанием, как будто ее не было. Даже позднейшие писатели умалчивают о ней, а если говорят, то очень неясно. В особенности же недопустимо то, что они приводят всевозможные басни и вымыслы. Так, они утверждают, что за Сарматией, на берегах Северного океана расстилаются Елисейские поля, что там благодатный климат и вечно спокойная жизнь, что там испокон веков жители ненавидят старческую дряхлость и, чтобы избежать ее, добровольно бросаются со скал в океан и там погибают. Думают, что эти земли являются родиной амброзии, нектара и благовоний и что люди живут там как бы в раю; золота, которое умерщвляет душу человека, там без меры и числа, но грифы, страшные хищные птицы, нападают на людей и коней, поднимают их в воздух и низвергают, и тем препятствуют выкапывать и увозить золото... Все это вымысел: в действительности этого не существует ни там, ни в каком-либо другом месте».[57] Таково энергичное заявление новой эпохи; оно основано на трезвом реалистическом мировоззрении городской буржуазной культуры, противопоставляющем себя средневековому идеализму и наивной вере в мир чудес. Греко-римская утопия о праведных скифах сдавалась в архив вместе с накопленными веками средневековыми дико-

винками; чувствовалась тяга к положительным, проверенным фактам, огромный интерес к опытному исследованию.

Подобные отзывы, которые мы все чаще слышим в литературе этой эпохи, в значительной степени определены были и новыми экономическими отношениями Европы, приведшими ее в конце XV века в Москву; восточные окраины Московского государства не случайно вызывали к себе теперь пристальное внимание на Западе. В том любопытстве, с которым с этого времени стали следить за быстрым ростом в суздальской лесной области нового и еще мало известного северного государства сыграли свою роль и его первые энергичные проявления независимости и его начальные политические шаги в сношениях со странами Запада и кочевниками Востока. Но гораздо более важное значение имели покорение Византийской империи османскими турками (1453) и открытия европейских мореплавателей, искавших путей в «Китай» и Индию. Ближайшие соседи Московии — Германия, Польша, Скандинавские государства — искали случаев войти с нею в сношения или заключить политический союз. Католический мир пробовал найти в ней новую опору для противодействия завоевательным стремлениям мухаммеданства в Европе и добивался ее участия в замышляемом крестовом походе против Ислама. Монополия Испании и Португалии в восточной торговле заставляла европейские страны искать новых путей в сказочные земли востока — морских и сухопутных. Ключ от тех и других был в руках московского великого князя. Так Московия, силою вещей, стихийно вовлекалась в сложную игру экономических интересов целой Европы, возбуждая к себе интерес дипломатов и ученых, торговых людей, художников, ремесленников и, наконец, просто авантюристов всякого рода, которых было так много в эту беспокойную эпоху. Для них всех вскоре открылись ворота московской столицы, и их шумная и пестрая толпа, все увеличивавшаяся в числе, скоро наводнила этот еще полуазиатский город. Брак Ивана III с византийской царевной (1472) поставил Москву в близкие отношения с Италией (связи с которой наладились, было, и раньше, в эпоху Флорентинского собора, 1437); вместе с Софией Палеолог ко двору прибыли итальянцы и греки; вслед за ними стали приезжать и другие иноземцы. Участились путешествия иноземцев во внутрь государства и вместе с тем усилился интерес к ее загадочным восточным окраинам. Сибирь медленно открывалась для европейского исследования[58].

VII

Приподнять завесу, скрывавшую северные азиатские земли от взоров Европы, предоставлено было именно Московскому государству. И хотя сведения о торговых путешествиях и военных походах русских на северо-восток медленно и с трудом проникали на Запад, но уже задолго до завоевания Сибири Ермаком европейцы располагали о ней кое-какими данными.

Быть может, уже результаты новгородских экспедиций в Югру и Заволочье стали известны на Западе в силу тех оживленных торговых сношений, какие в XI—XIII веках существовали между Новгородом и Ганзейскими городами *. Ведь и в более древние времена западная или, по крайней мере, северная Европа

* Правда, у нас нет данных, которые позволили бы утверждать, что на Западе в те же годы уже прослышали о Югре и Приуралье, но это кажется тем более вероятным, что в фантастической оболочке, в которой первые вести об этих краях заносились в новгородские летописи, многое должно было быть далеко не чуждым и европейскому средневековью. Рассказ о «немой» меновой торговле с племенами уральских гор новгородский летописец применил к легенде о «поганых народах», заклепанных Александром Македонским (122—123), столь знакомой в то время на Западе; она вызывает в памяти и скандинавский миф о северных духах — римфурсах, отделенных от центральной части земли высокой стеной, которую они беспрестанно угрожают разрушить[59]; можно сравнить также предание о падающих с неба белках, записанное в Ипатьевской летописи под 1114 годом со слов «старых мужей», ходивших за Югру и Самоядь — с аналогичными

через Русь получала азиатские товары, о чем, по словам Расмуссена «говорит каждая страница скандинавской саги», а вместе с товарами шли и легендарные географические сведения о странах далекого Востока. Династические и культурные связи скандинавов с древней Русью обеспечили им пути в Византию и в Поволжье, где они столкнулись с прикамскими булгарами, хозарами и арабами; теперь предания о богатствах «Биармии» влекли норманнских удальцов в том же направлении, куда в поисках пушнины для торговли с немецким «Заморьем» двигались и новгородские дружины[64]. Вместе с «собольми и горностальми и черными кунами и песцы и белыми волкы», спрос на которые все возрастал на рынках немецкой Прибалтики, на Запад могли передаваться и рассказы о тех краях, где добываются эти драгоценные товары[65] и куда, забираясь все далее на Восток, непроходимыми «пропастьми, снегом и лесом» упорно шла новгородская колонизация.

Монгольское завоевание если и не совсем замкнуло Русь от Запада, то во всяком случае сильно ослабило их культурный взаимообмен; прежние центры ее транзитной торговли с Востоком переместились или потеряли былое значение. Русь сама превратилась теперь в часть огромной «Татарии», о путях куда говорили, как о слухе темном и загадочном. Еще для Марко Поло «Великая Россия» соседит со «страною мрака», о которой он знает лишь восточные предания (36, 45). Для русских же завоевание сыграло совсем обратную роль: оно открыло им просторы Азии, предоставив постоянный доступ на юго-восток, не только в среднеазиатские ханства, но также и в Индию; географический горизонт расширялся[66], постепенно захватывая и северные части материка, куда, вслед за ликвидацией татарского погрома и образованием нового государственного центра, должна была, в конце концов, направиться вторая волна русской колонизации. Как много могли бы узнать европейцы от русских в эти столетия распада прежней государственности и ослабления с ними торговых и культурных взаимоотношений! Русские исходили тогда всю Азию до самого Китая; в Батыевой столице Сарае было так много русских, что там в 1269 г. учреждена была русская епархия; монголы целыми тысячами приводили русских пленников в Китай, так что в начале XIII века последних было много в гвардии богдыхана; между тем, на севере новгородцы все прочнее утверждались в своих заволочских колониях, постепенно осваивая обширный край и вступая порой в столкновения с вассалами Золотой орды, которые оказывали сопротивление распространению их владений. Но в этот период, как мы уже видели, на Запад не проникало никаких известий об азиатском севере. По путям европейских посольств в Каракорум шли только сведения

рассказами, повсеместно распространенными на скандинавском Севере вплоть до XVI—XVII в. в., когда они вызвали в Швеции даже несколько ученых исследований[60]; русское сказание о гибели чуди, известное и лопарям, и самоедам, и даже енисейским юракам—с западными легендами об «антских» людях[61]. Исследователи все чаще говорят в настоящее время не только о заносах в новгородскую Русь западного легендарного предания, но и об обратной эпической волне; получая от западных купцов легенду о св. Брандане и островах блаженных, новгородцы могли отдавать им в обмен свои рассказы об Югре, как отдали в западный эпос «Илияса Русского» вместе с Васильем Буслаевым в обмен на «поганого злого Дедрика» Бернского. В XI веке Адам Бременский, рассуждая о Веси и других финских племенах Новгородского севера, применяет к ним старые сказки о песиглавцах и людях с лицом на груди, но делает при этом характерную ссылку: «На Руси их часто можно видеть пленными»[62]; несомненно, что в данном случае рассказы русских купцов и были источником его географических вымыслов, которым он лишь придал более традиционную, «классическую» форму. Еще в XVI веке иноземный мореходец заинтересовался старой русской этнографической статьей, повидимому, новгородского же происхождения (130); для тех же лет обмен опытом странствований между иноземными купцами и русскими промышленниками засвидетельствован рядом иностранных и русских источников[63]; поэтому нет ничего неправдоподобного и в том, что это могло случаться и раньше.

о средней Азии и отчасти о дальнем востоке; по указанным выше причинам, северная Азия выпадала из круга внимания; рассказы русских некому и незачем было слушать. В 1240 г. Матфей Парижский еще мог записать в свою хронику свежие вести о монголах от русского беглеца; позднее европейские легаты к монголам постоянно сталкивались с русскими по дороге в ханские ставки (Плано-Карпини пользовался русскими проводниками до Волги, у хана Гуюка встретил русского золотых дел мастера Козьму), но слушали только монголов.

Зато, когда возникло Московское государство и к нему возбужден был на Западе интерес, там быстро заметили и Сибирь. Уже в середине XV в. Москва предпринимает ряд походов на вогуличей, югричей и остяков; наиболее важные из них относятся к 1465, 1483 и 1499 гг. (67). Поход 1483 года приводит московское войско уже к низовьям Оби; повидимому, именно этот поход и был причиной распространения на Западе слухов о новых землях[67]. Ник. Поппель, тотчас по возвращении своем в Германию, послал кого-то на северо-восток от Москвы, чтобы привезти оттуда человека из племени вогулов, «питающегося сырым мясом», и живого лося для германского императора Фридриха III. В 1492 году явился в Москву некий Михаил Снупс с письмом к Ивану III от имп. Максимилиана и эрцгерцога австрийского Сигизмунда с целью изучения России и совершения путешествия на восток до р. Оби. Великий князь, однако, не отпустил его из Москвы, ссылаясь на те опасности, которым путешественники подвергались в этом отдаленном крае. В ответной грамоте о Снупсе писали в Москве: «И просил нас про то, чтобы мы отпустили его до д а л ь н и х з е м е л ь н а ш е г о г о с у д а р с т в а, и ж е е с т ь п о д в с т о к о м н а в е л и к о й р е ц е О б и, и мы его тамо не отпустили за великое расстояние далечего пути, занеже и наши люди, которые ходят тамо по нашу дань, и они проходят до тех наших земель с великим трудом за неудобность пути». Карамзин предполагал, что вел. князь не позволил Снупсу ехать дальше, будто бы опасаясь его, как соглядатая, другие исследователи, напротив, отнеслись с полным доверием к мотивировке ответной грамоты и полагали, что в Москве действительно опасались, «как бы человек императора германского не погиб среди невзгод далекого пути и среди враждебно настроенного населения зауральских земель»: «сами русские еще не были полными хозяевами в зауральской стороне и располагали слишком неточными географическими и прочими сведениями об этом крае»[68] *). Однако, еще через несколько десятков лет река Обь стала уже фигурировать на европейских картах: она изображена первый раз на карте данцигского сенатора А н т о н и я В и д а, составленной между 1537—44 гг. и вскоре затем на копии ее у базельского космографа С е б а с т ь я н а М ю н с т е р а (116, 122, 142): мы видим здесь «Золотую бабу» с поклоняющимися ей «абдорами»; недалеко от устья какого-то притока Оби (повидимому, Иртыша) на карте отмечен уже и город Сибирь[69]. Хотя на карте Герберштейна 1549 года Обь вытекает из огромного «Китайского озера» (105; 107—108), но зато у него является Урал под названием «Пояса земли», впервые под собственным именем выступает Иртыш и города Тюмень и Тером (Иером)—будущее Вер-

* Западных известий о путешествии Снупса, его замыслах и причинах неудачи, равно как и следов его реляций обо всем этом, вероятно, представленных им по возвращении из Москвы, сколько мне известно, не сохранилось. Аделунг высказал предположение, что «подлинное донесение Снупса находится в Вене или Иннсбруке», но оно не подтвердилось. Проф. Otto Stolz, директор исторического архива в г. Иннсбруке и лучший в настоящее время знаток тирольской истории, по моей просьбе, любезно произвел тщательные поиски в этом архиве, но каких-либо следов имени Снупса в нем не нашлось; древнейший документ собрания, относящийся к России, датирован лишь 1514 годом и представляет собою письмо на русском языке к имп. Максимилиану (Urkunde Nr. 6411); по мнению проф. Штольца, сведений о Снупсе нет и в других архивах Австрии; кроме того, вместе с проф. К. Бруннером он полагает, что Снупс был родом не из Иннсбрука, и даже, вероятно, не тиролец, о чем ясно свидетельствует его имя.

хотурье (110). Очевидно, как ни старалось московское правительство закрыть иноземцам все пути и способы для изучения северо-восточных окраин русского государства, это не удавалось: знакомство с ними все подвигалось вперед.

На первых порах европейские ученые ловили заезжих на запад русских людей и там расспрашивали их обо всем, что их интересовало; затем, они осмеливались заводить нужные беседы и в самой Москве, разыскивая и опрашивая очевидцев и бывалых путешественников; вслед затем они делали попытки и самостоятельно проникнуть в Сибирь. Германия получила ранние известия о России еще в 1488 г. от Н. Поппеля, а с 1489 по 1492 гг. от Юрия Траханиота, Халепы, Аксентьева, Кулешина, доктора Торна, Яропкина и Курицына[70]; от русских военно-пленных в Польше Матвей Меховский ок. 1517 г. смог разведать о Башкирии, Югре и местностях, лежащих северо-восточнее Уральского хребта; в 1519 году эти данные имп. Максимилиан поручил проверить своим послам—Франческо де-Колло и Антонио-де-Конти и последним, через посредство живущих в Москве иноземцев, удалось завести знакомство с уроженцами югорской земли и раздобыть от них кое-какие нужные сведения (84 и сл.); через несколько лет Павел Иовий в Риме записывал рассказы Дмитрия Герасимова об отдаленных народах, живущих у Северного океана (91—92); у Рамузио мы находим указание, что какой-то русский, показывая итальянскому ученому карту, объяснял, что по Ледовитому морю может быть можно проехать до островов и земель, где растут пряности, т. е. до Индии: «это мог быть Василий Власий, возвращавшийся с кн. Ярославским-Засекиным из Испании, а если не он, то тот же Дм. Герасимов». В те же годы австрийский посол Сигизмунд Герберштейн переводит в Москве «Русский дорожник» с описанием путей на Печору, в Югру и к реке Оби, «сохраняя и те названия местностей, какими они именуются у русских» (106—107). Вскоре после того, как труд Герберштейна выходит в свет (1549), открывая новую эпоху в изучении восточной Европы и быстро распространяясь по всему Западу в подлиннике и переводах—англичанин Рич. Джонсон буквально переводит, лишь с некоторыми пропусками баснословных подробностей, русскую этнографическую статью «О человецах, незнаемых в восточной стране», где говорится о самоедах, «молгонзеях»—юраках и других племенах, живущих по берегу студеного моря.

Характерно, что итальянцы все меньше принимают участия в исследовании этих стран и руководящая роль в этом отношении переходит сначала к англичанам, затем к голландцам и, наконец, к немцам. Это произошло не случайно. Открытие новых стран на крайнем Западе и Востоке повлекло за собой колонизацию заокеанских территорий и послужило толчком для мирового обмена. Глубокие хозяйственные изменения во всех странах были неизбежны. Открытие морского пути в Индию вызвало перемещение торговых центров и привело к крушению монополии в посреднической торговле арабов и итальянцев. Падение экономической мощи в Италии в эпоху чинквеченто (XVI в.) обусловлено было рядом и других причин: «завоевание Константинополя турками внесло много неожиданных трудностей в левантскую торговлю Италии. Открытие Америки и морского пути в Индию отдало дело снабжения европейских рынков пряностями в руки португальцев, испанцев, а потом и немцев. Войны, начавшиеся итальянским походом Карла VIII и кончившиеся отторжением королевства обоих Сицилий и Ломбардии, внесли разорение в страну»[71]. Италия постепенно теряла руководящее значение в системе европейского капитализма, принадлежавшее до той поры ее двум наиболее мощным державам—Флоренции и Венеции; начиналась феодальная реакция; итальянская торговля замирала, все реже высылая своих торговых агентов на запад и восток. Рафаэль Барберини, ездивший в Москву при Иване Грозном (1565) смог рассказать о Сибири почти только то, что находится и у Герберштейна (133); А. Гваньини прожил большую часть жизни в Польше (152); отдаленный север понемногу переставал занимать итальянцев; к этому прибавилось то, что на итальянцев, как и на других католиков, все больше косились в Москве.

Португалия, сделавшаяся самостоятельным государством (1415—1512) и уже в начале XVI в. предпринимавшая смелые морские путешествия на Молуккские

острова и в Китай, а затем и Испания, экономический и политический расцвет которой падает на XVI столетие, слишком захвачены были успехами своих открытий на западе, юге и востоке, чтобы заинтересоваться далекими северными морями. Северная Азия не представляла для них никакого интереса, тем более что и дипломатические сношения Испании с Московским государством были случайны и редки[72]; в эту пору Испания владела еще всеми нужными для своего процветания торговыми путями. Португальский пират Пинто (1544), попавший в Японию и Китай и встретивший там «московитов», о самой Московии имел весьма смутное представление; повидимому, именно китайцы рассказали ему о далекой «стране Москобии», равно как и об «алеманах»; если, как предполагают, Пинто и знал уже кое-что о Сахалине, то Сибирь осталась ему неизвестной вполне [73]. Можно привести здесь и другой любопытный пример: автор «Дон-Кихота» М. Сервантес для своей «северной повести» — «Персилес и Сехизмунда» в поисках северного колорита обратился к «Истории северных народов» шведа Олая Магнуса и к голландской книге Г. де-Фера о путешествии для открытия морского пути к устьям Оби и Енисея; испанской литературе север Европы и Азии остался совершенно неизвестным [74].

Иное дело — англичане и голландцы. С середины XVI века начался ряд их настойчивых попыток проникнуть в Сибирь, и эти предприятия живо заинтересовали правительства этих стран и наиболее энергичные круги торговой буржуазии.

В Англии, шедшей чрезвычайно быстро по пути капиталистического развития, проблема экспорта и завоевания новых рынков сбыта уже к середине XVI века стала важнейшей задачей. Английские компании «странствователей купцов», занимаясь вывозом английского сукна, подражая Ганзе, учреждают коммерческие подворья за границей в целях развития своей торговли и устранения иностранного посредничества в ней. Предотвращая упадок экспорта, который неизбежно грозил бы стране экономическим кризисом, в случае дальнейшего развития морского могущества соседней Испании, Англия ищет новых стран для установления с ними торговых сношений. Естественно, что первые экспедиции вновь учрежденного «Общества купцов, искателей стран, земель, островов, государств и владений, неизвестных и доселе не посещаемых морским путем» отправляются на северо-восток, в те области, которые не находятся в сфере влияния соперничающей с Англией морской державы. В 1553 году три английских корабля, плывя по тому же пути, по которому много веков назад Охтере (Отер), обогнув Нордкап, достиг устья Двины или Мезени (890 г.), попадают в Белое море (165). Вскоре завязывается интенсивная торговля англичан с Россией при помощи специально учрежденной для этого «Московской компании». Английским купцам быстро удается добиться права монопольной торговли с Россией ими «открытым» путем и разнообразные привилегии, которые они то и дело получают в Москве, обеспечивают интенсивность коммерческих, а отчасти и культурных связей между государствами Ивана Грозного и Елисаветы. Одна цель оказалась, таким образом, достигнутой. Но, вместе с тем, англичане не оставляют мысли и о проникновении в Китай северным морским путем, первая попытка к чему открыла для них Московию. Хозяйничая на Белом море, они одну за другой отправляют морские экспедиции на восток с разведочными целями (166—168), и хотя они и терпят при этом неудачи, но, вместо оказавшегося недоступным Китая, они открывают для себя Сибирь, которая также сулит немалые торговые выгоды. Как ни ограничивает любопытство англичан московское правительство, но в деле изучения прибрежной полосы северной Азии им вскоре же удается сделать замечательные успехи[75].

Английская торговля в России идет долго, правда, с временными перерывами и осложнениями; даже смутное время почти не отражается на ней; только английская революция 1648 года дает чисто внешний повод к ее ликвидации. В действительности к этому времени голландцы уже совершенно вытесняют из Московии англичан[76]. И для этого имелись весьма важные основания. Завоевав свою независимость от Испании, Нидерланды пережили могучий хозяйственный

подъем. В первой половине XVII в. их торговый флот занял первое место в Европе, превратив эту торговую республику в центральные склады зернового хлеба, вина, леса, кораблестроительных материалов, наконец и колониальных товаров. Они предпринимали дальние плавания, основывая заокеанские колонии и забираясь в Ост-и Вест-Индию. Недаром голландская «Ост-Индская компания» (1602)—торговое и арматорское предприятие—сделалась как бы прообразом всех европейских акционерных обществ XVIII века. Голландцы рано попадают и в Россию, причем их, как и англичан, особенно интересуют здесь окраины государства—Поморье, Волга и Каспий, как пути на азиатский восток. Еще в 1589 г. голландец Лука Энгельстадт представил нидерландским генеральным штатам записку, в которой рекомендовал, не смущаясь английской монополией, добиться заключения специального договора на право торга внутри русского государства. С тех пор число голландцев в Москве все более увеличивалось. Уже к началу 20-х годов XVII века упадок английской торговли за счет голландской сделался вполне очевидным: в 1618 г. в Архангельский порт пришло, напр., только 3 английских, но 30 голландских кораблей, в 1635 г.—один английский и 11 голландских; «если не представится какого-нибудь случая, то компания их (англичан) рухнет еще в этом году»,—предсказывал И. Масса (246 и сл.) еще в 1619 г. и он ошибся только на несколько лет. Мало-помалу и в деле изучения России, в частности и Сибири, англичане должны были уступить первенство голландцам.

Число немцев в России, военнопленных, купцов, мастеров также все возрастало, особенно усилившись после того, как в Москву хлынула волна эмиграции из немецких земель, разоренных тридцатилетней войной в конце XVII в. их уже насчитывалось здесь свыше 18.000. Следует еще раз напомнить, что и немцы, и шведы, и датчане имели сюда сравнительно легкий доступ, как протестанты; нуждаясь в иноземной технической силе, Москва закрывала глаза на вероисповедные различия, однако, к католикам, особенно после смутного времени, все еще оставалась глухая неприязнь и упорное недоверие; отчасти в силу и этой причины завязавшиеся было в к. XVI века через Беломорский путь торговые сношения Москвы с Францией (140) вскоре почти совершенно сошли на нет. Через посредство англичан и голландцев, а с конца XVII века и немцев, Европа и получила, главным образом, новые географические данные о Сибири. Легко видеть, что торговые интересы руководили всеми разведочными предприятиями иноземцев в России; это определяет некоторую специфическую односторонность их известий; тем не менее они оказались чрезвычайно важными и для географической науки.

VIII

Спутник Ченслора Стефен Берро, возвратившись в Англию, принял поручение компании вновь отправиться в северные моря для открытия путей на восток; в надежде пробраться к Оби, летом 1566 г. он достиг Канина носа, Югорского шара, Новой Земли, Вайгача и Карских ворот. Путешествия Берро вызвали к себе большой интерес, впервые ознакомив англичан с самоедами и рассказами русских о сибирских берегах (166, 168—169). В те же годы Ант. Дженкинсон, замышляя сухопутное путешествие в Китай, выхлопотал себе проездную грамоту через русские земли и смог добраться до Бухары (1569 г.), а через несколько лет съездил и в Персию, оставив записки и карту (117). Освоившись в Архангельске, англичане вскоре же стали пытаться морем и сушей пробиться на восток: по поручению А. Марша, русские мореходы в 1584 г. предприняли путешествие к Оби за пушниной (189—192); вскоре Фрэнсис Черри сам ездил на северо-восток, добравшись, повидимому, до северного Урала (197—198). В эпоху смуты, пользуясь разрухой, безвластием и ослаблением контроля, англичане попробовали завязать непосредственные сношения с такими северными центрами, как Пустозерск, с целью добраться оттуда и в Сибирь; об этом мы знаем из известий Джосияса Логана и В. Перглоу, которые в 1611 году смогли описать путь к Оби через Югорский шар и получить сведения об Енисее, Пясине и Хатанге, а может быть даже и об Амуре (213—235). Рич. Финч тогда же успел

собрать данные не только об Енисее и только что основанном Туруханском «зимовье», но и единственные в своем роде известия о расселении в приенисейском крае тунгусов, остяков и кетов (236—242). Джон Меррик тотчас же по возвращении И. Петлина из путешествия в Монголию и Китай смог достать и отправить в Англию его отчет об этом (198, 312—313). Все это очень скоро смогло сделаться достоянием науки и побудить к дальнейшим исследованиям: большинство английских известий, не исключая даже самых кратких и малозначительных сообщений, частных писем и случайных записок напечатал Рич. Гэклейт в своем знаменитом труде и его продолжил С. Перчез (169—170). Из этих книг теперь полными руками смогли черпать и ученые географы и составители карт, как, напр., Меркатор (170—173), и популяризаторы науки, как, напр., Д. Мильтон (301 и сл.) и беллетристы: еще в нач. XVIII в. к ним обращался Д. Дефо при обработке второй части своего романа «Робинзон Крузо» (1719), в которой он заставил своего героя проехать Сибирь по дороге из Китая в Архангельск.

Не менее важными для географической науки оказались и те известия, которые доставили в Европу голландские путешественники. Брюссельский уроженец Оливье Брюнель, служивший у Строгановых, ездил в Сибирь и потом поделился своими наблюдениями и дальнейшими замыслами открытия новых стран с Меркатором (180—182). Нидерландский купец Б. Мушерон долго лелеял мысль о снаряжении экспедиции для открытия северо-восточного прохода, чтобы разрешить ту задачу, с которой не могли справиться англичане, и по его совету нидерландское правительство в 1594 и 1595 гг. отправило туда корабли Баренца и К. Ная. Хотя и они не достигли цели, но, подобно англичанам, голландцы смогли все же собрать интересные сведения о плавании русских промышленников вдоль сибирских берегов до Оби и «Гилисси», т. е. Енисея (277—279). И опять-таки собранные ими данные тотчас же смогли попасть в научный оборот: обе экспедиции описаны в книгах Геррита де-Фера (1598) и Яна фан-Линсхотена (1601). А еще через десять лет в Амстердаме появилось уже «Описание страны самоедов в Татарии» И. Массы (1612), написанное на основании материалов, не без труда добытых в Москве, и содержавшее в себе первый исторический очерк завоевания русскими Сибири и описание путей, ведших туда из Москвы (252—254). Исторически с этими первыми голландскими исследованиями Сибири связаны и работы Н. Витсена, приезжавшего в Россию в 1664 г., а затем, в течение тридцати лет, путем переписки и расспросов неутомимо собиравшего разнообразные материалы о Сибири; они увидели свет на пороге нового века (1692, 2-ое изд. 1705) в обширной энциклопедии или хрестоматии «Северная и Восточная Татария», открывшей новую эпоху в деле изучения европейцами Сибири.

Для XVII века меньшее, чем английские и голландские, но все же очень крупное значение имели также труды немецких, датских путешественников, непрерывно расширявших запас сведений о Сибири и наполнявших европейское представление о ней более или менее достоверным фактическим материалом.

Энергичные попытки ознакомления с Сибирью иноземцев не могли не обратить на себя внимание московской власти. Действительно, уже с ранних времен мы видим с ее стороны самые серьезные намерения воспрепятствовать такому ознакомлению: на всякую, даже косвенную попытку в этом направлении в Москве смотрели с подозрительностью и опаской. А. Маршу в 1584 г. запретили поездку к Оби и отняли купленные там его русским комиссионером меха (190, 202). Когда английский посол И. Боус в том же году потребовал, чтобы царь открыл англичанам приморские пристани устьев Печоры, Оби, Енисея (Исленди реки), то последовал ответ, что «тому статись невозможно», т. к. в этих краях водятся соболи и кречеты, товары слишком дорогие, чтобы их отпускать в английскую землю и Московскому государству «как без того быти»... Из договора Б. Мушерона с Зеландскими штатами видно, что он понес значительные убытки в России после того, как здесь распространилась молва об его географических изысканиях: ему запрещено было торговать в России; полагают даже, что «агенты Мушерона, добывавшие сведения о северо-восточных краях, возбудили подозре-

ние московского правительства и были высланы из России». Такой же политики московское правительство придерживалось и в XVII веке. Лишь пользуясь смутою смогли англичане пробраться и на Печору и в «Пермский край». Но с восстановлением твердой власти их вновь водворили на старые места и крепко закрыли Поморье от любопытных иноземных взоров. В 1616 г. в Москве получено было письмо тобольского воеводы Куракина, который высказывал опасения что «немцы» воспользуются морской дорогой от Архангельска до Мангазеи для торговли с сибирскими инородцами (220); в ответ на это последовал «торговым и промышленным людям всех городов и ясачным самоедам и татарам» крепкий наказ: «чтобы немецких людей на Енисей и в Мангазею никого не пропускали, и с ними не торговали и дорог им ни на какие места не указывали». Когда в 1615 г. в Карской губе снова появились «немецкие люди»—голландская экспедиция под командой Корн. Босмана,—московское правительство, получив об этом сведения, снова подтвердило прежние запрещения[77].

Неудивительно, что иностранцы и в самой Москве с великим трудом и опасениями собирали нужные им данные о Сибири. Об этом пишет, напр., Масса (252): по его словам, только дружба с несколькими придворными обеспечила ему успех, однако «они могли поплатится за это жизнью, т. к. русский народ чрезвычайно недоверчив и не терпит того, чтобы открывали тайны его страны».

Получение необходимых сведений требовало энергии, изворотливости, настойчивости, связей, а главное денег: последние зачастую открывали все. Еще Герберштейн смог достать и перевести «Русский дорожник», вероятно, официального происхождения. Умудрялись доставать даже карты. Чертеж Сибири П. Годунова (1667) в следующем же году по его составлении мог скопировать швед Клас Прютц, бывший в Москве с посольством Кронемана, «настолько хорошо,— по его собственным словам,—насколько это было возможно сделать с плохо сохранившегося оригинала, данного мне лишь на несколько часов кн. Иваном Алексеевичем Воротынским, с тем, чтобы я его только посмотрел, но отнюдь не вычерчивал»; ту же карту скопировали швед Эрик Пальмквист и немец А. Шлейсинг в 1690 г.[78]. Интересную карту Сибири скопировал и иезуит Ф. Авриль по оригиналу, хранившемуся в Посольском приказе и потом утерянному, а в одной из московских «канцелярий» ему удалось достать даже записки Николая Спафария, ездившего с официальным поручением в Китай (1675—1677); здесь Авриль нашел весьма важное для него описание шести дорог из Москвы в Китай. «Все это,—замечает Пирлинг,—по московским понятиям должно было оставаться государственной тайной. Сам Спафарий, когда его назначили приставом к Де ла-Невиллю в 1689 г., охотно рассказывал про Китай, но точных данных не давал, якобы из опасения батогов». Другой иезуит—Франциск Эмилиан, миссионер в Москве, рассказывая в письме о самоуправствах одного из сибирских воевод, прибавляет: «Я имел все это дело из канцелярии (за деньги ведь можно иметь все), но у меня не было переводчика, который мог бы списать это»...[79].

Конечно, у заезжих в Московию иностранцев находились и другие, более легальные способы для увеличения своих познаний: сталкиваясь с бывалыми людьми или приезжими в Москву туземцами далеких сибирских окраин, они расспрашивали их и записывали полученные ответы в свои дневники и отчеты. Барберини «разговаривал и даже ел с двумя охотниками, которые были при дворе по случаю привоза своей обычной дани государю» и, если верить ему, именно от них записал рассказ о лукоморцах (134); Флетчер беседовал с самоедами (203); Олеарий, ожидая своей очереди на аудиенцию к царю, «пустился в разговор» с самоедами, приехавшими в Москву для той же цели: «они говорили откровенно и понятно, отвечая на вопросы вполне достаточно, так как они хорошо понимали русский язык, на котором я обращался к ним через моего переводчика» (293). Еще больше получали иноземцы от русских промышленников и торговых людей, которые в простоте сердца охотно делились с ними своими знаниями, видимо, и не подозревая, какое те сделают из этого употребление. «Лодейник» Лошак, простосердечно обещавший Стефену Берро, в случае благоприят-

ной погоды, сопровождать английский корабль до Оби; письмо русских промышленников к А. Маршу (190—191) и его русский служащий, по имени Богдан, которого за грехи хозяина отправили в Москву, заключили в тюрьму и там «высекли, продержав долгое время» (192); собеседники Фрэнсиса Черри, от которых он слышал многие рассказы о восточных краях и которых считал «великими путешественниками» (199); «Абрам Михайлович»—таможенный чиновник г. Сургута, посвятивший английского купца в таможенные обороты этого города (284); некий Филат, сообщивший тому же англичанину все то, что он знал о тунгусах (284)—все это яркие примеры того значения, какое для иностранцев, в деле познания Сибири, имели русские сообщения. Логан, рассказывая о рыбных богатствах Оби, замечает: «но местные жители и русские не хотят, чтобы мы туда ехали» (216) и между тем его дневники полны рассказов этих самых русских. Все они, сами того не зная, творили великое дело созидающейся географической науки. Лишь редко, уже на исходе XVII века, мы встретим у русских, сообщающих иностранцам сведения о Сибири, не проявление корысти или наивного легкомыслия, а попытку сознательного содействия восстановлению географической истины. Ф. Авриль рассказывает о встрече в Москве в 1689 г. с русским воеводой И. А. Мусиным-Пушкиным, который предложил французскому иезуиту свою теорию о причинах сходства туземцев американских островов с жителями реки Колымы и которого последний характеризует как «одного из умнейших людей, каких только видал я, в совершенстве знающего все земли за Обью, т. к. он долго был интендантом в канцелярии сибирского приказа» («intendant de la chancellerie du département de la Sibérie»...)[80]. К подобным же помощникам науки следует причислить многочисленных русских корреспондентов Витсена: московский живописец Станислав Лопуцкий шлет Витсену в Амстердам новую карту русского севера[81]; от «некоего господина, проживавшего в Архангельске» Витсен получает «описание самоедов Новой Земли», из Соликамска—сведения о путях из Сибири, из Тобольска—сообщение «относительно русского христианства в Китае и про калмыцкого государя Бушухту-хана»; из Селенгинска в 1686 г. ему пишут письмо про проезд через Байкал; даже из Мангазеи присылают «известие о самоедах». «Корреспонденты Витсена принадлежат к самым разнообразным слоям русского общества, начиная от самых высоких сфер. Описание некоторых областей Сибири было для него написано «одним знатным русским боярином, объехавшим их в 1689 г.»; от думного дьяка А. Виниуса, заведывавшего Сибирским приказом, он получал официальные документы, вроде статейных списков И. Ф. Байкова и Ф. А. Головина, «Сказки» Владимира Атласова или грамоты китайского императора Кан-Си»...[82].

Корреспондентами Витсена и других европейских ученых и писателей были, однако, не только русские, но и иноземцы; помимо иностранных купцов это были «иноземцы на русской службе», которые наводнили Россию в XVII веке. Нельзя не учесть и их важной роли в деле распространения на Западе известий о Сибири. Таких иноземцев можно разбить на несколько категорий: военнослужащие, пленные и ссыльные, «техническая интеллигенция», вроде «рудознатцев» и врачей.

Еще в XVI веке в эпоху счастливых для Москвы войн Ивана Грозного с Литвой, Ливонией и Швецией и в столице и по другим городам появилось много «пленных немцев» и «литвы», «которых можно было купить, как продажную военную добычу и обратить в крепостную зависимость». За скупкой полонных людей ездили и Строгановы в Москву и Ярославль и в результате к ним попали «полонские люди немцы и литвяки», по купчим «иманые и купленые»[83]; неудивительно, что, снаряжая Ермака в поход за Урал, Строгановы, в подмогу его дружине, по словам сибирских летописей, «своих людей даша им, н е м е ц и л и т в ы триста человек»[84]; немало иноземцев было, вероятно, и в позднейших регулярных войсках, ведших борьбу за овладение Сибирью; так еще в 1635 г. литовцы и немцы были посланы против бурят[85]. В 1633 году в Тобольске при 552 чел. служилых было 170 иноземцев—литвы, поляков, черкес и немцев; в 1661 г. московское правительство послало в Тобольск многих европейских офицеров, «приказав из городовых служилых людей тобольского разряда устроить пехотный

тысячный полк и другой рейтарский пятисотный»...[86] Конечно, еще больше иноземцев было среди «полоняников», сосланных в Сибирь; были поляки, литвины, «немцы цесарской земли», немцы ливонские и шведские, даже «один французенин» (211—212); в конце 90-х гг. XVII века ссыльных иноземцев в Тобольске было так много, что, по словам Ю. Крижанича, он получал от них там даже заграничные газеты[87]. То же наблюдалось и в других городах; так, напр., в состав населения Томска в 1623 г. в большое количество пленных поляков и литовцев входило несколько человек и «немцев»[88]. Еще в 1607 г. в Сибирь сосланы были 52 немца, и среди них «лекарь Фидлер, не исполнивший обещания, данного царю Василию Шуйскому—отравить Болотникова, защищавшего Тулу»[89]. Все эти иностранцы порою делились и на западе своими сибирскими впечатлениями; так, Иоганн Арнольд Бранд, доктор прав и профессор университета в Дюисбурге, ездивший в Москву в 1673 году вместе с бранденбургским посольством Иоахима Скультетуса, получил там рукописное описание Сибири от некоего Альбрехта Доббина, «родом из Ростока, который был капитаном шведской службы, затем приехал в Москву и в той же должности отправлен царем в Сибирь, где он провел семнадцать лет»[90]. «Я слышал от одного немца, бывшего в ссылке в Сибири и наезжавшего иногда в Югорию, что югры говорят на собственном наречии»,—замечает Мейерберг в 1663 году. Интересное описание путешествия в Тобольск в 1666 г. оставил нам и какой-то неизвестный пока по имени немецкий офицер на русской службе (325 и сл.); общеизвестно то замечательное «Повествование о Сибири», которое написал бывший в ссылке в Тобольске Юрий Крижанич по поручению датчанина Гильдебранда фон-Горна (1680). «Описание Вайгачского пролива» дошло до Витсена «в письме одного служилого человека из верхненемецких земель, который, состоя на службе их царских величеств, побывал в тех местах»; из Лондона ему прислали «Сибирский дорожник», составленный «на английском языке одним военачальником на службе их величеств»[91]. Родес доносит шведской королеве Христине о присылке двухсот стрельцов Францбекову (т. е. Фаренсбаху, назначенному в 1648 г. якутским воеводой): «Идет также слух, что решились отправить туда несколько чужестранных офицеров для их предполагаемого путешествия в Америку и чтобы продолжить полное овладение богатой страной, открытой упомянутым Францбековым»[92]. Эти примеры можно было бы еще увеличить. Рядом с военными и ссыльными стоит группа иностранных инженеров, мастеров горного дела и врачей, которые также навещали Сибирь или даже подолгу жили в ней. В к. XVII в. «рудознатцев» отправляли «для сыскивания золотых и серебряных руд» в самые различные местности—в Верхотурье, в Тобольск и в Китайский острог[93]; о них рассказывает Ю. Крижанич, а один из сохранившихся документов эпохи дает весьма характерную картину из жизни таких рудознатцев, которые, как видно из дел, чувствуя, что в них есть большая нужда, держали себя в Сибири весьма непринужденно: когда послан был из Москвы в Сибирь «для опыта и плавления серебряные руды Михайло Селин да с ним рудознатный мастер Крестьян Дробыш с товарищи» и «для переводу языка» капитан Калус, первый из них бил челом царю, что Дробыш и Риман «государеву серебряному делу не радеют», а последний «толмачит не в правду», «оба ехали они дорогой мешкотно, с большим прохладом в городех, и дорогою стояли... проводников били и увечили, а на Шуйском яму застрелили из пищали до смерти ямщика, и людем своим табаком торговать велели... у крестян баранов в деревнях имали и по курам стреляли»; он же, Селин, при всем этом «молчал за неволю» чтобы «их, иноземцев, не рассердить» и «делу порухи не учинить»...[94] Н. Оглоблин напечатал также весьма любопытную в бытовом отношении «челобитную доктора-немца об отпуске из Сибири» (1702 г.)[95].

Количество иноземного, но уже до известной степени руссифицированного населения Сибири, сыгравшего такую громадную роль в деле ее культурного строительства, еще к сожалению не учтено, но достаточно здесь назвать хотя бы Дорофея Афанасьевича Траурнихта, этого «немецкого воеводу» («ein teutscher Woiwode...») Якутска, как его называет Г. Ф. Миллер[96] или

«московского списка дворянина» Афанасья Ивановича Бейтона,
мужественного защитника Албазина, который, по словам того же Миллера, был
«vom Geburt ein Preussischer oder Polnischer Edelmann», наконец и Андрея
Виниуса, московского переводчика и позднее думного дьяка Сибирского
приказа...[97] Всем им также принадлежит хотя бы косвенная роль в деле передачи
на запад сведений о Сибири. Упоминать ли, наконец, об иноземцах, в звании
русских послов ездивших в Китай и составивших быстро распространившиеся в
Европе записки—Спафарии, Елизаре Исбранте? Это были уже предшественники
ученых иностранцев XVIII века—Мессершмидта, Миллера, Гмелина и Палласа,
которым суждено было открыть Сибирь для разностороннего и подлинно-
научного исследования.

IX

Так шло изучение Сибири иностранцами вплоть до XVIII века,—при много-
образной форме посредничества русских людей,—прямыми и окольными путями.
В передаче на Запад географических данных об этой стране так или иначе при-
нимало участие и московское правительство и все общество допетровской эпохи
снизу доверху—от промышленников и «охочих людей» до знатных бояр, не гну-
шавшихся общества чужеземцев, или падких на денежные награды дьяков московских
приказов. Добытые сведения попадали в западную литературу, являлись новыми
вкладами в науку землеведения, их использовали при исправлении карт Азии. Зна-
чение русских открытий для географического кругозора эпохи подчеркнуто уже
давно[98]; быстрое освоение русскими громадной территории доныне повергает в изум-
ление исследователей, но они при этом подчеркивают чисто стихийный характер
русской экспансии к Тихому океану, которая, при культурной отсталости совершав-
шего захват «новых землиц» населения, не могла будто бы играть никакой циви-
лизующей роли и принести ощутительные результаты для научной мысли[99]. Мы
видели, что это не совсем так. Иностранные известия, сохранившие нам имена и
рассказы о деяниях русских «охочих людей», рисуют несколько иную картину:
не говоря уже о важной роли их посредничества, мы чувствуем в них порою
вполне сознательных наблюдателей и рассказчиков, которые знали много больше,
чем хотели передавать, и которым недоставало лишь «книжной» культурности,
чтобы использовать свои сведения так, как это сделали за них иностранцы. Быть
может, именно поспешность завоевания, требовавшая максимальной деловой ак-
тивности, отвлекала их от изучения и описания того громадного края, в который
они входили, однако, плененные своеобразием его людей и природы: «На сем же
камени растяху деревие различное: кедри и певга и прочая; в них же жительство
имеют зверие розличнии, ови подобни на снедение человеком, ови же на украше-
ние и одеяние риз... Много же и сладкопесневые птицы, паче же и многоразлич-
ные травные цветы...; реки тамо бысть пространные и прекрасные зело, в них
же воды сладчайшие и рыбы различные множество; на исходящих же сих рек
дебрь плодовитая на жатву и скотопитательные места, пространна зело»... «Горы
высокие, дебри непроходимые, утес каменный яко стена стоит и поглядеть—за-
ломя голову; в горах тех обретаются змии великие, в них же витают гуси и ути-
цы, вороны черные и галки серые, орлы и соколы, кречеты и лебеди и иные
дикие»,—пишет Аввакум. «В том же Сибирском царстве живут люди розноязычни.
Первие татаровя, также вогуличи, остяки, самоедь, лопане, тунгусы, кир-
гизы, калмыки, якуты, мундуки, гвиляги, гарагили, имбаты, зеншаки, сымцы,
аринцы, моторцы, тогинцы, сиянцы, чаландасцы, камасирцы, и их много разно-
язычных людей в том великопространном сибирском царстве...»[100] Многое по-
ражало в Сибири русского пришельца, а он все дальше шел на восток и за ним
не могло поспеть и любопытство иноземцев; уже к середине XVII века, менее
чем через столетие после походов Ермака, русские дошли до Тихого океана, а в
конце того же столетия уже искали за восточным морем «большую землю»—Аме-
рику, которая, действительно, и была вскоре найдена—сперва подштурманом Фе-
доровым и геодезистом Гвоздевым (1732), а затем Берингом и Чириковым (1741).

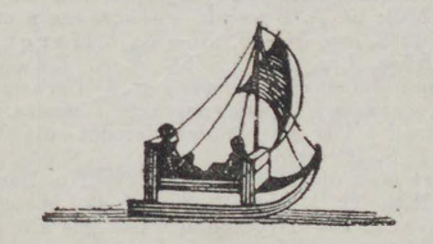
На границе Аляски и Канады русские встретились с англо-саксонцами, которые к тому же времени прошли весь американский материк. Только теперь, со времени отправленных в Сибирь Петром географических экспедиций могло начаться планомерное изучение завоеванных краев.

Итак, именно русские открыли европейцам северную Азию—через посредство иноземцев, бывавших в Москве. Какое значение имеют их известия для науки? Они интересны для нас с разнообразных сторон; они зафиксировали такие факты, о которых молчат русские источники, явившись тем самым важнейшим материалом для истории и исторической географии; они осветили далекие северные просторы, оказав самое значительное влияние на развитие познания земли. Но все же они несколько односторонни: иностранный интерес к Сибири зачастую не был бескорыстным проявлением любознательности, и это не могло не оставить на них своеобразного отпечатка.

Конечно, они далеко неравноценны, хотя каждое известие интересно и характерно в своем роде. Большинство из них принадлежит торговым людям, дипломатам посольств или случайным людям на русской службе. Ученые среди них встречались редко (Герберштейн, Олеарий, Коллинз, Витсен); перед каждым стояла чисто практическая цель. Отсутствие в Сибири дорог, затруднительность сообщения привлекали особое внимание к водным путям, как к главным артериям транспорта; неудивительно поэтому, что гидрографические данные стоят в этих известиях почти всегда на первом месте. Далее шли, вызванные теми же торговыми надеждами, известия экономического порядка—условия сибирских рынков, перспективы сбыта товаров и получения ценного пушного и рыбного сырья; последнее открывало интерес к области зоологии, природных и климатических условий края (ср., напр., 145, 191); у Коллинза (1670), в связи с полученным им естественно-историческим образованием и специфическими интересами его, как медика, мы находим уже попытку дать более или менее цельную характеристику флоры и фауны Сибири. На последнем месте, однако, всегда стоял человек: его замечали не так охотно, а иногда и с досадой,—отчасти это стоит в связи с поздним развитием антропологии и этнографии как науки. Эпоха великих географических открытий вплотную поставила человека перед загадкой происхождения рас и эволюцией культурного развития. Однако, еще не скоро европейцы смогли отказаться от чувства культурного превосходства над туземными племенами Америки, Африки и Азии—для объективной оценки и непредвзятой точки зрения[101]. Это столь же явственно сказывается и в приводимых известиях европейцев о туземных племенах Сибири: они однообразны и часто мало интересны. Авторы нередко ограничиваются самыми шаблонными отзывами: сибирские жители составляют «варварское и дикое племя» (183—184); это люди «дикие и даже совершенно варвары» (150); лишь изредка проглядывает стремление объяснить, почему в них больше «звериного, чем человеческого» (97); «поскольку леса заполняют эти земли, люди стали одичалыми и озверелыми» (80, 88, 89). Шлейсинг дает уже самую отрицательную характеристику как туземного, так и русского населения в Сибири. Среди всех этих высокомерных отзывов, основанных не столько на собственных наблюдениях, сколько на оценках предшествующих писателей, попадаются, однако, очень любопытные указания, которые, с пользой для себя, использует историк и этнограф: таковы, напр., английские известия о расселении туземных племен по Енисею (240, 241—242), этнографический этюд Флетчера о самоедах, с зачатками антропологического анализа (203), рассказы Массы о тунгусах (265), другие голландские и английские известия о самоедах (261—262, 280—281) и др. Анонимный путешественник в Тобольске в 1666 году приводит в своем сочинении уже довольно подробные этнографические описания тобольских татар, бухарцев, калмыков, вникая в их внешний быт (одежда, жилище, пища) на основании систематически производившихся наблюдений (325 и сл.). Естественно, что характеристика языка сибирских туземцев должна была особенно затруднять иностранцев; лингвистические изучения в Европе только начинались[102]; поэтому в этом отношении все приводимые известия не дают

почти никакого материала. Мы находим в них самые неопределенные данные, вроде, напр., свидетельства, что «княжество Сибирь» говорит «особым языком» (210) или что туземцы «не владеют общепонятной речью» (105), «лишены способности членораздельной речи» (97) и т. д. В отдельных случаях подчеркивается разнообразие языков, на которых говорят в Сибири (80) или даже различие языков в пределах одного и того же этнографического целого (127, 216: о самоедах; интересно указание А. Доббина на три различных племени остяков, «из которых одно почти не в состоянии понять другое»); попытки сообщить отдельные туземные слова (144, 266, 272) или определить их смысл, еще явно неудачны. И в этом случае анонимный путешественник в Тобольск (325 и сл.) дает гораздо больше, чем остальные источники, т. к. он приводит небольшие словарики «пермских» и «татарских» слов на основании собственных записей. Конечно, чем ближе подвигаемся мы к XVIII веку, тем разнообразнее и обширнее становятся рассказы иностранцев о Сибири. В общем же все приводимые нами источники дают несомненно богатый и очень разнохарактерный материал, ценность которого можно учесть лишь в специальных исследованиях.

В XVIII веке Гмелин писал, что к тому времени северная Азия оставалась еще «погруженной для географов в глубокий мрак». Этот вывод должен быть теперь несколько ограничен; в действительности во многих отношениях она сделалась им известна значительно раньше, пусть медленно, но неуклонно превращаясь из страны легенды и вымысла в страну вполне реальных географических очертаний и постепенно наполняясь все более богатым содержанием, которое нельзя игнорировать при современном изучении Сибири.

ПРИМЕЧАНИЯ

II

1. В. Бартольд. История изучения Востока в Европе и России, изд. 2-е, Лгр. 1925, стр. 191; ср. А. Миддендорф. Путешествие на север и восток Сибири, СПб. 1860, ч. I, отд. I. стр. 29.

2. В. П. Клингер. Сказочные мотивы в истории Геродота. «Университетские Известия» (Киев), 1902, № 11, стр. 87—88; 1903, № 3, стр. 199—200. Реальную основу этой легенды пытался, однако, подчеркнуть еще В. Н. Татищев (История Российская, кн. I, М., 1768, стр. 105—106): «сия басня мню от того сложена, что для трудности перехода [через Урал]... мало в ту страну ходили, а особливо зимою для множества снегов проход кроме лыжей был неудобен... И как люди тамошние в то время не выходили, то сложили, якобы они все то время спят. Сию басню Плиний шестимесячным днем утвердить прилежал... и может у калмык южных гор от Сибири Алтаи шестимечные от того названы».

3. В. Клингер, op. cit., стр. 199.

4. Tomaschek. Kritik der ältesten Nachrichten über den Skith. Norden «Sitzungsberichte d. Philos.-hist. Classe d. K. Akademie d. Wiss.», Wien, Bd. CXVI, 1888, S. 815—780; Bd. CXVII, S. 1—70. Ф. Мищенко. Известия Геродота о вне-скифских землях России. ЖМНПр. 1896, № 12, стр. 103—124; Matzet. Über bie Glaubwürdigkeit der geographischen Angaben Herodots über Asien—«Hermes» VI (1882); Ф. А. Браун. Разыскания в области гото-славянских отношений, СПб. 1899, стр. 84—85, 87—88; I. Marquart. Osteuropäische und Ostasiatische Streifzüge, Lpz. 1903, S. 54. А. И. Покровский (Геродот та Аристей—«Юбілейний Збірник на пошану Д. I. Багалія». Киев, 1927, стр. 323—340) значительно ограничил смелые догадки Томашка. Отдельные замечания см. в статье R. Hennig'a. Der Araxes des Herodot—die Wolga, «Petermann's Mitteilungen», 1929, 7—8, S. 169—174.

5. Heeren. Ideen über die Politik, den Verkehr u. Handel der vornehmsten Völker d. alten Welt[4], 1824, Th. I, Abt. 2, S. 264; Ф. Мищенко, op. cit, стр. 118—119; Aug. Glagisch. Die Hyperboreer und die alten Chinesen, eine historische Untersuchung, Ostrowo, 1866.

6. Такое мнение высказано недавно в статье: R. Hennig. Ein Kapitel zur Klasstellung antiker Wirtschaftsgeographie, «Rheinisches Museum», 1930, Bd. LXXII, S. 328 ff. Весьма убедительную критику основных положений R. Hennig'a представил проф. Б. В. Варнеке в докладе, читанном в секции археологии ВСГО в Иркутске в мае 1931 г. и, к сожалению, еще не напечатанном. В. Татищев, Ист. Росс. I, 106 заметил об аримаспах: «Дионисий Периегет вымыслил сие о самоедах, яко для стреляния из лука один глаз жмурят, которое Мартиньер в Лексиконе географическом правильно за басню почел». Еще недавно А. П. Чулошников («Очерки по истории казак-киргизского народа», Оренбург, 1924, стр. 14) писал о тюрках: «несомненно ими были аримаспы Аристея, жившие севернее исседонов и еще в VIII в. (!) предпринимавшие походы... в бассейн Тарима и в горную область Алтая, где под «грифами», охранителями золота... они, конечно, встречались... ни с кем иным, как с промышленной народностью чудью» (!) B. Laufer в лейденском журнале «T'oung Pao», vol. IX, p. 452 выводит имя аримаспов из монгольск. äräm-däk.

7. А. И. Соболевский. Русско-скифские этюды, «Известия Отд. Р. Яз. и Словесности Ак. Наук», 1921, XXVI, стр. 32—33. Другие этимологии Рифейских гор см. у нас ниже, стр. 26—27; о грифах в греческой литературе и искусстве: В. Клингер, op. cit., стр. 163 и сл.

8. М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. Лгр., 1925, стр. 16—17.

9. Ellis, Minns. Scythians and Greeks, Cambridge, 1913, ch. IX; выводы автора о связи скифского «звериного стиля» с Сибирью, впрочем, ограничены М. И. Ростовцевым, ЖМНПр. 1913, № 11, стр. 183.

10. А. И. Соболевский, op. cit., т. XXVII, стр. 289; сходное мнение высказал и М. К. Фаст («О скифском вопросе» — «Труды XIII Археол. съезда», т. 1, стр. 105): «Гиппократ имеет в виду не южно-русский, а северо-азиатский край».

11. O. Brenner. Nord und Mitteleuropa in d. Schriften, d. Alten, München, 1877 S. 23—28.

12. В. Клингер, op. cit., стр. 89; В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе, т. II, вып. I, СПб., 1904, стр. 55 сл.

13. A. Riese. Die Idealisierung der Naturvölker des Nordens in d. griechisch. u. Röm. Literatur, Frankf. a. M., 1875, S. 7. Сл. М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. стр. 89 и сл.

14. В. Бартольд. История изучения[2], стр. 41 и сл.

15. М. Ростовцев. Скифия и Боспор, стр. 87—88.

16. Плиний рассказывает, что Патрокл проехал из Индии Восточным и Северным океаном в Дирканское (Каспийское) море, заставляя его, т. о., открыть северо-западный проход, но из Страбона мы знаем, что Патрокл считал лишь возможным такое путешествие; это мнение разделял и Страбон: K. J. Neumann. Die Fahrt d. Patrokles auf dem Kaspischen Meere, «Hermes», XIV (1884), S. 180—181. Анализ сведений Страбона о Сев. Азии: J. Cuno. Forschungen im Gebiete d. alten Völkerkunde, I, Berl., 1877, S. 114 f. О причинах этого ошибочного представления о Каспийском море существуют различные догадки: см., напр., Sieglin u. Philipp («Berliner Philologisch. Wochenschr.», 1915, S. 1216); по мнению Partsch'а (Zs. d. Gesellsch. f. Erdk. zu Berl. 1918, S. 70) наличие в нем тюленей способствовало мысли, что оно соединяется с океаном.

17. Б. Дитмар. География Эратосфена, «Землеведение», XXXI (1929), вып. 4, стр. 273—296.

18. E. Bunbury. A History of ancient Geographie, Lond., 1883, vol. II, p. 596—597.

19. K. Mannert. Geographie d. Griechen und Römer. Der Norden d. Erde. Lpz., 1820, S. 483 f.

20. K. Mannert, S. 484—486.

21. K. Mannert, S. 486.

22. Аммиан Марцеллин. История. Перевод Ю. А. Кулаковского, вып. II, Киев, 1907, стр. 188. Ср. М. И. Ростовцев, там же стр. 82—83.

III

23. K. Dieterich. Byzantinische Quellen zur Länder und Völkerkunde (5—15 Jahrh), Lpz., 1912, Th. I, Einleitung.

24. О теории космы: K. Kretschmar. Die physische Erdkunde im Christlich. Mittelalter (Geographisch. Abhandlungen, hrsg. v. A. Penck, Bd. IV H. 1), S. 41—46; E. O. Winstedt. The Christian Topography of Cosmas Indicopleustes, Cambridge, 1909, p. 128 sq. G. Marinelli. Die Erdkunde bei den Kirchenvättern. Deutsch von L. Neumann, Lpz., 1884 S. 44—53.

25. K. Dieterich, op. cit., Th. II, S. 133.

26. А. Н. Веселовский. Русские и вильтины, «Изв. О. Р. Яз. и Слов. Ак. Наук», 1906, 3, стр. 121—122; К. Ф. Тиандер. Поездки скандинавов в Белое

море, СПб., 1906, стр. 41, 72; вопросу о познаниях Иордана восточной Европы недавно посвятил статью J. Mikkola. «Die Namen d. Völkers Hermanarichs» — «Finn.-Ugr. Forsch», XV, 1922.

27. Ю. Кулаковский. К истории Боспора Киммерийского в конце VI в. «Византийский Временник», III, стр. 10—12.

28. О путешествии Земарха и других византийских известиях: Ed. Chavannes. Documents sur les Tou-Kiue (Turcs) occidentaux — в «Сборнике трудов Орхонской экспедиции», VI, стр. 233—535; «Эктаг» означает не «Золотую гору», как полагал Менандр, но вероятно «Белую гору, под которой чаще всего подразумеваются Алтайские белки (см. Bury. «The English Historical Review» 12, 1897, p. 426; Д. Клеменц. Древности Минусинского музея, Томск, 1886, стр. 71—72; И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, СПб., 1900, вып. III, стр. 9—7; ср. еще: Л. Берг. Аральское море, СПб., 1908, стр. 4—6). L. Cahun («Introduction á l'histoire de l'Asie, Paris, 1896, p. 58) полагает, что византийцы произвели это название от древнего турецкого корня эк, эги, что значит «высокий».

29. Риттер. Землеведение Азии, III, 178; L. Cahun (op. cit. p. 115) признал в этом несомненно искаженном византийцами имени — имя племени Turkéch или Тӱргäш, как транскрибирует его ак. Радлов в своем издании Орхонских надписей. О границе области киргиз в VI в. см. В. Бартольд. Киргизы. Ист. очерк, Фрунзе, 1927, стр. 10—11; Чулошников, op. cit., стр. 27.

30. Ю. Кулаковский. К истории Боспора, стр. 12—13.

31. K. Dieterich. Op. cit., Th. I, S. 20, 22, 23; В. Бартольд. История изучения Востока[2], стр. 51.

32. Византийские известия о пра-истории Венгрии собраны у H. Schönbaum. Die Kenntnis magyarischen Geschichtsschreiber von der ältesten Geschichte der Ungarn vor der Landnahme, Berl. u. Lpz., 1922. В венгерских хрониках очень неясно говорится о реке Togora, которая течет «пустынными лесами и болотами, мимо снежных гор, где солнце светит в туманах» и, наконец, вливается «в Северное море» (Симон из Кезы). В Венской иллюстрир. хронике и у Туроца та же река называется Thogata. Гунфальфи видит здесь воспоминание венгров об Иртыше, который, по Кастрену, называется у остяков Тангат или Тлангатль (см. Hunfalvy, Ethnographie von Ungarn, Budarest, 1877 S. 185; J. Marquart. Osteuropäische u. Ostasiatische Streifzüge, S. 59—60). Г. Ляскин. Сочинения К. Багрянородного о фемах и о народах, М., 1899.

33. «Византийские историки», СПб., 1863: Летопись Г. Акрополита, перев. И. Троицкого, стр. 63—64; здесь же и выписка из Н. Григоры.

34. K. Dieterich. Op. cit., Th. II, S. 24—25.

IV

35. В. Бартольд. История изучения Востока[2], стр. 191.

36. В. Бартольд, там же, стр. 54.

37. G. Marinelli. Die Erdkunde bei den Kirchenvättern, Lpz., 1884, S. 23 f., 28—29, 30—32; цитаты из Иосифа Флавия, Иеронима, Прокопия и т. д., см. Max Uhlemann. Über Gog und Magog, Separatabdruck, s. l. a., S. 266—267; еврейские писатели о Гоге и Магоге до Мухаммеда в ст. Beer'а в «Zeitschr. d. deutsch. morgenl. Gesellsch.», IX, 785—793; Marquart, op. cit., S. 281—282; ср. А. Н. Веселовский. Южно-русские былины. Сб. О. Р. Я. С., т. XXXVI (СПб. 1885), стр. 175, 178—179 прим.; его же: Опыты по истории развития христ. легенды. ЖМНПр. 1875, № 4, стр. 293, 303—304, 313—314; «Виз. Временник», IV, 1897, стр. 551—552, 558; сл. Yule, Marco Polo I, p. 56—57; A. Bovenschen — «Zs. d. Gesellsch f. Erdk. zu Berlin», XXIII, S. 300—301. J. Bömer. Wer ist Gog. u. Magog, «Zs. f. Wiss. Theologie», 40 (1867). 3. Oscar Peschel. Ursprung und Verbreitung einiger geographischen Mythen im Mittelalter, «Deutsche Vierteljahrschrift», 1854, H. 2, S. 250—257; Heinemann Vogelstein. Adnotati-

ones quaedam ex litteris orientibus petitae ad fabulas quae de Alexandro magno circumferuntur, vratislav. 1865, S. 27—46: «Fabula de vallo in Gog et Magog exstructo de Alexandro et Dulkarnaino».

38. Н. Пантусов. Как далеко простирались сведения арабских географов вглубь средней Азии—«Изв. Общ. Арх. Ист. Этн. при Казанск. университете», т. XXV, вып. 5, 1909, стр. 93—105, автор, согласно с Stüwe (Die Handelszüge der Araber... durch Afrika, Asien und Osteuropa, Berl., 1836, S. 359 ff.) видит здесь указание на Алтай, в противоположность д'Оссону, который полагал, что Селлам пробрался к Уралу. В названии Элкеш Штюве видит остяков, Дегинь и Френ считают их уйгурами, Риттер (Erdkunde I, S. 1127)—хакасами; о стене Зюль-Карнейна см. еще труд де-Гуэ, названный у нас ниже, на стр. 45. Прочая литература у В. Бартольда. История изучения[2], стр. 61.

39. J. Marquart, op. cit., S. 89—90; В. Григорьев. Об арабском путешественнике X в. Абу-Долефе и странствовании его по средней Азии—ЖМНПр. 1872, ч. CLXIII, стр. 23.

40. C. M. Fraehn. Ibn-Fozlan's und anderer Araber Berichte über die Russen, St. Peterb., 1823, S. 218; Ф. Вестберг. К анализу восточных источников о вост. Европе, ЖМНПр. 1908, № 1, стр. 410; Д. А. Хвольсон. Известия о хозарах, буртасах болгарах и русских Ибн-Даста. СПб., 1869, стр. 188—189.

41. Fraehn, op. cit., S. 227—228.

42. Н. Пантусов, op. cit., стр. 101.

43. G. Jacob. Der Nordisch-Baltische Handel der Araber im Mittelalter, Lpz., 1887, S. 110 пишет о Сибири: «Während... zweifelhaft bleibt, ob dieses Land vom Arabern selbst betreten wurde, ist es ziemlich gewiss, das es ihrem Handel nicht verschlossen blieb.» По некоторым арабским известиям чужеземные купцы доходили только до булгар; булгарские же—до Югры и, м. б., до Ледовитого моря. «Notices et extraits des manuscrits» etc. XIII, p. 284 sq.; Д. Хвольсон, op. cit, стр. 190, 192; П. С. Савельев. Мухаммеданская нумизматика в отношении к русской истории. СПб., 1847, стр. LXVII и сл.

44. А. Я. Гаркави. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870, стр. 193, 199—201, 271; Д. Хвольсон, стр. 161, 163, 164, 165, 183—184.

45. А. Гаркави, op. cit., стр. 88—89; Ф. Вестберг. К анализу восточных источников, ЖМНПр. 1908, № 2, стр. 410; Зап. Вост. Отд. Р. Арх. Общ., т. XIII (1903), стр. 027; кроме Ибн-Фадлана Вестбергу известен еще один арабский писатель, именно компилятор Димешки (XIV в.), писавший о северном сиянии: «совсем возле Ледовитого моря... по ночам видны сияния, и происходят они не от звезд и не от огня». О немой торговле с туземцами см. свидетельства Андалуси, Абу-л-фиды, Казвини у Д. Хвольсона, op. cit., стр. 186—189.

46. Fraehn. Ibn—Fozlan, S. 240; G. Jacob, S. 44—46, 110.

47. Литературу см. выше, примечание 37; Paul Meyer. Alexandre le Grand dans la littérature Française. Paris, 1886, p. 382—389 sq.

48. Ср. еще у Марко Поло: «et ce est le lieu, qe nos applon de se en nostre païs Gogo et Magogo; mes il l'apellent Ung et Mungul». «Мунгалы суть,—пишет еще Н. Спафарий,—о которых пишет в Библии Гог и Магог, потому что они называют себя маголь» («Путешествие Спафария», изд. Ю. В. Арсеньева, СПб., 1882, стр. 128). С татарами гогов и магогов сопоставляет «славянский текст Мефодия, русск. летописи под 1223—24 гг., письмо Фридриха к Генриху III и Жуанвиль, Рикольф de Monte Crucis» и др. (А. Веселовский, ЖМНПр. 1875. № 4, 313—314, 322).

V

49. П. М. Бицилли. Салимбене. Очерки итальянской жизни XIII в., Одесса, 1916, стр. 300 сл. Ср. H. Wuttke, Zur Geschichte der Erdkunde im lezten Drittel bes Mittelalter, Dresden, 1871, S. 5.

50. G. Marinelli. Die Frdkunde bei den Circhenvättern. S. 19.

51. А. Шакк. История норманнов в Сицилии. СПб., 1896, стр. 174—176.

52. E. v. Richthofen. China. Ergebnisse einer Reise, I, S. 633.

53. A. Schaube. Handelsgeschichte der romanisch. Völker des Mittelmeergebiets bis zum Ende des Kreuzzuges. Münch. u Berlin, 1906.

54. Свод западных известий о монголах см. у d'Ohsson. Histoire des mongols, La Haye et Amsterdam, 1834, t. II, p. 110—186; B. Strakosch-Grossman. Der Eïnfall der Tataren in West-Europa, Berl., 1910; европейские представления о монголах анализированы в новейшей венгерской работе Пальфи: «О татарах и Европе XIII в.» (J. Palfy. A tatárok és a 13 czázadi Europa, Budapest, 1928); о появлении «татар» говорят летописи Австрии, Германии и даже Англии, ср. А. Куник. «О походе татар в 1223 г. по Нейбургской летописи». «Ученые записки Акад. Наук», II, стр. 760 и сл. Русский перевод рассказа еп. Петра из «Historia Major» М. Парижского—Филарет. Обзор русск. духовн. литературы, изд. 3-е, СПб., 1884, стр. 62—64; С. В. Савченко. «Письмо магистра тамплиеров к Людовику св. о вторжении татар в западную Европу», «Униврес. Известия» (Киев), 1919, № 1—4, стр. 1—6; Каррутерс. Неведомая Монголия, Петр., 1914, стр. 321—323.

55. E. Friedmann. Der mittelalterliche Welthandel von Florenz in seiner geographischen Ausdehnung. Wien, 1912; к книге приложена карта пути в Китай из Азова на основании книги Б. Пеголетти; М. М. Ковалевский. Венецианская и генуэзская колонии в Тане в XIV в., «Труды XII Арх. съезда», М, 1905, т. II, стр. 109—174; о сношениях Венеции с Кипчаком между 1381 и 1400 гг. см. M. Silberschidt. Das Orientalische Problem zur Zeit der Entstehung des türkischen Reiches nach Venezianischen Quellen, Lpz. u. Berlin, 1923. Много свежего материала по вопросу о торговых сношениях генуэзцев с монголами и их соперничестве с венцианцами см. в книге G. I. Bratianu. Recherches sur le commerce génois dans la mer Noire au XIII s. Paris, 1929; автор высказывается, между прочим, против легенды о древности генуэзской колонии в Каффе: первые известия о ней относятся лишь к 1281 г.

VI

56. Возражения на все эти домыслы см. у В. Татищева. История Российская, М., 1768, т. I, стр. 157, 159, 191; ср. Е. Замысловский. Герберштейн и его историко-географические известия о России. СПб., 1884, стр. 64—70.

57. Все это взято Меховским, гл. образом, у Плиния. В. Татищев, op. cit., стр. 156, 141, замечает, однако: «Сие о Сибири частью можно сказать: древние обыватели остяки, тунгусы и вогуличи, их справедливости и беззавистному нраву довольно удивиться нельзя... что же о здравии, долгоденствии и кончине положил, оное басни». Интересную параллель античным сказаниям представляет сомоедская сказка, записанная С. Г. Писаховым на Новой Земле—о счастливом крае, где нет вражды и злобы: «Если пройдешь льды, идя все к северу, и перескочишь через стены ветров кружащих, то попадешь к людям, которые только любят и не знают ни вражды, ни злобы. Но у тех людей по одной ноге, и каждый отдельно они не могут двигаться, но они любят и ходят обнявшись, любя. Когда они обнимутся, то могут ходить и бегать, а если они перестают любить, сейчас же перестают обниматься и умирают. А когда они любят, они могут творить чудеса»... (На Северной Двине. Сборник Архангельск. О-ва Краеведения, Арх. 1924, стр. 46). Сравни рассказы о людях севера, не имеющих суставов, но бегающих быстро, которые, упав, не могут подняться без посторонней помощи (123): о подобных людях рассказывает Плано-Карпини; см. приложенную к этой книге транскрипцию иркуцкого фрагмента: verso, столбец первый стр. Сл. мою статью: «Сказания иностранцев о России и ненецкий эпос»—«Советская этнография», 1935, № 4—5, стр. 153—159.

58. Ср. С. Ф. Платонов. Москва и Запад в XVI—XVII вв. Лгр., 1925.

VII

59. «Изв. О-ва Арх. Ист. Этн. при Казанск. ун-те», 1909, XXV, вып, 5, стр. 103 прим. К летописной русской легенде: А. М. Мартюшев. Коми-народ в первый период его историч. известности. «Коми-му», 1928, № 2, стр. 34—41.

60. Н. П. Барсов. Очерки русской историч. географии. Варш., 1873, стр. XXVIII.

61. А. Н. Веселовский. Из местных преданий: Анты и Чудь. «Сб. Отд. Р. Яз. Слов. Ак. Наук», т. XXXII, 1883, стр. 80—86; его же. Русские и вильтины в саге о Дитрихе Бернском. Изв. О. Р. Яз. Сл. 1906, кн. 3, стр. 17—19. Впрочем, по мнению некоторых исследователей, сказание о самопогребении чуди создалось в Западной Сибири во 2-й полов. XVII в. (А. В. Шмидт. О чуди и ее гибели. «Зап. Уральск. О-ва Люб. Естествознания», 1927, т. XI, вып. 2, стр. 49—54),

62. В. Ляскоронский. Этнография по Адаму Бременскому, Киев, 1883, стр. 27—29; Schlüter. Adams von Bremen geographische Vorstellungen vom Norden—«Hansische Geschichtsblätter», 1910, S. 555—570; R. Weinhold. Die Polargegenden Europas nach Vorstellungen d. Deutsch. Mittelalters, «Sitzungsber. d. Wien. Akad.». Bd. LXVIII, H. 4, S. 790—791. К. Тиандер (Поездки скандинавов, стр. 47) полагает, что кинокефалы Адама Бременского—лопари.

63. Сл. М. И. Соколов. Неизвестное русское сказание нач. XVII в. легендарно-географического характера—«Землеведение». 1894, II, стр. 95—98. В 1605 г. «поморенин» Афанасий «сказывал про многие морские дивные чудеса, а про иные слыхал»... «И ездил он по морю на морских судах 17 лет, и ходил в темную землю, и тамо тьма стоит, что гора темная... А за темную землю ездил Немчин Белогород, и там царство сильного Антрупского царя» и т. д. «Белогород»—это Иван де Валь (Девах) Белобород, антверпенский (города Антропа) купец, торговавший в России.

64. T. I. Arne. La Suède et l'Orient, Upsal, 1914; Е. Н. Щепкин. Древнейшие сношения Швеции с Востоком, «Историч. Известия», 1917, № 1, стр. 14—24; И. Бороздин, ЖМНПр. 1916, № 10, стр. 320—324. См. еще A. Bugge. «Die Nordeuropäische Verkehrswege im frühen Mittelalter u. die Bedeutung der Wikinger f. die Entwicklung d. europäischen Handels (Vierteljarschr. f. Socialund Wirtschaftsgeschichte». Bd. IV. 1909, S. 286 ff.); F. R. Schröder. Scandinavien und der Orient im Mittelalter. «Germanisch-Romanische Monatschrift». 1920, VIII, 209 f.; П. П. Смирнов. Вользкий шлях і стародавні Руси, Киев, 1928, стр. 14 сл; К. Ф. Тиандер. Поездки скандинавов в Белое море. СПб., 1906.

65. Меха составляли одну из важнейших отраслей торговли Новгорода с Западом еще в XII в.; R. Hausmann. Baltische Monatschrift, 1904, Bd. 58, H. 10, S. 194—215, H. 11. S. 257—291 и «Труды XV Арх. съезда», I (1911), стр. 101—102. На западе удерживались русские названия мехов (сл. у нас ниже, стр. 43 и W. Stieda. Revaler Zollbücher und Quittungen des 14 Jahrh. Halle, 1887, S. CXI—CXII). О меховой торговле Руси с Западом см. еще В. С. Иконников. Опыт русск. историографии, Киев. 1908, т. II, стр 159, 616—617.

66. Г. В. Вернадский. О движении русских на восток, «Научно-историч. журнал», 1913, № 1, стр. 55—56; его же. «Против солнца. Распространение русского государства к востоку», «Русская Мысль», 1914, № 1; ср., впрочем, В. Бартольд. История изучения Востока[2], стр. 171. О Руси и русских в китайских летописях монгольского периода: «Духовн. Беседа», 1863, № 27, стр. 368, 370; «Восточн. Сборник», 1875, т. I, стр. 47; «Правосл. Собеседник», 1886, I, стр. 260—261; «Русь и Асы на военной службе в Китае», «Жив. Старина», 1894, т. IV, в. I, стр. 65—73; об имени Киева в китайских летописях: R. Beazley. The text and versions. L. 1903, p. 284.

67. В рассказ, заимствованный из книги П. Иовия, неизвестный венецианец вставляет рассказ о том, что Иван IV разбил вогуличей и вел продолжительную войну с Югрой, и это может быть принято за действительный факт: В. Огородников. Донесение о Московии 2-й полов. XVI в., М., 1913, стр. XIII—XIV.

68. «Памятники дипломатических сношений с державами иностранными», СПб., 1851, I, стр. 108—114; Adelung. Krit.-Liter. Übersicht d. Reisenden, I, S. 157—158; А. Оксенов. Слухи и вести о Сибири до Ермака, «Сибирск. сборник,» IV (1887), стр 110—111; Сборн., издав. студентами Петербургск. университета, вып. I, стр. 88—89; P. Karge. Kaisers Friedrichs III u. Maximilian I ungarische Politik u. ihre Beziehungen zu Moskau, 1486—1506, «Deutsche Ztschr. f. Geschichtswissenschaft», IX, S. 259, сл. Против мнения Оксенова, защищающего официальную версию отказа Снупсу, говорит то, что «когда смелый турист просил по крайней мере разрешения возвратиться в Австрию через турецкие или польские владения, ему в этом было отказано, и он должен был пуститься в обратный путь тою же дорогою, какою прибыл в Москву, т. е. через Лифляндию и Германию» (А. Брикнер. Россия и иностранная печать в XVI—XVII ст. «Русские Ведомости», 1895, № 72). Гамель («Зап. Ак. Наук», VIII, 1865, стр. 35) полагает, что Снупс хотел отправиться на Обь с чисто образовательной целью, чтобы «осмотреть тамошний край в географическом и вообще ученом отношении». Предположение Е. Замысловского (Герберштейн, стр. 89 прим.), что Снупс просился туда потому, что «слышал о соседстве этих земель с китайским царством» совершенно неправдоподобно. Характерна одна подробность: в грамоте Сигизмунда сказано было, что Снупс послан «земли видети и чюдных речей смотрити, которые тамо есть и могут быти, о которых нам часто вскызывают» П. Д. Сн. I, 110).

69. Е. Замысловский. Чертежи сибирских земель XVI—XVII столетий. ЖМНПр. 1891, № 6, стр. 333—335.

70. Гамель. Зап. Ак. Наук, VIII, стр. 34—35.

71. А. Дживелегов. Очерки итальянского Возрождения, М., 1929, стр. 7—8.

72. Е. Шмурло. «Россия и Испания в последнюю четверть XVI в.» в сборнике «Россия и Италия», т. III, вып. 2, П., 1915, стр. 301—302.

73. О португальце Пинто см. ниже Кильбургер.

74. Karl Larsen. Cervantes' Vorstellungen vom Norden («Studien z. Vergleich. Litteraturgesch». 1905, Bd V, S. 273—296). Картинка в книге де-Фера (о последней см. у нас ниже, стр. 279), изображающая неожиданную встречу голландских моряков с русскими промышленниками, приветливо их встретившими, вероятно, послужила источником рассказа о короле Кратиле и о дружеской встрече его людьми Персилеса с товарищами. Об этом ничего не говорит Д. К. Петров в своей статье об этом романе Сервантеса (ЖМНПр., 1903, № 10, стр. 304—326).

75. Литературу об англо-русских торговых сношениях см. у нас ниже, стр. 165; список, разумеется, не полон, но он и не стремится к тому, чтобы быть исчерпывающим.

76. И. Любименко. Московский рынок, как арена борьбы Голландии и Англии, «Русское прошлое», вып. V (1923), стр. 3—13; кроме работ о русских торговых сношениях с Нидерландами, указанными у нас ниже (стр. 243 и сл.; 279), см. еще: В. Кордт. Русское зерно на голландском хлебном рынке в Голландии в 30-е г.г. XVII в.—«Техника, экономика и право», Киев, т. I, 1925 г. Об «английском вкладе» в изучение европейцами России см. статью I. Lubimenko. England's Part in the Discoverie of Russia—«Slavonic Review», 1927, VI, p. 104—118. В другой статье того же автора дана характеристика последовательности изучения России народами Запада («Le rèle comparatif des différents peuples dans la découverte et la déscription de la Russie»—«Revue de synthèse historique», 1929, № 142—144): между 1335 и 1486 г. г. Россию изучают итальянцы, потом австрийцы (1486—1553), далее англичане (1543—1600), затем голландцы, шведы, поляки, немцы и т. д. Конечно, установление хронологических границ отличается при этом большой условностью.

VIII

77. Возможно, впрочем, что и позже некоторым «иностранным купцам в отдельных случаях все же удавалось проникнуть в Сибирь если не лично, то при посредстве своих промышленников»: на это указывали московские торговые люди в своих челобитьях 1627 и 1635 г.г. В первой говорится, что «в Сибирь голанские немцы торговые и тезики своих промышленников посылают»; во второй это известие повторено лишь буквально; опрошенные по этому поводу представителями московской власти авторы челобитья (1635 г.) сказали: «кого торговые немцы в Сибирь для промыслу мяхкие рухляди посылают, того они именно сказать не ведают» (К. В. Базилевич. Коллективные челобитья торговых людей и борьба за русский рынок в первой половине XVII в. «Изв. Ак. Наук», Отд. Общ. Наук, 1932, № 2, стр. 96—97).

78. В. Кордт. Материалы для истории русской картографии, вторая серия, вып. I. Киев, 1906, стр. 23—26. Л. С. Берг. История русской географической науки, Лгр., 1929, стр. 22. Н. Д. Чечулин. Новые труды по древней русской картографии, ЖМНПр. 1906, № 9, стр. 214—215.

79. Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и нач. XVIII в. СПб., 1904, стр. 37.

80. Voyage en divers états d'Europe et d'Asie, Paris, 1692. Авриль не называет имени и отчества этого смоленского воеводы; указываю их предположительно (Иван Алексеевич?), по справке у Н. Барсукова. Списки городовых воевод и т. д. М., 1902, стр. 211.

81. См. мою статью—«Один из русских корреспондентов Ник. Витсена» в сборнике «С. Ф. Ольденбургу к 50-летию научно-общественной деятельности», изд. Ак. Наук СССР, Лгр., 1934, стр. 51—60.

82. С. В. Бахрушин. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII ст. М., 1928, стр. 181.

83. А. А. Введенский. Служащие и работные люди у Строгановых в XVI и XVII в. в. «Труд в России. Исторические сборники», Лгр., 1924, стр. 59—60; к сожалению, статья не затрагивает вопроса о служащих, занятых в торговле Строгановых; напомним, однако, О. Брюнеля (у нас ниже, стр. 180—182).

84. Сибирские летописи, СПб., 1908, стр. 10, 98, 263.

85. Ю. Гессен. Труд пленных в Московском государстве. «Русское прошлое», II (1923), стр. 68—69. Ср. Н. Н. Оглоблин. Обзор столбцов и книг Сибирского приказа, ч. III, М., 1900, стр. 61—63; его же. Заговор томской Литвы, «Чтения в Ист. Общ. Нестора-Летописца», кн. XIII, 1894.

86. П. А. Словцов. Историческое обозрение Сибири, изд. 1885, ч. I, стр. 100—101.

87. С. А. Белокуров. Юрий Крижанич в России, М., 1906, стр. 113.

88. Томск в XVII веке. Материалы для истории города, изд. Горохова, s. a. стр. 166.

89. В. К. Андриевич. История Сибири, ч. I, СПб., 1886, стр. 137; источник этого известия не указан. В «Архиве П. М. Строева», т. II, Петр., 1917, стр. 512—513 напечатан указ 1620 г. об отправке в Тобольск двух немцев: Анца Локмана и Матюшки, «что был немецкий поп» (ср. у нас ниже, стр. 334).

90. Ф. Аделунг (Krit.-Liter. Übersicht, II, S. 352) полагает, что рукописные заметки Доббина о Сибири не отысканы; однако он ошибается; они напечатаны полностью три раза: один раз на немецком и два раза на голландском языке, на что уже указали Ф. Кеппен (Bibliographia Zoologica Rossica, Bd. 1, S. 418) и В. Кордт (Чужоземні подорожні, Киев, 1926, стр. 131). Впервые их напечатал по подлинной рукописи Доббина J. Chr. v. Hennin в приложении к изданным им путешествиям Арнольда Бранда («Reusen durch die Mark Brandenburg, Preussen, Churland etc. Wesel, 1702); ниже приводится полный русский перевод сочинения Доббина по этому изданию.

91. С. Бахрушин, op. cit. стр. 181—182.

92. Б. Г. Курц. Состояние России в 1650—1655 г.г. по донесениям Родеса, М., 1915, стр. 85. Любопытно, что еще Петр I велел найти в Сибири шведов, знакомых с мореходством, которых хотел послать в Обдорск, где бы они выстроили корабль для поездки в Камчатку (Голиков. Деяния Петра В., ч. IV, стр. 274. Müller. Sammlung Russ. Gesch. III. S. 101).

93. А. И. Заозерский. Царь Алексей Михайлович в своем хозяйстве, П., 1917, стр. 159; ср. также М. П. Пуцилло. Указатель делам и рукописям, относящимся до Сибири, М., 1879, стр. 19 (1629 г.); 20, 21 (1628 г.); 44 (1675 г.); 53—54 (1697 г.), присылка рудознатцев в Томск по совету Н. Витсена.

94. Дополн. к Акт. Ист., т. VI, № 24; И. М. Кулишер. История русского народного хозяйства, т. II, М., 1925, стр. 246.

95. Чтения в Общ. Ист. Древн., 1904, I.

96. Müller, S. R. G., I, S. 202.

97. Андрею Виниусу многим обязана сибирская картография. Рейтенфельс пишет (1671—1673), что Виниус «начертил не так давно в главных чертах путь из Москвы на географической карте» (Чт. Общ. Ист. Др., 1906, III, стр. 98). По мнению И. П. Козловского (Первые почты и первые почтмейстеры в Московском государстве, т. I, Варш., 1913, стр. 226, 202, 239) чертеж этот составлен Виниусом ок. 1667 г.; во всяком случае интересно, что им смогли впоследствии воспользоваться иностранцы. F. Duckmeyer (Korb's Diarium und Quellen die es ergänzen, Berl., 1909, Bd. I, S. 128—132, 248) приводит из Амбергского архива интересные данные о дружеских сношениях Виниуса и австрийского посла в Москве в 1698 г. Хр. Гвариента, из которых видно, что «Виниус препроводил ему карту всей Сибири и не пожелал издавать ее иначе, как посвятив ему». Чертежные работы Семена Ремезова также связаны с распоряжениями Виниуса.

IX

98. Alw. Oppel. Terra incognita, Bremen, 1891; Edw. Heawood. A History of geographical discovery in XVI and XVII centuries, Cambridge, 1912.

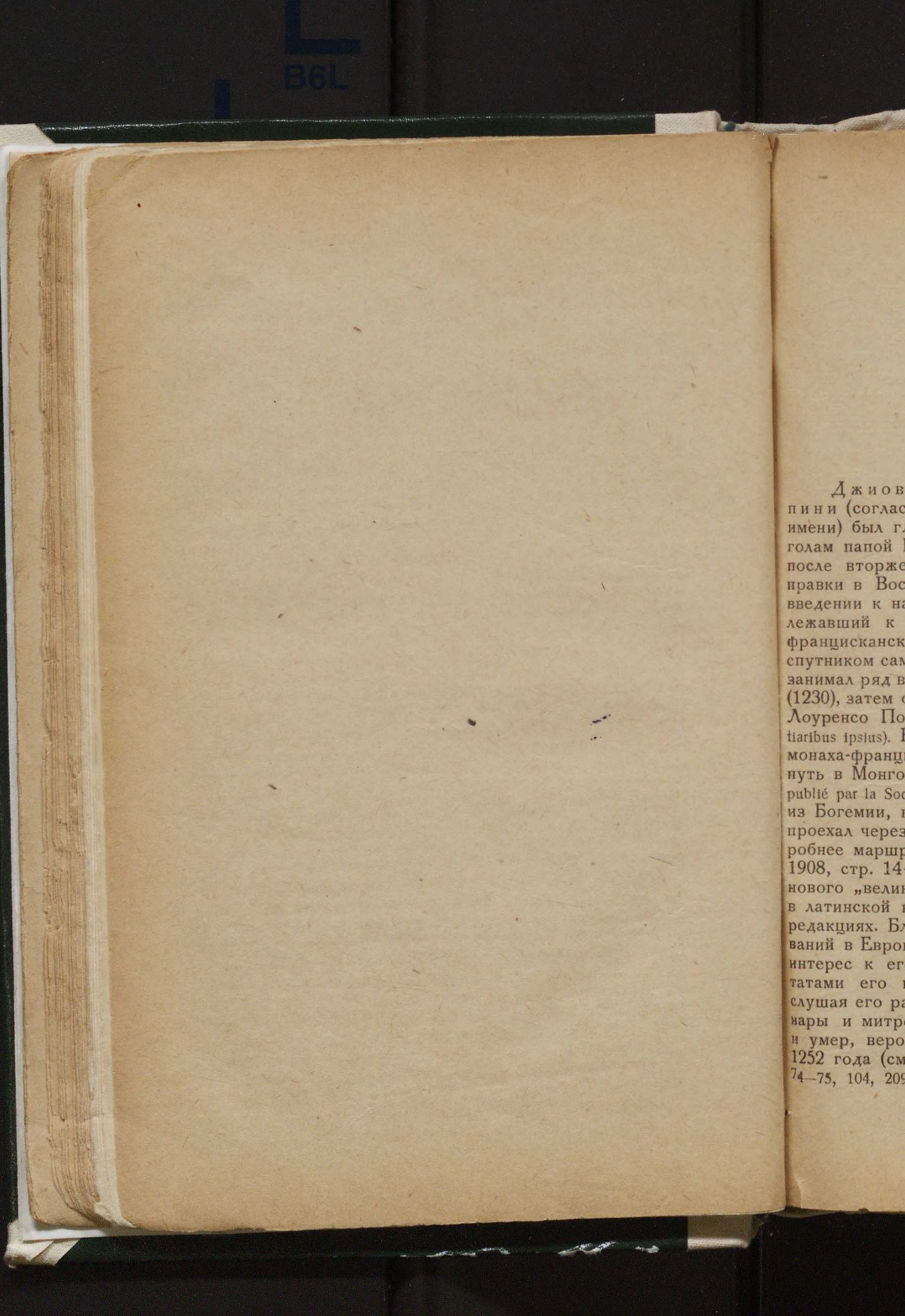
99. Так, напр., у Frank Holder. Russian expansion at the Pacific, Cleveland, 1914.

100. Сибирские летописи, СПб., 1908; А. Попов. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции, М., 1869, стр. 401.

101. K. Thies. Entwicklung der Beurteilung u. Betrachtung der Naturvölker, Dresden, 1899, S. 17—19. Е. Кагаров. Нарис історії етнографії— «Етнограф. Вісник», 1927, ч. 3 (Киев), стр. 7—22. Geoffroy Atkinson в книге «Les relations de voyages du XVII siècle et l'évolution des Idées», Paris (1927), подчеркивает важное значение путешествий XVII в. для развития идей в XVIII веке.

102. Th. Benfey. Geschichte der Sprachwissenschaft, München, 1869, S. 221, f.f.; J. Chr. Adelung. Mithridates oder allg. Sprachenkunde, Berl., 1809 приводит материалы относительно первого знакомства европейцев с языками Сибири. О позднем развитии урало-алтайского языкознания см. O. Donner. Die Uralaltaische Sprachen, «Finnisch-Ugrische Forsch.», Bd. I (1901), S. 128—129.

XIII ВЕК

Джиов
пини (соглас
имени) был г.
голам папой
после вторже
правки в Вос
введении к н
лежавший к
францисканск
спутником сам
занимал ряд в
(1230), затем
Лоуренсо По
tiaribus ipsius).
монаха-франц
путь в Монго
publié par la Soc
из Богемии,
проехал через
робнее маршр
1908, стр. 14
нового „вели
в латинской
редакциях. Б
ваний в Евро
интерес к ег
татами его
слушая его р
вары и митр
и умер, веро
1252 года (см
74—75, 104, 20

I. ПЛАНО-КАРПИНИ | PLANO-CARPINI

(1246)

Джиованни дель Пьяно-Карпине или Плано-Карпини (согласно общеупотребительной латинизованной форме его имени) был главою первой европейской миссии, посланной к монголам папой Иннокентием IV с разведочными целями, вскоре же после вторжения их в Западную Европу (1241) (о причинах отправки в Восточную Азию этой и последующих миссий см. во введении к настоящей книге). Родившийся в Перуджии и принадлежавший к знатному итальянскому роду, Плано-Карпини был францисканским монахом,— одним из основателей этого ордена и спутником самого Франциска; до путешествия своего на восток он занимал ряд видных иерархических должностей в Германии, Испании (1230), затем опять в Германии (1241), и, если верить свидетельству Лоуренсо Португальского, был папским пенитенциарием (pœnitentiaribus ipsius). Во время путешествия его сопровождали два других монаха-францисканца: Бенедикт Поляк, совершивший с ним весь путь в Монголию (о нем см. d'Avesac, Recueil de voyages et de mémoires, publié par la Societé de Géographie, Paris 1839, t. IV, 2, p. 774—779), и Стефан из Богемии, воротившийся с дороги около Киева. Плано-Карпини проехал через южную Русь, Хорезм, Семиречье и Тарбагатай (подробнее маршрут его указан у Л. Берга, Аральское море СПб. 1908, стр. 14—16) в Монголию, в 1246 году, во время воцарения нового „великого хана"—Гуюка, сына Угэдэя, и описал свой путь в латинской книге («Libellus historicus»...), сохранившейся в нескольких редакциях. Благополучное возвращение его из дальних странствований в Европу было настоящим событием, обеспечившим большой интерес к его сочинению. Папа выразил удовлетворение результатами его поездки и продержал его три месяца возле себя, слушая его рассказы, а затем назначил его архиепископом г. Антивары и митрополитом Далматинским; в этой должности Карпини и умер, вероятно в 1248 г., но во всяком случае не позже конца 1252 года (см. L. Wadding. Annales ordinis Minorum, Lyon, 1628, II, p. 4—5; 74—75, 104, 209, 247, III p. 111—125). Итальянский хронист XIII в.

Салимбене, видевший Плано-Карпини в ноябре 1247 г., дает ему следующую характеристику: „Это был человек достойный (familiaris), остроумный, образованный (litteratus), красноречивый и очень способный к разнообразным делам; он написал толстую книгу о том, что видел замечательного у татар и в других местах. Когда его утомляли вопросами на этот счет, он принимался читать эту книгу, что я и сам много раз и слышал и видел“ (d'Avesac, op. cit., p. 598; П. М. Бицилли. Салимбене. Очерки итальянской жизни XIII века. Одесса, 1916, стр. 250). Сочинение Карпини состоит из двух частей; в первой дается характеристика страны монголов, их нравов, обычаев, истории; вторая представляет рассказ о совершённом им путешествии. По словам В. В. Бартольда (История изучения Востока в Европе и России, изд. 2-ое, Лгр. 1925, стр. 68), „собранные Плано-Карпини в Монголии расспросные сведения об истории образования монгольской державы“, а также об ее территории и сопредельных странах „не всегда отличались точностью и отчетливостью“, но тем не менее сочинение его дает очень много интересных данных исторического и этнографического характера о монголах и их соседях, что давно уже отмечено в специальных исследованиях (см., напр., Галсан Гомбоев. О древних монгольских обычаях и суевериях, описанных у Плано-Карпини. „Труды Вост. Отд. Арх. Общ.“, т. IV, вып. I, стр. 236—248; «Mélanges Asiatiques» SPb. 1856, II, 641 sq.; Н. М. Ядринцев. Падшие царства и исчезнувшие народы. „Сибирский сборник“ 1891, I, стр. 30—31; „Восточное Обозрение“ 1886, № 15—16.). В ставку монгольского хана Плано-Карпини ехал средне-азиатским путем, следовательно Сибири он не проезжал ни в ее западной, ни в восточной части. Отметим, кстати, что в издание русского перевода Плано-Карпини А. И. Малеина вкралась ошибка: „выехав из земли черных китаев, — пишет Карпини (стр. 51), — мы нашли некое море, не очень большое, имя которого, так как мы не спросили о нем, нам неизвестно“; „некое море“, объясняет А. И. Малеин (стр. 186) — „Байкальское озеро“, между тем, путь Карпини лежал гораздо южнее, и на север до Байкала он не поднимался, что видно, впрочем, и из приложенной к русскому изданию карты его путешествия, с обозначением пройденного пути. Догадаться, что это за озеро, довольно трудно (различные предположения см. в названной ниже книге Rockhill'я, p. 16, 150—160), но скорее всего это Ала-Куль. Однако, в сочинении Карпини есть несколько данных о народах северной Азии, нынешней Сибири; он кратко рассказывает, например, о походах монголов против финно-угорских племен Приуралья, против самоедов, упоминает также о народе „кергис“, хотя, повидимому, как предполагает В. В. Бартольд („Киргизы“, исторический очерк, Фрунзе, 1927, стр. 32), это название относится не к приенисейским киргизам, а к черкесам. Вообще сведения, полученные Карпини о

жителях далекого севера, не отличаются ни отчетливостью, ни подробностью; он воспроизводит услышанные им восточные сказки, смешивая их с европейскими средневековыми преданиями, восходящими к античной литературе.

Сочинение Плано-Карпини давно известно в русской литературе. Первый перевод его вышел еще в 1795 г.: „Любопытнейшее путешествие монаха Жана дю План-Карпина, посыланного... к татарам", перев. с франц. А. М. СПб. 1795; 2-ое изд. 1800 (Ср. В. Сопиков-Рогожин. Опыт русской библиографии, ч. III, № 9193). В 1825 г. в Петербурге появился новый перевод, с латинского, Д. Языкова, открывший собою предполагавшуюся библиотеку исторических текстов: „Собрание путешествий к татарам"; это издание, до известной степени, сохраняет свое значение и доныне, благодаря параллельному с переводом воспроизведению латинского текста и своим комментариям. Лучшее русское издание: Иоанн де Плано-Карпини. История монголов. Вильгельм де Рубрук. Путешествие в восточные страны; перевод А. И. Малеина. СПб. 1911. Из иностранных изданий важно, снабженное вступительной статьей, примечаниями и вариантами текста, издание d' Avesac'a в серии: «Recueil de voyages et de mémoires, publié par la Societé de Géographie» t. IV (Paris, 1839); в значительной степени его заменило теперь английское издание, в котором дано сопоставление всех существующих рукописных и первопечатных текстов: «The texts and versions of John de Plano-Carpini and William de Rubruquis as printed for the first time. Edited dy C. Raymond Beazley, London, 1903. Много интересного материала, относящегося к сочинению Плано-Карпини, собрано также в комментариях Рокхилл'я к изданному им тексту Рубрука (Journey of W. be Rubruck, ed. by W. W. Rockhill. London, 1900). Отметим также новое немецкое издание: John de Plano-Carpini. Geschichte der Mongolen und Reisebericht, 1245—1247. Übersetzt und erläutert von F. Risch, Leipzig, 1930. Ср. еще: Pullé, Historia Mongolorum: Viaggio da Pian de Carpina ai Tartari nel 1245—47, Tirenze, 1913. В популярной форме путешествие Плано-Карпини изложено у М. Шервуд. Былые пути в Китай. Перевод и обработка Е. и Л. Некрасовых. М. 1931, стр. 19—20; ср. здесь же: Рубрук (стр. 20—22), М. Поло (стр. 22—24).

Фундаментальная библиотека Иркутского гос. университета обладает весьма интересным и еще неопубликованным фрагментом сочинения Плано-Карпини. Фрагмент этот в 1925 г. извлечен был из переплета книги, хранившейся некогда в библиотеке Иркутской духовной семинарии, куда она поступила, вероятно, еще в XVIII веке из Польши или из юго-западной России, вместе с другими книгами из собрания некоего Krolik'a. Впервые обследовал его М. А. Шангин. С внешней стороны рукопись представляет собою пергаментный лист, размером 29×23 см, потемневший и несколько потертый от времени и от долголетнего упо-

требления его в качестве переплетной обертки; верхняя часть листа обрезана. Рукопись написана отчетливым готическим почерком XIV в., в два столбца, занимающих 23×16,5 см. Заглавные буквы разрисованы красной и синей краской. Этот, случайно уцелевший, обрывок большой рукописи содержит в себе VII-ую, VIII-ую и часть IX-ой главы первой части сочинения Карпини, публикуемой обыкновенно под заглавием: „История монголов". Интерес ему придает то обстоятельство, что, несмотря на обилие некогда существовавших списков его, до нашего времени их дошло только пять (d'Avesac, op. cit., p. 444—449; C. R. Beazley, The text and versions, Introduction, p. VII—XVIII). В одном из лучших списков сочинения,—рукописи Библиотеки университета в Лейдене (Ms. № 104) конца XIII—нач. XIV в., принадлежавшей некогда Полю Пето (P. Petavius) и послужившей д'Авезаку основой для его издания, Плано-Карпини рассказывает (в других рукописях это место отсутствует), что вскоре по возвращении своем с Востока он позволил любопытствовавшим снять несколько копий со своей автографической рукописи, еще не вполне отделанной: „поэтому,—прибавляет он,—пусть никто не удивляется, найдя эту рукопись более подробной и более исправной, чем остальные, так как с тех пор, что я приобрел некоторый досуг, я пополнил, исправил и отделал ее в тех частях, где она была неполна (correximus aud plenum et perfecimus illa quae nondum erant completa) (D'Avesac, p. 445, 473). Рукопись Пето считалась самой лучшей по полноте и исправности текста до тех пор, пока в библиотеке Кэмбриджского университета (Corpus Christi College, Ms. № 181) Бизли не нашел еще более исправного и более древнего списка; эта ркп. написана тем же почерком, что и т. наз. рукопись «D» сочинения Рубрука, сделана вероятно в конце XIII в., и, по всем видимостям, лишь несколькими годами старше ркп. Пето (см. C. R. Beazley, On a thiherto unexamined Manuscript of John de Plano-Carpini. «Geographical Journal» 1902, December, extract, p. 2—3). Третьим, дошедшим до нас, списком сочинения является так наз. Кольберовская рукопись (Ms. Colbert), написанная в середине XIV в. и хранящаяся в настоящее время в Национальной библиотеке в Париже (Ms. Lat., № 2477): она является копией ранней, неисправленной автором редакции, но интерес ей придают, помимо внешних особенностей (чистота письма, отмеченные на полях против текста рубрики, отсутствующие в других ркп.), помещенные тут же: реляция Бенедикта Поляка и письмо хана Гуюка к папе Иннокентию IV. Важной рукописью является также ркп. Британского музея, поступившая туда в XVIII веке из знаменитого собрания лорда Лемлея (Lumley): составляя одно из сокровищ этого собрания еще XVI в., она была единственной, известной географам того времени, напр., Гэклейту, который и напечатал ее в своих «Principal Navigations» (1598). Являясь довольно древней (время ее возникновения определяют между 1270 и 1330 гг.), она так же, как и

Кольберовская, воспроизводит первую, неполную редакцию книги Плано-Карпини. Последней из известных в настоящее время рукописей является т. наз. ркп. Дюпюи (Dupuy Ms.) в Национальной библиотеке в Париже, составляющая № 686 коллекции Жака Дюпюи; она имеет мало значения, т. к. представляет собою копию с печатного текста Гэклюйта, сделанную притом не ранее XVII века. Исходя из слов Плано-Карпини, приведенных выше, следует предполагать, что с его сочинения снято было больше копий, нежели те, которые имеются сейчас в нашем распоряжении. Не сохранились даже некоторые из тех рукописей, местонахождение которых заявлено было в печати: так, существовавшая еще в XVII в. ркп. монастырской библиотеки в г. Турнэ (Бельгия), о которой упоминает A n t o i n e S a n d e r (см. его Biblitheca Belgica Manuscripta, Insulis, 1641, I, p. 130), до нашего времени не дошла и опубликована не была. Тем интереснее нахождение в Иркутске еще неисследованного фрагмента этой книги. Изучая эту рукопись, я пришел к следующим выводам. Около 1265 года известный компилятор XIII века Винцент из Бовэ (Vincentius Beluacensis, de Burgundia) воспользовался сочинением Плано-Карпини для своей исторической энциклопедии „Зерцало Истории“ («Speculum Historiale»), составляющей часть его громадного энциклопедического труда—«Speculum Majus» (см. о нем d'A v e s a c, p 433—434; П. В. В л а д и м и р о в. Великое Зерцало. Из истории русской переводной литературы XVII века. М. 1884, стр. 21—22). В 32-ой и последней книге „Зерцала“ Винцент поместил сочинение Карпини, отчасти в сокращенном, отчасти в пересказанном виде, но с добавлением некоторых новых подробностей, заимствованных из устных рассказов Симона де Сент-Кентэна. Из первой части сочинения Карпини Винцент сделал 16 глав, добавил к ним еще 15 глав из второй части, но совсем опустил вступление и эпилог. Насколько мы можем судить на основании небольшого отрывка, иркутская рукопись соответствует тексту Карпини именно в редакции Винцента де Бовэ, от слов: «statione fit, per quod extrahitur...» до слов «...veteri et novi Testamenti scripturam habent» (по изд. B e a z l e y, p. 79—82). Вместе с огромным трудом Винцента эта редакция печаталась много раз с конца XV века (в Страсбурге и Нюренберге в 1483 г., в Венеции—в 1489, 1494 и 1591 гг., в Аугсбурге—в 1496, в Дуэ—1624 г.), однако иркутская рукопись писана не с печатного, но с рукописного текста „Зерцала“, притом не позже середины XIV века, и имеет несколько вариантов, которые следует учесть в установлении окончательного исправного текста сочинения. Транскрипцию иркутского фрагмента, насколько это позволяет его, местами стершийся, текст, мы помещаем в Приложении I-ом к настоящей книге, вместе с русским его переводом, а для удобства проверки мы прилагаем и фотографический снимок с него (рис. 1).

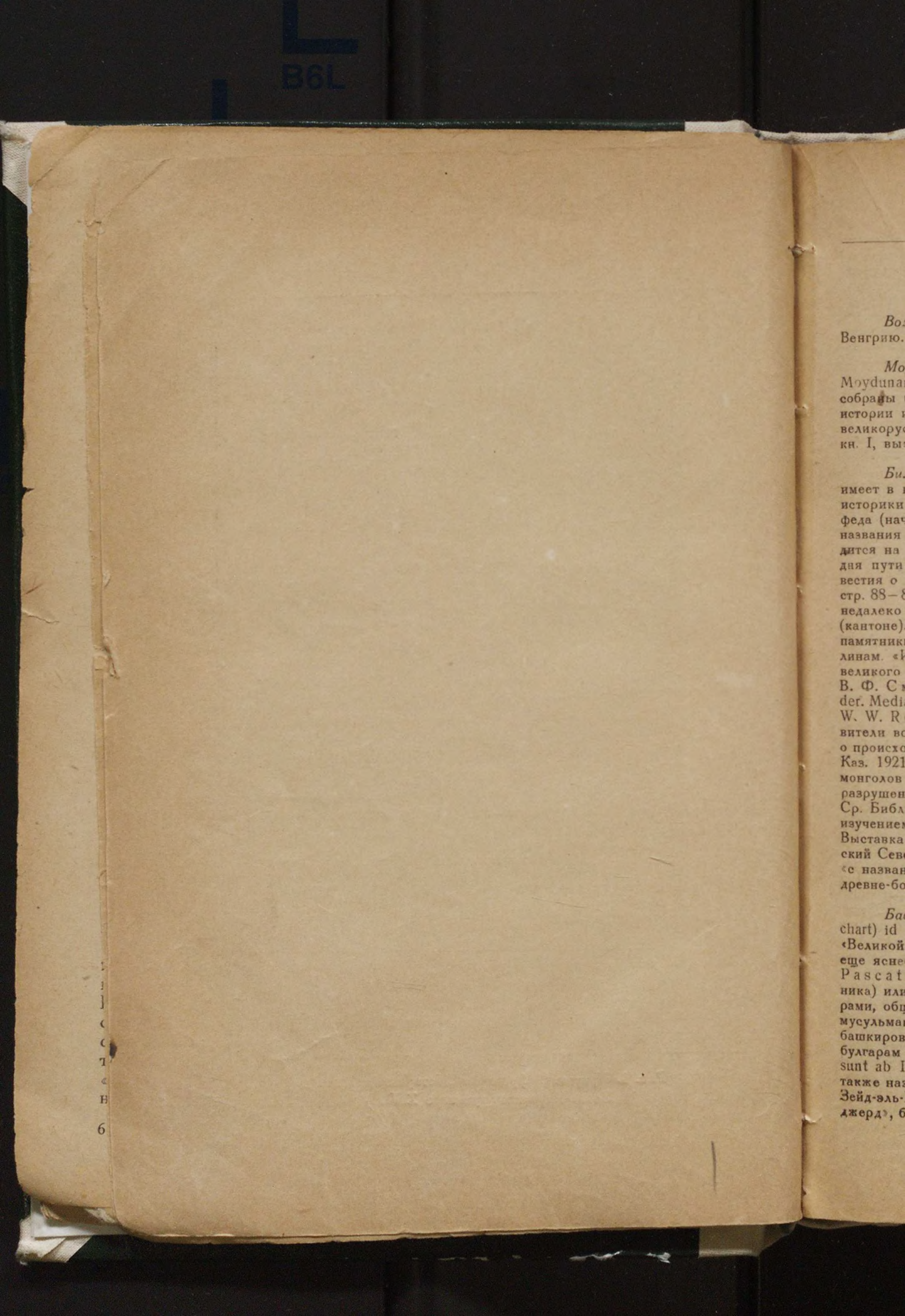
Ниже, по переводу А. И. Малеина (СПб. 1911, гл. V, § III,

VI, стр. 25—26), мы приводим отрывок из книги Плано-Карпини, в котором он, рассказывая о возвращении монголов из похода в Польшу и Венгрию (1242), говорит и о народах северной Азии, нынешней Сибири.

Возвратившись оттуда, они пришли в землю Мордванов, которые суть язычники, и победили их войною. Подвинувшись отсюда против Билеров, то есть великой Булгарии, они ее совершенно разорили. Подвинувшись отсюда еще на север против Баскарт, то есть великой Венгрии, они победили и их.

Выйдя отсюда, они пошли дальше к северу и прибыли к Параситам, у которых, как нам говорили, небольшие желудки и маленький рот. Они не едят мяса, но варят его. Сварив мясо, они ложатся на горшок и впитывают дым, и этим только себя поддерживают; но если они что-нибудь едят, то очень мало. Подвинувшись оттуда далее, они пришли к Самогедам; а эти люди, как говорят, живут только охотами; палатки и платье их также сделаны только из шкур зверей. Подвинувшись оттуда далее, они пришли к некоей земле над Океаном, где нашли некиих чудовищ, которые, как нам говорили за верное, имели во всем человеческий облик, но концы ног у них были, как у ног быков, и голова у них была человеческая, а лицо—как у собаки; два слова говорили они на человеческий лад, а при третьем лаяли, как собака, и таким образом в промежутке разговора они вставляли лай, но все же возвращались к своей мысли, и таким образом можно было понять, что они говорили. Отсюда вернулись они в Команию, и до сих пор некоторые из них пребывают там.

Рис. 1. Иркутский фрагмент „Истории монголов“
Плано-Карпини (рукопись XIV в.)

ПРИМЕЧАНИЯ

Возвратившись оттуда...]. Речь идет о походе монголов на Польшу и Венгрию.

Мордванов...] in terram Morduanorum (в ркп. Британск. музея испорчено Moyduпanorum), т. е. мордвы. Древнейшие известия о приволжских мордвинах собраны в статье А. В. Маркова, Отношения между русскими и мордвою в истории и в области народной поэзии, в связи с вопросом о происхождении великорусского племени (Известия Тифлисских Высших Женских Курсов 1914, кн. I, вып. I, стр. 48—94). Ср. В. Н. Семенкович. Гелоны и мордва. М. 1913.

Билеров] Bileros, в других ркп. Billeros, Bylleros. Плано-Карпини имеет в виду черных булгар, жителей великой Булгарии, которых восточные историки и географы называли Belar, Bilâr (Абульфеда и Рашид-ад-дин). Абульфеда (нач. X в.), говоря о городе Болгаре в статье «Билар» полагает, что оба названия означают один и тот же город. «Билар,— продолжает он далее,— находится на самом севере обитаемой земли и лежит в долине, на расстоянии одного дня пути от гор, немного к северо-востоку от Волги» (Д. А. Хвольсон. Известия о хозарах, буртасах, хозарах, мадьярах и русских... Ибн-Даста, СПб. 1869, стр. 88—89, 108—109). По современным исследованиям, г. Болгар был расположен недалеко от г. Казани на территории села Болгары (Успенское) в Спасском уезде (кантоне). И. Шпилевский. Древние восточные и другие булгаро-татарские памятники. Каз. 1877; П. А. Александров. Экскурсия к болгарским развалинам. «Историч. Вестник» 1908, № 12, стр. 1073 сл.; М. Худяков. Развалины великого города. «Казанский Музейный Вестник» 1921, № 1—2, стр. 78—83. В. Ф. Смолин. По развалинам древнего Булгара, Каз. 1926; E. Breitschneider. Mediaeval Researches on east asiatic sources, Lond. 1888 vol. II, p. 82; Rubruk, ed. W. W. Rockhill. Lond, 1900, p. 21. Булгары, по Френу и Клапроту, представители восточно-финской ветви народов Европы (Ср. В. Ф. Смолин. К вопросу о происхождении народности Камско-Волжских Болгар. Разбор главнейших теорий. Каз. 1921), обращены были в Ислам в 922 г; в 1223 г. было первое нашествие монголов в Булгарию, в 1236 г страна их была покорена окончательно, столица разрушена в следующем году, когда и вся область присоединена была к Кипчаку. Ср. Библиографический указатель статей и изданий по вопросам, связанным с изучением Камско-Волжской Болгарии 1917—1928. Дом Татарской Культуры. Выставка Болгарских Древностей. Каз. 1929. стр. 19—29. Е. Г. Кагаров («Советский Север» 1934, № 5, стр. 106) склонен племенное название билеров сопоставлять «с названием реки Билярки и города Билярка (Биляр), построенного на месте древне-болгарского города Булумера».

Баскарт, т. е. великой Венгрии] terra Bascart (в ркп. Бриг. музея—Baschart) id est Hungariam Magnam. Плано-Карпини три раза называет Башкирию «Великой Венгрией», а спутник его по путешествию Бенедикт Поляк говорит еще яснее: Bascurdos qui sunt antiqui Hungari. Рубрук называет ту же страну Pascatir, а венгерские хронисты Bascardia (Венская Иллюстрированная хроника) или Barsatia (Симон из Кезы). Отождествление мадьяр (венгров) с башкирами, общее для европейских писателей XIII века, восходит к арабским и вообще мусульманским писателям, которые венгров называли башкирами—Baschkerds. Имя башкиров кажется впервые упоминается у Ибн-Фоцлана в описании посольства к булгарам на Волге в нач. X века (Fraehn. De Baschkiris quae memoriae prodita sunt ab Ibn-Fozlano et Jakuto, SPb. 1822, p. 62); мусульманские писатели знают также назв. мадьяр в форме «моджгар», но чаще называют их «башджард» (Абу-Зейд-эль-Балхи, ок. 951 г.), «басджерт» (Эдриси, ок. пол. XII в.), «бâшгирд», «бâшджерд», бâш-керд» (Якут. нач. XIII в.); Ибн-Саид (ок. полов. XIII в.) пишет «Бâшкерд»,

но знает также имя Hunkar, т. е. венгров, Димешки называет их «басхарт», «башкард» и т. д. (Сл. Д. А. Хвольсон, op. cit., стр. 103. 114; I. Marquart. Osteuropäische und Ostasiatische Streifzüge, Lpz. 1903, S. 69). Поэтому напрасно Rockhill (Rubruk, p. 12) говорит, что Плано-Карпини «употребляет русскую форму имени Bashkurt». Русская летопись называет венгров уграми; правда в «Молении» Даниила Заточника встречается имя «бошкороде», которое А. И. Лященко (Историко-литературный сборник, посвящ. В. И. Срезневскому, Лгр. 1924, стр. 416—417) совершенно правильно переводит — венгры. В том же значении слово это было известно и румынам: boscorodi <* boszorkod (N. Draganu. Etimologii. «Dacoromania» vol. V, 1928). По новейшим исследованиям, слова Mazγar и Bazγard не только по смыслу, но и по происхождению своему зависят друг от друга («Ungarische Jahrbücher» 1928, VII, S. 445 и 1929. IX, S. 121). Антропологические и этнографические данные также приводят нас к племенному родству современных нам мадьяр и башкиров. Еще путешественники XIII в. (напр., Рубрук) утверждали, что языки двух народов были одинаковы. Сами башкиры не знают своей родины, откуда они пришли. Появление их в Приуралье нужно относить к VIII—X в. в.; постепенно подвигаясь с востока на запад, башкиры заняли обширную территорию, границей которой на востоке была р. Тобол, на западе р. Кама, на севере б. Красноуфимский и Шадринский уезды Пермской губ., на юге Волга и киргизские степи. Отсюда именно, теснимая кочевниками, ушла на запад, в нынешнюю Венгрию, значительная масса их соплеменников. Остальная масса, оставшаяся на их общей некогда территории, постепенно утрачивала свои финно-угорские черты, и, смешавшись с окружавшими их монголами и тюрками, в конце концов полностью слилась с последними. Отсюда название общей родины их — Великой Венгрией, которая находилась, как полагают, между Волгой и Уральским хребтом. П. Голубовский. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. Киев, 1884, стр. 67—68; 187—188; Д. П. Никольский. Башкиры. СПб. 1899, стр. 7—9; Никольский. Собрание исторических известий о народах Волги. Казань, 1919. Разбор сведений о «башкирах» у Плано-Карпини и Рубрука, сделанный Ст. Соммье, в русск. переводе см. «Записки Уральского Об-ва Люб. Естествознания» XIII, I, стр. 24—25. См. еще С. И. Руденко. Башкиры. Опыт этнологической монографии, ч. II, Лгр. 1925 (Зап. Гос. Р. Геогр. Общ. по отд. этногр., т. XIII, вып. 2). Интересный разбор всех сохранившихся сведений о «Великой Венгрии» Приуралья дает E. Moór. Anschauungen von der Urheimat der Ungarn im Mittelalter und bei den Humanisten. «Ungar. Jahrbücher» 1928, VIII, S. 422—429.

к Паросситам]. Несомненно имеются в виду какие-либо финские племена, жившие в области современной Перми и Вятки. Паросситов с давних пор пытались отождествить с бертасами или буртасами (так еще у G. Horn, Arca Noæ, sive Historia Imperium, Leyde, 1666, p. 254; А. Г. Туманский. «Буртас и Бертас», Изв.Тифлисск. В. Ж. Курсов, 1914, I, вып. I. стр. 94—96); против этого основательные возражения выставил d'Avesac (op. cit. p. 492); он предложил, напротив, сопоставить их с упоминаемыми у Эдриси (ок. полов. XII в.) борасситами, и это мнение принял Beazley (op. cit., p. 285). А. И. Малеин замечает в комментарии к своему переводу: «Упоминание про дым объясняется тем, что они постоянно разводят его летом для удаления мух и комаров». Думаю, однако, что оно едва ли имеет в основе реальный факт; здесь проще видеть модификацию одного из легендарных преданий о народах востока, как видно из последующего, хорошо известных Плано-Карпини; трудно только решить, в такой ли форме передано оно ему монголами, рассказывавшими о походе, или связалось у автора с воспоминаниями чтений классических авторов. Так, римский писатель середины III в. нашей эры Солин (Solini, Collectanae Rerum Memorabilium, recognovit Th. Mommsen, Berlin, 1864, I, 207—208), опираясь на авторитет Мегасфена, посла Селевка в Индию, одного из первых греков, который познакомил древнюю Грецию с этой страной, упоминает о живущем в Индии народе, который питается исключительно запахом диких яблок: подобный же рассказ есть и у

Плиния (Mc. Crindle. Ancient India as described in classical literature. Being a collection of Greek and Latin textes relating to India. London, 1901, p. 83): «Они не имеют рта... и живут только воздухом и запахами, которые впитывают через носовые отверстия. Они не едят и не пьют, но во время путешествия, чтобы не испытывать никакого недостатка в питании, носят с собою благоухающие корни, цветы и фрукты, которые они и нюхают; но слишком сильный запах, напротив, для них может легко сделаться смертельным» (H. O. Lenz, Zoologie der alten Griecher und Römer, Gotha 1856, S. 6, 13—14). Уже Страбон со ссылкой на того же Мегасфена, говорит, что рассказы его об Ἄστομοι, народе не имеющем рта и живущем запахами, есть не что иное, как вымысел и действительно это предание уже в древности вызвало литературную пародию. Однако, новейшие исследователи установили с полной несомненностью, что и Ктезий и Мегасфен свои рассказы о чудесах Индии черпали из уст персидских и индусских информаторов, которые пересказали грекам ряд сказок и легенд, имевшихся в индийской литературе, склонной, вообще говоря, к чудовищным вымыслам. Что касается «астомов», то хотя Шванбек и не нашел им соответствующей аналогии в индусских преданиях, но Эрвин Роде все же мог указать интересную параллель в начале книги Baitál Paetusi, где говорится о секте кающихся, висящих на одной ноге и услаждающих себя только запахом пищи (Erwin Rohde, Der Griechische Roman und seine Vorläufer², Lpz. 1900, S. 189—190, 206 Anm.); по мнению Bohlen'a (Das alte Indien, I, 265), цитируемому у Otto Doberentz (Zeitschr. f. Deutsche Philologie, XIII, 1882, 48 и сл.), греческое название „астомов" восходит к имени одного индийского горного племени (Asthami). К одному из таких индусских рассказов, быть может в монгольской передаче, восходит указанный текст Плано-Карпини.

к Самоедам] к Самоедам. «Сведения, сообщаемые Плано-Карпини о народах крайнего севера, недостаточно ясны,— замечает А. Оксенов. Рядом с такими вероятными известиями, как то, что самоеды XIII в. жили только звероловством, а шатры свои и одежду делали из звериных кож, у него даются слишком общие указания на места жительства разных северных народов, в том числе и самоедов, и в некоторых известиях об этих народах преобладает элемент баснословности» («Сношения Новгорода Великого с Югорской землей». «Литер. Сборник», изд. ред. «Восточного Обозрения» СПб. 1885, стр. 437). Однако, именно рассказ Карпини о самоедах принадлежит к числу наиболее интересных известий в приведенном у нас тексте хотя бы уже потому, что это одно из первых упоминаний самоедов в западно-европейской литературе, впоследствии здесь столь популярных (Ср. Heinrich Winkler, Die Mongoloiden Völker Europas und die Basken, OA, I, 1910—1911, S. 171—175: Die Samojeden). Вероятно, именно свидетельство Плано-Карпини о походах монголов на самоедов позволило Фишеру, а затем и Кастрену высказать предположение, что первоначально самоеды жили где-то южнее, в Саянских горах или в верховьях Енисея, а затем были вытеснены оттуда. «Я не соглашаюсь,—писал Фишер,—с его (Страленберга) мнением, чтобы они (речь идет о самоедах по р. Кану и Мане) от Ледовитого моря переселились в южные страны, а наипаче думаю, что они древние и первоначальные жители средней части нынешней Сибири». «Самоеды..., боясь татар, а наипаче киргизов, которые нападают на них неприятельски, вышли оттуда к Ледовитому морю, а остальные приведены в рабство. Таким образом, заняты, конечно, берега Ледовитого моря, которые иначе для ужасной стужи и совершенного неплодородия может быть вечно остались бы в запустении» (Сибирская история, СПб. 1774, стр. 74). Теория южного происхождения самоедов получила у нас большое распространение (Н. Фирсов. Положение инородцев северо-восточной России в Московском государстве. Казань, 1866, стр. 34. Н. Костров. Обзор этнографических сведений о самоедских племенах, обитающих в Сибири. «Труды III международного съезда ориенталистов в Петербурге», СПб. 1879, стр. 10. Г. А. Старцев. Самоеды (ненча). Историко-этнографическое исследование. Лгр. 1930, стр. 12—13. Ср. М. П. Алексеев

в журнале «Советская этнография», 1935, № 4–5, стр. 158—159). В последнее время гипотеза эта сильно поколеблена; А. А. Жилинский. Крайний север Европейской России, Петр. 1919, стр. 174—176). Что касается монгольских набегов на местожительства самоедов, пароссистов и других северных народов, то Beazley (op. cit. p. 285) находит их очень правдоподобными и ссылается при этом на Страленберга, Торфеуса и д'Оссона (Histoire des mongols II, p. 115—116, 619—629). В «Описании пути к татарам» Плано-Карпини еще раз перечисляет все называемые им в первой части северные народы, притом в той же последовательности: «С севера же, к Комании, непосредственно за Руссией, Мордванами и Билерами прилегают Баскарты, то есть Великая Венгрия, за Баскартами Паросситы и Самогеды, за Самогедами те, кто, как говорят, имеет собачье лицо, на берегах Океана, в пустынях» (перев. А. И. Малеина, стр. 50).

нашли некиих чудовищ]. Лерберг (Исследования, служащие к объяснению древней русской истории, СПб. 1819) видел в этом рассказе извращенные известия о моржах; d'Avesac (op. cit., p. 493) думал, что в них заключено какое-то воспоминание об исчезнувших народах, вытесненных самоедами, но всего вероятнее, что мы имеем здесь отзвук распространенных в средние века легенд о диковинных странах и чудовищных народах. Естественно, что подобные вымыслы охотнее всего локализовались в тех краях, которые всего дальше отстояли от Европы и были меньше всего доступны для путешественника.

Для греков такою страною была Индия, для средневекового европейца— земли далекого севера. В основе подобных рассказов могли лежать, кроме произвольных этимологических толкований, данные мифологии, этнографические факты или такие известия, ключ к которым был потерян. Так можно объяснить популярные басни о волосатых людях, о людях с собачьими головами или с лицом на груди; последнюю еще немецкий писатель XVII в. Олеарий (см.) пытался объяснить своеобразным костюмом самоедов, сшитым из цельной шкуры и надеваемым поверх головы. Легенду о песиглавцах—кинокефалах можно проследить на европейском и азиатском фольклоре с древнейших времен до XVI в. Греческий врач Ктезий (V—IV вв. до нашей эры), живший при персидском дворе и собравший там баснословные известия об Индии, говорит: «рассказывают, что на горах Индии живут люди, имеющие голову пса; одежда их состоит из шкур диких зверей. Они не разговаривают, но лают, как собаки, и таким образом понимают друг друга. Зубы у них меньше, чем у псов, когти, как у собак, но только длиннее и круглее... они, кроме лая, дают знаки, подобно глухонемым, руками и пальцами»; Плиний (I век) (VII, 2, 2), основываясь на упомянутом выше Магасфене, также рассказывает, что в Индии «во многих горах живут люди с собачьими головами, которые одеваются в звериные шкуры, лают вместо того, чтобы говорить, имеют на ногах когти и питаются зверями и дичью» (Н. Баталин. Сказание об Индейском царстве, Воронеж, 1876, стр. 30—32; H. Lenz, op. cit, S. 13—14; Mc. Crindle, op. cit., p. 83 sq.). Вероятно зерном этого предания явился рассказ об обезьянах. Финские племена Европы представлялись арабским географам в виде весьма причудливых существ: они «произошли от людей и особых морских животных, и частью имеют маленькие глаза и маленькие рога; они голы, питаются морскими животными и пьют соленую и пресную воду» (Ф. Вестберг. К анализу восточных источников. Ж. М. Нар. Просв. 1908, № 2, стр. 402). Ибн-Саид и пруссов называет «собако-лицыми» (Westberg, Zur Wanderung ber Langobarden. Записки Акад. Наук, VIII серия, т. VI, № 5, СПб. 1904, стр. 5—10). О кинокефалах, как о народах Европы, рассказывает Адам Бременский (Weinhold, Die Polargegenden Europas nach Vorstellungen d. deutschen Mittelalters, Sitzungsber. d. Wien. Akademie, Bd. LXVIII, H. 4, S. 790—791). Уже по греческим преданиям кинокефалы жили и в Азиатской Скифии; так, родосец Симмий, в одном из своих стихотворений говорит о гипербореях-песиглавцах, что дало основание одному из немецких ученых (Aug. Gladisch. Die Hyperboreer und die alten Chinesen, eine historische Untersuchung. Ostrowo, 1866, S.

Рис. 2. „Некие чудовища“ Восточной Азии.
(Из „Космографии“ Себ. Мюнстера, 1544).

25—26) отождествить их с монголами, т. к. «их строение головы, с выдающимися по обеим сторонам скулами» могло дать повод для такой легенды. С описанием Ктезия вполне сходится рассказ латинского трактата «О чудовищах» («De Monstruis et belluis», издан по ркп. X века), где сказано, что «кинокефалы... родятся в Индии; у них голова пса; всякое слово, которое они выговаривают, перемешивают с лаем; употребляют сырое мясо; похожи они скорее на животных, чем на людей» (Berger de Xivrey, Traditions teratologiques, Paris, 1836 p. 67). Нередко кинокефалы изображаются на средневековых картах (напр., на Герфордской и Эбсторфской картах, ок. 1290—1300 гг.) и упоминаются у средневековых путешественников: помимо Плано-Карпини о них рассказывает другой путешественник на восток — Одорик из Парденоне, который помещал этих чудовищ на острове Vacumeran или Nychoneran (Никобар?), а также компиляция, известная под именем путешествий Джона Мандевиля. В стихотворной хронике Рудольфа из Эмса говорится (v. 280—286):

dâ bî sint ander liute, die
ze houpten hundes houbert hânt
niht anders sie gekleidet gânt
wan mit wilder tiere hiuten, etc.

См. Otto Doberentz в «Zeitschrift f. Deutsche Phicologie» Bd. XIII, S. 48. Изображения этих «дивьих народов» помещались даже в витражах средневековых соборов. См. Rudolf Rahn, Glasgemälde in der Rosette der Kathedrale von Lausanne. Ein Bild der Welt aus dem 13 Jahrh. «Mitteilungen der Antiqu. Gesellsch. in Zürich», 1879, S. 46. Армянский историк Гайтон (Гейтум) также говорит, что около Китая живет народ, напоминающий собак (Ed. Dulaurier. Les mongols d'après les historiens Armeniens. «Journal Asiatique» V série, XI, 1858, p. 442).

Henri Cordier в интересной статье: «Les monstres dans la légende et dans la nature. Nouvelles études sur les traditions teratologiques I. Les cynocéphales—«Revue des traditions» V (1890), p. 71—89 приводит весьма обширный материал, касающийся распространения этой легенды в Азии и Америке: так, напр., Айны чтут собаку, как своего предка; есть китайские легенды о людях-собаках (N. B. Dennys. The Folk-lore of China, and its affinities with of the Arian and Semitic Races, London and Honkong, 1876, p. 132—133). Рассказ исторического трактата династии Чеу (Kih Tcoung Tcheou Chou) о находящемся на Западе от Куен-Луна государстве собак находит соответствие в «Анналах пяти династий» (существовавших в Китае в X в.), где мы находим довольно подробное описание их: «Жители, страны Кеу (т. е. собак) имеют тело человека, а голову собаки, длинные волосы, не носят одежд; их язык похож на собачий вой; все их жены имеют человеческий облик; они рожают мальчиков, которые становятся собаками, и девочек которые становятся женщинами; потом они женятся и выходят замуж. Они живут в пещерах и едят все сырое» (A. Wylie, Chinese Literature, p. 23; F. Liebrecht. Zur Volkskunde. Heilbronn, 1883, S. 19—23; Nouveau Journ. Asiatique, vol. XII, p. 287—288; C. R. Beazley, op. cit., 280). H. Cordier (p. 85—86) приходит к следующим заключениям: «зародившаяся в Индии, легенда эта была разглашена поэмами средневековья по всей Европе и широко распространилась по всем странам. И тем не менее она основана на действительном факте: антропоморфические чудовища были смешаны с людьми, и очень вероятно, что кинокефалы—обезьяны главным образом и дали толчок развитию веры в необыкновенные существа, которые человеческого имели только тело». Рассказ Плано-Карпини не оставляет сомнения в том, что источники его были не книжные, а устные («как нам говорили за верное»...); возможно, что мы имеем здесь отзвук указанных выше китайских легенд. Предания о чудовищных народах были даже недавно записаны этнографами на русско-монгольской границе (см., напр., Г. М. Осокин. На границе Монголии. Очерки и материалы к этнографии ю.-з. Забайкалья. СПб. 1906, стр. 93—94).

Еще в 40-х годах XIX века, в отдаленных и глухих углах Сибири, была возможна, как это ни кажется странным, вера в существование подобных чудовищ. П. Е. Маковецкий напечатал отрывки из одного архивного дела о «Березовском чуде», сильно взволновавшем администрацию Березовского уезда. В 1845 г. зверопромышленники, остяк и самоед, в урмане будто бы убили необыкновенное чудовище, у которого, по словам розыскного дела: «постав человеческий, росту аршин трех, глаза один на лбу, а другой на щеке, шкура недовольно толстой шерсти, потонее соболиной, скулы голые, у рук вместо пальцев когти»... Пошла переписка, а для розыска убитого мобилизованы были целые отряды, но найти его, конечно, не удалось («Северные архивы». Ежегодник Тобольск. Губ. Музея, т. XVII, 1897, стр. 7—13). О чудовищных народах в западно-европейской литературе см. еще ниже: Герберштейн.

Отметим, кстати, что сказания о песиглавцах через посредство знаменитого романа «Александрия» и византийской литературы были широко распространены и в древней Руси, что засвидетельствовано ее памятниками литературы и искусства (Ф. И. Булаев. Этнографические вымыслы наших предков. «Сборник антропологических и этнографич. статей о России». М. 1868, кн. I, стр. 98—100; его же: «Историч. очерки народной словесности и искусства» II, стр. 146—149, 203; Д. Ровинский. Русские народные картинки II, стр. 267; III, стр. 674; IV, стр. 643—644; В. М. Истрин. Сказание об Индейском царстве. «Древности», Труды Славянск. Ком. I, 1895, стр. 13, 46. М. Н. Сперанский. «Сказание об Индейском царстве». Известия по русскому языку и словесности, 1930, т. III, кн. 2, стр. 364—464; Т-ов. Материалы и заметки по украинской народной словесности: песиголовцы— «Киевская Старина», 1883, № 12).

в Команию]. В Половецкую землю.

II. ГИЛЬОМ ДЕ РУБРУК | G. DE RUBRUC

(1255)

Рубрук—посол Людовика IX к Мангу (Мункэ)-хану, совершивший свое путешествие в Монголию примерно по тому же пути, что и Плано-Карпини, вскоре же после его возвращения в Европу, но сделавший для географической науки гораздо больше, чем его предшественник. Биографических сведений о нем сохранилось очень немного. Гильом (Вильгельм) Рубрук (Rubruc; таково было, вероятно, его настоящее имя, но в рукописях встречаются, представляющие искажения, начертания: Rubroc, Rubruck, Ruysbroek и т. д.; доныне популярна латинизация его имени: Рубруквис—Rubruquis) родился между 1215 и 1220 гг. в одной из деревень французской Фландрии, от которой и получил прозвище: «de Rubruc». Он видел, вероятно, Плано-Карпини и Бенедикта Поляка при дворе короля Людовика IX, вскоре после их возвращения из Монголии, когда они приехали в Париж в первой половине 1248 г. с поручениями от папы (L. Wadding, Annales Ordinis Minorum, III, p. 125), и эта встреча послужила первым толчком к его замыслам самому отправиться на восток. В этот период своей жизни, уже состоя францисканским монахом, Рубрук, вероятно, был довольно близок ко двору Людовика IX, т. к. он сопровождал его в шестом крестовом походе (1248) и, нужно думать, находился при нем в момент прибытия посольства от Ильчигидая в конце того же года, также при отъезде ответной миссии Андрэ Лонжюмо («Andrieux de St. Jacques») к Ильчигидаю и хану Гуюку, в феврале 1249 г. (C. R. Beazley. The text and versions..., p. 304—305). Предполагают, что Рубрук зимою 1251—52 гг. виделся с Филиппом де Туси в Цезарее и слышал его рассказы о нравах команов (половцев) и дорогах, ведущих через их страну. Известно далее, что Рубрук принадлежал к братии францисканского монастыря в Акконе и находился там в момент назначения послом к монголам. Получив поручения от Людовика, Рубрук оставил его зимою 1252—1253 гг., сделал довольно продолжительную остановку в Константинополе, затем уехал в Крым, откуда и начал свое путешествие на далекий восток в начале мая месяца 1253 года.

Через Перекоп он отправился на Волгу, к лагерю хана Батыя; в конце 1253 г. дошел до Мункэ-хана, а в апреле 1254 г. был уже в Каракоруме—столице тогдашней Монголии; приблизительно в июне месяце он отправился обратно. О жизни Рубрука по его возвращении из путешествия мы знаем тоже очень мало: книга о путешествии написана им только через год, когда он находился в Триполи, в Сирии; о встречах с Рубруком рассказывает Роджер Бэкон (см.). Умер Рубрук около 1270 года. Биографические данные о нем собраны в книге Bar. Jules de St. Genois. Les voyageurs belges du 13-me et 14-me siècles 1846, p. 93—126; см. еще Joinville et Sarrasin, ed. F. Michel, Paris, 1867, p. 142—149, 150—152, 254—255; H. Herbst, полное заглавие книги ниже, S. XIX—XXVII; Beazley, p. 304 sq. Весь путь Рубрука прослежен и комментирован у d'Ohsson, Histoire des mongoles, Paris, 1834, t. II, p. 183—309; F. v. Richthofen. China, Ergebnisse einer Reise; 1867 Bd. I, S. 601—604; Léon Cahun, Introduction à l'histoire de l'Asie. Turcs et mongoles dés origines à 1405, Paris, 1896, p. 353—354, 355, 384—386, 392, C. R. Beazley. Dawn of Modern Geography. Lond. 1897, II, p. 278—279, 320—381; Franz Max Schmidt. Über Rubruk's Reise von 1253—1255; «Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin», 1885, XX, S. 217—255; извлечения из этой последней статьи в русском переводе с дополнениями см. „Восточное Обозрение" 1886, № 15—16. „Сибирский Сборник". СПб. 1891, I, стр. 31—33 и др.

Книга Рубрука принадлежит к числу очень важных географических сочинений позднего средневековья. Общепризнано мнение, что хотя она и не может итти в сравнение с книгой Марко Поло, но тем не менее „содержит в себе множество ценных наблюдений и замечаний", и обо многом в первый раз поведала западному миру (F. Lessing в «Ostasiatische Zeitschrift» 1929, H. V, S. 231). Подобно Плано-Карпини, Рубрук не проезжал собственно Сибири, но в его сочинении также есть несколько известий о сибирских народах, притом более точных и подробных, чем у его предшественника: он говорит, напр., о приенисейских киргизах, об оренгаях—урянхах, о некоторых племенах Забайкалья; в сопоставлении с другими известиями, особенно восточными, они приобретают несомненный интерес.

Книга Рубрука издавалась много раз. Одно из лучших иностранных изданий: «Journal of W. of Rubruck», ed. by W. W. Rockhill Lond. 1900. Все важнейшие рукописи и первопечатные издания обследованы и частью опубликованы, с вариантами и конъектурами в упоминавшейся уже книге C. R. Beazley. The text and versions of John de Plano-Carpini and William de Rubruquis, Lond. 1903. Имеется также немецкое издание: «Der Bericht des Franziskaners Wilh. de Rubruk über seine Reise in das innere Asiens in. d. Jahren 1235—1253. Erste vollständige Übersetzung aus dem lateinischen, hrsg. u. bearbeitet von H. Herbst. Lpz. 1925. Перевод латинского текста сделан удачно, но приложенный к нему комментарий (S. 179—200) основан, главным образом, на работах Роккилля и Франца Шмидта, и не дает много нового (ср. рец.

N. Poppe, «Asia Major» 1925 fasc. 3—4, S. 616—618). Прекрасный русский перевод сочинения Рубрука сделан А. И. Малеиным и напечатан вместе с переводом Плано-Карпини (СПб. 1911); приводимый ниже отрывок взят нами из этого перевода (гл. XXXIX, стр. 133—134).

От того места, где я нашел Мангу-хана, до Катайи было 20 дней пути в направлении к юго-востоку, а до Онанкеруле (Onan-Kerule), настоящей земли Моалов, где находится двор Хингиса, было 10 дней пути прямо на восток, и в этих восточных странах не было ни одного города. Но все же там жили народы, по имени Су-Моал, т. е. Моалы вод, ибо су значит вода. Они живут рыбной ловлей и охотой, не имея никаких стад, ни крупных, ни мелких. К северу также нет ни одного города, а живет народ, разводящий скот, по имени Керкисы (Kerkis). Живут там также Оренгаи (Orengai), которые подвязывают себе под ноги отполированные кости и двигаются на них по замерзшему снегу и по льду с такой сильною быстротою, что ловят птиц и зверей. И еще много других бедных народов живет в северной стороне, поскольку им это позволяет холод; на западе соприкасаются они с землею Паскатир (Pascatir), а это—Великая Венгрия, о которой я сказал вам выше. Предел северного угла неизвестен в силу больших холодов (terminus anguli aquilonaris ignoratur). Ибо там находятся вечные льды и снега. Я осведомлялся о чудовищных людях, о которых рассказывают Исидор и Солин. Татары говорили мне, что никогда не видели подобного, потому мы сильно недоумеваем, правда-ли это.

ПРИМЕЧАНИЯ

Онанкеруле]. Страну монголов, расположенную на юг и юго-восток от Байкала, называли «Онон Керулэн», по имени двух главных рек — Онона и Керулэна] В другом месте своей книги Рубрук пишет: «Та земля, в которой они [моалы. были сперва. и где находится еще двор Хингиса, называют Онанкеруле» (русск перев., стр. 94); «ему хотелось... чтобы мы проехали через Онанкеруле, т. е. через их собственную землю, в которой находится двор Хингис-хана» (Ibid., стр. 115). В близкой форме то же имя называют и мусульманские писатели: Оn-an-ou Keloran (W. Rockhill, Journal of W. de Rubruck, p. 116, 165, 196).

Земли моалов]. Moal — излюбленная Рубруком форма имени монголов. W. Rockhill (op. cit., p. 112) полагает, что она находится в зависимости от формы, употребляемой в тюркских языках: Mogal; византийский историк Г. Па-

химер (1255—1308) называет их „Μοογουλίους". Об имени «монгол» см. d'Ohsson Hist. de mongoles I, p. 22; Beazley, The text and versions, p. 322. Плано-Карпини и Бенедикт Поляк от своих проводников до Волги (вероятно, русских) переняли форму Mongal.

Су-Моал]. Объяснение Рубрука, что «су-моал» значит «монголы вод», можно считать правильным (Abel Rémusat, Recherches sur les langues tartares, p. 172; такое же толкование находим у Страленберга). Это то же монгольское племя, которое называют и восточные историки: персидский писатель Вассаф Абд-Алла ибн-Фадл-Алла-Вассаф)—су-Монгал; Абульфеда — су-моголь: вероятно его же китайские историки упоминают под именем Shuj-Mung-ku и Shui-Tha-tha. «Именно Су-монголы по преимуществу назывались татарами в отличие от великих монголов или собственно монголов» (Beazley, p. 274—275). Плано-Карпини также различает «су-монголов, т. е. водяных монголов» от «йека монгал, т. е. великих монголов», сообщая при этом, что су-монголы «сами себя называли татарами от некоей реки, которая течет через их страну и называется Тартар». Справедливость последнего указания Плано-Карпини заподозрена. Бизли (The text and versions, p. 274—275), приводя большой сравнительный этимологический материал по вопросу о происхождении всех этих племенных названий монголов, замечает, что „к су-монголам преимущественно применялось название татар в отличие от великих монголов, или монголов собственно".

Керкисы]. Здесь имеются в виду киргизы. Китайские источники указывают нам, что тюркское племя керкисов известно уже с III в. нашей эры под различными именами (Kien k'un, K'ieh-ku или K'ü-wu), и что они жили там, где их помещает и Рубрук: к северу от северной Монголии, в верховьях Енисея и западнее Байкала; в конце VIII века китайцы называют их Kie-kia-ssu (хакасы) (Rockhill, p. 197—198). В половине VIII в. они подчинились китайцам, в 759 г.—уйгурам, но в следующем столетии керкисы низвергают власть уйгуров и занимают их территорию; властитель их получил от китайского императора титул хана (Ажо). Однако, государство хакасов-кыргыз просуществовало недолго: «После утраты своего кратковременного могущества киргизы в течение более 5 веков упоминаются только на своей первоначальной родине—на Енисее, к северу от Саянского хребта» (В. В. Бартольд. Киргизы. Историч. очерк. Фрунзе, 1927, стр. 7; ср. Ю. Д. Талько-Гринцевич. Древние обитатели центральной Азии. С картой распределения народностей до XIII века. Труды Троицкосавско-Кяхтинского отд. Приамурского Отд. Р. Г. Общ., т. II, вып. 1—2. М. 1900, стр. 67—70; Beazley, The texts and versions, p. 311). Сведения о состоянии страны киргизов в к. XII и нач. XIII в. мы находим у Рашид-ад-дина и в китайской «Истории династии Юань» (Юань-ши). Сообщаемые ими данные, как впрочем и все, что известно о киргизах до этого времени, заставляет предполагать, что «до Рубрука доходили преувеличенные слухи о дикости киргиз; во всяком случае приведенные у него известия могут быть отнесены только к енисейским киргизам; никаких указаний на то, чтобы киргизы в этот период жили в более южных местностях, мы у него не находим» (В. Бартольд, op. cit., стр. 32—33).

Оренгаи]. Имеются в виду урянхи, урянхайцы. Обыкновенно ссылаются на Рашид-ад-дина, который их называл лесными урянгитами; он говорит, что они живут в лесах, не имеют юрт, рогатого скота, кроме диких овец и животного, называемого hur, которое напоминает горного барана. Сведения об урянхах в литературе не отличаются согласованностью. Некоторые полагают, что урянхами монголы называли различные племена Восточной Сибири (Ritter, Erdkunde, II, Asien, S. 1139—1141, d'Ohsson, Histoire des mongoles, I, p. 420—421). Катрмер (Quatremère) говорит, что оренгаи Рубрука и урянгиты Рашид-ад-дина это тот же народ, который называли впоследствии: «оленные

тунгусы» или орочоны (Notes et Extraits XIV, p. 274); другие считают их одним из монгольских племен (Талько-Гринцевич, op. cit., стр. 72); между тем они, вероятно, относились к тюркам. Иакинф говорит, что у Абулгази урянхайцы названы кергизами; считая это неточностью перевода или ошибкой переписчиков, он помещает урянхайцев в юго-восточной Монголии (История первых четырех ханов дома Чингис-ханова. СПб., 1828, стр. 41, прим. 3). По Клапроту (Mèmoires relatifs à l'Asie, I, p. 472) урянхайцы жили в северной части провинции Печили; на английской карте, приложенной к русск. изд. Плано-Карпини и Рубрука, оренгаи показаны к востоку от Байкала. По указанию Иакинфа, китайские летописи помещали урянхаев «к западу от озера Косогола, в нынешнем Урянхае, это племя занималось ловлей рыбы, птиц и зверей» (Иакинф. Собрание сведений о народах, обитавших в средней Азии. СПб., 1851, I, стр. 439). См. еще «Die Urianchen am oberen Jenissei» — Zeitschr. des Gesellsch. f. Erdkunde zu Berlin VI, 1871, S. 459. O. Peschel — Ruge, Geschichte der Erdkunde, Münch. 1877, S. 169, Anm. 2; Fr. M. Schmidt. Über Rubruk's Reise—«Zeitschr. d. Gesellsch. f. Erdkunde zu Berlin» XX, 1885 S. 218—219; Rockhill, op. cit, p. 197—198.

отполированные кости], т. е. лыжи. Эта подробность быта урянхов-оренгаев обратила уже на себя внимание китайских писателей, которые рассказывали, по словам Иакинфа: «К ногам подвязывают лыжи, а под мышками упираются на клюки При каждом упоре подаются шагов на 100 вперед чрезвычайно быстро» (Иакинф. Собрание сведений, I, стр. 447—448); то же самое сообщает и Рашид-ад-дин о лесных урянхах, живущих в пределах страны киргизов: «Так как в их стране много высоких гор и лесов и снега бывают большие, то они часто зимой охотятся, привязывая к ногам ремнями доски, которые называют чана (лыжи), и, упирая шестом в снег, при помощи этих досок, они бегают, как будто сидя на быках» (Риттер. Землеведение Азии, IV, СПб. 1877, стр. 668—669).

землею Паскатир]. То же, что и terra Bascart Плано-Карпини (см. выше, стр. 9).

Предел северного угла неизвестен]. Rockhill (op. cit., стр. 199) отказывается объяснить это выражение с картографической точки зрения, но полагает, впрочем, что речь идет о северо-восточном угле Азии.

Я осведомился о чудовищах или чудовищных людях]. Подобно Плано-Карпини, Марко Поло и всем другим средневековым путешественникам, Рубрук с доверием относится к фантастическим рассказам, которые пришлось ему услышать на пути. Заключительные слова этой фразы Рубрука («Мы сильно недоумеваем, правда-ли это»...) могли бы подать повод к заключению, что он, вообще говоря, не верит подобным рассказам; однако, это не так; через несколько строк он рассказывает о человекоподобных существах, называемых «хин-хин», и о стране, в которой всякий, входящий туда, становится бессмертным (китайские источники этих рассказов названы у Rockhill, op. cit., p. 200). Действительно, вера в существование подобных диковинок была в средние века общераспространенной. Подчинение авторитету церкви, придерживавшейся латинского языка, который становился все более чуждым населению (что замыкало доступ к античной литературе) и религиозный идеализм были благодарной почвой для развития фантастических сказаний о мире и населяющих его людях. Античные легенды о центаврах, циклопах, кинокефалах, амазонках, лемнах (безголовых существах, имевших лицо на груди) и т. д. ожили теперь вновь в весьма причудливой форме. «Лишь немногие из отцов церкви неповинны в том, что они так или иначе не способствовали возрождению подобных химер»,— замечает Маринелли. Упоминаемый и Рубруком Исидор Севильский верил в кинокефалов; с этим не спорил и блаж. Августин. Вуттке

рассказывает о характерном для IX века споре между священниками Ратрамом и Римбертом по вопросу о существовании кинокефалов. В их существовании не сомневались Павел Диакон, историк лангобардов (De Gestis Langobard. I, 11) и Адам Бременский; последний рассказывал также и о людях, имеющих лицо на груди, и все это несмотря на то, что уже классические писатели, напр., Страбон не верили в подобные сказки (G. Marinelli, Die Erdkunde bei den Kirchenvättern. Deutsch von L. Neumann, Lpz. 1884, S. 34—35; H. Wuttke. Zur Geschichte der Erdkunde im letzten Drittel des Mittelalters, Dresden, 1871). Большой сравнительный материал по этому вопросу подобран также в статье L Tobler „Über Sagenhafte Völker der Altertums und Mittelalters", „Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft, XVIII, 1888. Сл. выше в примечаниях к Плано-Карпини (стр. 12—14).

Исидор]. Имеется в виду Исидор Севильский (ок. 570—636 года) автор знаменитых «Этимологий» («Etymologiarum Libri XX»), представляющих ранний образец впоследствии очень распространенных средневековых энциклопедий. В этой книге, в которой, кстати сказать, впервые для средневекового человека были раскрыты различные области античной науки, ученый испанский епископ трактует о всевозможных предметах, представлениях и понятиях с этимологической точки зрения. «Этимологии» Исидора еще в эпоху Рубрука считались кладезем премудрости и источником знания; по словам Beazley (The text and versions, p. 324, 315, 327), книга эта была даже основным источником географических сведений Рубрука. В ней Исидор говорит, между прочим: «Мы слышали о чудовищных физиономиях народа, живущего в отдаленных восточных краях; иные не имеют носов, лицо у них плоское и бесформенное, у других верхние губы столь выпячены, что они спят, закрываясь ими от солнечных лучей; иные, наконец, говорят, лишены дара речи и объясняются знаками» (J. P. Migne. Patrologiae cursus completus, etc., vol. LXXXII, 1850, XI, 411; Rockhill, op. cit, p. 12, 36, 196). Об Исидоре см. A. Schmeckel. Die positive Philosophie in ihrer geschichtlichen Entwicklung, Bd. II, Isidorus von Sevilla, 1914, а также новейшую работу Johann Sofer. Lateinisches und Romanisches aus den Etymologiae des Isidorus von Sevilla, Göttingen, 1930.

Солин]. Римский писатель Гай Юлий Солин (Solinus, середина III в. нашей эры), автор книги: «Собрание достойных упоминания вещей» («Collectanea rerum memorabilium»), своеобразной энциклопедии, в которой внимание обращено, главным образом, на различные феномены природы. Книга эта очень ценилась в средние века; цитата из нее приведена была выше (стр. 10).

III. РОДЖЕР БЭКОН | ROGER BACON

(1265)

Роджер Бэкон—гениальный английский ученый XIII века (ок. 1214—1295). Происходя из богатой рыцарской семьи, Бэкон родился в Соммерсетшире, учился в Оксфордском университете, а затем в Парижской Сорбонне. В Париже, бывшем тогда центром средневековой науки, Бэкон прожил тринадцать лет, затем вернулся в Оксфорд. Имев несчастье вступить монахом во францисканский орден, который по самому смыслу своему должен был препятствовать его научным занятиям, Бэкон поплатился за это многолетним заточением в монастырской тюрьме: около 1257 г. генерал ордена францисканцев прекратил его лекции в Оксфорде за то, что они резко расходились с учениями и методами церковно-схоластической науки и отдал его на десять лет под надзор ордена в Париж, не только подвергнув особо суровому монастырскому режиму, но запретив даже читать и писать. Однако, именно здесь, благодаря огромной силе воли, втайне от стражи и под страхом наказания, Бэкон одно за другим в течение 18 месяцев написал свои знаменитые труды „Большое“, „Малое“ и „Третье“ сочинения («Opus Majus», «Opus Minus» и «Tertius»). Поводом к составлению их послужила надежда, что Гюи Фульк, избранный папой под именем Климента IV, облегчит его судьбу, ознакомившись с его научными взглядами; рукописи были отправлены папе под строгой тайной одним из преданных Бэкону друзей. Надежды его, однако, не оправдались. Климент IV скончался, и на папский престол вступил один из гонителей Бэкона—Григорий IX. Собравшийся в 1278 г. капитул ордена францисканцев осудил Бэкона за колдовство и еретичество и приговорил его к тюремному заключению, от которого он освободился только через 14 лет, уже дряхлым стариком; через два года Бэкон умер. Таким образом, вся жизнь Бэкона была страшной борьбой за право научной мысли. Жестокое преследование он навлек на себя не только резкими нападками на церковь и обличениями испорченности церковной иерархии, но также гениально-смелой критикой схоластической догмы и проповедью

новой научной методологии. Он пытался осветить мрак, царивший тогда в европейской науке и, по выражению Жюссерана, „предупреждая своего знаменитого однофамильца, классифицировал причины человеческого невежества".

Особенностью Роджера Бэкона была страсть к опыту и наблюдению. Отвлеченным логическим построениям схоластической философии своего века он все время противопоставлял изучение действительности экспериментальным путем. „Опыт,—писал он,— один дает настоящее и окончательное решение вопроса; этого не могут сделать ни „авторитет" (который не дает „понимания"), ни отвлеченное доказательство. Полезно и необходимо изучать также математику, которую ошибочно считают наукой трудной, а иногда даже и подозрительной, потому что она имела несчастье быть неизвестной отцам церкви". В своих сочинениях, дошедших до нас неполностью и в неисправных списках, т. к. современники не могли оценить их, а его истинное значение понято было лишь много столетий спустя, он обнял все области знания; «Opus Majus» представляет собою громадную энциклопедию, в которой собрано все, что мог знать средневековый человек. В одном из последних своих произведений, увидевшем свет только в середине XIX в. (Opera Inedita, London, 1859), Бэкон упоминает о возможности сделать различные изобретения: „водолазный колокол, порох, быстро ходящие без весел суда, повозку, которая подвигается с неимоверной скоростью без лошадей" и т. д. Бэкон горячо ратовал также за необходимость изучения иностранных языков, помимо интернационального научного языка своего времени—латинского, и сам изучил в Оксфордском университете языки еврейский, греческий, арабский, что позволило ему не только овладеть античной литературой, но и воспользоваться данными высоко стоявшей в то время средневековой арабской науки, еще почти неизвестной европейцам.

Вместе с современником своим Альбертом Великим (1193—1280), автором сочинения „О природе местностей" («De natura locorum»), Роджер Бэкон может считаться основателем новой географической науки. Оба они из сочинений арабов и античных географов впервые извлекли более или менее точное понятие о протяжении и форме южных и восточных берегов Азиатского материка. Возникшая на их глазах громадная монгольская держава приковала их внимание и позволила распространить познания и на северные области Азии. Взорам средневекового географа открылись совершенно невиданные просторы, о которых он до сих пор не имел никакого представления. Христианство на долгие века закрыло глаза на внешний мир; европейские миссионеры V—VIII вв., так далеко заходившие на восток, не оставили об этом никаких известий. Бэкону приходилось еще доказывать в «Opus Majus», что „тот, кто не знает стран мира, не знает ни куда идет, ни чего

домогается“, и что для всех равно „необходимы познание нравов и образа жизни всех народов“ (G. Marinelli, Die Erdkunde bei den Kirchenvättern. Deutsch von L. Neumann. Lpz. 1884, S. 19). Сам Бэкон это познание свое извлек из античной и арабской литературы, а также из рассказов путешественников. В частности, для описания Азии он воспользовался реляциями европейских легатов к монгольским ханам. В Париже он познакомился с Рубруком («Opus Majus» ed. Bridges, Lond. 1897, I, p. 305, 354; O. Peschel-Ruge, Geschichte der Erdkunde, Berl. 1877, S. 165, Anm. 2), а может быть и с Плано-Карпини, на которого он также ссылается в своем труде. Заслуга Бэкона заключается в том, что их бесхитростные и во многом наивные рассказы он ввел в оборот научной литературы, дав связный географический очерк Азии на основании критического сопоставления новых данных, полученных опытным путем и всей существующей литературы. Между прочим, Бэкон был первым ученым, сделавшим опыт вычертить карту мира на основании идеи долгот и широт O. Peschel, op. cit. S. 165).

Географическим вопросам посвящены 4-ая часть его „Большого сочинения“ (Opus Majus) и недошедшая до нашего времени „Книга о странах света“ (Liber de regionibus). Биограф Бэкона Emile Charles (Roger Bacon, sa vie, ses ouvrages, ses doctrines, Paris 1861, p. 276) не может надивиться глубине познаний его в этой области, обширности эрудиции и той трезвости и ясности мысли, с которой он вскрывает ошибки своих предшественников. Критикуя Птоломея и Плиния, пользуясь Саллюстием для описания Африки, Эгезиппом для рассказа о Палестине, Бэкон умело и осторожно заимствует данные у Рубрука и Плано-Карпини для характеристики средней и северной Азии. Беседы его с Рубруком убедили его в том, что представления античных и средневековых географов об этой стране очень ошибочны; так, напр., Бэкон замечает, что и Плиний и Исидор Севильский напрасно представляют себе Каспийское море в виде залива северного океана; заслуживающие доверия путешественники согласно утверждают, что это море образуется благодаря большому количеству вливающихся в него рек. На север от него есть земля, совершенно незнакомая писателям, жившим на юге Европы. Бэкон описывает Понт и Мэотиду (Черное и Азовское моря), реку Танаис, которая берет начало в Рифейских горах, ему известны, частью в классических названиях, приволжские народы (наряду с мордвинами он упоминает аримафеев, живущих неподалеку от Рифейских гор, которые во всем подобны螺 приполярным жителям, гипербореям; еще далее встречается народ по имени Monel). Давая характеристику Комании, половецкой земли, исторические судьбы которой так тесно связаны с Западной Сибирью, Бэкон останавливается далее на татарах, кара-китаях (Cara-Cataya) и довольно подробно говорит о народах и землях средней

Азии. Для своего времени этот географический очерк представлял, несомненно, много нового. Неудивительно, что английский географ конца XVI в. Ричард Гэклейт включил в свой сборник путешествий («Principal navigations of English nation», 1598) отрывок из труда Бэкона, относящийся как раз к северным областям Европы и Азии, несмотря даже на то, что, по его собственным словам, Бэкон был „историком, но не путешественником“ (S. Purchas, Hakluyts Posthumus, or Purchas, his Pilgrimes, vol. XI. Glasgow, 1906 p. 150—168). Конечно, данные Бэкона о северной Азии, будущей Сибири, не слишком обширны; он, напр., полагал, что страна, лежащая к востоку от северной части Рифейских гор, т. е. северо-восточное Приуралье, необитаема. Однако, при оценке этих данных не следует забывать, что они записаны кабинетным ученым в XIII веке, с трудом добывавшим книги, в суровой обстановке монастырской тюрьмы, лишившимся даже возможности живого общения с бывалыми путешественниками и собратьями по перу, что, наконец, труд его был полной географией мира, в которой, в интересах цельности, нельзя было уделить слишком много внимания рассказу об отдельных областях. Значение этого труда может быть понято только из сопоставления его с другими географическими трудами его времени. Как далеко вперед Бэкон ушел от них, показывает, например, карта мира, вычерченная в Англии ок. 1275 г. (т. наз. „Герфордская карта“). Источниками ее являются: Библия, искаженные данные древних географов в той форме, в какой Орозий сделал их доступными средневековью, языческие и христианские легенды, бестиарии, гербарии и т. д.; не сделано ни одной попытки использовать данные новейших путешественников на восток. Каспийское море все еще является заливом северного океана, который поглотил почти всю Сибирь; лишь на дальнем востоке изображены Самарканд и Сера (Ser-civitas). См. F. Richthofen, China I, S. 634; Santarem, Essai sur l'histoire de la cosmographie et de la cartographie, vol. II, 1850, p. 288—434; W. L. Bewan, H. Philot, Havergal. Mediaeval Geography, an essay in illustration of the Hereford Mappa Mundi, Lond. 1874. О Бэконе см. еще E. Picavet. La science expérimentale au XIII s. en Occident, Paris, 1894. Вслед за Гэклейтом и со ссылкой на него, отрывок из географической части «Opus Majus» во французском переводе напечатал P. Bergeron, Voyages en Asie faits principalement en XIII, XIV et XV s. La Haye, 1735, t. II, p. 4—72. (Полностью «Opus Majus» был издан впервые Джеббом в 1733 году). Пересказ его сделал J. Chr. Adelung. Geschichte der Schiffahrten und Versuche welche zur Entdeckung des Nordöstlichen Weges nach Japan und China von vorschiedenen Nationen unternommen werden. Halle, 1768, § 48, S. 37—38. Приводимые ниже отрывки переведены с латинского подлинника, напечатанного в указанном выше издании «Hakluyts Posthumus», vol. XI, p. 161—162, но сверить их с текстом лучшего издания «Opus Majus»—Бриджса (Lond. 1897) мне, к сожалению, не удалось.

Каспийцы и гирканцы поселились на берегах этого моря [Каспия]. Поэтому Исидор и Плиний ошибаются вместе со всеми писателями запада, утверждающими, что это море происходит от Океана. Они впали в эту ошибку потому, что писали по слухам и не проверили этого на опыте.

* * *

На север от Каспийского моря расположена пустынная страна, в которой живут татары: за ними же, идя по направлению к [Ледовитому] океану находится еще много северных областей; по этой то причине Каспийское море вовсе не является заливом океана, что, однако, утверждали столь многие писатели. Наблюдения [experientia], сделанные братом Вильгельмом и некоторыми другими лицами, заслуживающими доверия, указывают, что это море происходит не от океана, но образуется от впадения в него многих рек. Земля между Танаисом и Этилем принадлежала команам, которых называли канглы, но татары их покорили.

...По ту сторону Этиля находится третье княжество татарское, в котором татары истребили природных жителей, команы же сохранили прежнее имя канглов. Простирается же это княжество на восток от реки Этиля на расстояние четырех месяцев пути, если отправляться туда южной дорогой, если же через северные области,—то двух месяцев и десяти дней.

* * *

Река Танаис берет свое начало в высоких горах, которые называются Рифеями; они, действительно, простираются к северу, потому что за ними не находят больше никакого народа.

ПРИМЕЧАНИЯ

Каспийцы и гирканцы]. Каспийское море в древности носило название Гирканского моря (Mare Hyrcanum). О народе «гирканцах» и происхождении этого названия в средневековой литературе см. Otto Doberentz, Die Erd und völkerkunde in der Weltchronik des Rudolf von Hohen-Ems, «Zeitschrift f. Deutsche Philologie» 1881, Bd. XII, S. 295 и XIII, S. 55.

Исидор и Плиний]. О них см. выше, стр. 12, 20.

Это море происходит от Океана]. Представление о том, что Каспийское море является лишь заливом северного океана, в древности было всеобщим; мы находим его, напр., у Патрокла, Эратосфена, Страбона и др. (H. Berger, Gesch. der wissenschaftliche Erdkunde der Griechen, II, S 331, 395). Его усвоили себе и византийцы (Dieterich, Byzantinische Quellen zur Länder-und Völkerkunde, II, S. 30, 47, 124). «Не следует удивляться,—пишет Маринелли,—что Павел Орозий,

Марциан Каппела, Исидор Севильский, Козьма Индикоплов и Иорнанд, быть может под влиянием господствовавшего тогда представления о четырех симметричных морских заливах, представляли себе и Каспий заливом северного моря; удивительно только то, что это заблуждение держалось так долго» (G. Marinelli. Die Erdkunbe bei den Kirchevättern. Deutsch von L. Neumann, Lpz. 1884, S. 9—11). Действительно, мы встречаем его у анонимного географа из Равенны, на меровингской карте библиотеки в Альби (VIII в.), в «Hormesta» короля Альфреда, у Бэды Достопочтенного, на англосаксонской карте мира X в., находящейся в Британском музее, на картах XI—XII вв., на так наз. Герфордской карте (XIII в.) и т. д., одним словом, во всех важнейших географических памятниках средних веков.

Братом Вильгельмом], т. е. Рубруком.

Между Танаисом и Этилем]. Доном и Волгой.

Команам] половцам. В византийских источниках половцы называются команами (встречается имя «куманы» и «куманская земля» и в русской летописи Лаврент. спис., но, вероятно, под визант. влиянием), словом, еще недостаточно объясненным; мусульмане называют их кыпчаками, последние в XII в. и позже связываются с другим народом, носящим название канглы (см. рец. В. В. Бартольда на труд J. Marquart'a: «Über das Volkstum der Komanen», 1914—в «Русск. Историч. Журнале» 1921, кн. 7, стр. 140, 142 144, 149)

канглы] Cangle. У Плано-Карпини страна канглов называется Terra Cangitarum.

Канглы некогда жили на западе от уйгуров и издревле назывались китайцами Кан или Кан-гюй, а в эпоху монгольской династии Кан-ли (E. Bretschneider, Notices of mediaeval Geography and History of Central and Western Asia. «Journal of the North-China branch of the Royal Asiatic Society» 1876, p. 147). Легендарные предания о канглах мы находим у Рашид-ад-дина (нач. XIV в.), который этимологизирует их имя от тюркск. слова «телега» (канклы—«тележники»), как их якобы прозвал мифический Угуз (Зап. И. Археол. Общ., т. XIV, 1858, стр. 18, 122—222; В. Радлов, в Зап. Акад. Наук, т. 72, кн. 1, СПб. 1893, стр. 2, 15).

в высоких горах, которые называются Рифеями]. В древней Греции существовало мнение, что, по аналогии с их собственной страной, все реки получают свое начало в горах. Вот почему на севере от Понта Эвксинского (Черного моря) они тоже предполагали могущественный горный кряж, который назван был Рифеями, Рифейскими горами: 'Ῥῖπαι 'Ριπαῖα ὄρη. Аристотель развил эту теорию, утверждая, что вышина гор, в которых начинаются источники, пропорциональна широте и полноводности образующихся из них рек; он связал это со старыми представлениями о том, что земля повышается к северу; таким образом, Рифейские горы помещены были на крайний север известной грекам земли (Paul Bolchert, Aristoteles Erdkunde von Asien und Lybien, Wittenberg, 1908, S. 5—6; Osc. Brenner, Nord-und Mitteleuropa in den Schriften der Alten, München 1877, S. 22). Однако, первоначально, вероятно, под Рифеями греки понимали просто горы, находящиеся на Север от Эллады, — Иллирийскую цепь, Апеннины, Альпийский хребет. Но еще Аристей из Проконнеса (о нем см. во введении к настоящей книге) назвал Рифейскими горами тот горный кряж, который находится в стране исседонов. Так как трудно определить местожительство этих исседонов по сведениям Аристея, которые сохранил нам Геродот, то исследователи приурочивали Рифейские горы греческих известий то к Тянь-Шаню, то к Алтаю, то к Уралу. Попытки этимологически объяснить название «Рифеи» из тибетского слова ri-wo, горы или из остяцкого rêp, холм,

крутой берег, предложенного Шлецером и принятого Шафариком (Славянские Древности, т. I, ч. 3, стр. 202—205), отличаются искусственностью и в общем мало правдоподобны (W. Tomaschek. Kritik der ältesten Nachrichten über den Skythischen Norden. I. — Sitzungsberichte d. Wiener Akademie, phil-hist. Klasse, 1888, S. 767). Большинство, однако, все же в Рифеях античных писателей видело Урал (И. Забелин. История русской жизни. М. 1876, т. I, стр. 276, 279;. т. II, 1879, стр. 35; St. Sommier, Un estate in Siberia fra Ostiacchi, Samoiedi Sirieni etc., Firenze, 1885, p. 271 — 272), несмотря даже на то, что некоторые из писателей, напр., Маркиан, помещают свои Рифейские горы между Меотидским озером (Азовским морем) и Сарматским океаном (Балтийским морем), а другие ищут в них истоки Эридана, т. е. Западной Двины (так, напр., у Эвдокса), Дона-Танаиса (Этик, Плиний, Лукан) и даже Вислы... Эти колебания в определении их местоположения и несогласованность отдельных известий между собою проще всего объяснить недостаточной осведомленностью древних географов относительно земель северной и восточной Европы. Та же неосведомленность отличала географов средних веков и Возрождения, которые полагались на античный географический авторитет и поэтому сами делали грубые ошибки. Такова была почва для возникновения знаменитого спора о Рифейских горах в начале XVI в. (об этом споре см. ниже во введении к текстам: Да-Колло, П. Иовия, Герберштейна и примечания к Р. Барберини). Следует, однако, заметить что чем ближе подвигаемся мы к XVI веку, тем чаще под Рифейскими (и помещавшимися еще дальше на север за ними Гиперборейскими) горами понимали Уральский хребет; именно так понимает их и Р. Бэкон и Ю. П. Лэт, за ними — Да-Колло, Герберштейн и др.

IV. МАРКО ПОЛО | MARCO POLO

(ок. 1292 г.)

Марко Поло был одним из счастливейших путешественников конца средних веков, рассказы которого сыграли весьма важную роль в географической науке. В течение 24 лет (1271—1295) он прожил на Дальнем Востоке при дворах монгольских владетелей, повидал много стран и народов, а затем благополучно возвратился на родину. Жизнь его достаточно хорошо известна, и поэтому я напомню лишь важнейшие для последующего изложения факты его биографии. Марко Поло принадлежал к богатой патрицианской семье в Венеции, занимавшейся торговлей. Отец его Николай Поло со своим братом Маффео в 1254 году отправился в Константинополь, отсюда, с драгоценными камнями,—на Волгу: морем они благополучно добрались до Солдайи (Судака), а затем и до Болгара; отсюда, благодаря войне Барку-хана с его племянником, им пришлось искать кружного пути для возвращения домой, и через Укек (около Саратова) они отправились в Бухару, где получили предложение съездить еще дальше на восток—в Монгольскую столицу—Каракорум. Хан Кубилай принял их ласково и снарядил с ними посольство к папе. В 1269 г. они вернулись в Венецию и вскоре стали собираться в обратный путь, в Монголию. На этот раз Николай Поло взял с собою и сына Марко, выросшего в его отсутствие. Марко Поло был также ласково принят Кубилаем и, несмотря на свои молодые годы, сразу же заявил себя дельным и способным человеком. Он получил службу при ханском дворе, сумел быть полезным и нужным и, постепенно повышаясь в должности, приобрел, в конце концов, место губернатора одной из самых богатых провинций государства. Различные, даваемые ему, поручения позволили Марко Поло, в составе различных миссий, объехать весь Китай с севера до юга; он принял участие в покорении монголами земель южнее Хуан-хэ, и имел также случай ознакомиться с отдельными провинциями Индии. Крайним северным пунктом, до которого доходил Марко, был Каракорум в северной Монголии. В 1295 году М. Поло вернулся в

Венецию, к великому удивлению родных и сограждан (отметим удачную популярную книгу П. К. Губера. „Хождение на восток венецейского гостя Марко Поло, прозванного миллионщиком“. Лгр. 1929, в которой находится его биография в подробном изложении, на основании рассказов самого Поло и его комментаторов).

„Сам Марко Поло,—замечает В. В. Бартольд,—не написал книги о своих путешествиях; его рассказы были записаны с его слов другими, причем только о первой по времени записи мы можем сказать, что она была сделана под диктовку самого путешественника“. Через три года по возвращении своем в Венецию (в 1298 году) Поло принял участие в войне, разгоревшейся между соперничавшими итальянскими торговыми городами—Венецией и Генуей. Венецианский флот был разбит, Марко Поло, принимавший участие в битве на снаряженной им самим галере, попал в плен и был отвезен в Геную. Находясь здесь в тюрьме, Поло, на французском языке, бывшим в то время самым распространенным литературным языком во всей Европе, продиктовал рассказ о своих путешествиях товарищу по заключению—пизанцу Рустичиано; возможно, что эта запись впоследствии (1307) была просмотрена и проредактирована самим М. Поло. На французском языке эта, вероятно, первоначальная редакция книги сохранилась только в одной рукописи Парижской Национальной Библиотеки: авторитетный исследователь книги М. Поло—Генри Юль „доказывает, что мы в этом списке XIV века имеем возможно точное воспроизведение устного рассказа М. Поло, записанного в Генуе; на это указывает самый слог, сохранивший все черты непосредственного рассказа (отсутствие соразмерности, повторения, внезапные переходы от одного предмета к другому, возвращение к уже рассказанному для дополнения рассказа какой-нибудь забытой подробностью и т. п.), записанного со слов рассказчика и не подвергавшегося никакому просмотру“ (В. Бартольд). Однако, язык этой рукописи плох—своеобразное ломбардо-французское наречие XIII в., в котором, кроме того, много искажений собственных имен, как записанных по слуху. Поэтому для исследователя приобретают значение другие рукописи той же книги, сохранившиеся в различных местах.

Вернувшись в Венецию из генуэзского плена (в 1299 г.), Марко Поло еще 25 лет прожил в своем родном городе и часто рассказывал о своих странствованиях по востоку. Записанные этим способом повествования возбудили к себе всеобщий интерес; стали появляться переводы их на различные языки. Таким образом, помимо основной редакции на французском языке, до нас дошло около 80-ти рукописей книги, тексты которых имеют значительные расхождения между собой и, по исследованиям Юля, распадаются на три группы: из наиболее верных отметим латинский перевод, сделанный еще при жизни Поло с итальянской копии доминиканцем

из Болоньи Франческо Пипино, версию, отличающуюся „наибольшей полнотой содержания и наибольшей обработанностью формы“, которая напечатана во II томе Navigationi e viaggi (1559) Рамузио, несколько рукописей, восходящих к утраченному списку 1307 г., полученному одним французским рыцарем от самого М. Поло (по рукописям этой категории издал книгу Поло—Потье) и т. д. Благодаря неисправности и неясности основного текста, некоторое значение для установления правильного чтения имеют также ранние переводы его на другие романские языки, напр., португальский, сделанный Valentim'ом Fernandez'ом (этот перевод восходит к редакции Пипино и напечатан еще в 1502 г.; см. Max Böhme. Die grossen Reisensammlungen des 16 Jahrhunderts, Strassburg 1904, S. 6)., а также испанский (El libro de Marco Polo... Nach Madrider Handschrift, hrsg. v. R. Stuebe, Leipz. 1902). Вообще о редакциях и рукописях книги см. предисловие В. В. Бартольда к русскому переводу И. П. Минаева, СПб. 1902, стр. IV—VIII.

Влияние книги М. Поло на европейскую науку было грандиозно, т. к. все его известия были „невероятной новостью для его современников“, настолько впрочем невероятной, что иные из его сограждан прямо готовы были признать в нем обманщика и лгуна. Тем не менее книга эта просветила не только многих географов, но также и коммерческих деятелей. Марко Поло показал Европе китайский компас; книга его не осталась без влияния на Христофора Колумба (сейчас можно считать доказанным, что Колумб читал М. Поло до своего первого путешествия и воспользовался рядом его данных; см. «El libro de Marco Polo... hrsg. v. R. Stuebe», Lpz. 1902, S. XXIII—XXVI): некоторые утверждают даже, что она оказала воздействие и на изобретение книгопечатания, т. к. Гуттенберг, женатый на венецианке, будто бы видел привезенные М. Поло китайские печатные доски (К. Скачков. О заслугах венецианца М. Поло по распространению географических познаний об Азии.— Изв. Русск. Геогр. Общ. 1865, № 11—12, стр. 207—226; с последним утверждением не согласен R. Schumann, Marco Polo, ein Weltreisender des XIII Jahrh., Berl. 1885, S. 29—30).

Однако, наибольшее влияние оказал М. Поло все же на географические представления своего и последующих столетий; благодаря непосредственному воздействию его книги, картография XIV в. решительно порывает с традицией и при помощи данных, позаимствованных у Марко Поло и его предшественников, купцов и миссионеров, ездивших в среднюю и восточную Азию в XIII веке, совершенно видоизменяет очертания и географическую номенклатуру этой страны, до этих пор известной, главным образом, из сочинений античных писателей. Правда, влияние это сказывается не сразу: сначала на одной и той же карте самым причудливым образом соединяются старые легенды и вновь собранные факты; но по-

следние,—по мере того, как мы приближаемся к XV веку—заносятся на карты все в большем количестве; влияние рассказов Марко Поло все сильнее чувствуется на картах Пьетро Висконти (1311 г.), Якобо Гастальди (A. E. Nordenskjöld. The influence of the «Travels of Marco Polo» on Jacobo Gastaldi's Maps of Asia.— «Geographical Journal» XVIII, 1899, p. 396—406; та же статья, в шведском подлиннике, в журнале «Ymer» XIX, 1899, p. 33—43), на Каталонской карте (1375); это влияние еще достаточно сильно в XV и XVI веках на карте Фра-Мауро (1459), на карте всего света Герарда Меркатора (1569); на карту мира, изготовленную для французского короля Генриха II (1547—1559) нанесена Terre de Mongauoz (Монголия)—на запад от Serica Région; на отдаленном северо-востоке помещен le grand Cam и к западу от него Le Cathay; еще дальше к северу изображен северный олень со скачущим на нем всадником. По словам Рихтхофена, здесь нетрудно узнать „иллюстрацию разведок Марко Поло о Сибири" (F. v. Richthofen, China I. S. 662).

На Дальний Восток и возвращаясь оттуда, Марко Поло шел южными путями (туда—через Акру, Моссул, Багдад, Басру, Ормуз, Кирман, Сабзевар, Балх, Кашгар и т. д.; обратно через Ормуз, Кирман, Тавриз, оз. Гокча, Трапезунд), и, следовательно, Сибири не проезжал; однако, он мог получить о ней некоторые сведения от персов и монголов. Действительно, хотя „Сибирь" им нигде не названа, но ее нетрудно узнать в тех главах сочинения, где описаны: страна Баргу, владения северного татарского владетеля Канчи и страна мрака. Уже писатели конца XVII и начала XVIII века не сомневались, что здесь описана именно Сибирь, и это вполне подтвердили и позднейшие исследования. При описании Сибири, на книгу М. Поло ссылался Шлейсинг (см. ниже); составители книги: «Der allerneuste Staat von Siberien» Nürnberg 1720, S. 11—14 также воспользовались этими данными. Хотя по мнению Миллера (Sammlung Russ. Gesch. I. S. 207—208) М. Поло более чем кто-либо из старых путешественников в своем описании „отступает от современного состояния татарских и сибирских краев", однако и А. Миддендорф (Путешествие на север и восток Сибири. СПб. 1860, ч. I, отд. I, стр. 62) и Шренк (Reise nach d. Nordosten Europ. Russl. Th. II, Dorpat, 1854, S. 232—234) находят возможным признать это описание не только точным, но верным даже отчасти и для XIX века (замечания об изображении Сибири у М. Поло см. еще в статье: Ernst Schäfer, «Zur Erinnerung an Marco Polo», в «Mittheilungen der Geographischen Gesellschaft in Hamburg» Bd. XV, H. I, 1899, S. 56—57). Правда, в определении того, какие именно местности Сибири можно разуметь в описаниях М. Поло, существуют большие разногласия; так, напр., „равнина Баргу" понимается то как Забайкалье, то как Приобский край, но тем не менее выдающееся историческое значение этих известий не подлежит никакому сомнению.

Существует большое количество изданий М. Поло (с 1477 г., когда в Нюренберге вышел немецкий перевод, сделанный с французского подлинника—первое печатное издание путешествия). Библиография этих изданий, доведенная до 1902 года, приложена к одному из лучших комментированных изданий, — 3-му изданию Генри Юля (первое изд. вышло в 1860 г.), просмотренному и дополненному Анри Кордье: «The Book of Ser Marco Polo... Translated and edited, with notes by Sir Henry Yule, third ed., revised by... H. Cordier», 2 vols; библиография помещена здесь во втором томе, стр. 555—574; в нашей книге ниже, в примечаниях, ссылки делаются всюду на это издание. Другой библиографический указатель приложен к книге Кордье: «Centenaire de Marco Polo. Conférence faite le 18 décembre 1895 à la Sorbonne par Henri Cordier, Paris, 1896. Слабым местом обеих указанных работ, как, впрочем, и всех специальных иностранных библиографий, является русская научная литература; привожу поэтому указания на важнейшие из русских изданий М. Поло.

Первый русский перевод М. Поло намерен был сделать в в 20-х гг. XIX в. Д. Д. Языков для своего „Собрания путешествий к татарам", остановившегося на издании Плано-Карпини; это намерение, однако, не осуществилось, хотя перевод уже был начат. Как сообщает К. А. Скачков, в 1848 году составился кружок ученых с целью продолжать труд Языкова, но им помешал „именно тот самый год, неблагоприятствовавший для всякого литературного предприятия" (Изв. Р. Г. Общ. 1875, I, № 11—12, стр. 211—212). В 1861 г. А. Н. Шемякин сделал перевод с немецкого комментированного издания А. Бюрка и К. Ф. Неймана (Die Reisen des Venezianers Marco Polo... mit einem Kommentar von A. Bürck. Nebst Zusätzen und Verbesserungen von K. F. Neumann, Leipzig, 1845) и напечатал его в „Чтениях в Общ. Ист. и Древн." (1861, III, IV; 1862, I, II, III, IV; отд. изд. 1863). Другой перевод вышел в 1873 г. „Путешествие по Татарии и другим странам Востока венецианского дворянина М. Поло, прозванного Миллионером". 3 части, М. 1877 (первоначально напечатан в журнале: „Библиотека дешевая и общедоступная", 1873, №№, 1, 2, 3, 4). Этот перевод также сделан не с подлинника, рассчитан на широкого читателя и научного значения не имеет. Несмотря на то, что у нас были серьезные комментаторы М. Поло, своими исследованиями способствовавшие его изучению (Григорьев, Палладий, Ханыков и др.), но сколько-нибудь удовлетворительного издания этой классической книги у нас не было до появления в 1902 г. перевода И. П. Минаева. Этот ученый сделал его по французскому подлиннику, считая вместе с Юлем, что эта редакция является самой авторитетной, но, к сожалению, не довел его до конца, т. к. предположенный им самостоятельный комментарий, для которого уже собирались материалы, остался невыполненным. Издавший перевод этот, после

смерти Минаева, В. В. Бартольд оставил его без изменений, сопроводив лишь краткими пояснениями преимущественно текстологического характера (Путешествие Марко Поло. Перевод старофранцузского текста. Под редакцией В. В. Бартольда—„Записки Р. Г. Общ. по отд. этнографии“, т. XXVI, СПб. 1902); тем не менее, перевод этот имеет большое значение и может быть назван первым русским научным изданием М. Поло. „Простота и безыскусственность первоначальной редакции переданы переводчиком с неподражаемым мастерством“,—замечает А. Н. Пыпин в рецензии на эту книгу („Вестник Европы“, 1902, № 7, стр. 380—382), однако, в противоположность Юлю, объединившему в своем издании разночтения различных рукописей в единый сборный текст, Минаев предпочел положить в основу своего перевода только старо-французский подлинник по парижской рукописи, дополняя его только в примечаниях вариантами из других рукописей. Благодаря этому, несмотря на авторитетность и мастерство перевода Минаева, его перевод не исключает необходимости справляться с другими изданиями, в которых приведены более полные редакции; отсутствие на русском языке подробного комментария, со ссылками на литературу вопроса, также заставляет обращаться к изданиям английским, французским и немецким. Важнейшими из них, кроме указанного выше издания Юля, следует признать французское издание Потье (Le livre de Marco Polo... par M. G. Pauthier, 1865, 2 vols.), немецкое издание Лемке (Reisen des Venezianers Marco Polo... Hrsg. Dr. Hans Lemke, Hamburg, 1907, I том серии: «Bibliothek wertvoller Memoiren»): оба издания использованы нами в комментариях. Новые издания М. Поло продолжают появляться. См., напр., издание: Marco Polo, il Milione; prima edizione integrale a cura di Luigi Foscolo Benedetto, Firenze (L. Olschki) 1928, изд. «Comitato geogr. nacionale italiano» (CXXVIII + 281): издатель воспользовался для книги хорошей рукописью путешествий М. Поло, находящейся в г. Толедо. Популяризаторские цели преследует новое английское издание со вступительной статьей Masefield'a (Lond. 1927): оно воспроизводит текст старого английского перевода W. Marsden'a, сделанного по редакции Рамузио (Lond. 1818, 2-ое изд. 1854), и не вносит ничего нового в комментарий («La Géographie» 1927, № 3—4, p. 168—169); более важно издание: «The Most Noble and Famous Travels of Marco Polo, together with Travels of Nicoló de Conti. Edited from the translation of John Frampton, with introduction and notes by N. M. Penzer», Lond. 1929. Кажется, наиболее интересное из изданий последних лет вышло в Пекине в двух больших томах в 1924—1926 годах: «Le livre de Marco Polo... redigé en français sous la dictée de l'auteur en 1295 par Rusticien de Pise, revu et corrigé par M. Polo lui même en 1307, publié par G. Pauthier en 1867, traduit en français moderne et annoté d'aprés les sources chinoises par A.-J.-H. Charignon». Pékin, A. Nachbauer. Текстологического значения оно, вероятно, не имеет, как перевод на современный французский язык, но комментарии Шариньона „по китайским источникам“ должны представлять

интерес; к сожалению, этого издания мне видеть не пришлось. Нижеследующий текст приводится нами по переводу И. П. Минаева (гл. LXXI, стр. 92—93; гл. CCXVI—CCXVII, стр. 332—335), сверенному, однако, с изданиями Потье и 3-му изданию Юля—Кордье (вышедшему через год после издания Минаева), которыми я и руководился, главным образом, составляя комментарий, но всюду стараясь заново привлечь плохо использованную ими русскую литературу вопроса.

ЗДЕСЬ ОПИСЫВАЕТСЯ РАВНИНА БАРГУ И РАЗНЫЕ ОБЫЧАИ НАРОДА

На север от Каракорона и от Алтая, от того места, где, как я рассказывал, хоронят татарских царей, есть равнина Баргу, тянется она на сорок дней. Народ тамошний дикий и зовется Мекри, занимаются скотоводством, много у них оленей; на оленях, скажу вам, они ездят. Нравы их и обычаи те же, что и у татар; они великого хана. Ни хлеба, ни вина у них нет. Летом у них есть дичь, и они охотятся и на зверей и на птиц [Питаются также птицами; здесь много озер, прудов, болот: равнина эта на север граничит с морем Океаном. Птицы, когда линяют, так пребывают в этих местах. Когда же совсем оголеют, так не могут летать и их ловят тогда сколько хотят. Едят также рыб]. Через сорок дней—море Океан; там же горы, где соколы-пилигримы вьют гнезда. Нет там, знайте, ни мужчины, ни женщины, ни зверя, ни птицы, а есть только одна птица, зовут ее Баргерлак; соколы ею кормятся; она с куропатку, а ножки, как у попугая, хвост, как у ласточки, летает быстро. Когда великому хану понадобятся такие соколы, он посылает за ними туда. В том море есть острова, где водятся соколы. Место то, скажу вам по правде, так далеко на север, что северная звезда остается позади, к югу. Птиц этих, что водятся на том острове, скажу вам еще, великое множество; у великого хана их столько, сколько он пожелает, и не думайте, чтобы те, которых приносят из христианских стран к Татарам, доставалися ему; тех несут в Левант, к Аргуну и к другим левантским князьям.

Рассказал вам все ясно об этой северной стране, что к морю Океану, а теперь поговорим о других областях и вернемся к великому хану.

ЗДЕСЬ ОПИСЫВАЕТСЯ СЕВЕРНЫЙ ЦАРЬ КАНЧИ

На севере, знайте, есть царь Канчи. Он Татарин, и все его подданные Татары; держатся они татарского закона, а закон этот дикий; но соблюдают они его также точно, как соблюдал Чингис-

хан и другие истые Татары; делают они своего бога из войлока и называют его Натигай; делают ему и жену, называют двух богов Натигаем и его женой: говорят, что они боги земные и охраняют их скот, хлеба и все их земное добро. Они им молятся; когда едят что-нибудь вкусное, так мажут своим богам рты. Живут они как звери. Царь их никому не подвластен, хотя он из роду Чингисхана, то есть из имперского, и близкий родственник великого хана; а него нет ни городов, ни замков; живут они всегда по большим равнинам и долинам и в высоких горах [вар. „в равнинах и лесах той страны, которых чрезвычайно много“]. Питаются говядиною и молоком; хлеба у них нет никакого. У царя много народу, но он ни с кем не воюет, и мирно правит своим народом. Скотины у них много: верблюдов, коней, быков, овец и других животных. У них большие медведи, все белые и длиною в двадцать пядей. Есть тут лисицы, совсем черные и большие, и дикие ослы; много тут горностаев; из их шкур делаются дорогие шубы, о чем я вам рассказывал; мужская шуба стоит тысячу безантов. Белок обилие, и много фараоновых крыс, и все лето они ими питаются, потому что крысы очень жирны. Всякой дичины тут много; живут в местах диких и непроходимых. Еще у этого царя есть такие места, где никакая лошадь не пройдет; это страна, где много озер и ручейков; тут большой лед, трясины и грязь; лошади там не пройти. И эта дурная страна длится на тринадцать днищ, и каждый день есть стоянка, где пристают гонцы, что ходят по стране. На каждой стоянке до сорока больших собак немного поменьше осла, и эти собаки возят гонцов от стоянки к стоянке, от одного днища до другого, и, скажу вам, вот как: по всему этому пути, по льду да по грязи, лошади не могут итти; во все тринадцать дней дорога между двух гор, по большой долине, и все тут лед да грязь, как я вам говорил. И по этой то причине лошади не могут тут проходить, и телеги на колесах тут не пройдут; сделали они сани без колес, проходят они, не увязая, и по льду, и по грязи, и по трясине. Во многих наших странах есть сани; на них возят сено и солому зимою, когда много дождей и грязи. Сани они покрывают медвежьею шкурою, и туда влезает гонец, возят их по шести больших собак, и собаки везут их прямо к стоянке, не сбиваясь с дороги, по льду и по грязи; и так ездят от стоянки до стоянки. А тот, кто сторожит стоянку, садится также в сани, погоняет собак и едет дорогою кратчайшею и лучшею. На другой стоянке, как приедут—собаки и сани уже готовы, и едут дальше; а те собаки, что привезли, возвращаются назад; и так каждый день ездят на собаках. Те, кто живут здесь в горах и долинах, большие охотники; ловят они много дорогих животных высокой цены, и большая им от этого прибыль и выгода; ловят они соболей, горностаев, белок, ercolin [колонков (?), россомах (?)] черных лисиц и много других животных; из них они выделывают

дорогие шубы, высокой цены. У них такой снаряд, который промаха не дает.—Скажу вам, от великого здешнего холода их дома под землею; а иногда [люди] живут и над землею.

О другом чем нечего говорить, поэтому пойдем отсюда и расскажем вам о стране, где всегда темнота.

ЗДЕСЬ ОПИСЫВАЕТСЯ ТЕМНАЯ СТРАНА

На север от этого царства есть темная страна; тут всегда темно, нет ни солнца, ни луны, ни звезд; всегда тут темно, так же, как у нас в сумерки. У жителей нет царя; живут они как звери; никому не подвластны. Татары приходят сюда, и вот как: приходят они сюда на жеребых кобылах, а жеребят оставляют на границе, чтобы кобылы возвращались к своим жеребятам; а знают они дорогу лучше людей. Так то приходят сюда татары на кобылах, как я вам сказал, а жеребят оставляют позади, и грабят они тут все, что находят, а когда награбят, возвращаются; кобылы идут к своим жеребятам, и знают оне хорошо свою дорогу. У этих людей множество мехов и очень дорогих; есть у них соболя очень дорогие, как я вам говорил, горностаи, белки, лисицы черные и много других мехов. Все они охотники, и просто удивительно, сколько мехов они набирают. Соседние народы оттуда, где свет, покупают здешние меха; им носят они меха туда, где свет, там и продают, а тем купцам, что покупают эти меха, большая выгода и прибыль. Люди эти, скажу вам, рослые и статные; они белые, без всякого румянца. Великая Россия, скажу вам, граничит с одной стороны с этой областью. О другом чем тут нечего говорить, а поэтому пойдем отсюда и расскажем вам прежде всего о России.

ПРИМЕЧАНИЯ

Каракорон]. Каракорум — столица древней Монголии. «Так как Каракорум есть местность, вокруг которой было их (монголов) первое приобретение, то они считают этот город за царственный и поблизости его выбирают своего хана» (Р у б р у к, русск. перев., стр. 94).

Равнина Баргу]. И. П. Минаев в своем переводе (гл. LXXI, стр. 92—93) пишет: «равнина Бангу», но в рукописях встречается: Baigu, Bangu, Burgi, Bachum и т. д. Юль (Book I, ch. LVI, p. 269—270) предпочитает чтение Б а р г у, и я ему следую. Вставка в нашем тексте в квадратных скобках сделана у нас по Рамузио; у Юля также вставка из Рамузио введена в текст, но она несколько отличается от приведенной. По замечанию В. В. Бартольда к переводу Минаева, страна Баргу— «ныне Забайкалье, где жил народ мергиты или меркиты». Так именно толковали это название Ю л ь и П а л л а д и й К а ф а р о в («Пояснения на путешествие Марко Поло по северному Китаю, по китайским источникам». Изв. ИРГО, т. XXXVIII, 1902, стр. 18—20), а до них еще Страленберг и д'Анвилль; «В монгольском тексте «Жизнеописания Чингис-хана»,— пишет Палладий,— эта страна

называется Барху и Бархучжинь; по справедливому сближению этого названия у Юля с нынешним Баргузин, надобно полагать, что эта страна была при Байкале. Что в Баргу были меркиты, это подтверждается следующим указанием жизнеописания Чингис-хана: «когда Чингис хан разбил врагов своих меркитов, последние бежали в Бархучжинь-токум»; токум означает «впадину, низменное место» по китайскому переводу 1381 года; таким образом. Бархучжинь-токум несомненно соответствует долине Баргу М. Поло». Известие Рашид-ад-дина о «стране Баргу или Баргуджин-Тукум» (История монголов, перев. И. Н. Березина, СПб. 1868, т. I, ч. 2, стр. 66 и сл., 85—86, 142) заставило некоторых исследователей предполагать, что страна, которую он имеет в виду, была более обширной, чем область Баргузина или Забайкалье; иные под «Баргуджин-Тукум» подразумевали всю страну на восток от Селенги до Хинганского хребта. Против такого отождествления высказался недавно Г. В. Ксенофонтов: «слово Баргуджин,—писал он,—мы признаем заимствованным из тунгусского наречия, в котором оно значит «та сторона» и «тот берег». Применительно к интересующему нас географическому термину оно должно было значить, с точки зрения обитателей р. Селенги—«За озером Байкал» или «Забайкалье», т. е. современный Приангарский край» («Сборник трудов Научно-исслед. института языка и культуры при СНК ЯАССР», вып. I, Москва—Якутск, 1937, стр. 92). А. Миддендорф (Путешествие на север и восток Сибири. СПб. 1860, ч. I, отд. I, стр. 62—63) обосновывал иное утверждение, которое и до него уже было высказано Бюрком и другими. Сопоставляя известия Марко Поло с картой мира Ортелиуса, Миддендорф писал: «так как в XVI веке истинный вид Азии был еще неизвестен, то и в этих картах мы находим только образчик того, как спутывались тогдашние картографы, стараясь извлечь из показаний М. Поло начертательный вид Азии. Алтай, о котором М. Поло в первый раз сообщил нам известие, поставлен на Запад от Таймырского края, хотя в подлежащих широтах, но волны Ледовитого моря почти омывают его подошвы. Как же ошибочны должны были быть понятия о тех странах глубокого севера, которые сам М. Поло упоминает только по слухам и расспросам! Так, при начале полуострова, похожего на Таймыр мы находим на картах болотистую равнину Bargu, под котоооой сам путешественник, кажется, разумел прежде всего Барабинскую степь, а потом, может быть, и всю низменность, расстилающуюся между реками Иртышом и Енисеем к Ледовитому морю». Далее Миддендорф прибавляет: «Так как эта равнина, по прямому выражению М. Поло, находится к северу от Каракорона и от Алтая, то объяснение Бюрка (Die Reisen des Venezianers Marco Polo, 1845, S. 224, Anm. 188) надобно поизнать вполне основательным. Страленберг, гоняясь за созвучием с именем г. Баргузинска, ушел на запад к Байкалу (sic), д'Анвиль увлекся этой ошибкой, а Клапрот старался приискать для нее историческое основание. При всем том Нейман вовсе не прав, когда для поправки Бюрка... опять возвращается к монгольскому племени Баркут и к обитаемой им стране Баркучин близ Селенги. Могло быть, и даже очень вероятно, что племя Меркит, пораженное Чингисом, переселилось с Иртыша в прибайкальские страны и таким образом здесь очутились жители страны Баргу, но М. Поло под именем равнины Баргу во всяком случае разумел по преимуществу страну по р. Оби, которой нельзя не узнать в его метком описании». А. Оксенов также находит, что здесь «лучше, согласно с Миддендорфом, разуметь прежде всего Барабинскую степь, а затем м. б. и всю низменность между р. Иртышом, Обью и Енисеем к Ледовитому океану» («Сибирь до эпохи Ермака по сведениям западноевропейских писателей и путешественников»—«Томск. Губ. Ведом.» 1889, № 4).

Мекри]. В рукописях: Mecri, Mescript, Mescut, Mescrist, Mecaci, Mecrith, Mecrit и т. д. По Юлю (I, 271—272) Мекриты — большое племя, жившее на юго-восток от Байкала. О мекритах сообщают также Плано-Карпини и Рубрук. D'Avesac (Recueil des voyages, etc. IV, 2, p. 534) думает, что все три путешественника имеют в виду кераитов. Что касается М. Поло, то Юль—против этой идентификации. Кераиты (иначе хэрэ) были родственны меркитам (маркатам, морхис)

и жили по р. Селенге, занимая часть восточного Урянхая, но их нельзя смешивать с меркитами, как это делает еще В. Бартольд (Марко Поло, перев. Минаева, стр. 92). У Плано-Карпини они стоят рядом, но не смешиваются. По сведениям Карпини, Чингис-хан, подчинив татар (су-монголов), использовал их силы против меркитов, «страна которых расположена возле земли татар»; «подвигаясь оттуда, он сразился против мекритов и покорил их также» (перевод А. Малеина, стр. 16). Скорее всего под мекритами нужно разуметь тунгусов, но не тюркское и не монгольское племя. Такую же догадку высказывает и Юль, впрочем, отождествляя их с «лесными урянгитами» Рашид-ад-дина, в которых он тоже склонен был видеть тунгусов, точнее—орочон (сл. выше, стр. 19); слова М. Поло «много озер и болот» Юль также совершенно произвольно толкует, как ясное указание на ландшафт между Якутском и Колымой, замечая при этом: «очевидно, что М. Поло получил сведения от очевидцев», и едва ли удачно его рассказ об охоте и рыбной ловле поясняет цитатой из путешествия Врангеля, где последний говорит о природе и фауне Нижне-Колымска. Палладий (op. cit., стр. 18—19) заподозривает достоверность показания М. Поло, что мерkиты жили в стране Баргу: «его нельзя принять безусловно: меркиты были у Байкала народом пришлым и первоначально принадлежали, по установленному монгольским текстом Юань-чао-миши, разряду племен юрточных, т. е. кочевых или степных; между тем, в том же жизнеописании Чингисхана мы находим упоминание о народе Бархунь, принадлежавшем к разряду лесных племен и поэтому имеем основание предполагать Бархунь туземцами Баргу».

На оленях, скажу вам, они ездят]. В тексте Потье это любопытное указание пропущено. Интересный комментарий дает к нему А. Миддендорф: «Мартенс (Archiv f. Naturgeschichte, 1858, I) сообщает, что Альберт Великий говорит о северном олене «equitant eum». В виде пояснения он прибавляет, что такая «верховая езда на северных оленях» упоминается кое-где и у других старинных писателей, но, кажется, всегда ошибочно понималась, т. к. под ней должно разуметь обыкновенную езду в повозке на северных оленях». «В противоположность нынешним порядкам, верховая езда составляла некогда гораздо более общий способ путешествования, чем езда в повозке. Марсден, напр. (Travels of Marco Polo, Lond. 1818, p. 222), подобно Бюрку сомневается в том, что северные олени употреблялись иначе, как в упряжи, слово cavalcano поясняя опиской писца или ошибкой автора. Хотя Миддендорф и подтверждает, что «на всем севере Европы равно как и материка северной Сибири, за р. Леной, различные небольшие народцы... употребляют северного оленя только в упряжи», но, по его же указанию, «и в области Тунгускиных гор и Станового хребта... олень служит первобытному человеку столько же вьючным, а вместе с тем и верховым животным» (Путешествие на север и восток Сибири, ч. II, стр. 494).

Баргерлак]. У Минаева—баргенлак, что едва-ли верно, т. к. в рукописях чаще встречаются другие наименования, у Бартоли: bugherlac, у Потье: barguerlac, у Рамузио: Bargerlach. О том, какая птица здесь имеется в виду, было высказано несколько догадок. Юль (I, 272) посвящает этому слову большой комментарий. Он полагает, что здесь имеется в виду птица из семейства Pterocles (быть может «песчаная куропатка» или tetrao paradoxus Палласа, ныне известная под именем Syrrhaptes Pallasii). В словаре Zenker'а Юль нашел указание, что Bogurtlak (или Bagirthlak) на языке восточных тюрков называется kata. По мнению M. Gould'а — птица, о которой рассказывает М. Поло — Syrrhaptes. Главное затруднение такого отождествления в том, что по описанию М. Поло «ножки у него, как у попугая»; но у Syrrhaptes ноги также необычные, что заставляет китайцев говорить, что у этой птицы «ноги как у дракона». Родина Syrrhaptes — Алтай, киргизские степи и местности вокруг Байкала, а также северный Китай. Рисунок и описание этой птицы

см. у Radde, Reisen im Süden von Ost-Sibirien, Bd. II, S. 294; А. Миддендорф. Путешествие, ч. II, стр. 247, 454—455, 464. По мнению Миддендорфа, Марко Поло под именем баргерлака имеет в виду белую куропатку (Lagopus albus) (Путешествие, ч. I, отд. I, стр. 63 прим.; т. II, ч. 2, стр. 19!). По поводу всего описания «равнины Баргу», в соответствии со своим приуроченьем ее к низменности между Иртышом и Енисеем, Миддендорф говорит: «Мастерскою рукою, немногими, но меткими чертами изображает Марко Поло и страну и ее кочевых обитателей в том самом роде жизни, какой они ведут и доселе. Множество озер и болот, полных рыбой и дичью; соседство океана, убой облинялой дичи; порода оленей, употребляемых для верховой езды и вместе в пищу за неимением ни хлеба, ни вина; переселение птиц и зверей на зиму, по причине невыразимой стужи; соколы-голубятники и белые куропатки, хотя последние описаны не довольно ясно: все это очаровывает знатока Сибири поразительной верностью изображения. Все это и теперь так, точно также, как было за 800 лет, и надо удивляться, как в горах, близких к океану, в которых водится много коршунов и соколов-голубятников, давно не признали северного Урала» (op. cit., I, ч. 1, стр. 63).

Когда великому хану понадобятся такие соколы]. Соколы были очень почитаемы в средние века и нередко служили предметом подарков между отдельными государями Европы и Азии. Среди подарков, которые Яков II, король аррагонский послал Египетскому султану в 1314 г., мы находим трех белых соколов; киргизы также посылали соколов в подарок ханам Чингису и Кубилаю (Yule I, p. 273). Аделунг (Мейерберг, СПб. 1828, стр. 218) замечает, что «ловля, выучиванье и охота соколиная всегда были исключительным преимуществом и главнейшей забавою князей, а потому охота сия при всех дворах составляла важнейшую часть придворного штата и сопровождала их во всех походах. В лангобардских и франкских узаконениях постановления, относящиеся до соколиной охоты, занимают место весьма важное». В Европе мало-помалу этот вкус изменился, но на востоке вплоть до XIX в. соколиная охота составляла любимую забаву. С востока она очень рано распространилась и на Руси; она упоминается уже в «Слове о полку Игоря»; в начале XVI века Герберштейн застал ее в полном блеске при московском великокняжеском дворе; почетное место занимала она в обиходе ц. Алексея Михайловича (Аделунг, op. cit., стр. 219—231). Мейерберг (1663) в подписи к рисунку, изображающему сокола, замечает, что «птицы эти весьма уважаемы и дороги в России, так что получить их очень трудно, и платят за каждую по шестидесяти червонных. В. князь иногда дарит этими кречетами татарских и калмыцких князей, которые весьма любят этот род охоты».

В том море есть острова, где водятся соколы]. И. П. Минаев переводит: «где водятся кречеты». Юль (I, p. 273) отказывается определить, о каких островах здесь идет речь. «Витсен,—пишет он (II, 656),—говорит о каком-то острове в Татарском море, из которого получаются соколы, очевидно основываясь на китайской карте, но я ничего более об этом не знаю». Возможно, что Витсен основывался на карте И. Массы, у которого восточнее о. Вайгача отмечен маленький островок, носящий название: «Socolia loeda oft der Valken eylant», эта же «сокольа луда (Socolia lowdia) или соколий остров» встречается в известиях англичан. Сл. ниже: Дж. Логан. А. Миддендорф (Путеш. I, ч. I, стр. 63), в свою очередь, замечает: «Жаль, что нельзя дознаться, что именно разумеется под островом близ берега, откуда его ханское величество получал кречетов, сколько ему угодно: из мелких-ли островов или Вайгач, или даже Новая Земля?» Действительно, область распространения этих соколов настолько велика, что не дает возможности указать более точное приуроченье. Аделунг (op. cit., стр. 219) говорит, что соколы «в нашем отечестве находятся около Перми, Архангельска и по берегам Камы, но лучшие соколы ловятся на Уральских и Сибирских горах. Они бывают большею частью серые и пестрые, но между ними есть также и белые, которые

считаются превосходнейшими. Таковые водятся большею частью в Восточной Сибири и Камчатке, и по силе и красоте своей предпочитаются исландским». А. Миддендорф (op. cit., II, стр. 617—618) пишет: «Соколиная охота, столь обычная у кочевников южных степей, у киргизов и калмыков, не производится ни в тундрах, ни в области лесной растительности, хотя некогда именно север Сибири должен был доставлять множество соколов, требовавшихся ко дворам». На это мы находим указание и у Герберштейна, который говорит о северном Урале и Зауральи: «На этих горах гнездятся соколы (gyrfalken)... Между последними находится белый вид с пестрыми крыльями, называемый Herodii». Еще в XVII в. в Сибири существовали особые кречетники и помытчики, доставлявшие в Москву обученных соколов. Что касается слова кречет, употребленного в переводе М. Поло И. Минаевым, то укажем прежде всего на рисунок сокола у Мейерберга, к которому сделана следующая подпись: «близ северного полюса, на горах, при реке Печоре, у Вайгачского пролива и на Новой Земле находятся эти птицы из породы соколиной, называемые по-русски кречетами, а по латыни: girofalcones... Птицы сии величиной с самых больших соколов, частью белые, частью дикого цвета» и т. д. Аделунгу (op. cit., стр. 294) происхождение названия кречет было неизвестно: «Многие полагают,—говорит он,—что это слово татарское». В «Слове о полку Игоря» оно уже употребляется: «ни соколу, ни кречету, ни тебе, черный ворон, поганый половчине». Сл. ниже: П. Иовий.

К Аргуну]. Владетель Леванта—Ильхан Аргун, монгольский владетель Персии. Подробные данные о нем собраны у Юля (см. M. Polo, Introduction, p. 23—24 и по указателю ко всей книге).

На севере... есть царь Канчи]. В примечании к переводу И. П. Минаева В. В. Бартольд замечает (op. cit, стр. 332, прим. 2): «Речь идет о Кончи, владетеле восточной половины удела Джучи, старшего сына Чингиз-хана. Кончи был внуком старшего сына Джучи, Орды. Главная ставка этих владетелей сначала находилась в северной части Семиречья, впоследствии была перенесена к низовьям Сыр-Дарьи». Таким образом, как будто Бартольд полагает, что описанная в гл. CCXVI («Здесь описывается северный царь Канчи») местность есть северная часть Семиречья, хотя в указателе местностей и городов той же книги для этой главы (стр. 354) указана Сибирь; такова, действительно, старая комментаторская традиция, которая основывается на явно-северных чертах описанной здесь страны. Юль (II, p. 481) полагает, что имя владетеля написано Марко Поло неверно, т. к. было несколько ханов, носивших это имя, и что он спутал «северного царя (владетеля)» с тем сыном Орды, посольство которого к Шах-руху он, вероятно, сам видел летом 1293 г. (I. Hammer-Purgstal, Geschichte der goldenen Horde. Pesth, 1840, S. 149, 249; I. Hammer. Geschichte der Ilchane. Darmstadt, 1842 I, S. 354, 403, II, 193: здесь он носит имя Kandschi, E. A. Parker. Kaunchis. «China Review», XIV, p. 359). Лерберг (Исследования, служащие к объяснению древней русской истории. СПб. 1819, стр. 42—45), приводя цитаты из этой главы, говорит: «Мы не можем долго оставаться в неизвестности о местоположении северных стран, о которых говорит М. Поло, о земле, так отличающейся угрюмою своею зимою, повозками, мехами и зверями. В то же время мы видим, что югорская земля, торговля пушным товаром, даже способ езды по сей земле в 13 веке довольно были известны и южным азиатцам, у которых Марко Поло собирал свои известия». Составители книги: «Der allerneuste Staat von Siberien» etc. (Nürnberg, 1720 S. 11—14) замечали, что Сибирь легко узнать из этого рассказа М. Поло. «Не трудно видеть, что описание страны хотя и довольно верно, но все же довольно несовершенно. И тем же менее, о ней не написано было ничего более полного до тех пор, пока она не стала принадлежать русскому государю. Почти невероятно, как это могло произойти». В. Н. Пигнатти («Искер». «Ежегодник Тобольск. Музея», т. XXV, 1915, стр. 29)

также полагает, что хотя «прямого указания об Искере или Сибири у Марко Поло нет», но «эта местность по смыслу описания и есть Иртышская Сибирь».

Натигай]. В рукописях встречаются различные написания: Nacygai, Nachigai, Naagai, Nacigay и др. По мнению Юля (I, 257—258; сл. примечание Бартольда к переводу Минаева, стр. 88) монгольское (или бурятское) Нугайт, Ногот, обозначающее, как и Онгот, Онгод (по Эрману: Ongotui)— низшее божество. Дорджи Банзаров (Черная вера или шаманство у монголов, СПб. 1891, стр. 17) полагает, что «натигай» Марко Поло «может быть испорченное Itoga, бог земли», упоминаемый у Плано-Карпини. В «Пояснениях» Палладия (Изв. ИРГО, XXVIII, стр. 17—18) сказано: «понимать ли это слово, как измененное онгот (у Юля) или как этугэн... равно трудно проверить старинными документами. Слово Онгон или Онгот я не мог отыскать в монгольск. тексте Юань-чао-миши; души отшедших отцов и предков называются в нем Екес, т. е. Великими, Вельможами; вероятно, онгон тунгусского, а не монгольского происхождения; название же Этугэн, в сказанном тексте, прилагается к земле только как к пространству. Надобно иметь в виду, что в недре шаманства не только существуют племенные и поместные различия, но также с течением времени и под влиянием буддизма могли произойти существенные и общие перемены, поэтому не совсем легко проверять древнее шаманство современным. К тому, что ученый Юль собрал и отчетливо изложил, по лучшим авторитетам, о тамошних ларях шаманских, я присоединю один новый вариант: «Дахуры и Барху (те и другие монгольского происхождения; живут в Барху, в северо-западной Манчжурии) имеют в своих жилищах, по числу членов семейства мужского пола, соломенные куклы, на которых нарисованы брови, глаза и рот; куклы до половины туловища одеты; когда кто помрет, то куклу выносят вон, если народится новый член, для него делают новую куклу; в день нового года приносят куклам жертвы и боятся тревожить их (передвигать и пр.), чтобы не навлечь на семейство болезней (Хэ-лун-цзян-вай-цзи)».

Тысячу безантов]. По мнению Юля, М. Поло и другие средневековые авторы под этим словом понимали арабский динар (ок. 5 р. золотом).

Много фараоновых крыс]. Палладий в своих «Пояснениях» (op. cit. стр. 15) замечает: «В монгольском жизнеописании Чингис-хана (Юань-чао-миши) упоминается два рода норожитных животных, употребляющихся монголами в пищу: тарбагат и кучугур». Вероятно имеется в виду водящийся в монгольских степях тарбаган, излюбленное кушанье монголов (ср. Pallas, Sammlung, I, S. 128). О «фараоновых крысах» упоминает и Рубрук.

Эти собаки возят гонцов от стоянки к стоянке]. «Собаку,—пишет А. Миддендорф,—как одну из древнейших спутниц человеческого рода (ср. замечание А. Погодина в Ж. М. Н. Пр. 1900, № 6, стр. 272) по всей вероятности уже рано заставляли быть также упряжным животным. В Европе однако же она издавна, вероятно еще в доисторическое время, вытеснена лошадью, а дальше к северу, где лошадь была непригоднее, заменена северным оленем. Даже в нашем Остзейском крае выражение pennikorm (собачья ноша) вместо географической мили напоминает давно исчезнувший обычай выпрягать собак. В Сибири же собачья упряжь еще в историческое время была более распространена, чем теперь (Путешествие, ч. II, стр. 519—520). По указанию Юля (II, p. 483), езда на собаках употребляется в настоящее время не южнее, чем на 61° 31′, но раньше употреблялась и между Двиной и Печорой. Действительно, к собачьей упряжи прибегло в 1499 г. русское войско в известном походе в Югорский край (Lehrberg, Untersuchungen, S. 17). Описывая «страну мраков», под которой следует, вероятно, разуметь Югорский край, арабский путешественник XIV в. Ибн-Батута (р. 1304—ум. 1377) пишет: «путешествие туда совершается не иначе, как на маленьких

повозках, которые возят большие собаки; ибо в этой пустыне (везде) лед, на котором не держатся ни ноги человеческие, ни копыта скотины; у собак же когти и ноги их держатся на льду. Проникают туда только богатые купцы, из которых у иного по 100 повозок или около того, нагруженных его съестным, напитками и дровами, т. к. там нет ни дерева, ни камня, ни мазанки. Путеводитель в этой земле—собака, которая побывала в ней уже много раз; цена ее доходит до 1000 динаров или около того. Повозка прикрепляется к ее шее; вместе с нею припрягаются (еще) три собаки. Это авангард, за которым следуют прочие собаки с повозками. Остановится он, и они останавливаются. Хозяин собаку и не бьет, и не ругает. Когда подается корм, то он кормит собак раньше людей, в противном же случае собака злится, убегает и оставляет хозяина своего на погибель. Совершив по этой пустыне 40 станций, путешественники делают привал «у мрака...» (Voyages d'Ibn-Batutah, par Defrémery et Sanguinetti, Paris 1885 vol. II, p. 399—400, ср. «Journal Asiatique» 1850, t. XVI, p. 50—75; 153—201; цитирую по русскому переводу В. Тизенгаузена, сделанному непосредственно с арабского подлинника в его книге: «Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды», т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб. 1884, стр. 297; существуют и другие русские переводы указанного отрывка; с французского перевода Дефремери—Кн. Н. Кострова. «Страна мраков» арабского путешественника Ибн-Батуты. «Томские Губ. Ведомости» 1867, № 18, стр. 9—10; по английскому переводу С. Ли, 1829 то же место перевел Н. Полевой в «Русском Вестнике» 1841 II, стр. 463—464). «С тех пор, как езду на собаках описал Марко Поло,—замечает Миддендорф,—эта езда очень стала обращать на себя внимание и повела к тому, что у некоторых писателей и географов говорилось о стране «Насобачье», как обозначение частей Восточной Сибири до Чукотской земли. Тому же Витсену (II, 426, 428) мы обязаны, однако, точным известием о том, что в его время далеко на севере, на Енисее, не было лошадей, а были только собаки» (Путешествие, ч. II, стр. 520).

Ловят они горностаев, соболей, белок и...(?)]. В подлинном тексте это место читается... «Ce sunt gibeline, et ermin, et vair et ercolin et volpes noires» ed. Pauthier, 1865, II, p. 751). Трудность понимания этой фразы заключается в одном только слове ercolin, которое обычно оставляют без перевода, Pauthier в указанном месте слово это не объясняет, Минаев — не переводит; у Юля мы находим явно неудачную попытку к его истолкованию. Отметим прежде всего что в различных рукописях и изданиях слово передается различно: Erculin; Ercolin; Arculin; Arcolino—у Рамузио (в цитате Аделунга, Krit.-lit. Übericht, 1, S. 104 даже — Ascolin); у Пипино—Herculini. Юль (II, p. 483) замечает, что некоторые комментаторы предлагают видеть здесь какое-нибудь животное вроде горностая и белки, приносящее драгоценный мех, «но,—заключает он,—я не мог найти ни одного сходного названия никакого животного», впрочем тут же прибавляет, со ссылкой на Рубрука, что по созвучию имен здесь может иметься в виду Argali или «Сибирский дикий баран». У Рубрука в указанном месте мы, действительно, читаем: «Оленей я там не видал, зайцев видел мало. Диких ослов я видел в большом количестве; они похожи на мулов. Видел я также другую породу животных, именуемых аркали; они имеют тело точно у барана, и рога, загнутые как у барана, но такой огромной величины, что одной рукой я едва мог поднять два рога». Под аркали здесь, очевидно, имеется ввиду тур или каменный дикий баран (ovis argali), в различных монгольских и тюркских наречиях называемый: arkar, argar, arkal (словарные материалы см. у K. Donner u. M. Räsänen, в «Journal de la Soc. Finno-Ougrienne» XLV, 2, Helsingfors, 1931, S. 6—7), некогда водившийся в большом изобилии в южном Забайкалье и в Монголии, часто встречавшийся еще при Палласе (1772) на Онончалонском хребте, но затем совершенно здесь вымерший (см. Radde, Reisen im Süden von Ost-Sibirien, I, S. 229, 242; Beiträge z. Kentniss d. Russ. Reiches, Bd. XXIII, S. 434; А. Миддендорф, Путешествие, ч. II, стр. 70; Р. Маак. Путе-

шествие на Амур. СПб. 1859, стр. 112; Г. Потанин. Очерки северо-западной Монголии, II, стр. 142; А. Черкасов. Записки охотника Восточной Сибири. СПб. 1884, стр. 547—548). Английский комментатор Рубрука вносит еще большую путаницу в этот вопрос, говоря, что argali Рубрука это то же животное, которое им в другом месте называется Culan или Khulan (The Journey of W. de Rubruk transl. and edited by W. W Rockhill. Lond. 1900, p. 69). Дело в том, что под именем куланов Рубрук имеет ввиду диких ослов, как они называются по-монгольски (ср. Zeitschr. d. Gesellsch. f. Erdkunde zu Berlin XX, 1885, S. 172), и его кулан не имеет ничего общего ни с аркали, ни с ercolin Марко Поло, т. к. последний несомненно имел ввиду (это видно по контексту) животное, доставляющее драгоценный мех. Ни дикие ослы, ни каменные бараны не могут итти в счет. Следовательно, значение слова ercolin остается невыясненным. Позволю себе поэтому привести несколько собственных догадок по этому вопросу, впрочем нисколько не претендуя на его окончательное решение.

У Марко Поло ercolin назван между горностаем, белкой и чернобурой лисицей. Поэтому необходимо подыскать сходное название еще одного животного, мех которого идет на обработку и вывозится в качестве ценного товара. Таким зверьком мог быть сибирский хорек—колонок (Mustela Sibirica Pall). Паллас в своих «Neue Nordische Beiträge» (1796) Bd. VII, S. 213 среди меховых животных семейства хорьковых называет и «Mustela Sibirica, Russ. Kulonnoc, mong. Kulonn». По справке у Голстунского (Монгольско-русский словарь, т. III, стр. 480) оказывается, что монгольское название колонка звучит несколько иначе, чем указывает Паллас, — kurene; однако, русские промышленники от колонка отличали хорька-черногруда, называющегося «курна», в общем чрезвычайно близкого к нему, и я не могу поручиться, что у Голстунского не спутаны оба этих сходных вида и названия, тем более, что с лингвистической точки зрения мена плавных «л» и «р» в народной речи вполне допустима как в русском, так, кажется, и в монгольском языках... Колонок всегда у нас предпочитался курне, «вероятно потому, что курна велика и шкурку ее нельзя подкрасить, чтобы променять простодушным китайцам вместо соболиной» (А. Черкасов. Записки охотника Восточной Сибири, стр. 322). Туземные сибирские названия колонка (некоторые приведены у Р. Маака. Путешествие на Амур, стр. 98), кроме монгольского, мало или совсем неупотребительны в торговле, имя же «колонок», благодаря экспорту этого меха, еще в ганзейское время перешло и в европейские языки, напр., в немецкий. Об этом свидетельствует Л. Х. Штида в статье: «О различных именах сортов меха в ганзейское время» (Труды IX Археологич. съезда в Вильне, т. II, М. 1897, стр. 50; сл. его же прежнюю статью: «Über die Namen der Pelztiere und die Bezeichnungen der Pelzwerksorten zu Hansa-Zeit. «Altpreussische Monatschrift» Bd. 24 (1887), S. 617 ff.): «и теперь еще,—пишет он,—встречается в торговле русская куна, и разные сорта ее обозначаются различными именами. Вид Mustela Sibirica, напр., называется Kolinski. Этот вид куны называется по-русски кулонок или колонок. Один из немецких писателей называет Must. Sib. словом Kolinka. В южной Германии и поныне скорняки называют норичьи меха Kolitzen. Очевидно, немецкие слова Kolinski и Kolitzen произошли от русского колонок». Колонок довольно близок к таким представителям вида Mustela, как соболь (Must. zibellina), горностай (Must. erminea), обыкновенная ласка (Must. vulgaris); естествоиспытателей конца XVIII века еще сильно затрудняло установление различий между горностаем и лаской и, напр., Бюффон усматривал их только в величине тела обоих зверьков и в окраске кончика их хвостов (E. A. W. Zimmermann. Geographische Geschichte des Menschen und der allg. verbreiteten vierfüssigen Thiere, Leipz. 1778, Bd. I, S.243—247): нетрудно поэтому предположить, что сравнительно плохо разбиравшийся в названиях северных мехов европеец мог легко спутать их одно с другим, приняв, напр., монг. kurene за название куницы; последняя очень рано стала предметом вывоза из северных стран в страны востока и юга и упоминание ее наряду с соболем, горностаем и чернобурой лисицей было бы более чем естественно в

устах Марко Поло. В качестве слабого косвенного подтверждения того вывода, что под именем ercolin, erculin Марко Поло мог понимать различных зверьков из рода Mustela, можно, пожалуй, обратить внимание на транскрипцию слова, слишком созвучного имени Геркулеса (в редакции Пипино вм. erculini стоит даже: Herculini) и предположить затем, не осмыслено-ли, не этимологизировано-ли М. Поло это название зверька по ассоциации с известной легендой о ласке, которая была невольной причиной рождения Геркулеса? (В. П. Клингер. Животное в античном и народном суеверии, Киев, 1911, стр. 180—181). На последнем предположении я, впрочем, не настаиваю.

Слова «ercolin» возможно, впрочем, объяснить и иначе, и такое объяснение, как мне кажется, также имеет за собою известную долю вероятия. Не говорит ли М. Поло о россомахе (Must. gulo)? В «Description générale de la Chine» Дюгальда 1736, t. IV, p. 34 говорится о животном choulon или chelason, которое автору кажется одним из видов рыси: «Мех этого животного очень ценится в Пекине, где из него делают tahou, т. е. шубы (surtouts), в которые одеваются; этот зверь величиною с волка; мех у него высокий, нежный и густой; он во множестве водится на границах Московии и в их землях, откуда меха продаются к пекинскому двору». (G. Cahen, Le livre de comptes de la caravane russe á Pékin en 1727—28, Paris, 1911, p. 104) затрудняется определить, о каком животном здесь идет речь; из всех, высказанных им предположений наиболее удачной кажется мне догадка, что это — россомаха (glouton). Старинное латинское название россомахи — gulo (W. Ludolf, Grammatica Russica, Oxonii, 1696 p 95: «Rosomacha cui ob ingentem voracitatem nomen gulonis, germ. Vielfrass indere, vestes pelliceas valde durabiles suppedicat»; Страленберг, Historie der Reisen, Leipzig, s. a., S. 360—361:—«gulo, по-русски Rossomack, по-немецки Vielfrass»). Не является ли в таком случае erculin Марко Поло испорченным латинским названием россомахи — gulo, -nis, названной у Дюгальда choulon? Интересно отметить, что в «Histoire généalogique des Taters», Leyde, 1726, p. 72, на которую ссылается Страленберг (op. cit., S. 319) смешаны по созвучию argara, argali и gulo. Страленбергу при описании каменного барана пришлось поэтому заметить: «это тот же зверь, который некогда у татар назывался Argara, nicht aber ein Vielfrass».

У них такой снаряд, который промаха не дает]. В подлиннике: «Il ont lor engign qe ne escape elz nulle devant»; по переводу Юля (II, p. 483—484): «при ловле животных они употребляют капканы, от которых те не могут спастись». По всей Сибири ловля зверей капканами различного устройства, как известно, сильно распространена.

Их дома под землею]. Юль (II, p. 483—484) замечает, что в этой главе описана Югрия, т. е. «очевидно страна остяков на Оби». «Остяки же употребляют на время зимы, собственно говоря, не подземные жилища, но только обкладывают землею стены своих юрт. У якутов жилища расположены над землею, но бывают также и подземные; настоящие же подземные жилища мы встречаем у самоедов (ср. Klaproth, «Magasin Asiatique», II, p. 66)».

На север от этого царства есть темная страна]. В других редакциях весь этот абзац несколько более распространен; по тексту Рамузио солнце не показывалось «в течение большей части зимних месяцев»; в стране «стоят сумерки, вроде тех, какие бывают перед рассветом, когда вы и видите и не видите»; далее же говорится, что местные жители ловят зверей «летом, когда у них стоит день и свет». Между тем весь отрывок в целом внушает убеждение, что здесь говорится о постоянной тьме в этой стране. Задаваясь вопросом о том, как было в первоначальном тексте и кому следует приписать ошибку, Рустичиано-ли или самому М. Поло,—Юль (II, p. 485) склоняется к мысли, что виновником ее был Рустичиано и поэтому готов предпочесть старо-французскому тексту улучшен-

ную редакцию Рамузио. Старо-французский текст напоминает ему туманные указания Плиния о северных странах (IV, 12: «pars mundi damnata a rerum naturâ et dansâ mersa caligine»; арктический день и ночь характеризованы Плинием также в IV, 16). Юль приводит также рассказ о «стране мрака» арабского путешественника Масйлак-ал-Абсара: «купцы не поднимаются (по Волге) выше Болгара, отсюда они совершают поездки через область Julman (предполагают, что имеется в виду Прикамье). Из этой страны купцы проникают в Югру, которая находится на крайнем севере. За нею нет никаких следов жилья, кроме великой крепости, построенной Александром, за которой же нет ничего, кроме мрака». Когда рассказчика спросили, что он под этим разумеет, он отвечал: «это область пустынных гор, где всегда царят мороз и снег, где никогда не светит солнце, нет ни растений, ни зверей. Эти горы граничат с темным морем, над которым всегда идет дождь и стоит непроницаемый туман; само солнце никогда не показывается, и вся страна всегда покрыта снегом» («Notices et Extraits des MSS. de la Bibliothèque du Roy», Paris, XIII, 1, p. 285). К указанию Юля прибавим еще цитату из сочинения Ибнфадлаллаха Эломари: «Пути взоров по государствам разных стран» (нач. XIV в.), в котором тот также описывает страну мрака: «купцы булгарские ездят до Чулымана, а купцы чулыманские ездят от земель югорских, которые на окраине севера. Позади их (уже) нет поселений, кроме большой башни, построенной Искендером (Александром) на образец высокого маяка; позади ее нет пути, а (находя ся) только мраки. Спросили его: «что это у тебя за мраки?» Он сказал: пустыни и горы, которых не покидают снег и мороз; над ними не восходит солнце; в них не растут растения и не живут никакие животные; они тянутся вплоть до черного (темного) моря; там беспрерывный дождь и густой туман и решительно никогда не встает солнце. (В. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды, т. I, СПб. 1884, стр. 240—241). О стране мраков довольно подробно рассказывает и Ибн-Батута (сл. выше, стр. 41). Что касается упоминаемой обоими арабскими писателями башни, якобы построенной Александром Македонским на границе «страны мрака», то это указание восходит к арабским преданиям об Александре, якобы построившем стену против вторжения варварских племен Яджуджей и Маджуджей, т. е. Гога и Магога (о ней см. исследование голландского арабиста De Goeje «De Muur van Gog en Magog» в «Verslagen en Mededeelingen der K. Akad. van Wetenschappen», Afd. Letterkunde, 3-de Reeks, Deel V, 1880, p. 24—110); в арабской литературе пользовалось популярностью «рисалэ»—«сказание» Селлама-толмача о путешествии его в X веке в страну мрака к этой стене и башне (В. Григорьев. Об арабском путешественнике Абу-Долефе. Ж. М. Н. Пр. 1872, ч. CLXIII, стр. 23. О. Пантусов. Как далеко простирались сведения арабских географов вглубь средней Азии. Изв. Общ. Археол., Ист. и Этногр. при Казанск. университете, т. XXV, вып. 5, 1909, стр. 93—105).

Знают они дорогу лучше людей]. Рассказ о кобылах и жеребятах, при помощи которых человек находит свою дорогу, относится к очень глубокой древности. Мы находим его уже в греческих легендах об Александре Македонском, записанных в книге т. наз. Псевдо-Каллисфена: здесь по случаю похода в «страну мраков» старый мудрец советует Александру поступить так, как это рассказано и у М. Поло, т. е. оставить жеребят позади и отправиться на кобылах, которые потом сами найдут обратную дорогу домой (см. Reliquia Arriani et scriptorum de rebus Alexandri M. Fragmenta... edidit Carolus Müller, Parisiis, 1846, p. 47=Pseudo—Callisthenes, lib. II, cap. XXXIV). Тот же рассказ мы находим в цикле легенд об Угузе, мифическом родоначальнике тюрков и татар, переданных историком Рашид-ад-дином. При походе в страну Кара-Хулун (т. е. страну мрака), Угуз, вместе с начальниками своего войска, оказался в большом затруднении: как найти в ней дорогу? Тогда мудрый старец Буши-Ходжа через сына своего Кара-Зульга дал ему такой совет: «пусть он прикажет при входе во мрак привязать жеребят от четырех кобыл и девяти ослиц, их же самих

погнать дальше. Когда они, после случки, захотят обратно, то и кобылы и ослицы из любви и нежности к своим жеребятам, а также благодаря их запаху, конечно вернутся к ним и не собьются с дороги». Угуз нашел этот совет весьма разумным, и так и сделал (F. Erdmann, Temudschin der Unnerschütterliche. Leipzig, 1862, S. 478—479). Эрдманн, в свою очередь, в параллель к указанному рассказу, приводит также рассказ Тацита (Tacit. lib. V, hist.) о евреях, выведенных в пустыню и изнемогавших от жажды: «они ждали уже смерти, как вдруг стадо диких ослов проходит мимо них в направлении к утесу, расположенному среди густого леса. Моисей следует за ними и, заключая по свежести травы, что близ этого места должен быть источник, отыскивает его и указывает пришедшему в отчаянье народу» (Капефиг. История иудеев, перев. К. Пуговкина, изд. 2-е, СПб. 1846, т. I, стр. 78). Аналогичный переданному у М. Поло рассказ сохранен и у Иосиппона в пересказе Псевдо-Каллисфена и в позднейших армянских легендах об Александре. В Вавилонском Талмуде Александр беседует с мудрецами и спрашивает, как ему проникнуть в Африку. Те отвечают, что он будет остановлен горами мрака и советуют взять с собою ливийских мулиц, привыкших к темноте (I. Levi, La Légende d'Alexandre dans le Talmud et le Midrasch.—«Revue des études juives», 1883, № 13; А. Н. Веселовский. К вопросу об источниках сербской Александрии, Ж. М. Н. Пр. 1884, № 6, стр. 156—157; 166—167). Г. Н. Потанин (Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе. М. 1899, стр. 527—529) сопоставляет рассказ М. Поло с бурятским преданием о поколении Икинат (Зап. Вост.-Сиб. Отд. Р. Г. Общ. по этн., т. I., вып. 2, стр. 91). Но аналогия кажется натянутой, а предположение, что М. Поло «мог записать легенду не в передней Азии, а в северной Монголии» кажется мне недоказанным.

Оттуда, где свет...] В подлиннике: «à la carte», ниже «à la cartes» Юль (II, p. 486), основываясь на латинском переводе (У Пипино: «Ad Lucis terras finitimas deferunt»...) считает это опиской вм. clartè. Это очень правдоподобно, потому что, в противном случае, фраза не имела бы смысла. О торговле в этой стране рассказывает Ибн-Батута: описав «немую торговлю» (сл. ниже: Герберштейн), он продолжает: «Горностай—лучший сорт мехов. В индийских землях шуба из него стоит 1000 динаров, т. е. по размену на наше золото 250 (динаров). Он чрезвычайно бел (и происходит) от шкуры маленького животного, длиною в пядень. Хвост у него длинный, и его оставляют на шубе в своем виде. Соболь ниже его; шуба из него стоит 400 динаров и меньше того. Одна из особенностей этих шкур та, что в них не забираются вши. Эмиры и вельможи китайские сплошь покрывают свои шубы вокруг шеи одною шкурою его (соболя). Также (поступают) купцы Персии и обоих Иранов» (В. Тизенгаузен, Сборник материалов, стр. 297—298).

Тем купцам, что покупают эти меха, большая выгода и прибыль]. «Торговля с отдаленными странами, с Россией и Китаем, доставляла купцам огромные выгоды, но была связана с значительным риском, т. к. товары на востоке всегда забирались в кредит: оттого временная приостановка торговли причиняла купцам огромный ущерб. Когда в год битвы при Калке «пресекся путь сообщения с южной Россией» и на короткое время прекратился привоз мехов лисиц, белок, бобров и других товаров, то этот факт имел для мусульман такое значение, что Ибн-ал-Асир особо отмечает его» (В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, СПб. 1900, т. II, стр. 425).

Люди эти, скажу вам, рослые и статные]. В параллель к этому месту интересно провести свидетельство упомянутого выше Эломари, который, упоминая «земли сибирские и чулыманские», описывает «этих обитателей сердца севера» со слов купцов: «Несмотря на стесненную жизнь (их), говорил он, нет между (разными) родами рабов красивее их телом и лучше их по белизне. Фигуры их совершенство создания по красоте, белизне и удивительной прелести; глаза у них голубые» (В. Тизенгаузен, op. cit. стр. 239).

XV ВЕК

V. ИОГАНН ШИЛЬТБЕРГЕР | JOHANN SCHILTBERGER

(ок. 1410 г.)

Шильтбергер—баварский солдат, необыкновенную биографию которого мы знаем, главным образом, из оставленной им самим книги путешествий («Reisebuch»). Участник Никопольской битвы (28 сент. 1396 года), в которой он, в качестве оруженосца некоего баварского дворянина, бился в войсках венгерского короля Сигизмунда, Шильтбергер попал в плен к туркам; ему было в это время около 16 лет. Вместе с немногими пленными, оставленными победителями в живых, Шильтбергер отправлен был в турецкую крепость Бруссу, затем получил последовательно ряд должностей при султане Баязиде; предпринятые им попытки к бегству были неудачны. В качестве турецкого солдата, он принял участие во взятии Сивы, находился во вспомогательном войске, которое Баязид послал египетскому султану для подавления вспыхнувшего в Египте восстания и, вместе со своим повелителем, присутствовал, вероятно, при осаде турками Константинополя. В знаменитой битве при Ангоре (1402) турецкое владычество на востоке, как известно, было сломлено Тимуром (Тамерланом), и сам Баязид попал в плен. Как рассказывает Шильтбергер в 14-ой главе своей книги, он принужден был разделить его участь и дать увести себя на восток. После смерти Тимура (1405) Шильтбергер попал сначала к его сыну Шах-руху, владетелю Герата, который вскоре подарил его, как раба, своему брату Миран-шаху, владетелю Персии и Армении (гл. 22, 23). Однако, и здесь Шильтбергеру довелось пробыть, в общем, недолго. Миран-шах погиб в 1408 году в битве против Кара-Юсуфа, и Шильтбергер достался Абубекру, второму сыну Миран-шаха, при дворе которого жил тогда, в качестве беглеца, претендент на занятие ханского престола в Золотой Орде—Чекра. Когда Едигей прислал к Чекре послов с приглашением вернуться на родину и занять там престол, Абубекр дал Чекре в сопровождение 600 всадников; среди них был и Шильтбергер, вместе с четырьмя другими христианами, товарищами его по плену, и все они отправились в „Великую или Белую Татарию", причем

дорога их шла через Грузию, Ширван и Дербенд к Астрахани на Волге и дальше на восток. В „Татарии“ Шильтбергер подарен был Едигею, который взял его с собой во время одного из наездов в Сибирь. Рассказ о пребывании Шильтбергера на территории Сибири в самом начале XV века приводится ниже в русском переводе. Вернуться на родину в Баварию Шильтбергеру удалось только в 1427 году; таким образом, он проблуждал по Азии свыше 30 лет. Последние годы жизни Шильтбергера плохо известны; известно, однако, что он был жив еще в 1438 году, но, повидимому, скоро умер в глубокой старости. В конце жизни Шильтбергер написал свои воспоминания, „Книгу путешествий“, которая весьма ценилась читателями того времени, и уже до 1500 года была издана шесть раз, а в XVI—XVII веках—одиннадцать раз. Интерес к Шильтбергеру оживился в начале XIX века, благодаря новому изданию его сочинения, сделанному A. J. Penzel'ем (Schiltbergers... Reise in der Orient und Wunderbare Begebenheiten. Von ihm selbst geschrieben, München 1813, 2-ое изд. 1814). Научного значения это издание, однако, не имеет, т. к. издатель положил в его основу одно из неисправных старопечатных изданий (они все сделаны по рукописи, отрывок которой сохранился в С. Галленской библиотеке: только 28 глав, примерно, треть всего сочинения), а кроме того, подновил его язык или даже, лучше сказать, просто перевел его со старинного текста, причем модернизованы были, и очень неудачно, все имена и географические названия (Ср. d'Avesac. Notices sur les anciens voyages de Tartarie. «Recueil des voyages» VI, 2, p. 432—433). Именно по этому изданию Д. Д. Языков сделал первый русский перевод отрывка из Шильтбергера: „О Золотой орде. Извлечение из описания Шильтбергера“ („Записки и Труды О-ва Истории и Древн. Росс. при Московском университете“, ч. II, гл. 2, стр. 198—232); знал его и Н. М. Карамзин, который угадал, что Шильтбергер действительно побывал во всех странах, им описанных, но дал, однако, неосторожную оценку известиям баварского путешественника, говоря, что они „неясны“ и „бестолковы“ (История Гос. Росс., т. V, прим. 215). Более сочувственно отнесся к нему Аделунг (Krit.-Liter. Übersicht, Bd. I, S. 136—138). Новое критическое издание „Книги путешествий“ сделал Нейман, причем в нем приняли участие ориенталисты Фальмерайер и Гаммер-Пургшталь (Johann Schiltberger, Reisen in Europa, Asia und Africa, 1397—1427, hrsg. v. F. F. Neumann, München, 1859). Это издание положил в основу своего полного русского перевода проф. Ф. К. Брун, снабдив его многочисленными комментариями: Иван Шильтбергер. Путешествие по Европе, Азии и Африке. Перевел с немецкого и снабдил примечаниями Ф. Брун.—„Записки Новоросс. университета“, I год, т. I, 1865, стр. 1—165 и отдельно: Одесса, 1866; труд Бруна был с интересом встречен и на Западе (см. Sitzungsberichte der Bayerischer Akade-

mie der Wissenschaften, 1869, II, 1870; I, II, перевод на англ. яз.: The Bondage and travels of Joh. Schiltberger, translated... by J. Buchan Telfer. With notes by Prof. P. Bruun. Lond. 1879). Все указанные издания и переводы сделаны по Гейдельбергской рукописи; однако, доказано было, что лучшей и древнейшей рукописью сочинения Шильтбергера следует считать ту, которая сохранилась в Нюренбергской городской библиотеке. Ее впервые издал Лангмантель в книге Hans Schiltberger. Reisebuch. Nach der Nürnberger Handschrift, hrsg. von Valentin Langmantel, Tübingen, 1885 = Bibliothek des Litterarisch. Vereins in Stuttgart, Bd. CLXXII). Это издание считается лучшим и доныне (ср. А. Крымский. История Туреччини, Киев, 1924, стр. 222, а также т. II, Киев, 1926).

Научная разработка „Книги путешествий", как исторического источника, вполне подтвердила ее значение для ориенталистики. Правда, исследования установили, что Шильтбергер был самостоятелен не везде, и что, записывая свои воспоминания в конце жизни, он использовал некоторые литературные данные. Так, например, описания Вавилона, Индии, Иерусалима в значительной степени заимствованы Шильтбергером у Марко Поло, в других местах есть следы чтения Клавихо (португальского посла ко двору Тимура) и т. д. Но таков был обычай средневековых путешественников (Langmantel, op. cit., S. 164—165). Нужно думать, что и для исторической части своего сочинения Шильтбергер использовал некоторые старые сочинения по Востоку, т. к. он говорит порой о таких событиях, которые произошли за много лет до его пребывания в Азии; впрочем, это могут быть и позднейшие вставки его переписчиков и издателей. Зато Шильтбергер дает очень интересные и самостоятельные данные там, где он рассказывает о злоключениях своего плена и дает описания стран, которые стали ему лично известны. „Как источник для изучения политических событий этой эпохи, не исключая даже битв, в которых автор лично принимал участие, — замечает В. В. Бартольд, — рассказ Шильтбергера не имеет почти никакого значения; интерес представляют только отдельные эпизоды, о которых он рассказывает, как очевидец, и отдельные сведения о посещенных им местностях..." (История изучения Востока в Европе и России, Лгр. 1925, стр. 82). Именно к этой части принадлежит и тот отрывок, который мы приводим ниже в русском переводе. Он очень интересен для нас своим упоминанием Сибири (Wissibur) — едва ли не самым ранним упоминанием этого имени в европейской литературе — а также своим описанием кочевников северной Азии. Так как текст Neumann'a, по которому сделан перевод Ф. К. Бруна, неполон и неисправен, мне пришлось отказаться от его воспроизведения; помещаемый ниже перевод сделан мною заново по Нюренбергской рукописи в издании Лангмантеля (S. 39—40).

После этого королевский сын, которого звали Чекра (Tseggra), как было сказано выше, двинулся в Великую Татарию (grossenn Tharthatia) и пришел к владетелю по имени Едигей (Edigi); тот признал его и снарядил посольство, желая известить королевство о его приходе. Когда же королевский сын Чекра пришел к Едигею, то Едигей, расположившийся в полях, собрался и хотел отправиться в страну, которая называется Сибирь (Wissibur). Следует также заметить, что по существующему в Великой Татарии

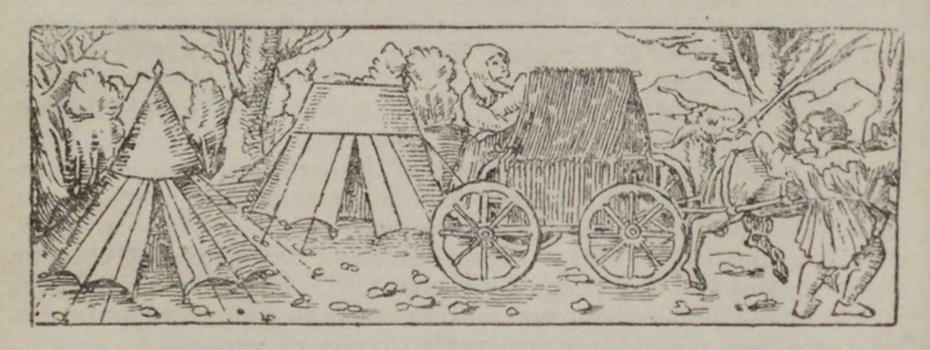

Рис. 3. Татары (Из «Космографии» Себ. Мюнстера, 1544 г.)

обычаю, король Великой Татарии имеет сановника (obman), который имеет власть назначать и низвергать королей, от него совершенно зависящих, и распоряжается также владетелями страны (landszherren). Упомянутый Едигей и был таким сановником в это время в Татарии. Еще следует заметить, что и король и сановник в Татарии, вместе с владетелями, летом и зимою кочуют в полях вместе с женами, детьми и стадами своими; там, где король останавливается, разбивают около него сто тысяч юрт (hütten).

Но продолжаю прерванный рассказ. Чекра пришел к Едигею, затем двинулся вместе с ним в упомянутую выше страну Сибирь, куда они шли два месяца, прежде чем до нее достигли. В стране этой находится гора, называемая Арбус (Arbuss) и простирающаяся на тридцать два дня ходьбы; живущие там люди полагают, что за горой этой находится пустыня, доходящая до оконечности света: никто не может также пройти через эту пустыню или жить в ней по причине [водящихся там] диких зверей и гадов. На вышеупомянутой горе живут дикие люди, неимеющие постоянных жилищ; тело же у них, за исключением рук и лица, покрыто волосами; подобно другим животным, они скитаются по горе, питаясь листьями и травой, и всем, чем придется. Владетель упомянутой страны подарил Едигею двух диких людей—мужчину и женщину, которых поймали на горе, а также трех диких лошадей, которых

там также словили; лошади же, живущие на горе, величиною с осла; водится там также много животных, которые в немецких землях не попадаются и которых я не могу назвать по имени. В упомянутой стране Сибирь есть также собаки, которых запрягают в повозки, зимою — в сани; они возят также по стране поклажу (wotseck) и так же велики, как ослы, а едят они там также собак. Еще следует заметить, что люди в этой стране поклоняются Иисусу Христу подобно трем святым царям, пришедшим для принесения ему даров в Вифлеем и увидевшим лежащим его в яслях; поэтому в их храмах можно видеть изображение Христа, представленного в том виде, как застали его три святых царя, и этим изображениям приносят они дары и на них молятся. Приверженцы этой веры называются уйгуры (Uygiur); в Татарии встречается вообще много людей этой веры.

В этой стране есть также обычай, что в случае смерти неженатого молодого человека, призывают различных музыкантов (spielleut), на умершего надевают лучшее платье и делают над ним род балдахина (ain himel); затем являются молодые люди, так же одетые в лучшие платья, которые идут [впереди процессии] в сопровождении музыкантов, а за ними отец, и мать, и друзья покойного. Так, в сопровождении молодежи и музыкантов, с большой радостью и [веселыми] песнями несут его в могилу, за ними

Рис 4. «Татарин» (С карты Вальдзеемюллера, 1516 г.)

же следуют родители и друзья, которые издают жалобные вопли (clagen). После погребения приносят они [на могилу] свои кушанья и напитки, веселятся: отец же, и мать, и друзья сидят поодаль и горюют. Наконец, все провожают их домой и так кончается обряд, представляющий свадьбу умершего, так как он не был женат.

В этой стране сеют только просо и хлеба не едят вовсе.

В стране этой и при всем этом я был сам и все видел собственными глазами, когда находился при вышеупомянутом королевском сыне по имени Чекра.

ПРИМЕЧАНИЯ

... которого звали Чекра]. При Абубекре находился хан из Великой Татарии, которого Шильтбергер называет Tseggra (в других ркп. Zegre, Zegra). Несомненно, что это не упомянутый русскими летописцами Чекра или Чакра, принадлежавший к роду Урус-хана (Howorth, History of Mongols, Lond., 1876, vol. I, p. 271); от него сохранились монеты, чеканенные в 1414—1416 гг. в Орде, Болгаре, Астрахани и Сарае (П. С. Савельев. Монеты Джучидов, Джагатаидов и другие, обращавшиеся в Золотой Орде в эпоху Токтамыша, вып. II, СПб. 1858, стр. 337—338; Langmantel, S. 42 Anm. Стэнли Лэн-Пуль. Мусульманские династии. Хронологические и генеалогические таблицы с историч. введениями. Перев. В. Бартольда, СПб. 1899, стр. 193).

Едигей]. В к. XIV и нач. XV века хан Золотой Орды Токтамыш своей победою над Мамаем объединил Белую и Синюю Орду (в 1380 г.; умер в 1405 г.). Едигей был одним из главных эмиров левой стороны у Токтамыша; происходил он из племени Кунграт (В. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. I, стр. 457 и сл.; П. М. Мелиоранский. Сказание об Едигее и Токтамыше, СПб. 1905, стр. 7).

Страну, именуемую Сибирь]. Ibissibur: так в Гейдельбергской и Санкт-Галленской рукописях, в других местах тех же рукописей встречается однако также написание: Wissibur (так в издании Лангмантеля: S. 39, 40, 41, 62). В части книги Шильтбергера, озаглавленной редактором: «Страны, соседние с великой Татарией», есть такая фраза: «Es ist auch ein landt, das haist Bolar und hat mancherlei thier. Item ein landt ist genanndt Ibissibur», т. е. «есть также страна, называемая Болар (Булгар), в которой много зверей; также страна, называемая Ибиссибур». Лангмантель объясняет: «Эта страна, названная вслед за Татарией и Булгарией—бесспорно Сибирь, т. к. приведенное в тексте название явилось, вероятно, изменением слова Ibir—Sibir, как на картах Азии нач. XIII в. называли страну, находящуюся между Енисеем и Нижней Тунгуской». Ранее и Нейман в своем издании Шильтбергера уже заметил (S. 88): «Эта страна—без всякого сомнения Сибирь, которая названа здесь в первый раз; приблизительно около того же времени (1450 г.), по Лербергу (Erläuterungen... SPb. 1816, S. 76), слово Сибирь встречается также в русских летописях». Ф. Брун безоговорочно переводит Ibissibur словом Сибирь. Что касается ссылки Неймана на русские источники, то следует заметить, что первое упоминание Сибирской земли зарегистрировано в одной из русских летописей в заметке о смерти хана Токтамыша уже под 1406 годом (Архангелогородский летописец, М. 1819, стр. 126; ср. А. В. Оксенов. Слухи и вести о Сибири до Ермака.—«Сибирский Сборник», СПб. 1887, стр. 109—110), хотя есть основание заподозрить здесь позднейшую вставку, т. к. тут же рядом упоминается и Тюмень, основанная лишь в 1586 г., да и самое основание города Сибири приписывается хану Мамету, жившему во второй половине XV в. (Д. Н. Анучин. К истории ознакомления с Сибирью до Ермака. «Древности», XIV, стр. 244—246); на европейских же картах, вопреки мнению Лангмантеля, Sebur, кажется, впервые помещена на так называемой Каталанской карте 1375 г. (она воспроизведена в историческом атласе Santarem'a и в «Choix de documents géographiques conservées á la Bibliothéque Nationale», Paris, 1883, planche XVI); зато в восточных источниках XIII—XV вв. мы часто встречаем название Сибири, притом в форме, чрезвычайно близкой к той, какая находится у Шильтбергера.

Рашид-эд-дин (1247—1318) помещает страну Ибир-Шибир к северо-востоку от страны киргизов, от которой ее отделяла Ангара (Рашид-эд-дин. Ист. монголов, перев. И. Березина. Зап. Р. Археол. Общ., т. XIV, стр. 2; Труды Вост. Отд. Арх. Общ., т. V, стр. 130; В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II, СПб. 1900, стр. 422; «Тобольск. Губ. Ведом.» 1862, № 21, 22, Quatremére, Histoire des Mongols de la Perse I, Paris 1836, p. 413).

То же имя в различных вариантах встречается и у других восточных авторов: Месалек-аль-Абсар (первая полов. XIV в.) пишет Сибир-и-Абир, Ибн-Араб-Шах (1388—1450) указывает, что Кипчак на севере граничит с Абир-и-Сабир; «с севера Ибир и Сибирь, пустыни да степи, да пески (нагроможденные) точно горы. И сколько этой степи, где бродят птицы и звери! Она подобна милости вельмож (нашего) времени: край, до которого не доберешься и предел, до которого не долетешься»... (В. Тизенгаузен. Сборник материалов, относ. к истории Золотой Орды, т. I, СПб. 1884, стр. 459—460); Ибнфадлаллах Эломари (ум. ок. 1348 г.) в своем сочинении «Пути взоров по государствам разных стран», рассказывая о Золотой Орде со слов лиц, ездивших туда по торговым и дипломатическим делам, также упоминает: «...Укек, Булгар, области Сибирь и Ибирь, Башкырд и Чулыман; потом за Чулыманом границы владений Сибири и Ибири прикасаются пределов Хатайских... От Железных ворот, которые означают город Баку, до пределов Хатайских земель со стороны Сибири и Ибири караван бывает в пути пять месяцев» (В. Тизенгаузен, op. cit., стр. 236—237, 238—239).

Имя «Сибирь» встречается также в китайских источниках: в «Юань-чао-миши» мы читаем, что в 1206 г. Джучи, сын Чингисов, подчинил себе все племена, жившие в лесах («лесные урянгиты» Рашида), к югу от Shibir (E. Breitschneider. Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources, vol. II, Lond. 1888, p. 37, 88); сократитель «Юань-чао-миши» Вань-гуань-дай, по словам Палладия, также перечисляет эти народы, но «по ошибке или согласно тоническому тексту называет Шибир южною; это, несомненно, Сибирь, положение которой по тексту Юань-чао-миши трудно уяснить; можно догадываться, что Шибир не есть род или племя, а страна; может быть так называлась северная окраина Барабинской плоскости между Обью и Иртышом». «В Юань-ши, истории монгольской династии в Китае, упоминается Ибир-Шибир, до которой доходили войска Кубилая, названо то же имя и в путевых записках Даосского отшельника Чан-Чуня, ездившего к Чингис-хану» (Труды членов Росс. дух. миссии в Пекине, т. IV, СПб. 1866, стр. 235). Отметим также, что, по мнению В. Н. Васильева, слово Сибирь—китайского происхождения; он толкует его как «Западное захолустье» (Н. И. Березин. Географические имена. Объяснение их в связи с историей открытий. СПб. 1894, стр. 121—122). Несмотря на обилие упоминаний этого имени, и происхождение его, и географическое положение области, которую оно обозначало, не могут считаться выясненными окончательно. Некоторые исследователи находят, что название Ибир-и-Сибир может относиться только к Западной Сибири, другие, напротив, распространяют его и на Сибирь Восточную. Приводя цитату из Рашид-ад-дина, В. М. Флоринский («Заметка о происхождении слова Сибирь»—«Известия Томского университета», 1889, т. I, стр. 1—14) замечает: «Последние названия (Ибир-и-Сибир), повидимому, относятся к нынешней Западной Сибири, т. к. рядом с ними говорится о реке Иртыше, о киргизских степях и башкирах. Те же самые названия Ибир и Сибир в значении области приводятся у другого восточного писателя, именно у Абулгази в его истории монголов и татар. Здесь эти слова относятся к стране, смежной со страною киргизов, повидимому, где-то в пределах нынешней Восточной Сибири (le pays de Quirghiz avait d'un autre côté pour limite des deux provinces appelées Ibir et Shibir. Hist. des Mongoles et des Tatares, франц. перев. бар. Демезона, СПб. 1874, т. II, стр. 43, ch. II, § 42)...» Со времени покорения Сибирского царства, в состав которого вошли и земли, не носившие прежде названия «Сибирь», это слово меняет свое значение и приурочивается, с одной стороны, к древнему городку, называемому иначе Искером и Кашлыком, расположенному на нагорном берегу Иртыша около самого села Преображенского [недалеко от г. Тобольска], служившему во времена хана Махмета столицей Сибирского царства, и с другой стороны—к обширной, постоянно расширявшейся путем завоеваний, стране сев. Азии. Кроме того, имя «Сибирь» сохранилось еще в названиях нескольких речек Тобольской губ. (Сибирка)». И. Шафарик (Славянские

Древности, М. 1847, т. I, кн. 2, стр. 100) слово Сибирь производил от гуннского племени Сабиров (Sabiri, Σαβειροι), о которых довольно часто упоминают византийские писатели: Феофан, Прокопий, Приск, Менандр, а также готский историк Иорнанд. Они часто служили в наемных войсках у римлян и персов, и в свою очередь, сами часто нападали на римские и персидские области. Прокопий называет их также уннами, утугурами или сабир-угорами (Klaproth, Tableaux de l'Asie, Paris, 1826, p. 256). По наблюдениям С. Патканова (О происхождении слова «Сибирь»—«Сибирский сборник», кн. II, СПб. 1892, стр. 127—136), у татар Тобольской губернии еще в к. XIX в. были очень распространены предания о народе Сывыр и Сыбыр, занимавшем места по среднему Иртышу раньше их. «Этому народу,—говорит он,—татары приписывают большую часть всех находящихся в их областях археологических памятников, каковы городища, курганы. Первые у них часто именуются словом Сывыр-кала, вторые Сывыр-туба. Таким образом, оказывается, что название Кучумова городища «Сибирь» нельзя считать именем собственным, ему присущим, а скорее нарицательным. Выражение «Сывыр-кала» в том смысле, в котором оно применяется в настоящее время, вполне соответствует весьма употребительному на севере России и в Западной Сибири русскому выражению: «Чудское городище», потому что, как татары называют автохтонов Тобольской губ. «сывырами», так русские именуют их «чудью». «Что сделалось с сывырами мы не знаем, но присутствие в Европейской России в разные времена кочевых племен, называвшихся «Сабир», «Себер», «Сувар» и т. д. заставляет нас примкнуть к вышеназванным ученым (Шафарик и Флоринский), видящих в этих племенах прежних обитателей Сибирской области, покинувших свою страну под влиянием каких-нибудь причин, вероятно вторжений с востока кочевников тюркского и монгольского племени. О его пребывании в степях южной России историки упоминают уж с IV в. нашей эры, в продолжение 6—7 вв., и в то же время еще в XIII в. страна, из которой он вышел, вероятно, не вполне лишена была своих прежних обитателей». Вывод, который Патканов делает из этих наблюдений, тот, что название Сибирь «представляет из себя имя обитавшего в южной части Тобольского и в смежных волостях Тюменского округа народа сывыров или сыбыров». В другой своей статье С. Патканов («Über das Volk Sabiren»—«Revue Orientale», Budapest, 1900 I, 4) пытается представить доказательства тому, что сабиры были финно-угорского происхождения, в противовес тем, кто находил возможным считать их славянами и сопоставлять с «северянами». По свидетельству Константина Багрянородного, мадьяры во время пребывания своего в Лебедии носили название: Σαβαρτοιασφαλοι, в котором некоторые ученые видят испорченное выражение: „Σαβαρ, τουτεστι ασφαλοι или: „Σαβαρ ητοι ασφαλοι" т. е. «сабары, т. е. (или) безопасные (храбрые)» (см. К. Я. Грот. Мадьяры и Моравия с половины IX до X в., СПб. 1881, стр. 217). Иначе говоря, эти исследователи полагают, что мадьяры назывались тогда сабарами, имя которых некоторые сближают с сабирами. К этим соображениям Патканов прибавляет ряд домыслов этнографического порядка. Венгерский ученый Gyula Németh в статье «Сабирия и Венгрия» в журнале «Венгерский язык» («Szabirok és magyarok»,— «Magyar Nyelv» 1928, XXV, S. 81—88) недавно произвел пересмотр этого вопроса. По его мнению, приведенные слова Константина Багрянородного указывают, конечно, на политические взаимоотношения между венграми и сабирами, но ряд лингвистических соображений препятствует предположению, что сабиры были финноугорским племенем. Обращая внимание на название области по нижнему Иртышу Sapar (Sabar, Saber), представляющее звуковой рефлекс старого остяцкого слова Sabar, он полагает, что эта местность до аварского нашествия была населена сабирами; имя Sabar—Sabir G. Németh толкует как глагольное образование от глаг. sapmak, в значении «прогонять (сабиров)», и заключает отсюда, что Сабиры были народом тюркского происхождения. Последний вывод не нов; русские исследователи давно пытались объяснить слово Сибирь из татарских корней. Так, еще Н. А. Абрамов («Догадки о значении имен некоторых мест Тобольской губ.» —

Ж. М. Н. Пр. 1841, ч. XXX, отд. II, стр. 821) предлагал возводить слово «Сибирь» к татарскому глаголу «сибирмак»—«вычищать, очищать», и делал отсюда фантастическое умозаключение, что «когда-то какой-то воитель, завладев этой страной, завел в ней новые порядки и страна сделалась очищенной, выметенной, благоустроенной». «Возможно,— фантазировал он далее,—производство и от слов «Сиб» и «Ир», что значило бы засыпай землю»: «либо в этой стране, переходившей в глуби веков из рук в руки, было достаточное количество кладов, либо она названа так благодаря положению ее столицы Искера, постоянно осыпавшегося». Не менее произвольными и необоснованными являются домыслы Г. Н. Потанина. «О происхождении географического имени Сибирь» («Сибирский сборник» I, СПб, 1890, стр. 179—190), полагавшего, что слово «Сибирь» «занесено из Монголии и южной Сибири, где в народной поэзии местных жителей (качинских татар, кызыловцев и т. д.) нередко фигурирует гора «Sübür» и что под этим именем, как и под названием сказочной горы «Сымыр» или «Сумбыр», в монгольских и бурятских сказках следует подразумевать вообще северные страны, т. к. между этими племенами и Полярной звездой, по поверьям восточных народов, имеется известное соотношение». Гору Субур, Сюбюрь, упоминаемую в сказках южно-сибирских тюрков («Sübür», см. Н. Катанов. Алфавитный указатель собственных имен, встречающихся во II томе «Образцов»... В. Радлова, СПб. 1888, стр. 70) Г. Н. Потанин слишком смело, с моей точки зрения сближает с «Сиверными горами» былин о Святогоре и «Сиверскими горами», где по легендам, Александр Македонский заключил народы Гога и Магога, полагая при этом, что к различным версиям имени «мировой горы Сумбыр» «следует причислить и имя города Сибирь или Киберь, встречающееся в старых записях наших былин» (Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе. М. 1899, стр, 208, 205, 225). Е. Г. Кагаров («Советский Север» 1934, № 5, стр. 105—106) напомнил мне о работах Н. Я. Марра и его школы о племенном названии Сувар-субер (см. Н. Я. Марр. Чуваши — яфетиды на Волге, Чебоксары, 1926 г., стр. 61; «Яфетический сборник», VII, 1932, стр. 205; И. И. Мещанинов. Халдоведение, Баку, 1927), а также указал на статью A. Magnussen'a. «Woher stammt der Name Sibirien»—«Ost-Asien» II, 1900, 461 и сл., 497 и сл., в которой название Сибирь сопоставляется с монг. Sibir—«дремучий лес».

Другие догадки о происхождении имени «Сибирь» будут указаны ниже. Сл. I. I. Egli. Jermaks Kriegszug (1578—81) und die Lage von Ssibir, «Zeitschrift für Wissenschaftliche Geographie» 1880, I, 93—104; I. I. Egli. Nomina Geographica. Versuch einer allgemeinen Onomatologie, Leipz. 1872 (s. v. Sibirien, S. 526—527); Вас. Пигнатти. Искер. Кучумово городище. «Ежегодник Тобольского Губ. Музея», вып. XXV, 1915, стр. 1—36.

Гора называемая Арбус]. Затрудняюсь сказать, какой горный хребет может иметься здесь в виду; б. м. Алтай или одна из цепей Восточной Сибири? Лангмантель слово это также не объясняет, а в тексте Гейдельбергской рукописи, которую переводил Ф. К. Брун, оно вовсе отсутствует: упоминается просто «ain perg». Hammer, в статье «Berichtigung der orientalischen Namen Schiltbergers (Denkschriften der Akademie d. Wissenschaften zu München, IX) думает об Алтае, H. Howorth (History of Mongols, I p. 271) указывает на Урал.

Живут дикие люди, не имеющие постоянных жилищ]. Нейман в предисловии к своему изданию полагает, что в этом описании нельзя не узнать жителей Сибири: «Шильтбергер рассказывает о низкорослых лошадях, о прирученных собаках, которые везут повозки и сани, а также о широко раскинувшемся Алтайском хребте. Даже и длинноволосые Айны на отдаленной окраине старого мира стали уже известны мюнхенцу в первой четверти XV века. Уже много раньше Айны, благодаря своим длинным волосам, сделались известны и китайцам под именем волосатых людей». Едва ли, однако, есть необходимость заходить так далеко в отождествлении дикарей, которых описывает Шильтбергер, с жителями крайнего северо-востока: ведь по предположению того же Неймана речь идет об

Алтайском хребте! Следовательно, Шильтбергер имел в виду более близкие племена северной Азии. Ф. Брун в своем переводе (op. cit., стр. 35 прим.) по поводу слов текста: «наместник края послал Едигею мужчину и женщину» замечает: «Вероятно, эти люди принадлежали к коренным жителям северной Сибири, где климат, как известно, столь суров, что обитатели тогда, как и нынче, едва ли не носили шубы наоборот и в течение целого года, днем и ночью. Сравнивая их с обезьянами, Шильтбергер не согрешил более Геродота, когда последний рассказывает, что невры, которые, вероятно, в зимнее время надевали волчьи шубы, сами на шесть месяцев превращались в хищных животных»...

Есть также собаки, которых запрягают в повозки]. Сл. выше: М. Поло стр. 41.

Они возят также по стране поклажу] watseck: так в Гейдельбергской и других рукописях; в Нюренбергской—wotseck; в Санкт-Галленском отрывке—weytseck. Брун очень неудачно, с моей точки зрения, переводит современным словом «чемодан». По объяснениям Неймана, употреблено здесь в значении: «Mantel-oder Kleidersäcke»—дорожные вещи. Wat—в старо-немецком—«платье»; по указанию Шмеллера (Bayerisches Wörterbuch, IV, S. 194), слово это было прежде во всеобщем употреблении.

Приверженцы этой веры называются уйгурами]. Вместо стоящего в Нюренбергской рукописи слова «Uygiur», в других рукописях стоит Ugine или Ugrine, что ввело в заблуждение Бруна, высказавшего две совершенно неправдоподобных догадки: «Мне показалось сначала,—пишет он,—что шильтбергеровы Ugine могли быть тождественны с Ung, о которых говорит Марко Поло... Известно, что под этими Ung он разумел кераитов, несторианских христиан. Тем не менее эти «Унг» не могли иметь ничего общего с его Угине. Ибо последние,—как замечает Шильтбергер,—все-таки не были христианами»... «Не могу не согласиться с Нейманом (S. 88), что Шильтбергер под своими Угине разумел последователей ламаизма, т. е. модификации буддизма, введенного Чингис-ханом из Тибета в Монголию» и т. д. (Брун, op. cit., 35 прим.). Все эти предположения падают, т. к. в Нюренбергской рукописи ясно написано Uygiur, т. е. Уйгуры, по поводу чего Лангмантель (S. 40 Anm.) замечает: «т. к. уйгуры были буддистами, то этим подтверждается предположение, что здесь под описанным богослужением следует понимать буддийское». Последнее кажется мне недостаточно убедительным. Народ тюркского племени, кочевавший вокруг Орхона и в оазисах Тянь-Шаня, подчинившийся Чингис-хану в 1200 г., уйгуры были «первыми учителями монголов и первыми чиновниками монгольской империи». По словам Ауфи, каракитаи и уйгуры частью поклонялись солнцу, частью были христианами: уйгуры большею частью были христианами. О преобладании христианства среди уйгуров, кроме Ауфи, говорит также Плано-Карпини; «едва ли, однако, в Уйгурии христиане были многочисленнее буддистов»,—замечает В. В. Бартольд (Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II, СПб. 1900, стр. 416—420). Ввиду этого вполне возможно, что Шильтбергер имеет в виду именно уйгуров христиан. Много интересного об уйгурах рассказывает и Рубрук (сл. F. M. Schmidt. Über Rubruk's Reise, «Zeitschrift d. Gesellsch. f. Erdkunde zu Berlin», XX, 1885, S. 216). В. Радлов. К вопросу об уйгурах. СПб. 1893 (из «Зап. Ак. Наук», т. 72, кн. 1).

В этой стране сеют только просо]. В подлиннике «in dem land paut man nichts dann prein», в других рукописях: prin; brein — собственно немецкое—Brei. Точный смысл слова едва ли определим. По объяснению Лангмантеля (S. 169), слово может пониматься в значении или Buchweizen—гречиха или в смысле нижненемецкого Hafer—овес (ср. R. Köhler в «Germania» 1862, VII, S. 375; Schmeller, Bayerisches Wörterbuch I, S. 256). Я перевожу вместе с Ф. Бруном просо, т. к. посевы проса, по свидетельству путешественников, были главной едой золотоордынских кочевников (В. Тизенгаузен. Сборник материалов, т. I, стр. 230; о роли проса в жизни кочевника сл. еще П. В. Голубовский. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар, Киев, 1884, стр. 200).

VI. ЮЛИЙ ПОМПОНИЙ ЛЭТ | JULIUS POMPONIUS LAETUS

(ок. 1480 г.)

Юлий Помпоний Лэт (известен также под именем Сабина: Jul. Pomp. Sabinus, данном ему издателем: см. Ulisse Chevalier. Répertoire des sources historiques du Moyen Age, Paris, 1883, IV, p. 2022 и В. Н. Забугин. Ю. П. Лэт. Петр. 1914, стр. 105—106)—итальянский эрудит и глава первого поколения итальянских гуманистов, род. в Амендоларе в Калабрии в 1425 г, ум. в Риме в 1498 г. Юношей он пришел в Рим, учился у Лоренцо Валлы и заместил его на кафедре красноречия, стяжав себе огромную популярность своими лекциями, а также основанием первой Римской Академии,—литературного товарищества или ученого общества для изучения римских древностей. Члены этой Академии, присвоившие себе греческие или римские имена, собирались для диспутов в бедном домике Лэта на Квиринале, праздновали день рождения Ромула и Рема и вели пропаганду античной литературы и искусства. Сам Лэт был экзальтированным энтузиастом древности; предметом его изучения и восторгов был древний Рим, его государственность, учреждения, быт; особенно же увлекался он латинским языком, который усвоил в совершенстве. Его считали человеком, презирающим христианство и поклонником гения города Рима. Один из современников (Paolo Cortese) пишет про Лэта, что он „жил только для науки. Его можно было увидеть ранним утром, с фонарем в руках, плохо одетого и в котурнах, странствующим в аудиторию... Он жил в гордой бедности, презирая благосклонность князей. О своей знатной родне (Лэт был незаконным сыном одного из Сансеверино) он ничего не хотел знать“ (F. Gregorevius. Geschichte der Stadt Rom im Mittelalter, Stuttgart, 1870, Bd. VII, S. 575). Собрания Академии, члены которой называли себя жрецами, а основателя ее—верховным жрецом (pontifex maximus), вскоре обратили на себя внимание папы Павла II; когда ему стало известно, что на своих литературных вечеринках они нападают на религию и церковь, непочтительно отзываются о ее главе и проводят параллели между Римом античным и современным, далеко не к выгоде последнего, он

испугался успеха пропаганды этих языческих и республиканских идей и присудил к наказаниям большинство из участников этого вольного литературного кружка. Во время карнавала 1468 года около 20 членов Академии были схвачены по подозрению в заговоре против папы и католической церкви. Лэта, бежавшего в Венецию, воротили в Рим; он был брошен в тюрьму, подвергнут пытке и выпущен только после длительного инквизиционного процесса, и то только потому, что в нем не видели опасного заговорщика. Не так легко отделались другие участники этого, вероятно мнимого, заговора. Платину, обвиненного в религиозных заблуждениях, пытали с особенной жестокостью; Филиппо Буонаккорси, носивший имя «Callimachus experiens» и скомпрометированный больше других, бежал в Грецию, а затем в Польшу, ко двору Казимира, где он и умер (1496), сыскав благосклонность короля и составив себе имя, как историк Венгрии и поэт. Лэт же остался в Риме. По словам Сабеллика, Лэт вскоре же по освобождении из тюрьмы „к общему удовольствию получил место в римской Сапиенце и сохранял его около двадцати восьми лет"; по другим данным Сикст IV возвратил Лэту кафедру в 1471 г., на которой он и подвизался с прежним блеском до самой своей смерти, изучая древнюю историю и комментируя латинских писателей. Оставаясь прежним поклонником античности, Лэт лишь немного не дожил до расцвета языческого культа на папском престоле в эпоху Борджии... (G. Voigt. Die Wiederbelebung des Classischen Alterthums, oder das erste Jahrhundert des Humanismus, Berl. 1881. Bd. II. S. 239—241; F. Gregorovius, op. cit., VII, S. 575—585).

Интереснейшим эпизодом биографии Помпония Лэта является его путешествие на восток в 1479—1480 гг., во время которого он посетил, между прочим, „Скифию" и „Сарматию"—южные области Руси. Лучший биограф Лэта, В. Н. Забугин, на основании тщательного изучения печатных источников и неизданных рукописей, останавливается на этом эпизоде настолько подробно, насколько это позволяют сохранившиеся материалы и документы (В. Забугину принадлежит трехтомное исследование о П. Лэте, изданное по-итальянски в Риме в 1909—1912 гг.; я пользуюсь, однако, позднейшим сокращенным русским изданием той же книги, так как в нем как раз полнее изложено путешествие Лэта и дан анализ его „Скифских заметок": В. Забугин. Юлий Помпоний Лэт. Критическое исследование. СПб. 1914 г.—„Историческое Обозрение", т. XVIII). Данные о том, где собственно был глава первой Римской Академии очень скудны. В. Забугину удалось установить, однако, что путешествием этим Лэт был обязан одному из сотоварищей своих по Академии Джамбаттисте Капраника, которого Сикст IV в 1479 г. отправил в Германию в экспедицию „за хорошими книгами" для Ватиканской библиотеки; Лэт поехал вме-

сте с ним, намереваясь побывать не только у германцев, но и у „сарматов“. Современник Лэта Петр Марс говорит о нем, что он „храбро двинулся на север, о котором читал удивительные и почти превышающие веру известия, посетил страны каринтийцев, венгров, поляков и русских, достиг до Татарской земли и, обратившись к острову Пеуке, увидел Эвксин, подобный скифскому луку“ (Fic. Della Torre, Storia dell' Accademia Platonica, Firenze, p. 255—256). Раскрывая реальный смысл этой риторической фразы в согласии с собственными заметками Лэта, В. Забугин приходит к заключению, что Лэт „попал в Польшу, а оттуда пробрался на Черное море по торговой дороге, шедшей вдоль Днепра... О Днепровских порогах говорит он, как очевидец“. Слова П. Марса о „скифском луке“ объясняются из Аммиана Марцеллина и позволяют предположить „каботажное плавание вдоль берегов Черноморья... Достоверно известно, что Помпоний добрался до Таны (в устье Дона) и видел там, как „скифские“ ребята ныряли в Дон за брошенной монетой. Описывает он и северный берег Черного и Азовского морей“. Далее Лэт не ездил и, кроме того, вернулся очень скоро на родину: в начале 1480 г. он был в Риме. Таким образом, фактических данных о путешествии Лэта мы имеем немного; „зато,—говорит Забугин,—его сведения о „Скифии“ и „Сарматии“ обильно вознаграждают нас; эти „Скифские заметки“ вполне достойны стать наряду с путевыми дневниками Барбаро и Контарини, с трактатами Альберта из Кампена и П. Джовио“ (В. Забугин, op. cit., стр. 66—77).

Собственные сочинения Лэта немногочисленны и не имеют большой цены: таковы учебник латинской грамматики, руководство по изучению римских древностей, археологии и топографии древнего Рима, книга по поздней римской истории. Сделавшаяся почти мифической, слава об учености Лэта основана не столько на его писаниях, сколько на его преподавательской деятельности, т. к. он обладал редким даром красноречия, привлекавшим к нему на лекции толпы римской молодежи и разноплеменных ученых; по словам Петра Марса, он сумел „извлечь звуки, пронесшиеся по всем школам, ученым собраниям Италии, по всем народам и племенам“. О себе самом Лэт говорил, что он, „как Сократ и Христос, будет жить в своих учениках“; среди последних, действительно, было не мало выдающихся лиц: Саннадзаро, Понтан, Платина, Сабеллик, Фульвий, Буонаккорси, Алессандро Фарнезе, — будущий папа Павел III и т. д. Послушать Лэта ездили даже из дальних стран: так, напр., его слушателями были немецкие гуманисты—Рейхлин и Пейтингер. На лекциях своих Лэт комментировал классических писателей. Исправленные и объясненные им тексты древних авторов расходились в рукописях по всем странам, где цвела гуманистическая культура. Большую известность получили исправленные им тексты

Саллюстия, Колумеллы, Нонния Морцелла; комментарии Лэта к Вергилию, Варрону и Квинтилиану пользовались особой и заслуженной славой и рано увидели печать, иногда даже против воли автора (Sandys, History of classical scholarship², Lond. 1908 vol. II, p. 92). В комментарии к Вергилию, главным образом, и находятся интересующие нас заметки об отдаленном северо-востоке Европы и пограничных землях Азии, собранные Лэтом во время его путешествия.

В. Н. Забугин полагает, что единственное упоминание Лэта в русской литературе сделано в статье Ф. И. Видемана „Обзор прежней судьбы и нынешнего состояния Ливов“ („Записки Академии Наук“ 1870, т. XVIII, кн. 1, стр. 66—67), где автор цитирует слова Лэта о древних обитателях Курляндии; это неверно: много раньше известия Лэта о „восточной Скифии“ цитировали уже А. Шлецер, а за ним и Лерберг. В своей книге: „Нестор“. Russisch, Annalen... verglichen, übersetzt und erklärt» Teil II, Göttingen 1805, S. 43—44, пользуясь Базельским изданием комментария к Вергилию 1544 г., где Лэт назван издателем Помпонием Сабином, Шлецер привел его слова об юграх и заволочанах; задаваясь вопросом о том, „каким образом он (Лэт) получил эти известия о северной России, в которых было много нового и отчасти верного“, Шлецер связывал их с тем интересом к Московии, который возник в Италии после Флорентинского собора 1439 г. и особенно после брака Ивана III на приехавшей в Москву из Рима византийской принцессе—эмигрантке Софии Палеолог (1469). Однако, ни Шлецер, ни вслед за ним Лерберг (Исследования, служащие к объяснению древней русской истории, СПб. 1819, стр. 27—28), также цитирующий слова Лэта о Югре, не установили тождество Помпония Лэта и Помпония Сабина, и вероятно еще не знали, что он сам ездил в южную Русь, к устью Дона; это заставило бы их, конечно, вспомнить о более ранних колониальных интересах генуэзцев и венецианцев к Дону, Волге и Каспийскому морю. Характерно, что путь Лэта лежал именно в направлении этой колонизации, и что уже до него рассказ о путешествии в Тану (в 1436—1452 гг.) написали Иосафат Барбаро (напечатан в 1487 году), а также А. Контарини (1477).

Конечно, не подлежит никакому сомнению, что приезд в Москву Софии Палеолог значительно способствовал пробуждению в Италии XV века интереса к московскому государству (см. Г. Хрептович-Бутенев. Флоренция и Рим в связи с двумя событиями из русской истории XV в., М. 1909): ближайшими следствиями этого были частые обмены посольствами и вызовы в Россию итальянских зодчих, художников и различных мастеров; оживление же московско-итальянских сношений во второй половине XV века много способствовало распространению географических сведений об отдаленном северо-востоке. Семен Толбузин открыл

собою ряд русских посольств за границу: летом 1474 года он был послан в Венецию вместе с Антонио Джисларди и вернулся обратно вместе с знаменитым болонским зодчим Аристотелем Фиораванти, будущим строителем московского Кремля; в 1488 г., с известием о покорении Казани и „Великой Булгарии“, которая включена была в царский титул Ивана Грозного, в Италию отправились в качестве послов братья Дмитрий и Мануил Ралевы; в 1490 г. они возвратились в Москву с целой толпой итальянских мастеров; через 3 года, наконец, — в мае 1493 г., отправлены были в Италию из Москвы послы Мануил Докса и Даниил Мамырев (M. D. Boutourline, Documenti che si conservano nel R. Archivio di Stato in Firenze... riguardanti l'Antica Moscovia, Mosca. 1871 t. II, p. 275—279; P. Pierling. La Russie et le Saint—Siège, Paris, 1896, t. I, p. 200—206). В итальянском обществе все эти посольства вызвали большой интерес. Как уехавшие в Московию итальянцы, так и возвращавшиеся оттуда в своих письмах и рассказах могли, разумеется, передать немало интересного об этой стране и о соседних землях. Экспорт на Запад из России драгоценной пушнины, в свою очередь, обеспечивал интерес к тем северным областям, где она добывается.

Интересным образцом подобного рода известий может служить письмо Аристотеля Фиораванти к герцогу Миланскому 1476 года. Сообщая ему о своем посещении северного русского города Xalanoccho (Олонец?), вокруг которого водятся „зайцы, белые как горностаи“, Фиораванти рассказывал герцогу также о том, что в этой стране солнце не заходит в середине лета в продолжение двух с половиной месяцев и стоит так же высоко, как в Италии в 23 часа (т. е. за час до захода) и т. д. (M. A. Gualandi, Aristotele Fioravanti, meccanico ed ingegnere del secolò XV, Bologna, 1870, p. 64; в русском переводе отрывок из письма Аристотеля напечатан в „Материалах для Археологического словаря“—„Древности“, т. IV, вып. 2, стр. 38—39; „Беседа“ 1872, № 1, стр. 153—154. См. еще: В. Снегирев. Аристотель Фиораванти и перестройка московского Кремля, М. 1935). Неудивительно, что „Белая Русь“, как тогда в Италии называли московское государство, упоминается и в художественной итальянской литературе этой эпохи: во „Влюбленном Роланде“ Боярдо (1434—1471), знаменитой поэме-пародии на рыцарские романы, Астольфо мчится через Германию, Венгрию и „Белую Русь“ к устьям Дона:

Passato ha i Maganzesi e dopo loro
La Magna la Rossia, la Transillvana,
La Rossia bianca, ed è giunto alla Tana.

(«Orlando Innamorato», I, Canto IX, XL).

Далее, в той же поэме Роланду показывают в пестром лагере монголов и татар повелителя „великой Москвы и половецкой земли“:

...Mosca la grande, e la terra Comana...
(I, Canto X, XIV)

Сл. статью S. Caramella. L'Asia nell' Orlando Innamorato—«Bolletino della R. Societá Geogr. Ital», 1923, 1—2; 3—4. Народы восточной Азии также сильно интересовали итальянцев уже со времен Марко Поло, но в XV в. сведения о них были еще очень смутны. В написанной в 1422 г. итальянской поэме в октавах географического содержания «Sphaera mundi» флорентинца Григория (Gregorio или Goro di Staggia Dati, 1363—1436) упоминаются живущие „за горами великой Азии, в холодном климате, татары, дикий народ по своим нравам и образу жизни“:

Da tramontana di questa Asia grande
Tartari sono sotto la fredda zona,
Gente bestial di legge e di vivande...

По мнению Григория, сквозь всю эту страну, вплоть до „земли шелковичного червя“, т. е. Китая, протекает большая река («Per questa terra un gran fiume si spande»...), замерзающая зимой и несущая свои воды в соленое море. Характерно, что поэма эта пользовалась большим успехом, копирована была очень охотно, а по изобретении книгопечатания была опубликована несколько раз в конце XV и нач. XVI в. (1470, 1482, 1513 во Флоренции, в 1534 году в Венеции; сл. H. Wuttke. Zur Geschichte der Erdkunde im letzten Drittel des Mittelalter, Dresden 1871, S. 52—53).

Громадное значение в деле распространения в Италии сведений об Азии имели колонии итальянских торговых республик Генуи и Венеции на Черноморском побережьи; в XIV, XV и еще даже в XVI веках важнейшей базой европейско-азиатской торговли было поселение в устьях Дона, известное на западе под именем Таны. „Выгодным было самое местоположение Таны, на берегу изобильного рыбою Дона, являвшегося в то же время удобной водной дорогой, выводившей в несколько дней пути к Поволожью, откуда нетрудно было попасть в развивавшуюся на месте хозарского Итиля Астрахань... Отсюда итальянские и другие западные купцы снаряжались в далекие восточные края—в Персию, Туркестан и Китай, а также иногда, как оставившие ценные описания своих путешествий И. Барбаро и А. Контарини, проникали в глубь русской равнины“ (Е. А. Загоровский. Очерк истории Северного Причерноморья, ч. I, Одесса, 1922, стр. 77 и сл.; А. Веселовский. Несколько географических и этнографических сведений о древней России из рассказов итальянцев. СПб, 1870; Зап. И. Р. Г. Общ. по отд. этногр., т. II, 1868, стр. 719—749). Лэт, как указано было

выше, ездил именно в Тану, побывав при этом в различных итальянских колониях, расположенных между Дунаем и Доном.

Если Лэт и не был единственным итальянцем конца XV века, заинтересовавшимся странами отдаленного севера, то его „Заметки“, включенные в комментарии к античным авторам, представляют все же выдающийся интерес, несмотря на их своеобразный отрывочный характер, т. к. в значительной степени они вполне самостоятельны, зачастую основаны на устных рассказах, а не на книжных источниках, и сообщают много таких данных, какие впервые появились в западно-европейской литературе.

Отвечая на вопрос, знал ли Помпоний „кого-нибудь из непосредственных предшественников своих по описанию Скифии, В. Забугин (Ibid., стр. 69) указывает, что кроме классических авторов, Лэт один раз ссылается на „современных космографов“, и прибавляет: „трудно сказать, о ком тут идет речь“. Действительно, в 1479 г. Лэт мог уже свободно пользоваться „Космографией“ гуманиста Энея Сильвия Пикколомини (1405—1464), избранного в 1458 г. папой под именем Пия II, т. к. этот труд его был к этому времени уже закончен (напечатан в 1504 г.), но „заимствований из него у Лэта незаметно“. Ученый папа, на основании рассказов одного веронского монаха о путешествии его в северо-восточные области Московского государства (ок. 1447 г., недалеко от истоков Танаиса-Дона, он нашел народ, язык которого сходен с языком паннонских венгров), „совершенно правильно утверждает, что Дон течет из „не особенно большого пруда и болота“; Лэт же, напротив, говорит, что это болото „неведомой глубины“... „И у Пия и у Помпония находим рассказы о зубрах, о русской браге, но у первого они короче и бледнее, у второго подробнее и красочнее“. Сравнивая далее сведения о Скифии Помпония Лэта и поселившегося в Польше собрата его по Академии Каллимаха—Буонаккорси, В. Забугин (стр. 85—88) находит, что они также не зависят друг от друга, и что только в части, относящейся к Западной Скифии и Сарматии, могут иметь лишь один общий польский источник; Лэт совершенно самостоятелен и гораздо более подробен, чем Буонаккорси во всем, что касается востока и северо-востока. Конечно, Лэт всюду является „во всеоружии того географического аппарата, какой могла дать ему тогдашняя гуманистическая наука“ (Забугин, стр. 67 сл.), т. к. он хорошо изучил и Страбона, и Птолемея, Плиния и Помпония Мелу, а по переводу Л. Валлы знал даже „все то, что писал о Скифии Геродот“, но следует еще раз подчеркнуть, что наиболее важным и интересным для нас источником „скифских заметок“ Лэта остаются те расспросные сведения, какие он получил во время путешествия.

Отрывочные и разрозненные путевые заметки Лэта не составляют связного рассказа; они включены в его комментарии к Верги-

лию и отчасти в лекции по Варрону и Валерию Флакку. В. Забугин перепечатывает их в приложении к своему труду (стр. 195—218), заимствуя тексты из первопечатных изданий и неизданных рукописей. В этих заметках наше внимание останавливают на себе известия о Приуральи и Сибири. Для своего времени Лэт знает довольно много как о природе этих местностей, так и о населяющих их людях. Любопытно, что он уже пользуется словом „Сибирь" как географическим термином; вероятно именно так следует понимать встречающееся у него слово «Sybarinum», иначе необъяснимое; в названии же мехового товара «Sybariscum» также нетрудно угадать латинизованное русское прилагательное „сибирский". Лэт сам говорит, что обо всем этом ему рассказывали „люди, живущие у истоков Танаиса", т. е. Дона. По мнению Шлецера это были русские „из окрестностей Тулы в Московской области", т. к. именно там Дон берет свое начало; я бы, однако, не решился на столь точное определение, несмотря на то, что сведения Лэта об истоках Дона были довольно верны. Где Лэт видел этих людей? Во время своего путешествия или у себя в Италии? На этот вопрос Забугин не отвечает. Если верить комментарию к Вергилию Христофора Ландино (1487), в котором есть отголоски и заимствования из Помпония Лэта, Ландино сам, во Флоренции, присутствовал при беседе Павла-врача (Paulus physicus) с людьми, обитающими „неподалеку от истоков Танаиса" (В. Забугин, стр. 80, 213), следовательно русские, жители дальнего севера, встречались уже тогда и в Италии. И тем не менее нужно думать, что Лэт ссылается на беседы свои с людьми, которых он встретил в Приазовской Тане: слишком новы, непосредственны и свежи записанные им от них рассказы. Интересно отметить, что в устье Дона шел в эту эпоху обильный меховой торг; о нем упоминают и позднейшие писатели. Так, французский географ XVI в. Андрэ Тевэ (см. о нем ниже) в одной из своих неизданных работ: «Description du plusieurs Isles» (ок. 1586 г., ркп. Национальной Библиотеки в Париже, Ms. fr. № 17174) подробно описывает остров «d'Alopétie dicte des Renards», некогда находившийся в устье Дона и позднее исчезнувший благодаря наносам речного ила (его знают уже Птолемей: Ἀλωπεκία, III, 5, 16 и Плиний: Alopece, IV, 12; ср. В. Н. Татищев. История Российская, М. 1768, кн. I, стр. 169: „При устии реки Дона есть остров Алопекиа, который и Танаис именуем"), который москвитяне прозвали „Лисичьим" («... luy donnent le nom de Lassiza, qui ne signifie autre chose que Renard...»); автор догадывается, что „это название было ему дано по той причине, что здесь идет большая торговля мехами лисиц и других животных, как, напр., куниц («marthes que les Moscovites appellent Counissa»), рысей, которых они называют лютыми зверями (loutessyer) и лосей (lose), т. к. всеми ими изобилует материк" («Recueil de Mémoires Orientaux», vol. V, Paris, 1905, p. 454). Очевидно Помпоний Лэт

в тех же местах, но за сто лет перед тем, встретился с промышленниками или купцами, которые и могли ему рассказать о странах, откуда эти меха привозятся. Неудивительно поэтому, что Лэт описывает соболей, белок различных видов, подробно рассказывает о бобрах (В. Забугин, стр. 93—95); ему известно, что на крайнем севере водятся белые медведи, а также белые лисицы, живущие „близ моря и называемые морскими собаками“ (вероятно, песцы?); он знает также о промысле моржовым „зубом“ и о мамонтовой кости. В лекциях по Вергилию упоминается „большой остров на крайнем севере... недалеко от материка: там редко, почти никогда не загорается день; все животные там белые, особенно медведи“. В. Забугин (стр. 80, прим. 78) видит здесь „первое упоминание о Новой Земле, открытой голландцами в конце XVI в.“ (по мнению Ф. П. Литке „Четырехкратное путешествие в Северный Ледовитый океан“, СПб. 1828, ч. I., стр. 13—31, первое упоминание о Новой Земле сделано итальянцем Мавро Урбини).

Рис. 5. «Белые медведи» (С карты Олая Магнуса, 1539 г.)

Особо следует отметить упоминания Лэтом угров и Угрии, Югры. Русские известия о походах на Югорскую землю довольно часты в летописях уже в XIV в. (1323, 1329, 1364 и т. д.), не говоря о более ранних экспедициях новгородцев; поход 1364 г. приводит нас уже за Обь. От конца же XV века, т. е. как раз от того времени, когда Лэт записывал рассказы москвитян, в разрядных книгах сохранилось довольно много известий о юграх, свидетельствующих о совершенном покорении Югорской земли москвичами, весьма понятном после 1471 г., когда все новгородские владения перешли под власть Москвы. Еще в 1465 г. отряд устюжанина Василия Скрябы, посланный Иваном III, привел „землю Югорскую“ в подданство московскому князю, но в 1483 г. это более номинальное, чем фактическое овладение Югорией, закреплено было походом кн. Федора Курбского-Черного и И. И. Салтык-Травина, произведшим сильное впечатление на жителей Приуралья

(А. В. Оксенов. Слухи и вести о Сибири до Ермака. „Сибирский Сборник“, кн. IV, СПб. 1887, стр. 108—116; его же. Политические отношения Московского государства к Югорской земле, 1455—1499, Ж. М. Нар. Просв. 1891, № 2, стр. 246—272; А. А. Савич. Прошлое Урала. Пермь, 1925, стр. 21 сл.).

Остальные сведения, приводимые Лэтом, к Сибири не относятся; у него есть еще, правда, ряд заметок, касающихся далеких стран Азии, Индии, „сказочных лесов серов, приносящих шерсть этому „первому в громадной Скифии народу“, доброму, хотя и мало чем отличающемуся от животных, избегающему общества прочих людей и ведущему немую торговлю“ (китайцы), но, как замечает и В. Забугин, „это уже чисто книжные, античные сведения, которые наш гуманист почерпнул у себя дома“.

Лекции по Вергилию дошли до нас, главным образом, в плохом печатном виде: в контрабандной печатной редакции Даниила Гайтона из Кремоны, напечатавшего их без позволения автора в Брешии в 1487 и 1490 гг. (сл. Hain, Repertorium Bibliographicum № 9835—6), в Базельском издании 1544 г. (откуда привел цитаты Шлецер) и в новой редакции, опубликованной также в Базеле в 1561 г. (переиздана в 1575, 1586, 1613 гг.). D. G. W. Panzer (Annales Typographici, Norimbergae 1803, vol. VIII, p. 456 № 981; cp. J. Alb. Fabricius, Bibliotheca Latina mediae et infimae Aetatis 1754, t. IV, p. 202—203) указывает также на Венецианское издание 1519 г. Я привожу ниже

Рис. 6. Деталь карты Олая Магнуса (1539 г.)

следующий русский перевод по латинскому тексту, напечатанному в приложении к исследованию В. Забугина (стр. 205 и сл.), где сведены варианты первых трех изданий, а также приняты во внимание все сохранившиеся рукописи Лэта.

Вблизи берегов Ледовитого океана живут лесные люди, называемые югры (Ugari sive Ugri); это несомненно скифы, очень отдаленные от остальных людей. Они не знают ни золота, ни серебра, ни других металлов; с ближайшими народами ведут меновую торговлю, а также с жителями Заволочья (заволочанами—cum Zauolocensibus). Так рассказывали мне люди, живущие у истоков Танаиса.

* * *

Там, где живут древние угры и заволочане, нет царей. Этот народ очень счастлив, хотя и терпит сильные морозы. Летом, ко времени солнцестояния, у них непрерывный день.

* * *

В Скифии находят змеиные зубы, по виду вроде слоновых клыков, но тяжелые и твердые. Их поверхность жестка; находят их в глубине земли: самых змей нигде не видали. Из них делают горький порошок, который принимают с вином или водой, как противоядие.

* * *

От Борисфена Скифия тянется до Рифейских гор, которые замыкают ее с востока и простираются на север вплоть до Ледовитого океана. Эти горы столь же высоки и возвышенны (altissimi atque excelcissimi), как и Альпы, которые оканчиваются у моря, простирающегося в Тиле (Thyle). В отдаленнейших пределах их живут

Рис. 7. Куница и соболь (Деталь карты Олая Магнуса, 1539 г.)

югры (Ugri); в горах водится род лесных волков, а в лесах ловят соболей (Zobolae) и драгоценных белок (sciuri), которые теперь называются elossi, причем существует четыре вида этих животных; у Сибарина (Sibarinum) же водится множество куниц, которых там называют Сибарисками (Sybariscum). Немного ниже, на восточном склоне [Рифейских гор], на расстоянии двухмесячного пути, живут пермяки (Parmii) и заволочане (Zauolozences). За Рифейскими горами начинается Индия. Одно следует еще заметить: в Скифии и Сарматии городов очень мало, поселений же—неисчислимое множество.

ПРИМЕЧАНИЯ

Югры]. Помпоний называет у г р а м и венгерцев и восточных финнов Югорской земли. В лекциях по Флору П. Лэт упоминает, что угры приходили вместе с готами в Рим и участвовали в разгромлении его Аларихом. «На обратном пути часть их осела в Паннонии и образовала там могущественное государство, ч а с т ь в е р н у л а с ь н а р о д и н у, к Л е д о в и т о м у о к е а н у, и до сих пор имеет какие-то медные статуи, принесенные из Рима, которым поклоняется, как божествам». В. З а б у г и н (стр. 97—98) замечает: «трудно сказать, идет ли тут дело о народном поверьи или об ученом домысле» и прибавляет, что в «связи с этой легендой, повидимому, стоит известие Герберштейна о статуях и мраморных изображениях близ устьев малого Танаиса», но не нужно ли здесь видеть одно из ранних европейских известий о «Золотой бабе»? (см. ниже: s. v. Герберштейн). Вопрос о юграх и земле Югорской давно занимал историческую науку. Трудность вопроса заключалась в согласовании ряда свидетельств, противоречащих друг другу. Поэтому мнения об этом историков весьма разнообразны. Некоторые помещали Югру на р. Юге (Татищев и Болтин), другие на Вычегде (Шлецер), третьи—от берегов Белого моря через Урал до Оби (Георги); А. Х. Л е р б е р г в своей старой, но не потерявшей доныне значения работе «О географическом положении и истории Югорския земли» (Исследования, служащие к объяснению древней русской истории, СПб. 1819, стр. 1—82) полагал местожительство древней Югры за Уралом, по обоим берегам р. Оби и далее до берегов р. Аяна на восток. В русской летописи Югра показана крайним северо-восточным населением в Заволочьи; кроме того, ее упоминает известный рассказ Гюряты Роговича: «Послах отрок свой в Печеру, люди, яже суть дань дающе Новугороду; и пришедшю отроку моему к ним и оттуда иде в Югру. Югра же людье есть язык нем и с е д я т с с а м о я д ь ю на полунощных странах» (Лавр. лет., 107). «По прямому смылу этого известия,—замечает Н. П. Барсов (Очерки русской исторической географии. География начальной летописи, Варшава, 1873, стр. 52—53),—Югорская земля представляется лежащею за Новгородскими владениями на Печоре, к северу от этого племени; но если верно, что эти последние занимали область между Камою и Вычегдою, то в таком случае югорско-самоедские поселения или кочевья следовало бы полагать далее на север, за Вычегдой, до тундр Поморья, по восточным притокам Двины, по Мезени и по Печоре». Новейшие исследования еще точнее определяют географическое положение Югры приуральской,—то на р. Вычегде, где либо около нынешнего Усть-Кулома, либо около г. Турея, на р. Выми (А. М. М а р т ю ш е в. Коми—народ в первый период его исторической известности. «Коми-му» 1928, № 2, февраль, стр. 41; В. П. Ш л я п и н. Из истории заселения нашего края. «Записки Северо-Двинского о-ва изучения местного края», вып. V. 1928, стр. 34—35). Такие предположения подтверждают как ономастические сопоставления географических имен, так и анализ известий о сношениях и столкновениях Руси с Югрою в XI—XIV вв. Известия о сношениях Новгорода с Югрой в XII—XIV вв. «указывают на близкое знакомство Югры с одной стороны с Печорой, с другой—с Устюгом и Двинской областью». «Югра управлялась своими князьями, вела с данщиками упорную борьбу, из которой новгородцы выходили не всегда с успехом и,—явление общее для всех инородцев в их столкновениях с славянством—отступали. В течение нескольких столетий они постепенно передвинулись за Урал, на берега Иртыша и Оби, где и застает их XV век, и где они были покорены уже московскими войсками» (Н. Б а р с о в, op. cit., стр. 55—56, А. Д м и т р и е в. Пермская старина, вып. V, стр. 12—13; А д р и а н о в. Отчет о 87 присуждении премии Уварова, СПб. 1897, стр. 287—289; А. В. О к с е н о в в «Литературном Сборнике», изд. ред. «Восточного Обозрения», СПб. 1885, стр. 425—445, е г о ж е. «Политические отношения Моск. гос. к Югорской земле», Ж. М. Нар. Просв. 1891, № 2, стр. 246—272; А. В. М а р к о в. Беломорская былина о походе новгородцев

на Югру в XIV в. Сборник в честь В. Ф. Миллера, М. 1900, стр. 150—163). Шведский офицер P. Schönström, бывший в плену в России в 1741 г., записал у сибирских вогулов предание, что они некогда жили по эту сторону Урала, на реках Двине и Юге «и назывались тогда—югорские» (Jugorski) (Müller. Der Ugrische Volkstamm, Berl. 1839 I, 153 ff.), что лишний раз подтверждает родство сибирских вогулов с Заволочской Югрой. Гипотеза о переселении югры за Уральский хребет может в настоящее время считаться общепринятой (С. М. Середонин. Историч. география. Петр. 1916, стр. 201—202; В. И. Огородников. Очерк истории Сибири до начала XIX стол., ч. I. История дорусской Сибири, Ирк. 1925, стр. 9 и сл., «Финноугорский сборник». Лгр. 1928, стр. 256—257).

Все это, однако, не разрешает вопроса о том, где лежит Югра, упоминаемая Лэтом, на запад или на восток от Урала. Венгерский ученый Zoltan Gombocz в своей работе о «Венгерской прародине и национальной традиции», помещенной в венгерском журнале «Научно-лингвистические сообщения» («A magyar öshata és a nemzeti hagyományi»—«Nyelvtudományi Közlemènyek», Bd. 45, 46, 1923—1926), собрал все западно-европейские известия о местоположении Югрии; в числе их приводит он и известия Помпония Лэта (Bd. 46, S. 178). Несомненно, что под «уграми» Лэт понимает вогулов, однако мнение Гомбоца, что Югра расположена была в Зауральи, в цитате из Лэта наталкивается на некоторые возражения, которые формулирует E. Moór («Anschauungen von der Urheimat der Ungarn im Mittelalter und bei den Humanisten»—«Ungarische Jahrbücher» 1928, VII, S. 422—449); защищая теорию, по которой Югра еще в XV веке находилась на запад от Урала, Мор ссылается на слова веронского путешественника 1447 г. в «Asiatica Scythica non longe a Tanai», приведенные в «Космографии» Энея Сильвия и упомянутые во введении к настоящему тексту, указывает на то, что слова веронца цитированы также у Bonfinius'а, что о переселении венгров из «Европейской Сарматии» говорит Ransanus (1420—1492) в своей «Венгерской истории» и что, наконец, венгерский король Матфей от «русских купцов» узнал о «венграх Угрии»; в числе своих доказательств Мор ссылается также на слова Помпония Лэта (op. cit., S. 448) и обращает внимание на то, что его угры—«лесные жители», тогда как якобы «Зауральская Югория была в значительной степени безлесной»; это не соответствует истине и не решает вопроса; в пользу противоположного мнения говорит прежде всего то обстоятельство, что «заволочан» Лэт как будто противополагает «ближайшим» соседям угров, но главным образом то, что Лэту известно уже и слово Сибирь. Таким образом, я склоняюсь к мнению, что «люди, жившие у истоков Танаиса» рассказывали Лэту о вогулах восточных склонов Приуралья. Как известно, по вопросу об отношении древних югров к современным вогулам и остякам существует три группы мнений: «одни считают югров предками нынешних вогулов и остяков вместе; другие только вогулов, а третьи только одних остяков; большинство ученых XIX—XX в. склоняется к последнему взгляду» («Финноугорский сборник». Лгр, 1928, стр. 257). Вопрос этот, однако, еще не является окончательно решенным. Шегрен свидетельствует, что зыряне называют уральских остяков Jögra—jass (Siögren, Wann und wie ward Sawolotschije russisch, S. 525; сл. Д. П. Европеус. «К вопросу о народах, обитавших в северной и средней России», Ж. М. Нар. Просв. 1868, III, стр. 58); по словам М. Чупина (Географический и статистический словарь Пермской губ., Пермь, 1873, стр. 339), зыряне называют вогул, известных еще под именем «остяков ляпинского наречия»: «Егра, Иогра», «да и самое слово «вогул» может быть рассматриваемо, как видоизменение слова угр или югр» (В. Павловский. Вогулы, Казань 1907, стр. 6—7).

Жителями Заволочья]. Заволочье—обширное пространство земель, расположенных «за волоком»,—собирательное наименование северо-восточных новгородских «волостей», земель или подвластных Новгороду или обложенных им

данью. В литературе встречается несколько мнений относительно географических пределов этого Заволочья, причем «некоторые исследователи включали в понятие его и Обонежский край, другие приурочивали его лишь к землям, расположенным между реками Онегою и Мезенью, третьи распространяли его на прилегающие области северного Приуралья. Следует сознаться, что понятие Заволочья выступает в довольно неопределенных чертах и в самых источниках» (Н. П. Загоскин. Русские водные пути и судовое дело в допетровской России, Казань. 1910, стр. 154 прим.; Попов. Колонизация Заволочья и обрусение заволоцкой чуди. «Беседа» 1872, № 2, отд. II, стр. 39—40; П. Е. Ефименко. Заволоцкая чудь. Архангельск, 1869, стр. 33—34). С. Огородников (Прибрежья Ледовитого и Белого морей с их притоками по «Книге Большого Чертежа», Зап. Р. Г. Общ. по отд. этногр., т. VII, 1877, стр. 10—11; 57—58) замечает: «Даже при относительной достоверности исторических известий, так называемая «Заволоцкая чудь» положительно не составляла... отдельного самобытного племени и потому естественно, что чисто географическое название не может быть применяемо определительно ни к одному из названных племен... Как простой географический термин, самое название Заволочья имеет в разные периоды различное по пространству географическое значение; может быть, не ошибочно будет думать и так, что понятие новгородцев о протяжении Заволочья изменялось и расширялось по мере того, как они с разных сторон проникали в эту страну».

У истоков Танаиса] т. е. Дона. О том, из какой области были собеседники Лэта см. введение к настоящему тексту. Интересно, кстати, отметить, что в средние века, и даже позже, границею между Европой и Азией считалось именно течение Дона (F. G. Hahn. Zur Geschichte der Grenze zwischen Europa und Asien.—Mitteilungen des Vereins für Erdkunde zu Leipzig, 1881, S. 83—87).

В Скифии находят змеиные зубы]. «Речь идет несомненно о мамонте,— замечает В. Забугин (op. cit., стр. 91),—который впервые появляется, хотя и под псевдонимом, в западной литературе». Весьма вероятно, что речь идет о мамонтовой кости, находимой не в Сибири, а в пределах Европейской России. Так, известно, напр., что в верховьях Дона мамонтову кость находили на самом берегу реки. Гмелин (Путешествия по России для исследования трех царств естества, СПб. 1771, стр. 53, 119 сл.) впервые обследовал одно из таких «кладбищ мамонтов» неподалеку от г. Воронежа и высказал соображение, «что кости мамонтов», находящиеся в Сибири и на Дону, «одинакового происхождения». И. С. Поляков, в 1880 г. обследовавший место, указанное Гмелиным, записал местное предание, по которому зверь Индер, повидимому, представлявшийся рассказчику великим змеем, «вздумал перепить Дон», но лопнул, а кости его рассыпались на большое расстояние («Антропологическая поездка в центральную и восточную Россию». Зап. Акад. Наук 1880, т. XXXVII, кн. 1, стр. 18). Уже ранее В. Ф. Миллер сближал поверья о мамонте, звере, живущем под землею, со старыми поверьями об индрике-звере, встречающимися в азбуковниках и Голубиной книге («Древности», изд. Моск. Арх. Общ., т. VII, стр. 6; В. Мочульский. Историко-литературный анализ стиха о Голубиной книге. Варш. 1887, стр. 152—153). Этимологически—«индрик-зверь» есть, однако, не что иное, как «единорог» греко-славянских сказаний. С. А. Усов («Единороги». Сочинения, М. 1888, т. I, стр. 398) также устанавливает тождественность представлений об единороге и мамонте: мамонт, напр., подобно единорогу, ходя под землею, «прочищает русла ручьев и подземных рек, истоков водных» (П. К. Симони. Заметки Рич. Джемса о чуди, лопарях и самоедах. «Сборник Ленингр. Общества исслед. культуры финно-угорских народностей», I, Лгр. 1929, стр. 127—128): отсюда, вероятно, целебные свойства, для очищения кровеносной системы, бивней мамонта (рогов сказочного единорога), которым в допетровской Руси в толченом виде отводили почетное место среди лекарственных снадобий (Е. В. Пфиценмайер. В Сибирь за мамонтом. М. 1928, стр. 11). Свидетельство Лэта это вполне подтверждает.

От Борисфена] от. р. Днепра.

До Рифейских гор] О Рифейских горах см. выше: Р. Бэкон, стр. 26. Рифейские горы пользовались большой популярностью в Италии и в средние века и в эпоху возрождения. О них упоминает уже Данте (Purg. XXVI, 43), говоря о «журавлях, которые летят одни на Рифейские горы, другие—в пустыню».

Poi come gru, ch'alle montagne Rife
Volasser parte, e parte inver l'arene.

В XVI веке о «суровых Рифеях» пишет и Джордано Бруно в своем «Spaccio della bestia trionfante», 1585 (см. русское издание: «Изгнание торжествующего зверя. Перев. и прим. Алексея Золотарева. П. 1914, стр. 121, 211; однако, это не «Скандинавские горы», как полагает переводчик, а Урал). Уральские горы воспеты еще у знаменитого португальского поэта Камойнша (Камоэнса) в его прославленной эпической поэме «Лузиадах» (1560), столь насыщенной, вообще говоря, географическим материалом эпохи великих открытий. На этот раз, однако, поэт еще находится во власти античных географических представлений. Герой поэмы Васко де Гама описывает мавританскому королю северные пределы земли; говоря о Европе, он упоминает, что на востоке ее отделяет от Азии река Танаис, текущая с Рифейских гор в Мэотидские болота:

. . . . o rio
Que dos montes Rhipheios vai correndo
Na alagoa Meotis...

Далее идет речь о «расположенных близ полюса Гиперборейских горах»: «здесь светоч мира погасает на горных вершинах, покрытых снегом и вечными льдами, которые питают реки и источники»:

Lá onde mais debaixo está do polo
Os montes Hyperboreos apparacem,
E aquellos onde sempre sopra Eolo,
E co'o nome dos sopros se ennombracem...

(Camôes, Os Lusiadas. Poema epico, Paris 1832, canto terceiro, VII—VIII, p. 79). Французский комментатор Камойнша, по поводу упомянутых у него Рифейских гор, оговорив ошибку о том, что Танаис—Дон течет с этих гор, считает нужным прибавить: «on les appela les monts Poyas»—«их называли Земным Поясом» (сл. ниже: Герберштейн).

Что касается Лэта, то в другой своей заметке он пишет: «Древние считали Танаис границей между Азией и Европой совершенно напрасно: не зная мест, они думали, что эта река течет с Рифейских гор, а самые горы доходят до океана; все это ложно. Танаис начинается среди равнины и тотчас становится судоходным, Рифейские горы тянутся к востоку; близ океана их окружает широкая и просторная низменность, соединяющая Скифию с верхней Индией, расстояние от Рифеев до Гебра гораздо более, чем от этого последнего до Италии. Рифейские горы не всегда покрыты снегом». Кроме того, интересно отметить, что Лэт тщательно отделяет Рифейские горы от Гиперборейских, предвосхищая карту Джакомо Гвастальдо (1546) (см. В. Забугин, стр. 79, 80—81).

В Тиле] Thyle—Балтийское море? Под островом Thule, положение которого подало повод ко многим спорам, древние понимали, вероятно, Скандинавию или Исландию (S. Günther. Das Zeitalter der Entdeckungen, Lpz. 1905, S. 6). Остров Туле упоминается у Олая Магнуса; знает его также, встречавшийся с Олаем в Венеции и Болонье (в 1547 г.) испанский историограф Франческо Лопец де Гомара (Karl Ahlenius. Olaus Magnus och hans framställning af nordens geografi, Upsala 1895, s. 168—169).

Соболей]. Собольи, беличьи и куньи меха составляли главный предмет вывоза из приуральских областей в XIV, XV и XVI вв. По житию Стефана Пермского, составленному его учеником Епифанием, главным предметом охоты у пермяков были соболи, куницы, горностаи, ласки, бобры, лисицы, медведи, белки. Пермятский сотник и жрец Пам говорил Стефану, что продукты пермяцкой охоты пользуются широким распространением и «посылаются и досязают» в европейские земли «и в Царьград, и в немцы, и в Литву, и в прочая грады и страны, и в дальные языки...» (Памятники старинной русской литературы, вып. IV, СПб. 1862, стр. 136, 141, 144). Полвека спустя после известия Лэта любопытное известие о югорских соболях оставил Günrat Gessner в своей «Thierbuch» (Zürich, 1563): он говорит, что соболь водится в «Скафской Венгерской земле», недалеко от «истока реки Танаиса, называемого Daushülslhure», т. е. очевидно в Югрии (А. Миддендорф. Путешествие на север и восток Сибири, т. II, стр. 79). Говоря далее о белках, Лэт называет их «по классически sciuri и по современному elossi (sic, l. dossi)» (В. Забугин, стр. 91—92).

у Сибарина]. Нельзя не согласиться с В. Забугиным (стр. 92), что здесь имеется в виду Сибирь. Это название могло быть известно Лэту не только из рассказов русских, т. к., как указано было выше (см. примечания к Шильтбергеру, стр. 54), название земли Сибирской уже упоминается в летописях в половине XV в., но и из итальянских источников, т. к. оно отмечено уже на итальянской карте Фра-Мауро (1459).

Живут Пермяки] о них см. ниже в примечаниях к П. Иовию.

За Рифейскими горами начинается Индия]. В Лекциях Лэта по Варрону Сибирь называется «Верхней Индией» (В. Забугин, стр. 81, 86). Эта мысль могла быть внушена Лэту П. Мелой, Плинием и несовершенной средневековой картографией.

XVI ВЕК

VII. МАТВЕЙ МЕХОВСКИЙ | MATTHIAS MIECHOWITA

(1517)

Меховский—польский историк, продолжатель хроники Длугоша, профессор и ректор Краковского университета (р. 1457—ум. 1523), сочинение которого о двух Сармациях (Tractatus de duabus Sarmatiis Asiana et Europiana et de contentis in eis, 1517) впервые открыло русское государство Европе и оказало большую помощь в деле ознакомления с ним западного мира. Сам он в России не был (как это утверждает Meiners, Vergleich. d. älteren u. neuen Russland, Leipzig, 1798, I, S. 4—6, а за ним и Adelung. Krit.-Literär. Übersicht der Reisenden in Russland I, S. 179), а получал сведения от случайных русских, бывших в Польше, и тем не менее успел собрать многое такое, что до него не было известно ученым, основывавшимся на античной географической традиции и очень мало еще осведомленным о восточной части Европы, а тем более об Азии. Сам Меховский пытался уже критически подойти к этим известиям (см. введение к настоящей книге), хотя он частично и пользовался еще античной терминологией. „По сведениям, переданным нам древними,—пишет он,—существуют две Сарматии: одна в Европе, другая в Азии“. На этом основании и свое сочинение Меховский разделяет на две части: одна посвящена обозрению Сарматии Азиатской, другая—Европейской.

Собственно о Сибири Меховский еще не говорит, но он упоминает о Башкирии, Югре и о местностях, лежащих северо-восточнее Уральского хребта. Приводимые им данные очень характерны для географических познаний его времени. Автор анонимной статьи, посвященной разбору известий Меховского о восточной Европе и Азии [К. А. Коссович], так отзывается об его сочинении: „рассказы его носят на себе печать какого-то особенного незлобивого добродушия, а излагаемые им сведения отзываются истинной любознательностью и сочувствием к описываемому предмету. Есть, конечно, много неверностей в его книге, но прочитавший ее всю со вниманием, обвинит скорее некоторых из тогдашних современников наших, не хотевших или не умевших оценить благородной его пытливости касательно всего, что относилось к нашему оте-

честву, и сообщивших ему вещи небывалые. Зато некоторые из показаний Меховского имеют, видимо, характер достоверности и могут служить подтверждением и частью дополнением местным источникам" („Библиографические отрывки". III. Матвей Меховский и его сочинение „О двух Сармациях", „Отеч. Записки", 1854, т. CXVII, № 12, отд. II, стр. 137—160). Б. Дитмар (Трактаты о двух Сармациях Матвея Меховского, „Землеведение", т. XXX, 1928, вып. 4, стр. 63—75) вполне правильно объясняет успех его книги тем, что Меховский „первый из западно-европейских писателей посягнул на авторитет Птолемея и других писателей древности"; „мало того, Меховский первый из писателей приводит русские названия рек взамен тех, которые укоренились в науке со времен Птолемея. Он в кратких словах описывает природу Московии, образ жизни населения и категорически отрицает существование людей с одним глазом, двухголовых и с собачьими головами". Подробный разбор известий Меховского о России и обитавших в ней инородцах см. еще Е. Замысловский. Герберштейн и его историко-географические известия о России. СПб. 1884, стр. 341—374.

О большом успехе книги у современников свидетельствует количество ее изданий; вслед за первым краковским изданием 1517 г. появился немецкий перевод (Augsburg, 1517), второе латинское издание вышло в Кракове в 1521 г. с измененным заглавием («Descriptio Sarmatiarum Asianae et Europeanae et eorum quae in eis continentur») и с приложением письма Меховского к издателю его, Галлеру, об отдаленных окраинах России, о беззакатном солнце и бесконечных северных ночах (русск. перев. в „Библиографических отрывках", стр. 151); это издание перепечатано в сборнике, приписываемом Симону Гринею: «Orbis novum regionum et insularum vetoribus incognitarum» (Париж, 1532). Существует еще ряд других изданий (см. „Журн. М. Н. Просв." 1880, № 9, стр. 71) и переводов—среди них польский—1545 г., итальянский—1561, 1634. Из книги Меховского много заимствовал в свою знаменитую „Космографию" (1544) Себастьян Мюнстер,—в частности все данные Меховского о Перми, Башкирии, Югре и Кореле; она была первоисточником также для Герберштейна. Еще ранее трактатом Меховского воспользовался Альберт из Кампена (Кампензе) в своем известном письме к папе Клименту, но все названия народов, живущих на севере и северо-востоке Московии, у него сильно искажены, напр. Juhri, li Corelli, li Perusrani [Pezorani], li Vahulzrani [Ussarani], li Baschirdi e li Czeremissi (Е. Замысловский, Герберштейн, стр. 377), если, впрочем, это не искажения печатного текста, так как в Ватиканской рукописи Альберта из Кампена (Vat. lat. 3922, 2 r., 4 v.), обследованной В. Н. Забугиным (см. его исследование: Ю. П. Лэт, Петр. 1914, стр. 80, прим. 79 и журнал: «Roma e l'Oriente» 1, 1910—1911, p. 112) стоит более правильное:

«Juhri Coreli Persuskani Vabulezkani (вогуличи), Baskirdi, Cziremissi», даже «Permskani vahulczkani». Неточный и неполный перевод отрывка из книги Меховского, относящегося к северо-востоку, дает А. Оксенов („Сибирь до эпохи Ермака по сведениям западно-европейских писателей“. „Томск. Губ. Ведом.“ 1889, № 6); приводимый ниже перевод сделан В. Н. Дурденевским по латинскому тексту, напечатанному в издании Старчевского: «Historiae Ruthenicae scriptres exteri saeculi XVI». Petropoli et Berolini, 1851, I, p. 5—6, а этот последний перепечатан из Corpus Historiae Polonicae J. Pistorii, edid. H. Petri, 1588. Подробная биография Меховского дана в названной выше статье „Отечественных записок“ (стр. 138—141), а также в «Wielka encyclopedya powszechna ilustrowana», t. XLV—XLVI, (Warsz. 1911), str. 1007—1010.

Уже после выхода в свет первого издания настоящей книги появился первый полный русский перевод сочинения Меховского, снабженный исследованием и обширным и тщательным комментарием к нему: Академия Наук. Институт Истории. Известия иностранцев о народах СССР. Матвей Меховский. Трактат о двух Сарматиях. Введение, перевод и комментарии С. А. Аннинского, М.—Лгр. 1936, 288 стр. В своем введении к книге С. А. Аннинский подробно описывает все существующие издания трактата, дает критический разбор посвященной ему литературы, тщательно исследует вопрос об источниках его, причинах его популярности, останавливается на вопросе об общественно-политическом мировоззрении Меховского, выясняет значение его книжки для современной науки. Нами использована эта прекрасная работа при переработке нижеследующего перевода отрывка из трактата Меховского, а также в примечаниях к нему. Исправим, кстати, ошибку, вкравшуюся в первое издание нашей работы: анонимная статья „Отечественных записок“ о М. Меховском всюду приписана была нами М. Корфу, тогда как автором ее действительно является К. А. Коссович, как правильно указал Б. Дитмар. См. А. Бычков, гр. М. А. Корф. „Древняя и новая Россия“. 1876, I, № 4, стр. 340, прим. 22.

ОБ ОБЛАСТЯХ СКИФИИ—ПЕРМЬ, БАШКИРИЯ, ЮГРА И КОРЕЛА, ПОКОРЕННЫХ МОСКОВСКИМ КНЯЗЕМ

За Московией на северо-востоке, в конце северной Азии находятся народы и области, именуемые собственно Скифией, подвластные московскому князю, и покоренные первоначально Иваном, князем московским, а именно Пермь, Башкирия (Baskird), Черемиссия (Czermeissa), Югра и Корела . . . . Эту область [Пермь], почитавшую идолов, князь московский Иван, около двадцати лет тому назад, принудил принять крещение по русскому или греческому обряду . . . . Другие выше упомянутые области упорно остаются в языческой вере и идолопоклонстве. Здесь почитают солн-

це, луну, звезды, лесных зверей и что придется; жители имеют собственные языки и наречия. В земле пермской собственный язык, в башкирской—свой, в Югре—свой и в Кореле также свой. В этих областях не пашут, не сеют, не имеют ни хлеба, ни денег, питаются лесным зверем, который у них водится в изобилии, и пьют только воду; живут в густых лесах, в шалашах из хвороста. И поскольку леса заполняют эти земли, люди стали одичалыми и озверелыми. Они подобны неразумным животным, не имеют одежды из шерсти, покрываются грубо и нескладно (rude et grosse) шкурами, сшивая вместе шкуры разных животных—волка, оленя, медведя, соболей, белок, смотря по тому как придется. И так как в их земле не открыто ценных металлов (mineras), то платят они дань московскому князю не ими, а шкурами лесных животных, которых имеют в изобилии.

Рис. 8. Горностаи
(С карты Олая Магнуса, 1539 г.)

Те, которые живут близ Северного океана, как-то: югры и корелы, ловят рыбу и китов, либо морских коров и собак [тюленей], которых [жир] они называют ворвань (vor vol); из кожи их они делают кнуты, мешки и одежды (redas, bursas et caletas), а жир сохраняют и продают.

Рис. 9. Шаман верхом на олене
(С карты Вальдземюллера, 1516 г.)

В Югре и Кореле есть горы незначительной величины, без высочайших подъемов, как думали и писали некоторые. На приокеанские горы, которые невысоки и тянутся по всему северу

вдоль океана, взбираются из моря рыбы, называемые морж (mors), упираясь клыками в склон горы, подталкиваясь и так продвигая свое восхождение; когда же они достигают верхушки горы, то в продвижении к дальнейшим местам, скатываясь, достигают другой стороны гор. Названные племена ловят их и собирают эти клыки, довольно большие, широкие и белые и очень тяжелые по весу, и платят ими дань и продают москвитянам; в Московии же из них делают употребление, а также посылают в Татарию и Турцию— для изготовления рукояток мечей, сабель и больших ножей, так как своей тяжестью эта кость увеличивает силу и тяжесть нажима к выгоде наносящих удары, работающих, сражающихся и убивающих.

ПРИМЕЧАНИЯ

Пермь, Башкирия, Югра]. Пермией называлась область верхнего течения Камы, вплоть до р. Вычегды; границы Башкирии в понимании Меховского определить довольно трудно; о Югрии см. выше: стр. 70—71.

Соболей, белок]. В подлиннике: «ex scismis». Слово scismus представляет значительные трудности для перевода. Е. Замысловский (op. cit., стр. 123) ссылался на сочинение Улисса Альдрованди (1654), где указано, со ссылкой на трактат Меховского, что «некоторые под сцисмами разумели куниц (martes) и не без основания». На этом основании и я в первом издании настоящей работы к слову белок поместил в скобках вариант: «куниц?». Тщательная справка по этому поводу С. А. Аннинского в его книге (стр. 235—236) убедила меня в том, что о куницах здесь не могло быть речи; С. А. Аннинский указывает, что «в немногочисленных имеющихся переводах это слово или пропускается, как не находящее объяснения в словарях... или переводится по догадке, совершенно невероятно». «...если бы scismi означало martes, то Меховский не называл бы в главе о Литве рядом mardures и scismi», по словам того же исследователя здесь удобнее всего предположить «ошибку переписчика, не исправленную и в типографии: вместо scismi следовало бы читать sciuri, т. е. белки».

Ловят рыбу и китов, либо морских коров]. В подлиннике: «canes marinos». т. е. морских собак. Е. Замысловский (Герберштейн и его историко-географические известия о России. СПб. 1884, стр. 256—266) полагает, что «так вероятно назван какой-либо из семейства тюленей». Любопытно, что в немецком переводе Меховского 1518 г. canes marinos переведено словом «Mörkölber»: «Оно означает и тюленя, в смысле имени родового, и морского зайца (Phoca barbata), который составляет один из видов семейства тюленей... Vitulus, повидимому, может быть приурочен к особому виду морских зверей, именно нерпе, т. к. она называется Phoca vitulina и ловится у северных берегов Европейской России (см. Исслед. о состоянии рыболовства в России, изд. Мин. Гос. Имущ., т. VI. СПб. 1862, стр. 83), но так как Меховский не дает подробного описания зверя, названного им vitulus, то мы не имеем права давать видовое значение этому названию. В выражении Меховского balenas, seu vitulos,—seu, по всей вероятности, имеет значение союза разделительного, т. к. едва ли он не отличал китов от тюленей. Последние были хорошо известны уже классическим писателям».

Кнуты, мешки и одежды] redas, bursas et caletas. В статье о Себ. Мюнстере (Ж. М. Н. Пр. 1880, № 9, стр. 123, прим. 19 и 20) Е. Замысловский делает к этому месту следующее, вполне справедливое замечание: «Не без вероятия можно предполагать, что Меховский неверно передал или не понял то, что

ему говорили об изделиях из кож морских зверей. Не из этих кож, употребляемых на ремни, а обыкновенно из оленьих шкур самоеды шьют себе малицу и совик и по всей вероятности которую либо из этих одежд (род мешка с двумя рукавами, с отверстиями внизу и вверху, чтобы просунуть голову) и следует понимать под словом caletae у Меховского». Б. Дитмар (Трактаты о двух Сарматиях Матвея Меховского. «Землеведение», XXX, 1928, вып. 4, стр. 73) переводит: «бьют китов, тюленей и морских собак, которых они называют «ворванью»; из шкуры их делают мешки и калиты (?)».

Обстоятельную справку к этому месту делает и С. А. Аннинский (op. cit., стр. 260—261); согласно данному им переводу, мы принимаем указанное им значение reda=flagellum=кнут, но отказываемся от передачи слова burso русским «кошелек» и от буквального перевода неясного слова caletas русским «колеты» (стр. 118).

Рис. 10. Охота на тюленей
(Деталь карты Олая Магнуса, 1539 г.)

Ворвань]. В подлиннике: vor vol. Ворванью называется сало, вытапливаемое из туш морских зверей. «По всей вероятности это слово и следует разуметь под словом vor vol... Меховского, который по ошибке дал ему совершенно неверное определение» (Е. Замысловский. Герберштейн, стр. 266). То же полагает и А. Оксенов (Сибирь до эпохи Ермака. «Томские Губ. Ведомости», 1889, № 6): «У Меховского,—пишет он,—как видно, произошло смешение части с целым: ворвань название продукта, добываемого из тюленей, принято им за название самых тюленей».

Взбираются из моря рыбы, называемые morss]. «Морж,—замечает С. Середонин (Джильс Флетчер и его сочинение «On the Russe common wealth», как исторический источник. СПб. 1891, стр. 123),—принадлежал к числу животных, о которых средневековая география, не имея точных данных, рассказывала небылицы». Первые и точные сведения о ловле моржей находятся уже в рассказе

Отера Альфреду Великому (VIII в.); но ясное и лишенное всяких натяжек описание Отера заменилось в средние века фантастическими рассказами о виде и ловле этого животного. Отголосок этих басен о морже представляет рассказ о нем Климента Адамса (XVI в.): «в прилегающем море живет зверь, которого называют морж; он отыскивает себе пищу на скалах, поднимаясь туда с помощью зубов». Подобный же рассказ воспроизвел в легенде своей карты Ант. Вид (1537—1540); см. H. Michow. Die ältesten Karten von Russland, Hamburg, 1884, S. 135. Любопытно, что созвучие слова morss с латинским словом mors— «смерть» дало повод одному из переводчиков Герберштейна—Панталеоне (1567) заметить после описания зверя: «называется он жителями Mors oder Tod» (H. Michow, op. cit., S. 537). Джильс Флетчер (1591) продолжает считать моржа рыбой: «рыба, снабженная такими зубами, называется моржом и ловится около Печоры». С. Середонин (op. cit, стр. 123) полагает, что «отчасти он был введен в заблуждение русским названием клыков моржа: рыбий зуб». Под таким названием моржовая кость упоминается в русской летописи еще под 1160 г.; арабские писатели сообщают, что ее привозили в Булгар из Югорской земли и дорого ценили (Н. Аристов. Промышленность древней Руси, СПб. 1866, стр. 29, прим. 71; Е. Замысловский. Герберштейн, стр. 267). Это свое сообщение, в почти тождественных выражениях, Меховский повторяет дважды. Уже Герберштейн, заимствуя рассказ у Меховского, объясняет, что морж—не рыба, хотя его соплеменники «и считают эти зубы за рыбьи», и упрекает его в неточности: ручки ножей делаются из моржовой кости для украшения, а не для тяжести.

VIII. ФРАНЧЕСКО ДА-КОЛЛО | FRANCESCO DA COLLO

(1519)

В 1517 г. имп. Максимилиан отправил в Москву послом к Василию III бар. Сигизмунда Герберштейна (о нем см. ниже) с целью устроить соглашение между правительствами Москвы и Польши. Так как переговоры эти успеха не имели, то в следующем 1518 г. Максимилиан с той же целью отправил в Москву новое посольство, во главе которого поставлены были два итальянца: Франческо Да-Колло и Антонио Де-Конти. Они пробыли в Москве с июня 1518 по январь 1519 года (Статейный список их переговоров напечатан в „Памятниках дипломатических сношений с державами иностранными", т. I, стр. 259—473; некоторые документы, относящиеся к посольству, напечатаны также в приложении к работе: J. Fidler. «Die Allianz zwischen Kaiser Maximilian I und Vassily Ivanovitch», «Sitzungzberichte d. Wiener Akademie», phil.—hist. Classe. Bd. 43, 1863). С этим посольством связана история одного научного спора, крайне характерного для этой эпохи, возникновению которого мы обязаны тем, что Да-Колло, будучи в Москве, собрал несколько сведений об Урале и прилежащих к нему областях. Незадолго до отъезда посольства из Австрии, Матвей Меховский послал имп. Максимилиану свое сочинение о двух Сармациях, отрывки из которого приведены были выше. Новые сведения, сообщенные польским ученым, а особенно смелость, с которой он указывал на ошибки античных географов, сильно заинтересовали Максимилиана, большого любителя географической науки, и он решил поручить послам, помимо дипломатических переговоров, также и проверку некоторых утверждений Меховского. Дело шло об очертаниях восточной Европы и северной Азии, которые в начале XVI века представлялись европейским географам настолько туманными, что они предпочитали принимать на веру данные античных писателей, чем глухие и сбивчивые указания современников; не забудем также, что спор этот возник в эпоху расцвета увлечения классической древностью и еще неомраченной веры в авторитет античной науки. Да-Колло так рассказывает о возложенном на него поручении:

„Императору [Максимилиану] прислана была книга, написанная знаменитым врачом и ученым из Кракова, в которой он осмеливается уличить в досадных ошибках государя всех космографов Птолемея там, где последний описывает северные страны, и особенно там, где он учит, что Танаис берет начало в Рифейских горах, потому что, якобы, этого или подобного ему горного кряжа в России вовсе не существует. Его величество, хорошо осведомленный в географических вопросах и большой почитатель Птолемея, которому он, как все образованные люди, обязан своим знанием космографии, прочел его замечания о Птолемее с большим неудовольствием и дал нам ясное указание исследовать этот вопрос заново". Во время пребывания своего в Москве Да-Колло старался собрать данные для опровержения известий Меховского. Он узнал, что в дальних северных пределах владений московского государя, в стране, называемой Югра, действительно есть горы (Уральский хребет), которые он и отождествил с Рифейскими горами Птолемея; эти горы, по утверждению Да-Колло, соединяются с другим хребтом—Гиперборейским, который, однако, ниже Рифейских гор; по этому же утверждению источники великой реки Танаиса, т. е. Дона, находятся в Рифейских горах, а не в княжестве Рязанском, как это утверждал Меховский. В своем донесении Максимилиану Да-Колло прибавляет, что на обратном пути из Москвы, в польском городе Петрокове, он имел случай видеть самого Меховского и разубедить его в его ошибке, и Меховский сознался, что был введен в заблуждение, основав свое показание на рассказах пленных москвитян, содержащихся в Кракове. „На самом деле,—справедливо замечает Л. Н. Майков,—оба автора впадали в заблуждения и ошибки, оба пользовались только расспросными сведениями и лишь ходили около истины, но точно не знали ее. Кроме того, Да-Колло грешил и системою, непременно желая согласить узнанное из расспросов с тем, что он вычитал из Птолемея" (Летопись занятий Археографич. Комиссии, вып. XII, 1901, стр. 134—135); К. А. Коссович („Библиографические отрывки", „Отеч. Зап." 1854, т. CXVII, № 12, отд. II, стр. 139—140) находит, что „места Епифановского уезда, Тульской губ., где Дон берет начало свое из Ивановского озера, не очень далеко отстоят от Рязани и действительно некогда принадлежали к Рязанскому княжеству. Во всяком случае, показание Меховского ближе к истине, чем свидетельство Да-Колло, который и истоки Волги полагает в тех же местах", что же касается Рифейских гор, то сведения о них у античных писателей так сбивчивы и противоречивы, что позволяют приурочивать их то к Уралу, то к волжской или так наз. среднерусской возвышенности, где берут начало и Зап. Двина и Дон (ср. А. Сапунов. Река Западная Двина, Витебск, 1893, стр. 20—21). Собранные Да-Колло данные не решили спора о Рифейских горах; у

Меховского нашлись защитники в этом вопросе: таков был, напр., немецкий гуманист Иог. Майр фон Экк, выпустивший трактат Меховского в немецком переводе (Augsburg, 1518); утверждения польского ученого вызвали также похвалы Нюренбергского гуманиста Пиркхеймера и принадлежавшего к тому же кружку Ульриха фон Гуттена, который в своем известном письме к Пиркхеймеру 1518 г. рассказывает, что, прочтя трактат Меховского, он не хотел верить, что Рифейских гор не существует, но что в этом убедил его только что вернувшийся из Москвы С. Герберштейн; это произвело на него прямо потрясающее впечатление («quod me audientem attonitum prope reddidit...»), и знаменитый автор „Писем темных людей" восклицает в восторге: „О, что за время! Как движутся умы, как цветут науки! Прочь варварство и невежество! Получив свою награду, ступайте в изгнание на вечные времена!" (D. Strauss. Ulrich von Hutten, S. 304; H. Michow. Das Bekanntswerden Russlands in Vor-Herberstein'scher Zeit, ein Kampf zwischen Autorität und Wahrheit. «Verhandlungen des 5 deutschen Geographentages zu Hamburg», Berl. 1885, S. 123—128; Е. Замысловский. Герберштейн, СПб. 1884, стр. 142—144; о Рифейских горах см. выше комментарий к Ю. П. Лэту, стр. 72—73 и ниже: введение к П. Иовию).

Тем не менее, сведения Да-Колло, отождествившего Рифейские горы с Уралом, представляют большой интерес. „До любознательного итальянца,—говорит Л. Н. Майков (op. cit., стр. 134—135),—действительно дошли кое-какие сведения о северном Урале, о той гористой местности, где в начале XVI века еще жило племя Югра, давшее это название и самой стране. Об этой то Югорской земле и ее обитателях Да-Колло сообщает любопытные известия, притом в большем количестве, чем все другие русские и иностранные источники, прежде него или одновременно с ним говорившие о Югре". Да-Колло сообщает и источник, из которого он получил все эти сведения: „в Москве он встретил уже давно жившего там и знавшего по-русски иноземца, которого он называет «maestro Nicolò Lubacense, professor di medizina e di astrologia, e di tutte le scienze fondatissimo». Это не кто иной, как Николай Любчанин, иначе Николай Булев, тот самый врач, который присутствовал при кончине в. кн. Василия Ивановича в 1533 г., а прежде того вел полемику с Максимом Греком по богословским и разным другим вопросам. Булев свел максимилианова посланника с некоторым человеком, коего автор реляции называет «Ugrino Besarovich» и с его братом, не названным по имени. Да-Колло считал их уроженцами Югорской земли; несомненно, по крайней мере, что они бывали в ней и знали этот далекий край, почему и могли сообщить о нем много любопытных и новых сведений. В статейном списке о посольстве Да-Колло и Де-Конти также упоминается одно лицо, в котором можно узнать этого «Ugrino». По-русски его звали Угрим Баграков; это был человек великого князя, находившийся у него в опале; из того же

списка видно, что, по представлении Да-Колло, опала была снята с Багракова, и ему было „позволено видеть князевы очи“. И сам Да-Колло в своей реляции свидетельствует, что по его ходатайству «Ugrino» был возвращен вел. князем из ссылки. Кроме сведений о Югорской земле, есть в книге Да-Колло несколько других самостоятельных известий о тогдашней Московии, придающих этому сочинению значительную ценность. Нельзя также не принять в соображение, что сочинение Да-Колло написано ранее не только знаменитой книги Герберштейна, но и письма Альберта Кампенского и записок П. Иовия; по всему этому небольшой книге Да-Колло должно быть отведено почетное место в ряду иностранных сочинений о России XVI в.“ (Л. Майков, op. cit., стр. 135). Однако, по странной случайности, книга Да-Колло доныне плохо использована исторической и географической наукой. Из старых историков ее знал только Карамзин (Ист. Гос. Росс., т. VII, прим. 358), но ею не воспользовались ни Лерберг в своей сводке свидетельств об Югре, ни позднее Д. Н. Анучин; впрочем, она названа в „Обзоре“ Аделунга (I, № 32, стр. 116). Издание книги в русском переводе, которое Л. Н. Майков предлагал в 1900 году Археографической комиссии, к сожалению, не состоялось.

Быть может, недостаточное знакомство с трудом Да-Колло объясняется большой редкостью самой книги. Латинский подлинник реляции Да-Колло никогда не был напечатан и доныне не отыскан. Внук автора, Латино Да-Колло, перевел ее на итальянский язык и издал ее спустя 85 лет после того, как состоялось самое посольство под следующим заглавием: «Trattamento di pace tra il Re Segismondo I di Polonia, e il Gran Basilio Sovrano di Moscovia avuto dai Signori Francesco da Collo Cavaliere Gentiluomo di Conegliano, e Antonio dei Conti Cav. Gentiluomo Padovano Oratori della Maestà di Massimiliano I, Imperatore l'anno 1518, scritta per lo medesimo Sig. Cav. Francesco, con la Relazione di quel viaggio, e di quei paesi Settentrionali de' Monti Rifei e Iperborei, della vera origine del fiume Tanai e della Palude Meotide; tradotte; di latino in volgare, novamente data in luce» Padova, Lorenzo Pasquati, 1603.

Сведения об этой книге и несколько отрывков из нее помещены у Sebastiano «Ciampi. Bibliographia critica delle antiche reciproche Corrispondenze... dell'Italia colla Russia, colla Polonia et altre parti Settentrionali» t. III (Firenze, 1842), p. 98—101. Нижеследующий перевод сделан по экземпляру падуанского издания 1603 года, хранящемуся в Гос. Публичной Библиотеке в Ленинграде (p. 34—35).

Он [Московский князь] владеет еще двумя обширнейшими северными областями—Югрой (Jarha) и Корелой (Corella), которые состоят из высочайших гор, обширнейших полей, долин и лесов, простираются до ледовитого моря и населены народами, совер-

шенно лишенными всякой культуры, образования и торговли (politia, humanita et commertio). Они оказывают повиновение и почтение только упомянутому государю и ежегодно платят ему дань шкурами соболей (Zibellini), барсов (Pardi) и других зверей, медом и воском, которые имеются у них в изобилии, так как не имеют никакого представления о золоте и других металлах. Они не имеют [над собою] ни крыш, ни каких-либо иных жилищ, кроме лесов и особых лачуг, построенных из ветвей; они не умеют ни пахать, ни сеять и не знают, что такое хлеб, питаются мясом зверей, добытых на охоте, и одеваются в их шкуры, небрежно подобранные и сшитые (composte e cucite senza ordine). Поклоняются они Солнцу, Венере, лесам и змеям, как святыням. Свою жизнь они считают счастливой и находят, что лучше ее быть не может. В этом краю

Рис. 11. Деталь карты С. Мюнстера (1552 г.)

есть различные горы очень большой высоты, среди которых наиболее знаменитой и самой высокой является Югориша (Jugorischa), которая среди Рифеев известна такой высотой, что, хотя она и весьма доступна [для восхождения], ее вершины можно достигнуть не раньше, чем после четырех суток пути. На вершине этой горы (как мне рассказывали об этом и утверждали многие, достойные доверия лица, в частности маэстро Николо Любчанин, профессор медицины и астрологии, весьма искусный во всех науках) царит вечный день; это подтверждали мне Угрим Баграков (Ugrino Bezaro-

vich) и его брат, с которыми я, по милостивому соизволению государя, имел длинные беседы, т. к. государь выписал их для меня с их родины, как людей, хорошо знакомых с отдаленными странами. Упомянутый брат Угрима утверждал, что он поднялся до самой вершины этой горы или, по крайней мере, достиг такой ее точки, с которой все облака и туманы (tutte le nubi et turbedini dell' aere) очутились у него под ногами, вследствие чего свет держался там все время без всяких перерывов и сумерки (oscurità) не наступали. На этой горе водится особенно много соболей, а также и других диких зверей и животных, которых охотники преследуют на повозках (cacciatori), влекомых собаками величайшей силы и ловкости. Эта гора расположена ближе всего к области Югра (Jurha) и известна больше других, так что ее обитатели несколько более человечны или же менее скотоподобны. На середине ее находятся вечные снега.

ПРИМЕЧАНИЯ

Северными областями Югрой и Корелой]. О Югре см. выше Ю. П. Л э т стр. 70—71; о Кореле—финском населении на Северной Двине—см. Н. П. Б а р с о в. Очерки русской исторической географии. География начальной летописи. Варшава 1873, стр. 57; Е. Замысловский. Герберштейн и его историко-географические сведения о России. СПб. 1884.

Поклоняются они Солнцу, Венере, лесам и змеям]. О поклонении приуральских племен солнцу, об их культе растений, вере в леших (в «эрысь—морт»)—вероятно олицетворение шума леса, см. Ф. А. Т е п л о у х о в в сборнике «Пермский край», т. III, стр. 293—294; 298—299; М. А. Л е б е д е в. Пермь Великая. Ист. очерки, Ж. М. Н. П. 1917, № 11—12. Известие Да-Колло, видимо, достоверно и подтверждается этнографическими данными, собранными впоследствии. У зырян, наприм., до недавнего времени встречалось «почитание отдельных деревьев и рощ» (А. С и д о р о в. Следы тотемических представлений в мировоззрении зырян. «Коми-му», 1924, № 1—2, стр. 49). По вопросу о почитании Венеры см. соображения А. Г р е н а («Зырянская мифология» «Коми-му», 1925, № 1, стр. 23—24), сопоставляющего культ Зарни-Ань, Анай (Венеры-Урании) с эсхатологическими сказаниями шумерийцев и персов.

Самой высокой являются Югориша]. В названии J u g o r i s c h a трудно определить какую-либо из вершин Уральского хребта, т. к. название это, несомненно, искаженное, восходящее, вероятно, к Ю г о р и и. О Рифеях см. выше: Р. Бэкон, стр. 26—27.

Маэстра Николо Любчанин]. Nicolo Lubacenses, в России назывался: Н и к о л а й Н е м ч и н, Н и к о л а й Б у л е в (или Л ю е в). Сведения о нем довольно скудны. Предполагают, что он учился медицине в славившемся тогда своим медицинским факультетом Падуанском университете, но интересовался также иными науками, особенно астрологией; одно немецкое известие называет его переводчиком с греческого, латинского и немецкого языков (Beiträge zur Kunde Est-Liv-und Kurlands, Bd. I, H. I. Reval 1868, S. 85—86). До своего приезда в Россию Булев служил в Италии при папском дворе в качестве медика, получая

большое содержание. В Россию он прибыл около 1508 г. для исправления календаря, вероятно, вместе с Андреем Траханиотом, ездившим в Рим в 1506 г. и вывезшим оттуда ряд иноземных «мастеров»—врачей, архитекторов и т. д. Приезд его в Россию был обусловлен громадным содержанием, которое ему было здесь предложено, и обещанием отпустить его обратно, когда он пожелает. Папа Юлий II, кроме того, надеялся, что Булев развернет в России пропаганду в пользу соединения церквей. По окончании своей работы в Новгороде (в чем ему, вероятно, помогал Дм. Герасимов: сл. ниже: П. Иовий) Булев пытался было возвратиться, но должен был отправиться в Москву, где и остался в качестве врача при в. к. Василии III, причем «превелию честь получи врачебныя ради хитрости». Когда Максим Грек приехал в Москву, то он узнал, что Булев деятельно проповедует соединение церквей и вступил с ним в полемику («Слово на Николая Немчина, прелестника и звездочетца»), в которой принял участие боярин Ф. И. Карпов. Несмотря на несогласие мнений, М. Грек все же называет Булева «великим ритором», «доктором», «многоучительным», «мудрым» и «в словесном художестве искусном»: очевидно, ученость его не подлежала сомнению. Как сложилась дальнейшая жизнь Булева, мы знаем плохо; из одного «Слова» против Немчина—М. Грека мы знаем, что его постигло в конце концов «разорение и бедствие»; подробности этого, однако, неизвестны. См. Л. Н. Майков. Николай Немчин, русский писатель XV—XVI вв. «Известия Отд. Русск. Яз. и Словесности Академии Наук». 1900, кн. 2, стр. 379—392; В. С. Иконников. Максим Грек и его время, Киев, 1915, стр. 228—230, 231—234, 270—271; P. Pierling, La Russie et le Saint-Siégé, Paris 1896 I, p. 286; В. Ф. Ржига. Боярин-западник XVI в. Институт Истории. Ученые Записки, т. IV, М. 1929, стр. 42—43.

Угрим Баграков]. По предположению Л. Н. Майкова (Летопись занятий Археографической Комиссии, вып. XII, 1901, стр. 135) именно так следует понять называемого Да-Колло: Ugrino Besarovitch. О нем см. «Памятники дипломатических сношений с Державами Иностранными», т. I, стр. 259—473 и введение к настоящему тексту.

Рис. 12. Деталь карты Олая Магнуса, 1539 г.

IX. ПАВЕЛ ИОВИЙ | PAULUS JOVIUS

(1525)

В 1525 году в. к. Василий Иванович отправил в Рим, к папе Клименту VII, в качестве своего посланника—Дмитрия Герасимова. Вероятно, новгородец по происхождению (род. ок. 1465 г.), в молодости выучившийся латинскому и немецкому языкам в Ливонии, Герасимов был известным переводчиком, работавшим в сотрудничестве с Максимом Греком (перу Дмитрия принадлежат, между прочим, переводы латинской грамматики Доната „Песни песней" 1498 г., с немецкого, и ряда богословских сочинений) и не раз уже ездил в чужие края в качестве толмача (Швеция, Дания, Пруссия; в Риме Герасимов был уже в 1491 году). Это был, несомненно, один из образованнейших русских людей своего времени, к моменту своей поездки в Рим в 1525 году имевший уже за собой почетное прошлое видного дипломата и культурного деятеля и выгодно отличавшийся от своих современников широтой кругозора, образованием и прекрасным знанием иностранных языков (см. о нем: P. Pierling, L'italie et la Russie au XVI s. Paris, 1892, p. 33—42; В. С. Иконников. Максим Грек и его время, Киев, 1915, стр. 31—32; 256—257; Гамель. Англичане в России, Записки Акад. Наук 1865, т. VIII, стр. 176—179). Прибытие его в Рим, куда он приехал вместе с возвращавшимся из Москвы генуэзцем Паоло Чентурионе, было настоящим политическим событием: „полагали,— пишет Иовий,—что Дмитрий, как человек опытный в делах государственных и особенно сведущий в св. Писании, имеет какие-либо важные и тайные поручения, которые объявит папе на аудиенции словесно". Поэтому ему отвели прекрасное помещение, за ним очень ухаживали; папа допустил Герасимова к себе на аудиенцию и велел познакомиться с ним поближе комскому уроженцу литератору Павлу Иовию (или Джьови, как называют его некоторые, согласно итальянскому произношению его латинизованного имени; жил между 1483 и 1552 гг.). Иовий нашел, что Герасимов—человек образованный и сведущий (humanorum rerum et sacrarum literarum valde peritum) и успел получить от него много сведений о Московском

государстве, которые были записаны им и составили целую книгу, вскоре изданную. По вычислениям Михова (H. Michow. Die ältesten Karten von Russland. Ein Beitrag zur historischen Geographie, Hamburg, 1884, S. 23), Герасимов был в Риме в июне 1525 г., а в июле того же года он уже уехал обратно в Россию; тотчас же по его отъезде Иовий отдал в печать небольшую книгу—плод его бесед с Дмитрием, которая носит следующее заглавие: „Книга о посольстве Василия Великого, Государя Московского к папе Клименту VII, в которой с особой достоверностью описано положение страны, неизвестное древним, религия и обычаи народа и причины посольства. Кроме того, указывается заблуждение Страбона, Птолемея и других, писавших о географии, там, где они упоминают про Рифейские горы, которые, как положительно известно, нигде не существуют" (Roma, 1525). Книга эта имела много изданий (1537, 1545, 1551 и др.), переводилась на итальянский и немецкий языки и полностью вошла в географический труд Иовия: „Описание стран и островов, а также местностей" (Regionum et insularum atque locorum descriptiones, Basileae, 1575). „Книга о посольстве" „заключала в себе немало новых в западно-европейской литературе известий о народах на северо-востоке Европы и сведения о быте московской Руси", „более обстоятельные и полные, чем те, которые были сообщены ранее" (Е. Замысловский, Герберштейн и его историко-географические сведения о России. СПб. 1884, стр. 378). До книги Герберштейна (см.) она „справедливо почиталась самой обширной" (Гамель, стр. 177). Как показывает заглавие его первого издания, Иовий, на основании известий, сообщенных ему Герасимовым (А. И. Малеин говорит, что „кроме сообщений Герасимова Иовий не имел, повидимому, никаких других источников", но по предположению П. Пирлинга информатором Иовия был также Паоло Чентурионе), пытался оспаривать авторитет древних географов, по его мнению, плохо знакомых с территорией Восточной Европы.

Э. Вреден (Государствоведение Сансовино и всемирные реляции Ботеро. СПб. 1866, стр. 35—38) справедливо замечает о П. Иовии, что он даже „иногда не столько заботится о том, чтобы познакомить современников с государством, еще тогда мало известным в Европе, сколько увлекается желанием, простительным, впрочем, публицисту эпохи возрождения наук, поверять понятия древних о народах, населяющих описываемые им области. Это заставляет его говорить о скифах, готах, гипербореях и даже о баснословных пигмеях... и повсюду удерживать древние классические названия". Действительно, Иовий замечает, например, что „несмотря даже на неоднократные путешествия, в этой стране [Московии] не найдено никаких гор; поэтому большинство из занимавшихся древней космографией признает совершенно баснословными горы, которые столько раз прославляли древние". Несмотря, однако, на русского осве-

домителя, Иовий все же не мог уйти вполне из-под власти античного географического авторитета. Хотя понаслышке, Иовию уже известен Китай (Kathayum) „славнейшее государство на краю восточного океана“, известно, что на востоке Московии „весьма широкие и пустынные местности вплоть до Китая“ занимают „татары“, но в его известиях немало баснословного, особенно в том, что касается стран, лежащих на отдаленном севере России и северо-востоке от нее. Так, вероятно, о самоедах он сообщает следующее, отчасти на основании античных сказаний (впрочем, по предположению Замысловского, Герберштейн, стр. 69 прим., вероятный источник этого рассказа—эпизод из русской редакции „Александрии“ в изложении Герасимова): „Некоторые свидетели выдающейся достоверности сообщили, что за лапландцами, в стране, овеваемой дуновеньем Кора и Аквилона [северные ветры] и окутанной глубоким мраком, живут пигмеи. Когда они достигают полного развития, то своими размерами едва превосходят нашего десятилетнего мальчика. Это люди от природы боязливые; свою речь они выражают щебетаньем; они, повидимому, настолько близки к обезьяне, насколько по своему росту и чувствованиям далеки от человека надлежащего развития. С севера же власти московитов повинуются бесчисленные народы, которые простираются до Скифского океана на расстоянии почти трехмесячного пути“.

Книга Иовия восторженно принята была современниками. „Перечитывая твой тщательный труд о Московии, я начал верить в иные миры Демокрита“,—пишет Иовию в латинском посвятительном стихотворении один из его друзей (П. Курсий), и это подтверждает, что в ней было чрезвычайно много нового для своего времени. Ее часто цитировали в ученых сочинениях, на Иовия ссылались как на авторитет. Интересно отметить, что еще в 1557 г. книга Иовия была переработана и несколько дополнена неизвестным автором, в котором одно время хотели видеть венецианца Марко Фоскарини: «Relazione dell Imperio di Moscovia» (см. А. Ясинский. „Донесение о Московии Марка Фоскарини“. Киевские „Университетские известия“ 1889, № 6; перевод «Relazione» сделан Вл. Огородниковым в „Чтениях в Общ. Ист. Др.“ 1913, II: „Донесение о Московии 2-ой половины XVI в.“; здесь же в предисловии разобран вопрос об авторе их, но ошибочно указана дата первого издания книги Иовия; оно вышло не в 1537, а в 1525 г.). Сочинение Иовия было известно также в рукописных копиях. Между прочим А. Тургенев в «Hist. Russ. Monumenta» t. I, p. 131, CXXVII, под заглавием «Frammento» напечатал отрывок из сочинения Иовия по рукописи из бумаг д'Альбертранди, не подозревая об авторе, и его цитировали, как произведение неизвестного автора. Иовию принадлежит еще одна статья, касающаяся России—краткая биография в. к. Василия Ивановича («Basilius, Moscoviae Princeps»),

помещенная в «Vitae illustrium virorum», Basileae 1578, p. 313—315. По словам Пирлинга, эта статья написана Иовием в старости, когда он жил на покое в Комо, где находился привезенный Герасимовым из России портрет Василия Ивановича (см. P. Pierling, L'Italie et la Russie au XVI s., p. 125—127). Первое издание „Книги о посольстве" перепечатал в своей работе H. Michow (op. cit., S. 73—91), в виду его большой редкости, а также и потому, что оно может служить лучшим комментарием к изданной им карте Баттисты Аньезе. Нижеследующий отрывок мы приводим по русскому переводу А. И. Малеина, напечатанному в приложении к изданию: бар. Сигизмунд Герберштейн. Записки о московитских делах. СПб. 1908, стр. 261—262.

В Устюг жители Пермии, Печоры (Pecerri), Югрии (Jnugri), Вогулии (Vgulici), Пинежане (Pinnagi) и другие более отдаленные народы привозят драгоценные меха куниц, соболей, волков, рысей (seruariorum) и черных и белых лисиц и обменивают их на разного рода товары. Наиболее превосходны собольи меха с гладкой шерстью и легкой проседью, они служат ныне для подкладки царского одеяния и для защиты нежных шей знатных женщин, воспроизводя собой как бы облик живого зверька. Такие меха доставляются жителями Пермии и Печоры, но они сами получают их, передавая из рук в руки, от еще более отдаленных народов, живущих у океана. Жители Пермии и Печоры незадолго до нашего времени, наподобие язычников, приносили жертвы идолам, теперь же они чтут господа Христа. До югричей и вогуличей надо добираться через крутые горы, которые в древности, вероятно, назывались Гиперборейскими. На вершинах их ловят самых превосходных соколов. Одна порода их—белая, с пятнистыми перьями; она называется Геродий (Herodium). Водятся там и гиерофальконы, враги, цаплей и соколы священные и перелетные, которых не знала даже роскошь древних государей, занимавшихся птицеловством. Выше только что названных мною народов, которые платят дань московитским царям, есть другие отдаленные племена людей, неизвестные московитам из какого-либо определенного путешествия, так как никто не доходил до океана: о них знают только по слухам, да еще из баснословных по большей части рассказов купцов. Однако, достаточно хорошо известно, что Двина, увлекая бесчисленные реки, несется в стремительном течении к Северу, и что море там имеет такое огромное протяжение, что, по весьма вероятному предположению, держась правого берега, оттуда можно добраться на кораблях до страны Китая, если в промежутке не встретится какой-нибудь земли.

ПРИМЕЧАНИЯ

Жители Пермии] Пермией в начале XVI в. называлась область верхнего течения Камы, вплоть до р. Вычегды. О пермяках П. Иовия см. замечания St. Sommier, Un estate in Siberia fra ostiacchi, samoiedi, sirieni etc. Firenze, 1885, p. 196.

Печоры] Pecerri. Интересно отметить, что Печору, как племенное название, знает и русская летопись. Кастрен (Ethnologische Vorlesungen, S. 190), а за ним и Н. П. Барсов (Очерки русской историч. географии. География начальной летописи, Варшава, 1873, стр. 49) полагают, что под печорами летописи следует понимать «часть зырян, жившую к северу от Перми по Вычегде и до реки Печоры». Возможно, что под пермяками Иовий понимал не только предков позднейших пермяков, но и соседей их—зырян.

Югрии]. У Иовия, вероятно, вследствие опечатки, стоит Inugrii вм. Iugrii. См. выше (стр. 70—71).

Вогулии] Vgulici. «По данным наших летописей и актов,— замечает Е. Замысловский (Герберштейн, стр. 418),—вогуличи, заметно выступающие на историческое поприще только в XV в., обитали в это время в области, которая граничила с землями «Вятскою, Пермскою и Угорскою, по обоим склонам Уральских гор, в области р. Оби». Столь широкое расселение вогулов действительно засвидетельствовано многими источниками (П. Кеппен. Хронологический указатель материалов для истории инородцев Европейской России, СПб. 1861, стр. 64—68; Патканов. Статистические данные, показывающие племенной состав Сибири, язык и роды инородцев. СПб. 1912, стр. 41). Это финское племя, представляющее собою вместе с родственными им остяками остаток народа—угров или югров (A. Schlözer, Нестор. Russische Annalen, 1805 II, S. 344—345; J. H. Müller Der ugrische Volkstamm. Berl. 1839 II, S. 109; Д. П. Европеус. Ж. М. Н. Пр. 1868, ч. CXXXIX, стр. 339; В. Павловский. Вогулы, Казань, 1907, стр. 6—7) под именем вогулов появляется в документах не ранее к. XIV в.: под годом смерти Стефана Пермского (1396) между инородцами, жившими ок. Перми, упоминаются гогуличи, т. е. вогулы (П. Кеппен, стр. 65); в выписке, приведенной Карамзиным из сибирских летописцев, говорится, что князь Ивак или Он, из ногайцев, управлял многими татарами, остяками и вогулами (Ист. Гос. Росс., т. IX, прим. 644). По Лербергу, они получили свое название от зырян (Wagol), либо от реки Вогулья (приток Оби) или Вогулки (приток Чусовой) (Untersuchungen z. Erläuterung d. älteren Geschichte Russlands, St.-Petersb. 1816, S. 22), нужно думать, однако, наоборот, что указанные реки названы были по их обитателям. Правдоподобна догадка, что слово «вогул» перешло к русским от зырян, которые называют их «вогул или логул», т. е. «презренными, злыми, ненавистными» (Л. Кориков. Сосьвинские и ляпинские вогулы Березовского округа. Тюмень, 1898, стр. 4). Сами вогулы называют себя маньси.

Пинежане] Pinnagii. Вероятно, имеются в виду жители р. Пинеги, правого притока Двины.

Отдаленные народы привозят драгоценные меха]. «Вопреки мнению некоторых исследователей, считающих Пермский край в древнее время бедным пушными ценными зверями (так, напр., Трапезников. Очерк истории Приуралья и Прикамья в эпоху закрепощения XV—XVI вв. «Изв. Арханг. Общ. Изучения Русского Севера» 1911, № 12—15), различные факты говорят иное»,—замечает М. А. Лебедев («Пермь Великая», Исторические Очерки. Ж. М. Н. Пр. 1917, № 11—12, стр. 140—142) и цитирует прежде всего приводимое у нас место из книги Иовия, где последний говорит об Устюжской ярмарке, куда привозятся все меха. Другими исследователями уже собран материал, подтверждающий, что

«в половине XVI в. этот край был еще богат соболями, куницами, бобрами, лисицами, оленями, лосями, не говоря уже о медведях, волках, белках» (И. Н. Смирнов. Пермяки. Казань, 1891, стр. 179). См. выше, стр. 73.

Через крутые горы, которые в древности, вероятно, назывались Гиперборейскими]. Имеется в виду Урал. О происхождении названия Гиперборейские горы см. выше (стр. 28 и 73). Это указание Иовия интересно тем, что оно подтверждает местопребывание югричей и вогуличей на восточных склонах Уральского хребта.

Называется героди́й]. «Белый сокол, называемый Иовием Herodium,— замечает Е. Замысловский (Герберштейн, стр. 280—282),—есть, очевидно, наиболее замечательный из соколиной породы вид, известный у нас под именем кречета (falco gyrfalco, candicans)». Мейерберг замечает: «Et hierofalchos accerimos ardearum hostes, a Russis Kretzet nuncupatos». (Чтения в Общ. Ист. Др. 1874, IV, стр. 159). «Сопоставляя это замечание со словами Иовия, мы имеем право заключить, что в XVI—XVII вв. русские называли кречетами оба весьма близкие друг к другу вида Herodium и Hierofalco. На основании определений Палласа (Zoogeographia rosso-asiatica I, 325) фразу «соколы... священные и перелетные» Замысловский предлагает перевести: «соколы балабаны и сапсаны». В венгерских хрониках указывается, что в «скифских горах» водятся птицы legisfalk или legerfalk, «которые по-венгерски называются Kerecheth». Если в слове legerfalk можно видеть эмендацию Jegerfalk, то, с другой стороны, принимая объяснение Вамбери, этимологизирующего слово «кречет» из тюркск. яз., можно вместе с Гомбоцом полагать, что венгерское «kerechet» есть заимствование из русского языка; в доказательство того, что сокола в средние века транспортировались из Приуралья в другие страны и что именно благодаря этому слово «кречет» было усвоено венгерцами от русских продавцов ловчих птиц, Гомбоц ссылается на Марко Поло («Ung. Jahrb.» VII, 1928; S. 444; сл. у нас выше, стр. 39—40). Слово «girifalco» было хорошо известно в итальянской литературе: им пользовались, кроме М. Поло и П. Иовия, Боккачьо, Саккетти и Ариосто (Vocabolario degli Accademici della Crusca[5], Firenze 1907, VII, 281); в итальянский язык оно попало, вероятно, из французского, girfale, gerfaut, а в последний из древне-верхне-немецкого. Littré (Dictionnaire de la langue française, II, 1876, p. 1866) этимологизирует его из giri-Geier и Falke.

Рис. 13. Белый сокол
(Деталь карты Олая Магнуса, 1539 г.)

Роскошь древних государей, занимавшихся птицеловством] см. выше примечание к словам М. Поло: «когда великому хану понадобятся такие соколы».

Есть другие отдаленные племена людей]. Иовий имел в виду, главным образом, описание Московии, поэтому сведения о живущих в соседстве с этим государством народах почти совсем отсутствуют в его книге. Впрочем, и рус-

ским они были еще, в общем, известны мало. Любопытно, что в книге епископа Венского Иоганна Фабра, написанной почти одновременно с книгой Иовия («Ad sereniss. Principem Fernandum, Archiducem Austriae, Moscovitarum juxta mare Glaciale religio, Basileae, 1526), на основании известий, сообщенных ему русскими послами в Вене в 1525 г. Ив. Засекиным и С. Б. Трофимовым, об инородцах севера сказано: «в числе подданных московского государя есть и такие, которые ни вина, ни хлеба не употребляют и не имеют их, а питаются, как звери, одним мясом животных. Этот, похожий на татар, неизвестный и совершенно дикий народ живет близ Татарии, в лесах, на берегу Ледовитого моря» («Отеч. Записки» 1826, ч. XXV).

О них знают только по слухам]. В дополнениях к рассказу Иовия неизвестного автора «Relazione» (см. введение к настоящему тексту) прибавлены следующие известия: «кроме вышеперечисленных [народов], есть там еще иные народы, с которыми трудно познакомиться во время путешествия по этой стране. О них ходят баснословные рассказы, несмотря на то, что нет возможности побывать в их пределах. У океана, как рассказывают, живет какой-то народ, который большую часть [времени] проводит в воде и питается исключительно сырой рыбой. Эти люди, подобно рыбам, покрыты чешуею и вместо [членораздельной] речи издают какой-то свист. Одного из таких я сам видел в Нормандии, как [впрочем] видели и многие другие; поэтому я и могу утверждать, что он похож на чудовище: таким я вам и описываю его. Есть там также сетрипоны (Setriponi), народ зверский и свирепый. Они совсем лишены способности членораздельной речи и цивилизации и едят в сыром виде пойманных ими людей. Они живут среди неприступных гор и дремучих лесов, куда они скрываются, когда на них нападают. Одеваются они в шкуры медведей и других зверей. У них свирепое лицо, распущенные волосы, пронзительный и невнятный голос. Увидев что-нибудь необыкновенное, они страшно мычат. Я видел одного из них [пойманного] живым и привезенного в Норвегию (Orbegia, Norvegia); он всех удивил и поразил. Кажется, он был молод; лет двадцати, ростом 20 футов, весь в волосах, большие и красные глаза. Он наводил страх и ужас на тех, кто на него пристально смотрел. В конце концов, в нем было больше звериного, чем человеческого» (В. Огородников. Донесение о Московии второй половины XVI в. «Чтения» 1913, II, стр. 19). Для анализа этого рассказа см. материалы, приведенные выше (Плано Карпини, стр. 12—13; Рубрук, стр. 19—20) и ниже (Герберштейн и Рич. Джонсон). Известие о народе, «который большую часть времени живет в воде», находит себе аналогию в рассказе русской статьи XV в. «О человецех незнаемых во восточной стране» о самояди, которая «Линная словет: лете месяц живут в море, а на сухе не живут того деля: того месяца, понеже тело в них трескается и они тот месяц в воде лежат и на берег не могут вылезти» (А. Титов. Сибирь в XVII веке. Сборник старинных русских статей о Сибири и прилежащих к ней землях. М. 1890, стр. 4); в основе этой легенды лежат, вероятно, темные слухи о моржах или тюленях. Старинные русские источники знают также мохнатых и волосатых людей севера, что можно объяснить характерной меховой одеждой самоедов: «В той же стране, за теми людьми, над морем, есть иная самоедь: по пуп люди мохнаты до долу, а от пупа вверх — как и прочии человеци» (А. Титов, op. cit., стр. 5); сетрипоны — не серпоновцы ли это Герберштейна?

Можно добраться на кораблях до страны Китая]. H. Michow (Die ältesten Karten von Russland, Hamb. 1884, S. 29—30) обращает внимание на то, что Иовий высказал здесь гораздо более правильное предположение, чем Герберштейн, который был введен в заблуждение рассказами о том, что р. Обь вытекает из «Китайского озера». У Рамузио (Navigationi e viaggi, приведено у Гамеля, Tradescant der ältere, S. 118) мы находим указание, что некий русский показывал одному ученому в Аугсбурге карту для того, чтобы доказать, что Ледовитым морем, вероятно, можно достигнуть до Индии. Этот «русский» был, вероятно, Дмитрий

Герасимов, один из информаторов П. Иовия, бывший в Аугсбурге до своего пребывания в Риме в 1525 г. или же на обратном пути оттуда (ср. Peschel, Geschichte der Erdkunde, S. 288). Возможно, что помимо Герасимова о предполагаемых дорогах из Московии в «Китай» Иовию рассказывал также Поало Чентурионе, автор знаменитого проекта об устройстве регулярной торговли между Западной Европой и Восточной Азией через Московию (Об этом проекте см. G. Coen, Le grandi strade del commercio internationale, proposte fino dal secolo XVI, Livorno, 1888, p. p. 100—128; 205—208, P. Pierling, La Russie et le St. Siége. Paris 1896 I, p. 276 sq.; Ch. la de Ronciére, Histoire de la marine française, t. III, Paris 1906, p. 257). Во всяком случае, указание Иовия оказало несомненное влияние на поиски так называемого «северо-восточного морского пути» в Китай, мимо северных берегов Сибири. Из одного документа, открытого Госселэном, видно, что в 1522 году генуэзец Гаспар Чентурионе отправился было на корабле из Италии «в Индию» через Прибалтику, как предполагают для того, чтобы подтвердить предположения Паоло Чентурионе, но был задержан в Нормандии (E. Gosselin. Documents authentiques et inèdits pour servir a l'histoire de la marine normande, Rouen 1874, p. 36—40, 77); La Ronciére (op. cit., III, p. 245—246, 258—260) склонен в беседах того же Гаспара Чентурионе с Джиованни Верацано в 1523 году видеть источник замысла последнего отправиться на поиски морского пути в Индию и Китай («Cathay»), куда он должен был плыть северо-восточной дорогой (так полагает, помимо La Roncière, также и L. Delavaud. Les français dans le Nord. Sociéte Normande de Géographie. Bulletin de l'année 1911, t. XXXI, Rouen, p. 39—40). В 1527 г. англичанин Роберт Торн предлагал французск. королю Генриху VIII «снарядить экспедицию на север с тем чтобы она, достигнув большой широты, повернула на восток и, огибая Татарию, Китай, Малакку и Ост-Индию, добралась до мыса Доброй Надежды и оттуда—в Европу, т. е. объехала вокруг света». Предполагают, что Торн руководствовался в своем плане именно книгой Иовия, точнее—указанным местом ее (М. С. Боднарский. Великий северный морской путь. Историко-географический очерк открытия северо-восточного прохода. М. 1926, стр. 11—12). Интересно, что еще в конце XVI в. на Иовия несколько раз ссылается Б. Мушерон в своей инструкции голландским мореплавателям в северные страны (см. Reizen Naar Het Norden door Jan Linschoten. 1594—1595, uitgegeven door. S. P. L' Honoré Naber, 's Gravenhage, 1914, Bijlage VI, p. 234—235; p. LXXV). Неизвестный автор «Донесения о Московии» во 2-ой половине XVI в., упоминая о мнении П. Иовия, добавляет явно недостоверное известие о том, что Иван Грозный назначил большие награды для открытия этого водного пути. Хотя еще и Карамзин (т. IX, прим. 648) сообщает, что московское правительство в лице Ивана Грозного послало в 1567 г. Ивашку Петрова с Бурнашем Ялычевым разведать о китайском царстве, и что они вывезли описание своего путешествия, но как доказывают позднейшие исследования, «Карамзин был введен в заблуждение составителями хронографов, которые ошибочно приписали описание путешествия Петлина, совершенное им в 1618 году, Петрову, с указанием на 1567 год» (Б. Г. Курц. Русско-китайские сношения в XVI и XVII вв. Харьков, 1929, стр. 20—22). Достоверных данных о попытках русских сноситься с Китаем в XVI в. мы не имеем, однако уже в половине XVI в. русские имели возможность вести торговлю с китайскими караванами в Бухаре (Б. Г. Курц. Сочинение Кильбургера о русской торговле. Киев, 1915, стр. 364—365), а может быть отваживались проникать и дальше на восток, что подтверждает ускользавшее от русских исследователей свидетельство португальского пирата Пинто 1543 г. (см. о нем ниже: Кильбургер).

X. СИГИЗМУНД ГЕРБЕРШТЕЙН | SIGISMUND HERBERSTEIN

(1549)

Автор знаменитой книги „Записки о московских делах“, барон Сигизмунд Герберштейн (1486—1566) (Herberstain, Herberstein) в качестве посла имп. Максимилиана ездил в Россию дважды: в 1516—1518 и в 1526—1527 гг. В первый свой приезд в Москву Герберштейн и собрал наиболее важные сведения, вошедшие в его книгу. Однако, она смогла выйти в свет не скоро: в 1546 году сделаны были для нее некоторые рисунки; годы 1546—1548 были временем наиболее усиленной работы над книгой, наконец, в 1549 г. она появилась. „Можно представить себе,—замечает Неринг,—как тяжело было автору ждать так долго с опубликованием своих наблюдений о России, тем более, что некоторые авторы опередили его с публикацией данных об этой до тех пор совершенно неизвестной стране и использовали в них многие из его наблюдений. Но, верный своему долгу и ревностный к исполнению своих обязанностей, Герберштейн был занят, прежде всего, службой [он объехал почти всю Европу, выполняя различные дипломатические поручения], и ему было уже 63 года, когда он мог, наконец, выпустить свои „Записки“ в свет“ (A. Nehring. Über Herberstain und Hirsfogel, Berl. 1897, S. 11).

Следует, однако, отметить, что хотя со дня от его первого пребывания в России и до опубликования сочинения прошло много времени и что в Европе, действительно, появились некоторые сочинения о Московском государстве (Иовий, Фабр, Меховский, Мюнстер), но собранные им данные были так обширны, что, казалось, слишком долгая работа над книгой нисколько не лишила ее свежести, и она могла выдержать соперничество не только с предшествующими изложениями того же вопроса, но и со многими последующими, составив эпоху в изучении иностранцами России. „Хотя многие,—говорит сам автор,—писали о Московии, однако, большая часть их писана по чужим рассказам: из древнейших Николай Кузанский, а в наше время Павел Иовий (которого я называю по причине его чрезвычайной учености и любви ко мне) писал

весьма изящно и с великою верностью, ибо он пользовался толкователем весьма сведущим—interpreto locupletissimo (имеется в виду Дм. Герасимов), также Иоганн Фабр и Антоний Вид, оставивший карты и записки. Некоторые же, не имея целью описывать Московию, касались ее при описании стран, ближайших к ней, таковы Олай Гот в описании Швеции, Матвей Меховский, Альберт Кампенский и Мюнстер" (Обзор сочинений иностранных писателей о России с XV в. до первого издания „Записок о Московии" см. Е. Замысловский. Бар. Герберштейн „Древняя и Новая Россия" 1880, № 9, стр. 320—327; его же, Себастьян Мюнстер „Журн. Мин. Нар. Просвещ." 1880, № 9, стр. 69, 71, 76—78). От всех названных писателей Герберштейн отличался прежде всего тем, что он хорошо знал русский язык, легло овладев им благодаря знанию славянских диалектов Австрии, и смог поместить в свое сочинение в переводе довольно значительные отрывки из русских летописей, из правил митроп. Иоанна (XI в.), из „Вопрощания" черноризца Кирика (XII в.), из Судебника Иоанна III и других памятников древне-русской литературы; это же знание русского языка весьма пригодилось ему при собирании в Москве географических сведений устным путем. Наконец, по своей обстоятельности и объему сочинение Герберштейна значительно превосходит все, ему предшествовавшие, т. к. помимо описания путешествия самого посольства и приема, оказанного ему в Москве, Герберштейн постарался дать возможно более полную картину жизни Московского государства, описав не только посещенные им самим местности, но также и его окраины и пограничные с ним страны. В числе последних Герберштейном описана и Сибирь, в которую вскоре должна была направиться русская колонизация. Источниками Герберштейна при характеристике Сибири были расспросные сведения, собранные в Москве, а в особенности „Русский дорожник" конца XV или 1-й половины XVI века, недошедший до нас в русском оригинале и сохранившийся только в тех извлечениях, какие Герберштейн в переводе поместил в своей книге. В нем содержалось описание путей на Печору, в Югру и

Рис. 14. Портрет Герберштейна (Из «Gratae posteritati» Vienna, 1560)

к реке Оби, т. е. к областям еще совершенно неизвестным западному миру. К описанию стран, лежащих на северо-восток от Московии, Герберштейн поэтому отнесся с большим интересом и вниманием; однако, сообщенные им данные и выписки не вполне ясны и определенны; занося их в свою книгу с некоторым недоверием, Герберштейн все же не решился совсем опровергнуть даже те из них (как, напр., басню о жителях Лукоморья), которые казались ему особенно невероятными. Очевидно, эти неточности и неясности были и в „Русском дорожнике", которым он пользовался, т. к. русские еще только начинали знакомиться с долиной р. Оби и сопредельными с ней областями (Е. Замысловский. Герберштейн и его историко-географические сведения о России. СПб. 1884, стр. 434). Самое территориальное приуроченье Сибири кажется не вполне ясным и возбуждает ряд вопросов. О Сибири (Prouincia Sibier) Герберштейн упоминает вслед за Югорией. „Эта область лежит за Камою, граничит с Пермью и Вяткой, но имеет ли какие-нибудь крепости и города,—пишет он,—наверное не знаю. В ней берет начало река Яик, которая впадает в Каспийское море. Говорят, что эта страна пустынна, по причине близкого соседства с татарами, а теми частями ее, которые обработаны, владеет татарин Шихмамай. Жители ее имеют собственный язык; их главный промысел—добывание беличьих мехов, которые больше и красивее, чем в других странах". По мнению Е. Замысловского (op. cit., стр. 439), эти известия указывают на то, что „под именем Сибири в первой половине XVI века разумели область приуральскую, а упоминание о ней вслед за Югорией дозволяет предполагать, что по соседству с нею, именно к югу от нее, лежала та обширная область, которой русские в это время присваивали название Сибири. На основании тех же известий можно думать, что эта область, по первоначальному о ней представлению, занимала пространство несравненно более значительное, чем то, которое занимало сибирское царство". В. О. Ключевский приходил к несколько иным заключениям. По его мнению, та область, которую Герберштейн называет Сибирью и помещает и в текст своей книги и на приложенную к ней карту, лежала „в области верхнего Яика по обе стороны южных Уральских гор, т. е. в нынешней Оренбургской губернии, в том крае, который еще в первой половине XVII в. известен был в Москве под именем Башкирии" (Сказания иностранцев о Московском государстве, изд. 3-е, Петр. 1918, стр. 35). Но Герберштейн описывает также области, которые лежат на север и восток от той, которую он называет Сибирью и которые входят в состав собственно Сибири по современной географической номенклатуре. Так, на основании „Русского дорожника" Герберштейн описывает путь по северному Уралу в Югорию, в города Jerom, под которым следует, вероятно, понимать г. Верхо-

турье, Тюмень и далее до Иртыша и Оби. Громадное значение для западной географической литературы и картографии имело указание Герберштейном „Китайского озера“, из которого, якобы, истекала река Обь: в европейской литературе о Сибири и на посвященных ей картах оно фигурировало до конца XVII века. Догадки исследователей относительно происхождения этого названия и о том, какое озеро здесь могло иметься в виду, сгруппированы в примечаниях к тексту помещаемого ниже перевода. Ряд других географических имен, называемых Герберштейном, также вызывает сомнения и споры; таково, например, загадочное имя реки Tachnin, в которой Замысловский хотел видеть „реку плавежную Ташму“, текущую „из Томского города в киргисскую землю“, а Витсен полагал, что это одно из названий Енисея; но не подлежит спору, что географические сведения, сообщенные Герберштейном о нынешней Сибири, отличаются замечательной для своего времени полнотой и точностью и имеют громадный исторический интерес. Не менее любопытны этнографические данные. Грустинцы, в которых Лерберг склонен был видеть гаустинцев, описанных Страленбергом в 20-х гг. XVIII века, описание ежегодной смерти и оживания жителей Лукоморья, т. е. северной приморской полосы до р. Оби, находящее себе соответствие и в древне-русских сказаниях о „дивьих людях“ крайнего севера и допускающее весьма удовлетворительное объяснение с современной точки зрения (см. ниже примечания к переводу), наконец, описание идола „Золотой бабы“ и „немого торга“ между грустинцами и лукоморцами, засвидетельствованного также в ряде других источников и несомненно некогда существовавшего в действительности,—все это говорит о богатстве и выдающейся ценности известий Герберштейна.

„Классический труд Герберштейна,—пишет Середонин,—достойным образом завершает первую эпоху иностранных описаний Московского государства. Этим трудом географическое положение Московского государства настолько было выяснено в западной литературе, что позднейшие иностранные писатели останавливались по преимуществу на условиях политической и общественной жизни русского народа“ (Флетчер, стр. 109), т. к. составилось уже довольно полное представление как о природе страны, ее климате, почве, реках, городах, так и о ее жителях.

Выдающееся значение книги Герберштейна давно понято русской наукой. Первый русский перевод ее был сделан переводчиком Академии Наук К. А. Кондратовичем еще в половине XVIII века (1748), но остался ненапечатанным, а новый перевод мог появиться лишь столетие спустя (см. П. Билярский. О первом опыте перевода Герберштейна на русский язык. „Записки Акад. Наук“ 1864, т. IV, стр. 98—100. Ср. Г. Геннади. Записки Гербер-

штейна на русском языке. Временник М. Общ. Ист. Древн., 1855, стр. 9—12; М. Прахов. Об издании Герберштейна с русским переводом и объяснениями. „Зап. Ак. Наук". 1864, IV, стр. 245—264).

Из существующих русских изданий Герберштейна лучшим является следующее: „Записки о московских делах, с приложением книги о московском посольстве Павла Иовия Новокомского. Введение, перевод и примечания А. И. Малеина". СПб., 1908; помещаемый ниже отрывок взят из этого издания (стр. 129—131). Ему предшествовали: „Записки о московском быте. Сочинение Сигизмунда бар. Герберштейна Ред. латинского текста по базельскому изданию 1556 г. Варианты, примечания и указатель студ. Анонимова". Приложение к „Сборнику, издаваемому студентами Петербургского университета", СПб. 1857, вып. I, II. В I выпуске этого сборника помещено сочинение Корелкина, Григоровича и Новикова: „С. бар. Герберштейн, его жизнь и значение, как писателя о России", стр. 1—102; Записки о Московии бар. Герберштейна, с латинск. перевел Анонимов. СПб. 1866. Указатель русской и иностранной литературы о Герберштейне вплоть до нового комментированного издания: Moscovia. Rerum moscovitarum Commentarii. Übertr. von W. v. d. Steinen. Eingeleitet von Hans Cauders (Erlangen, 1926), дает книга В. А. Кордта. Чужоземні подорожні по схидній Европі, Київ, 1926, стр. 22—23. Всех изданий и переводов „Записок"—латинских, немецких, итальянских, голландских, английских, чешских и русских насчитывается свыше 35; важнейшие иностранные издания зарегистрированы у Аделунга, Krit.-Lit. Übersicht, S. 317—369; Лобойко. О важнейших изданиях Герберштейна с критическим обозрением их содержания. СПб. 1818; „Соревнователь Просвещения" 1818, т. II, стр. 123 сл., 228 сл. F. Krones, Sigmund v. Herberstein. „Mitteilungen des Hist. Vereins für Steiermark", Heft, 19, Graz, 1871, S. 63—72; Библиотека Д. В. Ульянинского, т. III, М. 1915, стр. 1489—1494 и 1548—1549. Лучшими из оригинальных изданий считаются венское латинское 1551 г. и особенно два следующих: базельское латинское 1556 г., исправленное и дополненное автором, и венское немецкое 1557 г., представляющее собственный перевод автора. Лучшим трудом по анализу историко-географических известий Герберштейна является названная выше книга Е. Замысловского (СПб. 1884). См. еще: А. П. Ерюхин. Историко-географические известия о севере Московского государства в XVI ст., заключающиеся в „Записках о Московии" Герберштейна (Труды Архангельского Губ. Статистического комитета за 1890 год, Архангельск, 1891, стр. 1—29: автор касается „только тех известий Герберштейна, которые непосредственно относятся к северу, прибрежьям Белого моря и Ледовитого океана, в пределах Европейской России и области Северной Двины"). А. Е. Ельницкий. Герберштейн. „Русский Биографич. Словарь", том: „Герберский — Гогенлоэ".

П. 1916, стр. 1—9. Для полноты библиографии укажем еще, что под 1549 г. отрывок из сочинения Герберштейна помещает И. Щеглов (Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири; Ирк. 1883, стр. 14—15).

В 1560 г. в Вене, у Р. Гофхальтера, вышла в свет „Автобиография“ Герберштейна под заглавием: Gratae posteritati Sigismundus Liber Baro. Viennae Austriae, excudebat Raphael Hofhalter M. D. L. X. В этом редчайшем издании находится пять гравированных портретов Герберштейна в различных одеждах, а также его оригинальные рисунки. Помещенный у нас на рис. 14 портрет Герберштейна взят

Рис. 15. Русская тройка
(Из «Gratae posteritati» Vienna, 1560)

из этой книги (по перепечатке Дж. Бэддели из экземпляра Британского музея в Лондоне). Надпись гласит: «Sigis [mundus] Frei [herr] zu Herber [stain] und Gvetnhag. Aeta[tis] LXI», т. е. „Сигизмунд, барон Герберштейнский и Гютенгагский, в возрасте 61 года“. Автобиография Герберштейна перепечатана Караяном в «Fontes rerum Austriacarum Scriptores» I, p. 69—396.

ПУТИ ИЗ МОСКОВИИ В СИБИРЬ

(Из «Записок о московитских делах»)

Оставив Сосву справа, можно добраться до реки Оби, которая начинается из Китайского озера. Через эту реку они едва могли переправиться в один день, да и то при скорой езде: ширина ее до такой степени велика, что простирается почти до восьмидесяти верст. И по ней также живут народ вогуличи и

югричи (Ugritzchi). Если подниматься от Обской крепости по реке Оби до устьев реки Иртыша, в который впадает Сосва, то это составит три месяца пути. В этих местах находятся две крепости: Ером (Jerom) и Тюмень, которыми управляют властелины, князья Югорские, платящие (как говорят) дань великому князю московскому. Там имеется много животных и превеликое множество мехов.

Рис. 16. Деталь карты Герберштейна
(из изд. «Записок», 1549 г.)

От устьев реки Иртыша до крепости Грустины два месяца пути, отсюда до Китайского озера по реке Оби, которая, как я сказал, имеет в этом озере свои истоки,—более чем три месяца пути. От этого озера приходят в весьма большом количестве черные люди, не владеющие общепонятной речью, и приносят с собою разнообразные товары, прежде всего жемчуга и драгоценные камни, которые покупают народы грустинцы и серпоновцы. Эти последние получили имя от крепости Серпонова, лежащей в Лукоморье на горах за рекою Обью. С людьми же Лукоморья (Lukomorya), как говорят, случается нечто удивительное, невероятное и весьма похожее на басню; именно говорят, будто каждый год, и притом в определенный день XXVII ноября, который у

русских посвящен св. Георгию, они умирают, а на следующую весну, чаще всего к XXIV апреля, наподобие лягушек, оживают снова. Народы грустинцы и серпоновцы (жители городов Grustina и Serponovu) ведут с ними необыкновенную и неизвестную в других странах торговлю. Именно, когда наступает установленное время для их умирания или засыпания, они складывают товары на определенном месте; грустинцы и серпоновцы уносят их, оставив меж тем и свои товары по справедливому обмену; если те, возвратясь опять к жизни, увидят, что их товары увезены по слишком несправедливой оценке, то требуют их снова. От этого между ними возникают весьма частые споры и войны. Вниз по реке Оби, с левой стороны, живет народ каламы, которые переселились туда из Обиовии и Погозы. Ниже Оби до Золотой старухи, где Обь впадает в океан, находятся следующие реки: Сосва (Sosva), Березва (Beresvua) и Данадим (Danadim), которые все начинаются с горы Камень Большого Пояса (ex monte Camen Bolschega Poiassa) и соединенных с нею скал. Все народы, живущие от этих рек до Золотой старухи, считаются данниками государя московского.

Золотая баба, то есть Золотая старуха, есть идол, находящийся при устье Оби, в области Обдоре, на более дальнем берегу. По берегам Оби и по соседним рекам, в окрестности, расположено повсюду много крепостей, властелины которых (как говорят) все подчинены государю московскому. Рассказывают, или выражаясь вернее, болтают, что этот идол Золотая старуха есть статуя, в виде некоей старухи, которая держит в утробе сына, и будто там уже опять виден ребенок, про которого говорят, что он ее внук. Кроме того, будто бы она там поставила некие инструменты, которые издают постоянный звук наподобие труб. Если это так, то я думаю, что это происходит от сильного непрерывного дуновения ветров в эти инструменты.

Река Коссин вытекает из Лукоморских гор; при ее устьях находится крепость Коссин, которою некогда владел князь венца (vuentza), а ныне его сыновья. Туда от истоков большой реки Коссина два месяца пути. Из истоков той же реки начинается другая река, Коссима, и, протекши через Лукоморию, впадает в большую реку Таханин, за которой, как говорят, живут люди чудовищного вида; у одних из них, наподобие зверей, все тело обросло шерстью, другие имеют собачьи головы, третьи совершенно лишены шеи и вместо головы имеют грудь. В реке Тахнине водится также некая рыба с головой, глазами, носом, ртом, руками, ногами и другими частями совершенно человеческого вида, но без всякого голоса: она, как и другие рыбы, представляет собою приятную пищу.

Все то, что я сообщил доселе, дословно переведено мною из доставленного мне „Русского дорожника". Хотя в нем, пови-

димому, и есть нечто баснословное и едва вероятное как, например, сведения о людях немых, умирающих и оживающих, о Золотой старухе, о людях чудовищного вида и о рыбе с человеческим образом, и хотя я сам также старательно расспрашивал об этом и не мог указать ничего наверное от какого-нибудь такого человека, который бы видел это собственными глазами (впрочем они утверждали на основании всеобщей молвы, что это действительно так), все же мне не хотелось опустить что-нибудь, дабы я мог доставить другим более удобный случай к разысканию сих вещей. Поэтому я воспроизвел и те же названия местностей, которыми они именуются у русских.

ПРИМЕЧАНИЯ

Оставив Сосву справа] Sossa. «Здесь это может быть р. Сосва, которую Штукенберг принимает за начало р. Тавды, впадающей в Тобол»,—замечает Е. Замысловский (Герберштейн и его историко-географические известия о России, СПб. 1884, стр. 150, прим. 10).

Выше Герберштейн описывает перевал через Урал и упоминает реки Щугор (Stzuchogora), Artavuischa (м. б. р. Тавда? сл. ниже: комментарий к А. Тевэ) и Sibut, на пути к Ляпину—городку (Castrum Lepin). Под Sibut'ом не имеется ли в виду река Сыгва, приток Сосвы? (см. С. Огородников. Прибрежья Ледовитого и Белого морей с их притоками по «Книге Большого Чертежа». «Зап. И. Р. Геогр. Общ.» 1877, т. VII, стр. 28; А. Миддендорф. Путеш. на север и восток Сибири, СПб. 1860, т. I, отд. I, стр. 31—32; Ф. Н. Белявский и С. Д. Чадов. «Историч. судьбы Западной Сибири», в серии: «Россия. Полное географ. описание», под ред. В. П. Семенова-Тянь-Шанского, т. XVI, СПб. 1907, стр. 203).

Из Китайского озера]. See Chitaisko; Kitaia Lacus. Упоминание Герберштейном «Китайского озера» и помещение его на приложенной к книге карте в виде огромного озера, из которого вытекает р. Обь, было географической ошибкой, которая, однако, с тех пор прочно держалась в западно-европейской литературе и картографии, вплоть до начала XVIII века. Возможно, что представление об этом озере возникло у Герберштейна под влиянием карты Фра-Мауро (1459 г.), на которой близ озера, куда впадает fl. Amu стоит: Chatajo и Cambalech; быть может, Герберштейн воспользовался также указанием хорошо известной ему карты Ант. Вида (1542), где за Обью на Севере есть надпись: Kideisco, ниже по-русски: Китаіско, не приуроченная ни к какому определенному пункту; повидимому, она обозначает просто «китайское владение» (Л. Берг. Аральское море. Опыт физико-географической монографии. СПб. 1908, стр. 29—31). Во всяком случае, Герберштейн понимал смысл приводимого им географического названия (в другом месте книги он пишет: «Lacus Kithai—quo magnus Chan de Chattaia, quem Mosci Czar Kithaiski appellant, nomen habet») и ввел его и в текст книги и на свою карту вполне сознательно; следовательно, он располагал какими-то данными об озерах средней Азии. Было сделано много попыток объяснить причину ошибки Герберштейна и доискаться того, какое озеро он мог иметь в виду. Лерберг (Untersuchungen, S. 38—40) высказал предположение, что Китайское озеро—Телецкое озеро на Алтае; эту точку зрения поддерживал и Д. Н. Анучин («Древности». XIV, стр. 305), подчеркивавший, что из Телецкого озера вытекает река Бия, по соединении с Катунью составляющая Обь, что и дало по-

вод к их смешению. Против этого, однако, возражал А. Миддендорф (Путешествие на север и восток Сибири. СПб. 1860, ч. I, отд. I, стр. 31—32): «Лерберг,—писал он,—желая найти Герберштейновых Grustinzi на р. Томи, естественно должен был допустить, что Герберштейн под верховьями своей Оби разумел настоящую Обь, а не Иртыш. Но в таком случае Герберштейново Китайское озеро можно принимать только за Телецкое озеро. Но это мне кажется маловероятным по незначительности этого небольшого нагорного озера, из которого, притом, Обь не вытекает». По собственному предположению Миддендорфа под Китайским озером разумелось «Озеро (нор) Дзайсанг или Зайсан, называвшееся у русских китайским», из которого вытекает Иртыш, так что Герберштейн мог принимать Иртыш за верхнюю часть Оби. По мнению А. Н. Пыпина («История русской этнографии», т. IV, 1892, стр. 202—203 прим.), этому объяснению мешает только то, что у Герберштейна река Иртыш означена особо, как небольшой приток, гораздо севернее «Китайского озера» (ср. «Списки населенных мест Росс. Имп. Тобольская губ.» В. Зверинского, СПб. 1871, стр. LXI; Замысловский. Ж. М. Н. Пр. 1891, июнь, стр. 335). H. Michow, ссылаясь на А. Дженкинсона, на карте которого (1562) также фигурирует это озеро,—высказал догадку, что это—Аральское море («Die ältesten Karten von Russland, Hamb. 1884, S. 47—48). Дженкинсон заимствовал свое «Китайское озеро», вероятно, из карты Герберштейна, но во всяком случае «знал, по литературе о существовании о». Kythay; слыша в Хиве о том, что к северу находится озеро, в которое впадает «Аму» и «Сыр», он заключил, что это именно и есть Kitaia Lacus; знакомство с картой Мауро могло только убедить Дженкинсона в таком предположении» (Л. Берг. Аральское море, СПб. 1908, стр. 2). Акад. Бер (Beiträge zur Kenntniss d. Russ. Reich. XVI, 1872. S. 154), а за ним и Михов догадывались, что Дженкинсон был введен в заблуждение созвучием названий «Синее море» (как Аральское море называется в «Книге Большого Чертежа» и др.) и Sina, Tzin (Китай), но все это построение искусственно и мало правдоподобно, как потому, что «Синим морем» могло называться любое море и озеро (не только Аральское), но в особенности потому, что по справедливому замечанию В. В. Бартольда, «Дженкинсон и его современники не подозревали, что Sina и Kathay—есть синонимы» (Л. Берг, op. cit., стр. 29). Наконец, еще одну догадку, пожалуй, наиболее правдоподобную, высказал Henning («Reiseberichte über Sibirien von Herberstein bis Ides»—«Mitteilungen des Vereins für Erdkunde zu Leipzig», 1905, S. 263—265): по его мнению, «Китайское озеро»—это озеро Упса (Убса-нор) в северной Монголии. В слове «Китайское озеро» следует понимать не Китай в современном его значении, а Кара-Китай (Kara Cathay), страну черных монголов: государство кара-китаев было основано в XII столетии выходцами из северного Китая, бежавшими от нашествия чжурчженей или кин (d'Ohsson, Histoire des mongols I, p. 3) и занимало значительную часть территории от нынешнего китайского и русского Туркестана от Лоб-нора до среднего течения Сыр-Дарьи и от Хотана до Балкаша (Richthofen, China I, p. 479). Имя кара-китаев сохранялось вплоть до XVII века; оно-то, по мнению Гэннинга, и дало основание для названия озера «Китайским». С догадкой, что под «Китайским озером» Герберштейна следует понимать залив Пи-чи-ли в Китае недавно выступил J. Baddeley (Russia, Mongolia, China, Lond. 1919, vol. 1. p. LIX); это предположение, однако, представляется мне мало обоснованным.

С легкой руки Герберштейна «Китайское озеро» прочно вошло в западноевропейскую литературу: его упоминает Берберини (см. ниже), оно значится на карте Г. Меркатора (1594), на копии ее, снятой Класом Фишером (в 1651 г.), на карте Исаака Массы (1633), на копии, снятой с этой карты в к. XVII в. Аллардом, и на многих других картах вплоть до начала XVIII века. Еще Н. Витсен (1692) искал «Китайское озеро» в одном из озер, расположенных в верховьях Оби, исток которой и в его время был неизвестен и, однако, именно этому почтенному амстердамскому географу мы обязаны тем, что легенда о «Китайском озере» была устранена из специальной литературы; в отдельных случаях эта легенда могла,

впрочем, и возрождаться, особенно в популярной литературе (см. ниже: Г. Штаден), но с нею уже никто не считался, когда настоящие истоки Оби были описаны и изучены.

Ширина ее до такой степени велика]. На картах Герберштейна, приложенных к его «Запискам о Московии» 1549 и 1556 гг., где, по словам Замысловского, «нашли себе место новые в западно-европейской географической литературе гидрографические и топографические данные относительно великой реки Оби» (Герберштейн и его историко-географич. известия, стр. 518—519; его же. Чертежи Сибирских земель XVI—XVII вв. Ж. М. Н. Пр. 1891, № 6, стр. 335—336), fl. Oby «изображена рекою, имеющею более широкое русло, чем все другие... реки восточно-европейской равнины». В русских источниках реке Оби тоже придавалась раньше громадная ширина. В «Космографии», напечатанной у А. Попова (Изборник славянских и русских сочинений, внесенных в хронографы русской редакции. М. 1869, стр. 528), говорится, что «Обь—великая река, еже широта от берегу до берегу шездесят верст, а иние и больши». Барберини (см. ниже), конечно, только повторяет Герберштейна, утверждая, что «в этом царстве (Сибири) протекает всего одна река, но которая, как сказывают, чрезвычайно широка, так что с трудом можно переехать через нее в один тамошний день: называется она—Обь». «Что касается реки Оби (Ob ou Obi), в области Обдорской, которая от нее получила свое имя,—пишет еще P. Bergeron (Voyages faits principalement en Asie dans les XII, XIII, XIV et XV s., La Haye 1735 I, p. 124, в статье: «Traitè de tatares»),—то она считается одной из самых больших рек мира, хотя известия нескольких московитов эпохи царя Бориса [Годунова] утверждают, что они открыли за ней реки Енисей и Писиду, не менее, если не более, широкие, чем Обь. Эта последняя вытекает из Китайского озера в Татарии и впадает в Ледовитый океан между Вайгачским проливом и мысом Табином; некоторые считают, что она имеет только 6 рукавов, другие насчитывают их до 70-ти, хотя эти шесть могут считаться главнейшими. Ширина ее устья определяется в 80 верст или 16 польских миль; проехать же его можно с трудом в два дня; некоторые утверждают, что даже в шесть; это заставляет вспомнить одного из наших поэтов, который говорит:

> L'Ob Roi des douces eaux, l'Ob au superbe cours,
> Fleuve qu'à peine on peut traverser en six jours...»
> [Обь—царица пресных вод, с гордым течением,
> Река, которую с трудом можно переплыть в шесть дней...]

Не лишенное интереса указание делает прусский почт-директор Вагнер, сосланный в к. XVIII в. на четыре года в Мангазею и Енисейск: «Обь на языке местного населения означает Великая. Поэтому русские называют ее Великой рекой, именем, которое она заслужила во всех отношениях... Калмыки и татары зовут ее Omer, остяки же Jach». (Mèmoires de M. Wagner sur la Russie, la Sibérie et le royaume de Casan, Berne 1790, p. 186).

Вогуличи и югричи] см. выше, в примеч. к П. Иовию (стр. 94).

Обской крепости]. Obea castellum—крепостцы, острога. Штукенберг (Hydrograghie des Russischen Reiches Bd. II. S. 382) предполагает, что «Обская крепость»—нынешний Обдорск (Ср. Е. Замысловский. Герберштейн, стр. 437, прим. 21), имя которого по-зырянски значит «конец, устье» (J. J. Egli. Nomina Geographica, Leipz. 1872, S. 470). St. Sommier (Un' estate in Siberia fra Ostiacchi, Samoiedi, Sirieni etc., Firenze 1885, p. 187) обращает внимание на название Obeacas, т. е. Obea Castellum, помещенное на карте Герберштейна, приложенной к Венскому изд. «Записок» 1549 г., при впадении Сосвы в Обь, и предполагает отсюда, что Обская крепость—будущий Березов. Хр. Лопарев (Сама-

рово. Село Тобольской губ. и округа. Материалы и воспоминания. СПб. 1892, стр. 8—9) думает, что Обская крепость расположена была недалеко от Самаровского яма, учрежденного в 1637 г.: «с устройством этих ямских слобод» «старое городище» или «Обский Большой» стал приходить в забытье и наконец совсем исчез, оставив лишь одни развалины и остяцкий звук Р у ш-в а ш (русская крепость). Впрочем, по рассказу одного иностранца, «город О б с к о й г о р о д (Obscoygorodum) был впоследствии разрушен по приказанию сибирского воеводы, без указания тогда всех причин этого, однако, я подозреваю, что главной причиной был необычайно сильный холод или сравнительная близость этого города к морю, как того, с одной стороны, желали русские, а с другой, боязнь, как бы не случилось оттуда какого-либо несчастья. Поэтому, на одном острове р. Оби, в 50 приблизительно верстах (leucis) выше того разрушенного, построили город, имя которому Zergolta» (Сургут). «Russia seu Moskovia itemque Tartaria. Lugduni Batavorum 1630, p. 33». Еще до учреждения Самаровского яма, невдалеке от старинного Обского городка был построен так наз. Мансуровский городок, называвшийся иначе «Обским большим»; по мнению Х. Лопарева (op. cit., стр. 5—6; 13), еще Шлейс[illegible] (1690) упоминает Обский город, называя его: Makrobskoi (сл. ниже: Шлейсинг).

Ером]. «В названном здесь Тюмене,—говорит Л е р б е р г (Исследования... стр. 8),—без труда можно указать старинный, в 1586 г. снова русскими укрепленный и лежащий на Туре город сего имени. Но об Ероме этого сказать нельзя, ибо название это, как и многие другие в герберштейнских известиях, перепорчено; без сомнения, однако же, надобно под оным разуметь то место, которое некогда на языке тамошних жителей называлось Неромом, а теперь довольно известно под названием Верхотурья». Е. З а м ы с л о в с к и й (op. cit., стр. 437) разделяет мнение Лерберга. Не знаю, на чем основано утверждение, что «древний Нером, нынешнее Верхотурье» «у туземцев прежде называлось Еромом» («Сборник, издаваемый студентами СПб. университета, вып. 1, 1857, стр. 56). На карте Герберштейна (деталь ее воспроизведена у нас на рис. 16) вместо J e r o m стоит T e r o m. J. Baddeley (Russia, Mongolia, China, Lond. 1919, vol 1, p. LIX) полагает, что последнее название находится в связи с рекою Турою.

Крепости Грустины] см. ниже s. v. Грустинцы. Штукенберг (Hydr. d. Russ. Reich. II, S. 684) пишет: «Витсен из Дании получил сообщение, что русские поверх устья... построили городок, называвшийся Obskojgorod, который, однако, сделался пустынным и разрушился. Вверху реки лежит острог Грустино (Grustino) под 61° 31′ широты, по которому и жившие поблизости племена стали называться грустинцы». Это известие, однако, едва ли не восходит к Герберштейну.

От этого озера... приходят черные люди] «какие такие «черные люди» могли приходить оттуда (с Китайского озера) и приносить жемчуг (или раковины) и драгоценные камни?»—спрашивает Д. Н. Анучин.—«Витсен видел в них индусов, Лерберг—бухарцев; последнее более вероятно, т. к. позже, с проникновением в Сибирь русских, торговцами с юга оказались там именно бухарцы. По всей вероятности, они заходили для торговли в более раннюю эпоху, а вместе с ними иногда и индусы, которые и теперь являются нередко в Туркестан и Кульджу» («Древности», XIV, стр. 305, N. W i t s e n. Noord en Oost-Tartarye, Amsterdam, 1692, p. 579—581; L e h r b e r g. Untersuchungen, S. 38; сл. ниже: И. Балак). В согласии со своим приуроченьем «Китайского озера» к озеру Убсанор, Гэннинг (см. выше, стр. 107) остроумно предположил, что «черные люди» Герберштейна—обитатели Кара-Китая, «черные» монголы, т. е. «платящие дань». В «Moscovitisch-tartarischen Reisebeschreibung» Таландера об области, занимаемой черными монголами, говорится: «пограничная [с Китаем] страна начинается на юге, возле бухарских татар...; в том месте, где стена начинается, под нею [т. е.

с этой стороны от нее] живут черные монголы; за стеной же расположены города и страны Китая» (R. Henning, op. cit., S. 264—465).

Грустинцы и серпоновцы]. Лерберг (Untersuchungen, S. 40) в грустинцах видел гаустинцев Страленберга (Nord. und östliche Theil von Europa und Asien, Stockholm 1730, S. 187, 257), «остаток которых он нашел близ Томска живущими в хижинах; они были татары, идолопоклонники» и «евштинцев» Миллера (Sammlung Russisch. Gesch. VI, S, 523): «В сибирской истории упоминается о них при построении Томска в 1604 году. Здесь названы они еуштинцами и также показаны в числе 300 человек; и тогда еще считали они себя главнейшим народом тамошней страны». «Мнение наше, что сии еуштинцы или гаустинцы суть грустинцы подтверждается тем,—замечает Лерберг, что мы здесь находимся в такой области, которая некогда не токмо в Сибири, но и у южных азиатцев была в великой славе, по хорошему состоянию жителей оныя. Вниз от Томска приходят по Оби в Нарым. Здесь была некогда славная Пегая орда, на которую в 1592 г. по царскому повелению ходили войною казаки и вскоре после того завоевали оную». Мнение Лерберга принято и другими комментаторами Герберштейна («Сборник, издаваемый студ. СПб. университета», вып. I, 1857, стр. 57; Е. Замысловский. Герберштейн, стр. 420). О серпоновцах, однако, Лерберг не мог собрать никаких данных.

Лукоморье]. Лукоморье—морской залив. По мнению Лерберга (op. cit., S. 44) под «Лукоморскими горами» Герберштейн разумел «малый Алтай», след. грустинцы и серпоновцы посещали прибрежную страну дальнего севера. С моей точки зрения, под лукоморскими горами лучше понимать северную часть Приуралья (ср. в известном летописном рассказе Гюряты о Югре и поморской части северного Урала: «суть горы, зайдуче луку моря, им же высота аки до небесе»... Н. П. Барсов. Очерки русской историч. географии. География начальной летописи, Варшава, 1873, стр. 53). Герберштейна буквально повторяют Гваньини, А. Тевэ (см. ниже) и еще Рейтенфельс (1673), говоря об области «Лукоморье», «с которою граничат дружеские с русским народом Grustini и Serpenovci, живущие близ Китайского озера (!), из которого вытекает Обь, и которым индийцы привозят на продажу разные товары и драгоценные камни» (Чтения в О. И. Др. 1906, III, стр. 209).

Случается нечто удивительное, невероятное]. «Как ни мифичен рассказ об умирающих на зиму людях,—замечает Д. Н. Анучин,—однако его далеко перещеголяли некоторые легенды о влиянии мороза, составившиеся в средневековой литературе Запада, напр., о звуках голоса и труб, застывающих на морозе и звучащих снова после оттаиванья; о всадниках, примерзающих к седлу лошади и т. д. Вера в подобные рассказы была тогда сильно распространена». Что же касается рассказа об умирающих на зиму лукоморцах, то уже Олеарий (см. ниже) в XVII в. сделал попытку истолковать ее реалистически, объясняя ее возникновение тем, что зимой эти народы скрываются в юртах и сообщаются друг с другом ходами, вырытыми под снегом. В соответствии с таким объяснением, у Рейтенфельса (1673) эта легенда имеет следующий вид: «Лукоморцы, по образцу самоедов, спускаются зимой на жительство внутрь земли, а раннею весною снова выходят на солнечный свет и про них-то Гваньини и рассказывает, что они подобно ласточкам и лягушкам ежегодно умирают» (Чтения в Общ. Ист. Др. 1906, III, стр. 209; сл. ниже Гваньини). Голландский живописец Корнелий де Брейн, живя в Архангельске (1701) и расспрашивая о северо-восточных окраинах России, узнал кое-что о коряках (korakie) и чукчах (soegsie): «Русский, сообщивший мне все эти подробности,—замечает он,—сказал мне еще, что пять или шесть недель путешествуя по краям, где живут эти народы, он нашел еще и 6-й народ, на морском берегу, называемый лежачие чукчи (Lasatie Soegtsie), потому что они лежат, либо сидят в своих палатках в продолжение всей зимы. Палатки эти делаются из моржей и заносятся снегом на целые пять меся-

цев в году. Поэтому и заготовляют они в своих палатках нужное себе пропитание в сухом виде. Впрочем, этих животных едят они, как есть, и сырьем, а как наступает весна, выходят тотчас из жилищ своих» (Чтения О. И. Др. 1872, № 1, стр. 22).

Другое объяснение легенды предложил П. Н. Буцинский: «эта басня,—пишет он,—указывает на временное появление самоедов в южных местах, где их могли видеть другие народы, и на удаление в тундры»; «по крайней мере в XVII в., как видно из документов, ялмалские самоеды целое лето жили по р. Соби и даже Войкару. Здесь они кормили своих оленей, ловили рыбу, птиц и «съестного зверя», заготовляли из этого «юколу» и «порец» — зимний корм для собак и самих себя. А как только начнет падать снег и является нужда в мохе, они собирают свои чумы и переселяются в тундры. Отсюда произошла известная басня о замирании на зиму людей Лукоморья» («К истории Сибири» — «Зап. Харьковского университета», 1893, кн. I, стр 42). По мнению Н. П. Загоскина («Русские водные пути и судовое дело в допетровской России», Казань, 1910, стр. 182—183): «весьма возможно, что все эти баснословия русского происхождения, к которым образованный Герберштейн относится, конечно, скептически, преследовали те же цели, какие преследовались и фантастическими россказнями волжских булгар про сопредельные с ними финские территории: желание запугать конкурентов и удержать за собою монополию торга с этими странами». Ко всему сказанному нужно прибавить, что легенда эта, несомненно, имевшая в своей основе какой-то, первоначально непонятный, реальный факт, сложилась еще в глубокой древности. Одно из первых указаний на нее мы находим еще у Геродота (IV, 25), который рассказывает, что в отдаленных частях Скифии на север от «плешивцев» и людей с козлиными ногами обитает народ, который спит в течение шести месяцев (к истории объяснения этой легенды у Геродота см. A. Hauvette. La gèographie d'Herodote. «Revue de philologie, de littèrature et d'histoire anciennes», 1889, t. XIII, p. 6). Нет ничего невероятного в том, что Герберштейн мог знать этот рассказ Геродота, однако, его собственное известие о лукоморцах основывается, конечно, не на античной легенде, а на русском источнике. В редакции, весьма близкой к герберштейновской, тот же рассказ мы находим в русской статье, древнейший из известных списков которой относится к XV в.: «О человецех незнаемых в восточной стране» (о ней см. ниже: Р. Джонсон, стр. 127): «В той же стране [речь идет о северной Сибири], за теми людми, есть иная самоедь такова, как и прочии человеци: по зиме умирают на два месяца, умирают же тако: как где застанет которого в те месяци, то туто и сядет, а у него из носа вода изойдеть, как от потока, да вымерзнет к земли; и кто человек иные земли неведанием то только отразит, и него сопхнет с места, он умрет, то уже не оживет; а не сопхнет с места, то той оживет, и познает, и codes ему: «О чем мя еси, брате, поуродовал?» А оживают, как солнце на лето поворотится. Також на всяк год оживают и умирают» (А. Титов. Сибирь в XVII веке, М. 1890, стр. 4—5; «Древности», XIV, стр. 306; А. Н. Пыпин. История русской этнографии, т. IV, стр. 187). Вскоре после Герберштейна Рафаэль Барберини, посетивший Москву в 1565 году, писал о лукоморцах то же, что и Герберштейн, рассказывая эту легенду со слов двух татар-охотников (хотя есть основание заподозрить правдивость этого известия, сл. ниже: Барберини, стр. 132) и прибавляя: «Находя это довольно странным и чудным, я смеялся тому, но татары мне клялись, что эта сущая правда, и я, однакож, не довольствуясь этим, расспрашивал о такой диковинке еще у разных лиц, которые все мне отвечали, что действительно ходит такая молва, и что все, кто ни придет оттуда, подтверждают это». Тот же рассказ мы встречаем у Гваньини (1578), взявшего его из книги Герберштейна, у Петрея, Олая Магнуса, Мейерберга и др. Косвенным подтверждением тому, что в Москве подобная легенда была действительно распространена в течение долгого времени, является запись Бернгарда Таннера, бывшего в Москве в 1579 году; от других сочинений иностранцев о Московии сочинение Таннера отличается тем, что он почти не использовал сочинений своих предше-

ственников, но писал на основании наблюдений, собранных им самим; о «ловцах соболей» на далеких северо-восточных окраинах Московского государства Таннер пишет: «об этих людях москвитяне рассказывают, будто, прислонясь зимой к дереву, они от холода погружаются в такую спячку, что делаются точно мертвые, когда извергаемая из их ноздрей сопля образует столь длинную сосульку, что она достигает земли; с приходом же лета или даже начала весны они воскресают точно из мертвых и возвращаются к своим занятиям» (Чтения в Общ. Ист. Др. 1891, III, стр. 107). «Может быть,—замечает Замысловский,—сложившаяся в эпоху глубокой древности легенда об умирающих на зимние месяцы людях, обитателях крайнего севера, испытывала такие же странствования, как и некоторые другие баснословные предания, переносилась с юга на север и на азиатский восток все далее и далее, по мере того как расширялась область мира известного» (Герберштейн, стр. 419—420).

Комментаторы Герберштейна, насколько мне известно, еще не обратили внимания на одну любопытную подробность его рассказа, а именно на то, что лукоморцы умирают «в определенный день 27-го ноября, который у русских посвящен Св. Георгию», оживают же «чаще всего к 24 апреля», т. е. ко дню так называемого «весеннего Егория». Точные даты, приводимые Герберштейном, едва ли случайны, в связи с соответствием их двум «юрьевым дням»—весеннему и осеннему, и, может быть, при детальном сравнительном исследовании, смогут пролить неожиданный свет на возникновение указанной легенды. Здесь достаточно напомнить, что по древнейшему житию святого (дошло до нас в греческом палимпсесте IV—V в.), Георгий три раза умирает и три раза воскресает, подробность, удержанная в позднейших славянских и мусульманских сказаниях о нем (М. О. Аттая. Мусульманские сказания о св. Георгии по Ат-Табари, «Этногр. Обозр.» 1895, кн. XXVI, стр. 127—134), причем самое имя его (γεωργός—земледелец) объясняет, почему в цикле связанных с ним поверий и обрядов Георгий являлся покровителем земледелия и скотоводства; недаром посвященные ему дни могли служить для начала и окончания земледельческих работ. Так, напр., чехи, обращаясь к св. Юрию 24 апреля, просили его, как и при заклинании весны, «отворить ключом землю»; в Кроатии и у словенцев, обряды которых могли быть известны Герберштейну, в Юрьев день хор водил за собою парня, с ног до головы покрытого зелеными ветками—«Зеленого Юрия». Писатель XVI века Менеций рассказывает, что пруссы, литва и жмудь в день св. Георгия «имеют обыкновение приносить жертву Перггрубиусу, которого признают богом цветов и растений»; аналогичный рассказ находится и у Стрыйковского. Повидимому, мы имеем здесь, на основе календарного совпадения, сопоставление христианских преданий с дохристианским земледельческим культом. Неудивительно, что и Маннгардт, в согласии со своей известной теорией, почувствовал связь жития Георгия с «первичным мифическим представлением о Baumseele, о Vegetationsdaemon, то обмирающей, то возникающей к новой жизни» (А. Кирпичников. Св. Георгий и Егорий Храбрый, СПб. 1879, стр. 127 сл.; А. Н. Веселовский. Св. Георгий в легенде, песне и обряде, Зап. Акад. Наук, т. XXXVII, 1880, стр. 152—157; Е. Аничков. Весенняя обрядовая песня на Западе и у славян, ч. I, СПб. 1903, стр. 107; 233—239; 310—325). Все это подтверждает, что легенда о лукоморцах, согласно утверждению Герберштейна, действительно могла стоять в какой-то связи с культом св. Георгия на Руси. Г. А. Старцев (Самоеды, Лгр. 1930, стр. 25) записал несколько самоедских сказок, очень близко соответствующих русским рассказам о лукоморцах и о людях с головой на груди. В одной из них говорится о том, что «были люди, жившие когда-то в соседстве с самоедами и они при наступлении зимы лазили на деревья и, обхватив руками ствол дерева, умирали до весны. Весною люди эти оживали. Рот у этих людей вмещался на груди, т. к. у них не было головы». По другой сказке «дух смерти» убил свою жену «без головы, со ртом на груди» и женился на девушке-шаманке. Возможно, что Герберштейн и другие иностранные писатели через посредство русских этнографиче-

ских статей («Сказание о человецех незнаемых») записали обрывки самоедского эпоса в русской передаче; подробнее это мнение обосновано в моей статье: «Сказания иностранцев о России и ненецкий эпос», «Советская этнография» 1935, № 4—5, стр. 153—159.

Необыкновенную и неизвестную в других странах торговлю]. Описанная Герберштейном т. наз. «немая торговля», представляющая собою одну из примитивнейших форм торгового обмена, засвидетельствована очень многими древнейшими и позднейшими писателями. Геродот рассказывает о подобной торговле финикиян с жителями африканских берегов; Плиний и Помпоний Мела упоминают о подобных же торговых сношениях между сингалезцами (жителями о. Тапробаны) и римскими торговцами, с одной стороны, и народом серами (под именем которых у римлян были известны китайцы)—с другой. «Эти древние известия,— замечает Анучин,—могли казаться баснословными, покуда не были получены подтверждения тому в новейшее время как из Африки, так и из Азии» («Древности», XIV, стр. 302—305). По словам Эренрейха, немая торговля еще в XX веке «у многих народов примитивной культуры, особенно южной Америки, Африки и Австралии, является единственной формой товарообмена» (Zeitschrift für Ethnographie, Bd. XXXVII, 1905, S. 229; сл. M. Kulischer. Der Handel auf primitiven Kulturstufen. — Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft, Bd. X, S. 378 ff.). Хотя O. Schrader (Lingistisch-historische Forschungen zur Handelsgeschichte und Warenkunde I, Jena 1886. S. 11) и полагает, что немая торговля «не была удостоверена у народов индо-германского происхождения», однако, Max Förster («Stummer Handel» und Wielandsage «Archiv f. d. Studium der Neueren Sprachen und Literaturen» Bd. CXIX, 1907, S. 303—308), на основании анализа некоторых легендарных преданий, пытался доказать, что ею пользовались древние германцы в их сношениях с кельтами (к литературе о «немой торговле», указанной Анучиным, прибавим еще: H. Schurtz, Urgeschichte der Kultur, Leipzig 1900, S. 287; Hamilton Grierson. The Silent Trade, Edinburgh, 1903). Арабские путешественники, рассказывая о торговле волжских булгар с Югрой и «страною мрака», передают, что когда путешественники доезжают до «мрака» и делают там привал, то «каждый из них оставляет там товары, с которыми приехал, и возвращается в свою обычную стоянку. На следующий день они приходят снова для осмотра своего товара, и находят насупротив него (известное количество) соболей, белок и горностаев. Если хозяин товара доволен тем, что нашел насупротив своего товара, то он берет его, если же недоволен им, то оставляет его. Те, т. е. жители «мрака» набавляют его (своего товара), часто же убирают свой товар, оставляя (на месте) товар купцов. Так (происходит) купля и продажа их. Те, которые ездят сюда, не знают, кто покупает у них и кто продает им, джинны (духи) ли это или люди, и не видят никого» (В. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб. 1884, стр. 297—298: Ибн-Батута. «О стране мрака», XIV в.). «Подобные же известия,— пишет Анучин,—мы встречаем у Абульфеды, Бакуи и других арабских писателей, причем Абульфеда приписывает немой торг народам, живущим к северу от русских, а Бакуи говорит, что такой торг ведется болгарами в стране Uaisua или Ualsa, находящейся в трех месяцах пути на север» (извлечения из этих писателей приведены у St. Sommier. Sirieni, Ostiacchi e samoiedi dell' Ob. Firenze. 1887, p. 44—45. Д. А. Хвольсон. Известия о хозарах, буртасах и т. д. СПб. 1869, 188—189). Павел Иовий, со слов русского посла Дмитрия Герасимова, сообщает о таком же торге у лопарей со своими соседями; о том же сообщает и Шеффер, (Lapland, 1657), замечая, впрочем, что «они (лопари) ведут торговлю не знаками, как прежде, а при помощи слов» («Древности», XIV, стр. 310—312). Анучин отмечает еще, что «свидетельство о немом торге мы имеем также в рассказе летописца со слов Гюряты Роговича (в XI в.)» и что в любопытной отписке Енисейского воеводы кн. К. О. Щербатого в сибирский приказ «О диких людях Чю-

людеях» 1685 г. (напечатана в «Чтениях Общ. Ист. Др.» 1888)—«зафиксировано старинное тунгусское предание о немом торге с каким-то народом, который занимался железной промышленностью». В другом месте (op. cit., стр 305) Д. Анучин ставит «немой торг» в связь со старинным охотничьим обычаем и доныне существующим на севере: «если кто (охотник, странник, торговец) найдет где в лесу пустую избушку и в ней какие-либо вещи, которые ему могут понадобиться, то он берет, что ему нужно, но оставляет взамен взятого предметы соответствующей годности и ценности или деньги. Обычай этот, по крайней мере, в прежнее время соблюдался свято».

Возникают весьма частые споры и войны]. После этих слов, в другом издании «Записок» Герберштейна прибавлены еще следующие слова (привожу по Е. Замысловскому, Герберштейн, стр. 418): «Приморские места Лукомории лесисты; в них лукоморцы живут, не строя вовсе домов. Хотя составитель этого дорожника говорил, что весьма многие племена Лукомории подвластны князю московскому, однако, т. к. вблизи находится царство Тюмень, государь которого татарин и на их языке называется тюменским царем, т. е. rex in Tumen, и так как он не очень давно нанес большой урон московскому князю, то правдоподобно, что эти племена подвластны ему, потому что он им близкий сосед». «Это предположение,—замечает Замысловский (op. cit., стр. 419),—едва ли справедливо. Тюменского царя, о котором говорится в вышеприведенном известии, звали, как догадывается Лерберг, Мамуком. В 1496 г. он напал на Казань и ограбил ее, чем, вероятно, и причинил вел. князю тот большой урон, о котором упоминает автор Записок. Мамук перенес свою резиденцию из Тюмени в Сибирь, и умер в 1496 г. Его преемники, еще менее, чем он сам, могли быть опасными соседями Московского государства, а потому предположение Герберштейна о зависимости Лукоморья от Тюмени лишено основания. Он же сообщает, что Тюмень зависела от югорских князей—данников московского государя, и это свидетельство не лишено вероятия».

Живет народ Каламы]. Комментаторы (Лерберг, Замысловский) не объясняют, ни какой народ может здесь иметься в виду, ни где находились Obiovua и Pogosa. По замечанию Замысловского (Герберштейн, стр. 420--421) «на основании дальнейшего изложения можно прийти к заключению, что следует причислить к данникам вел. князя народов, обитавших на западной стороне Обской долины»; отметим, однако, что в системе Подкаменной Тунгуски, Енисейского округа есть река Калами (П. Семенов. Географическо-статистический словарь Росс. Имп., т. II, СПб. 1865, стр. 435).

До Золотой старухи]. См. ниже: Золотая баба.

Березва]. Е. Замысловский (op. cit., стр. 150, прим. 10) ссылается на то, что, по словам Миллера («Описание Сибирского царства».СПб. 1787, стр. 111) берег на реке Тоболе называется «березовым яром» и что здесь находится деревня того же имени, но едва ли это говорят за то, что под именем Beresva Герберштейн мог понимать Тобол; скорее всего здесь имеется в виду какая-нибудь другая, притом более мелкая река; важно указание Герберштейна, что названные им Сосва и Березва «начинаются с горы Камень».

Данадим]. С. М. Соловьев в статье «Географические известия о древней России» («Отечеств. Записки», 1843, № 2, стр. 117) принимает Danadim Герберштейна за реку Тобольск. губ.—Надым, берущую начало из большого озера Торм-лор, примыкающего с юга к топкому непроходимому болоту, а с севера—к высокому густому лесу (см. дневник Хондажевского, проехавшего зимою 1879 г. из Обдорска через реку Полуй к р.р. Надыму и Ныде: «Поездка до устья р. Надыма». Зап. Зап.-Сиб. Отд. РГО. 1880, т. II); р. Надым является

правым притоком Обской губы. Эта северная река, за исключением низовья, в общем, мало исследована. По утверждению Г. М. Дмитриева-Садовникова («Река Надым». «Ежегодник Тобольск. Губернск. Музея», вып. XXVIII, 1917, стр. 1—24), Надым—название самоедское (от Нады-ям—богатое, обильное место): «первоначальным населением Надыма, из известных в настоящее время племен, были самоеды. Кто жил здесь раньше и кому принадлежат остатки глиняной посуды, встречающиеся в приобских городищах—неизвестно. Следующими за самоедами местными поселенцами были остяки, частью совершенно осамоедившиеся и из народа оседлого превратившиеся в кочевой».

Камень большого пояса]... ex monte Camen Bolschego Poiassa. В другом месте своей книги Герберштейн говорит, что, нося в различных местностях различные названия, горы на северо востоке Европы имеют, однако, одно общее имя: Земной пояс—Semnoi poyas. Земной пояс—Уральский хребет. «Земной пояс,—замечает Замысловский,—может быть, было переводом названия инородческого и потому дано было хребту, принимаемому за естественную грань двух частей света, что он тянется на весьма значительном расстоянии от юга к северу, между тем как ширина его сравнительно ничтожна» (Замысловский. Герберштейн, стр. 128—130; о происхождении этого названия здесь же, стр. 130—131 и A. Humboldt. Asie Centrale, t. I. Paris, 1843, p. 412, 471—472; St. Sommier. Un' estate in Siberia, etc. Firenze 1885, p. 271—272).

Золотая баба]. Рассказ о Золотой бабе приобрел большую известность в западно-европейской литературе XVI и первой половины XVII вв.; редкий писатель, говоря о Московии, не упоминает о ней. В русской литературе впервые, кажется, она упоминается в Софийской первой летописи под 1398 г. по поводу кончины Стефана Пермского, где сказано, что он «живяше посреде неверных человек, ни бога знающих, ни закона ведящих, молящеся идолом, огню и воде, и камню, и Золотой бабе, и вълхвом, и древью» (Полн. Собр. Русск. Летоп., т. V, стр. 250). Далее, в послании митроп. Симона «Пермскому князю Матвею Михайловичу и всем пермичам большим людем и меньшим» (1510 г.) говорится о поклонении пермичей Золотой бабе и болвану Войпелю; «однако, в чем заключается это поклонение,—из послания не видно, но, вероятно, до митрополита доходили очень скудные сведения об этой религии» (В. Трапезников. Чудские идолы и пермские боги. «Атеист». 1930, № 52, стр. 69 и сл.). Между тем около того же времени сведения о Золотой бабе появились уже и в европейской литературе. Первым иностранцем, давшим ее описание, был М. Меховский (см. выше, стр. 77 и сл.); впрочем, весьма вероятно, что первый глухой намек на этого идола сделал уже Ю. П. Лэт (сл. у нас выше, стр. 70). Меховский около 1517 г. получил известие от пленных москвитян, находившихся в Кракове: «За землею, называемою Вяткою, при проникновении в Скифию,—пишет он,—находится большой идол Zlotababa, что в переводе значит золотая женщина или старуха; окрестные народы чтут ее и поклоняются ей; никто, проходящий поблизости, чтобы гонять зверей или преследовать их на охоте, не минует ее с пустыми руками и без приношений; даже если у него нет ценного дара, то он бросает в жертву идолу хотя бы шкурку или, вырванную из одежды шерстину и, благоговейно склонившись, проходит мимо». Следующим иностранцем, подробно описавшим идол, был Герберштейн (неточный перевод этого известия дан у И. Толстого и Н. Кондакова. Русские древности, т. III, стр. 32—33). См. также статью Саларева О Золотой бабе, северной богине. «Вестник Европы», 1815; копия ее—в бумагах м. Евгения Болховитинова (Н. И. Петров, опис. рукоп. собраний, нах. в г. Киеве, вып. III, М. 1904, стр. 291). Рассказ Герберштейна, с некоторыми, впрочем, вариациями, повторен у Климента Адамса (1556) в его отчете королеве Марии о первом плавании англичан в Белое море («Anglorum Navigatio», напеч. сначала в сборнике Гэклюйта, а затем вошел в компиляцию «Respublica Moscoviae et urbes», Lugduni Batavorum, 1630; по мнению

Х. Лопарева «описание идола у Кл. Адамса напоминает скорее шаманов»); из Герберштейна же, вероятно, взял этот рассказ Гваньини, прибавивший указание, что идол был «высечен из камня» (?)—de lapidum excisum (рассказ Гваньини воспроизведен у нас ниже). Наконец к Герберштейну, вероятно, восходит также рассказ Тевэ (см. у нас ниже). Изображение Золотой бабы появилось также на ряде иностранных карт: у Антония Вида (1542 г.), Ант. Дженкинсона (1562); изображена она также на обеих картах Герберштейна, причем любопытно, что рисунок мало в чем напоминает его собственный рассказ. На основании всех перечисленных известий, по вопросу о Золотой бабе высказан был ряд догадок о ее происхождении, значении и т. д. Н. Костомаров (Славянская мифология, Киев, 1847, стр. 30), комментируя рассказ Гваньини обращал внимание на то, что этот идол, бывший в почете у финских народов, носил русское имя Златой бабы, что и дало ему повод заключить отсюда, что божество заимствовано от славян; делаемые им сближения Золотой бабы с славянской богиней Сива или Жива, на основании показания Длугоша о горе, называемой «Бабою» («Baba, mons altissimus supra fluvium Sota»...). с находящимся на ней городе «Живце», конечно, совершенно произвольны и неправдоподобны. А. С. Уваров, исходя из указанного выше места Софийской ле описи, предполагал, что этот идол был каменной бабой. Н. И. Веселовский в статье: «Мнимые каменные бабы». СПб. 1905 (из «Вестника Археологии и Истории», вып. XVII), стр. 4—12 произвел пересмотр этого вопроса и пришел к заключению, что с «каменными бабами» Золотая баба не имеет ничего общего; «упоминание о детях указует скорее всего на эмблему плодородия». Н. С. Трубецкой («К вопросу о Золотой бабе. «Этнографическое Обозрение». 1906, кн. 1—2, стр. 56—65) пытался еще более уточнить это соображение и на основании ряда сближений с вогульской мифологией пришел к заключению, что Золотая баба была изображением вогульской богини: Куальтысьсан-торум. От русских исследователей ускользнули два иностранных мнения по этому поводу. H. Michow (Die ältesten Karten von Russland, Hamburg, 1884. S. 39—42), собрав ряд указаний о Златой бабе картографов и писателей, высказал предположение, что она была «сделанной из глины и позолоченной статуей мадонны, которая завезена и оставлена была на севере русскими во время одной из завоевательных экспедиций. По крайней мере, нечто подобное рассказывают о мужском идоле, который в эпоху покорения Сибири казаками был найден у остяков и по их собственным словам ранее почитался в России в качестве изображения Христа. Он был вылит из золота и сидел на блюде, так что вероятно это была крестильница. Остяки лили на нее воду и гадали, а, выпивая эту воду, были вполне уверены, что с ними отныне не случится никакого несчастья» (Müller, Samml. Russ. Gesch. VI. S. 322; Миллер. Описание Сибирского царства, стр, 155—157; ср. В. Павловский. Вогулы. Казань, 1907, стр. 185). Эта догадка любопытна, но малоправдоподобна хотя бы уже потому, что русские не имели скульптурных образов мадонн, а если и имели, то они резались из дерева (как, например, собранные в пермском музее интересные культовые деревянные скульптуры) и, кроме того, конечно, едва ли куда вывозились из церквей. В другой своей работе H. Michow (Das erste Jahrhundert russischer Kartographie, Hamburg, 1906, S. 24) обращает внимание на то, что как описание Златой бабы, так и изображение ее на европейских картах уже в XVI в. пережило известную эволюцию. У М. Меховского (1517) она представляется обыкновенной женской статуей; на карте А. Вида (1542) она изображена в виде статуи, держащей рог изобилия; в копии этой карты, сделанной Hogenberg'ом (1570), она приняла вид мадонны и держит ребенка на руках; у Себ. Мюнстера (1544) ребенок превратился в золотую дубинку; изображение Золотой бабы на латинской карте Герберштейна походит на статую Минервы с копьем в руках, но на его же немецкой карте 1557 г. она опять представлена Золотой старухой («Guldene vetl»), сидящей на троне с ребенком на руках; наконец, на карте А. Дженкинсона (1562) Золотая баба изображена также мадонной, но не с одним, а уже с двумя детьми

(ряд рисунков воспроизведен у Анучина, «Древности», XIV, стр. 53—60). Эти изменения, которые претерпевало изображение Золотой бабы на западе, свидетельствуют, конечно, о том, что сведения, доходившие о ней, были сбивчивы и противоречивы; поэтому при изучении вопроса было бы рискованно всецело основываться на европейских известиях, а тем более рисунках. Лишь одно обстоятельство заслуживает полного внимания. D. Morgan (Early voyages and Travels to Russia and Persia, London, 1886, vol. I, p. CXXVIII—CXXIX) подметил, что чем позже встречается рассказ о Золотой бабе, тем дальше на восток отодвигается ее местопребывание; прежде всего ее помещают на территории Вятки или Перми; на карте Вида она помещена уже в Обдории (Abdoria), на запад от Оби; наконец, ее помещают на Обь или даже еще восточнее: у Петрея (1620), например,

Рис. 16. Золотая баба у Герберштейна (латинск. изд. 1551 г.)

Золотая баба у Герберштейна (немецк. изд. 1557 г.)

который сравнивает ее с Изидой, она помещена именно на берегах Оби. В XVII в. известия о Золотой бабе почти совсем прекращаются, хотя еще у Левека в его «Histoire de la Russie» мы найдем весьма фантастическую картинку с ее изображением. Перемещение идола с запада на восток—факт несомненный и требующий объяснения. Первоначально Золотая баба (если речь идет об одном идоле, а не о нескольких) находилась, видимо, на западе от Урала; об этом говорят русские свидетельства, приведенные выше. Нужно думать далее, что это был идол вогульский; попытки связать известия о Золотой бабе с зырянским Олимпом нужно признать неудачными. «Некоторые исследователи религиозной жизни Коми и их потомков культу Золотой бабы придают особое значение,—пишет М. А. Лебедев (Пермь Великая. Исторические очерки. Ж. М. Н. Пр. 1917, №11—12, стр. 154—155),—и от ее имени склонны производить даже самое название зырян как «людей (кум—человек), почитающих з[с]ар женщину (ан)». Но кажется, что это любительская филология: зырянское название кумира Зарни-ан (транскрипция Михайлова, см. Красов. Зыряне и св. Стефан Пермский, СПб. 1896, стр. 14) есть не что иное, как Золотая баба (золото—зарни, от иранск. «zaranja»)... Скорее всего, что культ Золотой бабы приписан зырянам ошибочно (И. Н. Смирнов. Пермяки. Казань, 1891, стр. 263). Наибольшее количество известий свидетельствует о том, что уже в середине XVI ст. Золотая баба находилась за Уралом. Ряд данных позволяет утверждать, что у вогулов в XVII и еще в XVIII вв. в глуши зауральских лесов находился ряд идолов, среди них, вероятно, и Золотая баба. Так, напр., какой-то золотой идол находился в пещере

верховьев Сосвы («Вестник И. Р. Географич. Общ.» 1857 г. V, стр. 23—31); на р. Конде, в непроходимой лесной чаще, стоял главный идол вогульского народа, обоготворяемый также и остяками. «Внешний вид и устройство его неизвестны были и самим обоготворявшим. Постоянно охраняемая двумя стражами в красных одеждах, с копьями в руках, его кумирня была закрыта для вогулов. Один только старейший и главный шаман имел право входить в кумирню, узнавать волю идола, который, по словам вогулов, если требовал жертвы, то издавал голос младенца» (Ипполит Завалишин. Описание Западной Сибири, т. I, М. 1862, стр. 250—251, 286; В. Павловский. Вогулы, Казань. 1907, стр. 185—186); кажется, именно этого идола, который, судя по указанию на младенца, мог быть и Золотой бабой, описывает и Григ. Новицкий в 1715 г., называя его «Кондийским» («Краткое описание о народе остяцком» под ред. Л. Н. Майкова, СПб. 1884, стр. 56—59). Описание Золотой бабы сохранила нам и сибирская летопись: «Ту бо у них молбище большее богыне древней, нага с сыном на стуле седящая, приемлюще дары от своих, и дающе ей статки во всяком промысле; а иже кто по обету не даст, мучит и томит; а кто принесет жалеючи к ней, тот перед нею пад умрет имяще бо жрение и съезд великий» (Краткая Сибирская Летопись (Кунгурская), изд. Зоста, СПб. 1880, стр. 21). Причина перенесения идола в отдаленные местности восточного Приуралья, на Конду и, наконец, в Обдорский край,—повидимому завоевательные успехи сибирских казаков и распространение христианства, часто жестоко и насильственно прививавшегося инородческому населению Сибири. От одного старого вогула с реки Конды К. Д. Носилов записал любопытное предание о Золотой бабе: «она не здесь,—рассказывал вогул,—но мы ее знаем. Она тогда же [с приходом русских] через наши леса была перенесена верными людьми на Обь; где она теперь, у остяков ли где в Казыме, у самоедов ли где в Тазу, я точно не знаю, но с той поры, как она здесь была, у нас остался с нее слиток—Серебряная баба, которая и до сих пор хранятся у одного вогула в самой вершине нашей реки (Конды). «—Ты видел ее, дедушка?—спрашивал путешественник у рассказчика.—Не раз, не два видел на своем веку, ответил Савва.—Какая же она?—Серебряная... На кого же походит? Как сделана?—На бабу походит, бабой и сделана... Одета?—Нет, голая... Голая баба—и только. Сидит. Нос есть, глаза, губы, все есть, все сделано, как быть бабе...—Большая?—Нет, маленькая, всего с четверть, но тяжелая такая, литая; по Золотой бабе ее и лили в старое время; положили ту в песок с глиной, закопали в землю, растопили серебра ковш и вылили и обделали, и вот она и живет.—Где же она у этого ямнельского вогула хранится?—В юрте хранится, в переднем углу. Как зайдешь к нему в юрту, у него в переднем углу полочка небольшая сделана, занавесочкой закрыта, за ней в ящике старом она и сидит. Как откроешь ящик—и увидишь ее на собольей шкурке.—Что же ей приносят?—Большие шелковые платки, потом серебро она любит и шкурки дорогие. —Куда же это все после идет?—На нее идет, серебро кладут в ящик, шкурки стелют под нее; платками ее закрывают, окутывают»... (К. Д. Носилов. У вогулов. Очерки и наброски. СПб. 1904, стр. 109-119. «О Серебряной бабе», см. еще П. П. Инфантьев. Путешествие в страну вогулов. СПб. 1910). «Серебряная баба охранялась менее золотой,—замечает Н. Трубецкой,—«Этногр. Обозр.» 1906, № 1, стр. 52,—и финскому ученому Карьялайнену, кажется, удалось приобрести ее и перевезти в Гельсингфорс». По смыслу этого рассказа Золотая баба, с которой отлита была серебряная копия, уже своими размерами мало подходит к той, о которой рассказывают западно-европейские писатели. Однако, записанное Носиловым предание интересно тем, что подтверждает существование у вогулов золотых женских идолов. Были они также и у остяков. М. А. Лебедев (op. cit., стр. 155) обращает внимание на то, что по известию Герберштейна, Золотая баба стояла там, «где Обь впадает в океан, т. е. собственно уже в самоедско вогульском крае, где женские кумиры довольно нередки, где и теперь на острове Я(л)мале находится жертвенное место самоедов—Яумал-хе (состоящее из семи отдельных куч идолов-сядаев), на поклонение которому они приезжают даже из Урала» (сведения об Яумал-хе: Б. Житков.

Краткий отчет о путешествии на полуостров Ялмал. Зап. Р. Г. Общ. 1909, стр. 482—483, 496); ср. замечание Ю. И. Кушелевского (Северный полюс и земля Ялмал. СПб. 1868, стр. 114): «В настоящее время коренных идолов, напр., Золотой бабы и других уже нет, а существуют их копии, которые поддерживаются не народно, а избранными, в особенности шаманами, из одних только корыстолюбивых их видов»; никаких следов культа Золотой бабы ни у вогулов, ни у остяков не нашел St. Sommier. Un' estate in Siberia fra Ostiachi, Samoiedi etc. Firenze 1885 p. 249—250. Не знаю, на основании каких данных Х р. Лопарев (Самарово. Село Тобольской губ. и округа. Материалы и воспоминания о его прошлом, СПб. 1892, стр. 3—4) полагает, что Золотая баба находилась «при самом впадении Иртыша в Обь у Белых гор (ныне деревня Белогорье)». Остается еще упомянуть об одной гипотезе, недостаточно обоснованной, несмотря на то, что она имеет уже двухвековую давность. Еще Страленберг (Historie der Reisen in Russland, Siberien und der Grossen Tartarey, Leipzig, s. a., S. 103—105) высказал предположение, что Золотая баба—тот же идол, который под именем Иомалы описан в скандинавских сагах, при рассказе о наездах скандинавов в Белое море. По известиям саг, этот идол Биармийского божества находился в священной ограде близ северного берега Двины; он был из дерева, на шее имел драгоценное ожерелье, а на коленях держал чашу с монетами. Вспоминая, что «финские племена зовут своих божков Jumis, Jumala Junn», и что лопари «небесного бога называют Jmmel или Jubmal», Страленберг сопоставляет имя биармийского божества со шведскими словами Gammal и Gumma, которые означают «старика» и «старуху», и замечает при этом: «как я сам приметил у остяков и у других сибирских язычников, они часто называют своих главнейших богов русскими словами «старик» и «старуха»; отсюда он делает заключение о родстве биармийского божества с описанной у Герберштейна Золотой бабой. Недавно В. Трапезников (op. cit., стр. 69—70), сравнивая биармийскую Иомалу с «Иома-бабой», сверхестественным существом пермяцкой или зырянской демонологии также утверждал, что скандинавы, судя по саге, ограбили храм Золотой бабы. Несмотря на соблазнительность этой гипотезы, ее следует признать пока недоказанной; не говоря уже о затруднительности пользования сагами, как историческим источником (ср. С. К. Кузнецов. К вопросу о Биармии. «Этнографич. Обозрение». 1905, № 2—3), следует заметить, что новейшая лингвистика отказывается объяснить имя Иомалы из западно-финских языков; недавно А. И. Соболевский предложил сопоставить Иомалу с древне-индийским божеством подземного мира Joma и с рассказом русской начальной летописи о божестве заволоцкой чуди, «сидящем» или «живущем» в бездне, т. е. в глубине земли («Древняя Пермь. К вопросу о Биармии». Известия О-ва Арх., Ист. и Этнографии при Казанском университете, т. XXXIV, вып. 3—4, 1929, стр. 22—26): если это предположение правильно, то сопоставление Иомалы с Золотой бабой падает само собой. Напомним кстати, что еще Н. С. Трубецкой («Этногр. Обозр.» 1906, № 1—2, стр. 55) довольно резко заявлял о том, что сопоставление Золотой бабы с Иомалой—«мысль совершенно нелепая и основанная на совершенном невежестве в области угро-финской этнографии», но все же думал, что Золотая баба была известна пермякам под именем «Калдысин». Ничего не объясняет также и случайное звуковое сходство Иомалы и Ялмала, точнее Яумала (по Житкову «яу-мал»—устье, конец реки; устье Обской губы, полуостров Ямал «конец земли»), тем более, что не может быть и речи о путешествии скандинавов в XI в. к устью Оби (которое они, якобы, приняли за устье Двины), к жертвенному месту самоедов—Яумал-хе. На основании интересного собрания пермских деревянных скульптур, среди которых «имеются изображения с инородческими физиономиями», Н. Н. Серебренников (Пермская деревянная скульптура, Пермь. 1928, стр. 35) высказал, догадку что «наиболее почитавшееся название—Сидящий спаситель заменил повидимому, особо чтимую прежде Златую бабу финноугорских народов, которая, надо думать, по своей сидящей позе имеет что-то общее с сидящим Буддой восточных народностей, с которыми финно-

угорские народы имели некоторое родство и по крови и еще больше по взаимодействию культур». J. Baddeley (op. cit., p. LIV) отождествляет Золотую бабу с «тибетской и китайской богиней бессмертия Kwan-In». О богине Kwan In (Kvanon) и генетической связи ее с Авалокитешварой см. Karutz, Maria in fernen Osten, München, 1925. По вопросу о связи культа Золотой бабы с религиями дальнего востока нужны, однако, специальные разыскания, вне которых подобные догадки будут иметь мало цены.

Река Коссин]. Затруднительность географического приуроченья этого названия заключается в том, что через несколько слов Герберштейн упоминает о другой реке с весьма сходным именем: Кассима. Если под Кассимой Герберштейн имел в виду реку Казым в бассейне Оби (литература о ней указана в «Географическо-статистическ. слов. Росс. Имп.» П. Семенова, т. II, стр. 429), то очень трудно принять мнение С. М. Соловьева («Отеч. Записки». 1853, № 2), что под р. Коссин может иметься в виду река Косья; ведь Герберштейн говорит, что Коссин вытекает из Лукоморских гор (из Урала? или малого Алтая, по мнению Лерберга? ср. выше, стр. 105) и что Кассима начинается там же («из истоков той же реки»...); однако р. Косья составляет левый приток р. Усы, б. Арх. губ., Мезенск. у., а Казым или Казыма, как утверждают, берет начало из оз. Тормлора и общее направление течения имеет к западу.

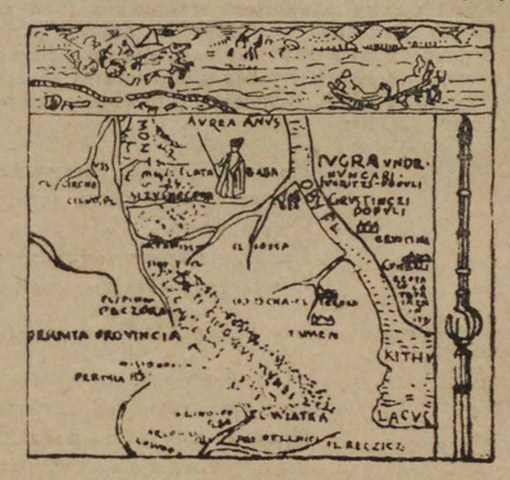

Рис. 17. Правый угол карты
(Из «Записок» Герберштейна, изд. 1556 г.)

Князь венца]. Из текста видно, что слово vuentza—не собственное имя, но о каком властителе идет речь, мы объяснить не умеем. Равным образом не поддается определению упомянутая Герберштейном «крепость Коссин». А. Дунин-Горкавич (Тобольский север. СПб. 1904, стр 54—58) высказал предположение, что «крепость Коссин» Герберштейна—Юильский городок.

Кассима]. Вероятно, Казым. Сл. выше: Коссин.

Таханин]. Штукенберг (Gydrographie d. Russ. Reiches Bd. VI, S. 189) отказывается определить, какая река здесь имеется в виду. Е. Замысловский (op. cit., стр. 150) приводит следующее известие из «Дополнений к Актам Историческим» (т. X. № 80, 1683—1699, стр. 392): «А из Томского города в Киргисскую землю... переходить многие рек и поперег: 1, река плавежная Ташма и т. д.», но не обосновывает далее своего сближения. И. И. Полосин улавливает звуковое сходство Тахнина и загадочной Тахчеи, Tachsea иностранцев (сл. ниже: Г. Штаден). Прибавим, что у позднейших писателей та же река называется Tachnim (иногда Tachmin), например, у Гваньини (см. ниже). Витсен полагал, что это название Енисея (Nord en Oost Tartarie, 1692, p. 468, 477—480, 539). У J. Baddeley (Russia, Mongolia, China, Lond. 1919, vol. I, p. LX) находим предположение, что под Тахнином имеется в виду р. Таз.

Люди чудовищного вида]. Выше (стр. 12—14; 19—20) было уже указано, что в средние века вера в существование чудовищ, подобных описанным у Герберштейна,

была сильно распространена. К приведенным рассказам Исидора Севильског Павла Диакона, Адама Бременского и т. д. можно было бы прибавить ряд св детельств более позднего времени. «Ведай,—говорит (в славянском переводе, один из знаменитых средневековых ученых Раймонд Люллий,— ведай, иже людие разные образы плоти имеют: есть земля иде-же людие родятся с песьею головою; есть иные, где уши людям висят на плечах; есть, где родятся люди о единой ноге великой и тою (ногою) закрываются от солнца, а бегают вельми скоро без труда; есть еще и такий род человеческий, иже глав не имеют, но очи, уста и прочие чувства в грудях носят». Подобные рассказы распространялись на западе не только в рукописях, вплоть до самого изобретения книгопечатания, но попали еще и в книги XVI в. Так, напр., рассказ, почти дословно повторяющий Раймунда Люллия, мы находим в «Космографии» Себастьяна Мюнстера 1544 г.; к нему приложена и картинка (она воспроизведена и в нашей книге на стр. 13). В течение всего XVI в. книга Мюнстера перепечатывалась много раз в переводах на различные европейские языки (Е. Замысловский. Описание Литвы, Самогитии, Руссии и Московии Себастьяна Мюнстера. Ж. М. Н. Пр. 1880, № 9, стр. 66—123). Вспомним, что еще у Шекспира Гонзаго говорит о Калибане («Буря», III, 3):

Не верили, когда детьми мы были,—
Что есть такие люди, которые имеют на груди
Свое лицо.
Придется верить тем, которые, из странствий возвратившись,
О чудесах рассказывают нам.

Точно так же и Отелло (I, 3) рассказывал Дездемоне—

...О каннибалах, что
едят друг друга, об антропофагах
И людях, у которых ниже плеч
Растут их головы. Все это слушать
Серьезно полюбила Дездемона.

П[illegible]олагают, что эти известия о чудовищных людях (ср. слова о Калибане Стефа[illegible] и Тринкуло: «Буря» II, 2, 70, 97; III, 2, 9—10) взяты Шекспиром именно из «Космографии» Себ. Мюнстера, извлечения из которой вышли в английском переводе в 1572 и 1574 гг., однако о таких же людях рассказывает и мореплаватель В. Рэли (Raleigh) в книге «Открытие Гвианы» 1596 г. (R. R. Cawley. Shakespeare's use of the voyages in the «Tempest», «Publications of the Modern Language Association of America» vol. XLI, № 3, 1926, p. 688—726); Мюнстер же несомненно пользовался рассказами Герберштейна. Что же касается Герберштейна, то хотя он и знал Плиния, Солина и т. д., у которых имеются подобные известия, но, занося в свою книгу известия о народах, живущих за рекою Тахнином, пользовался не античными и не средневековыми сочинениями, а русскими источниками. Возникает, следовательно, вопрос о том, как эти сведения попали в «Русский дорожник», который был в руках у Герберштейна.

Еще Ф. И. Буслаев («Этнографические вымыслы наших предков». «Сборник антропологических и этнографических статей о России и странах, ей принадлежащих». М. 1868, кн. I, стр. 93—101) указал, что главным источником сведений о чудовищных народах, распространявшихся в русской письменности до к. XVII века, а позднее перешедших и в лубочные издания, был переводный роман «История об Александре Македонском» («Александрия»). Роман этот пользовался у нас огромной популярностью и сохранился в большом количестве списков. Новгородцы еще в XI в. открыли след «поганых народов», заклепанных

Александром в восточных горах к востоку от Югры: «суть горы зайдуче луку моря, им же высота аки до небесе, и в горах тех кличь велик и говор, и секут гору, хотяще высечися; и в той горе просечено оконце мало, и туде молвять, и есть не розумети языку их» (Лаврент. Летоп., 1(7; интересную параллель см. в сказании, запис. в северной Монголии о народах, заклепанных Чингис-ханом. «Изв. В.-Сиб. Отд. РГО», т. XV, № 1—2, стр. 11); вера в существование в Сибири чудовищных народов, о которых рассказывает «Александрия», была у нас настолько велика, что еще в к. XVII века А. Ф. Палицын, читавший роман, как рассказывает С. В. Бахрушин: «пытался найти в Сибири местоположение «прехода великого Александра» и «превысокого холма Каракаура, иде же обитают люди единоногие и единорукие» («Века». Исторический Сборник, I, Петр. 1924, стр. 94). На карте С. Ремезова 1697 г. также отмечено около устья р. Амура: «До сего места Александр Македонский доходил, ружье спрятал, колокол оставил» (А. В. Григорьев. Подлинная карта Сибири XVII века. Ж. М. Н. Пр. 1907, № 10, стр. 377). В вошедшем в «Александрию» «Сказании об Индийском царстве» мы находим перечень чудовищ, сильно напоминающих те, о которых рассказывает Герберштейн; здесь являются: «люди немы, иже кормляху дети в воде рыбами сырыми», «монокли человеци (т. е. monoculi—одноглазые), а око им в чели»; со времени перевода на русск. яз. хроники Мартина Бельского явилось вторичное знакомство с чудовищами, носившими то же название, что и в «Сказании»; из хроники они попали в хронограф 2-ой редакции, а отсюда и в азбуковники XVII в. (Попов. Обзор хронографов, II, стр. 93, 97, 99; В. Истрин. Сказание об Индейском царстве. «Древности» Труды славянской комиссии, I, 1895, стр. 13). В «Хронике» описываются «люди глаголемые сатыре [сатиры], жилище их в лесах и по горам; а хожение их скоро, егда текут, никто не может настигнути их, а ходят наги, а живут со зверьми, а тела их обросли волосами, а языком не говорят, токмо гласом кричат» или: «люди мономери зовомы, а инде монокули, а коли об одной ноге, а коли солнце печет, а он может покрытися ногою, как лапою» и т. д. Вероятно, уже в XV веке под воздействием подобных рассказов складываются и самостоятельные русские этнографические статьи. Один из наиболее интересных памятников подобного рода—статья «О человецех незнаемых в восточной стране» (см. о ней выше, стр. 12 сл., 19 и ниже: Рич. Джонсон, стр. 127 сл.). Напечатавший ее Д. Н. Анучин («К истории ознакомления с Сибирью до Ермака». «Древности», XIV, стр. 273) объясняет возникновение ее из ряда непонятых рассказчиком этнографических фактов (например, одежда самоедов, которая своим покроем могла дать повод к легенде о людях с лицом на гру[illegible] оэтому он отвергает влияние письменности на возникновение указанной статьи [illegible] приводит этому в доказательство то, что «большая часть переводных сочинений, содержащих рассказы о дивных людях, стала распространяться у нас сравнительно поздно, не ранее, надо полагать XVI века» (op. cit., стр. 243); это неверно: «в XV в.—замечает В. М. Истрин,—была уже Александрия 2-ой редакции, содержащая в себе сказание об Индейском царстве, которое сохранилось в ркп. XV в., а явилось оно след. раньше» (op. cit., стр. 45). Таким образом, нужно все-таки думать, что влияние письменности на статью «О человецех незнаемых» было возможно и что она создавалась под двойным воздействием письменных и устных известий; причем вторые, еще глухие, сбивчивые, непроверенные наслаивались на прочно сидевшие в памяти русского книжника факты письменности, которым он слепо верил. Конечно, в отдельных случаях было возможно и обратное влияние; так, напр., один из списков «Сказания об Индейском царстве», по указанию М. Н. Сперанского (Изв. по русск. языку и словесности, 1930, т. III, кн. 2, стр. 398) «испытал на себе влияние статьи «О человецех незнаемых»: это можно заключить по упоминанию самоедов. Во всяком случае в «Сказании о человецех незнаемых» мы находим несколько рассказов, довольно близко соответствующих и герберштейновским: «В той же стране, за теми людми, над морем есть иная самоядь: по пуп люди мохнаты до долу, а от пупа вверх—как и прочии человеци»... «В той же стране, за теми людми, над тем же морем иная самоядь такова: вверху рты, рот на

темени, а не говорят; а видение в пошлину человеци; а коли едят, и они крошат мясо или рыбу да кладут под колпакы или под шапку, и как почнут ясти, и они плечима движуть вверх и вниз»... «В той же стране есть такова самоедь: в пошлину аки человецы, но без голов; рты у них меж плечима, а очи в грудех. А ядь их головы сырые оленьи; и коли им ясти, и они головы оленьи взметывают себе в рот на плечи и на другый день измещут из себя туда же. А нѐ говорят»... (А. Титов. Сибирь в XVII веке, М. 1890, стр. 4—5). Очень возможно, что этой статьей воспользовался автор того «Русского дорожника», который был в руках Герберштейна; впрочем, обращая внимание на то, что «в рассказах инородцев приуральских областей о людях, обитавших далее на востоке, могла быть примесь элемента чудесного». Замысловский (op. cit., стр. 133) предполагает, что, вероятно, именно «от этих инородцев русские слышали о необыкновенных людях, живущих за р. Тахнином». «Говорил же самоед Миклей нашему известному путешественнику Василию Николаевичу Латкину, записавшему с его слов драгоценный рассказ о жизни самоедов в тундре, что к востоку от р. Оби, за областью, обитаемой карачеями, «живут еще чудные люди: их можно видеть только издали, а подойдешь ближе—они скроются, а куда, никто не знает, видно—в землю уходят» (Дневник В. Н. Латкина во время путешествия на Печору в 1840 и 1843 гг.—«Зап. И. Р. Г. О.» 1853, кн. VII, I, стр. 249).

В реке Тахнине водится также некая рыба]. Е. Замысловский (op. cit., 301, прим. 24), а за ним А. И. Малеин в примечаниях к своему переводу Герберштейна замечают, что «аналогичные рассказы нередки и у древних писателей» и ссылаются при этом на Н. О. Lenz. «Zoologie der alten Griechen und Römer, deutsch in Auszügen aus der Schriften nebst Anmerkungen». Gotha 1856, S. 495 f., однако, здесь указано лишь то место из «Естественной Истории» Плиния, где он, ссылаясь на Теофраста, рассказывает о необыкновенных рыбах, которые, после обмеления рек, живут в лужицах, а затем переходят по суше, употребляя свои плавники вм. ног и т. д. Аналогия рассказу Герберштейна, как видим, невелика. Скорее следует думать, что в основе его рассказа лежат сведения о тюленях и моржах (Lenz, op. cit., S. 262; сл. у нас выше: стр. 81—82). Герберштейн—житель континентальной Европы, должен был иметь о них смутное представление.

XI. РИЧАРД ДЖОНСОН | RICHARD JOHNSON

(1558)

Ричард Джонсон приехал в Московию с первым английским кораблем, достигшим северных берегов русской земли (в 1553 г.). В 1556 г., вместе со Стефеном Бёрро, он ездил на о. Вайгач и Новую Землю. В начале 1557 года он побывал у самоедов, а в 1558 г.—в Новгороде (Ю. Гамель. Англичане в России, СПб. 1865, стр. 40, 49, 55; В. А. Кордт. Чужоземні подорожні, Киев, 1926, стр. 27—28). В том же 1558 году, вместе с агентом английской торговой компании Антоном Дженкинсоном, он совершил из Москвы путешествие с караваном в Бухару, во время которого собрал от русских и иностранцев данные о путях из Москвы в Китай (Cathaya) и о разных народах, живущих между этими двумя государствами. Эти расспросные сведения заключают в себе „три маршрута татарских торговцев от Астрахани через Бухару в Китай“, одно показание пермского торговца, будто бы ездившего туда же „другим путем“, „ближе к морскому берегу“ и, наконец, „сведения о некоторых странах самоедов, живущих по реке Оби и по морским берегам за этой рекой, переведенные слово в слово с русского языка“. Эти отчеты напечатаны в сборнике Гэклейта 1598, I, p. 387—389 (изд. 1809, I, 375—377) и перепечатаны в приложении к текстам путешествий Ант. Дженкинсона в издании Гэклейтовского общества: «Early voyages and travels to Russia and Persia by Ant. Jenkinson and other Englishmen», ed. by D. Morgan, Lond. 1886 vol. I, p. 101—104.

Все эти краткие заметки, еще не переводившиеся на русский язык, полны громадного исторического интереса: любопытный англичанин буквально воспроизвел в них все то, что ему удалось узнать в России об еще таинственной и для русских Сибири. Особенно интересна вторая из приводимых ниже заметок Джонсона, т. к. она „слово в слово переведена с русского языка“. Д. Н. Анучин в статье „К истории ознакомления с Сибирью до Ермака“ („Древности“, т. XIV, стр. 259—260) обратил внимание на то, что сообщенные в ней данные очень близко соответствуют тем, которые

приведены в одной старой русской этнографической статье: „О человецех незнаемых в восточной стране"; правда, сравнительно с русским подлинником, английская версия этой статьи много короче; из нее выпущено „все то, что представляется более невероятным и преувеличенным". Это дало основание Д. Н. Анучину думать, что „Джонсон ознакомился непосредственно или при помощи какого-нибудь русского" с этой статьей и что „упомянутый им житель Холмогор Федор Товтыгин был, быть может, именно составителем статьи „О человецех незнаемых"(Ibid.. стр. 260). В статье „Самоеды в XVII веке" („Северная Азия" 1925, № 5—6, стр. 85—94) С. В. Бахрушин использовал еще один из рассказов Джонсона о самоедах и их шаманах, которых английский путешественник наблюдал сам; но этот рассказ относится к северу Европейской России и поэтому у нас не воспроизводится.

В публикуемой ниже заметке Джонсона упоминается Обь. Первым англичанином, который водным путем старался доехать до Оби (в 1556 г.) был, как известно, Стефен Бёрро. Он выехал из устья Печоры вместе с самоедами и впоследствии привез на родину те сведения об Оби, которые он собирал от местных рыбаков и охотников на моржей. Одним из его информаторов был некий Федор (Theodor), которого, вероятно, можно отождествить с тем «Pheother Towtigin», который дал Джонсону материал для следующего донесения (Ср. Hakluyt, ed. 1589, p. 311—312). Вторая из публикуемых заметок переведена А. Ю. Трубниковой.

Рис. 18. Корабль XVI века
(Из Gratae posteritati, 1560)

ИЗВЕСТИЯ НЕКОЕГО ПЕРМЯКА, КОТОРЫЙ УТВЕРЖДАЕТ, ЧТО ОН ЕЗДИЛ В КИТАЙ ВЫШЕОПИСАННОЙ ДОРОГОЙ, А ТАКЖЕ ДРУГИМ ПУТЕМ БЛИЖЕ К МОРСКОМУ БЕРЕГУ, ЗАПИСКА О ЧЕМ БЫЛА ОТПРАВЛЕНА ИЗ РОССИИ ДЖИЛЬСОМ ХОЛМСОМ

Прежде всего из Двинской области (prouince of Dwina) известна дорога на Печору, а от Печоры до Оби, если путешествовать на оленях по суше—шесть дней пути, а летом—водою и больше.

Река Обь полна мелями, а устье ее [шириною] свыше 70 русских миль; отсюда в трех днях пути по правую руку находится местность, называемая Чернолесье (Chorno-lese), что значит по-английски blacke woods; неподалеку отсюда живет народ, называемый пеший-конный (Pechey-kony), носящий волосы, по описаниям, вроде как бы по ирландской моде. От пеших-конных до Желтых Калмыков (Joult Calmachey)—три дня пути, а отсюда до Черных Калмыков (Chorno Callachey) три дня в юго-восточном направлении.

Оба этих народа имеют татарскую веру и платят дань великому хану.

О НЕКОТОРЫХ СТРАНАХ САМОЕДОВ, ЖИВУЩИХ ПО РЕКЕ ОБИ И ПО МОРСКИМ БЕРЕГАМ ЗА ЭТОЙ РЕКОЙ, ПЕРЕВЕДЕННЫЕ СЛОВО В СЛОВО С РУССКОГО ЯЗЫКА. СТРАНЫ ЭТИ БЫЛИ ПОСЕЩЕНЫ ОДНИМ РУССКИМ, РОДОМ ИЗ ХОЛМОГОР (Colmogro), ПО ИМЕНИ ФЕДОРОМ ТОВТЫГИНЫМ (Pheother Towtigin), КОТОРЫЙ, КАК ГОВОРЯТ, БЫЛ УБИТ В СВОЮ ВТОРУЮ ПОЕЗДКУ В ОДНОЙ ИЗ НАЗВАННЫХ СТРАН

1. В восточной стране, за югорскою землею, река Обь составляет ее самую западную часть. По берегу моря живут самоеды и страна их называется Молгомзей (Molgomsay). Они питаются мясом оленей и рыб, а иногда и едят друг друга. Если к ним заезжают купцы, они убивают одного из своих детей, чтобы угостить их им. И если купец умрет у них, они не хоронят его, но съедают его. Они едят также и своих умерших. Они некрасивы на вид, имеют маленькие носы, но проворны, очень хорошо стреляют, ездят на оленях и собаках и одеваются в собольи и оленьи шкуры.

2. В той же местности, за этим народом живет на берегу моря другое племя самоедов, говорящих на другом языке. Один месяц в году они проводят на море и в течение всего этого месяца не возвращаются на сушу.

3. Далее, на берегу моря имеется еще одно племя самоедов. Они питаются мясом и рыбой и торгуют соболями, белыми и черными лисицами (которых русские называют Pselts—песцами) и шкурами оленей и диких коз.

ПРИМЕЧАНИЯ

Устье ее... свыше 70 русских миль]. О ширине р. Оби по старым описаниям см. комментарий к Герберштейну (s. v. «Обь», выше, стр. 107). Выражение «70 Russe Miles» следует понимать, вероятно, в смысле верст. Для правильного истолкования обозначений расстояний в XVI и XVII вв., как в этом, так и во многих приведенных в этой книге текстах следует иметь в виду, что они в то время значительно разнились от последующих. До второй половины XVII в. у нас было в ходу исчисление расстояний днями пути, наряду со счетом на версты; однако верста в XVI в. состояла сначала из 700 сажен, впоследствии увеличена была до 1000 сажен, и, наконец, уменьшена до 500 с. В 1518 г. были в употреблении еще семисотенные версты, что видно, напр., из вполне точного указания М. Меховского («verst est quinta pars miliaris germanici»). П. Буцинский (Заселение Сибири и быт ее первых насельников, Харьков, 1889, стр. 17), основываясь на книге Сошного письма 1629 г, говорит, что верста в XVII веке—1000 сажен; это неточно. Г. Спасский («Временник Московск. Общ. Ист. и Др.», II, стр. XI) утверждает, что в 1672 г. в Сибири еще употреблялись семисотенные версты, а Ремезов в своей «Чертежной книге» (в к. XVII в.) пользовался уже тысячными; наконец, по летописи Черепанова Тобольская губ. измерялась уже пятисотенными верстами. Все это создает большую путаницу в расшифровке обозначений; для Сибири в ней попытался разобраться А. Миддендорф (Путешествие на север и восток Сибири, ч. I, отд. I, стр. 44), но вопрос этот нуждается еще в специальном исследовании. Нужно подчеркнуть также, что и старая английская миля в половине XVI в. была отлична от нынешней; последняя окончательно установлена лишь статутом Елисаветы в 1593 г. и с тех пор равняется 8 фурлонгам (furlong восьмая часть мили=320 ярдам) или 320 польз'ам (poles) или 1760 ярдам (см. Сп. Close. The old English mile. «The Geographical Journal», vol. LXXVI, 1930, № 4, p. 338—342).

Чернолесье]. Приурочить эту местность к современному географическому названию довольно затруднительно. Чернь, черный лес, черный яр и др. названия, обычные для диких и незаселенных местностей от густых, непроходимых лесов, покрывающих горы. В этом же смысле, вероятно, В. Перстлоу (см. ниже) говорит, что «между Обью и Енисеем находится высокая черная страна».

От пеших-конных]. Слова «Pechey-konу» в подлиннике, кажется, можно толковать только при помощи русского выражения, обычного в XVII в. для обозначения сибирских казаков («пешие» и «конные» казаки); однако, трудно догадаться, о каком народе говорит Рич. Джонсон. Слова «по ирландской моде» намекают на большие волосы, которые носили ирландские пехотинцы в XVI—нач. XVII в. «Может показаться,—пишет о них один из современников,—что они не христиане, а бразильские дикари» (D. Mothley. United Netherlands, II, p. 155).

Желтых Калмыков]. Слова подлинника Joult Calmachey можно понимать только в смысле русского обозначения «желтые калмыки», известного документам XVI—XVII вв. «А по другую сторону черных мунголов желтые мунголы и до моря» (Андрей Попов. Изборник славянских и русских сочинений, внесенных в хронографы русской редакции. М. 1869, стр. 433; здесь же, стр. 436: «Черные калмаки»). «Желтые» и «Черные» монголы различаются также в «Moscovitisch-tartarischen Reisebeschreibung» Таландера (=August'a Bohse) (J. Beckmann, Litteratur der älteren Reisebeschreibungen I, 285—287). «Желтых калмыков» знает и Эрик Палькмвист (см. ниже).

Черных калмыков]. В русских и иностранных сочинениях они называются также кара-колмаки.

За Югорскою землею] beyond the country of Vgori. Под Югорскою землею здесь следует понимать, вероятно, северо-восточное Приуралье. Однако П. Н. Буцинский («Г. Мангазея и Мангазийский уезд».—«Записки Харьковского Университета». 1893, I, стр. 36—37) думает, что под Югрой следует понимать самоедов, живших около устья Мезени. «О местоположении этой Югры,—пишет он,—высказывались довольно различные мнения, но мы полагаем, что она там, где место ей указано в чертежной книге Сибири, составл. Ремезовым в 1701 г.» (около устья Мезени). Сл. выше, стр. 72—73.

Молгомзей] т. е. Мангазейская земля. Название это было получено англичанами от русских и долгое время именно в этой форме держалось в западноевропейской литературе и картографии. На карте Дженкинсона 1562 г. страна Molgomzaia показана за Югорией, к востоку от р. Оби. Еще в 1683 г. в атласе Сансона, на карте Московии и Татарии, по берегу Ледовитого океана также показана страна Malgomzaia, соответствующая стране «немирной самояди юрацкой» на сибирском чертеже Ремезова 1701 г. Собранные Д. Н. Анучиным («Город Мангазея и Мунгазейская земля». «Землеведение». 1903, IV, стр. 35—42, немецк. перевод: «Globus» 1905, Bd. 87, S. 12, 222 f.) данные показывают, что еще до основания в Тазовской губе г. Мангазеи (основан в 1601 г., след. через сорок лет после известия Джонсона), игравшего большую роль в нач. XVI в., а отчасти и после, «тоже или сходное название придавалось всей окружающей стране—от рек Таза и Пура вдоль Ледовитого моря до Енисея, а также и реке Тазу». В одном из хронографов Госуд. Публичной Библиотеки в Ленинграде (нач. XVII в.) в статье «О сибирском царстве» говорится, что «меж теми великими реками Обью и Енисеем река, рекомая Таз, сия исходить из Пегия Орды и шествующи к северной стране и своим устьем течет в морскую губу; на той же реке Тазу город, зовомый Тазовский и паки Мангазея, сиречь самоеджая земля». Исходя из этого текста и других соображений, Д. Анучин совершенно правильно заключил, что возникший в 1601 г. на р. Таз городок Мангазея получил свое название от всей окрестной страны, а не наоборот, и поэтому категорически отвергнул все прежние этимологические догадки об этом имени (Миллер возводил его к слову мокасе, другие к слову магазин) и предложил новую, которая представляется вполне правдоподобной. Обращая внимание на то, что в различных списках «Сказания о человецех незнаемых», вероятно, первоначальное написание «молгонзеи» изменяется в «молгозии», а затем в «молгозеи», Анучин возводит «молгонзеи» к зырянскому «молгон»—målhana—«крайний, конечный»; след. молгонзеи—народ «краевой, окраинный, живущий на краю области самоедов», что вполне применимо к юракам, кочевья которых простираются на север до моря, а на восток соприкасаются с кочевьями тунгусов. Новейшая этимология слов молгонзеи Г. Старцева (Самоеды. Лгр. 1930, стр. 14): «место, богатое рыбою»—«от mal—конец, xale—рыба и si—дорога» совершенно неправдоподобна.

Как указано во введении к настоящему тексту, в другой, более ранней своей статье Д. Н. Анучин («Древности». XIV, стр 259—260) указал и на источник этого известия Джонсона—статью «О человецех незнаемых в восточной стране и о языцах розных». Эта статья нередко встречается в старых рукописях (древнейший список ее относится к XV в.) и давно уже была издана Н. Фирсовым в книге: «Положение инородцев северо-восточной России в Московском государстве». Казань, 1866, стр. 30—31, по той же рукописи Соловецкой библиотеки, которую в основу своего текста положил и Анучин, давший, однако, более отчетливое чтение ее и приложивший варианты из других рукописей, но не обращала на себя внимания исследователей потому, что баснословные подробности, которыми она украсила рассказ о «незнаемых людях», заставляли ее относить к числу фантастических средневековых сказаний, где так трудно бывает докопаться до зерна истины. Некоторым ученым казалось даже, что в данном случае было не только наивное фантазирование о малоизвестной

стране, но и намеренная выдумка (так у А. Н. Пыпина. «История русской этнографии», т. IV, СПб. 1892, стр. 185). Реальный комментарий, который к указанной рукописи с большим тщанием и эрудицией составил Д. Н. Анучин, показал, что мы имеем дело с весьма ценным этнографическим источником, данные которого могут получить соответствующее истолкование на основании более поздних наблюдений или в свете истории представлений о народах крайнего севера. Таковы и те данные, которые Рич. Джонсон сообщает о самоедах «мо - гомзейской» земли. Известие Джонсона является простым переводом части указанной русской статьи, но с характерными сокращениями: англичанин выбросил все, что ему показалось неправдоподобным и оставил только то, что представлялось заслуживающим доверия. Поэтому выброшенными оказались известия о самояди, которая ежегодно умирает на два месяца,—рассказ, уже ранее воспроизведенный у Герберштейна в басне о лукоморцах (см. выше, стр. 111), о «немом торге» и т. д.; первые же абзацы переведены почти слово в слово. Для сравнения текста Джонсона с его русским источником приводим соответствующий отрывок из статьи «О человецех незнаемых» по тексту, напечатанному в сборнике А. А. Титова. Сибирь в XVII веке. М. 1890, стр. 1—6 (он воспроизводит рукопись Погодинского собрания): «На восточной стране, за Югорьскою землею, над морем, живут люди Самоедь зовомыи Малгонзеи. Ядь их мясо оленье, да рыба, да межи собою друг друга ядять. А гость к ним откуду придеть, и они дети свои закалають на гостей да кормять; а который у них гость умреть, и они того снедають, а в землю не хоронять, а своих також. Сии ж людие не велики возрастом, плосковиды, носы малы, но резвы велми и стрелцы скоры и горазды. А ездят на оленях и на собаках; а платье носять соболие и олениe, а товар их соболи. В той же стране, за теми людьми над морем, живут иная Самоедь такова: Линная словет; лете месяц живут в море, а на сухе не живут того деля: того месяца понеже тело в них трескается, и они тот месяц в воде лежат, а на берег не могут вылезти» и т. д. О сказании этом см. еще: И. К. «Сибирь по одной старинной рукописи». «Енисейск. Губ. Ведом.» 1900, № 25. По указанной выше книге Н. Фирсова. «Сказание» перепечатал А. Оксенов («Слухи и вести о Сибири до Ермака». «Сибирский Сборник», IV, СПб. 1887, стр. 113—114). К статье Анучина в «Древностях» (немецкий перевод ее H. Michow'a: Zur Bekanntschaft mit Sibirien vor Jermak. Alt-russische Erzählung «über die unbekannten Völker der Ostgegend»,—«Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien» Bd. X и отдельно Wien, 1910; в это издание Д. Н. Анучин внес несколько поправок, изменив также и иллюстрации): Ed. Brückner «Petermann's Mitteilungen» 1892, Lit-Bericht, № 47; O. A. Johnsen, Et traeck af den dansk - norske regierungs handelspolitik under Kristian III og Friedrik II=«Christiania Videnskabsselskabs Forhandlinger for 1909» № 3, S. 25; А. Н. Пыпин. Первые известия о Сибири. «Вестник Европы». 1891, № 8, стр. 753; Cronheim. «Quellen und Forschungen zur Erd-und Kulturkunde» 7, 1913, S. 160—162; С. В. Бахрушин. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. М. 1928, стр. 149.

Иногда и едят друг друга]. Новейшие писатели (начиная с XVIII в.) большей частью опровергают мнение, что самоеды были людоедами и пытаются имя «самоед» возвести не к словам «сам» и «есть», как это делали прежде. Различные этимологии слова см. в статье Д. Н. Анучина («Древности», XIV, стр. 263—266; Огородников. Прибрежья Ледовитого и Белого морей с их притоками по Книге Большого Чертежа.—Зап. Геогр. Общ. по отд. этнограф. 1879, т. VII, стр. 37—41; Е. Замысловский. Герберштейн, стр. 416 сл.; сл. у нас ниже: Флетчер, Олеарий). «Что касается до производства названия самоедов от сам

нед, то я считаю совершенно излишним доказывать эту нелепость, ибо никакие предания не доказывают, чтобы они друг друга пожирали»,—замечает еще Ф. Белявский («Поездка к Ледовитому морю». М. 1833, стр. 154). Однако, некоторые этнографы полагали, что людоедство самоедов в древние времена факт возможный. На людоедство, как на характерный usus азиатцев, указал уже Геродот в своем рассказе о массагетах, говоривший о том, «если у них кто-нибудь состарится, сходятся его родные, убивают и варят с мясом разных животных и потом съедают»; подобные же предания имеются и о «педиях»—индийских кочевниках (Н. Баталин. Сказание об Индейском царстве. Воронеж, 1876, стр. 36—38). Позже, по замечанию Анучина, «с расширением пределов известного мира, местопребывание антропофагов переносилось все далее—к северу и востоку; русские же люди, повидимому, с давних пор отождествили их с самоедами». Во всяком случае писатели XVI—XVII вв. упоминали о людоедстве самоедов большею частью со ссылкой на русских; Герберштейн толкует слово Samoged как «сами себя ядущие»; Флетчер говорит, что «самоиты» (Samoits) «носят такое название (по словам русских) от того, что они едят самих себя, ибо в прежние времена они жили как людоеды и ели друг друга. Что это правдоподобно, можно заключить из того, что они и теперь еще едят всякое сырое мясо, даже падаль, валяющуюся в ямах»; тоже сообщает Петрей («Samiedi—es ist ein solch Volk, das sich selber frist») и Олеарий: русские назвали самоедов так потому, что «они действительно ели человеческое мясо и даже тела своих умерших друзей, которые они смешивали с дичиной» (Д. Анучин, op. cit., стр. 274). Англичанин Ричард Джемс в своих недавно опубликованных заметках о русском севере (1618—1620 гг.) утверждает то же в свою очередь. (П. К. Симони. Заметки Рич. Джемса о чуди, лопарях, самоедах и черемисах, «Сборник Ленинградского О-ва Исследователей Культуры Финноугорских народностей», Лгр. 1929, I, стр. 127—128).

XII. РАФАЭЛЬ БАРБЕРИНИ | RAFFAELLO BARBERINI

(1565)

Рафаэль Барберини принадлежал к известной итальянской фамилии; он был дядей папы Урбана VIII. Несомненно начитанный, способный к математическим наукам, он, как типичный человек эпохи Возрождения, отличался большой предприимчивостью и энергией и много путешествовал ради торговых интересов крупной купеческой фирмы Барберини в Анконе. Он ездил на Восток, посетил Грецию и в 1564 г. был в Нидерландах. (См. N. Tscharykow. Le chevalier Raphael Barberini chez le Tsar Ivan le Terrible, 1564,—«Revue d'histoire diplomatique» 1904, avril, p. 256). Соблазненный примером англичан, выхлопотавших у Ивана Грозного привилегию на право торговли в Московии, Рафаэль Барберини также решился отправиться в Москву для той же цели. В семье Барберини сохранилось воспоминание о благосклонном приеме, оказанном ему Иваном Грозным, но благоприятных коммерческих последствий поездка его все же, кажется, не имела (Н. Чарыков. Посольство П. Менезия. СПб. 1906, стр. 4, 40; Adelung, Krit.-Lit. Übersicht, I, 233—239; Гамель. Англичане в России, статья 1-я, стр. 72—77; 82; K. Waliszewski, Ivan le Terrible, Paris, 1904, p. 374). Весть о благополучном возвращении Барберини из Москвы в Италию достигла, между прочим, библиотекаря папы Пия IV Медичи—кардинала Амуле; последний, через посредство графа Нугаролы (в печатном тексте Барберини он ошибочно назван Nubarola, но должен иметься в виду, однако, Nugarola, тот самый, который был посланником Карла V в Москве), попросил у него описание его путешествия по Московии. Так как Рафаэль Барберини уже сделал это в письме своем к отцу, он переписал его и присоединил к нему несколько новых данных. Именно этот текст, рукопись которого хранится и в поныне существующей Барбериниевской библиотеке в Риме (S. Ciampi, Bibliographia critica delle antiche reciproche corrispondenze... dall' Italia colla Russia, Polonia, etc., Firenze, 1834, II. p. 142) была издана столетие спустя в 1658 году Николаем Барберини, внуком Рафаэля, под заглавием «Relazione di Moscovia scritta da Raffaello Barberino

al conte di Nugarola, Anversa (т. е., конечно, Антверпен, а не Aversa в Италии, как полагает Аделунг), le 16 Ottobre 1565». Помещена она в книге: Viaggi di Moscovia degli anni 1633, 1635 e 1636 etc., Viterbo, 1658, p. 191—222, представляющей собою итальянский перевод путешествия Олеария (см. о нем ниже); по словам издателя, реляция Рафаэля Барберини приложена к основному тексту книги для того, чтобы исправить неблагоприятные отзывы Олеария о России. В бумагах Рафаэля, хранящихся в Барбериниевской библиотеке, посреди разнообразных исторических материалов о России XVI века нашелся еще один интересный документ: рисованная от руки карта Западной России и Прибалтики с указанием границ и городов, посещенных Рафаэлем во время его путешествия; она относится, повидимому, к 1564 г. (напечатана у N. Tscharykow, op. cit, p. 261, а также у H. Michow. Weitere Beiträge zur älteren Kartographie Russlands,—Mitteil. der Geogr. Gesellsch. in Hamburg 1907, S. 165—169, № III).

Сочинение Барберини довольно хорошо известно в русской литературе. В переводе с итальянского оно напечатано было в книге В. Любич-Романовича. Сказания иностранцев о России в XVI и XVII веках. СПб. 1843, стр. 1—64, ранее в „Сыне Отечества" 1842, № 7, июль, отд. I, откуда заимствован и прилагаемый ниже отрывок (стр. 30—32); я сверил перевод с итальянским текстом 1658 г. и сделал в нем несколько поправок. Хотя заключительные слова Барберини и могут дать повод к мысли, что сообщаемые им данные о Сибири собраны им в Москве непосредственно от лиц, там бывших, но следует думать, что они заимствованы им все же, главным образом, из печатных источников; в частности все, что Барберини говорит о лукоморах и реке Таханин, вероятно, взято у Герберштейна и других писателей. В сочинении Барберини есть еще несколько данных об Урале и Сибири; так, он один раз упоминает „Сибирских татар": ,,есть еще народ, близ Персидского моря (mar di Persia), по Волге,—это так называемые сибирские татары (Tartari Zibiri), и в этой земле, как сказывают, протекает река Тайх (Taich) (Ibid., стр. 32)", если под Персидским морем Барберини разумел Каспий, то не Яик ли назван у него Taich? Об Уральском хребте далее сказано еще: „Во многих и многих сутках пути от реки Двины, у Златой бабы находятся Рифейские горы, именуемые Поясом мира, и те, кто бывал там, сказывают, что взбирались на них пешком семнадцать дней, что состоят они из отвесных и голых утесов и что водятся на них белые соколы, именуемые кречетами (girifalchi), которые привозятся в Москву".

Много премного суток надо плыть этой рекой, Двиною, чтобы доплыть до того места, где находятся знаменитые Рифейские горы, для открытия которых, сказывал мне один русский, посылаемы были отцом нынешнего повелителя Руси отец этого русского и многие другие; и, сказывал он мне, каким образом взошли они на самое высокое место этих гор, и как, запасшись в этот путь всем необходимым, взбирались пешком семнадцать дней на поверхность хребта. Горы эти, говорят, утесисты и бесплодны и водятся на них только белые соколы, чрезвычайно отважные и сильные. Я видел их в Москве у государя, который очень их любит за храбрость. За этими же горами находится царство сибирских татар; народ этот покорен Московиею и находится у нее в подданстве—поклоняется истукану какой-то старухи, которую зовут Златою бабою (Slata baba); нет у них домов или постоянных жилищ, но всегда разъезжают они повсюду в санях, по снегам и лесам, промышляя звериною ловлею. Но преимущественно вывозят оттуда богатейших соболей, и когда наступит пора собственно для ловли этих зверьков, что бывает весной, когда природа одевает их самым пушистым мехом, звероловы отправляются на охоту; они дают сначала обещание своей богине, что первый мех со зверя, которого убьют, привезут ей в благодарность, лишь бы только она благоприятствовала им на ловле, и уж свято соблюдают свой обет; таким образом столько там всяких мехов на нее навьючивают, что даже меха эти просто загниваются. Отправясь же на ловлю, находятся они там столько времени, сколько именно продолжается у них мясная порция из животных, которых ежедневно налавливают; тем они и живут. Я разговаривал и даже ел с двумя такими звероловами, которые были при дворе по случаю привоза своей обычной дани государю. Дань эта вся состояла в разном пушном товаре в большом количестве. Сами же они были одеты в камзолы и модное платье, но сшитые из оленьих шкур с шерстью и с длинными глухими рукавами, впрочем с прорехой внизу для свободного просова руки оттуда, когда нужно; на голове у них были тоже меховые шапки и притом еще длинный меховой тулуп поверх всего. Они были высокого роста, но без румянца в лице и без бороды, почему, собственно, походили более на старух; впрочем это, говорят, происходит вообще от постоянных там холодов. В этом царстве протекает всего одна река, но кажется, как утверждают, чрезвычайно широкая, так что с трудом можно переехать через нее в один тамошний день; называется она—Обь (Obi) и говорят, что вытекает она из одного большого озера—Катая (Cattajo) в том месте, где находится и главный каттайский город, именуемый Конбулик (Conbuliche); по свидетельству же тех двух татар, которые мне про это рассказывали, есть, помнится, за этой рекой еще какой-то народ, именуемый

лукоморами (Locumori), которые в ноябре месяце такие флегматики, что вытекает у них в большом количестве какая-то клейкая материя через поры, в особенности носом, так что захватывает им дыхание, и тогда погружаются они в глубокий сон до апреля месяца. Находя это довольно странным и чудным, я смеялся тому; но татары мне клялись, что это сущая правда, и я, однакож, не довольствуясь этим, расспрашивал о такой диковинке еще у разных лиц, которые все мне отвечали, что действительно ходит такая молва и что все, кто ни приедет оттуда подтверждают это. Рассказывали они мне также, хотя и я слышал это от других, что

Рис. 19. Югория и Сибирь (Деталь карты неизвестного, по Меркатору и Герберштейну, 2-ая полов. XVI в.)

за этими лукоморами находится еще большая река, именуемая Таханин (Tachanin), в которой живут будто бы рыбы, совершенно похожие на человека, т. е. они имеют все те же члены, только покрытые чешуею, как у прочих рыб. На берегах же этой реки есть огромные леса с чудовищными народами, у которых голова звериная с глазами во лбу; там находятся также и другие тому подобные чудовища, о которых, впрочем, не имеют более никакого сведения . . . .

Я не хотел ничего пропустить в этом письме, что только сам видел во время нынешнего моего путешествия и что только мог

извлечь из сведений, собранных мною о дальних краях; а собирал я такие сведения со всею точностью, чтоб как-нибудь доискаться истины, и таким образом передаю теперь все виденное или слышанное мною.

Рис. 20. Деталь карты неизвестного (2-ая полов. XVI в.)

ПРИМЕЧАНИЯ

Знаменитые Рифейские горы] сл. выше: Р. Бэкон, стр. 25—27 Ю. П. Лэт, стр. 72—73. Фр. Да-Колло, стр. 84—85.

Сказывал мне один русский]. Все, что рассказывает Барберини о восхождении на Уральский хребет специальной русской экспедиции, действительно имело место; это был известный поход Петра Ушатого и Семена Курбского через Урал к Ляпину городку в 1501 году (Миллер. Описание Сибирского царства, СПб. 1787, I, стр. 50). Из Герберштейна, к книге которого восходит, вероятно, этот рассказ Барберини, мы знаем, что «на одну из вершин этой цепи гор, называемую Столпом (Stolp), т. е. колонной, русский воевода кн. Семен Курбский взбирался 17 дней и все же не мог достигнуть вершины ее». (Е. Замысловский. Герберштейн, стр. 129). В другом месте своего письма Барберини еще раз буквально повторяет все здесь рассказанное (см. во введении к настоящему тексту, стр. 131). Сл. К. Д. Носилов. По следам кн. Курбского («У вогулов. Очерки и наброски». СПб. 1904, стр. 212—255). А. М. Мартюшев (Коми-народ, как объект московской завоевательной политики в XIV—XV в. «Записки о-ва Изуч. Коми-края», вып. I, Усть-Сысольск, 1928, стр. 71—77) решительно отрицает возможность прохождения отряда С. Курбского за Урал, замечая при этом, что «Герберштейн, не зная местных условий, мог все географические названия перепутать, и, во-вторых, не исключена возможность некоторого сгущения красок собственной фантазией». Ср. его же статью: «Поход Курбского на Печору и за Урал в 1499 г.» (там же, вып. 5, 1930, стр. 66—84), которая, несмотря на странную форму изложения (диалог автора с Курбским), наводит на кое-какие интересные соображения.

Водятся на них только белые соколы]. О названиях пород соколов, употреблявшихся для охоты см. Е. Замысловский. Герберштейн, стр. 129. В латинском издании Герберштейна: «quos nos Girofalcones, hos illi (русские) Kretzet apellant» в других изданиях Gurfalken, Gerofalcones, у Мейерберга: Gerfalken (из Hierofalco); сл. Шафарик. Славянские древности, т. I, кн. 2, М. 1848, стр. 344. О родине соколов, о соколиной охоте в России, уходе за ними, любви к ним и т. д. см. Adelung. A. Fr. v. Meyerberg und seine Reise nach Russland, St.-Petersburg, 1827, S. 211—219; русск. перевод, стр. 210—231; Н. Кутепов. Великокняжеская, царская и императорская охота, т. I—IV, Петр. 1911, а также примечание к текстам М. Поло, П. Иовия (стр. 39—40; 95), Мейерберга.

Златою бабою Сл. выше: Герберштейн, стр. 114—118.

Когда наступит пора собственно для ловли этих зверьков, что бывает весной]. Барберини ошибается: ловля соболей всегда производилась в начале зимы, в ноябре, декабре и половине января, что отмечали и другие иностранцы; сл., напр., ниже: Иог. Арнольд Бранд (1673), который вполне правильно отметил, что когда уже в январе «солнце начинает пригревать», «волос у соболей начинает выпадать и делает мех негодным».

С трудом можно переехать через нее в один тамошний день]. Известие об Оби также взято Барберини из Герберштейна (сл. выше, стр. 107—108, 126).

Одного большого озера Катая]. Выше уже было указано, что представление об этом озере могло возникнуть у Герберштейна под влиянием итальянской карты Фра-Мауро (1459 г.), на которой изображено озеро с надписью: Chatajo, около Cambalech; но что Барберини пользовался именно Герберштейном, видно из того, что и у него Обь (не отмеченная еще у Фра-Мауро) вытекает из китайского озера. Сл. выше, стр. 106 и сл.

Канбулик]. Испорченное Хан-балык, «город хана», столица как после монгольского завоевания Китая стал называться Пекин. В 1215 году Пекин, носивший тогда название Chung-tu, т. е. «Срединная столица» был взят Чингисом, а в 1284 г. Кублай-хан переместил сюда столицу своего государства, но в 1267 году к северо-востоку от нее он построил новый город, который с 1271 г. китайцами назывался Ta-tu (Великая столица), а монголами Хан (или Кан) Балык. Средневековый итальянский путешественник Одорик из Порденоне пишет: «Я пришел к этому благородному городу Cambalech, древнему городу знаменитого Катая», а Марко Поло объясняет: «Благородный город Cambaluc, что на их языке означает город императора» (J. B. Scherer, «Wahre Bestimmung des Wortes Chanbaleg, Chanbalik, Cambalu, Cambala»,— в «Nordische Nebenstunden» I, Frankf. u. Lpz. 1776, S. 9—12; H. Yule, Cathay and the way thither, vol. II, Lond. 1913, p. 216—217, Note). В русских источниках Канбалыком Пекин назывался вплоть до конца XVII века: в «Ведомости о Китайской земли» (1669): «А царствующий город Камбалык, где живет царь Богдохан» (Памятники Др. Письм. и Искусства, вып. CXXXIII, стр. 20—21); в объяснениях к первой карте Сибири, вычерченной в Тобольске воеводой П. И. Годуновым: «и в том городе другой каменной же город, а зовут Камбализком, и в том городе живет Китайский царь, и подле Камбализка города выкопан ров» и т. д. (А. Титов. Сибирь в XVII веке. М. 1890, стр. 37); так называется Пекин еще у Ф. Байкова (1656), в дополнениях к наказу Н. Спафарию (1675) и во многих других источниках этого времени, однако сам Спафарий писал уже и «Камбалык» и «Пежин» (Путешествие Н. Спафария, изд. Ю. В. Арсеньева, СПб. 1886, стр. 19, 153, 154, 170).

Именуемый лукоморами]. Это место также как будто взято у Герберштейна, сл. выше, стр. 110. Впрочем, это трудно утверждать с полной уверенностью. Ведь осторожный Герберштейн пишет, что хотя он и «старательно расспрашивал об этом», но не мог узнать ничего верного, «от такого человека, который бы видел это собственными глазами» (см. выше, стр. 105). Р. Барберини, напротив, подчеркивает, что слышал это от двух сибирских звероловов—татар, привезших ясак в Москву, которые «клялись, что это сущая правда». Таким образом, Барберини как бы вступает в противоречие с Герберштейном. Есть ли это маскировка литературного заимствования или запись разговора, действительно имевшего место? Во всяком случае, было уже подчеркнуто (см. выше, стр. 111), что во второй половине XVI века эта легенда была в Москве сильно распространена и поэтому Барберини мог ее слышать независимо от Герберштейна, которого он, кстати, не упоминает ни разу. С другой стороны, в своем письме Барберини сохраняет тот же порядок изложения, что и Герберштейн: он говорит о лукоморах, потом о реке Тахнин и т. д.; тем подозрительнее звучат последние слова письма: «извините, что пишу к вам в таком беспорядке и несвязности»... Не являются ли они такой же маскировкой заимствования, как и настойчивое подчеркивание того, что все известия собраны им совершенно самостоятельно?

XIII. АНДРЭ ТЕВЭ | ANDRÉ THEVET

(1575)

Андрэ Тевэ (1502—1592)—французский путешественник и географ. Родился в Ангулеме, рано вступил монахом во францисканское братство, но, не имея склонности ни к теологии, ни к монастырскому образу жизни, кажется, плохо следовал правилам своего ордена. В 1537 г. он уехал в Италию, откуда в 1547 г. начал свои разнообразные путешествия. Ориентироваться в маршрутах этих путешествий довольно трудно; по его собственным словам, странствования его продолжались „семнадцать лет или около того". Сначала он уехал на ближний Восток, около двух лет провел в Константинополе, затем был на о. Корфу, в Морее, на Крите, Хиосе, в Адрианополе, Филиппополе и др. Плодом этой поездки был несколько раз изданный труд «Cosmographie de Levant» (Lyon, 15:4, 1556, Anvers, 1556). В 1555 году он ездил в Бразилию; изданная им по возвращении во Францию книга: «Les singularitez de la France antarctique autrement nommée Amerique» (1558) принесла ему славу; он получил место духовника королевы Екатерины Медичи и в то же время должность космографа короля и хранителя придворного кабинета редкостей. В этот период своей жизни Тевэ много писал; его многочисленные объемистые труды, однако, в значительной части остались в рукописях и едва ли когда-нибудь будут полностью опубликованы. К географическим работам Тевэ уже издавна довольно прочно установилось отрицательное и насмешливое отношение, „Бедный писатель, географ, лишенный всякого критического чутья, который верит самым неправоподобным легендам, если не сам сочиняет их, Тевэ тем не менее все же очень интересен для нас",—отзывается о нем Шинар. „Он кажется нам, в том же смысле, что и Раблэ, одним из последних представителей средневекового знания" (G. Chinard, L'Exotisme Americain dans la littérature française au XVI s.; Paris, 1911, p. 84—87; сл. еще Paul Laumonnier в «Revue de la Renaissance», 1903, février, p. 65 - 69). „А. Тевэ,— говорит в свою очередь Гаффарель, переиздавший его сочинение об Америке (Paris, 1878),—много путешествовал и много написал, но его стран-

ствования не отмечены ни одним необыкновенным приключением, а книги почти все очень посредственны и тяжелы для чтения. Даже в его время суждения его не считались особенно достоверными и его враги нападали на него с пылкостью, которая сейчас кажется нам очень странной. Мы, однако, не колеблясь отведем ему почетное место среди ученых путешественников XVI века, так как он посетил страны, забытые в то время или еще неизвестные, а его сочинения еще в наши дни могут быть использованы для интересных справок, особенно по части Америки" (Paul Gaffarel. André Thevet «Bulletin du Gèographie historique et descriptive» 1888, № 3—4, p. 166) Действительно, не отличаясь стремлением к критической проверке фактов и уменьем их систематизировать, Тевэ, однако, был очень начитан и осведомлен в интересующих его вопросах и тратил немало труда на то, чтобы записывать устные сообщения и рассказы от самых разнообразных свидетелей и путешественников. Интерес его личности придают его обширные знакомства и связи; в числе его знакомых числились Раблэ (с которым он встречался в Париже и Риме, начиная с 1536 г.), Клеман Маро, Меланхтон; он был близок также с поэтами „Плеяды"; Иоахим дю-Беллэ, Жоделль, Баиф и другие сочинили в его честь приветственные оды и послания; Ронсар написал ему прославительное стихотворение. Все эти произведения Тевэ счел нужным приложить к одному из своих главных трудов—„Всемирной Космографии".

„Всемирная Космография" («Cosmographie Universelle») представляет собою объемистый фолиант (в двух частях), изданный в 1575 г. В этой книге описаны Африка, Азия, Европа и Америка с тою подробностью, какую только допускало знание этой эпохи; описание каждой части света снабжено особой картой. „Верный своему методу,—отзывается об этой книге Гаффарель,—Тевэ не удовольствовался здесь простым описанием отдельных стран; к географическим сведениям он примешал исторические данные и современные известия. Легенды и басни, генеалогии и героические происшествия все это путается и смешивается вместе; здесь есть также наблюдения естественно-исторического характера; автор не забывает в то же время рассказать о своих собственных приключениях, о своих приобретениях и открытиях. Мимоходом он опровергает то одного, то другого своего предшественника или защищается от нападок современников. В результате получается несуразная и плохо написанная книга, трудная для чтения целиком, но оченьинтересная для справок" (Gaffarel, op. cit., p. 187).

Ряд глав этой книги посвящен Московскому государству; среди них есть несколько данных и о Сибири, приводимых ниже в русском переводе. Для правильной оценки помещаемых отрывков следует помнить, что Тевэ писал их в те годы, когда во Франции имели очень сбивчивые представления о „стране моско-

витов или русских". Франция познакомилась с Московией значительно позже других европейских держав. Поводы для непосредственных сношений Парижа с Московией нашлись только в 80-ые годы XVI века. Хотя французский дипломат Шарль Данзэ в своих донесениях из Дании еще в 70-е годы XVI в. убеждал французское правительство вступить в коммерческие переговоры с Москвой, но первая привилегия, данная представителям французской торговой компании на право свободной торговли в России, относится лишь к октябрю 1585 г., а первый французский корабль, ехавший в Россию северным путем, достиг Архангельска лишь в июне 1586 года (Ср. L. Delavaud. «Les Français dans le Nord. Notes sur les premiers relations de la France avec les royaumes scandinaves et la Russie Septentrionale depuis l'antiquité jusqu'à la fin du XVI s.» «Société Normande de Géographie». Bulletin de l'année 1910, t. XXXVII, p. 242—292, t. XXXVIII, p. 31—88 и отдельно: Rouen, 1911; Ср. также П. В. Безобразов. О сношениях России с Францией. „Русск. Обозрение", 1891, № 1, стр. 205—236, В. С. И[конников] Сношения России с Францией XVI—XVIII вв., Киев, 1893, стр. 3—5 и др.). Все это было причиной того, что сведения о России распространялись во Франции чрезвычайно медленно и с большим запозданием сравнительно, напр., с Англией. О „московитах или русских, самых коварных разбойниках из всех жителей Севера"— «les plus cruels volleurs de tous les septentrionaux», как их аттестует одна рукопись 1582 года (Ch. de la Roncière. Histoire de la marine française, t. IV, Paris, 1910, p. 255) во Франции ходили самые нелестные предания и рассказы. То, что об их государстве сообщал Тевэ, частью на основании печатных источников, частью устных расспросов, было для французских читателей свежо, ново и интересно.

Но относительно северо-восточных окраин русского государства и в частности Сибири, в которой как раз в те годы шла борьба туземного населения с русскими завоевателями и колонизаторами, он не мог сообщить почти ничего нового, заимствуя свои сведения из Герберштейна, Меховского и античных писателей, и весьма некстати хвастаясь при этом знанием русского языка, т. к. это сомнительное знание (выразившееся у него в желании объяснить своим читателям чуть ли не каждый русский географический термин), видимо, нисколько не увеличило его скудных данных о России. Один раз встречается у него в „Космографии" слово „Сибирь", под которой он так же как и Герберштейн (ср. Замысловский. Герберштейн, стр. 439) разумеет пустынную область, расположенную между Пермью и Вяткой («Entre Permie et Vviatka, gist la prouince dite Sibier, toute déserte à cause que les tartares y sont toujours dedans et y font leur courses»...); не лишен интереса его рассказ о Золотой бабе (которую он помещает на Урал), т. к. к его сочинению приложен рисунок этого идола, полученный Тевэ,

по его собственным словам, от одного поляка, которого он встретил в Турции (см. рис. 21). Следует помнить, что страны северо-восточной Азии представляли тогда для французов полную загадку; о них сообщались в печати самые легендарные данные и баснословные известия; примером может служить книга Hubert de l'Espine. Description des admirables et merveilleuses régions de Tartarie. Paris. 1558. Любопытно, что знаменитый современник Тевэ—Франсуа Раблэ в своем „Пантагрюэле" поместил свою утопию там же,

Рис. 21. Золотая баба
(Из «Космографии» Тевэ, 1575 г.)

где и Томас Мор, т. е. на Дальнем Востоке, неподалеку от северной части Китая, в наименее известной тогда европейцам части земного шара; что же касается его „страны жаждущих"—Дипсодии, играющей такую важную роль в общей композиции романа, то она, по догадке исследователей, находилась в Скифии и должна была, по представлениям Раблэ, лежать где-то на территории современной Восточной Сибири или Манчжурии (Abel Lefranc. Les navigations de Pantagruel, Paris, 1905, p. 21—22); это объясняет нам, почему на острове Medamothi, под которым Раблэ разумел, вероятно, Канаду, он упоминает купцов, приехавших из Скифии, т. е.

татар (Les scythiens Gelones), и почему он описывает соболя (Soubelin) „большую кошку с шелковистым мехом"; по мнению Шнеeганса, описание Дипсодии соответствует представлениям Раблэ о Манчжурии еще и потому, что Пантагрюэль с товарищами покупает здесь Tarande, т. е. оленя для езды в упряжи («Zeitschrift f. Französ. Sprache u. Litteratur». 1906, XXX S. 11—25). „Таранд" Раблэ взят из Теофраста или Плиния (VIII, 52), у которого, повидимому, под этим названием понимается лось: „таранд—величиною с быка, морда подобна оленьей, только шире, как будто составлена из двух оленьих". Итак, полярные страны и особенно страны Дальнего Востока были для французов эпохи Раблэ и Тевэ еще совершенно неизвестны. Здесь можно было локализовать самые причудливые вымыслы воображения. Неудивительно поэтому, что сведения об этих краях, приведенные в „Космографии" Тевэ, отличаются такой скудностью и сбивчивостью; положительные данные он мог привести только о местностях наиболее близких к Уралу, но известия его об Оби и реках Западной Сибири довольно фантастичны. Одним из важнейших источников Тевэ была, конечно, книга Герберштейна, к известиям которой он, впрочем, самостоятельно прибавил несколько новых данных. Тем не менее, для своего времени эта часть книги Тевэ отличалась несомненной новизной. В том же 1575 году, когда „Космография" Тевэ вышла в свет, появился труд его вечного антагониста—Бельфорэ (François de Belleforest. La Cosmographie Universelle de Tout le Monde, Paris, 1575). Эта книга представляет собою, собственно говоря, не самостоятельное сочинение, но лишь перевод и переработку „Космографии" немецкого географа Себастьяна Мюнстера (1489—1552), издававшуюся много раз (по-немецки «Cosmographia Universalis» издана в 1541, 1550, 1559, 1569, 1578, 1592, 1598, 1614 гг., по-латински—в 1550, 1554, 1559, по-французски—в 1552, 1556, 1565, по-итальянски—в 1558 году и т. д.; сл. выше, стр. 120). В труде Бельфорэ есть несколько известий о северо-восточной Азии; сопоставление их с теми, какие помещены у Тевэ, показывает, однако, насколько последний осведомленнее своего противника. Бельфорэ—еще в полном плену античных географических терминов, а Себастьяну Мюнстеру верит слепо; результаты европейских путешествий в северные страны дошли до него в искаженном виде и не занимают много места. Так, например, изложив мнения древних о народах севера, Бельфорэ говорит, что несмотря на почтительность, которую он питает к древней учености, он думает все же „по крайней мере относительно стран, которыми московитяне владеют в Азии", что „там нет большого количества гор, разве что в пустынях Моеды и Молгузеи (déserts et solitudes de Moyéde et Molgousay: вероятно „Самоедии" и „Мангазеи"), которые находятся в Азии за Волгой и Гипербореями, где некогда (как говорят Михов

и барон Сигизмунд) обитали венгры, прежде чем переселиться в Европу, и где до сих пор вопрошают и поклоняются идолу Златой бабы (Stotá Babá), представляющему собою статую старухи, держащей ребенка, о которой некоторые думают, что это изображение богини Кибелы". „Эти рифейцы,—продолжает он далее,—были прозваны „базилисками" (Basiliques), что значит царственные, как происшедшие от Геркулеса и я не знаю какой колдуньи этой страны, с которой Геркулес был в связи. Древние называли этот народ справедливым и любимым Юпитером, который благосклонно взирал на них со своего Олимпа, по той причине, что этот народ любит покой, поддерживает мир, никому не делает зла и, в свою очередь, никем не притесняем, тем более, что соседи уважают его, как посвященного божеству: но как я заявил в начале этой книги, я не буду останавливаться на подобных баснях"... Тем не менее, на следующей же странице Бельфорэ рассказывает о том, что „за рекою Ра или Волгой, в том повороте, который она делает на восток, вы можете видеть птирофагов (Pthirophages), т. е. пожирателей блох, которые питаются даже червячками, выходящими из их тела, и не употребляют в пищу ничего другого, до такой степени велика их бедность и ничтожество (dissette)"; далее, по его словам, „находится область, которую сейчас называют Siroen, а раньше называли Nesioti; жители ее похожи на живущих на Кавказе; соседями же их являются Rhombites, которые живут в области Тюменской (de Thumen), которая так же пустынна, как и вышеупомянутые; жители ее питаются сырым лошадиным мясом, а пьют кобылье молоко, к которому они примешивают кровь, взятую из туш этих животных" (Belleforest. La Cosmographie Universelle de Tout le Monde, t. II, Paris, 1575, p. 849—852). Отсюда видно, насколько сведения Тевэ о Сибири обширнее и достовернее, чем только что приведенные. Рассказ Бельфорэ о Геракле в Скифии взят из Геродота (IV, 10); Ср. Изв. О. Р. Я. С. XXVI. 1921, стр. 22; о „фтирофагах" (как следует писать это имя) „вшеедах",—из Геродота, Плиния или Страбона; сл. И. Толстой и Н. Кодаков. „Русск. древности", II, стр. 16; Ф. Браун. Разыскания в области гото-славянских отношений, СПб., 1899, стр. 81, 82, 84, 85; Ф. Г. Мищенко. К вопросу о быте Геродотовских будинов—„Юбилейный сборник в честь В. Ф. Миллера", М., 1900, стр. 10—12; фтирофаги—предки коми-зырян, вотяков.

Московского государства в своих трудах Тевэ касался много раз. Ему принадлежит, напр., выпущенный в 1584 г. под влиянием перевода Плутарховых „Жизнеописаний" Амио объемистый труд,—галлерея биографий исторических и современных деятелей: «Les vrais pourtraits et vies des hommes illustres» (в 1670 г. переиздано под другим заглавием: «Histoire des plus illustres et sçavants hommes de leur siécle»), в котором русского исследователя может заинтересовать весь-

ма любопытная биография в. кн. Василия Ивановича; к ней приложен его интересный портрет, имеющий за собой, по словам Н. Собко, „много достоверности“ („Сборник Археологического Института“, СПб., 1881, кн. V, l, стр. 241, 303, 518). В ряде других неизданных трудов Тевэ есть также немало интересных данных о Московии. La Roncière цитирует, напр., по рукописи Национальной Библиотеки в Париже его «Relations de deux voyages faits aux Indes Australes et Occidentales», где есть сведения о дипломатических сношениях России и Франции в XVI в. и о путешествии первого французского посла в Москву—Франсуа де Карля («Histoire de la marine française», t. IV, Paris, 1910, p. 255). В другом, также неизданном, труде Тевэ: «Description des plusieurs Isles» есть описание „снежных островов“ в Московии—на Белом море; в «Grand Insulaire et Pilotage» — труде 1586 года (Нац. Библ. в Париже: Ms. Fr., № 15452) весьма интересно описание находившегося на Дону „Лисичьего острова“ (см. выше, стр. 66). В этой же рукописи Тевэ поместил целый „Московский словарь“, содержащий в себе 644 слова и маленькие фразы,—крайне интересный образчик фонетической записи живого северно-великорусского наречия в к. XVI века; словарь этот издан Полем Буайе в «Recueil des Mèmoires Orientaux. Textes et traductions publiées par... l'école spéciale des langues orientales vivantes». Paris, 1905, p. 437—495. Вопреки заявлениям самого А. Тевэ и соображениям П. Буайе, Тевэ не был составителем этого словаря; он был лишь автором его вторичной переработки, а первая редакция составлена была торговой экспедицией Жана Соважа 1586 г. в Архангельск, как это убедительно показывает Б. А. Ларин (см. его статью „Парижский словарь русского языка“ 1586 г. „Советское языкознание“, т. II, Лгр. 1936, стр. 65—90). Но с „московитами“ или во всяком случае с людьми, бывавшими в Московии, Тевэ несомненно встречался и мог получить от них кое-какие сведения. В главе о кн. Василии в «Vrais pourtraits» Тевэ сообщает, между прочим, что в 1576 г. он расспрашивал о московитах одного англичанина (un seigneur anglois), который в качестве посланника провел в России семь лет; Н. Собко (op. cit., стр. 318) догадывается, что это мог быть Ант. Дженкинсон. Авг. Голицын выпустил отдельным изданием главы „Космографии“ Тевэ, относящиеся к России («Cosmographie Moscovite». Paris, 1858). Нижеследующий перевод сделан, однако, по парижскому изданию 1575 года (vol. II, p. 847 verso—848 v.).

По ту сторону Печоры (Petzora) и Щугора (Stzuchogora) по направлению к горам „Каменный пояс“ (Camenipoiaz) как на берегу моря, так и на близлежащих островах живут различные народы, которых русские, однако, зовут одним общим именем самоеды, что значит люди, себя пожирающие (Samoged, qui signifie se mangeant

soy mesme), по той причине, что эти народы весьма неизобильны чем бы то ни было и тем не менее они имеют много всякой птицы, различных пород и цветов, и зверей с красивым мехом, как, напр., соболей, куниц, бобров, горностаев, бурых медведей, волков и диких лошадей, а также большое количество зайцев. Среди водящихся у них зверей находится один, которого они зовут росомаха (Rossomaka), величиной с восьмимесячного теленка и столь же коварный, как львы или тигры африканских пустынь. Случается нередко, что, поймав оленя или другую какую-нибудь дичь, росомаха так обжирается ею, что бывает принуждена для того, чтобы освободить и прочистить свое брюхо, поместиться между двумя деревьями, по возможности близко растущими друг от друга; протискиваясь между ними, она так бывает сдавлена ими, что выбрасывает на землю пищу, не переварив ее, в том виде, в каком она поглотила ее и пожрала. Там водятся также рыбы-амфибии, логовища которых находятся на земле, в море, озерах и реках; они имеют чудовищный вид и чрезвычайно опасны; самый же опасный их род тот, который тамошние люди называют Colkeof; величиною они с английского дога и столь же хорошо вооружены зубами. В этом самом море находится такое большое изобилие других рыб, что это прямо кажется чудесным; притом они так безобразны, что подобных им не водится больше где бы то ни было в другом месте на земле. Страны, расположенные ниже, ближе к Америке, гораздо холоднее; ими владеют и повелевают вышеупомянутые московиты. Люди же, там живущие, ростом в полтора фута, а иногда и выше и толще, так что кто бы их увидел, подумал, что это великаны, подобны тем, которые живут в другой части света по реке Ла-Плате. Кажется прямо удивительным, что такая большая страна повинуется Московиту, так как расстояние от Щугора (Suchogore) до реки Пояс (здесь города и области называют по именам рек) более чем двадцать дней пути; оттуда вы доходите до горы Камень (Kamen), подъем на которую занимает три дня; опускаясь по ней в восточном направлении, доходят до реки Artavuischa, затем до Сибута (Sibut), где расположена крепость Лепин (Lepin), оттуда же до реки Сосвы (Sosse); народы, живущие вдоль по этой реке, называются вогуличи (Vuogulices). Оставив Сосву в стороне, идут до реки Обь (Oby), которая вытекает из Китайского [озера] (Kitaisko), и эта Обь так велика, что имеет двенадцать лье в ширину, правда только в некоторых местах, а не на всем своем протяжении. На Оби расположена крепость Обея (Obea), а также Иером (Jerom) и Тюмень (Tumen), владетели которых являются подданными и данниками московитов; от этой страны до Китая (Cataï) расстояние более чем в 60 дней пути. Между реками Обью и Югрой (Juhri) расположена область, носящая название Югра, откуда, как это достоверно известно,

вышли первые гунны, от которых произошли венгерцы и которые вышли отсюда в лето господне 367-ое, заставив много говорить о себе в нашей Франции; также нет сомнения, что это были скифы и притом особенно северные и наиболее отдаленные от нашего Запада. Кстати, по соседству с рекою Обью живут лукоморы (Lucomories), народ, ютящийся в лесах и около моря, так как Лукоморье обозначает морское побережье (lieu maritime), подобно тому, как у русских и другие названия составляются в зависимости от качества и расположения местности; так, напр., высокий мыс Нос (Nosz) назвали они так потому, что он выдается в море и походит на нос человека, а вышеупомянутые высокие горы—по той причине, что они, по их мнению, окружают землю,—зовут они „Земной пояс“ (Zemnoï—Poiaz), т. к. Poiaz по-московски значит „пояс“ (Ceinture)... Возвращаясь к морю вы находите бесконечное количество народов, то язычников, то магометан, не столь упрямых, как те, что живут в Барберии и Малой Азии, то, наконец, довольно грубых христиан, которые повинуются московиту и платят ему дань, несмотря на то, что каждый народ имеет собственных князей; живя в отдалении от тирана, они не боятся, что он прогонит их с их земли, которая тоже, по правде сказать, не слишком-то прибыльна, чтобы могла вызвать к себе зависть...

ПРИМЕЧАНИЯ

Щугора]. р. Щугор—приток Печоры; искаженное вогульское слово «Сакур», именно так произносимое зырянами.

Каменный пояс]. Сл. выше: Герберштейн, стр. 105, 114.

Самоеды]. Сл. выше: Рич. Джонсон, стр. 128, 129.

Росомаха]. Приблизительно то же рассказывают о росомахе и позднейшие писатели. См., напр., Е. Замысловский, Герберштейн, стр. 271—273; сл. выше: М. Поло, s. v. erculin, стр. 43—44; Страленберг (Historie der Reisen, Lpz., s a., S. 360—361) рассказывает, что лучшие росомахи идут из Сибири; у Миллера (Samml. Russ. Gesch, III, 495 f.) мы встречаем указание, что меха росомах идут из всей Сибири, но спрос на них не так велик, как в прежние годы; в Китай же они сбываются охотно.

Тамошние люди называют colkeof]. Трудно догадаться, какое животное Тевэ может иметь в виду; несомненно, однако, что все, что он рассказывает о «рыбах-амфибиях» относится к моржам и тюленям. Colkeof — вероятно именно какое-либо название моржа, искаженное до неузнаваемости.

Великаны, подобные тем...]. Тевэ, вероятно, имеет в виду патагонцев.

До горы Камень]. Под словом «Камень» в XVI—XVIII вв. и в северной России и в Сибири разумелся всякий горный хребет (ср., напр., Списки населенных мест Росс. Имп. Вологодск. губ. СПб., 1866, стр. XXXV), но в данном случае несомненно имеется в виду одна из гор Урала. Воеводы Петр

Ушатый и Семен Курбский шли в 1501 г. «через Камень щелью, а камени в облаках не видати... и убили воеводы на Камени самоедов 50 человек и взяли оленей. От Камени шли неделю до первого городка Ляпина...» «Расспрашивая вогулов, стариков этого края,—пишет К. Д. Носилов («По следам кн. Курбского. Из путешествия по северному Уралу», в книге: «У вогулов. Очерки и наброски». СПб., 1904, стр. 217),—я узнал, что путь его был сначала по реке Щугору, притоку реки Печоры, и только потом уже через Уральский хребет по одной замечательно низкой долинке, которая прямо и вывела его на притоки реки Сыгвы, к Ляпинскому городку, откуда уже недалеко была самая река Обь со своим обширным бассейном». Сл. выше: Р. Барберини, стр. 134.

До реки Artavuischa, *затем до Сибута, где расположена крепость Лепин*]. Эти имена заимствованы из Герберштейна (Замысловский. Герберштейн, стр. 150). Artavuischa—б. может искаженное название Иртыша; J. Baddeley (Russia Mongolia, China, Lond, I, p. CIX) видит здесь р. Тавду; то же название фигурирует на карте мира Г. Меркатора 1569 г. (Artawische fl.), куда оно попало из того же Герберштейна; на карте Гастальдо, приложенной к итальянскому изд. «Записок» Герберштейна, обозначено: Artanuza или Artaniza; под Сибутом подразумевают р. Сыгву (сл. выше, стр. 106); крепость Лепин—вероятно Ляпин городок при р. Сыгве, впадающей в Сосву. Этот городок упомянут уже в описании пути, пройденном русской ратью от Печоры к Оби в 1499—1501 гг. Беляев («О географических сведениях в древней России». Зап. И. Р. Г. О. 1852, кн. VI, стр. 250), «стараясь согласить северное направление движения отряда Курбского и Ушатого к устьям Оби со сравнительно скорым прибытием этих воевод при переходе через Урал городок в Ляпин»,—допускает кроме исторически известного городка Ляпина еще существование другого Ляпина—Обдорского, находившегося «где-нибудь по течению Соби». Но такое предположение не выдерживает критики. Е. Замысловский (Герберштейн, стр. 436—437) замечает, что по свидетельству Герберштейна, русские с Печоры двигались не по р. Усе, а ниже, по тем притокам ее, которые отделяются Уральским хребтом от речной области Сосвы. «А в реку Сосву, левый приток Оби, впадает с левой стороны р. Сыгва, берущая начало с восточного склона сев. Урала; при слиянии с этой рекой рукава Сорах (Сукер-я) и находится остяцкая деревня Ляпина (Ломпус-пауль), Березовского округа, Тобольск. губ. На месте этой-то деревни находился Ляпин «Югорский», южнее мнимого Ляпина «Обдорского». Ср. А. В. Оксенов. Политич. отношения Моск. государства к Югорской земле, Ж. М. Н. Пр. 1891, № 2, стр. 262—263. Г. Миллер сообщает (Samml. Russ. Gesch. VI, S. 404—405; «Описание Сибирского царства», 2-ое изд. 1787, стр. 162—164; 200—205): «Ляпин при р. Сыгве, впадающей в Сосву, расстоянием ок. 30 верст от устья оной, при малой речке, именуемой Ляпина, по-вогульски Лопинг-Соим, по которой и бывший там городок назван Лопинг или Лопинг-уш» (ср. В. Радлов. Сибирские древности, т. I, вып. 3, стр. 119). Д. И. Иловайский (Верхнеюрские аммониты, М. 1917, стр. 17—18) упоминает, однако, что «вогульское название р. Ляпина: «Сакья», означающее, вероятно, «реку-кормилицу», и что оно перешло у зырян в «Сыгва». Путь через Уральский хребет от р. Щугора к юртам Ляпинским см. в «Топографическом описании северного Урала и его рек». Зап. РГО. 1852, VI, стр. 309—313; ср. St. Sommier, Un' estate in Siberia, etc. Firenze, 1885, p. 187.

Называются вогуличи] сл. выше: П. Иовий, стр. 94.

Из Китайского озера] сл. выше: Герберштейн, стр. 106—107.

Крепость Обея, а также Иером и Тюмень]. Обский городок, Верхотурье и Тюмень; сл. выше: Герберштейн, стр. 108—109.

До Китая]. Слово «Китай» (Cathay), обозначающее то же, что и Sina, China в западно-европейских языках и употребляемое, помимо русского,

также в языках греческом, персидском и в различных диалектах Туркестана, произошло от монгольского Китат и служило первоначально для обозначения Китая, завоеванного монголами. Монголы же слово «китат» произвели от народа китанов, манчжурской расы, обитавшего на северо-востоке северного Китая. Около 1125 г. названия Китан, Китат или Китай стали прилагаться уже к Китаю в целом; позднее основание государства кара-китаев, завоеванного китайцами, способствовало утверждению этого имени для всего Китая у его западных соседей (Bretschneider. Mediaeval Researches I, 204, 225, 232; II, 280—281, note 1104; H. Yule. Cathay and the way thither, Hakl. Soc. Sec. Series № 38, London, 1915, vol. I, p. 146—147; F. v. Richthofen. China, I, S. 520). Под именем «Китая» (Cathay) европейцы XV—XVI вв. понимали преимущественно именно северный Китай, часто смешивая Cathay и China. Слово же China, Sine, по мнению Рихтхофена, явилось у западных народов через посредство малайского языка, причем зайти в Европу оно могло двумя путями — или через Персию и Малую Азию или благодаря морским путешествиям в Индию («О происхождении западно-европейского названия Китая». Изв. Р. Г. Общ., т. XI, 1875, стр. 236—237), A. v. Gutschmied (Kleinere Schriften III, S. 606) показал также, что различие между двумя этими терминами было «не столько пространственное, сколько хронологическое».

Область, носящая название Югра] см. выше: Ю. П. Лэт, стр. 70—71.

Живут лукоморы]. Это известие также взято у Герберштейна, сл. выше, стр. 110 сл.

Земной пояс] о значении этого названия сл. выше, Герберштейн, стр. 114.

XIV. ДАНИИЛ ПРИНТЦ | DANIEL PRINTZ

(1577)

Даниил Принтц из Бухова (Printz a Buchau), советник имперского апелляционного суда в Чехии (р. 1546, ум. 1608), был в Москве вместе с посольством Иоанна Кобенцеля, посылавшимся имп. Максимилианом II к Ивану Грозному с предложением заключить союз против турок в 1576 году. Аделунг (Krit.-Liter. Übersicht, 1, S. 188—196), а за ним и переводчик Принтца—И. А. Тихомиров и С. Р. Минцлов (Обзор записок, дневников и т. д., Новгород, 1911, вып. 1, стр. 33) ошибаются, утверждая, что он был в Москве второй раз в 1578 г. (см. Uebersberger, Österreich und Russland I, S. 449, Anm. и 463, Anm.). О своем посольстве Д. Принтц, по приказанию имп. Максимилиана, составил в 1577 г. на латинском языке краткую записку, разделенную на девять глав; эта записка впоследствии была издана в г. Нейсе в 1668 г. под заглавием: „Начало и возвышение Московии" («Moscoviae ortus et progressus»); в ней Принтц сообщает много любопытных данных, касающихся русских и России того времени. Ему же принадлежит и другое сочинение: «Genealogia Magni Moscoviae Ducis», изданное А. В. Старчевским в Hist. Ruth. Script. exteri, II, 23 sq. В первом из этих сочинений Принтц поместил ряд данных, добытых им в Москве собственными наблюдениями, а также из расспросов людей, заслуживавших доверия; в его сочинении часто встречаются такие фразы: „расспросив достопочтеннейших мужей... мы слышали... узнали от людей достойных веры", что доказывает его личные сношения с различными свидетелями и очевидцами; как член чешского суда и владелец чешских имений Фалькенау и Кроссена, он хорошо знал чешский язык, что облегчило ему понимание русского; вероятно, он пользовался даже русскими летописями, на что указывают, напр., следующие его слова: „как они [русские] пишут в своих книгах... в летописях почти нет упоминаний... перевел, как мог, с русского". В конце XVII века, когда несколько раз было издано его сочинение (в Нейсе, Силезия—1668, в Губене—1679, 1681, 1687), европейская литература располагала уже гораздо более обширными данными о Сибири,

чем те, которые привел Принтц; однако, для 1577 года, когда оно писалось, в нем заключались все же некоторые свежие данные, напр., о соболях, образ жизни и способ ловли которых весьма интересовал тогда европейцев, благодаря сбыту русских мехов за границу. Латинский подлинник сочинения издан вновь в Scriptores rerum Livonicarum, 1848, II, p. 625—728, где перепечатан с издания 1681 г. и отдельно в Риге в 1857 г. Отрывки из него в русских переводах напечатаны были в „Вестнике Европы“ 1829, № 1, стр. 1—17 („Об иностранных посланниках в России“, перев. А. Цветаева), „Сыне Отечества“ 1838, т. I, стр. 1—9; в „Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1845, № 1 и в „Архиве“ Калачова 1860, стр. 101 сл. Ср. В. А. Кордт. Чужоземні подорожні, стр. 46. Полный русский перевод с латинского дал И. А. Тихомиров (М. 1877, также в „Чтениях в Общ. Ист. Др. Росс.“ 1876, III и IV). Приводимый ниже текст дается по этому переводу („Чтения“ 1870, III, отд. IV, стр. 30—31).

Он [царь] берет также довольно большие пошлины с товаров, вывозимых из Московии. А из областей более отдаленных, каковы Пермь (Permia), Сибирь (Sibiria) и Устюзия (Ustyusia), где родится дерево кедр (Cedrus), ему доставляют в величайшем множестве драгоценные меха, употребляемые для опушки одежды князей, которые он при помощи купцов продает в разные страны и копит серебро с великою жадностью. Маленькие животные, которых шкуры мы зовем собольими (Zebellinas), питаются кедровыми орехами. Эти области населяют люди дикие и даже совершенные варвары. Занимаясь одной только охотой, они добывают диких зверей посредством метательных копий, и в этом искусстве так опытны, что очень редко промахнутся на расстояние более самого носа; сняв меха, они сшивают их и передают воеводам (Praefectis) Великого Князя. Не зная никакого земледелия, они питаются одним только мясом диких зверей, а вместо лошадей употребляют оленей, которых запрягают в телеги, и собак, на которых ездят верхом (quibus equitando insident), как это мы узнали от многих достойных веры людей.

ПРИМЕЧАНИЯ

Пермь]. О термине «Пермь» в западно-европейской литературе и картографии см. А. Ф. Теплоухов. Пермяки и зыряне. «Пермский Краеведческий Сборник», вып. II, Пермь, 1926, с. 115—124, сл. также выше: М. Меховский, стр. 81, П. Иовий, стр. 93, 94, С. Герберштейн, стр. 100; А. Тевэ, стр. 138, 148 и ниже, А. Гваньини, стр. 150, 153, Д. Логан и т. д.

Устюзия]. Имеется в виду Великий Устюг и прилегавшая к нему область. В. Устюг являлся древнейшим опорным пунктом Новгородско-Суздальской колонизации Поморья и старым торжищем русских промышленников и купцов. Во второй половине XVI в., со времени открытия Беломорского пути, Устюг сделался важнейшим после Вологды торговым пунктом между Москвой и Архангельском, чем и объясняется к нему интерес иностранцев (А. Е. Мерцалов. Вологодская старина. Материалы для истории Северной России. СПб. 1889, стр. 104). «С возникновением ярмарки в устье р. Двины и с укреплением русского влияния на берегах Оби и Енисея, он оказался в узле двух важнейших торговых дорог, связывавших внутренние области государства с ново-завоеванными провинциями и западно-европейским рынком» (К. В. Базилевич. Торговля Великого Устюга в средине XVII в.—Институт Истории. Ученые записки, т. IV, М. 1929, стр. 89). Описание Устюжского и Пермского края мы находим у А. Гваньини (см. стр. 150); он пишет, между прочим: «называется же Устюг от устья (по-латыни ostium) и Юга—реки, текущей с юга на север. Они (жители Устюжского края) богаты шкурами диких зверей разного рода, особенно же черными лисицами, которые иногда приравниваются к соболям» и т. д. (М. П. «Наш север в описании иностранца XVI в.» «Известия Арханг. Общ. Изуч. Русского Севера». 1911, № 1, стр. 2—7). Об устюжской меховой ярмарке рассказывал уже П. Иовий в 1525 г. (см. выше, стр. 94—95).

Питаются кедровыми орехами]. «Соболь... также не брезгает кедровыми орехами, но они составляют для него только предмет лакомства, как и княженика северных урманов. Бурундук, рябчик и молодые тетери составляют главный предмет его промысла» (И. Словцов. В стране кедра и соболя. Очерк Тавдинско-Пелымского края. «Зап. Зап.-Сиб. Отд. РГО». 1892, XIII, 1, стр. 10). «Соболь кормится мелкими птичками, ловит молодых рябчиков, глухарят, тетеревят и куропаток...; орехи и ягоды составляют лакомство этого зверька» (А. Черкасов. Записки охотника Восточной Сибири. СПб. 1884, стр. 270).

Собак, на которых ездят верхом]. Следует понимать, конечно, в значении упряжных собак. Употребление латинского глагола equito давало и раньше повод к подобным недоразумениям (см. выше, стр. 38).

Рис. 22. Деталь карты неизвестного
(Вторая полов. XVI в.)

XV. АЛЕССАНДРО ГВАНЬИНИ | ALLESSANDRO GUAGNINI

(1578)

Алессандро Гваньини (1538—1614) был полонизованным итальянцем. Родившись в Вероне, он почти всю жизнь прожил в Польше и там умер, заслужив себе двойную славу—военного деятеля и администратора, а также писателя. В войсках Стефана Батория он много сражался в войнах Польши с Ливонией, Молдавией и Московией, выслужил себе польское дворянство (при короле Сигизмунде Августе) и в течение четырнадцати лет был начальником крепости г. Витебска. На склоне лет он обратился к литературной деятельности и написал „Историю Польши“ (Rerum Polonicarum tomi tres, Francf. 1584). Едва ли справедливо мнение некоторых библиографов, что хроника эта принадлежит перу М. Стрыйковского по существующей, но не доказанной легенде, Гваньини „похитил готовый к печати манускрипт, и, хотя он был только переводчиком, опубликовал его за своей подписью“. Несомненно, однако что труды Гваньини мало самостоятельны; он был только компилятором. Ранее хроники, Гваньини составил обширную компиляцию „Описание Европейской Сарматии“ (Sarmatiae Europae descriptio, 1578), заключающую в себе описание Московии и пограничных стран и имеющую мало значения; сообщенные здесь данные об областях: Сибири, Югре, Обдоре, Кондоре, Лукоморьи и т. д. большею частью повторяют предшествующих авторов, напр., Герберштейна, или украшены неверными, маловероятными подробностями (ср. оценку А. Оксенова. Сибирь до эпохи Ермака по сведениям западно-европейских писателей и путешественников. „Томские Губ. Ведомости“. 1889, № 13). Тем не менее, сочинения Гваньини были довольно хорошо известны в древней Руси и не раз переводились на русский язык еще в половине XVII века (А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. СПб. 1903, стр. 73—74, 77—78); так, между 1652—54 гг. сделано было извлечение из его „Истории Польши“, вероятно, Симоном Азарьиным (И. Шляпкин. Дмитрий Ростовский и его время, СПб. 1891, стр. 56, 83); в 1653 г., по царскому указу, кн. Репнин-Оболен-

ский купил какое-то сочинение Гваньини в Польше среди других иностранных книг („Летописи русск. литературы и древности" Тихонравова, т. III, 5, стр. 34; С. Соловьев. История России, т. XIII, стр. 169) и, может быть, именно эту книгу Никон поручал перевести в 1655 г. (Р. Ист. Библ., т. V, стр. 543); среди русских переводов Гваньини, сохранившихся в ряде рукописей (И. А. Шляпкин, op. cit., стр. 80), находится и старинный перевод его описания Московского государства, из которого издан только небольшой отрывок, касающийся Двинской области, Устюжского края и Вологды („Извлечение из старинного перевода сочинения Гваньини", „Вологодск. Губернск. Ведомости" 1841, № 35; в переводе непосредственно с латинского подлинника, по изд. 1581 г. тот же отрывок Гваньини напечатан в статье М. П. „Наш Север в описании иностранца XVI века" — „Известия Архангельского Общ. Изуч. Русск. Севера", 1911, № 1, стр. 2—7), части же, относящиеся к Сибири, не изданы. Помещаемый ниже русский перевод сделан В. Н. Дурденевским по латинскому тексту, напечатанному в «Historiae Rutheniae Scriptores exteri saec. XVI», ed. A. Starczewski (Berolini et Petropoli, 1851) vol. I, здесь же он перепечатан по изданию: «Omnium regionum Moscoviae monarchiae subjectorum morum et religionis descriptio» (Spirae, 1581). Гваньини умер в Кракове в 1614 году, 76 лет отроду (P. Bayle. Dictionnaire Historique et Critique, Amsterdam, 1734, t. III p. 144). См. о нем еще: „Россия и Италия. Сборник исторических материалов и исследований, касающихся сношений России с Италией", т. II, вып. 1, СПб. 1908, стр. 254—255.

Провинция Сибирь

Эта провинция расположена при реке Каме, между областями Пермью и Вяткой. Она почти совсем лишена укреплений и городов. В ней берет начало мощная река Яик, которая, пройдя татарские кочевья, впадает в Каспийское море. Ее жители пользуются собственным языком, не знают употребления хлеба; питаются мясом зверей; ведут торговлю пушниной, — шкуры у них ценнейшие, — и платят ею же дань московскому великому князю. Почти вся эта область лесиста и болотиста и, говорят, благодаря соседству татар пустынна в большей своей части.

Область Югра

Область Югра или Угра (Jugra sive Juhra), жители которой зовутся угры или югричи, расположена по северному океану: из нее, как рассказывают, некогда вышли венгры из-за ее неплодородия

и, говорят, осели сначала около Мэотидских болот. Затем они двинулись к реке Дунаю в направлении на Паннонию и по-своему назвали Паннонию—Угорией, позже—Венгрией и под предводительством Атиллы завоевали много земель в Азии и в Европе. Московитяне этим очень гордятся, говоря, что их подданные некогда опустошили пределы Германии, Италии и Греции и были страшны всему миру. Жители этой области платят подать московскому великому князю и говорят на том же языке, что и венгерцы

Об истукане Золотой бабы
[в Обдорской области]

В этой Обдорской области около устья реки Оби находится некий очень древний истукан, высеченный из камня, который московитяне называют Золотая баба, т. е. Золотая старуха (id est aurea

Рис. 23. Обдорский край (Деталь карты неизвестного. 2-ая полов. XVI в.)

anus). Это подобие старой женщины, держащей ребенка на руках и подле себя имеющей другого ребенка, которого [местные жители] называют ее внуком. Этому истукану обдорцы, угричи и вогуличи,

а также и другие соседские племена воздают культ почитания, жертвуют идолу самые дорогие и высокоценимые собольи меха, вместе с драгоценными мехами прочих зверей, закалывают в жертву ему отборнейших оленей, кровью которых мажут рот, глаза и прочие члены изображения; сырые же внутренности жертвы пожирают и во время жертвоприношения колдун вопрошает истукана, что им надо делать и куда кочевать; истукан же (странно сказать) обычно дает вопрошающим верные ответы и предсказывает истинный исход их дел. Рассказывают даже, что в горах, по соседству с этим истуканом, слышен какой-то звон и громкий рев; горы постоянно издают звук наподобие трубного. Об этом нельзя сказать ничего другого, кроме как то, что здесь установлены в древности какие-то инструменты или что [там] есть подземные ходы, так устроенные самой природой, что от дуновения ветра они постоянно издают звон, рев и трубный звук.

От реки Оби, идя от левой стороны [живут] каламы (Calami populi), бродящие кочевьями, данники князя московского. Вниз от устьев Оби и Золотой бабы находится ряд больших рек: Иртыш (Irtischae), Березовая (Beresva), Сосьва (Sasa), Тахним (Tachnim), Данадим (Danadim) и многие другие, вытекающие из гор, называемых поясом земли (cingulus terrae). Обитатели этих рек, живущие до Золотой бабы и Северного океана, уплачивают, как говорят, дань великому московскому князю.

Область Лукоморье

Область Лукоморье тянется длинной полосой подле северного моря; ее обитатели живут без всяких построек в лесах и полях. По соседству с этой областью находятся народы грустинцы и серпоновцы, от крепости Грустины до Китайского озера, где берет свой исток вышеназванная река Обь. Живущие близ этого озера черные люди, не владеющие общепонятной речью, имеют обычай приходить к Грустинской крепости, принося с собой разные товары, в особенности жемчуг, драгоценности и дорогие камни, которые грустинцы и серпоновцы приобретают от них путем обмена. Племена Лукоморья, а равно грустинцы и серпоновцы и еще некоторые живущие в области Оби и озере Китайского вдоль рек Сосьвы, Березовой, Данадима и Тахмина, вплоть до Великого океана, как говорят, платят дань великому московскому князю. Далее, о некоторых народах Лукоморья рассказывают нечто чудесное и неправдоподобное, якобы они ежегодно 27 ноября, как пьявки и лягушки, умирают от сильного мороза, сопровождаемого туманом. Когда затем приходит день 24 апреля, они, говорят, опять оживают. Рассказывают о них, что они ведут следующим образом торговлю со

своими соседями грустинцами и серпоновцами: когда они уже чувствуют, что им грозит смерть в недалеком будущем, то они сносят свои товары в надежное место; их уносят грустинцы и серпоновцы в промежутке [их зимнего сна], оставив свои равноценные товары в том же месте. Когда же те оживут, то берут они товары за свои, если они им понравятся, по справедливому обмену; если же [мена] не была справедливой, то требуют обратно свои товары от грустинцев и серпоновцев, в силу чего между ними, как говорят, очень часто вспыхивают тяжбы и войны. Из гор Лукоморья выходит крупная река Коссин, которая, пробежав Лукоморье, впадает, как говорят, в большую реку Тахмин. В реке же Тахмин, рассказывают, водятся рыбы, которые головой, глазами, носом, ртом и ногами напоминают человека, но лишены какой-либо способности объясняться словесно. Говорят также, что по ту сторону этой реки живут люди громадных размеров, из которых одни, покрытые щетиной наподобие зверей, а другие—с собачьими головами; живут они в подземных пещерах.

ПРИМЕЧАНИЯ

Эта провинция расположена]. О местоположении Сибири по сведениям иностранцев XIV—XVI вв. см. выше: Шильтбергер (Примечания, стр. 54—55) и Герберштейн (Введение, стр. 100). Все, что Гваньини говорит о Сибири, заимствовано у него из книги Герберштейна; точно так же и, вероятно, через посредство той же книги Герберштейна, географическое положение Сибири между «Пермью и Вяткой» определяет А. Тевэ в своей «Космографии» (см. выше, стр. 138, 148).

Область Югра] см. выше: Ю. П. Лэт (стр. 70—71).

Из нее, как рассказывают, некогда вышли венгры]. Ср. выше: Плано-Карпини (стр. 9—10, 70); о выселении венгров из приуральских областей см. еще: K. Lüttich. Ungarnzüge in Europa im 10 Jahrhundert, Berl. 1910.

Мэотидских болот]. Под болотами Мэотиды или Мэотидским озером (palus, lacus Maeotis) античные писатели обыкновенно понимали Азовское море (Mar delle Zabacche); однако, название его «болотом» а не «озером» в средние века неоднократно давало повод к смешению его с другими местностями. Так, Бенедикт-Поляк, ездивший вместе с Плано-Карпини к монголам, под «болотами Мэотиды» понимал соленые озера в степях к северу от Каспийского моря (d'Avesac. Recueil de voyages et de memoires, t. IV, 2, 1839, p. 777), а Рубрук писал про Дон, что он «начинается из болот Мэотиды», которые «простираются к северу до океана» (перев. А. И. Малеина, СПб. 1911, стр. 87). Ср. выше: стр. 23 и 27.

Под предводительством Атиллы]. Гваньини, подобно другим писателям XVI века, смешивает походы гуннов на Европу в V веке и выселение венгров из Приуралья, происшедшее значительно позднее (в X веке).

Об истукане Золотой бабы]. См. выше, стр. 115 и след. К сведениям о Золотой бабе, заимствованным из Меховского и Герберштейна, Гваньини прибавляет указание, что она «высечена из камня» (?) (Ср. Шишонко. Пермская летопись, I,

стр. 17). Среди других известий о Золотой бабе рассказ Гваньини пользовался в XVII веке особенной популярностью, благодаря перепечатке в сборнике «Respublica Moscoviae et urbes» Lugduni Batav. 1630, p. 52—54; ср. Я. Березин-Ширяев. Материалы для библиографии, СПб. 1868, стр. 10. Хр. Лопарев (Самарово. Село Тобольск. губ. Материалы и воспоминания о его прошлом, СПб. 1892, стр. 3—4), сверивший этот текст с изд. Гваньини в «Rerum Mosc. auct.» (p. 108—109), нашел, что «между обоими текстами есть легкая разница».

Тахмин]. Tachmin Герберштейна (сл. выше, стр. 119—120), напечатанный так, вероятно, по ошибке. Все перечисленные здесь географические имена взяты Гваньини из Герберштейна.

Лукоморье]. Это географическое имя, введенное в научный оборот Герберштейном, долго держалось в литературе. Еще в энциклопедическом словаре Гюбнера (Joh. Hübner's Reales Staats-Zeitungs und Conversationslexicon, Leipz. 1811, S. 823) под словом «Лукоморье» объясняется, что это «провинция в пустынной Татарии, подвластная (русскому) царю. Она лежит по ту сторону р. Оби в Азии и простирается до Ледовитого океана».

Как пьявки и лягушки]. А. Оксенов («Томск. Губ. Ведом.». 1889, № 13) уже обратил внимание на то, что текст в этом месте испорчен. Напечатано: hirundines et ranae; ласточки и лягушки; вм. hirundines следует, конечно, читать hirudines, пьявки, что мы и восстанавливаем в переводе. Эта типографская ошибка из текста 1578 г. перешла в последующие издания и воспроизведена многими писателями.

Рис. 24. Деталь карты неизвестного
(Вторая половина XVI в.)

XVI. ГЕНРИХ ШТАДЕН | HEINRICH STADEN

(1578)

Вестфальский уроженец Генрих Штаден (р. 1542)—типичный авантюрист, переменивший на своем веку множество различных профессий. Он начал свою карьеру в роли простого землекопа, а завершил ее при дворе имп. Рудольфа II в качестве дипломата-прожектера. В промежутке он долго жил в России,—по предположениям его русского биографа И. И. Полосина,—всего около 12 лет (с 1564 по 1576), причем около шести лет он был опричником царя Ивана Грозного, имея свой собственный отряд-дружину; грабежом наживая добро, он пожалован был поместьями и поставил себе хоромы на Москве, а после набега Девлет-Гирея на Москву (1572), при пересмотре поместных и вотчинных дач, лишился своих имений, покинул Москву, завел мельницу в Рыбинске, а затем вскоре уехал в Поморье (1574—1575); здесь он жил в северно-русских городах, занимаясь выгодной меховой торговлей и, несомненно, побывал в Вологде, Белоозере, Каргополе и Коле. В 1576 г. с иностранным кораблем Штаден покинул Россию и приехал в Голландию, побывал затем в Германии и Швеции, наконец, явился в Вогезы в Люцельштейн, резиденцию пфальцграфа Георга Ганса Вельденцского. Представленный пфальцграфу, Штаден очень заинтересовал его своими рассказами о московитах и, по его поручению, составил описание Московии (кон. 1577—1578 гг.), а также любопытный проект ее военной оккупации от Колы до Онеги, послуживший в 1578—79 гг. предметом оживленной дипломатической переписки пфальцграфа.

Рукопись „Описания правления и страны московитов“ Штадена, а также упомянутого проекта оккупации русского севера долгое время оставалась неизвестною. В 1902 г. ее открыл в Ганноверском госуд. архиве д-р Макс Бер. В русской печати на этот важный для русской истории памятник первый обратил внимание Д. Островский в статье „Вновь открытое описание России XVI века“ („Историч. Вестник“, 1905, № 5, стр. 539—544), которому рукопись Штадена стала известна по копии, снятой М. Бером и еще в 1902 г. присланной им А. В. Половцову. Однако, ни статья Островского, ни вызванная ею заметка Fr. v. Keussler'a:

Heinrich von Stadens Nachrichten über die Livländer in Moskau zur Zeit Joanns Grosnys» («Rigaer Sitzungsberichten», 1905, Riga, 1906, S. 47—99; ср. A. Feuereisen, Livländische Geschichtsliteratur 1905, Riga, 1909, № 77; то же для 1906, Riga, 1909, № 73) не привлекли к себе широкого внимания, хотя Общество Истории и Древностей при Московск. университете в 1906 г. через посредство А. Станкевича уже вступило в переговоры с М. Бером по поводу предполагавшегося русского издания рукописи Штадена (Чтения Общ. Ист. и Др. 1907, I, Проток., стр. 13); однако, издание это не состоялось и копия с рукописи вторично вернулась в Германию. Новый интерес к этому замечательному историческому документу возник лишь после опубликования тем же М. Бером больших извлечений из рукописи: «Eine bisher unbekannte Beschreibung Russlands durch Heinrich von Staden» («Historische Zeitschrift», 1917, Bd. 21, S. 229—252); тогда о ней вновь заговорили и в русской литературе. См. В. П. Бузескул: „О доселе неизвестном описании России"—„Наука на Украине", 1922, № 3, стр. 145; его же: „Новое известие иностранца о России XVI в."—„Анналы. Журнал всеобщей истории", 1922, I, стр. 206—210. В 1925 г. напечатан был полный русский перевод „Описания" по копии рукописи Ганноверского архива: Генрих Штаден. О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника. Перевод и вступительная статья И. И. Полосина. М., 1925 (Рецензии: П. Н. Миллер. „Печать и Революция", 1925, № 5—6, стр. 402 сл.; И. С. Макаров. „Историк-марксист", 1926, I, стр. 305; F. Epstein. «Revue Historique» 1927, 154, t. p. 179—183); ср. И. И. Полосин. „Новый источник по истории русского севера XVI в."—„Север", 1928, № 7—8, стр. 50—56; его же: „Записки Г. Штадена, старицкого помещика и опричника царя Ивана" „Материалы О-ва Изучения Тверского края", вып. 3, 1925, стр. 24 и сл. Недавно появилось первое полное немецкое издание рукописи Штадена, сопровожденное обильными комментариями: Heinrich von Staden. Aufzeichnungen über den Moskauer Staat. Nach der Handschrift des Preussischen Staatsarchiv in Hannover, herausgegeben von Fritz Epstein. Hamburg, 1930 (=Abhandlungen aus dem Gebiet der Auslandkunde, Bd. 34, Reihe A, Bd. 5). Живя в Поморье и торгуя мехами, Штаден должен был получить кое-какие данные и о Сибири, куда как раз направлялась русская колонизация. В своем „Описании правления и страны московитов" Штаден, действительно, кратко говорит о самоедах, съезжавшихся из восточных стран в Пустозерск для торговли мехами. Источником сведений Штадена о самоедах и тунгусах, о Мангазее и Тахчее (о том, какая область могла иметься здесь в виду см. примечания к этому тексту) был сборщик ясака с самоедов и контрагент Штадена по меховой торговле Петр Вислоухий (Peter Wischowhow, Wislauch), о котором он сам говорит: „я имел дела и дружбу с Петром Вислоухим [сборщиком] на Пустоозере, который собирает годовую дань соболями с самоедов". („О Москве Ивана Гроз-

ного“, стр. 143). В рукописи Штадена Сибири посвящено всего лишь несколько строк, впрочем, несколько раз повторенных дословно, но что о странах северо-востока и о народах, там живущих, Штаден располагал гораздо большими сведениями, чем те, которые занесены в его сочинение, можно судить по тому, что некоторые дополнительные данные об этом находятся в дипломатической переписке пфальцграфа Георга Ганса, который мог получить их только от Штадена. В письме пфальцграфа к гроссмейстеру немецкого ордена Генриху фон-Бобенгаузену от 2-го сентября 1578 г., из которого мы ниже приводим отрывок, находится несколько данных о „дикой стране Тунгусии“ (в других рукописях—„Мангазее“), о реке Оби и о предполагаемых путях из Сибири в Америку; письмо это по подлиннику, хранящемуся в Государственном секретном архиве в Берлине, напечатал Теодор Шиман в статье: «Das Pfalzgrafen Georg Gans Anschlag auf Livland»—«Mittheilungen aus der livländischen Geschichte», Bd. XV, Heft 1, S. 117—129; приводимый нами отрывок находится здесь на стр. 123—124; перепечатано в изд. F. Epstein'a, S. 211—217. Отрывок из сочинения самого Штадена мы приводим по русскому переводу И. И. Полосина (op. cit., стр. 54), воспользовавшись при этом его комментариями (стр. 143, 176) и приложенной к изданию статьей „Западная Европа и Московия в XVI веке“, (стр. 9—53), но заново сверив текст с изданием подлинника у F. Epstein'a. Следует отметить, что хотя в словах Штадена о Сибири и нет ничего нового сравнительно с предшествующими известиями, но они лишний раз подтверждают частые и регулярные сношения русских с туземными обитателями Сибири накануне походов Ермака.

Рис. 25. Область самоедов (С карты Вальдзеемюллера, 1517 г.)

ИЗ «ОПИСАНИЯ ПРАВЛЕНИЯ И СТРАНЫ МОСКОВИТОВ»

У самоедов (Samaeden) нет государей; люди они дикие, питаются рыбой, птицей и мясом оленей. Они же стреляют и ловят в своей стране соболей, приносят их на продажу русским и выменивают их на сукно, котлы, сало, масло, панцыри и толокно. Съезд бывает в Пустоозере (Pusta Ossorra), лежащем в глухом месте. С их земли великий князь получает ежегодно много соболей в дань. Земля их лежит приблизительно в 700 милях от Москвы. Имя теперешнего сборщика дани [с самоедской земли] — Петр Вислоухий. Он не может требовать с этих народов ничего сверх того, что они дадут ему [сами] по доброй воле.

Мунгазея также не имеет государей; люди здесь ловят соболей и другое. Тахчеи (Tachzea) совсем пусты. В этой стране нет совсем никакого народа. Говорят, что в римские времена ссыльных посылали именно в эту страну.

ОТРЫВОК ИЗ ПИСЬМА ПФАЛЬЦГРАФА ГЕОРГА ГАНСА К ГРОССМЕЙСТЕРУ НЕМЕЦКОГО ОРДЕНА ГЕНРИХУ V-му ФОН БОБЕНГАУЗЕНУ ОТ 27 СЕНТЯБРЯ 1578 г.

В 30 милях от Холмогор расположена другая гавань—Мезень (Mesena); вслед за нею— Пустоозеро (Pusta Osora), где есть река и городок (offen Fleck), куда самоеды (Samogieten) ради [торговли] соболями съезжаются вместе с русскими и которое находится от него на расстоянии 100 миль.

Новая земля (Noua Semela), где живут самоеды, находится отсюда приблизительно на расстоянии 90 миль. За нею, на расстоянии 130 миль, расположена дикая страна Тунгусия (Tungosia); далее расположена Обь (Oba), где живут сибирцы (Sibirier); отсюда до Тунгусии считают 60 миль. Между Пустоозером и Сибирью ведется соболиный торг. Обь выходит из стоячего Китайского озера (kombt die Oba ausz dem stehenden mehr Kithaia); на этом месте можно также вести, пожалуй, наибольший торг, безо всякого препятствия, т. к. тамошние жители все сплошь язычники. Таким образом, вслед за страной московитов, которая не простирается далее Мезени, живут на протяжении тысячи миль пути язычники и дикие народы, а из Оби—реки можно проплыть в Америку, причем два рейса из Колы или Оби в Америку равняются одному тому, который можно сделать туда из Испании.

ПРИМЕЧАНИЯ

У самоедов нет государей]. О самоедах и древнейших известиях о них в западно-европейской литературе см. выше: Плано-Карпини (стр. 11), Рич. Джонсон (стр. 125 сл.). То, что рассказано здесь, Штаден повторяет почти слово в слово в своем проекте военной оккупации Московии: «Далее лежит Пустоозеро. Здесь встречаются и торгуют самоеды с русскими. Русские выменивают у самоедов соболей на сукно, сало, масло, кольчуги и толокно. До сих мест доходят русские торговые люди. Дальше (Пустоозера) у великого князя нет уже власти, т. к. русские не ходят в море; у них нет кораблей, и морем они не пользуются»... (F. Epstein. Heinrich von Staden. Aufzeichnungen über den Moskauer Staat, Hamburg, 1930, S. 139, 161; «Север», 1928, № 7—8, стр. 52).

В Пустоозере]. Пустоозеро, позднее — Пустозерск; расположен на полуострове Пустого или Городецкого озера, которое прежде соединялось мелководной протокой с Печорой; одно из древнейших русских поселений в низовьях Печоры; был основан в 1499 г. во время похода на Югру Курбского и Ушатого для сбора ясака среди самоедов (Огородников. Зап. Р. Географ. Общ. по отд. этн. 1877, т. VII, стр. 232; Н. Е. Ончуков. Печорская старина.—Изв. Отд. Р. Яз. и Слов. Академии Наук. 1900, кн. 2, стр. 342 сл.). Для Штадена Пустозерск являлся конечным пунктом русской колонизации северо-востока. Русские и немецкие исследователи подчеркивают опорное значение Пустозерска в к. XVI в. для дальнейшего продвижения в Сибирь: B. Kuske. Die weltwirtschaftlichen Anfänge Sibiriens unb seiner Nachbargebiete vom 16 biss 18 Jahrhundert, «Schmoller's Jahrbuch für Gesetzgebung und Volkswirtschaft» 1922, Bd. 46, S. 208; Jos. Klein. Der Sibirische Pelzhandel und seine Bedeutung für die Eroberung Sibiriens. Diss. Bonn, 1906.

Мунгазея] г. Мангазея, известный своей меховой торговлей, был построен только в 1601 г. След. Штаден говорит не о нем, а о целой области, которая простиралась от рек Пура и Таза вдоль Ледовитого моря до Енисея. См. выше: Р. Джонсон (стр. 127).

Тахчеи]. В подлиннике: Tochsea, Tachsea. По объяснениям И. И. Полосина («Записки немца-опричника». 1925, стр. 176) «зауральская область, входившая в состав сибирского ханства, упоминается в грамоте 1574 г.; позже упоминаний не встречается. Ср. Tachnin у Герберштейна». По словам С. В. Бахрушина (Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. М. 1928, стр. 150) «вопрос о Тахчеях до сих пор остается невыясненным. В позднейших документах это название не сохранилось, и попытка Дмитриева отождествить Тахчеи с Тахтанской волостью Туринского уезда не может считаться решающей. Во всяком случае это не народ, а страна, которая, судя по контексту, лежала в верховьях Тобола, т. к. в грамоте 1574 г. упоминание о Тахчеях всякий раз предшествует упоминанию о Тоболе. Упоминается название Тахчеев только в 70-ые годы XVI в. и, очевидно, впоследствии было заменено другим. Легче всего предположить, что так называлась область по Туре, за которой впоследствии установилось название Епанчин юрт, название новое и возникшее только после похода Ермака». F. Epstein (op. cit., S. 89) думает, что под Тахчеями или Тахчеей разумеется «страна остяков», т. к. самоеды остяков называли «Тахе» (Огородников. Зап. Р. Г. Общ. по отд. этн., т. IX, 1882, стр. 57); в последнем случае название это, вероятно, было непонятно Штадену (Epstein, напротив, думает, что Штаден усвоил его в бытность свою в Лапландии), т. к. едва ли о «стране остяков» он мог сказать тут же: «в этой стране нет совсем никакого народа»; косвенным подтверждением догадки Эпштейна, однако, является указание грамоты 1574 г. (на которую ссылаются, не указывая ее точно, и И. Полосин и С. Бахрушин: это известная жалованная грамота Строгановым; напечатана у Н. Устря-

лова. Именитые люди Строгановы, СПб. 1842, стр. 13), что остяки жили «круг Тахчеи». Ссылка И. Полосина на реку «Тахмин» у Герберштейна подменяет одно неизвестное другим, не намечая никакого пути для решения вопроса, поскольку попытки определить позднейшее наименование этой реки нужно признать пока неудавшимися (см. выше: Герберштейн, стр. 119—120).

Ссыльных посылали именно в эту страну]. По остроумной догадке F. Epstein'a (op. cit, S. 99) «в основе этого свидетельства Штадена лежит, вероятно, школьное воспоминание»: говоря о Тахчее, благодаря случайному звуковому сходству, он думает о Дакии (Dacia), куда действительно ссылали провинившихся во времена Римской империи.

Дикая страна Тунгусия]. Tungosia— так напечатано в тексте у Шимана («Mittheilungen aus der livländischen Geschichte» Bd. XV, H. I, S. 124). У Epstein'a (op. cit., S. 213), также напечатавшего текст письма пфальцграфа по нескольким рукописям (ср. Einleitung, S. 35), отличающимся между собой, главным образом, в написании собственных имен, стоит Mungosia, т. е. Мангазея; соответственно этому и дальше фраза: «отсюда до Тунгусии считают 60 миль» читается у него: «отсюда до Мангазеи...» Повидимому, эту редакцию следует предпочесть Шимановской.

Из стоячего Китайского озера]. В примечании к этому месту Шиман замечает (op. cit., S. 124): «Вероятно озера Байкала». Это несомненная ошибка: здесь имеется в виду именно «Китайское озеро», фигурировавшее на картах и в писаниях путешественников с середины XVI в. (о попытках локализации его см. выше: Герберштейн, стр. 106—107). Как долго держалось заблуждение, что Обь вытекает из «Китайского озера», видно, напр., из того, что в начале XVIII в. в энциклопедии Гюбнера мы встречаем следующее известие: «Oby, Obius»—«большая река в Восточной части Московии, которая в стране калмыков выходит из Китайского озера, протекает всю Сибирь... и вливается в Ледовитый океан» (Joh. Hubner's Reales Staats-Zeitungs und Conversationslexicon, Leipzig, 1711, S. 1003). Шиман был, вероятно, введен в заблуждение тем, что и Байкал назывался иногда, но не раньше, впрочем, XVIII в. («Китайским озером»—Lacus Sinicus) (Н. Катанов. Известия Лоренца Лянге. «Ежегодник Тобольск. Губ. Музея», XIV, стр. 8).

Из Оби реки можно проплыть в Америку]. В тексте, напечатанном у Epstein'a (S. 214) прибавлено: «и в Татарию». Штаден также говорит, что «man kann auch bis an und in Amerikam aus dem umbligenden lenderen kommen» (Epstein, S. 163). Представление о близости Америки к северо-восточным берегам Азии засвидетельствовано западно-европейской картографией XIV—XVII вв. Ср. Д. Анучин. К истории ознакомления с Сибирью до Ермака—«Древности», XIV (1890), стр. 296 прим. 146; A. E. Nordenskjöld. Periplus. An Essay on the early history of charts and sailing-directions. Stockholm, 1897, p. 80 sq. Этот домысел Штадена основан именно на изучении западно-европейских карт: в Москве ему еще не могли высказать подобного предположения, хотя Америка уже была известна русским книжникам; вероятно Максим Грек первый сообщил на русском языке сведения об открытии Нового Света («Понятие наших предков об Америке из древних хронографов», «Московский Телеграф», 1832, IV, стр. 594—599; Н. Спасский. Одна из русских космографий «Русский Филологический Вестник», 1896, т. XXXV, стр. 95 и сл., 187 и сл.; В. С. Иконников. Максим Грек и его время, Киев, 1915, стр. 348—350); зато уже в половине следующего столетия Америка привлекла к себе внимание русских администраторов Дальнего Востока (сл. ниже: И. Масса, Ф. Авриль, примечания).

XVII. ГЕРАРД МЕРКАТОР | GERARDUS MERCATOR

(1580)

В начале XVI века в приморских странах центральной Европы зародилась мысль достигнуть Китая морским путем, вскоре же вызвавшая длинный ряд смелых попыток осуществить эту задачу и много способствовавшая расширению географических познаний о северо-восточной Азии. Причины столь энергичных и напряженных поисков в эту эпоху кратчайших дорог из стран Запада на Дальний Восток указаны во введении к настоящей книге; напомним, что завоевание богатых восточных рынков явилось одной из самых существенных проблем в экономической политике тех государств, где цвел тогда торговый капитализм и зачиналась промышленная деятельность. И вот, на место ганзейских купцов и итальянских городов, некогда (XII—XV вв.) снабжавших весь Запад продуктами Востока—пряностями, драгоценными камнями, шелками и другими предметами роскоши,—в борьбе за мировой рынок и колонии на Востоке выступили сначала Португалия, а с половины XVI века—Англия. В конце XVI и начале следующего столетия в эту борьбу вступила и Голландия. В Англии эта эпоха является периодом расцвета торгового мореплавания: специально организованные компании (напр. „Общество купцов, искателей стран, земель, островов, государств и владений, неизвестных и доселе не посещаемых морским путем") под покровительством и с поощрениями правительства посылали в Средиземное море свои собственные суда за товарами Малой Азии и Персии, вели торговлю с Гвинейским берегом и со Скандинавией, непрерывно расширяя сферу своего коммерческого влияния и горизонты своих плаваний; началась серьезная борьба Англии за колонии с Испанией и Португалией: отсюда ее стремление, независимо от последней, найти новый морской путь в Китай, более краткий, чем существующие, и притом такой, каким бы она могла пользоваться без опасности пиратских нападений и совершенно самостоятельно. Так возникает идея проникнуть в Китай северными морями, мимо неизвестных еще тогда северных берегов Сибири.

Одно из первых указаний на возможность такого путешествия сделал еще в 1525 году, со слов русского посла в Риме Дм. Герасимова, Павел Иовий (см. выше, стр. 96—97); свидетельство Герберштейна о том, что р. Обь вытекает из „Китайского озера" (см. выше, стр. 106) еще более утвердило в таком предположении (ср. O. Peschel. Geschichte der Erdkunde, 1865, S. 286 ff.; S. Ruge. Geschichte der Zeitalter der Entdeckungen, 1881, S. 521; Brinner. «Abhandlungen zur Verkehrs und Seegeschichte», VII, 1913, S. 49—53); на Западе долго верили неправдоподобному известию, что еще Иван Грозный назначил большие награды для отыскания этого северного морского пути (В. Огородников. Донесение о Московии 2-ой половины XVI в. „Чтения". 1913, II, стр. 43 сл.); во всяком случае, несомненно, что искать северо-восточный путь в Китай побудили рассказы русских, записанные иностранцами-путешественниками в Московии (сл. замечание К. Бестужева-Рюмина в рецензии на книгу Замысловского о Герберштейне. Ж. М. Н. Пр., 1884, № 5, стр. 109). Англия первая сделала попытку осуществить указанный проект. Ряд замечательных плаваний, предпринятых англичанами в этой надежде, начался в 1553 году плаванием Виллогби, когда Себастьян Кабот убедил короля Эдуарда V снарядить специальную экспедицию для отыскания Китая с севера. Виллогби погиб у берегов Лапландии, товарищ же его по путешествию — Рич. Ченслор, плывший с ним на отдельном корабле, как известно, достиг русских берегов Белого моря, съездил оттуда в Москву, затем благополучно вернулся в Англию. Это путешествие, открывшее для англичан вместо Китая Московию, послужило причиной возникновения интенсивной русско-английской торговли (этому эпизоду русско-английских сношений посвящена большая литература: назовем, напр.: Гамель. Англичане в России. Зап. Ак. Наук, 1865, т. VIII и 1869, т. XV; Ю. В. Толстой. Первые сношения Англии с Россией. Рич. Ченслор. „Русский Вестник", 1873, № 6, стр. 489—522; его же: „Россия и Англия". СПб. 1875; С. Середонин. Английские известия о России 2-ой половины XVI в. Ж. М. Н. Пр. 1885, № 12, стр. 131—133; его же: Сочинение Джильса Флетчера «On the Russe Common Wealth» как исторический источник. СПб. 1891, стр. 10 и сл.; Ф. Мартенс. Россия и Англия в продолжение XVI и XVII вв. „Русская Мысль". 1891, кн. 1; Инна Любименко. История торговых отношений России с Англией, вып. 1, (XVI в.), Юрьев, 1912, стр. 6—8; E. Vaughn. «English Trading Expeditions into Asia under the Authority of Muscovy Company» — в сборнике: «Studies in the History of English commerce in the Tudor Period». University of Pensilvania, New-York, 1912, p. 117—144); ,,Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Перевод с английского Ю. В. Готье. Соцэкгиз. М. 1938 г. Интересно отметить, что около того же времени (1554) швед-

ский король Густав Ваза также задумал послать экспедицию для проверки предположения, можно ли северным путем достигнуть Китая и Восточной Индии («ut experiatur, an per Septentrionem in Cathaiam seu Indiam Orientalem navigare possit»...), предложив начальствование в ней французскому эмигранту Юберу Лангэ, гуманисту и блестящему писателю этой эпохи; экспедиция не состоялась, сам же Лангэ, сохранивший известие об этом неосуществленном проекте, кажется, нисколько не огорчился по этому поводу, т. к. „странам новым и диким" он, по собственному признанию, предпочитал „страны цивилизованные" (W. Mollerup «Et bidrag til Nordostpassagens historie»—«Geografisk Tidskrift» 4, Kjöbhenavn, 1880, 79 ff.; сл. Г. Лангэ. Мнение о России. „Русск. Стар." 1885, т. XLVI, стр. 411—416). Аналогичные проекты возникли и во Франции еще в 1527 г., затем в Италии (сл. выше, стр. 97), но они также, по различным причинам, осуществлены не были. Иначе обстояло дело в Англии. Вслед за Рич. Ченслором, отправившийся в Белое море Стифен Бёрро, плывя на восток от Печоры, 10 августа 1556 г. достиг Карских ворот и Вайгача: льды помешали ему проникнуть далее; но он был уверен, что искомая дорога уже найдена, т. к. кормщик встреченного им русского судна Лошак сообщил Бёрро, что последний уже миновал дорогу к Оби, считавшуюся воротами, ведущими в северо-восточный проход. Несмотря на обещания русского кормщика, в случае благоприятной погоды, сопровождать английский корабль до р. Оби, Бёрро побоялся пуститься далее в путь в такое позднее время года и вернулся обратно в Холмогоры, собрав интересный картографический материал. Оставленные Бёрро дневники свидетельствуют, что он был первым из западно-европейцев, побывавшим на Новой земле, в Югорском шаре (об этой и последующих экспедициях для отыскания северо-восточного морского пути в Китай см. В. Берх. Хронологическая история путешествий в северные полярные страны. СПб. 1821, т. I, стр. 18—25, Ф. П. Литке. Четырехкратное путешествие в Северный Ледовитый океан, ч. I—II. СПб. 1828. Ф. Студитский. История открытия морского пути из Европы в сибирские реки и до Берингова пролива. СПб. 1883; Б. П. Дитмар. Краткий очерк открытия северо-восточного и северо-западного проходов. М. 1909; Северный морской путь. Статистические материалы, относящиеся к северному морскому пути, плаванию экспедиций, начиная с XVI стол. по настоящее время. Омск, 1919. М. С. Боднарский. Великий северный морской путь. М. 1926). См. еще Г-де Фер. Плавания Баренца (Diarium Nauticum) 1594—1597. Перев. А. И. Малеина. Под ред В. Ю. Визе. Лгр. 1936, стр. 4 и сл.). В 1568 году лондонская торговая компания, в руках которой была сосредоточена торговля с Москвой («Muscovy Company»), поручила трем морякам: Басседину, Вудкоку и Брауну

проникнуть через открытый Бёрро пролив до устья р. Оби; однако, об участи и результатах этой экспедиции до нас не сохранилось никаких данных. Во всяком случае, трудности и опасности подобных путешествий на некоторое время охладили искательский пыл английских мореплавателей. Однако, в 1580 г. вновь сделана была попытка совершить разведочную экспедицию из Белого моря к устьям сибирских рек.

Так как с нею ближайшим образом связано публикуемое ниже письмо Г. Меркатора к Рич. Гэклейту, мы остановимся на ней несколько подробнее. Летом 1580 года „Московская Компания" снарядила два небольших судна (barks) „Джорж" и „Вильям" под командою Артура Пета (или Пита) и Чарльса Джекмена, которые должны были отправиться в далекий путь. 30-го мая они вышли из Гарвича и 23 июня прибыли в Вардегуз. Задержанные здесь сильными ветрами, они лишь 1-го июля смогли продолжать свой путь и 7-го августа увидели берег, который приняли за Новую Землю. Проследив его до 14 числа, они поплыли далее к северо-востоку и 16-го числа того же месяца прибыли к о. Вайгачу. 2-го августа Пет прошел через Карские ворота в Карское море. Джекмен со своим судном также пробрался в это море, но, направляясь на восток вдоль южного берега, встретил много льда. С трудом выбравшись оттуда в Югорский шар, корабли решили повернуть назад. 27 августа оба корабля снова прошли Карские ворота, направляясь на Запад. 1-го сентября корабль Джекмена „Вильям" пропал из виду. А. Пет на „Джорже" 26 декабря благополучно прибыл в Ратклиф, Джекмен же пропал без вести... Гамель выразил догадку, что Джекмен, перезимовав в Норвегии, с октября 1580 г. по февраль 1581 г., возобновил затем свою попытку, достиг р. Оби и там погиб в схватке с самоедами, которые приняли пришельцев за врагов, явившихся для покорения себе туземцев. Основанием для этой догадки послужило глухое известие, что какое-то европейское судно, вооруженное пушками, около этого времени погибло у Оби именно таким образом. Известие это идет от англичанина Джерома Горсея, который, будучи в Москве, слышал об этом от „сибирского царя", находившегося здесь в плену. Вот подлинные слова Горсея: „Русские были в это время заняты завоеванием Сибири, сильно распространяли свои пределы и перевезли в Москву сибирского царя Чиглика Алоса (Chiglicke Aloth) с матерью и мурзами (т. е. лучшими дворянами). Здесь [в Москве] я видел, когда он делал странные военные маневры, то на коне, то пешком, по ихнему обычаю; и слышал я от него, что в их земле были англичане или люди такие, как я, взятые ими с кораблем года два тому назад, с пушками, порохом и другими запасами, когда они ехали по реке Оби искать пути в Китай через северовосток" (Записки о Московии XVI в. сэра Джерома Горсея.

Перевод с английского Н. А. Белозерской. СПб. 1909, стр, 76). По разъяснениям Гамеля, под „Сибирским царем“ может подразумеваться только привезенный в Москву в 1583—1584 гг. „сибирский царевич Маметкул“—известный у нас под именем сына или племянника Кучума; что он не был его сыном, видно из того, что его называли в Москве „Алтауловичем“, по имени брата Кучума—Алтаула.

Гамель высказывает также остроумную догадку о загадочном имени, которым его называет Горсей (повидимому, Горсей удержал в памяти имя казанского экс-царя „Шилик-Алик“ и наделил им и „сибирского царевича“). Несмотря на хронологические совпадения, трудно все таки с уверенностью утверждать, что погибшее у северных берегов судно было судно Джекмена, как думает Гамель. „Очень возможно,—замечает М. Боднарский,—что постигнутое несчастьем судно было не „Вильям“, а принадлежавшее Muscovy Company, на котором плавали Басседин, Вудкок и Браун“ (Боднарский, op. cit., стр. 20; ср. К. Свенске. Новая Земля в географическом, естественно-историческом и промышленном отношениях, СПб. 1866, стр. 3—4). Однако, вполне справедливо другое предположение Гамеля, что самоеды прибытие этого корабля поставили в связь с походами Ермака и потому-то и расправились так жестоко с его командой (см. J. Hamel. «Sir John Franklin's Nordwestexpeditionen und Charles Jackmann's Nordostfahrten von 1580—1581»—«Mèlanges Russes» t. IV, 1860, p. 110—112; ранее в «Bulletin de l'Acad. des Sciences de St. Petersbourg», l. 1860, p. 497—505; к статье приложен набросок карты о. Вайгача и Карского моря, сделанный Г. Смитом, помощником Пета, 1580 г.). О том, с каким интересом следили современники за открытиями английских мореплавателей, видно из того, что в известной и в те годы очень ценившейся поэме Вильяма Уарнера (W. Warner, 1558?—1609) «Albion's England» (1586), представляющей в нескольких тысячах стихов историю Англии от древнейших времен до эпохи Елизаветы, автор нашел место рассказу о начале русско-английской торговли и, правда, в несколько тяжелых, на наш вкус, стихах 66-ой песни прославил отважных путешественников в северные моря. Уарнер упоминает о плаваниях Стифена Бёрро к Вайгачу, к землям диких самоедов, в поисках морского пути в Обь, об экспедициях Пета и Джекмена и т. д. (Early voyages and travels to Russia and Persia, vol. I, London, 1886, p. CXLIX—CLI):

It is no common Labour to the Riuer Ob to sayle,
Howbeit Burrough did therein, not Dangerles preuaile.
He through the foresaid frozen Seas in Lapland did ariue,
And thence, to expedite for Ob, his Labours did reuiue.
What he amongst the Vaigats and the barbarous Samoeds—notes
Their Idols, Deer-skin Ténts, how on their backs they bare their Botes,

In which, but Hides, securely they doe fish those Seas all day;
And how on Deere they ride, and all on sleds by Deere conuay;
To eate their Dead; to feast their friends, their Children sometime slay;
Their store of Sables, Furres, and Pealts fetcht thence from farre away:
How at our Crab and Lion Signes their Frost and snow is greate,—
Let be, and many things we might of this new Tract intreate,
By Burrough found, whose Praise not much is Chancelors behinde,
As Master in that Ship with him that first did Russia finde,
And in this Northeast Trade with Praise do Pet and Jackman mind.

Нет, не легко проплыть на Обь, и путь туда далек,
Но смелый Бёрро там бывал, трудами пренебрег,
Через холодные моря в Лапландию проплыл,
Весьма опасный путь на Обь для Англии открыл.
Что видел он среди вайгат и самоедов там?
-- Их чумы, идолов и как рыбак по берегам
Таскает лодку на спине, рыбача целый день,
Как возит на себе людей послушный им олень,
Как мертвецов они едят, едят своих детей,
Как привлекают всех они богатством соболей;
Про их мороз и снег я рассказать вам рад.
Сколь много Бёрро повидал чудес в стране вайгат!
Как подвиг Ченслора, велик его упорный труд.
Как Пэт и Джекмен он страдал в снегах суровых тут.

(Перев. Б. Миротворцева).

Еще более популярности все эти путешествия приобрели благодаря Ричарду Гэклейту и его продолжателю Перчасу, географам-компиляторам к XVI—нач. XVII вв., которые опубликовали все важнейшие дневники, путевые журналы, инструкции и т. д., оставшиеся от этих мореплавателей.

Рич. Гэклейт (1557—1616), к которому обращено печатаемое ниже письмо Г. Меркатора, в 1577 году окончил Оксфордский университет и сначала был преподавателем географии в „обычной" школе, затем принял духовное звание. В 1583 г. он собрался было ехать в путешествие с сэром Гэмфри Джильбертом, он ему что-то помешало, и он спасся от гибели, постигшей эту экспедицию. Зато делом его жизни сделалось собирание рассказов английских моряков, и он умел раздобывать их с редкой настойчивостью и удачей. Значительную услугу для его деятельности в этом направлении оказало пятилетнее пребывание его во Франции в должности духовника английского посланника при французском дворе. „Широкое образование, знакомство с шестью языками,

помимо английского, которыми он овладел настолько, что мог по крайней мере читать написанные на них книги, сделало его способным к этой работе; перепиской он был связан с почти невероятным количеством друзей и знакомых—из ученой среды, из придворной знати, из купеческого сословия, наконец, из моряков всех стран, что также обеспечило успех его литературным предприятиям" (Max Böhme. Die grossen Reisensammlungen des 16 Jahrhunderts und ihre Bedeutung, Strassburg, 1904. S. 152—153). Вернувшись в Англию и занимая различные духовные должности в ряде городов Англии, Гэклейт до самой смерти (он умер в звании архидиакона Вестминстерского аббатства в 1616 г.) интересовался только путешествиями и смог выпустить ряд книг, доныне сохраняющих выдающееся значение. Уже первая его книга, посвященная Ф. Сиднею: «Divers voyages touching the discoverie of America» (1582) сообщила ряд важных данных для истории открытия Америки. В 1589 г., через год после гибели „Непобедимой Армады", появился первый том его знаменитого труда: „Главные плавания, путешествия и открытия английского народа на море и на суше, сделанные в отдаленнейших углах земли за последние 1600 лет" (The Principal Navigations, Voiages, Traffiques and Discoveries of the English Nation, made by Sea or Over-Land, to the remote and farthest distant quarters of the Earth etc). Через десять лет тот же труд, переработанный и дополненный, вышел уже в 3-х томах и это издание сделалось источником драгоценных сведений о многих уголках земного шара. В нем напечатаны полностью и в извлечениях дневники странствований, в том числе и названных выше. В первом томе собраны многие известия англичан и о Сибири; часть из них в переводе на русский язык вошла и в настоящую книгу. О Гэклейте и его труде см. Clements Markham. Rich. Hakluyt, his Life and Works, Lond. 1896; „Трехсотлетие со дня смерти Р. Гэклейта"—„Историч. Вестник". 1916, № 12, стр. 799—800; новая работа: Parks, George Richard Hakluyt and the english voyages, New-York, 1928; E. G. R. Taylor. Tudor Geography 1485—1583, London, 1930. «The principal Navigations» переиздавались несколько раз, в 1809, в 1865 и 1885 гг. Недавно появились новые издания в 10-ти томах, Lond. 1927—1928, а также в сокращениях: Hakluyt's Voyages. Selected and Arranged by A. S. Moth, with Illustrations by H. R. Miller and Maps by E. H. Fitchew Oxford, 1929; Hakluyt. The Voyages, Traffiques and Discoveries of Foreign Voyagers with other Matters relating thereto contained in the «Navigations», Introd. by E. Rhys, New edit. Two vols. London, 1928. Ср. Martin. G. W. Traffiques and Discoveries «Quaterly Review», vol. CCLIII, 1928, p. 257—276. Еще в 1739 г. при Петербургской Академии Наук, как сообщает П. Пекарский. История Акад. Наук, I, стр. 585, француз Малярд перевел

из Гэклейтовского сборника путешествия англичан по Московскому государству; далее ими широко пользовались историки русско-английских сношений в XVI—XVII вв., но русскими географами они далеко еще не использованы до конца. Только что появилось издание: „Английские путешественники в Московском государстве" (М. 1938), где в переводе Ю. В. Готье, но с недостаточными комментариями (в которых, между прочим, не использована и настоящая книга) приведены полностью касающиеся открытия северного морского пути известия Бёрро, Арт. Пета и Джекмена и др. О сборнике Гэклейта см. еще статью А. В. Дружинина (Собр. сочинений, СПб. 1865, т. V, стр. 276—287).

Материалы, собранные Гэклейтом, были так велики, что при жизни он не успел опубликовать их полностью. Это было сделано продолжателем его Самюэлем Перчасом (Samuel Purchas, 1577—1626), который выпустил их в 1625 г., с добавлениями к ним материалов, собранных им самим: «Hakluyts Posthumus or Purchas his Pilgrimes—Contaning a History of the World in sea-voyages and lande-travels, by Englishmen and others» (переиздано в Glasgow, 1905, 20 томов; характеристика этого труда: M. Böhme, op. cit., S. 161—162).

Приводимое ниже письмо Г. Меркатора к Гэклейту—единственное, сохранившееся из их, вероятно, длительной переписки. Автор его не менее интересен, чем адресат. Герард Меркатор (1512—1594) — знаменитый фландрский математик и географ. С именем его связан настоящий переворот в географической науке, в частности в картографии. В начале своей деятельности он, однако, блуждал в потемках. Его знаменитый глобус, выполненный в 1541 году и последовавшие за ним карты мира показывают, как много труда и старания потратил он на собирание исторических данных и сколь многого в то же время нехватало его знаниям. Большой известностью пользовался его „Атлас или космографические размышления о строении мира и устройстве чертежей". Этот труд представляет свод всех географических данных, добытых наукой к концу XVI в. Свои знания Меркатор черпал не только из книг, но также из рассказов путешественников, имея большие связи и разнообразные знакомства во всех странах Европы. Правда, как настоящий ученый эпохи Возрождения, Меркатор воспитан был в уважении к античной науке: учившийся на книгах Страбона, Плиния, Птолемея (см. ниже письмо И. Балака), он зачастую пользовался античной географической терминологией, и ему приходилось с большим трудом примирять несогласующиеся сведения, добытые из книг и из непосредственного общения с выдающимися современниками-путешественниками. Тем не менее, уже карта Европы, выпущенная им в Дейсбурге в 1554 г., доставила ему славу самого выдающегося географа его времени (A. Heyer.

Drei Mercator-Karten in der Breslauer Stadtbibliothek,—Zeitschrift für wissenschaftliche Geographie, Bd. VII, H. 2—6, Weimar, 1888), а последующие его работы утвердили за ним его значение в науке. На карте Европы изд. 1554 г. мы находим ряд сведений о русских северо-восточных владениях, которые позаимствованы, вероятно, с карты А. Вида и Герберштейна; так, Канин нос назван здесь „Святым носом", как у Вида, а у Герберштейна заимствован рисунок Золотой бабы. В 1572 г. Меркатор напечатал исправленное и дополненное издание этой карты, к чему побудили его „северо-восточные плавания и открытия англичан", однако, до нас не дошло ни одного экземпляра этого издания и о нем мы можем судить лишь по уменьшенной копии, включенной Румольдом Меркатором в посмертное издание атласа отца (1595 и сл. годы) (см. В. Кордт. Материалы для истории русской картографии. Вторая серия, вып. I. Карты северной России, северных ее областей и Сибири, Киев, 1906, стр. 8—9); надпись же, сделанную на карте о том, что к переизданию карты Меркатор был побужден открытиями англичан, перепечатал Гэклейт в своих «Navigations» (F. van Ortroy, L'oeuvre gèographique de Mercator. Bruxelles, 1893, p. 38—42). В 1569 году Меркатор издал большую карту всего света. При составлении этой карты для тех ее частей, которые обнимают северо восточную Европу и Северную Азию, Меркатор воспользовался картой и „Записками" Герберштейна, а также дневниками путешествий англичан, которые сообщил ему, вероятно, Гэклейт. С точки зрения современной картографии, те изменения, которые были сделаны Меркатором в чертеже Европы, сравнительно с изданием карты 1554 г., нельзя признать удачными, для Азии же у Меркатора явно нехватало сведений: он сохранил ряд имен, позаимствованных у Плиния и Птолемея, напр., мыса Табина, другие же названия взял из Марко Поло, поэтому очертания Северной Азии и Сибири вышли у него далеко не соответствующими действительности. И несмотря на это, вплоть до появления карты Сибири Витсена в 1687 г., именно карта всего света Меркатора 1569 г. в различных копиях и вариациях была единственной, считавшейся авторитетной картой Сибири. „После „Татарии" Ортелиуса, напечатанной в различных изданиях географии Птолемея (1586, 1617),—пишет В. Кордт,—западно-европейская картография Сибири не дала каких-либо заметных результатов". „В атласе Меркатора, дополненном Иодоком Гондиусом и изданном в 1606 г.... встречается впервые новая карта Сибири, составленная Гондиусом, очевидно, на основании карты всего света Меркатора в 1569 году и озаглавленная «Tartaria». Всматриваясь в остальные карты Сибири до второй половины XVI в., можно прийти только к тому заключению, что все они находятся в некоторой зависимости от карты всего света Меркатора и „Тартарии" Гондиуса, что на них незаметно

никаких личных наблюдений составителей и что они были дополнены и изменены, очевидно, на основании географической литературы того времени" (В. Кордт, op. cit., стр. 22). А. Э. Норденшильд („Первая карта Северной Азии, основанная на действительных наблюдениях". Перевод со шведского Э. В. Кориандера.—„Записки Военно-топографич. Отдела Главного Штаба", ч. XLIV, СПб. 1889, стр. 1—11; ср. A. E. Nordenskjöld Periplus. An Essay on the early History of Charts and Sailing-Directions. Transl. A. Bather, Stockholm, 1897, p. 149—160) также замечает, что в карте Меркатора 1569 и в последующих больших картографических работах к. XVI и нач. XVII в. карта северной Азии „все еще украшалась по недостатку новых исследований старыми легендами".

После всего сказанного, нас не должно удивить и содержание публикуемого ниже письма Меркатора к Гэклейту. Оно написано в 1580 г. в момент отправления экспедиции Пета и Джекмена из Англии на поиски северо-восточного пути в Китай. Через Гэклейта Меркатор инструктирует английских моряков и поручает им в то же время собрать некоторые интересующие его сведения о берегах северной Азии Воспользоваться сообщенными сведениями Пету и Джекмену не удалось, но кто знает, не виновно ли отчасти и настоящее письмо в погибели Джекмена? Ведь Меркатор,—самый славный и авторитетный из географов своего времени,—утверждает в нем, что „плавание в Китай северо-восточным проходом весьма удобно и легко" и развертывает перед моряками заманчивые перспективы многообещающей торговли с богатейшими странами востока. Как было не поверить ему и не попытаться на опыте проверить все выставляемые им положения? Однако, настоящее письмо должно было соблазнить на опасные путешествия не одних только Пета и Джекмена, к которым оно обращалось через посредство Гэклейта. Сам Гэклейт, даже после неудачи экспедиции Пета и Джекмена, нашел это письмо столь важным и интересным, что напечатал его полностью в своем сборнике (The Principal Navigations, 1599, vol. I, p. 443 sq). На него поэтому могли ссылаться, его могли изучать и последующие исследователи северо-восточного прохода. Настоящее письмо в качестве важного исторического документа для истории плаваний в северные моря поэтому перепечатывалось много раз. Французский перевод его напечатан у P. Bergeron. Relation des voyages en Tartarie de Fr. Guillaume Rubruquis, etc. Paris, 1734, p. 207—209, а также в книге того же автора: «Voyages faits principalement en Asie dans les XII, XIII, XIV et XV s. La Haye, 1735, p. 114; немецкий перевод помещен в книге: J. Chr. Adelung. Geschichte der Schiffahrten und Versuche, welche zur Entdeckung der Nordöstlichen Weges nach Japan und China unternommen wurden, Halle, 1768, S. 59, в отрывке так-

же у F. v. Richthofen. China. Ergebnisse einer Reise, Berlin, 1877, S. 669. Мы помещаем его в переводе с латинского подлинника, напечатанного у Гэклейта. Письмо Гэклейта к Меркатору, на которое данное служит ответом, до нас не дошло См. G. B. Parks, R. Hakluyt and the English voyages, New-York, 1930, p. 260.

ПИСЬМО ГЕРАРДА МЕРКАТОРА К РИЧАРДУ ГЭКЛЕЙТУ

(1580)

Сударь, я был очень огорчен, узнав из вашего письма, что англичане потеряли так много времени и упустили столь удобную возможность осуществить свое намерение; мне бы очень хотелось, чтобы прежде чем ехать, ваш Артур Пет был бы предупрежден о многих важных вещах, касающихся сего предмета, ибо плавание в Китай северо-восточным проходом весьма удобно и легко и я часто удивлялся, что, столь успешно начав его осуществление в этом направлении, его оставили, чтобы повернуть паруса на запад, несмотря на то, что соотечественники ваши уже достаточно хорошо ознакомились более нежели с половиной этого восточного пути. Ибо за островом Вайгач и Новой Землей находится большой залив, перед которым лежит знаменитый мыс Табин и в который вливаются большие реки, кои должно быть орошают весь Катай (Cathay) и Серику (Sericana); по ним можно проникнуть на больших судах в самую глубь этих стран, а там завязать прекрасную торговлю товарами, происходящими из Китая, Манги (Mangi), Миен (Mien) и других соседних областей; вот почему я не могу себе представить, чтобы оставили путь этот безо всякой причины; я полагаю, что великий князь московский воспротивился этому и думаю также, что если бы туда можно было проехать, предварительно заручившись разрешением и милостью этого князя, следовало бы разыскивать в первую очередь не мыс Табин, а скорее всего этот большой залив, с реками в него впадающими, и, избрав там какую-нибудь удобную гавань, закрепить ее за английскими купцами, дабы иметь таким образом время и подходящий случай с большим удобством обогнуть этот мыс, а оттуда добраться до Китая. Из Плиния (I.6.6.17), других древних писателей, а также из нескольких карт, довольно грубо исполненных, мы знаем, что в этих местах есть большой Мыс Табин, который очень далеко вдается в море. Из некоторых магнетических наблюдений я узнал также, что Магнитный полюс, вероятно, не слишком далек оттуда, что вокруг этого мыса есть много скал, делающих плавание весьма трудным и опасным. И все же западный проход, который ныне пробуют, представляется мне еще более трудным и опасным,

так как я полагаю, что этот западный проход будет лежать еще ближе к Магнитному Полюсу, чем та дорога, к которой он не слишком сильно приближается. Итак, поскольку Магнит имеет иной полюс нежели Полюс Мира, на который он смотрит и который окружает со всех сторон, очевидно, что чем сильнее мы к нему приближаемся, тем сильнее магнитная стрелка отклоняется от Севера, то к Востоку, то к Западу, в зависимости от того, находимся ли мы в меридиане более восточном или более западном, чем тот, который проходит через полюсы Магнита. Отнюдь не замечательное, колебание это может тем не менее легко ввести

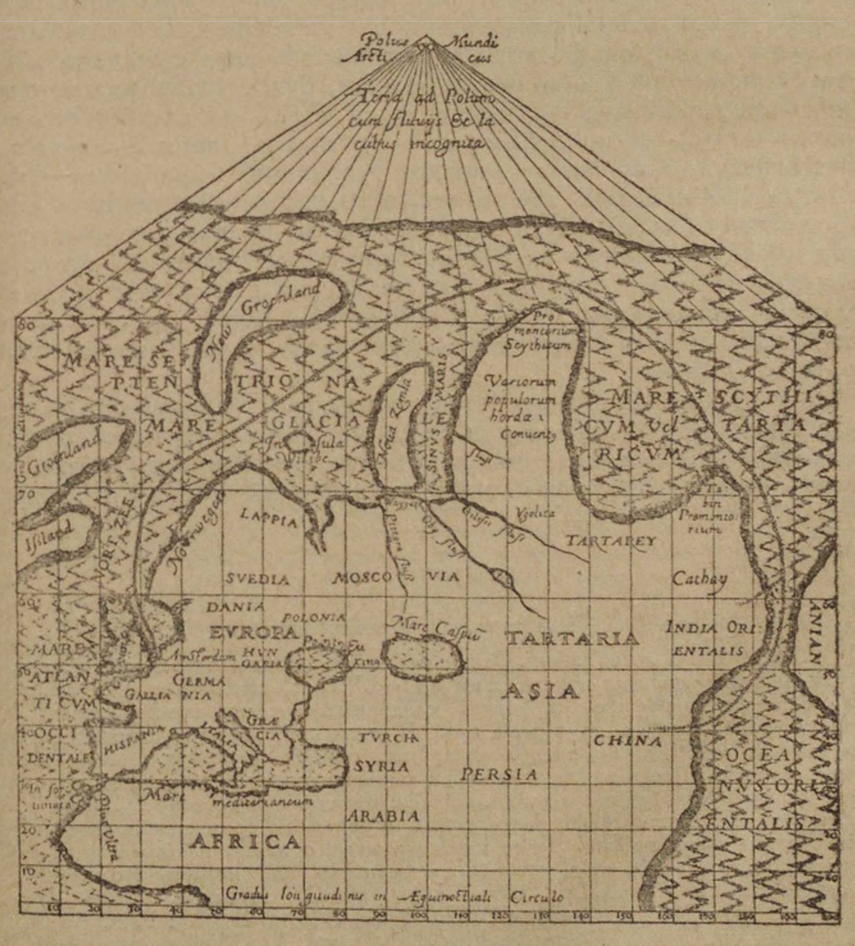

Рис. 26. Северо-Восточный путь в Китай
(Из книги Е. Рёслина, 1611 г.)

в заблужденке мореплавателя, если он недостаточно знаком с этим магнитным непостоянством и если он время от времени не будет следить как нужно за возвышением Полюса при помощи хороших и хорошо выверенных инструментов. Если сэр Артур не вполне сведущ и опытен во всем этом и если, обнаружив ошибку, он не будет достаточно ловок, чтобы исправить ее немедленно, боюсь, чтобы он не сбился с дороги и не оказался в очень большом затруднении из-за льдов, которые застигнут его на полпути, так как они говорят, что залив этот каждый год сильно замерзает. Если случайно это произойдет, полагаю, что лучше всего было-бы, как я сказал, отыскав там, в этом заливе, или в этих реках защищенную гавань, отправить оттуда посла от имени вашей светлейшей королевы, дабы войти в дружбу и заключить союз с великим ханом татарским, который, я в этом убежден, будет очень рад выгодам, кои сможет принести ему торговля со столь отдаленной страной. Думаю также, что от устьев рек Баутизия (Bautisus) и Эхарда (Oechardes) до Камбалыка—царской резиденции этого князя—будет не более 300 немецких лье и что правильным был бы путь через город Эзину (Ezine) и область Тангутскую, принадлежащую этому хану и расположенную от устьев этих в расстоянии не более ста немецких лье. И, наконец, я был бы весьма рад узнать истинную величину прилива и отлива в той гавани Московии, где обычно останавливаются, а также и в других близлежащих местах вплоть до мыса Табина...

Когда ваш Артур вернется, прошу вас также узнать у него, не встречал ли он где-либо в пути пресного или мало соленого моря, ибо у меня имеются некоторые основания полагать, что именно таким должно быть море между Новой Землей и Табином.

ПРИМЕЧАНИЯ

Ваш Артур Пет]. См. введение к настоящему тексту, стр. 164—165.

Знаменитый мыс Табин]. Этот мыс, действительно сделавшийся знаменитым в истории северных путешествий XVI—XVII вв., представляет собою, вероятно, одну из географических фикций, созданных еще античными учеными. Римский географ I-го века до нашей эры Помпоний Мела, первый из древних ученых, который мог, хотя бы и кратко, описать северную Азию, говорит, между прочим: «После пустынных стран Северного океана, дорога делает поворот в Восточное море, мимо земли, которая обращена к востоку... Здесь живут скифы-антропофаги и саки, разделенные страной, которая необитаема по изобилию в ней диких зверей. Далее идут огромные области, изобилующие дикими зверями, до горы Табина, которая возвышается над морем» (Pomp. Mela. Chorographie, ed. Frick, Lpz. 1880; III, 59—60; G. Coedès, Textes d'auteurs grecs et latins relatifs à l'extrême Orient, Paris, 1910, p. 10—13). E. H. Bunbury (A History of Ancient Geography, London 1883, vol. II, p. 364) полагает, что мыс этот помещали первоначально в Индийском океане, а затем, в географических представлениях древних, он постепенно переместился к северу; весьма возможно,

что это тот же самый мыс, который под именем мыса Tamaros упоминает и Страбон (XI, 519), в свою очередь заимствуя это название у Эратосфена (Hugo Berger. Gesch. d. wissenschafftlich. Erdkunde der Griechen, Lpz. 1891, III, S. 76). У Плиния (Nat. Hist. VI, 17, § 53), очевидно, на основании общего источника с Мелой, он также помещен в Северном океане и называется Табином (E. Bunbury, op. cit., p. 414). J. G. Cuno (Forschungen im Gebiete der alten Völkerkunde, I Th. Berl. 1871, S. 134), приводя выписку из Плиния, упоминает также и о Меркаторе, который, по его мнению, под именем Табина понимал полуостров Таймыр (ср. O. Peschel. Geschichte der Erdkunde, S. 294).

Рис. 27. Мыс Табин.
Деталь карты Сибири (Тартарии) А. Ортелиуса
(Вторая половина XVI в.)

Promontorium Tabin часто встречается на западно-европейских картах северо-восточной части европейского материка. С карты всего света Меркатора 1569 г. он скопирован в атласе Абрагама Ортелиуса (лист: «Septentrionalium Regionum Descriptio»), в карте Иодока Гондиуса (Tartaria), в карте открытий Баренца, вычерченной Гондиусом для «Истории Амстердама» Понтана, 1611, в атласах Иоанна Янсония в Амстердаме, во II томе атласа Блеу «Theatrum Orbis terrarum» 1635 г. и во всех последующих изданиях его, в карте Сансона, Де Витта, Филиппа Клювера (1683) и во многих других (сл. Edward Heawood. A History of Geographical Discovery in the XVII and XVIII Century. Cambridge 1912, p. 18; В. Кордт. Материалы по истории русской картографии. Вторая серия. Вып. I. Карты всей России, северных ее областей и Сибири. Киев, 1906, стр. 12, 22—23, табл. XVI—XXIII). В существовании мыса Табина не сомневались ни английские, ни голландские путешественники в северные моря: так, он описан, напр., со ссылкой на «разных авторов», в инструкциях Балтазара Мушерона (1595), вдохновителя голландских путешествий на поиски северо-восточного морского пути в Китай (Reisen Naar Het Norden door Jan Linschoten, 1594—1595, uitgegewen door S. P. L'Honoré Naber, 1914, 's Gravenhage, p. 231—232: «De selue Cape Tabin legt onverhindert van eeinighe Eylanden, ende aen wyde diepe zee, ende naer het bescryuen van diversche authoren die man de gelegentheyt van t' Landt van Tartarien geschreuven habben...»); соображения о местоположении его мы встречаем у Геррита де Фера и др. Попытку дать точное географическое определение мыса Табин мы находим также в любопытном трактате Helisaeus'a Roeslin'a: «Mitternächtige Schiffahrt von den Herrn Staden in Niderlanden vor XV Jahren vergebenlich fürgenommen, wie dieselbige anzustellen, dasz man daselbst herumb in Orient und Chinam kommen möge» etc. Oppenheim, 1611, S. 10—14. Пользуясь известиями голландских путешественников,

впрочем, в очень неточной передаче Levinus'a Hulsius'a, Реслин доказывает возможность проезда в Китай и Индию северными морями, и, основываясь на комете 1572 г., утверждает, согласно наивным воззрениям своего времени, что этому предприятию заранее можно предсказать полный успех. К трактату приложена любопытная карта, которую мы воспроизводим в нашей книге (рис. 26) Реслин нисколько не сомневается в существовании мыса Табин и определяет, что он лежит между 50 и 60° сев. широты. Мыс Табин встречается еще в книге и на карте Витсена, который, по словам Бэра, «не мог отречься от уважения к древним и к Плинию», несмотря даже на то, что на карте путешествия Исбранта Идеса этот мыс уже назван: Swätoi Noss sive Heilige Kaap; Бэр думает, что в своей карте Витсен внес исправления в Ремезовский чертеж Сибири; к числу их относится и мыс Табин (K. E. Baer. Peters des Grossen Verdienste um die Erweiterung der geographischen Kenntnisse, St. Petersb. 1872, S. 238—239).

Весь Катай и Серику]. О происхождении слова «Катай» см. выше, стр. 145; что же касается названия Серика или Серикана, то следует заметить, что под именем серов китайцы были известны римлянам и византийцам, а Китай, «страна шелка» назывался Серикой. Меркатор берет это название у Птолемея, который под именем Serica, очевидно, разумеет Монголию, говоря, напр., что «область Серика имеет много гор, начинающихся еще в Скифии» (K. Mannert. Geographie der Griechen und Römer. Der Norden der Erde, Lpz. 1820, S. 494—495).

Из Китая, Манги, Миен]. Оба последних названия взяты Меркатором из книги Марко Поло. Они фигурируют уже на карте всего света Меркатора 1569 г. Манги или Манзи, вероятно, называлась часть Китая к югу от Хуан-хэ (Желтой реки): комментаторы думают, что имеется в виду местность в области Хань-чжун по реке Ханьцзян. Марко Поло пишет об этой области: «Народ идолопоклонники, торговый и ремеслами занимается. Много в этой области рождается инбирю и расходится он по всей большой области Китай, а тамошним жителям большая прибыль и выгода от него. Есть у них и пшеница, и рис и всякого другого хлеба вдоволь, и он дешев. Земля тут плодородная. Главный город называется Акмалик Ман-ги, что значит белый город на границе с Ман-ги» (перев. И. П. Минаева, стр. 166, 159, прим. 3). Mien Марко Поло (иногда Minin)—это, вероятно «Мянь—китайское название Бирмы» (М. Поло, р. перев. стр. 182, прим. 3). Меркатор, следовательно, утверждает, что по рекам, впадающим в Ледовитый океан, можно добраться до северного, южного Китая и Индии. Ср. Richthofen, China, I, S. 643.

От устьев рек Баутизия и Эхарда]. Оба эти названия взяты Меркатором из трудов античных географов, вероятнее всего у К. Птолемея. Аммиан Марцеллин (конец IV в. нашей эры) пишет в своей «Истории», что «за землями обеих Скифий с восточной стороны высокие черные хребты, образуя округлую линию, охватывают область серов, которые известны плодородием своих обширных земель... В этой стране, которая, будучи ограждена крутыми горами, постепенно переходит в огромную низменность, медленно протекают две реки: Эхард и Баутис» (Аммиан Марцеллин. История. Перев Ю. А. Кулаковского, вып. II, Киев, 1907, стр. 189—109). Под именем Эхарда (ὁ Οἰχάρδης Птолемея) некоторые исследователи подразумевают р. Селенгу, под Баутисом или Баутизием—Хуан-хэ (K. Mannert, op. cit. S. 491, 495), другие, напротив, думают, что под Эхардом имеется в виду р. Тарим, а под Баутисом—р. Яру-Цзамбу. В. В. Григорьев (Землеведение К. Риттера. География стран Азии и т. д. Восточный или Китайский Туркестан, СПб, 1873, вып. II, стр. 64—66) замечает, что Птолемей «ошибочным образом представил себе направление обеих рек, о существовании которых в Серике и За-Имайской Скифии сообщили ему его источники». Обе эти реки текут на восток (Яру-Цзамбу поворачивает потом на юг), «а Птолемею, смешавшему их со сказаниями торговцев о Хуан-хэ, вообразилось, что протекши несколько к востоку, поворачивают

они потом на северо-восток и на север»; «на северо-восток, потом и окончательно на север, заставил Птолемей течь реку Эхард по той быть может причине, что в дорожниках торговцев нашла место слышанная ими от китайцев гипотеза, будто Хуан-хэ есть продолжение Тарима... С тою же Хуан-хэ, текущею по Западному Китаю через Туркестан, но берущею начало около Восточного Тибета, мог смешать Птолемей и свой Баутис, почему и его также заставил течь на север». Ошибка Птолемея полностью усвоена Меркатором: на его карте всего света 1569 г. На запад от области Mangi и Cathaia изображена большая речная система, очень ветвистая, берущая начало в глубине центральной Азии и впадающая в Северный океан; она состоит из реки Oikhardes, которая принимает в себя другую, меньшую: «Bautisos oder Brius» (сл. F. v. Richthofen. China, I, S. 643).

До Камбалыка]. Сл. выше: Р. Барберини, стр. 135.

Через город Эзину]. Это имя взято Меркатором из книги Марко Поло, LXIII-ая глава которой озаглавлена: «Здесь описывается город Езина» (Ezina, Egina, Ezima и др.); повидимому, это И-цзи-най-лу китайских источников, «стоящий в начале песчаной степи, на севере, в Тангутской области» (сл. А. Иванов. Тангутские рукописи из Хара-Хото, Изв. Р. Г. Общ., т. XLV, 1909, стр. 495). По объяснению В. В. Бартольда «Эцзина, на реке Эцзин-гол, к северу от Гань-чжоу-фу, на пути в Каракорум» (Марко Поло, перев. И. П. Минаева, стр. 80—81). Г. Е. Грум-Гржимайло (Описание путешествия в Западный Китай, т. II, СПб. 1899, стр. 62) отождествляет Эцзину с городищем Хара-Хото, исследованным П. К. Козловым.

Область Тангутскую]. Государство Тангутское (Тангут или Хиа) в северном Тибете существовало между 1004 и 1226 годами нашей эры, когда было разрушено Чингис-ханом после первого неудачного нападения на него в 1209—1210 гг. (См. d'Ohsson. Histoire des mongols I, p. 8, 95—96, 105—106, 139—140, 370; E. Bretschneider. Mediaeval Researches I, 27, 38, 58, 104, 184 etc., II; 16, notes 46, 518; Пржевальский. Монголия и страна тангутов, СПб. 1875, стр, 256 сл.). Меркатор берет имя из книги Марко Поло, где подробно описывается страна тангутская (русск. перев., стр. 74, 94).

XVIII. ИОГАНН БАЛАК | JOHANN BALAK

(1581)

О личности голландского купца Иоганна Балака известно очень мало. По всей вероятности, Балак жил некоторое время в Лувене или Дейсбурге и был в дружеских отношениях с знаменитым географом Герардом Меркатором (о нем см. предыдущий текст), которого он называет своим „добрым приятелем" (H. Averdunk und J. Miller-Reinhard. Gerhard Merkator und die Geographen unter seinen Nachkommen. Gotha 1914, S. 114—115). Он несомненно отличался хорошим образованием и, подобно всем культурным людям своей эпохи, был довольно начитан в классической литературе; по крайней мере, в том же письме он напоминает Меркатору, как они жили вместе, читая Гомера и географические и исторические труды Страбона, Аристотеля, Плиния, Диона и др. В феврале 1581 г. Балак жил в г. Аренсбурге на острове Эзеле. Город этот, проездом в Голландию, посетил Оливье Брюнель; он был в гостях у Балака и получил от него рекомендательное письмо к Г. Меркатору в Дейсбург. Так как письмо это ближайшим образом касается О. Брюнеля, мы должны сказать о нем несколько слов. Оливье Брюнель родился, вероятно, в 40-х гг. XVI в. в Брюсселе. Еще юношей приехал он на Лапландский берег, „должно быть на одном из первых голландских кораблей" (В. А. Кордт. Сборник Р. Ист. Общ., т. 116, стр. XXX—XLIX: подробная биография Брюнеля; см. еще о нем: S. Muller. Geschiedenis der Noordsche Compagnie, Utrecht, 1874, p. 26: Peschel-Ruge Geschichte der Erdkunde, S. 325 f.; Jules Leclerq. Olivier Brunel, un navigateur belge dans les règions borèales an XVI-me siècle, «Le Mouvement Gèographique», 1904, № 30, p. 352—355; Reizen Naar Het Norden door Jan Huyghen van Linschoten, uitgegeven door S. P. L'Honorè Naber. 's Gravenhage 1914. Werken uitgegeven door de Linschoten-vereeniging, VIII, p. XLII, LVIII, LIX). В 1565 году, на русской ладье из Колы он послан был в Холмогоры для изучения русского языка; здесь, однако, над ним стряслась беда. По проискам английских купцов, боявшихся конкуренции в торговле со

стороны голландцев, которые все сильнее и настойчивее добивались права торговать в России, Брюнель, вскоре после своего прибытия на Двину, был обвинен в шпионстве и присужден к тюремному заключению в Ярославле. Здесь пришлось просидеть ему несколько лет, пока он не был освобожден благодаря ходатайству известных сольвычегодских купцов Якова и Григория Строгановых. Строгановы сумели использовать голландца для своих целей; несколько раз (до 1577 года) Брюнеля посылали в Нидерланды с товарами. Он продолжал служить у Строгановых и по их поручению ездил несколько раз на восток, за Урал к р. Оби. Некоторые из этих поездок были совершены им вниз по Печоре, а оттуда морем на Восток (так, в 1576 г. он достиг Оби через Югорский Шар, в 1584 г. был на новой Земле). Эти путешествия привлекли его внимание к дальнему и малоизвестному краю. „Совершив в период времени с 1577 до 1588 г. эти путешествия,—пишет Кордт,—и познакомившись с крайним севером Сибири, он решил взяться за осуществление вожделенной цели, к которой до тех пор безуспешно стремились англичане, т. е. за отыскание северного морского пути в Китай, чтобы завязать торговые сношения с китайцами". Подробности, касающиеся проекта Брюнеля, и содержит в себе приводимое ниже письмо И. Балака к Меркатору, который должен был живо заинтересоваться этим смелым предприятием. Сделавшийся основателем голландской торговли в России, Оливье Брюнель позднее перешел на службу к датчанам и в 1583 году поселился в Бергене. Письмо же Балака перешло от Меркатора к Рич. Гэклейту, который и напечатал его в своем сборнике (Principal Navigations, 1589 I, 509—510), в латинском подлиннике и в английском переводе. Столетие спустя Н. Витсен сделал его голландский перевод и поместил в своей «Nord en Oost Tartarie» (изд. 1692, I, 579—581, изд. 1705, II, 933—935). Во французском переводе, но с пропусками, письмо это напечатано также у P. Bergeron. «Voyages faits principalement en Asie dans les XII, XIII, XIV et XV s.» La Haye, 1735, I, p. 117—119. Письмо это представляет действительно большой интерес, т. к. содержит в себе ряд очень интересных данных, напр., о торговле в южной части Оби, в Китае, и очень наглядно свидетельствует как о географических исканиях, так и о заблуждениях его времени. „В нем, конечно, прежде всего поражает то,—говорит Кордт,—что его автор считал возможным проникнуть туда по Оби, но морской путь был ему известен по собственному опыту только до устья этой реки, а остальные источники, которыми он увлекся при составлении своего плана, могли действительно ввести его в заблуждение и убедить в целесообразности выбранного им пути. Гессель Герритс сообщает нам, что Брюнель пользовался, во-первых, описанием пути в Печору, Югру и к р. Оби, переведенным Герберштейном из „Русского дорожника"

на латинский язык и включенным в его Записки о Московии, далее картою Ант. Вида, составленною ок. 1537 г., и, наконец, картою, составленною англичанами (Beschryvinghe van der Samoieden Landt, pag. A 2a). Карта, о которой здесь идет речь, есть, вне всякого сомнения, Карта России Антония Дженкинсона, изд. в 1562 г. в Лондоне. Немудрено, что у Брюнеля, на основании названных источников, составился подобный план“ (Кордт, op. cit, стр. XL—XLI). Выше, в комментарии к Герберштейну, уже приведены были материалы, касающиеся загадочного „Китайского озера“, о котором говорит Герберштейн и которое, с его легкой руки, до конца XVII века держалось на иностранных картах России. Аральское ли это море или же одно из озер Монголии, — в данном случае неважно. Важно лишь то, что, пользуясь лучшими пособиями своего времени, Брюнель невольно введен был ими в заблуждение. Но уже и Балак в своем письме высказал относительно планов Брюнеля маленькое сомнение... „В начале письма он, правда, усердно рекомендует Брюнеля и высказывает надежду, что тот окажет Меркатору большие услуги при разрешении вопроса о мысе Табин и о существовании северо-восточного морского пути в Китай. Но, с другой стороны, от Балака не ускользнуло, что Брюнель не ученый, а практик: „жаль,—говорит он, — что Алферий (Оливье) не знает лучше космографии, он много бы мог сделать для нее“ (Кордт, стр. XLI). Нижеследующее письмо приводится по сборнику Гэклейта, изд. 1809, I, 575—578. Небольшой отрывок из письма напечатан у А. А. Введенского. Торговый дом XVI—XVII вв. Лгр. 1924, стр. 102—103; из сборника Гэклейта оно полностью перепечатано в названной выше книге S. P. L'Honorè Naber. Reizen Naar Het Norden etc. s' Gravenhage 1914, p. XLVI—XLIX, с комментариями.

ПУТЕШЕСТВИЕ В СИБИРЬ И НА РЕКУ ОБЬ, ИЗЛОЖЕННОЕ В ПИСЬМЕ К ГЕРАРДУ МЕРКАТОРУ

Настоящее должно быть вручено знаменитому и известному Герарду Меркатору, уважаемому и единственному моему другу, живущему в Дейсбурге, в Клевлэнде.

Вспоминая, дорогой друг, какое огромное удовольствие вам доставляло, когда мы были вместе, чтение географических произведений Гомера, Страбона, Аристотеля, Плиния, Диона и других, я не мало радуюсь тому, что я случайно встретился с таким человеком, как податель сего, которого я особенно вам рекомендую и который недавно приехал сюда в Аренсбург (Arusburg) на реке Озелле (Osella). Опытность этого человека, я полагаю, будет вам очень полезна для изучения того известного вопроса, которым вы

так страстно интересовались, над разрешением которого вы с такой пытливостью трудились и о котором космографы держатся столь различных мнений, а именно открытия огромного мыса Табин (Tabin), а также прославленных и богатых стран, подвластных императору Катая (Cathey) на Северо-восточном морском пути. Этого человека зовут Алферий (или Оливер), по происхождению он нидерландец и прожил несколько лет в плену в России на службе у двух знаменитых тамошних людей Якова (Jacovius) и Аникия (Unekius); он был послан ими в Антверпен, чтобы добыть искусных лоцманов и моряков, которые за щедрое вознаграждение поехали бы к вышеупомянутым двум знаменитым лицам, поручив шведскому корабельному мастеру построить на р. Двине два корабля для такой экспедиции. Северо-восточный проход в Китай (как он, хотя неискусно, но очень толково излагает дело, в чем вы и сами легко можете убедиться и над чем я прошу вас подумать) без сомнения очень короток и легок.

Этот человек сам ездил на р. Обь как сухопутьем через страну Самоедов и Сибирь, так и морем, вдоль берегов р. Печоры на восток. Ободренный своим опытом, он уверенно берется провести судно, нагруженное товаром, киль которого не сидел бы слишком глубоко в воде, в гавань св. Николая в России, если его снабдят всеми вещами, необходимыми для такой экспедиции и новым запасом съестных припасов по приезде туда, а также если в его команду будут наняты некие хорошо известные русские, которые в совершенстве говорят на языке самоедов и знакомы с р. Обью, т. к. ездили туда из года в год. Затем, к концу мая, он намерен отплыть из гавани св. Николая на восток Югорским морем (Maine of Jougharia) и мимо восточной части Печоры к острову, называемому Долгим. Он намерен исследовать здесь ширину, изучать и описывать местность, измерять глубину моря и отмечать расстояние между разными местностями всюду и всякий раз, когда к тому представится случай. И так как Печорская губа чрезвычайно удобное место и для гавани и для склада съестных припасов как на пути туда, так и на обратном пути, в случае льда или бури, он намерен посвятить один день на исследование мелей (Hats) и на изыскание наиболее удобного входа для кораблей; до сих пор об этом месте предполагали, что глубина воды достигает здесь только 5 футов, но он сомневается в том, что есть более глубокие места. Затем он намерен плыть дальше вдоль этих берегов на расстояние от 3 до 4-х лиг (leages) мимо острова, называемого Вайгач и лежащего на полпути между Югорией и Новой Землей. Затем он думает пройти мимо некоего залива между Вайгачем и Обью, который вдается к югу в страну Угория и в который впадают две маленькие реки—Мармезия (Marmesia or Naramsey) и Кара-река (Cara Reca or Carah). По берегам этих рек живет варварское и

дикое племя самоедов. Он нашел много низменностей на этом пространстве суши и много порогов на водных путях, но таких, мимо которых он мог проплыть. Когда он дойдет до р. Оби, которая (как говорят самоеды) имеет семьдесят устьев и которую, вследствие ее большой ширины и наличия многих островов, заселенных различными народами, едва ли кто-либо может хорошо исследовать, т. к. никто не желает потратить слишком много времени на это, он намерен изучить три или самое большее четыре из ее устьев, преимущественно те, которые будут признаны наиболее удобными для плавания по мнению местных жителей; из числа последних он хочет иметь несколько человек с собой в путешествии; он думает взять в этой местности три или четыре лодки, чтобы исследовать эти устья, держась насколько возможно ближе к берегу, который населен на расстоянии трехдневного пути от моря, и выяснить, в каком месте река наиболее удобна для судоходства.

Если ему удастся подняться по р. Оби против течения и дойти до того места, куда он, в сопровождении некоторых друзей, уже доезжал сушей через Сибирь, которое находится на континенте недалеко от р. Оби, приблизительно на расстоянии двенадцатидневного пути от места впадения р. Оби в море и называется Якс-Ольгуш (Yaks-Olgush), беря свое название от мощной реки, впадающей в Обь, тогда без сомнения он будет считать, что преодолел величайшие трудности, так как местные жители, которые переплывали от этого места на противоположную сторону р. Оби в три дня (из чего можно судить о ширине этой реки: это является очень редким случаем там, так как многие отплывавшие в кожаных лодках только на один день пути от берега, были отнесены бурей; они не умеют управлять своими лодками ни при солнечном свете, ни при звездном) говорят, что они видели большие суда, нагруженные богатыми и драгоценными товарами, спускаемые по этой великой реке черными или смуглыми людьми. Они называют эту реку Ардох (Ardoh); она впадает в Китайское озеро, которое они называют Параха (Paraha); на берегах его живет могучее и большое племя, называемое кара-колмаки, и это не кто иные, как китайцы (which is none other then the nathion of Cathay). Там, если понадобится, он сможет провести зиму, отдохнуть сам и дать отдохнуть своим спутникам, а также приобрести вещи, которые ему будут нужны. Если это совершится там, он не сомневается, что за это время он многое сделает в исследовании и изучении многих вещей в этой местности. Как бы то ни было, он надеется достигнуть Китая (Cathaya) в то же лето, если он не будет задержан большим количеством льда в устье реки Оби; его иногда бывает больше, иногда меньше. Если это случится, он думает вернуться на Печору и там перезимовать; если же ему и это не удастся, то он намерен вернуться в р. Двину, куда он

сумеет воротиться во́-время и следующей весной снова двинуться в путь.

Одну вещь я забыл рассказать в своем месте.

Люди, которые живут в местности, называемой Якс-Ольгуш (Yaks-Olgush), утверждают, что они слышали от своих прадедов о замечательно нежном звоне колоколов на дне Китайского озера и о виденных ими там больших и красивых зданиях. И когда они упоминают о народе, называемом кара-колмаки (их страна Cathay), они испускают глубокие вздохи, и, поднимая руки кверху, смотрят на небо, выражая этим славу и величие этого народа. Я бы хотел, чтобы этот Оливер был бы более сведущ в космографии; это значительно обогатило бы его опыт, который, без сомнения, очень велик. Дорогой друг, я пропускаю многое и хотел бы, чтобы вы послушали собственные рассказы этого человека; он обещал мне непременно посетить вас, когда проедет через Дейсбург, т. к. он желает поговорить с вами и без сомнения вы будете ему очень полезны. Он, повидимому, хорошо обеспечен деньгами и друзьями, в чем, как и в других услугах, я предлагал ему помощь, если бы он захотел использовать меня.

. . . .

Прощайте, добрый сэр, мой единственный друг!

Аренсбург на реке Озелле

20-го февраля 1581 г.

Готовый к услугам Джон Балак.

Рис. 28. Деталь карты неизвестного (Вторая по\ов. XVI в.)

ПРИМЕЧАНИЯ

Географических произведений Гомера, Страбона...]. Балак имеет в виду важнейшие географические сочинения древности: Аристотеля (3˙4—322 до нашей эры), Страбона (I в.), Диона Хрисостома «Естеств. Историю» Плиния (римского писателя I в.). Гомеровскими поэмами—«Одиссеей» и отчасти «Илиадой» также пользовались долгое время для географических целей (сл. Konrad Mannert. Geographie der Griechen und Römer, Lpz. 1820, IV, S. 85—86).

В Аренсбургі на реке Озелле]. В латинском подлиннике: Arusburgi ad Osellum Fluvium: Гэклейт также переводит «at Arusburg...» Это место затрудняло комментаторов: H. Averdunk und J. Miller (Gerh. Merkator und die Geographen unter seinen Nachkommen, Gotha 1914, S. 549) ставят знаки вопроса против имени города и реки, спрашивая даже: «an der Osella—an der Ostsee?» А. А. Введенский (Торговый дом XVI—XVII вв. Лгр. 1924, стр. 102) также переводит, не оговариваясь: «на реке Оселле». Однако здесь имеется в виду город Аренсбург, находящийся не на несуществующей реке Озелле, а на острове Эзеле, в Рижском заливе. До 1561 г. замком и островом владели епископы Эзельские, из которых последним был герцог Магнус Датский, известный в истории Ливонии. В 1563 г. он дал поселившимся около Аренсбургского замка городское право. До 1645 г. городом владели датчане, затем он перешел к шведам, а от них в 1721 г.—к России.

Открытия огромного мыса Табин] сл. выше: письмо Меркатора к Гэклейту, стр. 173.

Этого человека зовут Алферий или Оливер] Оливье Брюнель: см. введение к настоящему тексту.

Знаменитых тамошних людей Якова и Аникия] Строгановых. Сыновьями Аники Строганова (1498—1570), известного основателя торговой и концессионной фирмы в стиле европейских торговых компаний XVI в. (Kuske. Die weltwirtschaftlichen Anfänge Sibiriens, «Schmollers Jahrbuch» 46, 1922, S. 210; А. Кизеветтер. Русский Север. II. 1919, стр. 21; С. В. Бахрушин. Очерки по ист. колонизации Сибири. М. 1928, стр. 98, 148) были братья Яков и Григорий Аникиевичи, получившие еще в 1568 г. большие привилегии на р. Каму и Чусовую. В. А. Кордт (Сборн. Р. Ист. Общ., т. 116, стр. XXXVIII) предполагает, что названные в тексте письма Jacovius и Unekius означают просто Якова Аникиевича Строганова, т. к. Аника Федорович умер в 1570 г. и это весьма вероятно. Другим хозяином Брюнеля должен был быть Григорий или Семен Аникиевич, скорее первый, т. к. около того же времени, к которому относится письмо Балака, Г. Штаден (сл. выше, стр. 155) называет также: «Jacop und Gregorgi Annikowi Strogenow» (изд. Fr. Epstein'a, S. 21). Однако М. С. Боднарский (Великий северный морской путь, М. 1926, стр. 21) почему-то говорит, что Брюнель был освобожден по ходатайству «братьев Якова и Григория Аникиевых, приказчиков знаменитого торгового дома Строгановых в Сольвычегодске», не подозревая, видимо, что это и были сами владельцы предприятия.

Гавань св. Николая в России]. Губа, бухта, гавань св. Николая—якорное место, рейд перед Корельским устьем Двины в Белом море, куда обычно приставали английские и вообще иностранные корабли. См. Гамель. Англичане в России, стр. 91—92; С. Огородников. Очерк истории г. Архангельска. «Морской Сборник». 1889, № 8, стр. 145, 150.

Югорским морем] Югорским проливом, называемым обычно Югорским шаром.

К острову, называемому Долгим]. Этот остров находится неподалеку от о. Матвеева.

Две маленькие реки—Мармезия и Кара]. Под рекою «Marmesia or Naramsey» Гамель (op. cit., стр. 212) понимает небольшую реку, впадающую в океан и называемую в других иностранных источниках Naramsy, Naromske Reca, Niarontza. S. P. L'Honorè Naber (Reisen van Jan Huyghen van Linschoten naar het Noorden, s' Gravenhage, p. XLVI), ссылаясь на Гамеля, также говорит, что Мармезия—река Нярмская или Нярмская на Ялмале. Что касается названия «Cara Reca or Carah», то оно относится, конечно, к р. Кара или Чер-

ной (иначе Пай-яга), упоминаемой и в «Книге Большого Чертежа» (сл. ниже: А. Марш).

И называется Якс-Ольгуш]. «Слова Yaks-Olgush остаются до сих пор неразгаданными,— замечает В. А. Кордт (Сб. Р. И. Общ., т. 116, стр. XXXIX), но Гамель предполагает, что они относятся к Тазовской губе. Место, о котором здесь говорит Брюнель, было то, где впоследствии построен был Тазовский городок, Мангазея (С. Гамель. Англичане в России, стр. 211). Витсен пишет в своем голландском переводе письма Балака: «Yaks Olgush of (т. е. или) Jazis» (Nord en Oost Tartarye, II. p. 934). Чем он руководился, прибавляя это слово—неизвестно: в нем, впрочем, звучит слово Таз». L'Honoré Naber (op. cit. p. XLVIII) присоединяется к мнению Гамеля. Однако, если правильно указание Вагнера, жившего в Мангазее и Енисейске в половине XVIII в.. что остяки называют Обь—Jach (Memoires de M. Wagner, Berne 1790 p. 186), то очень возможно, что слово Yaks или Iazis Витсена восходит именно к этому названию; ведь и Балак со слов Брюнеля утверждает, что местность получила название от громадной реки, впадающей в Обь. Лерберг (Untersuchungen, S. 42) говорит, что остяки называют Обь—Jag (As); Stéphen Sommier (Un' estate in Siberia fra ostiacchi, samoiedi, sirieni etc. Firenze 1885 p. 278—279) ссылается на Ahlquist'a, который в сочинении «Über die Sprache der Nord—Ostjaken» утверждает, что они не знают иного имени для Оби, кроме As, что значит «Великая река».

Они называют эту реку Ардок]. В подлинном тексте: Ardoh. Эта река, без сомнения, есть та самая, которую Ант. Дженкинсон в описании своего первого путешествия в центральную Азию называет Ardocke. По словам Дженкинсона, река Окс впадает в реку «называемую Ардоком, которая течет к северу, теряется в земле, протекает под почвой около 1000 миль, потом снова выходит на поверхность и впадает в озеро Китай» (Early Voyages and Travels to Russia and Persia by Antony Jenkinson, Ed. by E. Delmar Morgan and C. H. Coote. London, 1886, vol. I, p. 67—68). Далее Дженкинсон о реке Ардок говорит в несколько иных выражениях, чем раньше: «Река Ардок велика и очень быстра, вытекает из упомянутого Окса, проходит 1000 миль к северу, там теряется в земле, протекает под ней ок. 500 миль, снова выходит на поверхность и впадает в озеро Китай» (op. cit., стр, 74—75). «Под Ардоком,— замечает В. Бартольд («Сведения об Аральском море и низовьях Аму-Дарьи с древнейших времен до XVII века», Ташкент, 1902.; Изв. Туркестанск. Отд. Р. Г. Общ., т. VI, стр. 105—106; W. Barthold. Nachrichten uber den Aral-See etc. Deutsche Ausgabe mit Berichtigungen u. Ergänzungen der Verfasser. Quellen u. Forsch. zur Erd-und Kulturkunde, hrsg. v. R. Stübe. Bd. II, S. 68—70), Дженкинсон несомненно понимает нынешнее главное русло Аму-Дарьи, Курдер арабских географов, проток, вытекавший из реки несколько ниже Кета... Проток, который у Ибн-Батуты совсем не упоминается и еще в эпоху Тимура не имел почти никакого значения, ко времени Дженкинсона обратился в широкий и многоводный рукав, хотя нас стоящим «Оксом» Дженкинсон все еще мог считать рукав, протекавший мимо Ургенча и Везира. Еще труднее объяснить, как возникло представление Дженкинсона о подземном течении Ардока и о лежащем на далеком севере озере Китай. Из двух мест, где говорится о подземном течении, ближе соответствует представлению самого Дженкинсона, повидимому, первое: по крайней мере на карте [Дженкинсона, 1562] Ардок протекает на север не 1000 миль, а только небольшое расстояние и оканчивается небольшим озером; значительно севернее, на одной широте с Пермью, помещено озеро Kitaia, в которое впадает река Sur (Сыр) и из которого вытекает река Oba (Обь); на левом берегу последней помещен город Siber (Сибирь). Можно допустить, как и полагает де-Гуэ, что в воспоминаниях Дженкинсона рассказы об Иртыше и озере Зайсан смешались с рассказами об Аральском море; де-Гуэ приводит слова другого автора XVI в. (Брюнеля?), у которого Иртыш носит название Ardoh» (De Goeje. Das alte Bett des

Oxus, Leiden, 1875, S. 81). Другая литература вопроса указана у В. А. Кордта (op. cit., XLI, прим. 2) и у нас выше (Герберштейн, стр. 106—107).

Она впадает в Китайское озеро, которое они называют Параха]. С этим именем «Китайское озеро» не встречается ни у одного из называвших его писателей (сл. выше: Герберштейн, стр. 1?6); объяснить это имя я не умею. S. P. L' Honoré Naber (op. cit, p. XLVIII) спрашивает: «Jenissei en Baikalmeer?», но эта догадка, думается, лишена всякого основания.

Кара-колмаки]. Черные колмаки или монголы (сл. о них Рич. Джонсон, стр. 126). Балак был недалек от истины, когда говорил, что «это не кто иные, как китайцы», т. к они назывались также кара-китаи (сл. выше: Герберштейн, стр. 107), причем, как объяснено было выше (стр. 145), самое слово Китай произошло от монгольск. Китат.

О нежном звоне колоколов на дне Китайского озера]. В английском переводе Гэклейта: «most sweete harmonje of bels in the lake of Kitthay» (Hakl. III, p. 473) т. е., собственно, не «на дне», как у нас переведено ради литературности, а просто «в озере». Трудно сказать, имеем ли мы здесь дело с одним из распространеннейших мировых сюжетов о затонувших в морях или озерах городах (или даже целых государствах), откуда слышится колокольный звон; большой сравнительный фольклористический материал собран в работах: Н. Ф. Сумцов. Сказания о провалившихся городах, Харьков, 1896; В. Н. Перетц. Несколько данных к объяснению сказаний о провалившихся городах. «Изборник Киевский в честь Т. Д. Флоринского», Киев, 1904, стр. 75—82; Хр. Лопарев. К легенде о затонувших городах.— «Труды XV Археологического съезда». М. 1914, т. I, стр. 347—356; Franz Semargel, Die Sage von der untergegangenen Stadt (Literat. Hist. Forschungen, hrsg. v. J. Schick u. M. Waldberg, 53 Heft, особенно S. 54—57; А. Розенберг. Китежский летописец. «Науков. Записки Науково-дослідчої катедри історії европейської культури», II, Харьков, 1927, стр. 85—94: здесь и прочая литература). В Монголии записано сходное легендарное сказание с приурочением к буддийскому монастырю: Г. Н. Потанин. Путешествие по северо-западной Монголии. IV, стр. 897, 519; ср. еще легенду об озере Куку-Норе, приведенную у Н. Пржевальского. Монголия и страна тангутов. СПб. 1875, стр. 279—281: вероятнее, что перед нами характерное искажение какого-нибудь предания о чудесных звуках, слышимых в пустыне; подобные предания также сильно распространены и объясняются различными непонятными человеку природными явлениями; так, китайские историки рассказывают, что в стране уйгуров есть пустыня, в которой по временам «слышатся звуки, пение, плач... голоса духов и домовых»; Марко Поло, описывая пустыню Лоб-Нор, говорит, что путешественники, проезжая по ней «слышат голоса духов и чудится часто, точно слышишь, как играют на многих инструментах, словно на барабане» (пер. И. П. Минаева, стр. 73): возможно, что именно этот рассказ М. Поло был источником той сцены шекспировской «Бури», где духи, под предводительством Ариэля и невидимые для путешественников, попавших на остров, тревожат их таинственной музыкой. Арабские легенды рассказывают о «поющих песках» пустыне: неподалеку от Синая находится «Холм колоколов»; в окрестностях тая есть также гора, звуки которой, по преданиям, предсказывают погоду и т. д. (литературу см. The book of ser Marco Polo, ed. Yule-Cordier, Lond. 1903 vol. I, p. 201—202). Henning (Die Reiseberichte über Siberien, «Mitteilungen des Vereins f Erdkunde zu Leipzig» 1905, S. 279), объясняя легенду о колоколах мерным звучанием валов, разбивающихся о каменистые берега, напоминает, кстати, о том, со ссылкой на Риттера, что озеро Зайсан у калмыков называется Kung-chotu-Nor, т. е. «озеро колоколов», т. к. гул прибоя о прибрежные скалы будто бы действительно напоминает колокольный звон. Рассказ, подобный приведенному в письме Балака, есть также в сочинении о Сибири Исаака Массы (сл. ниже); его же в половине XVII века воспроизвел Джон Мильтон (сл ниже).

XIX. АНТОН МАРШ | ANTON MARSH

(1584)

Антон Марш был фактором английской торговой компании. Его личность отчасти известна нам благодаря делам и тяжбам, возникшим в московских канцеляриях по случаю ряда предпринятых им торговых спекуляций. „Приказчики московской компании, жившие в России, часто плутовали вследствие того, что деятельный надзор за их действиями был решительно невозможен,—замечает С. М. Середонин,—они обыкновенно вели торг и от себя, хотя это им строго запрещалось; они брали у русских деньги взаймы от имени компании, потом исчезали, а когда русские предъявляли свои иски компании, то новые ее агенты отказывались платить, что и подавало повод к бесконечным пререканиям. Одним из таких агентов был А н т о н М а р ш; в то время, когда Грозный разгневался за что-то на компанию, он выпросил у царя позволение на самостоятельный торг в Астрахани и Сибири; соучастниками его были Горсей и другие англичане, состоявшие в то же время на службе компании. Впоследствии в делах Марша заинтересован был и дьяк Андрей Щелкалов" (С е р е д о н и н. Сочинение Дж. Флетчера, СПб. 1891, стр. 41—43). Марш, как видно из относящихся к нему документов (они напечатаны у Ю. В. Т о л с т о г о. Россия и Англия, М. 1875, №№ 61, 65, 68, 78—76 и в „Сборн. Русск. Ист. Общ.", т. 38, стр. 186—246) наделал много долгов (на сумму 23.553 р.), занимая у частных лиц, у Бориса Годунова и даже в царской казне; когда же иски были предъявлены к взысканию, то агенты английской компании уверяли, что у Марша был собственный двор и что компания не может отвечать за его действия, предпринятые всецело по его собственному почину. Дело оказалось настолько сложным, что в Англию с документами послан был специальный посол Р. Бекман, а в 1588 г. в Москву приехал Джильс Флетчер (см. ниже) с поручением ликвидировать это дело и добиться для компании подтверждения права монопольной торговли в России. Приводимые ниже в русском переводе известия относятся к самому началу задуманных Маршем спекуляций. Он начал с найма русских

торговых агентов, без которых тогда не могли обходиться крупные предприниматели (см. статью С. В. Бахрушина. Агенты русских торговых людей XVII века. Институт Истории. Ученые Записки, т. IV, М. 1929, стр. 71—88) и поручил им исследовать морской путь в Обь и условия сибирского пушного рынка. Спекулятивным замыслам английского „торгового гостя“ мы обязаны сохранением весьма интересного документа: ответного письма, которое написали ему русские мореходцы. В современном английском переводе с подлинника оно напечатано в сборнике Перчеса (1625, III, p. 804—805), нужно думать, полностью и описывает впечатления людей, видимо, нередко бывавших на севере Сибири. И самое описание морского пути в Обь, и ряд географических названий, и несколько естественно-исторических данных, приведенных здесь, очень интересны; их оценил еще Гамель (Англичане в России, стр. 118), говоря, что они могут повести к разъяснению некоторых старинных карт и что, с другой стороны, „они доказывают, что в то время наши промышленники часто совершали поездки вокруг Обского полуострова“. Не забудем, что эти сведения относятся к начальной поре русского владычества в Сибири. „В то время Сибирь уже была завоевана, а вскоре после того, в 1585 году, несколько выше на Оби, пушки Мансурова окончательно покорили и обложили данью ту часть края, где построены были Тюмень (1586) и Тобольск (1587)“ (Гамель, 219). Нанятые Маршем люди счастливо исполнили поручение и в Обском крае купили для него много мехов на большую сумму. По их возвращении, однако, царские служилые люди отняли у них все товары и передали их в казну. Маршу же запретили устраивать подобные экспедиции. Известия эти Перчес получил от Христофора Холмса, агента московской компании и тоже напечатал в своем сборнике (t. III, 805). Русский перевод сделан по этому изданию.

ИЗВЛЕЧЕННАЯ ИЗ РУКОПИСНОГО СВИТКА (Roll), НАПИСАННОГО НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ, ЗАМЕТКА ОБ ЭКСПЕДИЦИИ НА Р. ОБЬ, ПРЕДПРИНЯТОЙ АНТОНОМ МАРШЕМ, ГЛАВНЫМ ФАКТОРОМ АНГЛИЙСКОЙ КОМПАНИИ В МОСКОВИИ, И ДРУГИЕ ЗАМЕТКИ О СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ КРАЕ

В лето 7092 по русскому летосчислению, т. е. в 1584 году, он [А. Марш] прежде всего написал письмо четырем русским, которые вели торговлю между Холмогорами и Печорой и далее на Восток. Ответ их был следующий:

„Из письма, полученного от тебя, и из других сообщений мы видим, что ты хочешь, чтобы мы исследовали устье реки Оби, что мы охотно и сделаем, но ты должен заплатить за это пятьдесят рублей. Для поездки нужно иметь две кочимы или команды

(two Cochimaes, or companies) и на каждой кочи должно быть по десять человек, а отправиться мы должны вверх по Печоре весной, во время ледохода, что потребует две недели. Затем мы должны спуститься вниз по реке Усе (Ouson river) до реки Оби, что весной займет сутки. Потом нам нужно будет плыть восемь дней вниз по Оби, чтобы достигнуть устья. Поэтому пошли нам грамотного человека (a man that can write) и будь уверен, что р. Обь в устье глубока. На русской стороне Оби живут самоеды, называемые угорскими и сибирскими самоедами (Vgorskoi and Sibirskie Samaeds), а на другой стороне живет другое племя самоедов, называемых мангазейской самоядью (called Monganei or Mongaseisky Samoeds). Мы должны проехать мимо пяти городков, расположенных на р. Оби. Первый называется Тазовский городок (Tesuoi Gorodok) и находится в устье реки Пады (Padou). Второе селение (small castle)—Носовой городок (Nosoro-Gorodock) стоит на самом берегу р. Оби. Третий называется Necheiour-goskoy. Четвертый—Charedmada. Пятый—Надежная (Nadesneaa), т. е. крепость спокойствия и доверия. Она стоит на реке ниже всех других городков и ближе к морю. Некогда ваши люди уже достигли устья названной реки Оби на корабле, который потерпел кораблекрушение, а люди ваши были убиты самоедами, которые думали, что они приехали ограбить их. По берегам реки растут хвойные деревья белой, мягкой легкой породы, которые мы называем елями (Yell). Берега с обеих сторон очень высоки, течение не быстрое и река спокойная и глубокая. В ней водится [разная] рыба, как-то: осетр и чир (Cheri), и пелет (Pidle), и нельма (Nelma)—нежная рыба вроде белого лосося, и максун (Moucoun), и сиги (Sigi), и стерляди (Sterlidi), но лохов (Salmons) нет. Недалеко от материка в устье Оби имеется остров, на котором водится много зверей, например, белых медведей, моржей и т. п. Самоеды говорят, что в зимнее время они часто находят там моржовую кость (Morsesteeth). Если ты хочешь, чтобы мы поехали к устью р. Оби морем, то мы должны пройти мимо островов Вайгач, Новая Земля, Земля Матвея, т. е. Матвеевой Земли (Land of Matheoue that is, by Mathewes Land), и ты можешь убедиться в том, что от острова Вайгача до устья Оби не очень трудно проехать. Писано на Печоре, лета 7092-го, двадцать первого февраля“.

МАРШ ИЗУЧИЛ ТАКЖЕ БЕРЕГОВУЮ ПОЛОСУ И ПРИСТАНИ ОТ КАНИНА НОСА ДО ОБИ

От Канина носа (Caninos) до Медемского залива (Bay of Medemske), который находится немного восточнее р. Печоры—семь дней пути морем. По Медемскому заливу плывут немного больше полу-

тора суток. От Медемского заворота (Medemske Zaucrost) до ре Кары (Cara-reca)—шесть дней плавания. От Карского залива (Karske Bay) до дальнего берега р. Оби—девять дней плавания. По Карскому заливу от одного берега до другого плывут сутки.

Он изучил и другой путь, северо-восточнее, через Новую Землю (Noua Zembla) и Матюшин шар (Mattuschan Yar) на Обь. От Канина Носа до острова Колгуева (Colgoieue)—сутки пути морем. От Колгуева до Новой Земли—2 дня. На Новой Земле есть большое озеро, в котором водится множество гусей и лебедей. В период линяния, около Петрова дня (Saint-Peters day), они теряют свои перья: холмогорцы ездят туда ежегодно, наши же англичане вкладывают в это предприятие свою долю денег: они привозят оттуда большое количество пуха, сушеных лебедей и гусей, медвежьих шкур и рыбы. От реки Няромской (Naromske Reca or Riuer) до Матюшина шара (Mattuschan Yar)—шесть дней плавания. От Матюшина шара до теплого переволока (Perouologli Teupla), т. е. до теплого перехода по суше—тринадцать дней плавания среди песчаных мелей. При высокой воде над песками бывает семь саженей (fathoms) воды, а при низкой—две. Такое поднятие воды объясняется впадением в море трех рек и встречей двух морей—Северного и Восточного (North Sea and East Sea); и то и другое способствует поднятию воды и наносу песков. И нужно остерегаться того, чтобы корабль подходил близко к острову лежащему у р. Оби. От Матюшина Шара до этого острова пять дней плавания. Матюшин шар местами имеет сорок верст в ширину, а местами—не больше шести.

Вышеупомянутый Антон Марш послал своего служащего, русского родом, Богдана, вместе с четырьмя вышеупомянутыми русскими и молодым самоедом, который также был его слугой, в экспедицию на р. Обь сухопутьем, через страну самоедов, с хорошим запасом товаров, чтобы торговать с населением. И эти его люди совершили очень выгодное путешествие и выменяли у народа, живущего по р. Оби, соболиных и других хороших мехов, стоимостью в тысячу рублей. Но царь, услыхав об этой экспедиции и о пути, которым Богдан возвращался обратно, послал одного из своих приставов (chief officier) подстеречь и арестовать его; вышеупомянутые соболя на тысячу рублей и другие товары были у него конфискованы, доставлены в царскую казну и опечатаны, а бедняга Богдан был отправлен в Москву и заключен в тюрьму, где его высекли, продержали долгое время, но, в конце концов, освободили. Кроме того, англичанам было запрещено вести торговые дела во владениях московского царя, чем они не были очень довольны, но они дали ему большой выкуп и отказались от вышеупомянутых товаров на тысячу рублей, прося его не продолжать этого дела. Повидимому, русские очень боятся, чтобы какие-либо

…истианские народы не познакомились с их соседями на северо-восточной границе их владений; на это у них есть тайные причины, о которых они никому не говорят. Так по крайней мере понял я, Христофор Холмс.

ПРИМЕЧАНИЯ

Две кочимы или команды]. Кочами назывались в Сибири палубные судна с веслами и парусами, приспособленные для хождения по морю, однако очень примитивного устройства (В. Даль. Толковый Словарь, ч. I, М. 1863, стр. 787, Н. П. Загоскин. Русские водные пути и судовое дело в допетровской России, Казань, 1910, стр. 460—462). «К постройке старинных русских кочей,—пишет Загоскин,—не применялись никакие сложные технические приемы и приспособления, не требовалось для их сооружения и никаких знаний специального характера... Суда эти были плоскодонные, с одною палубою; имея 12 сажен длины, они были построены из одного дерева, так что деревянными были в них гвозди и другие судовые скрепления. Ходить в этих судах можно было как греблею, так и на парусе, в последнем случае пользуясь только прямым ветром, так как на этих кочах нельзя было ни лавировать, ни даже пользоваться частью ветра». «Европеец,—замечает Фишер (Сибирская История, СПб. 1774, стр. 204—206),—едва ли отважился бы итти на таких худых судах по морю, с которого никогда лед не сходит: между тем архангелогородцы в прежние времена не знали ни о каких других морских судах и ходили на них в Мезень, Пустоозеро, да и в Новую Землю». «Из этих последних слов Фишера,—прибавляет Загоскин,—лично знавшего Сибирь половины XVIII ст. и б. м. заставшего здесь подобие старых кочей, следует заключить, что родиной сибирских кочей было беломорское поморье, откуда этот судовой тип проник и к северным побережьям Сибири. Если незатейливо было устройство старинных кочей, то еще более упрощенным бывало их снаряжение. Не говоря уже о деревянных судовых скреплениях, для кочей иногда делали, по словам Фишера, даже деревянные якоря, к которым подвязывали для тяжести «великие камни». Нужда иногда заставляла употреблять на этих судах взамен канатов ремни, вырезанные из оленьих кож, взамен парусов—сыромятные оленьи кожи, что, впрочем, практиковалось в Сибири еще и во времена самого автора «Сибирской Истории» (Ср. Фишер, op. cit., стр. 373, прим. 41)». Об устройстве «кочей» на основании архивных документов см. еще. С. В. Бахрушин (Очерки по ист. колонизации Сибири. М. 1928, стр. 116—117).

Вниз по р. Усе]. В подлиннике: Ouson river; вероятно, имеется в виду р. Уса, приток р. Печоры. По р. Усе шла одна из древних дорог в Сибирь; из Усы пробирались на речку Елец, а затем через небольшой волок в Собь, впадающую в Обь (П. Н. Буцинский. Заселение Сибири. Харьк. 1889, стр. 176); этот путь и имеют в виду авторы письма.

Племя самоедов, называемое мангазейской самоядью]. По мнению Д. Н. Анучина, объясняющего «молгонзеи» из зырянского языка—народ «окраинный, живущий на краю области самоедов», вероятно—юраки (сл. выше: Джонсон, стр. 127).

Тазовский городок]. Некоторые отождествляют Тазовский городок, упоминаемый и в других известиях англичан, с Мангазеей. Против этого говорит указание настоящего текста, что он находится в устье р. Пад, т. е. вероятно Соби (см. ниже)

Реки Пады]. Гамель (Англичане в России, статья II, стр. 218) разъясняет, что «под этой рекою разумели, должно быть, Pad-jaha, по-русски просто Пад, которая по Большому Чертежу называлась также Сба. «Повидимому, гидрографы наши не заметили, что эта загадочная река Сба не что иное как Соб, которая

называлась также и Собой, и впадает не в Усу, как ошибочно сказано в Большом Чертеже, а в Обь».

Носовой городок]. Думается, что именно так следует перевести исковерканное в английском тексте название: Nosoro-gorodock. Носовым городком называлось русскими остяцкое селение, на месте которого, на высоком берегу р. Полуя, в 6 верстах от его впадения в Обь, через десять лет после настоящего письма (в 1595 г.) основан был для сбора ясака с самоедов и остяков г. Обдорск. Название Носового городка сохранилось и за Обдорском; так назывался он местными жителями еще в XIX веке (Schrenk. Reise... durch die Tundren, Dorpat 1854, II, S. 187) наряду с официальным названием Обдорска. Ключ к этому имени, кажется, дают туземные названия Обдорска. «Один зырянин объяснил мне,— замечает С. М. Чугунов («От Тобольска до Обдорска». «Ежегодник Тобольского Губ. Музея», вып. XXVIII, 1917, стр. 13),— что свое название Обдорск получил от двух зырянских слов Об—река и дор—мыс. Насколько это верно, судить не могу, мне известно лишь, что по-самоедски Обдорск называется Селе-харат, что значит «мыс город», следовательно название Обдорск—не самоедское». Авторитетно указание Б. М. Житкова (Полуостров Ямал, СПб. 1913, стр. 223), что Обдорск по-самоедски—Саленгар, «город на мысу». Прибавим, что остяцкое название Обдорска—Полноватъ-ваш (ср. Ипполит-Завалишин. Описание Западной Сибири, СПб. 1862, стр. 273; П. Н. Буцинский. Заселение Сибири. Харьк. 1889, стр. 178); самоедскому названию—«мыс—город» вполне соответствует и старинное русское название—«Носовой городок», т. к. «мыс» часто назывался у нас носом (ср. Канин нос, Святой нос и т. д.).

Третий называется Necheiour-goskoy]. Определить точное название и географическое местоположение как этого городка, так и крепости «Надежной» я затрудняюсь. Впрочем, не имеется ли здесь в виду городок на Оби Нецкгаркир, упоминаемый в числе 33 городов, завоеванных в походе Курбского и Ушатого (см выше, стр. 144—145) в «Книге Большого Чертежа»? На Оби указано здесь таких 18 городков («Книга Большого Чертежа», изд. Г. Спасского, СПб. 1846, стр. 203—207; Списки населенных мест. Тобольск. губ. СПб. 1871, стр. LXIII. С. Огородников по поводу этого списка замечает, что «многие из этих городов и в настоящее время могут быть приурочены к различным населенным местностям, лежащим по р. Оби» (Зап. РГО по отд. этн. СПб. 1877, т. VII, стр. 28—29). Быть может, внимательный анализ этого списка позволит определить также и четвертый городок, упомянутый Маршем:—«Charedmada» (Карымкан? Емдыр? Курмыш-Юрган?).

Некогда ваши люди уже достигли...]. Не идет ли здесь речь о корабле Джекмена (см. выше, стр. 164—165)?

В ней водится разная рыба]. Это место переведено согласно разъяснениям Гамеля (op. cit. II, стр. 219; ср. С. М. Середонин. Сочинение Джильса Флетчера «On the Russe Common Wealth» как исторический источник, СПб. 1891, стр. 135); письмо называет: осетров и стерлядей (Acipenser sturio et ruthenus), чира (Salmo nasutus), нельму (Salmo nelma); Pidlae—быть может пелет (Salmo peiet), максуна (Salmo muksun), сигов (Salmo lavaretus), лохов (Salmo solar).

Земли Матвея, т. е. Матвеевой земли]. Основываясь на показании письма, что русские мореходцы, идучи к Оби, проходят мимо трех островов: Новой земли, Вайгача и Матвеева, Гамель (op. cit., стр. 208—209) заключил, что название Новой Земли принадлежит только южному острову, а северный должен называться Матвеевой землею. Имя Матвей навело его и на другую мысль, что и «Маточкин шар» должен называться по-настоящему Матюшкин, Матюшин, т. е. Матвеев шар. На карте И. Массы (см. ниже) «составленной не позже 1608 г., к северу от Новой Земли отмечен пролив, названный «Matsei

of tsar». «Это значит Матвеев шар и доказывает, что теперешнее название: «Маточкин шар» неправильно. К северу от этого пролива (Матвеева шара) показана твердая земля... Это и есть земля, которая в письме из Пустозерска от 21-го февраля 1584 г. названа Матвеевой землей». «Как пролив этот, так и земли к северу от Новой Земли, должно быть, открыл некто Матвей, уменьшительное имя которого было Матюша; поэтому и лежащую к северу от пролива землю, которая, как мы теперь знаем, образует остров, следовало бы также называть Матвеевой». Ко всему этому Гамель прибавляет, что Розмыслов первый изменил название Матюшкин в Маточкин. Против указанного мнения высказался К. Свенске (Новая Земля в географическом, естественно-историч. и промышленном отношениях, СПб. 1866, стр. 46—47): «есть ли какая-нибудь вероятность,—замечает он,—чтобы промышленники, которым работы Розмыслова оставались большею частью неизвестными, вдруг единогласно приняли придуманное им новое название, если б они прежде в самом деле называли пролив Матюшкиным или Матвеевым? Эти догадки едва ли имеют какое-нибудь основание». На острове Матвееве в к. XVI в. находилась застава, взимающая пошлину с судов, идущих в Сибирь (А. А. Жилинский. Крайний Север Европейской России. Петр. 1919, стр. 41, прим.).

От Канина Носа]. Мыс Канин, на Канинском полуострове, лежащем между Баренцовым и Белым морями; по-самоедски носит название «Яптозале», что значит «Тонкий мыс» (А. А. Жилинский. Крайний Север, стр. 24). Русское название произошло, вероятно, не от слова «Камень» «под которым известна состоящая из твердых пород возвышенность, проходящая вдоль северной части полуострова, издалека видная с моря»; гораздо вероятнее предложенная К. Ф. Тиандером (Поездки скандинавов в Белое море, СПб. 1906, стр. 74—78) догадка, что «Канин нос» произошло из более древнего Кандин нос, из сканд. Gandnäs; в пользу этой этимологии высказался и Ф. Браун (Ж. М. Н. Пр. 1907, № 10, стр. 421). С. Г. Григорьев (Полуостров Канин. М. 1929, стр. 7—8) замечает, что «у некоторых старых авторов (Озерецковский, Савельев) мы встречаем указания, что раньше весь этот полуостров называли также иногда «Каниным носом», по имени мыса, составляющего его северную оконечность», но что он «не слышал названия «Канин нос» в применении к какому-либо другому месту, кроме мыса, ограничивающего Белое море с северо-востока и заканчивающего собою полуостров на северо-западе». На европейских картах Московии Caninos появляется только во второй половине XVI в., после английских путешествий на поиски северо-восточного прохода (первый раз на карте Дженкинсона, 1562 г.); его часто упоминают английские и голландские путешественники в к. XVI нач. XVII в. (С. Григорьев, op. cit., стр. 18—22). Русский посол в Китай Спафарий (1675), рассказывая о «великом хребте меж Лены и Амура реки», который идет «до моря и в море далеко», упоминает «нос морской, который именуется от земнописателей Канин нос, а от наших собачья» (Путешествие Н. Спафария, изд. Ю. В. Арсеньева, СПб. 1882, стр. 134), но это известие несомненно стоит в связи с какими-нибудь плохими иностранными картами Московии и основано на недоразумении: спутан Канин нос и, вероятно, мыс Челюскин; этимология же этого названия от случайно созвучного ему латинского слова canis—собака—неудачный личный домысел Спафария.

От Медемского Заворота]. В иностранных источниках он называется также Medenskoy Zauorot (см. ниже: Дж. Логан) и такая транскрипция является более правильной. Меденский (или Медянский) Заворот показан в «Книге Большого Чертежа» от р. Песчаной—Бурловой по берегу Ледовитого моря, в 25 верстах, к востоку. «Это водное сообщение составляет морское течение вод между островом Долгим и материком и в путешествиях называется Мединским Заворотом» (С. Огородников. Прибрежья Ледовитого и Белого морей с их притоками по «Книге Большого Чертежа». Зап. Геогр. Общ. по отд. этногр. 1879, т. VII, стр. 219).

До Кара-реки]. Кара или Черная река, иначе Пай-яга, прорывается через хребет Арвис-хой и впадает в Песчаную бухту Северного океана; Кара-река некогда составляла границу уездов Мезенского (Арханг. губ.) и Березовского (Тобольск. губ.), она упоминается и в «Книге Большого Чертежа» («Печорский край», «Ж. М. Вн. Дел», 1851, т. XXXIV, июнь, стр. 448—449; С. Огородников, op. cit., стр. 220).

Матюшин шар]. Извилистый пролив, называемый ныне Маточкиным шаром. Выше (s. v. Матвеева земля) было указано мнение Гамеля о родстве названий «Матвеева земля» и «Маточкин шар»; его нельзя считать принятым: в написании Mattuschan Yar мы можем видеть простое искажение слова Маточкин, притом скорее именно последнего, а не слова Матюшин, т. к. двойное t мешает ударению на втором слоге; в английском произношении оно звучит приблизительно «мэтьюшен». «Маточкою,— замечает Свенске (op. cit., 47),—называется в Архангельской губ. маленький компасик, употребляемый поморами и лесопромышленниками. От этого происходит б. м. название Маточкина шара, реки Маточки и пр. Происхождение названия шар неизвестно. Тамошние мореходы разумеют под этим пролив, идущий от одного моря к другому». Иное объяснение дает А. А. Жилинский (Крайний Север Европейской России, Петр., 1919, стр. 29): «Название шар на севере вообще означает пролив, название же Маточкин произошло, вероятно, от слова «матка», т. е. материк, как прежде поморы называли Новую Землю».

До острова Колгуева]. Остров Колгуев—против Пешеходского полуострова, образуемого Чешскою губою.

На Новой Земле есть большое озеро]. Быть может здесь имеется в виду «большое соленое озеро, называемое Гусиным»; так показано у Крестинина («Новые Ежемесячные сочинения», ч. XXXI, стр. 167); ср. однако замечание К. Свенске (op. cit., стр. 53 прим.). Сл. Г. П. Горбунов. Птичьи базары Новой Земли. М. 1925 (Труды Научно-исследов. института по изучению Севера, вып. 26).

От реки Няромской] Гамель (op. cit., стр. 212) сопоставляет название реки Marmesia в письме к Меркатору (сл. выше: И. Балак, стр. 182) с той «которая у Стефена Бёрро, со слов лодейника Лошака (1556), называется Naramsey, а в инструкции, составленной Стефеном и Вильямом Бёрро (1568) названа Naramsy; вероятно эта река и есть та, которая в нашем тексте называется Naromske Reca, а на карте Массы «помещена гораздо севернее Мутной и обозначена: Niarontza». «И из «Книги Большого Чертежа» видно,—прибавляет Гамель,—что весь западный берег Обского полуострова назывался Няромским, Няронским и, вероятно, не столь правильно, Нарымским берегом. На нашей новейшей карте этой реки вовсе нет». А. М. Филиппов («Речной путь в Сибирь через полуостров Ялмал».—Записки по гидрографии, вып. XXVI, СПб. 1904, стр. 167) высказал пожелание, чтобы «найдено было местоположение большой, повидимому, реки в северной части полуострова Ялмала, которая под названиями Naramsay, Naramsy, Naramsia, Naramske reca, Naramsy, Narontza (карта Массы в атл. Кордта № XXIX) и Maromtsa (там же, карта Геррритса № XXXI) неоднократно упоминается путешественниками и картографами XVI—XVII ст. и которая дала повод нашим предкам называть Карское море Нярзомским морем (Р. Ист. Библ. II, ст. 1089)». Кажется, этот призыв остался без ответа. Этимологические догадки J. Baddeley (Russia, Mongolia, China, Lond. 1919, vol. I, p. CXXXV, note) представляются мне неправдоподобными по фонетическим и другим соображениям.

Над песками бывает семь сажен воды]. Сажен—в подлиннике: fathoms. Fathom—шестифутовая мера для измерения глубины воды.

XX. ФРЭНСИС ЧЕРРИ | FRANCIS CHERRY

(1587)

Фрэнсис Черри, называемый Перчесом одним из важнейших агентов английской торговой компании в Москве, несколько раз исполнял важные дипломатические поручения московского и английского правительства во время пребывания своего в России. В 1587 г. Черри передал на Розовом острове подарок Дж. Горсею от Бориса Годунова; вскоре после того он сам приехал в Англию с письмом царя Федора к Елизавете; в 1591 г. он снова привез королеве письмо от царя Федора и Бориса Годунова, в 1598 г. прибыл в Москву с письмами Елизаветы. По словам Гамеля, Черри „получил практическое свое развитие в России, а в особенности в Москве. Уже при царе Иване Грозном он молодым человеком находился при английской конторе на Варварке в Китай-городе. Русский язык он знал так хорошо, что и при дворе служил толмачом. В наших московских актах его называют Фрянчиком Чарей, а также: Фрянчик Иванов, Фрянчиш Черей, Чирей, Черея“ (См. „Сборн. Русск. Историч. Общ.“, т. 38, СПб. 1883, по указателю). Его хорошее знакомство с русским языком доказывается и тем, что в 1601 году он в Лондоне помогал переводить на английский язык русские письма, привезенные Ричардом Ли от Годунова к Елизавете (Англичане в России в XVI и XVII ст. „Записки Ак. Наук“, 1869, т. XV, кн. I, стр. 184—186). Кроме того, известно, что Черри встретил в Англии русского посла Григория Ивановича Микулина и состоял при нем в качестве переводчика. Они несомненно свободно понимали друг друга, т. к. Черри ввел Микулина в курс английской политической жизни и подробно рассказал ему о недавнем заговоре Эссекса, что Микулин и изложил очень толково в своем донесении („Сб. Р. Ист. Общ.“, т. 38, стр. 338—339; 318—321; 327—330; Н. Чарыков. Посольство в Англию дворянина Григория Микулина в 1600—1601 гг. М. 1876, стр. 8—10; отд. оттиск из „Древней и Новой России“, 1876, II). Перчес свидетельствует, что Черри ездил на восток Московского государства „в Пермский край“. Где был он, в точности неизвестно,

но Гамель говорит, что „повидимому он пробрался за черту Строгановских владений, а именно на восточную сторону Урала, потому что, по словам его, он ел обских осетров". В. Н. Александренко („Материалы по смутному времени". „Старина и Новизна", XIV, СПб. 1911, стр. 293) также говорит, что Черри „кажется первый из англичан проник сухим путем за Урал в Сибирь". С. Ф. Платонов („Прошлое русского Севера", Пгр., 1923, стр. 70) высказывается осторожнее: по его мнению Черри, „повидимому, добрался до Северного Урала". Когда совершено это путешествие, установить также трудно. Нужно думать, однако, что это было не в приезд его в Москву в 1598 г., о котором сохранилось его донесение: «Francis Cherrys voyage to Russia» (напечатано в сборнике: The Egerton Papers. A collection of public and private documents from the original, the property of the right-honor. Lord Fr. Egerton. Ed. by Payne Collier, London, 1840, p. 292—301), а в более ранние годы (1587?), потому, что заняв важное и почетное положение среди главных членов „Московской компании" (сохранилась грамота о нем от дек. 1598 г. Бориса Годунова—„Сб. Русск. Историч. Общ.", т. 38, стр. 261—265), Черри едва ли согласился бы на длинное и опасное путешествие. Скорее всего это путешествие было совершено им вскоре после 1585 года, к которому относится грамота ц. Федора Ивановича, предоставлявшая Черри торговлю в России с половинной пошлиной и другие льготы: „... и мы Аглинские земли гостя Фрянчика Иванова пожаловали в наше государство на Колмогоры к новому городу с товаром ходить и торговати в нашем государстве поволили есмя; ... а пошлину с его товару имали б есте по нашему указу половину пошлин, а похочет будет он с товаром ехати на Вологду, а с Вологды до нашего государства до Москвы, и вы б по городом воеводы наши и дьяки и всякие наши приказные люди Аглинского гостя Фрянчика Иванова и с его людми и с товаром к нашему государству к Москве пропущали везде без задержания" и т. д. („Сборник Р. Ист. Общ.", т. 38, стр. 150—151). Хорошо знавший Россию, Черри в 1603 году отправил в Колу корабль «The Grace», который, по данным им инструкциям, „должен был отправиться к северу с тем, чтобы, в случае возможности, пробраться до 80° и сделать новые географические открытия". „Под 74° 30′ корабль этот открыл остров (правда, уже известный голландцам под именем Медвежьего острова) и по возвращении корабля в Англию, с богатым грузом мехов и моржовых клыков, остров этот назван был в Лондоне островом Фрэнсиса Черри" (сл. ниже, стр. 207). Интересно отметить, что дочь Черри была замужем за Дж. Мерриком (ум. в 1638), первым постоянным дипломатическим представителем Англии в России („Ст. и Нов.", XIV, стр. 295—296). Перевод нижеследующего отрывка сделан по книге Purchas'a (London, 1625), vol. III, p. 806.

СООБЩЕНИЕ ФРЭНСИСА ЧЕРРИ, ОДНОГО ИЗ ЧЛЕНОВ АНГЛИЙСКОЙ ТОРГОВОЙ КОМПАНИИ В МОСКВЕ И ТОМАСА ЛИНДЕ О ТЕПЛОМ МОРЕ К ЮГУ-ВОСТОКУ ОТ РЕКИ ОБИ

Фрэнсис Черри, один из главных агентов Английской Торговой Компании в Москве, который был переводчиком (interpreter) царя Ивана Васильевича и ездил в Пермский край (into Permia), далеко на востоке России, рассказывает, что он ел осетра, пойманного в Оби. Он говорит также, что в этой местности он неоднократно слышал от русских, которых он считает великими путешественниками, о теплом море, которое находится за Обью в юго-восточном направлении. По-русски они говорят: «Za Oby reca moria teupla», что означает, что за Обью находится теплое море. Кроме него, Томас Линде, честный и скромный английский купец, который провел много лет в этих краях Московии, говорит, что это море находится за Обью и что, по словам русских, которые много путешествовали, там настолько тепло, что все виды морских птиц живут на нем и зимой и летом. Это свидетельствует о том, что это море расположено далеко на юге Азии.

ПРИМЕЧАНИЯ

Ездил в Пермский край]. О термине «Пермский край» в западной литературе см. выше, стр. 94, 100 и ниже, стр. 200, 216, 219.

О теплом море]. Повидимому, имеется в виду Тихий океан. «Теплым» море названо, повидимому, в отличие и по аналогии со «студеным» морем, т. е. Ледовитым океаном. На берегах Тихого океана русские появились в 1639 году (Л. С. Берг. «Открытия русских в Тихом океане» в сборнике: «Тихий океан. Русские научные исследования», Лгр. 1926, стр. 1 и сл.), но очень возможно, что через посредство тунгусов и других туземцев кое-какие известия о нем русские получили уж в конце XVI в.; весьма правдоподобно также, что «о теплом море» на юге Азии могли сообщить русским средне-азиатские купцы, бывшие в Китае. «Теплое море», возле которого жил «черный хан» упоминается в былинах минусинских татар («Этнографический Сборник», вып. IV, СПб., 1858, стр. 122). Ср. ниже: И. Масса, Мильтон

То‹м›ас Линде]. Повидимому, это тот самый англичанин «Томас Лин», который упомянут в грамоте и «памяти» Бориса Годунова 1598 г. в числе иноземцев, сопровождавших в «Аглинскую землю» Фрянчека Чирей, т. е. Фрэнсиса Черри (Сборник Русск. Ист. Общ. т. 38, стр. 266). Это позволяет с достаточной вероятностью отнести все приводимое выше «Сообщение» к 1598 году, т. е. ко времени их совместного возвращения из Московии в Англию, хотя самое известие, в нем заключенное, может относиться и к более раннему времени. В приведенном у нас тексте выражение «провел много лет в этих краях Московии» недостаточно ясно; его, конечно, нужно понимать не в том смысле, что Т. Линде был в Сибири; речь может итти, повидимому, только о Пермском крае, о котором говорит и Черри.

XXI. ДЖИЛЬС ФЛЕТЧЕР | GILES FLETCHER

(1591)

Сведения о Джильсе Флетчере (1549?—1611) довольно скудны. „Из всех англичан, посетивших в XVI в. Россию, Флетчер был наиболее образованный человек,—замечает С. М. Середонин („Сочинение Джильса Флетчера «Of the Russe Common Wealth», как исторический источник". СПб, 1891, стр. 40). Действительно, он воспитывался сначала в школе в Итоне, а затем в Кэмбриджском университете, который и окончил со степенью баккалавра, а впоследствии (1581) получил в этом же университете степень доктора прав. После того он посылаем был с дипломатическими поручениями в Шотландию, Германию и Нидерланды. В 1588 г. он отправлен был послом Елизаветы к царю Федору в Россию, где и пробыл с сентября 1588 по июль 1589 г. Возвратившись в Англию, он, помимо донесения своему правительству о посольстве, написал книгу о России под заглавием: „О государстве русском или образ правления русского царя, обыкновенно называемого царем московским, с описанием нравов и обычаев жителей этой страны" (1591), занимающую важное место среди сказаний иностранцев о Московском государстве в XVI веке. Критический разбор содержащихся в этой книге данных представлен в указанной выше книге С. М. Середонина. Первая попытка издать сочинение Флетчера на русском языке была сделана в 1848 г. О. М. Бодянским (перевод принадлежит Д. И. Гиппиусу—см. Д. Д. Языков. Обзор жизни и трудов русск. писателей, вып. 13, Пг. 1916, стр. 63), но это вызвало известную цензурную историю, а самая книга была конфискована и уничтожена (документы, относящиеся к этому делу, напечатаны в „Русск. Старине", 1890, ноябрь, стр. 54, декабрь, стр. 387—428, 1889, т. 58, стр. 240; в статье А. А. Титова „История первого перевода сочинений Флетчера" в приложении к Суворинскому изданию русского перевода, а также в статье С. А. Белокурова. Чтения в Общ. Ист. и Др. 1908, I). По одному из случайно сохранившихся экземпляров А. Бурцев перепечатал этот перевод в своем „Описании редких российских книг".

СПб. 1897, ч. III, стр. 169—297); впоследствии А. С. Суворин сделал его доступным публике, перепечатав его в третий раз вместе с предисловием М. А. Оболенского: „О государстве русском". Сочинение Флетчера, изд. 3-е, СПб. 1906. В 1911 г. в Петербурге вышел еще один перевод этой книги под ред. Н. В. Голицына. Из иностранных изданий, помимо крайне редкого первого издания 1591 г. (которое также в значительной своей части было уничтожено по настоянию членов лондонской „Московской компании", боявшихся недовольства русского правительства, в случае если бы эта книга дошла до Москвы и была здесь прочитана), следует упомянуть о перепечатке сочинения в Гэклейтовском сборнике («Navigations», изд. 1643 г.), а также в книге: E. A. Bond. Russia at the close of the sixteenth century etc., ed. Hakluyt Society, London, 1856. В 1864 г. вышел французский перевод: La Russie au XVI-e siècle. Avec une introduction par Ch. de Bouset, vols. 1—2, Leipzig—Paris. Из небольшой русской литературы о Флетчере, помимо названных изданий, назовем статьи Ю. Толстого: „О Флетчере", „Библиотека для чтения". 1860, т. 158, № 1—2; Джильз Флетчер „Современник". 1865, № 3, стр. 105—132; „Статейный список приезда Елизара Флетчера" напечатан во „Временнике Моск. Общ. Ист. и Древн." VIII (1850), стр. 1—96; другие документы, относящиеся к его приезду в Россию, напечатаны у Ю. Толстого. Россия и Англия. СПб., 1875, № 61—64; 67—74, 76, 80. Помимо сочинения „О русском государстве", Джильсу Флетчеру принадлежит также целый ряд других сочинений: исторический трактат о происхождении татар—«Essay upon some probable grounds that the tartars... are the Posterity of the ten Tribes of Israel», напеч. в 1677 г., и ряд поэтических произведений: «Licia, or Poems of Love» (1593; здесь находятся 4 поэмы, 3 элегии и 2 сонета), латинская поэма, изданная его сыном—Финеасом в 1633 г.: «De litteris antiquae Britanniae», а также ряд мелких стихотворений; перечень их дает Thompson Cooper в своем биографическом очерке Флетчера («Dictionary of National Biography» vol. XIX, p. 299—302), а также Grosart в «Misc. Fuller Worthies». Lond. 1876, p. XXXVI—XXXIX. Ср. еще «Encyclopaedia Britannica, 13-th edition, 1926, vol. IX, p. 497—498.

В скудной русской литературе о Флетчере, об его поэтической деятельности почти ничего не говорится; М. Оболенский в предисловии к изд. Суворина, стр. XVI—XVII, основываясь на старых библиографических пособиях, замечает только: „некоторые библиографы называют... Флетчера поэтом", но в то же время приписывает его перу поэму: «Christs Victory» etc. (Cambridge, 1640), которая в действительности принадлежит его сыну, известному поэту Джильсу Флетчеру младшему (называемому так в отличие от посланника) и написана в 1610 году. Ср. H. Morley. English Writers, vol. XI, 1895, p. 378—379 и Chambers's Cyclopaedia of Engl.

Lit., vol. I, 1906 p. 445—446. Ниже мы приводим отрывок из книги Флетчера о самоедах по Суворинскому изданию (стр. 86—87), по сверке с английским подлинником по тексту: «Hakluyts Posthumus or Purchas his Pilgrimes» ed. 1906, vol. XII, 583—584. Следует отметить, что одним из главных поводов приезда Флетчера в Россию было дело Антона Марша (см.), торговавшего одно время с Сибирью на свой риск и страх и отправлявшего туда собственные торговые экспедиции. Все то, что Флетчер сообщает о пермяках, под которыми, вероятно, следует иметь в виду коми-зырян, и особенно о самоедах, он мог узнать либо от самого Марша, которого Флетчер вез с собой в Англию, либо от других англичан, живших в Москве (Ср. Середонин, op. cit., стр. 68, 135—136). Сравнительно с известиями прежних писателей, напр., Герберштейна, о Перми Флетчер не сообщает ничего нового; гораздо интереснее и самостоятельнее его известия о самоедах и об их образе жизни. О Сибири Флетчер упоминает еще несколько раз в других местах своей книги, но эти разрозненные данные не объединены у него в связный рассказ. Так, напр., в главе 18-ой он говорит, что „на север в сторону к Сибири принадлежит царю весьма широкое и длинное пространство земли, от Вычегды до реки Оби, числом около 1000 миль, так что он величает себя теперь „п о в е л и т е л е м в с е я С и б и р с к и я з е м л и“ (стр. 72). Далее Флетчер говорит: „что касается до Печоры, Перми и той части Сибири, которая теперь принадлежит царю, то их (туземцев) удерживают тем же простым способом, каким они были покорены, то-есть более грозою меча, нежели самым оружием. Во-первых, царь поселил в этих странах столько же русских, сколько там туземцев и содержит в них, сверх того, гарнизоны, хотя и незначительные по числу солдат, но достаточные для удержания туземцев в повиновении. Во-вторых, здешние начальники и судьи все русские и сменяются царем очень часто, именно каждый год по два и по три раза, несмотря на то, что здесь нечего слишком опасаться какого-либо нововведения. В-третьих, он разделяет их на многие мелкие управления, подобно трости, преломленной на несколько мелких частей, так что, будучи разделены, они не имеют никакой силы, которой, впрочем, не имели и тогда, когда составляли одно целое. В-четвертых, царь заботится, чтобы тамошние жители не имели оружия, ни денег и для того налагает на них подати и обирает их, как только ему заблагорассудится, не оставляя им никаких средств сбросить с себя или облегчить это иго“ (стр. 73). Наконец, в той же 18-ой главе Флетчер сообщает следующее известие: „в Сибири, где царь продолжает свои завоевания, построено несколько крепостей и поставлены гарнизоны, в числе около шести тысяч солдат, из русских и поляков, которые царь усиливает, отправляя туда новые партии для населения по мере распространения владений. Теперь,

сверх того, во власти его находится брат царя Сибирского, которого некоторые из военачальников убедили оставить свою родину, обещав ему отличное содержание и лучший образ жизни с русским царем, нежели тот, какой он вел у себя в Сибири. Его привезли в прошедшем году, и теперь он живет вместе с царем в Москве, получая хорошее содержание" (стр. 74). Здесь, вероятно, имеется в виду сибирский царевич Магмет-кул (Мамет-куль), привезенный в Москву в 1583—84 гг. и бывший не братом, но племянником Кучума. Интересно отметить, что его упоминает в своих записках и другой англичанин, Джером Горсей, называя его «Chiglicke Aloth» (о том, что здесь может иметься в виду только Мамет-куль см. выше, стр. 164—165). В сочинении Флетчера есть еще несколько более мелких упоминаний о Сибири (стр. 7: суровость климата и бесплодность почвы зимою; стр. 32: ссылка дворян в Сибирь; стр. 45: доходы, получаемые от подати в Сибири, ср. С. Середонин, стр. 330; стр. 47: сибирские меха в государевой казне и т. д.), из которых интереснее других, хотя и не отвечающий действительности, рассказ о приобретениях Строгановых на сибирской границе: „говорят, что царю платили они ежегодно до 23.000 рублей, почему им и дозволено было производить торговлю и, кроме того, содержали несколько гарнизонов на сибирской границе, близкой к ним. Царь был доволен их податью до тех пор, пока они не приобрели землю в Сибири и не сделали ее удобною к населению, истребив огнем и вырубкой леса от Вычегды до Перми, на расстоянии 1.000 верст: тут он насильно отнял у них все" (стр. 55—56). С. М. Середонин (op. cit., стр. 208—209) показал, до какой степени это сообщение неверно.

П е р м я к и (Permians) и с а м о е д ы (Somoyt), обитающие на севере и северо-востоке от России, происходят также, как полагают, от татар. Такое заключение подтверждается отчасти их наружностью, ибо у них вообще широкие лица, как у татар, за исключением только черкесов. Пермяки почитаются народом очень древним и в настоящее время находятся под властью России. Промышляют они звериною ловлею и меховою торговлею так же, как и самоеды, которые живут далее к северному морю. Самоедами называют их (по словам русских) от самоядения, ибо в старину они были людоедами и пожирали друг друга. Мнение это тем более вероятно, что и в настоящее время они едят всякого рода сырое мясо без различия, даже падаль Сами же самоеды утверждают, что называются так от слова с а м о е (samoie), выражая тем, что они суть народ к о р е н н о й или взросший на том самом месте, где живет и теперь, и что никогда не меняли его на другое, подобно большей части других народов. В настоящее время они подвластны русскому царю.

Я говорил с некоторыми из них и узнал, что они признают единого бога, олицетворяя его, однако, предметами, особенно для них нужными и полезными. Так, они поклоняются солнцу, оленю, лосю и проч., но что касается до рассказа о Златой бабе (Slata baba) или Золотого идола (о которой случалось мне читать в некоторых описаниях этой страны, что она есть кумир в виде старухи), дающей на вопросы жреца прорицательные ответы об успехе предприятий и о будущем, то я убедился, что это пустая басня. Только в области Обдорской, со стороны моря, близ устья большой реки Оби (Obba), есть скала, которая от природы (впрочем отчасти с помощью воображения) имеет вид женщины в лохмотьях с ребенком на руках (так точно, как скала близ Нордкапа представляет собою монаха). На этом месте обыкновенно собираются обдорские самоеды, по причине его удобства для рыбной ловли, и, действительно, иногда (по своему обычаю) колдуют и гадают о хорошем или дурном успехе своих путешествий, рыбной ловле, охоте и т. п. Они одеваются в оленьи шкуры, спускающиеся до самых колен, шерстью вверх, с такими же штанами и обувью как мужчины, так и женщины. Все они черноволосые и от природы нет у них бороды, так что трудно различить мужчину от женщины, кроме того, что последние носят клок волос, опущенный на уши. Они ведут дикий образ жизни, переходя с места на место и не имея ни домов, ни земли, которые бы принадлежали кому-либо из них в отдельности. В каждом отряде начальники или правители у них попы или жрецы (Papa or Priest).

Рис. 29. Моление обдорских самоедов (Деталь карты неизвестного, вторая половина XVI в.)

ПРИМЕЧАНИЯ

Пермяки]. Здесь, как и в других известиях англичан, под пермяками следует понимать «северных коми» (Коми-войтыр), т. е. зырян. Сл. ниже: примечания к Д. Логану, стр. 216.

Сами же самоеды утверждают, что называются так...]. Этимология Флетчера довольно фантастична, однако именно так объясняли слово на Западе еще во 2-й половине XIX в.—«Die Ssamojeden,—russ. Ssamojedin—einsam, Einsiedler» (Zeitschrift für wissenschaftliche Geographie, 1880, I, S. 81). Ср. еще Ф. Белявский (Поездка к Ледовитому морю. М. 1833, стр. 154): «Самоеды между собою называют один другого не поименно, а просто общим названием для всего

народа: Хазова. Слово хаз значит сам, а ово значит один или сам-един, соответствующее их названию Хазово. Итак, не очевидно ли, что название самоед есть искаженное из переводного их имени: Сам един? Не подтверждается ли сие и тем, что они живут обыкновенно не обществами, а по одиночке?» Автор статьи о самоедах в «Этнографическом Сборнике», изд. И. Р. Г. О., вып. IV, СПб., 1858, стр. 43 полагал, что с этим трудно согласиться на том основании, что «от слова хазово мог образоваться только термин самоедин, а не слова самоед и самоядь, в которых вовсе нет слова един. Кроме того, нынешнее название самоедин есть новейшее, а в древности было в употреблении самоядь и самоед». Ранее J. B. Scherer (Nordische Nebenstunden. Das ist Abhandlungen über die alte Geographie, Geschichte und Alterthümer Nordens I, Th., Frankfurt. Leipzig, 1776, S. 44—45) производил слово самоед из лапландского языка: Samaedna, Sameladde, «как они называют свою страну: или иностранцы в Архангельске или же сами русские исковеркали это слово в самоед». Словопроизводство Шерера принял и. И. Е. Фишер («Сибирская История». СПб. 1774, Введение, § 65); Георги («Описание всех, обитающих в Росс. Гос. Народов», ч. III, стр. 4) вслед за Фишером также производил слово самоядь или от самеядны, названия лопарской страны или «от слова соома, болото, потому что в пустынях их множество болот». «В Сибири западные самоеды называют себя ненец (человек) или ненця (люди), а восточные—хасов (муж) или хасово (мужи) и самоеды, обитающие в Мезенском уезде Арханг. губ., канинские и тиманские, также называют себя ненец или ненця, а большеземельские—хасово или хосово... По значению слова самоед на языке русском можно бы почитать самоедов людьми, которые едят сами себя, но такое производство их имен ничем не подтверждается: нет никаких известий, чтобы самоеды были когда-нибудь у нас людоедами [Ср. у нас выше, стр. 129]. В старинных русских приказных ведомостях самоеды назывались иногда сыроядцами, потому что издавна употребляли в пищу сырое мясо. Может быть, русские, заметив между ними такое странное употребление мяса, дали им наименование самоедов, или потому что видели их самое (сырое, неприготовленное мясо) ядущих (sic!) или потому, что из зверского употребления ими в пищу сырого мяса ошибочно заключили, будто они едят самих себя («Этнографический Сборник», IV, стр. 40—44). Нужно сказать, что и это толкование слова кажется очень натянутым (сл. выше: Плано-Карпини, стр. 11 и Рич. Джонсон, стр. 128). Наиболее общепринятые толкования этого слова см. также у Н. Фирсова. Положение инородцев северо-восточной России в Московском государстве. Казань, 1866, стр. 30—33 прил.

Они признают единого бога]. Речь идет о «Тявуй-Нуме».

Рассказа о Златой бабе]. В числе многочисленных иностранных свидетельств о Золотой бабе (они собраны у нас выше: Герберштейн, стр. 114 сл.), соображения Флетчера стоят совершенно особняком. Кроме него, никто не сомневался в действительном существовании идола. Первоначальным источником сведений Флетчера о Золотой бабе была, вероятно, книга Герберштейна или отчет Климента Адамса: «Anglorum Navigatio» (см. выше, стр. 115). По мнению С. М. Середонина (Сочинение Джильса Флетчера «Of the Common Wealth» как исторический источник, СПб. 1891, стр. 137), «Флетчер здесь вероятнее всего имеет в виду сочинение и карту Герберштейна, и может быть Клим. Адамса; его данные представляют несомненно значительный шаг вперед. Такими точными данными Флетчер обязан, кажется, Антону Маршу, который в 1584 г. отправил несколько пустозерцев—человек двадцать к Оби». Иного мнения придерживается Н. И. Веселовский (Мнимые каменные бабы, СПб., 1905, стр. 9): «Хотя Флетчер, повидимому, и старался проверить слух о Золотой бабе при посредстве самоедов и пришел к заключению, что Золотой бабы в действительности не существовало, но с этим едва ли можно согласиться, и

другие источники в данном случае достовернее.. Точно так же представляется неудовлетворительным объяснение легенды о Золотой бабе существованием скалы, напоминающей, при помощи воображения, женщину в лохмотьях с ребенком на руках (как на карте Дженкинсона?). Странно думать, чтобы скалу могли называть Золотою бабою, а не каменною» С таким мнением нельзя не согласиться: действительное, а не мнимое существование Золотой бабы подтверждается согласными свидетельствами иностранных и русских источников.

XVII ВЕК

XXII. ПЕТР ПЕТРЕЙ | PETRUS PETREJUS

(1601—1610)

Петр Петрей де Эрлезунда (Petrus Petrejus, по-шведски—Peer Persson)—шведский дворянин, родом из Упсалы. Жизнь его плохо известна (все сохранившиеся данные собраны в шведском биографическом словаре: Biographiskt Lexikon öfver namnkunnige svensa män, Bd. XI, Upsala, 1845, p. 164—168). Мы знаем, что приехав в Россию по какому-то случаю („fato quodam", по его собственному выражению) в 1601 году, Петрей провел здесь около четырех лет, в царствование Бориса Годунова и при первом Лжедмитрии; затем он вернулся на родину, но в 1608 г. вновь прислан был в Москву шведским королем Карлом IX, чтобы склонить царя Василия Шуйского к союзу со Швецией. Его поездка не имела успеха. В 1611 г. он приехал в Россию в третий раз. В это время в Новгороде объявился так наз. „третий Лжедмитрий", в надежде, что король Густав-Адольф окажет ему помощь. Петрей, лично знавший первого самозванца, отправлен был в Новгород, чтобы обличить этого обманщика. Дальнейшие подробности его жизни нам неизвестны. Став очевидцем „смутной" эпохи, Петрей описал ее важнейшие события по возвращении в Швецию в особом сочинении: „Regni Mushovitici sciographia. Thet är: Een wiss och egentеligh Bescriffning om Rydzland" (Stockholm, 1615); здесь даны: история России от Рюрика до 1612 г., основанная отчасти на „Хронике" Буссова (см. об этом статьи А. А. Куника в журн. „Das Inland" 1850, № 7 и Erman's „Archiv f. wiss. Kunde Russlands" XI, 1850), а также описание России в нач. XVII века, на основании личных наблюдений и по известиям других иностранных авторов. Аделунг (Krit. Lit. Übersicht II, 145) отзывается о Петрее очень лестно, говоря о нем, что „Петрей по справедливости почитается одним из замечательнейших писателей касательно древнейшей истории и учреждений русских", но уже Юрий Крижанич в XVII веке дал довольно резкую его характеристику: „Петер Петреиш немчин есть написал книги дебелыя об сем царству, а в них на всяком листу все полно ядовных, лаячных, ненавидных вещей и ложных

Рис. 30. Заглавный лист книги Н. Витсена «Северная и Восточная Татария»

повестей. Он своя книга зовет Историею Русского селити вестинными книгами; али по правде имаит ся звать пасвината, се есть оговорныя, ущипливыя, шутския, поругательския книги" (П. Бессонов. Русское государство в половине XVII века. I, стр. 166). „Петрей не может считаться хорошим источником,—замечает новейший историк. Он заражен предрассудками, недостаточно беспристрастен в своих суждениях и по большей части повторяет то, что уже было сказано другими" (А. М. Ловягин в „Русском Биографическом словаре", т. „Павел—Петр", СПб. 1902, стр. 636—637). Тем не менее, следует признать несправедливым отзыв Е. Козубского („Заметки об иностранных писателях о России", Журн. Мин. Нар. Просв. 1878, № 5, стр. 9—10), который говорит, что „большая часть Петрея или переписана у Герберштейна или содержит небылицы", т. к. в его книге все же много интересных данных относительно „смутного" времени. В 1620 г. в Лейпциге, Петрей выпустил свою книгу о России (с дополнениями) на немецком языке. Она перепечатана в „Scriptores rerum Rossicarum exteri" (Petropoli 1851, p. 137 sq.), с вариантами шведского издания; на русский язык сочинение это переведено А. Н. Шемякиным под заглавием: „История о великом княжестве Московском, происхождении великих русских князей, недавних смутах, произведенных там тремя Лжедмитриями, и о московских законах, нравах, правлении, вере и обрядах" („Чтения", 1865—1867 и отд. М. 1867), откуда мы и заимствуем небольшой отрывок о Сибири („Чтения", 1865, IV, стр. 44—45). Отметим, что в шведском журнале „Le Monde Oriental" в течение двух лет (1906—1908) объявлялось о скором напечатании специальной работы A. Almquist'a о Петрее и об источниках его „Истории", но по справкам, обязательно наведенным для меня Prof. K. V. Zetterstèen'ом (Stockholm) у автора, она в печати совсем не появлялась. О Петрее см. еще: Schück. Svensk Litteraturhistoria I, 442 f.; Helge Almquist. Sverge och Russland (1595—1611), Uppsala 1907; Я. К. Грот. Из русской истории. СПб. 1901.

Княжество Сибирь (Siberien) прежде находилось под властью казанских царей и не имело ни крепостей, ни городов. Когда же великий князь завоевал его и привел в свое подданство, он велел построить там семь городов и местечек и населил их русскими. У жителей особенный язык. К северу граничат они с большою рекою Обью (Obi). Одежда у них из кож и мехов, шерстью вверх. Хлеба там не родится, но вместо него они кормятся жареной рыбой, мясом диких птиц и зверей. Из этой области приходит чрезвычайно много дорогих мехов: соболей, куниц, белых, черных, голубых и красных лисиц, белых медведей, волков, рысей и самых

красных белок—их выменивают русские на хлеб, водку и тому подобные, необходимые для жителей, вещи и наживают при этом значительную прибыль. В этом краю водятся очень большие и сильные собаки, которых так приучили жители, что запрягают их парами в сани и ездят на них по своим делам через горы и долины; не надо давать им слишком скоро бежать, чтобы не остаться на дороге.

Дань великому князю жители платят разными мехами. В этом краю такая стужа, что не вырастает совсем ни трава, ни лист на дереве, а тем менее хлеб или садовые плоды. Туда ссылаются все, находящиеся в немилости у Великого князя, и в чем-нибудь провинившиеся или согрешившие перед ним; они остаются там и ведут бедственную жизнь до тех пор, пока великий князь опять не примет их в милость к себе и не позволит возвратиться оттуда.

ПРИМЕЧАНИЯ

Велел построить там семь городов]. Цифра семь—несомненно случайного происхождения. Ко времени, когда Петрей писал свою «Хронику» (1614—15), русское правительство успело основать в Сибири гораздо большее количество городов и острогов. Однако, летописные и исторические данные дают об этом несогласные сведения. По одной из сибирских летописей, в Сибири построены: сначала Тюмень (1586) «на месте Чингидеса», затем Тобольск (1587) «вместо бесерменского града Сибири, по которому ныне и вся страна названа Сибирью»; в 1588 г. воевода Елецкой строил г. Тару, а между 1591—1594 гг. построены были: Пелым, Березов, Сургут (все три 1591 г.), Нарымск (1592 г.), Томск (1593) и Кетской острог (1594) (см. А. А. Ионин. «Описание о поставлении городов и острогов в Сибири»—«Сибирск. Архив». 1913, № 9—11, стр. 465); Миллер и Фишер дают несколько иные сведения. Тара построена в 1594 г., Пелым, Березов, Сургут—в 1593 г., Нарым и Кетской острог в 1596, Томск в 1604 г. Ср. Müller. Samllung Russ. Gesch. VI, S. 127 ff.; И. Тыжнов. Заметки о городских летописях Сибири. СПб. 1898. Сл. Н. В. Турчанинов. Города Азиатской России. «Азиатская Россия», П. 1914, т. I, стр. 285—361.

В этом краю водятся очень большие и сильные собаки] Сл. выше, стр. 148.

Туда ссылаются все, находящиеся в немилости]. Известие Петрея,—если не считать, вероятно, основанного на недоразумении свидетельства Г. Штадена и указания Д. Флетчера (сл. выше, стр. 199)—принадлежит к числу наиболее ранних печатных показаний о ссылке в Сибирь. В этот период, как показывают исследования П. Н. Буцинского (Заселение Сибири, Харьков. 1889, стр. 196—215), ссылка не получила еще широкого распространения и применялась московским правительством, главным образом, с колонизационными целями (иного взгляда держался Н. М. Ядринцев. Исторические очерки русской ссылки—«Дело», 1870, № 10, стр. 208, 211, 221; «Колонизационное значение русской ссылки», там же, № 12, стр. 3; его же: Сибирь как колония, изд. 2-е, СПб. 1892, стр. 245, находивший, что «у древних русских царей эта мера была мерой чисто административной и почти всегда сопровождалась заточением на месте ссылки»; ср. И. Щеглов. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири, Ирк. 1883, стр. 59). Санкцию закона ссылка получила только в «Уложении» Алексея Михайловича (1649 г.), хотя применялась уж задолго перед тем. Н. Ядринцев

указывал, что «когда явились первые ссыльные, города и остроги уж обстроились. Туринск, Пелым и Тюмень были первым местом их назначения. Ссыльные не входили, однако, здесь в число свободного населения». На этом основании он заключал, что колонизационное значение ссылки было ничтожно. Однако уже И. Масса в известии, относящемся к первому десятилетию XVII века, ставил в связь рост городов в Сибири и ее быстрое заселение именно с большим количеством людей, высылаемых в эту страну (это свидетельство приведено у нас ниже: И. Масса). По Буцинскому, просмотревшему во всех важнейших русских архивах все сохранившиеся дела о ссылке в Сибирь за время от 1593 до 1645 гг., ссылке подверглись «около 1500 человек, не считая жен и детей и разных свойственников». Точную цифру можно указать лишь за десятилетний период 1614—1624 гг.: 560 человек. Любопытно отметить, что среди ссылаемых было много иноземцев, гл. образом военнопленных; тут были поляки, литвины, немцы «цесарской земли», немцы ливонские и шведские, латыши, черкесы, один «француженин» (П. Буцинский, op. cit, стр. 199—200; сл. Н. Н. Оглоблин. Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа, ч. II. М. 1895, стр. 301; ч. III, М. 1900, стр. 61—63, 115 и др.).

XXIII. ДЖОСИАС ЛОГАН | JOSIAS LOGAN

(1611)

В 1611 году английская торговая компания, директором которой был тогда Томас Смит, в надежде на большую прибыль, попыталась завязать непосредственные сношения с крайним северо-востоком России и для этого послала специальный корабль, который предпринял путешествие к устью Печоры. Корабль назывался „Дружба“ („Amitie“) и капитаном на нем был Джемс Вэден (James Vadun), опытный и смелый моряк, хорошо изучивший условия плавания по полярным водам и не раз ходивший до Шпицбергена. Снявшись с якоря в Темзе 11 апреля 1611 г., „Дружба“ обогнула Норвегию и, пройдя Белое море, сделала попытку продвинуться как можно дальше на восток. Устья Печоры корабль достиг 11-го июля этого года. На корабле находились Вильям Гордон из Гулля (William Gordon of Gull), „тот самый Гордон, который в 1603 г. по поручению Черри, вместе с Беннетом, отправился на север и первый из англичан прибыл на остров Черри“ (Гамель, стр. 190, см. у нас выше: Ф. Черри, стр. 194), затем Ричард Финч (см.) и, наконец, факторы Джосиас Логан, его помощник Вильям Персглоу (Pursglove) (см. ниже) и ученик Мармадьюк Уильсон. Логан, Персглоу и Гордон на шлюпке с шестью гребцами проехали через Сухое море к реке Печоре и поднялись по ней до Пустозерска, куда прибыли 16-го июля. Здесь не без труда выхлопотали они разрешение у таможенных сборщиков на некоторое время остаться в Пустозерске. Не забудем, что дело происходило в самый разгар смутного времени. Даже отдаленный Пустозерск испытал на себе влияние всеобщей разрухи: воеводы в нем не было; последний, как рассказывали Логану, в 1610—1611 году зажег острог, принеся этим пожаром большие опустошения, а затем уехал. Характерно, что во время поездки в Пустозерск, когда англичане приставали к различным рыбачьим шалашам, хозяева их почти все убегали, принимая чужих пришельцев при первом взгляде за поляков. Только безвластием и полной независимостью местных администраторов и можно объяснить удачу предприятия Логана

и его спутников и продолжительность их пребывания в этом крае. Закупив много товаров, Гордон с Персглоу возвратились на корабль ,,Дружбу", ,,первый с тем, чтобы поплыть дальше, а второй для того, чтобы с Уильсоном опять проехать в Пустозерск и привезти с корабля различные товары" (Гамель, стр. 191 и сл.). Логан, Персглоу и Уильсон остались в Пустозерске на зиму, изучая условия местных рынков и особенно интересуясь странами, расположенными к Востоку от него. Как путешествие ,,Дружбы" до устья Печоры, так и дальнейшие странствования и приключения англичан на суше известны нам довольно подробно, благодаря ряду донесений, посланных ими в Англию, и по дошедшим до нас их путевым дневникам. Из них наибольший интерес представляют для нас материалы Логана и Персглоу, касающиеся Сибири и полученные ими расспросным путем, главным образом в Пустозерске.

Логан был довольно сведущим лицом в торговых делах. Еще в 1603 году он был назначен торговым агентом в Колу и пробыл там пять лет. Вероятно, он выучился тогда русскому языку, который очень пригодился ему во время путешествия 1611 года и зимовки в Пустозерске для собирания сведений о странах северовостока и торговых путях в Китай. Некоторые исследователи отдают предпочтение известиям Персглоу, с которыми донесения Логана зачастую имеют не только сходство, но и текстуальную близость, и предполагают, что Логан в некоторых случаях пользовался известиями Персглоу, как первоисточником (так думает, напр., H e n n i n g. Die Reiseberichte, s. 296), однако, такой вывод, если он даже и правилен, все же нисколько не делает их менее интересными, так как известия двух англичан собирались ими в одном и том же месте и, вероятно, от одних и тех же лиц; кроме того, известия эти не совпадают друг с другом вполне, а иногда Логан рассказывает пространнее, чем Персглоу; Логан несомненно сам знал русский язык и имел возможность собирать сведения самостоятельно. Интересно отметить, что Логан был знакомым Ричарда Гэклейта и, быть может, собирал географические данные по его инструкциям и поручению: это, в свою очередь, увеличивает их ценность. Между прочим, Логан и Гордон, будучи на Колгуевом острове, даже назвали одну реку по имени Гэклейта, что говорит об их уважении к английскому историографу. Письма Логана к Гэклейту могут подтвердить, что Логан, пожалуй, интересовался географическими вопросами не только с узко-практической точки зрения, и сделался, вероятно, корреспондентом интересным и очень ценимым. Однако, сам Гэклейт, умерший в 1616 году, не смог воспользоваться всеми материалами, доставленными ему Логаном, и они достались его продолжателю Перчасу, который и напечатал их в своем сборнике (III, 541—546). Среди этих материалов находились письма Логана и род дневника, веденный им во время

зимовки в Пустозерске в 1611—1612 гг., в который он заносил все интересовавшие его сведения, полученные из бесед с местными жителями и приезжими туземцами—самоедами, тунгусами. Как в письмах, так и в дневнике много данных о Сибири. Логан уже слышал про реку Енисей и, случайно увидев купленный у самоеда кусок слонового зуба (вероятно мамонтова кость), полагал, что находится на пути в Китай и Индию. В письме к Гэклейту от 16 августа Логан описывал морской путь к Оби через Югорский шар, упоминая об Енисее, тунгусах и делая предположения, правда, неудачные, об этимологическом сходстве названий тунгус и тангут. В описании мощной реки за Енисеем, текущей на юг, с большой долей вероятия можно видеть Амур. Все эти известия заслуживают большого внимания. Логан вместе со спутниками энергично изучал также местный рынок и выяснил, что главным центром русско-сибирской торговли была Слободка (теперь предместье г. Мезени). Англичане накупили много ценных товаров, по преимуществу пушнины, и сухопутьем вернулись в Холмогоры в конце сентября 1612 года.

Известия, письма и дневники Логана, напечатанные у Перчаса, давно обратили на себя внимание. „Рассказ русского, много ездившего по пути от Печоры до Оби" в голландском переводе напечатан у Витсена (Noord en Oost Tartarie, изд. 1692, II, 588, изд. 1705, II, 941—942). Шренк в своей книге „Reise nach dem Nordosten europäischen Russland durch die Tundren der Samoieden, zum Arktischen Uralgebirge" Th. II (Dorpat, 1854), S. 199—202 привел выдержки из этих известий, но напечатанные у него в немецком переводе отрывки касаются, главным образом, северной части Урала, так как данные о Сибири Шренка специально не интересовали. Небольшое извлечение из письма Дж. Логана к Гэклейту привел в русском переводе А. Филиппов („Речной путь в Сибирь через полуостров Ялмал".—„Записки по гидрографии", вып. XXVI, СПб. 1904, стр. 162—163). Об англичанах на русском севере см. еще С. Ф. Платонов. Иноземцы на русском севере в XVI—XVII вв. „Очерки по истории колонизации Севера и Сибири", вып. II, П. 1922, стр. 7—17; перепечатано в книге: „Прошлое русского севера". П. 1923, стр. 58—71. Мы приводим ниже в русском переводе, по сборнику Перчаса, не все материалы Логана, но лишь те из них, какие имеют отношение к Сибири.

ПУТЕШЕСТВИЕ ДЖОСИАСА ЛОГАНА НА ПЕЧОРУ И ЗИМА, ПРОВЕДЕННАЯ ИМ ТАМ С УИЛЬЯМОМ ПЕРСГЛОУ И МАРМАДЬЮКОМ УИЛЬСОНОМ В 1611 ГОДУ

[Февраль 1612 г.]. Рассказ русского, много ездившего по пути от Печоры до Оби.

Двадцатого февраля я имел разговор с одним русским относительно его торговли с Мангазеей (Molgomsey). Он был там дважды и был первым человеком, который когда-либо пытался проникнуть туда; никто не ездил дальше его на восток. Он сказал мне, что от Меденского заворота (Medenskoy Zauorot) около устья Печоры до двух островов, называемых Зеленец (Zyelensa), два дня и три ночи пути морем при благоприятном ветре. Оттуда до Бритвина носа (Breit-vinnose) в проливе Вайгач трое суток при благоприятном ветре. А оттуда еще пять или шесть дней плавания мимо острова или вернее скалы, называемой Сокольья Лодья (Socolia Lowdia), которую нужно оставить направо, чтобы избежать подводных камней, держа курс все время на северо-восток до места, где с правой стороны песчаная гряда вдается в море на три мили. От этого места нужно держать курс немного более на юг и плыть еще пять или шесть дней; тогда вы придете к реке Оби (Ob), в устье которой находится остров; вы же должны держаться морской его стороны, так как между островом и материком мелко. Местность по берегам представляет собою прекрасную низменность, а вход в реку находится на востоке от острова. Говорят, что для того, чтобы пересечь реку поперек на лодке, требуется в летнее время целый день, и что она полна островов; при этом говорят, что здесь мелко. Но помоему такая большая река не может быть без фарватера, который еще не изучен, вследствие чего река и считается несудоходной. Говорят также, что она очень обильна рыбой различных видов, но местные жители и русские не хотят, чтобы мы туда ехали.

Кроме того, он рассказал мне о местности, простирающейся на восток от реки Оби. На расстоянии пяти или шести дней плавания к востоку от Оби имеется еще река, такая же большая, как и Обь. Она очень глубока и течет с юга, но протяжение ее еще неизвестно, хотя он и утверждал, что сам он плыл по крайней мере три недели вверх по реке и все время встречал различные племена народа, называемого самоедами (samoyeds), которые отличаются друг от друга по языку. Он и местные жители утверждают, что выше по реке и южнее живут татары, которые ездят на лошадях. Он утверждает также, что они находили части плугов (Ploughes), которые были принесены с гор во время разлива, вызванного таянием снегов. Эта река очень глубока и имеет очень высокие берега (very high lands) с обеих сторон. С восточной стороны в нее впадает другая река, называемая

Тунгуской (Tingussey) и народ, живущий на ней, называется также тунгусами, из чего я заключаю,что это недалеко от города Тангут в Китае (Cathay). Эти тунгусы говорят, что есть еще другая огромная река, которая течет на юг и которую полоса земли отделяет от Тунгуски. По этой реке ходят большие корабли, похожие на русские, имеющие много мачт и пушек, которые, когда из них стреляют, сотрясают землю. Эти корабли принадлежат, повидимому, китайцам (Chinians), которые торгуют там летом и возвращаются до наступления зимы. Это подтверждается одним русским, бывшим на Тунгуске, где слух об этом распространен среди местного населения.

[Апрель] Рассказ пермяка

Двадцать первого апреля я имел беседу с одним пермяком относительно товаров, которые можно приобрести в городе Усть-Цильме (Ust-zilma). Он сказал мне, что за рекой Енисеем (Yenissey) на восток простирается земля, и что там имеется река, называемая Пясида (Peaseda), а за нею другая, называемая Хатанга (Catonga), которая течет в Китай (Cathay); царя этой местности пермяки и русские называют Teulka-tsar. Река протекает и на севере и на юге, но жители берегов Енисея не могут сказать на каком расстоянии, так как никто из них не плавал по ней по той причине, что они боятся быть убитыми (of their [?] shot). И этот пермяк рассказал мне, что на морском берегу, приблизительно на полпути между этими реками Пясидой и Хатангой были найдены камни, из которых некоторые похожи на золото, а некоторые на серебро.

[Июль] Пожар Томска

Пятого июля мы получили известие о том, что воевода (governor) и солдаты Томска сожгли город и бежали оттуда по причине недостатка съестных припасов и невыплаты жалованья. Около трехсот человек из них имели намерение прибыть в Усть-Цильму (Ust Zilma) и ограбить население этого города. В этот день мне сказали, что от Пустозерска (Pustoser) вверх по Печоре до реки Усы (Ouse) три недели плавания при благоприятном ветре; оттуда вверх по реке Усе до Подкаменья (Podcamen)—десять дней, а оттуда до Оби восемь дней езды на оленях; оттуда же шестнадцать дней до Березова (Beresoua)—торгового города. Хозяин мой рассказал мне, что он был в плену (prisoner) в Березове и в Тобольске (Tobolsko); он утверждает, что Тобольск ведет крупную торговлю и что таджики (Teseeks), бухарцы (Bowhars) и татары приезжают туда торговать и привозят шелка, бархат (veluets), гробгрины (Grogran), сендали (sendames) и киндяки (kindackes), и что там можно продать большое количество сукна, оловянной и мед-

ной посуды. Там имеется также большой запас мехов, как-то: соболей, белок, лисиц, росомах (Rosamackes) и бобров. Он говорит, что от Пустозерска до воды в Югории (Vade in Jugoria), которая находится на этой стороне Оби, месяц езды на оленях, а в Носовой [городок] (Nosoua),—который находится по ту сторону Оби и на расстояние две с половиной недели пути в легкой повозке или с почтой. Кроме того, он сказал мне, что Печора течет в Пермь Великую (Velekapermia), которая находится в пяти неделях пути от Пустозерска, а от Перми до Верхотурья (Verhotowria)—девять дней пути на лошадях и в санях; оттуда до Тюмени (Tumen) по реке—десять дней, а от Тюмени—шесть дней по реке Иртышу (Irtish) до Тобольска (Tobolsko),—главного города во всей Сибири. От Тобольска до Сургута (Sowrgut)—шесть недель пути вверх по реке Оби. Оттуда получаются все богатые меха, которые доставляются в Архангельск (Arcania). От Сургута до Томска (Tome), который расположен среди татар—три недели вверх по реке Оби, и все же, по его словам, никто не знает, как далеко течет река Обь. Он проезжал через эти места [направляясь] до Москвы (Musco) в начале царствования Расстриги (Rastriga).

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ДВУХ ПИСЕМ ДЖОСИАСА ЛОГАНА С ПЕЧОРЫ К МИСТЕРУ ГЭКЛЕЙТУ—ПРЕБЕНДУ ВЕСТМИНСТЕРА

Зимой сюда в Пустозерск приезжают до двух тысяч самоедов со своими товарами, среди которых могут быть и такие, о которых мы никогда и не мечтали. Так, случайно кто-то доставил нам кусок слоновой кости, которую он якобы купил у самоеда. Здесь есть также люди, называемые тунгусами (Tingussies), страна которых находится за реками Обью и Тазом (Taes) и доходит до большой реки Енисея,—хорошей и большой реки, которая впадает в море Няромское (Naromzie). Повидимому она [страна эта] находится недалеко от Китая. Поэтому вы можете понять, какие надежды возлагаются на это предприятие, если, с божьей помощью, его удастся осуществить как следует.

Июля 24-го 1611 г.

ИЗ ДРУГОГО ПИСЬМА, С ПЕЧОРЫ, 16 АВГУСТА

Русские и пермяки ежегодно торгуют с жителями берегов Оби и местности, лежащей за ней. Они едут туда морем через большую бухту за Печорой, называемую Югорский шар (Yowgorsky Shar), в которую впадает четыре реки; самая восточная из них называется река Кара (Cara Reca), что значит Черная река. Пройдя ее, они входят в другую, называемую Мутной рекой (Moetnaia reca);

затем они подходят к волоку (voloc), т. е. полосе земли в три версты, через которую они перетаскивают свои лодки и товары, и таким образом доходят еще до одной реки, называемой Зеленая река (Zelena Reca), которая доходит до Оби. В нее впадает с восточной стороны река Таз (Taes), образуя общую губу с рекой Обью. Эта река мелкая, но настолько широкая, что, говорят, человек едва может различить противоположный берег, и имеет много островов.

Кроме того, за Тазом имеется еще большая река, называемая Енисеем (Yenissei), которая, говорят, больше и глубже Оби. Никто не знает, на каком протяжении она течет, хотя вверх по течению ее уже плавали по четырнадцать дней. Этого нельзя узнать от местных жителей, которые называются тунгусами и являются особым народом. Самоеды же говорят, что видели белый город (White Citie or Towne), который, казалось, был построен из камня, но они не посмели подойти к нему, чтобы убедиться в этом; и они слышали также, что у них есть [животные, имеющие] длинную гриву и хвост, которые не имеют рогов, и что копыта у них круглые и не раздвоены, как у оленей; повидимому, это лошади. Далее они рассказывают, что к ним вышли люди, все сделанные из железа; я полагаю, что это были люди, одетые в латы. Так как они говорят, что двести таких людей могут, по их мнению, завоевать все их царство (all their Realme), то из этого вы можете заключить, что они находятся недалеко от Китая и Хины (Cataia and China). Таким образом, я вам открыл самый большой секрет и то, что, насколько я знаю, ближе всего подходит к истине; если вы найдете это нужным, доставьте графу Сэлсбери (Salisbury) копию с этого письма. Я кончаю, желая вам здоровья и благополучия в этом мире и радостей в мире будущем.

ПРИМЕЧАНИЯ

Торговли с Мангазеей]. О Мангазейской земле см. выше (Рич. Джонсон, стр. 127—128; Штаден, стр. 159). Ко времени настоящего известия, в Мангазейской земле, на Тазу, на месте промышленного зимовья, возник (в 1601 г.) Мангазейский город,—большая укрепленная фактория, игравшая значительную роль в меховой торговле первой половины XVII века. «Закинутый в глубь студеной тундры,—пишет С. В. Бахрушин («Легенда о Василии Мангазейском». Известия Академии Наук СССР. Отд. Гум. Наук, 1929, № 6, стр. 479 сл.; его же: «Мангазейская мирская община в XVII в.» «Северная Азия», 1929, № 1, стр. 50—54)—почти под самый полярный круг, затерявшийся в беспредельных пространствах северных болот, среди воинственных инородческих племен—«кровавой самояди» и других «немирных иноземцев»—отрезанный от Руси и даже от прочей Сибири бурями Мангазейского моря, Мангазейский город силою своего положения на одном из важнейших пунктов промышленного движения в Сибири был в течение первых десятилетий XVII века значительной станцией на пути торговых и промышленных людей на енисейские и ленские промыслы. Постоян-

ного населения в городе не было, но из года в год, в начале осени, сюда прибывали морем караваны кочей, и безлюдный в обычное время город оживлялся». Один из таких поморских промышленников был информатором Логана о морском пути в Сибирь. Однако представляется странным указание Логана, что «он был там дважды и был первым человеком, который когда-либо пытался проникнуть туда», так как описанным у Логана путем «поморские промышленники несомненно уже пользовались в первой половине XVI века и продолжали ходить до 1620 г., когда он был закрыт для них вследствие запрещения, последовавшего от властей. По словам самих промышленных людей в 1617 году, они ходили морем, «которого лета льды пропустят» в Обскую Губу и в Мангазею «для своих промыслов» с Двины, с Пенеги и с Мезени «лет по 20, по 30 и больше» (Русская Историч. Библиотека, т. II, № 254, 10, стр. 1052; С. В. Бахрушин. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. М. 1928, стр. 80; сл. у нас выше: Штаден, стр. 159, Марш, стр. 186—187). Возможно, что московскому правительству «этот путь был долгое время мало ведом или вернее оно не имело о нем точных, определенных сведений, хотя и знало, что промышленные и торговые люди плавают морем в Мангазею. Точные сведения о морском пути правительство получило только в начале 1616 года от тобольского воеводы Куракина: последний, сообщая в Москву сведения об этом пути, в то же время высказал опасение, что оным могут воспользоваться немцы для торговли с сибирскими инородцами, как уже и были с их стороны попытки по рассказам торговых и промышленных людей, «а по здешнему, государь,—писал этот воевода,—по сибирскому смотря делу, никоторыми обычаи немцам в Мангазею торговати ездити повелить не мошно; да не токмо им ездити, ино-б, государь, и русским людям морем в Мангазею от Архангельского города для немец ездить не велеть—чтоб на них смотря немцы дороги не узнали, а приехав бы воинские многие люди сибирским городам какие порухи не учинили» (Р. Ист. Библ. II, № 254, 11, стр 1055; П. Н. Буцинский. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. Харьк. 1889, стр. 183—184). Напуганное этим известием московское правительство в том же году запретило под страхом смертной казни плавать этим путем в Мангазею и обратно (РИБ, там же, стр. 1059). «Те торговые и промышленные люди,—замечает по этому поводу Буцинский (op. cit., стр. 174),—которые рассказывали Куракину о попытках немцев пробраться в Сибирь, и не подозревали, что эти рассказы, им же принесут великое горе. Поэтому они, узнав о правительственном распоряжении относительно морского пути, запели уже иную песню. «В сыску в Мангазее многих городов торговые и промышленные люди сказали, что от Двинского устья морем в Енисейское устье большими и малыми кочами сами не бывали и изначала про ходоков русских и никаких иных людей не слыхали; а то-де они слыхали, что от Мутные реки и до Обского устья и к Енисейскому устью морем непроходимые злые места от великих льдов и всякия нужи, а у Карские-де губы кораблей немецких не видали, а с моря на Енисею кораблями или кочами про проход немецких людей не слыхали и на Карскую губу за большим льдом ездити не мошно». Но в то же время торговые и промышленные люди били челом, чтобы им разрешили ездить в Мангазею и обратно прежним путем, «большим морем». Несмотря на резко бросающееся в глаза противоречие между «показаниями на сыску» относительно морского пути и упомянутой просьбой, правительство забыло свой страх и в нач. 1618 г. снова разрешило ездить по этому пути. А одного из виновник в рассказов про немецких людей... Еремку даже велено «за то бити нещадно, чтобы на то смотря иным было неповадно воровством смуту затевать» (Русск. Ист. Библ., т. II, стр. 1066—1067). Однако русские недолго, по крайней мере открыто, пользовались этим путем; уже в конце 1619 г. по указанию тобольского воеводы издан указ, которым снова запрещалось торговым, промышленным и всяким людям плавать морем в Мангазею (РИБ, т. II, стр. 1075). А чтобы это запрещение не нарушалось, в 1620 г. велено было построить острожек на волоке между речками Мутной и Зеленой и посылать туда дозорных, чтобы они никого не про-

пускали тем путем в Мангазею и обратно; это распоряжение исполнено только в 1624 г. (op. cit., стр. 1094). Таким-то образом был прегражден морской путь в Сибирь». П. Буцинский, op. cit., стр. 176; П. Буцинский. К истории Сибири. Мангазея и мангазейский уезд 1601—1644 гг. «Записки Харьковского университета», 1895, I, стр. 69—71. С. В. Бахрушин. Очерки, стр. 85—86. Сл. Русск. Ист. Библ., т. VIII, столб. 363: «Отписка тобольск. воеводы о том, чтобы немецкие люди ни водяным, ни сухим путем не прошли в Сибири», 1620—1629 гг. Логан и его спутники были как раз одними из тех иностранцев, против которых направлено было челобитье тобольского воеводы государю; однако, дело происходило еще в 1611 году и поэтому предприятие Логана увенчалось полным успехом; он недаром замечает, однако: «местные жители не хотят, чтобы мы туда ехали». Подробная характеристика морского пути в Мангазею, на основании русских документов и иностранных свидетельств сделана С. В. Бахрушиным (Очерки, стр. 80—82). Ср. еще Б. М. Житков. Г. Мангазея и торговый путь через Ялмал. «Естествознание и география», 1903, № 5, стр. 80 и след.

По словам Н. Степанова («Описание Енисейск. губ.», ч. II, стр. 125), гор. Мангазея сгорел в 1619 г. и управление его перенесено в острог Туруханский. Г. Спасский говорит, напротив, что тамошняя крепость разрушена и гарнизон оттуда выведен в 1662 г. (П. И. Третьяков. Туруханский край, его природа и жители. СПб., 1871, стр. 134; Г. Н. Тарасенков. Туруханский край. Экономический обзор с историческим очерком, Красноярск. 1930, стр. 15—16). Впоследствии место, где он стоял, долго оставалось неизвестным и указывалось только приблизительно. Первым точно местоположение Мангазеи определил О. В. Маркграф, посетивший р. Таз в 1899—1900 гг.; далее развалины Мангазеи описал И. Н. Шухов (Общий обзор бассейна реки Таза, Ачинск, 1915); в августе 1927 г. экспедиция Р. Е. Кольса еще застала здесь кое-какие остатки развалин: «по берегу, от оврага к ручью, постепенно понижающемуся, торчат бревна построек. По расположению этих бревен можно заключить, что это остатки стен, обращенных к материку, стены же, выходившие к реке, уничтожались обвалами, подмывом реки и уносились половодьем. По берегу оврага тянется ряд бревен, забитых стоймя, как сваи, плотно друг к другу, очевидно какая-то стена, возможно крепостная. Проследить ее удалось шагов на двадцать, а дальше она теряется под землей. Из других построек хорошо сохранился какой-то сруб, отстоящий от берега шагов на 100—150... По всей вероятности это гнездо от потолочной балки. Рядом с этим срубом, немного в стороне, находятся остатки другого строения, но лежат они ниже уровня земли, бревна поросли мохом и квадрат, ими образованный—заболочен... Вся площадь кочковатая, покрыта кустарником, а по берегу, ближе к оврагу, где находятся остатки часовни—деревьями березы, ольхи и др.». «У русских и туземцев название Мангазея почти не сохранилось, а говорят больше просто «часовня»... Вся местность носит название Тагаревы-харад, разломанный город». Р. Е. Кольс. Река Таз (Тасу-Ям), Лгр. 1930, стр. 27—29.

От Меденского заворота] сл. выше, А. Марш, стр. 191. «Мединский заворот теперешних карт Логан называет Medianskoy, а Финч—Meddenitzkoi; в Большом Чертеже назван Мединским»,—замечает Гамель (Англичане в России, стр. 190). В действительности, Логан в издании Перчаса называет его так, как у нас напечатано: Medenskoy Zauorot.

Островов, называемых Zyelensa]. В Пустозерской губе находится несколько островов. Среди них довольно значительны острова Большой и Малый Зеленец, которые, вероятно, и имеются здесь в виду; они расположены к югу от острова Долгого против Хайпудры. Большой и Малый Зеленец имеются также около Лапландского берега (Ср. П. Семенов. Географическо-статистический словарь, т. II, стр. 269).

До Бритвина носа]. Вероятно название Breit-vinnose следует понимать именно так. Под этим именем известен мыс Бритвин на северо-западном

побережье Новой Земли, против которого находится гряда камней и подводных скал. По смыслу рассказа здесь однако может иметься в виду только остров Бритвин к югу от Новой Земли. Есть, собственно, два Бритвина острова: Большой и Малый; они расположены невдалеке от Оленьего острова (К. Свенске. Новая Земля, СПб. 1866, стр. 48); впрочем, не имеется ли здесь в виду Болванский мыс? Не следует также путать упоминаемый у Логана мыс с Бритвиным столбом иностранных карт (Britvinstolb или Britnstolb) —между Мутным шаром и рекою Мутной, которому, по мнению А. Филиппова, соответствует нынешний Белужий нос (Записки по гидрографии, вып. XXVI, 1904, стр. 165); на некоторых новых картах ему уже возвращено его старинное название.

Острова или, вернее, скалы, называемой Соколья Лодья]. На карте Массы восточнее о. Вайгача отмечен маленький островок, называемый «Socolia loeda oft de Valken eylant»; этот остров и имеет в виду Логан, но написание его у Массы правильнее, т. к. на языке поморов лудою называется «островок, состоящий из голого камня, а иногда и подводная скала» (К. Свенске. Новая Земля, стр. 48 прим.), Логан же введен был в заблуждение сходством слов «ладья» и «луда». Сходные названия нередко встречаются в Белом море: известна, напр., Соколья губа—каменистая мель с утесами на Терском берегу Белого моря и др. (Ср. П. Семенов. Геогр.-статист. словарь, т. IV, стр. 667; III, стр. 80; сл. выше, стр. 39).

К востоку от Оби имеется еще река...]. Вероятно имеется в виду Енисей. О путях в Енисей из Мангазеи рассказывает С. В. Бахрушин (Очерки, стр. 110--122).

Недалеко от города Тангут в Китае]. Логан был введен в заблуждение сходством названий Тангут и Тунгус; об области Тангутской см. выше: Меркатор, стр. 176, впрочем оба имени смешивались и в русских современных документах; так, напр., в одной из грамот 1635 г. говорится о «Тунгузском лабе», т. е. о «тангутском Далой-ламе» (М. П. Пуцилло. Указатель делам и рукописям, относящимся до Сибири. М. 1879, стр. 26).

Есть еще другая огромная река]. Henning («Reiseberichte über Siberien von Herberstein bis Ides»—«Mitteilungen des Vereins für Erdkunde zu Leipzig». 1905, S. 294—295) замечает по этому поводу: «Предположение, что другая большая река, отделенная полосой земли от Тунгуски и текущая на юг указывает на Китай, можно считать вполне справедливым. Мы можем подумать об Амуре и вспомнить, что продвижение русских на Уду, верховья Лены, к Байкалу делали все отчетливее признаки китайской торговли. Таким образом, в слухе о большой реке мы в самом деле можем видеть указание на Амур». При всей заманчивости отождествления «другой огромной реки» с Амуром, нужно признать его все же несколько рискованным, т. к. в 1611 г. сибирские промышленники «едва ли знали что либо об этой реке, продвинувшись только за Енисей. По поводу аналогичного замечания В. Перглоу (см. след. текст) Nordenskiöld высказал предположение, что здесь имеется в виду река Лена»(Vega, B. I, S. 240 Anm. 1, русск. перевод: «Путешествие вокруг Европы и Азии на пароходе «Вега», т. I).

Русским, бывшим на Тунгуске]. Под Тунгуской и здесь, и выше разумеется, как думает Шренк, Средняя или Подкаменная Тунгуска, но не о Нижней ли Тунгуске идет речь? (сл. ниже: Рич. Финч, стр. 232).

Рассказ пермяка]. По справедливому замечанию Шренка (Reise nach dem Nordosten europäischer Russland, durch die Tundren der Samojeden, zum Arktischen Uralgebierge, Th. II, Dorpat 1854, S. 179 Anm.) под «пермяком» как здесь, так и в других известиях англичан (сл. выше: Р. Джонсон, стр. 125; Дж. Флетчер, стр. 220) следует понимать коми-зырянина. А. Ф. Теплоухов в

статье: «Пермяки и зыряне» («Пермский краеведческий сборник», вып. II, Пермь, 1926, стр. 115—116), ссылаясь на Д. Логана, также замечает, что «здесь речь идет... не о коми пермяках, в современном значении этого слова, а о коми-зырянах». По данным, собранным тем же исследователем, впервые пермяки упоминаются в 1467 г. во время их похода на вогулов: в 1471 г. мы видим пермяков на р. Вашке, в 1483 г. они упоминаются в походе против вогульского князя Асыки; в 1545—теснят канинских и тиунских самоедов. «Упоминание пермяков рядом с вычежанами, сысоличами, вымичанами и печорянами, в связи с нахождением их в 1471 г. на Вашке, притоке Мезени, с посещением ими Мангазеи... заставляет предположить, что под пермяками здесь надлежит разуметь скорее всего зырян по Мезени и Вашке, зырян удорских и едва ли ижемцев». «Едва ли не впервые пермяки в современном значении этого слова, как проживающие в Великой Перми, южная отрасль пермского племени упомянуты у Витсена». Сл. у нас выше: стр. 94, 101.

В городе Усть-Цильме]. Усть-Цильма—селение, возникшее в первой половине XVI в.; основание его приписывают новгородцам. По местной церковной летописи, в 1542 г. здесь поселился новгородец Ивашка Дмитриев Ластка с товарищем и к ним вскоре присоединились другие выходцы. Г. Усть-Цильма лежит к югу от Пустозерска, т. е. выше на р. Печоре, как раз против р. Цильмы, откуда и его название. Некогда это местечко было административным центром Печорского края. (См. Дневные записки Лепехина, Зап. Геогр. Общ., VI, 2, 279. С. Огородников. Прибрежья Ледовитого и Белого морей с их притоками по Книге Большого Чертежа, Зап. Геогр. Общ. по отд. этногр. 1879, т. VII, стр. 232).

Река называется Пясида] т. е. Пясина, иногда называемая также Пясида или Пясинга (см. Beiträge zur Kenntniss d. Russ. Reiches 1841 Bd. IV, S. 283),—река Енисейского края, впадающая в Ледовитый океан. А. Миддендорф (Путешествие на Север и Восток Сибири, СПб. 1860, ч. I, отд. I, стр. 88—89) замечает: «Из разных правописаний этой реки только это (Пясина) нашел я в устах туземцев, хотя, побывав в этом краю, как-то невольно покушаешься на правописание Пясинга, потому что этот вставочный звук часто слышится в языке туземцев. Сверх того, самоеды, живущие на Пясине, называли мне свою реку Нямиэ». Витсен называет эту реку Pesida, Peisida, Piasida, и даже Tarsida (Noord en Oost Tartarie, Amsterdam, 1705, S. 758), на карте же его, как догадывается Миддендорф, эта же река помещена под именем Paschi. Перевод названия Пясида словами «низкая безлесная земля», пущенный в ход Миллером (Sammlung Russisch. Gesch. VIII, S. 49), по словам того же Миддендорфа «обязан своим происхождением, как мне кажется, только ученому толкованию», однако оно встречается и у позднейших авторов; так П. И. Третьяков (Туруханский край, его природа и жители, СПб., 1871, стр. 132—133) говорит, что «все окрестные места, через которые эта река протекает, назывались тогда Пясиди, что значит ровная безлесная земля». Река Пясидай есть и на Ямале; это самоедское название означает именно «без деревьев (кустарника) река». (Б. М. Житков. Полуостров Ямал. СПб. 1913. Зап. РГО по общ. геогр., т. XLIX, стр. 304). Первые сведения о Пясине относятся к 1610 г., когда двинянин Куркин с товарищами достиг на «кочах» Пясины, плывя морем на восток от устья Енисея, куда он выплыл из Туруханска (сл. А. И. Кытманов. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губ. 1594—1893, корректурное издание s. a l, стр. 5); по другим известиям, около того же времени партия промышленников, открыв эту реку, спустилась по ней до Северного океана; по словам Миддендорфа, отряд, посланный Исааком Лемэром «проник к Пясине с помощью союзных остяков, самоедов и тунгусов, двигаясь кажется обыкновенным впоследствии путем вниз по Турухану к Енисею», а оттуда морем; «это открытие и огромные преувеличения, которыми оно изукрашено, побудили правителей Сибири отправить туда отряд, состоявший, как кажется из 700 человек» (Миддендорф, op. cit, 89). Путешествие кончилось тем, что на всю Пясинскую

самоедь в 1614 г. был наложен ясак; однако в 1618 г. упоминается только 26 человек пясинских самоедов, плативших ясак. «Обыкновенно смутному времени приписывается объясачение громадных пространств по правому берегу Енисея (низовья Нижней Тунгуски, бассейны Пясины, Хатанги),—замечает Н. Н. Торнау (К истории приобретений России в Азии. Ж. М. Н. Пр. 1914, № 4, стр. 267). Мы же полагаем, что следует ограничить эти приобретения низовьями Нижней Тунгуски, так как об этом имеются положительные сведения (см. Н. В. Латкин. Енисейская губерния. СПб. 1882, стр. 397). К тому же Андриевич, Щеглов и Латкин согласно заявляют, что пясинские самоеды были объясачены только в 1614 г. (в 1610 г. низовья Енисея и низовья Пясины были только обследованы)». На карту след этой реки впервые занесен уже в 1612 г. Исааком Массой (см. ниже), который тогда же напечатал и известие о первом предприятии для разведок Пясины (Витсен, op. cit., изд. 1692, II, p. 516; изд. 1705, II, p. 832; Samml. Russ. Gesch. VIII, 93 ff; П. И. Третьяков, op. cit., стр. 132; Фишер. Сибирская История, стр. 237; Strahlenberg. Nord und östl. Theil Europas und Asiens, Stockh. 1730; S. 101; И. Словцов. Историческое Обозрение Сибири, II, стр. 210).

Другая, называемая Хатанга, которая течет в Китай]. Под рекою Catonga здесь нужно разуметь р. Хатангу, впадающую в Туруханском крае в Ледовитый океан (ср. П. И. Третьяков, op. cit., стр. 50—52); о том, как возникло представление о том, что она течет в Китай см. мнение Геннига, изложенное во введении к следующему тексту.

Пермяки и русские называют Teulka-tsar]. См. введение к следующему тексту.

Пожар Томска]. Томск был основан ок. 1604 г. (сл. выше: Петрей, стр. 206); обращенный сразу же в резиденцию воевод Средне-обского края, он занял «видное место в ряду тогдашних пограничных городков Сибири»; как видно из настоящего рассказа, «смута», разгоравшаяся в Москве, довольно быстро докатилась и сюда (о смутном времени в Сибири ср. замечания Катанаева в «Записках Зап. Сибирск. Отд. РГО», XIV, 1893, стр. 52—53).

От Пустозерска вверх по Печоре до реки Усы]. О Пустозерске (Пустоозере) сл. выше: Г. Штаден, стр. 159; о р. Усе, притоке Печоры, сл. выше: А. Марш, стр. 189.

Вверх по р. Усе до Подкаменья]. Шренк (Reise nach dem Nordosten etc. Th. II, S. 187) название «Podcamen» толкует как Уральский хребет (по аналогии с русским выражением «под Камень выходит», которое мог иметь в виду и рассказчик Логана, говоря о реке Усе, текущей с Уральских гор).

До Березова—торгового города]. Березов был основан в 1593 г. для сбора ясака близ остяцкого селения Сумгут-Вож, т. е. Березовый городок (П. Семенов. Геогр.-Стат. Словарь, I, стр. 243). В рукописи сочинения «О градех и реках того Сибирского царства» (А. Попов. Изборник славянских и русских сочинений и т. д. М. 1869, стр. 403) говорится: «в тое реку [Обь] течет река, зовомая Сосва, из земли Пермския, над тою же рекою стоит град, иже именуется Березов, имя себе стяжа по сей вине. В прежняя лета живяху ту люди пермского языка и поставиша себе град, и зваху его по своему языку Кычдъпукар, а по-русски перетолкуется Березово дерево город, и того ради и ныне зовомый Березов»... Г. Ф. Миллер замечает: «Березовым городком назывался прежде тот остяцкий городок, вместо которого потом г. Березов построен. В нескольких верстах выше города есть при р. Созве высокой мыс Пудовольной называемой. На оном, по сказке тамошних жителей, был старинный городок. А по следам, которые там видны были на том мысу, два городка: только неизвестно, в обоих ли в одно время, или сперва в одном, а потом в другом жительство

имелось. Остяки назвали оной городок Сугмут-ваш, а вогуличи Халь-уш. И понеже Сугмут и Халь на помянутых языках значит березу, то сие к российскому именованию г. Березова причину подало» (Описание Сибирского царства, 2-ое изд. 1787, стр. 162—164; Samml. Russ. Gesch. VI, S. 404—405; В. Радлов. Сибирские древности, т. I, вып. 3, стр. 119).

Хозяин мой рассказал мне]. Хозяином Логана был поляк из военнопленных—Юрьевич. Таможенные сборщики, являвшиеся главнейшими должностными лицами в Пустозерске в 1611 году (воеводы в нем тогда не было), с большим трудом разрешили Логану и его спутникам перезимовать в Пустозерске «Довольно странно,—замечает по этому поводу Гамель («Англичане в России», стр. 191),—что последние потом жили у поляка Юрьевича (Uriawich), который прежде содержался в плену в Тобольске и Березове, а во времена Дм. Самозванца поехал в Москву». При обращении его в православие, Юрьевич назвался Трифоном.

Он утверждает, что Тобольск ведет крупную торговлю...]. В конце XVI в. еще при Кучуме в Сибири поселились многие узбекские, таджикские и особенно бухарские средне-азиатские купцы. Еще при начале завоевания Сибири упоминаются бухарские караваны, производившие торговлю с русскими около озера Ямыша (Г. Н. Потанин. О караванной торговле в Джунгарской Бухарии, Чтения в Общ. Ист. Др. 1866, кн. II, стр. 37). С начала XVII в. весьма значительную роль стали играть бухарские купеческие дворы г. Тобольска: они торговали здесь главным образом средне-азиатскими тканями с русскими и татарами, но распространяли свою деятельность и дальше: так, напр., у обдорских остяков они выменивали пушнину (ср. А. В. Панков. «К истории торговли Средней Азии с Россией XVI—XVII вв.» в сборнике: В. В. Бартольду. «Туркестанские друзья, ученики и почитатели». Ташкент, 1927, стр. 33—35; Б. Г. Курц. Русско-китайские сношения в XVI, XVII и XVIII ст. Харьк. 1929, стр. 10—11; Н. Н. Оглоблин. Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа, ч. II, М. 1895, стр. 169—170; А. Титов. Сибирь в XVII в., М. 1890, стр. 186—187 и др.). В приписываемой Габелю рукописи—дневнике путешествия в Сибирь в 1666 году (см. ниже)—целая глава посвящена характеристике быта тобольских бухарцев.

Гробгрины]. В подлиннике—«Grogran». Мы переводим русским термином XVII в. «Гробгрин» (с немецк. Grobgrün), под которым разумелись шелковые и шерстяные материи.

Сендали]. В подлиннике—«Sendames»; очевидно имеется в виду сендаль, легкая шелковая ткань, точное определение которой затрудняется многообразием видов ее и употребление которой растягивается на время между IX и XVII вв. (Victor Gay. Glossaire Archéologique du moyen âge et de la Renaissance, Paris, 1867, t. I, p. 295—297). Средняя Азия издавна славилась производством сендаля: о самаркандском сендале упоминает еще Клавихо в своем дневнике путешествия к Тимуру в 1403—1406 гг.

Киндяки]. Киндяком называлась по Кильбургеру «крашеная выбойка различных цветов, как и травчатая выбойка и набойчатые одеяла и скатерти» (Б. Курц. Сочинение Кильбургера о русской торговле, Киев, 1915, стр. 151). Название этой восточной ткани И. П. Минаев (Старая Индия. Заметки на хожение за 3 моря А. Никитина, СПб., 1881, стр. 26) объяснял тамильским словом Киндан (род бумажной ткани); предположение это показалось очень правдоподобным и К. Иностранцеву (Из истории старинных тканей. Зап. В. Отд. Р. Арх. Общ., т. VIII, вып. 4, стр. 084) на том основании, что «в наших «индейских делах» значительную часть вывозимых товаров занимают киндяки»; однако, по объяснению Ф. Е. Корша, слово «киндяк» происходит от персидского кунаг, что значит нить хлопчатника или шелка. В. Клейн («Иноземные ткани, быто-

вавшие в России до XVIII века и их терминология»,—«Сборник Оружейной Палаты», М. 1925, стр. 69) замечает, что киндяк бывал различного цвета: кирпичный, зеленый, лимонный, песочный и др.; окрашенный в красный цвет, он носил название кумача; вообще же эта бумажная ткань была «одноцветная и без узоров, следовательно не «выбойка», как ее определяют Даль и Савваитов».

От Пустозерска до воды в Югории]. В английском подлиннике «Vadein Jugoria». Логан, вероятно, не понял русского выражения «до воды в Югории» т. е. до воды (реки), которая первой встретится на восточном склоне Уральских гор; англичанин же принял выражение «до воды» за имя несуществующего города. Так, по крайней мере, толкует его Шренк (Reise nach dem Nordosten etc. Th. II, S. 187); в английских известиях такое обозначение попадается несколько раз (см. ниже: неизвестный англичанин, 1616 г.).

Носовой] Nosoua—Нозова или Носовой городок (сл. выше: А. Марш, стр. 189—190).

Печора течет в Пермь Великую]. В эпоху Логана еще различали две Перми: Великую, главным местом которой была Чердынь и старую Пермь (Турей, Усть-Вымь). (С. Огородников. Прибрежья Ледовитого и Белого морей, стр. 200—201).

До Верхотурья] Верхотурье основано в 1598 г. на старом «чудском» или вогульском городище Нером-Кура (сл. выше: Герберштейн, стр. 109) на р. Туре, впадающей в Тобол; через Верхотурье на Тюмень в 1597 г. Артюшка Бабинов проложил сухопутную дорогу в Сибирь, которая в течение долгих лет являлась главным путем между Россией и Сибирью (сл. С. В. Бахрушин. Очерки, стр. 104—106; Б. Г. Курц. Г. Верхотурье в XVII в. Юбилейный Сборник Историко-Этнографич. кружка, Киев, 1915).

До Сургута]. Когда последователи Ермака поднялись в к. XVI в. вверх по Оби, на том месте, где сейчас находится Сургут, они нашли укрепленное остяцкое селение, в котором правил остяцкий князек Халанок; он был взят, и в 1593 г. воевода Волконский заложил здесь г. Сургут. «Сургут был,—говорит Кастрен,—одним из сильнейших укреплений казаков и базой для их дальнейших походов. Отсюда от времени до времени разбойные казачьи дружины делали набеги, покорив все самоедские и остяцкие племена от Ледовитого океана на севере до реки Кеть на юге и заставили их платить себе ясак. Факт тот, что в эпоху покорения Сибири мало сибирских местностей играли столь выдающуюся роль, как смелый казацкий острог Сургут». Это значение свое он сохранял еще в первой половине XVII века; но в 50-х годах XIX в. Кастрен нашел уже здесь картину полного упадка: «жалкие хижины, лежащие разбросанно и без всякого порядка между развалин сгоревшего в 1840 г. города—таковы жалкие остатки некогда столь могучих укреплений. Здесь нет ни одной приличной улицы, ни одной хорошей постройки, здесь редки даже окна из стекол; целая чашка является редким исключением. В последние десятилетия бедность его столь усилилась, что город не смог платить необходимейших государственных податей. Вот почему он лишился своих привилегий, и теперь уже имеет ничтожное утешение в том, что носит титул города» (Castrén. Studier och forskningar, Helsingforgs, 1855, II, p. 100.) От этой картины мало чем отличаются и наблюдения путешественников конца XIX века (см. Die Sammlung F. R. Martin, Ein Beitrag zur Kenntniss der Vorgeschichte und Kultur Sibirischer Völker, Stockholm 1895, S. 3—5; С. Швецов. «Очерк Сургутского края» в «Записках Зап.-Сиб. Отд. Р. Г. О.», кн. X (1889), стр. 4, 5, 8, 84, 85; А. А. Дунин-Горкавич. Тобольский Север. СПб. 1904, стр. 82).

Архангельск]. В подлинном тексте Arcania; так (или даже Arcaria) нередко назывался в иностранных источниках основанный в 1586 г. Архангельск.

В начале царствования Расстриги]. т. е. Дмитрия Самозванца.

Выдержки из двух писем Логана... к мистеру Гэклейту]. О Гэклейте см. выше: Г. Меркатор, стр. 166—167.

Кусок слоновой кости]. Это была, вероятно, мамонтова кость.

В море Няромское]. Около западного берега Обского полуострова; сл. выше: А. Марш, стр. 196.

Река Кара] сл. выше: А. Марш, стр. 195—196.

В другую, называемую Мутной рекой] «Ныне Сё-яга, т. е. Проходная река, самоедское название, соответствующее русской волочанке». «Мутная река, маленькая речонка («чрез можно камень перебросить»), настолько мелкая, что в грузу кочи не проходят, а дожидаются с моря прибылые воды» (прилива), протекала по пустынной тундре, поросшей мелким лесом, «ярником», по которой кочевала лишь карачейская самоядь. По ней шли «прибылою водою», «тянулись бичевой» в течение 20 дней «до озер, из коих вышла Мутная река, а вышла Мутная река из тех озер невеликих, версты по две». Дойдя «до озера, до вершины Мутные реки», запасы волокли «меж озерцами», в «павозках», т. е. небольших лодках, а проводили павозки от озера до озера паточинами (тянули, по воде бродячи)... а от третьего озера шли на волок до большого озера, из которого вышла Зеленая река» (С. В. Бахрушин. Очерки, стр. 82). Долгое время, благодаря слабой исследованности полуострова Ямала, реки Мутная и Зеленая вызывали недоумения исследователей. Так, напр., Stuckenberg (Hydrographie d. Russ. R. II, S. 322 f.) предположил, что под Мутной имеется в виду р. Юребей, а под Зеленой—р. Ойя; А. Дунин-Горкавич (Тобольской Север, СПб., 1901, стр. 271), в свою очередь, полагал, что Мутная—это р. Сосбея, а Зеленая—р. Ивога; на большинстве карт XIX в. даже нанесены были эти последние реки, которых на Ямале нет. Анализируя известия английских путешественников нач. XVII в. и сопоставляя их с показаниями пинежанина Л. И. Шубина, что «р. Мутная устьем пала в море с полуденные стороны» (Русск. Ист. Библ., т. II, стр. 1089) А. Филиппов (Записки по гидрографии, вып. XXVI, СПб., 1904, стр. 765) пришел к заключению, что «старинная Мутная река тождественна с рекою Морды наших теперешних карт», и этот вывод вполне подтвердил изыскания Б. М. Житкова («Краткий отчет о путешествии на полуостров Ямал»—Изв. И. Р. Г. О., т. XLV, 1909, стр. 487; его же. Полуостров Ямал. СПб. 1913, стр. 110, 114, 142, 143, 304), который замечает, что «Сё-яга—горловая (проходная река), одна или вместе с нижним течением Морды, направленным к западу, носила в древности название Мутная»; «Название Мутная как нельзя лучше подходит к этой реке Сё-яга, впадающей в Морды, т. к. она течет в берегах, сложенных из серой глины, и воды ее совершенно не прозрачны».

Называемой Зеленая река]. «Достигнув «большого озера», пересекали его, и входили в вытекавшую из него Зеленую реку. Последняя была еще «меньше Мутные и мельче», и «шли... на низ Зеленою рекою, привозили запас в павозках, а кочи тянули порожние всеми людьми». Б. М. Житков подтверждает, что «летом Сё-яга—Зеленая гораздо беднее водой, чем реки западного склона (Сё-яга и Морды), как это и должно быть по историческим данным. Из Зеленой реки попадали в Обскую губу и бежали «парусным погодьем» (т. е. при благоприятном ветре) до «заворота» день. У Заворота (ныне мыс Каменный) береговая линия Ямала делает резкий поворот на юго-запад: здесь сворачивали на восток в Тазовскую губу, все время имея в глазах «по обе стороны берег», и въезжали в устье реки Таза, берега которого были известны под именем Мангазеи» (С. В. Бахрушин, op. cit., стр. 82; ср. Б. Житков. Изв. И. Р. Г. О., т. XLV, стр. 487; «Полуостров Ямал», стр. 114, 142—143 и сл.).

Недалеко от Китая и Хины]. Логан не знал еще, что Cathay и China означают одно и то же (сл. выше, стр. 107—148).

Доставить графу Сэлсбери]. Роберт Сесиль, граф Сэлсбери, известный министр королевы Елисаветы. О Роб. Сесиле (1563—1612), с 1606 по 1608 г. заведывавшем внешними сношениями, см. «Старина и Новизна», т. XIV, стр. 325. В архиве его, хранящемся в поместье Гасфильд-Хаузе, хранится ряд документов, относящихся к России к. XVI нач. XVII вв., напр., письмо к нему из Архангельска английского посла в Москве—Ричарда Ли (см. «Calendar of the manuscripts of the Marquis of Salisbury», Part X, London, 1904, 275—276; последующие тома этого издания остались для меня, к сожалению, недоступны). Не хранится ли в этом архиве и копия письма Дж. Логана к Гэклейту?

XXIV. ВИЛЬЯМ ПЕРСГЛОУ | WILLIAM PURSGLOVE

(1611)

Вслед за донесениями Дж. Логана Перчас (Pilgrimes III, p. 550—551) напечатал также и донесения Персглоу. Уже это одно говорит за то, что несмотря на частичные совпадения известий обоих авторов, Перчас придавал значение и тем и другим. Однако, новейшие исследователи, напр., Henning (Die Reiseberichte über Sibirien, S. 296), сопоставляя эти донесения, склоняются к тому мнению, что первоисточником должны считаться донесения Персглоу, т. к. составленные Логаном, в сравнении с ними, кажутся „искаженными и изуродованными"; настаивать на таком мнении, как указано и во введении к предшествующему тексту, я бы не решился на том основании, что и Логан и Персглоу собирали свои сведения на одном и том же месте и, вероятно, даже от одних и тех же лиц, чем и может объясняться их значительная, порой почти текстуальная близость. Во всяком случае, сопоставление и сравнительное изучение двух этих параллельных рядов известий может оказаться очень поучительным для восстановления истины, тем более, что в некоторых случаях тексты Логана и Персглоу дают довольно резкие расхождения: так, напр., Перслоу говорит о реках П я с и н е и Х а т а н г е, которые впадают в Ледовитый океан на востоке за Енисеем; то же находим и у Логана, но далее, говоря о реке, которая течет на ю г, Логан и Персглоу противоречат друг другу, т. к. один пишет: „течет в Китай" (runnet into Cathay), а другой „вытекает из Китая" (commeth out of Cathay). Указание Логана, вероятно, находится в связи с предшествующим известием о „большой реке" за Тунгуской, в которой Гэннинг, повидимому, вполне правильно признал Амур.

По предположению Гэннинга известие Персглоу вернее, т. к. оно находится в связи с данными, у Логана отсутствующими: последний смешал Хатангу, которая названа у него Catonga—с Катунью, притоком Оби, и поместил около нее местопребывание „Teulka-tsar", в котором можно видеть одного из Телеутских князьков; далее, однако, Логан вновь говорит о Пясине и Хатанге.

Мне кажется, однако, более правдоподобным предположение Дж. Бэддели о тождестве Teulka-tsar с мелким остяцким князьком Тулкиным (см. ниже примечания), что устраняет необходимость в Catonga Логана видеть Катунь, а не Хатангу, которая несомненно и имеется здесь в виду. Ниже мы помещаем не все известия Персглоу, но лишь то, в котором говорится о Сибири и которое дополняет или видоизменяет известия Логана. Как и донесения Логана, известия Персглоу использовал уже Шренк (Reise nach dem Nordosten europäisch. Russlands durch die Tundren der Samojeden, Th. II, S. 199—202), однако перевод его, по сверке с подлинником, оказался неполным и неточным; нижеследующий перевод сделан по сборнику Перчаса.

ДРУГИЕ НАБЛЮДЕНИЯ ВЫШЕНАЗВАННОГО ВИЛЬЯМА ПЕРСГЛОУ

От Меденского Заворота (Medenskoie Zauorot) до острова Вайгача два дня пути морем на русской лодье (Lodia). От Вайгача до реки Оби—четыре дня плавания. Река Обь соединяет север с югом. Путь от Вайгача до Touko-coskoi идет на северо-восток, а оттуда—на восток, к устью Оби. В трех днях плавания от Оби, на восток, находится река, называемая Таз (Tas), имеющая заграждение при входе в нее; здесь всегда глубина одиннадцать или двенадцать футов, но и выше она очень широка. Оттуда, поднимаясь по реке Таз, русские построили крепость Мангазею (Molgomsey) куда приходят все звероловы и приносят с собою меха. Сюда приходят также соймы (soymas) или боты русских и пустозерских жителей со своею мукою и другими товарами. Продав или обменяв свои товары, они возвращаются обратно, одни в Пустозерск, а другие—в Россию; охотники также запасаются на ближайшую зиму, чтобы иметь возможность охотиться снова.

На материке Угорском и в Нарамзее (Naramsei) есть три реки; много моржей (morsses) находится у мыса Нарамзей, куда обитатели Пустозерска посылают осенью лодью, нагруженную различными товарами, чтобы производить торговлю с угорскими самоедами (Ongorian Samoieds); при этом случае они убивают много моржей, собирая их зубы. Между самоедами, ради торговли с ними, они путешествуют целую зиму, и возвращаются обратно лишь в январе месяце. В иные годы, когда благоприятные ветры устанавливаются недостаточно рано, они все же готовы отправиться в путь; так случилось, напр., в 1611 году, когда мы сами там зимовали. Холод настал прежде, чем они дождались благоприятного ветра, и они принуждены были покориться этому. Однако, как только установился санный путь, некоторые богатые местные жители посылали с кое-какими товарами своих сыновей и приказчиков для

торговли с самоедами, а за ними в течение зимы отправились и их отцы и друзья, чтобы купить все меха и прочие товары. Когда русские плывут в Мангазею в своих соймах, то они идут не через мыс Нарамзей, чтобы попасть к устью Оби, но узкой рекой, названной Мутная река (Moetnaia Reca), что значит [по-английски] the Muddie Riuer, а из нее они тянут свои боты волоком по небольшой косе в реку Зеленую, что значит the Green Riuer, и переправляются в реку Обь; так плывут они на юг по

Рис. 31. Тунгус в зимней одежде (Из «Путешествия» Исбранта Идеса)

реке Оби, пока не достигнут реки Таз. От истока этой реки до ее устья — около суток плавания. Около устья Таза местность довольно высокая. Оттуда до города, оставляя остров по левую руку, восемь дней плавания. Прежде чем достигнуть реки Таз, доходят до реки, называемой Пур или Пит, где находятся лучшие во всей Молгомзее соболя. Рекою Таз плывут до Волочанки против течения шесть дней на восток, пока не достигают волока или сухопутного перевоза, который составляет около $1^1/_2$ миль болота;

через него русские и пустозерцы волокут свои лодки до другой реки, называемой Турухан (Torowhan), которую они проплывают в три дня и достигают могучей реки Енисей (Yenisce). В устье Турухана находится остров, который обитаем и на котором находится маленький город и церковь. Оттуда они плывут вниз до Hawtick [Хатанга?]—большой реки, текущей к востоку.

Река Тунгуска находится на расстоянии 3-х дней и трех ночей плавания от реки Енисея. Около устья Енисея нет лесов, но зато их много на реке Тунгуске. Между устьем Енисея и Тунгуской находится две или три реки, но нет ни одной, столь же широкой, как эта последняя, на которой русские ловят рыбу; как только ударит мороз, они возвращаются к своему прежнему ремеслу, к охоте на соболей, бобров и лисиц. Проработав так две зимы, те из них, которые являются хорошими хозяевами, возвращаются домой в Россию с прибытком, но предпринимают это еще раз только в том случае, если они лишились имущества вследствие пожара или чего-нибудь в этом роде.

Тунгусы—народ более высокий, чем самоеды, и их одежда, сделанная из кожи, короче и плотнее облегает их тело, чем у самоедов. К тому же, народ этот очень кроткий. От устья Оби до большой реки Енисея, как рассказал мне один русский, четыре дня и четыре ночи плавания. Между Обью и Енисеем находится высокая черная страна. К востоку от Енисея находится другая большая река, называемая Писида (Pisida); за рекой Енисеем, на восток, страна простирается к Писиде и к другой реке, называемой Catowga, которая течет из Китая; пермяки называют ее государя Теулька-царь (Teulka-tsar). Река протекает и на севере и на юге, но неизвестно, как далеко. Тунгусы, от которых мы имели сведения об этой реке, боятся выстрелов, которые они слышали в южной части реки и поэтому они не решаются туда ездить. На этой реке они видели корабли с двумя или тремя парусами, которые весною плывут на север, а осенью возвращаются обратно к югу. Но они не знают, плывут ли они ради рыбной ловли, или ради разработки каких-нибудь рудников, которые предполагают в этой местности, так как не отваживаются подойти к ним ближе. Они также передали мне, что между Пясидой и Хатангой, приблизительно на полпути к морскому берегу, были найдены различные минералы, как бы похожие на золото, другие белые и похожие на серебро. Около этой большой реки, называемой Хатангой (Catowga), тунгусы видели также людей верхом на конях; это значит, что в этой местности находится великое множество скота: лошадей, овец и баранов.

ПРИМЕЧАНИЯ

От Меденского Заворота] сл. выше: А. Марш, стр. 191; Логан, стр. 215.

На русской лодье]. В числе судовых терминов, употреблявшихся в древней Руси, термин «ладья», «лодья» считают одним из наиболее древних. «Он,—по словам Н. П. Загоскина («Русские водные пути и судовое дело в допетровской России», Казань, 1910, стр. 358—361; 401—402),—имеет такое же общее значение, как и слово корабль. В противоположность слову корабль название «лодья», «лодка» наряду с другими судовыми терминами стремится приобрести у нас значение уже в практическом применении его к условиям русского судоходного дела. Только во второй половине XVII в. появляется у нас практическое и более или менее конкретное представление о корабле в смысле морского, военного и грузового судна». В Белом море «ладьями» назывались корабли, приспособленные для берегового плавания и торговых перевозок, на которых однако поморы отваживались совершать далекие путешествия. Краткое описание их дает Стефен Бёрро (1556) (см. в сборнике Hakluyt'a, vol. II, p. 328); Традескант (1618) характеризует несколько родов русских судов, среди них и «ладьи» (Гамель. Англичане в России, стр. 142). Довольно подробные сведения находим мы также у Койета (1675), который говорит, что у русских есть барки, дощаники, а также лодьи (Lotjas), большею частью открытые, с будочкой сзади и обыкновенно с одним парусом: «Я их видел,—пишет он,—и с небольшой бизанью сзади. На этих судах они переезжают через Белое море, вдоль Лапландского берега, до Колы и других мест, лежащих там, и ходят даже в Новую Землю» (Посольство Кунраада фан-Кленка к царям Алексею Михайловичу и Федору Алексеевичу. СПб. 1900, стр. 316). Подробное описание «ладьи» дает и другой голландец—Н. Витсен в своем руководстве к кораблестроению: «Scheepsbouw en Bestier» (2-ое изд. Amsterdam, 1690). Ср. S. P. L' Honoré Naber. Reizen van Jan Huyghen v. Linschoten naar het Norden, 's Gravenhage, 1914, p. XLIX—L. Для морских путешествий русские в XVII в. пользовались также кочами (сл. выше: А. Марш, стр. 189), карбасами (англ. баркас), соймами или ботами и др.

От Вайгача до Touko-coskoi]. Расшифровать последнее название я не мог. Сл. С. В. Бахрушин. Очерки, стр. 81.

Крепость Мангазею]. Как уже было указано (сл. выше, Логан, стр. 213, Г. Штаден, стр. 162), Мангазейский город возник в 1601 г.

В Нарамзее]. Нярмским, Няромским назывался западный берег Обского полуострова (см. выше: А. Марш, стр. 192; Логан, стр. 220). Ниже Персглоу упоминает и «мыс Наразмей».

Узкой рекой, названной Мутная]. О реках Мутной и Зеленой сл. выше Логан, стр. 220—221.

До реки, называемой Пур или Пит]. Р. Пур—приток Таза—была открыта казаками в 1600 г. (Словцов. Историч. Обозр. Сибири, т. II, стр. 191, Пестов. Записки об Енисейской губ., стр. 25); р. Пит—правый приток Енисея.

Рекою Таз плывут до Волочанки]. В «Росписи Сибирским городам и острогом» этот путь описывается в следующих выражениях: «А водяным путем из Мангазеи до Енисейскова острогу Тазом рекою вверх воды до речки до Волочайки в кочах ходу 2 дни; а Волочайкою рекою вверх воды до Волоку ходу 6 дней, а волоком с полверсты; а от волоку кочами не ходят, а лехкие суды, каюки и струги через волок волочат на себе до другие Волочайки речки, а в другую Волочайскую речку вниз воды до Турухану реки ходу 2 дни. А Туруханом рекою вниз воды до Туруханского зимовья ходу 6 дней» (А. Титов. Сибирь в XVII веке, М. 1890, стр. 21—22). С. В. Бахрушин (Очерки, стр. 120—

122) пишет: «От Мангазеи на Енисей путь шел вверх по р. Тазу и далее по притоку его Волочанке в «Круглое озеро», затем «россохами» и «режмами» добирались до волока. По мелководным «россохам» можно было протаскивать лодки только ранней весной; позднее приходилось прибегать к помощи «прудов, парусных и земляных», т. е. искусственных запруд... Таким образом добирались до та́к называемого «Енисейского волока». «От креста до креста, т. е. от конечных пунктов волока считалось сажен 700 или верста... (сл. выше: стр. 126). Через волок груз переносили на руках или переволакивали «на тележках», а каюки перетаскивали «десятью человеки» каждый. Перевалив через волок, вступали опять в болотные режмы, россохи и озерки... Из «режм», через «Подволочное» и три других озера попадали в Волочанку «другую», впадающую в Турухан, приток Енисея. Общая продолжительность пути от Туруханского в Мангазею определялась в 2—3 недели, в обратном направлении от $2^1/_2$ до 4 недель». «Описанный путь на Енисей в течение первой половины XVI в. оставался излюбленной дорогой поморских промышленников».

В устье Турухана находится остров, который обитаем]. На Енисей русские попали в начале XVII в. с севера. Следуя от устья Таза вверх по реке, они переправились на р. Турухан. В устье Турухана, впадающего в Енисей, ок. 1607 г. построено было Туруханское зимовье, о котором и говорит Персглоу. См. Фишер. Сибирская история, стр. 237; Schrenk. Reise nach dem Nordosten europäischer Russland Th. I, Dorpat 1852, S. 608; Müller. Sammlung Russ. Gesch. IV, 103; VI, 513 ff; А. Миддендорф. Путешествие на север и восток Сибири, т. I, ч. 1 стр. 81; П. И. Третьяков. Туруханский край, СПб. 1871, стр. 129—132. А. И. Кытманов. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края, S. l. a., стр. 4.

Плывут вниз до Hawtick*—большой реки, текущей к востоку*]. Вероятно, Хатанга (сл. выше: Дж. Логан, стр. 217 и введение к настоящему тексту). Также думает и Шренк. Персглоу называет «Hawtick» большой рекой: то же представление было и у ряда исследователей; однако, по замечанию А. Миддендорфа, «оказалось, что эта река обильна водой только весною, когда она разливается далеко, особенно по низменному левому берегу, который быв изрезан глубоко вдающимися заливами, протоками и глухими рукавами, теряется в низменностях, то песчаных, то, повидимому, поросших травой и чахлым ивняком» («Путешествие на север и восток Сибири», ч. I, отд. I, стр. 93—95; ср. «Записки Гидрографического Департамента», IX, 1851, стр. 40—41).

К востоку от Енисея находится другая большая река]. Как указано во введении к настоящему тексту, известия Логана и Персглоу довольно близки друг к другу, хотя имеют и противоречия; перевод не может дать представления об их текстуальной близости, поэтому приводим в качестве образца указанное место в двух подлинных текстах:

W. Pursglove (Purchas III, 551)

Beyond Jenisce Eastward is another great Riuer, called Pisida. The Land trendeth due East, beyond the Riuer Jenisce to Pisida: and to another Riuer, called Catowga, which commeth out of Cathay, whose King the Permackes call Teulka Tsar. The Riuer lyeth North and South, they know not how farre...

(Русск. перев. см. у нас выше, стр. 225)

J. Logan (Purchas III, 544)

...he [a Permack] told me, that beyond the Riuer of Yenissey, the Land trendeth due East, and then there is a Riuer called Peaseda, and beyond that another, called Catonga, which runneth into Cathay; whose King, these Permacks and Russes call Teulka tsar. The Riuer lieth North and South as they of Yenissey say, but that cannot tell how farre...

(Русск. перев.—выше, стр. 211)

находится высокая черная страна]. В подлиннике: «Betwext O b and Jenisce, is high black Land». Выше (стр. 128) сделана попытка объяснить это выражение.

Другой реке, называемой Catowga] см. введение к настоящему тексту.

Называют ее государя Теулька-царь]. Как указано во введении, мне представляется очень правдоподобным предположение J. Baddeley (Russia, Mongolia, China, vol. II, Lond. 1919, p. 17, 10), что Теулька - царь это мелкий остяцкий князек Tulkin, упомянутый в одном из документов нач. XVII в., находящихся в «Портфелях Миллера»: Владимир Молчанов посылал казаков из Черного острога к сыну этого Тулкина, которого реляция считает данником киргизов.

боятся выстрелов] are afraid of Gun-shot, that they doe heare. Все, что здесь рассказывает Персглоу, гораздо подробнее и в несколько ином порядке изложено у Логана (сл. у нас выше, стр. 213). Но некоторые подробности расходятся. Так, напр., у Логана есть интересное известие, отсутствующее у Персглоу. Логан пишет, что «самоеды» (тунгусы?) видели «белый город» и слышали, что у местных жителей есть животное, по всем признакам напоминающее лошадей. Персглоу ничего не упоминает о «белом городе» (см. о нем в примечаниях к Дж. Мильтону), но зато прямо говорит, что тунгусы «видели людей, верхом на конях». Этому известию у Логана соответствует сообщение, что к тунгусам «вышли люди, все сделанные из железа»; «я полагаю,—прибавляет он,—что это были люди, одетые в латы». Догадаться о том, кто были эти латники, довольно трудно, т. к. железные панцыри тогда носили киргизы, татары, монголы (включая калмыков), манчжуры и русские (См. J. Baddeley. Russia, Mongolia, China, Lond. 1919, vol. II, p. 18 note 2). Миллер (Samml. Russ. Gesch. VIII, S. 311, 322) дважды делает указание на то, что калмыки носили панцыри; монголо-ойратский кодекс законов 1640 г. включает в себя закон о том, что «сорок кибиток ежегодно должны сделать двои латы» (К. Ф. Голстунский. Монголо-ойратские законы. 1640 г. СПб. 1880, стр. 42); по другому узаконению, «убивший на войне неприятеля получает в награду его панцырь, соучастники—латы, шлем и другое снаряжение» (В. А. Рязановский. Монгольское право. Историч. очерк, Харбин. 1931, стр. 47). О манчжурских войсках Нурхаци 1618 г. мы знаем, что «в передовом отряде каждого корпуса, имевшего собственное знамя (7.500 чел.), были одетые в броню копьеносцы» (E. Backhouse and J. O. P. Bland. Annales and Memoirs of the court of Peking, 1914, p. 139; цитировано у Baddeley). Таким образом, очень трудно решить, о каких людях «в латах» Логан мог слышать от туземцев. Очень правдоподобно предположение Baddeley, что речь идет просто о русских казаках.

Рис. 32. Деталь карты неизвестного (2-я полов. XVI в.)

XXV. РИЧАРД ФИНЧ | RICHARD FINCH

(1611—1616)

Рич. Финч (Finch)—английский торговый агент, с 1605 г. служивший в „Московской компании" в России и здесь основательно изучивший русский язык (см. о нем Гамель. Англичане в России, стр. 190, 193, 196, 232). „Заметки о путешествии русских", Рич. Финчем „переведенные с русского языка", Джон Меррик (см. о нем выше, стр. 194) привез в Англию; Перчас нашел их среди бумаг Рич. Гэклейта и напечатал в своем сборнике (Pilgrimes, 1625, III, p. 530). В голландском переводе Витсен включил их в свою книгу: „Noord en Oost Tartarye" изд. 1692, p. 582, изд. 1705, II, p. 935). G. Henning (Reiseberichte, S. 293—294) датирует их приблизительно 1610—1616 гг., т. к. в одном известии упоминается г. Туруханск, основанный около 1610 г., а Рич. Гэклейт, в бумагах которого это известие найдено, умер в 1616 году, но может быть его следует датировать тем же 1611 годом, к какому относятся известия Логана и Персглоу, т. к. он ездил в Печорский край вместе с ними, выполняя на корабле „The Amitie" должность переводчика. „В известии этом,—пишет Геннинг,—идет речь о двух Енисеях, Большом и Малом, под которыми разумеются собственно Енисей и Нижняя Тунгуска, неподалеку от слияния которых расположено было зимовье Туруханск. Так как этот город назван здесь еще „зимовьем", то приводимые известия относятся, вероятно, к первым временам существования поселения, а так как здесь даны разведочные данные первых поселенцев, то они падают, вероятно, еще на более ранее время, потому что основание Туруханска датируется только приблизительно около 1610 г." (отметим, впрочем, что А. И. Кытманов. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губ., s. l. a., стр. 4 приурочивает „основание зимовья Туруханского" к 1607 году и эту дату можно считать принятой в русской литературе. Сл. Г. Н. Тарасенков. Туруханский край, Красноярск, 1930, стр. 9). Несмотря на свою краткость, известие это полно громадного исторического интереса, так как в нем даются не только географические, но и этнографи-

ческие сведения о народах, живущих в приенисейском крае. Для правильного понимания этих известий следует помнить, что они исходят из двух источников: от русских и от тунгусов, которые определяли географическое положение каждый со своей точки зрения. Русские говорят, что „проехав" Туруханск, попадают на „реку Тунгусов", т. е. Тунгуску; т. к. они прибыли сюда с запада, из Мангазеи, то по отношению к Туруханску эта Тунгуска, следовательно, находится на восток. „Далее", т. е. значит еще далее на восток, живут народы—булаши (The Boulasches) и силахи (Seelahee), имена которых не поддаются точной расшифровке (остяко-самоеды? см. примечания). Однако, известие об этих народах принадлежит уже тунгусам, которых русские пришельцы нашли в окрестностях Туруханска и у которых они расспрашивали о местностях, расположенных не на восток, а на юг и на север от Туруханска. И вот, с точки зрения их местожительства, тунгусы свидетельствуют, что по ту сторону Енисея, т. е. на восток от них или на север от Туруханска живут остяки и имбаки, в которых нетрудно узнать два племени енисейских остяков, еще в XIX веке отличавшихся между собою по языку. Наибольшее затруднение представляет, однако, определение того, какая река имеется в виду далее под именем Geta. В известии Финча, со слов тунгусов, сказано, что Geta находится „за землей тунгусов" и что по ней ездили „русские из Vashen". Но с точки зрения тунгусов, „за их землей" может значить также и на левом берегу Енисея, т. е., иначе говоря, под рекой Geta мы можем понимать не Хету, левый приток Хатанги, а Кеть, связывающую Обь с Енисеем южнее Туруханска. Именно через Кеть русские перешли на Енисей с Оби. Это объяснит тогда и слова текста о Geta, „по которой ездили русские с Vashen и с Печоры", где под именем Vashen можно понять не Мезень, как думает Гэннинг, а реку Вах или Ваг, правый приток Оби. В XVII в. Вах служил также путем для торговых сношений с Оби на Енисей (между Тобольском и Туруханском); разделяющий обе системы волок находился между рекою Волочанкою, притоком Ваха и Черною, притоком Елогуя (ср. Словцов. Историч. Обозр. Сибири, II, стр. 174; Географ.-Статист. Словарь, I, стр. 405). Благодаря такому толкованию, становится также понятным рассказ о русском, по имени Волк, который от самоедов узнал о посещающих Енисей русских судах, т. е. от самоедов, живших на левом, а не на правом берегу Енисея. Впрочем, не исключена возможность, что под именем Geta следует понимать и Хету, приток Хатанги, с которой русские должны были познакомиться как раз в те годы, к которым относится известие Финча, как видно из приведенных выше текстов Логана и Персглоу.

Имя Р. Финча не безызвестно в русской литературе. Кроме акад. Гамеля, на него обратил внимание А. М. Филиппов

(„Речной путь в Сибирь через полуостров Ялмал“—„Записки по гидрографии“, вып. XXVI, СПб, 1904, стр. 160—162). В этой статье по сборнику Перчаса (III, р. 539) дан русский перевод письма Р. Финча к Т. Смиту, главе „Московской компании“ („Наименование мест, которыми проходят русские от Печорского Заворота до Мангазеи, с указанием способа их путешествия и расстояний или времени плавания между означенными местами“),

Рис. 33. Езда в Сибири на оленях (Из «Путешествия» Исбранта Идеса)

а также и той „Заметки о путешествии русских“, которая приводится нами ниже; однако, в соответствии с целью своей статьи, А. Филиппов привел не всю эту „Заметку“, но лишь несколько первых ее фраз, опустив середину и конец, особенно интересные благодаря заключающимся в них этнографическим данным. Поэтому я привожу ее полностью в новом переводе, сделанном по сборнику Перчаса (III, р. 530). Письмо же Р. Финча к Смиту использовано мною в примечаниях к этому тексту. Об известиях Р. Финча, вслед за А. Филипповым, упоминает также и Б. М. Жит-

ков. Полуостров Ямал. СПб. 1913, стр. 5, 110; ср. его же, „Морской торговый путь в Сибирь“, „Естествознание и география“, 1910, май.

ЗАМЕТКА О ПУТЕШЕСТВИИ РУССКИХ СУХОПУТЬЕМ И ВОДОЮ ОТ МЕЗЕНИ, ОКОЛО БУХТЫ СВ. НИКОЛАЯ, НА ПЕЧОРУ, ОБЬ, ЕНИСЕЙ И РЕКУ ГЕТУ ДО ГРАНИЦЫ КИТАЯ, ДОСТАВЛЕННАЯ В АНГЛИЮ ДЖОНОМ МЕРРИКОМ, АНГЛИЙСКИМ ТОРГОВЫМ АГЕНТОМ В МОСКОВИИ, И ПЕРЕВЕДЕННАЯ С РУССКОГО ЯЗЫКА РИЧАРДОМ ФИНЧЕМ

От Мезени до Печоры—тысяча верст езды на оленях. От Печоры до Мутной реки (Montnaia Reca or The troubled river) и до Мангазеи плывут семь недель на лодках, называемых кочи (coaches). Из Мутной реки упомянутые лодки или суда (Boats or Vessels) тянутся некоторое расстояние людьми волоком до Зеленой реки (Zelena Reca or the greene Riuer). По Зеленой реке, вниз по течению, три недели спускаются до р. Оби. При благоприятном ветре этот путь можно проделать в трое суток. От Оби до Тазовского городка (Taes castle) неделя пути на лодке. От Тазовского городка до р. Енисея три недели пути на длинных деревянных полозьях по снегу, а на упомянутых лодках, называемых „кочи“, по глубокому проливу—четыре недели. Таким образом доезжают до места, называемого Туруханское зимовье (Toorou-hansko Zeemovia); это зимнее местопребывание некоего Турухана. Проехав это Туруханское зимовье, они прибыли в место, называемое река Тунгуска (of Tingoosie). Это река каменистая, т. е. со скалистыми берегами (a stonie or Rocky river), которая впадает в Енисей. В этой местности живут тунгусы, т. е. жители страны, называемой Тунгусия (Land of Tingoosi). Далее живет народ называемый булаши (The Boulasches), а за булашами живет народ, по имени силахи (Seelahee). Эти народы рассказывают про Большой Енисей и про Малый Енисей. [Они говорят], что за Енисеем живут татарские племена имбаки и остяки (Imbaki and Ostaki). За землей тунгусов находится также река Гета (Geta), по которой ездили русские из Ваши (Vashen) и с Печоры. Говорят, что эти люди жили в окрестностях Геты шесть лет, после чего один вашский русский (one of the Russes of Vashen), по имени Волк (Wolfe), вернулся в Сибирь. Он говорит, что путешествие от земли тунгусов до Хеты он совершил летом. Он говорит также, что, по рассказам одного самоеда, на Большом Енисее видели суда с большим грузом и что очень много людей тащили их на бичеве, но он не мог сказать ни кто были эти люди, ни куда они везли упомянутые суда.

ПРИМЕЧАНИЯ

До Мутной реки] сл. выше: Логан, стр. 220. В подлинном печатном тексте, конечно, опечатка: Montnaia вм. Moutnaia.

На лодках, называемых кочи] сл. выше: А. Марш, стр. 193.

Волоком до Зеленой реки] сл. выше: Логан, стр. 221. Подробнее тот же путь описан Р. Финчем в письме к Т. Смиту (см. введение к настоящему тексту): «От Карской губы до этой Мутной реки 20 миль. Следует также отметить одну небольшую часть Югорского шара, а именно возвышенную землю, которая называется Сокольей Лудой (Socolia Looda) [сл. у нас выше, стр. 215]. А перейдя по Мутной реке, для чего 8 суток приходится тащить лодки мелководьем вдоль берега на бичеве (by the Beacheva), они приходят к двум озерам. По этим двум озерам они обыкновенно идут на веслах один день или две прибылых воды, так как длина озер не превышает десяти или двенадцати лиг. Достигнув конца этих двух озер, вступают на место, называемое Наволоком (NauoIock). Оно имеет в длину почти 200 фатомов. И разгрузив свои суда, называемые кочами, они подкатывают под них бревна и соединенными усилиями команды 4-х, 5-ти лодок (в каждой лодке имеется 12—13 человек) перетаскивают свои суда и спускают их в третье озеро, которое называется Зеленым (Zelenoy Ozera). Существование здесь волока заставляет их формироваться в артели (companies); иначе им никогда бы не добраться этим путем до Мангазеи. На конце этого Зеленого озера они вступают в Зеленую реку. Спускаясь по ее течению, они часто принуждены бывают разгружать свои большие суда и свои лодьи и складывать товары на берегу; после этого они выгребают на порожних судах через отмели и, пройдя отмели, опять переносят товары на суда. И таким образом поступают они в нескольких пунктах Зеленой реки. По этой причине им требуется обыкновенно дней десять для прохода по вышеупомянутой реке, хотя все время они идут по течению; но точно судить об этом расстоянии невозможно. Достигнув конца этой Зеленой реки, они входят в реку Обь и, пройдя некоторое время вверх по последней, доходят до места, которое также называется заворотом. От заворота они поворачивают в реку Таз (Tawze-Reca)» (Перевод А. Филиппова).

От Оби до Тазовского городка] сл. выше: А. Марш, стр. 189.

На длинных деревянных полозьях по снегу]. В подлиннике: vpon long Woodden Pattens through the Snow, т. е. не на полозьях, а собственно на подошвах; конечно, имеются в виду лыжи.

Туруханское зимовье] сл. выше: Персглоу, стр. 227. Название Туруханска произошло, по Третьякову, от «кочевавшего вблизи Тунгусского хана Туру» (П. И. Третьяков. Туруханский край, СПб., 1871, стр. 142; Г. Н. Тарасенков. Туруханский край, Красноярск, 1930, стр. 16).

Река Тунгуска]. Имеется ли здесь в виду Средняя, Подкаменная Тунгуска или Нижняя? сл. выше: Логан, стр. 216. Гэннинг (см. введение к настоящему тексту) склоняется к последнему предположению.

Живет народ, называемый булаши]. Трудно догадаться, какие племена названы здесь именами «булашей» (Boulasches) и «силахов» (Seelahee). Название булаши встречается у Миддендорфа (Путешествие на север и восток Сибири, т. II, VI, 1878, стр. 726), который так называет буралов (буйларов, билятов)—иначе оленных тунгусов; но последние едва ли имеются здесь в виду, т. к. их настоящее название было бирары, как называли их в своих донесениях и казаки с Амура и Зеи, где они жили (И. Шренк. Об инородцах Амурского края, СПб., 1883, т. I, стр. 182—183). Б. И. Долгих обратил мое внимание на то, что термины «булаши» и «силахи» несомненно представляют собою искаженную форму какого-либо из местных племенных названий и, пожалуй, смогут получить

объяснение из кетского, тунгусского или остяко-самоедского языков. Действительно, по свидетельству Г. Н. Прокофьева («Остяко-самоеды Туруханского края»—«Этнография», 1928, № 2, стр. 97) «русское население гор. Туруханска называет остяко-самоедов, живущих по Турухану и Ванхе, «ляками» от остяцко-самоедского слова lakká «друг». Так же точно этот термин усвоен енисейцами, живущими по соседству с остяко-самоедами, как нарицательное для остяко-самоедского племени». Таким образом, оба названия, упомянутые у Финча, быть может, восходят именно к этому слову; слово bu—lák по-кетски буквально значит «он—остяко-самоед»; нельзя ли тогда и имя «силахи» возводить, напр., к «sel-lakka», в значении «плохой остяко-самоед»?

Про Большой и Малый Енисей]. По мнению Гэннинга (Reiseberichte über Siberien, S. 293—294)—собственно Енисей и Нижняя Тунгуска.

За Енисеем живут татарские племена имбаки и остяки]. Imbaki—одно из двух главных племен т. наз. «енисейских остяков (кетов), исчезающего, малоизученного и очень загадочного народа. Под именем имбатов они упоминаются в одном из русских хронографов, в интересном перечне сибирских народностей (А. Попов. Изборник славянских и русских сочинений, М. 1869, стр. 401 ср. здесь же, стр. 403—404: «По реке Енисее языцы Имбатцкой, Земшайской, Сымской, Тунгусской»...). Кастрен (Ethnologische Vorlesungen über die Altaischen Völker. «Nordische Reisen und Forschungen», hrsg. v. A. Schiefner, Bd. IV, 1857, S. 87) писал, что енисейские остяки «являются остатком народа, который некогда жил в северной Азии и затем был почти уничтожен, вследствие опасных войн и опустошений, обрушившихся на эту страну». Все попытки исследователей разрешить эту этнографическую загадку не привели пока к ощутительным результатам: еще Th. Benfey (Geschichte der Sprachwissenschaft und orientalischen Philologie in Deutschland, München 1869, S. 770—777) подчеркивал затруднительность решения вопроса о происхождении енисейских остяков по данным их языка; те же затруднения стояли перед G. J. Ramstedt'ом («Über den Ursprung der sogen. Jenissej-ostjaken»—«Journal de la sociètè Finno-Ougrienne». XXIV, 1907, S. 2) и Kaj Donner'ом («Beiträge zur Frage nach den Ursprung der Jenissej-Ostjaken», Ibid. 1920, I S. 7); недавно современный русский этнограф мог также заявить, что «наши сведения об этой племенной группе... остаются до сих пор столь же неопределенными, как и во времена Кастрена» (В. Г. Богораз. Кастрен—исследователь палеоазиатов, в сб. «Памяти М. А. Кастрена. К 75-летию дня смерти», Лгр. 1927, стр. 94. Ср. H Findeisen. Neue Untersuchungen und Materialien zum Problem der westsibirisch. Altaziaten—«Zeitschrift f Ethnologie», 59, 1927, H. 3—6, S. 281—290). В специальном труде об языке енисейских остяков Кастрен (Versuch einer Jenissei-Ostjakischen und kottischen Sprachlehre, 1858. Nord. Reisen u. Forsch. Bd. XII, S. VIII) различает два главных наречия их: Сымское (на р. Сыми и между дер. Анциферово и Каменной Тунгуской—не их ли имеет в виду имя Seelahee?) и Имбацкое (от Бахты до Курейки). Об енисейских остяках см. В. Анучин. Предварит. отчет по поездке к енисейским остякам в 1905 г. («Известия Русск. Комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологич., лингвистич. и этнографич. отношениях». 1906, № 6, стр. 43—44); его же. Очерк шаманства у енисейских остяков, «Сб. Музея Антропологии и Этнографии при Ак. Наук», т. II, 2, СПб. 1914, стр. 1—89; Синельников. Енисейские остяки (Изв. О-ва Люб. Естествозн. Антропол. и Этнографии, т. 28, I, М. 1914); В. В. Передольский. Быт енисейских остяков. СПб. 1908; Hans Findeisen, Reisen und Forschungen in Nordsibirien. Skizzen aus dem Lande der Jenissejostjaken, Berlin, 1929; его же: Bei den Fischer-und Jägervolk der Jenissej Ostjaken in Nordsibirien. Aus dem Ergebnissen einer etnographisch. Forschungsreise im Herbst und Winter 1927. «Der Erdball» Jhg 59. H. 9, S. 338—346. Г. Финдейзен. Из поездки к Кето—«Северная Азия» 1929, кн. 2, стр. 126—131. Из старых источников отметим, кстати, забытую книгу: «Mémoires de M. Wagner sur la Russie, la Sibérie et le royaume

de Casan» Berne 1790, в которой ряд страниц посвящен енисейским остякам (p.p. 117—119; 211—228).

За землей тунгусов находится также река Хета] Geta. По Миддендорфу это первое упоминание р. Хеты в литературе (Путешествие, т. I, отд. 1, стр. 94).

По которой ездили русские из Ваши] Vashen. Во введении к настоящему тексту высказано предположение, не идет ли здесь речь об одном из притоков р. Оби. Возможно, впрочем, что здесь имеется в виду р. Вах или Важка, Вашка, левый приток Мезени; впадает в Мезень, ниже погоста Усть-Вашка (П. Семенов. Географическо-статистический словарь, т. I, стр. 384, 405). «Важскою Землею» уже в к. XIV в. называлась земля, занимавшая все течение р. Ваги, части Двины и рек: Шенги, Двиницы, Вели, Пежмы, Кокшеньги и т. д. (М. Едемский. О старых торговых путях на Севере. «Зап. Отд. Русск. и Славянск. Археологии Р. Арх. Общ.», т. IX, 1913, стр. 47—48).

Один вашский русский по имени Волк]. Слово Wolfe я перевожу русским «волк» не только потому, что оно соответствует ему по смыслу, но и потому также, что слово Волк в качестве собственного имени было у нас сильно распространено в XV—XVII вв. (Н. М. Тупиков. Словарь древне-русских личных имен, СПб, 1903, стр. 90—92); между прочим, и в Мангазейскую землю был отправлен в 1601 г. один из будущих воевод—Савлук или Влук (Волк?) Пушкин (П. Третьяков. Туруханский край, СПб. 1871, стр. 131).

Рис. 34. Тунгусы (Из книги Н. Витсена)

XXVI. ИСААК МАССА | ISAAC MASSA

(1612)

Исаак Масса род. в 1587 г. в Гаарлеме в старинной нидерландской семье, торговавшей сукнами (см. письмо Массы—„Вестн. Европы“ 1868, № 1, стр. 238). „Предки мои,—свидетельствует он сам,—проливали кровь за отечество во Франции и в брабантских войнах“. Отец его умер между 1610—1613 гг.,—как предполагает В. Кордт,—„в бедности, иначе Исаак Масса незадолго до смерти отца не мог бы называть себя „молодым человеком, потерявшим все ради религии“. В родительском доме и вообще в детстве он не получил никакого образования: „меня не обучали ни письму, ни наукам,—говорит он,—своим образованием я обязан, главным образом, самому себе“ („Сказания Массы и Геркмана о Смутном времени“, СПб. 1874, стр. 3, 5, 6). „Путем самообразования он впоследствии действительно приобрел себе солидный запас знаний. Родители отправили его еще юношей в Россию для изучения торгового дела. Он прибыл сюда в 1601 г. и прожил восемь лет в самой Москве, где был очевидцем многих достопамятных событий, совершившихся здесь в те годы: он видел ужасы голода 1602 г., присутствовал в 1605 г. при травле медведей, устроенной по приказу Лжедмитрия на заднем дворцовом дворе, видел труп узурпатора, лежавший на земле“... (В. А. Кордт. „Очерк сношений Московского государства с республикою соединенных Нидерландов по 1631 г.“ Сб. Р. Ист. Общ., т. 116 [1902], стр. CXII—CCV: биография Массы). Живя в Москве, Масса выучился русскому языку и настолько хорошо овладел им, что даже перевел с голландского на русский описание побед принца Морица Нассауского. Это знание особенно пригодилось ему тогда, когда он стал собирать сведения о географии северо-восточных окраин России, а также исторические материалы, начиная с царствования Ивана Грозного. Московские события смутной эпохи заставили его в 1609 г. уехать из Москвы и отправиться на родину морем через Архангельск.

По возвращении в Голландию, Масса принялся за обработку собранных им в Москве материалов и вскоре написал книгу под

заглавием: „Краткое повествование о начале и происхождении современных войн и смут в Московии", в которой он изложил свои воспоминания о смутной эпохе и попытался объяснить ее на основании исторических данных.

Рис. 35. Иссак Масса
(Гравюра А. Матама с портрета Ф. Гальса)

Сочинение это принадлежит к числу весьма важных иностранных источников о смутном времени. При жизни Массы оно не было

напечатано и увидело свет только в XIX веке (в первый раз в изд. Археологической комиссии: Rerum Rossicarum Scriptores exteri, т. II, p. 1—125; далее голландский текст с франц. переводом и биографией Массы издан М. Оболенским и А. фан-дер-Линде: Histoire des guerres de la Moscovie, 1601—1610, Bruxelles, 1866, 2 vols.; русский перевод: „Сказания Массы и Геркмана о смутном времени в России", СПб. 1874). Однако, уже вскоре по возвращении на родину Масса смог издать в Голландии два сочинения о Сибири, представляющие для нас особенно большой интерес.

Трудно сказать вполне определенно, когда именно и под влиянием каких причин возник у И. Массы интерес к Сибири. Отдаленной и еще плохо известной европейцам страной он, нужно думать, заинтересовался сначала, подобно другим иностранцам, как рынком сырья и сбыта; любопытство вызывали к себе также и ведущие через нее торговые пути в Китай, но собранные Массой данные показывают, что он не чужд был и географических и этнографических интересов вообще и чувствовал особую склонность к науке землеведения. Мы знаем, во всяком случае, что уже к концу своего первого пребывания в Москве, благодаря одному русскому, который ездил в Сибирь при Борисе Годунове, а также знакомству с царедворцами и дьяками приказов, с которыми он постоянно старался поддерживать дружеские отношения, Масса располагал уже довольно обширными и точными сведениями о Сибири. Между прочим, вероятно в 1608 году, Масса получил предложение от нидерландского торговца Исаака Лемэра принять участие в качестве фактора в экспедиции для отыскания северо-восточного морского пути, но отказался от этого предложения. Причины этого отказа изложены им самим в его известии о дорогах из Московии на Восток: „Я прекрасно знаю и могу это доказать, что этот северный путь закрыт и что все желающие его открыть претерпят неудачу в своих попытках".

Написанное Массой по возвращении в Нидерланды „Краткое повествование о смутном времени" в посвящении книги принцу Морицу Нассаускому выражает надежду, что автору удастся передать ему хотя бы в устной форме все то, что он знает о России, о ее берегах и о путешествиях, предпринятых по повелению московских князей в Китай и Монголию („Сказания", стр. 6—7). Вскоре Массе, действительно, представился случай не только изложить все это в письменной форме, но и увидеть свое сочинение в печати.

В 1612 году в Амстердаме вышел сборник географа Гесселя Герритса под заглавием: «Beschryvinghe van der Samoyeden Landt in Tartarien», в котором были помещены две статьи Массы о Сибири, с приложением карты. Сочинения эти сразу же обратили на себя внимание, издавались неоднократно и вскоре же

переведены были на многие языки. Библиографическая история их очень запутана, отчего я считаю необходимым на ней несколько остановиться.

В 1613 г. оба сочинения переведены были на латинский язык и изданы в книге: «Descriptio ac Delineatio Geographica Detectionis Freti» etc. вместе с описанием плаваний Гудзона, а также путешествий Фердинанда де Квироса (De Queiros). В том же 1613 году сделан был и немецкий перевод: он помещен в десятом томе издания de Bry, Ostindische Reisen; перевод этот принадлежит Готарду Артхусу (или Артусу) из Данцига (Gotthard Arthus Dantiscus, 1570—1630), плодовитому немецкому компилятору и публицисту нач. XVII века, в списке работ которого значится довольно много переводов с голландского языка (см. J. Chr. Adelung. Fortsetzung und Ergänzungen zu Jöcher's Gelehrten Lexico, Bd. I, Leipzig, 1784, S. 1148—1149; Kelchner в «Allgemeine Deutsche Biographie», I, 1875, S. 613). С книгой Артуса познакомился А. Н. Пыпин, который, не подозревая о том, что в части, касающейся Сибири, она есть не что иное, как перевод Массы, писал: „Происхождение этой книжки до сих пор не исследовано; любопытно было бы разыскать, откуда были им взяты сведения, изложенные в книжке о Сибири; могло быть, что они заимствованы были из устных рассказов людей, бывших в Москве“ и т. д. („Сибирь и исследования ее“, „Вестник Европы“, 1888, № 4, стр. 702—703). В своей позднейшей „Истории русской этнографии“ (СПб. 1892, т. IV, стр. 206) А. Н. Пыпин исправил допущенную им ошибку и указал, кстати, „в пример библиографической запутанности“ на П. Пекарского (Наука и литература при Петре Великом, СПб. 1862, т. I, 340) и Аделунга (II, 296), „где Артусу приписано издание Массы и Герарда (Герритса), им только перепечатанное“; однако А. Пыпину все же осталось непонятным, почему в книге фан-дер-Линде и Оболенского (t. II, p. XIV) немецким переводчиком Массы с первого латинского издания назван L. Hulsius, „под которым надо разуметь, вероятно, того же Артхузиуса. Мы знаем эту книжку по экз. Публичной библиотеки [в Ленинграде]: Zwölfte Schiffahrt oder kurtze Beschreibung der Newen Schiffahrt gegen Nord-Osten, etc. Oppenheim MDCXXVII (Ср. Catalogue de la Section des Russica SPb. 1876, II, p. 265). Редкость изданий, которых нет сполна и в Публичной библиотеке оставляет пока неясной историю этих изданий“... Ввиду того, что в русской литературе этот вопрос до сих пор еще не распутан, считаю необходимым сделать несколько пояснительных замечаний. Levinus Hulsius и Gottfr. Arthus — совершенно разные лица. Гульзиус — математик и знаток иностранных языков, был издателем в Нюренберге. В 1598 г. Гульзиус приступил к изданию в Нюренберге коллекции путешествий в различные страны на немецком языке

в 26 томах; издание это было задумано в подражание коллекции Теодора де-Бри и в числе сотрудников своих Гульзиус взял нескольких из тех лиц, которые участвовали в издании собрания де-Бри; среди них был и Артус, который и поместил в изд. Гульзиуса свой немецкий перевод сочинений Массы, напечатанный уже в коллекции де-Бри. Отношения Гульзиуса и Артуса разобраны в сочинении: A. G. Camus. Mèmoire sur la collection des grands et petits voyages et sur la collection des voyages de M. Thevenot, Paris, an XI (1802) p. 11—12, 23, 84—85. Таким образом, Артус дважды напечатал свой немецкий перевод сочинений Массы в начале XVII века. Отметим также, что в 1613 году полный немецкий перевод обоих сочинений Массы, по сборнику Г. Герритса, дал И. Мегизер в книге: «Septentrio Novantiquus». Lpz. 1613 (см. след. текст). Вероятно около того же времени сделан был и французский перевод Массы. „Не знаем, был ли он напечатан,—пишет А. Пыпин,—но рукопись его мы видели в Парижской Нац. Библиотеке. Получив теперь копию этой рукописи (Ms. 19474, Coll. Dupuy), мы нашли в ней старый французский перевод обеих статей Массы о Сибири, только в другом порядке, сделанный по латинскому изданию 1613 г.: «Brieue Description des chemins qui mènent et des fleuves qui passent de la Moscouie uers le Septentrion et l'Orient en la Sibèrie» и далее: «Description des pais de Siberie, Sâmoiede et Tingoesie frequentez par les Moscouites». При обеих статьях названо имя Массы" (А. Пыпин. Ист. русск. этногр., т. IV, стр. 207). Отметим тут же, что много позднее, по одному из изданий того же Артуса сделан был и русский перевод сочинений Массы. Он был указан уже Пекарским среди рукописей Публичной библиотеки [в Ленинграде] и, по его мнению, «сделан белоруссом или южно-руссом не позже начала XVIII века» (П. Пекарский. Наука и литература при Петре В., т. I, стр. 340): „Индии восточной часть седьмая, плавании две содержащая... составителем М. Готардом Артхусом гдащанином вся преизящнейшими на меди изображенными иконами объясненна и свету преданна.. року 1606". Как заметил уже Пыпин: „1606 год, поставленный в русском переводе, повторен из латинского издания, указанного тем же Пекарским, но едва ли существующего: 1606 г. мог произойти из 1609, поставленного на первой карте Массы". А. И. Соболевский (Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв., СПб. 1903, стр. 71—72) указал на два русских списка этого перевода (Гос. Публ. Библ.—F. IV. 116 и Q. IV. 124) „из которых первый, без конца, похож на беловой, а второй на черновой", но заметил при этом, что две части латинского оригинала с датой Francof. 1606 он имел в руках. Ошибка объясняется вероятно тем, что статьи о Сибири взяты русским переводчиком не из седьмой части оригинала, которая действительно датирована

1606 годом и из которой переведена только часть, а из десятой (Indiae Orientalis pars X, quâ continetur historica relatio sive descriptio novi ad aquilonem transitûs, supra terras americanas in Chinam atque Japonem ducturi... addita descriptione regionum Siberiae... quae nuper a Moscis detectae et occupata sunt: auctore M. Gothardo Arthusio Dantiscano... Francof. Typis vyd. Matthiae Beckeri, 1613). В этом латинск. изд. оба сочинения Массы (здесь не названного по имени) находятся на стр. 20—32. В рукоп. Гос. Публ. Библиотеки—F. IV, 116: „Повестное описание королевств Сѣберии, Самоедии и Тингоезии вкупе с путешествиями от Москвы до всходу и полунощной страны тамо проводящими зане чрез оние московский народ всегда преходит“ (нач.: „Есть род на Москве“, л. 279 об.).

В 1625 г. в Лондоне появился английский перевод сочинений Массы о Сибири. Его же поместил Перчас (о нем см. стр. 169) в своем сборнике: Pilgrimes III, c. VII p. 522—529 со ссылкой на изд. Гесселя Герарда, но без имени автора. Этот перевод перепечатан у J. Baddeley (Russia, Mongolia, China, vol. II, London, 1919, p. 3—11).

В 1675 г. появился новый немецкий перевод, принадлежащий Рудольфу Капелю (Rudolf Capel). Это издание также послужило поводом для ряда библиографических недоразумений. В 1675 г. Капель издал в Гамбурге книгу: «Vorstellung des Norden oder Bericht von einigen Nordländern etc. Auf guter Freunde Begehrten—aus D. Capel P. P. ausgefertigt». Через три года та же книга вышла под новым заглавием: «Norden oder zu Wasser und zu Lande im Eise und Schnee, mit Verlust Blutes und Gutes, zu Wege gebrachte und fleissig beschriebene Erfahrung und Vorstellung des Nordens... von Rudolf Capel, der Heilig. Schrift D.» etc. Hamburg und Stockholm. 1678. Это второе издание было известно Аделунгу, который поместил Капеля в число путешественников по России и заметил при этом, что последний не только сам был в Москве, но „кажется предпринял путешествие и в северо-восточные области русского государства, что видно из показания, помещенного в его книге («Norden», S. 27): „Теперь я хочу показать, какими путями пользуются из Москвы в эти страны Сибирь, Самоедию, Тунгусию, что я с большим трудом и особенным старанием получил, живя в Москве, от придворных“... (Adelung. Krit.-Lit. Übersicht, I, 35—37, II, 347). Ошибку Аделунга повторил Carl Hiekisch. Die Tungusen, Diss. St. Petersburg, 1879, S. 8, который также утверждает, что Р. Капель сам путешествовал по России и что он, „как видно из его книги, был очень образованным и просвещенным человеком, оставившим ряд заметок о русском государстве“, в подтверждение чего выписаны известия о тунгусах из книги Капеля «Norden». Ошибка Гикиша тем более непонятна, что несколькими страницами ранее (S. 2—5) он говорит об Исааке

Массе, называя его первым европейским писателем, обратившим внимание на тунгусов, и приводит выписки из обоих его сочинений о Сибири. Между тем, указанная Аделунгом и Гикишом глава в книге Капеля есть не что иное, как перевод обоих сочинений Массы (сделанный независимо от Артуса), а приведенная Аделунгом цитата является лишь заключительными словами сочинения Массы: „Описание областей“ в первом голландском изд. 1612 г. (в латинском изд. 1613 г. они отсутствуют). Гикиш введен был в заблуждение именно потому, что под руками у него было латинское изд. Массы 1613 г., Капель же имя настоящего автора статьи не называет, указывая лишь на сборник Гесселя Герритса, и статья носит у него след. заглавие: «Kurtze Beschreibung der Reise aus Muscaw, Ost-Nort-Ostwärts in die neuerkündigte Länder: Siberia, Samoedia und Tingosia, wie solche Reise heutiges Tages von den Muscowitern stätig gebraucht wird: sambt einer Erzählung was für Städte in Siberia neulich seyndt erbaut worden».

На ошибку Гикиша указал уже Henning (Reiseberichte über Siberien, S. 267). Чтобы покончить с немецкими переводами сочинений Массы, укажу еще на один, сделанный А. Шренком в книге: «Reise nach dem Nordosten des europäischen Russlands, durch die Tundren der Samojeden zum Arktischen Uralgebirge» Bd. II, Dorpat, 1854, S. 213—221.

По странной случайности имя Массы и на этот раз также, видимо, осталось неизвестно переводчику, т. к. он переводил не с оригинального текста, а с английского перевода в сборнике Перчаса. Таким образом, несмотря на обилие переводов обоих сочинений Массы, имя настоящего их автора было часто в тени, а тем самым затруднена была оценка приведенных им данных, самый же текст известий нередко сильно искажался. Рассмотрим теперь голландские издания этих сочинений и укажем, какой текст можно считать наиболее исправным.

Как уже указано было выше, первый раз сочинения Массы о Сибири появились в сборнике Гесселя Герритса на голландском языке в 1612 году (A) и в том же году в Амстердаме вышел латинский перевод его, сделанный, вероятно, самим Массой (B). В 1612 же году вышло так называемое 2-е голландское издание, точно воспроизводящее первое, но с небольшим приложением: «Verhael van d'ontdeckinghe van de nieu-ghesochte strate in 't Nordwesten» (C); тогда же издано и 2-ое латинское издание, точно соответствующее первому, но с прибавлением подзаголовка: «Exemplar libelli supplicis» (D). В 1613 г. появилось третье переработанное и дополненное издание на латинском языке (E). Далее, как указывает Fr. Müller (Essai d'une bibliographie Nèerlando-Russe, Amsterdam, 1859, p. 103—104), голландский текст перепечатан был в первом томе издания: Begin ende Voortgangh van de Vereenighde

Nederlandsche Geoctroyeerde Ost-Indische Compagnie, 1646, и снова в издании той же книги 1648, I, 50—54. Тот же голландский текст перепечатал Витсен в своем труде «Noord en Oost Tartarye» (изд. 1692, II, 509—518; изд. 1705, II, 826—829). Еще раз голландский текст был перепечатан в крайне редкой брошюре американского посла в Голландии Henry C. Murphy. Henry Hudson in Holland, The Hague, 1859, p. 66—72; новое изд. 1909 (здесь на стр. 81—97 дана лучшая и наиболее полная библиография сочинений Массы о Сибири) и, наконец, в издании Linschoten-Vereeniging, 1924. Первые голландские издания книги Массы чрезвычайно редки, т. к. сохранились лишь в нескольких экземплярах: это видно между прочим из того, что Схельтема называет лишь латинское издание 1613 г., но и его он кажется не имел под руками (Scheltema. Rusland en de Nederlanden, Amsterdam 1817, I, 94), а акад. Бэр, посвятивший тому же латинскому изданию специальную статью, предлагал именно его переиздать в «Beiträge zur Kenntniss d. Innern v. Russland», не зная о существовании голландского подлинника, вышедшего годом раньше. K. E. Baer (Ueber das Werkchen: Descriptio ac Delineatio Geographica, Amsterdam 1613 und das Interesse, welches es für die Geschichte Russlands gewährt. «Bulletin scientifique publiè par l'Academie Imp. des Sciences» St. Petersbourg, t. X, № 17, p. 267—271 и отд. St. Petersbourg, 1842). Мюллер в цитированной библиографии упоминает, что первое издание соч. Массы (A) имеется лишь в трех голландских библиотеках: в Амстердаме, Гааге и Лейдене; однако, латинское издание 1612 г. (B) имеется также в Гос. Публичной Библиотеке в Ленинграде, а изд. 1613 г. (E)—в Библ. Акад. Наук; чрезвычайная библиографическая редкость изд. A ослаблена теперь новым роскошным переизданием его (фотолитографическая репродукция) C. Миллера в 1878 г.: «Detectio Freti Hudsoni or Hessel Gerritz's collection of tracts by himself, Massa and De Quir on the N. E. and W. Passage. Siberia and Australia, Reproduced, with the maps: in Photolitographie by S. Müller Fz. Amsterdam» и недавним (1924) изданием S. P. L.' Honorè Naber (Полное заглавие его см. ниже).

Латинский текст обоих сочинений о Сибири Массы переиздан также в приложении к цитированному выше изданию: «Histoire des guerres de la Moscovie» etc. Bruxelles 1866 t. I, 268—274, 275—285.

Никто из пользовавшихся сочинениями Массы географов не обратил внимания на то, что первые издания по тексту своему несколько отличаются друг от друга не только в написании собственных имен, но также и в редакционном смысле. Подробное сличение их делает Fr. Müller (Essai d'une bibliographie, p. 103—104; см. также P. A. Tiele Memoire bibliographique sur les journaux der navigateurs neerlandais, Amsterdam, 1867, 179—190). Во всяком

случае важнейшими следует считать изд. A, B и E. Редкость отдельных изданий и большое количество их препятствовали сведению вариантов и установлению сводного текста, и, как мы видели, неоднократно давали повод к различным недоразумениям. Вот почему сочинения Массы, несмотря на популярность его имени, в общем мало и плохо использованы русской наукой. Почти все исследователи Сибири имели в руках неисправные тексты их: так, Шренк знал их по английскому переводу в сборнике Перчаса, А. Миддендорф пользовался весьма неисправным немецким переводом Гульзиуса в издании 1627 г. (Путешествие на север и восток Сибири, т. I, отд. I, СПб. 1860, стр. 49—50); И. Тыжнов („Обзор иностранных известий второй половины XVI в". „Сибирский сборник" Н. Ядринцева, СПб. 1887, стр. 105—112) дал русский перевод лишь одного сочинения Массы, совершенно опустив второе, притом наиболее важное; кроме того, перевод Тыжнова сделан по перепечатке Массы у Витсена (1705, II, 826—829), сильно сокращен и очень неточен; перевод того же сочинения Массы и опять по тексту Витсена, но с сильными сокращениями, дан также в книге А. А. Введенского. Торговый дом XVI—XVII вв. Лгр. 1924, стр. 160—163. Познакомимся теперь с самими этими сочинениями, представляющими едва ли не самый ценный исторический источник среди сказаний европейцев о Сибири в первой половине XVII в.

Заглавие первого голландского издания в русском переводе гласит следующее: „Описание страны самоедов в Татарии, недавно приобщенной к Московскому государству, переведенное с русского языка в 1609 году" и т. д. Витсен также повторил в своей перепечатке указание, что в 1609 году „Массой было переведено с русского и издано описание дорог и открытия Сибири так, как передано далее". Г. Миллер внес было поправку в эту дату („Ежемесячные сочинения" 1764, т. I, стр. 197), но она тем не менее кажется очень правдоподобной, т. к. именно тем же 1609 годом датирована изданная Массой карта северных берегов Сибири (о ней ниже). Вспоминая о том, что именно в 1609 году Масса уехал из Москвы, можно думать, что „перевод с русского" сделан им незадолго до отъезда на родину. Однако, самое изучение им вопроса было несомненно делом нескольких лет. „Все, что я знаю,—говорил Масса,—я собрал с величайшим трудом и обязан этим дружбе с несколькими московскими придворными, которые, в знак расположения ко мне, сообщили мне эти данные после того, как долго в них отказывали. Они могли поплатиться за это жизнью, т. к. русский народ чрезвычайно недоверчив и не терпит того, чтобы открывали тайны его страны" (Ср. H. Michow. Das erste Jahrhundert Russisch. Kartographie, Hamburg, 1906, S. 36). Собранные им таким образом данные Масса включил в текст своего сочинения о Сибири, разбивающегося на две самостоятель-

ных части: в первой Масса рассказывает о покорении Сибири, собственно о начале русской торговли с сибирскими туземцами, предпринятой Строгановыми, во второй — дает краткое описание дорог, ведущих из Москвы в Сибирь, рек, протекающих на севере и востоке, и список сибирских городов, основанных москвитянами.

Beschryvinghe
Vander
Samoyeden Landt
in Tartarien.

Nieulijcks onder't ghebiedt der Moscoviten gebracht.

Wt de Russche tale overghesetr, Anno 1609.

Met een verhael
Vande opsoeckingh ende ontdeckin-
ge vande nieuwe deurgang ofte straet int Noord-
westen na de Rijcken van China ende Cathay.

Ende
Een Memoriael gepresenteert aenden
Coningh van Spaengien/ belanghende de ont-
deckinghe ende gheleghentheyt van't Landt ghe-
naemt Australia Incognita.

t'Amsterdam/ by Hessel Gerritsz. Boeckvercooper/ opt
Water/ inde Pascaert/ Anno 1612.

Рис. 36. Титульный лист первого издания книги И. Массы «Описание страны самоедов в Татарии»

Первое сочинение, по отзыву Тыжнова, „на первый взгляд кажется очень странным“, так как повествование о покорении Сибири обходится без Ермака. Уже Витсен, перепечатывая его, обратил на это внимание и старался согласить этот рассказ с теми шестью рассказами, какие у него помещены перед тем, и в которых рассказывается о покорении Сибири приглашенной Строгановыми дружиной Ермака со стороны среднего Урала. „Хотя это открытие Сибири,—говорит Витсен,—на первый взгляд как бы противоречит тому, что было рассказано выше, все-таки эти сообщения и события могут быть примирены. Можно предположить, что открытие Аники произошло на западе и притом со стороны России, а открытие Строганова и Ермака началось с востока, причем оба открытия произошли в одно время или, быть может, Аника (Anica) прозвище или имя (...Bynaem of Fornaem des Geslechts) рода Строганова и оба они рассказывают об открытии одного деяния, но таким образом, что в одном говорится о событиях вокруг Тобола, где была применена сила, а в другом, как при помощи кротких мер и любви в наиболее западных областях Сибири инородцы принуждены были сдаться или б. м. оба рассказа трактуют об одном и том же событии, случившемся в одно время и в одном месте“. (Witsen, op. cit., II, 826). Основная мысль этого рассуждения Витсена представляется А. А. Введенскому правильной: „проникновение в Сибирь с севера на Обь за пушниной в нач. XVI в. при Анике Федоровиче Строганове и появление в Сибири Строгановых в 80-х гг. XVI в. с дружиной Ермака со стороны среднего Урала были явлениями одного порядка: поисками торговых путей к низовью Оби за пушниной. См. такую постановку вопроса в статье С. Ф. Платонова „Строгановы, Ермак и Мангазея“. „Русское Прошлое“, кн. 3, стр. 7 (А. Введенский. „Торговый дом XVI—XVII вв.“ Лгр. 1924 г., стр. 160; ср. его же замечание в „Сборнике статей, посвященных С. Ф. Платонову“. П. 1922, стр. 102). „Вопрос, который представлялся для Витсена в противоречии между повествованием Массы и другими, ему известными, для нас представляется праздным, ибо нам хорошо известно, что Сибирь покорил Ермак“,—замечает, в свою очередь, И. Тыжнов („Сиб. Сборник“, СПб. 1887, стр. 111). „Для нас повествование Массы имеет цену в тех пунктах, где означается деятельность Строгановых (Аники) на сибирской окраине и отношение государства к колонизации“. Аналогичную точку зрения высказывает и А. Н. Пыпин (Ист. русск. этнографии, т. IV, стр. 209—210). „Повествование Массы имеет еще и ту цену,—продолжает Тыжнов,—что показывает, как постепенно подготовлялось покорение Сибири. Было бы весьма ошибочно думать, что поход Ермака был одиноко стоявшей попыткой проникнуть за Урал. Известно, что попытки эти ведут свое начало с XI века; еще

новгородцы предпринимали походы на Югорию, затем политические сношения Московского государства с северо-азиатскими владетелями проходят через царствование Ивана IV, оканчиваясь покорением Сибири". Таким образом, рассказ Массы представляется в общем очень ценным историческим источником. В нем есть, однако, некоторые хронологические неясности: так, напр., он рассказывает, что привилегию дал Строганову Борис Годунов, тогда как известно, что уже Иван IV сыновьям Аники, Якову и Григорию, подарил земли между Камой и Чусовой, дав им привилегию торговли в этих краях. Правда, могущество Строгановых было особенно сильным при ц. Федоре (1584—1598) и Борисе (1598—1605) и это могло быть поводом к тому, что Масса спутал хронологию, и события более раннего времени, полученные им, кстати, вероятно, из устных рассказов, отнес к более позднему. Акад. Бэр (op. cit., p. 268) также полагает, что Масса основывался на непроверенных слухах. Странным, однако, представляется утверждение А. Введенского (Торговый Дом, стр. 160), что „хронологическая путаница у Витсена (следовало бы сказать: у Массы) и его приписывание событий начала XVI в. событиям 80-х гг. XVI в. происходят от его малой осведомленности иностранца, получившего лишь беглые впечатления о стране и ее истории".

По общему отзыву исследователей, из двух сочинений Массы о Сибири гораздо больший интерес представляет второе: „Краткое описание путей". Таково было мнение ак. Бэра (op. cit., p. 269), Henning'a (op cit., S. 267) и др. А между тем оно гораздо менее известно, чем первое и не переводилось на русский язык. По указанию А. Н. Пыпина (Ист. русск. этногр. IV, 210—211), который дал в русской литературе наиболее полную его характеристику, „Краткое описание" Массы—„есть вообще первое описание этого рода в старой литературе о Сибири. Это сочинение опять, очевидно, взятое из русских источников, дает указание путей, какими совершались тогда сообщения с Сибирью и перевозка товаров. Главными путями были, конечно, реки, при этом Масса дает также описание главных городов, говорит о туземных народах и их обычаях, об управлении воевод, отмечая великие успехи московских людей в занятии Сибири". Идя в своем описании с запада на восток, от Сольвычегодска к Уралу, Иртышу и Оби, Масса описывает уже Енисей, кончая свое сочинение описанием первых попыток русских проникнуть за эту реку. По обилию названий рек и городов, по точности сообщенных о них сведений, это сочинение занимает совершенно исключительное явление в современной ему европейской географической литературе. Как указано было выше, ценность этих данных увеличивалась для современников еще и тем, что сведения были добыты Массой „с величайшим усилием", благодаря его связям с некоторыми представителями

московской администрации. В руках его была также и русская карта, которой он руководствовался в своем описании: „жил в то время в Московии брат одного моего друга, сам участвовавший в этих открытиях в Сибири; этот друг передал мне одну карту, полученную из уст своего брата, ныне уже покойного, и им начерченную, сам же он проплыл пролив Вайгач и знает все места до р. Оби; о положении стран за этой рекой он узнал от других". По приезде в Голландию Масса вскоре же напечатал эту карту (Russiae vulgo Moscoviae dictae. Partes septentrionalis et orientalis. Auctore Isaaco Massa. Apud Ioannum et Cornelium Blaeu, 1609), а затем перепечатал ее в приложении к сочинению о Сибири, но с некоторыми изменениями. Анализ этой карты и комментарии к ней см. Е. Замысловский. „Чертежи сибирских земель XVI—XVII вв." „Журн. Мин. Нар. Просвещ." 1891, № 6, стр. 337—339; А. Пыпин. Ист. р. этногр. IV, 1892, стр. 211 прим., Гамель. Англичане в России, стр. 208, 212, 215—216; Н. Michow. Das erste Jahrhundert Russischer Kartographie 1525—1631, Hamburg, 1906, S. 33—36; Б. М. Житков. Полуостров Ямал. СПб. 1913, стр. 110; Зап. по гидрографии, вып. XXVI, СПб. 1904; В. А. Кордт. Материалы по истории русской картографии. Вторая серия, вып. 1, Киев, 1906, стр. 16—17; в этом издании воспроизведены и карты Массы (табл. XII, XIII, XIV).

В Россию Масса вернулся вероятно в 1612 г. в звании посла генеральных штатов и впоследствии не раз выполнял ответственные дипломатические поручения своего правительства, до 1634 г. часто ездя из Московии в Голландию и обратно. Умер Масса в 1635 году. Подробные биографические данные о нем приведены у В. А. Кордта (Сб. Р. Ист. Общ., т. 16, стр. CXIII—CCV), с меньшей обстоятельностью и полнотой также в издании: Histoire des guerres de Moscovie, t. II: Etude sur Isaac Massa p. III—CXVI (также по-голландски: Dr. A. v. der Linde. Isaac Massa van Haarlem. Een historische Studia, Amsterdam, 1861. См. также новое ценное издание: Исаак Масса. Краткое известие о Московии в начале XVII в. М. 1937 (т. е. „Краткое известие о начале и происхождении современных смут о Московии" и т. д.) в новом переводе с голландского языка А. А. Морозова, с его же вводной статьей и примечаниями. Указатель рукописей И. Массы, хранящихся в СССР, см. С. С. Uhlenbeck, Verslag aangaande en onderzoek in de archieven van Rusland ten bate Nederlandsche Geschiedenis, 's Gravenhage 1891, p. 19—21. Ниже мы приводим в русском переводе оба сочинения Массы, посвященных Сибири. В основу перевода положен текст голландского издания 1612 г. по перепечатке у S. P. L'Honorè Naber: Hessel Gerritsz. Beschryvinghe van der Samoyeden Landt en histoire du pays nommè Spitzberghe. Uitgegeven door S. P. L' Honorè Naber, 's Gravenhage 1924 (= Werken

der Linschoten-Vereeniging, deel XXIII), где приняты во внимание и все другие издания как голландские, так и латинские.

Рис. 37. Самоед (Из латинского издания книги И. Массы 1613 г.)

Портрет Массы, написанный знаменитым Франсом Гальсом из Гаарлема и гравированный A. Matham'ом мы воспроизводим по чрезвычайно редкому экземпляру из собрания гравюр Д. А. Ровинского (кабинет эстампов Гос. Публ. Библиотеки в Ленинграде).

I

[ПОКОРЕНИЕ СИБИРИ]

Живут в Московии люди низкого происхождения, прозываемые Аниковичами (Anicouvij), и происходящие от крестьянина (een Land-man) по имени Аника. Этот Аника был богатым человеком в своем краю, а жил он в области, расположенной на реке Вычегде (Witsegda), которая впадает в Двину, текущую в Белое море в ста милях от крепости Михаила Архангела. Аника имел много детей и всем был от бога щедро наделен и благословлен, но побуждаемый страстью к наживе, возымел серьезное желание узнать, кем населены те страны, откуда приходили с дорогими мехами и другими товарами те люди, которые по языку, одежде, обычаям и вере отличались от остальных и называли себя самоедами и другими неизвестными именами. Эти люди ежегодно приходили рекою Вычегдою и вели меновую торговлю с русскими

и московитами в городах Усолье (Osoyl) и Устюге (Ustinga), лежащих при реке Двине, т. к. там именно находились главные склады и рыночные места для всевозможных товаров, преимущественно же для драгоценных мехов. Аника же потому так страстно хотел узнать, откуда приходят эти люди, что легко мог заключить о том, что у них можно приобрести большие богатства, т. к. они ежегодно привозили мехов на большую сумму денег. Тогда потихоньку он вошел с некоторыми из этих людей в соглашение и дружбу (alliantie ende vruntschap) и послал вместе с ними своих 10 или 12 людей в их страну, приказав им самым точным образом заметить, через какие земли будут они совершать свое путешествие, а также произвести наблюдения над обычаями, жилищами, образом жизни этих людей, чтобы по возвращении они могли дать ему об этом всесторонний отчет. Когда же они благополучно возвратились, он принял их ласково и дружески, но приказал им никому не говорить обо всем этом, да и сам оставил при себе все полученные от них известия, никому не говоря об этом ни слова.

В следующем году послал он туда же большое количество людей, дав им в спутники нескольких своих родственников и доверенных людей. Они взяли с собою некоторое количество малоценных товаров, как, напр., маленьких колокольчиков, а также другого подобного им „немецкого товара" (Deutsche Cramarye), и с усердием высматривали особенности этой страны. Проехав различные пустынные местности и большие реки, достигли они, наконец, реки Оби, где свели знакомство и дружбу с самоедами и узнали, что здесь меха можно купить по очень низкой цене и что из страны легко можно извлечь большие богатства; они заметили также, что этот народ вовсе не имеет городов, но живет мирно общинами и управляется старейшинами из своей среды, что он питается отвратительной пищей—мясом зверей, добытых на охоте, ничего не зная ни о землепашестве, ни о хлебе; замечено было также, что все они хитрые и ловкие стрелки из луков, что свои луки делают они из мягкого или гибкого дерева, а к концу стрелы прикрепляют они заостренные камни или рыбьи кости, употребляемые также вместо иголок, и что их нитки сделаны из сухожилий различных мелких животных; так сшивают они вместе различные меха, которые служат им одеждой, причем летом носят они шкуры ворсом наружу, зимою же внутрь, обращая их к телу. Свои жилища покрывают они шкурами оленей или других животных, меха которых у них мало ценятся. Словом посланцы Аники с любопытством заметили все, что им встретилось и возвратились назад, к своему покровителю, сильно нагруженные богатыми мехами.

Зная теперь от своих посланцев все, что он так стремился узнать, Аника в компании с некоторыми своими друзьями в тече-

ние ряда лет вел торговлю с этой страной, благодаря чему род Аники приобрел значительное могущество и большие владения. Жившие рядом с ним соседи немало удивлялись его сокровищам, не зная их происхождения; в многих своих деревнях Аниковичи строили церкви; в конце концов в городе Усолье на реке Вычегде, где они жили в то время, была ими выстроена необыкновенно красивая церковь, которая вся до самого основания была сделана из белого, чисто-обтесанного камня. Короче говоря, они не знали, куда им деваться со своими богатствами.

Тогда подумали они о том, что легко может случиться, что счастье повернется для них в обратную сторону, как это часто и бывает в подобных случаях, тем более, что они заметили, что многие очень завидовали их богатствам, хотя они никому не сделали никакого зла. Поэтому, чтобы остаться на прежнем месте и удержать при себе свои богатства, они с большой предусмотрительностью решили принять свои меры. Существует у московитов пословица о том, что у кого нет друзей при дворе, тот не настоящий человек (die te Hove gheen Vrunden heeft, gheen mensch te gheljcken is); т. к. обычно случается, что если кому завидуют, а он на плохом счету при дворе, то его можно угнетать, несмотря на отсутствие вины, просто потому, что у него не было при дворе могущественного покровителя.

Поэтому богатые Аниковичи заручились дружбой знатного и влиятельного при дворе лица, по имени Бориса Годунова (Boris Goddenoof), который был шурином царствовавшего тогда Федора Ивановича и после смерти его занял его место в качестве русского царя, как это подробнее изложено в описании московских войн. Этому то Борису они и решили все открыть. По обычаю страны, они поднесли ему подарок и просили его, чтобы он выслушал их, так как дело их имеет в виду выгоду целого государства. Он отнесся к ним весьма милостиво и даже с необычным вниманием, и когда они рассказали ему о местоположении Самоедии и Сибири, а также о том, что они там видели, и обратили его внимание на сокровища, которые благодаря этому открытию могли сделаться доступными для всего Московского государства, Борис обнаружил живейшее желание продолжать эти открытия дальше. К Аниковичам отнесся он, как к своим родным сыновьям и дал им от царского имени широковещательную грамоту, по которой они без противоречия с чьей бы то ни было стороны могли взять в свое вечное потомственное владение те земли, где только пожелают. Далее, т. к. случилось, что они задержались в Москве (а было это зимою), то проехался он вместе с ними в своих санях, а это считается у москвитян самой большой честью, тем более, что она в данном случае исходила от знатнейшего боярина, каким Борис был в ту пору, человека громадного влияния, в руках которого находилась большая власть.

Борис внимательно обдумал это дело и доложил обо всем царю, который изъявил свое удовольствие по этому поводу. Тогда, не медля более, Борис наметил несколько офицеров (capiteynen) и с ними несколько бедных придворных людей из своей свиты, приказав им быть готовыми к путешествию, которое они должны были предпринять вместе с людьми Аники. Он нарядил их в богатые одежды, в какие обыкновенно одевались послы, присоединил к ним отряд солдат и снабдил их недорого стоящими подарками, которые они должны были раздать тем племенам, мимо

Рис. 38. Езда в Сибири (Из книги Н. Витсена)

которых они будут проезжать; им приказано было внимательно заметить все дороги, леса и места (alle Passagien, Rivieren, Bosschagien ende plaetsen), которые встретятся им по пути и спрашивать об их названиях, чтобы по возвращении они могли представить об этом правдивый отчет; он прибавил к этому, что они должны дружески обходиться с тамошними людьми и замечать

все удобные места, на которых впоследствии можно было бы построить крепости или остроги (eenighe Sterckte oft Castelen), а кроме того привезти некоторых из этих людей с собою в Москву.

Посланцы, хорошо снабженные всеми необходимыми для путешествия вещами, как-то: одеждой, оружием, золотом и подарками, покинули Москву и отправились в Вычегду, где Аниковичи присоединили к ним нескольких из своих людей, а также родственников и друзей (oock viel kinderen ende vrunden). Прибыв в самоедскую землю, поступали они согласно приказанию, выказывая диким людям всяческую дружбу, почтение к их старейшинам и награждая некоторых из них многими подарками самой ничтожной ценности, которые, впрочем, казались тем роскошными и весьма дорогими, так что когда московиты приближались к ним, они радостно бросались к ним навстречу, хлопали в ладоши и падали перед ними на колени, как будто принимали их за богов. С помощью некоторых туземцев, которые от русских крестьян в деревнях научились русскому языку, московиты рассказали дикарям про своего царя, утверждая, что это почти земной бог (dezelve by na eenen aertschen god te zijn) и приплели к своему рассказу другие замечания, благодаря которым самоеды возымели желание увидеть все это собственными глазами. Это желание их очень понравилось московитам, которые со своей стороны выказали удовольствие относительно всего, что они видят, и прибавили также, что некоторых из своих они желали бы оставить у них в качестве заложников, чтобы они научились их языку, в то время как самоеды будут находиться в Москве. Таким образом, многих людей с восточной стороны Оби склонили они к своему намерению, так что они добровольно подчинились русскому царю, позволили обложить себя данью и выразили желание ежегодно давать московскому государю, как взрослые, так и дети, умеющие стрелять из лука, по паре соболиных шкурок, которые у них ценятся невысоко, у москвитян же считаются драгоценностями. Они обещали отдавать их тому, кто будет поставлен у них в качестве сборщика дани для царя, а также обещались держать свое слово.

После этого посланцы перешли реку Обь и продолжали свое путешествие почти на 200 морских миль вглубь страны по направлению к востоку и северо-востоку, видя много редких животных, чистые источники, незнакомые травы и деревья, красивые леса; также видели они самоедов различных племен; некоторые из них ехали верхом на оленях, другие на санях, возимых оленями, наконец, третьи—на собаках, которые бежали так же быстро, как и олени. Словом, они встретили много вещей, о которых не знали ранее и которые повергли их в удивление. Все это они аккуратно и тщательно отмечали, чтобы иметь возможность по возвращении дать точный отчет обо всем.

Наконец, взяв с собою некоторых самоедов, которые отправлялись с ними добровольно и оставив со своей стороны несколько людей у самоедов для изучения их языка, воротились они обратно в город Москву, где на первом же приеме рассказали Борису, а через него и царю, о ходе своего путешествия.

Рис. 39. Заклание овец тунгусами (Из «Путешествия» Исбранта Идеса)

С великим удивлением смотрели здесь на привезенных самоедов, заставляли их показывать свое искусство в стрельбе из луков, что они и исполняли, проявляя прямо невероятную ловкость, так как они прикрепляли к ветке дерева монету, меньшую чем голландский стюйвер, затем отходили на такое расстояние, что ее едва можно было различить, и всякий раз в нее попадали. Зрители этому не мало удивлялись.

Со своей стороны и самоеды с высоким изумлением наблюдали образ жизни, нравы москвитян и красоты столицы: на царя

же они смотрели с настоящим ужасом, когда он появлялся в роскошной одежде, верхом на лошади или в коляске, в которую запряжено было много лошадей, окруженный толпою разодетых бояр, и стражей, вооруженной мускетами, которая следовала за ним, примерно, в количестве 400 человек. Слыша звон колоколов, которых москвитяне имеют великое множество, или глядя на богатые лавки со многими дорогими товарами и на другие диковинки столицы, они выказывали свое удивление, точно попав на небо в жилище богов. Они считали себя счастливыми, что могут повиноваться такому повелителю, как царь, приписывая ему прямо божественное могущество. Кушанья, которыми их угощали москвитяне, они пожирали с жадностью, из чего можно было усмотреть, что они им больше понравились, чем сырое мясо и вяленая рыба, которые составляли их пищу на родине. Наконец, они обещали считать царя своим повелителем и убедить в том же всех своих собратьев. Они униженно просили также царя, как о милости, чтобы он послал им своих начальников, которые правили бы ими и собирали наложенную на них дань. Что же касается их языческой веры, то о ней не было сделано никакого упоминания и их оставили при их прежних обычаях. Тем не менее я думаю, что христианство легко могло бы распространиться среди них, и нисколько не сомневаюсь, что москвитяне приняли бы к этому свои меры, если бы их не отодвинули на задний план глубоко несчастные войны.

После того как дела эти приняли такой оборот, как мы рассказываем, Аниковичи еще более возвысились и получили большие привилегии и власть над многими местностями, которые были присоединены к их земле; они имели владения более чем на сотню миль друг от друга на реках Двине, Вычегде и Сухоне; они были очень богаты и могущественны и с каждым днем приобретали все более почета и уважения.

В Москве же решено было построить крепости на реке Оби и в соседних местностях, которые и по природе своей были достаточно недоступны, снабдить их гарнизонами и послать туда генерал-губернатора для того, чтобы открыть более отдаленные страны и сделать их подвластными царю, что и было приведено в исполнение.

Сначала делали некоторые крепости из больших, скрепленных вместе деревянных бревен, укрепляли их земляным валом и снабжали солдатами. Туда ежедневно посылали так много народу, что в некоторых местах выросли целые города из людей различных национальностей, как, напр., поляков, татар и русских, потому что в эти страны отсылали всех воров и убийц, изменников и преступников всякого рода, из которых некоторые содержались там в заключении и в кандалах, а другие должны были прожить там определенное время,—сообразно величине своего преступления. Таким

то образом мало-помалу в этой стране набралось так много народу, что она в настоящее время со своими городами и крепостями могла бы составить целое особое государство; туда отправляются толпы бедного люда, потому что они там освобождаются от всех исков, податей и налогов.

На упомянутой реке Оби есть местность, которая называется Сибирь (Siberia), а в ней город Сибирь (Siber). В первое время москвитяне пугались, если, навлекая на себя неудовольствие, слышали слово „Сибирь“, потому что туда обычно ссылали в качестве наказания; теперь же они к этому настолько привыкли, что никто и внимания не обращает. Только знатные и родовитые люди, впадающие в немилость у великого князя, питают отвращение к этому имени, так как иногда их посылают туда вместе с женами и детьми; им поручается там какая-либо правительственная должность до тех пор, пока не смягчится гнев царя, и тогда они снова возвращаются в Москву.

Теперь я хочу указать, какими путями пользуются для того, чтобы из Москвы ездить в эти местности, что я, будучи в Москве, собрал не без большого труда и разнообразных попыток от придворных. Все эти рассказы я не мог напечатать без большой опасности для жизни, пока я еще жил в Москве, так как москвитяне не так-то легко поддаются тому, чтобы можно было публиковать тайны их страны.

II

КРАТКОЕ ОПИСАНИЕ ПУТЕЙ И РЕК, ВЕДУЩИХ ИЗ МОСКОВИИ НА ВОСТОК И СЕВЕРО-ВОСТОК, В СИБИРЬ, САМОЕДИЮ И ТУНГУСИЮ, ПОСТОЯННО ПРОХОДИМЫХ РУССКИМИ, С ДАЛЬНЕЙШИМИ ОТКРЫТИЯМИ В СТОРОНУ ТАТАРИИ И КИТАЯ

Верхотурье (Vergateria)—первый город страны, называемой Сибирью, постройка которого началась одновременно с несколькими другими городами за последние 21 год. В нем довольно много зданий, а земли вокруг него обработаны так же, как и в Московии. Там живет воевода московского царя, который ежегодно, в начале весны, сплавляет по рекам большие запасы хлеба и съестных припасов во все сибирские городки, где имеются гарнизоны, снабжая таким же образом московитов, живущих за Обью, так как земля в этих местностях еще не возделывается, самоеды же, как сказано было раньше, питаются большею частью мясом диких зверей.

Спускаясь по реке Туре (Toera), в течение пяти дней доезжают до Япанчина (Japhanis), городка, построенного и заселенного

за последние два года. Оттуда опять едут вниз по р. Туре в течение двух дней, но бывают вынуждены вследствие частых изгибов и поворотов реки пересекать ее в некоторых местах для сокращения пути. Там живут отдельно татары и самоеды, занимаются большею частью рыбною ловлей. Наконец, покинув Туру, доходят до могучей реки Тобола, которая находится на расстоянии около

Рис. 40. Туринск или Япанчин (Из книги Н. Витсена)

двухсот лиг от Верхотурья. Оттуда едут дальше до Тюмени (Tinnen), многолюдного города, построенного вышеупомянутыми людьми. Зимою многие ездят из Япанчина в Тюмень, что занимает двенадцать дней. Здесь ведется большая торговля дорогими мехами между московитами, татарами и самоедами, и это очень удобное место для тех, кто не намерен оставаться в стране больше шести месяцев. Однако многие ищут более отдаленных мест и уезжают далеко за Обь на Восток и на Юг.

Река Енисей (Jenisce) гораздо больше, чем Обь и на восточном берегу своем имеет высокие горы, среди которых есть

такие, которые извергают огонь и серу. На Западе лежит равнина, чрезвычайно плодородная и изобилующая растениями, цветами и деревьями различных пород. Там растет также много странных фруктов и встречается множество редких птиц. Весною Енисей заливает поля на семьдесят миль подобно тому, как говорят, Нил в Египте. Тунгусы, хорошо зная это, держатся за рекой и в горах, пока не спадает вода, и затем возвращаются вновь и пригоняют стада свои на равнину. Будучи народом очень кроткого нрава, тунгусы по совету самоедов быстро подчинились правителям, которым повинуются последние, и стали почитать их как богов. Но каким богам они поклоняются и какие [исполняют] религиозные обряды—неизвестно и пока не может быть выяснено, т. к. московиты не интересуются подобными вещами.

Я не буду удивлен, если узнаю, что Вайгачский пролив забит на северо-востоке огромными ледяными горами, так как реки Обь и Енисей и еще много других рек, имена которых неизвестны, гонят такое количество льда, что этому прямо трудно поверить. В начале весны случается, что вблизи моря лед бывает так толст и его так много, что он сносит целые леса. Это без сомнения и является причиной того, что около берегов пролива Вайгач наблюдается так много плавающего леса. Неудивительно поэтому, что так холодно в этом проливе около Новой Земли, если при узости его в нем накапливается и замерзает такая масса льда, причем толщина льда достигает 60-ти или, по крайней мере, 50-ти шестифутовых саженей (fathom), как это в настоящем году [1612] было измерено теми, кто поехал туда за счет Исаака Лемэра в небольшой лодке. Упомянутый Исаак Лемэр хотел и меня послать в эту экспедицию, но я отказался, потому что готов доказать, что этот путь непроходим и что труды всех, кто бы ни сделал эту попытку, пропадут даром, если они не возьмут другого курса в своем плавании. Но вернемся к нашему рассказу.

Те люди, о которых я упоминал выше, предприняли большое путешествие за р. Енисей на восток, итти же на юг немного боялись, так как несколько тунгусов, которых они взяли с собой, рассказали им, что на юге живет много народов, очень от них отличающихся, и что цари их находятся в постоянной войне друг с другом. Пропутешествовав несколько дней без больших результатов, они, наконец, вернулись домой, но перед возвращением они поручили тунгусам исследовать эти места более тщательно. Тунгусы обещали это сделать. И они возобновили союз, который раньше заключили с московитами. Уезжая, московиты оставили несколько своих людей в этих местах, а также несколько самоедов и татар, своих союзников, тунгусам же роздали небольшие подарки.

На следующий год тунгусы послали на восток несколько своих людей, которые, пройдя немного далее, чем раньше, нашли

другую могучую реку, не такую большую, как Енисей, но такую же быструю. Следуя по течению ее несколько дней, они нашли каких-то людей, которых они нагнали, будучи быстрее на ходу, чем эти последние. Однако они не могли понять их языка, кроме того, что по некоторым знакам и словам дикарей, часто повторявших „ом“, „ом“, они заключали, что последние часто слышат гром на той стороне реки. Они добавляют также, что эти люди часто повторяли слово Писида (Pisida), из чего тунгусы заключили, что таково должно быть название реки. Что же касается слов „ом“, „ом“, то московиты позднее догадывались, что они означали звон колоколов. Возвращаясь оттуда, тунгусы взяли с собой несколько человек из той страны, но все они умерли по дороге или от страха или же от перемены воздуха. Тунгусы были очень огорчены их смертью, потому что по своем возвращении они утверждали, что это были понятливые люди, хорошо сложенные, с маленькими глазами, плоскими лицами и коричневой кожей красно-бурого оттенка.

Московиты, услышав об этом от самоедов, вернувшихся в Сибирь из страны тунгусов, вскоре возымели сильное желание исследовать более отдаленные местности этой страны и вошли в подчинение к воеводе с тем, чтобы получить возможность быть посланными туда вместе с подмогой. Воевода удовлетворил их просьбу, предоставив в их распоряжение отряд солдат, и приказал тщательно исследовать все, взяв с собою тунгусов, самоедов и татар. Итак, в количестве около семисот человек они перешли р. Обь и дошли до реки Енисея через страну самоедов и тунгусов. Перейдя эту реку, они пошли дальше на восток, имея проводниками тунгусов, которые служили им не только проводниками, но также обильно снабжали весь отряд съестными припасами, ловя с удивительною ловкостью птиц, коз, оленей и тому подобную дичь, а также немалое количество рыб из рек, которые они встречали на пути. Дойдя до реки Писиды (Pisida), они раскинули свои палатки на ее берегу, с целью дождаться возможности пересечь ее, т. к. лед вскоре должен был вскрыться, потому что они прибыли туда перед наступлением весны. Однако перебраться через реку Писиду они все же не решились, так как теперь вполне ясно слышали звук, о котором были предупреждены заранее, и который они признали не чем иным, как звоном медных колоколов; когда ветер дул с дальней стороны Писиды, они иногда слышали также голоса людей и [ржанье] лошадей. Кроме того, они видели какие-то паруса, хотя и немного, из чего они заключили, что это были суда, плывшие вниз по течению. Они также говорили, что паруса были квадратные, подобные индийским, как мы предполагаем. Не видя совсем никаких людей на той стороне реки, на которой они остановились, и пробыв там некоторое время, они за-

…pesen landt : alsoo dat vande Russen afghetekent, en door Isaac Massa vertaelt is .

Beloi ostroof
Ostorf
Peisida reca
Jenisseia reca
Obb reca
Gentium Samojedarum. pellibus a capite usq ad Calcem. adversus intolerabilem frigoris injuriam. indutorum effigies.
NEN LANT
TINGOESI
Toergaef boeck
Tasoofscoigorod
Voloc of overtoom
Motsianca
Revière taes
Tasoofscaiagoelo of inham Tosoua
Pyhr Riviere
Narontza
Volos of overtoom
Sarapoui coosci
Moetnaia
Ozero
Pritum stolb
Corpma
SAMOIED A.
Tsenaia
Reebnaia
SIBIRIA.
Toboll metropolis Sybiriæ
Mongintzar
Paderitza
Kara
Saguas diua
Troscouaja
Michalowa
Dersiasiua
Kloboecoua
Meescoi
Socoliioloeda oft der Valken eylant
Weygats
…echmen by hooghwater …en, anders ist droogh

Рис. 41. Карта Сибири И. Массы

метили, ч
могут ут
с обеих с
наступлен
присягой,
чайно кра
ких расте
Но москов
которые н
небрежны

Когда
бояре, бы
желанием
следующи
бой подар
должны б
заключить
нашлись, и
ный отчет
вследствие
войны.

Я при
нается гра
с Хиной.
если они к

Несмо
время смут
участии мн
продолжала
ралй на д
[пути]. Они
отношению
медных ко
браться за
рых, как он
оттуда небо
повидимому
воевода сиб
ститься на
и итти вдол
которой они
(как он ду
путьем, что
лодки, а есл
Тем же, кот

метили, что река значительно поднялась (что однако они едва ли могут утверждать с достоверностью, так как берега высоки с обеих сторон). Наконец, после долгого путешествия, но еще до наступления осени, они вернулись домой, в Сибирь, рассказав под присягой, что в апреле и мае месяцах они были поражены чрезвычайно красивым видом страны и что они видели там много редких растений, цветов, фруктов, деревьев, птиц и диких животных. Но московиты совсем не интересуются такими вещами, как люди, которые ничего не ищут, кроме наживы, а во всем другом очень небрежны и грубы.

Когда эти вести дошли до московского двора, царь Борис и бояре, бывшие при нем, много дивились им и, воспылав сильным желанием в точности исследовать все подробности, решили на следующий год отправить туда послов, которые повезли бы с собой подарки и взяли с собой татар, самоедов и тунгусов. Они должны были исследовать местность по ту сторону реки Писиды, заключить дружественный союз с царями, если бы таковые там нашлись, и описать все, что они увидят на пути, представив точный отчет обо всем. Но это не было приведено в исполнение вследствие разразившейся в это время у московитов гражданской войны.

Я придерживаюсь того мнения, что около этой страны начинается граница царства Катайского (Cataia), которое граничит с Хиной. Но я боюсь, что труды московитов будут напрасны, если они когда-либо вернутся туда. Впрочем, это покажет время.

Несмотря на все это, по распоряжению воеводы, даже во время смуты все же было совершено путешествие в эти места при участии многих жителей Сибири. Экспедиция, перейдя р. Енисей, продолжала путешествие пешком. Многие из участников ее умирали на дороге, так как не привыкли к подобным трудностям [пути]. Они также видели многое такое, что представляет интерес по отношению к прежде описанному. Они также часто слышали звон медных колоколов, но, по совету тунгусов, не решались перебраться за реку. Все это время они оставались в горах, из которых, как они часто видели, подымалось пламя огня. Они привезли оттуда небольшое количество серы и образцов камней, так что, повидимому, в этих горах находятся богатые руды. Кроме того, воевода сибирский приказал построить особые крытые лодки, спуститься на них вдоль берегов реки Оби, в самом начале весны, и итти вдоль ее берегов, пока они не придут к реке Енисею, по которой они поплывут дальше в течение нескольких дней, дойдя (как он думал) до моря. Других людей он послал также сухопутьем, чтобы они оставались у реки до тех пор, пока не придут лодки, а если они не прибудут, то чтобы они вернулись через год. Тем же, которые поедут в лодках и капитаном которых назначен

был некий Лука (Lucas), он поручил тщательно изучить берег и все то, что они найдут на нем достойным исследования. Они сделали то, что им было приказано. Экспедиция [плывшая] в лодках, достигнув устья реки Енисея, встретила там других исследователей, путешествовавших по суше и посланных до этого на лодках и яликах вниз по реке.

В это путешествие все произошло так, как предвидел воевода. Но так как Лука и несколько других лиц умерли на пути, обе партии решили вернуться тем же путем, каким сюда пришли. Вернувшись в Сибирь, они доложили воеводе об успехе своего путешествия, что заставило воеводу отправиться к царю. Доклад его хранится среди сокровищ Московского государства до окончания войны и затем, вероятно, он будет рассмотрен. Но мы боимся, что до этого времени он пропадет, что поистине будет очень печально, т. к. путешественники нашли много различных и редких островов, рек, птиц, диких зверей,—все это далеко за Енисеем.

Река Таз (Taes) впадает в р. Обь, а вытекает, повидимому, из местности, лежащей недалеко от р. Енисея, в больших лесах, в которых также, неподалеку от р. Таза, берет свое начало и другая река, впадающая в Енисей. Так что от самой Оби едут водой вдоль самоедских берегов, потом проходят только две лиги сушей и попадают на реку Toergaef, по течению которой спускаются в Енисей. Это очень удобный путь, только недавно открытый самоедами и тунгусами.

Без сомнения, очень жаль, что голландцам не удалось пройти пролив Вайгач, но, конечно, они не знают, как приступить к этому, потому что если они даже сто раз будут пытаться пройти его на кораблях, им это не удастся. Если они хотят тщательно исследовать эти страны, они должны провести два или три года около Печоры и Вайгача, где нет недостатка в хороших гаванях и съестных припасах. А оттуда они должны послать кого-нибудь на маленьких лодках для исследования более отдаленных местностей. По примеру русских, с которыми им следует подружиться, они легко отыщут проводников на суше и на море. Таким образом, в конце концов все эти берега будут тщательно исследованы.

Без сомнения будут открыты [при этом] красивые страны и не только острова, но и материк. Все же есть основание предполагать, что Америка соединяется около Китая с какой-нибудь из трех частей старого мира подобно тому, как Африка соединяется с Азией узким перешейком около Красного моря. Это кажется очень правдоподобным. В самом деле, откуда знают о существовании этого прохода, как не из некоторых сочинений, в которых указано, что он действительно существует, что служит доказательством и из чего извлекают много аргументов? А если эти части [света] и не соединены вместе, то они, во всяком случае, не отделяются узким проливом.

ПРИМЕЧАНИЯ

Называемое Аниковичами]. В голландском тексте изд. 1612 г. напечатано Anicoÿ, но в латинском 1613 г. исправлено на Anicouvÿ, т. е сыновья Аники [Строганова] (сл. выше: И. Балак, стр. 182).

в городах Усолье и Устюге]. Под Усольем Масса имеет в виду г. Сольвычегодск, возникший в начале XIV в. и к концу XVI в. превратившийся уже в крупный торговый и промышленный центр. Кроме крупного солеварного промысла (у одного лишь Аники Строганова было здесь на западной стороне Солонихи 10 варниц), в XVI—XVII вв. в Сольвычегодске процветало сребротканное, финифтяное, чеканное и черневое дело, медно-литейное, железо-кузнечное. Здесь был также богатый рынок. Сл. Б. И. Дунаев. Г. Сольвычегодск. Историко-культурный очерк. «Баян», 1914, № 1—3 и отд. М. 1914. В. А. Ешкилев. Г. Сольвычегодск и памятники былой его культуры. Историко-культурный очерк. В.-Устюг, 1926. Подробнее литература указана у Н. Макаренко. Искусство Древней Руси. У Соли Вычегодской. Петр. 1918, стр. 140 и сл. Ustinga— Массы (на карте Меркатора 1572: Ustinga, на «Tabula Russiae» Гесселя Герритса, 1614: Ostiuga Veliki)—г. Великий Устюг в к. XVI нач. XVII в. один из виднейших торговых пунктов северной Руси. А. Е. Мерцалов. Устюг Великий в первой четверти XVII в.—«Вологодский сборник», т. V, стр. 130 и сл.; В. П. Шляпин. Из истории города Великого Устюга.—«Записки Северо-Двинского о-ва изучения местного края», вып. II (В. Устюг, 1926), стр. 1—16; А. Е. Мерцалов. Вологодская старина. Материалы для истории северной России. СПб. 1889, стр. 104 сл.; ср. выше Д. Принтц, стр. 148.

маленьких колокольчиков] S. P. L'Honoré Naber (Hessel Gerritsz. Beschryvinghe van der Samoyeden Landt. t'Amsterdam, p. 13 Anm.) замечает, что колокольчики и бубенцы составляли предмет важной торговли европейцев с примитивными народами Азии. A. Schrenk, Reise nach dem Nordosten des europäischen Russlands durch die Tundren der Samojeden, Bd. II, Dorpat S. 214 полагает, что упомянутые Массой колокольчики шли на одежды самоедским женщинам. О «немецком товаре» см. примечания к следующему тексту.

В городе Усолье... была ими выстроена необыкновенно красивая церковь]. О строительстве Строгановых в г. Сольвычегодске см. в книге Н. Макаренко. Искусство Древней Руси. У Соли Вычегодской, Петр. 1918.

Как это подробнее изложено в описании московских войн]. Масса имеет в виду собственное сочинение: «Краткое повествование о начале и происхождении современных войн и смут в Московии», см. введение к настоящему тексту. Напомним, что Борис Годунов вступил на престол в 1598 г.

Они должны дружески обходиться с тамошними людьми]. Рассказываемое Массой подтверждается и другими документами о сибирской колонизационной политике Московского государства. В 1600 году, напр., в Москве наказывали: «сибирских бы есте всяких ясачных людей велели беречи и ласку и привет к ним держали и их ни чем не жесточили» (Г. Ф. Миллер. Описание сибирского царства, изд. 1750, стр. 351 прим.; Русск. Ист. Библ. II, стр. 47). При обложении ясаком вновь покоренных племен повелевалось «сперва ясак взять с иноземцев небольшой, чтобы их сперва ясаком не ожесточить и от царские высокие руки не отгонить» («Чт. Общ. Ист. и Др.», 1861, I, смесь: «Наказ письмянному голове Василию Пояркову от воеводы П. П. Головина о походе его на р. Шилку и Зею», Доп. к Акт. Историч., XII, № 8). Вновь привлеченным к ясаку инородцам иногда посылалось государево жалованье: ножи, топоры, огнива, тарелки, котлы, сукна. Воеводам приказано было взимать ясак «лаской, а не жесточью и неправежем»... Прекрасно понимая то впечатление, какое на

первобытного человека оказывает внешний блеск и пышность, правительство пользовалось им для своих целей, Так, напр., воевода по приезде в город или острог должен был «сказать инородцам государево милостивое жалованное слово», «урядяся в цветном платье» (А. Лаппо-Данилевский. Организация прямого обложения в Московском государстве, СПб, 1900, стр. 421—422). «Итак,—замечает Лаппо-Данилевский (op. cit., стр. 424—425),—в отношениях своих к инородческим племенам московское правительство обнаруживало глубокий политический смысл. Оно понимало, что при незначительном количестве военных сил, имевшихся в его распоряжении, нечего было и думать о насильственном покорении Сибири, о завоевании новых землиц. Оно разумно отстраняло обманчивые призраки военной славы и стремилось лаской, а не жесточью приучить инородцев к повиновению; оно старалось прельстить их сперва внешним блеском, а затем и внутренним содержанием европейской цивилизации, но взамен этого требовало от них выполнения известных податных обязанностей, которые приносили существенные выгоды казне царской».

То же констатируют и новейшие исследователи. «Одним принуждением, «жесточью» добиться аккуратной уплаты ясака, даже при наличности аманатов, было фактически невозможно».—пишет, напр., С. В. Бахрушин («Ясак в Сибири в XVII веке». Новосибирск, 1927, стр. 22—23). Чтоб иноземцы «государю были послушны и ясак с себя давали, надо было действовать «ласкою и приветом», добиваться добровольного подчинения. С необходимостью действовать лаською пришлось считаться даже разбойничьей шайке казаков, снаряженной Строгановым. Князьков, приносивших ясак, Ермак отпускал «честно жалуя», по выражению Ремезова. Так, Суклема и Ишбердея он,—«прими ясак, одарив их, отпустил на свои жилища». Этой «лаской» объясняется то, что казаки брали ясак не только «с боем», но и «без боя», и что в целом ряде случаев туземцы им «любезно данью и ясаком поклонишася» (Сибирские летописи, изд. Арх. Ком. СПб., 1907, стр. 333, 335, 337). С этой же необходимостью должно было считаться правительство и в XVII и даже в XVIII вв. В Мангазейской ясачной книге 1703 г. сказано, что «по указу в. государя и по наказанным статьям из Сибирского приказу велено сбирать на ясачных людях... мягкую рухлядь с великим радением, лаской, а жесточью на них... не править, чтобы тем ясачных людей не оскорбить». «Средством привлечь «ласкою» дикарей ясаку,—продолжает С. В. Бахрушин,—служили подарки, «государево жалованье», которые выдавались ясачным людям «за ясачный платеж», в качестве известной премии... Особенно щедрые подарки приходилось делать в первое время после призвания туземцев под государскую руку, «для прилуки». Из документов Сибирского приказа С. В. Бахрушин извлек много интересных данных об этих подарках (op. cit., стр. 22—23): «подарки состояли из тех товаров, которые имели наибольший спрос среди дикарей»; тут были всевозможные виды бисера, олово (барабанское, т. е. голландское) в блюдах и тарелках, а также слитками, медь зеленая и красная в котлах и тазах, железо в слитках и железные изделия: топоры, ножи, железца ножевые, реже пилы, иглы, наконец, предметы роскоши: медные перстни, гребни. «В Нерчинском уезде, где туземцы были избалованы щедростью китайцев и имели более высокие запросы, подарки состояли, кроме того, из сукон анбурских (гамбургских) и шептугов, огнив, удил конских и т. д.» Во многих из перечисленных предметов мы узнаем тот «немецкий товар» (Deutsche Cramarye), о котором говорит Масса.

Монету, меньшую, чем голландский штюйвер]. Мелкая голландская монета. И. Тыжнов неудачно переводит: «голландскую копейку»; в английском переводе в сборнике Перчаса стоит «penny», в немецких переводах «Pfennig». Я предпочитаю сохранить чтение голландского подлинника.

В эти страны отсылали всех воров и убийц]. Рассказ Массы подтверждает правильность взгляда П. Буцинского («Заселение Сибири и быт ее первых насельников», Харьков. 1889, стр. 196—215) на колонизационное значение ссылки в Сибирь в XVII веке. Сл. выше: П. Петрей, стр. 206.

А в ней город Сибирь]. Город Сибирь, известный также под именем Искера, лежал на р. Иртыше, неподалеку он нынешнего Тобольска (Müller. Samml. Russ. Gesch. IV, S. 7 ff; III, S. 241). Показание Миллера о местоположении его, как известно, расходится с показаниями Фишера, на что обратил уже внимание O. Peschel. Gesch. der Erdkunde[2] Berl. 1877, S. 333. В западно-европейской литературе этим вопросом специально занимался J. J. Egli. Jermaks Kriegszug 1578—1581 und bie Lage von Ssibir—«Zeitschrift für wissenschaftliche Geographie». 1880, I. S. 93—104: Ср. его же: «Nomina Geographica. Versuch einer allgemeinen Onomatologie» Lpz. 1872, S. 526—527; новейшие разыскания произведены Вас. Пигнатти. Искер (Кучумово городище) «Ежегодник Тобольского Губ. Музея», вып. XXV (1915), стр. 1—36 сл. выше; И. Шильтбергер, стр. 54—57.

Верхотурье]. Строить Верхотурье поручено было чердынскому воеводе Сарычу Шестакову, из «росписи» которого от 3 октября 1597 г. видно, что «при постройке города правительство преследовало не только экономические, обусловленные основанием его на транзитной дороге в Сибирь цели, но и политические,— создать в новом крае неприступную крепость «для береженья от калмыцких и иных орд». Вл. Трапезников. Очерк истории Приуралья в эпоху закрепощения XV—XVII вв.—«Изв. Арханг. Общ. Изуч. Русск. Севера», 1911. № 17, стр. 443—444), описание Верхотурья сл. ниже в рукописи неизвестного 1666 г. и в примечаниях к ней. Слова «за последние 21 год» означают: с 1588 г.

Сплавляет по рекам большие запасы хлеба]. Об организации снабжения хлебом служилых людей, размещенных по городам и острогам Сибири в XVII в см. А. Лаппо-Данилевский. Организация прямого обложения, стр. 412, 415—416.

До Япанчина городка]. В голландском издании 1612 г. у Массы ошибочно напечатано Japhanim, откуда пошли и другие искажения этого названия у западно-европейских писателей. В латинском же изд. 1613 г. Масса исправил Jepansin, т. е. Япанчин, как первоначально назывался г. Туринск. В одном из «Хронографов» Гос. Публичн. Библиотеки в Ленинграде в статье «О Сибирском царстве» сказано: «А грады Верхотурье, ниже Туринской остров, его же зовут Епанчино по сей вине. В прежния времена тут жил вогульской князек именем Епанча» (А. Попов. Изборник славянских и русских сочинений, М. 1869, стр. 402). В книге Витсена «Noord en Oost Tartarye» среди видов сибирских городов есть и изображение «Turynskoy of Japanczyn». (См. у нас рис. 40). В самом тексте книги Витсен несколько раз называет этот город: «Turinsko, anders Japansin of Japanzin», «Turin of Jepantschin», но также Japansin, Pansin и Japhanim (ср. В. Радлов. Сибирские древности, т. I, вып. I, стр. 37; вып. II, стр. 140). Ермак разбил князя Япанчу близ нынешнего села Усенинова 1 авг. 1580 г. «Туринск построен на крутом правом берегу р. Туры, в 60 в. от Ирбита, почти на самой границе Пермской губ. Он основан в 1600 г. воеводой Иваном Лихаревым на месте, где стоял древний город, близ которого шедший из-за Урала Ермак разбил татар. Здесь почти от самого завоевания Сибири пролегала дорога из Перми в Сибирь» (Ипполит-Завалишин. Описание Западной Сибири, М. 1862, стр. 227, 333). «В Туринском уезде волость Япанчино, иначе Япанчинские юрты, создавалась на развалинах татаро-вогульского княжества Япанчи, прославившегося своим сопротивлением шайке Ермака. В 1628—29 гг. «лучшим человеком» волости был сын этого самого Япанчи—Агим Япанчин» (С. В. Бахрушин. Ясак в Сибири в XVII в. Новосибирск. 1927, стр. 6). Ср. А. Оксенов. Сибирское царство до эпохи Ермака. Томск. 1888, стр. 28, прим. 41.

До Тюмени]. В голландском подлиннике ошибочно напечатано Tinnen вм. Tiumen, точно так же, как выше имя Тобол в голландск. изд. Tabab, в

латинск. изд. 1613 г. исправленное на Tobol. Описание Тюмени см. ниже в рукописи неизвестного 1666 г. Вслед за этим абзацем в голландском издании идет описание торговли между русскими и татарами, в латинском издании опущенное. Оно воспроизведено полностью в перепечатке текста Массы S. P. L' Honorè Naber, 1924 г. (p. 23).

Уезжают далеко за Обь на Восток и на Юг]. Далее следует краткое описание ряда сибирских городов: Тобольска, Томска, Тары, Castel Noxinscox (так в голландском изд., в латинском Narmiscoy, т. е. Narimscoy, Нарым), Березова (Beresai—в голландск., Beresow—в латинск. изд.), Comgofscoy (латинск. изд. Congoffskoi,—вероятно, Кетский острог; река Кеть названа здесь же Telt) и нескольких других местностей; это описание мы пропускаем в нашем переводе, сохраняя полностью лишь важнейшую и наиболее интересную часть этого сочинения Массы—описание путей к Енисею и дальше.

За счет Исаака Лемэра в небольшой лодке]. Исаак Лемэр (или Ле-Мэр)—богатый нидерландский торговец, пускавшийся на большие коммерческие предприятия. Так, напр., он был первым в Нидерландах, кто решился в компании с тремя другими купцами отправить в 1599 г. 6 или 8 кораблей в Китай вокруг Африки мимо Доброй Надежды; в первое десятилетие XVII века Лемэр пытался испробовать Северный морской путь. И. Тыжнов (Обзор иностранных известий о Сибири 2-ой полов. XVI в. «Сибирский Сборник», СПб. 1887, стр, 103) ошибочно утверждает, что Лемэр в 1612 году вел переговоры с Массой об этой экспедиции, предлагая ему участие в ней в качестве фактора; вероятно, переговоры эти велись в 1608 г., т. к. экспедиция Лемэра вышла в море из Нидерландов 5-го мая 1609 г., а уже в 1612 г. Масса занес известие об этом в свое сочинение (В. А. Кордт. Сборн. Р. Ист. Общ., т. CXVI, стр. CXIV; S. Müller. Geschiedenis der Noordsche. Compagnie, Utrecht, 1874 p. 46—47). О Лемэре см. еще R. C. v.d. Brink. Isaac Le Maire. Eene Voorlezing, в журнале «Gids», 1865, IV, p. 1—56; P. Foucart. Isaac et Jacques Lemaire. Valenciennes, 1892.

Повторяли слово Писида] р. Пясина (сл. выше: Логан, стр 217). На карте Массы обозначена: Peiswa, на карте Г. Герритса—Pesida Reca. Как уже было отмечено выше, известие Массы об экспедиции на Пясину является одним из первых в литературе: разбор его см. у Müller'а Samml. Russ Gesch. VIII, S. 92 ff. Опровергая Витсена, который перепечатал это известие Массы (изд. 1692, S. 516, 1705, S. 832), Миллер, по справедливому замечанию А. Миддендорфа, ошибочно утверждает, что Исаак Лемэр предпринял свое северо-восточное путешествие не раньше 1605 г... Т. к. Масса замечает, что люди, посланные Лемэром и принесшие первое сведение о Енисее, ездили туда «за семь лет до того», то мы получаем по меньшей мере 1605 г., если допустим, что сочинение Массы было написано в том же году, в котором издано, хотя это маловероятно. Итак, Миллер во всяком случае ошибается, полагая, что Енисей открыт в 1606 г. (А. Миддендорф. Путешествие на север и восток Сибири, СПб. 1860, ч. I, отд. 1, стр. 88—89).

Часто повторявших «ом», «ом»]. Г. Миллер предположил, что слова «ом» «ом» указывают набуддийскую молитву: Om mani padme hum! Иначе говоря, он думает, что экспедиция встретила отряд монголов, в котором находился лама: «эти люди часто удаляются в пустыни, чтобы замолить грехи или распространить свое безбожное учение» (Samml. Russ. Gesch. VIII. S. 100); этот лама со своими спутниками будто бы и бормотал указанную молитву, известную и ныне под именем Джурган усук мани (более правильная транскрипция ее: Om mani padme Hung!). J. Baddeley. Russia, Mongolia, China. Lond. 1919, vol. 1, p. LXXXIV переводит: «О, бог, драгоценный лотос, привет тебе!» или «Привет тебе, о, драгоценность в цветке лотоса!» но, как известно, эти шесть слов, истекших по преданию из уст Абиды при устроении судеб мира, по существу

непереводимы; по одному из толкований, тибетскому речению «ом» соответствует монг. тенгери, ма—монг. асури, ни—кумун и т. д.; в шести словах «находят буквальное указание на 6 классов существ,—тенгеринов, асуринов, людей, бессловесных тварей, биритов и обитателей преисподней. Буддисты понимают эту молитву в смысле воззвания о милости и помощи ко всем живущим, а тем паче и к богам». (Арх. Нил. «Буддизм, рассматриваемый в отношении к последователям его, обитающим в Сибири», СПб., 1858, стр. 28, 40, 147, 169, 298) Иное толкование этим словам дает Гэннинг (Die Reiseberichte über Siberien, «Mitteilungen des Vereins f. Erdkunde zu Leipzig», 1905, S. 281 f.); он полагает, что вместо «Om» нужно читать «Lam», как якобы по-тунгусски называется Байкал (это совершенно неверно; отметим, кстати, что слово «Байкал» якутского происхождения и обозначает «богатое озеро». Fischer, Sib. Gesch., II, S. 747. Изв. ВСГО, XXXVI, 1905, стр. 92; впрочем П. А. Словцов. Историч. Обозрение Сибири, СПб., 1886, I, стр. 41 по поводу слова Лама замечает: «В сибирских летописях так называлось Охотское море, хотя и небезызвестно, что тунгусское речение Лама есть общее имя морей»). Гром и колокольный звон Гэннинг поэтически объясняет, как известие о столкновениях пловучих льдин на Байкале и о звучном гуле валов озера. J. Baddeley (op. cit, II, p. 15 sq.) полагает, что здесь, конечно, не имеются в виду ни первые слова буддийской молитвы, которая в нач. XVII в. едва ли еще могла быть известна на далеком севере Сибири, ни имя озера Байкала, но находит вероятным все же, что в этих словах нашли свое выражение глухие и спутанные сведения м. б. о реке Лене, оз. Байкале или озерах Китая; к такому выводу его приводит сопоставление известия Массы с письмом И. Балака (см. выше, стр. 188).

Который они признали ни чем иным, как звоном медных колоколов]. Аналогичный рассказ мы находим уже в письме Иог. Балака (сл. выше, стр. 188). Возможно, что мы в данном случае имеем намеренное со стороны туземцев искажение действительности. Так, тунгусский князек Илтик сообщал русским разные фантастические известия, имевшие целью, запугав русских, удержать их от похода на восток: «а ходят де тою рекою суды большие: и из пушек де с тех больших судов стреляют... а вода в той великой реке соленая, а что де в нее не кинешь, и из нее де мечет вон на берег» и т. д. (Фишер. Сибирская история, СПб. 1774, стр. 278; Л. С. Берг. «История географического ознакомления с Якутским краем» в сб. «Якутия», Лгр. 1927, стр. 2). Совершенно неправдоподобное предположение делает П. А. Словцов (Историческое обозрение Сибири. СПб. 1886 г. I, стр. 33): «воеводства: Мангазейское, Енисейское и Красноярское заглядывали порознь за преграды рек к востоку, получали ясак и слушали нелепые вести о заенисейских племенах и о больших у них колоколах. Не прилетают ли на реку Тунгуску дрозды-звонари? Тогда бы и звон и трезвон надлежало приписать живым колоколам».

Это были понятливые люди, хорошо сложенные и т. д.] G. Henning (Die Reiseberichte über Siberien von Herberstein bis Ides. «Mitteilungen des Vereins für Erdkunde zu Leipzig». 1905, S. 359) полагает, что Масса говорит о бурятах, хотя и не называет их, и что это первое известие о бурятах в западно-европейской литературе; однако, это предположение представляется мне мало вероятным.

Около этой страны начинается граница царства Катайского]. О слове «Катай» и его отличии от «Хины» по понятиям европейцев XVI—XVII вв. сл. выше, стр. 147—148.

попадают на реку Toergaef]. В голландском издании 1612 г. «Soo comense in een Riviere diese Torgalf»; на карте Массы: Torgaef; так же и в латинск. изд. 1613 г.

без сомнения очень жаль, что голландцам не удалось пройти пролив Вайгач]. См. следующий текст: И. Мегизер, примечания. Это место подверг критике

Гессель Герритс в своих «Anmerkinghen op deze Russche Caerte» (Массы). Сл. S. P. L'Honoré Naber, op. cit., 32—33 Anm.

что Америка соединяется около Китая]. На Птоломеевом типе карт Северной Азии—Азия и Америка приближаются друг к другу широкими и далеко выдающимися мысами, отделяющимися однако же между собою Анианским проливом (Fretum Anian); с этим названием мы встречаемся на итальянской карте Зальтериуса, изданной в Венеции в 1566 г. (Winsor, Bibliographie of Ptolemeys Geography, Cambridge, S. 35), на карте Меркатора 1569 г. и впоследствии на больших картографических работах конца XVI и первой половины XVII в.: Ортелия, Гондия, Бавия и т. д. (А. Э. Норденшильд. Первая карта северной Азии, основанная на действительных наблюдениях. «Зап. Военно-Топогр. Отд. Гл. Штаба», т. XLIV, СПб. 1889; сл. выше, стр. 163). О происхождении названия Anian см. Л. С. Берг. Известия о Беринговом проливе и его берегах до Беринга и Кука. «Записки по гидрографии», т. II (XLIII), вып. 2, 1919, стр. 80 и сл. В латинском издании сочинения Массы 1613 г. вслед за последним абзацем нашего перевода есть еще несколько фраз, которые мы опускаем, т. к. они не имеют отношения к интересующей нас теме. См. «Histoire des Guerres de la Moscovie», t. II p. X—XI и S. P. L'Honoré Naber, op. cit., p. 33.

XXVII. ИЕРОНИМ МЕГИЗЕР | HIERONYMUS MEGISERUS

(1613)

Иероним Мегизер (Hieronymus Megiserus; Megiser, 1553—1618)— плодовитый историк, переводчик и компилятор начала XVII столетия. „Ученый с основательными и многосторонними знаниями и богатым опытом путешественника,—отзывается о нем его биограф Эльце,—Мегизер заявил себя в литературе, как издатель исторических, географических, философских и поэтических произведений. Ему мы обязаны первым изданием «Fürstenbuch» Эненкеля, первым немецким изданием путешествий Марко Поло *), первых карманных путеводителей (Венеция, Неаполь), первой турецкой грамматики. Он оставил свыше 36, в большинстве случаев изданных по нескольку раз, сочинений, которые в настоящее время принадлежат к числу редкостей наших библиотек" (Th. Elze. H. Megiser. «Allg. Deutsche Biographie», Bd. XXI, 1885, S. 183—185). Мегизер много путешествовал и знал много языков, что подтверждается, между прочим, большим трудом его—„Сокровище всех языков" (Thesaurus Polyglottus, Francf. 1603, 2-te Aufl. 1613)—сравнительным словарем всех важнейших наречий старого и нового света, не исключая и славянских. Мегизер был компилятором, но не ученым творцом; отсюда разнообразие его трудов, в которых для его времени было много поучительного и важного, благодаря обилию заключенного в них свежего материала, но которые устарели уже в XVIII веке. Из них наиболее важными можно считать, кроме указанного словаря (Мегизеру принадлежит еще «Dictionarium quattuor linguarum» 1593, 2-ое изд. 1603: словарь немецкого, латинского, иллирийского и итальянского языков): «Chorographia Tartaria. Beschreibung der Reise des Marco Polo, aus dem italienisch., mit Kupfern», Lpz. 1610, «Annales Carinthia» Lips. 1608, 2 тома in-fol.; «Ephemeris Austriaca» 1614, «Respublica venetor», Francf. 1616, «Chorographia Neapolitana» Lpz. 1605, «Propugnaculum Europa, d. i.

*) Это известие неточно; см. выше, стр. 31—32.

Beschreibung der Insul Malta» Lpz. 1606, «Paradisus Deliciarum, d. i. eigentliche und wahrhafftige Beschreibung... der Stadt Venedig» 1610; «Decimatoris Silvam... acced. Proverbia et Sententia com plurium linguarum». Lpz. 1606. Изложенные популярным языком и довольно живо, книги Мегизера много читались в первой половине XVII века.

Среди его компиляций есть одна книга с замысловатым, по обычаю эпохи, заглавием, в которой находятся некоторые данные и о Сибири: „Новый северный мир, т. е. основательное и правдивое описание всех полночных или на севере лежащих стран и островов“ («Septentrio Novantiquus, der Mitternächtigen und Nordwärts gelegenen Landen und Insulen» Lpz. 1613). Содержание этой книги очень разнообразно: здесь дается прежде всего описание Исландии, затем следует в переводе с итальянского известное „Путешествие братьев Дзени для открытия островов Фрисландии, Эстляндии, Энгрониландии и Икарии“, признаваемое в настоящее время авантюрным романом XV века; далее идут: описание открытия „новой Вест-Индии“, путешествие испанца Педро де Квира, описание Швеции, Норвегии и Виргинии, описание „чортовых островов“—эпизод из путешествий Жака Картье, рассказами которого заслушивался Ф. Раблэ (Ch. de la Roncière. Histoire de la marine française, t. III, Paris, 1906, p. 320). Глава L посвящена Северному полюсу и близлежащим странам, гл. LI—„краткому рассуждению о том, можно ли северными и полночными странами доплыть до Восточной Индии“; глава III носит название: „Что за полночные страны, острова и народы открыты мореплавателями, искавшими пути в Китай, с приложением небольшого описания Новой Земли“; глава LII (S. 389—395) „О стране самоедов“ приведена ниже в русском переводе; за нею Мегизер поместил оба сочинения И. Массы о Сибири.

Глава „О стране самоедов“ не самостоятельна, как не самостоятельны и все, приведенные в книге, материалы. Целью Мегизера было, очевидно, дать свод всех известий о северных странах, известных в его время, и он это сделал довольно живо, добросовестно и с большой эрудицией. Сибирь, естественно, должна была интересовать Мегизера, и он поместил в свой труд прежде всего сочинения Массы, незадолго перед тем опубликованные, предварив их небольшим пересказом голландских путешествий конца XVI в. В наш сборник извлечения из путешествий голландских мореплавателей не вошли на том основании, что собственно Сибири голландцы не достигли, хотя и собрали расспросным путем, от самоедов и русских, ряд данных о реках Оби и Енисее, нами неоднократно использованные. Тем охотнее помещаем мы небольшой перевод из книги Мегизера, дающий общее представление о географических и этнографических результатах гол-

ландских путешествий, но так как он не делает ссылок на источники, мы должны сказать о них несколько слов.

Богатая республика Нидерландов, вслед за Англией и в силу тех же экономических причин (сл. выше, стр. 164), стремилась найти путь в Индию и Китай, отличный от того, которым пользовались испанцы и португальцы. Начавшиеся торговые сношения Нидерландов с Россией через Белое море вызвали в Нидерландах интерес к тому самому пути на северо-восток вокруг Азии и Европы, которым уже ранее безрезультатно пытались пройти англичане. Вдохновителем специальных экспедиций для открытия этого пути был нидерландский купец Балтазар Мушерон. „Начав в 1584 г. торговые сношения с Россией и сделав „маленькую попытку" открыть северо-восточный путь, он систематически и обдуманно взялся за исполнение этого нового плана. Его факторы в России должны были доставлять ему достоверные сведения о севере России и о Северном океане. В Лондоне дополнительные сведения собирал его брат Пьер де Мушерон" (В. А. Кордт. Очерк сношений Московского государства с республикою соединенных Нидерландов по 1631 г. „Сб. Р. Ист. Общ.", т. 116, СПб. 1902, стр. XCIII). „Добытые Балтазаром в течение почти десяти лет сведения оказались благоприятными. Можно было надеяться, что дорога вокруг Европы и Азии будет не только на 2000 миль короче, чем вокруг Африки, но и безопаснее, благодаря отсутствию морских разбойников. Наконец, новая дорога и в гигиеническом отношении обещала преимущества. В конце 1593 г. Мушерону назначил аудиенцию принц Нассауский; ему Мушерон изложил собранные им сведения о возможности достигнуть Китая, плывя морем на северо-восток мимо Вайгача. Предприятие осуществлено было на счет государства. Но советы и указания Мушерона играли важную роль при снаряжении двух экспедиций, предпринятых в 1594 и 1595 г. нидерландским правительством для открытия северного пути в Китай и Японию" (В. А. Кордт, op. cit., стр. XCIV).

В первой экспедиции 1594 г. участвовало 4 судна, снаряженных компанией купцов из Амстердама, Миддельбурга и Энкгейзена. Капитаном амстердамского судна („Посланник") был известный мореплаватель Вильг. Баренц, миддельбургского („Лебедь")—Корнелис Корнелиссон Най. По совету Мушерона, два корабля должны были плыть мимо Вайгача через Югорский шар, а третьему судну, на котором плыл Баренц с рыбачьей яхтой, предписано было итти к северу вдоль западного берега Новой Земли. В то время как Баренц достиг островов Матвеева и Долгого, К. Най через Вайгачский пролив, названный Нассауским, вышел в открытое море, т. е. Карское, назвав его Новым Северным морем (Nieuwe Noort Zee)... В расстоянии ок. 50 миль от Вайгачского пролива они видели

к северо-востоку другой берег, из чего заключили, что большая река должна быть Обь (между тем как это была, вероятно, Мутная губа), что берег оттуда простирается прямо к мысу Табину (Tabijn; см. о нем выше: Г. Меркатор, стр. 173—174) и далее прямо к Китаю и что им не остается более ничего открывать. Вследствие этого, назвав берег между Нассауским проливом и рекою Обью Новою Голландией, они, по общему соглашению, решили прекратить дальнейшее путешествие. 16-го сентября 1594 г. экспедиция вернулась на родину. „Хотя эта экспедиция и не вполне разрешила возложенную на нее задачу, однако она, во всяком случае, была важнейшею из всех, дотоле предпринятых в Ледовитое море, впервые сообщив достоверные сведения о западном береге Новой Земли и о Югорском шаре, который был назван Вайгачским проливом“ (К. Свенске. Новая Земля в географическом, естественно-историч. и промышленном отношениях, СПб. 1866, стр. 7). Надежды, возбужденные в Нидерландах этой экспедицией, были так велики, что в следующем 1595 г. при содействии Генеральных Штатов и принца Морица для продолжения изысканий была снаряжена целая эскадра из 7 судов. Б. Мушерон и на этот раз принимал самое деятельное участие в приготовлениях этой экспедиции. Зеландским штатам он представил подробное „рассуждение и заявление о плавании в Китай через Нассауский пролив“. Он старался здесь устранить все сомнения в возможности его осуществления и высказывал убеждение, что интересы нидерландской торговли требуют постройки крепости на острове Вайгаче. „Берег Тартарии,—рассуждает он,—теперь открыт, река Обь судоходна и со временем можно будет направить торговлю из Белого моря в новую крепость. О. Вайгач и соседний берег Тартарии изобилуют соболями, куницами и другими пушными зверями и, кроме того, здесь много разных товаров, которые туземцы охотно будут привозить в крепость, если узнают, что их можно там сбыть“ (В. А. Кордт, op. cit., стр. XCVI). Надежды, однако, не оправдались. Оставив берега Голландии 2-го июля 1595 г., корабли, после весьма опасного плавания, прибыли в Югорский шар, который был совершенно загроможден льдами. Укрывшись близ острова Вайгача, они простояли там 6 дней и тогда увидели 2 русских ладьи. От бывших на ней промышленников они узнали, что из Холмогор ежегодно несколько людей ходит в Обь и далее в Енисей (Гиллиси) с сукнами и дорогими товарами (сл. J. Chr. Adelung. Gesch. der Schiffahrten und Versuche etc. 1768, II, S. 57, 61—62; III, S. 108, 119, 187; Гамель. Англичане в России, I, стр. 54—55; Ф. П. Литке. Четырехкратное путешествие в Северный Ледовитый океан. СПб. 1828, I, стр. 13—19, 23, 37, 43—44, 122; Е. Замысловский. Герберштейн. СПб. 1884, стр. 89 прим.).

Обстоятельства помешали им плыть далее, и они предприняли обратный путь. После неудачи этого предприятия, стоившего таких больших издержек, Генеральные Штаты отказались от снаряжения новой большой экспедиции на свой счет, однако, чтобы не пресечь дальнейших попыток, объявили, что всецело предоставляют их частной инициативе и обещают выдать 25.000 гульденов тому, кто откроет искомую дорогу. В 1586 г., действительно, в надежде на эту награду совершено было еще одно путешествие Баренца, Якова Гемскерка и Яна Корнелиса Рипа.

Северо-восточные экспедиции нидерландцев описаны Герритом де-Фером и Яном фан-Линсхотеном. Г. де-Фер описал все три путешествия 1594, 1595 и 1596 гг., но участвовал только во 2-м и 3-м; труд его вышел под заглавием: Waerachtige Beschryvinghe van drie Seylagien... deur de Hollandtsche ende Zeelandsche schepen by noorden Noorweghen, Moscovia de opdoeninghe vande Weygats, Nova Zembla, ende van't Landt op de 80 graden, dat men acht Groenlandt de zijn (in 1549—1596). Gheden deur Gerrit de Veer van Amstelredam, Amst. 1598. Недавно вышел прекрасный русский перевод: Г. де-Фер. Плавания Баренца (Diarium Nauticum) 1594—1597. Перевод с латинского проф. А. И. Малеина под ред. проф. В. Ю. Визе, изд. Главсевморпути, Лгр. 1936. Ян фан-Линсхотен участвовал в первых двух экспедициях и составил описание их под заглавием: Voyagie ofte Schip-vaert van J. H. van Linschoten van by Noorden, om langes Noorvegen, de Noortcaep, Laplant, Vinland, Ruslandt, de witte Zee... door de Strate ofte Engte van Nassau tot voorby de Rivier Oby..., Anno 1601. Библиографию этих сочинений см. P. Tiele. Mèmoire bibliographique sur les journaux des navigateurs nèerlandais, Amst. 1867, p. 103—116 149—155. P. Tiele. Nederl. bibliographie van landen volkenkunde, Amst. 1884, p. 155—156. Второе сочинение переиздано с интересными приложениями и комментариями: Reizen Naar Het Noorden door Jean Huyghen van Linschoten 1594—1595, uitgegeven door S. P. L'Honorè Naber, 's Gravenhage, 1914 (=Werken uitgegeven door de Linschoten-vereeniging, VIII); здесь в приложении напечатаны и проекты Б. Мушерона. Обзор указанных экспедиций на основании первоисточников см. у С. Миллера (Geschiedenis der Noordsche Compagnie, Utrecht, 1874, p. 36—47).

Интересно отметить, что об этих голландских полярных экспедициях сохранились и русские известия; С. А. Белокуров в „Чтениях Общ. Ист. Др.“ 1893, IV, смесь, стр. 14—18 и 1895, IV, смесь, стр. 3—5 напечатал относящийся к 1598 г. русский документ: „О плавании голландских двух кораблей к северным странам, для изыскания проходу мимо Новыя Земли в китайское государство и оттуда к Восточной Индии“; он перепечатан также проф. А. Малеиным в указанном выше издании: „Плавания Баренца“, стр. 27—28.

Приводимая ниже глава из сочинения Мегизера основана, главным образом на сочинении Линсхотена; возможно, что ему были знакомы и некоторые английские источники; интересно, что С. Миллер (Geschied., p. 33) нашел у Мегизера некоторые новые данные об Оливье Брюнеле (ср. В. А. Кордт, op. cit, стр XLVI, XLVIII); сл. у нас выше: И. Балак, стр. 180 и сл.

О ЗЕМЛЕ САМОЕДОВ, ЛЕЖАЩЕЙ ОКОЛО ПРОЛИВА ВАЙГАЧ, ПРОТИВ ОСТРОВА «НОВАЯ ЗЕМЛЯ» И НРАВАХ ЕЕ ОБИТАТЕЛЕЙ

Подле узкого моря Вайгачского или пролива Нассауского, прямо против острова Новая Земля, находятся некоторые земли, несколько лет назад сделавшиеся подвластными царю московскому и платящие ему дань; таковы Самоедия, Сибирь, Обдора, Печора, Кондора и Тунгусия; обитатели их обыкновенно называются самиуты или самоеды. Эти страны сделали более известными для нас путешествия голландцев, потому что последние с самоедами несколько раз вступали в беседу и довольно много узнали об обстоятельствах их жизни.

Самоеды эти,—согласно описанию их в нидерландских путешествиях,—представляют собою весьма низкорослых людей (ober vier Schuch nicht hoch oder lang), которые носят длинные волосы, заплетенные в свисающую назади косу, имеют широкие и плосконосые лица, с темным цветом кожи по причине холодов, большую голову, маленькие глаза, короткие бедра, изогнутые подобно луку; колени их смотрят не вперед, как у нас, а в разные стороны; несмотря на это они очень быстры в беге и прыжках, настолько, что ни один голландец не мог угнаться за ними.

Одежды их сделаны из оленьих шкур, плотно облегающих их тело с головы до ног. Их головные уборы также совершенно плоско прилегают к голове и имеют мех наружу. Оружие их составляют луки и стрелы. Женщины и мужчины, богатые и бедные— все носят одинаковую одежду.

Бога они не знают: когда у них есть солнце, которое светит им только в течение 9 недель, они, видя его и днем и ночью, воздают ему почести, когда же солнце скроется, они молятся луне или Полярной звезде; почитают они также много деревянных истуканов.

Едят они только сырое или вяленое на воздухе мясо диких зверей, от которого они имеют очень противный запах. Однако они очень понятливы и толковы: делают челны или лодки, на которых ездят по реке и ловят рыбу.

Между прочим умеют они также ловить китов, делают же это следующим образом: человек 20 или 24 самоедов садятся в

челн, имея канат, длиною в двести или триста саженей, на конце которого укреплен крюк, с замечательной ловкостью бросают они его в кита, когда подойдут к нему достаточно близко, а затем быстро гребут к берегу. Кит же, почувствовав, что он смертельно ранен, позволяет себя вести, следует за канатом и таким образом добровольно позволяет себя вытащить на берег; когда море отступит, они бьют его и стреляют в него до тех пор, пока он не издохнет и разрезают его на части; когда же вновь набегает волна, укрепляют они оставшиеся части другими канатами, чтобы вместе с волной они не уплыли в море; таким образом добывают они много китового жира, которым наполняют кожи других животных, и торгуют им с московитами.

Они не знают ни золота, ни серебра, когда же мы давали его им в руки, они кусали его, полагая, что его можно есть, так как не знали, что это было такое.

Они имеют своего короля, которого очень почитают и которого слушаются; он одет так же, как и прочие, за исключением того, что вместо меховой шапки он носит сделанную из красного, зеленого или голубого сукна. Некоторые пишут, что у короля в носу и ушах продеты оловянные [побрякушки].

Своих покойников они хоронят, принося большие жертвы солнцу, луне и Полярной звезде; в качестве жертвы сжигают они целиком, с ногами и рогами, много оленей; голландцы видели, что в некоторых местах лежало такое большое количество оленьих рогов и ног, что ими можно было бы нагрузить целый большой корабль.

У них есть также идолы, вырезанные из дерева, скверно сделанные и отвратительного вида; их лица сделаны широкими и плоскими, несколько округлыми, нос еле-еле возвышается; на обеих сторонах сделаны две зарубки или разреза, которые должны означать глаза; под носом опять разрез, который должен изображать рот. Идолов этих помещают они обычно на берегу моря, молятся им и очень почитают.

Они ездят на санях, в которые запряжены один или несколько оленей (похожих на наших оленей),—как это видно из приложенного рисунка, сидят же на санях в одиночку или попарно и едут так быстро, что за ними нельзя было бы угнаться на лошади.

Вот что рассказывают голландцы о самоедах. Ввиду того, что у географов и историков мы встречаем не много известий о них, а также потому, что указанные местности вплоть до самой Великой Татарии плохо известны европейцам, я считаю не бесполезным сообщить об этом подробнее, особенно потому, что я располагаю недавно изданным в Амстердаме у Герарда Гесселия (Gherardo Hesselio) новым известием, которое я для удовольствия благосклонных читателей перевел на немецкий язык.

ПРИМЕЧАНИЯ

когда же мы давали] мы, т. е. голландцы. Мегизер буквально воспроизвел фразу из путешествия Линсхотена, забыв согласовать ее с целым рассказом, ведущимся от лица автора.

как это видно из приложенного рисунка]. В книге Мегизера воспроизведен рисунок из книги Гесселя Геррнтса (при соч. Массы), тот самый, который помещен и у нас (см. выше, стр. 248).

я располагаю недавно изданным в Амстердаме...]. Вслед за указанной главой Мегизер приводит в немецком переводе по сборнику Гесселя Геррнтса «Beschryvinghe van der Samoyeden Landt in Tartarien» оба сочинения И. Массы, не называя его, впрочем, по имени: «Eine Newe Relation von der äussersten Nortländern Samoëdia, Siberia, Tingoesia etc.» (S. 395—416); «Kurze Beschreibung der Reise aus Moscaw Ost-Nort-Ostwärts» (S. 416—437); сл. у нас выше, стр. 249 сл.

XXVIII. НЕИЗВЕСТНЫЙ АНГЛИЧАНИН | ANONYMUS

(ок. 1616 г.)

Происхождение этого отрывка неизвестно: он принадлежит, вероятно, одному из английских купцов—агентов „Московской Компании“. Среди других аналогичных известий он напечатан в сборнике Перчаса (His Pilgrimes 1625 vol. III, p. 551—552), откуда и сделан нижеследующий перевод. Условно датируем известие 1616 годом, т. к. в этом году русские дошли до страны „царя Алтына“, а в 1617 г. посольство от него прибыло в Москву; некоторые данные, однако, относятся к более раннему времени; так, здесь упоминается о таможенных сборах г. Сургута 1611 г. Никогда не перепечатывавшийся (его нет, напр., у Витсена), отрывок этот обращал на себя очень малое внимание, а между тем он очень интересен уже своим описанием путей из России в сибирские города; особый интерес представляют, однако, сведения о торговле в Сургуте персидских и китайских купцов и торговцев из страны „Алтын-хана“. Обращая внимание на сходство этих известий с данными Иог. Балака, Henning (Die Reiseberichte, S. 299) замечает, что „если... в обоих имеется в виду торговля на Иртыше (а не на Оби), то второе из них тем замечательнее, что оно впервые дает отчетливые сведения о торговле Китая с Обью через посредство страны „Алтын-хана“, указание, которое подкрепляет высказанное выше предположение, что под китайским озером имелось в виду озеро Убса-Нор“ (см. выше, стр. 107). Вероятно, тому же автору принадлежат два перечня товаров, которые можно выгодно сбывать в Сибири; они напечатаны у Перчаса непосредственно вслед за известием о путешествии туда (III, p. 552). Мы также приводим их в русском переводе, ввиду несомненного интереса их для экономической истории Сибири.

Путешествие под парусом от Пустозерска (Pustozera) вверх по реке Печоре до реки Усы (Ouse) при благоприятном ветре длится четырнадцать дней. От Усы до Подкаменья (Podcamen)—

десять дней. От Подкаменья до Оби ездою на оленях в зимнее время, как только снег выпадет и реки встанут—8 дней. Оттуда шестнадцать дней пути до торгового города Березова (Bereseua); от Пустозерска до Вады в Угории (to Vade in Ougoria), которая находится на западном берегу Оби—месяц езды на оленях. Этот Ваде—маленький городок, в котором дома построены под землей. Река Печора протекает через Пермь великую (Great Perm), и верховье ее находится в пятинедельном пути от Пустозерска. От великой Перми десять дней санного пути до Верхотурья. Vercho по-русски значит „верхний“ (the higher), так что Верхотурье (Vercho-towria) означает «Towria the higher». Оттуда по реке десять дней до Тюмени. От Тюмени до Тобольска—шесть дней вниз по реке Иртышу. Тобольск—главный город Сибири. От Тобольска до Сургута (Surgut or Sergalt) шесть дней пути вверх по реке Оби. От Сургута до города Томска (Tom), расположенного среди татар, три недели пути вверх по реке Оби. Русские не знают ни местностей далее Оби, ни то, как далеко она простирается на юг, но они предполагают, что она заходит на юг очень далеко, потому что много различных народов спускаются по этой реке, чтобы вести торговлю в Сургуте или в Тобольске, а именно: люди из Бухары (Boughar), таджики (the Tesicks) или персидские купцы и татары различных племен. [Некий] А б р а м М и х а й л о в и ч (Abraham Michaelouich), бывший главным казначеем (chiefe customer) в Сургуте в 1611 году, рассказал мне, что для царской таможни за товары, купленные и проданные в этом году, он получил сумму в шестнадцать тысяч рублей или марок.

Кроме того, он рассказал мне, что в Сургуте торгуют приезжие из Китая (Cathay), а также и из других государств, как, например, из [страны] Алтына-царя (Alteen Tsar or King Alteen). Эти торговцы среди других вещей привозят серебряную утварь и продают ее. Другой русский, по имени Филат (Philat), который ездил к тунгусам дальше других русских и говорит на их языке, рассказал мне, что у тунгусов за двадцать голубых стеклянных бус он купил слиток серебра, который на русские деньги стоил сорок два алтына и сорок денег.

Город Березов на Оби, не доезжая Тобольска, ведет торговлю мехами и в особенности лосиными шкурами (Losh-hides), которые покупаются по десять алтын штука. Один пермяк рассказал мне, что какой-то русский купил там четыре тысячи лосиных шкур по четвертаку за штуку.

К востоку от Печоры имеется множество соколов, которых я считаю такими же хорошими, как и турецкие сокола, а именно маленькие сокола, ястреба, курятники и кречеты (Jer-falcon), из которых некоторые белые как снег, а другие пятнистые-белые с красным. Там имеются также все виды богатейших соболей,

привозимых из Мангазеи (Molgomsey), и чернобурых лисиц. Есть также горный хрусталь. Если бы мы могли свободно путешествовать по этим странам, мы могли бы покупать там эти товары дешевле, чем на Печоре. А на Оби мы могли бы продавать наши товары за лучшую цену.

ТОВАРЫ ДЛЯ ПЕЧОРЫ, СИБИРИ, ПЕРМИИ, УГОРИИ И ДЛЯ ТУНГУСОВ

Во-первых, так как употребляющиеся на Печоре деньги—русские деньги, лучше и важнее всего не дать другим воспользоваться ими, а также получить кредит у купцов на первое время после нашего приезда, пока торговля не наладится и не станет известной в Пермии и Сибири.

Нужны следующие товары: соль, рожь, крупа, белая датская крупчатка для употребления на корабле (White Danske Rie-Kie), овсяная крупа и масло для самоедов; все сорта грубого сукна, немного тонкого сукна, котелки (Kettles) из красной и желтой меди, среднего размера, от двух фунтов до тридцати или тридцати пяти, но из желтой меди не свыше пятнадцати фунтов с ушками из желтой же меди, котелки с ушками из целого куска. Также напильники (Files), чтобы делать стрелы и другие вещи, маленькие бубенцы для лошадей, грубая парусина для верхнего платья. Гвозди ценою в 4, 6 и 10 пенсов; маленькие якоря в двадцать четыре фунта каждый. Ладан для их церквей и домов.

ТОВАРЫ ДЛЯ ТУНГУСОВ

Олово, оловянные блюдца, маленькие тарелки, плоские мисочки для каши, вырезные и простые, чашки вырезные и простые, солонки, листовая белая латунь. Гамбургские ткани (Lichenaes), синяя, красная [кармазинная] и красно-бурая [tawny]. Но я думаю, что наши грубые северные ткани и грубые северные ситцы (Kersies) пойдут так же хорошо, и даже лучше, так как они толще, а самоеды очень любят толстое сукно. Серые дешевые материи пошли бы хорошо среди пермяков, которые носят много серого и пестрого грубого сукна. Некоторые грубые материи, выкрашенные в желтый цвет или северное грубое сукно, выкрашенное в красный и желтый цвет, были бы неплохим товаром. Водка двух сортов, лучшая и все равно какая—для самоедов, стеклянные голубые бусы, иголки круглые и трехгранные, медные пуговицы, русское полотно, польское полотно. Хмель, солод, русское мыло. Все сорта крепких вин, как, например, сект (Sacke) и канарские вина. Законсервированное мясо (Bacon)—хороший товар для Сибири.

ПРИМЕЧАНИЯ

от Пустозерска... до реки Усы] сл. выше, стр. 162, 189.

до Подкаменья] сл. выше, Логан, стр. 218.

до Вады в Угории] сл. выше, Логан, стр. 219.

через Пермь Великую] сл. выше, стр. 219.

до Сургута] сл. выше, стр. 220.

из страны Алтына-царя]. В 1616 г. В. Тюменец и Ив. Петров из Томска пошли проведывать Китайское царство, но дошли только до страны царя Алтына; их показания о Китае были записаны в посольском приказе (Ф. И. Покровский. Путешествие в Монголию и Китай сибирского казака Ив. Петлина в 1618 г. Изв. Отд. Русск. Яз. и Словесн. 1913, кн. 4, стр. 24—25). Русские в Швеции рассказывали, что «у Китайскова ж государства блиско за месяц от него кочевные два государства великие, Жолтово царя да Алтына царя, а по их языку—Золотого царя». «И ныне те Алтына царя послы у государя нашего... были при нас на Москве» (К. Якубов. Россия и Швеция. Чтения в Общ. Истории и Древностей. 1897, III, стр. 47—48). Документы об этом посольстве напечатаны у J. Baddeley. Russia, Mongolia, China, Lond. 1919. vol. II. p. 46 sq.

сорок два алтына и сорок денег]. Один алтын равнялся 3-м копейкам, одна денежка—1/2 копейке; след. сумма стоимости серебряного слитка исчислена была Филатом ок. полутора рублей, что было по тому времени суммой довольно большой, особенно если принять во внимание, что она получена была в обмен на 20 стеклянных бусинок.

ястреба, курятники и кречеты] сл. выше, стр. 134.

Товары для Печоры, Сибири, Пермии, Угории и для тунгусов]. Характеристику торговли англичан в России, помимо указанных выше (стр. 162) работ, см. также у В. Трапезникова. Торговые сношения англичан с Россией через Северный край в XVI—XVII вв.—«Северный край». 1922, I; Н. А. Бакланова. Привозные товары в Московском государстве во второй половине XVII в. (Очерки по истории торговли и промышленности в России в 17 и в нач. 18 стол. М. 1928, стр. 5—118). Для сравнения настоящего перечня с другими источниками см. еще Б. Г. Курц. Сочинение Кильбургера о русской торговле, Киев, 1915, стр. 334—335; Г. Н. Потанин. Привоз и вывоз товаров г. Томска в половине XVII в. «Вестник И. Р. Г. Общ.» 1859, XII, стр. 137.

сект]. В подлиннике Sacke. Повидимому, имеется в виду сект—сладкое канарское вино (Б. Г. Курц, op. cit., стр. 334—335).

XXIX. АДАМ ОЛЕАРИЙ | ADAM OLEARIUS

(1647)

Адам Олеарий (Olearius, настоящая его фамилия Oelschläger, 1603—1671), сын бедного портного из Ашерслебена, выдающийся немецкий ученый и писатель. Настойчивость и прилежание позволили ему, несмотря на необеспеченность, подготовить себя для поступления в Лейпцигский университет, который он и окончил, получив в 1627 году за диссертацию «De actu et potentia» ученую степень магистра философии; затем (с 1632 г.) он был асессором философского факультета и коллегиатом Fürstenstiftung, одновременно занимая должность помощника ректора Николаевской школы („Николайшуле") в Лейпциге. К этому времени его жизни и спокойной академической деятельности относится целый ряд латинских и немецких сочинений на самые разнообразные темы, доставивших ему известность в ученом и литературном мире («Fanum honoris Magistralis», «Neues Astrolabium», «De Summo bono» и т. д.). Среди этих научных работ есть и большой стихотворный панегирик в честь Густава Адольфа: «Siegs und Triumphzeichen Gustavi Adolphi». (Ср. Joh. Molleri. Cimbria Literata, Havniae. 1744, II, p. 593—600).

В 1633 г. голштинский герцог Фридрих III отправил в Москву посольство, целью которого было добиться у русского правительства права беспошлинной торговли с Персией через московские пределы; во главе его стали послы Брюггеман и Крузиус, а секретарем его назначен был Олеарий, который, в свою очередь, привлек к этому делу некоторых своих друзей (поэта Павла Флеминга и врача Гартмана Грамана). Посольство было удачно; несмотря на то, что ему предшествовал длинный ряд безуспешных попыток венецианцев, англичан и французов добиться подобного же разрешения, голштинцы на этот раз исхлопотали просимое, и им было разрешено проехать в Персию Волгою на специальном корабле для организации интересовавшей их торговли с ближним Востоком через Россию. (А. Лаппо-Данилевский. Иноземцы в России в царствование Мих. Федоровича. Ж. Мин. Нар. Просв.

1885, № 9, стр. 67—68; его же, Россия и Голштиния. Очерк из истории германо-русских отношений. „Историч. Архив“, 1919, кн. I, стр. 257—259). В 1635 г. посольство возвратилось в Голштинию с радостной вестью о полученном разрешении, пополнило свой состав, сделало необходимые приготовления и затем снова отправилось в Россию для того, чтобы начать оттуда путешествие в Персию через Москву, Нижний, Астрахань и пристани Каспийского моря. Олеарий наилучшим образом воспользовался своей поездкой, которая заняла в общем около 6 лет. Он вел путевой дневник, занося в него самые разнообразные данные, и впоследствии написал книгу, ставшую знаменитой, как одно из лучших сочинений о России в XVII веке. Обстоятельные познания в математике, естественных и философских науках, способности незаурядного лингвиста, наблюдательность, восприимчивость и энергия позволили ему собрать весьма обширный, свежий и интересный материал о русском и персидском государствах. Он интересовался всем: определял долготы и широты местностей, по которым проезжал, изучал обычаи и нравы, собирал документы и памятники письменности и т. д., словом прилагал все старания к тому, чтобы его сочинение было полным и всесторонним. И это ему удалось. „Из всех иностранных изданий XVII века, посвященных России,— пишет А. М. Ловягин в предисловии к переводу Олеария,—сочинение Олеария самое знаменитое, самое распространенное и самое богатое по содержанию. В многочисленных изданиях, переведенных на разные языки, оно вплоть до XVIII века считалось одним из основательнейших трудов о России. Отличали этот труд не одни лишь осведомленность, наблюдательность и в то же время выдающаяся эрудиция его автора, но и изобилие прекрасно исполненных на меди рисунков, с особою тщательностью изображавших диковинные для наблюдателя XVII века стороны жизни в Московии“. Конечно, наиболее полно освещен Олеарием тот путь, который он проделал сам вместе с посольством, но в своей книге он нашел место и для таких данных, которые были получены им расспросным путем, и которые касаются местностей, им самим непосещенных. Эти данные были внесены в книгу уже по окончании путешествия, на основании дополнительных материалов, полученных во время повторных приездов в Москву. Возвратившись в Голштинию с посольством в 1639 году, Олеарий еще дважды приезжал в Россию с поручениями от голштинского правительства и ему предлагали, между прочим, остаться здесь в должности придворного астронома и математика; Олеарий, однако, отказался от этого предложения и вернулся обратно в Германию. Во время пребывания своего в Москве в 1643 году Олеарий в Посольском приказе встретился с самоедами; беседа его с ними дала материал для специальной главы его книги: „О качествах северных народов

и о народах, называемых самоедами“. Мы приводим ниже эту главу целиком. Глава эта может дать представление о всей книге в целом, так как в ней весьма характерно отражаются все достоинства и недостатки Олеария, как ученого и писателя. Олеарий не ограничился записью своей беседы с самоедами, но попытался, на основании ее, сделать проверку различных литературных данных о северных народах вообще. Здесь проявились как весьма обширная и разносторонняя эрудиция Олеария, так и его критическое чутье. „В общем, он очень умело из разных мнений выбирает наиболее близкое к истине, хотя иногда и отдает дань своему веку, слишком доверчиво относясь к рассказам о знамениях и т. п.“—замечает о нем А. М. Ловягин.—„Речь его как нельзя лучше отражает и век и автора. То она кудрява и напыщенна и блещет ученостью, то отличается суровой прямотой, искренностью, сжатостью и краткостью. В данном случае Олеарий не только произвел сводку литературных данных о северных народах, которых он, подобно большинству своих предшественников, безоговорочно причисляет к скифам, но и высказал ряд собственных соображений. Так, упоминая о северных жителях, которые, якобы, умирают на зиму и оживают весной, басне, известной ему из Гваньини и Олая Магнуса, Олеарий пытается объяснить ее образом жизни самоедов, юрты которых совершенно покрываются снегом; „они,—рассказывает он,—редко вылезают на воздух, особенно во время полярной ночи, сообщаясь друг с другом посредством прокопанных подземных ходов“; это-то, вероятно, и послужило основанием для указанной басни. Кроме того, Олеарий дал реалистическое и притом весьма правдоподобное истолкование и другой, некогда весьма популярной легенде: рассказы о людях с собачьими головами, покрытых шерстью, с лицом на груди и т. п., по его мнению, произошли от тех одежд, которые носили северные народы: шерстью наружу, с одним разрезом около шеи и т. д. „Во второй половине XVII века,—замечает В. О. Ключевский,—подобные рассказы считались сказками старух, по выражению Мейерберга. Между тем, тот же Мейерберг называет самоедов людьми, которые едят друг друга, хотя Олеарий, на которого он при этом ссылается, говорит об этом, как о прошедшем, не решаясь признать, чтобы так было и в его время“ (Сказания иностранцев о Московском государстве,[3] Пг. 1918, стр. 37—38). Это указание подчеркивает превосходство Олеария над другими исследователями даже более позднего времени; в самом деле, он повествует только о том, что сам видел или знает из достоверных рассказов, какие могли быть им разнообразно проверены, если же материала недостаточно и он кажется ему сомнительным, он не преминет сделать необходимую оговорку (напр., „Русские сообщают и другие свидетели согласно утверждают, пожалуй, заимствовав один у другого...“; он все

время заботится о том, чтобы сообщать лишь наименее известный материал: метод компиляции, к которому так часто прибегали иностранные писатели о России, ему чужд („На самоедах я имею в виду остановиться подробнее... как потому, что о них у землеописателей особых сведений не имеется, так и потому, что сам я с ними беседовал и получил сведения о их жизни“). Указанная глава о самоедах—единственная в книге Олеария, где он говорит о восточных окраинах русского государства; как он сам предупреждает, „об устройстве страны и о произведениях местностей, расположенных к северу“ он „не может сообщить ничего определенного“, т. к. он сам там не был. И тем не менее эта глава дала так много новых этнографических данных, что ею пользовались и позднейшие авторы, писавшие специально о Сибири, напр., Шлейсинг. Перепечатывалась и приложенная к главе картинка, представляющая несомненный интерес. Как указано выше, особенностью

Рис. 42. Самоеды (Из книги Олеария)

книги Олеария является множество рисунков. В предисловии к первому изданию своей книги (1647 г.) Олеарий заявляет, что они „не взяты из других книг или рисунков на меди. Напротив, я сам нарисовал собственноручно большинство этих рисунков с натуры. Потом они были приведены в законченный вид при помощи хорошего художника Августа Иона, много лет тому назад учившего меня в Лейпциге рисованию; при этом применялись модели, одетые в национальные костюмы, вывезенные мною сюда“. В силу этого и рисунок, изображающий самоедов, представляет несомненный интерес. В издании 1656 г. этот рисунок повторен с некоторыми изменениями в сравнении с изданием 1647 года: в левом углу прибавлены две фигуры вооруженных самоедов вместо двух оленей; во всем остальном различия нет. Оба рисунка воспроизведены в русском издании А. М. Ловягина

„в виде примера тех перерисовок, которые предприняты были для издания 1656 г.“ (стр. 168—169). В первой редакции картинка эта была воспроизведена еще раз, без всякого, однако, указания на Олеария в книге Якоба Сандрара. „Краткое описание Московии или России“ (Kurze Beschreibung von Moscovien, oder Russland. Aus Französischen, Holländischen und andern neuen Scribenten mit Fleiss zusammen gefasset... Samt einer Erzehlung wie die Moscowiter neue Länder gesucht gegen Morgen und die grosse Tartarei... Hrsg. von Jacob Sandrart. Kupffer-stechern und Kunsthändlern in Nürnberg, 1688, S. 23).

Якоб Сандрар (1630—1708), рисовальщик и гравер, переселившийся в Германию из Голландии, известен как весьма плодовитый художник своего времени, оставивший около 400 портретов, видов местностей и карт (см. G. K. Nagler. Neues Allgemeines Künstler-Lexicon, Bd. XIV, München, 1845, S. 257—260; Friedrich Gwinner. Kunst und Künstler in Frankfurt a. M. Frankf. 1862, S. 193; E. Bénézit, Dictionnaire critique et Documentaire des peintres sculpteurs, dessinateurs et graveurs, Paris, 1924, III, p. 714). Это давало право некоторым исследователям заключать, что и помещенные в указанной книге многочисленные рисунки местностей России сделаны им самостоятельно, а между тем рисунок, изображающий самоедов, является не чем иным, как точной копией рисунка Олеария. Заметим, кстати, что текст указанной книги составлен, вероятно, также самим Як. Сандраром на основании разнообразной литературы, как это отмечено и в подзаголовке ее; рассказ о самоедах (S. 23—27) основан на Олеарие, хотя здесь есть и данные, отсутствующие у последнего; Сандрар говорит, например, также о лукоморцах и тунгусах; о лукоморцах он пишет: „жители Лукоморья, расположенного в нижнем течении реки Оби (gegen den Oby fluss), живут в юртах (unter Zelten), в которых они принуждены ежегодно оставаться в течение 6 месяцев, т. е. до тех пор, пока не растает снег. Тунгусы образуют свою речь более при помощи гортанных звуков (mehr mit Halse), чем при помощи языка“; на стр. 37—38 книги Сандрара помещен слегка видоизмененный рассказ Исаака Массы о продвижении москвитян на северо-восток и покорении Сибири. Рассказ Олеария о северных народах широко использован также многими другими писателями, напр., Мейербергом, Ад. Шлейсингом и т. д.

Книга Олеария издавалась много раз: 1647, 1653, 1653, 1663, 1671 и т. д.; в 1651 г. вышел голландский перевод, в 1656, 1659, 1666—французский, 1666, 1669—английский, 1658—итальянский переводы. Все важнейшие издания зарегистрированы у Ф. Аделунга Krit-literärisch. Übersicht, II; дополнения у В. А. Кордта. Чужоземні подорожні, Київ, 1926, стр. 104—105. Интересно, что первый русский перевод сделан был уже в конце XVII века

с гамбургского издания 1696 г. и сохранился в двух списках, неполном—Гос. Публичн. Библиотеки в Ленинграде (F. IV 15) и полном Академии Наук (34. 3. 1), см. об этом переводе П. Пекарский. Наука и литература при Петре Великом, СПб. 1862, стр. 339; В. С. Иконников. Опыт русской историографии, т. I, ч. 2, стр. 1426; А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XV—XVII вв. СПб. 1903, стр. 73—74; А. Архангельский. Образование и литература в Московском государстве XV—XVII вв. „Ученые Записки Казанск. университета“, 1900, № 9, стр. 89—90. Первые печатные издания Олеария появились на русском языке только в XIX веке; не упоминая об отрывках, печатавшихся в журналах и провинциальных изданиях 1822—1872 гг. (все они зарегистрированы в указателе С. Р. Минцлова. Обзор записок, дневников, воспоминаний, писем и путешествий etc., вып. I, Новгород, 1911, стр. 52), укажем лишь на важнейшие: „О состоянии России в царствование Михаила Федоровича и Алексея Михайловича“ (третья книга „Путешествия“ Олеария). Перевод с немецкого изд. 1656 г. А. Михайлова. „Архив исторических и практических сведений, относящихся до России“ Н. В. Калачова, 1859, кн. III, 1—56, кн. IV, 57—102, кн. V, 1862, 1—26; отдельно: 1861. Новый перевод всех шести книг (однако, с некоторыми сокращениями) дал П. Барсов: „Подробное описание голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 гг., составленное секретарем посольства Адамом Олеарием“. М. 1870 (оттиски из „Чтений Общ. Ист. и Др.“ 1868, I, IV; 1869, I, IV; 1870, II). Лучший по своей точности и литературным достоинствам перевод: Ад. Олеарий. „Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно“. Введение, перевод, примечания и указатель А. М. Ловягина, СПб. 1906, уже неоднократно цитирован выше. Нижеследующий перевод главы „О качествах северных народов“ извлечен из этого издания (стр. 166—172). Литературу об Олеарие см. у В. А. Кордта (op. cit., стр. 204—205); кроме того: Д. В. Цветаев. „Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразования“. М. 1890, стр. 172—176; Г. К. Лукомский. „Московия в представлении иностранцев XVI—XVII вв“. Очерки П. Апостола. Берлин. 1922 (несколько отрывков и иллюстраций из Олеария); в беллетристической форме жизнь и приключения Олеария в России и Персии рассказаны в книге В. Снегирева. „Похождения Бернгарда Шварца“. М. 1928. и „Потерпевшие крушение“ М. 1930

О КАЧЕСТВАХ СЕВЕРНЫХ НАРОДОВ И О НАРОДАХ, НАЗЫВАЕМЫХ САМОЕДАМИ

Об устройстве страны и о произведениях местностей, расположенных к северу, вроде двинского, югорского и пермского краев, Сибири и Самоедской страны, которые признают великого князя своим государем, я, не быв там, не могу сообщить ничего определенного.

Русские сообщают и другие свидетели согласно утверждают—пожалуй, заимствовав один у другого,—что те страны, вследствие сурового воздуха, долгой зимы и короткого лета, совершенно бесплодны и особенно неудобны для земледелия (как для хлеба, так и для плодовых деревьев), что жители ничего не знают о хлебе, но вследствие изобилия в обширных диких местах, в реках и озерах дичи и рыбы, питаются этими последними, одеваются в звериные шкуры и ими же платят великому князю свои подати и налоги. Говорят, что прекраснейшие соболя, куницы, а также шкуры белых медведей, которые вельможами в Москве накидываются сзади на сани, рысей и иные меха весьма часто получаются оттуда и поступают в продажу в Москве и иных местах.

На самоедах я имею в виду остановиться подробнее, чем на других северных народах как потому, что о них у землеописателей особых сведений не имеется, так и потому, что сам я с ними беседовал и получил сведения о их жизни. Ведь когда я в 1643 году 30-го июля должен был явиться в Москве на аудиенцию перед его царским величеством, а перед тем должен был ждать в Посольском приказе, пока не спустится персидский посол, до меня призванный во дворец, то пришли сюда и два самоеда, которые были посланы из своей страны к великому князю для предложения ему в дар нескольких северных оленей и шкур белых медведей. Я пустился в разговор с ними: они говорили откровенно и понятно, отвечая на все вопросы вполне достаточно, так как они хорошо понимали русский язык, на котором я обращался к ним через моего переводчика.

У древних писателей не говорится о том, чтобы они именовались самоедами, но называются они скифами, и я думаю, что нынешнее название получено ими лишь от русских, когда они подпали под русское владычество. Так как они раньше ели людей—даже мясо собственных друзей после смерти их мешали они с дичью и поглощали, как о том рассказывают Плиний и Олай Великий—их и прозвали самоедами от русских слов „сам“ и „ем“. Об этом упоминает Гваньин в описании Московии при упоминании о провинции Печоре. Название это обозначает то же, что греческое слово „антропофаги“ (т. е. „людоеды“), которым их титулует Плиний; подобное рассказывают, между прочим, и о бразилианцах.

Страна их вовсе не называется Самогитиею (эту последнюю землеописатели полагают между Литвою, Польшею и Лифляндиею, а русские называют ее Жмудскою землею), но Самоедиею, которую на новых картах можно найти за Сибирью у гор, именуемых Гиперборейскими, перед и за великою рекою Обью, у Татарского моря и Вейгата [Вайгача], как называют это место голландцы.

Это те варвары, татары и язычники, которые в древности назывались „скифами северными, европейскими и азиатскими", так как жили они у границы и раздела Европы и Азии. О них упоминает Страбон в 7-ой книге и Квинт Курций в 7-ой книге, называя иных из них абиями-скифами—без сомнения от реки Аби или Оби. О том же говорит Юстин во 2-й книге, Олай Великий в своей „Истории северных народов", кн. 4, гл. 3 и Мюнстер в своей „Космографии", кн. 5, в 60-й и следующих главах. У них нет укрепленных городов со строениями, но они и теперь еще живут в лесах и диких местах, как во время Александра; послы их утверждали у Курция в означенной книге: „Мы скорее живем в пустынных и лишенных человеческой культуры местностях, чем в городах и среди изобильных пашен". Так как живут они в холодном поясе, то большую часть года они имеют суровую зиму и весьма высокий снег. Указанные только что нами послы дали это понять Александру, говоря: „Когда ты победишь весь род людской, то придется тебе вести войну с лесами и снегами, с реками и дикими зверями". Они живут в маленьких, глухих, наполовину в земле построенных избах, которые, как они говорили, кверху закругляются и заостряются и имеют посередине отверстие в качестве трубы, через которую они в зимнее время вылезают. Их избы совершенно покрываются снегом, который, как говорят, набирается выше роста двух человек, так что никто не может уже часто выходить. Однако, они устраивают себе ходы под снегом, через которые они перелезают из одного дома в другой. Так как они в это время почти полгода не имеют ни солнца, ни дня, но непрерывную ночь и вне домов почти ничем не могут заняться, они тем легче переносят погоду. Тем временем они пользуются для света рыбьим жиром и обходятся с его помощью до тех пор, пока не получат солнечного света, а именно, когда солнце вновь поднимется над линией равнодействия и начнет проходить полуночные созвездия, то оно уже перестает заходить у них, и тогда у них нет ночи. Тогда снег исчезает, они опять выходят на сухую почву и могут запасаться на зиму.

Может быть, верно и то, что некоторые люди писали о полуночных народах, а именно, будто среди них имеются люди, которые, наподобие ласточек и лягушек, полгода, а именно, зиму лежат мертвыми, а потом вновь оживают и начинают ходить летом. Смотри об этом у Гваньина в описании „Лукоморья" и у Олая

Великого. У них нет земледелия, они ничего не знают о хлебе, но едят вместо хлеба вяленую рыбу, мед и дичь, по рассказам, весьма у них обильную.

Самоеды низкорослы, имеют широкие лица, небольшие глаза и короткие ноги; они очень сходны с гренландцами, из которых я некоторых видел в Голштинии.

Что касается одежды самоедов, то она сделана из меха северных оленей. Они носят широкие шапки, иные—из разноцветных кусков сукна, полученных ими от русских, а опять иные—лишь из меха; на шапках висят длинные наушники, которые они застегивают под шеею. Рубашки свои они шьют из шкур молодых оленей, очень гладких и с коротко остриженной шерстью. Под рубашками у них шаровары и над ними длинные кафтаны. Внизу рубашек и кафтанов у них пришиты длинноволосые хвосты. Их сапоги также из мехов, и во всех их одеждах мех выворочен наружу. Нитки, которыми они шьют свои одежды, приготовлены из жил. Носовые платки они готовят из зеленого дерева, скобля его в тонкие стружки и волокна, так что оно с виду становится похожим на тонко выскобленный рог или пергамент. Они берут горсть этих стружек, которые очень мягки и ими вытирают себе нос.

Кафтаны свои они иногда, когда очень холодно, надевают на голову и дают рукавам свисать с боков, что представляет странное зрелище для непривычного человека. Вид издали таких людей, особенно с судна, пристающего к берегу, может быть, дал основание некоторым из древних писателей утверждать, будто существовали люди, не имевшие голов, но с лицом на груди, а также, что были люди со столь большими ногами, что они ими могли покрываться. Если бы действительно в мире существовали подобные люди, то я думаю, мы имели бы теперь о них больше известий. Ведь за истекшие 100 лет весь мир на воде и на суше в достаточной мере обследован и изучен голландскими, английскими и испанскими мореплавателями, но, как видно из описаний их путешествий, они ничего подобного нигде не встречали. Если, однако, видели у этих людей большие ноги, то весьма возможно, что за таковые были приняты их большие, так называемые, лыжи.

Все эти народы, как и лапландцы, финны и черемисы, зимою, для перехода через глубокий снег, надевают длинные и широкие лыжи, частью из коры, частью вырезанные из дерева; на них они умеют быстро передвигаться. У финнов задняя часть за каблуком также выдается, как и передняя, и некоторые из этих лыж достигают 3 локтей в длину; их называют Suksit. Подобного рода передвижение мы видели в Нарве, где полковник Порт, для нашего увеселения, велел некоторым финнам из числа своих солдат съезжать с большого холма перед городом. Самоедские лыжи называются „нартами“, как справедливо указывает Гваньин в описании

области Пермской. Их сапоги также из подобных меховых шкурок, внутри выложены мехом и доходят до колен.

Северные олени по величине и внешности почти схожи с обыкновенными оленями, имеют белый с серым мех и широкие ноги, как у коров. Мы несколько штук видели в московском Кремле. Самоеды так приручают их, что они свободно приходят и уходят. Их употребляют вместо лошадей, впрягая их в небольшие легкие сани, которые устроены вроде получелноков или лодок; на них они чрезвычайно быстро ездят.

И голландцы в 1595 г. по Р. Х., во время второго своего путешествия на север, невдалеке от Вайгача застали подобных самоедов. Они пишут об этом так. Когда они 31-го августа этого года у Вайгача прошли милю по суше, то они застали человек 20 этого народа. Сначала они сочли их совершенно дикими. Действительно, самоеды, прежде всего, прибегли к луку и стрелам, с которыми они очень хорошо умеют обходиться и хотели напасть на голландцев, как на непрошенных гостей. Когда они, однако, услыхали от русского переводчика—ведь, как сказано, самоеды понимают по-русски,—что голландцы пришли не врагами, а друзьями, они сложили лук и стрелы, приветствовали, любезно кланяясь, голландцев, пустились в разговор с ними и сообщили хорошие сведения о положении суши и моря. Они казались, однако, весьма робкими и недоверчивыми, несмотря на то, что голландцы обращались с ними любезно и выказывали доброжелательность. Когда одному из них подан был сухарь, он, правда, принял его почтительно, сейчас же откусил от него и стал его есть, но все время при этом робко озирался; когда они услыхали раздавшийся издали со стороны моря выстрел из ружья, они испугались и заскакали, точно бешеные. Об этом можно прочитать подробнее в вышеупомянутом морском путешествии, голландской печати, на странице 8-й. Из описаний и рисунков голландских также видно, что самоеды заплетали свои волосы в длинные косы, причем они свешивались сзади через их одежды. Подобного явления я не замечал у тех, кого я видел в Москве. Один из них, которого, после рассказа о их, по нашему мнению, суровой и трудной жизни, спросили, между прочим, о том, как им понравились страна и жизнь московитов и не чувствуют ли они охоты жить скорее здесь, чем в собственной своей стране,—отвечал на это так: „Правда, Московия не мало ему нравится, но та страна, в которой он родился, нравится ему гораздо больше, чем все другие страны; там для них жизнь привычная, и они вполне удобно и хорошо могут жить там. Он даже не сомневается, что если бы великий князь знал о доброй их жизни и о великолепии ее, то он оставил бы столицу и переселился к ним на жизнь“.

Эти люди были настроены подобно Улиссу, который—как

Мурет говорит по первой книге Цицерона „Об ораторе“ — скорее желал жить в своей скалистой и суровой родине, чем у Калипсо среди всяких удовольствий и увеселений; об этом можно прочитать у Гомера в [V-ой] песне „Одиссеи“. Можно сказать с Овидием (lib. 1 de Ponto eleg. 3):

Для всех нас край родной неизъяснимо мил,
Забыть его нельзя — то свыше наших сил.
Где лучше, чем в Москве, что Скифии скудней?
Но сердце варвара тоскует лишь о ней.

Эти народы раньше, будучи язычниками, почитали солнце и луну и резные идолы — как об этом можно узнать из неоднократно уже упомянутого описания морского путешествия. Голландцы на мысе или на углу Вейгата нашли расставленными несколько сот подобных грубых и бесформенно вырезанных идолов: когда они, уходя из этой страны, захватили один из идолов с собою, то какой-то самоед последовал за ними, и с жестами, свидетельствовавшими о волнении, попросил вернуть ему изображение и отнес его на место.

Приблизительно 23 года тому назад самоеды присылали посольство к великому князю и просили его о присоединении к русской вере. Это и было сделано, и епископ владимирский с несколькими попами или священниками был послан туда, чтобы обучить их вере и крестить.

ПРИМЕЧАНИЯ

рассказывают Плиний и Олай Великий]. О Плинии см. выше, стр. 12, 180. Олай Великий (Olaus Magnus) — шведский историк и географ (1490—1557). Он учился в германских университетах (1510—1517), по возвращении на родину предпринял путешествие по крайнему северу Норвегии и Швеции, с 1525 года выполнял дипломатические поручения шведского короля в Германии, Нидерландах и Польше. В 1537 году он совсем переселился в Италию, где вскоре же стал заниматься географией, чему особенно способствовало знакомство его с секретарем Венецианской Республики и известным издателем путешествий — Баттиста Рамузио. Результатом этих занятий явилась в 1539 году его большая карта Северной Европы. «Карта обнимает северные страны от Гренландии до Лапландии и от Шотландии до Новгорода... Образцами при составлении карты Олаусу, очевидно, служили итальянские морские карты. Как они, так и карта Олауса украшена этнографическими картинками и фантастическими изображениями государей разных стран и чудовищных предметов и животных. В левом нижнем углу карты напечатан по-латыни обстоятельный комментарий (index)... Чтобы сделать карту доступной возможно большему кругу читателей, Олаус напечатал отдельно по-итальянски и по-немецки особую обработку своего комментария». (В. А. Кордт. Материалы по истории русской картографии, вторая серия, вып. I, Киев, 1906, стр. 6—8 и табл. II и III). Впоследствии Олай Магнус написал также «Историю о северных народах» («Historia de gentibus Septentrionalibus earumque diversis, statibus, conditionibus, moribus et superstitionibus» Roma,

1567, Basel, 1567), о которой и говорит Олеарий. Сведения Олая о северо-востоке Европы отличались еще большой скудостью, хотя он уже имел возможность использовать издания географии Птолемея, трактат Матвея Меховского и книгу П. Иовия (о них см. выше, стр. 77, 90, 174). Интересно, что на карте Олая 1539 г. впервые изображено Белое море, названное озером — «Lacus Albus», а северный берег Скандинавского полуострова и Лапландии омывается Северным Ледовитым океаном, который, вероятно, под влиянием Иовия назван Скифским — «Oceanus Scithicus». Олай имел также представление о северо-восточном морском пути к Азиатскому берегу; он мог его получить еще в 1518 г. во время странствований своих по северу Норвегии, но во всяком случае он прочел об этом также у Иовия. Как бы там ни было, о возможности такого плавания Олай еще в 1547 сообщал в Болонье и Венеции испанскому историографу Франческо Лопес де Гомара (см. K. Ahlenius. Olaus Magnns og hans fremtalling af Nordens geografii, Upsala, 1895, p. 136—138. A. Schumacher. Olaus Magnus und die ältesten Karten der Nordlande — «Zeitschritt d. Gesellsch. f. Erdkunde zu Berlin, 1893, S. 192). Детали карты Олая Магнуса воспроизведены у нас на рис. 6, 7, 10, 12, 13.

от русских слов «Сам» и «ем»]. Этимологии слова «Самоед» см. выше Рич. Джонсон, стр. 130—131 и Флетчер, стр. 200—201.

упоминает Гваньини]. О Гваньини см. выше, стр. 152.

Страна их вовсе не называется Самогитиею]. Благодаря случайному звуковому сходству названия эти, действительно, путались и самоедов называли «Samoged» (сл. выше: Г. Штаден, стр. 161).

у гор, именуемых Гиперборейскими] Урал. Сл. выше, стр. 27.

у Татарского моря и Вейгата, как называют это место голландцы]. Название Вайгача («Вейгат») некоторые иностранцы производили от голландских слов: wauien — дуть и gat — ворота, т. е. те ворота, в которые с большой силой дует ветер; таким образом название это скорее могло бы относиться к проливу, чем к острову. Очевидно мы имеем дело с народной этимологией голландских моряков; однако уже Витсен говорит, что название Вайгач происходит от имени русского промышленника Ивана Вайгача, и это указание кажется правдоподобным (Ф. П. Литке. Четырехкратное путешествие в Северный Ледовитый океан, I, стр. 239; П. Семенов. Географ.-статистич. словарь, т. I, стр. 385).

О них упоминает Страбон... и Квинт Курций]. Страбон — знаменитый греческий географ времен Августа и первых годов правления Тиберия, автор очень ценившегося и в эпоху возрождения труда «География», дошедшего до нас почти целиком. См. о нем введение к настоящей книге и выше: И. Балак, стр. 185; Квинт Курций Руф, римский историк I века нашей эры, автор «Истории Александра Великого», о времени возникновения которой спорят исследователи (Г. К. Шмидт. Когда К. Курций Руф написал свое сочинение: «De gestis Alexandri Magni», Ж. М. Н. Пр. 1874 № 7, 8; источниками этой «Истории» были мемуары Птолемея и других сподвижников Александра, но также и легендарные рассказы Онесикрита и Каллисфена, принятые на веру Курцием Руфом (A. Raegg. Beiträge zur Erforschung der Quellenverhältnisse in der Alexandergeschichte d. Curtius, Basel, 1906); можно поэтому допустить, что его сочинение преследовало более повествовательные, чем ученые цели.

называя иных из них абиями — скифами]. Народ абии (Ἄβιοι) упоминается еще в поэмах Гомера и вслед затем у многих греческих писателей, своеобразно идеализировавших первобытные северные племена (A. Riese. Die Idealisierung der Naturvölker des Nordens in der griechischen und römischen Literatur, Francfurt a. M. 1875). Под «абиями» понимались скифы и сарматы на границе с фракийцами. Страбон, на которого ссылается Олеарий, пытается дать этимо-

логию их имени, отличную от обычной. Слово «абий» значит собственно «не имеющий средств к жизни»; ссылаясь на причину наименования ἄβιοι по Посейдонию, Страбон говорит: «о всех их поэт сказал: достойные удивления доители кобыл, питающиеся кумысом, и Абии—самый честный народ. Абиями их называют собственно потому, что они живут без жен... Абиев не столько можно принять за безбрачных, сколько за бездомных, живущих по кибиткам» (VII, 3, 2—4; Страбон. География. Перевод Ф. Мищенко. М. 1879, стр. 298). Исходя из толкования Страбона и увлекшись случайным звуковым сходством имен реки Оби и абиев, Олеарий отождествляет последних с кочевниками северной Азии, для чего, конечно, нет никаких оснований. Между тем такое сопоставление делали и другие иностранные писатели, напр., Рейтенфельс (см. ниже). Еще К. Маннерт, вообще увлекавшийся стремлением приурочить к Сибири многие сведения об Азии, приведенные у греческих писателей, замечает, характеризуя Птолемея: «кто мог бы предположить, что невинные «абии» Гомера будут изгнаны на север до самого Енисея и Лены?» (K. Mannert. Geographie der Griechen und Römer. Der Norden der Erde, Leipz. 1820, S. 412). Разбор известий Страбона о северной Азии см. J. Cuno. Forschungen im Gebiete der alten Völkerkunde I, Die Scythen, Berlin 1871, S. 114 ff.

О том же говорит Юстин во 2-ой книге] Марк Юстиниан Юстин—римский историк времен Антонина (жил ок. 60 г. нашей эры), автор извлечения из недошедшего до нас обширного исторического труда Трога Помпея «Historiae Philippicae», в 44 книгах. Извлечение содержит в себе всемирную историю, которая очень ценима была уже в средние века (Rühl. Die Verbreitung des Justinus im Mittelalter, 1871); в 1640 году ее издал Исаак Фоссиус. Этим изданием, повидимому, пользовался и Олеарий.

Мюнстер в своей „Космографии]. О соб. Мюнстере и его труде см. выше, стр. 122, 142.

может быть, верно и то, что некоторые люди писали о полуночных народах]. Этому переводу А. М. Ловягина я предпочел бы перевод: «Может быть, это то и послужило причиной того, что некоторые люди» и т. д. О правдоподобности такого толкования Олеарием легенды об умирающих на зиму народах см. выше: Герберштейн, стр. 111, 113. Олеарий повторят описку Гваньини «на подобие ласточек и лягушек», тогда как следовало сказать: «пьявок и лягушек» (сл. выше, стр. 157).

будто существовали люди, не имевшие голов] сл. выше, стр. 12—14, 19—20, 122.

И голландцы в 1595 г... застали подобных самоедов]. Олеарий имеет в виду голландские экспедиции для отыскания северо-восточного пути в Китай 1594—1595 г., снаряженные по советам и указаниям Балтазара де Мушорона, известные под названием экспедиций В. Баренца и описанные участником их Герритом-де Фером: «Waerechtige Beschryvinghe van drie Seylagien... deur de Hollandtsche ende Zeelandsche schepen by norden Noorveghen, Moscovia de opdoeninghe van de Weygats, Nova Zembla, ende van't Landt op de 80 graden dat men acht groenlandt te zijn gedhaen deur Gerrit de Veer. Amst, 1598. Библиографию этого сочинения см. P. Tiele. Mémoire bibliographique sur les journaux des navigateurs néerlandais, Amst. 1867, p. 103—116. Сл. выше: И. Мегизер, стр. 268 и сл.

Из описаний и рисунков голландских]. Книга Геррита-де-Фера была богато иллюстрирована, что очень дополняло его суховатый рассказ.

Эти люди были настроены подобно Улиссу]. Улисс или Одиссей,—герой древне-греческой эпопеи. Бури долго носили его по морю, заставляя блуждать по неведомым странам. Он попадает, между прочим, на баснословный остров Огигию, принадлежащий нимфе Калипсо, и живет здесь 7 лет, тоскуя по родине и жене, несмотря на то, что Калипсо, тщетно желая соединиться с ним

навеки, предлагает ему бессмертие и вечную юность. Этот эпизод V-ой песни «Одиссеи» и имеет в виду Олеарий. Мурет (Muretus),—согласно латинизованной форме его имени,—правильнее Марк Антуан Мюре (1526—1585),—французский гуманист, переселившийся в Италию и получивший там известность своими публичными чтениями о греческих и римских классиках. Олеарий имеет в виду его книгу «Variae lectiones» (Венеция, 1559), в которой Мюре, между прочим, комментирует диалог «Об ораторе» Цицерона—римского оратора, философа и государственного деятеля (р. в 106 г. до нашей эры—ум. 43 г. н. э.).

Голландцы на мысе или на углу Вейгата нашли...]. На южной оконечности острова Вайгача находится мыс, известный под именем Болванского. Этот мыс был главным местом идольских мольбищ самоедов. Еще в 1556 г. Стефен Бёрро видел там до 300 идолов грубой работы, с окровавленными глазами и ртами. Тех же идолов описал и Геррит-де-Фер. Их видели еще русские путешественники нач. XIX в., штурман Иванов (1824), Ф. П. Литке и др. (Ф. П. Литке. Четырехкратное путешествие в Северный Ледовитый океан. СПб. 1828, стр. 68; «Вестн. Геогр. Общ.». 1855, стр. 123—125).

XXX. ДЖОН МИЛЬТОН | JOHN MILTON

(1649—1652)

В творчестве Джона Мильтона (1608—1674), знаменитого английского поэта, идеолога английской пуританской буржуазии революционной эпохи, обособленное место занимает небольшой историко-географический трактат, в котором дается описание Московского государства и особенно его северо-восточных окраин. Трактат этот увидел свет только через восемь лет после смерти Мильтона и в первом издании носил следующее заглавие: «A Brief History of Moscovia and of other less known Countries lying eastward of Russia as far as Cathay. Gather'd from the Writings of several Eye-witness, by John Milton, London, 1682, 12°, 109 стр. Как отмечает в своем предисловии издатель Aylmer, сочинение это было написано собственной рукой Мильтона, еще до потери им зрения; незадолго до смерти он сам распорядился отдать его в печать; издатель, однако, задержал его выпуск, надеясь, что „найдется еще какая-либо подходящая статья того же автора", чтобы ею можно было пополнить издание этой небольшой вещицы. Следует подчеркнуть, что это сочинение Мильтона если и не являлось „юношеской компиляцией Мильтона", как ее называл Вахлер (Geschichte der historischen Forschung und Kunst, I, 347), то, во всяком случае, написано было задолго до того времени, когда Мильтон задумал ее отпечатать: у нас она почему-то относится к работам Мильтона его последних лет. Сам Мильтон, готовя ее к изданию, отметил, что она написана „много лет назад",— когда именно, об этом можно догадаться только приблизительно. Alfred Stern (Milton und seine Zeit, Leipzig. 1879, V. S. 177—179) обращает внимание на то, что, повидимому, „Краткая история Московии" составляет только первую часть задуманного, но не осуществленного Мильтоном большого труда, целью которого было дать политическую географию отдельных государств тогдашней Европы, с рядом особых экскурсов в область быта и нравов обитателей отдельных стран; недостаток в подобного рода английских книгах почувствовался им, вероятно, тогда, когда он, занимаясь преподавательской деятельностью, мечтал о коренном преобразовании английской школьной системы (ср. трактат „О воспитании", 1642).

По мнению лучшего английского биографа Мильтона-Массона, трактат о Московии мог относиться к ранним годам службы Мильтона в качестве государственного секретаря молодой английской республики, примерно, к 1649—1652 гг. (David Masson. The Life of John Milton, vol. VI, 1880, p. 812—813), причем на выбор темы и характер обработки материала могли оказать влияние не только его педагогические интересы и собственные занятия историей и географией, но также и непосредственные его служебные дела; в 1657 году, когда Кромвель озабочен был англо-русскими торговыми делами, одно из писем в Москву, к царю Алексею Михайловичу, по поручению Кромвеля, написал именно Мильтон: это было верительное письмо, данное английскому послу в Московию Richard'y Bradshaw (подробности и выдержки из этой грамоты см. D. Masson, op. cit, V, p. 292—294). Мильтон не сразу нашел подходящую форму для своего сочинения: аналогичные пособия, уже имевшиеся в литературе, казались ему „то слишком краткими и полными пробелов“, то, наоборот, „переполненными длинными историями о смешных суевериях, обрядах, необыкновенных обычаях и других незначущих и неинтересных вещах“, он же хотел дать рассказ точный, основанный на первоисточниках, собранных в разных местах, освобожденный от ненужных подробностей и специально приспособленный для широких читательских кругов: это был, по словам Штерна, „первый решительный опыт популяризации науки, того типа, который получил столь неожиданно большое распространение в следующем столетии“ (A. Stern, op. cit., S. 178), и, прибавим, опыт, с этой стороны крайне характерный для демократических тенденций пуританина революционной поры. Видимо, Мильтона удовлетворил найденный им тип популярной книги историко-географического содержания, т. к. он много лет спустя после ее написания позаботился все же о том, чтобы она увидела свет. Таким образом, „Краткая история“ Московии была не самостоятельным трудом, но лишь компиляцией из различных источников, и, как таковая, она лишена научного значения: по типу своему она примыкает к таким изданиям эпохи, каковы „Всемирные реляции“ Ботеро или известная хрестоматия Эльзевиров: «Respublica Moscoviae». Тем не менее она не лишена известного интереса, во-первых, потому, что она несомненно читалась многочисленными поклонниками английского поэта, и сообщенные в ней известия считались вполне соответствующими действительности еще в XVIII веке, с другой же стороны и потому, что занятия Мильтона историей и географией России оставили некоторый след и в его поэтическом творчестве.

Книга Мильтона давно известна в русской литературе, но получила здесь не вполне справедливую оценку. Первым указал на нее М. П. Полуденский („Русская история Мильтона“, „Русск.

Вестник“ 1860, т. XXVI, № 8, апрель, кн. 2, стр. 533—545); изложив ее вкратце и приведя из нее отрывки, он замечает: ,,Мильтон сам не был в России, но сочинение его имеет значение по источникам, которыми он пользовался, потому что он имел в руках многие до сих пор неизданные реляции о России“; через несколько месяцев ,,Отечественные Записки“ напечатали полный перевод сочинения Мильтона, сделанный Е. П. Карновичем (,,Краткая история Московии и других малоизвестных стран, лежащих на восток от России“... ,,Отеч. Зап.“ 1860, т. XXXI, отд. I, стр. 1—142); в предисловии переводчик говорит, что книга Мильтона имела для англичан „особое значение: она представляла им полный сборник всех замечательных сведений, имевшихся в то время о России в английской литературе, т. к. Мильтон воспользовался решительно всем, что только было написано в ту пору о России его соотечественниками. Таким образом, книга Мильтона была как бы ученым результатом почти столетних, постоянных сношений России с Англией как дипломатических, так и торговых“ (стр. 102). Через несколько лет в „Чтениях в общ. Истории и Древностей“ (1874, № 3, стр. 1—24) Юрий Толстой напечатал „Заметку по поводу статьи Полуденского“; мнение его о значении книги Мильтона резко отличается от взглядов Полуденского и Карновича. Сочинение Мильтона,—говорит Ю. В. Толстой,—,,выбранное из сочинений многих очевидцев“, как сказано в его подзаголовке, „выбрано чрезвычайно недобросовестно и было со стороны Мильтона не более как спекуляцией на современный ему вкус английских читателей, всегда интересовавшихся тем, что относилось до отдаленной Московии и еще более отдаленного Китая“. В конце своего сочинения Мильтон приложил список своих источников (19 названий). Как устанавливает Ю. Толстой, из них „одиннадцать находятся в I томе Гэклюйтова сборника путешествий, семь напечатаны во 2-м и 3-м томах сборника Перчаса, девятнадцатое есть описание сэра Томаса Смиса, напечатанное сперва отдельною книгою, а потом также вошедшее, впрочем в сокращении, в 3-й том Перчасова сборника“; следовательно, пособиями Мильтона оказываются, собственно говоря, только три книги, да и те пользовались широкой популярностью у английских читателей XVII века. Однако Ю. Толстой не совсем прав: в действительности Мильтон назвал не все использованные им источники; Штерн (op. cit., S. 178) находит, например, возможным высказать предположение, что некоторые материалы о России Мильтон получил от своего друга Marvell'я, бывшего секретарем известного посольства в Москву в 1663 году лорда Карлейля; кроме того, Мильтон не просто переписывал реляции английских путешественников, но обрабатывал их в духе, соответственном цели своего сочинения; в специальном интересе Мильтона к истории Лжедмитрия

или Яна Собесского можно было бы увидеть, какие разнообразные материалы привлекал Мильтон для разрешения волновавших его тогда вопросов революционного порядка, идеи народного суверенитета и т. д. Правда, Мильтон меньше всего обработал те части своего сочинения, в которых дается описание Сибири и путей из Москвы в Китай: здесь он в полной власти своих источников и ни на шаг не отступает от них; по отношению к ним справедливо, пожалуй, замечание Ю. Толстого, что Мильтон „не умел воспользоваться любопытными и обильными материалами, которые имел для своего труда, не подверг их исторической критике и совершенно выпустил из вида, что они относятся к разным эпохам" (стр. 12); не нужно, однако, забывать, что в половине XVII века Сибирь и страны Дальнего Востока представляли еще края, очень мало известные европейцам, и что Мильтон в своей книге воспроизвел почти весь круг тех данных, какими мог располагать образованный англичанин его времени; картина, им нарисованная, поэтому получилась очень типичной: налицо огромный интерес к странам сказочного востока и заманчивым перспективам колониальной торговли со стороны английской богатеющей буржуазии, и в то же время этот интерес парализуется отсутствием достоверных известий об этих отдаленных краях. Вот почему едва ли вполне прав К. Н. Бестужев-Рюмин, когда он говорит, что „сочинение знаменитого Мильтона важно только по имени своего автора" (Русская история, т. I, СПб. 1872, стр. 194).

Интересно отметить, что Мильтон так заинтересовался Московией и в особенности восточными окраинами ее, что увлечение это оставило след в поэме его „Потерянный рай": здесь упоминаются реки Печора и Обь и страна самоедов, а полет сатаны уподоблен полету коршуна, „выросшего на снеговом хребте Имауса, естественной восточной границе кочующих татар". В девятой песне Мильтон описывает сатану, выгнанного из рая, который в досаде и неутолимой жажде мщения три ночи кружился около линии равноденствия и четыре раза перелетал в разных местах от одного полюса к другому, „пересекая все поясы тепла и холода": „он за это время успел уже увидеть все страны от Эдема до Понта Эвксинского и Мэотидитских болот; оттуда промчался он до реки Оби и еще далее к северному полюсу":

. . then sought
Where to liedhid: sea he had searcht and land
From Eden over Pontus, and the pool
Maeotis, up beyond the river Ob;
Downward as far antarctic

(IX, v. 75—79).

В десятой песне поэт уподобляет Грех и Смерть носящимся в бездне хаоса и гонимым полярными ветрами, ледяным глыбам, которые „запружают собой предполагаемый пролив, находящийся восточнее Печоры и ведущий к цветущим берегам Китая".

As when two polar winds . . . .
. . . .
Mountains of ise, that stop th' imagin'd way
Beyond Petsora eastward, to the rich
Cathaian coast . . . . .

(IX, v. 289—293).

В той же песне, рассказывая о мировых катаклизмах после грехопадения, Мильтон упоминает, что полярные ветры, „вооруженные снегом, градом, вьюгами и бурунами", стали бушевать „с севера от Норумбегии и берегов, где живут самоеды".

. . from the north
of Norumbega, and the Samoed shore...

(X, v. 695—700).

Д. Морган справедливо замечает, что Мильтон во всех этих своих описаниях основывался на типично-средневековой географической традиции (Early voyages and travels into Russia, ed. by D. Morgan, vol. I, London 1886, p. 135, 147, 153). Прилагаемые отрывки из сочинения Мильтона: „Московия или известия о Московии, по открытии английских путешественников, собранные из письменных свидетельств разных очевидцев; также и другие малоизвестные страны, лежащие на восток от России до самого Китая, недавно в разное время открытые русскими" взяты из перевода Ю. В. Толстого („Чтения в Общ. Ист. Древн." 1874 III, стр. 11—16). Перевод этот может считаться лучшим из существующих; он отличается „точностью и верною передачею подлинника",—замечает Е. Замысловский, сличив все русские переводы с подлинником („Древняя и Новая Россия" 1875 № 8, стр. 388—390). Подлинный текст сочинения Мильтона недавно вышел в новом издании: „A Brief History of Moscovia and ot Other lessknown Countries lying eastward of Russia as far as Cathay.. To which are added other Curious documents Ed. by Pr. D. S. Mirsky", London, Blackamore Press, 1929.

О СТРАНЕ САМОЕДОВ В СИБИРИ И О ДРУГИХ СТРАНАХ, ЛЕЖАЩИХ К СЕВЕРО-ВОСТОКУ И ПОДВЛАСТНЫХ МОСКВИТЯНАМ

К северо-востоку от России, при реке Оби, лежит страна самоедов; открыл ее один русский по имени Аника (Oneka), который первый завел с самоедами торговлю и, добывая от них

богатые меха, нажил большое богатство и узнал их страну, а впоследствии, дав знать о своем открытии Борису, правителю Федора, указал, сколь полезно будет для государства приобрести эту страну. Борис отправил к самоедам пышное посольство и миролюбивыми средствами достиг того, что они отдались в подданство России, с обязанностью ежегодной поголовной дани, состоящей из двух богатейших собольих шкур. Гонцы Борисовы, проехав двести миль к востоку за Обь, донесли, что там красивая страна, изобилующая лесами и источниками, и что жители ездят верхом на оленях и лосях, другие же в санях, запряженных оленями, а иные еще на собаках, столь же прытких, как и олени. Самоеды, приехавшие с этими гонцами, на возвратном пути их в Москву, удивлялись красоте этого города и возбуждали равное удивление своею стрельбою, попадая без промаха в цель величиною в деньгу, на таком расстоянии, что ее едва можно различить.

По донесениям русских, река Обь так широка, что переправа через нее занимает целый летний день, но она наполнена островами, которые безлесны и до последнего времени не были обитаемы. Из реки Оби переправляются в реку Таз (Tawze). С тех пор как самоеды покорились русским, там находятся двое воевод, с тремя или четырьмя стами стрельцов; русские также построили селения и несколько небольших крепостей; всю эту местность они называют Мангазея (Mongozey или Molgomsay). Далее во внутренности страны ими также построены другие деревянные города, заселенные преимущественно поляками, татарами и русскими из беглых или из осужденных преступников; таковы города: Верхотурье (Vergateria), Сибирь (Siber), по имени коего называется вся страна, Тюмень (Tinna), потом Тобольск (Tobolska) по сю сторону Оби, на реке Иртыше, и Тоболь (Tobol), главное местопребывание русского воеводы, выше Сургут (Zergotta), на острове реки Оби, где находится таможня, далее на другой стороне Оби—Нарым (Narim) и Томск (Tooina), сделавшийся теперь значительным городом. В странах этих построено также несколько церквей, но никто не терпит принуждения в вере. За Нарымом, на восток, на реке Telta построена крепость Comgoscoi. Построение этих городов и многих других, им подобных, началось с 1590 года. Из этих-то стран и привозятся соболя и другие меха.

Самоеды не имеют городов или постоянных мест пребывания, но кочуют там, где найдут мох для своих оленей. Они живут обществами миролюбиво и управляются несколькими из старейших между ними; впрочем, они идолопоклонники. Они стреляют удивительно искусно; острие их стрел делается из заостренных камней или рыбьих костей; рыбьи кости употребляются также для иголок, а вместо ниток употребляют жилы некоторых маленьких животных, и жилами этими сшивают меха, в которые одеваются: летом они

носят шкуры мехом наружу, зимой—мехом внутрь. Они имеют по нескольку жен, а дочерей своих продают тому, кто их купить дороже. Если жена не понравится, то муж возвращает ее ее родным, возвращая только отцу издержки на свадебный пир. При родах мужья помогают своим женам, которые встают на другой день после родин. Самоеды не обрабатывают земли, но питаются мясом диких зверей, за которыми охотятся. Они являются единственными проводниками для тех, которые зимою путешествуют по Югории, Сибири и какой-либо другой из этих северо-восточных стран. Путешествия эти совершаются на санях, везомых оленями, которые мчатся днем и ночью, если только ночь лунная. Живут самоеды на снегу, под навесами из оленьих шкур, останавливаясь в тех местах, где довольно белого моха для корма упряжных оленей, которые, будучи пущены на свободу, сами отрывают его из-под глубокого снега. Кто-нибудь из самоедов приносит из ближнего леса дров, чтобы развести огонь, кругом которого остальные располагаются со своими шатрами, имеющими сверху отверстие для прохода дыма; таким образом, шатры эти столь же жарки, как печка в России. Запас мяса путешественники возят с собой, пользуясь также птицами и дичью, которые могут быть убиты их проводником-самоедом на пути; пьют они только снег. Два оленя, впряженные в сани, при скорой езде, в сутки, не отдыхая, везут двести миль, с поклажей провезут тридцать миль в двенадцать часов.

О ТУНГУСИИ (TINGOESIA) И ДРУГИХ ПРИЛЕЖАЩИХ С ВОСТОКА СТРАНАХ ДО САМОГО КАТАЯ

В 1605 году солдаты Нарымского и Комгосского (Comgoscoi) гарнизонов, посланные далее по распоряжению русского воеводы, нашли много прекрасных необитаемых стран, много обширных пустынь и рек. Но, наконец, после десятинедельного пути, они увидали несколько хижин и толпы людей, которые пришли к ним с почтительностью и объяснили самоедам и татарам, служившим проводниками русским солдатам, что они зовутся тунгусами (Tingoësi) и обитают на великой реке Енисее. Река эта, говорят, гораздо более реки Оби, от устья которой находится на расстоянии четырех суток плавания и с которой впадает в одну и ту же Губу Нарымскую (Sea of Naramzie). К востоку от Енисея находятся высокие горы, из которых некоторые огнедышащие, к западу—плоская и плодородная страна, которая в весеннее время заливается рекою на пространстве около семидесяти миль; в продолжение этого разлива жители удаляются в горы, а по окончании его возвращаются со своим скотом на равнину. Тунгусы—народ очень кроткий; они имеют большие распухшие зобы, подобно

жителям Альп в Италии. По убеждению самоедов, они немедленно покорились русскому правительству и, по просьбе их, отправившись на следующий год для дальнейших открытий на восток, пришли, наконец, к реке, которую туземные дикие называли Pisida и которая несколько менее Енисея. Слыша за этим местом звон медных колоколов, а иногда шум людей и лошадей, они не посмели иттй далее. Они видели там также вдалеке несколько парусов четвероугольной формы, и по тому предположили, что эти паруса похожи на Индийские или Китайские, тем более, что, по их рассказам, слышны были выстрелы из больших пушек, стоявших на судах. Они были восхищены красотою этой страны в апреле и мае месяцах, когда она наполнена множеством редких деревьев, растений и цветов, животных и птиц. Некоторые полагают, что здесь граница Тангута на севере Китая.

Около 1610 года некоторые из этих самоедов продолжали свой путь, пока не увидали Белого города, в котором им слышался большой звон колоколов: они рассказывали, что к ним вышли с ног до головы вооруженные железом люди.

Рис. 43. Быт тунгусов (Из «Путешествия» Исбранта Идеса)

А в 1611 году несколько жителей Катая и другие, посланные от царя Алтына (Alteen czar), который называет себя „Золотым царем“, прибыли на реку Обь в Сургут (Zergolta or Surgoot) и торговали там, привезя с собою плиты серебра. Вследствие сего русский царь Михаил Федорович, в 1619 году, послал несколько лиц от себя из Томска (Tooma) к Алтыну и в Катай, которые возвратились с посланниками от этих государей. По рассказам этих лиц, они ехали от Томска десять дней с половиной до царя Алтына (Alteenking or King of Alty), ехав в это время три дня по озеру, в котором растут рубины и сапфиры; землей царя Алтына ехали они пять недель до земли Мугальской (Sheromugaly or Mugalla), где царствовала царица Манчика (Manchika); оттуда в четыре дня доехали они до пределов Катая, обнесенных каменной стеной в пятнадцать сажен (fathom) вышиной; вдоль по этой стене, около которой лежит много красивых городов, принадлежащих царице Манчике, они ехали десять дней, не видавши никого на стене, покуда не подъехали к воротам, у которых они увидали очень большие пушки и три тысячи человек на страже. Тамошние жители производят с другими народами мену у этих ворот и очень не многим позволяют входить в них зараз. От Томска царские посланные ехали до этих ворот двенадцать недель, а оттуда до столицы Катая десять дней. По прибытии туда, они были отведены на посольское подворье; немного дней спустя к ним приехал секретарь царя Тамбура (king Tambur) в сопровождении двухсот хорошо одетых людей, ехавших верхами на ослах. Он угостил их разными винами, спросил о причине их приезда. Но так как они не привезли с собой никаких подарков, то и не были допущены к царю, но возвратились, как уже сказано [?] в Тобольск (Tobolska) с его письмом к их государю.

Они говорят, что земля Мугальская простирается от Бухары (Boghar) до Северного моря, что в ней много крепостей, построенных из камня четырехугольниками, с башнями, крытыми муравленной черепицей по углам, и что в воротах висят большие набатные или вестовые колокола, весом фунтов в двадцать. Дома также построены из камня и потолки в них искусно расписаны разноцветными цветами. Жители идолопоклонники, страна чрезвычайно плодородна. Там есть ослы и лошаки, но лошадей нет. Жители Катая говорят, что великая стена простирается на протяжении четырех недель пути от Бухары до Северного моря, что на ней беспрестанно встречаются башни на расстоянии небольшого выстрела одна от другой, что на каждой башне спереди есть огни, и что самая стена служит границей между Магуллой и Катаем; в стене всего пять ворот, которые узки и до того низки, что всадник, сидя прямо верхом, не может в них въехать. Около самой стены находится город Широкалга (Shirokalga), в нем есть крепость, воору-

женная короткими пушками и небольшими орудиями, из которых ежедневно, при заходе и восходе солнца, производят тройной выстрел люди, содержащие стражу у ворот, на башнях и на стенах. Город изобилует богатыми товарами, бархатами, камками, золотою парчею, разными тканями и разными сортами сахара. Таков же и город Яра (Yara), в котором рынки благоухают пряностями, а город Тайты (Taytte) еще богаче, но Широ (Shirom) и того великолепнее, длиною в полдня проезда и чрезвычайно населен. Оттуда до столичного города Катая два дня пути. Этот город построен из белого камня, четвероуголен, имеет в окружности четыре белые, очень высокие и большие башни, вдоль по стене находятся другие башни, очень красивые, попеременно белые и голубые, и бойницы, уставленные пушками. В середине этого белого города стоит крепость, построенная из магнита, в которой живет царь в великолепном дворце с позолоченной крышей. Город стоит на равнине, которую обтекает река Юхо (Youga) на расстоянии семи дней от моря. Жители очень кротки, но не воинственны и чрезвычайно склонны к торговле.

Эти известия внесены сюда потому, что мы их имеем от русских, которые также рассказывают, что за Обью есть море, до того теплое, что в окружностях его живут всякого рода морские птицы и зимой и летом. Таковы вкратце сведения о море и странах между Россиею и Катаем.

ПРИМЕЧАНИЯ

О стране самоедов, о Сибири и т. д.]. Вся эта глава сочинения Мильтона есть не что иное, как пересказ сочинения И. Массы; сл. у нас выше, стр. 256—263. Это подтверждают и географические имена, порою воспроизводящие опечатки изданий Массы 1612 г. (напр., Tinn—Тюмень, Toiina—Томск и т. д.), повторенные в английском переводе Перчаса 1625 г., которым пользовался Мильтон. Что Мильтон пользовался сочинениями Массы, хотя и в английском переводе, не знает и Ю. Толстой (заметка по поводу статьи Полуденского «Русская история Мильтона», «Чтения», 1874 г., III, стр. 10), который упрекает Мильтона вслед за его английским источником за хронологическую путаницу: «Знаменитый Аникий Федорович Строганов вовсе не был современником царя Бориса и основал свои варницы в Вычегде в 1515 году, т. е. за 83 года до избрания Борисова. Флетчер упоминает уже в 1589 г. об оставшихся после него трех сыновьях: Якове, Григорие и Семене (ch. XII), которые, по его словам, благодаря поборам царя, лишились большей части богатств своего отца (сл. у нас выше: Флетчер, стр. 203). Притом, если Аника и действительно первый начал торговать с самоедами, то ни в каком случае не открыл их: ибо Герберштейн, приезжавший последний раз в Россию в 1526 г., вовсе не говорит о них, как о недавно открытом народе».

За Нарымом, на восток, на реке Telta *построена крепость* Comgoscoi]. Как указано было выше, под рекою Telta у Массы имеется в виду р. Кеть (см. выше, стр. 272). Kongoffskoi (Kungorskoi) — первоначальное название Кетского острога (ср. Müller, Sammlung Russ. Gesch., VII, S. 94)

W. Radloff, Aus Siberien I, S. 161 указывает на 1598 г., как на год основания Нарымского и Кетского острогов, однако Müller (Samml. Russ. Gesch., VI, S. 493), упоминая, что основание Нарыма в точности неизвестно, полагает все же, что в 1596 г. он существовал.

В 1605 г. солдаты Нарымского и Комгосского гарнизонов]. В переводе Ю. В. Толстого: «солдаты Нарымского и гарнизонов» восстанавливаем пропуск по подлиннику: «Beyond Norim and Comgoscoi the soldiers of those garnisons»... И эта глава сочинения Мильтона в значительной степени является просто переводом второго сочинения Массы о Сибири (сл. у нас выше, стр. 266).

которую туземные дикие называли Pisida] р. Пясина; сл. о ней выше, стр. 223.

пока не увидели Белого города] ср. выше, стр. 188, 235, 273. По замечанию Геннинга—это неопределенный город; туземцы передавали русским только широко распространенный слух. Baddeley (II, p. 81), напротив, исходя из анализа рассказа Петлина и разъяснений Е. Тимковского, Путешествие в Китай через Монголию. СПб. 1824, ч. I, стр. 300, полагает, что это Sin-Pao-ngan, окруженный красивой каменной стеной.

посланные от царя Алтына]. Сл. выше, неизвестный англичанин, стр. 286.

в 1619 г. послал несколько лиц от себя из Томска к Алтыну и в Катай]. Речь идет несомненно о посольстве И. Петлина 1618 г. (сл. выше, неизвестный англичанин, стр. 286). Это посольство отправлено было не самим Московским правительством, а по замыслу тобольского воеводы из Томска. Поэтому московские приказы не считали это посольство официальным началом посольских сношений с Китаем (первым послом считался Ф. Байков, 1654 г.; см. ниже: Кильбургер). Правда, по итальянскому известию, еще Грозный посылал на разведки о Китае, но это известие неправдоподобно (см. выше, стр. 98). Известное в старых рукописях путешествие И. Петрова и Б. Ялычева (Карамзин. Ист. Гос. Росс., т. IX, прим. 648; И. П. Сахаров. Сказ. русск. нар., II, кн. 8, стр. 183—186; А. Попов. Изборник славянск. и русск. соч. М. 1869, стр. 430—437), повидимому, представляет собою недоразумение (см. выше, стр. 95). Тем интереснее свидетельство португальца Пинто (род. 1509 г.), который рассказывает, что видел «московитов» в северном Китае, в городе Tuymicao, в 1544 г., в посольстве некоего татарского владетеля Carao (из Бухары, Крыма или Казани?): «Они белокуры, хорошо сложены, одеты в широкие штаны, дорожные плащи с широкими рукавами и шапки, подобно фламандцам и немцам... причем более знатные из них были одеты в кафтаны, подбитые соболями и другими мехами. Все они носили большие и широкие сабли и мы заметили, что в своем языке они употребляли и некоторые латинские слова, и что даже, зевая, они трижды повторяли: Dominus! Dominus! Dominus! Это показалось нам скорее по-язычески, чем по-христиански; что же еще хуже было в них—это содомский грех, которому они были очень подвержены» («Peregrinacao de Fernao Mendes Pinto» Lisboa, 1829; это лучшее доныне издание его путешествий; оно воспроизводит изд. Coimbra, 1614, сделанное по утраченной рукописи автора, через 30 лет после его смерти; E. Breitschneider в Madiaeval Researches from eastern As. sources, Lond., 1888, II, p. 155, цитирует это место по испорченному французск. переводу Figuier, 1628; оно искажено также в английском переводе Перчаса, ed. 1906 vol. XII, p. 137). Свидетельство Пинто стоит совершенно особняком и заслуживает специального разбора, который я постараюсь представить в другом месте, тем более, что «московитов», по иному случаю, Пинто упоминает еще раз, в связи с «алеманами», т. е. немцами.

Царица Манчика]. В путешествии И. Петлина говорится: «А третей город в Мугальской земле Лобунской..., а воеводит в нем женщина, имя ей княгиня Манчикатут, да сын ее князь Ончин-тайчи. А та княгиня Манчикатут указывает в Мугальской земли во всем, по всем городам» и т. д. (Ф. И. Покровский. Путешествие в Китай сибирского казака Ивана Петлина в 1618 г.—Изв. О. Р. Яз. Слов. Ак. Наук. 1913, IV, стр. 288). В лучшем списке реляции Петлина княгиня названа: «царица Манчика» (Baddeley, Russia, Mongolia, China, Lond., 1919, vol. II, p. 71). «Упоминаемая Петлиным монгольская княгиня есть известная в истории династии Мин — Сань-нян-цзы (троекратная боярыня в переводе, т. к. она была последовательно за тремя мужьями), урожденная из Ордоса; в молодости она была замечательною красавицею; из-за нее едва не возгорелась война между Ордосом и Бай-шин-хотоном. Хотя действительными князьями аймака были ее дети и внуки, но вся власть и влияние находились в ее руках; она строго следовала политике Анды и стремилась держать свой аймак в подчинении пекинскому двору, за что последний пожаловал ей титул Чжун-шунь-фу-шень, т. е. верной и покорной боярыни. Она жила в Бай-шин-хотоне (нынешний Куку-хотон) вместе с своим внуком (а не сыном) Бошокту; в других городках жили других два внука ее Сономи Маоманган» («Заметки арх. Палладия о путешествии в Китай казака Петлина» Зап. Вост. отд., т. VI, 1892, стр. 306—307). См. о ней также Д. Покотило „История восточных монголов в эпоху династии Мин." СПб. 1893, откуда цитаты с поправками привел Baddeley, II, p. 75.

Приехал секретарь царя Тамбура]. У Петлина упоминается «царь Тамбун», в других списках Табун. Г. Спасский («Сибирский Вестник». 1818, ч. II, отд. III, стр. 1—36) предполагает, что нужно читать Да-Мин, т. к. «в реляции Петлина буквы *б* и *м* смешиваются». Палладий (op. cit., стр. 306) вполне соглашается с этой конъюнктурой, напоминая, что Петлин ехал в Китай в то время, когда «власть манчжуров еще не простиралась ни на Китай, ни на Монголию»; речь идет, следовательно, о китайском императоре династии Мин.

простирается от Бухары]. «Бухарами Петлин называет восточных туркестанцев» (Палладий, op. cit., стр. 307).

находится город Широкалга]. «Широкалга, по-моему, то же, что Шира-хотон,—замечает Палладий (op. cit, стр. 308); последним именем, по свидетельству китайских писателей, монголы называли одну из важнейших крепостей близ Ша-ху-коу; как застава, она могла называться Калга, как город Хотон». Подробные разъяснения, что за город здесь имеется в виду см. у J. Baddeley. Russia, Mongolia, China, Lond. 1919, vol. I, p. 71 note.

Таков же и город Яра]. Сравни у Петлина: «А от Широкалги до китайского же города Широ день езду»... «А от Широ города до китайского же города до Яру 3 дни езду»... «А от Яру города до Тайты города 3 дни езду... А от Тайты города до Белого города 2 дни езду. А город каменной, бел, что снег, потому слывет Белгород... а стоит город на четыре углы, а кругом езду 4 дни. А по углам стоят великие и высокие башни; а посередь стен стоят башни же велики и высоки и белы, что снег, с подзоры, с красными и с лазоревыми и с желтыми... Да в том же большем Китае стоит магнитовый город, где сам царь Тайбун живет... стоит на ровном месте, а кругом его река, имя реке Юхо... а до моря от большево Китая, сказывают, 7 день» (Изв. О. Р. Яз. Сл. 1913, IV, стр. 291—294).

Эти известия внесены сюда потому, что мы их имеем от русских]. Это известие справедливо. Как видно из предыдущего, весь этот рассказ не что иное, как сокращенный перевод реляции Петлина, которая помещена была в книге Перчаса 1625 г. (ср. у нас выше, стр. 171). Как попала эта реляция к Перчасу? Baddeley (op. cit. II, p. 67—68) высказывает вполне правдоподобное предпо-

ложение, что ее привез в Англию Джон Меррик (о нем выше, стр. 198), который весьма интересовался землями к востоку от России и в 1614 г. даже просил в Москве разрешения основать вольную торговлю по р. Оби с Индией и Китаем, но получил отказ; бояре ссылались на то, что «Сибирь далеко, до первых городов с полгода ходу и то зимою», что «сами туземцы не знают, откуда Обь-река вышла и куда вошла, сторона та самая студеная» и т. д. «Про Китайское государство сказывают, что оно невеликое и небогатое и добиваться к нему нечего». Нельзя думать, что в этих словах отразилось действительное незнание дела, это была лишь уловка для того, чтобы отбить интерес к нему у английского посла. Характерно, что спрошенные московские гости о дороге в Китай сказали, что они Китайского государства не знают (но посол уличал их в противном), мало про него слыхали, в Сибири не торговали, «а слыхали они, что давно уже англичане туда дороги ищут, да не найдут, и впереди им туда не дорога-ж, поискав да покинут» (Н. П. Лыжин. Столбовский договор и переговоры, ему предшествовавшие. СПб. 1857, стр. 76; Щеглов. Хронологич. перечень, Ирк. 1883, стр. 71—72); с тем большим интересом Дж. Меррик должен был ознакомиться с реляцией Петлина, раздобыв ее лучший список (Baddeley, II, 68, 71); при первой возможности он отправил его в Англию.

за Обью есть море, до того теплое]. Это место взято из известия Фр. Черри (см. выше, стр. 199).

XXXI. ЛАМАРТИНЬЕР | LA MARTINIÉRE

(1653)

Пьер Мартин де-Ламартиньер—французский врач, много путешествовавший по Азии и Африке, автор нескольких медицинских трактатов и книги: „Путешествие в северные страны". В 1653 г., в бытность его в Копенгагене, Датское торговое общество отправило морскую экспедицию к северным берегам Европы для изучения местных рынков и закупки мехов. Ламартиньер на отправляемом корабле получил место судового врача. В путь двинулись в конце февраля 1653 г. Через северные берега Норвегии и Лапландии путешественники добрались до Печоры, затем до Новой Земли; потом совершили путь до Гренландии и вернулись в Копенгаген. Описание этой экспедиции Ламартиньер издал в 1671 г. в книге: „Voyage des pays septentrionaux. Dans lequel se void les moeurs, manière de vivre et superstitions des Norvègiens, Lapons, Kiloppes, Borandiens, Sybèriens, Semojèdes, Zemblins et Islandais". Как то обстоятельство, что между самым путешествием и изданием описания его прошло 18 лет, так и то, что в книге находится много легендарных или плохо объяснимых известий, а географические названия большею частью сильно искажены, составили книге плохую репутацию. Уже старые иностранные исследователи, как, например, Иог. Бекман отзывались о ней не слишком лестно (Joh. Beckmann. Litteratur der älteren Reisebeschreibungen, Bd. I. Göttingen 1807 S. 102—103), как о книге, в которой много „давно уже разоблаченных басен" (Ср. Adelung II, 320—322), а В. Н. Берх в своей „Хронологической истории всех путешествий в северные полярные страны", СПБ. 1821, ч. I, стр. 95—101 упоминал об этом „баснословном путешествии" даже „единственно для того, чтобы показать читателям, до какой степени простиралась ложь древних странствователей". Новейший исследователь А. Браудо отмечает, в свою очередь: „Действительно ли De la Martinière является автором этого описания или он дал ему только свое имя, был ли он действительно в описываемых им местностях или нет—эти вопросы не представляются важными, потому что каких-либо новых, особенно интересных данных сочинение De la Martinièr'a не

заключало в себе даже для того времени, когда оно появилось в свет". Необходимо, однако, отметить, что Витсен, описывая в „Noord en Oost Tartarie" страну самоедов, цитирует неоднократно Martinièr'a. „Но оно имело большой успех, выдержало в течение полустолетия более пятнадцати изданий на разных языках и заслуживает поэтому внимания, как показатель интереса, какой общество того времени проявляло к такого рода сочинениям вообще и в частности к описаниям России" (А. Браудо, „Russica".— Сборник в честь Д. Ф. Кобеко. СПб. 1913, стр. 251—256). В 1911 г. В. Н. Семенкович издал это сочинение в русском переводе по франц. изд. Роже 1671 г., а в предисловии и комментариях пересмотрел заново вопрос о достоверности его, как исторического и географического источника: „Путешествие в северные страны, в котором описаны нравы, образ жизни и суеверия норвежцев, лапландцев, килопов, борандайцев, сибиряков, самоедов, новоземельцев и исландцев". Перевод, объяснения и примечания В. Н. Семенковича—„Записки Московского Археологического института", т. XV, 1912, стр. XXXI+229 и отдельно, М. 1911. Реабилитация Ламартиньера-путешественника В. Семенковичу удалась в значительной степени. Сличая многочисленные издания книги, автор показал, что позднейшие издания и заслужили Ламартиньеру упрек в легковерии и невежестве; отдельные издания разнятся между собой не только редакционными или стилистическими поправками, но в некоторых из них сделаны столь большие и существенные вставки, что они совершенно изменяют характер книги. Благодаря обилию изданий и переводов книги Ламартиньера, в характере этих изменений разобраться нелегко (в руках Семенковича не было всех изданий; большим количеством их располагал А. Браудо, на стр. 252—253 указанной статьи давший перечень всех изданий имеющихся в Гос. Публ. библ-ке в Ленинграде, но и он, видимо, имел под рукою не все; наиболее полный список их дает книга J. Chavanne, A. Carpf, Fr. Monnier. Die Literatur über die Polar-regionen der Erde, Wien 1872, S. 48—49, № 1125—1127, где названо, между прочим, и издание 1656 года, неизвестное русским библиографам, если это не корректурный недосмотр, вообще отличающий эту книгу; следующие французские издания: 1671, 1672—76; 1672, 1690, 1708, английские, начиная с 1674, немецкие—с 1675 г.). Однако, Семенковичу удалось все же показать, что разные, приписываемые Ламартиньеру, нелепые сообщения о рогатых людях, о „китайской Мавритании", о людоедстве самоедов и т. д. принадлежат не автору а издателям, исказившим первоначальный текст, или же переводчикам, не понявшим подлинника; в некоторых же случаях, например, при описании покупки ветра у лопарей, сам Ламартиньер „добросовестно ошибался, подчиняясь распространенному тогда взгляду на лопарей, как на волшебников". Комментируя Ламар-

тиньера, Семенкович дал вполне правдоподобное объяснение и некоторых странных, встречающихся у автора, названий. Так, город Витцорана на Печоре есть, вероятно, село Виска или Великовисочное, Борандия, населенная борандайцами, есть часть материка между Печорой и Хайпудырской губой, против острова Варандея; „килопами“ автор называет „диких лопарей“ („дикая лопь“ русских текстов); Папин-город— Ляпин городок, остяцкая деревня на реке Сыгве; горы, будто бы закрывающие проход между Вайгачем и материком, которые Ламартиньер называет Патенотр, есть, вероятно, искажение самоедского названия части Урала—„Пае-Нер“ и т. д.

Рис. 44. Самоеды (Из книги Ламартиньера)

Таким образом, можно как будто считать доказанным, что Ламартиньер самолично „совершил одно из удачнейших путешествий по северу Европы в половине XVII столетия“ и что „эта заслуга или,—как склонны думать другие,—это слепое счастье во всяком случае должны быть отмечены в историко-географической литературе нашей“ (Семенкович, стр. 1). В вопросе, однако, нет согласия. „Нельзя не согласиться с переводчиком,—замечает и Г. Танфильев,—что книга Ламартиньера, которую считали не заслуживающей внимания, является, на самом деле, очень интересной и важной для познания прошлого нашего севера“ (Известия Одесского Библиографического Общества, т. II, вып. 8, 1914, стр. 349—352). Особого мнения придерживается А. Браудо (op. cit., стр. 225), который считает, что „если относительно плавания от Копенгагена до Колы, а пожалуй и до Новой земли, еще может быть допущено предположение, что автор действительно принимал в нем участие, то длинный рассказ о высадке в устьях Печоры и пребывание среди самоедов и борандийцев носит характер вымысла. Мы встречаемся в этой части описания с рядом географических названий, которые, все именно в таком искаженном виде, могли быть заимствованы у других авторов или из географических карт того времени“. Следует, однако, отметить, что для Сибири книга дает в сущности очень мало: помещенный переводчиком в приложении отрывок из Амстердамского издания, где дается описание России (между прочим Сибири) со слов ссыльного лотарингца, которого будто бы Ламартиньер встретил в низовьях Печоры, является не чем иным, как переводом из книги Самюэля Коллинза (см.), о чем, впрочем, В. Семенкович не знает. Что же касается приводимого ниже описания перевала через Урал и Ляпина городка в Березовском уезде, то заключающийся в нем фактический материал очень незначителен и, по справедли-

вому замечанию С. В. Бахрушина, считающего возможным пользоваться книгой Ламартиньера, как источником, „точно установить, где он совершил перевал, невозможно" (Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. М. 1928, стр. 62). Отметим еще, что пересказ путешествия Ламартиньера в Борандай и Сибирь находится в книге: Everhardii Guerneri Happelii, Mundus Tripartitus oder Wunderbare Welt, Ulm 1689, III, S. 608—616. Нижеследующий отрывок приведен по изданию Семенковича, стр. 59—61.

Мы перевалили горы, которые разделяют Борандай от Сибири,—путь очень тяжелый и трудный по причине безлюдности этих мест, которые и не могут быть обитаемы как по своей бесплодности и множеству снега, так и по чрезмерному количеству белых медведей и волков. Их так много, что мы постоянно были в страхе, пробегая этими местами и ежеминутно ожидая нападения, хотя, оказывается, они нас столь же боялись, как и мы их, и видно было, как они разбегались то в ту, то в другую сторону при нашем приближении, считая нас за охотников, благодаря нашему блестящему оружию, а мы были просто купцы. И вот, после больших затруднений, с которыми должны были справляться олени при перевале через хребет, на что мы употребили 10 или 12 часов, мы спустились в одну сибирскую деревушку, обитатели которой были одеты в медвежьи шкуры, шерстью вверх, но носили белье и сапоги с подковами, из чего мы заключили, что они более образованы, чем те, которых мы только что оставили. Они и приняли нас более учтиво и расспрашивали: кто мы, откуда и куда едем? Мы выпили и закусили с ними тем, что имели, а они нам принесли своего угощения, которое состояло из соленого волчьего и медвежьего мяса, пряников и водки; мы скупили у них на деньги меха, за исключением соболей, потом, отдохнув часов пять на медвежьих шкурах в одной из хижин, построенной на лапландский манер, мы выпили на каждого по глотку водки, сели в сани и продолжали наш путь к Папинову городку, куда и прибыли часов через 20, с отдыхом для кормежки наших оленей.

Рис. 45. Самоеды
(Из книги Ламартиньера)

Мы отдохнули 6 или 7 часов в доме воеводы, который встал тотчас же, как только один из слуг доложил ему, что мы проснулись и пришел нас проведать в нашу комнату; за ним слуга нес бутылку водки: сам он выпил большую чарку и нас угостил. Затем он спросил, хотим ли мы купить его меха; приказчик отвечал

утвердительно, попросив осмотреть их все, сторговался и уплатил деньги. Не имея больше мехов сам, воевода позвал некоторых обывателей, у которых, как ему было известно, были меха, и мы купили их с его разрешения; после этого нам снова пришлось приняться за выпивку и курение табаку. В то время как наш приказчик с подручным был занят торговлей, я пошел прогуляться по городу, который расположен в красивой местности, в небольшой болотистой котловине, окруженной довольно высокими горами; подле города протекает очень красивая и рыбная река; дома дурно построены, низки, все сделаны из дерева и дерна, щели между бревен проконопачены мхом, а городская мостовая состоит из деревянных досок, плотно пригнанных одна к другой.

Важные обитатели этого города носят штаны, чулки, длинное платье, которое у них спускается до пят, и узкие рукава,—все из сукна, у одного одного, у другого—другого цвета; обувь составляют кожаные сапожки, то синие, то красные, то желтые, с железными подковами на каблуках, как у поляков, а на голове суконная шапка, отороченная то черной лисицей, то белкой, то горностаем, а у некоторых соболем. Что касается женщин, то они очень красивы, белы и полны, с темнорусыми волосами и, как все московиты, очень приветливы; подобно своим мужьям, они носят платье до пят из сукна красного, фиолетового или голубого цветов, сшитое наподобие полукафтанья, отороченное белым лисьим или собольим мехом, с длинными висячими рукавами, которые приколоты к платью; других рукавов, куда бы они могли поместить свои руки, у них нет, так как рукава их рубашек необычайно длинны и каждый имеет до пяти локтей длины; сшиты они из очень тонкого полотна и собраны на рукавах в складки. На голове носят они род овального чепчика, а волосы заплетены у них в косы, украшенные лентами, которые спускаются позади плеч. Башмаки у них из русского сафьяна; они носят также пояса из жемчуга средней величины. Что касается до родившихся в Сибири, то они не очень отличаются от самоедов, борандайцев и других северян как по нраву и костюму, так и по образу жизни.

ПРИМЕЧАНИЯ

Мы перевалили горы, которые разделяют Борандай от Сибири]. Под Борандией как вслед за Ф. П. Литке убедительно показал В. Н. Семенкович (Ламартиньер. «Путешествие в северные страны». М. 1911, стр. 40—42) нужно понимать часть материка между Печорой и Хайпудырской губой, против острова Варандея. На европейских картах начала XVII в. мы встречаемся с этим названием—Bolsoi Borandey: так назван мыс, находящийся к востоку от устья Печоры на картах Исаака Массы (1612), Гесселя Герритса и т. д. (В. А. Кордт. Материалы по истории русской картографии, вторая серия, вып. I, Киев, 1906, табл. XIII, XV). О «борандайцах» же, т. е. очевидно о жителях

этой местности еще Klinsgtedt (Historische Nachricht von den Samojeden und Lappländern, Riga und Mitau, 1769), по указанию А. И. Браудо («Russica» в «Сборнике в честь Д. Ф. Кобеко», СПб. 1913, стр. 256) заметил, что это «народ, существующий только в воображении». Не зная о толковании Семенковича, P. Cronheim (Fahrten und Forschungen der Holländer in den Polargebieten, Leipz. 1913: Quellen und Forschungen zur Erd-u. Kulturkunde Bd. VII, S. 161) замечает: «Что касается борандийцев, то название такого народа вообще неизвестно». Ф. Литке (Четырехкратное путешествие, СПб. 1828 г., I, стр. 66) пишет: «Загадочный Борандай... не сомневаюсь я принять за остров Варандей, лежащий под Большеземельским берегом, в 68 ит. милях к В. от устья Печоры. Ламартиньер... легко мог название одного острова распространить на всю прилежащую землю и ее жителей. Его могли также ввести в заблуждение и карты того времени: на всех почти надпись, принадлежащая острову Варандею, Bolsoy Boranday, продолжена на матерой берег, так что и в самом деле нелегко догадаться, что она относится к острову. Итак, борандийцы его суть, конечно, ни что иное, как самоеды и россияне, выезжавшие на промыслы к острову Варандею».

продолжали наш путь к Папинову городку]. Papin seu Papinovugorod известен также Герберштейну, который заметил даже, что «жители его называются папинами и имеют язык, отличный от русского», фигурирует он и на картах, напр., на карте Гильома Сансона «Russia Bianca Moscovia», на карте Кантелли «La gran Tartaria divisa» (см. В. А. Кордт, op. cit., таблица XVI). Весьма вероятно, что это Ляпин городок, получивший свое название от р. Ляпина или Сыгвы (сл. выше: А. Тевэ, стр. 147) и завоеванный русскими в 1501 г. Новейший путешественник по Ляпинскому краю Д. И. Иловайский (Верхнеюрские аммониты Ляпинского края. М. 1917—Работы геологического отд. И. О. Л. Е. А. Э., I стр. 11), сославшись на то, что «Папинов город» Ламартиньера — Ляпин городок, замечает: «В книге де-Ламартиньера я могу отметить одно место, из которого видно, что автор или сильно прикрасил свой рассказ или же совсем не был на Ляпине: описывая Ляпин город, де-Ламартиньер говорит, что он расположен «в небольшой... котловине, окруженной довольно высокими горами». Между тем, прежний Ляпин-городок находился, по всему вероятию, на берегу Ляпина против Саран-Паула, как раз там, где и теперь еще можно видеть развалины старинной крепости... В этом месте берег реки низменный, котловины никакой нет, гор тоже нет, да и Урал отсюда едва виден». В другом месте тот же автор рассказывает, что «в Ляпинском крае имеются следы очень старинных поселений: на левом берегу Ляпина, напротив Саран-Паула, недалеко от реки находятся довольно хорошо сохранившиеся остатки старинной деревянной крепости, которая, без сомнения, может представить большой интерес для археологов. Мне осталось совершенно неизвестным, построена ли эта крепость русскими или вогулами до прихода русских. Возможно, что это и есть тот Ляпин город, о котором говорит де-Ламартиньер» (op. cit., стр. 30—31). Небезынтересно отметить для характеристики рассказа Ламартиньера, что в описываемое время Ляпин городок, вероятно, играл большую роль в русско-сибирской торговле. Так, Лерберг (Исследования. СПб. 1816, стр. 3) находит очень вероятным «утверждение тамошних жителей, что в упомянутом Ляпине были некогда порядочные русские лавки и что место это уже до XVI века было известно по торговле, которая производилась там, как в складочном месте товаров, русскими и зырянами, с предками тамошних природных жителей». По словам И. Завалишина (описание Западной Сибири, М. 1862, стр. 295)— «в древности тут был вогульский городок, славившийся своей меновой торговлей»

Затем он спросил, хотим ли мы купить его меха]. Как известно, продавать соболей или куниц можно было только в казну; поэтому открытой продажи их частным лицам не было, но была тайная; характернейшей иллюстрацией злоупотреблений воевод в этом направлении является рассказ Ламартиньера;

кроме того, он упоминает в своей книге, что воевода Печоры продал датчанам в 1653 г. из царского магазина два наилучших сорока совсем черных соболей (Путешествие в северные страны, М. 1911, стр. 91); поэтому за воеводами отдаленных сибирских городов иногда числились весьма значительные недочеты, не говоря уже о том, что они умели скрыть. Так, напр., на воеводу якутского (кн. Волконского) в 1675 г. начтено было всего: «12.413 р. 3 алтына 3 деньги, да мягкой рухляди два сорока двадцать четыре соболя, да лоскут, да хвост, да четыре сорока, да четырнадцать пупков собольих, да девятнадцать лисиц красных» (сл. Б. Чичерин. Областные учреждения, стр. 327—329; А. Лаппо-Данилевский. Организация прямого обложения о Московском государстве, СПб. 1900, стр. 432—433).

XXXII. А. МЕЙЕРБЕРГ | A. v. MEYERBERG

(1661—1663)

Барон Августин Мейерберг (1622—1688), родом из Силезии, был советником апелляционного суда в Глогау. Имп. Леопольд I вызвал его в Вену и много раз отправлял послом в разные страны: в Турцию, Польшу, Данию, Россию. Путешествие его в Москву совершено было в 1661—1663 гг. Помимо представленного им донесения о ходе дипломатических переговоров, о приеме посольства в Москве и его результатах (Relatio humillina Augustini de Meyern et Horatio Calvucci ablegatorum in Moscoviam . . 1663), Мейерберг написал еще книгу „Iter in Moschoviam" (Кельн, 1663? в 1688 г. в Лейдене вышел французский перевод; в 1667 г. в Неаполе—итальянский), в которой, кроме описания самого путешествия, дана картина Московского государства при царе Алексее. Сочинение это является ценным историческим источником и значение его еще увеличивается приложенным к нему альбомом рисунков, сделанных состоявшим в его свите художником. Интересной особенностью книги Мейерберга является точность приводимых им географических названий; возможно, что он до некоторой степени знал русский язык. Во всяком случае он был очень внимательным и осведомленным наблюдателем. Небольшое известие его о Сибири любопытно потому, что, насколько мы можем догадываться, Мейерберг собрал сведения о северовосточных окраинах из довольно верного источника. Говоря о юграх и сожалея о том, что он не мог самостоятельно проверить на опыте близость югорского и венгерского языков, Мейерберг замечает: „Только слышал я от одного немца, бывшего в ссылке в Сибири и наезжавшего иногда в Югорию, что югры говорят на собственном наречии, которое плохо понимают сибирские татары" (Чтения в Общ. Ист. Др. 1873, IV, стр. 148). Как „Донесение" Мейерберга, так и „Iter in Moschoviam" хорошо известны русской науке и несколько раз переводились на русский язык. „Донесение" по тексту, напечатанному Вихманом („Sammlung bisher noch ungedruckter kleiner Schiften zur älteren Gesch. u. Kenntniss des Russisch. Reiches, Berl., 1802), напечатали в русских переводах До-

броклонский („Русск. Зритель", 1828, № 36) и Барсов (Чтения в Общ. Ист. Др. 1882, I—III); „Путешествие в Московию" перевел с латинского А. Н. Шемякин (Чтения в Общ. Ист. Древн., 1873, III, IV, 1874, I). Биографические данные о Мейерберге и оценка „Путешествия", как исторического источника, даны Ф. Аделунгом в книге, одновременно вышедшей на немецком и русском языках на средства гр. Н. П. Румянцева: „Бар. Мейерберг и путешествие его по России", СПб., 1827. Аделунг же выпустил в свет и „Альбом" рисунков, приложенных к „Путешествию"; он переиздан в 1903 году под загл.: „Альбом Мейерберга. Виды и бытовые картины России XVII века." Объяснительные примеч. к рисункам, сост. Аделунгом, вновь просмотрены и дополнены А. М. Ловягиным, СПб., 1903. Нижеследующий отрывок приводим по переводу А. Н. Шемякина (Чт. в Общ. Ист. Древн., 1873, IV, стр. 135—136).

Сибирь (Sibiria) сначала сделал своею данницею Иван Васильевич старший, а потом совершенно покорил ее младший. Это самая обширная область, известная как несчастное ссылочное место виновных, а также и невинных изгнанников. Понемногу захватывая соседних татарских князей и время от времени делая их своими данниками, благодаря опустошительным набегам в разные стороны, Московия распространила свои разбросанные пределы даже до Иммауса (Immaum) (если правду говорят москвитяне); перенесла бы их еще дальше, если бы недавние военные неудачи не остановили ее нападений. Главный город Сибири Тобольск (Tobolia), построенный москвитянами на высокой горе, при самом впадении Тобола в реку Иртыш (Irtischii), обнесенный деревянной стеною, под защитою тут же пристроенной деревянной крепости. Город пользуется почестью архиепископства и мужского монастыря; населяют его одни москвитяне, а для всех других пришлецов отведен подчиненный Тобольску городок на берегу Тобола. В известное время года в Тобольск со всех сторон стекаются татары из своих царств для торговли, однако же они никак не хотят отдавать своих товаров за деньги, а только меняют на другие, привезенные из Архангельска. К Тобольской области принадлежит и другой большой город Тюмень (Tumenium), в 64 верстах к югу от Тобольска, при реке того же имени; он обнесен деревянным острогом и тоже населен одними москвитянами, так как татары должны довольствоваться своими жилищами на другой стороне реки. Также и Верхотурье (Virchaturia), деревянный город, не уступающий обширностью Тюмени, в 220 верстах от него, тоже к югу, и построенный на горе при реке Туре (Tura), впадающей потом в Тобол. Между ним и Тюменью поднимаются очень высокие горы, поросшие множеством кедровых лесов, откуда великий князь еже-

годно получает огромный доход с этого обширного царства в разных очень дорогих мехах. Природные жители татары—идолопоклонники, говорят собственным наречием, и даже до сих пор не знают употребления хлеба. Не потому, однако же, как пишут некоторые, чтобы стужа не давала дозревать жатве, но вследствие обычая, почти общего всем народам этой области, которые довольствуются звериным мясом да рыбой, а этого у них большое изобилие и потому они пренебрегают употреблением хлеба. Впрочем, московские поселения, заведенные там, также ссыльные воины и воеводы обрабатывают, для собственного употребления, самые плодородные поля, особливо у Тюмени, и в свое время собирают с них вверенное им семя с самой богатой для себя прибылью, сверх всякого ожидания. Пьют вино, квас и водку. Меду у них нет, потому что совсем нет пчел. О виноградном вине также не заботятся, так как очень удобно привозить его из залива Белого моря.

ПРИМЕЧАНИЯ

Иван Васильевич старший]. Имеется в виду Иван III. Под именем Ивана Васильевича младшего разумеется Иван Грозный.

даже до Иммауса]. Под Имаусом Птолемей и другие древние писатели, а за ними и европейские географы, вплоть до XVIII века, понимали ту меридиональную систему гор, которая по их представлениям делила Азиатскую Скифию, т. е. Северную Азию на две части,—западную и восточную, по сю и по ту сторону Имауса («Древности», XIV, стр. 285). Страленберг (Historie der Reisen in Russland, Siberien etc., s. a. S. 49, 326—327), пытаясь доказать, что под Имаусом Птолемей понимал Саянский хребет, делает также довольно рискованную с лингвистической точки зрения попытку объяснить его название из татарского языка: «если название Альп (Montes Albi) обозначает не что иное, что русские называют Белками (Bielaji), т. е. белые горы, горы, покрытые снегом, то то же значит и название Imaus'a, который татары на своем языке называют Imus-tag или же Imussahr; слово же Mus или Maus означает у них лед, произнося которое они отбрасывают начальный гласный «I»; «Tag» же означает «гору», причем так называют и снежные горы. Отсюда и получилось испорченное название: Имаус». В современной науке, однако, приняты или предложены в настоящее время другие этимологии этого имени. В средневековых латинских текстах слово Имаус появляется в различной форме: Imaos, Imeus, Imaus (примеры см. у G. Coedes. Textes d'auteurs grecs et latins relatifs à l'Extrême Orient, Paris. 1910, p. 4—5, 34, 45—47, 57, 66. 68, 70, 93), очевидно, имелись в виду Гималаи, название которых (Himâlaya) производят от санскритских слов «Hima»—снег и álaya—жилище, т. е. снежное жилище, снеговой хребет; от производной формы himavat—снежный, ветреный, еще Франц Бопп производил и название ''Ημωδός—«принадлежащий Гималаям», в котором ava перешло в ô, а отсюда вполне объяснима также форма 'Ιμαωζ, что будет значить «снежный, обильный снегом» (см. Lassen. Indische Altertumskunde, I, 17; Ritter. Asien, II, S. 420; J. G Cuno. Forschungen im Gebiete der alten Völkerkunde. I, Berl. 1871, S. 115, J. J. Egli. Nomina Geographica, Lpz. 1872, S. 245 s. v. «Himálaya»). Аналогично название Siue-Schan, которым китайцы называют Тянь-Шань (Timkowski. Voyage á Peking á travers la Mongolie. Publ. avec des corrections et des notes par M. I. Klaproth, Paris, 1827, I, p. 440).

По Рихтхофену (China. Ergebnisse einer Reise. Berl., 1877, I, S. 479)—под Имаусом следует понимать Памир. Мейерберг в 1663 году, конечно, не мог иметь в виду ни одного из приведенных толкований слова, употребляя его в том достаточно неопределенном значении, какое придавали ему европейские комментаторы Птолемея; следовательно, его фразу «Московия распространила свои пределы даже до Имауса» следует понимать в значении: «в глубь восточной Азии».

Тобольск... обнесенный деревянной стеною]. Характеристику Тобольска, его внешнего вида и бытового уклада см. ниже, в рукописи неизвестного 1666 года.

Город пользуется почестью архиепископства]. «Тобольск в это время был административным и церковным центром, городом, в котором находилось главное управление краем: в нем жили главные сибирские воеводы, от коих находились в известной зависимости воеводы других сибирских городов и в нем же пребывали тобольские и сибирские архиепископы, впоследствии митрополиты». К 60-м годам г. Тобольск, построенный в 1587 г., вырос в довольно значительный по тому времени город, с большим и разнообразным населением (С. А. Белокуров. Юрий Крижанич в России. М., 1906 г., гл. IV. Крижанич в Сибири в 1661—1676 г., стр. 108—158; П. Буцинский. Заселение Сибири и быт ее первых насельников. Харьк., 1889, стр. 103—110. Тобольск. Материалы для истории города XVII—XVIII столетий. М., 1885, стр. 10, 27, 32—44 и т. д.).

отведен подчиненный Тобольску городок на берегу Тобола]. Мейерберг имеет в виду ремесленный квартал Тобольска, в котором тогда жили преимущественно татары. См. описание его ниже, в рукописи неизвестного 1666 года.

Тюмень]. Шведский военный агент Эрик Пальмквист, приезжавший в Москву в 1674 году вместе с посольством Г. Оксенширна, интересовался между прочим и Сибирью и расстояниями между отдельными сибирскими городами. По его собственным словам он «в разных местах тайно наблюдал и рисовал, рискуя собою, а также получил за деньги некоторые сведения от русских подданных»; в альбоме, который явился результатом этих расспросов, к двум картам Сибири, представляющим копии «Чертежа» П. И. Годунова (сл. Ю. В. Готье. Известия Пальмквиста о России «Археологические известия и заметки» 1899, № 3, 4 и 5, стр. 75—76; В. А. Кордт. Материалы для истории русской картографии, вторая серия, вып. I. Киев., 1906, стр. 23—26), автор приложил лист, под заглавием: «Сообщается копия [описания] путешествия в Сибирь. Подробное обозначение стран, городов и различных народов Московского государства вплоть до киргизской страны, Монголии и Китая, а также расстояний между ними» (цитирую по изд.: «Nägre widh Sidste Kongl. Ambassaden till Tsaren Muskou giorde observatione öfver Ruszland», Stockholm 1898, без нумерации страниц): здесь расстояние от Верхотурья до Япанчина определено в 36 миль, от Япанчина до Тюмени—18 миль и от Тюмени до Тобольска—46 миль. Этот лист рукописи представляет, как думает Ю. Готье, пояснения к карте, но составлен автором самостоятельно, т. к. не имеет ничего общего с рукописным русским описанием «Чертежа» П. И. Годунова (напеч. у А. Титова. Сибирь в XVII веке. М., 1890, стр. 41—101), в котором расстояния между отдельными поселениями, согласно традиции, определяются днями пути (ср. выше: неизвестный англичанин, стр. 284: «От Тюмени до Тобольска—шесть дней пути вниз по Иртышу»). Они не соответствуют и тем (в верстах), какие привел ездивший вместе с Пальмквистом Кильбургер в его сочинении о русской торговле: от Верхотурья до Япанчина 180 верст, от Япанчина до Тюмени—90, от Тюмени до Тобольска—230; всего от Москвы—2.750 верст (о неопределенности термина «верста» в XVII веке см. выше, стр. 128). Б. Г. Курц. Сочинения Кильбургера о русской торговле, Киев, 1915, стр. 202—203. О Кильбургере и Пальмквисте см. у нас ниже s. v. Ср. также у Витсена, II, 848: «Список расстояний в милях, считая по 5 верст в милю, от Тобольска до Москвы».

XXXIII. НЕИЗВЕСТНЫЙ | ANONYMUS

(1666)

В брошюре Я. К. Грота „Записка о ходе в 1860 г. приготовительных работ по изданию Державина и несколько библиографических заметок во время заграничного путешествия“, СПб., 1860, стр. 27—28 содержится указание на то, что в Копенгагенской публичной библиотеке находится ряд датских и немецких рукописей, „имеющих некоторую связь с русской историей“. „Покуда могу сообщить одни заглавия их,—замечает Грот,—потому что время не позволило мне заняться на месте просмотром, а тем более выписками из них“. Далее, указав, что он „распорядился об изготовлении с них верных копий“, которые надеется вскоре получить, Грот указывает заглавия пяти рукописей из Старого Королевского Собрания“ (Gamle Kgl. Samling) и несколько заглавий рукописей из других собраний той же библиотеки. Среди первых в его перечне, под № 2323 GKS значится рукопись, привлекшая мое внимание, под заглавием: „Beschreibung der Reise auf Siberien und weiter ins Land 1666 [Grammio adnotante] durch Fr. v. Gabell“.

Все мои розыски других литературных указаний на эту рукопись и следов, быть может, изготовленной для Грота копии ее, остались безуспешны. Тогда я обратился в Копенгагенскую королевскую публичную библиотеку с просьбой сообщить мне, действительно ли в библиотеке находится указанная рукопись, а также издана она или нет. Администрация библиотеки любезно известила меня, что указанная рукопись в библиотеке действительно имеется, но что она не издана и еще никем не изучена; благодаря просвещенному содействию администрации, я вскоре же смог получить фотографические снимки заинтересовавшей меня рукописи и заняться разбором ее, переводом и исследованием.

Первый же просмотр рукописи убедил меня в том, что я имею дело с очень интересным для истории и этнографии Сибири документом. Приходится удивляться тому, что рукопись эта до сих пор не обращала на себя внимания исследователей и что приведенное выше указание Я. К. Грота было единственным упоминанием ее в

литературе, которое не заинтересовало никого в течение 70-ти лет! Со своей же стороны, я был очень рад возможности включить в настоящее собрание иностранных текстов о Сибири еще один очень важный и прежде неопубликованный текст.

Слова каталога „Grammio adnotante“, выписанные Гротом, означают: „по приписке Граммия“. Граммий, как писалась латинизованная форма его имени, или Ганс Грам (Hans Gram) был в 1740—1748 годах директором Королевской библиотеки в Копенгагене и считался большим эрудитом; на первой странице интересующей нас рукописи его рукой сделана помета: Hn Friderich von Gabels. Так как в самой рукописи автор ее нигде не назван, то эту заметку обычно толковали в том смысле, что автором ее и является Фридрих фон Габель. Чем Грам руководствовался, делая эту помету, неизвестно.

По ряду соображений, изложенных ниже, я должен, однако, отказаться от предположения, что автором рукописи является Габель и помету Грама склонен толковать в том смысле, что рукопись только принадлежала Габелю. Но обратимся сначала к самой рукописи. С внешней стороны рукопись представляет собою тетрадку, состоящую из 32 страниц в 4-ку, исписанных мелким, но довольно четким почерком XVII века (см. прилагаемые рисунки, на которых мы воспроизводим 3-ю и 29-ю страницы подлинника); на обложке тетрадки (первая страница по нашему счету) содержится общее заглавие: „Beschreibung Der Reise auff Ziberien und Weiter Ins Land, Orth und Stelle“ („Описание путешествия в Сибирь и далее, в различные местности страны“); оборотная страница и заключительная 32-ая страница обложки—пустые, а на остальных написан самый текст путешествия, имеющий в начале отдельное заглавие, а в середине также несколько особо озаглавленных частей. Заглавие начала текста: „Einen Richtige Beschreibung Unsern Weitten Reise von Muscow durch die Statd (sic) Tobolski die Haupstadt in Ziberien die Ich Selber gethan und mitt Fleiss nach Möglichkeit obseruiret: geschehen im Jahr 1666, mit ein Comitat von 46 Officieren, dem Liebhabenden zum Sicherl. Nachricht“ (т. е. „Правдивое описание нашего дальнего путешествия из Москвы через город Тобольск, главный город Сибири, которое я сам совершил, делая по возможности прилежные наблюдения, в 1666 году, в обществе 46 офицеров, для точного осведомления интересующихся“). Рукопись делится на несколько частей. После заглавия дается подробный дневник пути из Москвы до Тобольска, совершённого автором в период между 5-м января и 3-м марта 1666 года, причем автор методически отмечает все

привалы и ночевки путешественников, количество верст между отдельными городами и местами остановок, давая в то же время краткую характеристику местностей, мимо которых он проезжал: внешний вид городов, местечек и сел, крепостей, укреплений и правительственных зданий; занятия, обычаи и нравы населения, иногда и картины природы (стр. 3—15); далее дано: „Описание города Тобольска и его окрестностей“ (стр. 15—20); „Описание бухарцев и их промыслов“ (стр. 20—23)— интересная этнографическая статья, основанная на личных наблюдениях автора в бухарском квартале Тобольска; далее на стр. 23—29 (без особого заглавия) дается этнографическое описание Сибири, причем автор особенно подробно останавливается на калмыках, характеризуя их домашний и общественный быт, религиозные воззрения и сообщая попутно расспросные сведения о Тибете и о Далай-Ламе; стр. 29—31 заняты небольшим поверхностным обзором: „О народах и племенах в Сибири, насколько я их знаю“; заключает рукопись краткий перечень (стр. 31): „Главнейшие реки этого путешествия“.

Об авторе этой рукописи из текста ее можно извлечь самые незначительные сведения. Заглавие первой части „Дневника“ свидетельствует, что путешествие было совершено „в обществе 46 офицеров“ (mit ein Comitat von 46 Officieren), притом, повидимому, все эти лица ехали из Москвы в Тобольск, но неизвестно с какой целью, скорей всего на постоянную военную службу. Из самого „Дневника“ мы узнаем, что автор рукописи выехал из Москвы 5-го января 1666 года и ждал в подмосковной деревеньке вместе с другими участниками путешествия „нашего полковника“ (unser Obersten, стр. 3). Рассказывая о проезде через Верхотурье, автор говорит: „несмотря на то, что мы имели царскую грамоту с государевой печатью о том, что он (воевода) должен пропустить нас беспрепятственно“ „мы все же должны были подвергнуться осмотру“ (стр. 13). Это указание также не дает нам никаких определенных данных о характере и цели поездки, т. к. подобными грамотами-подорожными снабжены были все, ехавшие в Сибирь из Москвы по служебным делам. По случайному поводу автор назвал далее имя одного из участников поездки: за Верхотурьем, в лесу „случилось несчастье с нашим лейтенантом, некиим Гансом Адамом Меллером (Möller): он здесь сломал себе ногу“ (стр. 13). Если этот Меллер тождественен с тем, которого упоминает Эрик Пальмквист в 1674 году в своем перечне иноземных офицеров на русской службе, то это может служить лишним доказательством того, что „общество офицеров“, с которым автор отправлялся в Тобольск, ехало туда на военную службу.

Следует, пожалуй, обратить внимание еще и на следующее обстоятельство: любопытные сведения о калмыках, Тибете и Далай-

Ламе (Talilama) открыл автору „некий еврей по рождению, сделавшийся калмыцким священником, который еще превосходно говорил на своем немецком языке“; „впоследствии же, будучи послан в Москву с посольством и уже возвращаясь домой, он был убит своими же товарищами“ (стр. 27). Так как встреча автора с названным лицом произошла в г. Тобольске, то известие о его последующей судьбе автор получил, вероятно, в том же городе, следовательно он жил в нем, вероятно, довольно долго. За это косвенно говорит и подробность собранных им этнографических данных: едва ли они могли быть собраны им в короткое время. Стоит сравнить описание Сибири, данное в настоящей рукописи, с тем, которое составил Альбрехт Доббин (см. ниже), проживший там 17 лет; вместо неотчетливых и неточных сведений, которые дает этот иноземный офицер на русской службе, искажая географические имена и имея самое приблизительное представление о карте Сибири, у автора нашей рукописи мы находим значительно более точные и обстоятельные сведения о том же предмете, собранные с гораздо большим пониманием дела. Конечно, это не может свидетельствовать о продолжительности пребывания автора в Сибири, но, во всяком случае, говорит об его большей наблюдательности и образовании, чем у Доббина, при сходном, повидимому, общественном положении их.

Язык и стиль рукописи также не дают нам определенных указаний на ее автора. Интересно отметить некоторые формы, свидетельствующие как будто о нижне-немецком его происхождении. В верхне-немецком языке, как известно, звук d последовательно заменен звуком t, слова же, в которых звук d остался — нижне-немецкого или франкского происхождения (Herm. Hirt, Etymologie der Neuchochdeutschen Sprache, München, 1909, S. 228), в рукописи же мы встречаем, напр., Dannenbaum — ель, при староверхне-немецком Tanna, ново-верхне-немецком: Tannenbaum; spreiden вм. spreiten — расстилать, andworten вм. antworten и др.; употребление слова Haber — овес вместо верхне-немецкого Hafer, при ahd. habaro, mhd. habere (Willmanns, Deutsche Gramm., I, 1911, S. 107), а также такие глагольные формы, как gewest (=gewesen), как будто говорят о том же. Сюда же нужно отнести употребление глухого ch после плавных и носовых вм. регулярного в верхне-немецком k или g (ср. Willmanns, D. Gramm., I, 669, 70). В нашей рукописи мы последовательно имеем Birche — береза вм. верхне-немецкого Birke; Getranch — напиток вм. Getrank; Falche — сокол вм. Falke, strachs — быстро, скоро вм. straks; starch — крепкий вм. stark, danchen — благодарить вм. danken, наконец Cloche — колокол вм. Glocke, kar вм. gar и т. д. Нужно, однако, заметить, что орфография рукописи отличается вообще большой неустойчивостью; колебания прояв-

ляются не только в иностранных словах, особенно географических именах,—что понятно в устах иностранца, вероятно, плохо знавшего русский язык,—но и в обычных немецких словах, так что, напр., нередко мы находим различные написания одного и того же слова в непосредственном их соседстве друг с другом. На одной странице мы встречаем: Calot, Caloth и Kaloth, Camin и Kamin, Wald и Walld, Elltesten и Eltesten, ausgenehet и ausgenähet и т. д. Это может свидетельствовать о том, что автор не литературный человек, не писатель-профессионал, что подтверждает также и в общем достаточно неряшливый стиль, не свидетельствующий о литературной культуре; обилие слов французских или взятых из латинского языка, особенно в глагольных формах (ordinieret, regieret, comandieret, ficcitieret, Accord, Discretion и т. д.) характерно для немецкого языка XVII века вообще. Следует также отметить, что в рукописи встречается ряд несомненных описок, говорящих за то, что она была написана или переписана несколько наспех; так, мы имеем wohen вм. wohnen, Leinewad вм. Leinewand, Siep вм. Stiep (русское слово „степь“), как всюду написано дальше; Reuir вм. Reuier, как в других местах; ser наряду с sehr и т. д. Одною из характерных особенностей стиля автора является постоянное употребление синонимических и тавтологических выражений, сильно затрудняющих перевод рукописи; наряду с некоторыми узаконенными не только в разговорной, но и в литературной речи выражениями (как Ort und Stelle), мы встречаем здесь рядом: Waszern und Strömen, köstliche und kostbare; weit und vom Verne; Mars (Marsch) oder Fuhr, sauber und reinlich, schlagen oder setzen, gestopfft und genehet, genehet und gestichet, Eszen und Speise и т. д. Наконец, произвольностью и даже порою бессмысленностью отличается расстановка знаков препинания, не сохраненная нами в транскрипции, точно так же, как и совершенно случайное употребление заглавных букв в именах существительных.

Все сделанные наблюдения позволяют признать, что автор получил некоторое образование, знал, вероятно, латинский язык, но что он не владел хорошей литературной речью; наличие в написаниях отдельных слов форм нижне-немецкого произношения может свидетельствовать о нижне-немецком происхождении автора. Слова заглавия текста: „dem Liebhabenden zum sicherl. Nachricht“ могут свидетельствовать о том, что автор готовил свою рукопись для печати, отчего он и устранил из нее довольно тщательно все то, что касалось его самого; в основе же ее лежит несомненно путевой дневник и заметки, последовательно делавшиеся во время пребывания в Тобольске, впоследствии подверг-

нутые некоторой систематизации и литературной обработке. Цель рукописи—дать „Описание Сибири" возможно более полное и точное. Характерно, что в рукописи нет ни одной ссылки на литературный источник, ни одного литературного указания: повидимому, существовавшая к 1666 году довольно большая европейская литература о Сибири осталась автору совершенно неизвестной; его рукопись представляет собою непосредственные заметки и наблюдения путешественника, даже в обработанном виде не сверенные с литературой вопроса. Вероятнее всего, рукопись писалась в Сибири, а ее автором явился иноземный офицер на русской службе.

Посмотрим теперь, можно ли приписать рукопись Фридриху фон Габелю, согласно подписи на ней, сделанной Гансом Грамом.

Фридрих фон Габель (Friedrich von Gabel или Gabell)— не безызвестное лицо в русской исторической литературе. В 1676 г. он был отправлен в Москву, с довольно широкими полномочиями, в качестве датского посла. Инструкция и верительная грамота от имени короля Христиана V вручена была ему датским правительством 11-го мая 1676 г.; в ней сказано, что он „имеет заключить оборонительный и наступательный союз против шведского короля"; „Габель должен приложить все старания к тому, чтобы окончательный разрыв между Россией и Швецией последовал как можно скорее" (эти инструкции напечатаны у Ю. Н. Щербачева. Датский архив. Материалы по истории древней России, находящиеся в Копенгагене, 1326—1690, М., 1893, стр. 265—269, 271, 274, 283). 11-го ноября 1676 г. Габель прибыл в Москву, как гласят русские документы, „для поздравления царя Федора Алексеевича со вступлением на престол", а также „для склонения о учинении наступательного и оборонительного с Данией против Швеции союза" (Н. Бантыш-Каменский. „Обзор внешних сношений России", ч. I, М., 1894, стр. 232—233). Габель приехал с женою; вместе с ним прибыли также: „Толмач майор Юрья Бой", секретарь „Гелдебрант фон Горн", „маршалок Яган Георгий" и другие лица, всего в количестве 33 человек (перечень свиты и др. документы о посольстве Габеля в Москве напечатаны у С. А. Белокурова. Юрий Крижанич в России, М., 1906, стр. 184—185, 191—192, 193—194; в „Приложениях", стр. 76—86: „Список приехавших с Габелем в Москву", письма Габеля в посольский приказ, наконец, документы о выезде Габеля из Москвы). О пребывании Габеля в Москве известно немного; источники сведений наших об этом—двоякого рода: донесения самого Габеля датскому правительству, а также документы, сохранившиеся в делах посольского приказа. Относительно первых С. А. Белокуров пишет: „В Датском государственном архиве имеется целый ряд донесений Габеля, из числа коих иные очень обширны,

при некоторых множество приложений...; донесения эти касаются исключительно вопросов внешней политики; здесь говорится о войне, Швеции, Польше, Турции“ (op. cit., стр. 193, 194). Несколько ранее (op. cit., стр. 184) тот же С. Белокуров утверждал, что „донесения Габеля имеются в числе документов, собранных проф. Соловьевым в конце 30-х гг. в датских и шведских архивах“, ссылаясь при этом на „Протоколы Заседаний Археографической Комиссии“ 1835—1840, вып. I, СПб., 1885 и вып. II, 1841—1849, СПб, 1886, а также на Ж. М. Н. Пр., 1837—1839; в указанных книгах однако имя Габеля не упоминается и не содержится никаких данных об его донесениях из Москвы; не напечатаны они и Ю. Н. Щербачевым в его „Датском Архиве“, куда вообще „донесения датских министров-резидентов, постоянных посланников и комиссаров в Москве 1673—1689 гг. не вошли“. Однако С. Белокурову осталось неизвестно, что донесения Габеля частично напечатаны и подвергнуты анализу в статье Г. В. Форстена. „Датские дипломаты при Московском дворе во 2-ой половине XVII века“, Ж. М. Н. Пр., 1894, № 9, стр. 144—181. Донесения эти, действительно, касаются исключительно дипломатических дел, и о своей частной жизни в Москве Габель не говорит здесь почти совсем. Г. Форстен дает им такую характеристику: „Донесения его в высшей степени любопытны, как любопытна и сама личность этого дипломата. Донесения Габеля—обыкновенно очень длинны и обстоятельны, в них много риторики и красноречия; в немецкий текст свой автор с особенным удовольствием вплетает французские слова и выражения. Самоуверенность и самомнение Габеля—совершенно исключительные. Это—Христиан V в миниатюре; фантазер—он не останавливается ни перед какими препятствиями, никогда не теряет надежды; оптимист—он не стесняясь прибегает к извращению фактов, верит в безошибочность своих воззрений, вмешивается во все переговоры, преследуя интересы своего двора, не прочь он и разыгрывать комедии—надевать на себя, когда нужно, всевозможные маски, прикидываясь то религиозным, то не в меру рыцарем, то страдальцем за чужие интересы“ и т. д. Эта характеристика, точно так же, как и внимательное изучение самих донесений Габеля со стороны их содержания, языка и стиля, может привести только к отрицательному решению вопроса о том, является ли Габель автором интересующей нас рукописи. В самом деле, едва ли этот самоуверенный и богатый вельможа мог быть тем скромным иностранцем, который за десять лет перед тем совершил нелегкое путешествие в Сибирь, подвергая себя лишениям и, напр., живя некоторое время в татарской юрте (рукопись, стр. 18); все, что мы знаем из других документов о привычке Габеля к роскошной жизни, комфорту, его самоуверенное сознание своего богатства, силы, влияния, авторитета,—все это лишний

раз подтверждает, что Габель и автор рукописи — совершенно разные лица. О пребывания Габеля в России в 1666 году (когда ему было около 26 лет) ничего неизвестно. Несомненно, что 1676 год был датой его первого приезда в Россию; ни одно из его донесений, ни один, связанный с ним, документ не указывают на то, что он был здесь ранее, тем более на то, что он сам ездил в Сибирь. Любивший прихвастнуть, Габель, наверное, не упустил бы случая упомянуть об этом. Известно зато, что Габель быстро сделал карьеру при дворе Фридриха III: в 1665 г. он был уже гоф-юнкером, в 1666 — камергером, а в декабре 1667 г. отправлен датско-норвежским послом в Париж (см. „Dansk Biografisk Lexikon... udgivet af C. F. Bricka, Bind V, Kjöbenhavn", 1891, p. 518—522; „Norsk Biografisk Leksikon", red. Edw. Bull, E. Jansen, Bind IV, Oslo, 1929, p. 329—332). В 1676 году он видел Россию первый раз; отсюда и обстоятельность его донесений, обличающих человека, впервые присматривающегося к обстановке совсем чуждой для него московской жизни, подробные характеристики московских дипломатов и приказных кругов, о которых он ничего не слышал доселе. Наконец, последним и не наименее существенным аргументом является резкое различие языка и стиля его донесений и интересующей нас рукописи. У Габеля — риторика и красноречие, желание блеснуть острым словцом или изящным построением фразы, растянутость и многословие, у автора рукописи — бедный, скудный и суховатый стиль деловой бумаги, повторения только в силу неумения выразиться короче, никакого стремления к красоте изложения, краткость и точность сообщенных данных...

Как указано было выше, о пребывании Габеля в Москве в 1676—77 гг. мы имеем еще одну группу источников. Это — русские документы посольского приказа, опубликованные С. А. Белокуровым. Они рисуют нам Габеля с несколько иной стороны и во всяком случае очень любопытны. С пребыванием Габеля в Москве связан один эпизод, который для нас может быть особенно интересен. Габель познакомился с Юрием Крижаничем, известным писателем и публицистом, лишь незадолго перед тем возвращенным в Москву (25 июня 1676 г.) из сибирской ссылки, посетил его у себя в посольском доме и хлопотал за него перед русским правительством. Как видно из письма Габеля на имя царя Федора Алексеевича от 4 марта 1677 г., Габель обещался „взять Юрия с собою в Данию, передать его пребывающему там цесарскому посланнику с тем, чтобы тот проводил его до Вены" (С. Белокуров, op. cit., стр. 185—186). „Когда на подворье у Датского посла появился толмач Суханов и требовал в приказ к суду Юрия, то Габель обещался удовлетворить всех ищущих на Крижаниче", т. е., повидимому, заплатил его долги. Как известно, Ю. Крижанич „выехал из Москвы с посольством Габеля 9 октября 1677 г. В „Запис-

ной книге посольского приказа“ сказано: „и по челобитью дацкого посланника Фридриха фон Габена тот сербенин Юрий отпущен с Москвы за рубеж с ним посланником вместе в 186 г. в октябре на Псков“. Спустя несколько лет, в мае 1680 г., секретарь посольства Габеля Гильдебранд фон Горн, живший тогда в Париже, обратился с письмом к Юрию Крижаничу, в котором просил дать описание Сибири и воспоминания о своей ссылке в Тобольске, что Крижанич и исполнил в декабре этого года, написав по-латыни „Relatio de Siberia“, одно из интереснейших и важнейших сочинений о Сибири в XVII веке (сл. ниже: Г. фон-Горн). В „посвящении“ этого сочинения фон Горну Крижанич упоминает и „преславного господина фон-Габеля, наследственного губернатора Ферерских островов, и в недавнее время королевского наместника в Baullsee et Moerupgarde, милостивейшего вашего (т. е. Горна) и моего благодетеля“ (А. Титов. Сибирь в XVII веке, М., 1890, стр. 152—163). При отъезде Габеля из Москвы произошел инцидент, также не лишенный для нас некоторого интереса. В „росписи“ лиц, едущих с Габелем за рубеж, присланной в посольский приказ, замечены были лишние люди „противу приезда его“,—среди них „два калмыченка“. Когда у Габеля потребовали объяснений по этому поводу, он представил на них купчую крепость, из которой оказалось, что они „куплены у сибиряков“ в конце апреля 1677 года. На это последовала резолюция: „У датского посланника калмыченков указал государь взять, а ему из казны заплатить по кабале деньги из казны, для того, что наперед сего никоторых государств послы и посланники никаких пленных людей в российском государстве не покупывали и за рубеж не вываживали“. Однако, Габель не согласился с этим постановлением, продолжая настаивать на своем и, в конце концов, ему разрешили отпустить с ним „калмыцких двух робят“, прибавляя, впрочем: „а впредь иным посланником и гонцом то не в образец, потому что он, посланник, купил тех робят у сибирян, не ведая его, великого государя указу“. Из „купчей“, представленной Габелем, выяснилось, что эти „робята“—один 7, другой 8 лет—проданы Габелю „сибиряками Алфером Сыромятниковым, да казаком Потапом Ивановым Масайловым“, поэтому в сибирский приказ послана была „память“ о присылке продавцов—для дачи объяснений (С. Белокуров, op. cit., стр. 191—192; Приложения, стр. 81).

Покупка Габелем двух „калмыченков“, как кажется, легко может объясняться посредничеством Крижанича, жившего у него в Москве. Крижанич, вероятно, и представил датскому послу двух „сибиряков“. Любопытно, что в своей „Истории о Сибири“ Крижанич замечал, что „в Сибири нет ни одного человека с какими бы то ни было средствами, который не имел бы одного или более рабов или рабынь из калмыков“ (А. Титов. Сибирь в XVII

веке, М., 1890, стр. 186). Как бы там ни было, эта покупка, как мне кажется, лишний раз свидетельствует о том, что сам Габель никогда не был в Сибири: едва ли он мог бы так заинтересоваться двумя сибирскими туземцами, если бы сам десять лет назад описал их так обстоятельно и подробно. Откуда знакомство Габеля с Крижаничем, этого мы не знаем, однако, если верно наше предположение, что датский посол и автор копенгагенской рукописи совершенно разные лица, факт этот невольно наталкивает на другую мысль, что рукопись эта попала в руки Габеля через посредство того же Крижанича. Крижанич пробыл в Тобольске около 15 лет (с 1661 по 1676 г.) и, следовательно, находился там и в то время, когда туда в числе „46 офицеров" прибыл и автор рукописи. Интересно, что в первой половине XVII века в Тобольске, как крупном административном центре, находилось много иноземцев в числе „служилых людей" и, в частности, военных. Уже в 1633 году здесь было „140 иноземцев—литвы, поляков, черкас и немцев"; для населения приблизительно в 1175 человек это составляет несомненно довольно высокий процент. Некоторые из иноземцев, посылавшиеся туда московским правительством, оставались там жить навсегда. Так, например, по сведениям П. Буцинского (Заселение Сибири, Харьк., 1889, стр. 200) еще в 1614 г. „послан в Тобольск Савва „Фрянчужанин",—он принял там православие и остался жить навсегда; он упоминается еще в 1629 г. среди „тобольских боярских детей" (Н. Н. Оглоблин. Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа, ч. I, М., 1895, стр. 301). В 1622 г. сосланы в Тобольск иноземцы „швед Павлик, а русское имя Дмитрий, немчин цесарской земли Карбаим, а русское имя Лаврентий. В том же году из Кириллова монастыря посланы в Тобольск: „немец Анса (Hans?) Локман, да немецкий поп Матюшка и велено того и другого поверстать в службу и дать денежное и хлебное жалованье наравне с другими служилыми иноземцами" (П. Буцинский, op. cit., стр. 200). К половине XVII века последних становилось все больше (Н. Оглоблин. Обзор столбцов, ч. III, М., 1900, стр. 61—63, 115 и др.). Крижанич, прибыв в Тобольск, застал здесь довольно большую иноземную колонию и, как сам иностранец, познакомился с ними. Характерно, что через тобольских иноземцев Крижанич получал там даже тогдашние заграничные газеты, „которые доходили хотя и не особенно скоро, но все-таки достигали и сей отдаленной окраины Московского государства" (С. А. Белокуров. Крижанич в России, М., 1909, стр. 113); о некоторых „служилых людях из немцев", живших в Тобольске и Енисейске, Крижанич упоминает в своей „Истории о Сибири" (см. А. Титов. Сибирь в XVII веке, М., 1890, стр. 189—213). Нетрудно поэтому предположить, что Крижанич был знаком и с автором нашей рукописи и что, может быть, именно он познакомил его с Габелем, как это он

сделал и с двумя сибирскими жителями, или прямо от себя содействовал ее приобретению Габелем. Таким образом надпись на рукописи, сделанная библиотекарем Гансом Грамом: „Hn Friderich von Gabels“ можно было бы толковать, как признак владения, но не авторства; от Габеля или из архива его рукопись могла попасть в Королевскую Копенгагенскую библиотеку. Очень жаль, что нам ближе неизвестны поводы обращения Г. фон-Горна к Крижаничу с просьбой о написании сочинения о Сибири, так как едва ли это было сделано не с ведома Габеля; быть может, это пролило бы некоторый свет на историю происхождения и интересующей нас рукописи. Во всяком случае, для меня несомненно, что оба сочинения стоят в какой-то, пока для нас непонятной, связи и что именно в отношениях Габеля к Юрию Крижаничу, также достаточно неясных, нужно искать причины появления рукописи в Копенгагене. Совершенно же отказаться от загадочной пометы Грама я пока не вижу никаких оснований: она сделана твердой рукой и без всяких оговорок, а кроме того, принадлежит человеку, который, по самому положению своему, мог знать о рукописи такие факты, которые для нас утрачены.

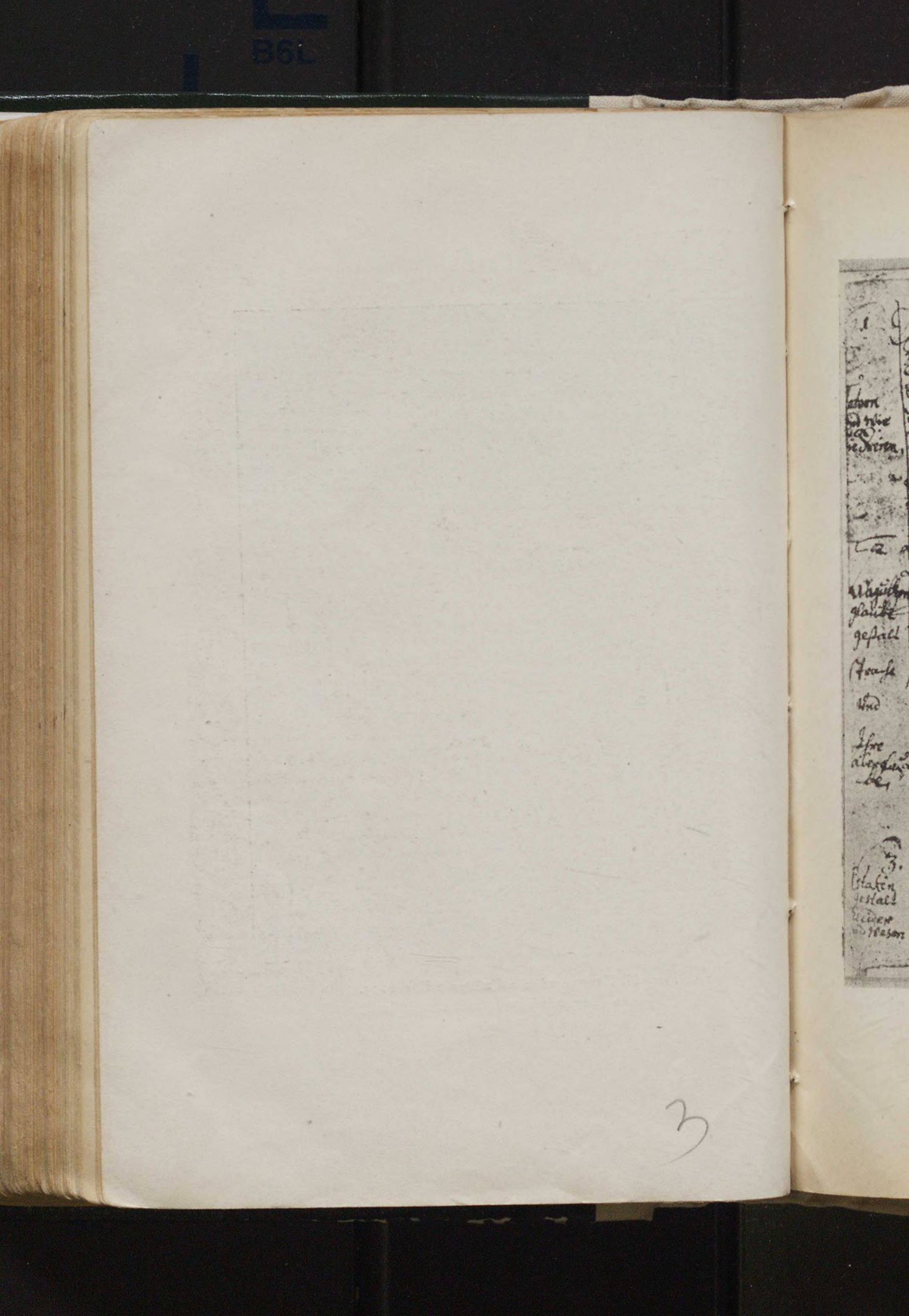
Для раскрытия автора, однако, мне кажется, нужно пойти другим путем. Для этого требуются архивные разыскания, которые я пока произвести не мог. В так наз. „Портфелях Миллера“ имеются описи архивов Верхотурского (1595—1681) и Тобольского (1621—1671) воеводств; не найдется ли здесь каких-либо документов о проезде в Тобольск в 1666 г. „46 офицеров“? Весьма вероятно, что какие-либо документы, связанные с этим путешествием, нашлись бы также в делах „о служилых людях“ сибирского приказа или же в воеводских, наконец даже в таможенных „проезжия памяти“ (ср. Н. Оглоблин. Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа, ч. I, стр. 109, 225 сл.; ч. II, стр. 50 сл.).

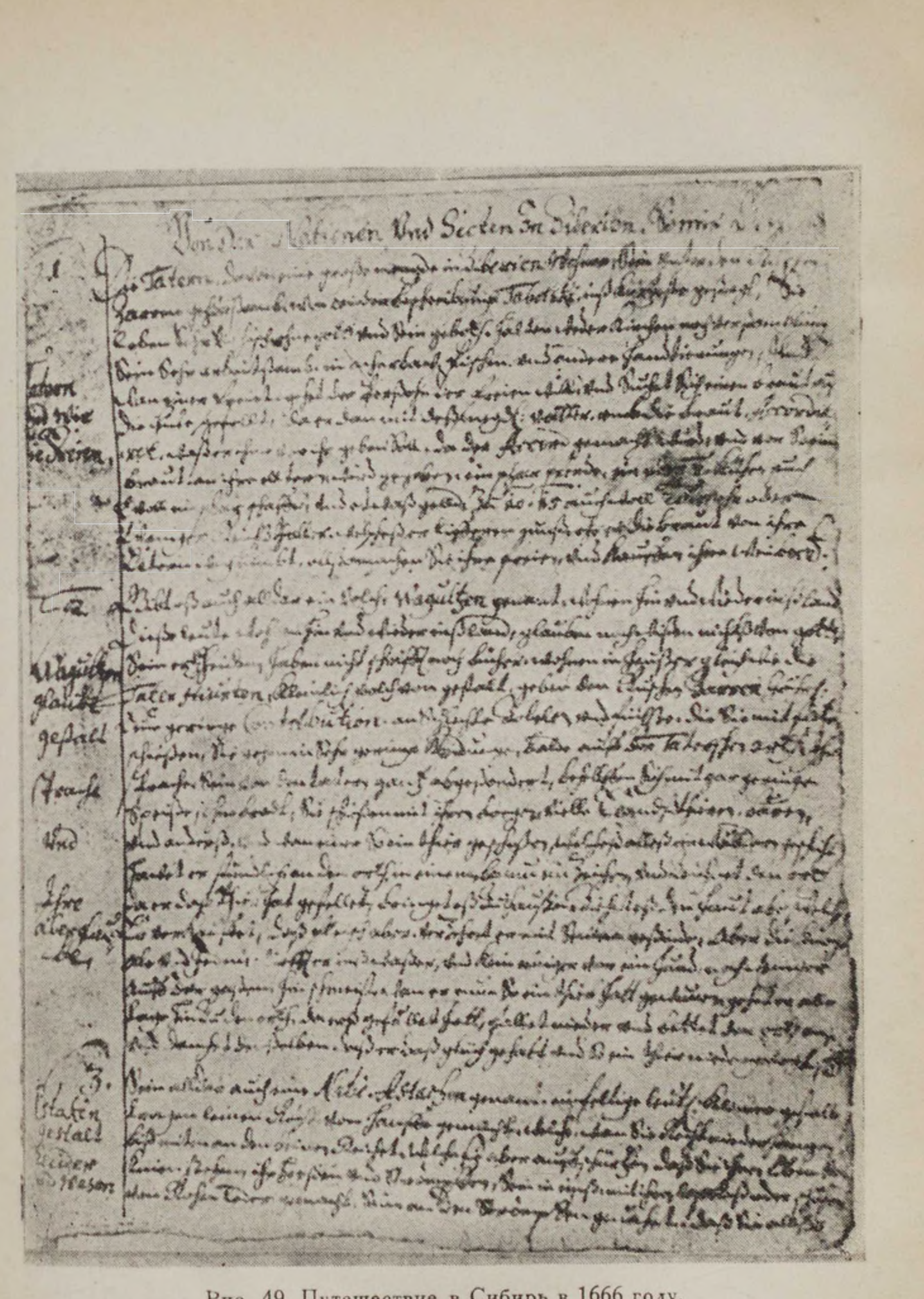
Ниже мы приводим в русском переводе вторую половину рукописи неизвестного и комментарий к ним. Полностью вся рукопись в подлиннике и русском переводе опубликована мною в издании: Академия Наук СССР. Институт Истории. Исторический Архив I, М—Л., 1936 („Неизвестное описание путешествия в Сибирь иностранца в XVII веке“, стр. 97—194); это освобождает нас от необходимости воспроизводить немецкий текст, с которого сделан настоящий перевод (в первом издании настоящего труда он помещен лишь в отрывках в приложении II, см. т. I, стр. 348—358).

ПЕРЕВАЛ ЧЕРЕЗ УРАЛ. ДОРОГА ИЗ ВЕРХОТУРЬЯ В ТОБОЛЬСК

		Чумкасы
Скверная дорога	15 февраля, на заре, двинулись мы в путь по очень скверной дороге, по сваленным деревьям, сквозь чащу холмистого леса. Прибыли в деревеньку Веркурья (Werkuria)	4
Каменные горы	Этим днем долго ехали мы через высокие каменистые горы, все поросшие лесом.	
Живой соболь	В этой деревне у моего хозяина, татарина, увидел я первого живого соболя, которого он поймал и держал в маленькой плетеной клетке; он не ел ничего, кроме мяса, и не казался диким.	
Лес; На юго-восток; Глубокая долина	16-го числа этого [месяца], за три часа до зари, двинулись мы в путь через большой и густой лес, с одной горы на другую. Мы спустились по одной из них, по дороге, вплоть до земли и реки Ляля (Lela), которая тянулась на пять верст (что составляет одну милю); дорога сделана была по склонам горы, так как с нее нельзя было спуститься непосредственно вниз: с левой стороны была ужасно глубокая пропасть, и дорога шла прямо рядом с ней. С другой стороны этой долины стоит могучая высокая скалистая гора; слева же опять нет ничего, кроме гор и скал, которые, благодаря тому, что они обросли лесом, похожи на черные тучи.	
Татарские юрты	Так приехали мы на упомянутую выше реку Лялю и ехали вдоль по ней около часу до четырех татарских юрт, которые расположены возле реки, от Веркурьи	7

Рис. 48. Путешествие в Сибирь в 1666 году.
Рукопись Копенгагенской Библиотеки (л. 3)

Von den Nationen Und Secten in Siberien. Tomi 2.

Рис. 49. Путешествие в Сибирь в 1666 году.
Рукопись Копенгагенской Библиотеки (л. 21)

Нет земледелия

Во всех вышеназванных местностях от Яйвы (Jeua) и до этого места поля не возделываются из-за каменистых гор и утесов; всюду голый камень, поэтому здесь не растут никакие хлебные злаки; люди, здесь живущие, принуждены свой хлеб и овощи с большим трудом покупать и перевозить из города Верхотурья (Werihetur).

Лес

Из упомянутых татарских юрт, где мы кормились, поехали мы через густой и очень холмистый лес; выбрались из него к вечеру в деревушку, состоящую из четырех дворов и называемую Мелинковна (Melinkouna) 4

Плодородная земля

Всюду здесь опять земля очень плодородна; течет здесь также река Ляля, иначе называемая Каменная речка (Kamina Rezka), которая собирает воду, главным образом, с окружающих гор и тем не менее очень богата рыбой.

17-го числа этого месяца вновь двинулись мы на заре, около трех миль ехали по этой реке и прибыли в деревню, называемую Караул (Karaul).

Каменные утесы

По обеим сторонам этого ручья или реки, на расстоянии, которое мы проехали за этот день путешествия, лежат высокие, длинные и суровые каменные утесы, все поросшие елями и березами; удивительно, что деревья могут расти из твердых щелей в камнях; некоторые выглядят весело, другие жутко. К тому же некоторые из них, а также скалы нависают над ручьем, по которому едут внизу; и непривычным чужеземцам кажется, что скалы вот-вот обрушатся в реку и на головы проезжающим.

Племя, называемое вогулы

Около этой деревни Караул растут хорошие хлеба, так как жители ее расчищают окрестности от деревьев и кустарников, превращая их в пашни; местные жители принадлежат, главным образом, к племени вогулов (Wagulltzen), о которых будет сообщено далее.

Караул

Деревня эта получила свое название от сторожевого поста, так как Караул по-немецки значит eine Wache, потому что царь поставил здесь приказника или начальника (Prekasenik oder Befehlhaber) со стражей; они должны следить за всеми, кто выезжает из Сибири или едет туда, а также наблюдать за тем, чтобы не возили туда и не вывозили оттуда никаких несвободных [от пошлин] товаров; плохо приходится тому, кто не имеет проезжей грамоты, данной воеводой от имени царя; его отправляют в Верхотурье. В этой деревушке не более четырех русских дворов; все остальные — вогульские.

Хорошие соболи и чернобурые лисицы

По рассказам крестьян, здесь водится много хороших чернобурых лисиц, другого пушного зверя, оленей, медведей и т. д. Вогулы ими кормятся.

Здесь расстались мы с высокими горами и утесами, которыми с трудом ехали мы 31 милю нашего пути, без всякого, однако, ущерба или потерь, благодарение за это богу.

Первый город Верхотурье

14-ая смена подвод

Река Тура

18 февраля рано поутру выехали из Караула через лес и к полудню прибыли в город Верхотурье (Weriketur). 7

Здесь в 14-ый раз сменили подводы.

Внизу около этого города течет река Тура (Tura).

Крепость Верхотурье, построенная на скалистом холме

Этот город — первый город в Сибири и представляет собою, по местному обыкновению, крепость, обнесенную деревянным тыном, как стеной, не очень высоким, но довольно прочным, с внешней стороны также хорошо укрепленным больверком; он выстроен против башкиров. Город стоит на твердой скале, немного холмистой, не очень высоко над берегом реки Туры, окружен на $^1/_4$ мили лесом и является ключом и первым проходом в Сибирь (ein Schlüssel und der erste Pas in Ziberien), через который проходят все люди, сани, грузы (Kasten) и все товары,

Суровый надзор

Чумкасы

словом все, что отправляется из страны или идет в нее; никто не проходит мимо, даже знатнейший боярин (Bajar) принужден подвергаться здесь осмотру со всем своим добром. Если же кто имеет запретный товар или имеет больше добра, чем значится в его проезжей грамоте, то все это отбирается в царскую казну, будь это деньги, соболи, серебро или золото. Поэтому правящий здесь воевода принужден приносить царю присягу и целовать крест в том, что он никого не пощадит и останется верен царю. Несмотря на то, что мы имели царскую грамоту с государевой печатью о том, что он должен был здесь пропустить нас беспрепятственно, мы принуждены были все же допустить осмотр [наших вещей], причем записано было все, что они видели; тем не менее многое осталось от них скрытым.

Осмотр в Верхотурьи

На юго-восток

19 февраля вечером двинулись мы из Верхотурья; путь наш лежал на юго-восток; около 3-х миль ехали мы по реке Туре, затем оставили ее по левую руку и сушей доехали до деревеньки Салда (Solda) 4

Река Салда

Здесь течет речка, называемая Салда (Solda); она не широка, но имеет быстрое течение.

Лес на 8 миль. Река Аттагьева

20 числа того же [месяца], рано утром, переправились мы через этот ручей и поехали сквозь густой лес, в 8 миль шириною, до реки Аттагьева (Attagieua); оттуда добрались до деревни Макинова (Makinoua) 9

Лес

21 числа мы двинулись оттуда за несколько часов до рассвета; ехали густым и пустынным лесом; проехав его после полудня, мы достигли деревни Благовещенская слобода (Blogowizinke Slabode) 16

Несчастье в нашей компании

В этом лесу случилось сегодня несчастье с нашим лейтенантом, неким Гансом Ада-

мом Меллером (Möller): он здесь сломал себе ногу.

Кедровые деревья и их плоды

Сегодня я с большим удовольствием видел превосходные и красивые деревья, называемые кедрами (Zederbäume); это — благородное и чистое дерево, весьма пригодное для выделки из него столов и досок; оно очень красиво, сохраняет свою чудесную и благородную белизну, но также очень плодоносно, потому что оно приносит шишки (Appfeln), очень похожие на еловые, но побольше, больше даже лебединого яйца; внутри их много орехов, которые имеют тонкую скорлупу, сладки и приятны на вкус и называются кедровые орешки.

На

2-ой сибирский город Япанчин

22 числа, на заре, отправились мы дальше, прибыли в городок Япанчин (Japanzin) 7

15-ая смена подвод

Здесь в пятнадцатый раз сменили подводы. Здесь течет река Тура. Этот городок весьма плох, совсем открыт, но имеет, правда, маленькую крепостцу, с деревянным тыном вокруг, в которой находятся государевы приказы (Prekazi) или канцелярии, а также несколько амбаров и дом воеводы, все сделанные из елового леса; крепость находится внутри городка.

Север

Сегодня, стало быть, оставили мы дремучие леса и отправились по веселым полям, которые вдоль дороги застроены красивыми деревнями; здесь много лугов и пашен.

Красивые и плодородные поля. Лес

23 числа из Япанчина первые две мили ехали мы плодородными полями, мимо деревень, расположенных вдоль пути, а затем густым лесом вплоть до деревеньки Борбозина (Borbozina) — 6

Река Тура еще течет здесь, сильно извиваясь.

24 февраля, на заре, поехали мы березовым лесом на протяжении 3 миль, пока не прибыли в деревню Туринская слобода (Turinske Slobode).

Здесь покормились, затем двинулись дальше сквозь плохие поля, там и сям поросшие деревьями; переехали через реку Туру на другую реку, именно Узницу (Vsnitza), которая в нее впадает; ехали таким образом мимо Благовещенской слободы, которая лежит направо, затем дальше, через ровные поля, в деревню Липка (Lipka). 8

Река Узница

У Благовещенской слободы впадает в Туру река Узница, текущая с юго-запада и полноводная.

25 числа этого [месяца], на заре, двинулись из Липок через лес до деревни Козьминской (Kasminska), где мы слегка позавтракали, затем поехали дальше в большую деревню Кулаково (Kolakow); в этот день [сделали] . . . $5^1/_2$

Плодородная местность

Эта деревня хорошо застроена большими деревянными домами, очень красиво расположена на приятном месте; направо от нее находится местечко, выше — плодородное поле, на котором растет много хлеба, слева же течет река Тура, которая дает много рыбы; здесь много также сенокосных лугов; поэтому местные крестьяне живут богато, промышляют земледелием и рыболовством; рыбы здесь изобилие.

3-ий город Тюмень

26 числа, в хорошее время, прибыли мы в город Тюмень (Thiomein) . . . . $5^1/_2$

Здесь в 16-ый и в последний раз сменили подводы.

Город Тюмень расположен на высоком берегу реки Туры, которая течет внизу по направлению к северу. Город занимает не очень большое пространство, укреплен деревянной стакетой [защищающей] от набегов, однако, внутри он имеет деревянную крепость, которая, по местному обычаю, обнесена деревянным тыном наподобие стены; ворота ее находятся в деревянной башне; внутри находятся лишь канцеля-

рии или приказы (Prekazi), а также дом воеводы и несколько амбаров.

Плодородная местность

Чумкасы

В общем это очень приятное место, где в изобилии продаются всякие съестные припасы и прежде всего всякое зерно, мука и прочее; этот город в наше время совсем выгорел, так что, за исключением острога, остались лишь немногие дома; за рекой Турой татары имеют собственную слободу; в ней живут те [из них], которые состоят на царской службе в качестве всадников, за что они ежегодно получают жалованье; много татар живет также в окрестностях города; их призывают, когда в них есть нужда.

27 февраля выехали мы из Тюмени, ехали ровным полем, сначала через реку Туру, а затем вдоль озера и болота мимо многочисленных татарских юрт и прибыли в деревню Бороково (Borokov)— 5

28 числа этого [месяца] отправились дальше и рано поутру завтракали в Созанове (Sosanoua) 3

Дальше поехали лесом к Чужой слободе (Zuza Slabode) 6

Лес

1 марта рано поутру выехали оттуда через густой лес, завтракали в деревне Ярков (Jarchow), затем дальше в деревню Березово (Borosowe) 7

Река Тобол

Здесь мы впервые увидели реку Тобол (Tobolo), проехав реку Туру, которая впадает в Тобол.

Этого же числа, покормившись в Березове, мы отправились дальше лесом, до татарской деревушки, называемой Бехтоковы юрты (Biechtokowe Hiurt), куда и прибыли часа за три до рассвета . 8

2 марта, рано утром, отправились мы дальше и к полудню прибыли в другую татарскую деревню, называемую Турбинские юрты (Turbrinzke Hiurt), в которой покормились.

Эти юрты и татарские жилища будут описаны ниже.

Рис. 46. Верхотурье (Из книги Н. Витсена)

Рис. 47. Тобольск (Из книги Якоба Сандрара)

Река Иртыш

Город Тобольск

3 марта поехали мы столь же ровными полями, но несколько более холмистыми, имея по левую руку реку Тобол; следуя таким образом изгибам реки сквозь некоторые татарские села, прибыли мы к могучей реке Иртышу, по которой и проехали немного до города Тобольска. 4

Описание города Тобольска, а также его окрестностей и особенностей

[Сибирская] столица Тобольск

Высота горы 25 саженей

Крутая гора, на которую нельзя взобраться

Упомянутый город Тобольск, лежащий на больших, свежих и рыбных реках, т. е. Тоболе и Иртыше, является главным городом Сибири, построенным русскими; он стоит на угловой вершине высокого берега, подобном высокой горе, над рекой. Эта гора или берег, как я сам видел, в вышину имеет, считая от реки, добрых 25 саженей и спереди столь крута, что на нее нельзя взобраться в повозке или на возу, но только пешком; верхом на лошади — с трудом. Если хоть ненадолго пойдет дождь, она становится настолько гладкой, что по ней скользишь вниз. Подняться по ней можно, имея хорошую палку с железным наконечником, которой можно закрепиться и удержаться; без нее же — это трудно сделать; поэтому под этой горой проложена дорога, поднимаясь которой обходишь половину города. Город делится на две части, а именно: одна часть находится на горе, а другая — у подножия ее, у реки на ровном месте.

Дороги вокруг горы

Город разделен на две части

Крепость, острог

Стена с галереей

С одной стороны гора, а с другой — река. Город на горе представляет собою крепость, укрепленную, однако, против набегов только стакетой из еловых деревьев, которые растут наверху палисадами, густо одно к другому, без травы и земляного вала; на верхушке горы, прямо над рекой, находится острог, сделанный только из дерева; он имеет вокруг себя красивую деревянную стену, в которой бревно лежит на бревне, как строят избы; она достаточно высока; наверху ее находится крытая галерея, в которой вырублены бойницы; внизу такой же системы постройки — стена с камерами, в которых теперь хранится казна; но если бы пришел неприятель, там могли бы помещаться солдаты; она также имеет 9 красивых деревянных башен о восьми углах,

9 башен в виде бастионов. 3 ворот

Постройки. Склад амуниции

Государева казна различного рода

Соколы

Как соколов везут в Москву

Митрополит

Нижний город и его окрестности

крепко построенных, двое ворот, обращенных к городу, и одни—к воде.

В этом остроге нет других зданий, кроме государевых приказов или канцелярий, дворца (Zarenhaus), в котором живет воевода, и небольшой русской церкви, сделанных из дерева, а также отделанного камнем и похожего на погреб сооружения, в котором хранится амуниция; сверху он покрыт землей и порос травой; имеет вид холма без крыши над ним. Сюда сносят все сокровища, которые собираются для царя со всей Сибири, как-то: соболей, черных, белых, красных и серых лисиц, бобров, рысей, белок и прочее, что идет из страны, так как каждая провинция ежегодно приносит то, что с нее следует, как, например, замечательно красивых соколов, которые там ловятся, а также богатые и драгоценные товары из Китая, каковы пряности и другие прекрасные вещи; все они оцениваются воеводой, живущим в Тобольске на положении наместника (Vice-roy). Когда наступает зима, все это добро должно быть на санях препровождаемо в Москву; для того, чтобы везти эту казну, от города употребляются ямщики, как называются извозчики (Jemziken das sein Fuhrleute), которые за это получают ежегодно определенное жалованье. Вышеупомянутых соколов везут, однако, благородным образом, потому что для каждого подаются отдельные сани, на них устанавливается ящик, изнутри и снаружи обитый войлоком или русским сукном; в них-то соколов и перевозят. На содержание каждого сокола в отдельности, между Тобольском и Москвой, выдается 3 рубля [кормовых денег].

В той же части города находится также большой монастырь, в котором имеет свое местопребывание митрополит; он имеет власть над всеми лицами духовного звания. Местный воевода сменяется каждые три года и на его место назначается другой.

Что же касается нижнего города, лежащего под горой, у реки, то он больше по размерам и, подобно верхнему городу, имеет только одну большую улицу, проходящую через него, но также ряд маленьких улиц и узких переулков, так как дома очень тесно стоят друг к другу; одна сторона

Аббат. Разлив реки

его находится вдоль реки, а другая тянется полумесяцем до самой горы. [Эта часть города] стоит на болотистом грунте; прямо около самой воды расположен довольно большой монастырь, в котором живет архимандрит или аббат с толпою русских монахов. Когда [в реке] стоит высокая вода, что обыкновенно случается весною, то все эти дома стоят глубоко в воде, на два локтя и больше, так что по всем улицам от дома к дому приходится ездить на лодке; весь низкий берег находится также в воде на такое большое расстояние, насколько это можно видеть с горы; продолжается несколько недель, пока вода не спадет. Этот нижний город совсем открыт, как местечко, и населен русскими, бухарцами и татарами.

Промыслы населения

Хороший торг

Русские промышляют здесь, главным образом, ловлею рыбы, которая водится в обеих реках; так здесь в изобилии ловятся большие о с е т р ы, с т е р л я д и, щуки, караси, лещи, окуни и также нельма и максун (Giesei), — жирная и вкусная рыба, и многие другие; также промышляют они различным зерном, продавая и перепродавая его, и другим барышничеством (allerlei Schachereien), так что, можно сказать, всякий из них хочет поступать как купец. Здесь живет также много ремесленников, как-то: кузнецов, сапожников, портных, кожевенников и др., но заниматься земледелием никто из них не хочет, поэтому замечательно плодородная земля остается необработанной. Значительная часть этих людей состоит на государственной службе в качестве рейтаров, солдат, стрельцов, конных и пеших казаков, которые получают каждый свое годовое жалованье; поэтому-то они так и ленивы и не хотят работать, но полагаются на дешевизну всего, особенно же прекрасной рыбы.

Татары, их жилища и промыслы

Их юрты. Двери

Т а т а р ы также имеют в нижнем городе у реки свой собственный квартал, в котором они обстраиваются и живут; однако, земли их находятся в этой области при деревнях, вокруг города; там они летом трудолюбиво возделывают поля, сенокосы, пасут скот, ловят рыбу и птицу, отчего и получают большую прибыль; они живут свободно и никому ничего не платят, продают много зерна, масла, рыбы, а также уток и других птиц, которых они ловят на

реках силками и удочками. Зимою некоторые из них живут в городе в своих **юртах**, которые они строят низкими, из дерева; юрты эти имеют низкие двери, через которые приходится пролезать на корточках, едва в $1^1/_2$ локтя вышиной, и которые показались нам очень странными;

Камины

они не имеют печей, вместо них употребляются **камины** и трубы, сделанные из палок, обмазанных глиной, и притом так низко, что они еле выступают над крышей; поэтому, когда они разводят огонь, он вместе с пылающими искрами летит так высоко, что издалека видно, где живет татарин.

Их окна

Их жилища не имеют окон, лишь наверху, посредине крыши проделано круглое отверстие, через которое проходит дневной свет; некоторые [татары] зимою кладут сверху кусок льда, который дает ясный свет, другие же, и чаще всего,—из соломы или сена в старом мешке или **рогоже** (Ragoske) делают большую затычку и заделывают ею дыру; подобную же пробку употребляют они и в своих трубах, когда огонь выгорел, чтобы тепло осталось в комнате, как я и сам это делал, когда жил в подобной юрте.

Нет крыш

Эти дома не имеют никаких крыш: наверху они совсем плоски и сверху обложены толстым слоем земли; поэтому летом они совсем зеленые.

Очень низкие скамьи

В комнатах находятся очень широкие скамьи, подобные тем, какие имеются в банях, шириною в рост человека; на них они сидят, спят, стоят, спят на толстом **матраце** или войлоке. Богатые [татары] украшают свои скамьи прекрасными коврами (Tapeten).

О татарах и их старом царе в Сибири

В **Сибири** живет много этих татар, так как в прошлые времена, лет 95 назад, это была их собственная страна; они имели также своего собственного царя, **резиденция** которого была на горе, на том месте, где сейчас стоит **Тобольск**. Это место еще видно; точно так же, неподалеку оттуда, на другой горе, на расстоянии мушкетного выстрела [отсюда] жили два **мурзы** или князя; там видны еще рвы и валы вокруг их жилищ.

Царевич, все остающийся врагом

Еще жив сын упомянутого выше царя, называемый **царевич** (Zarewitz), который до сих пор объявляет себя врагом и ни под каким видом не хочет вступить в подданство русскому царю; не имея ни

Наследник этой страны

городов, ни жилища, укрывается он в степи или пустыне (Stiepe oder Wildnisze, das ist eine Heide), в которой нет ни деревьев, ни людей, а также в горах и ущельях; он имеет при себе немного людей, именно башкиров, и тем не менее каждый год, примерно во время жатвы, делает он набеги на границы, в Сибири. Там, где он в состоянии это сделать, уводит он много людей и скота, сколько только может; догнать же его невозможно, так как степь чрезвычайно широка, не имеет ни дорог, ни тропинок, поэтому нельзя узнать, куда он отправился; если же, наконец, нападают на его след, он останавливается за ветром и зажигает огнем степь позади себя, и так безопасно уходит. Этот царевич выдает себя за наследника этого края и никогда не отдастся добровольно. Иногда ему удается перетянуть на свою сторону башкиров, тогда он делает из этого большой шум; об этом дальше.

Так как я удержал в памяти некоторые слова татарского языка, то я хочу сообщить их интересующимся

- Jolbosen — здравствуй! приветствие
- Koos — счастливого пути
- Attai — отец
- Iinia — мать
- Bitzia — жена
- Oel — юноша
- Kas — девушка
- Barandas — брат
- Abula — сестра
- Paes — голова
- Zatz или Zerge — волосы
- Koes — глаз
- Augus — рот
- Boron — нос
- Kolak — ухо
- Koel — рука
- Aiak — нога
- Takia — шапка
- Bieloi — перчатка
- Kuimiak — рубаха
- Ziarak — обувь
- Giesem — чулки
- Inia — игла для шитья
- Suk — холодно
- Bieksuk — очень холодно
- Jeil — погода
- Su — вода
- Ott — огонь
- Aigatz — дерево
- Kibita — изба
- Itmiak — хлеб
- Maj — масло
- Jeit — мясо
- Balik — рыба
- Siem — пиво
- Butza — брага
- Araka — вино
- Suit — молоко
- Sür — корова
- Basau — теленок
- Kuras — петух
- Tauk — курица
- Jemertka — яйца
- Koii — овца
- Zutzka — свинья
- Kutziuk — собака
- At — лошадь
- Atluisa — главная лошадь (Hauptpferd)
- Jaksi — хорошо
- Jak — ничто

Ziem	—свет	Sabala	—ложка	Gierma	—крупа	Краски:	
Bitziak	—нож	Kasan	—котелок	Aris	—рожь	Ak	—белая
Balta	—топор	Siulmiak	—горшок	Sulu	—овес	Kara	—черная
Tabak	—миска [блюдо]	Burtziak	—горох	Bietzien	—сено	Küsül	—красная
						Skeitan	—чорт

Описание бухарцев и их промыслов

Описание бухарцев и их промыслов

Бухарцы, живущие в Тобольске, происходят из страны их Бухары (Bogari); это богатые люди; они живут в прекрасно построенных деревянных домах, имеющих большие окна и двери на немецкий образец. Их комнаты украшены красивой резной утварью и дорогими китайскими коврами; живут они чисто и опрятно, одеваются в красивые одежды, с длинными и широкими халатами, которые они на груди совсем запахивают и с одной стороны

Одежда

подмышкой завязывают поясом; эти одежды обычно хорошо сделаны из китайки (von Chitaike und Kitaisk) и китайских материй, из шелка или других, набиты ватой и выстеганы;

Выбритые головы, шапочки

на головах, которые они гладко выбривают, носят они маленькие шапочки, посаженные на затылке, как ермолки (Caloth); на этих ермолках, густо и богато шелками, серебром и золотом вышиты и вытканы различные узоры; они никогда не снимают эти шапочки как дома, так даже и тогда, когда они стоят перед воеводой; помимо них носят они обычно

Шапки

шапки, заостренные кверху и сплошь, шов около шва, вдоль и поперек расшитые бумажными нит-

Старшины

ками. Их старшины, которых они сменяют каждый год, выбирая на их место других, обвязывают кругом своих шапок белые повязки. Они имеют также свои церкви, которые внутри не имеют ни-

Их церкви и внутренность их

какой утвари—одни лишь голые стены. Нет здесь ни картин, ни стульев, ни скамеек, но полы всюду покрыты коврами; когда они входят внутрь, снимают они свои шапки и обувь, которая похожа на туфли; также и свои палки ставят они перед дверьми; в церкви садятся они на корточки, гладят лицо обеими руками и склоняются головами до земли, простираются и бормочут про себя неко-

торые слова на своем языке, а затем, примерно через час, уходят. Когда они должны итти в церковь, они не имеют и не употребляют никаких колоколов, один из их старшин снимает перед церковью свою шапку с повязкой, кладет свой посох и рукавицы, берется обеими руками за уши и, подняв лицо вверх к небу, кричит вверх, что есть мочи: Алла! Алла! Алла! Все это—одним духом, так что это далеко слышно; сделав это, старшина снова надевает свою шапку, берет свою палку в руки и идет в церковь, тогда тотчас же собираются люди вместе, чтобы отправлять свое богослужение так, как выше описано. Они показывали мне свои книги, в которых я не знал ни одной буквы, все написано в обратном направлении так же, как они сами пишут, очень странным шрифтом. Они говорят будто бы это—В е т х и й з а в е т. Они верят в бога-отца, но ничего не знают ни о боге-сыне, ни о святом духе. Подобно т у р к а м, они полагают, что Христос был пророком. Они знают про А д а м а, А в р а а м а, а также п р а р о д и т е л е й, п а т р и а р х о в и п р о р о к о в, и часто в с т у п а л и бы со мною в с п о р ы, если бы я знал их язык. Они подвергают себя также обрезанию в возрасте от шести лет и старше. Они живут хорошо в отношении еды и одежды, пиво пьют неохотно. В своих комнатах они не употребляют никаких печей, но только трубы, при которых они имеют небольшую плиту для печения своих кушаний (Küchelken); как и татары, ставят они около камина высокий очаг, в котором находится широкая сковорода, похожая на котелок; на большом пространстве, но не слишком глубоко, они разводят под нею огонь, и таким образом варят в нем свои кушанья; хлеб они едят редко и мало, некоторые же и совсем не едят, едят много ячменной каши (Gerstegrub).

Зовут в церковь без колоколов

Их книги

Ветхий завет

О боге

Нет печей

Их женщины статны с виду (sein realisk von Gestalt), очень красивы лицом, они носят также длинные широкие одежды (Röcke), с длинными рукавами, полотняные штаны так же, как мужчины и как и татарские женщины. Их рубашки сделаны из бумажных тканей, китайки или зенденя; на голове носят они остроконечные шапки высотою в две кварты (quartier), красиво вышитые

Бухарские женщины, их одежды

Богатые шапки

бумажными нитками, серебром и золотом, а также обильно усеянные самыми большими и красивыми серебряными копейками и хорошими дукатами; бедные люди вместо дукатов носят мелкие монеты. Свои волосы, так же, как и калмыцкие женщины, носят они, заплетая в 2 большие косы, которые черны и длинны, свисают сзади и ничем не покрыты (ganz bloss), концы же их опять подняты кверху, так что они висят криво, и обвешены и украшены многими серебряными украшениями и большими кусками специально для этого сделанного серебра, как на хорошей рукоятке [оружия]. Вокруг шеи и на груди висят серебряные цепи, а также такие же куски серебра, о которых мы уже говорили. В своих домах сидят они за (hinter) красивым ковром, прилежно работают над шитьем и вышиваньем—шелком, серебром и золотом шьют сами платья для себя и для своих мужей, обходясь без [портного]. Они выходят из дому совсем закутанными в красивые шелковые покрывала так, что они никого не могут видеть и их никто, принуждены поэтому, как слепые, быть сопровождаемы двумя девушками или женщинами, которые их дожидаются; когда же они выезжают, сани тоже наглухо закрыты крышей, а сверху—красивым ковром. Они очень страстные и распущенные женщины по отношению к немцам, забавлялись приветливо. Они очень страстные женщины (rechte Venus-Weiber); они часто стояли у окон и приветливо нас зазывали, крича нам вслед: „немцы, немцы“ (Niemze, Niemze) и с нами шутили, правда, когда мужей не было поблизости; впрочем они считаются с личностью человека. Они любят немцев.

Украшения

Прилежание

Затем, кроме как на голове, они нигде не оставляют ни одного волоска, но подмышками и в других местах гладко выбривают специально для этого приспособленной бритвой, как это делают также и мужчины.

Эти бухарцы ведут большую торговлю товарами, которые их факторы каждогодно вывозят из Китая и из большой империи Хины в их страну Бухару и оттуда перевозят в Тобольск на верблюдах, так как русские не ведут ни дружбы, ни торговли с китайцами и жителями Хины (Chitaier und Chinesen), не доверяя друг другу; поэтому такую тор-

Двухмесячный путь в Китай

Китайские товары

говлю ведут за них бухарцы: они из своей страны имеют в Китай двухмесячный путь, а затем из Бухары до Тобольска — шесть недель, какой они удобно делают на своих верблюдах. Таким образом они приводят сюда по 4, 5 и больше верблюдов, тяжело нагруженных дорогими товарами, как, например, хлопком в больших мешках, китайкой, как называется их хлопчатобумажный холст, затем зенденем (Sendin) различных цветов, также из хлопка, киндяком (Ciniach), а также различно окрашенными шелковыми тканями, дамашкой (Damas), украшенным с замечательным искусством цветами, золотым и серебряным шитьем, сделанными розами, тюльпанами и другими прекрасными узорами из серебра и золота, а также шелками и атласами, много полосатых шелков, очень искусно сделанных, а также иными из специй, как, например, бадьяном, который имеет запах и вкус аниса, но более сильный, затем странным родом перца, корицей, драгоценными камнями, которые продаются в Сибири из-под полы, и многим другим; зато, напротив, покупают они снова и увозят с собой обратно красивое сукно (feine Thuech), юфть, соболей, бобров, выдр и другие меха и все, что придется; этими вышеназванными товарами торгуют они открыто и имеют в верхнем городе Тобольске свои соответствующие лавки и ларьки, в которых они сидят и продают, и если они наверху имеют большой убыток, то продают они больше под горой в своих домах. С подобными товарами приходят они тоже, пожалуй, 2 раза в год и уходят обратно; настоящее удовольствие доставляет смотреть, как они идут с нагруженными верблюдами, все гуськом в один ряд. В г. Тобольске, как и в других русских городах, базарная торговля производится два раза в день, а именно утром и под вечер (umb Wetzierne: das ist zu Vesper); тут можно купить всякий провиант, всего сколько хочешь, и жизненные припасы (Victualien) здесь не дороги, особенно летом, когда утром привозят 30, 40, 50 и больше телег и бочек, больших и маленьких, которые все полны только что пойманной и еще живой рыбой; замечательно большой рыбный базар, такого рыбного базара я не видел ни в одной

Каждый день торговля два раза

Хороший торг

стране; но иноземные товары, как сукно, специи и прочее, здесь дороги, благодаря длинному пути, который они делают из Москвы; здесь не дозволяется торговать никакому иностранцу, ни немецкому купцу, которые всего меньше приходят в Сибирь.

Описание двух рек: Тобола и Иртыша

Что же касается обеих могучих рек Иртыша и Тобола, следует знать, что река Тобол течет с юго-запада, с гор в Калмыцкую землю, течет через степь в Сибирь, а далее на севере на восток до города Тобольска. Река же Иртыш выходит также с гор в Калмыцкую землю с юга, также течет через степь до самой Сибири, где русские имеют город, перед степью (как об этом ниже следует), мимо которого река протекает и затем очень криво течет на северо-запад; с одной стороны имеет она непрерывный и далеко идущий горный кряж или высокий берег; отчего вода выглядит мутной (bleich), благодаря земле и песку, которые с нею смешиваются во время ее течения (im durchlauffend) на протяжении пол-четверти мили; с этой стороны [находится] и Тобольск, у

Слияние обеих рек

которого река соединяется с Тоболом, где обе эти реки сливаются как бы в одну реку и имеют сильное течение. Перед городом Тобольском и около

Город Березов. Река Обь. Мангазея. Вайгач

него ширина реки достигает добрых пол-четверти мили; она везде изобилует рыбой. Так текут они, как одна река, по направлению к северу, на расстоянии 14 дней пути, с этой стороны имея г. Березов, где она впадает в большую и широкую реку Обь, которая, кажется, имеет исток [свой] неподалеку от Китая и затем впадает в Мангазею, которая имеет свой выход в Вайгач, неподалеку от Новой Земли. Обе эти реки, как указано выше,

Большая вода

в прошлом году так широко разлились, что затопили все низменные места, и правая река течет с такою силою, что часто смывает на своем пути не только дома, но даже [отрывает] большие куски земли от берега вместе со стоящими на них группами деревьев, по 4 и по 5 деревьев, и река влачит их за собою, как это я и сам видел с удивлением.

Сибирь большая страна

Страна Сибирская очень велика, простирается далеко на север и северо-восток, так что никто не знает, где она кончается; большая река

Обь течет на север в Мангазею, где стоит такой холод, что, благодаря морозам, страна совсем неплодородна, потому что и там летом тает не более, чем на четверть аршина; на большом

Город Лена

расстоянии оттуда есть еще одна провинция [область] и город, называемый Лена (Leena), в котором также не растет хлеб, почему царь должен ежегодно посылать его туда для прокормления жителей; туда же посылаются закоренелые (grössеste) преступники, находящиеся в самой боль-

Дорогой хлеб

шой немилости; оттуда были известия, что один пуд, т. е. 40 фунтов муки стоил там от 3 до 4 рублей, что составляет 5—6 рейхсталеров; оттуда же получаются лучшие соболи и черные лисицы, но достойно размышления (ist disz nachdenklich), что

Дальние дороги на Лену

для того, чтобы проехать в Лену из Тобольска, нужно быть в пути целыми годами (Jahr und Tag), прежде чем туда прибудешь, а ехать нужно на собаках, так как лошади там не употребляются.

На востоке Сибирь граничит с государством Китайским (Chitaien), где царь имеет провинцию [область] и город, называемый Даурией (Daour), у самого Китая. Укрепление этого места, однако,

Китай, Даурия

сделано слабо; это крепость, сделанная из деревьев и расположенная на горе; это очень красивое место, в котором много всякого провианта; ловятся там также лучшие соболи и черные лисицы и другой пушной зверь; люди, отправляющиеся туда, проделывают длинный путь. Так они должны ехать сквозь Сибирь на север, именно целые годы, если калмыки находятся в дружбе [с русскими]; если они им доверяют, могут они совершать свой путь в 4 месяца, но хотя калмыки и притворяются дружественными, но им все же не верят.

Степь. Большая степь

На юге Сибирь граничит со степью, как называется ровное, плоское и сухое место (wie eine Heide), без дерева, кустарника и жилища, очень длинная и широкая, которая тянется миль на 100 и в которой живут калмыки. С этой сто-

Тара

роны русские построили на реке Иртыше город Тару, обнесенный деревянным тыном (Staket) на случай набега. Зимою в этот город из Тобольска на санях 7 или 9 дней пути; летом же [водой] вверх по Иртышу 3 недели пути: считают около 100 с небольшим миль, так как река течет очень извилисто.

Калмыки
Их лагери

Эти калмыки, очень недружелюбный народ, живут в упомянутой степи, которая тянется на север и северо-восток до Китая, а на юго-восток до Бухары (Borey-Bogarey?). Они не имеют ни городов, ни сел; они разбивают свои стоянки в поле и стоят по 40, 50 и более 1000 человек в одном лагере или орде; они употребляют палки, связанные вверху ремнями, которые они искусно складывают вместе и возят с собою, когда кочуют. Когда же они разбивают или устраивают свой лагерь, они раскрывают эти самые [палки] на ремнях, устанавливают их вокруг и растягивают на них кругом большой войлок, который они сами делают из овечьей или верблюжьей шерсти; из этого получается хорошая хижина, и стоят они таким образом зимою и летом, так что, когда на их лагерь смотрят издалека, можно подумать, что это большой город с низкими домами.

Кибитки

Скот

У них много лошадей, быков, а также буйволов и овец, которые очень велики, со свисающими ушами и назади, за яичками, большим наростом [курдюком] из чистого жира, весом в 20 и более фунтов; (всем) этим они крупно промышляют, отправляясь, например, в Китай (с табуном) в 8 и 10 тысяч лошадей, не считая овец и быков, которых они меняют на серебро и всякое добро. С подобными же табунами являются они ежегодно в Тобольск и в Томск (Thomske) и меняют все это на товары, как, например, юфть, медные котелки, кружки из желтой меди, железо и выдру, мех которой они предпочитают другим мехам. Лошади у них крепкие и быстрые в беге.

Торговля

Наружность калмыков и их одежды

О наружности калмыков [можно сказать], что они—крепкие, коренастые люди с большими головами, которые они гладко выбривают до самой макушки, на самом темени часть волос остается в виде правильного кружка (zirchel-rund); эти волосы они заплетают в черные как смоль косы, свисающие сзади. Они имеют маленькие раскосые глаза, над которыми нависают брови, между глазами [у них]—широкое гладкое пространство, так что нос у них совсем плоский, вровень с щеками, выдающиеся скулы; они выращивают большие усы, однако бороды ни в каком случае; носят в ушах большие (grosze, weite) серебряные кольца, шириною в талер, с большим красным кораллом. На

теле—никакой рубахи, вообще никакого полотна, но зимою и летом овечьи тулупы (Schafspelzen), носят сапоги, которые они делают сами; со своими луками [и стрелами] обращаются они очень ловко и могут, особенно на лошади, на полном скаку очень метко стрелять; отвратительно смотреть, как они едят свою еду и кушанья, которые состоят главным образом из вяленой на солнце конины и верблюжатины, без всякого хлеба, — одно только мясо без соли. Отвратительно смотреть и их приготовления [кушанья] и еду [одного] сырого мяса. Кобылье и верблюжье молоко является их лучшим и изысканнейшим напитком. Их женщины очень красивы лицом, носят также в ушах большие серебряные кольца с большими красными кораллами, еще бóльшие чем мужчины, на головах [у них] густые и длинные волосы, заплетенные в две косы, свисающие с обеих сторон на груди; они очень похотливы и очень преданы (angereizet) любви.

Очень ловкие люди. Их кушанья

Их женщины

Калмыки не имеют никакой веры, мало знают о боге, являются язычниками, тем не менее они носят вокруг шеи четки, сделанные из очень больших черных камней и круглых белых костей, которые висят у них на груди; утром сидят они с этими четками в руках, совершая молитву и ворча при этом, как медведи; каждый камешек означает одного из их святых. У них есть также свои священники, которые носят красные четки с длинным и широким куском красного шелка (Stameth), который они [перебрасывают] через одно плечо, затем завязывают наперед под рукой и кругом живота; на голове у них шапка, как и у других калмыков.

Верования калмыков

Своего главного священника чтут они как святого и как бога, и верят в то, что он семь раз рождается вновь, и таким образом верят больше в живого сатану, а затем в бога... Этот их главный священник, которого они называют Далай-Ламой (Talilama), находится у них в большом почете как бог, так что ни царь, ни какой-нибудь князь ничего не предпринимает [не спросясь его]: они прежде спрашивают, сначала своего бога, а потом Далай-Ламу, о совете. Когда калмыцкий властелин, которого они называют Singatin, но

Калмыцкий первосвященник, который 7 раз родился— Далай-Лама

Сингатин

обыкновенно царь, спорит со своими соседями или с кем-либо, или хочет сделать набег, он собирает большое количество народа и армию в 80 или даже в 100 000 человек; это он может сделать в 48 часов, так как стоит ему только приказать, каждый князь—а все они пастухи и разбойники—тотчас должен появиться со столькими тысячами людей, со сколькими ему полагается и представиться царю. Собравши такое количество народа, царь отправляется к святому и спрашивает Далай-Ламу, советуясь с ним, будет ли счастливым на этот раз его намерение выступить в поход или нет; если семь раз рожденный святой человек, однако больше по сатанинскому внушению, чем по божескому, отвечает ему, что это должно кончиться счастливо, получает царь благословение своего святейшего и дарит ему за это табун лошадей, овец, несколько кусков китайки и многие другие товары, после чего он прощается и выступает в поход; если же эти [предсказания] неблагоприятны для совершения этого похода, дает он ответ царю, что на этот раз он не будет иметь удачи, после чего царь уходит и отправляет [собранных] людей каждого в свою орду ожидать лучших времен.

Могущество калмыков

Этого святого Далай-Ламу держат они в высоком сане и приписывают ему божественную власть, но эти суеверные люди тем не менее хорошо видят, что они им обмануты. Ведь они считают, что он 7 раз родился; это происходит следующим образом: когда они имеют священника, который вел очень благочестивую жизнь, то, если он умирает, сжигают они его тело в пепел и затем из этого пепла его костей делают изображение, почитая его священным как святыню, в честь которой они носят вокруг шеи на своих четках большой круглый камень, как голубиное яйцо; носят его в память об умершем. Затем они раздобывают маленького ребеночка, который его представляет: его подучивают, чтобы он мог сказать, что он тот самый, который умер, и что теперь опять родился снова. А для доказательства того, что он имел такой же образ, дают ему столько же войска, земли, прислужников, лошадей; если такое случится [произойдет], его берут оттуда на 4-м или 5-м году, благословляют

7 раз рожденный, это происходит таким образом

Дьявольский обман

и представляют царю с его князьями и народом. Тогда возникает большая радость, и вновь рожденному дарят около сотни лошадей, **верблюдов**, овец, **китайки**, **шелка**, тафты, седел и другое большое богатство; при этом, по их обычаю, устраивается большое **торжество**. Такие удивительные торжества происходят потому, что вновь нашелся святой, который считается святым наряду со всеми своими предшественниками, не умевшими ни молиться, ни читать. Все это рассказал мне один еврей, бывший евреем по рождению, а затем сделавшийся калмыцким священником, который еще в совершенстве говорил на своем немецком языке; все это он открыл мне украдкой, впоследствии же, будучи послан в Москву с посольством и уже возвращаясь домой, он был убит своими же товарищами.

Бухарский хан обязан каждогодно уплачивать калмыкам дань

Эти **калмыки** своею властью обложили контрибуцией бухарского царя; это произошло оттого, что бухарец [бухарский хан] хотел убить своего младшего сына, чтобы тот после него не завладел его царством; узнав это, сын перешел к калмыкам, прося у них защиты; затем бухарский царь послал за своим сыном к **калмыкам**, которые его не выдали; поэтому **калмыки** напали на бухарскую землю и разграбили ее; затем бухарец с ними примирился и по договору уплачивает ежегодно дань, состоящую из **верблюдов**, седел и других **китайских товаров** (Gueter); однако сын **бухарского царя** остается под защитою **калмыков**. **Бухарский царь** имеет 22 жены, от которых он имел лишь двух сыновей; в наше время он был уже стар, лет 80-ти, но был еще жив.

Их лагери

Хотя калмыки являются быстрым и опасным врагом, но они тем не менее не употребляют другого оружия, кроме лука и стрел; самые знатные из них, однако, имеют также сабли. Их стрелы имеют широкий и острый железный наконечник, они умеют очень метко стрелять ими на полном скаку, [когда] уздечка лежит на шее лошади и он управляет лошадью ногами; так может он на полном скаку сбить с березы тетерева, как это я сам видел. В стычке [с врагом] на поле не придерживаются они никакой дороги (halten sie keine Trope), но, подобно **башкирам** и **татарам**, с яростью на-

скакивают на своего врага без всякого порядка, причем каждый делает то, что может. Всех своих убитых бросают они в воду, а за отсутствием таковой — в болото; если же в качестве начальника (Feldherrn) имеют они храброго героя, который много помог преодолеть врага и [сам] был теперь убит, то его ищут повсюду между убитыми и, найдя его, берут они его тело в великой печали, сжигают его в пепел, раздробляют кости, смешивают или замешивают их вместе с глиной и делают из этого изображение, которое они почитают священным, его же [самого] почитают святым за то, что он так рыцарски погиб ради своего господина; в честь его они привешивают камень на своих четках и молятся ему, как святому.

Они не имеют никакого постоянного лагеря, но всегда располагаются в степи большой ордой со своим скотом, лошадьми, верблюдами, овцами, женами, детьми и всем вообще, что они имеют; уничтожив же на одном месте корм или траву, отправляются они на свежее место; стоят они, однако, всегда около рек.

Водка

Они имеют также водку [приготовленную] из кобыльего молока и ячменя, очень крепкую, которую я сам пробовал.

Убийство животных

Когда они убивают какое-нибудь животное — быка, овцу, верблюда или лошадь, — поступают они не так, как другие народы, но бросают его на землю, на спину и ногами вверх, хватают за брюхо так, что оно свисает на обе стороны спины, затем длинным и острым ножом, который каждый обязательно носит с собою, разрезают они на левой стороне большое отверстие под ребром, лезут затем рукой в живое животное, схватывают сердце и дергают его, чтобы скотина скорее издохла; таким образом кровь остается внутри, пока не сдерут с нее шкуру; затем они [кладут] брюхо на лошадь, вынимают внутренности и вычерпывают кровь руками, кишки выворачивают, вынимая из них навоз, не думая ни о какой промывке или очистке, и кладут в котел, который тут же стоит уже на огне, с головой, ногами, потрохами, варят все это и пожирают. Суп пьют они также яростно и неуклюже большими ложками из мисок, грызут и кусают как собаки своими зубами кости без

Чистота

Приготовление пищи

Едят без хлеба одно мясо

крошки хлеба; и тем не менее они сильный народ [крепкие люди]. Мясо же убитых животных разрезают они на четыре части [и] вешают на палках на солнце, так что оно высыхает; так [делают они] даже в самое жаркое лето; похоже на то, что ты попал к самому отъявленному живодеру; из кишок же пальцами выдавливают они кал и, не пополоскав их и не промыв, засовывают туда разрезанное мясо, делая таким образом без соли и всего остального мясные колбасы, которые они вывешивают на солнце и сушат; они берут [эти колбасы] обыкновенно с собой в путь, употребляя как мясо лошадей, так верблюдов и быков; они режут их маленькими кусками, как русский сахар, кладут их на кожу или войлок (Fillte, Filtze?) на солнце и сушат, запаковывают затем в кожаные мешки, употребляют их без хлеба во время похода, когда в этом есть необходимость.

Колбасы

О народах и племенах (Secten) в Сибири, насколько я их знаю

1
О татарах и о том, как они сватаются

В Сибири живет много татар. Они покорились отцу [нынешнего] русского царя, как это вкратце сказано при описании Тобольска. Они живут совсем по-скотски, не знают бога и его заповедей, не имеют ни церквей, ни [молитвенных] собраний; очень трудолюбивы в земледелии, рыболовстве и других промыслах. Когда кто-либо из них женится, тот человек, который хочет жениться, ищет себе невесту, которая ему нравится; затем он уславливается с отцом девушки, что он должен ему дать за нее; когда сговор (accord) сделан, то за невесту ее родителям он должен дать, прежде чем возьмет ее у них, пару лошадей, одну или две коровы, а также пару овец и немного денег, от 10 до 15 или даже до 20 рейхсталеров, больше или меньше; так празднуют они свои свадьбы и покупают себе жен.

2
Вогулы, вера, внешний вид

Есть там также народ, называемый вогулы (Wagultzen), который живет там и сям по стране. Эти люди не верят в бога, ничего о нем не знают, являются закоренелыми язычниками, не имеют ни письменности, ни книг, живут в домах, похожих на татарские юрты, низкорослы; каждый год платят

русскому царю незначительную дань [состоящую] из плохих соболей и лисиц, которых они убивают стрелами; носят они скверную одежду, вроде татарской. Язык их очень отличается от татарского; едят очень скверную пищу, без хлеба; своими луками они убивают много оленей, медведей и других зверей; когда они убивают такого зверя, что всегда случается в лесу, то вогул время от времени делает зарубки на деревьях и обозначает то место, где он убил зверя, приносит его домой, сдирает с него шкуру и продает ее, мясо же пожирает со своими чадами и домочадцами (mit seinem Geszinde); кости же все вместе и каждую в отдельности бросают в воду, но ни одной из них — собакам, еще меньше выбрасывают на улицу. Если вогул заполучил такого зверя, ходит он каждый день к тому месту, где тот был убит, падает ниц, молится этому месту и благодарит его за то, что он имел счастье уложить такого зверя.

Язык и их суеверия

3

Остяки, внешний вид, одежда и образ их жизни

Есть там также народ, называемый о с т я к и (Astachen); это простодушные люди, низкие ростом; носят холщевые одежды, сделанные из конопли, которые они закатывают до колен, в случае если они слишком свисают; их штаны и чулки составляют одно целое с их л а п к а м и (Lapkesz) или обувью, сделанной из необработанной кожи; они пришиты к чулкам, так что остяки надевают вместе штаны, чулки и обувь; свои волосы, зачесанные на лоб и затылок, они подстригают на два пальца над ушами, стригут также и свои бороды. Их женщины также носят холщевые платья и повязку вокруг головы, на которой висит много медных украшений и колец, а также плоско выбитые куски олова или выплавленные из олова ф и г у р к и, которые они покупают и которые составляют их лучшее украшение; вокруг шеи носят они также несколько рядов подобных же украшений. Сходную же одежду носят также женщины вышеупомянутых в о г у л о в; если у них есть чем, то красят они в красный цвет свои ногти. Эти о с т я к и также ничего не знают ни о боге, ни о заповедях его, не имеют ни книг, ни письменности, ни алфавита; они приносят жертвы и молятся ш а й т а н у (Scheitan), что значит чорт, для которого они устроили жертвенное место в лесу, под деревом. Когда этот шайтан

Одежды, похожие на вогульские

Верят в шайтана, которому приносят жертвы и молятся. Дань

является с сильным шумом и свистом, падают они на землю ниц или на колени и просят его, чтобы у них не была украдена ни одна лошадь; они приносят ему в жертву соболей, лисиц, куниц и все, что они имеют.

У них есть также свой священник, называемый шайтаник (Scheitanik), который должен отвечать им за шайтана; это настоящий колдун или заклинатель нечистой силы (Hechsenmeister oder Theuffelsbaner). Эти люди живут на север от Тобольска, в хижинах, бедно перебиваются кое-как дичью и рыболовством; словив первую рыбу, схватывают они ее в обе руки, подымают ее кверху, молятся ей и [затем] в один присест пожирают ее сырою без хлеба, который они употребляют в малом количестве или не употребляют совсем. Они подвластны русскому царю, приносят ему каждый год дань из плохих соболей, куниц и лисиц; когда они хотят что-либо попросить у царского воеводы, становятся они на колени, простирая руки, и не встают до тех пор, пока не получат ответ.

4 Киргизы, их властитель называется Алтын-царь

Есть там также народ, называемый киргизы (Kiregisen); это тоже природные язычники; живут на реке Оби по направлению к Китаю; имеют очень странные одежды, зимою ходят в грубых платьях из оленьей кожи, ворсом наружу. Их женщины носят на голове украшение из древесной коры, широкое и круглое, как сито, которое они обвязывают тряпками. Эти люди поедают сырыми и мясо и рыбу.

5 Башкиры

Есть там также башкиры (Baskiren) — дикий и недружелюбный народ; они граничат с калмыками в степи; живут к юго-западу от Тобольска. Эти люди показали себя враждебными по отношению к русским, так как Сибирь принадлежала [некогда] предкам вышеупомянутого царевича; прежде этих людей он всегда употреблял для своей службы; они в поле, верхом на лошадях, которые бегут быстро, очень ловки со своими луками и стрелами, стреляют очень метко и очень склонны к разбою. Они очень проворны, в поле не придерживаются никакой определенной дороги (Tropen), но каждый очень поспешно совершает свой наезд (Defour), возвращается в поле, затем

опять обратно. В настоящее время они враждуют с русскими, и это продолжается уже с давних пор.

6 Есть также самоеды (Samoieden), которые достаточно хорошо известны; они подвластны русскому царю.

7 Народ монголы, дикари (Barbarske Leute) и т. д.

8 Кунгурцы (Konguren) также.

9 Зыряне (Zierenen) и т. д.

Главнейшие реки этого путешествия

1 Волга возле Вологды, которая протекает через всю Россию и впадает в Каспийское море.

2 Двина между Сольвычегодском; ниже Архангельска она впадает в море.

3 Вычегда у Сольвычегодска; также у Архангельска впадает в море.

4 Вилита между Сольвычегодском и Кайгородом, впадающая в Вычегду.

5 Сысола между Кайгородом и Камой.

6 Кама—возле Соликамска, впадает в Волгу ниже Казани.

7 Тура около Верхотурья, в Сибири, впадающая в Тобол.

8 Узница, впадающая в Туру возле Благовещенской слободы.

9 Тобол, который соединяется с

10 Иртышом возле Тобольска

11 Тавда, которая возле Zawda (?) впадает в Иртыш, идет за сибирские горы к Архангельску.

12 Обь, впадающая в Мангазею.

13 Мангазея, впадающая в Вайгач.

Конец.

ПРИМЕЧАНИЯ

двинулись мы в путь]. Автор рукописи ехал в Сибирь так называемой «Бабиновской дорогой», проведенной в 1596 г. «посадским человеком» с. В.-Усолка Артемием Бабиновым для сокращения расстояния между Москвой и Сибирью. Этот путь уменьшал путь между Москвой и Тюменью почти на 1000 верст и служил почти единственным сообщением между Европою и Азией в течение 200 лет, до проведения в 1783 г. тракта из Перми через Кунгур на Екатеринбург. Длина Бабиновской дороги, между Соликамском и Верхотурьем, сквозь леса и горы Урала,—около 270 верст (см. исчисления Н. Чупина. Географическо-статистический словарь Пермской губ. Пермь, 1873, стр. 57 и А. Дмитриев. Пермская старина, вып. II, Пермь, 1890, стр. 30—31; сл. И. Я. Кривощеков. Указатель к карте Соликамского уезда, Пермской губ. «Записки Уральского О-ва Люб. Естествозн.», т. XVII, вып. 2, 1897, стр. 199—200; С. Богословский. Соликамск на рубеже XVI и XVII вв. «Пермский Краеведческий сборник», вып. II, Пермь, 1926, стр. 47). На первоначально пустынной и безлюдной дороге возникли сначала населенные только ямщиками соединительные звенья—«ямы»—Верх-Яйвинский, Чикман, Леончан, Верх-Косвинский и Ростес—на западном склоне Урала и Павдинский и Караульский—на восточном; постепенно местности возле дороги стали заселяться разным людом (А. Луканин. Описание Соликамска, Пермь, 1882, стр. 124—127; Л. Каптерев. Заселение Тагильского края. «Материалы по изучению Тагильского округа», вып. 2, Тагил, 1928, стр. 6—7). Публикуемая нами рукопись дает наиболее подробное из всех сохранившихся источников описание Бабиновской дороги. Автор ее из Соликамска ехал на р. Яйву (Jeua), через село Верх-Яйвенское (И. Кривощеков. Указатель, стр. 210, 301—302), далее на речку Чикман (Schechtmana), которая «течет в глубине между двух скал», далее на деревни: Косву (Kosua), Ростес (Rostius) и Кырью (Werkuria). Мы публикуем описание пути, начиная от деревни Ростес (стр. 11).

в деревеньку Веркурья]. Повидимому, деревня Кырья, на речке Кырье, левом притоке Косьвы, также упоминаемой автором рукописи («ручей, называемый Kiria»...) и Бабиновской дороге в Сибирь (см. И. Я. Кривощеков. Указатель к карте Соликамского уезда Пермской губ., «Зап. Уральск. О-ва Люб. Естествознания», т. XVIII, вып. 2, 1897, стр. 246).

до земли и реки Ляля] р. Ляля—приток Сосвы.

Чумкасы]. Так, вероятно, надо понимать обозначение Ziumken. От Москвы до Сольвычегодска расстояния указаны в рукописи в верстах, но на стр. 5 автор замечает: «Вместо верст здесь начинается счет на Ziumken, из которых каждый составляет одну милю пути». Речь, таким образом, идет о зырянской мере длины чемкосах или чумкасах, которой пользовались и другие путешественники. Исбрант Идес, проезжая мимо Сольвычегодска, также указывает на зырянскую меру определения расстояний «чумкасами», определяя ее приблизительно в 7 верст; он пишет о земле зырян, что она велика, т. к. распространяется до Кайгорода на 70 чомкас, «а чомкас составляет хорошую немецкую милю»: «De Landstreek, die zy (Sireëner) bewoonen, is tamelyk groot, en strekt zich uit tot aan de Stad Kaigorod, of 70 sumkas, een sumkas nu is een groote Duitsche myl» (E. Isbrants Ides. Driejarige Reize naar China, t'Amsterdam, 1704, p. 4); в русском переводе Исбранта sumkas переведено: чумкас («Древняя Российская Вивлиофика», VIII, стр. 364); о чумкасах см. ст. В. П. Шляпина, «Удора», «Богатства Севера», 1920, № 5, стр. 13—14 и его же: «Из истории заселения нашего края», «Записки Северо-Двинского Общества Изучения Местного Края», вып. V, Великий Устюг, 1928, стр. 37. Е. Н. Косвинцев («Новые исторические документы о Кунгурском крае».

«Материалы по изучению Камского Приуралья», вып. II, Пермь, 1930, стр. 44) указывает, что в Пермском округе есть деревня Чумкасова, «что означает буквально жилище (чум) самоеда (хасова)» и что «речка Чумкасна имеется на среднем Урале, в пределах Тагильского округа», замечая при этом: «В Прикамьи с древнейших времен счет пространству велся не на версты, а на чумкасы. Это отметили Герберштейн, Ремезов, описывавший Кунгурский уезд в начале XVIII века, и сибирский историограф Миллер, проезжавший через Пермский край в 40-х годах XVIII в.».

Во всех местностях Яйвы]. Ныне село Верх.-Яйвинское, на б. Бабиновской дороге, некогда крайний восточный пункт Уральск. уезда. Историю его см. И. Я. Кривощеков. Указатель, стр. 210, А. Дмитриев. Пермская старина, вып. I, стр. 94—95; вып. II, стр. 64—66; вып. IV, стр. 64—66.

в деревню, называемую Караул]. Ляликский караул, позднее село Караульное.

прибыли в город Верхотурье]. Верхотурье выстроено воеводой С. Шестаковым в 1598 г. (сл. выше: Масса, 263, 271); при постройке города правительство преследовало не только экономические, обусловленные его существованием на транзитной Бабиновской дороге, но и политическую цель—создать в новом крае неприступную крепость «для береженья от калмыцких и иных орд». С. Шестаков так описывает городище Неромкарское, избранное им для постройки города: «от реки от Туры по берегу крутово камени горы от воды вверх высотою сажен с 12 и болши, а саженями не меряно, а та гора крута утес, и того места по Туре по реке по самому берегу 60 сажен болших... место то добре крепко, никоторыми делы взлести не можно». На этом неприступном утесе сначала был устроен только один город со стенами, длиною в 250 сажен, а уж затем и посад, находившийся вне городских стен, обнесен был острогом стоячим «по мере печатных 630 саж. да 8 башен». «Весьма характерно то обстоятельство,— замечает Вл. Трапезников (Очерк истории Приуралья и Прикамья в эпоху закрепощения XV—XVII вв. «Изв. Арханг. Общ. Изуч. Русск. Севера». 1911, № 17, стр. 443—444),—что в противоположность другим городам, Верхотурье в первое время не имело ни посада, ни острога. Это говорит о том, что ему придавалось исключительно стратегическое значение и что первое его население принадлежало к числу исключительно служилых людей и духовенства». Говоря, что верхотурская крепость «выстроена против башкиров», автор рукописи не ошибался. «Распространяя свои поселения по Верхотурскому уезду и двигаясь с севера на юг, правительство с каждым годом становилось ближе к тем землям, которые принадлежали башкирам», и, вместе с тем, принуждено было почувствовать близость тех «орд», «береженье» от которых являлось вопросом политической необходимости». «Правительство не ошиблось, населяя и укрепляя этот край. В недалеком будущем события показали, какие опасные для Москвы элементы таились в этом крае и какое опасное соседство представляла «башкирда», ко владениям которой вплотную подошли русские в XVII веке» (op. cit., стр. 457—449). См. также В. С. Баранов. Древний Кремль г. Верхотурья, Свято-Троицкий собор и часовня. Нижний-Новгород, 1908.

В Тобольском городском музее хранится опись Верхотурского города и уезда Г. Черткова и А. Бернацкого 1666 г. (т. е. как раз того года, к какому относится путешествие). Извлечения из этой рукописи (только по г. Верхотурью) впервые напечатаны А. Дмитриевым в «Пермской старине», вып. VII, Верхотурский край в XVII в., Пермь, 1897, стр. 97—98, 186—190. Эта перепись начинается перечислением 33 дворов оброчных крестьян, живших по Усольской, т. е. Бабиновской дороге от Верхотурья до Соликамска, в упоминаемом и автором немецкой рукописи селе Ростес и на реках Кырье и Косьве. Всех дворов разных категорий в Верхотурском уезде, по переписи 1666 г., насчитывается 1040 и сверх того в г. Верхотурье 196 дворов, всего—1236 дворов.

никто не проходит мимо]. «Верхотурье имело в XVII в. большое значение, как город, стоявший на рубеже Европейской и Азиатской России. Только через него должны были проезжать служилые, промышленники и купцы, а все остальные дороги были запрещаемы. Поэтому через этот город шли все западно-европейские товары, персидские, бухарские, китайские и русские, восточно-европейские и сибирские» (Б. К у р ц. Город Верхотурье в XVII веке. «Юбилейный сборник Киевского историко-этнографического кружка», Киев, 1914, стр. 327—336). «Верхотурье по своему положению на правительственном тракте,—замечает С. В. Б а х р у ш и н,—являлось как бы воротами в Сибирь, le Hâvre de la Sibérie, как оно названо в французском переводе сочинения Адама Бранда. Здесь была устроена таможня, через которую должны были, по крайней мере в теории, проходить все проезжавшие камским путем через Урал». «Движение через Верхотурскую заставу было очень значительное. Во-первых, через нее шли все правительственные сношения с Сибирью: ездили воеводы, отправлявшиеся на место своей службы в сибирские города, провозился хлеб для сибирских гарнизонов, гнали гонцы с отписками...; наряду с проездом чиновных лиц, через Верхотурье тянулись в Сибирь обозы с русскими товарами и проходило большое число торговых и промышленных людей» (Очерки по истории колонизации Сибири, М., 1928, стр. 104—105). «Правительство из фискальных соображений стремилось направить все движения за Урал через Верхотурскую заставу, потому что из Сибири и в Сибирь «многим дорогам быть непристойно» и энергично боролось с образованием новых дорог «мимо Верхотурье», приказывая всякий раз такую вновь открывшуюся дорогу «засечь накрепко, чтоб отнюдь конным людям проезду, а пешим проходу не было» (op. cit., стр. 107). Отправляясь из Верхотурья внутрь Сибири, проезжающие как по казенной, так и по частной надобности, должны были иметь установленные подорожные, которые представлялись ими в воеводских канцеляриях.

принужден подвергаться здесь осмотру со всем своим добром]. Эти обыски, действительно, имели место, причем им должны были подвергаться не только все служилые люди, но даже и воеводы, которые нередко везли с собой значительное количество нажитых в Сибири богатств; в Верхотурье дан был наказ осматривать пожитки воевод или посланных ими людей «без опасения» (Акты Историч., т. V, № 62. Доп. к Актам Историч., т. III, № 9). Любопытным памятником этих порядков является царская грамота (1635) Верхотурскому воеводе Д а н и л у М и л о с л а в с к о м у и дьяку И в а н у С о л е т ц и н у о порядке осмотра служилых людей, едущих из Сибири: «да как кто сибирских воевод и дьяков и письменных голов, или торговых и промышленных всяких людей на заставу придет, и ему Даниле велено»: «соболей и лисиц, и шуб собольих и лисьих, и куниц, и бобров, и всякой мелкой рухляди в возах и сундуках, и в коробьях и в сумках, и в чемоданах, и в платье, и в постелях, и в подушках, и в бочках винных, и в запасах во всяких, и в печеных хлебах обыскивати... не боясь и не страшася никого ни в чем, чтоб в пазухах и в штанах и в зашитом платье отнюдь никакие мягкие рухляди не провозили». Наказ предписывает всю найденную мягкую рухлядь отбирать на государя. «Разумеется,—замечает В. Т р а п е з н и к о в (Очерк истории Приуралья и т. д. «Изв. Арх. Общ. Изуч. Р. Сев.», 1911, № 70, стр. 625 сл.),—при такой системе отбирания лишней мягкой рухляди правительству трудно было учесть неправое стяжание своих служилых людей, т. к. оно могло заключаться, да, вероятно, и заключалось, в других предметах и в деньгах. Правительство убедилось в этом, и в 1667 году верхотурскому таможенному и заставному голове Ивану Толстоухову было предписано у всех служилых людей, едущих на службу «в сибирские города», «на верхотурской заставе животы их и деньги, что они повезут с собой с Москвы, велеть переписывать, и те переписные росписи... присылати и о том писати нам, великому государю, к Москве, а другие таковые же росписи оставливати на Верхотурье впредь для спору. А как те воеводы и приказные люди по нашему государеву указу пе-

ременены будут и из Сибири поедут назад к Москве, и у них по тому ж животы и деньги осматривать и переписывать». Ср. А. Лаппо-Данилевский. Организация прямого обложения в Московском государстве, СПб., 1890, стр. 436; Н. Н. Оглоблин. Обозрение столбцов и книг сибирского приказа, ч. II, стр. 132—133.

доехали до деревеньки Салда]. Салдинская слобода («Погост Салдинской») на устье реки Салды, правого притока р. Тагила. В «Списке с чертежа Сибирския земли»: «а от Туринской слободы до Туринского острогу 60 верст, а от Туринского острогу до Благовещенской слободы 40 верст, а та слобода стоит от Туры реки за 5 верст на ключах. А от Благовещенской слободы до Тагильской слободы 120 верст, а та слобода стоит на усть Тагилы реки. А от Тагильской слободы по Туре реке до Салдинской слободы 40 верст: а та слобода стоит на усть Салды реки. А от Салдинской слободы до Верхотурья 20 верст» (А. Титов. Сибирь в XVII веке, М., 1890, стр. 42).

прибыли в городок Япанчин]. Сл. выше И. Масса, стр. 271.

У Благовещенской слободы впадает в Туру река Узница]. Не имеет ли автор в виду реку Ницу? Слова Усть Ницынская слобода («А от Тюмени до Усть-Ницынской слободы вверх по Туре сухим путем 60 верст»...) или просто Усть-Ница он мог принять за название реки.

прибыли мы в город Тюмень]. Как и все сибирские города, старинная Тюмень расположилась на высоком месте, образованном слиянием двух рек: Туры и Тюменки. Первое известие о построении «городового острога» относится то к 1586, то к 1593 г. (при воеводах Булгакове и Васильеве; сл. выше: П. Петрей, стр. 211). Характеристику и историю укреплений Тюмени см. в книге: Тюмень в XVII столетии. Изд. А. И. Чукмалдиной, М., 1903, стр. 143—145, в статье П. М. Головачева «Состав населения и экономический быт Тюмени в XVII ст.» Город был обнесен стенами с 6-ю глухими и двумя «проезжими» двухъярусными башнями. «Высота стен—2 сажени. Кровли башен были очень высоки и круты. В городе были две церкви... съезжая изба, 2 караульных избы у «проезжих башен», подле ворот, 10 торговых житниц, амбар соляной, амбар денежный, амбар с «погребом, с торговым питьем», окруженная тыном тюрьма—врытая в землю изба, двор воеводский, двор, принадлежавший архиепископу, и еще 7 дворов»... «С одной стороны город омывала Тура, с двух других Тюменка, а с четвертой, со стороны посада, шел ров в $1^1/_2$ сажени шириной. Ниже «города» был расположен «острог» (посад), также окруженный стенами: одна шла от города вверх по Тюменке, а потом от Тюменки до Туры». «В 1658 г. воевода Веригин писал в Москву, что башни и стены, построенные Барятинским, весеннею водою подмыло, гора осыпалась... В 1663 г. получилось приказание приступить к исправлению Тюменских укреплений, отнести стены и башни от Туры и Тюменки, укрепить берега тарасами, вычистить ров за острогом». В 1667 году сгорело 202 сажени острога и угловая башня, «а вновь острога не ставлено: осыпи учинились».

Описание города Тобольска]. Настоящее описание ср. с материалами, опубликованными в книге: «Тобольск. материалы для истории города XVII—XVIII ст.». М, 1885, изд. Н. А. Найденова; сл. у нас выше, стр. 324.

воеводой, живущим в Тобольске]. В 1666 году воеводами Тобольскими были кн. Алексей Андр. Голицын, стольник Григ. Федор. Бутурлин, дьяками—Ив. Бор. Черняев и Степан Ник. Елчяков, «а другому велено быть старому Кириллу Дохтурову» (К. Б. Газенвинкель. «Систематический перечень воевод, дьяков, письменных голов и подъячих с приписью в сибирских городах» и т. д. Приложение к «Календарю Тобольской губ. на 1893 г.». Тобольск, 1892; И. Тыжнов. Заметки о городских летописях Сибири, СПб.,

1898, стр. 80—82). С 21-го мая 1667 г. их заменили воеводы Петр Ив. Годунов и кн. Фед. Фед. Бельский, дьяки—Г. Г. Жданов и М. О. Посников.

соколов везут благородным образом]. Царь Алексей Михайлович, как известно, был страстным соколиным охотником. В Семеновской и Коломенской сокольнях, составлявших его потешный двор, было собрано необычайное число птиц—около 3.000—для прокормления которых содержалась голубятня в 100.000 штук. «Чтобы понять всю колоссальность цифры ловчих хищников,— пишет М. И. Смирнов (Переславские сокольи помытчики. Владимир, 1912, стр. 26—27),—нужно иметь в виду, что в неволе, даже и при самом лучшем уходе, птицы живут не более двух-трех лет или прямо умирают, многие от перемены климата. Следовательно, чтобы поддерживать постоянно на такой высоте сокольню, требовалось ежегодно громадное число птиц. Оно еще более увеличивалось частыми посылками редкостных птиц в разные страны: Турцию, Персию, Крым, Англию, Данию, Польшу и т. д.» Значительная ежегодная убыль ловчих птиц восполнялась особыми экспедициями, в которых ездили царские помытчики (помытчик или помычник—ловец соколов и их дрессировщик), иногда в отдаленные северные края. Регулярно помытчики отправлялись и в Сибирь. Из письма Алексея 1650 г. видно, что он приказал сокольникам «чтоб они ездили по прежнему нашему указу и правили б соколы на Тоболск и от Тобол по Угрешу» (Собрание писем царя Алексея Михайловича, изд. П. Бартенев, М., 1856, стр. 31). «За ними (соколами) охотятся особо наряженные татары,— рассказывает Ю. Крижанич,—всю добычу их летней охоты воевода зимою распределяет между охотниками и дает каждому особую повозку; в нее садится охотник со своею птицей и отправляется в Москву. Часть привезенных птиц царь удерживает у себя, часть в виде подарка обыкновенно отсылает Персидскому шаху (а также Турецкому султану, Крымскому хану, временами и королям Польским), которыми и принимаются они с изъявлением благодарности» (А. Титов. Сибирь в XVII веке, М. 1890, стр. 173). Царь великолепно знал свою армию хищников; он разделял их на статьи и разряды, гордился ими и даже, как полагают некоторые, сам составил особое руководство по соколиной охоте: «Книгу, глаголемую урядник: новое уложение и устроение чина сокольничья пути». Восхваляя эту охоту, Алексей Михайлович пишет: «И зело потеха сия полевая утешает сердца печальные и забавляет веселием радостным и веселит охотников сия птичья добыча». «Будьте охочи, забавляйтеся ино доброю потехою, зело потешно и угодно и весело, да не одолевают вас кручины и печали. Избирайте дни, ездите часто, напускайте, добывайте, нелениво и бесскучно, да не забудут птицы премудрую и красную свою добычу». (Собрание писем ц. Алексея Михайловича с приложением Уложения Сокольнича пути с пояснительною к нему заметкою С. Т. Аксакова. М., 1856, стр. 91, 142, 144—145). Кутепов. Великокняжеская, царская и импер. охота, т. II, стр. 158 и сл.; ср. выше стр. 39—40, 95, 134. Ср. также И. Забелин. Опыты изучения русских древностей и истории. М., 1872, ч. I, стр. 281—300.

имеет свое местопребывание митрополит]. Архиепископом Тобольским был в 1666 г. поставленный в 1664 г. архимандрит новгородского Хутынского монастыря Корнилий, прибывший в Тобольск в феврале 1665 г. В январе 1668 г. он выехал в Москву для посвящения в митрополиты и возвратился в Тобольск 20-го декабря 1668 г. Это обстоятельство дает некоторое право заключить, что рукопись, где определенно говорится о митрополите, а не об архиепископе, была написана или отредактирована не ранее 1668 года.

они имели также своего собственного царя, резиденция которого была на горе]. Кучумово городище находилось в 16-ти верстах от Тобольска, вверх по Иртышу; сл. выше И. Масса, стр. 271.

там видны еще рвы и валы вокруг их жилищ]. Трудно сказать, о каких

развалинах говорит автор т. к. уже в XVIII веке большинство из них не существовало. Миллер, описывая руины старого Искера, замечал, что «на некоторых местах валы и рвы за многопрошедшим временем так заросли, что ныне мало их видно». «От дворов или от другого какого строения никаких следов более не видно, как только, что по разным местам от неравности земли рассуждать можно, что какое-нибудь строение там находилось. Дворы, по обыкновению сибирских татар, построены были либо деревянные, либо, по бухарскому обыкновению, из нежженных кирпичей, потому что с того времени вовсе пропали». «В последние времена окольные российские жители, ищущие закопанных в землю пожитков, везде глубокие ямы копали, и некоторые недаром трудились» (Описание сибирского царства, изд. 2-ое, СПб., 1787, стр. 108—109; Samml. Russ. Gesch., VI, S. 294—296, В. Радлов. «Сибирские древности», т. I, вып. 3, стр. 117).

царевич, который до сих пор объявляет себя врагом]. М. б. Ишим, младший сын Кучума? или царевич Кучюк?

он имеет при себе немного людей, именно башкиров]. По словам боярского сына Гаврилы Артемьева, в бытность его в 1601 г. в посольстве к Кучумовым детям, в Каратабынскую башкирскую волость «пришли двадцать семей башкирцев с женами и детьми, а бывали де они преж сего тое ж каратабынские волости, есашные же башкиры были с Кучумом» (Русск. Ист. Библиотека, II, стр. 24). «Участие Табынских волостей в борьбе Кучума и его детей с русскими,— говорит Н. Катанаев (Зап. Западно-Сибирск. Отд. Р. Г. Общ., т. XIV, 1893, стр. 54—55),—показывает, что и в начале XVII стол. башкирцы еще не вполне освободились от владычества даже павших сибирских ханов. Даже в 1623 г., как видно из показаний одного служилого татарина, младший сын Кучума царя, Ишим, кочевавший на р. Уй, ходил в Уфимские волости,— «старых своих людей табынцев сыскивати». В 1665 г. все еще продолжался т. наз. «башкирский бунт», начавшийся еще в 1662 г. и окончательно подавленный только к 1668 году; разорению подверглись некоторые местности Приуралья и Западной Сибири; для своих набегов башкиры выбирали,—как это отмечает и автор нашей рукописи,—время летних земледельческих работ: «татаровя, уфимские и пышминские, и япанчинские, и верхотурские ясачные вогуличи руку подавали царевичам и хотят итти войною на все слободы, как крестьяне хлеб пожнут и складут». В 1668 году «бунт» утих, чтобы вновь вспыхнуть в 1676 г. и беспрерывно тянуться до 1681 г. (Изв. Арханг. Общ. Изуч. Русск. Севера, 1911, № 21, стр. 758—761).

Описание бухарцев и их промыслов]. Торговля Западной Сибири с Средней Азией завязалась уже в 70-е годы XVI в. «По словам Миллера и Словцова, уже издавна русские караваны «досчаников» ходили вверх по Иртышу, а «бухарские» верблюжьи караваны направлялись через Киргизские степи в Европейскую Россию к Астрахани, Самаре и т. д. Иртыш тогда служил большой торговой дорогой для «бухарских» купцов, ведших меновую торговлю средне-азиатскими тканями... хлебом, сухими фруктами с тобольскими татарами и даже обдорскими остяками, у которых выменивали пушнину... Насколько важна была для Сибири торговля бухарцев, показывает челобитная сибиряков (Собр. Гос. Грам. и Договоров, II, 129), где они просят, как милости, чтобы к ним приходили из Бухарии с товарами» (А. В. Панков. «К истории торговли Средней Азии с Россией XVI—XVII вв.» в сборнике В. В. Бартольду «Туркестанские друзья, ученики и почитатели». Ташкент; 1927, стр. 20—47). Дипломатические сношения с Бухарой, Балхой и Хивой, начавшиеся в Москве с середины XVI в., несколько раз прерывались, но как раз в 60-х годах XVII в., вопрос об урегулировании торговых сношений между Москвой и средне-азиатскими ханствами получил новую остроту благодаря приезду в 1666 г. посла из Хивы и ответной посылки туда Алексеем Михайловичем своего представителя (Н. И. Веселовский. Посольство в Хиву Ивана Матвеева Федотова 1669—1670, «Туркестанск. Ведом.», 1882, № 20); тогда

же (1669 г.) бухарскому послу в Москве дана была грамота с разрешением бухарским купцам продавать свои товары на деньги или менять на русские товары в порубежных городах (С. В. Жуковский. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие, М., 1915, «Труды Общества Русских Ориенталистов», № 2, стр. 27, 28, 32—33). Отсутствие государственных договоров и регламентаций, повидимому, однако, мало стесняло торговлю «бухарцев» с Западной Сибирью. Еще в Строгановской летописи (1574 г.) сказано, что царь разрешил строить крепости на Тоболе, Иртыше и Оби, причем предусматривается возможность торговли там с бухарцами, калмыками и т. д. (Сибирские летописи, изд. Археогр. комиссии, СПб., 1907, стр. 7). В «Наблюдениях Вильяма Гурдона о зимовке в Пустозерске в 1614 и 1615 гг.» сказано, что «русские каждогодно торгуют с купцами бухарскими в городе, называемом Тюмень в Татарии, куда эти бухарцы каждый год приходят на верблюдах» (Purchas, His pilgrimes, III, p. 556). Если, таким образом, бухарские купцы фигурируют уже в раннем периоде сибирской истории (отметим также, что при начале завоевания Сибири упоминаются бухарские караваны, производившие торговлю с русскими около озера Ямыша, см. Г. Н. Потанин. О караванной торговле в Джунгарской Бухарии, «Чтения в Общ. ист. древн.», 1866 г., кн. II, стр. 37), то неудивительно, что эта торговля ширилась и крепла в первой половине XVII в. В это время многие из бухарцев поселились кроме Тобольска также в Тюменском и Тарском уездах и кроме торговли пытались заниматься даже скупкой земель у русских людей и у служилых и у ясачных татар, что вызывало соответственные запрещения (Н. Н. Оглоблин. Обозрение столбцов и книг сибирского приказа, ч. I, М., 1895, стр. 64—66; «Объяснительная записка к этнографической карте Сибири»,— Труды комиссии по изучению племенного состава населения СССР, 17, Л., 1929, стр. 50). В руках «бухарцев» (которыми называли также узбекских, таджикских и других средне-азиатских купцов) сосредоточилась вся торговля Сибири с Средней Азией, но они играли также роль торговых посредников между Сибирью и Китаем. Б. Г. Курц (Русско-китайские сношения в XVI, XVII и XVIII ст., Харьков, 1929, стр. 10—11), впрочем, отмечает, что китайские товары в это время в Сибири были все же редкостью. «О том, что эти товары были в сибирских городах,—у нас имеются документальные данные. В Енисейской «Товарной ценовой росписи» 157 г. (1649 г.) упоминаются «китайские и бухарские всякие локотные товары»: бархаты, атласы, камки, китайки, выбойки и пр. (Оглоблин. Обозрение, ч. II, стр. 121). В половине XVII в. среди товаров г. Томска, наряду с бухарскими, калмыцкими, английскими и иными иностранными товарами, находилась и камка—«китайка». «Это результат [бухарской] посреднической торговли, но размеры ее были настолько незначительны, что, например, в 1652 г. в Томск было привезено всего 20 аршин, а в следующем году—7 кусков». (Г. Н. Потанин. Привоз и вывоз товаров г. Томска в половине XVII ст. «Вестник Географ. Об-ва», т. XXVII, отд. II).

Характеристику тобольских бухарцев, которую дает автор печатаемой рукописи, интересно сопоставить с теми, какие оставили нам Юрий Крижанич и Исбрант Идес. Крижанич пишет около того же времени, как и автор нашей рукописи: «Тобольский воевода ежегодно посылает караван... вверх по Иртышу в Калмыцкую землю к соляному озеру, ближайшему к той реке. Хотя и бухарские купцы занимаются такою же торговлею, но в том месте оной не производят, а отправляются в Тобольск со своими товарами на караване москвитян. Бухарцы суть народ не столь варварский, как татары, однако же говорят наречием скифским и держатся магометанского исповедания. Они высоки ростом и пригожи лицом. Войнами, грабежами и разбоями не занимаются, а привержены к земледелию и торговле, живут в каменных городах и имеют своего царя. Поелику же они не слишком воинственны, то принуждены бывают платить калмыкам дань, чтобы избавиться от притеснения их. Купцы их часто ездят в Китай и оттуда привозят зимой на верблюдах, а летом (как уже сказано) на судах свои товары, как-то: хлопчато-бумажные разноцветные ткани, которые москвитя-

не называют китайками. Они привозят также корицу, но красную и низкого сорта и некоторый род зелья, называемого бадьян, которое в Сибири стало известно за несколько лет перед тем» (Повествование о Сибири, Латинская рукопись XVII ст., изданная с росс. переводом и примечаниями Григ. Спасским, СПб., 1822, стр. 17—18). Исбрант Идес, посетивший Тобольск в 1692 г., описывает «церемонию» богослужения бухарцев в мечети (E. Isbrants Ides, Driejarige Reize naar China... t'Amsterdam, 1704, p. 15—16; «Древняя Росс. Вивлиофика», т. VIII, стр. 380).

китайкой,... затем зенденем...]. Китайка, зендень, киндяк—различные названия тканей. Название «китайки» автор рукописи объясняет вполне правильно; зендень—шелковая ткань, название которой происходит, однако, не из немецкого языка (как думал Дювернуа. Материалы для словаря древне-русск. яз., М., 1894, стр. 63), а из восточных (И. Срезневский. Материалы для словаря древне-русск. яз., СПб., 1893, стр. 977); термин ciniach я предположительно перевожу киндяк, как у нас называлась восточная бумажная ткань (В. Клейн. Иноземные ткани, бытовавшие в России до XVIII века и их терминология, «Сборник Оружейной палаты», М., 1925, стр. 69; Гос. Историч. музей. Путеводитель по выставке тканей VII—XIX вв. в собраниях музея, М., 1926, стр. 22—23).

бадьяном]. См. ниже: Кильбургер.

русские имеют город перед степью]. Город Тара.

и затем впадает в Мангазею]. Та же ошибка на последней странице издаваемой рукописи: название «Мангазея» автор, повидимому, этимологизировал от немецк. See—море, но из следующей строки выходит, что под «Мангазеей» разумеется река. В указанном месте рукописи также сказано, что Мангазея «впадает» в Вайгач.

город, называемый Даурией]. Даурией в XVII в. назывался Верхне-Амурский край (А. Шренк. Об инородцах Амурского края, СПб., 1883, т. I, стр. 163). О городе Даурском упоминают и другие иностранцы. Так, например, о «des Czaren Statt Daür» говорится в заметках о Сибири Альбрехта Доббина (1673 г.). «Первым острогом даурским» считался также и Нерчинск.

эти калмыки]. Термин «калмыки» применялся у нас в XVII в. ко всем ойратским племенам вообще, к собственно калмыкам, но также к ойратам Джунгарии и Сибири, которые здесь и имеются в виду (В. Л. Котвич. Русские архивные документы по сношениям с ойратами в XVII и XVIII вв. Изв. Росс. Акад. наук, 1919, т. XIII, стр. 1209; ср. И. Я. Словцов. К политике сибирских воевод по отношению к соседним калмыкам. «Ежегодник Тобольского губ. музея», вып. 7 1897 г.).

они употребляют палки, связанные сверху ремнями]. Об устройстве калмыцкой кибитки, невысокой цилиндрической стенки с конусообразным покрытием см. В. В. Суслов. Очерки по истории древне-русского зодчества. СПб., 1889, стр. 61—62 (в статье: «Заметки о калмыцких и древне-русских постройках»); Ежегодник Астраханского кроевого музея. Каталог музея этнографическ. отдела. Калмыки, Астрахань, 1928 г., стр. 29—30).

носят вокруг шеи четки]. Автор описывает здесь четки (эркин) и «бичхан-оркимджи»—длинные красные ленты, носившиеся калмыцким духовенством через плечо (ср. Н. Нефедьев. Подробные сведения о волжских калмыках, СПб., 1834, стр. 165, 168).

они называют Далай-Ламой]. Весь этот рассказ о Далай-Ламе тем более интересен, что, как выясняется из последующего, он представляет собою запись расспросов «калмыцкого священника», с которым автор беседовал в Тобольске.

убитых бросают они в воду]. Таков был, действительно, один из шести родов калмыцких погребений. Что же касается сожжения, о котором говорится

дальше, то последний обряд принадлежал «исключительно одним знатным владельцам и верховным жрецам, т. е. ламам. Сожжение, как сказывали мне очевидцы, совершается самым торжественным образом... Труп превращается в пепел. Из сего пепла, смешанного с глиною, делаются маленькие цилиндрики, называемые цяця; они ставятся в хурулах и в сооружаемых на местах сожжения из глины с кирпичом памятниках, которые носят тоже название цяця, и в продолжение существования служат предметом общего уважения калмыков» (Н. Нефедьев. op. cit. стр. 201—202).

Они имеют также водку...]. «Арька»—водка, крепостью до 16—18°, приготовляемая из кумыса, но без ячменя.

вывешивают на солнце и сушат]. «Чикисын-махан»—колбасы из говядины, баранины и конского мяса. О других калмыцких кушаньях «борцо»—сушеном мясе, разрезанном на тонкие ленты и сохраняемом в толстых мешках из верблюжьей шерсти, мясном бульоне («шулюм») и т. д., см. И. А. Житецкий. Сборник Трудов членов Петровск. общ. исследователей Астраханского края, Астр., 1892, стр. 187—197, 201—202.

Остяки одевают вместе штаны, чулки и обувь]. Одежда остяков, вероятно, описана автором не вполне точно: остяки носили так наз. чижи, чулки из оленьих мягких кож, длиною до колена, которые надевались шерстью к телу: сверх чижей, однако, надевались сапоги из оленьей кожи выше колена (пимы). Ф. Белявский. Поездка к Ледовитому морю, М., 1833, стр. 254. Г. Старцев. Остяки, Л., 1930, стр. 29—30.

Кунгурцы]. Вероятно, татарские племена в окрестностях г. Кунгура.

XXXIV. САМЮЭЛЬ КОЛЛИНЗ | SAMUEL COLLINS

(1669)

Самюэль Коллинз—английский врач, долго служивший в Москве. В биографии его существует большая путаница благодаря тому, что и в русских и в заграничных источниках его обычно смешивают с двумя другими врачами XVII века, носившими то же имя. Коллинз—автор приводимого ниже описания Сибири, родился в 1619 г. в семье викария в Braintree, учился в Кэмбридже, но покинул университет, не окончив его, и уехал в Падую. Неизвестно, как долго провел он в Италии, однако, мы знаем, что он получил здесь звание доктора медицины, затем отправился обратно в Англию, в Оксфорд, и здесь вторично получил ту же ученую степень в 1659 году. Вскоре после того он, вероятно, уехал в Голландию. В это время английский купец Джон Гебдон, в должности московского резидента в Англии и Голландии, приехал в Голландию для вербовки на русскую службу офицеров, врачей и аптекарей (см. И. Я. Гурлянд. Иван Гебдон, комиссариус и резидент, Ярославль, 1903). В один из своих двух приездов в Голландию (между мартом и декабрем 1659 г. или летом 1660 г.) Гебдон встретился с Коллинзом и предложил ему вакантную должность лейб-медика при царе Алексее Михайловиче. Коллинз согласился и вместе с Гебдоном приехал в Москву. В Москве Коллинз провел девять лет, затем, по его собственному желанию, был отпущен на родину, очень щедро при этом награжденный (ср. Труды и Летописи Общ. Ист. и Древн., VIII, М., 1837, стр. 397—400). Хотя прощальная аудиенция и отпускные документы даны ему были еще в июне 1666 года, но в Москве он оставался еще до 1668 г. 1669 год застает его уже в Лондоне, где он провел, однако, немного времени и уехал в Париж. Здесь Коллинз и умер 26 октября 1670 г. В церкви его родного городка Braintree, по его собственному желанию, установлена была поминальная плита, которая дает некоторые даты и проливает свет на обстоятельства последних лет его жизни (она приведена полностью в „Notes and Queries" 2-nd Series, X, 1860 Nr 238, p. 42—43). Наиболее точные и подробные биографические данные о Коллинзе приводят „Dictionary of Na-

tional Biography“ vol. XI, 1887, p. 375—376 и Wilh. Graf в своем немецком переводе его сочинения (Leipz. 1929, S. V—VI), большинство же других источников дает неверные сведения, смешивая Коллинза, жившего в Москве, с двумя другими врачами: Самюэлем Коллинзом вторым (1618—1710), также учившимся и в Оксфорде, и в Падуе, и в Кэмбридже, лейб-медиком английского короля и автором труда „A Systeme of Anathomy“ (Lond. 1685) или с Самюэлем Коллинзом третьим (1617—1685), также воспитанником Кэмбриджского и Оксфордского университетов.

Это смешение мы находим в таких распространенных трудах, как W. M. Richter. Geschichte der Medizin in Russland. Moskau, 1815, Bd. II, S. 276—281; Adelung. Krit. Liter. Übersicht, Bd. II, S. 342—344; Nouvelle Biographie gènèrale (1856) XI, p. 195; Biographie Universelle (Michaud), Paris, 1854, VIII, p. 602—603; Biogr. Lexikon der hervorragenden Ärzte aller Zeiten und Völker, hrsg. von Gurlt—Hirsch, Wien und Leipz. 1885, II, s. 57) и т. д., не говоря уже о многочисленных русских работах. Окончательно привел в ясность этот запутанный биографический вопрос В. Граф.

После смерти Коллинза один из его учеников или друзей, бывший с ним в России, передал английскому книгоиздателю оставшиеся от Коллинза записки о его пребывании в Москве, которым придана была форма письма. Изданная впервые в Лондоне в 1671 году, книга эта привлекла внимание его современников и заняла довольно важное место среди иностранных источников о Московском государстве.

Полное заглавие ее таково: „Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне, одной значительной особой, в течение девяти лет находившейся при дворе московского царя“ (The Present State of Russia, in a letter to a friend at London, written by a Eminent Person, residing at the Great Tzars Court in Mosco for the Space of nine years. London, 1671).

Аделунг почему-то говорит, что первое издание этой книги появилось в 1667 году. Это несомненная ошибка, повторенная, однако, во многих русских исследованиях. Предполагаемое издание 1667 года отсутствует в Британском музее и неизвестно ни одному из западно-европейских библиографов. Ленинградская публичная библиотека располагает также только изданием 1671 года, которое является первым, вышедшим через год после смерти автора. „С. Коллинз,—говорит в своем „Обзоре“ Аделунг,—приводит в своем сочинении много интересных сведений о состоянии тогдашней России, которые тем более достоверны, что при собирании их ему оказали помощь как его образование, так и высокое положение, им занимаемое“. И. И. Соколов („Отношение протестантизма к России в XVI и XVII вв.“ М., 1880, стр. 221—222) заходит даже

слишком далеко, предполагая, что „Самуил Коллинз своим сочинением о России много способствовал пробуждению наблюдательной пытливой русской мысли как в правительственных сферах, так и в частных образованных кружках". Д. В. Цветаев (Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразования. М., 1890, стр. 760) усомнился в достоверности такого предположения: в России его книга едва ли была известна. Однако, западные современники Коллинза приняли ее с большим интересом, что доказывает ряд изданий ее и переводов. Книга сообщает много очень любопытных данных, собранных автором в Москве.

Правда, известия Коллинза о Сибири дают мало нового, сравнительно с его предшественниками. Попадись Коллинзу книги Гэклюйта и Перчэса, он увидел бы, что, например, о реке Оби, которую он считает „малоизвестной", его соотечественники собрали достаточно подробные сведения уже на рубеже XVI и XVII веков, что на путешествие в Сибирь отнюдь не надобен был столь значительный срок (шесть лет), как он предполагает и т. д. В отдельных случаях Коллинз был, вероятно, просто плохо информирован. При всем этом некоторые из приводимых им данных очень интересны, так как основаны на устных расспросах побывавших в Сибири людей, которых он видел в Москве. Характерной особенностью сообщаемых им данных является обилие естественно-исторических наблюдений; специальное образование и склонности натуралиста позволили ему собрать ряд сведений о флоре и фауне Сибири, отсутствующие у других писателей. Любопытны его известия о степных пожарах на юге Сибири, о самоедах и др. Значение книги Коллинза недавно подтвердила работа: W. Graf — Samuel Collins', Leibarztes des Zaren Alexei Michailovic, Moscovitische Denkwürdigkeiten (Slavisch-Baltische Quellen und Forschungen, H. 4, Leipzig, 1929), представляющая собою первый немецкий перевод сочинения Коллинза, снабженный вступительным очерком и комментариями переводчика.

В Амстердамское издание книги Ламартиньера (см. выше стр. 314 сл.) „Путешествие в северные страны" издатель ввел без имени Коллинза все его сочинение о России, приписав его некоему французу, которого, якобы, Ламартиньер встретил в Печорских лесах. Характерно, что эта контрафакция была раскрыта очень поздно; по замечанию А. Браудо („Сборник в честь Д. Ф. Кобеко", СПб., 1913, стр. 255) „о том, что сообщаемые Мартиньером сведения о России суть не что иное, как простая перепечатка сочинения Коллинза, не знали ни немецкий издатель, который в предисловии в числе разных авторов, писавших о России, цитирует и Коллинза, ни английский, который, как видно из заглавного листа, действительно считает автором француза, жившего в России". — Не знал этого и не указал в своем русском издании книги Ламар-

тиньера и В. Семенкович: „Путешествие в северные страны", М., 1911; Коллинзу принадлежат здесь стр. 127—178. Первый русский перевод сочинения Коллинза принадлежит Н. А. Полевому („Русский Вестник", 1841, № 9; о Сибири: стр. 573—575—576—579); он сделан по французскому изданию 1679 года—„Relation curieuse de l'èstat prèsent de la Russie, traduite d'un auteur anglais"—(см. „Русский Вестник", 1841, № 8, стр. 161) и имеет прибавления, пропуски и большие неточности; английский же подлинник и имя автора, находящееся в приписке в конце книги, стали Полевому известны лишь уже по отпечатании его перевода. Новый перевод с английского текста (1671 г.) дал П. Киреевский (Чтения в Общ. Ист. Древн. Год первый. 1846, № 1 и отд., М., 1846). Хотя переводчик и старался „передать подлинник со всей возможной точностью и даже выразить оттенки его слога, часто, может быть, слишком небрежного", но и этот перевод, к сожалению, не совсем полон: Киреевским пропущен отрывок, касающийся происхождения Б. И. Морозова (он напечатан в „Моск. Вестнике", 1828, ч. 7, № 2; С. Р. Минцлов. Обзор записок, дневников, воспоминаний, писем и путешествий, вып. 1, Новгород, 1911, стр. 60), а также допущены некоторые сознательные искажения, повидимому, по требованию цензуры (см. М. П. Алексеев. К анекдотам об Иване Грозном у С. Коллинза. „Советский фольклор". Сборник статей и материалов № 2—3, изд. Ак. наук, Л., 1936, стр. 325—330. В основу перевода нижеследующего отрывка положен старый перевод П. Киреевского (стр. 23—26), сверенный с английским подлинником 1671 г. Нумерация глав оказалась у Киреевского неточной; мы сохраняем обозначение помещенных ниже глав: XVII и XVIII (у Киреевского они соединены в одну—XV), а также заглавия их, из которых второе у него пропущено.

В переводе Семенковича (по неисправному тексту) приводимые отрывки помещены на стр. 158—163.

О Сибири и ее жителях

(Глава XVII)

Сибирь—обширная, малоизвестная область, простирающаяся до Китайской стены. Я говорил с одним человеком, там бывшим и торговавшим с китайцами, и с другим, который мне рассказал, что он видел за Сибирью море, по которому плавают корабли, и на них будто бы находятся люди, носящие только усы, но не бороды, в странных одеждах, сходных с китайскими, украшенными парчою и драгоценными каменьями. Оттуда он привез чаю (Chay) и бадьяну (Bour-Dian). Чай—то же самое, что мы называем teah

или t e y, а бадьян—индийский анис (Anisum Indicum stellatum). Купцы говорят, что он употребляется с сахаром и считают его полезным от болезни легких (Lungs flatus Hypochondriaci) и от желудочного расстройства. Он привозится завернутый по фунтам в бумаге, на которой написаны китайские буквы. Путешествующие в Сибирь употребляют на проезд около шести лет, останавливаясь зимою в одних местах, а летом в других. Главным городом Сибири является Тобольск (Zambul), и в нем находится резиденция главного воеводы (vayod). Там торгуют мехами, особенно же собольими, которых, как говорят, нигде больше нет. Соболи питаются какими-то ягодами или орехами, изобильно там растущими на деревьях, мне теперь неизвестными, но о которых мне обещали сообщить подробные сведения. Тамошние жители проводят на охоте от шести до семи недель сряду и ездят на собаках, а собак кормят рыбою, которою полны их озера и реки. Они запрягают от сорока до пятидесяти собак в одни сани, одеваются в три шубы сразу; во время больших морозов лежат целую ночь и разводят огни для приготовления рыбы. Собаки очень хорошо умеют отыскивать соболей, а люди искусно их убивают, попадая стрелою прямо в нос, после чего собаки приносят добычу. Если удар минует нос, то соболь пропадает, потому что этот смелый зверек уходит со стрелою в своем теле, да, кроме того, и шкурка портится.

Там так холодно, что вода, будучи брошена в воздух, падает обратно, уже превратившись в лед. Большая часть северных стран не производит хлеба, но по изобилию рыбы жители употребляют ее сушеную, вместо хлеба, и, несмотря на то, доживают до глубокой старости. Во время морозов кормят рыбою и коров, и потому их молоко отзывается рыбою. Река Обь—очень большая река и устье ее до сих пор неизвестно. Там водится много рыбы белуги (Beluga), которая принадлежит к семейству тюленей (like a Whalle), но гораздо вкуснее. Из нее так же, как и из осетров в Астрахани, делают икру, которую кладут в кучу соли и после некоторого брожения сдавливают и закупоривают. Здесь есть много и несдавленной икры; она составляет большое лакомство, но скоро портится.

Северная Сибирь называется з е м л е ю с а м о е д о в (Samogeda or Tsamoeida), что значит земля каннибалов или людоедов, потому что тамошние жители съедают своих пленных, которых берут на войне. Однако же они большей частью питаются рыбой. Богатство их состоит в оленях, которых они имеют большие стада. Они столь ручны, что по свисту человека приближаются к его руке; их запрягают в сани попарно, и они несутся быстрее ветра по восьмидесяти миль в день. Когда они охотятся на нового оленя, то советуются прежде со жрецом, и он, после многих обрядов и заклинаний, говорит им, куда нужно итти, что большею частью и сбывается. У них нет различия между мужскими и женскими

одеждами, которые всегда делаются из оленьей шкуры и надеваются шерстью наружу: они знают по опыту, что так теплее. По лицам их трудно отличить женщину от мужчины: ни у кого нет бороды и у всех лица похожи на обезьяньи.

Их обычаи, язык и религия очень грубые, потому что они поклоняются солнцу и луне; обожание и обожествление солнечного света, впрочем, у них вполне естественно, так как они столь мало пользуются им в зимнее время. Они чрезвычайно ревнивы к своим женам, и это напоминает мне случай, доказывающий, как сильны воображение и привычка: когда у одного из них спросили об одной молодой и прелестной англичанке,—не красива ли она и не безобразна ли его жена?—он ответил: „Совсем нет: ваши женщины бледны, как тело рыбы, а у наших румянец естественный и неподдельный". Дочерей они почитают большим богатством; молодые люди не могут их видеть прежде свадьбы, а замуж выходят они шести или семи лет от роду для того, чтобы женихи могли быть уверены в их невинности. Жених, покупая невесту у ее родителей, платит условное число оленей, потом берет к себе в дом и запирает по итальянскому обычаю (al Italiano). Мужья то же делают с женами, отправляясь на охоту, и это так же обыкновенно, как задергиванье кошелька. У них есть пословица: „Кто оставляет незадернутый кошелек, тот сам зовет вора" (He that leaves his purse open, invites a thief to it). Некоторые, видевшие их аппараты (Engines), говорят, что они очень похожи на итальянские.

Жилища их представляют собою круглые палатки, сделанные из оленьих шкур и рогож; посреди этих палаток они разводят огонь, оставляя в потолке отверстие для дыма и, ложась около этого огня, греются. Летом они отправляются к рекам за рыбою, которую сушат и сберегают на зиму. Рыбу они убивают стрелами и обыкновенно едят сырую. Они едят также молодых щенят и считают их лакомым блюдом. Царь считает их недостойными особого наместника (Governour), по малочисленности избавляет от налогов и, как добровольную дань, получает от них известное число оленей. Никто, кроме них самих, не понимает ни их варварского языка, ни законов, которых они придерживаются в тайне. Продавая иноплеменникам (Strangers) оленя, они всегда выговаривают себе внутренности и съедают их, слегка выдавив нечистоты. Достоинство человека измеряют они знаниями его в колдовстве, в котором они очень сведущи, особенно в присутствии иностранцев; при русских они, однако, не показывают своего искусства, боясь над собой суда. Однажды английский купец угощал некоторых из них в Архангельске, и когда один из гостей напился пьян и сделался похож на медведя или сумасшедшего (Tom a Bedlam), тогда позвали старуху, которая ему пошептала что-то на ухо, коснулась его лба, а гость тотчас же протрезвился как ни в чем не бывало.

О южных областях Сибири. Степь, полная вишневых деревьев и красивых цветов

(Глава XVIII)

В наиболее южных частях Сибири находится дикая страна, называемая степью, она простирается на 600 или 700 верст и большею частью состоит из равнин; рек в ней мало, но почва чрезвычайно плодородная. Там целый день едешь полем, обросшим вишневыми деревьями, которые высотою не больше трех четвертей ярда; этот невысокий рост их происходит от того, что их часто сжигают чужеземцы или путешественники, которые неосторожно уезжают, разведя в осеннее время огонь, а высокая и сухая трава загорается и огонь разливается на сорок или шестьдесят верст. Огонь этот очень часто пожирал и самих путешественников. Красные вишни, растущие на этих деревьях, очень хороши, но и очень кислы. Они бывают вкусны, когда пересажены. Я говорил с людьми, видевшими там множество тюльпанов, дамасских и красных роз. Там много огромной спаржи, чесноку, майорана, тимьяна, шалфея, ендивия, чебра и других растений, которые мы тщательно культивируем в садах, множество солодкового корня, привлекающего к себе созвездия Большой и Малой Медведицы, наконец, множество пастернака и моркови. Купцы привозят оттуда много соли (much Salgemmar) и серы (Nitre). Олени там самые большие в свете, и есть еще один ночной небольшой зверек, называемый сурком (Zoorick), величиною с барсука, но не похожий на него видом; шерсть у него темная, струистая и гладкая, голова маленькая, спина почти в четверть шириною; вообще, это красивый зверек. Сурки живут под землею так же, как и кролики. Когда полк Крэфорда (Craford) стоял поблизости от их жилищ, они вышли смотреть на него и, поднявшись на задние лапки, закричали так пронзительно и неожиданно, что испугали и людей и лошадей, отчего последние убежали за десять верст, прежде нежели успели поймать их. Русские рассказывают странные повести об их междоусобных войнах, о том, как они берут побежденных в плен, как заставляют своих рабов запасать на зиму съестные припасы, сено и коренья, но это просто, вероятно, русская сказка. Рассказывают же, однако, как верное, что они очень искусно делают свои жилища, сохраняют в них большую чистоту, выносят и хоронят тела умерших. Там есть еще другой зверь, называемый перевозчиком (Perivoshick); мех его желто-бурый, с белыми и черными оттенками, очень красив в шубах, но здесь его мало употребляют, потому что волос его короток и он мало греет. Животные эти, как говорят, перевозят белок и горностаев через реки и потому называются „перевозчиками"; то же самое слово на русском языке

означает **переводчика** (a translator). Русские говорят, что перевозчики имеют страсть перевозить других животных. Этого я никогда не слыхал от очевидца, но очевидец мне сказывал, что целые стада белок, не находя себе пропитания на одном берегу, переплывают на другой, употребляя свои хвосты вместо мачт, весел и парусов, а небольшие палки вместо челноков, и, не умея грести, плывут по ветру; если же взмокнут паруса их, то они неизбежно погибают.

ПРИМЕЧАНИЯ

О Сибири и ее жителях]. Заглавие этой главы приведено по подлиннику. В издании Киреевского (Чтения в Общ. Ист. Др. 1846, I, стр. 23—25) эта глава обозначена как XV, а между тем, в лондонском издании 1671 г., с которым мы сверяли его перевод, она обозначена, как XVII.

находятся люди...] Не имеются ли здесь в виду **корейцы** или **японцы**?

Оттуда он привез чаю]. Чай стал входить у нас в распространение только со второй половины XVII века. Русские послы, бывшие у Алтына-царя в 1616 году, рассказывали в Москве, что во время обеда, которым их угощал Алтын-царь, «пить в стол носили молоко коровье топлено, с маслом, **а в нем листье, неведомо какие**» (Ф. **Покровский**. Путешествие в Монголию и Китай сибирского казака Ив. Петлина. Изв. Отд. Русск. Яз. и Слов. Акад. наук, 1913, кн. IV, стр. 21); следовательно, в это время чай был у нас еще неизвестен. «В 1658 г. Ф. Байков привез в Москву из Китая «травы чаю»; в 1663 г. И. Перфильев привез из Китая 10 пудов «травы чаю», и чем ближе к концу XVII в., тем чаще встречаются в сибирских таможенных книгах заметки о провозе торговцами китайского чая» (Б. Г. **Курц**. Сочинение Кильбургера о русской торговле, Киев, 1915, стр. 310). В Европе чай начали употреблять еще позже: аббат Рейналь говорит, что в Голландии его начали пить в 1680 г., а в Лондоне лишь с 1715 г. В книге: Everhardii Guarneri Happelii, Mundus Mirabilis Tripartitus oder Wunderbare Welt, Ulm, 1689, Bd. III, S. 1184 говорится: «ныне чай известен во всей Европе, и богатые люди различно употребляют его, хотя больше для удовольствия и для вида, чем для здоровья; в зависимости от сорта, фунт чаю можно приобрести за цену от 3-х до 12-ти рейхсталеров».

Бадьян]. «Бадьян,—рассказывает Кильбургер в 1674 году,—есть растение такое большое, как половина рейхсталера и имеет вокруг 6 игол, подобно звезде. Он имеет запах, вкус и свойство как анис, но гораздо сильнее и крепительнее и привозится, как и чай, сибирскими купцами зимой в Москву; продается за четверть рубля» (Б. Г. **Курц**. Сочинение Кильбургера, стр. 113—114). Б. Курц прибавляет (op. cit., стр. 311), что «большие сероватые трубки бадьяна» употреблялись у нас «в наклейную и токарную работу, бадьяновые же семена давали масло, укрепляли и слабили желудок». Ю. Крижанич в своей «Истории о Сибири» (1681 г.) рассказывает, что бухарцы привозят в Тобольск «особый род пахучей травы, называемой **бадьяном** (Annizium Stellatum), которая лишь за несколько лет перед сим сделалась известна в Сибири. Московитяне не знают иного употребления этой травы, как для настаивания водки, которая от этого делается сладкою, как бы подслащенная сахаром. Однако один любознательный человек попытался точнее исследовать свойства бадьяна; он уверял, что трава эта кажется ему пригодною для питья больным (вместо обыкновенно употребляемого навара из ячменя): она имеет, по его словам, свойство поддерживать бод-

рость и по своему действию может быть сравнена с турецким кофе и с китайским чаем» (А. Титов. Сибирь в XVII веке, М., 1890, стр. 187). Страленберг (Historie der Reisen, s. a. S. 321) тоже утверждает, что «Бадьян или Anisum Stellatum русские караваны в большом количестве вывозят в Сибирь, а оттуда в Москву»; монголы употребляли его в качестве чайного суррогата (Pallas. Sammlung Hist. Nachrichten über die mongolischen Völkerschaften, Bd. I, S. 181; G. Gombojew, Sechzig burjätische Rätzel—«Mélanges Russes», t. III (1856), S. 286).

несутся быстрее ветра по восьмидесяти миль в день]. По вычислениям В. Графа, полагающего, что здесь имеется в виду «британская миля» (=1609 *м*)— ок. 130 *км* (W. Graf, op. cit., S. 90).

Некоторые, видевшие их аппараты]. Имеется в виду т. наз. «пояс целомудрия», W. Graf (op cit., S. 90) ссылается на специальную статью о нем M. Marcuse в «Handwörterbuch d. Sexualwissenschaften», Bonn, 1928, S. 350—35.

ни законов]. Вероятно, имеются в виду религиозные обряды.

едешь полем, обросшим вишневыми деревьями]. В параллель к рассказу Коллинза о вишневых деревьях в южной Сибири, И. Е. Забелин (История русской жизни с древнейших времен, ч. I, М., 1908, стр. 244—245) приводит рассказ Геродота о народе иирках, в стране которых есть дерево «величиной в смоковницу», которое приносит «плод, похожий на боб и имеет ядро». «Когда плод созреет, из него выжимают густой и черный сок, называемый «аши». «Этот сок,— замечает Забелин,—аши, асхи, по всему вероятию, есть сок вишен»; «слово асхи или аши то самое название напитка и яства, изготовленного из сока и мякоти плода Prunus Padus или, по мнению К. Е. Бэра, Eleagnus Augustifolia, которое в различных местах употребительно теперь у башкир, татар, калмыков, уральских казаков» (Ф. Мищенко. Известия Геродота о вне-скифских землях России. ЖМНПр., 1896, № 12, стр. 116).

не больше трех четвертей ярда]. Ярд—ок. $^3/_4$ метра.

огонь разливается на сорок или шестьдесят верст]. Во французском тексте «trente ou quarante mille versts de païs». «Но как же на 40000 верст, когда длиною степь всего на 600 или 700 верст?»—резонно замечает в своем переводе Н. А. Полевой. Повидимому, французский переводчик Коллинза смешал английское слово миля (mile) с французским mille (тысяча), откуда и получилась эта несообразность. В английском подлиннике издания 1671 г. стоит: «на 200 или 500 форлонгов»; furlong=8 часть мили=220 ярдам (ок. 600 футов). По В. Графу (op. cit., S., стр. 91)—ок. 40—60 *км*. Я оставляю перевод Киреевского.

Там много огромной спаржи, чесноку, майорану и т. д.]. В подлиннике: Asparagus exceeding large, Onions, Marjoram, Time, Sagl, Chicory, Endive, Savory.

Тимьян душистый]. Thymus vulgaris; нередко разводился тогда в садах и огородах; свежие листья его употреблялись как пряность к мясным блюдам, а сухие в солениях и сладостях. Ендивий—махровый цикорий, употребляющийся как салат.

солодкового корня, привлекающего к себе созвездия Большой и Малой Медведицы]. Корень растения «солодка» (Glycyrhiza Leguminosae), действительно, распространенного в средней и южной Азии, углубляющийся далеко в землю и достигающий нескольких метров; путем вываривания этих корней и сгущения сока получают т. наз. «лакрицу»—лекарственное средство, употребляющееся при грудных болезнях. У Коллинза речь идет, очевидно, о каком-то снадобьи из лакрицы, употреблявшемся врачевателями этой эпохи, которые были зачастую и астрологами (сл. выше, стр. 88—89). Сл. А. фон-Тумен. Растения в колдовстве. СПб., 1909.

привозят оттуда много соли]. В подлиннике: Salgemmar. Киреевский переводит: «Елецкой соли»,—на каком основании, мне совершенно неизвестно. Н. Полевой под вопросом ставит условно: «каменной соли»; В. Н. Семенкович—оставляет без перевода. Указанное слово мне также неизвестно: я перевожу просто «соль».

небольшой зверек, называемый сурком]. Отмечаемые естествоиспытателями и охотниками склонность сурков к общежитию и своеобразные бытовые особенности этого степного зверька издавна служили источником рассказов, аналогичных приводимым у Коллинза. Следы первобытного очеловечения сурка мы находим, например, в тюркской и монгольской мифологии. Г. Н. Потанин записал ряд легенд о ловком стрелке, который, вследствие неудачного соперничества с богом, зарылся в землю, оделся шерстью и превратился в сурка; вероятно, в силу аналогичного предания, монголы уверяют, что «в теле сурка есть часть человеческого мяса, и, приготовляя себе кушанье, вырезают и выбрасывают его»; среди бурят были распространены легенды о происхождении сурка от тунгуса (Г. Н. Потанин. Очерки Северо-Западной Монголии, вып. II. Материалы этнографические, СПб, 1851, стр. 148, 151—151. Его же. Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе, М., 1899, стр. 206, 411—412, 647. Его же. Тангуто-Тибетская окраина Китая, т. II, стр. 335—396; Зап. ВСОРГО, т. I, вып. 2, стр. 79; Г. Н. Потанин. Ерке. Культ сына неба в северной Азии. Материалы к турко-монгольской мифологии, Томск. 1916, стр. 2—3, 5—6, 14; А. Черкасов. Записки охотника Восточной Сибири, СПб, 1884, стр. 586; Я. Смолев. «Бурятская легенда о тарбагане». Труды Троицкосавско-Кяхтинского Отд. РГО, III, 1, 1900 и др.).

полк Крэфорда]. Очень возможно, что речь идет о том полковнике Крэфорде, который в 1664 г. на семь лет получил привилегию на добывание поташа в лесу около Мурома; о нем известно еще, что во время осады Пскова в 1649 г. он чертил планы укреплений: он назывался у нас Крафертом (Соловьев. Ист. России, т. II, стр. 1345, 1543—1544; ср. Дворц., Разряды, т. III, стр. 36 под 1646 годом). Впрочем, из данных, приводимых в книге A. Francis Steuart (Scottish influences in Russian History from the beginning of the 16-th century, Glasgow, 1913, p. 49—50), видно, что на русской службе было несколько лиц, носивших то же имя: полковник Crawfuird (он же Daniel Crawfurd), сын Hew Crawfurd of Jordanhill, согласно справочнику Douglas'a (Baronage of Scotland, p. 430) был смоленским, а потом московским воеводой, где и умер в 1674 г. Его старший брат Thomas Crawfurd также занимал должность полковника в русских войсках, женился на дочери Alexander Crawfurd'a и умер в 1685 г. К которому из них относится анекдот Коллинза, решить трудно.

есть еще другой зверь, называемый перевозчиком]. Рассказ Коллинза об этом животном дословно повторен в составленной пленными шведами книге: «Der allerneuste Staat von Siberien» etc. Nürenberg, 1720, S. 61—62. Говоря, вслед за Коллинзом, также о белках, которые «распускают хвост по ветру вместо паруса и переплывают таким образом реку, но часто гибнут при этом», авторы замечают: «это давно уже засвидетельствовали Элиан и другие». Клавдий Элиан, греческий писатель-компилятор, живший в Риме при имп. Септимии Севере и его преемниках, написал «Разные истории» в 14-ти книгах и сочинение: «О животных» в 17-ти книгах; в последнем, представляющем собою извлечение из утерянных авторов, мы, действительно, находим подобное известие. А. Миддендорф (Путешествие на север и восток Сибири, СПб, 1869, ч. II, стр. 519—520) считает возможным полагать, что «до Элиана уже дошли темные предания о жителях Сибири» и что, напр., рассказ его (кн. III, гл. VI) «о волках, которые при переправе хватают друг друга за хвост, чтобы не быть увлеченными водою, можно отнести к обычаю сибиряков привязывать недоуздки, следующих друг за другом животных в караване, к хвостам идущих перед ними животных».

XXXV. ЯКОВ РЕЙТЕНФЕЛЬС | JACOBUS REUTENFELS

(1672–1673)

Сведения о Якове Рейтенфельсе скудны и довольно сбивчивы. По одним данным, он был сын польского вельможи, по другим— уроженец Курляндии (П. Пирлинг. Новые материалы о жизни и деятельности Якова Рейтенфельса. Чтения в Общ. Ист. Др. Росс., 1906, IV, стр. 1—24; статья вошла в его „Исторические статьи и заметки". СПб., 1913, стр. 174 и сл. Ср. еще: P. Pierling. Saxe et Moscou, Un mèdecin diplomate. Paris, p. 113—115).

Известно, что он некоторое время жил при дворе герцога Тосканского Козьмы III, не занимая никакой должности, и, в благодарность за гостеприимство, составил для него свои „Сказания о Московии". Чьямпи цитирует Бьянкини (Bianchini), который в своей истории о Тосканских герцогах сообщает о нем следующее известие: „Из числа ученых чужеземцев, облагодетельствованных нашим великим герцогом, должно назвать Якова Рейтенфельса, поляка, бывшего несколько лет (около 1675 г.) при Тосканском дворе, который, быв обласкан там, написал книгу „De rebus moscoviticis" и поднес ее, при отъезде своем обратно в Польшу, великому герцогу" (Giampi. Bibliographia critica delle antiche reciproche corrispondenze etc., Firenze, 1842, vol. III, p. 28).

Адам Селлий в своей „Литературной Записке" (Schediasma literarium etc.) называет его курляндцем, что подтверждает свидетельство напечатанного у Пирлинга доклада кардинала Распони (12 ноября 1674 г.), в котором есть, между прочим, такие слова: „Яков Рейтенфельс, уроженец Курляндии, заявляет, что он в течение своего двухлетнего пребывания в Московии наблюдал, ради небольшого своего сочинения, которое он намерен издать, отношение [московского] правительства и частных лиц к католической вере". Это свидетельство, кроме того, подтверждает, что во время пребывания своего в Риме, в 1674 г., кроме отдельных докладов о России, сочиненных им для доклада папской курии, он трудился над более обширным сочинением о Московском государстве, которое сам же намеревался выпустить в свет. В Риме он был, между прочим, близок с иезуитом А. Кирхером, известным в то время

ученым, ориенталистом и археологом. Вскоре мы встречаем его во Флоренции при дворе Козьмы III. „Когда, каким образом и в качестве кого попал Рейтенфельс в Москву и сколько он пробыл в ней,—замечает А. И. Станкевич,—в точности неизвестно, но несомненно, что он не был... послом от герцога Тосканского к ц. Алексею Михайловичу в 1670 г. и вообще никогда и нигде не занимал никакой официальной должности“ („Чтения“, 1905, III, стр. 1—6). Нужно думать, однако, что он, как это утверждает и кард. Распони, провел в Москве около двух лет; он был здесь уже в 1670 г. и уехал не раньше весны 1672 г. Время обработки его сочинения: 1674—1675 гг. Рейтенфельс „неоднократно просит в предисловии снисхождения и объясняет это тем, что его сочинение писалось им во время скитаний, среди тревог и забот“.

Отсюда обычно заключали, что Рейтенфельс постоянно записывал все виденное и слышанное и что, живя в Риме, и, особенно, у Тосканского герцога, он только собрал в одно целое свои отдельные записи. „Сказания“ Рейтенфельса были изданы в 1680 г. под заглавием: „De rebus Moschoviticis ad Serenissimum Magnum Hetruriae Ducem Cosmum Tertium. Patavii MDLXXX“. Вольный перевод его появился в Нюренберге в 1687 г.

В русском переводе несколько отрывков из латинского подлинника даны были И. П. Тарнава-Боричевским: „Извлечения из сказания Я. Рейтенфельса о состоянии России при царе Алексее“ („Журн. Мин. Нар. Просвещ.“, 1839, XXIII, № 7, Отд. II, стр. 1—54; ср. еще „Журн. для воспитанников военно-учебных заведений“, 1840, т. XXIV, 292—353); полный перевод с падуанского издания 1680 г. дал А. Станкевич в „Чтениях Общ. Ист. и Др. Росс.“, 1905, III, 1906, III. Приводимый отрывок взят из этого перевода, из 12-ой главы четвертой книги, озаглавленной: „О Казани, Астрахани и Сибири“ („Чтения“, 1906, III, стр. 201—202). Ср. еще: В. А. Кордт. Чужоземні подорожні по східній Европі, Київ, 1926, стр. 134; Минцлов. Обзор дневников, записок и т. д. Новг., 1911, вып. I, стр. 322. Пирлинг (Saxe et Moscou, p. 113—115) напечатал также резюме этого сочинения, представленное Рейтенфельсом в Коллегию Пропаганды в 1672—1674 г.г. под заглавием: „Brevis ad iter moschoviticum manIductio“.

Сведения Рейтенфельса о Сибири не отличаются ни обстоятельностью, ни особой достоверностью. Как „собранные в Москве“, они могли бы заключать в себе несколько несомненно интересных подробностей. Однако сопоставления этих известий с другими показывают, что все они, вероятно, заимствованы Рейтенфельсом из литературных источников, напр., из Герберштейна, Гваньини, Олеария и др.; рассказ о крае за рекой Пясидой почти буквально повторяет то, что находим уже у И. Массы и других писателей о местностях восточнее р. Оби (см. выше, стр. 266 и сл.).

Географические названия у Рейтенфельса искажены до неузнаваемости, догадки о том, как именовалась Сибирь у древних писателей, не очень удачны...

В сочинении Рейтенфельса, помимо приводимых ниже обрывков, есть еще несколько упоминаний о Сибири. Так, напр., говоря о торговых сношениях с Китаем, он замечает, что „многие области Московии могли бы с великой выгодою пользоваться этими многочисленными торговыми сношениями, если бы можно было в точности расследовать тот северный путь в Китай вокруг Новой Земли, которым тщетно до сей поры пытались проплыть англичане, голландцы [батавы] и датчане. Совершать это дело может всего легче сам царь, у которого оно, так сказать, в руках, ибо ему известна и подчинена вся та северная полоса, простирающаяся далеко по ту сторону Оби, до самого Татарского моря" (Ibid, III, стр. 132). В главе 8-й („О главнейших озерах, реках, лесах и горах") Рейтенфельс рассказывает следующее о реке Оби: „Обь или Карамбик (Carambicis), которую русские называют Нярен (Niaren), вытекает из какого-то Китайского озерца, протекает мимо многих диких народов и соединяется широким устьем с океаном у мыса Литармиса (Lytarmis)".

Это место прекрасно характеризует спутанность географических познаний его времени, когда не умели еще критически отнестись к известиям, полученным от античных писателей, и согласовать их с теми, которые добыты были путешественниками нового времени. Имена Карамбика и мыса Литармиса взяты Рейтенфельсом, вероятно, у Плиния, который, в свою очередь, заимствовал их из греческого источника. Сл. у нас выше, введение. Так, у Гекатея из Абдеры (жил в первой половине III в. до нашей эры) мы находим указание на то, что гиперборейцы живут в Северном океане, на острове Ellxoia, находящемся против устья реки Карамбика; неподалеку, на материке, расположен и мыс Литармис, около которого оканчиваются Рифейские горы. Известия эти повторены у Плиния, а также у Стефана Византийца (O. Brenner. Nord und Mitteleuropa in den Schriften der Alten. München, 1877, S. 39—41, 104—106). Отождествив, согласно установившейся традиции, Рифейские горы с Уралом, Рейтенфельс принял на веру и другие античные известия (видя в Карамбике Обь, а в мысе Литармисе— один из мысов Обского полуострова) и воспользовался античной терминологией для пояснения некоторых новых географических данных: известия Плиния соединены у него с заимствованными из Герберштейна („Обь вытекает... из Китайского озерца"), имя же Niaren восходит к одному из европейских известий о западном береге Обского полуострова, называвшемся по книге Большого Чертежа Няромским, Нярмским, и к упоминаниям находящейся здесь реки Niarontza, Naramsy, Naramsey (см. выше, стр. 196).

В главе 16-й IV книги, описав ряд живущих на русской территории туземных племен, Рейтенфельс, между прочим, пишет: „...кроме этих есть еще много других, более диких из диких, подчиненных России племен, около Тюменцев и до самой Бактрии и Китая, но я не имею ни возможности, ни желания пускаться в дальнейшее расследование о них, т. к. распределение их на земной поверхности совершенно неизвестно. Прибавь (читатель) к названным еще область Лукоморье, с которою граничат дружеские с русским народом грустинцы (Grustini) и серпоновцы (Serponovci), живущие близ Китайского озера, из которого вытекает Обь и которым индийцы привозят на продажу разные товары и драгоценные камни. Лукоморцы, по образцу самоедов, спускаются зимою на жительство внутрь земли, а раннею весною снова выходят на солнечный свет, и про них то Гваньини и рассказывает, что они, подобно ласточкам и лягушкам, ежегодно умирают и воскресают" (Ibid, III, стр. 209; ср. выше, стр. 156 и сл.).

Таким образом, несмотря на ожидаемый интерес этого сочинения, оно, по крайней мере, в той части, которая касается Сибири, представляет компиляцию и не дает ничего самостоятельного.

Сибирь, некогда царство гуннов, а ныне обширнейшая русская область, широко раскинулась около реки Яика (Jaicik). У Плиния она, кажется, называется Аваримоном (Abarimon), откуда вышла большая часть аваров (Abares) и саберов (Saberi), как их преимущественно называют греческие писатели. В ней находятся, как неверно рассказывает невежественная старина, быстро двигающиеся люди, с загнутыми к коленям подошвами (конечно, от громадных деревянных лыж или сандалий, которыми они пользуются очень искусно). Сюда отправляются для охоты, особого рода тупыми стрелами, на скифских соболей, в ссылку и заключение преступники со всей Московии, и здесь находится единственный во всем мире рынок драгоценных мехов. Зато хлеб или какие-либо плоды здесь почти нигде не растут, кроме разве тех, которых русские с величайшим трудом выращивают на небольших полях. Городов и населенных укрепленных мест в настоящее время, говорят, имеется здесь до сотни, тогда как столько же лет назад таковых не было ни одного. Главнейшие из них суть: Тобольск, столица и местопребывание наместника (Vice-regis sedes), Верхотурье (Vergateria), Туринск (Japlanim), Тюмень (Tinna), Березов (Bressaia), Манган (Mangan), Шуйск (Sviskogorod), Тара (Tara), Нарымск (Niarinskoia), на реке Оби, Невьянск (Novinskoia) и Томск (Toma), уже с более мягким климатом и очень короткой зимою. От этих мест русские в самое недавнее время, как мы слышали в Москве, доходили до р. Пясиды (Pisidam), очень широкой, которую они, однако, не

отважились перейти, хотя с противоположного берега они, по их рассказам, слышали звон колоколов, а на самой реке видели корабельные паруса, очень похожие на индийские или китайские. Те же лица гораздо раньше, иным путем, ведомые татарами и тунгусами, перешли реку Енисей, более крупную, нежели Обь, и сообщают, что живущие по этой реке, близ огнедышащих гор, люди безобразны благодаря зобу, который висит у них под подбородком, клохчут при разговоре и шипят, и ведут гнуснейший образ жизни в гнуснейших лачугах, присовокупляя, что Енисей, затопляя ежегодно, наподобие Нила, землю, делает ее плодородною и производящею все новые породы цветов и плодов. Раньше всех открыл Сибирь некий разбойник, содержавшийся в Москве, который, дабы заслужить себе свободу и сохранить жизнь столь важным открытием, повел русских туда, поддерживаемый только шестьюстами солдат. Быть может, он и раньше, занимаясь разбоем по Казанскому царству, ушел в пределы Сибири, во избежание расставленных ему ловушек. Достойно, право, изумления, что такая горсть людей овладела таким громадным пространством земли. Что же, поистине, еще более удивительно, так это то, что и живущие далее племена подчинились царю не потому, что были покорены военною силою, но по убеждениям купцов и исключительно в надежде на выгоду в будущем от торговых сношений с московитами.

ПРИМЕЧАНИЯ

Сибирь... широко раскинулась около реки Яика]. Местоположение Сибири Рейтенфельс определяет согласно Герберштейну, который полагает ее в Приуральской области и отмечает, что «в ней берет начало река Яик» (сл. выше, т. I, стр. 100).

большая часть аваров и саберов]. Рейтенфельс путает аваров и сабиров византийских известий, к имени которых Шафарик и еще Патканов возводили слово «Сибирь» (см. выше, стр. 55—56). Рейтенфельс, несомненно, начитанный в античной литературе, как это указано уже и во введении, широко пользовался античной географической терминологией, применяя ее к новым географическим данным. В первой главе своего сочинения он перечисляет различные скифские племена Европы и Азии, встречающиеся у античных писателей, и, подыскивая для них новые названия, заключает, что абии (Abii) жили у реки Оби (Obii); то же находим и у Олеария (см. выше, стр. 298—299).

как неверно рассказывает невежественная старина]. Объяснение легенды о людях с загнутыми к коленям подошвами Рейтенфельс, вероятно, берет из Олеария (см. выше, стр. 295).

Сюда отправляются для охоты... преступники со всей Московии]. О достоверности указания, что ловлею соболей в Сибири занимаются ссыльные, см. ниже: Кильбургер, стр. 416.

столько же лет назад] т. е. за сто лет перед тем.

Туринск, Тюмень, Березов, Манган]. Слово Japlanim А. И. Станкевич переводит в своем издании Пелым(ь), что мне кажется совершенно неверным. Написание Japlanim я принимаю за типографскую ошибку, вместо Japhanim как в свою очередь ошибочно назван в одном из изданий Массы—Japansin, Япанчин, т. е. Туринск (сл. выше, стр. 271). Что ошибка Рейтенфельса произошла именно под влиянием Массы, показывает и ошибочное написание им следующего имени: Tinna. А. Станкевич воспроизводит в своем переводе название Тина, не объясняя, какой город имеется здесь в виду. Однако в том же издании Массы, где мы имеем написание Japhanim вм. Japansin, стоит также Tinne, в котором нетрудно увидеть Тюмень (сл. выше, стр. 271—272). Березов (Bressaia), кажется, правильно истолкован Станкевичем, название же Mangan он вновь воспроизводит по-русски без объяснения; не следует ли здесь видеть Мангазею?

Нарымск]. Название Niarin skoia Станкевич почему-то переводит Нерчинск, тогда как сведения Рейтенфельса о сибирских городах не простираются далее Западной Сибири и, наконец, в тексте прямо сказано: «на реке Оби». Конечно, следует перевести: Нарымск, Нарымский острог (сл. выше, стр. 211), что я и исправляю в помещаемом переводе Станкевича наряду с другими необходимыми поправками; по правдоподобному объяснению С. В. Бахрушина («Историк-марксист», 1936, кн. 5, стр. 150) «под Novinskoia у Рейтенфельса надо понимать Невьянскую слободу»; здесь же находим очень удачное разъяснение происхождения названия—Sviscogorod, которое А. Станкевич истолковал как «Шуйск»; дело в том, что такого города в Сибири не существует: «Между тем,—пишет С. В. Бахрушин,—разъясняется этот небывалый город довольно просто. Это название нужно соединить с предшествующим ему названием Mangan, которое все комментаторы правильно толкуют как Мангазея,—получится Mangansviskogorod, т. е. Мангазейский город».

русские, в самое недавнее время, как мы слышали в Москве]. Весь этот рассказ об экспедициях на р. Пясину (Pisidam), несмотря на ссылку Рейтенфельса: «как мы слышали в Москве», вероятно, есть не что иное, как пересказ известия И. Массы (сл. выше, стр. 266, 272). За это, помимо сходства подробностей обоих рассказов (наприм., упоминания Нила), говорит также и то, что, как указано было выше (сл. выше, стр. 223—224), русские экспедиции на Пясину относятся к первым годам XVII века; след этой реки нанесен был на европейскую карту уже в 1612 г., а рассказы Логана и Персглоу вместе с сочинением Массы напечатаны были в сборнике Перчаса. Непонятно поэтому указание Рейтенфельса, что русские «в самое недавнее время» доходили до Пясины, и что он сам слышал об этом в Москве; вероятнее всего, что последние слова должны были замаскировать заимствование известия из литературного источника.

видели корабельные паруса]. В переводе А. Станкевича: «видели корабли», в подлиннике, однако, vela—паруса; так и следовало перевести, потому что речь идет именно о сходстве парусов с индийскими, а не о сходстве кораблей в целом. У Массы ясно сказано: «паруса были квадратные, подобно индийским, как мы предполагаем» (сл. выше, стр. 266).

в гнуснейших лачугах]. В подлиннике Mapalia, что обозначает также «подвижные на колесах наметы или кибитки». Таким образом, можно было бы перевести также: «в юртах». Упоминание зоба (базедовой болезни) у жителей Приенисейского края и других гористых местностей Сибири мы находим также у некоторых других иностранных писателей; оно соответствует истине.

Раньше всех открыл Сибирь некий разбойник]. Ермак. Этот рассказ также, по всем вероятиям, заимствован у Массы, который тоже не называет имени Ермака (сл. выше, стр. 253).

XXXVI. АЛЬБРЕХТ ДОББИН | ALBRECHT DOBBIN

(1673)

Ф. Аделунг (Krit.—Lit. Übersicht, 352) говорит, что рукописные заметки Доббина о Сибири не отысканы; однако он ошибается. Они напечатаны полностью три раза—один раз на немецком и два раза на голландском языке, на что уже указали Кеппен (Bibliographia Zoologica Rossica) и В. А. Кордт (Чужоземні подорожні, Київ, 1926, стр. 136).

Впервые их напечатал, по подлинной рукописи Доббина, Иоган фон Хеннин (J. Chr. von Hennin), д-р медицины и профессор в Дюисбурге, в приложении к изданным им путешествиям Арнольда фон Бранда (о нем ниже) в 1702 году; в следующем, 1703 году, вместе со всей книгой Арн. Бранда сочинение Доббина вышло в голландском переводе (Utrecht, 1703). Отсюда его перепечатал в своей „Северной и Восточной Татарии" Ник. Витсен (только во втором изд. 1705, I, 885—887). Как явствует из замечаний Арнольда Бранда, рукопись Доббина получил он от него лично в Москве: „настоящее описание,—говорит он,—передано мне в Москве 12-го декабря 1673 г. Альбрехтом Доббином, родом из Ростока, который был капитаном шведской службы, затем приехал в Москву и в той же должности отправлен царем в Сибирь, где он пробыл семнадцать лет". Г. Хеннинг (Die Reiseberichte über Siberien, S. 299—300) справедливо отмечает, что, повидимому, издатель путешествия Бранда напечатал рукопись Доббина полностью и без всяких изменений. Это видно из того, что несколько дополнительных устных сообщений Доббина Бранду, которые весьма удобно было включить в основной текст, напечатано им отдельно; далее, и Бранд и Иоган Хеннин не сочли удобным исправлять в рукописи даже явные ошибки или описки (напр., Ostrroff вм. Ostrog; одно и то же название употребляется в различной форме: например, Красноярск—Krasnagair и Krasnajar), а приложили к ней, каждый в отдельности, свои примечания и поправки, сделанные на основании сверки данных Доббина с печатными источниками. Все это, несомненно, увеличивает интерес этого исторического документа. Однако, исходя из того, что Доббин, по указанию

Бранда, провел в Сибири семнадцать лет, мы были бы вправе ожидать от него сведений более полных и более точных. Повидимому, этот иноземный капитан на русской службе был плохо осведомлен в географических вопросах и довольно неотчетливо представлял себе даже карту Сибири. По своему содержанию описание Доббина разделяется на две части: в первой—однообразным и не очень литературным слогом дано описание сибирских городов и рек, сводящееся к простому перечню их; вторая часть, гораздо более короткая, но и более интересная, носит этнографический характер. Читая все описание, трудно поверить, что оно написано человеком, который имел полную возможность за долгие годы жизни в сибирском крае узнать его полно и всесторонне: сведения его кратки и сбивчивы, географические названия сильно искажены. Очевидно, Доббин не справлялся ни с какими печатными источниками и повествовал только о том, что удержала его память. Но именно благодаря этому отдельные его указания и могут иметь значение, после их надлежащей проверки, так как они совершенно самостоятельны и не стоят ни в какой связи с тем, что писалось раньше о Сибири в европейской литературе. Опыт расшифровки некоторых отдельных его указаний и сверки их с другими данными сделан ниже, в примечаниях к переводу. Перевод сделан по следующему изданию: Joh. Arnold Brand. Reysen durch die Marck Brandenburg, Preussen, Churland, Lieflandt, Pleskovien, Gross-Naugardien, Tweerien und Moscovien etc. Anbei eine seltsame und sehr anmerkliche Beschreibung von Siberien... Hrsg. durch Heinrich Christian von Hennin, Wesel. 1702, S. 294—302.

Общее описание Сибири

Граница России и Сибири проходит за городом Соликамском (Zollekampsky), который лежит в трехстах милях от Москвы на большой реке Каме (Cham) (она вливается в Волгу в пятистах милях ниже Казани) и является последним русским городом; в нем царь заставляет также приготовлять соль. Здесь находится большой камень на большой скалистой горе (шириной в 50 миль), называемый русскими Пояс Нис (Poyes Nice); эта гора простирается до полунощного Ледовитого моря и отделяет Россию от Сибири, а также от Казани и Астрахани; идет она вплоть до Монголии и до полуденного моря, через Монголию и Китай, разделяет также калмыков.

Возле этого камня или границы находится узкий проход, где русскими содержится, по приказанию царя, сильный дозорный пост, чтобы никто из русских без повеления царя не мог проникнуть в Сибирь из России или обратно. Этим-то проходом в горе

попадают в первый сибирский город, называемый Верхотурье (Berchituria), по имени реки, при которой он расположен. Другой город, называемый Апонзой (Aponzoy), по имени реки Апонзой, в которую впадает река Верхотурье. Затем следует город Тюмень (Tumyn), также названный по имени реки Тюмени, в которую впадает Апонзой. Далее идет главный город Сибири—Тобольск (Thobolsky), названный по имени мимотекущей реки Тобола, которая, помимо названных рек, впадает в большую реку Иртыш (Artèys). Этот Иртыш, почти в милю шириной, течет из Калмыкии и Булгарии и впадает, через несколько сот миль, в реку Обь (Obby); необходимо при этом заметить, что почти все местности, по которым протекает Иртыш, большею частью затопляются до сентября, до покрытия его льдом; при этом Иртыше находятся также, города, как и при реках вышеназванных.

Река Обь, пожалуй, главная из всех сибирских рек, берет свое начало на юге, в Китае, и протекает через всю великую Монголию (gross Mogallen), пока не впадает в Ледовитое море; в [устье ее] можно доплыть морским путем, через множество островков (Holmenlande), не без опасности. Эта река очень широкая, т. к. в нее впадают различные другие, довольно большие, реки, от которых получили свое название построенные на них города; таковы: первый—Мангазея (Magasèe), второй—Березов (Berooza), третий—Сургут (Sregut), четвертый—Нарым, пятый—Кетский [острог] (Keth), шестой Томск (Thoomske), с близко расположенным от него Кузнецком (Kusneetz), который является последним городом, пограничным с киргизами. Кроме названных рек, от которых упомянутые города получили свои имена, есть еще и другие, как, например, протекающая ниже Томи (Thoom) река Чулым (Zulin), а также реки Вах (Wah) и Мерит (Merith) в том месте, где Обь всего уже, а именно шириной в полумилю.

Дальше, к северу, есть еще одна могучая река, величиной равная Оби, которая называется Енисей (Elissèe); она впадает в Ледовитое море на севере и в некоторых местах так близко приближается к Оби, что от одной к другой можно проехать на лошади за один день. Устье этой реки очень большой глубины, так что в него можно проплыть гораздо лучше, чем в устье Оби, с большими, тяжело-нагруженными кораблями. На этом Енисее находится, при впадении его в Ледовитое море, город Енисейск (Jelissèe) затем Красноярск (Krasnagair).

Третья река, также впадающая в море, называется Лена (Lin), при устье которой построен город Ленск (Linn), получивший название от реки; неподалеку от него расположен еще другой город—Налин (Nalin), а также Якутский острог (Jakutsky Ostroff). Есть в Сибири еще одна большая река—Даурская (Daursky), при которой находится город Даурск (Daür), названный по ее имени;

эта река течет до самого Китая, и названный город является последним в Сибири; в нем дважды в год родится хлеб; в нем есть различных сортов фрукты, вино и тому подобные вещи. [Вот все, что знаю я о] главных городах и важнейших реках в Сибири.

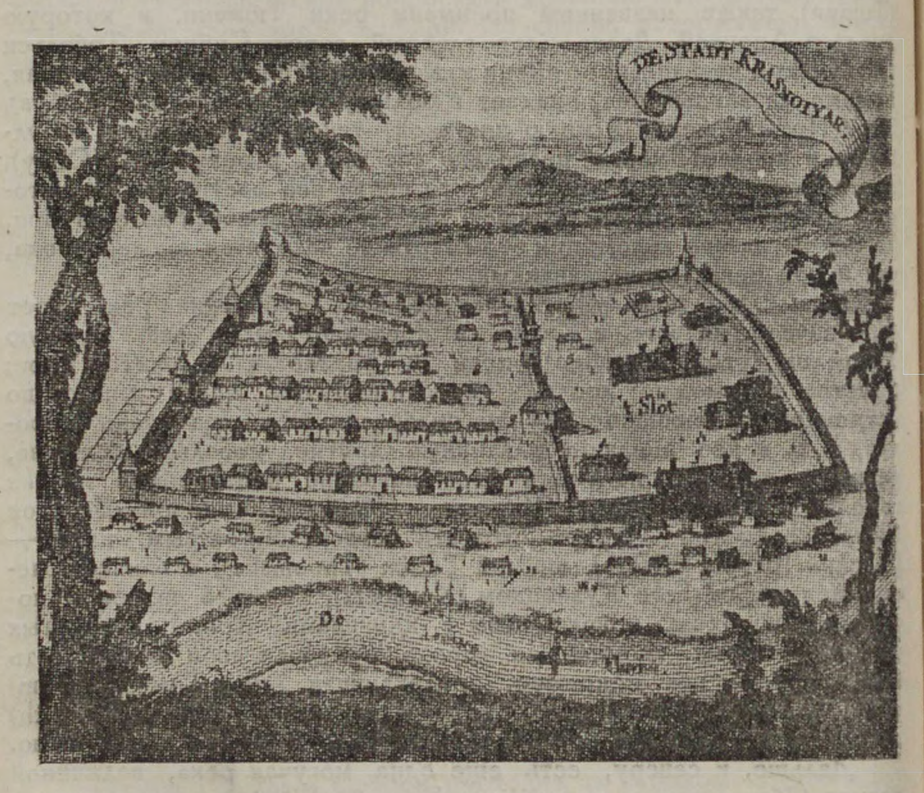

Рис. 50. Город Красноярск (Из книги Н. Витсена)

Что же касается обитателей Сибири и названий их народностей, то мы сделаем обозрение их в порядке рек и городов.

Прежде всего, живущие около вышеупомянутого пограничного камня народы называются вогулы; они не знают ничего ни о боге, ни об имени его, не знают также никакого земледелия, питаются же только при помощи своих луков (Flitzen), которыми они убивают соболей и других животных, строят сами свои жилища из плетеных ветвей; они называются юрты, и в них они искусно умеют ставить дымовые трубы, т. к. они не употребляют никаких печей. За ними идут другие [народы], которые носят назва-

ние татар; они распространяются вплоть до Тобольска; эти исповедуют магометанскую веру, соблюдают обрезание, имеют свое письмо, знают земледелие, живут же, однако, тоже в юртах, но более удобных (zierlich) и лучше сделанных, чем у вогулов; питаются домашним скотом, в особенности же хорошими лошадьми. Вслед за татарами, на реке Оби, живут так называемые остяки (Astacken), очень некультурный народ, одевающийся в рыбьи кожи; питается рыболовством, не знает ни письма, ни книг, молится чорту; при этом они разделяются на три различных племени, из которых одно почти не в состоянии понять другое. Все эти люди, как вышеупомянутые, так и называемые ниже, ввиду того, что они находятся под русским господством и властью, должны каждый год приносить значительную дань, состоящую из соболей, если и не ими самими застреленных, то хотя бы купленных, а именно, следующим образом: кто достигнет десяти лет, обязан первый год принести двух соболей, на второй год—трех, на тре-

Рис. 51. Обские остяки (Из книги Н. Витсена)

тий—четырех и так далее, с каждым годом больше на одного соболя, пока он не достигнет двадцати лет, когда он доходит до двенадцати соболей; так остается до пятидесятого года, когда число уменьшается и дело идет к снятию повинности.

Вслед за остяками следуют дальше, по верховьям реки Мерид—калмыки, а при реке Томи (Thoomske) опять находятся татары. Последние соблюдают обрезание, первые же, т. е. калмыки, имеют свою особенную религию, не обрезываются, едят также свинину и говорят, что их богом является св. Николай. Кроме того, они имеют святого человека, которого они называют патриархом; к нему они устраивают ежегодные паломничества, молятся и исповедуются. Этот народ распространился вплоть до китайской степи; это страшно большой и сильный народ; живет он не в городах, питается домашним скотом, не возделывает также никаких хлебных злаков.

При реке Томи (Thoom) есть также люди, называемые киргизами; они не имеют никакого письма, молятся своим лукам и оружию, если они хотят быть здоровыми или если что-нибудь поймают; все они ездят верхами и очень привычны к войне; живут на большом пространстве, вплоть до монголов, имеют свои жилища на скалах и утесах, которые имеются там во множестве. При других реках, Кете (Keth) и Чулыме (Sulim), живут татары и остяки, одни подле других; это разбойный народ, на которого нельзя положиться, т. к. они не держат своего слова, кому бы его ни дали.

Вниз по реке Оби, в сторону моря, живут самоеды (Samojedzen), народ, похожий на лапландцев и так же [как они] одетый; ездят они зимой на оленях, молятся чорту, как и остяки. При большой реке Енисее (Jelissè) живут тунгусы, питающиеся водой и рыбой; их лодки сделаны из березовой коры, которую они умеют так просмаливать, что в них совершенно не проникает вода; они замечательно быстроходны. Дальше отсюда живут якуты, которые, как и предыдущие, не знают ничего ни о боге, ни о чорте. Около же Красноярска (Krasnojar) живут различные язычники, которые называют себя по именам своих князьков. Главнейшие называются тубинцы; они не знают никакого письма, очень привычны к войне, некоторые состоят в подданстве его царского величества, некоторые свободны, иные, впрочем, дают также заложников в знак того, что они с его царским величеством хотят быть в мире. Вниз по третьей реке, Лене, живут язычники маленького роста. Эта река впадает в Северное море, по которому дальше ездить невозможно (da man nicht weiter über kan), так как (там) облака во время непогоды приближаются почти к самой воде.

На реке Даурской, которая некогда принадлежала португальцам и где можно видеть еще многие, построенные ими, города, живут дауры (Döuren). В Сибири имеется еще одна большая

река, которая выходит из Калмыкии, очень обильна рыбой и впадает в Ледовитое море, протекая по страшно большим лугам, без всяких лесов. Там живут различные язычники, не имеющие ни письменности, ни религии, очень непокорные (sehr rebellisch), главнейшие же из них называются брабанцы (Brabantzich). Каждый из вышеперечисленных народов имеет своих властителей, однако владетель [всей] Сибири кочует с места на место то с калмыками, то с другими народами, живет же он тем, что словит; он ведет большую войну с московитами, то с Астраханью, то с Казанью, то с Тобольском, то с Томском и так далее. Верные люди этого государя, которых он при себе имеет, зовутся башкиры.

ПРИМЕЧАНИЯ

Граница России и Сибири проходит за городом Соликамском]. Так наз. «Бабиновская дорога» в Сибирь шла из Москвы через Соликамск (Соль Камскую) на Верхотурье (сл. выше, стр. 364), причем между этими городами считалось 250 верст, а первым пограничным городом между Россией и Сибирью считался г. Верхотурье; естественной границей служил, однако, Урал. Ю. Крижанич также пишет: «Отправляющиеся из Москвы, проследовав пятьсот левк, достигают реки Камы и города, называемого Соль Камская. Здесь из весьма глубоких колодцев черпается соленая вода, ее вливают в железные сосуды и печью, отопляемой под землею, выпаривают в соль. Место это есть конец России и начало Сибири. Отсюда к югу простираются горы, весьма длинные, но не особенно высокие; они отделяют Россию от Сибири и Астраханскую землю от Калмыцкой» (А. Титов. Сибирь в XVII веке. М., 1890 г., стр. 163).

большой камень на большой скалистой горе]. Слово «Камень» Доббин употребляет в том значении, в котором оно употреблялось тогда жителями приуральских областей для обозначения горы; можно было бы перевести «большую гору на большом скалистом хребте». Что касается названия Poyes Nice, то оно относится к Уралу и является, вероятно, искажением названия «Каменный пояс», как полагает и H. Hennin в своих «Кратких замечаниях», приложенных к книге Бранда (S. 439). Не имеется ли здесь в виду, впрочем, не весь хребет в целом, но лишь гора Телпос-Из, в верховьях реки Щугора? Е. Замысловский (Герберштейн, стр. 131—135) убедительно доказывает, что эта гора одна из высочайших вершин Урала и есть та самая, которую русские называли «Столп», а скалистую горную цепь, к которой она принадлежит — «Каменным поясом».

сильный дозорный пост] сл. выше, в рукописи Неизвестного 1666 г., рассказ о деревне «Karaul» (см. выше, стр. 365), т. е. о Лялинском карауле.

Верхотурье, по имени] реки Туры.

Другой город, называемый Апонзой], т. е. Туринск.

реки Тюмени, в которую впадает Апонзой]. Подобно многим другим иностранцам, Доббин, очевидно, полагал, что сибирские города всегда называются по имени рек, при которых они расположены. Таким образом, Туринск, лежащий на реке Туре и известный ему под именем Япанчина — Апонзой, он помещает на несуществующей реке Япанчине или Апонзой и заставляет ее впадать в реку Тюмень; последнее, однако, правдоподобно, так как Тюмень расположена при слиянии двух рек — Туры и Тюменки. Другие аналогичные и слишком явные ошибки Доббина мы не оговариваем.

река Чулым, а также реки Вах и *Мерит*]. В названии Zulin нетрудно узнать реку Чулым, главную водную артерию Ачинского округа, правый приток Оби, образующийся из рек Черного и Белого Юсов, берущих начало в Кузнецком Алатау. Название Мерит или, ниже, Мерид мне непонятно. Геннин в своих «Кратких замечаниях» (S. 442) пишет, что он не нашел этой реки ни на карте Витсена, ни в каком-либо описании Сибири.

еще одна могучая река... которая называется Енисей]. Форма «Енисей», аналогичная той, которую дает Доббин (Jelissée), засвидетельствована в северно-русских говорах и встречалась еще в XIX в. у крестьян Архангельской губернии; голландцы конца XVI в., стоявшие близ берега о. Вайгача, слышали уже о Енисее и называли его Gilissi, Gelissi, Geniscea (Ф. Литке. Четырехкратное путешествие в С. Ледовитый океан, т. I, стр. 13—19, 23, 42—44, 122; J. Chr. Adelung. Gesch. d. Schiffahrte und Versuche, III, S. 187, 194, 213, 425; Е. Замысловский. Герберштейн, стр. 89 прим.); ср. в «Описании Сибирского царства»: «Генесейской острог стоит над великой рекой Генесею» (А. Титов. Сибирь в XVII веке. М., 1890, стр. 82). Иначе Енисей назывался у нас «Исленьдь—река», на которую находим любопытное указание в статейном списке посольства Боуса. (Сб. Русск. Истор. Общ., XXXVIII, стр. 38, 94; С. Середонин. Флетчер, стр. 134). Койбалы называли верхний Енисей Кемь—река (Laxmann. Sibirische Briefe, S. 12), как называются еще многие, впадающие в него реки (Humboldt. Asie Centrale, 1, стр. 232); Миллер (Sammlung Russ Geschichte. IV, S. 510) полагает, что Енисей—название тунгусское; это подтверждает и Клапрот (Memoires relatifs á l' Asie, Paris, 1824, p. 451), который производит его название из слова Joandessi (ионесси—„большая вода"), которым тунгусы именуют Верхнюю Тунгуску (J. J. Egli. Nomina geographica. 1872, S. 262—263.

город Енисейск]. Енисейский острог, основанный в 1619 г., находится не в устье Енисея, как пишет Доббин, а в его среднем течении.

при устье которой построен город Ленск]. Имеется в виду Якутский острог. См. ниже в комментариях к словам Доббина: «В Сибири имеется еще одна большая река».

расположен еще другой город—Налин]. Геннин (op. cit. S. 443) делает правдоподобное предположение, что Nalin ошибка: вм. Krallen, Kralin, Kra—Lenskoy, каковые имена фигурируют на европейских картах Сибири. На чертеже Сибири Петра Годунова также встречаем: «Краленско» (Л. С. Багров. Карты Азиатской России, Пгр., 1914, стр. 11; Л. С. Берг. История географического ознакомления с Якутским краем. Сб. «Якутия», Лгр., 1927, стр. 11; его же. Очерк истории русской географической науки. Лгр., 1927, стр. 22); след. название области «Край Ленской» ошибочно принято Доббином за название города.

а также Якутский острог]. Построен весною 1632 г. сотником Бекетовым в местности, названной Чуковским полем; в 1642 г. был перенесен за 10 верст выше на р. Лене.

еще одна большая река—Даурская]. Хотя в Амурской области действительно есть небольшая речка Даур, впадающая в Ин, приток Урмина (А. Кириллов. Географическо-статистический словарь Амурской и Приморской областей. Благовещенск, 1894, стр. 133), но она, просто по незначительности своей, не может здесь иметься в виду. В «Описании Сибирского царства» (1683), однако, читаем: «И от Байкала моря пошел пояс, камень великой и непроходной, позаде Лены реки... из того же камени к лесной стороне в государской державе много рек пало: Даура, Блудная, Улья, Ковыча, Колыма, Алазея, Индигирка» (А. Титов. Сибирь в XVII веке, стр. 88; в «Списке с чертежа Сибирския земли», стр. 53: «А от усть Колыми реки кругом земли мимо устей рек Ковычи и Нанаборы и Ильи и Дури до каменной преграды...» «Hauptfluss Daürsky» Доббина вызвала затруднения и у Геннина (op. cit. S. 446), который, впрочем, сопоставил

ее с встречающимися на европейских картах XVII в. названиями: Daore или Daüre, под которыми вероятнее всего подразумевается Шилка или Амур. Скорее всего Доббин говорит именно об Амуре.

город Даурск]. Согласно своему обычному методу Доббин производит «Statt Daur» просто от реки Даурской. Геннин полагает, что это «Караул Даурской». «Под Daür,—замечает С. В. Бахрушин,—едва ли нужно подразумевать какой-нибудь определенный «Даурский караул»; это, очевидно, искажение общепринятого выражения «Даурские остроги», как официально назывались все укрепленные пункты в Приамурье» («Историк-марксист». 1936, кн. 5, стр. 150).

должны каждый год приносить значительную дань, состоящую из соболей]. О размерах ясака см. ниже: А. Бранд.

говорят, что их богом является св. Николай]. Иностранные писатели неоднократно отмечали распространение культа у русских «Николая Чудотворца» (Л. П. Рущинский. Религиозный быт русских по сведениям иностранцев XVI и XVII вв., М., 1871; ср. H. v. Staden. Aufzeichnungen über den Moskauer Staat, hrsg. F. Epstein. 1930, S. 159): Коллинз, например, отмечает, что жители Архангельска и Колы «не знают никакого другого бога, кроме св. Николая, который, по их мнению, управляет всем миром». Ламартиньер говорит, что «все московиты—николаиты по религии»; о том же свидетельствуют Герберштейн, Меховский; в одном политическом стихотворении XVI в. про Ивана Грозного говорится:

Er ist vom teuffel gar vorgessen,
Seins Gottes Niclos gar vorgessen, etc.

Ed. Pabst. Vier. politische Gedichte. «Archiv für Gesch. Liv-Est-und Kurlands», 1844, III, S. 212); в XVI в. сторонники Феодосия Косого упрекали православных, (что они «почитают св. Николая, как бога». От русских культ Николая перешел к лопарям (Ф. Белявский. Поездка к Ледовитому морю, М., 1833, стр. 48), к обдорским самоедам (С. Чугунов. Ежегодник Тобольск. губ. музея, XXVIII, стр. 15), к остякам (Еж. Тоб. губ. муз., т. XIX, стр. 16; Ю. И. Кушелевский. Северный полюс и земля Ялмал, СПб., 1869, стр. 5: «Николай Чудотворец наиболее других чтим остяками»). Л. Р. Шульц (Салымские остяки. «Записки Тюменского Общества научного изучения местного края», вып 1, Тюмень, 1924, стр. 175) говорит, что остяки, живущие по Иртышу и по Конде «особо почитают Николая, которого зовут «Микул-иге», т. е. Николай-старик. Викт. Бартенев (На крайнем северо-западе Сибири. Очерки Обдорск. края, СПб, 1896, стр. 92—93) пишет о почитании «Никола-торым», т. е. святителя Николая, обдорскими остяками и приводит несколько анекдотов по этому поводу. Самоеды полуострова Ямала иногда «одного из домашних идолов начинают приурочивать к Николаю Чудотворцу» (Б. М. Житков. Полуостров Ямал, СПб., 1913, стр. 229). Известен этот культ и пермякам (Изв. Арханг. Общества Изучения Русского Севера, 1911, № 4, стр. 304) и вообще многим северным народам (ср. В. Семенкович в книге: Ламартиньер. Путешествие в северные страны, М., 1911, стр. 32—34). Со ссылкой на Кастрена и Лепехина, В. С. Иконников пишет о громадном распространении «культа св. Николая на всем протяжении русской колонизации»: «камассинские татары, чуваши и мордва, будучи язычниками, по временам являлись в русские церкви, приносили ему дары и ставили свечи перед его образом, а самоеды считают его своим могучим богом и обращаются к нему в самых затруднительных случаях жизни» («Опыт исследования о культурном значении Византии в русской истории», Киев, 1869, стр. 219). Очевидно, что о подобном же культе среди калмыков рассказывает и Доббин; это косвенно подтверждает и рассказ о религии калмыков Юрия Крижанича (А. Титов. Сибирь в XVII веке, стр. 176—177); ср. Арх. Гурий. Очерки по истории распространения христианства среди монгольских племен, т. I. Калмыки, Казань, 1915.

Кроме того, они имеют святого человека, которого они называют патриар-

хом]. Доббин передает неясные сведения о тибетском Далай-Ламе, к которому ламаиты-калмыки действительно устраивали почти ежегодные паломничества. Термин калмыки применялся у нас в XVI—XVII вв. ко всем ойратским племенам вообще, к собственно калмыкам, а также к ойратам Джунгарии и Сибири, которых Доббин и имеет в виду (В. Л. Котвич. Русские архивные документы по сношениям с ойратами в XVII и XVIII вв. «Изв. Росс. Акад. Наук», 1919, т. XIII, стр. 1209).

Главнейшие называются тубинцы]. В литературе долгое время держалось, а отчасти и ныне существует мнение, что тубинцы, как и близкие им маторы—самоедского происхождения. «Тубинцы,—говорит Георги (Описание всех в Российском государстве обитающих народов, кн. III, стр. 16—17),—до завоевания россиянами составляли многолюдное и храброе самоедское колено, жившее на восточной стороне Енисея, около р. Тубы, по которой оно и называлось сим именем. Но оно во время войны отчасти истреблено, а отчасти рассеялось не токмо по другим самоедским, но и по татарским народам. Между качинскими татарами есть и ныне один Тубинский род или аймак, но он малолюден». Кастрен (Reiseberichte und Briefe, 1856, S. 351), считавший тубинцев ветвью маторов, склонен был придерживаться того же мнения. В. Радлов (Aus Sibirien. S. 207) замечал, однако, что «Туба—отнюдь не родовое название, а имя народа; оно принадлежит широко распространившейся самоедской народности, которую китайцы в VII веке называли Дубо» (ср. Иакинф. Собрание сведений о народах, обитавших в средней Азии в древние времена, СПб., 1857, т. I, стр. 439). «Тубинцы» вместе с двумя соплеменными народами, маторами и камашинцами отличались воинственным нравом и долго противились русскому владычеству, пока в половине XVII в. не сложили оружие и не начали платить ясак»,—замечает А. А. Жилинский (Крайний север Европейской России, Пгр., 1919, стр. 174); «в настоящее время, за исключением немногих камашинцев, племена эти совершенно исчезли и слились с тюрками и татарами». О тубинцах, как о народе самоедского происхождения, говорят также С. Патканов (Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев, т. I, СПб, 1912, стр. 75) и в недавнее время W. Jochelson (Peoples of Asiatic Russia. The American Museum of Natural History, 1928, p. 24). Однако; высказывались предположения, что тубинцы—тюрки. По известиям русских казаков XVII в. тубинцы были обособленной народностью, близкой к киргизам. Василий Тюменец и Иван Петров, отправленные в 1616 году к Алтын-хану, из Киргизской земли перешли в страну тубинцев; Тюменец замечает в своей реляции, что «Табынская земля» это те же киргизские земли, «только живут особо, а дань дают в Киргизскую землю и Алтыну царю». Еще более убеждает нас в этом другое русское известие, находящееся в документе того же времени: «По сю сторону Енисея, по Абакану и по Уйбату и подле Енисея живут многие киргизские люди и с ними калмыцкие люди, а по другую сторону на Упсе киргизы же имя им Туба, а с ними многие дальние люди». Из всех этих и многочисленных аналогичных известий можно заключить, что тубинцы в XVII веке жили, приблизительно, именно там, где помещает их и Доббин, точнее по р. Тубе, в Красноярском уезде и по левую сторону Енисея до Абакана и составляли отдельное княжество, где их и застали русские. См. Ю. В. Арсеньев. Путешествие Ник. Спафария, СПб, 1882, стр. 9—10, 162, 182. В. В. Бартольд. Киргизы. Историч. очерк. Фрунзе, 1927, стр. 41—42. Эти же данные позволяют думать, что тубинцы были довольно многочисленны и что значение «тубы» совершенно не совпадает с современным значением кости (сköӧа) абаканских туземцев «тубалар»; именем «туба» называют себя и т. наз. «черневые татары» на Алтае, карагасы или тофалары в б. Нижнеудинском уезде и урянхайцы (ср. Н. Ф. Катанов. Письма из Сибири и В. Туркестана, СПб, 1893, стр. 26; Radloff. Aus Siberien, I, S. 212), иначе танну-тувинцы, населяющие Тувинскую нар. республику. На карте Витсена на восточной стороне Енисея ниже Красноярска отмечены: Thebinsi.

Вниз по третьей реке живут язычники маленького роста]. Якуты?

На реке Даурской, которая некогда принадлежала португальцам]. Dourffen Strohm—явно испорченное слово; как указано выше, вероятнее всего имеется в виду р. Амур. «Все, что Доббин рассказывает здесь о португальцах,—замечает Геннин (op. cit., S. 446),—заслуживает более точных известий» и высказывает предположение, что португальцы некогда из Кореи торговали по Амуру и имели там свои пакгаузы и склады.

живут дауры]. Дауры—народ монгольского племени. «Насколько мне известно,—пишет Л. Шренк (Об инородцах Амурского края. СПб, 1863, т. I, стр. 163),—это название впервые встречается в печати на карте Витсена от 1687 г., где Верхне-Амурский край обозначен надписью «Даурия», и в его же сочинении «Noord en Oost Tartarye», изданном вскоре после карты. В последнем дауры упоминаются под различными видоизменениями этого названия, каковы «даурианы, даоры» (Daurianen, Daori, Dauri) и пр.; при этом, т. к. Витсен черпал сведения, главным образом, из русских известий и рассказов, некоторые из употребляемых им названий, очевидно, обнаруживают русскую форму, какова, например, даурцы, доурский и даверский народ» (Изд. 1692, II, 27, 31, 520, 528; изд. 1705 г., 64, 85, 92, 838, 847 и др.). Частью те же, а частью другие видоизменения этого названия встречаются также у позднейших писателей и путешественников. Так, например, Исбрант Идес, проехавший при своем путешествии в Пекин в 1693 г. через всю так называемую Даурию, лежащую к югу от Амура, замечает, что жители ее называются даорами или, на древнем языке, даурами, а в других местах своего сочинения он, очевидно, придерживаясь русской формы, называет их даорцами и даурцами (Ср. Henning. Reiseberichte über Siberien, S. 362—364). В донесениях первых русских путешественников по Амуру, Пояркова и Хабарова, упоминается о народе дучерах, которые были ими встречены по пути. Р. Маак предполагает (Путешествие на Амур, СПб. 1859, стр. 145—146), что «под именем дучеров Поярков и Хабаров разумели дауров, которые, быть может, в то время жили на Амуре, при устье р. Сунгари, но набегами русских были вытеснены в местности, лежащие выше по Амуру, а оставленное ими пространство заселилось впоследствии тунгусскими племенами. Действительно, наличие довольно значительных переселений дауров в XVII веке может быть установлено на основании сопоставления исторических свидетельств. Начальник енисейских казаков, Максим Перфильев, следуя в 1639 и 1640 гг. вверх по Витиму и притоку его Ципиру, узнал от тамошних тунгусов, что по верхнему Витиму, начиная со впадения в него реки Карги до озера Еравны, равно как и по Шилке, до ее устья (т. е. по верхнему Амуру до Сунгари), живет народ «дауры» (G. F. Müller. Sammlung Russ. Gesch., II, S. 296; Fischer. Sib. Gesch., S. 528); четыре года спустя, во время похода Пояркова на Амур, произошла на Зее первая встреча русских с даурами (Доп. к Акт. Историч., т. III, СПб., 1848, стр. 51 и сл.). По донесениям Пояркова, комментированным С. Паткановым, «первые поселения их встречались у устья реки Умлекана (левый приток Зеи, между Уром и Депом), а выше, по Брянде (пр. приток Зеи) и в долине Ура попадались только оленные тунгусы. За Умлеканом даурские поселки тянулись до устья р. Зеи и затем, вверх по Амуру, по Аргуни и Шилке и в другую сторону, вниз по Амуру, почти до устья Буреи»... Судя по большому числу городков, упоминаемых в донесениях казаков, некоторые из которых имели значительное население (в 500—1000 ч.) как, напр., Гогударов городок, можно заключить, что лет двести тому назад берега Аргуни, Шилки, Амура и нижней Зеи были сравнительно довольно густо заселены. Но крупного владения в этой местности все же не было, т. к. каждый городок или группа городков с прилегающей местностью представляли самостоятельное целое и имели своего независимого князька, а иногда и нескольких. Во время набегов казаков на эти даурские городки жители их были частью истребляемы, частью разбрелись, а большая часть переселена манчжурами в 1654 году, их покровите-

лями, в Манчжурию, на берега р. Нонни, где они проживают и в настоящее время, занимая небольшую, но густо заселенную полосу земли, длиною в 35 в. между городом Цицикаром и сел. Мохоло (С. Патканов. Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири, ч. II, СПб., 1906, стр. 2—3, 21—22). По словам А. В. Гребенщикова (в Бутху и Мэргень по р. Нонни, Харбин, 1910, стр. 13—14, 54) последнее указание Патканова не соответствует положению дел. Дахурские деревни начинаются ниже г. Цицикара и тянутся по правому берегу Нонни вплоть до самого Мэргеня. Таким образом, слова Доббина, что «на реке Даурской живут дауры» можно, по совокупности приведенных данных, толковать как указание на местожительство их по среднему течению р. Амура, впоследствии ими измененное, благодаря усилению русского влияния и отчасти благодаря колонизационной политике Цинской династии Китайской империи (сл. А. Ю. Назаров. Манчжуры, дауры и китайцы Амурской области, Изв. ВСОРГО, т. XIV, № 1—2).

В Сибири имеется еще одна большая река]. О какой реке говорит Доббин, догадаться довольно трудно. Геннин (op. cit., S. 446) также перечисляет различные сибирские реки, впадающие в Ледовитый океан и ранее Доббином не упомянутые, но резонно замечает, что ни одна из них «не выходит из Калмыкии». Интересные разъяснения по этому поводу сделаны С. В. Бахрушиным («Историк-марксист». 1936, кн. 5, стр. 150): «Иногда ошибка иностранного писателя объясняется тем, что в его распоряжении было два источника, пользуясь которыми он дает два параллельных описания одного и того же географического пункта. Это особенно бросается в глаза в рассказе Доббина. У него на реке lin, т. е. Лене, рядом расположены Ленский острог (Linn) и Якутский острог (Jakutsky Ostroff); поскольку Якутский острог первоначально назывался Ленским, можно думать, что мы имеем здесь повторное упоминание одного и того же города, вызванное тем, что в различных источниках Доббина (письменных или устных) город назывался то Ленским, то Якутским острогом. Еще очевиднее это дублирование в описании реки Оби. Сначала она названа по имени (Ову) и о ней сообщаются довольно точные сведения. А ниже опять говорится, повидимому, о той же Оби (или тоже об Иртыше и Оби, которые рассматриваются как одна река), но уже без названия: «В Сибири имеется еще одна большая река» и т. д. Если признать эту «большую реку» за Обь с Иртышом, то становится понятным, о каких brabantzich идет при этом речь: это «барабинцы», которые действительно были «очень непокорны».

владетель всей Сибири кочует с места на место]. В подлиннике: «Siberischer Ober-Herz» (sic!). «Что это за Siberischer Ober-Herz, т. к. теперь под таким именем известен только московский царь, я не могу отгадать,—замечает Геннин.—Быть может, имеется в виду Sangie, калмыцкий владетель, орда которого находится между оз. Косоголом и Селенгинском». Упоминание Доббином башкиров, которых этот владетель имеет при себе, а также указание, что он ведет «большую войну»: «то с Астраханью, то с Казанью, то с Тобольском» явно указывает на ошибочность предположения Геннина. Речь идет скорее всего об одном из ойратских князей, действовавшем против России в пределах южной и западной Сибири или, что еще более вероятно, «внук Кучума царевич Кучук»,—как указывает С. В. Бахрушин («Историк-марксист». 1936, кн. 5, стр. 150). Сл. у нас выше, в комментариях к рассказу неизвестного. 1666.

XXXVII. ИОГАНН АРНОЛЬД БРАНД | JOHANN ARNOLD BRAND

(1673)

Иоганн Арнольд Бранд род. в 1647 г. в г. Девентере, ум. в 1690 г. в Дюисбурге (его не следует путать с Адамом Брандом, спутником русского посла в Китай в 1693 г., Исбранта Идеса, и автором книги „Beschreibung der chinesischen Reise... von Moscou über Gros Ustiga, Siberien, Dauren und durch die Mongalische Tartarey, ...Hamburg, 1698; см. о ней: Adelung. Übersicht... II, 388—390; R. Minzloff. Pierre le Grand dans la littèrature ètrangère, SPb., 1872, p. 168—171), доктор прав и профессор Дюисбургского университета. Он ездил в Москву в марте 1673 года вместе с посольством камеррата Иоахима Скультетуса, снаряженным бранденбургским курфюрстом Фридрихом-Вильгельмом к царю Алексею Михайловичу. Посольство возвратилось из Москвы в декабре 1673 года (Бантыш-Каменский. Обзор внешних сношений, т. IV, стр. 12—15; Г. В. Форстен. К внешней политике Вел. Курфюрста. ЖМНПр. 1900, май, стр. 51—58; Fr. B. Kühne, Berlin, Moskau, St. Petersburg, 1649 bis 1763, Berl., 1882 (Schriften des Vereins für die Geschichte der Stadt Berlin, Heft XX), S. 155—156. Свое путешествие в Москву Иог. Арнольд Бранд описал в книге, рукопись которой, после его смерти, передана была его родственниками коллеге его по Дюисбургскому университету, профессору Иоганну фон-Геннину (J. Chr. v. Hennin), который и напечатал ее отдельной книгой в г. Везеле в 1702 году, приложив к ней и те материалы, которые собраны были Брандом в Москве, среди них: рукописное „Описание Сибири“ А. Доббина и запись его устного сообщения о ловле соболей. Все эти материалы Геннин снабдил своими замечаниями, составленными по печатным известиям о Сибири. „Описание Сибири“ Доббина напечатано выше; приводим полностью также и запись рассказа Доббина, сделанную Брандом в Москве. При каких обстоятельствах встретились они, нам неизвестно. Перевод сделан по первому немецкому изданию: Joh. Arn. Brand. Reysen durch die Marck Brandenburg, Preussen, Churland, Liefland, Plesscovien, Gross Naugardien, Tweerien und Moscovien etc. Anbey eine seltsame und sehr anmerkliche Beschrei-

bung von Sibirien... Hsg. durch H. Chr. v. Hennin. Wesel, 1702, S. 303—306. Существует и голландский перевод этой же книги: Nieuwe en naukweurige Reis-Beschryving... Als meede een... Beschryving van... Sibirien; en den Zobelvangst, Utrecht, 1703.

ИОГАННА АРНОЛЬДА БРАНДА

Приложение к предшествующему описанию Сибири, касающееся ловли соболей

Нижеследующее описание сообщено мне г. Альбрехтом Доббином, из Ростока, некогда капитаном шведской службы, который приехал в Москву и был отправлен царем в Сибирь, где он пробыл семнадцать лет. Так как он подробно сообщил мне о ловле соболей в устном рассказе, я счел целесообразным предложить его читателю, потому что, сколько я знаю, он является самым правдивым и точным, тогда как об этом повсюду столько писали и рассказывали спорного и даже баснословного.

Рис. 52. Охота на соболей в Сибири (Из книги Бранда, 1702 г.)

Соболей, которые несколько напоминают больших черных блестящих кошек, с тою только разницей, что волос их длиннее и шелковистее, ловят по возможности в ноябре и декабре, вплоть

до 18 января; однако в два предшествующих месяца они гораздо лучше и дороже, чем те, которых ловят в последнем, так как в январе снова начинает показываться и пригревать солнце, что производит то, что волос начинает у них тогда выпадать и делает мех негодным. Соболей выслеживают с помощью специально для этого натасканных собак. Когда зверьки, по их обыкновению и способу, прячутся в кустарник, в колоды или бревна, на них набрасывается сетка; таким образом их ловят и убивают дубинами; если же они вырываются из сетки и удирают, взбираясь на стоящие поблизости деревья, то их всегда облаивают стоящие внизу собаки, и охотники достигают до них дубинками, притупленными с одного конца, самострелами и луками. Затем, при помощи приученных к этому собак, с них тотчас же сдирается шкура и приносится охотнику. Охотник спокойно стоит на двух специально сделанных для этого дубовых досках (подобных тем, из которых делаются наши пивные и винные бочки), длиною приблизительно в два с половиной фута и шириною в пять с половиной пальцев; каждая из них имеет посредине вырезанную пропорционально ногам выемку, в полпальца глубиной, чем эти доски подобны нашим здешним лыжам (Schrikschuh), и крепко привязывается к ноге веревками; примерно, такой вид имели и те, которые я видел продающимися в столице или Москве (Stollitza oder Moscua). В руках у охотника трость, тупая снизу, с маленьким выступающим гвоздиком, чтобы она не слишком глубоко проваливалась в снег. Ею отталкиваются охотники или же [едут] при помощи запряженных собак или оленей, к упряжи которых крепко привязана веревка; иногда же они управляют санями следующим образом: когда ветер благоприятный, охотники употребляют очень легкие саночки, которые можно поднять одной рукой; в середине их укрепляют сделанный из холстины парус; сидя и лежа сзади этих саней, они управляют упомянутой тростью по обеим сторонам. Они умеют также очень искусно ловить соболей кладущимися в определенных местах кусочками [отравленного] хлеба, от которых они должны погибать. В Сибири ловят теперь соболей не в таком большом количестве, как некогда, но их еще много в другом месте и у других народов, которые называются монголами.

Лучший торг мехами—соболями, чернобурыми лисицами, белыми горностаями и т. д. производится чаще всего в Архангельске; там обмениваются они на другие товары купцами, торгующими в Сибири. Царю вместо подати платят десятью соболями, и эта подать, которую должны посылать царю живущие в Сибири под его владычеством язычники (а именно, начиная с десяти лет, в этом возрасте каждый дает два соболя, в одиннадцать лет—трех, в двенадцать—четырех и так далее до двадцати лет, с какового времени остается двенадцать соболей до пятидесятилетнего воз-

раста, как рассказано выше), приносит ему каждогодно неисчислимое богатство. Что же касается ловли соболей, то следует еще заметить, что рассказы об острых стрелах, которыми, якобы, нужно попадать им прямо в нос, являются только шутками и баснями.

ПРИМЕЧАНИЯ

столько писали и рассказывали спорного]. Ввиду того, что соболи высоко ценились европейцами и что соболиный мех уже с давних пор играл в Европе важную роль между предметами роскоши, к образу жизни зверька и к способам ловли его на Западе существовал большой интерес. Редкий европейский писатель, говоря о Сибири, не упоминал о соболе, но действительно сообщаемые известия не отличались большой точностью, поэтому небольшое известие Доббина должно было показаться очень важным и Бранду и издателю его Геннину. В XVII в. русская меховая торговля, как известно, достигла очень большого развития, как предмет экспорта. Кильбургер пишет в 1674 г. о соболях: «Они идут не только в европейские государства и страны, но также много простых покупается китайцами, а греками—лучшие соболи» (Б. Г. Курц. Сочинение Кильбургера о русской торговле, Киев, 1915, стр. 95—96; ср. Н. Ф. Яницкий. Торговля пушным товаром в XVII веке. «Универс. Известия», Киев, 1912, № 9).

Соболей выслеживают с помощью... собак]. Описанные здесь способы ловли соболя ничем не отличались от тех, которыми пользовались еще в XIX веке на всем протяжении Восточной Сибири. Н. Пржевальский («Уссурийский край», Вестник Европы, 1870, № 6), например, пишет: «С начала зимы, то есть в течение ноября и декабря, когда снег еще мал, охота производится с собаками, которые отыскивают соболя и, взогнав его на дерево, начинают лаять до тех пор, пока не придет промышленник. По большей части соболь, взбежав на дерево, начинает перепрыгивать с одного места на другое чрезвычайно быстро, но хорошая собака никогда не потеряет зверька из виду и, следуя на ним с лаем, всегда укажет охотнику дерево, на котором, наконец, он засел. Случается, что иной соболь пускается на уход по земле и залезает в дупло дерева, в нору или под камни. В первом случае, обыкновенно, дерево срубается; во втором—копают нору, если только это позволяет грунт земли, наконец, в третьем—выкуривают зверька дымом». «Промышленник,—пишет А. Черкасов (Записки охотника Восточной Сибири, 1856—1863. СПб, 1884, стр. 275—277),—найдя свежий соболиный след, начинает охоту с того, что делает округу или окидывает след, чтобы хорошенько узнать, где именно находится соболь, и когда убедится, что он в известных пределах—тотчас спускает собаку на след и поспешно идет за ней, глядя во все стороны и прислушиваясь»... «В тех местах, где соболей много, промышленники, отправляясь на промысел, берут с собой сети, то есть тенета, для того, что если соболь успеет уйти от собак и заскочит в пустоты между камнями, то промышленники около того места разбивают эти сети, так что соболь, выскочив из своего убежища, попадает в них и запутывается». Сеть эта носила название обмета.

Охотник спокойно стоит на двух... дубовых досках]. Немецкий издатель настоящего рассказа, Геннин, в своих примечаниях к нему (стр. 449—450) посвящает целое ученое исследование вопросу об устройстве лыж у северных народов, сопоставляя с сибирскими лыжами аналогичные приборы древних финнов и цитируя при этом византийских писателей, а также Саксона Грамматика, Олая Магнуса и др.; в конце книги Бранда приложена картинка с чертежом в левом углу, подробно у Геннина объясненная.

Ст. Крашенинников («Описание земли Камчатки». СПб, 1786, т. I), посвя-

щая 7 главу 2 части первого тома «Витимскому Соболиному Промыслу», так описывает лыжи, которыми пользовались промышленники (стр. 244): «лыжи делаются еловые наподобие обыкновенных лыж, длиною в 2 аршина, а шириною напереди в 5, а позади в 6 вершков... На верхней стороне посредине лыж выделываются из того же дерева подласы, то есть место, где ногам стоять, вышиною в полвершка, и покрываются берестою, чтоб к ним не приставал снег. Напереди оных подласов продеваются кухмоны или деревянные путка и привязываются к подласам ремнями, а по их названию оттугами, чтоб они крепко стояли. Да напереди ж у подласов продеваются иные ремни, называемые юксы, которые на пяты надеваются» и т. д.

В Сибири ловят теперь соболей не в таком большом количестве]. Постепенное исчезновение пушного зверя и дичи в Сибири—факт общеизвестный. Вторгаясь в Сибирь, русские встречали племена, которые носили собольи шубы, но крайнее распространение соболиного промысла повело к совершенному исчезновению его на севере Европы и Приуральской области, а затем и к постепенному уменьшению его в Сибири. Уже в XVII веке мы находим известия, что количество дорогих пушных зверей уменьшается в Сибири вследствие применения русскими для их ловли обметов и кулемов (западня в виде дворика из кольев), и даже на далекой Лене уже в половине XVII в. промышленники жаловались, что «соболь весь в Якутском уезде на ближних реках был сильно истреблен и добыча его сократилась раз в десять» (Г. Вернадский. Государевы служилые и промышленные люди в Восточной Сибири XVII века. ЖМНПр., 1915, № 4). В 1627 году промышленные мангазейские люди говорили, что «вверх по Енисею реке и снизу Тунгуски реки соболи и бобры опромышлялись», и что «в коих де местах наперед хаживали они для соболиного промыслу, стало зверя мало»; в 1649 г. в Якутском уезде «на ближних реках», по словам туземцев, русские промышленные люди также соболя «опромышляли». В 1677 г. тунгусы при Баргузинском остроге сказывали ясачному сборщику, что «соболя отнюдь нет» и что у них «беспромыслица великая». В 1682 г. якутский воевода писал, что по берегам Индигирки, Алазейки и Ковымы (Колымы) «соболиные промыслы стали худы, и соболи выпромышлялись» (А. Лаппо-Данилевский. Организация прямого обложения в Московском государстве. СПб, 1890, стр. 425—426). «С начала покорения Сибири,—замечает С. Крашенинников (Описание земли Камчатки, СПб. 1786, т. I, стр. 234—235),—соболиная охота была столь богатая, что оное место богатым наволоком прозвано. Но ныне не только там, но и в других местах, где есть рассейские населения, нет никакого соболиного промыслу: для того, что соболи близ жилья не водятся, но по пустым лесам и высоким горам в отдалении. Чего ради и обстоятельно описать сего промысла никак невозможно, ибо надлежит в том полагаться на промышленных, которые и неохотно сказывают про свои суеверные обряды, и всего достопамятного объявить для грубости своей не в состоянии: потому что важность им безделицею кажется, а безделица—важностью». Ср. А. Миддендорф. Путешествие на север и на восток Сибири, ч. II, стр. 77—80; А. Черкасов, op. cit., стр. 266—267; М. Ф. Кривошапкин. Енисейский округ и его жизнь, СПб. 1865, т. II, стр. 144.

Царю вместо подати платят десятью соболями]. Сведения Доббина о ясаке в Сибири не вполне точны. Ясаком (поголовной податью) «облагались все инородцы мужского пола не ранее 18-летнего возраста, то есть с того времени, когда «летним промыслом промышлять и великого государя ясак платить поспевали» и до 50 лет. Взималось по 5 соболей с человека; хотя этот оклад и назывался «полным ясаком», но он в некоторых случаях повышался до 10 соболей (А. Лаппо-Данилевский. Организация прямого обложения в Московском государстве, СПб, 1890, стр. 418, 431—433, 435—436). Известно, однако, что злоупотребление и своеволие воевод, особенно в отдаленных местностях Сибири, очень часто нарушали установленные в Москве правила.

рассказы об острых стрелах, которыми, якобы, нужно попадать им прямо в нос]. Обычным орудием туземцев при ловле соболей служил лук со стрелами (Акты Археогр. Эксп. IV, № 298), «но иных промыслов, как промышляют русские люди с обметы и с кулемником», инородцы не знали (Доп. к А. И. III, № 12). Впрочем, русские промышленники в 1649 г., по крайней мере в некоторых местностях, «покинули промышлять соболиный промысел обметами и собачьим промыслом», а ловили соболя кулемниками (Доп. к А. И. III, № 57). Продавать туземцам огнестрельное и вообще всякое оружие, как известно, было запрещено (А. Лаппо-Данилевский, op. cit, стр. 426). Что касается «шуток и басен» относительно того, что соболям стрелкою нужно попадать прямо в нос, то такие рассказы были действительно очень распространены (сл. выше, стр. 150, а также Коллинз, стр. 377). Павел Алеппский, приехавший в Москву из Сирии вместе с отцом своим, патриархом антиохийским Макарием (1654), рассказывает в описании своего путешествия о способах охоты русских на соболя и на горностая и замечает, что охотники старались ранить соболя «под шею, чтобы не испортить меха» (П. Алеппский, перев. Г. А. Муркоса, вып. III, М., 1898, стр. 63, 65). Французский путешественник Ж. Б. Тавернье, умерший в Москве в 1689 г., на обратном пути в Европу из Индии и Монголии (И. Токмаков. Материалы для биографии французского кругосветного путешественника Ж. Б. Тавернье, «Библиограф», 1885, № 2, стр. 25—27; Ch. Joret. J. B. Tavernier. Paris, 1886, p 377—378, 403—405) пишет следующее о ловле «куниц» (martres) в Московии: «Как только куница показывает свою голову из своей норы, московитяне, которые стоят на стороже, тотчас же стреляют ей прямо в нос или в глаза, так как если бы они стреляли в туловище зверька, шкурка его не стоила бы ничего по той причине, что кровь, которая течет из раны, заставляет выпадать мех, который ею замочен» (Les six voyages de J. B. Tavernier, seconde partie, Paris, MDCXCII, livre III, p. 470).

XXXVIII. ЭРИК ПАЛЬМКВИСТ | ERIK PALMQUIST

(1674)

Для обсуждения и устранения ряда спорных вопросов, возникших между Россией и Швецией в начале 70-х годов XVII в., шведское правительство отправило в 1673 г. специальное посольство в Москву—графа Г. Оксеншерна, бар. Г. Г. Тизенгаузена и Г. И. фон-Будберга. К этому посольству прикомандирован был, в качестве военного агента, молодой артиллерийский капитан шведской службы—Эрик Пальмквист (р. 1651 г.), который, несмотря на свою молодость, уже обратил на себя внимание инженерными работами (по укреплению Риги) и мог быть полезен теперь, как лицо, которому удобно было поручить изучение состояния оборонительных сил и средств русского государства на случай военного с ним столкновения. Пальмквист получил задание собрать, по возможности подробнее, сведения о русских вооруженных силах, сделать зарисовки и планы городов и крепостей, важных в стратегическом отношении, и вообще узнать о России все, что могло бы быть полезно шведскому правительству. Поручение это Пальмквист выполнил очень тщательно. Он нанес на карту весь свой путь по России, нарисовал ряд планов и карт, записал сведения, казавшиеся ему важными и нужными. Результатом такой работы явилась рукопись под заглавием „Несколько замечаний о России, о ее дорогах, укреплениях, крепостях и границах во время последнего королевского посольства к московскому царю" (Nägre widh Sidste Kongl. Ambassaden till Tzaren i Muscou giorde Observationer öfver Ruszland des Wäger Pasz meds Fästningar des Gräntzer". Anno. 1674). Рукопись эта, хранящаяся в Стокгольме, содержит „53 рисунка пером различного формата, 16 географических карт и планов городов и пояснительный текст в виде отдельных заметок, иногда довольно длинных, приложенных к рисункам и географическим чертежам" (Ю. Готье. Известия Пальмквиста о России. „Археологич. известия и заметки", 1899, № 3, 4 и 5, стр. 65—98). В своем посвящении сочинения Карлу XI Пальмквист говорит, что он „не без трудностей и усилий" собирал материалы для своего труда

и что „он не мог узнать от этого неприятного и трудного в обращении народа более того, что здесь помещено". „Я сам,—замечает Пальмквист далее,—в разных местах тайно наблюдал и рисовал, рискуя собою, а также получил за деньги некоторые сведения от русских подданных". Ю. Готье резонно замечает по этому поводу, что только подкупами „можно объяснить появление в рукописи снимков и карт, которые, по собственным словам Пальмквиста, были изготовлены по повелению царя. Зная, что иностранца, да еще члена посольства, ни в коем случае не могли допустить к копированию государственных „чертежей", остается предположить, что какой-нибудь подьячий осмелился рискнуть головой, чтобы заработать деньги от шведского военного агента" (Ю. Готье, op. cit., стр. 81). Несмотря на то, что труд Пальмквиста носит специальный военно-осведомительный характер, в нем

Рис. 53. Копия карты Сибири (Из альбома Э. Пальмквиста)

есть немало и других сведений, интересных для историка; главное значение имеют рисунки, сделанные несомненно талантливой рукой, в которых, помимо точных планов ряда русских городов и видов местностей, мы находим изображения русских одежд, харак-

терных бытовых подробностей, даже зарисовки отдельных жанровых сценок. Рукопись Пальмквиста, хранящаяся в Стокгольмском Гос. Архиве, только в 1898 году увидела свет в роскошном фототипическом издании, точно воспроизводящем подлинник, без всяких комментариев и вступительных статей. Однако, уже задолго до того она была известна исследователям, посвятившим ей ряд статей. Еще Висковатов смог поместить из нее 5 рисунков в своем „Историческом описании одежд и вооружения русских войск" (СПб., 1841—1862); затем шведский ученый Т. Вестрин в журнале „Ny Illustrerad Tidning" (1881 г.) поместил биографический очерк Пальмквиста, несколько извлечений из рукописи и четыре рисунка. Статья Вестрина послужила материалом для двух статей Я. К. Грота („Моск. Ведом." 1881, № 236; „Новооткрытый памятник русской истории на шведском языке". ЖМНПр. 1881, № 10, стр. 68—75), а также для статьи С. Н. Шубинского „Шведское посольство в России в 1674 г." („Историч. Вестник", 1882, т. VII, март, стр. 652—660; вошло в его книгу „Очерки из жизни и быта прошлого времени", СПб., 1888, стр. 98—108). На основании Стокгольмского издания рукописи написаны были: указанная выше обстоятельная статья Ю. В. Готье, а также две специальных работы М. В. Рубцова („Тверь в 1674 г. по Пальмквисту", Тверь, 1902 г.) и И. К. Линдемана (Разбор сведений, сообщаемых Пальмквистом о Торжке. „Труды второго областного Тверского Археологического Съезда", Тверь, 1906). Вся книга Пальмквиста переведена на русский язык Гранстремом, но перевод остался в рукописи и хранится в Центрархиве в Москве (б. Арх. Мин. Ин. Дел), лишь небольшой отрывок из этого перевода: „Наблюдения и заметки о русской артиллерии" напечатал А. А. Бобринский в приложении к статье „Грипсгольмские пищали" (Изв. Арх. Ком., вып. 53, Пгр. 1914, стр. 76—80). „Кроме сведений о военных силах Московского государства, о числе иноземцев, состоящих на русской военной службе, и т. д., Пальмквиста, видимо, интересовало все, что касалось Сибири,—замечает Ю. Готье; кроме двух карт этой страны мы находим у него данные о дорогах в Сибири, о расстоянии между сибирскими городами, о сибирских инородцах" (стр. 90). „Обе карты Сибири представляют очень много сходного между собою. Характерная их особенность та, что север обращен книзу, а юг—кверху. Весь северный берег Сибири вытянут по совершенно прямой линии, а побережье Тихого океана составляет такую же прямую линию, идущую под прямым углом к первой. На Таймыр, Чукотский нос и Камчатку нет ни малейшего намека. В общих географических атласах XVII ст., начиная с Меркатора, мы не находим ничего похожего на эти карты; точно также в них очень мало сходства с картами Сибири, помещенными у путешественников XVI и XVII ст.,

и с известным сибирским чертежем Сем. Ремезова 1701 г. Касательно происхождения одной из этих карт, озаглавленной „Копия карты Сибири и части Тобольска, составленной по повелению царя", мы находим, впрочем, указание в надписи, помещенной на ней самой; эта надпись, очевидно, переведенная автором с русского языка, гласит: „1668/7176 года при державе вел. государя царя и великого князя Алексея Михайловича... по государеву указу составлен распоряжением Тобольского стольника и воеводы Петра Ивановича Годунова". „Далеко не так просто решается вопрос

Рис. 54. „Чертеж Сибирския земли" (П. И. Годунова в копии Э. Пальмквиста)

о происхождении второй карты Сибири и карт Волги и Белого моря. Вторая карта Сибири носит ясные признаки того, что Пальмквист взял ее из каких-то немецких источников, т. к. пояснительные надписи на карте сделаны на немецком языке (на немецком же языке написаны общие замечания о Сибири, составляющие, повидимому, приложение к этой карте); собственные же имена представляют в большинстве случаев точную транскрипцию русских имен, что, казалось бы, с своей стороны, указывает на русский чертеж как на первоначальный источник этой карты. На ту

же мысль наводит отмеченное выше сходство между рассматриваемой картой и картой воеводы Годунова" (Ю. Готье, op. cit., стр. 75—76). Что касается первой карты Сибири, носящей в подлиннике Пальмквиста заглавие: „Copia off en Charta, dem Tzaren öfwer Syberien meds een deel aff Tobolsky", то она, действительно, представляет собою копию карты, о которой Витсен рассказывает, (Noord en Oost Tartarye, II, 859), что по повелению царя Алексея Михайловича „тобольскому воеводе Петру Годунову с товарищами исследовать расстояние между городами Сибири и дальше до Китая", „они составили карту, которая была напечатана в Москве в виде гравюры на дереве, с описанием расстояний между городами". Этот „Чертеж Сибирския земли" до нас в подлиннике не дошел, но в 1914 г. рукописная копия этого чертежа найдена была Л. С. Багровым (карты Азиатской России. Пгр., 1914, стр. 11)

Рис. 55. Путешествие в Сибирь (Лист из рукописи Э. Пальмквиста)

в одном из атласов Ремезова, хранившемся в Археографической Комиссии (ср. Л. С. Берг. Очерк истории русской географической науки, Лгр., 1929, стр. 22), а еще ранее отысканы были: шведская копия ее, сделанная в 1669 г. Класом Иогансеном

Прютцем, и немецкая копия Шлейсинга 1692 г. (подробности и литературу см. В. А. Кордт. Материалы к истории русской картографии, вторая серия, вып. 1, Киев, 1906, стр. 23—26). Карта Э. Пальмквиста перепечатана в книге А. Э. Норденшельда „Periplus" (Lond. 1897, табл. XXXVI). Мы воспроизводим ее вместе с другой картой и текстом замечаний о Сибири непосредственно из альбома: Nägre widh Sidste Kongl. Ambassaden till Tzaren i Muscou giorde Observationer öfver Ruszland. Stockholm, 1898). Возможно, что печатаемый ниже в русском переводе текст: „Communicerat copica aff een Reesa genom Siberien" представляет собою, как это полагает и Ю. Готье, не что иное, как пояснения к карте, однако, они составлены Пальмквистом самостоятельно, так как не имеют ничего общего с описанием годуновского чертежа, напечатанным у А. Титова (Сибирь в XVII веке, М., 1890, стр. 41—101), в котором расстояние между нанесенными на карту поселениями определяется днями сухопутной езды или же водой. Отдельные расстояния, указанные Пальмквистом в милях, не соответствуют и тем (в верстах), какие привел ездивший вместе с Пальмквистом в шведском посольстве Кильбургер в своем сочинении о русской торговле (Б. Г. Курц. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев, 1915, стр. 202—203, 551).

Сообщается копия (описания) путешествия в Сибирь

Подробное обозначение стран, городов и различных народов Московского государства вплоть до Киргизской страны, Монголии и Китая, а также расстояний между ними

Из Москвы в Переславль—от Москвы	36 миль	населены русскими
Переславля в Ярославль—от Переславля	18 „	
Ярославля в Вологду—от Ярославля	46 „	
Вологды в Тотьму—от Вологды	50 „	
Тотьмы в Устюг—от Тотьмы	50 „	
Всего .	200 миль	

[Из] Устюга в Сольвычегодск—от Устюга 12 миль. От Сольвычегодска начинается народ, называемый зыряне.

Сольвычегодска в Соликамск—от Сольвычегодска 188 миль. В ста милях по эту сторону Соликамска другой народ, называемый пермяки.

Соликамска в Верхотурье—от Соликамска 50 миль. Другой народ, называемый вогулы.

Верхотурья в Епанчин—от Верхотурья 36 миль.

Епанчина в Тюмень—от Епанчина 18 миль. Хорошо заселено другим народом сибирскими татарами.

Тюмени в Тобольск—от Тобольска 46 миль. Остается русским городом; направо живут татары, называемые башкиры.

Тобольска в Демьянский ям—от Тобольска 60 миль. Здесь начинаются обские народы, живущие по обеим сторонам реки Оби и называемые обские остяки.

Демьянского в Самаровский ям—от Самарово 15 миль.

Первый город на Оби—Сургут—от устья Оби 80 миль.

Другой [город] Нарым—от Сургута 200 миль.

Отсюда Томск остается направо.

[Из] Нарыма в Кетский острог (здесь) течет маленькая река, называемая Кеть; впадает в Обь. Из Нарыма—25 миль. Здесь также живут остяки, Кетского острога в Маковский 200 миль.

Маковского в Енисейск—от Маковского 20 миль. Обширная пустынная область.

Енисейска в Красноярский острог—от Енисейска 60 миль. Населен русскими.

Красноярского острога в Киргизскую землю—от Красноярска 80 миль (здесь) обитают различные народы: татары, калмыки, киргизы, черные калмыки, белые калмыки, желтые калмыки, монголы, бухарцы, китайцы, все эти народы и земли остаются вправо, когда подымаешься вверх по большой реке Енисею.

ПРИМЕЧАНИЯ

Кильбургер (см. ниже) указывает расстояние в верстах и притом только от Москвы до Тобольска: от Москвы до Переславля—180, до Ярославля—90, Вологды—230, Тотьмы—250, Устюга—250, Сольвычегодска, «где начинается нация, называемая зырянами (Sirenii)—60», «400 верст отсюда берут начало народы, которые называются пермяками»,—Соликамска—940; Верхотурья—250: «эти народы называются вогуличами» (Wagaltsen)—Япанчина—180; Тюмени—90. «Здесь живут сибирские татары»; Тобольска—230, «между Тюменью и здешней местностью оставляют справа башкирских татар». Всего верст 2.750 (Б. Г. Курц. Сочинение Кильбургера о русской торговле. Киев, 1915, стр. 202—203). Описанный Пальмквистом и Кильбургером путь до Тобольска представляет обычную дорогу, по которой чаще всего ездили из Москвы в Сибирь в XVII веке (С. В. Бахрушин. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв., М., 1928, 103 сл.). Точно также и путь с Оби на Енисей, через Маковский волок, мимо Сургута и Нарыма можно считать для этого времени наиболее употребительным. С. В. Бахрушин, op. cit., стр. 110—112.

XXXIX. КИЛЬБУРГЕР | KILBURGER

(1674)

О личности Кильбургера известно очень мало. Первые его биографы (Бюшинг, Аделунг) считали его шведом на том основании, что он ездил со шведским посольством Густава Оксеншерна в Москву (1673—1674) в звании „королевского дворянина"; однако более правдоподобно предположение В. А. Кордта (Чужоземнi подорожнi. Киев, 1926, стр. 138—139), что он был немец, т. к. его сочинение „О русской торговле" написано по-немецки. В 1675 г. он получил место общественного нотариуса в Стокгольме и был определен на шведскую государственную службу. После кратковременного пребывания в г. Риге, в должности секретаря торговой коллегии, он вернулся в Стокгольм, где и умер (1721), занимая в течение долгих лет прежнюю должность нотариуса. В 1674 г., вероятно уже в Стокгольме, вскоре по возвращении из России, Кильбургер написал свою книгу. При жизни автора она издана не была; один из списков ее был в руках историографа Г. Ф. Миллера, но он не использовал ее, а передал А. Ф. Бюшингу, который и напечатал ее в III томе своего сборника: „Magazin für die neue Historie und Geographie" (1769).

В 1781 г., по списку, сохраняющемуся в Вольфенбюттельской библиотеке, его вновь издал Христ. Шмидт; первый русский перевод 1820 г., по тексту Бюшинга, издал Д. Языков, впоследствии (1823) прибавивший к нему перевод примечаний Шмидта. В 1915 г. прекрасный русский перевод книги Кильбургера по обоим рукописным текстам (Кордт, op. cit., стр. 138, указывает еще на стокгольмскую рукопись, которая может считаться оригиналом) издал Б. Г. Курц, сопроводив его обширным и очень ценным комментарием: „Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича". Киев, 1915. Обстоятельно выяснив источники трактата Кильбургера (это были, главным образом, донесение Родеса о русской торговле шведской королеве Христине, сочинение о России Котошихина, написанное в Стокгольме в 1666—1667 гг., из которого Кильбургером взяты сведения о соболином промысле в Сибири и некоторые другие данные, наконец, таможенные книги и

прейскуранты товаров, привозимых в Москву), Б. Курц так определяет его место среди других иностранных сочинений о русском государстве: „Сочинение Кильбургера совершенно лишено характера, который придавали своим книгам иностранные путешественники, и его нужно скорее считать научным трактатом, имевшим своею целью познание России, главным образом, в торговом и промышленном отношении. Никто из иностранцев не дает в этой области такого богатого, ценного материала и только Родес сообщает много данных о торговле, но не так широко охватывает тему, как Кильбургер". Целью Кильбургера было дать по возможности более полное представление о русской торговле. „Ни один иностранец не задавался подобной специальной задачей и поэтому, естественно, никто не дал столько сведений по этому вопросу, как Кильбургер. Ни от кого мы не получаем такого большого количества цен, столь обширного перечисления всевозможных товаров, столько данных об архангельском ввозе, о пошлинах, о горной промышленности и пр." (Курц, стр. 73—74). Обширные комментарии Б. Курца еще более увеличивают ценность этого исторического источника и в результате мы имеем настоящую энциклопедию XVII века, главное внимание которой сосредоточено на русской торговле; однако здесь сообщено также и множество других данных по многим вопросам культурной, бытовой истории России, по исторической географии, военному делу, истории медицины, почт, монет, веса, мер длины и т. д. Кильбургера, естественно, не могла не интересовать с экономической точки зрения Сибирь, занимавшая столь видное место в русской торговле его времени, и он, действительно, касается много раз товаров как вывозившихся оттуда, так и ввозившихся туда. Так, напр., гл. VI IV части называется: „О соболином промысле в Сибири" (мы воспроизводим ее ниже по переводу Б. Г. Курца, op. cit., стр. 170). Б. Курц полагает (op. cit., стр. 34—36), что эта глава основана на сочинении Котошихина, написанном в Стокгольме и переведенном на шведский язык уже в 1669 году. Действительно, о знакомстве Кильбургера с Котошихиным свидетельствуют как расположение материала в обоих сочинениях, так иногда и буквальные совпадения текста их. У Кильбургера: „в Москве говорят, как верное, что она (Сибирь) приносит ежегодно до 600.000 рублей, чему, без сомнения, значительно способствует соболиная ловля..." У Котошихина: „А присылается из Сибиру царская казна, ежегодь: соболи, мехи собольи, куницы, рыси, песци черные и белые и зайцы, і волкі, бобры, барсы. А сколько числом тоѣ казны придет в году, того описать не в память, а чаять тое казны приходу в год больши штисот тысячь рублев..." Кильбургер: „Соболи ловятся отчасти сетями и силками, а отчасти бьются из луков и тупыми стрелами, как и из ружей, не только царскими ловцами, но преимущественно татарами, чувашами, вотяками и другими, кругом там живущими на-

родами... У Котошихина: „А ловят тех зверей тянеты, и бьют из луков и из пищалей, и иным обычаем ясачные люди, татаровья и чуваша, вотяки и иные...“ Кильбургер: „В теперешнее время ловятся почти только простые и посредственные соболи в Сибири, в местах, лежащих ближе к Москве, потому что они частой охотой там очень загнаны и уменьшены, а самые лучшие находятся далеко по ту сторону сибирских городов и во всякое время при реках в больших пустошах и это есть причиной, что подобные соболи теперь дороже, чем [были] раньше“. Это место также дословно взято у Котошихина: „И ныне, самых добрых соболей от Москвы в ближних городах звериной лов помешался, а ловят соболі середние и плохие, потому что многие звери отпужаны и умалѣхося; а доставают самые добрые соболі и иные звері в самых далних отстатных сибирских городѣх, на Ленѣ; и от того соболі почалі быть перед старою цѣною дороже“ (Котошихин. О государстве русском, изд. 4, СПб., 1906, гл. VII, стр. 7. „Сибирской приказ“, стр. 93—94). Кильбургер, вероятно, не имел под руками данных для описания соболиного промысла в Сибири, кроме указанного сочинения Котошихина; он не мог знать и запись Иоганна Арнольда Бранда (см.), т. к. оба посольства—Иоахима Скультетуса, к которому принадлежал Бранд, и Оксеншерны, в свите которого находился Кильбургер, разминулись в дороге. Въезд шведского посольства в Москву был в декабре 1673 года, когда посольство бранденбургского курфюрста уже находилось на обратном пути в Германию. И тем не менее интересно отметить некоторые совпадения у Кильбургера с записью Бранда о том же предмете: и тот и другой отмечают убыль соболей и нахождение их лишь в отдаленных местностях Сибири, оба говорят о том, что дань соболями приносит ежегодно неисчислимое богатство государевой казне и т. д. IV главу II части Кильбургер посвятил вопросу: „О китайской торговле“ (она перепечатана у нас по переводу Б. Курца, op. cit., стр. 152—153), а заключительную главу V части Кильбургер посвятил: „Описанию пути и расстояния от Москвы до Тобольска в Сибири и оттуда до Пекина в Китае“ (Курц, op. cit., стр. 203—212). Эта маленькая глава, где из сибирских городов названы Верхотурье (Wirchaturga), около которого живут вогуличи (Wogaltzen), Япанчин (Jopanzyen), т. е. Туринск, Тюмень (Tumen) и Тобольск (Tobolskoy) [не лишено интереса замечание, тут же делаемое автором, что между Тюменью и Тобольском „оставляют справа башкирских татар“], заключается „извлечением из того посольства, которое послал московский царь для установления торговли в 1654 году... в китайский престольный город Пекин, который по-русски называется Камбалык“, которое отсутствует в рукописи, напечатанной А. Бюшингом, но которое, несомненно, было внесено в подлинную рукопись самим автором (Курц, стр. 19—20, 203—204). Это „Извлече-

ние“ (Extract) представляет собою перевод нескольких отрывков из путешествия Федора Байкова в Китай, много раз издававшегося в иностранных переводах ранее, чем оно увидело свет в России, напр., на немецком языке Н. Витсеном (Leipzig, 1699), им же в переводе на голландском языке, затем на французском и английском; подробную библиографию см. Catalogue de la séction des Russica, t. II, А. Пыпин. Ист. русск. этнографии, т. IV. Б. Курц по этому поводу говорит: „Извлечение, предлагаемое Кильбургером, по всей вероятности, сделано им самим из полного описания посольства Байкова, но едва ли можно думать, что Кильбургер сам переводил его с русского подлинника; скорее всего он, очевидно, воспользовался существовавшим уже тогда каким-нибудь заграничным изданием этого посольства. Во всяком случае, извлечение, данное Кильбургером, нужно считать одним из ранних по своему составлению, но оно все время хранилось лишь в рукописи, пока в 1781 году его не напечатал Хр. Шмидт, как дополнение к изданному Бюшингом в 1769 г. сочинению Кильбургера“... „Извлечение Кильбургера из путешествия Байкова, по сличению с русскими редакциями, имеет некоторые новые данные, не упоминаемые русскими списками Спасского или Сахарова, или несколько противоречащие им“... (Курц, op. cit., стр 204, 205—206). Кроме того, в различных местах своей книги Кильбургер несколько раз касается Сибири, говоря о различных товарах, получаемых оттуда и направляемых туда.

О соболином промысле

Все соболи идут из Сибири и иначе нигде не встречаются. Это—басня, что те, которые в царской немилости ссылаются в эту страну, должны ловить этих зверей. Сибирь занимает большую часть русского царства. Главный город называется Тоболь или Тобольский и не найти страны, которая доставляла бы более разнообразные и лучшие меха, чем эта. В Москве, говорят, как верное, что она приносит до 600.000 рублей, чему, без сомнения, значительно способствует соболиная ловля. Соболи ловятся отчасти силками и отчасти бьются луками и тупыми стрелами, как и из ружей, не только царскими ловцами соболей, но преимущественно татарами, чувашами, вотяками и другими, кругом там живущими народами, которые это, именно, смеют делать и вносят царю из застреленного и добытого десятину. Никакой воевода, офицер или купец не смеет дерзнуть купить себе там лучших соболей, а именно пару, стоящую более 20 рублей, и один сорок—более 300 рублей, чтобы, в свою очередь, продать их из страны, но такие составляют собственную царскую торговлю, и для этого в надлежащих местах поставлена сильная стража, которая должна об этом разведывать. Если пойман кто-нибудь, сделавший вопреки этому, тотчас соболи

отнимаются, но кто хочет подбить ими свою одежду, тому это позволено и таким образом попадает много соболей в руки частных лиц, и потом через них уходит из страны. Если кто-нибудь хочет их спрятать или продать за меньшую цену, нежели они стоят, то равным образом отнимаются; также не менее жестоко наказывается тот, кто низкого происхождения и имеет их при себе. В теперешнее время ловятся почти только простые и посредственные соболя в Сибири, в местах, лежащих ближе к Москве, потому что они частой охотой там очень загнаны и уменьшены, а самые лучшие находятся далеко, по ту сторону сибирских городов, и во всякое время при реках в больших пустошах, и это есть причиною, что подобные соболи теперь дороже, чем были несколько раньше.

О китайской торговле

В 1654 году русские с усердием начали стараться о торговле в „Катае" или „Хине", и тогда отправили первое свое посольство к хану Великой Татарии в Пекин (по-русски „Камбалык"), как видно ниже, в последней главе V части. Посредством этого самого они столь многого достигли, что с того времени установилась в сибирском городе Тобольске между ними и китайцами торговля, которая теперь же год от году увеличивается. Китайские купцы привозят всякого рода пестрые татарские и китайские шелковые материи или штофы, плис разных цветов и крепкую выбойку, которая или совсем белая или же только одного цвета. Она называется русскими „китайкой" и каждый кусок содержит ни больше, ни меньше как $8^1/_4$ аршина. Они также привозят драгоценные камни, как-то: рубины, топазы и один вид, называемый „лалами", которые цветом несколько бледнее рубинов, также простой фарфор, мускус („кабардин"), бобровую струю, хинный корень (Radix Chinae), ревень, чай, бадьян, о чем упоминается выше, в I части гл. II, и многие другие товары, попадающиеся в государстве Хине и в Великой Татарии. Они особенно начинают теперь также возить в Сибирь шелк, который несравненно нежнее персидского. В 1673 году они продали царю 25 пудов, который был так великолепен и нежен, что один немец, в свою очередь, заплатил за пуд его 120 рублей и отправил в Гамбург. Эти татарские купцы не смеют приходить со своими товарами дальше, чем в пограничный и главный сибирский город Тобольск, откуда русские везут купленные ими же товары или в Москву или в Архангельск. Часто упоминаемые китайцы скупают все сибирские и часть казанских горностаев, так что их не только совсем нельзя достать в Москве, но и все горностаи вообще дороги. Они отвозят с собою также много простых соболей. Продолжению этой торговли теперь оказывает не малую услугу длинная река Иртыш, которая издалека идет из Татарии и

вливается в реку Обь, и легко поверить, что если бы русские были такими любознательными, как другие европейцы, то водный путь из реки Оби в Хину и Ост-Индию мог быть безошибочно открыт.

ПРИМЕЧАНИЯ

Это—басня, что те, которые в царской немилости...]. Как указано во введении к настоящему тексту, Кильбургер сообщает о соболином промысле почти все то, что находим и у Котошихина. Под влиянием того же сочинения Кильбургер, по мнению Б. Г. Курца (сочинение Кильбургера, стр. 469—470), опровергает басню о том, что ссыльных в Сибири заставляют ловить соболей. Однако, у Котошихина мы находим лишь известие, что ссыльных в Сибири распределяют на государственные должности, «но ведь Котошихин не говорит, что ссыльным не приказывали убивать соболей, а так как ловля соболей была для казны большим доходом, то понятно, что сибирские власти могли заставлять ссыльных охотиться за соболями подобно тому, как теперь ссыльные производят разные казенные работы»,—замечает Курц. «Таким образом, Кильбургер напрасно всецело опровергает мнение, что ссыльные занимались ловлей соболей, потому что это было вполне возможно в тех сибирских городах, в которых не было нужды в ссыльных для исполнения других государственных обязанностей». «Другие иностранцы подтверждают, что ссыльные должны добывать соболей, но эти иностранцы даже чрезмерно обобщают это явление, потому что соболи добывались главным образом туземцами и добровольными промышленниками на этого зверя, а не только ссыльными». О ловле соболей ссыльными упоминает Коллинз, Рейтенфельс (Чтения в Общ. Ист. Др., 1906, III, стр. 202); де-ла Невилль («Русская старина», 1891, № 11, стр. 277) говорит общим образом, что охота за соболями производится осужденными к тому преступниками («La chasse des zibellines se fait par des criminels qu'on confine dans ce pays et qu'on y condamne, comme on fait en France, au gallères»...); в другом же месте своей книги он сообщает конкретный случай, как пять стрельцов (из числа осужденных во время расправы Петра I в Троицком монастыре) по отрезании языков были сосланы в Сибирь для охоты за соболями «pour tuer les martes zibellines» (ср. «Русск. Вестн.», 1841, IV, стр. 132, 152). Кратко о том же обычае упоминает и Гью Меж в описании посольства в Россию графа Карлейля; о том, что за корчемство били кнутом и ссылали охотиться за соболями («Knuttis caesi in Sibiriam deportantur, ubi perpetuas insidas zobellinis struere coguntur») упоминает и И. Корб (Дневник путешествия в Московию в 1698 и 1699 гг. Перевод и примечания А. И. Малеина, СПб., 1906, стр. 213). Бернгард Таннер, побывавший в Москве в 1678 году, при описании соболей замечает: «Ловлею их занимаются пленники, рабы, татары, бедные и привычные к стуже, которой, конечно, нам не вытерпеть. Они очень ловко валят их на землю стрелами, а летом пересылают живьем царю» (Чтения в Общ. Ист. Др., 1891, III, стр. 107). Сердерберг—шведский полковой священник, взятый в плен под Полтавой в 1709 году, в своих «Заметках о религии и нравах русского народа» также говорит, что «клятвопреступника наказывают кнутом и отправляют на всю жизнь в Сибирь ловить соболей» («Чтения...», 1873, II, стр. 16). Иов Лудольф пишет герцогу Саксонскому, со слов Лаврентия Рингубера, что в Москве распространялся слух о «прежнем премьерминистре» Артамоне Сергеевиче Матвееве, будто он «в Сибири добывает себе содержание ловлей соболей, к чему он имеет тем более времени, что для него целую ночь не заходит солнце» («Relation du voyage en Russie fait en 1684 par Laurent Rinhuber. Berlin, 1883, p. 187—188); в другом месте тот же Л. Рингубер сообщает, что впадающие в немилость отправляются в Сибирь для ловли соболей: «Это—невыносимое наказание, как говорят, именно благодаря ловле соболей,

отчасти потому, что оно весьма трудное и награждается только побоями, а отчасти и потому, что оно вечное, и возврата нет оттуда» (op. cit., p. 15). Довольно подробный рассказ об этом находится и у Ламартиньера, который повествует, что со своими спутниками-датчанами в 1653 г. около городка Ляпина он встретил несколько ссыльных саксонцев; их стали расспрашивать и «один саксонец отвечал, что он сослан вел. князем охотиться на соболей, что считается в этой стране, как во Франции ссылкой на галеры; одни остаются здесь по 10 лет, другие—по 6, иные—по 3, кто больше, а кто меньше, а затем, по миновании ссылки, они свободны... Если они не добудут того количества, которое им назначено, их жестоко наказывают плетьми из толстой и грубой кожи и бьют по всему обнаженному телу» (Ламартиньер. Путешествие в северные страны. Перев. В. Н. Семенковича, М., 1911, стр. 58). «Сопоставляя эти показания иностранцев с молчанием русских памятников о ссылке для ловли соболей,—пишет Н. Д. Сергеевский («Наказание в русском праве XVII в.». СПб., 1888, стр. 242—243),—нельзя, думается нам, не прийти к выводу, что сообщения де-ла Невилля, Корба, Карлейля [т. е. Г. Межа], Рейтенфельса и Ламартиньера одинаково не заслуживают доверия. Слова первых четырех суть не более как общие фразы, основанные на недоразумении или на плохо понятых рассказах русских людей о Сибири. Рассказ де-ла Мартиньера есть чистая выдумка, каких мы немало находим в повествованиях о России, сделанная с единственной целью заинтересовать читателей. Иностранцы, служившие в русской службе в генеральских чинах, известны, судьба их также. Генерал, сосланный ловить соболей, очевидно, фантастический». В рецензии на первое издание настоящей книги проф. С. В. Бахрушин говорит по этому поводу: «Сообщение о том, что ссыльных заставляли охотиться на соболей,—басня... простая справка в «приходных соболиных книгах» XVII века покажет, что ни один соболь не поступал таким образом в царскую казну; из тех же «соболиных книг» легко убедиться, что и использование солдат для ловли соболей, о чем говорят и Авриль и Невилль, является плодом фантазии или недоразумения» («Иностранные путешественники и писатели о Сибири»—«Книга и пролетарская революция», 1936, № 10, стр. 79). В другой своей статье он пишет: «стоит обратиться к подлинным делам Сибирского приказа, чтобы убедиться в основательности суждения Кильбургера. Все поступавшие в казну соболиные шкуры регистрировались в XVII в. в «приходных соболиных книгах», сохранившихся до нашего времени, и ни в одной из них мы не находим никакого намека на ловлю соболей ссыльными» («Историк-марксист». 1936, кн. 5, стр. 151).

Соболи ловятся отчасти силками...]. Сл. выше: А. Бранд.

Никакой воевода... не смеет... продать их из страны]. Сл. выше: Ламартиньер.

потому что они частой охотой там очень загнаны]. Сл. выше: А. Бранд, стр. 404.

отправили первое свое посольство к хану Великой Татарии в Пекин]. В 1654 г. из Москвы в Пекин был отправлен в качестве посла Федор Байков. «Называя это посольство первым,—замечает Б. Г. Курц (op. cit., стр. 366),—Кильбургер говорит правду и передает лишь мнение московских канцелярских кругов». Дело в том, что первые попытки завязать русско-китайские дипломатические сношения хотя и относятся к началу XVII в., но их нужно рассматривать как приватные попытки тобольских воевод, не имевшие общегосударственного значения. Правда, Н. М. Карамзин сообщает, что само московское правительство, в лице Ивана Грозного, еще в 1567 году послало Ивашку Петрова с Бурнашем Ялычевым разведать о Китайском царстве и что они привезли описание своего путешествия («Ист. Гос. Росс.», т. IX, прим. 648); такое путешествие действительно известно в старых русских рукописях (И. П. Сахаров. Сказания русского народа, II, кн. 8, стр. 183—186; в более исправном списке,

из хронографа первой половины XVII в., с вариантами по 4-м рукописям, «Путешествия казацких атаманов Ивана Петрова и Бурнаша Ялычева в Китай» напечатано у Андрея Попова: Изборник славянских и русских сочинений, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869, стр. 430—437). Н. Карамзин, а вслед за ним и другие исследователи, например, Ю. В. Арсеньев (Путешествие Николая Спафария, СПб., 1882, стр. 17), были введены в заблуждение «составителями хронографов, которые ошибочно приписали описание путешествия Петлина, совершенное им в 1618 г., Петрову с указанием на 1567 г.» (Б. Г. Курц. Русско-китайские сношения в XVI, XVII и XVIII вв., Харьков, 1929, стр. 20—22). Неизвестный автор одного донесения 2-й половины XVI в., сообщая о мнении Иовия (основанного на рассказах Чентурионе и Дм. Герасимова) о том, что до Китая можно доплыть северным морским путем, от себя говорит, что «Иван Грозный назначил большие награды для открытия этого водного пути» (сл. выше, стр. 99). Тем не менее Б. Г. Курц полагает, что «сношения России с Китаем сделались возможными только тогда, когда эти страны вошли в тесное соприкосновение своими границами» и что «достоверных данных о попытках русских сноситься в XVI в. с Китаем мы все-таки не имеем. Только с XVII в. начинаются официальные сношения с Китаем. При этом первоначально наблюдается стремление завязать сношения через соседние страны монголов, издавна сносившихся и торговавших с Китаем» (Б. Курц. Русско-китайские сношения, стр. 20). Отметим попутно, что от всех исследователей русско-китайских сношений ускользнуло любопытное, хотя и не вполне ясное свидетельство португальского авантюриста Мендеса Пинто, которое интересно поставить в связь с вышеприведенными известиями (сл. выше, стр. 98, 311). Мендес Пинто (род. в 1509 или 1511 г.) отплыл в Индию вместе с флотом, которым командовал сам Васко де Гама, и пробыл на дальнем юго-востоке около двадцати лет; при этом он пять раз потерпел кораблекрушение и семнадцать раз продаваем был в рабство. Можно считать доказанным, что он был первым европейцем, попавшим во внутренность Китая после открытия морской дороги в восточные моря, и одним из первых европейцев, побывавших в Японии (1542). По возвращении на родину в 1558 г., он поселился в португальском городке Pragal, где им написано было его знаменитое «Путешествие» («Peregrinação»)—рассказ о необыкновенных странствованиях и приключениях. Книга эта была издана только в 1614 году, через 30 лет после смерти автора. Рукопись ее безнадежно исчезла, как предполагают, уничтоженная иезуитами, вероятно, опасавшимися заключавшихся в ней разоблачений относительно их миссионерской деятельности, зачастую сочетавшейся с грабежами и насилиями; известно, что рукопись «Путешествия» находилась некоторое время в руках иезуита Люцена (биографа «просветителя» Японии Ксавье, сподвижником которого Пинто был в течение нескольких лет), затем попала к Франциску Андраде, умершему в 1614 г., в год ее выхода в свет; Андраде разделил ее на главы, озаглавил их и, повидимому, сильно проредактировал тот печатный текст, который и поныне заменяет исследователям пропавшую рукопись («Peregrinação de Fernão Mendez Pinto». Coimbra, 1614). Последующие переиздания этого текста (кроме хорошей перепечатки editio princeps, сделанной в Лиссабоне в 1829 г.) крайне неисправны, несмотря на то, что эта книга занимает видное место в истории португальской прозы; столь же неисправны и переводы «Путешествия» на европейские языки— французский, немецкий, английский, сделанные уже в первой половине XVII века. Превратившаяся в конце концов в своеобразный авантюрный роман книга Пинто долгое время вызывала к себе весьма скептическое отношение исследователей; однако, критический разбор содержащихся в ней сведений позволил в конце концов признать, что, несмотря на большое количество ошибок, темных мест, сознательных или случайных искажений, книга эта может служить также весьма интересным историческим источником (см. Donald Ferguson. Letters from Portuguese Captives in Canton, written in 1534 and 1536; «The Indian Antiquary», vol. XXX, 1901; Külb, Pinto's abenteuerliche Reise, Jena, 1866; Stephen

L. Wheeler. Mendez Pinto «The Geographical Journal», 1893, vol. I, № 2, p. 139—145; J. Baddeley. Russia, Mongolia, China, vol. I, Lond., 1919, p. LXI—LXIV; Schurhammer. Die zeitgenossische Quellen zur Geschichte Portugesischen Asiens und Nachbarländer, Lpz., 1931). В своем «Путешествии» Пинто рассказывает, что около 1544 года он видел московитов в северном Китае, в городе Tuymicao, в посольстве некоего татарского владетеля Carao (из Бухары, Крыма или Казани?).

Взятый в плен китайцами за разбой у китайских берегов, Пинто был присужден ими к тяжелым принудительным работам в провинции Шеньси, откуда его освободили монголы во время одного из набегов на Китай. В то время, как он, вместе со своими освободителями, находился в китайском городе Tuymican (по объяснениям Baddeley—Kwei ho-chang), туда, к монгольскому владетелю, прибыли послы из различных стран: «другой был король могорский (Mogores), государство которого находится в самом сердце страны около Coraezones (Хорассана?), области, близкой к Персии и царству Делийскому (Dely) и Хиторскому (Chitor), и государь, называемый Каран (Caran), который, как мы узнали здесь, имеет границы своего владения в горах Гонкалидана (Goncalidan), вместе с людьми, которых местные жители называют московитами (Moscovites) и несколько человек которых мы видели в этом городе (т. е. Тюймикане): они белокуры, хорошо сложены, одеты в широкие штаны, дорожные плащи с широкими рукавами и шапки, подобно фламандцам и швейцарцам, которых мы видели в Европе, причем наиболее уважаемые из них были одеты в кафтаны, подбитые соболями и другими мехами. Все они носили большие и широкие сабли, и мы заметили, что в своем языке они употребляли и некоторые латинские слова и что даже, зевая, они трижды повторяли: Dominus! Dominus! Dominus! Это показалось нам скорее по-язычески, чем по-христиански; что же еще хуже было в них—это содомский грех, которому они очень были подвержены». Свидетельство Пинто стоит совершенно особняком и заслуживает специального разбора. Отмечу только, что Albrecht Wirth (Geschichte Asiensund Osteuropa, Halle, 1905, S. 425—426), комментируя мемуары Пинто, полагает, что называемый им в другом месте русский посол к монгольскому хану, по имени Leyxigau, есть не кто иной как «Ялычев»; но что «все, что рассказано о неслыханном великолепии посольства, по аналогии с описаниями других русских посольств, можно считать просто басней». По мнению того же Вирта, Пинто был также на Сахалине, и в его названии Gangtiana «можно видеть нынешнее Engyt» (Энгис-пал?), а также на Амуре, причем под «Gigauhos» имеются в виду гиляки; в Китае же он слышал о многих восточно-сибирских реках, о большом озере Moscombia и горах области «Alimania»; в этих свидетельствах нужно видеть запись китайских известий о Московии, превращенной в озеро, и немецких землях.

«Московия» еще раз названа у Пинто по другому поводу. Согласившись совершить путешествия из Tuymicao в компании с посольством «татарского короля» к «королю Кохинхины», он поехал вниз по течению некой реки (J. Baddeley, op. cit. p. XIV, несмотря на очевидные искажения и ошибки в этом рассказе, все же находит его правдоподобным) и на третий день достиг небольшого городка Puxanguium (J. Baddeley сближает его с Pulisanghin Марко Поло или Pulisangu на карте Гвастальдо: «Tertia Pars Asiae», 1561), где внимание его обратили башни и зубчатые стены, широкие рвы, каменные мосты и в особенности орудия особой конструкции, сделанные из дерева и напоминающие насосы. «Когда я спросил у посланников, кто изобрел этот способ стрельбы. Они отвечали нам—люди, называемые Alimanis из страны, называемой Muscoo, прибывшие сюда через озеро соленой воды, очень глубокое и обширное, на 9-тивесельной лодке, в обществе женщины-вдовы, владетельницы местности, называемой Guaytor, которую, как говорили, король датский изгнал из ее страны». К этому прибавлено известие, что «прадед нынешнего татарского короля» женил ее трех сыновей на своих родственницах, и что от них именно произошли главные знатные фамилии этого государства».

Все загадочно в этом рассказе. У St. Wheeler (Geogr. Journal, 1893, I, p. 143—144) находим указание на «Историю Китая» Мендозы, напечатанную в 1585 г., где сказано, что артиллерия в Китае введена была одним немцем (Almaine) ок. 1330 года; в действительности из китайских источников известно, что огромные самострелы (вроде аркбаллистов Зап. Европы) употреблялись там с незапамятных времен; Иакинф говорит и о древних «отбойных» машинах типа катапульт, а Леконт и Фома Агвирский упоминают даже, что огнестрельное оружие изобретено в Китае ок. 80 г. н. э. С другой стороны, хорошо известно, что первые образцы огнестрельных орудий ввезены были в Россию уже в XV в. и что первые мастера пушечного дела в Московии были «немцы» (сл. Н. Е. Бранденбург. Исторический каталог С.-Петербургского Артиллерийского музея, ч. I, СПб., 1877, стр. 47, 57—58, 21, 22, 26—27). Приезд в Китай «alimanis» из страны «Muscoo» сам по себе не представляет ничего поражающего. Это давало некоторым исследователям право заключить, что под именем «московитов» в Тюймикане Пинто также описал немцев.

Как ни интересно приведенное известие Пинто, но оно настолько неясно, что решительно не позволяет говорить о частом посещении русскими северного Китая даже вместе с среднеазиатскими посольствами, хотя для XVI века, повидимому, можно говорить уже и не только о посреднической торговле русских с Китаем, несмотря на то, что она должна была, конечно, носить случайный характер. Как бы там ни было, первые попытки завязать дипломатические сношения с Китаем, о которых мы имеем достоверные известия, относятся только к началу XVII века. В 1616 году В. Тюменец и Ив. Петров из Томска пошли проведывать Китайское царство, но дошли только до страны царя Алтына, где получили интересующие их сведения, и в 1617 году в Москве, куда они прибыли с послами Алтына, их показания были записаны в Посольском приказе. В 1618 г. русские послы, бывшие в Швеции, воспользовались этими показаниями и преувеличенно заявили, что русские уже дошли до самого Китая (К. Якубов. Россия и Швеция, Чтения в Общ. Ист. Др. 1897, III, стр. 47—48: «и ныне великого государя нашего люди и до того великого государства дошли, а в том Китайском государстве царь, а имя ему Тайсынь, а город Китай стоит на морской губе, а около него конем добрым езду 10 дней, опричь его уезду и земли Китайской» и т. д.). Это заявление, однако, не соответствовало истине, так как только в сентябре этого же 1618 года посол, толмач Ив. Петлин, впервые достиг Пекина и вернулся в Москву через год (Ф. И. Покровский. Путешествие в Монголию и Китай сибирского казака Ив. Петлина в 1618 г., «Известия Отд. Р. Яз. и Словесн. Ак. наук». 1913, кн. 4); Б. Курц (Сочинение Кильбургера, стр. 365—366) замечает по этому поводу: «Посольство Петлина было отправлено не самим московским правительством и не из Москвы, а по замыслу тобольского воеводы и именно из Томска. Поэтому-то, как необходимо думать, московские приказы не считали этого посольства официальным и началом посольских сношений с Китаем. Но когда в самой Москве возникла мысль о посылке такого посольства в Пекин и отсюда был отправлен послом дворянин Ф. Байков, снабженный полномочиями центральным московским правительством, то московское правительство стало смотреть на это посольство, как на первое. Это видно из грамоты, которую Байков должен был вручить богдыхану, а также из наказа, где ему предписывалось сказать богдыхану, что «учинилась ныне ссылка [посольство] первая, а наперед сего... ссылок николи не бывало» (наказ Байкову и другие документы, связанные с его посольством, см. у П. Иванова. «Описание Государственного Разрядного Архива». М., 1842, стр. 387—429). «Цель этого посольства была, как видно из сохранившихся документов, завязать торговые сношения с Китаем. Посол должен был собрать сведения о товарах и торговле Китая и пригласить китайских купцов ездить в Россию беспошлинно торговать. Хотя это посольство не имело полного успеха, но дальнейшие настойчивые попытки русских установить прочные торговые связи с Китаем и отыскать туда самый удобный путь привели еще в XVII в. к большому разви-

тию русско-китайской торговли» (Курц, op. cit., стр. 367). Эта торговля вполне окрепла и стала быстро развиваться только после Нерчинского договора 1689 г. Ср. Н. Бантыш-Каменский. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами. Казань, 1901; X. Трусевич. Посольские и торговые сношения России с Китаем. М., 1882; G. Cahen. Histoire des relations de la Russie avec la Chine sous Pierre le Grand. Paris, 1912; Б. Г. Курц. Русско-китайские сношения в XVI и XVII вв. Харьков, 1929; его же. Из истории торговых сношений России с Китаем в XVII ст. «Новый Восток», 1928, № 23—24; его же. Колониальная политика России и Китая в XVII—XVIII вв. «Новый Восток», 1927, № 10; его же. Як повстала державна караванна торговля Росіі з Китаем у XVII віці, Киев, 1929; его же. Государственная монополия в торговле России с Китаем в первой половине XVIII ст., Киев, 1929 (оттиск из «Наук Зап. Київського Інституту Нар. Господарства», т. IX); J. Baddeley. Russia, Mongolia, China. Lond. 1919. Henri Cordier. Les debuts des relations des Russes avec l'Extrême—Orient, «Mélanges publiés en l'honneur de M. Paul Boyer», Paris, 1925, p. 30—32.

Пекин (по-русски „Камбалык")] сл. выше, стр. 137.

как видно ниже]. Во введении к настоящему тексту указано, что Кильбургер в заключении 5-й части своего сочинения поместил «Извлечение» из описания путешествия Ф. Байкова в переводе на немецкий язык. Интересно отметить, что это путешествие напечатано было в Европе задолго до того, как оно увидело свет в России. Полностью оно было напечатано у нас впервые Н. И. Новиковым в «Древней Российской Вивлиофике», ч. IV, между тем как в немецком переводе оно появилось уже в 1699 г., за которым вскоре же последовали и другие издания: голландские, французские и английские (сл. Курц. Сочинение Кильбургера, стр. 203—205). О посольстве Байкова (впрочем, не называя его имени) рассказывает еще J. B. Tavernier. Les six voyages. Paris, 1692, III, 472—473.

установилась в сибирском городе Тобольске... торговля]. Следует сказать, что в половине XVII века китайцы не сами привозили свои товары в Тобольск, но чаще всего пользовались в качестве посредников средне-азиатскими купцами, преимущественно бухарцами (А. В. Панков. К истории торговли средней Азии с Россией в XVI—XVII вв. В. В. Бартольду. Туркестанские друзья, ученики и почитатели. Ташкент, 1927, стр. 20, 33—34; С. В. Бахрушин. Торги гостя Никитина в Сибири и Китае. Труды Института Истории, I, М. 1926, стр. 375). В самом Тобольске, да и в других сибирских городах, китайских товаров тогда было еще немного. Так, например, в енисейской товарной ценовой росписи 157 г. (1649) упоминаются «китайские и бухарские всякие локотные товары»: бархаты, атласы, камки, китайки, выбойки, дабы и пр. (Н. Оглоблин. Обозрение столбцов и книг сибирского приказа, ч. II, М., 1898, стр. 121, ч. I, М., 1895, стр. 169-170). В то же время среди товаров г. Томска „китайка" находилась наряду с бухарскими, калмыцкими, английскими и иными иностранными товарами (Г. Потанин. Привоз и вывоз товаров г. Томска в половине XVII в. Вестник И. Р. Географ. Общ., т. XXVII, отд. II), но это был, по словам Курца (Русско-китайские сношения, стр. 10—11), «результат посреднической торговли», причем «размеры ее были настолько незначительны, что, например, в 1652 г. в Томск было привезено всего 20 аршин, а в следующем году 7 кусков (56—63 аршина)». В последующие годы эта торговля заметно росла, притом, как указывает Кильбургер, именно в Тобольске.

Китайские купцы привозят]. Перечисляемые Кильбургером предметы русско-китайской торговли соответствуют действительности. По словам Перри (1698—1715), из Китая шла шелковая камка, «китайка»—«особого рода льняная ткань, с примесью бумаги разных цветов», а также небольшое количество жемчуга и слитки золота; китайку русские женщины употребляли на одежду (Чтение в Общ. Ист. Др. 1871, II, стр. 52). В «Описании Сибирского царства» также

говорится, что в Китае покупали: «золото, серебро всякое, дорогое камение, камки, китайки, коралки белые и мускус, ревень, чай-траву, табак» (А. Титов. Сибирь в XVII веке, М., 1890, стр. 78). Юрий Крижанич упоминает, что бухарцы привозят из Китая в Тобольск «хлопок, хлопчато-бумажные ткани, которые московитяне называют «китайками», драгоценные камни (А. Титов, op. cit, стр. 186—188). О «лалах», яхонтах и других драгоценных камнях см. Курц. Сочинение Кильбургера, стр. 367—368; о хинном корне (Radix Chinae) там же, стр. 326; бобровая струя, по объяснению «Торговой книги» «пригожается немцам на краски к сукнам», «мускус»—вещество, получаемое из зверя, называемого «кабарга» или «мускусный зверь», которого Кильбургер называет «Кабардин» (Курц, стр. 99) (латинское название его Capra Indica), замечая при этом: «с некоторого времени сибирские купцы каждую зиму привозят в Москву несколько целых, с головой и ногами шкур, которые имеют в пупе свой мускус; там (в Москве) они покупаются иностранцами по $1^1/_2$ рубля и отсылаются как редкость» (Курц, стр. 99, 286).

чай, бадьян, о чем упоминается выше]. Во второй главе 1-ой части сочинения Кильбургера действительно говорится о вывозе из Китая в Россию чая и бадьяна (Курц, стр. 310—311).

водный путь из реки Оби в Хину и Ост-Индию]. Вероятно, отголосок старого ошибочного представления о том, что Обь вытекает из «Китайского озера» (сл. выше, стр. 107—108).

XL. НИКОЛАЙ ВИТСЕН | NICOLAAS CORNELISZ WITSEN

(1674)

В конце XVII века в Европе с новой силой возродился интерес к северо-восточному морскому пути в Китай и Восточную Индию мимо северных берегов Сибири, оставленному на долгое время после неудач английских и голландских экспедиций XVI века (см. выше, стр. 165 сл., 171—184). Это стояло в связи с колониальной экспансией Англии и Нидерландов, с настоятельными запросами рынков этих государств; поводом же для возобновления этого интереса послужили новые географические данные о северных берегах Сибири, оказавшиеся в распоряжении европейцев. Хотя ко времени Алексея Михайловича относится составление любопытной записки „Описание чего ради невозможно от Архангельского города морем проходить в Китайское государство и оттуда к восточной Индии" (напечатана С. А. Белокуровым в „Чт. в Общ. Ист. и Др.", 1893, IV, стр. 13 и сл.), но сведения, доходившие об этом в Европу, были совершенно иного порядка. Интересно, что в 1674 году саксонский дипломат Лаврентий Рингубер предлагал русскому правительству обследовать речные системы северной Сибири для установления удобного морского сообщения с Китаем и что в том же году русский посол в Саксонии С. М. Протопопов вывез из г. Готы „латинскую тетрадь, в которой предлагалось царю снарядить экспедицию для северо-восточного прохода" (P. Pierling. Saxe et Moscou. Un médecin diplomate L. Rinhuber de Reinufer. Paris, 1893, p. 43—44; Relation du voyage en Russie fait en 1684 par Laurent Rinhuber. Berlin, 1883, p. 91, 132, 140; сл. ниже: Невилль). Около того же времени в западно-европейской печати опубликованы были некоторые новые данные по этому вопросу, послужившие, однако, причиной ошибки, довольно долго державшейся в литературе и картографии.

В начале 1674 года в „Отчетах" Лондонского Королевского общества („Philosophical Transactions". vol. IX for the year 1674, № 101, p. 3—4) напечатана была любопытная заметка о Новой Земле и о морских путях к Оби и далее на восток, присланная из Голландии. Анонимный автор этой заметки сообщил, что он

получил в Амстердаме письмо из Москвы от некоего тамошнего художника Panelapoetzki с приложением карты Новой Земли, вычерченной по царскому указу; данные этой карты показались ему настолько интересными, что он нашел нужным сообщить их в Лондон одному из своих ученых друзей. Автор заметки, напечатанной в лондонских „Отчетах“, давно раскрыт: это не кто иной, как Николай Витсен (1641—1717), знаменитый впоследствии автор „Северной и Восточной Татарии“ (1692).

Амстердамский бургомистр Николай Корнелисзон Витсен принадлежит к числу весьма заслуженных государственных деятелей нидерландской республики 2-й половины XVII века. Еще в молодости своей, чувствуя большой интерес к землеведению и особенно сильно интересуясь малоизвестными странами севера и востока, Витсен, по его личной просьбе, был прикомандирован к свите нидерландского посланника Якова Бореля и отправился с ним летом 1664 года в Москву, откуда вернулся на родину через год (летом 1665 года). Из автобиографии Витсена, напечатанной у P. Scheltema (Aemstels oudheid, Amsterdam, 1872, стр. 41—60), видно, что он сделал подробное описание своего путешествия в Россию. Судьба этой рукописи долго оставалась неизвестной. Так, еще В. Кордт (Отчет о занятиях в голландских архивах летом 1893 года, „Изв. Ак. наук“, 1895, июнь, т. III, № 1, стр. 114—115) писал, что „записки Витсена о пребывании его в России безвозвратно потеряны“; напротив, А. М. Ловягин в статье „Николай Витсен из Амстердама у патриарха Никона“ („Истор. Вестник“, 1899, т. 77, сентябрь, стр. 874—879) указал, что записки эти хранятся среди голландских рукописей XVII века в Парижской Национальной Библиотеке и что краткий отчет о них дал Kluyver в статье „Over het verblijf van Nicolaas Witsen te Moscou“ в „Verslagen en Mededeelingen der Koniklijke Akademie von Wetenschapen“, Letterkunde III reeks, XI (и отдельный оттиск Amsterdam, 1894); однако, насколько мне известно, полностью эти записки не изданы и доныне. В силу этого о пребывании Витсена в России долгое время распространены были самые неточные сведения. Так, Схелтема (Rusland en de Nederlanden. I, 280) сообщил о том, что Витсен, якобы, прожил в России около трех лет (из этого источника известие это попало и в русскую литературу, например, А. Н. Пыпин. История русской этнографии, т. IV, стр. 213; ранее в его статье „Сибирь и исследования ее“, Вестник Европы, 1888, март, стр. 703 и апрель, стр. 195—237; совершенно устарела также статья Клеванова: „Известие о жизни и трудах Николая Витсена“, „Временник Моск. Общ. Ист. и Древн.“ II, стр. 13—16). Высказывались и другие предположения: считали, например, вероятным, что Витсен не ограничился пребыванием в столице Московского государства и совершил путешествие к берегам Ледовитого океана, к Каспийскому

морю, что он ездил по Волге и побывал в Казани (см., например, П. Х. „Древнейшие виды Казанского Кремля". Изв. Общества археологии, истории и этнографии Казанск. университета, 1906, т. XXII, вып. 2, стр. 146—148. Ср. Н. Ф. Катанов. „Голландский путешественник Ник. Витсен и труды его о России и Азии", там же, 1901, т. XVII, вып. 4, стр. 248—249 и прилож. к проток. общ. собрания 18 дек. 1906 г.). Все эти предположения основаны были на том, что в 1664 г., будучи еще очень молодым (ему было тогда 23 года), Витсен за короткий срок не мог собрать тот огромный материал, который впоследствии составил его книгу о „Северной

Рис. 56. Сибирский шаман (из книги Н. Витсена)

и Восточной Татарии". В автобиографической записке своей Витсен рассказывает, что, будучи в Москве, он пользовался расположением и дружбою патриарха Никона, что он видел в Москве разноплеменные народы северных и восточных областей Московского государства—самоедов, татар и персиян, что он собирал разные данные для составления карты Сибири, чертил виды разных городов и т. д. Однако в течение одного года (1664—1665) все же трудно было собрать все те данные, обработкой которых Витсен занят был до 1692 года. Голландский биограф Витсена Гебхард (Gebhard. Het leven von Mr. Nicolaus Cornelius Witsen, vol. I—II. Utrecht, 1881—1882) отверг все гипотезы относительно вторичного приезда Витсена в Россию и путешествий его по окраинам русского государства и полагал, что Витсен побывал только в Москве, притом только в 1664—65 гг. „Витсен нигде не говорит о поездках

к окраинам... а употребляет только выражения „als ik in Moscow was". Говоря о Каспийском море, он никогда не заявляет, что сам посетил эти места, а постоянно ссылается на отзывы других лиц". Столь же отрицательным оказывается результат исследования Гебхарда о поездке Витсена к берегам Ледовитого океана (Gebhard, I, 418). В своей рецензии на книгу Гебхарда А. Брикнер писал: „Трудно составить себе точное и полное понятие о тех источниках, которыми пользовался Витсен во время своего пребывания в Москве при собирании данных о России и Азии. Нет сомнения в том, что близкое знакомство с патриархом Никоном могло быть для Витсена весьма полезно при достижении его научных целей. Широкое образование Никона и обширные его связи могли доставить Витсену значительные выгоды. Далее, он сам указывает на свое знакомство с представителями разных народов, находившихся в Москве. Расспрашивая самоедов, татар и пр. о состоянии их родины, о нравах и обычаях народов, обитавших на севере и востоке, и тщательно записывая их рассказы о географии и этнографии разных стран, он мог оказать науке существенную услугу. Далее, мы знаем, что Витсен находился в сношениях с разными лицами, проживавшими в России и отличавшимися замечательными сведениями; таковы были, например, резидент Генеральных Штатов Келлер, далее, известный промышленник, администратор и дипломат Виниус и пр. При таких связях человеку, многосторонне образованному, преданному науке, легко было собрать богатый материал для изучения северных и восточных стран, мало известных современникам Витсена" (ЖМНПр. 1883, № 4, стр. 322—323). Последующие исследования установили, что у Витсена по возвращении в Голландию было много русских корреспондентов. Еще, по свидетельству Миллера (Samml. Russ. Gesch., Bd. I, S. 202), Витсену, при собирании сведений о Сибири, особенно много помогал думный дьяк Андрей Андреевич Виниус, о котором он, однако, не упоминает (от Виниуса Витсен получал, несомненно, и картографические и иллюстративные материалы; ср. М. В. Доброклонский. Книга Виниуса—Памятник русского собирательства XVII—XVIII в., Изв. Ак. наук, 1929, № 3 стр. 215—230); использовал Витсен также сочинение Юрия Крижанича о Сибири (см. С. А. Белокуров. Юрий Крижанич в России, М., 1902, стр. 7—8 и приложение II „Известия Крижанича о Сибири у Витсена", стр. 19—27). В 50-х годах Спасский („Сведения о реке Амуре в XVII ст.", Вестник И. Р. Географ. Общ., т. VII, 1853, отд. II, стр. 17 сл.) издал найденное им в собрании рукописей XVII в. „Сказание о великой реке Амуре, которая разгранила русское селение с Китайцы", очевидно, составленное еще до Нерчинского трактата 1689 г., в котором надо признать один из русских источников, которыми пользовался Витсен, т. к. сообщенные в нем сведения

повторяются у Витсена в дословном переводе (А. Шренк. Об инородцах Амурского края, т. I, стр. 99 прим.). Кроме того, мы знаем, что от „некоего господина, проживавшего в Архангельске". Витсен получил „описание самоедов Новой Земли", из Соликамска—сведения о путях из Сибири, из Тобольска—сообщение „относительно русского христианства в Китае", целый ряд материалов из Селенгинска, Мангазеи и т. д. (см. С. В. Бахрушин. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII ст., М., 1928, стр. 181. К числу корреспондентов Витсена следует причислить и того „московского живописца", на которого он ссылается в своей статье 1674 года в „Сообщениях Лондонского Королевского Общества".

Что касается принадлежности этой анонимной статьи Н. Витсену, то в этом не может быть никаких сомнений, так как сам Витсен два раза заявил о своем авторстве в письмах к Р. Соутвелю (R. Soutwell) 1691 г. и Х. Кюперу 1715 г., напечатанных у Гебхарда (II, 252 и 442), напрасно только В. А. Кордт полагает, будто остается неясным, кому было послано это письмо: непосредственно ли редактору „Отчетов" Генриху Ольденбургу или Исааку Фоссиусу, который и устроил их напечатание; Витсен послал свою заметку непосредственно к Г. Ольденбургу, что видно из заметки редакции журнала, притом, вероятно, в первые месяцы 1674 г., по английскому же календарю того времени—в 1673 г. (год начинался тогда в Англии первого марта). см. В. А. Кордт. Материалы для истории русской картографии, вторая серия, вып. I, Киев, 1906 г., стр. 22—23; H. Michow. Weitere Beiträge zur älteren Kartographie Russlands—„Mitteilungen d. Geogr. Gesellsch. in Hamburg" XXII, 1907, S. 157—159). Относительно же „московского живописца", который сообщил Витсену карту Новой Земли и Вайгача, я уже представил в другом месте доказательства того, что этим лицом не мог быть никто иной, кроме придворного живописца царя Алексея Михайловича Станислава Антоновича Лопуцкого, зачисленного на службу в 1656 г. и прослужившего в этой должности до своей смерти, в октябре 1669 г. (см. мою статью: „Один из русских корреспондентов Ник. Витсена. К истории поисков морского пути в Китай и Индию в XVII веке" в сборнике: „Сергею Федоровичу Ольденбургу к 50-летию научно-общественной деятельности". Изд. Ак. наук. СССР. Лгр., 1934, стр. 51—60).

Витсен пишет, что Лопуцкий недавно послал ему карту из Москвы (sent it me from Mosco for a present), и, с его слов, называет эту карту: „a new Mapp of Nova Zembla and Weigats, as it hath been discover'd by the express order of the Czar". Но так как Лопуцкий умер в октябре 1669 года, то карта, которую он имеет в виду, есть, конечно, не что иное, как „Чертеж Сибирския

земли", изготовленный „по указу царя Алексея Михайловича" -
стольником и воеводою тобольским Петром Ивановичем Годуно-
вым в 176 (1667 г.), о котором С. Ремезов в своем атласе гово-
рит: „се первое чертежное описание Сибири от древних жителей,
и сему чертеж учиниша и печати предаша, и по сему отчасти Си-
бирь означися". Эта первая дошедшая до нас русская карта, как
известно, долгое время была знакома исследователям лишь в ино-
странных копиях—шведских и немецкой (Класа Иогансена Прютца,
Фрица Кронемана, Эрика Пальмквиста и Г. А. Шлейсинга); лишь
в 1914 году Л. С. Багрову удалось разыскать русскую копию ее в
одном из четырех вариантов рукописного атласа С. Ремезова (см.
Л. С. Багров. Карты Азиатской России. Историч. заметки. Пгр.,
1914, стр. 10—12; Л. С. Берг. Очерк русской географической
науки. Л., 1929, стр. 22. Подробно литература об этой карте
указана в атласе В. А. Кордта „Материалы по истории русской
картографии", вторая серия, вып. I, Киев, 1906; ср. И. И. Лаппо.
Отзыв о труде Кордта, Юрьев, 1908, стр. 15; А. Титов. Сибирь
в XVII веке, стр. 23—38). Ни один экземпляр подлинника, хотя он
и был напечатан, до нас не дошел. Изучая эту единственную до-
шедшую до нас русскую копию Годуновского „Чертежа" и со-
поставляя ее с иностранными копиями, мы неизбежно придем к
заключению, что Лопуцкий сообщил Витсену деталь именно этой
карты. Легенда карты для всей своей северной части (изображен-
ной внизу) очень скудна и полна ошибок. Название „Новая Земля"
написано на северном берегу материка, и это, действительно, дает
повод сделать заключение, что она примыкает к нему в виде полу-
острова. Виною тому является не столько графическая беспо-
мощность художника, чертившего эту карту, сколько совершенно
специальные цели, ради которых она была выполнена: чертеж
изготовлялся „для высмотра" стольника и воеводы, какие крепости
и где поставить, притом, за „свидетельством всяких чинов людей",
которые опрашивались в „сибирских во всех городах и острогах";
поэтому главное внимание обращено было не на изображение
морских берегов Сибири, которые означены здесь более чем при-
близительно, а на центральные части страны и на ее восточные
и юго-восточные пограничные области. Правда, на карте, опубли-
кованной Витсеном, Новая Земля изображена подробнее, чем на
Годуновском „Чертеже". Значит ли это, что Лопуцкий копировал
для Витсена более полную карту, чем ту, с какой свою копию
снял Ремезов? В этом можно усомниться. Напротив, у нас есть
возможность предполагать, что Витсен внес самостоятельные ис-
правления в чертеж, сообщенный ему из Москвы, так как в своей
лондонской корреспонденции он комментирует карту при помощи
сообщений „татар" и „самоедов", которые едва ли ему мог доста-
вить московский живописец. Витсен же в это время уже собирал

материал для своего замечательного труда. Как известно, Витсен посетил Москву в 1664 г., то есть в то время, когда Лопуцкий уже занимал должность придворного живописца. Повидимому, тогда же состоялось и их знакомство. Весьма вероятно, что уже в то время Лопуцкий мог сообщить Витсену кое-какие картографические материалы, имея доступ к ним и по должности и по характеру своей деятельности. Строить предположения о количестве и качестве материалов, переданных Лопуцким Витсену, пока преждевременно, хотя нет ничего невероятного в том, что роль Лопуцкого, как корреспондента Витсена и его информатора, не ограничилась посылкой ему карты Новой Земли; ведь мог же он через несколько лет, по отъезде Витсена из России, посылать ему в Амстердам такие материалы, которыми русское правительство неохотно делилось с иноземцами! Естественно в то же время, что Витсен должен был дорожить своим знакомством с Лопуцким, как с очень полезным для себя человеком. Деталь Годуновского „Чертежа" Лопуцкий мог послать Витсену не ранее зимы 1668 г. (когда он должен был быть получен в Москве) и не позже сентября 1669 г.; Витсен же получил его, видимо, не очень скоро, так как его письмо в Лондон было отправлено в самом конце 1673 г. или начале 1674 г.

Момент, в который заметка Витсена была напечатана в Лондоне, чрезвычайно способствовал ее быстрому распространению среди читателей. Около того же времени и в Англии вновь принялись было за решение вековой проблемы.

В 1676 г. опытный английский моряк Джон Вуд (John Wood), незадолго перед тем совершивший с капитаном Narborough путешествие в Чили, решил испытать счастье, путешествуя в северных морях, и подал королю Карлу II и герцогу Иоркскому (впоследствии Якову II) докладную записку о желательности снаряжения специальной экспедиции к берегам Новой Земли—„for the discovery of a passage to the East Indies by the North East, sayling about Nova Zembla and Tartary and so to Japan". Свой план капитан Вуд основывал на известиях голландских моряков, Баренца и К. Рипа, и на собственных догадках, на которые его натолкнули самостоятельные изыскания. Проект Вуда был принят, и вскоре под его начальство отдан был специально снаряженный для продолжительного полярного плавания фрегат „Преуспевающий" („Speedwell"), которому герцог Иоркский, в компании с другими английскими лордами, прибавил небольшое судно „Prosperous" под командой W. Flawes'a; оно также должно было отправиться в экспедицию, сопровождая фрегат Вуда (James Burney. A chronological history of north—eastern voyages of discovery and to the early eastern navigations of the Russians. Lond., 1819, p. 78. История экспедиции Wood'a и Flawes'a. Ibid., p. 80—83.

Ср. М. С. Боднарский. Великий северный морской путь. М., 1926, стр. 43—46; ср. Ф. Д. Студитский. Участвовали ли русские в открытии прямого пути из Европы по Северному океану в устья сибирских рек и в Японию? (Тр. С. Петерб. отд. о-ва для содействия русскому торговому мореходству 1879 года. СПб., 1880, стр. 397). 16 мая 1676 г. корабли вышли из Темзы. Достигнув Новой

Рис. 57. Быт сибирских туземцев (из книги Н. Витсена)

Земли в конце июня месяца, корабли натолкнулись на сплошной лед. 29 июня „Speedwell" попал на подводный камень и разбился; команда фрегата едва спаслась и то лишь благодаря помощи с „Prosperous'а", которая подоспела только через 10 дней. Потер-

пев неудачу, Джон Вуд вернулся в Англию, окончательно потеряв надежду на открытие искомого пути.

Известие об этой экспедиции мы находим в изданной книгопродавцами Samuell Smith и Benjamin Wolford книге: „Рассказ о различных последних путешествиях и открытиях на юге и севере“ (Account of several late voyages and discoveries to the South and North. By Sir John Narborough, capitain Jasmen Tasman, capitain John Wood, and Frederick Marten of Hamburgh. London, 1694. Другие издания названы в указателе: J. Chavanne, A. Covrpf, Sr. Monnier. Die Literatur über die Polar regionen der Erde, Wien, 1872, среди них значится и издание London, 1674, едва ли существующее. Выдержку из дневника Вуда см. еще у D. Barrington. The possibility of approaching the North—Pole asserted, 2 ed., Lond., 1818, p. 34 sg; M. T. Heuglin. Reisen nach dem Nordpolarmeer. Braunschweig, 1873, II, S. 183—184; A. Nordenskiöld. Umsegelung Asien und Europas auf der Vega, Lpz., 1882, Bd. I, S. 231—238). Интересующее нас путешествие изложено здесь капитаном Джоном Вудом (p. 143—154) и носит следующее заглавие: „Известие о путешествии для открытия северо-восточного прохода в Японию и Китай, предпринятое на кораблях его величества „Преуспевающий“ („The Speedwell“) и „Благоприятный“ („Prosperous“) в 1676 году“; к этому приложен также веденный кап. Вудом судовой журнал (от 28 мая по 23 августа 1676 г., p. 155—169). Из обеих статей мы узнаем, что кап. Джон Вуд решил еще раз попытать счастья в открытии северо-восточного прохода, к чему побудило его, по его словам, 1) мнение В. Баренца; 2) указанная заметка, напечатанная в „Отчетах“ Лондонского общества, в которой, на основании письма из Москвы, утверждалось, что Новая Земля не остров, но что она прилегает к материку и что на север от нее находится открытое море. Только на месте Вуд должен был удостовериться, что известие это ошибочно; впрочем, уезжая обратно, после тяжелых и бесплодных трудов, он безнадежно замечал: „доказательство, что Новая Земля или остров или составляет часть татарского материка, является тяжелым трудом, на который, конечно, едва ли кто-либо отважится“ (p. 193). Дневник путешествия, равно как напечатанное ниже известие спутника Дж. Вуда, кап. Флоуэса (Flawes, p. 171—183), представляют известный интерес; однако мы не помещаем отрывков из них, так как здесь ничего не говорится о Сибири. Зато мы приводим ниже, в русском переводе, указанную заметку Витсена из „Отчетов“ Лондонского общества. Заметка эта перепечатана в английском подлиннике в статье H. Michow'a (Weitere Beiträge, S. 158—159); ранее она была перепечатана в издании С. де Фриса: Noordsche wereld, Amst., 1685, p. 138—139, в немецком же переводе в книге Р. Капеля: R. Capel. Norden, oder zu Wasser und Lande im Eise und Schnee

mit Verlust Blutes und Gutes zu Wege gebrachte und fleissig beschriebene Erfahrung und Vorstellung des Norden etc., Hamburg, 1678, S. IV—V отдельной пагинации приложения: Ein kurzer Discours von der Schiffahrt bei dem Nord-Pol nach Japan, China, und so weiter (об этой книге см. выше, стр. 248); указаний на вызванное статьей Витсена—Лопуцкого путешествие кап. Вуда ни у Фриса,

Рис. 58. Деталь карты Сибири Джакомо Кантелли 1683 г.

ни у Капеля, естественно, нет, так как его дневники были опубликованы лишь значительно позже; нет их, однако, и у Михова. Что статья Витсена пользовалась большой популярностью, видно из того, что на нее ссылались не только географы, но она послужила даже основой для исправления европейских карт Азии. В. А. Кордт и H. Michow указывают, что на ряде европейских карт 70-х—80-х

годов XVII в. Новая Земля изображена в виде большого полуострова, примыкающего к азиатскому материку: такое изображение мы видим, например, на карте „Tartaria“ в маленьком атласе Joh. Janson'a (Amsterdam, 1676), далее на картах Cantelli („La Gran Tartaria divisa nelle sue parti principale da Giacomo Cantelli da Vignola“. 168), Ф. Клювера „Tartaria sive Magni Chami Imperium“, в Phil. Clüver's „Introducto in Universam geographicam“ (Amsterdam, 1683) и т. д. Не может быть никакого сомнения в том, что источником этого ошибочного представления действительно является именно указанная корреспонденция Витсена.

Попытки отыскать северо-восточный проход, как известно, на этом не прекратились. Так, например, в 1732 г. англичанин Джон Эльтон, служивший в России при Оренбургской экспедиции морским капитаном, подал русскому правительству проект „об изыскании корабельного ходу от Архангельского города около Новой Земли в Японию, Китай, Индию, Америку“, в которой доказывал, что „имеется море, которое ведет от Архангельского города до Япона, Китая, Индии и Америки и до прочих, которым на кораблях ходить можно и с успехом; что вероятнее есть, от Европы дойти до самых норд-остовых берегов России и Татарии, с вящим успехом и меньшими проторьми водою, нежели сухим путем; что сие может учинено быть, что никоторая морская держава о том не сведает..., что можно способнее коммерцию в Япон, Китай, Индию и Америку и в прочия отправлять из Архангельского городу, нежели из другого какого порта Балтического моря и с меньшею опасностью и препятствием“ (В. Н. Александренко. Реляции кн. Кантемира из Лондона, 1732—1733. М., 1892, стр. 62; П. А. Остроухов. Англо-русский торговый договор 1734 г. Труды студентов экономич. отд. С. Петерб. Политехнич. института, № 13, СПб., 1914, прилож. IV, стр. 203—204); еще в сентябре в 1763 г. Ломоносов подал свою известную записку: „Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию“, которые были причиной двух русских неудачных экспедиций 1765—1766 гг. (М. С. Панченко. Забытый проект М. В. Ломоносова „Показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию“, „Летопись Историко-филологическ. общества при Новоросс. университете“, XIII, Одесса, 1905, стр. 227—242. В. Н. Меншуткин. М. В. Ломоносов. СПб., 1911, изд. 2-е; И. А. Тихомиров. Деятельность М. В. Ломоносова в области географии России. ЖМНПр., 1915, № 4, стр. 264—281). Как известно, задача разрешена была впервые лишь в 1878 г. экспедицией А. Э. Норденшильда.

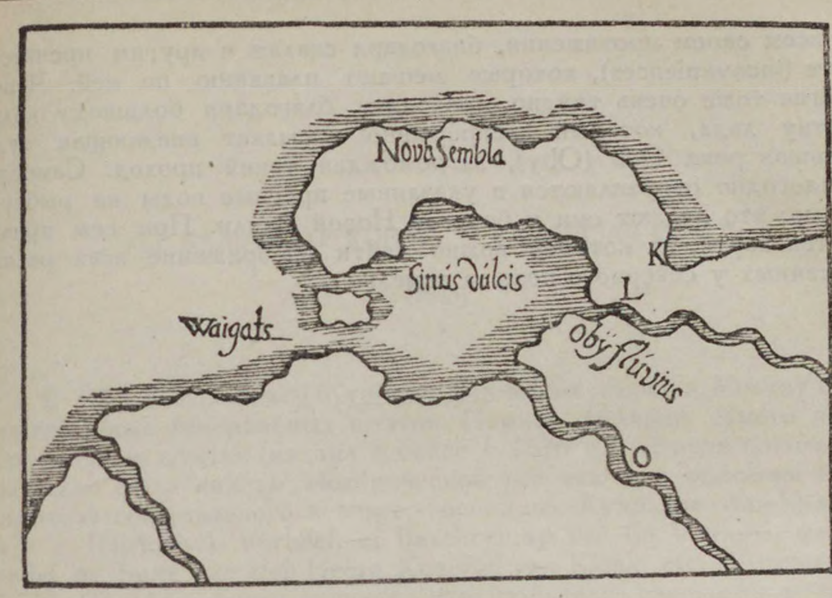

Рис. 59.

Письмо и карта, недавно присланные издателю следующим человеком из Амстердама и содержащие правдивое описание Новой Земли, с указанием, как можно воспользоваться ее формой (Shape) и местоположением.

Сэр.

Настоящим посылаю Вам, полученную мною из Москвы, новую карту Новой Земли и Вайгача (Weygats); последняя выполнена по точному приказу великого князя и была срисована живописцем по имени Лопуцкий (Panelapoetzki), который любезно препроводил ее мне. Из нее вы усмотрите, что Новая Земля вовсе не остров, как полагали доныне, и что Ледовитое море вовсе не море, но только морской залив, имеющий пресную воду, о чем в качестве достоверного известия сообщили нам также татары, которые пробовали воду в самой середине этого залива. Самоеды, так же как и татары, согласно утверждают, что, проехав на большое расстояние по ту сторону Новой Земли, можно было бы доплыть до самой Японии. Большая ошибка англичан и голландцев заключалась именно в том, что они хотели достигнуть Японии мимо южных берегов Новой Земли, обычно проходя Вайгачским проливом. Буква О, поставленная на чертеже, на большой реке Оби, указывает на местонахождение водопада. Буква К показывает, в каком месте Новая Земля прилегает к материку. Река, обозначенная буквой L, течет в направлении Хины (China) и называется Китайя (Kitaie), но судоходна не

на всем своем протяжении, благодаря скалам и другим препятствиям (incoveniences), которые мешают плаванию по ней. Через Вайгач тоже очень трудно проходить, благодаря большому количеству льда, который беспрерывно посылает впадающая туда большая река Обь (Oby), загромождая узкий проход. Самоеды каждогодно отправляются в указанные пресные воды на рыбную ловлю; это делают они у берегов Новой Земли. При сем прилагается карта, на которой можно найти изображение всех расположенных у северного полюса земель.

XLI. БАЛЬТАЗАР КОЙЭТ | BALTHASAR COJET

(1675)

В 1675 г. голландец Кунраад фан-Кленк ездил в Москву в качестве посла генеральных штатов. Помимо реляции самого посла генеральным штатам (издана в Гааге в 1676 г.), об этом посольстве написана была книга: „Исторический рассказ или описание путешествия, совершенного в свите господина Кунраада фан-Кленка“ и т. д. (Historisch Verhael, of Beschryving van de Voyagie, gedaen onder de Suite van den Heere Koenrad van Klenk, etc. t'Amsterdam, 1677). Издатель книги заявлял, что любители рассказов о путешествиях должны благодарить за нее „одного из дворян свиты“ Кленка. Исходя из этого указания и из сопоставлений различных намеков в тексте книги, А. М. Ловягин убедительно доказал, что автором ее был богатый нидерландский купец из дворян—Бальтазар Койэт (Balthasar Coyet), ездивший с посольством в Московию и описавший путешествие на основании подробного дневника посольства и собранных им самим наблюдений (см. А. М. Л[овягин]. Голландец Кленк в Московии. „Историч. Вестник“, 1894, № 9, стр. 788—791; по типографской ошибке Койэт всюду здесь называется Койстом). Однако, уже и предшествующие исследователи, не догадываясь об авторе, отмечали интерес этой книги как исторического источника: так, напр., она названа у C. Meiners'a (Vergleichung etc. I, S. 29, 225, 275, 318, 364, II, 267); одну страницу посвятил ей A d e l u n g (Kr.-Lit. Übersicht, I, 359—360); впоследствии Е. Замысловский уже обратил внимание на то, что в ней содержатся весьма важные материалы для русской истории конца XVII века (царствование Федора Алексеевича, I, 204 прим.). В полной мере значение сочинения Койэта раскрылось, однако, только тогда, когда голландский текст его весьма редкой книги, вместе с русским переводом en regard А. М. Ловягина, был издан Археологической комиссией: „Посольство Кунраада фан-Кленка к царям Алексею Михайловичу и Федору Алексеевичу“. Пб. 1900 [выдержки из этого перевода были даны Ловягиным еще в „Русской Старине“. 1893, № 12], откуда мы и заимствуем нижеследующий отрывок (гл. XI, стр. 340—342), а также в значитель-

ной степени и сопровождающие его примечания переводчика. Характеристика Сибири, сделанная Койэтом, несмотря на свою краткость, все же довольно интересна, так как в ней дано несколько свежих в европейской литературе данных, напр., о Байкале, о Селенгинске, Монголии и Амуре; все эти сведения собраны автором в Москве.

Описание области Сибирь и указание, как из Москвы ездить туда и дальше

Сибирь, могучая область Московии, лежит в сторону реки Оби, между Кондориею, Лукоморьем и Пермью; это хорошая плодородная страна, громадного протяжения, покрытая многими лесами, состоящими из разнообразных деревьев: березы, сосны, липы, кедра, можжевельника и др. Здесь находятся и разные реки, как-то: Баранча, Тагил, Тура, Исеть, Иртыш, Обь, Катунь и многие другие, на берегах которых много деревень, довольно густо населенных. Река Катунь шириною в 300 сажен и имеет очень быстрое течение. В этой стране много разных животных, птиц и рыб; много семги и известных других сортов рыб, которые называются осетрами, стерлядью, нельмою, тайменем. Здесь также много гор с железом, а некоторые думают, что тут находятся горы и с другими металлами. Эта страна, которая в иных местах на локоть высотою покрыта черноземом, плодородна и дает разнообразные ягоды, имеющие разные странные названия. Здесь находят чернику и известный особый сорт бадиана, называемый по-латински Anisum Stellatum, т. е. звездистый анис. Здесь имеется также много винограду, яблоков и слив. В этой стране много деревень, жители которых на судах, называемых стругами, сносятся друг с другом и перевозят свои продукты с одного места на другое. Тобольск, главный город этой области, ведет, сообразно своему положению, большую торговлю.

Из Москвы в Сибирь ездят по рекам: Москве, Оби, Каме, Чусовой и Серебрянке; отсюда приходится 20 верст или около 4 миль итти по суше до р. Баранчи, Тагила и Туры, из которых последняя впадает в большую реку Тобол; на этой реке расположен большой город Тобольск, куда деревни, лежащие по названным рекам, свозят свои продукты на стругах. Все эти реки изобилуют рыбою, и страна вокруг них родит много хлеба. Около Верхотурья живут люди, называющиеся вогулами, а вокруг Тобольска — татары, остяки и вогулы, живущие все без законов и создающие себе богов, каких пожелают, из сотворенных вещей. Из столицы Сибири, Тобольска, едут водою по большим рекам: Иртышу, Оби и Кети до Енисейского в течение 10 недель, на больших судах, а в течение 3 дней сушею, через пахотную землю; от Енисейска

же на судах поднимаются через стоячую воду Байкал и реки, вплоть до Селенгинского. Эти места населены подданными его царского величества; путешествие это продолжается 8 недель. От Селенгинского до владений Китайских (Катая) живут монгольские народы; здесь приходится итти с товарами целый месяц. Предполагают, что эти люди охотно стали бы платить подать его царскому величеству, как только у них ее потребуют, тем более, что несколько времени тому назад их послы были в Москве. Эти

Рис. 60. Тунгусы (из книги И. Идеса)

народы, живущие от Селенгинского до Китая, миролюбивы и тихи и торгуют с населением Китая (Катая). Как уже сказано, здесь скота, птицы и рыбы изобилие, равно как и ревеня, индиго, красного дерева и квасцов. От Селенгинского, по реке Хилке, путешествуют две недели до Даурии, до большой реки Амур, по которой в два дня пути можно дойти до Великого океана, а оттуда на кораблях можно отправиться на Никанские острова, которые

недалеки и отличаются теплым климатом. В городках Лавкаевском и Албазине, находящихся под охраною его царского величества, было около 300 человек, которые предприняли здесь ловлю прекрасных соболей и обработку земли; последняя тут так плодородна, что, как говорят, от одного посеянного фунта ржи можно собрать 40 пудов (каждый в 40 русских фунтов) хлеба. От реки Амур, отделяющей владения его царского величества от владений чжунгарских калмыков, можно в течение 8 дней доехать до знаменитой Китайской (Синской) стены и таким образом приехать в это государство. Однако, в сторону бухарских татар владения его царского величества отстоят дальше от названной стены, а поездка через страну монгольских калмыков берет добрых 30 дней и ведет большею частью через пустынные и безводные местности.

ПРИМЕЧАНИЯ

разные реки, как-то: Баранча, Тагил, Тура, Исеть]. Баранча—левый приток р. Тагила; Тагил—правый приток Туры (системы Оби), беруший начало в Уральском хребте; Тура также берет начало на восточном склоне Урала, течет мимо Верхотурья, Туринска и Тюмени и вливается с левой стороны в р. Тобол; Исеть—левый приток Тобола. По Баранче и Тагилу плыл Ермак в 1580 г.

Река Катунь шириною в 300 сажен]. Катунь вытекает двумя истоками с южного склона горы Белухи, на Алтае, из Катунского ледника, ниже г. Бийска соединяется с р. Бией, образуя р. Обь. Течение ее быстрое, порожистое, по каменистому ложу; ширина—меньше, чем указывает Койэт,—от 3 до 150 сажен.

некоторые думают, что тут находятся горы и с другими металлами]. Поиски руд в Сибири только что начинались; сл. рассказ Ю. Крижанича (1680). А. Титов. Сибирь в XVII веке, М., 1890, стр. 191—194; М. П. Пуцилло. Указатель делам и рукописям, относящимся к Сибири, М., 1879, стр. 35.

особый сорт бадиана] сл. выше: Коллинз.

Много винограду]. «Особый сорт винограда (Vitis amurensis Rupr.),—замечает А. Ловягин,—встречается в Амурской области и далее к Великому океану». Ср. Ю. В. Бранке и Е. И. Любарский. Сок и вино из амурского дикого винограда. Труды Дальневосточного гос. университета, серия 5, вып. 4 (Владивосток, 1927). О плодовых деревьях в южной Сибири см. выше, Коллинз, стр. 379.

Чусовой и Серебрянке]. В подлиннике, по словам А. М. Ловягина—опечатка: Tars Rowa вм. Tsoessowa. Серебрянка—приток р. Чусовой. Койэт описывает один из существовавших путей с Камы за Урал: он шел по притоку Камы, Чусовой, «до устья впадающей в нее реки Серебрянки, по Серебрянке до Тагильского волока, волоком в 25 «поприщ» на р. Жеравлю, из р. Жеравли в Баранчу, из Баранчи в Тагил и из Тагила в Туру» (Сибирские летописи, изд. Арх. Ком. СПб. 1907, стр. 11, 216. 314; Н. П. Загоскин. Русские водные пути и судовое дело в допетровской Руси. Казань, 1910, стр. 198—199). Имелся, кажется, и другой вариант того же пути по притоку Чусовой—Сылве (Архангелогор. Летопис., стр. 177—178; А. Дмитриев. Пермская старина, вып. I, стр. 192). «Путем в Сибирь по Чусовой, повидимому, пользовались уже казанские татары для сношений с Тюменью. Этим же путем в течение всего XVI в. производились зауральскими инородцами набеги на пограничные русские области». (С. В. Бахрушин. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. М., 1928, стр. 90). Однако, ко времени рассказа Койэта были распространены другие, более удобные пути из России в Сибирь.

Из столицы Сибири, Тобольска, едут водой...]. О путях из Тобольска в Восточную Сибирь см. С. В. Бахрушин, op. cit. стр. 110 и сл.

ревеня, индиго, красного дерева]. Сведения Койэта неточны; здесь названы товары, получавшиеся из Китая и даже из Индии,—ревенный корень (Rheum L.), индиго—вероятно лакмусовый лишай (Lecanora tartarea), содержащий сильное красящее вещество и т. д.

до Даурии]. Имеется в виду Верхне-Амурский край.

по реке Хилке]. Имеется в виду Шилка, одна из двух рек, составляющих Амур; сл. ниже: Г. фон Горн, Жербильон. «Форма Хилка»,—замечает А. М. Ловягин (в «Истории р. Амур». 1859, стр. 78); однако, здесь употребляются обе формы; про Афанасья Пашкова, строителя Нерчинска, сказано, что он «проехал чрез Байкал и Селенгою рекою и, оставив Селенгу, плыл рекою Хилком до Иргенского острога 4 недели», на Ингоде же «сделал новые большие досчанки и плыл вниз по Ингоде и по Хилку до устья Нерчи реки 3 сутки, и тут построил Нерчинский острог меж рек Нерчи и Шилки»... «и тут Онон впадает в Ингоду, и в том месте те обе реки потеряют имена своя и именуются однем именем—река Шилка» (А. Титов. Сибирь в XVII веке, стр. 106). Койэт имеет в виду не Хилку, каковое имя, действительно, имеет одна из небольших речек Амурской области (А. Кириллов. Географический и статистический словарь Амурской и Приморской областей. Благовещенск, 1894, стр. 477), но именно Шилку.

на кораблях можно отправиться на Никанские острова]. «Никанское царство, про которое кое-что «слухом слышали», упоминается и в «Наказе Афанасию Пашкову на воеводство в Даурской земле» 1655 г. («Русск. Ист. Библ.», т. XV, стр. 3 сл.),—замечает А. М. Ловягин.—Это наверное Япония (туземное название Ниппон)». Не могу согласиться с этим предположением: имеется в виду не Япония, которая в русских источниках XVII века была известна именно под этим именем (сл. у Спафария 1675 г.: «остров зело велик, именем Иапония», «Епонский остров» — Ю. В. Арсеньев. Путешествие... Н. Спафария, СПб., 1882, стр. 153), а именно Китай. Один китайский солдат, взятый в плен русскими в 1652 г., рассказывал на допросе Хабарову, что народ, к которому он принадлежит, называется у манчжуров Никан (Müller. Samml. Russ. Gesch., II, S. 325; Дополн. к Акт. Историч., т. III, стр. 367). «Витсен также знал об этом имени из русских источников и неоднократно упоминает о нем, приводя и его этимологию. Оно взято будто бы с китайского языка и значит: «негодный, нелепый, неловкий, неуклюжий», или «холоп» и «мужик». Так, в изд. 1705 г., стр. 64 он говорит, что татары (нюйчжи), завоевавшие Китай, из презренья дали китайцам имя «никаны» или «никандры», означающее на китайском языке «холоп» или «мужик». В устах таких надменных завоевателей, как манчжуры, подобное название для покоренного народа представляется вполне естественным. Впрочем, как бы то ни было, а имя никан для китайцев перешло, с малыми видоизменениями, от манчжуров ко всем остальным инородцам Амурского края» (Л. Шренк. Об инородцах Амурского края. СПб., 1883, т. I, стр. 195—196). Ехавший в Китай Н. Спафарий в 1675 г. встретился в Енисейске с недавно приехавшими туда из Китая русскими торговыми гостями; они передавали Спафарию, что в Пекине «торг их был зело некорыстен против прежнего, для того, что у китайцев началась война с никанским царством» (здесь идет речь о восстании южных провинций Китая против манчжурской династии, которым руководил У-Сань-Гуй, оно было окончательно усмирено лишь со смертью последнего в 1679 г.) «И то никанское царство,—замечает Спафарий,—нет иного опричь старого китайского царства, потому что ныне есть лет с тридцать завладели китайским царством татары, а поколение царское бежало в дальние приморские китайские страны, и то ныне называют богдыхановы татары никанским царством. И ныне собрали они, никанские, войска, и посылал против них богдыхан дважды по сороку тысячу и все по-

биты от никанских. И ныне собирают новое войско и хотят посылать на никантов» (Путешествие. Изд. Арсеньева, стр. 170, 160). Точную справку о том, что называлось у нас «Никанским царством» дает также «Описание Сибирского царства» (1683): «А от Китайского государства на левую сторону, к востоку, к море-океану, великое государство, китайским языком нарицают Никанское, иные же нарицают Великая Хина... И то государство Никанское паче Китайского государства зело людьми и богатством, златом и серебром и каменьем драгим, шелком, камками и всякими алканы, благовонными травами и шафраном изобилствует; мужеской и женской пол перед китайскими людми зело чист; и ныне он, никанской царь, с китайским царем воюются, а китайский царь чрез свое Китайское царство русских людей с товары для торгу не пропущает» (А. Титов. Сибирь в XVII в., М, 1890, стр. 86, 87, 101). И. И. Лаппо («Отзыв о труде В. А. Кордта: Материалы по истории русской картографии и т. д.». Юрьев, 1908, стр. 16—21) кратко описал неизвестный до того чертеж Сибири, хранившийся в Военно-Ученом Архиве Главного Штаба: «Чертеж всей Сибири до Китайского царства и до Никанского»; наверху карты означены «царство Никанское» (рисунок большого города, с зубчатою стеною впереди), царство китайское и «города бухарские» (Ср. «Материалы Военно-Ученого Архива», Картографические материалы, вып. V, стр. 95, где эта карта почему-то обозначена 1537 г.); по поводу этой карты Лаппо замечает: «Перед нами, несомненно, копия со старинной карты Сибири, а не ее оригинал, копия, сделанная в XVIII ст., повидимому, иностранцами... исходным пунком для определения времени составления карты Архива может служить обозначение на ней Никанского царства, то есть Японии». Выше показано, насколько такое толкование не соответствует истине.

В городках Лавкаевском и Албазине]. «Название Laphajest у Койэта,—замечает А. М. Ловягин,—кажется, можно понять лишь в смысле «Лавкаева» или «Лавкаевского городка». Это предположение совершенно правильно. Под «Лавкаевским городком» или улусом (в «Чертеже всей Сибири»—«Лапкаев городок»—см. А. Титов, op. cit., стр. 33) подразумевается одно из укрепленных местечек даурского князя Лавкая на Амуре. «Оно находилось на левом берегу Амура, у устья реки Урки, на месте, где теперь расположен Игнашинский поселок Амурской области, и было обнесено рвом, валом и деревянной стеною с башнями. Во время первого похода Хабарова на Амур в 1650 г. укрепление это было покинуто даурами, которые, узнав о приходе русских, бежали в ниже расположенные по Амуру места. Поэтому Хабаров, который нашел здесь много спрятанного жителями в ямах хлеба, занял его и, отправляясь в Якутск за подкреплением, оставил для охраны его 50 чел. из своей команды. В отсутствие его дауры напали на этот городок, но были отбиты казаками с успехом. Позднее, в 1672 или 1673 г., на этом месте основана была земледельческая слобода Игнашино» (А. Кириллов. Географическо-статистический словарь Амурской и Приморской областей. Благовещенск, 1894, стр. 223). Одним из трех городков Лавкая был также г. Якса, переименованный русскими в Албазин. В «Списке с чертежа Сибирския земли»: «А Амуром-рекою вниз, мимо устья реки Черныя до устья реки, где бывает Лапкаев город, а ныне зовется Албазинской острожок» (Титов, op. cit., стр. 45. Ср. И. И. Лаппо, op. cit., стр. 20 сл.) сл. ниже: Жербильон.

можно собрать 40 пудов хлеба] «чрезвычайно преувеличено,—замечает А. Ловягин. Высшая для Сибири цифра—200 пудов ржи с десятины при высеве пудов в 10». В заключение отметим, что в главе 10-й книги Койэта, в весьма спутанном рассказе о Строганове (ср. замечания А. М. Ловягина, стр. 339), сказано: «Он (Строганов) первый открыл Сибирь великому царю и доставил ему власть над нею. Это земля—золотое дно его царского величества, как видно из следующего наглядного примера, который я здесь приведу. В Сибири есть река, называющаяся Леною, которая ежегодно доставляет налогов соболями на 90.000 рублей или дукатов» (стр. 340).

XLII. ГИЛЬДЕБРАНД ФОН ГОРН | HILDEBRAND VON HORN

(1684)

Гильдебранд фон Горн (р. в Киле 16 августа 1655, ум. в Сериго 8 окт. 1686 г.)—датский дипломат и политический деятель. Свою дипломатическую карьеру Горн начал в качестве секретаря Фридриха фон Габеля (см. о нем, стр. 330—335), приезжавшего в Россию в 1676—1678 гг., а в 1681 г. сам был назначен послом в Москву от датского короля Христиана V, где и пробыл с мая по декабрь месяц этого года (Moller. Cimbria Literata, p. 261—262; Г. Форстен. Датские дипломаты при русском дворе—ЖМНПр. 1904, № 10, стр. 67—84). В 1682 г. Горн в третий раз приехал в Москву, в качестве посланника, и оставался здесь до 1684 г. Интересно отметить, что Горн во время пребывания своего в Москве настолько хорошо овладел русским языком, что даже мог писать русские стихи, что стало известно и в придворных кругах. В своем донесении в Данию в декабре 1681 г. Горн, между прочим, рассказывает, что русский государь, узнав об его „большом уважении" (eine grosse estime) к русскому языку, велел наградить его двенадцатью русскими книгами в красивых переплетах, „чтобы я при этом не только вспоминал об его царской милости, но также и для того, чтобы я мог усовершенствоваться в русском языке. Я поблагодарил его царское величество за его милость и заверил, что если бы даже я не имел большой охоты к славянскому языку, то один этот подарок был бы для меня достаточен для того, чтобы он сделался для меня приятным" (Aarsberetninger fra Det Kongelige Geheimarchiv indeholdende Bidrag til Dansk Historie af utrykte Kilder. Bd. VI, Kjöbenhavn, 1879, H. IV, p. 198). В русской историографии Горн известен, между прочим, и как заказчик „Повествования о Сибири" Юрия Крижанича (1680). Одна из двух известных рукописей этого любопытного сочинения имеет посвящение „преславному и преблагородному господину Гильдебранду фон Горну, секретарю его священного величества, короля Дании". В этом посвящении Крижанич пишет: „Вы изволили предписать мне, чтоб я прислал Вам описание Сибири, в которой я провел изгнанником

пятнадцать лет. Великое допустил бы я прегрешение, если бы не угодил Вашему желанию, так как считаю себя Вашим неоплатным должником. Но, прошу Вас, не вмените мне в вину позднее исполнение. Письмо Вашего высокородия, написанное ко мне из Парижа в самый день праздника первопрестольных апостолов в 1680 году, действительно было сюда доставлено; но, по ошибке гонца, оно было послано в иное место и, пространствовав по большей части Европы, снова было возвращено сюда"... (А. Титов. Сибирь в XVII веке, М., 1890, стр. 161—162. Повествование о Сибири. Латинская рукопись XVII столетия, изданная с Российским переводом и примечаниями Г. Спасским, СПб., 1822, стр. VII—VIII). В нашем распоряжении очень мало данных для раскрытия всех содержащихся в этой цитате намеков: вся история взаимоотношений Горна и Крижанича представляется, в общем, достаточно смутной. П. А. Бессонов в записке своей, поданной в 1882 году в Публичную Библиотеку в Петербурге, представлял ее в следующем виде: Горн, по его словам, „служил посредником для окончательного освобождения Крижанича, когда последний, прощенный уже и вызванный из Сибири в 1676 г. вскоре после смерти царя и наступления смутных обстоятельств, стариком, уже полуглухим и полуслепым, предназначен был „на покой", а собственно в новое заточение—Соловки..." В сей то период посредником нового освобождения явился Горн (за что и наименован у Крижанича освободителем—Liberator), а главным авторитетом такого трудного в ту пору дела явился старший Горна—Фридрих фон Габель, королевский посол. Желая воспользоваться глубокою ученостью Крижанича и его сведениями о Сибири, как долговременного жильца там и очевидца, в вопросе столь интересном для тогдашней Европы, Горн из Парижа, где тогда находился, в 1680 г. послал Крижаничу убедительное письмо с просьбою изложить все, что узнал о Сибири. Письмо пространствовало по России и разным краям Европы... и, наконец, застигло Крижанича в Вильне, куда он переселился... Здесь-то, в Вильне, при большом досуге и в тиши занятий среди миссионеров, составил Крижанич разбираемое сочинение о Сибири, которое и препроводил Горну" (С. А. Белокуров. Юрий Крижанич в России, вып. II, М., 1897, стр. 4—6). Еще раз во всех обстоятельствах этого дела пробовал разобраться С. А. Белокуров. Он обратил внимание на то, что один из списков сочинения Крижанича имеет в конце приписку: „Aeternum soli gloria tota Deo, 1680" (на другом: Scripta anno, 1681), следовательно, он уже существовал в 1680 г., а отсюда можно было бы думать, что поручение Горна Крижаничу было исполнено им в течение декабря месяца этого года, так как парижское письмо Горна от 29 июня 1680 года Крижанич получил в конце ноября. „Но такой короткий промежуток времени для написания сочинения,—

замечает Белокуров,—в связи с замечанием Крижанича, что во время пребывания в Сибири им не было сделано никаких подготовительных работ, возбуждает сомнение и возникает вопрос, как понимать слова Крижанича в предисловии к этому сочинению". У Витсена есть указание, что Крижанич свою „Историю о Сибири" в 1680 г. поднес польскому королю Яну Собесскому. Конечно, это поднесение могло состояться и в декабре 1680 г. и тогда оба известия (Крижанича и Витсена) совпадали бы. Но не поднесена ли „История" ранее 1680 г.? Если да, то, следовательно, она написана была ранее сего месяца и, в таком случае, слова Крижанича в посвящении Горну следует понимать так, что последний, узнав или услыхав о сочинении Юрия, просил прислать ему список, который и был изготовлен (переписан) в течение декабря 1680 г. „Это второе предположение,—прибавляет Белокуров,—заслуживает, кажется, большего вероятия. Так или иначе, только несомненно, что в 1680 г. Historia de Sibiria уже существовала, а в следующем году был написан и другой список, сохранившийся доселе". (А. Белокуров. Юрий Крижанич в России. По новым материалам. М., 1906, стр. 198). Однако, и это предположение, с моей точки зрения, все же не разрешает всех возникающих в этом вопросе недоумений. Прежде всего, смысл посвящения книги Горну тот, что последний является заказчиком именно сочинения, а не копии его (ср. „Итак, Вам, моему освободителю, я не столько описываю Сибирь, сколько представляю ее поверхностный очерк"). С другой стороны, непонятно, почему Горн писал Крижаничу в Москву, тогда как они вместе выехали оттуда с датским посольством Габеля в октябре 1677 г. (Белокуров, op. cit., стр. 185) и Горн не мог не знать, что Крижанич уезжает из России навсегда. Кажется, всего естественнее было бы предположить, что первую мысль составить описание Сибири Горн подал Крижаничу еще в 1676—77 гг., когда последний жил в доме посланника Габеля, и что письмо 29 июня 1680 г. было только напоминанием. К сожалению, имеющиеся в нашем распоряжении данные не позволяют разрешить этот вопрос в том или ином смысле. Неизвестно также, получил ли Витсен список „Истории о Сибири" от Горна или непосредственно от автора (Белокуров, op. cit., стр. 199). П. А. Бессонов очень невразумительно говорит по этому поводу, что подлинник сочинения, отправленный Горну, „прошел через горнило горновых, датских и соприкасавшихся студий (?), получив на пути свои судьбы (?)" и несколько далее, что „через Горна, Габеля и датчан сочинение сделалось известно голландцам", то есть именно Витсену (Белокуров, op. cit., вып. II, стр. 4). Во всяком случае любопытно, что с личностью Горна так или иначе связываются появление, а может быть даже и первое опубликование (в книге Витсена „Noord en Oost Tartarye", Am-

sterdam, 1692) одного из интереснейших сочинений о Сибири в XVII веке. Неудивительно поэтому, что в собственных донесениях Горна датскому правительству из России также довольно часто упоминается Сибирь: повидимому, эта страна представляла предмет специального любопытства датского дипломата. Донесения Горна за время его последнего пребывания в России, с ноября 1682 г. по июнь 1684 г., напечатаны в упомянутом выше издании: Aarberetninger fra Det Kongelige Geheimarchiv (Bd. VI, 1879, p. 138—198); они писаны по-немецки, частью же на латинском и французском языках.

В 1683 году начались русско-китайские столкновения на Амуре; центром действия вскоре же сделался Албазин. Горн находился в это время в Москве и, узнав о начале военных действий со стороны китайцев, тотчас же сообщил в Данию: „Сибирские купцы принесли известия, что китайцы с великою силою вторглись в Сибирь и уже взяли ряд крепостей“ (донесение от 16 января 1684 г.). В апреле месяце 1684 г. Горн вновь доносит: „Из Сибири сообщают, что китайцы порядочно продвинулись вперед, поэтому тамошним воеводам послан приказ дать им, по возможности, сильнейший отпор“; новые подробности находим в донесении от 10 июня 1684 г.: „В Сибири продолжается потеря большого куска земли, примыкающего к Китаю или Хине, где для китайцев же ловились самые лучшие и наиболее черные соболи“ (Aarberetninger, VI, 174, 179, 180, 189). Обо всем этом Горн писал также Габелю. Недатированное письмо к Габелю (оно относится, повидимому, к марту месяцу 1684 г.) дает по случаю тех же событий целое описание пограничных русско-китайских областей. Оно также напечатано в указанном томе „Aarberetninger“, но, к сожалению, не полностью (p. 181). Отрывок из этого письма и приводится ниже в русском переводе.

Из письма к Фридриху фон Габелю

Чтобы удовлетворить Ваше любопытство относительно Китая, поскольку мы уже коснулись этого предмета, позволю себе сказать, что это государство, будучи отделено от Восточной Сибири лишь длинной горной цепью и великой стеной китайскою, заявляет свои права, вне своих пределов, не только на маленькое государство богдойцев, которые являются завоевателями Китая, но также на всю страну, которая простирается вдоль большой реки Амура. Эта река, если верить тому, что говорят, самая большая не только во всей Сибири, но и во всей Московии. Она берет свое начало в горах, простирающихся к северу, и называется Шилкой до тех пор, пока, пройдя области Селенгинска (Silenskoi) и Нерчинска (Nerciskoi), она не сливается вместе с рекою Аргунью (Argun). Тут она принимает

имя Амура и, изменив свое течение на восток, разливаясь очень широко и оставляя корейский мыс направо, она с достаточной быстротой впадает в океан. Именно в это устье китайцы часто входили на многочисленных своих джонках (jonques); и хотя они несколько раз брали приступом маленькие московитские крепости, но тем не менее, не будучи достаточно сильны, чтобы продолжать начатые завоевания, они бывали принуждены удовольствоваться тем, чтобы сжечь их и сделать необитаемыми, не извлекая никаких других выгод из своей победы как только ограничив успехи своих соседей. Вы знаете, что после смерти последнего китайского императора и поражения всей фамилии Таймингов (Taimingues) государство китайское было потрясено мятежами и непрерывными народными волнениями, пока нынешний хан не умиротворил всего этого. Вот почему, чувствуя себя в состоянии выполнить замыслы своего отца по отношению к Сибири, он снарядил флот, состоящий из ста пятидесяти джонок, и приказал ему подняться как можно выше по реке Амуру и выстроить повсюду крепости; кроме того, он приказал вступить в Сибирь со стороны Леа-Туна (Leatung) войску в двадцать тысяч человек, а со стороны богдойцев другому — численностью в пятнадцать тысяч, для того, чтоб воспрепятствовать некоторым монгольским князьям, союзникам его царского величества, прийти на помощь двум провинциям — Селенгинску и Нерчинску, которыми хотели овладеть. Вот, сударь, все, что об этом знают в настоящее время. Тем не менее, в Сибирь послан приказ об отправке людей и амуниции в крайние пограничные пункты, а также о том, чтобы обязать монголов не изменить своим союзникам при помощи небольших подарков, какие им сделают.

[Москва, март 1684 г.].

ПРИМЕЧАНИЯ

маленькое государство богдойцев, которые являются завоевателями Китая]. Под богдойцами у нас разумелись манчжуры. В «Описании
Сибирского царства» довольно подробно рассказывается, как «во 167 году Ки-
тайского царя Абдуры-хана бояри изменили и взяли на царство нынешнего под-
данного Богдуйского князца Богдохана Маху» (А. Титов. Сибирь в XVII в.
М. 1890, стр. 92—94): имеется в виду завоевание Китая манчжурами (см. ниже).

Амур...берет свое начало в горах... и называется Шилкой...]. Амур, образуясь из слияния Шилки и Аргуни, от истока своего до Албазина имеет восточное направление и первоначально протекает в высоких скалистых берегах, с редкими небольшими долинами, покрытыми растительностью сибирского характера. Около Албазина горы, окаймляющие Амур, уходят от его берегов, образуя более обширные долины, река расширяется, достигая 120 футов ширины, разбивается на протоки и ниже Албазина имеет направление к юго-востоку. Обогнув север-

ную оконечность хребта Сихота-Алина, препятствующего соединению его с океаном, Амур вливается в Татарский пролив, образуя обширный лиман, известный под именем Амурского. Ширина Амура в устье—ок. 14 верст (А. Кириллов. Географическо-статистический словарь Амурской и Приморской областей, Благовещенск, 1894, стр. 48—50).

после смерти последнего китайского императора и поражения всей фамилии Таймингов]. Под «Таймингами» Горн, очевидно, имеет в виду династию Дай-Мин, которую на китайском престоле сменила Дайцинская (манчжурская) династия. Основатель этой последней династии, Нурхаци (или Тай-цзу) в 1616 г. принял императорский титул, а в 1618 г. объявил войну Китаю, которая велась, с переменным успехом, вплоть до 1644 г., когда Дайцинская династия воцарилась в Пекине; однако, она и после того не сразу овладела всем Китаем. Весь этот период в жизни Китая был, действительно, полон смут и кровавых возмущений (сл. О. Ковалевский. Переворот в Китае в XVII в. и правление Кан-Си. ЖМНПр. 1839, № 5, ч. XXV).

пока нынешний хан]. Имеется в виду Кан-Си, знаменитый император манчжурской династии (1662—1723). Первая половина его царствования прошла в войнах с сторонниками павшей Минской династии, восстававшими в различных местах южного Китая. Появление русских на Амуре обратило его внимание на северную Манчжурию, он решил ее заселить и закрепить за собой. Таким образом явилась Хэй-Лун-Цзянская провинция в Манчжурии и ее города: Айгун, Мэргень и Цицикар.

выполнить замыслы своего отца по отношению к Сибири]. Кан-Си был вторым сыном императора Шунь-Чжи (1644—1662), все царствование которого прошло в покорении отдельных провинций Китая.

со стороны Леа-Туна]. Под словом Leatung имеется в виду Ляо-Дун— местность, лежащая на восток от р. Ляо-Хэ, в южной части Манчжурии. Заняв Ляо-Дун в XVII в., манчжуры именно отсюда начали завоевание Китая; в 1622 г. здесь была основана манчжурская столица.

при помощи небольших подарков]. О том, что это были за подарки, видно из описи Иркутска 1684 г., «присыльных товаров, которые товары посланы в Селенгинск по указу великих государей по грамоте мугальским законникам на подарки: сукон желтого 6 арш. 3 вершка, серогорячего 5 аршин пол-третья вершка, алого брусничного 5 аршин без чети, черчатого 5 аршин без полувершка, 6 половинок целых сукон шитуги, в том числе две красных, две зеленых, две лазоревых; да сосудцев стеклянных: сулейка клетчатая, 16 сулеек полосатых, один оловеничек, да стоканов лдовых 10, полосатых да с обручками по 5, высоких чешуйчатых 18 . . . всего 125 сосудцев» (Иркутск. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий, М. 1883, стр. 3).

XLIII. Ф. АВРИЛЬ | PHILIPPE AVRIL

(1687)

Филипп Авриль (1654—1698), французский иезуит, дважды являлся в Россию с целью добиться разрешения на проезд в Китай. Первый раз он прибыл в Москву в половине января 1687 года (G. Cahen в своей книге: Histoire des relations de la Russie avec la Chine sous Pierre le Grand. Paris, 1912, Bibliographie, p. CXLIX,— ошибочно утверждает, что первый раз в Москве Авриль был в 1685—86 гг.). П. Пирлинг так объясняет цель его приезда: „В конце XVII в. Общество Иисуса задалось мыслью отыскать сухопутное сообщение между Францией и Китаем. Цель была при этом практическая. Христианство вместе с европейской наукой проникло в небесную империю и распространялось в ней, а добраться до нее, при тогдашних условиях океанского плавания, было весьма затруднительно, и многие миссионеры погибали, не достигнув места своего назначения. Можно было надеяться, что на суше путешествие подвергалось бы меньшим опасностям, чем на море. Вот почему орденское начальство поручило Филиппу Аврилю заняться этим вопросом“ (П. Пирлинг. Французский иезуит в Москве в XVII ст. „Русская старина“, 1902, № 9, стр. 473—483; перепечатано в его сборнике: „Исторические статьи и заметки“, Петр., 1913, стр. 125—139). Иезуиты стали пользоваться известным влиянием в Китае с половины XVII века. Иезуит Лимадзеу был первым представителем этого ордена, приехавшим в Кантон в 1581 г., а в 1601 г. в Пекин; в Пекине, задарив приближенных хана, он попал к нему в большую милость (Н. Бантыш-Каменский. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами, стр. 6 прим.). В 167 г. (1658—59) проехали в Китай сухим путем через Польшу и Московское государство 6 ученых иезуитов, и богдыхан велел построить им костел и позволил проповедывать („Сибирские летописи“, изд. Археологич. Комиссии, СПб., 1907, стр. 393). В 1675—77 гг. с посольством Спафария также был отправлен в Китай иезуит Вербиест, в качестве драгомана, и „русское правительство особенно рассчитывало на него, зная, каким уважением пользовались при дворе Кан-си иезуиты. Но эта надежда оказалась тщетной,—он даже вре-

дил посланнику, который скоро заметил дружбу между своим драгоманом и резидентом иезуитов при пекинском дворе“ (Б. Курц. Очерк русско-китайских сношений в XVI, XVII и XVIII вв., Харьков. 1929, стр. 41, 44); несколько иначе рассказывает об этом Юрий Крижанич: „Проездом через Тобольск этот Спафарий рассказывал, что в Москве находились два члена общества Иисусова, посланные от папского престола; они ходатайствовали перед царем, чтоб им было дозволено с вышеупомянутым посольством отправиться в Пекин. Но так как было сомнительно, какой исход ожидает это посольство (до того времени и дорога туда была еще неизвестна), то упомянутым отцам было отказано в исполнении их просьбы, а были они посланы через Астрахань в Персию. Однако, Спафарий говорил мне: „Государь дал приказ, что если при моем возвращении кто-либо из отцов общества Иисусова пожелает со мной возвратиться в Европу, то чтоб я принимал их, сколько бы их не было“ (А. Титов. Сибирь в XVII веке. М., 1890, стр. 212—213). В связи с деятельностью иезуитов в Китае французский король отправил „через Россию“,—как сообщает Б. Курц (Очерк русско-китайских сношений, стр. 51),—на основании одного дела сибирского приказа, как „удобным безопасным и кратчайшим путем“ „разумных и в математических науках искуснейших людей 6 человек... от братства иезуитска“. Вопрос о посылке этих иезуитов через Россию был поднят французским королем в 1687 г. в бытность во Франции посольства Долгорукова. На предложение русских послов король обещал содействовать торговле Франции в Архангельске и просил пропустить французских миссионеров в Китай через Сибирь с караванами, ходившими (как ошибочно думали во Франции) два раза в год из Тобольска в Пекин (Сбор. Русск. Ист. Общ., т. XXXIV, стр. 11—15); таким образом, Авриль был не первым иезуитом, добившимся этого проезда: вопрос об использовании сухопутной дороги в Китай через Сибирь, очевидно, стоял тогда в Европе в порядке дня.

Вместе со своим спутником, также иезуитом, Луи Барнабе Авриль отыскал в Москве „татарских“ и „узбекских“ купцов (tartares on yousbecks), родом из центральной Азии, которые хорошо знали интересовавшую его дорогу, так как сами не раз бывали в Китае; они убедили его, что сибирский путь в Китай—самый краткий и самый удобный; то же подтвердили ему и московские купцы. Однако, добиться разрешения на проезд в Китай Аврилю не удалось. Как явствует из сохранившегося в б. Гл. Арх. М. Ин. Дел „Дела о высылке из России приехавших из Персии двух иезуитов Барнабасова и Ф. Авриля“, московское правительство отказало им в этом под тем предлогом, что „в грамоте короля Людовика XIV, адресованной на имя московских государей, в царском титуле были пропущены слова: „великие государи“ и потому также, что рус-

скому послу во Франции Я. Ф. Долгорукому были оказаны „упорство“ и „бесчестие“ (А. Е. Любимов. Путешественник по Востоку и Московии в нач. XVII в. Ф. Авриль. „Зап. Вост. Отд. Русск. Арх. Общ.“, т. XXII, 1915, протоколы, стр. XXVIII—XXIX), в действительности, однако, невыдача просимого разрешения объяснялась обычной подозрительностью Москвы к иезуитам и нежеланием допускать иностранцев в оберегаемые от посторонних взоров восточные окраины государства.

Другие иезуиты, вслед за Аврилем добивавшиеся подобного же разрешения, оказались не счастливее его. Миссионер Гаральд писал иезуиту Франциску Дубскому 23 сентября 1698 г. из Москвы: „Отец генерал Вашего ордена писал к нашему господину послу, прося его похлопотать, чтобы дозволен был проезд Вашим отцам в Китай. На успех этого дела большая надежда, ибо добрый господин посол весьма предан Вам и для этого дела не жалеет никаких издержек, которые здесь составляют самый могущественный рычаг для достижения чего-либо. Сегодня я был в городе у одного из наиболее богатых купцов на обеде, на который был приглашен им. Он человек довольно большого ума и занимается охотно геометрией и пр. Он ведет торговлю в Китае и имеет там своего агента. От этого агента он получил письмо, в котором тот, между прочим, говорит, что находящихся там римских отцов начинают подвергать преследованию и препятствиям в деле крещения, но не объясняет, за что и как? Этот человек [купец] для меня весьма дорог, так как через него я могу проводить и получить то, что хочу; но все это я должен делать осторожно, чтоб он этого не заметил. В октябре придет оттуда другой караван и с ним люди этого купца. Я надеюсь, что они принесут какое-нибудь письмо от отцов иезуитов с известиями. В феврале в Китай отправятся другие купцы“ (Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и нач. XVIII в. СПб. 1904, стр. 11). Это письмо показывает, что еще в 1698 г. надежда на просимое разрешение не была потеряна и что иезуиты всячески пользовались услугами сибирских купцов; но уже в следующем 1699 г. Франциск Эмилиан, императорский миссионер в Москве, сообщал оттуда самые безнадежные сведения: „Так как здешняя страна вступила в большие торговые сношения с голландцами, а теперь даже и с англичанами, то вельможи прилагают крайнее старание, чтобы здешний краткий путь из Европы в Китай не был доступен иезуитам, потому что русские согласились бы, чтобы их всех изгнали из Китая, нежели дать возможность хотя бы одному иезуиту проникнуть к китайцам. Они говорят, что где иезуиты, там нет над их делами божьего благословения, а только несчастья. Когда же в разговоре затрагивалась та мысль, что неужели никакой купец не мог бы взять с собою по крайней мере иного католического священника, то мне дан такой ответ, что всякий (латинский

священник), который бы покусился пройти туда через Сибирь, непременно будет заподозрен, что он иезуит, и что тогда такой купец будет в опасности подвергнуться смертной казни и лишению всего своего имущества. Это мне подтвердил и славнейший г. посол. Он сказал, что русские считают тайными иезуитами тех отцов францисканцев, которые весьма недавно пытались пробраться в Китай через Сибирь, и еще недавно русские спрашивали посла, ушли ли уже его иезуиты" (Письма и донесения иезуитов, стр. 38). Далее, в том же письме из Москвы 1699 г. Франциск Эмилиан очень характерно рассказывает о том, какие все же меры принимал он для того, чтобы, несмотря на все препятствия, исследовать и открыть для собратьев по ордену искомую дорогу; несомненно теми же самыми способами, десять лет назад, изучал этот вопрос и Авриль. „Здесь (в Москве),—пишет Эмилиан,—я познакомился с некиим армянским купцом, который мне разъяснил, что есть другая дорога в Китай, более краткая, чем через Тобольск и Сибирь, но так как принципал этого купца вдруг решил уехать, то я и не мог с ним больше видеться и получить более полные сведения об этой дороге. Я желал бы переслать вам те сведения, какие уже получил, но у меня неверная карта. Бог даст другой удобный случай. Конечно, я мог бы узнать и побольше, но неудобно было, потому что нужно выведывать, как бы мимоходом, и как бы сетью вылавливать, чтобы не обратить внимания. Однажды в разговоре было сделано такое заявление: так как иезуиты богаты, то, принося подарки, быть может, могли бы открыть себе дорогу серебряным или золотым ключом. На это один человек из здешних, хорошо знающий дело, ответил: „Конечно, их провели бы до Тобольска, но дальше нужно было бы опасаться, что их убьют частным образом и распространят слух, что они или убиты варварами, или погибли от болезни, потому что для русских сделать так—пустяки" (Письма и донесения иезуитов, стр. 39—40).

В конце февраля 1687 года Авриля и его спутника выслали из Москвы. Путешественники отправились в Варшаву, где Аврилю, благодаря покровительству французского посла в Польше Бетюна, удалось получить аудиенцию у короля Яна Собесского. Через посредство того же французского посла Аврилю удалось узнать при дворе о Китае все, что там было известно от московского думного дьяка Протасия Никифорова, бывшего недавно в Варшаве, а перед тем посещавшего Китай. Кроме того, Ян Собесский позволил Аврилю снять копию с карты китайских дорог, составленной д'Абланкуром по указаниям Никифорова (Пирлинг, op. cit., стр. 133). Второй раз Авриль был в Москве в конце 1688 года в качестве капеллана польского посла Иосифа Лядинского (Н. Бантыш-Каменский. Обзор сношений России, ч. III, стр. 159; G. Cahen, op. cit. p. 174). В пропуске ему и на этот раз было отказано.

Собранные им в Москве и Польше данные Авриль обработал в книге: „Voyage en divers états d'Europe et d'Asie. Avec une description de la grande Tartarie et des differens peuples qui l'habitent", Paris, 1692). В ней говорится об Азиатской Турции, Армении, Персии, Поволжье, Сибири и о путях из Москвы в Китай; европейской России в книге уделено мало внимания, так как он готовил о ней специальную работу. Названный труд быстро приобрел известность; через два года он был переведен на голландский язык: „Reize door verschiedene Staten von Europa en Azie... gedaen zedert den Jaare 1684—1692. Uyt het Fransch door H. v. Quellenburgh (Utrecht, 1694) Cp. Fr. Müller. Essai d'une bibliographie Néerlando-Russe, Amsterdam, 1859, p. 9, № 31; позднее она была переведена и на немецкий язык L. Fr. Vischer'ом (Hamburg, 1705). См. J. Beckmann. Literatur der älteren Reisebeschreibungen. Bd. II, Göttingen, 1809, S. 286—294. Кроме того, отрывки из сочинения Авриля в переводе на немецкий язык помещены были в книге: „Der Neue-Weltbott mit allerhand Nachrichten der Missionariorum Soc. Jesu... von Joseph Stöcklein", Augspurg und Graz, Vol. XVII, № 383—387, S. 41—96. (Заимствую это указание из книги P. Auguste Carayon. Bibliographie historique de la Compagnie de Jésus. Paris, 1864, III, p. 145). В голландском или немецком переводе книга попала и в Москву, где очень взволновала генерала Гордона и обидела царя Петра I (Posselt. Tagebuch d. Generals Patrick Gordon, Bd. II, 443); вновь заговорили о ней в России в 1698—99 гг., когда она была даже переведена на русский язык (Пирлинг, op. cit., стр. 189). „Прибавилась еще одна новая причина ненависти к Вашему ордену,—писал миссионер Гаральд из Москвы иезуиту Ф. Дубскому,—вышла в свет на французском языке книга, в которой он описывает свое путешествие в Китай и высказывает весьма дерзкие суждения о московитянах... Эта книга была сейчас переведена женевскими еретиками на русский язык. Г. посол защищал Ваш орден и говорил, что это подложное сочинение, потому что на нем нет одобрения иезуитских властей. Мы с католиками удерживаемся давать свое мнение и молча удивляемся; если это так, то каким образом могла быть издана эта книга членом столь осторожного ордена, как Ваш" (Письма и донесения иезуитов, стр. 3).

Книга Авриля представляет для нас двоякий интерес: по мнению А. Е. Любимова, особенно интересна приложенная к книге карта, составленная по оригиналу, хранившемуся в Посольском приказе и затем, якобы, утерянному. Однако, анализ этой карты, произведенный G. Cahen (Les cartes de la Sibérie an XVIII s. Essai de bibliographie critique. Nouvelles archives des missions scientifiques, fasc. 1, Paris, 1911, p. 81—83), убедил его, что карта Авриля является копией карты Ник. Спафария, русского посла в

Китай в 1676 г. Данные о путях в Китай, в частности о Сибири, помещенные в книге Авриля, с нашей точки зрения заслуживают не меньшего внимания. Авриль несомненно проявил большую настойчивость, собирая в Москве интересующие его сведения; он расспросил не только купцов, но нашел доступ также к сановникам (ряд сведений сообщил ему Мусин-Пушкин, смоленский воевода) и к архивам приказов; так, из одной „канцелярии" ему доставили записки Николая Спафария, переводчика посольского приказа, ездившего с официальным поручением в Китай в 1675—77 гг.; здесь он нашел сведения о народах, живущих в пограничных с Китаем областях, а также подробное описание шести дорог из Москвы в Китай; „все это,—замечает Пирлинг (op. cit., стр. 131),—по московским понятиям должно было оставаться государственной тайной. Сам Спафарий, когда его назначили приставом к де ла-Невиллю в 1689 г., охотно рассказывал про Китай, но точных данных не давал, якобы из опасения батогов" (Relation curieuse et nouvelle de Moscovie, Paris, 1698, p. 206, 225). Тем удивительнее, что Аврилю, в общем, удалось раздобыть сведения довольно подробные и разносторонние. Сведения эти очень ценились современниками, на что указывают уже переводы книги; ею широко пользовался Витсен и различные компиляторы начала XVIII века. Об Авриле см. еще Adelung, op. cit. Bd. I, № 26, Bd. II, № 139, S. 377; H. Cordier. Bibl. Sinica III, col. 2088—2089. Нижеследующий перевод принадлежит Н. А. Полевому: „Сведения о Сибири и о пути в Китай, собранные миссионером Ф. Аврилем в Москве в 1686 (sic!) году"—„Русский Вестник" 1842, № 4, стр. 69—73 (первый отрывок) и 94—103 (второй отрывок); он, однако, не вполне точен, почему и исправлен во многих местах согласно с подлинником по изданию 1692 года (livre troisième, p. 165—170—первый отрывок и p. 203—218—второй отрывок).

Как тщательно ни старались древние географы передать нам сведения об обширном пространстве между Обью и Великою Стеною Китайскою, надобно признаться, что они весьма мало в том успели. Одни не говорят почти ничего, а другие, желая сказать многое, сообщают нам догадки и предположения в качестве положительных истин. Новейшие описатели были не более счастливы, ибо, дополняя сведения своих предшественников, они ничего к ним не прибавили, кроме упоминания о дремучих и бесконечных лесах и множестве ужасных пустынь, наполняющих будто бы эти обширные и необитаемые пространства.

Казакам запорожским, т. е. обитающим ниже днепровских порогов (au dela des sauts du Borysthène), всего более обязаны мы подробными сведениями о землях, которые прежде почитались

недоступными пустынями, куда невозможно пуститься страннику, не подвергаясь очевидной опасности погибнуть. Ныне все эти страны столь уже известны, что в них путешествуют так же легко и удобно, как в европейских землях.

Когда москвитяне победили запорожцев, то последние, не желая подчиниться победителям, решились лучше оставить свою отчизну, которой не могли защитить. В великом числе ушли они за Волгу, по коей дошли до Казани, а отсюда легко уже было достигнуть им до Иртыша (l'Irtihs). Они продолжали потом путь свой до слияния Иртыша с Тоболом, где и основали город, получивший имя от сей реки [Тобольск]. Здесь распространились они и заняли, наконец, все земли в окрестностях Оби, которые составляют собственно Сибирь, получившую это название от славянского слова сибир (septentrion), значащего север.

Недостаток удобств для жизни и средств для продажи мехов (et pour le débit des peaux), особенно соболей (Martres—Zibellines), принудил потом сибирских казаков примириться с москвитянами и даже поддаться им, хотя горы и реки, окружавшие их и перерезывающие всю сибирскую страну, делали их безопасными для всяких оскорблений, на которые могли бы отважиться москвитяне. Сибирь постепенно заселялась москвитянами с тех пор, когда они начали обладать ею, ибо они усердно посылали туда своих яшучиков или соболиных промышленников (Jachutchiki ou des chasseurs de zibellines), беспрерывно умножая число их препровождением в места, где соболей ловят, не только государственных преступников, но и офицеров и бояр, которыми были недовольны или которые казались им подозрительны.

Так как именно звероловство заставляло москвитян подвигаться далее и далее в надежде отыскать наилучших соболей, то и нашли они наконец полное удовлетворение желанию своему на острове, который образует река Амур (Yamour) и которым завладели они несколько лет назад, построив там крепость, сделавшуюся причиной начатой ими войны с китайцами.

Что касается самого звероловства, то оно производится следующим образом: посылают в места, где находятся драгоценные звери, полк солдат, обыкновенно проживающий на месте семь лет. Полковник еженедельно отряжает несколько охотников, и они ищут добычи на мелких островках, куда укрываются звери. Убивают их оружием вроде самострела (arbalète) из опасения, что, употребляя огнестрельное оружие, они могут испортить шкуру. Так как успех звероловства требует большой тщательности, то офицерам позволяют, для привлечения к тому солдат, разделять с ними весь излишек, который окажется сверх количества, какое обязаны охотники добывать еженедельно на царя. Такие излишки составляют доход весьма значительный, ибо полковник может получить

в течение семи лет службы до 4000 экю, а подчиненные его—по соразмерности. Что касается до солдат, то их доход никогда не превосходит 600 или 700 экю, хотя на них лежит весь труд.

Кроме соболей, добываемых на всем пространстве обширных земель, находящихся между Московией и Китаем, есть еще род зверей, не менее драгоценных и не менее превосходных; таковы, напр., черные лисицы (les depoüilles de certains Renards noirs), которых нигде более не находят, кроме Сибири и Китая. Их стараются добывать с тем большим усердием, что сбыт их всегда верный, а цена весьма большая. Не знаю, редкость ли сего зверя или необыкновенный цвет его шкуры заставляет так дорожить им; но если бы кто вздумал купить черную лисицу, то он может сделать это только со следующим условием: дать столько денег, сколько поместится в шкуре лисицы.

Хотя уже с давнего времени торговля сего рода товарами установилась в Московии, но многого ей не доставало прежде для того, чтобы она могла быть в такой степени обширною, как ныне. До открытия соболей в Сибири и во всем государстве довольствовались мехами обыкновенными, и, кроме горностаев, каких употребляли только знатнейшие люди, почти не знали других дорогих зверей. Но со времени открытия, более случайно нежели искусством, зверей, столь требуемых всюду, москвитяне прилагают такое старание удовольствовать свою жадность обогащения на счет тех, кто тщеславится украшением драгоценными мехами, что, не взирая ни на какие опасности, пускаются они в дикие северные страны, одушевляемые надеждою прибылей.

Посредством своих, хотя и весьма беспорядочных, странствований проложили они множество новых путей, которые незаметно довели их до самого Китая. Все ведущие туда известные дороги совершенно различествуют одна от другой, однако же мы узнали, каких именно надобно придерживаться, дабы безопаснее и скорее совершить путь.

Кроме тех родов татар, о которых я говорил, есть еще другие, называемые: остяки, братские, якуты и тунгусы (Ostiaki, Bratski, Jakuti et Tongusi), рассеянные по рекам и озерам, находящимся на пространстве земель от Сибири до земли монгольской. Но как у всех сих народов одинаковая физиономия и один язык с калмыками, то и должно полагать, что они суть разные отделившиеся орды от калмыков и что, привыкнувши постепенно к москвитянам, они покорились наконец им. Все сии народы цвета смуглого, более оливкового, нежели черного. Лицо у них необыкновенно широкое, углублено книзу, выставилось кверху; глаза маленькие, но исполненные огня, нос короткий и совершенно сплюснутый; губы и под-

бородок не обильны волосами; ростом они немного выше среднего, складны, ловки и вид у них смелый, хотя ничего нет в них свирепого и слишком дикого. Платье у всех почти одинаковое и состоит из нескольких овчин, сшитых вместе, составляющих род куртки самой простой формы, которую подпоясывают они веревкою, на коей висят у них колчан и лук, которыми они всегда вооружены. Голову бреют они до самой верхушки, где оставляют пучок волос, довольно густой, так что из него заплетаются две косы, и одна висит спереди, другая сзади. Прикрывают они голову круглым колпаком, сшитым также из овчин, и на верхушке его пришивают кисть из красного или другого какого-нибудь цветного шелка. По такому значку можно узнать различие орд, ибо каждое племя выбирает себе особый цвет для отличия от других. Но живущие в тех местах, где добывают соболей, употребляют шкурки этих животных на одежду и с тем вместе шкуры собак, которых содержат они в большом количестве. Обыкновенно те и другие шкуры сшивают они вместе так, что одна служит подкладкой другой. Собольи меха, хотя и красивее, но составляют подкладку, а собачьи верх. „Справедливость требует, — говорят они,— чтобы собака, которая поймала и изловила соболя, всегда была предпочитаема и после смерти своей имела преимущество над неприятелем, побежденным ею при жизни“.

Из описания различных татар, обитающих в стране между Обью и Китаем, мною изложенного, можно легко понять, что москвитянам, поддерживаемым казаками, не трудно было проложить себе путь от Сибири до великой империи Китайской, ибо не находили они никого, кто бы мог или хотел оспаривать у них власть над землею, и так как первые, покоренные ими кротостью или оружием сибирские народы имели сношения со всеми ордами, рассеянными далее, то посредством их производили они свои открытия и различными дорогами приблизились, наконец, к пределам Китая, где построили даже несколько крепостей, дабы вернее упрочить свои завоевания.

Самая отдаленная из этих крепостей называется Албазин. Она отстоит от Пекина не далее трех недель пути, а от Москвы до нее путь продолжается более трех месяцев. Находится она на реке Амуре, подавшей повод к войне, которую ныне ведут москвитяне с китайцами. Те и другие присваивают себе право добывать жемчуг в упомянутой реке и ловить соболей, находящихся в величайшем множестве на острове, образуемом этой рекою. Так как великое расстояние этого пограничного места от Москвы препятствует москвитянам посылать достаточное количество войска для поддержания войны, которую близость Китая делает легкою татарам, там властвующим, то цари московские рассудили, что лучше предложить мирные условия, нежели под-

вергать войско всяким опасностям, которые необходимо испытать ему, проходя до границ Китайской империи. Китайцы не отвергли сделанных им предложений. Они выслали посольство далеко за Великую Стену, разделяющую владения их от земель западных татар, и присоединили к этому посольству даже двух французских иезуитов из числа тех, которых его христианнейшее величество послал шесть лет тому назад в эти отдалённые страны, дабы они служили толмачами (trucheman), уведомя притом москвитян, чтобы и они прислали человека, знающего латинский язык. Неизвестно до сих пор доподлинно, успешны ли были начатые переговоры.

После всех этих изъяснений, о которых я счел необходимым особенно распространиться, не сомневаюсь, что оставят, наконец, ложные понятия, какие составляют себе у нас в настоящее время касательно расстояния между Европою и Китаем, и убедятся, что из всех путей для достижения этой цветущей империи дорога, по коей ездят москвитяне, несомненно самая краткая и самая верная из всех существующих. Но кроме такой выгоды, весьма значительной, удобство эпипажей способствует еще более облегчить тягость, нераздельную с путешествиями этого рода. Обыкновенно выезжают из Москвы в конце февраля, и так как в то время снега бывают более крепки и хорошо укатаны проездом множества саней, которых едет тогда гораздо более, нежели в начале зимы, то путешественники менее трех недель употребляют для достижения столицы Сибири, хотя она отстоит от Москвы более нежели на 1800 верст (Wersts), что составляет до 350 французских лье.

Здесь несколько времени ожидают оттепели, чтобы взять суда (sudais) или корабли, на коих плывут по рекам, по сю и по ту сторону впадающим в Обь. Если вскрытие рек задерживается долее обыкновенного, продолжают путешествие сухопутно до татарской орды, называемой остяки (Ostiaki), которая подчинена москвитянам.

Там переменяют экипаж и берут особенный род саней, легче и удобнее прежних, которые отсылают в Тобольск. Сани, обыкновенно употребляемые в Московии, везет лошадь, прокорм которой мог бы затруднить, а в остяцкие сани запрягают особенного рода оленей, кажется, тех самых, на которых ездят самоеды. Для поспешного хода и облегчения припрягают к оленю большую собаку, и она, отчасти помогая везти, отчасти поощряя своим лаем, заставляет его бежать столь скоро, что в одни сутки проезжают иногда по 40 лье.

Всего удивительнее в сибирских санях то, что они движутся ветром по земле, покрытой снегом, или по льду рек, точно так, как будто какая-нибудь лодка по воде. Земли за Сибирью до-

вольно открыты и чрезвычайно ровны, даже до самых Кавказских гор, и жители сих стран, пользуясь местным удобством, приучились делать сани свои таким образом, что, облегчая животных, можно их кроме обыкновенной упряжи пускать под парусом, если только ветер благоприятный и попутный. Такой образ езды тем удобнее, что путешествие притом не прерывается, ибо как в лодке употребляют греблю при недостатке ветра и перестают грести, если есть ветер, в сани запрягают оленя и собаку, когда

Рис. 61. Зимняя езда в Сибири
(из книги Ф. Авриля 1692 г.)

настает безветрие, и вводят их в сани, когда ветер хорош и можно употреблять его для езды под парусом. Так путешествуют, пока есть еще зимняя дорога, до реки, называемой Енисей (Genessai), где москвитяне построили город этого имени для удобства проезжающих. Здесь берут лодки для плавания по двум огромным рекам, из коих одна называется Тунгуска (Tungusi), а другая Ангара; вторая вытекает из озера Байкала (Baikala), простирающегося на 500 верст в длину и на 40 в ширину. Сказывают, что вода в этом озере чрезвычайно прозрачна, так что на всякой глубине легко можно различить камешки, находящиеся на дне. Озеро окружено многими высокими горами, на коих снег сохраняется среди самых сильных летних жаров, как будто зимою, и потому-то, вероятно, путешественники употребляют иногда более семи и восьми дней на переезд озера, хотя весь переезд через него едва составляет восемь лье. Здесь, можно сказать, бывает место столкновения всех ветров, перелетающих по огромным утесам нагорным, окружающим озеро, и ветры, пересекаясь одни другими, за-

трудняют плавание и препятствуют ходу судов, так что потребна большая ловкость или счастье не быть задержанным несколько лишнего времени.

Переплыв озеро, входят, если кому угодно, в реку, называемую Селенга (Schelinga), на которой, почти в 50-ти лье от ее устья, находится город того же имени, устроенный москвитянами для облегчения проезда караванов. Но кто захочет ехать от Байкала немедленно сухим путем, тот, переплыв озеро, обращается в селения монгольские, находящиеся на южном берегу, покупает здесь мулов и верблюдов и едет прямо до первого китайского города, которого достигают через две недели пути.

Так путешествуют ныне большею частью московитские купцы, торгующие с китайцами. Из этого можно видеть, что все эти земли, прежде известные в общем под именем Великой Татарии, не суть ни степи, ни пустыни, как доныне воображали. Весьма жаль, что ими не пользуются, ибо они орошены большим количеством прекрасных рек и доставляют множество драгоценных товаров, беспрерывно все более и более умножающихся.

Не говоря о ревене, ляпис-лазури, бобрах, находимых у монголов и узбеков, соболях и черных лисицах, коих ловят по течению Оби, Тунгуски и Ангары, корне жень-шене (Ginseng), жемчуге и бадьяне (Badian), доставляемых Амуром, серебряных и свинцовых рудах на Аргуни (Argus), москвитяне нашли, особенно в странах далее к северу, много драгоценных редкостей, которыми ведут выгодный торг.

Кроме мехов всякого рода, оттуда вывозимых, добыча коих бывает столь велика, что один город Енисейск (Ville de Genessia) платит ежегодно пошлины в царскую казну 80 000 рублей, то есть почти 120 000 экю на наши деньги, там открыт еще особенный род кости, белее и глаже слоновой, получаемой из Индии.

Кость эту доставляют не слоны, ибо северные страны слишком холодны для этого рода животных, любящих тепло, но особенный род водоземных зверей, которых называют „бегемот" (behemot) и обыкновенно находят в реке Лене или на берегах Татарского моря. Нам показывали в Москве много зубов этого чудовища, которые были 10 дюймов в длину и 2 дюйма в ширину в корне. Слоновые клыки не сравнятся с ними ни крепостью, ни белизною, когда притом бегемотовые зубы, при других качествах, имеют еще свойство останавливать кровотечение, если иметь их при себе. Персияне и турки весьма охотно покупают их и так дорожат ими, что саблю или кинжал с рукоятью из бегемотовой кости предпочитают сабле и кинжалу с серебряною и даже золотою рукоятью.

Надобно было угадать ценность этого товара тем людям, которые пустили его в ход, ибо много надобно было им иметь отваги,

чтобы решиться на бой с животным, доставляющим его, бой опасный, не менее, чем ловля крокодилов.

Открытие бегемотовой кости сделано было жителями острова, откуда вышли, по словам москвитян, первые колонии, населившие Америку. Вот что узнали мы о том от смоленского воеводы Мусина-Пушкина (Vaivode de Smolensko Mouchim-Pouchkim), одного из умнейших людей, каких только я видел, в совершенстве знающего все земли за Обью, ибо он долго был интендантом в канцелярии Сибирского Департамента (Intendant de la Chancellerie du département de la Sibérie).

Рис. 62. Г. Енисейск (из книги Н. Витсена)

Спросивши нас в разговоре, какой мы с ним имели, каким образом, по мнению нашему, населилась Америка, когда мы сказали ему все, что обыкновенно о том думают, он отвечал нам, что по его мнению есть догадка правдоподобнее нашей.

„За Обью,—продолжал он,—находится огромная река, называемая Кавойна (Kawoina), в которую впадает другая, именуемая Лена (Lena). В устье первой из них, впадающей в Ледовитое море, есть большой и весьма населенный остров, весьма замечательный ловлею бегемотов, животного водоземного (behemon, qui est un animal Amphibie), зубы коего весьма дорого ценятся. Островитяне часто приезжают к берегам моря за ловлею бегемотов, и так как ловля их требует много труда и времени, то обыкновенно привозят они с собой свои семейства. Часто случается, что захватывает их здесь вскрытие моря и бедняков уносит неизвестно куда на огромных кусках льду, отделяющихся один от другого.

Не сомневаюсь, что многие из охотников, таким образом захваченных, доплывают на льдинах к северному мысу Америки, весьма недалекому от этой части Азии, оканчивающейся Татарским морем. Меня убеждает в мнении моем то, что американцы, обитающие на выдавшейся далее других в море в сей стороне части Америки, одинакового вида с островитянами, которых ненасытная жадность прибытка подвергает погибели или опасному переезду в чужую сторону“.

К тому, что говорил нам воевода, можно прибавить еще и то, что на американском берегу находят многих животных, которые также водятся и в Московии, особенно бобров, которые могли перейти туда по льду. Такая догадка кажется мне тем основательнее, что в Польше видел я, как огромные куски льду целиком плывут от Варшавы и уплывают далеко в Балтийское море. Надобно бы, для удостоверения в деле столь важном, разведать об языках, коими говорят два упомянутые, похожие один на другой народы, живущие один в Азии, другой в Америке, ибо если бы открылось сходство в языке, то и сомнения в сходстве их более никакого не оставалось бы.

Весьма много любопытного могли бы мы узнать от упомянутого смоленского воеводы, который, без сомнения, может быть назван одним из самых просвещенных москвитян, но мы боялись вопросами навлечь на себя подозрение. Заметив из ответов его, что он опасается причинить себе откровенностью какие-нибудь неприятности при дворе, где и без того его редкие достоинства навлекли ему много врагов, мы не смели докучать ему нашим любопытством.

Может быть удивятся, вспоминая о множестве превосходных рек, текущих столь близко от Китая, почему москвитяне не извлекают себе из них выгод, повидимому, предоставляемых ими, и не заведут торговли с китайцами, и даже с японцами, вернее и легче производимой ими сухим путем. Но, мне кажется, нельзя винить москвитян, что они поступают иначе, ибо кроме того, что они имеют малые сведения в мореплавании, самые реки, имена коих

едва известны в Европе, представляют для плавания непреодолимые препятствия.

Чтобы понять это, надобно знать, что в стране, лежащей за Сибирью, находятся четыре главные реки, текущие в море, которое мы называли Ледовитым или Татарским, и в море Японское, не говоря о множестве других, которые можно видеть на карте Сибири, верно списанной с той, которую сохраняют в московской канцелярии.

Самая западная из упомянутых больших рек есть река Обь; после нее одну за другою встречают, идя к востоку: Енисей, Лену, Амур. Но как ни велики эти реки, судя по обилию вод и по длине их течения, столько неудобств испытывают в плавании по ним и столько опасностей при выходе из их устьев, что купцы предпочитают путь в Китай по земле опасному водяному пути. Говоря отдельно о каждой из этих рек, должно заметить, что Обь весьма опасна для плавания в устье по причине ужасных льдин, которыми бывает она загромождена почти целый год. Москвитяне помнят о бедствии голландцев, когда они, слишком далеко пустившись в Ледовитое море, потеряли много своих кораблей близ Новой Земли.

Рис. 63. Ангарские пороги
(из „Путешествия" Исбранта Идеса)

Река Енисей, кроме этого, общего у нее с Обью неудобства, представляет еще особенное, состоящее в девяти подводных утесах или падениях воды, что называют москвитяне порогами (porohi ou

poroges). Сии пороги отдалены один от другого по нескольку лье, и как необходимо столько раз разгружать суда, сколько должно перейти порогов, понятно, почему купцы, стараясь избежать затруднений перегрузки, предпочитают избирать сухопутный проезд.

Течение Лены удобнее для плавания обеих упомянутых мною рек, но устье этой реки представляет опасностей и затруднений не менее Обского и Енисейского. Хотя льдов здесь встречают менее, но множество подводных камней препятствовало доныне проходу в море самых малых судов. Отваживаются плавать здесь только плоскодонные гондолы, отправляемые для сбора белых и черных рыбьих костей, которые находят по прибрежным морским утесам и употребляют на разные изделия. Хотя река Амур, самая восточная из всех, впадающих в Японское море, не представляет неудобств, встречаемых по другим рекам, но и в ней находится затруднение не менее значительное, а именно то, что в том месте, где она сливается с морем, растет величайшее множество морского тростника, так что устье реки, кажется, как будто заросло лесом. Такое препятствие легко можно бы уничтожить, если бы тростник походил на растущий обыкновенно в наших реках, но меня уверяли, что амурский тростник вырастает необыкновенной величины, так что человек едва может обхватить тростину руками. По этому можно судить, какую тяжкую работу составит очищение прохода в море, если для того надобно вырубить или, лучше сказать, с корнем вырвать необозримый лес толстых деревьев.

Как ни странны кажутся по свойствам своим все эти реки, они, однако же, служат москвитянам большим пособием для удобнейшего переезда через обширные земли, простирающиеся от Сибири до Китайской империи, ибо кроме того, что когда они замерзнут, по льду, их покрывающему, ехать легче и удобнее, нежели на земле, где дорога не может быть столь гладка; они гораздо судоходнее к вершинам их, нежели к устью, и если, плывя по ним, встречают иногда пороги, они не столь высоки и не столь опасны, как находящиеся выше.

Самое замечательное в порогах то, что воздух кругом их благоухает, и в нем распространяется столь приятный запах, что кажется как будто жгут в этих местах самые драгоценные ароматы. Если этот рассказ путешественников, от которых мы слышали его, справедлив, не трудно объяснить такое явление. Говорят, что по вершинам утесов, образующих падения вод, растут в величайшем обилии пахучие цветы. Понятно, что так как великий аромат сильнее дает чувствовать силу и прелесть свою, если помять его или приблизить к огню, то и воздух, напоенный благовонием, должен быть пахучее, если его движет и разгорячает падение быстро текущих вод. Здесь прилично было бы поговорить вообще о Сибири, если бы я мог сказать о ней что-нибудь особенное, но Сибирь не от-

личается от других областей Московии ничем, кроме сильного холода. Впрочем, судя по множеству городов и селений в этой отдаленной области, легко убедиться, что она не так дика и не так безлюдна, как обыкновенно о ней думают.

ПРИМЕЧАНИЯ

Казакам запорожским]. Авриль смешивает казаков запорожских с донскими и уральскими; отсюда несообразности его последующего рассказа.

Сибирь, получившую это название от славянского слова сибир]. Этимология названия «Сибирь» от слова «север» была очень распространенной в XVII и еще в XVIII веке. Так, например, Шлейсинг (см. ниже) в первой главе своего сочинения, озаглавленной: «О Сибири и о том, откуда пошло ее название», серьезно объясняет, что «есть громадная разница между Severiam и Sieveriam»: «первое это княжество в России, лежащее между Новгородом и Москвой», «второе же, именно страна Sieweria, а не Sibyria, как ее называют некоторые историки, была прежде суровой и дикой страной, в которой не было никого кроме преступников, присужденных ловить там соболей... и которое получило свое название от слова север (Siewer)». Такое мнение пытался опровергнуть, впрочем очень наивными доводами, еще Фишер в начале своей «Сибирской истории» (СПб., 1774, стр. 3); против славянского происхождения названия он возражал потому, что «по отношению к России Сибирь лежит не на севере, а на востоке» и потому также, что между словами Сибирь и север есть звуковое различие. Впрочем, еще В. М. Флоринский (Заметка о происхождении слова «Сибирь».—Известия И. Томского университета, т. I, 1899, стр. 1—14) утверждал, тоже без достаточных оснований (предполагая доказанным давно отвергнутое мнение Иловайского и Забелина о славянском происхождении гуннов), что название Сибирь «взято от славянского корня север и было присвоено народу северянам, переиначенному по инородческому произношению (?) в сабиров». «Что касается до имени самого народа севера, север, северяне,— продолжал В. Флоринский,—то оно могло быть взято либо от страны света, по месту первоначального жительства сѐверян, либо от другого значения слова север, употреблявшегося в древнерусском языке. Как известно, оно имело и имеет на славянском языке два значения—страна света и холодного ветра, стужи (boreas). В переносном значении, в отношении к народу, оно могло обозначать также, как и в латинском языке, строгий, жестокий, суровый, непреклонный (severus), что вполне соответствовало бы тем сведениям о характере северян, какие высказаны об них летописцами». Такая точка зрения не имеет научного значения и давно оставлена. О других толкованиях слова Сибирь см. выше, стр. 54—57.

ящучиков или соболиных промышленников]. Слово Jachutchik—вероятно испорченное «ясатчик», сборщик ясака. Весь рассказ Авриля о способах ловли соболей и об охотниках на них (Die Zobelfänger Jachutchiki) в немецком переводе, но без всякого указания на источник, приведены в книге: Der allerneuste Staat von Siberien etc. Nürenberg, 1720, S. 56—58.

построив там крепость]. Имеется в виду, вероятно, Албазин, сл. выше, Г. фон Горн, стр. 449.

дать столько денег, сколько поместится в шкуре лисицы]. Аналогичные способы обмена действительно практиковались в примитивной торговле. «Вторгаясь в Сибирь,—замечает А. Миддендорф (Путешествие на север и восток Сибири, ч. 2, СПб., 1869, стр. 77—78),—русских встречали племена, которые носили собольи шубы... за железный котел в то время давали столько соболей, сколько их в него входило, а за нож платили 6 соболей (Steller. Kamtchatka, S. 119). В XVI веке такой же способ обмена засвидетельствовал Павел Иовий: говоря о дороговизне мехов, он замечает: «но было время, когда эти меха покупали за более дешевую цену, именно самые отдаленные племена севера... Так, например, жители Пермии и Печоры обыкновенно уплачивали за железный топор столько собольих шкурок, сколько их, связанных вместе, московитские купцы могли протащить в отверстие топора» (Книга о Московитском посольстве, перев. А. И. Малеина, стр. 267). В китайской книге «Шесть глав о Хэй-лун-цзянской провинции» относительно орочон сказано: «В отдаленных границах котлов (металлических и глиняных) очень мало. И когда (поэтому) купцы впервые проникают (сюда), то выменивают котлы на соболей, смотря по размеру котла; коль скоро соболь заполняет (собой) котел, то и соглашаются на обмен» (А. В. Гребенщиков. В Бухту и Мэргень по р. Нонни, Харбин, 1910, стр. 24).

Все ведущие туда известные дороги]. Далее следует в подлиннике описание дорог из Москвы в Пекин, причем автор замечает, что все, им сообщаемое, собрано из описаний, которые хранятся в канцелярии одного из приказов. («dans la chancellerie de Moscou»). Что такие данные, действительно, существовали, подтверждают и другие иностранцы, например, Рейтенфельс, который замечает, что «переводчик Виниус (тот самый, который потом был в Сибири) даже начертил не так давно (рассказ относится к 1671—73 гг.), в главных чертах, путь из Москвы в Китай на географической карте (Чтения в Общ. Ист. Др., 1906, III, стр. 98); И. П. Козловский (Первые почты и первые почтмейстеры в Московском государстве, т. I, Варшава, 1913, стр. 226, 239, 202) высказывает предположение, что чертеж этот составлен Виниусом около 1667 г.; во всяком случае интересно, что впоследствии им могли воспользоваться иностранцы. F. Duckmeyer (Korb's Diarium und Quellen die es ergänzen, Berlin, 1909, Bd. I, S. 128—132, 248) приводит из Амбергского архива интересные данные о дружественных сношениях А. Виниуса и императорского посла в Москве в 1698 г. Христофора Гвариента, из которых видно, что Виниус препроводил ему «карту всей Сибири и не пожелал ее издавать иначе, как посвятив ему», и при этом наводил у него справки относительно определения высоты полюса. Этот Виниус, с 1697 г. заведывавший Сибирским приказом, уже в 1696 г. велел боярскому сыну Семену Ремезову написать в Тобольске на александрийской бумаге с привезенных к Москве сибирских городовых частей листы и добавить недостающие чертежи городов во все стороны от Тобольска. Вслед за этим появился «Список чертежа Сибирския зѐмли», списанный из окладной книги, «сочиненной в бытность в Сибирском приказе боярина кн. Репнина и при думном дьяке Андрее Виниусе в 7205 г.» («Русск. Магазин» 1791—1792, т. I, стр. 403—415). В 1701 г. Семеном Ремезовым закончено было, по распоряжению Виниуса, издание «чертежной книги Сибири» (об источниках ее см. Н. Н. Оглоблин. «Библиограф», 1891, № 1). Одною из карт, аналогичной составленной Виниусом (возможно, что именно картой Спафария, как предполагает G. Cahen), воспользовался и Авриль для своего описания дорог в Китай и для составления приложенной к его книге карты (она воспроизведена у нас на рисунке, приложенном к настоящему тексту). В 1669 г. «изысканием» стольника и воеводы Петра Ивановича Годунова с товарищи составлена была «Ведомость о Китайской земле и глубокой Индеи» («Памятники древней письменности и искусства», вып. CXXXIII, 1899, стр. 14—35), в которой, наряду с обстоятельными и для своего времени весьма точными данными о государственном устройстве китайской земли, о религии, обычаях жителей, торговле и т. д., есть также сведения о путях из России в Китай через Сибирь («А от Москвы де в Китаи мочно поспеть и ис

Китаи назад к Москве поворотитца одним годом... А дороги в Китаи через два калмыцкие Аблаева и Селгины улусы есть разные и не нужные хлебом и водою» и т. д); немало данных об этих дорогах заключено также в других русских географических сочинениях о Сибири (см. А. Титов. Сибирь в XVII веке, М., 1890, стр. 37—38: «Чертеж всей Сибири», «Список с чертежа Сибирския земли», 1672, стр. 49—50 и т. д.). Таким образом, Авриль мог в Москве получить в конце 80-х годов достаточно подробные сведения об интересовавших его сухопутных путях в Китай; нужно прибавить, что он пользовался также рукописью Спафария и расспрашивал в Москве среднеазиатских купцов.

В результате Авриль мог описать в своей книге 6 различных дорог в Китай (Voyage en divers états d'Europe et d'Asie, 1692, p. 170—175): 1) «Через Индию и Моголовы земли» («des Indes et du Mogol»), которой ездят «татары астраханские и бухарские»; 2) через города Самарканд, Кабул, Кашмир, Турфан (Tarafan) и «многие другие города узбеков»—ею также ездят бухарцы. «Московитяне не страшатся однако же ездить по этой дороге; нередко пускаются они по ней из Тобольска на Бухару через Казань, чтобы соединиться с узбеками, хотя гораздо легче им ездить в Китай по р. Оби»; 3) «Из Тобольска едут сперва вдоль озер, из коих добывается соль, подле Иртыша (Irtichs) и Камы (?). Потом следуют несколько времени по течению первой из названных рек до города, именуемого Синкаме (Sinkamé), откуда продолжают ехать сухопутьем через земли Кокутана (Kocutan), отстоящего не более как на восемь или десять дней пути от знаменитой стены, отделяющей Китай от Великой Татарии». 4) «Четвертая дорога, предполагая, что сперва проехали до Тобольска и потом по рр. Оби и Селенге (Szelinga) до города Селенгинска (ville de Szelingui) идет сухим путем до земли Монгольской. Потребно восемь недель на проезд от упомянутого города до места, где обитают тайша или хан Бешроесаин и Хутухта-лама (Taiso ou le Kan Bechroesaïn et le Coutousta-Lama). Легко получают от этого хана, посредством некоторых подарков, проводников и необходимые телеги со стражей до самого Китая. Этой дороги держатся московские купцы с тех пор, как началась война между московитянами и китайцами на Амуре; кроме того, она вообще самая безопасная и самая удобная из всех. Должно только запастись в некоторых местах водою и дровами, и хотя по дороге встречаются разбойники, но их мало и они не столь свирепы, как в других местах»; 5) Эта дорога—та, по которой из Москвы в Китай ехал Н. Спафарий; 6) Эта дорога также ведет через Нерчинск (Nerczinski) на реке Шилке, затем в Монгольскую землю, откуда едут к озеру Далаю (Dalai). «Из Нерчинска до этого озера достигают в неделю. Там обитают подданные китайского императора, которые обрабатывают все окружные земли; отсюда в три недели можно доехать в Китай на телегах, везомых быками. Из озера Далая вытекает река Аргунь (l'Argus). Она вся судоходна, и по ней в короткое время достигают до реки Амура, в которую она впадает. Здесь есть рудники серебряные и свинцовые, и живет значительный тайша, называемый зебденхан (Sebdenkan). Он обязан три раза в год препровождать московских купцов, едущих в Китай, и заботиться, чтобы проезд их был безопасен и непродолжителен». Далее следует (p. 175—194) описание народов, живущих около Китая, с таким замечанием: «Его сообщил нам человек весьма надежный, получивший его из московской канцелярии, и ему тем более можно верить, что оно совершенно согласно с летописями китайскими, находящимися в конце философии Конфуция, недавно напечатанной иезуитом о. Куплэ, а также со всеми известиями путешественников». Дано описание народов: богдойцев (Bogdoi), нучей (Niouchi ou Nouchi), монголов (Mongul), которые «кочуют около озера Далая и по землям, находящимся на р. Селенге», калмыков тибетского царства (Tanchut, Tenduc), а затем говорится и о «сибирских татарах».

остяки, братские, якуты и тунгусы]. Сл. ниже: Жербильон, стр. 480 под «братскими» разумеются буряты. Высказано было много догадок о происхож-

дении этого названия; они сгруппированы в статье М. Н. Богданова. Из истории бурят. «Записки Западно-Сибирск. Отд. Р. Г. Общ.», т. XXXVIII (Омск, 1916), стр. 43—56.

Самая отдаленная из сих крепостей называется Албазин]. Сл. ниже: Жербильон.

лучше предложить мирные условия]. Переговоры между Россией и Китаем, имевшие целью определение границ обоих государств, начались в 1687 г.; однако мирный договор был заключен в Нерчинске 27 августа 1689 г. лишь по отъезде Авриля из Москвы, отчего он и говорит далее: «неизвестно до сих пор доподлинно, успешны ли были начатые переговоры». По Нерчинскому договору Бейтон должен был оставить Албазин, и китайцы на возвратном пути из Нерчинска окончательно его разорили; с этого времени русские не возобновляли Албазина и не селились в нем (Х. Трусевич. Посольские и торговые сношения с Китаем, М., 1882, стр. 31—35). Нерчинский договор напечатан у Г. Юзефовича. Договоры России с Востоком, политич. и торговые, СПб., 1869. В китайском освещении переговоры в Нерчинске представляются в следующем виде: в 1689 г. съехались русские и китайцы в Нибджао (Нерчинск) и «положили, чтобы течение Шербитзи и восточное протяжение гор Хинганских было границей. Таким образом, Нибджао сделалось самым близким местом к нашим (т. е. китайским) границам, а Якса (Албазин) и другие места остались в нашем владении. На берегах Шербитзи поставили столб с надписью: позволили русским приезжать однажды в год для привезения дани и для производства торговли. С тех пор не нарушали уже они заключенных условий» («Историческое и географическое описание России, извлеченное из китайской географии». «Московск. Телеграф», 1825, III, февраль, стр. 220—221; Б. Г. Курц. Русско-китайские сношения в XVI, XVII и XVIII ст., 1929, стр. 49—54).

и присоединили к этому посольству даже двух французских иезуитов]. Один из них был действительно француз — Жан Франсуа Жербильон (о нем см. следующий текст), другой португалец Томас Перейра. С рассказом Авриля интересно сравнить рассказ об этом другого иезуита, Франциска Эмилиана, императорского миссионера в Москве (июнь 1699 г.): «немного лет тому назад русские перешли за свои границы и присвоили себе часть китайской земли, на которой была более богата ловля соболей, и не хотели возвращать ту землю китайцам. Китайцы выступили против русских с 300 тысяч солдат, тогда как у русских было не более двенадцати тысяч, и китайцы совершенно истребили бы их, если бы не вмешались наши отцы и не выпросили для русских пощады, как рассказывал очевидец, сам бывший там в то время, благочестиво уже почивший г. Шмаленберг; но другой, товарищ его, русский Головин, чтобы оправдать себя в том, что потеряна эта земля, не постыдился свалить всю вину на иезуитов, будто они сами провели войско против них и проч.» (Письма и донесения иезуитов о России XVII и нач. XVIII в. СПб., 1904, стр. 37—38). Роль иезуитов при заключении Нерчинского договора можно считать не вполне выясненной. Историограф Миллер полагал, что самое появление их в китайской миссии в Нерчинске свидетельствует об обмане, употребленном китайцами в этих переговорах, в чем убеждала его та высокая похвала, которую они заслужили от китайского правительства, а Джон Бель (Bell's Travels from St. Petersburg in Russia to divers parts of Asia. Glasgow, 1722, 11) прямо называет Жербильона главным уполномоченным с китайской стороны при заключении договора. K. B. Baer (Peters des Grossen Verdienste um die Erweiterung der geographisch. Kenntnisse. St. Petersb., S. 14—16) хотя и усумнился в этом, но заметил, что слова Белля «показывают, какую высокую оценку деятельность Жербильона в переговорах получила даже в России». Известно также мнение, что Жербильон и Перейра возвратили китайцам приамурские земли за позволение проповедывать в Китае христианскую веру (I. Plath. Die Völker der Mand-

schurey, Göttingen, 1830, S. 362—368). «Иезуиты, очевидно, способствовали соглашению обеих сторон на основе взаимных уступок, с условием, что Головин доведет об этом до сведения царя, с просьбой облегчить положение католической церкви в России и оказать покровительство их ордену» (Б. Г. Курц. Русско-китайские сношения в XVI, XVII и XVIII вв., стр. 49—54); нужно думать, однако, что ни Перейра, ни Жербильон, приехавший в Пекин в начале 1686 года, «не имели большого влияния на китайцев, которые проверяли их объяснения с русским посольством посредством монгольских толмачей» (Ср. Н. Н. Балкашин. Трактаты России с Китаем. «Памятная книжка Западной Сибири», Омск, 1882, стр. 9; см. еще составленный на основании сочинений иезуитов очерк П. В. Шумахера. Наши сношения с Китаем с 1567 по 1805 г. «Русск. Арх.», 1879, 11).

путешественники менее трех недель употребляют для достижения столицы Сибири]. Авриль преувеличивает легкость путешествия из Москвы в Тобольск. Обычно на это тратили от 2 до 5 месяцев, в зависимости от времени года (П. Буцинский. Заселение Сибири и быт ее первых насельников. Харьков, 1889, стр. 16—17). Ю. Крижанич в 1661 г. проехал это расстояние в 1½ месяца и мог считать свое путешествие очень быстрым (С. А. Белокуров. Ю. Крижанич в России. М., 1906, стр. 107). О расстояниях между Москвой и сибирскими городами см. выше, Э. Пальмквист, стр. 412—413.

можно их... пускать под парусами]. Весь этот рассказ, иллюстрированный в книге Авриля фантастической картинкой (см. стр. 461), можно считать вымыслом.

город этого имени]. Енисейск, построенный в 1618 г., но наименованный городом лишь в 1629 г. (Сл. Ин. Архангельский. Город Енисейск 1618—1918. Енис., 1923, стр. 4—5).

Ангара, которая вытекает из озера Байкала]. Все, что Авриль рассказывает про Байкал, вероятно, основано, главным образом, на описании Спафария. Байкал стал известен русским уже в 30 гг. XVII в.; так его упоминает роспись бывшего мангазейского воеводы Андрея Палицына (1633 г.), Русск. Историч. Библиотека, 11, 1875, стр. 962; в 1640—41 гг. воеводы Головин и Глебов смогли уже сообщить в Москву довольно подробные расспросные сведения о Байкале (Дополн. к Акт. Истор. 11, 1846, стр. 248), а в 1643 г. Байкал был посещен управителем Верхоленского острога Курбатом Ивановым, сделавшим набег на остров Ольхон (Фишер. Сибирская история, стр. 547—548; Л. С. Берг. Очерк истории русской географической науки. Лгр., 1927, стр. 87).

Однако, еще в 1675 г. Спафарий, видевший Байкал при проезде в Китай, отмечает скудность имеющихся о нем литературных данных: «Байкальское море неведомое есть ни у старых, ни у нынешних земнописателей, потому что иные мелкие озера и болота описуют, а про Байкала, которая толикая пучина есть, никакое воспоминание нет, и для того его здесь вкратце описуем» (Ю. В. Арсеньев. Путешествие Н. Спафария через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая, СПб., 1882, стр. 118—120). Название «Байкал» Спафарий затруднялся объяснить: «А имя того Байкала видется, что не русское, а назвали его тем имянем по имени некотором иноземца, которой жил в тех местах» (стр. 120); по мнению Н. Ф. Катанова, имя это—монгольского происхождения и значит «естественное озеро» (Н. Спафарий. Описание Китайского государства. Казань, 1910, стр. 17).

путешественники употребляют иногда более семи и восьми дней на переезд озера]. В современных русских источниках говорится: «А Байкал озеро перебегают парусом до Селенги реки дни в три» («Чертеж всей Сибири»); «А Байкал озеро перебегают дни в три до Селенги реки...» («Список с чертежа Сибирской земли»); А. Титов. Сибирь в XVII веке, М., 1890, стр. 31, 47).

Не говоря о ревене, ляпис-лазури, бобрах...]. Предметы русско-китайской торговли во 2-й половине XVII в. характеризованы Кильбургером (сл. выше, стр. 418). Корень женьшень очень интересовал тогда европейцев и русских. В русских рукописях XVII нач. XVIII в. сохранился перевод статьи «О корне гензенг» из книги Афанасия Кирхера «Славная Хина» (Сборн. Отд. Русск. Яз. и Слов. Ак. наук, т. 98, 1921, стр. 48); ср. F. Duckmeyer. Corb's Diarium. Berlin, 1909, Bd. I. S. 40—41.

особенный род зверей... которых называют бегемот]. Во французском подлиннике: «Ce ne sont point les Elephans qui le leur fournissent... mais d'autres animaux Amphibies, a qui on donne le nom de Bechemot qu'on trouve ordinairement dans la fleuve Lena, et sur les rivages de la mer de Tartarie». Авриль, несомненно, путает полученные им в Москве известия о мамонтовой и моржовой кости. Путешественник в Китай через Сибирь, Лоренц Ланге (1715) пишет также, что в окрестностях Енисейска и дальше к Мангазее «встречается один весьма удивительный сорт костей, находимый по берегам рек и в прилегающих к ним пещерах, похожий на слоновую кость»; передав различные связанные с этими костями поверья и легенды о происхождении мамонта (сл. выше, стр. 72), Ланге замечает, между прочим: «некоторые глубокомысленные естествоведы причисляют это животное—мамонта—к бегемотам; в сороковой главе книги Иова дано описание его и указывается очень точно на подобное этому животное» (Н. Ф. Катанов. Известия Лоренца Ланге о Сибири. «Ежегодник Тобольск. губ. музея», вып. XIV, стр. 6). Аналогичный рассказ находим также у Джона Перри («Повествование о России». «Чтение в Общ. Ист. и Древн.», 1871, II, стр. 53): «Из Сибири привозят также особого рода кость, похожую на слоновую и добываемую из земноводного зверя, называемого бегемотом (Behemot), который находится на реке Лене (Lama) и окрестных озерах». Другой автор, собрав ряд данных о мамонте в Сибири, резонно замечает: «Так как никто не видел подобное животное живым и не мог описать его внешний вид, то тем самым падает справедливость предположения, что оно похоже на бегемота, это животное больше размерами и опаснее крокодила» (Der allerneuste Staat von Siberien. Nürenberg, 1720, S. 55). Страленберг также полагал, что «мамонт» есть искаженное слово «бегемот» («мегемот») (ср. Сочинения А. С. Усова, М., 1888, т. I, стр. 396—397). Исторические и статистические данные о количестве мамонтовой кости, добывавшейся в Сибири, см. у А. Миддендорфа. (Путешествие на север и восток Сибири, ч. I, отд. I, СПб., 1860, стр. 257—258, 261—263); ср. еще Е. Б. Пфиценмайер (В Сибирь за мамонтом. М.-Л., 1928, стр. 7—15). Говоря далее о том, что «много нужно отваги для того, чтобы решиться на бой с животным, доставляющим кость» и приводя слова русского воеводы о ловле «бегемотов» в Ледовитом океане, Авриль, конечно, имеет в виду моржей, название которых он еще не знал, хотя оно было уже задолго до того известно в Западной Европе (см. выше, стр. 81—83).

от смоленского воеводы Мусина-Пушкина]. Трудно сказать, какое лицо Авриль здесь имеет в виду: не был ли это Иван Алексеевич Мусин-Пушкин, окольничий с 1689 года? (См. о нем Н. Барсуков. Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII в. 1902, стр. 211). Фамилию Мусина-Пушкина носили многие из сибирских воевод во второй половине XVII в.: Матвей Максимович был воеводой в г. Туринске в 1652—55 гг. (Барсуков, op. cit., стр. 251); в конце XVII в. красноярским воеводой был стольник Петр Савич, в Нерчинске воеводским товарищем был Федор Петрович, сын предыдущего (Н. Оглоблин. Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа, ч. I, М., 1895, стр. 56, 249).

огромная река, называемая Кавойна]. Повидимому, Мусин-Пушкин рассказывал Аврилю про реку, которая была у нас раньше известна чаще под именем

Ковымы. Река эта открыта русскими ок. 1641 г. Мих. Стадухин, состоявший в звании казачьего десятника, был отправлен якутским воеводой П. Головиным в бассейн верхней Индигирки. Построив коч, он «поплыл вниз по Индигирке и морем дошел на Ковыму реку» (см. Ф. П. Врангель. Историч. обзор путешествий по Ледовитому океану, СПб. 1841, стр. 6—8, 13—15, 18; Н. Н. Оглоблин. Семен Дежнев. Новые данные и пересмотр старых. СПб., 1890, стр. 13—15, 17, 21, 25 и др.; его же. Восточно-сибирские полярные мореходы XVII века. ЖМНПр. 1903, № 5, стр. 41 и сл.).

В 1647 г. воевода В. Н. Пушкин послал того же Стадухина «морем для проведывания новых землиц за Ковыму реку». Здесь Стадухин нашел залежи «кости рыбья зубу»; «за Ковымою рекою на море моржа и зубу моржевого добре много». В своем сообщении про Колыму 1644 г. Стадухин сообщал, что «на Колыме де реке был он для государева ясачного сбору два годы, а Колыма де река велика есть, с Лену реку, идет в море также, что и Лена под тот же ветр, под восток и под север, а по той де Колыме реке живут иноземцы, колымские мужики, свой род, оленные и пешие сидячие многие люди, и язык у них свой» (Доп. к Акт. Историч. III, стр. 99). Вслед за Стадухиным якутский казак Иван Беляна, построивши коч на свои средства, весною 1645 г. спустился вниз по Алазее, «и вышли на море, и морем шли две недели, и пришед на Ковыму реку, а по Ковыме шли вверх 12 ден» (Н. Оглоблин. Восточно-Сибирские полярные мореходы, стр. 59—60). «Имеются сведения, что первым, отважившимся пройти с устья Колымы морем на восток, был мезенец Исай Игнатьев, который в 1646 году шел на восток двое суток до губы, обитаемой чукчами». В 1648 г. состоялся знаменитый поход Семена Дежнева из Колымы морем на Анадырь вокруг северо-восточной оконечности Азии (Л. С. Берг. «История географического ознакомления с Якутским краем» в сборнике «Якутия», Лгр., 1927, стр. 8—9; его же. Известия о Беринговом проливе и его берегах до Беринга и Кука.—Записки по гидрографии, т. XLVIII, вып. Пг., 1920, стр. 111—112, 122).

Не сомневаюсь, что многие из охотников... доплывают на льдинах к северному мысу Америки]. Не следует удивляться рассказу Мусина-Пушкина о сношениях жителей северо-восточных берегов Сибири с Америкой. Америка уже давно была известна русским книжникам (вероятно, Максим Грек первый сообщил на русском языке сведения об открытии Нового Света; ср. Н. Спасский. Одна из русских космографий «Русский Филологический Вестник», 1896, т. XXXV, стр. 95 и сл., 187 и сл., «Понятие наших предков об Америке из древних хронографов»—«Московский Телеграф». 1832, IV, стр. 594—599; В. С. Иконников. Максим Грек и его время. Киев, 1915, стр. 348—350; в XVII веке, с распространением русской колонизации на северо-востоке, Америка привлекла к себе внимание русских администраторов Дальнего Востока. Так, Родес доносит шведской королеве Христине из Москвы 28-го апреля 1652 г. о посылке двухсот стрельцов Францбекову (Фаренсбаху, в 1648 г. назначенному якутским воеводой): «Идет также слух, решились отправить туда несколько чужестранных офицеров для их предполагаемого путешествия в Америку (America) и чтобы продолжать полное овладение богатой страной, открытой упомянутым Францбековым» (Б. Г. Курц. Состояние России в 1650—1655 гг. по донесениям Родеса. М., 1915, стр. 85). Напомнив о гипотезе Мусина-Пушкина, изложенной у Авриля, Л. С. Берг («Известия о Беринговом проливе»... стр. 212) замечает: «как бы ни относиться к ней, но все же очевидно, что смоленский воевода совершенно ясно представлял себе, что северо-восточные берега Азии близко подходят к Америке. Характер сведений, какими он обладал об этой последней стране, именно нахождение там бобров и сходство жителей с обитателями Азии, показывает, что он черпал из первоисточника—возможно из дел Сибирского приказа. «Остров» против устья Колымы это Медвежьи Острова». См. выше, стр. 274.

плоскодонные гондолы]. Дощаники.

величайшее множество морского тростника]. В «Сказании о великой реке Амуре» рассказывается: «По правую сторону, по морю как итти по воде в губах растет великой камыш, и в лодках ездить тем камышем нельзя для того, что тот камыш великой, густой и толстой» (А. Титов. Сибирь в XVII веке, М., 1890, стр. 111); сл. там же рассказ гиляков об устье Амура: «и есть де там вырос великой камыш и толстой, и тем камышем вдаль на чистое море никоими меры пройти невозможно...» (стр. 112). Интересно, что рассказ Авриля о чудовищном тростнике заимствовал у него Дефо для второй части своего «Робинзона»: «Рассказывают,—пишет он,—что устья этой реки (Амура) загромождены громадным тростником чудовищного роста, толщиною в три фута и вышиною от двадцати до тридцати футов, но я не верю этой басне» (Сл. мою статью «Сибирь в романе Д. Дефо». Ирк., 1928, стр. 9, где, однако, источники этого рассказа я еще не мог указать); так, реальный географический факт, исказившийся в устной и литературной передаче, превращался, в конце концов, в вымысел.

XLIV. ЖЕРБИЛЬОН | GERBILLON

(1689)

Жан-Франсуа Жербильон (1654—1707), французский иезуит, родом из Вердена в Северной Франции. Вступив в орден в 1670 г., он был в числе четырех других иезуитов, которые с титулами „Королевских математиков" были отправлены Людовиком XIV в Пекин ко двору 4-го императора Цинской династии Кан-Си. Выехав из Франции в 1685 году, они прибыли туда лишь в 1686 г. (F. v. Richthofen. China, I, S. 679 ff.; Chr. H. Kalkar, Geschichte der christlichen Missionen unter den Heiden, II, S. 356—498). Император Кан-Си, известный своим покровительством иезуитам и своим интересом к европейской науке, удержал при себе Жербильона вместе с патером Иоахимом Бувэ (H. Plath. Die Völker der Mandschurei, Göttingen, 1830, S. 356—498). В 1688—89 году, следовательно, вскоре после своего приезда в Пекин, Жербильон был назначен представителем с китайской стороны при заключении Нерчинского мирного трактата и при определении границ между китайским и русским государствами и перевел с китайского языка на латинский ряд официальных документов (обменные грамоты, самый текст договора и т. д.) (сл. у нас выше, Авриль, стр. 470—471); благоприятный для Китая смысл этого трактата доставил Жербильону еще большую благосклонность китайского императора. (Ср. W. Schüler. Abriss der neueren Geschichte Chinas, 1913, S. 86 ff.; H. Hermann. Chinesische Geschichte. 1912, S. 155). Жербильон умер в Пекине в 1707 г. в звании генерал-супериора миссий в Китае, совершив ряд поездок вглубь страны и на окраины ее и оставив целый ряд трудов; среди них особенно ценилась европейцами первая манчжурская грамматика, которую М. Тевено напечатал в описании своих путешествий (Melchisedek Thevenot. Relations de divers voyages curieux. Paris, 1696, vol. IV. Ср. Joh. Gottfr. Eichhorn. Geschichte der neueren Sprachkunde, Göttingen, 1807, S. 397). Большое значение имели, а отчасти сохраняют его и поныне, описания его шести поездок по Монголии (1691—1698), особенно для познания еще совершенно неизвестной тогда южной Монголии (F. v. Richthofen, China, I, S. 680—681). Они напечатаны

также у Дюгальда (t. IV, p. 252—421). Трудами Жербильона, между прочим, очень интересовался Г. Г. Лейбниц; так, в книге Лейбница „Novissima sinica“ 1697 (о ней см. ниже: И. Идес, стр. 517) напечатан: „Appendix Excerptorum ex literis à R. P. Johanne Francisco Gerbillonio 2 et 3 sept. 1689 ex urbe Nipchou Tartariae Orientalis ditionis Moschicae prope Sinensis Imperii fines“ etc. (Сл. F. R. Merkel. G. W. Leibnitz und die China-Mission, Leipz., 1920, S. 8, 44, 50)

Ф. Аделунг (Krit.-Liter. Übersicht, II, 378) сообщает, что Жербильон принял участие в качестве переводчика при Московском посольстве в Китай Ф. А. Головина и И. А. Власова в 1686 г. и что он „записал все, что видел замечательного во время этого путешествия“. Это известие, однако, неверно: сведения Жербильона о Сибири и в частности о путях из Пекина в Тобольск, помещенные в книге Дюгальда и в русском переводе, приведенные в настоящем издании (Du Halde. Description géographique, historique, chronologique, politique et physique de l'Empire de la Chine et de la Tartarie Chinoise, La Haye 1736, t. IV, p. 64—68), почерпнуты им из устных сообщений одного русского жителя Тобольска, оставшегося жить в Китае и получившего здесь должность и звание младшего мандарина, а также и из других рассказов купцов; сам же Жербильон ездил в Нерчинск и был только в пограничных с Китаем областях Забайкалья (ср. В. Бартольд. История изучения Востока, Лгр., 1925 г., стр. 195). В 1698 г., вместе с иезуитом Томасом Перейрою, Жербильон в составе имперской китайской комиссии ездил в Халху, незадолго перед тем передавшуюся Китаю; путь его лежал из Пекина через Барин к Пер-Озеру, затем по р. Толе до впадения ее в Орхон; здесь экспедиция пробыла с 14 по 24 июля: краткое известие Жербильона об этом путешествии также напечатано в IV томе книги Дюгальда (ср. Henning. Reiseberichte über Siberien, „Mitt. der Gesellsch. f. Erdkunde zu Leipzig“, 1905, S. 302—303). По поводу известий Жербильона о Сибири Хеннинг справедливо замечает, что они носили „преимущественно практический характер“; „его интересовали в местностях, пограничных с Китаем, направления пути, расстояния и т. д. Известия же этнографического характера имеют вид случайных, побочных и кратких заметок“; тем не менее они довольно интересны и довольно точны, так как основаны на русских сообщениях. Ныне мы приводим в русском переводе по книге Дюгальда одно из его известий, в котором описан зимний путь из Москвы в Тобольск, а также пути от Селенгинска до Тобольска и от Селенгинска до Нерчинска и Албазина. Книга Дюгальда, заглавие которой дано выше, вышла также в немецком переводе: „Ausführliche Beschreibung d. Chinesischen Reichs und d. Grossen Tartarey. Aus dem Französischen mit Vorrede von Mosheim“, Rostock,

1747—1749, 4 Bde (известие Жербильона о Сибири помещено здесь в т. IV, стр. 53 и сл.); существует также и старый русский перевод: „Описание... Китайской Империи и Татарии Китайской“, соч. Г. Дюгальда. Перевел с французского Игнатий Тейльс, 2 части (СПб., 1774—1777), но вышли только два тома из четырех (В. С. Сопиков-Рогожин. Опыт русской библиографии, ч. IV, № 7544), а интересующие нас известия о Сибири помещены в четвертом томе французского подлинника.

Однако, из IV тома книги Дюгальда русский перевод под заглавием „О великой Татарии“ напечатан уже в „Месяцесловах“ на 1744, 1745, 1746 и 1747 гг. (перепечатано в „Собрании сочинений, выбранных из месяцесловов на разные годы“, ч. I, СПб., 1785, стр. 227—301); Д. В. Путята (Китай, СПб., 1895. Приложение 1: „Извлечение из дневника патера Жербильона“, стр. 1—31) привел из того же источника большую выдержку из дневника Жербильона, сопровождавшего имп. Кан-Си в монгольском походе 1696 г. (см. о том же Е. Тимковский. Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 г. СПб., 1824, ч. 1, стр. 187); кроме того, в „Землеведении Азии“ К. Риттера (т. II, СПб., 1859, стр. 241—255) приведены были отрывки из дневников Жербильона во время поездок: 1) Между озерами Буиром и Далай-Нором к месту собрания халхасских ханов на Улан-Булахе (1698); 2) На нижний Керулэн; 3) от Керулэна до Нерчинска; 4) Вдоль верхнего Керулэна. Сведения о Жербильоне, помещенные у В. П. Савина (Взаимоотношения царской России и СССР с Китаем. М., 1930, стр. 28—29), мало достоверны; спутник Жербильона португалец Перейра дважды назван здесь французом Нерейром (стр. 28 и 150); ошибочно известие, что Жербильон „за время своего пребывания в Китае написал обширный китайско-русский словарь, который во время анти-миссионерского движения в Китае он вынужден был оставить первой русской духовной миссии“. Судя по тому, что в тексте помещаемого ниже в переводе известия Жербильона упоминаются 1688 и 1689 гг., оно не могло быть написано раньше, но данные, здесь приведенные, относятся к более раннему времени. Возможно, что они были пополнены Жербильоном во время его позднейших поездок по Китаю и Монголии; таким образом, точная дата известия не поддается определению, и его нужно считать относящимся к самому концу XVII века. О путешествиях Жербильона см. также у Astley. A New General Collection of Voyages (London, 1745—1747), vol. IV, p. 701—716.

Остается сказать о четвертой народности той части Татарии, которая находится под владычеством москвитян.

Эта часть наиболее обширная, ибо она простирается с запада на восток от Московии до Восточного моря (mer orientale) и с

севера на юг от Ледовитого моря (mer glaciale) до 50-го градуса северной широты в западной части и до 55-го градуса в самой восточной части; но о ней можно только сказать, что это—обширная пустыня; за исключением нескольких местностей Сибири, достаточно населенных, все остальные почти совершенно лишены обитателей.

Я объехал лишь часть границ этих обширных стран: то, что я дальше буду излагать, я узнал от нескольких москвитян и нескольких татар, которые [там] жили и совершали различные путешествия; в особенности от одного москвитянина, который поселился в Пекине и был там младшим мандарином. Москвитянин этот был захвачен в плен манчжурами при взятии Яксы и, не имея средств к существованию в своем отечестве, охотно принял сделанное ему предложение остаться в Пекине. Он объехал лучшую часть этих обширных областей и, помимо того, что он проделал два или три раза путешествие из Тобольска (место его рождения) в Москву, он ездил из Тобольска на Селенгу, оттуда в Нипчу, где прожил год, из Нерчинска в Яксу (Jacsa), где он провел восемь лет, занимаясь то охотой, то сбором дани, которую [тамошние] племена платят ежегодно царю и которая состоит из прекрасных и дорогих мехов, составляющих главный предмет торговли москвитян.

Вот суть того, что он мне рассказал; рассказ его мне был подтвержден свидетельствами нескольких других столь же осведомленных лиц.

1. Эта народность (nation) отстоит от Москвы не дальше чем на 300 лье. Когда земля покрыта снегом, дорога легко совершается на санях в 20 дней; но летом она почти недоступна для проезда из-за грязи, вод и болот, поэтому торговля—очень значительная—всегда производится зимой.

2. Тобольск или, как говорят москвитяне, Тобольской—большой и весьма торговый город: это—столица Сибири и главное средоточие всех меховых товаров. Окрестные сельские местности производят разнообразные зерновые продукты, овощи и плоды. Управление ведется четырьмя московскими чиновниками, каждый из которых имеет свой круг ведения и власть (son département et sa jurisdiction réglée); они сменяются каждые три года. Все, чем москвитяне владеют в Татарии за реками Иртышом (Irtis) и Обью (Obi), подведомственно Тобольску. В этом городе находится сильный гарнизон из москвитян и состоящих на жаловаsuccessivenи у царя сибиряков.

Город Тобольск—величиной примерно с Орлеан. Он расположен на высокой горе, у подножия которой течет большая река Иртыш и маленькая—Тобол, от которой город получил свое имя и которая в этом месте впадает в Иртыш. Считают около ста лье от Тобольска до места впадения Иртыша в Обь; но нет и поло-

вины этого расстояния, если итти напрямик. Иртыш делает много поворотов и изгибов, и нужно пятнадцать или двадцать дней, чтобы пройти эти сто лье, поднимаясь по реке.

В окрестностях Тобольска и между реками Иртышом и Обью живут сибиряки, большей частью магометане. Тех, которые живут между Обью и Енисеем (Genissèe), москвитяне называют остяками и тунгусами (Ostiak et Tongoussy). Остяки живут поблизости к Оби и по небольшой реке Кети, а тунгусы—в окрестностях Енисея.

3. Нужно много меньше времени на переезд из Селенги (Selingha) в Тобольск, чем из Тобольска в Селенгу или Селенгинск (Selingué ou Selingha). Селенга—собственно река, на которой москвитяне поставили острожек (bourgade) в стране халхасцев (Kalkas), в расстоянии около 250 лье на север от Китая, и дали этому острожку имя реки. Здесь должны были происходить в 1688 году мирные переговоры между уполномоченными китайского императора и московского царя.

Озеро, называемое Байкал (Paycal), отстоит на юг от этого места на четыре небольших дневных перехода. Это самое большое озеро Татарии и одно из самых больших в мире. Затрачивают три дня пути на то, чтобы из Селенгинска достичь Байкала, куда впадает река [Селенга]. Проезжают через маленький острожек по имени Удинск (Oudë), который расположен также на реке, в одном дне пути от озера. Затем в один день переправляются через озеро, так как в этом месте оно не особенно широко. Затем входят в другую реку, называемую Ангара, вытекающую из озера и имеющую очень быстрое течение к северу.

Примерно в 10 лье от озера, вниз по реке, встречают другой острожек, который зовется Иркутское (Irkoutskije), по имени небольшой реки, впадающей в этом месте в Ангару. Оттуда в десять или двенадцать дней достигают Енисейска (Genissea); это—село, выстроенное москвитянами на реке того же имени. Продолжают спускаться по Ангаре, течение которой, как я уже сказал, чрезвычайно быстрое и где множество скал, между которыми, однако же, барки могут пройти, коль скоро ими управляют местные жители. На расстоянии около полулье к югу от города Енисейска река Ангара впадает в Енисей; в этом месте она имеет не менее лье в ширину.

По прибытии в город, покидают эту большую реку, которая продолжает свой путь к северу, пока не вливается в Ледовитое море. Далее переходят через горы и делают семь или восемь лье сухопутьем, после чего вновь садятся на суда на маленькой реке Кети (Kiete), которая доступна переходу вброд и течет довольно спокойно, так что барки средней величины могут подниматься и спускаться по этой реке с почти одинаковой легкостью. Они идут на веслах довольно быстро и употребляют только около десяти

дней на переход до города или острога, называемого Кетский (Kietskoie) по имени реки.

От этого острожка до впадения Кети в Обь только один день пути; затем спускаются по Оби до места слияния с ней Иртыша и употребляют на это обычно пятнадцать или двадцать дней, затем поднимаются по реке Иртышу до Тобольска.

Это путешествие можно проделать без особых затруднений лишь летом, потому что дорога сухим путем полна гор и лесов и почти необитаема. Жилые места встречаются почти исключительно на берегах рек. От Кетского вниз по Оби после семи или восьми дней плавания встречают город Нарым (Navim) и, проплыв еще столько же дней—город Сургут (Fourgoutte).

4. Озеро Байкал имеет почти 100 лье в длину с юго-запада на северо-восток, но в ширину оно едва ли имеет и десять лье; оно имеет большую глубину и очень обильно рыбой; горы окружают его почти со всех сторон, земли к югу от этих гор хороши и годны для обработки. Поэтому они и возделываются в нескольких местах москвитянами. Туземцы (les gens du pays) не знают, что такое земледелие. Пшеница и овес растут здесь очень хорошо. Народы, живущие в окрестностях этого озера, москвитяне называют тунгусами (Tongousse), а татары—орочонами. Орочоны селятся преимущественно на реках, текущих к востоку.

Есть здесь еще и другие народы, которых монголы зовут братты (Brattes); это монголы халхасцы (Kalkas); они обитают к северу от реки Селенги. Кроме сибирцев, к югу, между Иртышом и Обью, находятся другие народы, которые называются вогулами (Vouhoulles). Они живут около реки Сосьвы (Sociva), впадающей в реку Тобол (Tobolk), приблизительно в восьми днях пути выше города того же имени. Ближе к истокам Сосьвы москвитяне построили маленький острожек по имени Пелым (Pialing, Пялен), в двадцати днях пути от Тобольска, чтобы править оттуда вогулами и заставлять их платить дань мехами.

Берега реки Лены, которая находится значительно к востоку от реки Енисея, населены другим народом, который москвитяне называют якутами (Jako); они там также построили город или острог, который назван Якутское (Jacouskoie) по имени этих племен, и оттуда правят ими. Охота и рыбная ловля составляют все их занятия. Язык этой народности отличен от языка племен, живущих около Енисея, Оби и Иртыша.

От Селенги можно добраться в двадцать дней сухим путем до Нерчинска (Niptchou) по очень открытой местности. В ней живут халхасцы (Kalkas) в местах, годных для пастьбы скота, и большая часть этих халхасцев подчинилась москвитянам. Но так как они были склонны к возмущениям и даже грабили караваны москвитян, то эти последние истребили их почти целиком.

В лесистых местах живут племена, которые москвитяне называют тунгусами и манчжуры—орочонами. Орочоны, о которых я уже упоминал, занимаются постоянно охотой и рыболовством. Они охотятся на соболей, горностаев, черных лисиц и на лосей: мясом этих животных питаются. Живущие около реки Аргуни (Ergon) платят также дань москвитянам. Они строят себе хижины, которые покрывают кожами лосей и северных оленей, называемых манчжурами „орон". Эта река Аргунь, которая нерчинским договором была определена в качестве границы с этой стороны между Китайской и Московской империями, вытекает из озера Далай

Рис. 64. Г. Нерчинск (из книги И. Идеса)

(Dalai) и вливается в Сахалин-ула (Saghalin-ula), пройдя около ста лье; она повсюду судоходна и в нескольких местах переходима вброд. От устья этой реки вверх до Нерчинска (Niptchou) только восемь или десять дней пути; оттуда до Албазина (Yacsa) два или три дня вниз по реке. Москвитяне зовут острог Nipchou—Нерчинской (Nerzinskoi); он сильно вырос со времени мирного договора, который там был заключен в 1689 году, и благодаря тому, что множество москвитян поселилось там, после оставления Албазина (Jacsa), и вследствие того, что оттуда отправляются идущие в Пекин караваны москвитян.

Вся страна к северу от Шилки до Ледовитого моря между меридианом Пекина и Восточным морем—совершенно необитаемая пустыня. Московитяне сказали нам, что прошли всю эту страну не найдя жителей, кроме одного места на берегах реки, называемой Удь, где поселилось несколько охотников и где они оставили колонию около ста человек, чтобы воспользоваться выгодами, какие предоставляет охота этих племен (peuples): там находят прекраснейшие меха. Московитяне добавили, что они объехали берега Ледовитого и Восточного морей и всюду находили море, кроме одного места к северо-востоку, где находится горная цепь, вдающаяся очень далеко в море. Они не смогли дойти до конца этих гор, казавшихся недоступными. Если наш материк соприкасается с материком Америки, то это возможно только в этом месте, но соприкасаются они или нет, несомненно во всяком случае, что они не могут отстоять сколько-нибудь далеко друг от друга; если верно, что наш материк тянется в этом направлении на шесть или семьсот лье от пекинского меридиана, как уверяют ездившие по этим странам люди и как подтверждают две карты, показанные нам московскими уполномоченными; если, наконец, принять во внимание, сколько градусов понадобится для такого протяжения страны на параллелях между 70-м и 80-м градусами широты—широты угла Татарии,—то нетрудно будет отсюда заключить о значительности расстояния между двумя материками с этой стороны.

Как бы то ни было, несомненно, что эта Восточная Татария является почти сплошь обширной пустыней и что северная часть ее, находящаяся под властью московитян, далеко не так населена, как Канада. Поэтому московитяне не извлекают оттуда доходов, кроме мехов и зубов какой-то рыбы, которые красивее, белее и дороже слоновой кости. Они ведут ими большую торговлю в Пекине, но не найдется, пожалуй, людей, кроме московитян, бедных, привычных к холоду и усталости, которые могли бы выносить столько трудностей для получения такой малой выгоды.

ПРИМЕЧАНИЯ

о четвертой народности]. Жербильон имеет в виду монголов.

захвачен в плен манчжурами при взятии Яксы]. В китайских источниках так назывался Албазин (N. Witsen. Hoord en Oost Tartarye, Amst., 1705, II, 64; Müller. Von der Stadt Albasin und denen darüber bereigten Russ. und Chinesisch. Streitigkeiten—«Samml. Russ. Gesch.» I, 1732, S. 315. Du Halde. Description de la Chine, t. IV, p. 19, 103, 232. «Собр. сочинений, выбранных из месяцесловов на разные годы», ч. I, СПб., 1785, стр. 244—245). На месте Албазина расположен был некогда один из трех городков даурского князя Лавкая. Во время походов казаков на Амур, под начальством Хабарова, в 1651 г. городок Якса был взят русскими после битвы и переименован в Албазин; тогда же

здесь заложен был русский острог. В 1653 г. китайцы его разорили, но в 1656 г. он был выстроен вновь. В 1670 г. Никифор Черниговский, с маленькою толпою бродяг бежавший из Киренска к Амуру, нашел этот город почти в развалинах. Черниговский, несмотря на то, что шайка его была весьма малочисленна, вновь укрепил его. С этого времени Албазин сделался почти единственным владением русских на Амуре и начал все более и более приобретать значения. Однако, когда китайцы заложили город Айгун на среднем Амуре (называемый также Айхун, Сахалин-улахото и Хэй-лун-цзян; сл. А. Кириллов. Географическо-статистический словарь Амурской и Приморской областей, Благовещенск, 1894, стр. 4), они начали серьезно заботиться о выселении русских из Албазина. Московское правительство, в свою очередь, сознавая значение Албазина и малочисленность его гарнизона, послало указ в Сибирь о наборе «новоприборного поселка» под начальством Афанасия фон Бейтона. В 1685 г. китайцы сделали новое нападение на Албазин; так как воевода Толбузин, несмотря на храбрую защиту, принужден был сдаться, то часть захваченных при этом казаков уведена была в Пекин (сл. Иванов. Краткая история Амурского казачьего войска. Благовещенск, 1912, стр. 27—30). После разорения китайцы ушли далее вниз по Амуру; этим воспользовались русские и вскоре же, под предводительством Толбузина, вернулись назад и начали постройку разрушенного укрепления. В июле 1686 г. китайцы опять явились сюда с большою силою, но взять его не могли, несмотря на упорную осаду; из 900 русских в осажденном городе осталось не более 150 против 8000 неприятеля; Толбузина, убитого ядром, заменил Бейтон. Китайцы, зимовавшие под Албазином, оставили осаду этого города только в 1687 году, по случаю начавшихся между Россией и Китаем переговоров, имевших целью определение границ обоих государств (сл. выше: Авриль, стр. 459—460). После мирного договора, заключенного в Нерчинске 27 августа 1689 г., Бейтон был вынужден оставить Албазин, и город был окончательно разорен китайцами (сл. А. Кириллов. Географическо-статистический словарь, стр. 528 s. v. «Якса»; С. В. Бахрушин. Казаки на Амуре, Лгр., 1925). Р. Маак, посетивший этот край в 50-х гг. XIX в., свидетельствует: «Теперь, как и тогда, место, где находился город, у манчжуров известно под именем Якса, а у манегров также под названием Оро» (Путешествие на Амур, СПб., 1859, стр. 65—66). При каком взятии китайцами Албазина захвачен был тот «московит», с которым беседовал Жербильон, решить трудно; нужно думать, однако, что это было задолго до 1686 года, так как за такой короткий промежуток времени (рассказ Жербильона относится к 1689 г.) он едва ли успел бы приобрести в Пекине почетное звание мандарина. И. И. Серебренников (Албазинцы. Пекин, 1922, стр. 7—9) отмечает, что уже за несколько лет до того, как при сдаче Албазина (в 1685 г.) 25 русских уведены были в глубь Китая, в Пекине «были уже русские. Это были пленники, взятые китайцами то тут, то там небольшими партиями при вооруженных столкновениях по Амуру. В исторических актах, относящихся к русскому Приамурью, запечатлен случай пленения казаков летом 1683 г. недалеко от устья р. Зеи. Начальник отряда был Григорий Мыльник, два пленных казака из его отряда привезли в Албазин грамоту богдыхана; они же сообщили, что Григ. Мыльник, попав в плен, не растерялся и решил строить в Китае заводы и мыло варить» (А. П. Васильев. Забайкальские казаки. Историч. очерк, т. I, Чита, 1916, стр. 169). По этому примеру можно думать, что русских в Пекине в 1686 г. скопилось несколько десятков человек. По некоторым источникам, число их превышало даже сто человек.»

в Нипчу]. Здесь имеется в виду г. Нерчинск, который китайцы и теперь еще называют «Нюйчи»; ниже Жербильон сам говорит, что «москвитяне зовут острог Niptchou—Nerzinskoi; Нипчу назывался еще также Нибджао («Историческое и географическое описание России, извлеченное из китайской географии»—«Московск. Телеграф», 1825, III, февраль, стр. 220—221). Исбрант Идес пишет по-голландски: Niecheu и Niucheu. «Не образовалось ли и русское название

Нерча, Нерчинск и Нерчинский Завод вследствие искажения слова Нюйчи?» – спрашивает Л. Шренк (Об инородцах Амурского края, т. I, СПб., 1883, стр. 172 прим.). Ценные материалы по ранней истории Селенгинска и Нерчинска опубликованы в издании «Сибирские города. Материалы для истории XVII и XVIII ст.» М., 1886.

Остяки живут... по небольшой реке Кети]. Река Кеть (по-остяцки—Пуни) правый приток Оби. При болотистом ее устье в 1596 г. заложен был город Нарым, упомянутый Жербильоном ниже.

по имени Удинск]. Имеется в виду нынешний Улан-Удэ (Верхнеудинск), в документах XVII в. называвшийся просто Удинское (А. Ионин, Новые данные к истории Восточной Сибири XVII в. Ирк., 1895, стр. 73). Впоследствии переименован в Верхнеудинск, в отличие от другого Удинска, названного Нижним.

города или острога, называемого Кетский]. В начале XVII в. на берегу р. Кети для защиты ее от «инородцев» заложены были остроги Кетский и Маковский. Кеть служила водным путем, по которому перевозились товары с р. Енисея на Обь.

город Сургут]. В подлиннике Fourgoutte, что несомненно опечатка, как и Navim вместо Narim.

москвитяне называют тунгусами, а татары—орочонами]. Ниже Жербильон пишет: «В лесистых местах живут племена, которых московиты называют тунгусами, а манчжуры—орочонами», и это указание правильнее, так как слово «орочон» действительно манчжурского происхождения, и его производят обычно от слова оро или орон, что значит олень, притом преимущественно домашний. «Георги утверждает, что слово тунгус неизвестно как самим тунгусам, так и соседним монголам, и что они сами себя называют бойе (быiiя), то есть человек,—замечает Р. Маак, прибавляя, однако, тут же: это мнение Георги может быть и справедливо относительно забайкальских тунгусов, которых почти все русские называют орочонами» (Путешествие на Амур, СПб., 1859, стр. 45). Орлов свидетельствует, что «названия тунгусы и орочоны означают одних и тех же бродячих инородцев, с тою разницей, что на пространстве от Баргузина к востоку до р. Витима и вообще по всему левому берегу этой реки, равно как и по бассейну рек В. Ангары и Кичеры, их называют тунгусами, а бродящих за Витимом и по р. Олекме, Тунгиру, Нюкже, Олодою и по берегам Амура—орончонами» (Вестник ИРГО. 1857, VI, стр. 193). Р. Маак (op. cit., стр. 46 затрудняется с достоверностью определить происхождение слова «орочон» и признать его равнозначащим русскому выражению «владетель оленей», как это делает Риттер (Землеведение Азии, т. IV, стр. 444), на том основании, что «большая часть тунгусов, владеющих оленями, не называется орочонами», но, впрочем, думает, что это название «происходит из Китая, где народ этот еще с давних времен известен под именем орунчан и элун-чунь». Точную справку о слове орочон делает Л. Шренк («Об инородцах Амурского края», т. I. СПб., 1883, стр. 136—137, 186—187): «Означая не более как оленный народ, название это могло относиться к весьма различным тунгусским племенам. С каких пор употреблялось оно у манчжуров или их предков, этого мы не знаем, однако, то обстоятельство, что оно осталось за ольчами нижнего Амура, давно уже расставшимися со своими оленями, равно как и за ороками Сахалина, указывает на его глубокую давность... Это манчжурское название стало известно для оленных тунгусов со времен древних иезуитов-миссионеров. У русских, напротив, название «орочоны» употребляется лишь с недавних пор и, разумеется, как чужеземное слово не имеет того обширного применения, как у манчжуров... Русские в настоящее время разумеют под орочонами оленных тунгусов, кочующих по Амуру и его притокам вверх от манегирцев и, кроме того, в Ста-

новом хребте, по верхним притокам Олекмы и в Хингане, по некоторым притокам реки Нонни». Ср. Schrenk. Reisen und Forschungen im Amur-Lande, I, S. 167; Труды Православных Миссий Иркутской Епархии, Ирк., 1886, IV, стр. 456—461; С. Патканов. Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири, ч. I, СПб. 1906, стр. 2—3. Собр. сочинений, выбранных из месяцесловов на разные годы, ч. I, СПб. 1785, стр. 249.

другие народы, которых монголы зовут братты]. Очевидно браты, братские, как называли бурят, однако, не монголы, а русские. Сл. выше: Авриль, стр. 458.

московитяне называют якутами]. Именем Яко (Uako), как пишет Жербильон, якутов называют тунгусы (П. И. Третьяков. Туруханский край, СПб., 1871, стр. 162). В 1620 г. в Тобольске уже получились от мангазейцев известия о проживающем на берегах Лены неизвестном доселе народе «якольцах» или «якутах» (В. Л. Приклонский. Летопись Якутского края, Красноярск, стр. 1—5); «название это,—замечает И. И. Майнов («Якутия». Сб. статей под ред. П. В. Виттенбурга, Лгр., 1927, стр. 323),—несомненно образовалось из тунгусских «яха» или «яко» (множ. «якут»), что является искажением собственного якутского наименования людей всей народности—саха» (множ. «сахалар»).

В ней живут халхасцы]. В конце XVII в., не будучи в силах противостоять набегам ойратов (джунгар), монголы-халхасцы, теснимые войсками Галдана, бежали в юго-восточную Монголию и там должны были принять китайское подданство (1688); часть из них ушла на север в русские пределы, где сделалась известной под именем селенгинских бурят (А. Позднеев. Монголия и монголы, СПб., 1896, т. I, стр. 432; его же: Монгольская летопись «Эрдениййя эрихэ» с пояснениями, заключающими в себе историю Халхи с 1636 по 1736 г. СПб., 1883. А. П. Свечников. Русские в Монголии. Труды Троицкосавско-Кяхтинского Отд. Приамурского Отд. Р. Г. О., т. X, вып. 1—2, 1909, стр. 84—85.

Река Аргунь]. Сл. выше: Г. фон Горн, стр. 448—449.

вливается в Сахалин-ула]. В Шилку. «Сахалин-ула» — манчжурское название, означающее «черная река» (Иакинф. Статистическое описание Китайской империи. СПб., 1842, ч. II, стр. 5; Л. Шренк. Об инородцах Амурского края. СПб., 1883, стр. 149). Этим названием обыкновенно манчжуры обозначали верхний Амур. «Сахалин-ула,—замечает Р. Маак,—почти вдвое длиннее Сунгари и... составляет верхнее течение Амура, а Сунгари есть только приток этой реки. Тем не менее манчжуры принимают Сунгари за начальное течение Амура, а Сахалин-ула считают притоком Амура» (Путешествие на Амур, СПб., 1859, стр. 138). Город Айгун на Амуре называется по-манчжурски Сахалин-ула-хотон (Müller. Samml. Russ. Gesch., Bd. II, 377, 381; ср. Васильев. Описание Манчжурии. Зап. Р. Г. О, кн. XII, 1857, стр. 29; А. Кириллов. Географ.-статистич. словарь Амурской и Приморской областей, Благовещенск, 1894, стр. 48, и др.). Однако Жербильон именем Сахалин-ула называет не верхний Амур, а реку Шилку, на что обратил внимание и Шренк (op. cit., стр. 190).

кроме одного места на берегах реки, называемой Удь]. Удский острог.

Если наш материк соприкасается с материком Америки]. Плавания русских мореходов (например, С. Дежнева) давно уже установили, что этого соприкосновения нет, но о них Жербильон, конечно, не мог знать. Сл. выше: Авриль, стр. 464.

зубов какой-то рыбы]. Вероятно, моржовая кость.

XLV. ГЕОРГ АДАМ ШЛЕЙСИНГ | GEORG ADAM SCHLEISSING

(1690)

Многочисленные книжки о России Георга Адама Шлейсинга (Schleissing, также Schleising) сравнительно мало известны в специальной литературе, а сведения о нем также очень скудны. Из старых авторов о Шлейсинге кратко упоминает А. Селлий в своей „Литературной записке“ (Schediasma literarium de scriptoribus qui historiam politico-ecclesiasticam Rossiae scriptis illustrarunt. Revaliae, 1736, p. 33), которому известно лишь одно его сочинение, затем историограф Г. Ф. Миллер (Sammlung Russ. Gesch. VI, S. 31); Аделунг (Krit.-lit. Übersicht, II, 382—383), с чужих слов, называет лишь две книги Шлейсинга, одну—в двух изданиях с неполными и переиначенными заглавиями, замечая об авторе: „Шлейсинг, повидимому, сам был в России и даже Сибири; но в том, что он говорит, много неверностей, особенно касательно Сибири. Нам, к сожалению, не удалось собрать никаких дальнейших о нем сведений“. Попытку восполнить этот пробел в исторической литературе, касающейся сказаний иностранцев о России, представляет статья М. Корфа: „Библиографические отрывки. Некоторые немецкие сочинения о России в конце XVII и начале XVIII в.“ („Отеч. Зап.“, 1854, т. 9, отд. II, стр. 139—148). Здесь собраны наиболее полные данные как о сочинениях Шлейсинга, так и об авторе их. Пользуясь старыми био-библиографическими пособиями (напр., книгой Griphius. Apparatus, sive dissert. isagogica de scriptoribus etc., Lips, 1710), использовав отдельные намеки его современников (так, напр., некий Wendel-Peter Alexowitz warhafftes Bildniss etc. Dresden, 1698, S. 21 говорит, что он узнал многое о России из рассказов Шлейсинга, который, якобы, „состоял долгое время в службе царя и, следовательно, должен быть почтен за самовидца“), наконец, внимательно прочтя его сочинения, в которых нашлось немало автобиографических указаний, М. Корф в указанной статье своей смог изложить биографию Шлейсинга; в ней оказалось довольно много темных мест, но тем не менее и собранных данных достаточно для того, чтобы мы могли соста-

вить себе достаточно отчетливое представление об этом заурядном журналисте своей эпохи. По словам Корфа, Шлейсинг родился в Дрездене или Мейссене ок. 1660 года и в юности выслушал курс юридических наук в университете, вероятно Иенском. „Из устаревшего студента он сделался тем, что называли тогда странствующим школьником, чем-то вроде искателя приключений, без других ресурсов, кроме своего звания „литерата“, кочующего из одного города в другой и живущего изо дня в день. Схватив некоторые сведения из книги Олеария, новейшего тогда путешественника по этому малоизвестному краю, он вздумал пуститься на север и через Норвегию, Швецию и Финляндию добрался до Нарвы. Этот путь он совершил, кáк должно думать, с несколькими купцами, и в Нарве ингерманландский (шведский) губернатор бар. Шперлинг снабдил его, по рекомендации одного богатого тамошнего торговца, паспортом для проезда в Московию. Выехав из Нарвы, с длинною рапирою у бока, 20 марта 1684 г., Шлейсинг 25-го прибыл в Новгород, откуда переезд его до Москвы, на долгих (mit einem „reichwosneck“), протянулся со 2 апреля до 22-го. Сделав, вследствие того, пару деревянных рапир, Шлейсинг дал молодым людям несколько уроков, и дело им так полюбилось, что они стали уговаривать его пробыть у них несколько месяцев с хорошим жалованьем, но, „имев надобность торопиться“ (зачем торопиться и вообще с какой целью он ехал в Москву, Шлейсинг нигде не объясняет), он отказался от предложения. Москва, когда он туда приехал, была еще наполнена живым отголоском смут, волновавших ее после кончины царя Федора Алексеевича. Эти события внушили „странствовавшему школьнику“ мысль первого его сочинения „Anatomia Russiae deformatae“. Его пребывание в России не могло, впрочем, продолжаться долее трех лет, потому что в 1688 г. Шлейсинг не только опять находился в Германии, но и книга его была уже издана. Он, по всей вероятности, не бывал далее Москвы, хотя, если верить его собственным словам, ездил „ради военных дел“ и в Сибирь (Weiln nun sothanes Sieweriam en Militair Affaires gar genau in Augenschein zu nehmen... gute Gelegenheit gehabt). „Ему не посчастливилось в России; по крайней мере, он не вышел в люди и не нажился“... (Корф, op. cit., 140—141). Перед нами, таким образом, типичный авантюрист, притом неудачник, старавшийся извлечь максимальную выгоду из писаний брошюрок о России после того, как самое путешествие его в эту страну не принесло никакого облегчения его материальному положению. Последующие годы Шлейсинга прошли в скитаньях по Германии и в переизданиях, с легкими вариациями, но с новыми замысловатыми заглавиями, все той же книги о России, которая написана была на основе собранных им в Москве данных. „Успех, который имела выпущенная им по возвращении в Германию (безы-

менно) Anatomia Russiae deformatae,—говорит про Шлейсинга Корф в той же статье,—дал ему мысль промышлять своею поездкою в бо́льших размерах, и он принялся издавать, назвавшись уже по имени, целый ряд книжонок, в которых, под различными хитро придуманными новыми заглавиями, повторялось в существе все одно и то же. Грифий очень хорошо знал нашего молодца в это время в Бреславле: Шлейсинг был в крайней скудости и печатал свои вечные вариации на одну и ту же песню, с тою лишь целью, чтоб выпрашивать себе что-нибудь у тех, кому их посвящал или кому подносил экземпляры. Между тем, в предисловии к каждой мнимо-новой его книжке мы встречаем стереотипное уверение, будто бы прежнее издание, быв напечатано только в сотне экземпляров, давно исчезло из книжной торговли. Разные прибавки и вставки, которые автор включал постепенно в каждое издание, не более заслуживают веры, чем титул бывшего штабс-капитана (Capitaine-Lieutenant) царской службы, которым он стал величать себя с четвертой своей книжки" (Корф, стр. 141—142). Из всех сочинений Шлейсинга нас наиболее может интересовать то, которое имеет заглавие: „Новооткрытая Сибирь в ее современном состоянии с ее городами и местечками" (Neuentdecktes Sybirien, oder Siewerien, wie es anitzo mit allen Städten und Flecken angebauet ist, etc. Jena, 1690). В этой книге довольно запутанно и со многими ошибками рассказывается о Сибири вообще, о происхождении самого слова, о путешествии из Тобольска к кара-китаям, о находящихся в Сибири озерах и реках, городах и острогах, о самоедах или диких людях, о богатствах, климате и производительных силах страны и т. д. Полагая, что Шлейсинг сам не ездил в Сибирь, Корф думает, что эта книга „составлена из рассказов купцов, с которыми он познакомился в Москве". Вопрос этот решить трудно: искажения собственных имен и русских слов, встречающиеся в книге, а также наличие в ней ряда погрешностей и даже грубых ошибок (таково, напр., смешение Волги с Волховом) еще не могут служить доказательством того, что Шлейсинг сам не был в Сибири; вспомним аналогичные искажения в сочинении Альбрехта Доббина (см.), прожившего в Сибири около семнадцати лет: ошибки в словопроизводстве, в объяснении русских слов и понятий были неизбежны в устах всякого иностранца XVII века; что же касается неточности географических данных, то они могли объясняться несовершенством русских карт того времени и плохою изученностью края вообще. У нас есть все основания предполагать, что значение этого сочинения Шлейсинга Корф не оценил, говоря, что оно представляет известный интерес лишь для определения точки, с которой иностранцы смотрели на Россию, как не оценил он и приложенной к последующим изданиям карты. Издававшийся в Германии Тенцелем журнал „Monatliche Unterhaltungen" 1690, S. 379, ff. поместил рецензию на эту книгу, в кото-

рой анонимный рецензент, не сомневаясь в действительности поездки Шлейсинга в Сибирь, высказал ряд возражений против, действительно, очень неудачных этимологических толкований автором слов: Сибирь и самоеды. Шлейсинг ответил на эту рецензию вторым изданием книги, в предисловии к которой отвечал своему критику с запальчивостью и раздражением, указывая между прочим, что первое издание имело большой успех и совершенно разошлось. В рукописном собрании гос. библиотеки им. В. И. Ленина в Москве (б. Румянцевский музей) хранится рукопись: Scheussing. Neuentdecktes Sibirien (по составленному А. Востоковым Çatalogue Systématique du Musée Roumiantzow. Manuscrits en langues étrangères № 63, p. 69), которую Аделунг (II, 383) принял за оригинал этого сочинения; по словам Корфа это лишь список, снятый с печатного экземпляра первого издания 1690 года. Во втором издании, вышедшем два года спустя, заглавие книги несколько дополнено и распространено: „Новооткрытая Сибирь, в которой ловят соболей, в современном состоянии ее городов и населения с приложением специальной карты этой страны" и т. д. (Neuentdecktes Sieweria, worinnen die Zobeln gefangen werden, wie es anjetzo angebauet und bewohnet, ist nebst desselbigen Landes abgefasseter Charta etc. Dantzig, 1692). Текст этой книги повторяет текст первого издания. с опущением рассказа о событиях, случившихся во время пребывания Шлейсинга в Москве, и с прибавлением новой главы о русских женщинах и обрядах русской свадьбы, заимствованной, в свою очередь, из первого сочинения Шлейсинга. Новостью является приложенная к ней карта Сибири. По поводу этой карты Корф говорит: „Упомянутой в заглавии карты Сибири нет в нашем экземпляре, но ее не было равномерно и в миллеровском того же издания (Samml. Russ. Gesch., VI, S. 31), из чего, при личности автора, рождался бы повод заключать, что она была только на заглавном листе. Миллер прибавляет, что если эта карта действительно существовала, то в ней, верно, было очень мало правды, потому что текст книги изобилует множеством грубых ошибок. Мы, однако ж, находим карту и, точно, переполненную нелепостей, при следующих двух, оставшихся неизвестными Миллеру, сочинениях или, лучше сказать, изданиях все того же сочинения" (Корф, стр. 145—146). Однако, в библиотеке Киевского университета (ныне Всенародной Библиотеки Украины) нашелся экземпляр книги 1693 г. именно с картой, которая, оказывается, была повторена в последующих изданиях. Специально исследовавший эту карту В. А. Кордт пришел к совершенно противоположным заключениям. Шлейсинг объясняет, что карта была составлена „на русский лад, по указу царей, при содействии опытных немецких офицеров" и что он добыл подлинник в Москве и переделал его, насколько было возможно, на немецкий лад (Neuentdecktes Siewe-

ria, S. 5). Г. Миллер слова „по указу царей“ неверно относил к Иоанну и Петру Алексеевичам. Г. Н. Спасский (Список с чертежа Сибирские земли. М., 1849, стр. XIII), не видав книги Шлейсинга, ничего не мог сказать об этой карте и заметил только, сославшись на Миллера: „была карта России и Сибири, сочиненная по указу царей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича какими-то иностранными офицерами; но ни Миллер, ни Шлейсинг (?) ее не видали; существует ли она где, неизвестно“. Корф отзывался о карте, что она „преисполнена нелепиц“, знал ее и Норденшильд, но не придал ей никакого значения. А каковы эти „нелепицы“ можно судить хотя бы по тому, что, не поняв своего оригинала, Шлейсинг обратил в реку Уральский хребет. В. А. Кордт говорит: „эта карта, которая осталась незамеченной даже Норденшильдом, имеет для нас громадный исторический интерес, так как она является точной копией с карты Сибири П. И. Годунова“—этого первого опыта картографически воспроизвести всю Сибирь, сделанного в 1667 году в Тобольске „стольником и воеводой Петром Ивановичем Годуновым с товарищи“, которому мы обязаны составлением и других весьма важных в историческом и географическом отношениях трудов (ср. С. Долгов. Ведомость о Китайской земле. „Памятники древней письменности“, вып. CXXXIII, СПб., 1899, стр. 15). По словам Семена Ремезова, чертеж 1667 г. был даже напечатан: „в лето 176 повелено Тобольску, по грамоте великого государя, всю сибирскую землю описати, грани земель и жилищ, межи, реки и урочища, и всему учинити чертеж. И се первое чертежное описание Сибири от древних жителей и сему чертеж учиниша и печати предаша“ (Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году. СПб., 1882, прилож. стр. 4) Автор предисловия к „Чертежной книге“ А. Тимофеев замечает по этому поводу: „ныне, однако, неизвестно ни одного оттиска этой печатной карты, равно как не уцелели и рукописные чертежи, которые могли ей служить оригиналом“. Это замечание ныне должно быть исправлено. Норденшильд в Государственном Архиве в Стокгольме в 1887 г. нашел две копии с утраченного оригинала чертежа П. И. Годунова, которые попали в Швецию через посредство Класа Прютца, находившегося в свите шведского посла в Москве Фритца Кронемана 1668 г. и скопировавшего „ландкарту Сибири и пограничных с нею стран“ „8-го января 1669 г. в Москве настолько хорошо, насколько это было возможно сделать с плохо сохранившегося оригинала, данного мне лишь на несколько часов кн. Иваном Алексеевичем Воротынским с тем, чтобы я ее только посмотрел, но отнюдь не вычерчивал“; другая копия с карты Годунова, найденная Норденшильдом, нашлась в бумагах самого Кронемана и согласуется со снимком Прютца (см. Норденшильд.

Первая оригинальная карта северной Азии, „Записки Военно-Топографического отдела Главного штаба, ч. XLIV, стр. I—II). В дополнение к находкам Норденшильда В. А. Кордт сообщил, что в Стокгольме хранится и третий снимок с карты Годунова, сделанный шведом Эриком Пальмквистом в 1674 г. (Материалы для истории русской картографии, II серия, вып. I, стр. 24—25) и разъяснил, что копией с того же чертежа является карта Шлейсинга (op. cit., стр. 25—26; карта воспроизведена здесь же на таблице № XXV; ср. В. К о р д т. Чужеземні подорожні по східній Европі до 1700 р. Київ, 1926, стр. 150—151). Опубликованное А. Титовым „описание" чертежа Годунова, взятое из рукописи Румянц. музея (Сибирь в XVII веке. М., 1890), и нахождение Н. Оглоблиным в делах Сибирского приказа „Росписи против чертежу 176 года", оказавшейся более исправным списком, чем рукопись, напечатанная Титовым (Н. О г л о б л и н. Источники „Чертежной книги Сибири" Семена Ремезова. СПб., 1891; ср. Е. З а м ы с л о в с к и й. Чертежи Сибирских земель XVI—XVII вв. Журн. Мин. Нар. Пр. 1891, № 11, стр. 34), при наличии четырех иностранных копий чертежа, сделанных в XVII веке, дают теперь возможность составить довольно отчетливое представление об оригинале, русскую копию которого в 1914 г. опубликовал Л. С. Б а г р о в.

В вопросе о том, какое место среди иностранных копий занимает та, которая сделана Шлейсингом, однако, нет полной ясности. По словам В. Кордта „невыясненным остается только вопрос, была ли она скопирована с рукописного или с печатного подлинника. Карта Шлейсинга отличается от копий Прютца, Кронемана и Пальмквиста только тем, что надпись на последних трех находится в левом нижнем углу, у Шлейсинга же—в правом верхнем углу. Шлейсинг озаглавил свою карту Siwerische Landcharda и отметил ее 1690 годом" (К о р д т. Материалы, стр. 26). Возвращаясь к тому же вопросу, Н. Д. Чечулин (Новые труды по древней русской картографии, ЖМНПр. 1906, № 9, стр. 214—215) пишет: „мы бы склонялись к предположению печатного оригинала; во-первых, если бы Шлейсинг издавал по рукописи, он бы, вероятно, имел понятие, как нелегко было добывать эти рукописные чертежи и подчеркнул бы свою заслугу, а, во-вторых, на карте Шлейсинга есть наименования, не находящиеся, по крайней мере, на копии Кронемана, напр., „Simnoi Bojas" и „Wobschti fl.". Последнее название стоит у реки, заменившей Уральский хребет, и, повидимому, имеет что-то общее с именем „Общий Сырт", на копии Кронемана не находящимся". Происхождение карты Шлейсинга, несмотря на неясность вопроса, от кого и при каких обстоятельствах он получил ее, заставляет более внимательно, чем это сделал М. Корф, отнестись и к тексту его книги о Сибири. Нет ничего невероятного и в том, что он мог побывать и в Си-

Рис. 65. Карта Сибири Шлейсинга (из книги „Новооткрытая Сибирь“ 1693 г.)

бири, так как сведения его, в общем, довольно разнообразны и достаточно обширны. Впрочем, конечно, они могли быть собраны и в Москве; мог же, напр., Николай Витсен, не ездя на восток далее Москвы, собрать исключительные по своему значению исторические, этнографические и географические материалы о Сибири... В 1693 году Шлейсинг в Циттау выпустил новую книгу о России, с длинным и кудрявым заглавием (Derer beyden Czaaren in Reussland Iwan und Peter Alexewitz, nebst dero Schwester der Princessin Sophia, bisshero Dreifach, geführter Regiments-Stab, und was darauf erfolget ist, etc. Zittau, 1693). По разъяснениям Корфа, эта книга, несмотря на свое совершенно новое заглавие, есть не что иное, как видоизменение прежних. В конце книги приложена, с отдельною нумерацией (стр. 1—99), также книга о Сибири; особый заглавный лист приложения повторяет заглавие изд. 1692 г. (Neuentdecktes Sieweria, worinnen die Zobeln gefangen werden etc. Gedruckt in Zittau bey Mich. Hartmann, 1693). Особенностью издания являются картинки, весьма посредственные по выполнению и принадлежащие некоему C. Otthofer'y. Наконец, в 1694 году Шлейсинг выпустил еще одну книгу, в тексте и заглавии которой, кроме незначительных изменений стилистического порядка, оказалась на этот раз история и имя кн. В. В. Голицына (Deren beyden Czaarer in Reussland, Iwan und Peter Alexewitz, als Herren gebrüdern... auch anderen curieusen Sachen... nunmehro aber ins Elend nach Siewerien ewig verbannten Knees Vassili Vassilowitz Galyczens etc. 1694, s. I); приложение к этой книге о Сибири не имеет на этот раз отдельной нумерации, сокращено до 30 страниц и имеет совершенно новое заглавие: „Sieweria mit der abgefasseten Land-Charta so wohl biss an die chinesische Mauer und gantzen Asiatischen Tartarey, als auch, Samojedia, Nova Zembla, und das Mare Vaigats, nebst andern Kupfer-Stücken und einem Volkommenen gründlichen Bericht des rebellischen gewesenen Generalissimi Galiczen, wie derselbige ewig nach Siewerien condemniret worden, wotbey auch derer beyden Länder Toom und Tingus, so auf Befehl deren Czaaren Sudoost-wörts 200 Meilen hinter Sieweria auffgesuchet worden, und aunoch beständig unter Czaarischen Bothmässigkeit Stehen" 1694. Библиографический перечень изданий Шлейсинга, сделавшихся весьма редкими, дают, кроме указанной статьи Корфа, Catalogue de la section des Russica, t. II p. 268, № 536—542, а также книга Baddeley. Russia, Mongolia, China, London, 1919, vol. I p. CXLIII-CXLVI; здесь дан также интересный анализ карты Сибири Шлейсинга и представлен анализ некоторых его известий о Сибири; об одной из ранних книг Шлейсинга см. еще Н. Устрялов. История Петра Великого, т. I, стр. LXI. Нижеследующие переводы сделаны из книги „Neuentdecktes Sieweria" издания 1692 года по экземпляру б. Киевского университета (шифр: Cr. 7235). Перевод на русский язык всей

книги в целом показался бы слишком громоздким в настоящем издании, да едва ли и мог бы считаться необходимым, так как в ней есть много материала, не относящегося к Сибири; так, в гл. VIII рассказывается о патриархе Никоне и о возникновении русского раскола, о православных религиозных обрядах, о празднике нового года; гл. IX трактует о русской масляниц; гл. X—о русских женщинах и обрядах русской свадьбы; в гл. XI говорится о находящихся в России иностранцах: офицерах, купцах, ремесленниках; здесь же приведены, между прочим, русские цены на предметы первой необходимости. В первых главах также находится немало материала, явно случайно попавшего в книгу: так, в гл. IV, после забавного рассуждения о том, что означает частица „вич“ (das Wörtlein „Wiz“) в собственных именах (Michalowiz, Alexewiz)

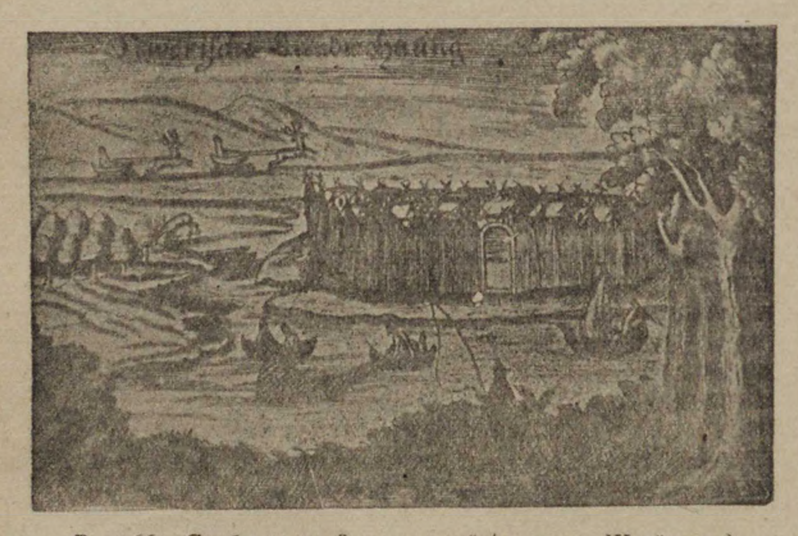

Рис. 66. „Сибирский острог“ (из книги Шлейсинга)

и после странного объяснения, что русское Алексей (Alexé) соответствует западному Alexander (?) (andere wollen Alexius, ist aber faut... S. 17), Шлейсинг ни с того, ни с сего переходит к описанию московского бунта 1682 г. (S. 19—20), после которого следует описание Астрахани (S. 24—28) и т. д. С другой стороны, целый ряд данных, приводимых Шлейсингом, основан на печатных книгах и не имеет интереса новизны; особенно много материала дали ему Герберштейн и Олеарий, которые цитируются несколько раз, но в действительности использованы гораздо чаще. Шлейсинг ссы-

лается также на Одерборна и даже Марко Поло; собственные же наблюдения и соображения Шлейсинга не всегда заслуживают внимания. Не имеет ценности его книга и с литературной стороны, отличаясь неудачной планировкой материала, постоянными отступлениями, не идущими к делу; она, кроме того, написана весьма тяжелым языком XVII века, воцарившимся в немецкой литературе после тридцатилетней войны, с чрезвычайным обилием варваризмов, особенно в глагольных формах речи (continuiren, reponssiren, travagliren и т. д), неудачными синтаксическими конструкциями и обнаруживает весьма посредственные литературные способности автора. Ниже мы приводим отрывки из глав III, V и VI, как наиболее интересные по своему материалу образцы всего сочинения, которое, несмотря на все свои недостатки, все же заслуживает внимания и специального изучения.

О путешествии из города Тобольска в Катайск или Кара-Катай и дальше в Китайское царство

(Глава III)

Из сибирского главного города Тобольска русские купцы продолжают путь на Катайск или в Черную Татарию и так далее до Китайского царства, причем расстояние до Катайска определяют в 100, а до Китая в 250 немецких миль от Тобольска.

Кто захочет проехать этими местами, тот должен запастись не только хорошими спутниками, но также ружьями и провиантом как от бродячих татар, так и вследствие того, что нужно проезжать огромные дикие местности; можно было бы прямо подохнуть, если не иметь ничего с собой. От Тобольска проезжают сперва городок, называемый Или (Ili) на реке Скайабовой (Skajabowey), лежащий от Тобольска на расстоянии, приблизительно, около двух миль. Оттуда едут опять один день до маленького селения Гнисистло (Gnisistlo) на реке Кровавая (Krababoja). Затем едут несколько дней исключительно по ненаселенной местности до городка Зимовщик (Simostchik), лежащего на большом озере.

В этом озере водится исключительно прекрасная жирная рыба, которую можно сравнить со здешними (Bressen), и притом в таком количестве, что за одну копейку (это соответствует голландскому стюйверу) можно купить полную большую посудину, долбленую из дерева, и этого количества хватит на то, чтобы 9—10 человек могли объедаться этим в течение целого дня.

Дальше приезжают в городок Нешищи (Neschitschi), а затем в местечко, называемое Кайле (Kaile), также лежащее на озере, причем эта местность представляется очень приятной, и так как она находится всего в двух днях пути от китайской области, то имеет

умеренный климат и плодородна. Цари, вследствие нападений татар, велели построить здесь сильное укрепление и снабдить его хорошим гарнизоном из стрельцов.

Что касается Китайска или Кара-Катая, или по-немецки Черной Татарии, то она ранее входила в состав Китая. Однако, после того, как татары в 1644 г. играли в Китае первую скрипку, разрушили большой кусок Китайской стены, заняли столицу Пекин и подчинили своей власти почти всю империю, эта область Китайск до сих пор платит дань татарским ханам, а ее жители принуждены были не только оставить китайскую веру и принять вместо нее татарскую и изучить их язык, но и одеть татарское платье и стричь волосы и бороду по татарскому образцу и обычаю. Вообще же эти китаи, несмотря на бедную внешность, являются очень искусными и трудолюбивыми во всевозможных ремеслах, делают прекраснейшие шелковые ткани и дамасты со всевозможными красивыми цветами и фигурами, а также тканую золотом и серебром „китайку“ (kathaike), как ее называют, которую купцы хорошо знают; локоть ее в самой стране продается по цене от 8 до 10 имперских талеров. Эта китайка или китайские прекрасные материи продаются в Москву благородным купцам, но довольно редко переходят в другие страны, так как не оплачиваются как следует и так как не все являются купцами.

Из Китайска русские купцы продолжают свой путь далее с многочисленными караванами (caravanna) (т. е. в сопровождении многих людей), так как они должны проезжать через многие дикие и разбойничьи местности до китайского царства и столицы Пекина, через Китайскую стену, построенную в 215 году до Р. Х. китайским императором, называемым одними Ксиум (Xium), другими Тринзум (Trinzoum), против вторжения татар и простирающуюся от Леатунского моря до реки Кроккума (Krokkum) на расстоянии 300 немецких миль.

Недалеко от этой стены лежит вся огромная азиатская Татария, разделяемая на отдельные орды, т. е. народы или области, подобно тому как Германия или какое-либо другое государство подразделяются на определенные провинции; точно также и Татария. Первая от этой Китайской стены орда называется die Schagredkenische Tartarei, вторая die Kithaiskische, третья Miglalizische, четвертая Bdjanzische, 5. Ablazevische. 6. Kalmuckische, 7. Sscherliskovische, 8. Башкирская (Baschkirische), 9. Нагайская (Nagagische), 10. Черкасская (Circassische), 11. Черемисская (Ceremissische), 12. Большая Крымская Татария (Crimmische), граничащая с рекой Волгой и причиняющая царю часто величайший вред, во главе которой стоит „cham“, как некоторые его называют, или хан, что равнозначуще королю, причем крымский хан называется великим ханом, так как он в подчинении у себя имеет многих мелких ханов.

О важнейших и прочих маленьких реках и стоячих озерах, а также о построенных на них городах и местечках во всей Сибири

(Глава V)

Следует прежде всего знать, что ни одна река, не только в Сибири, но также и в России, не берет свое начало в горах, но в болотах и стоячих озерах. Знаменитейшая река всей Сибири— это Обь (Obyus), которая течет вовсе не из стоячего озера, находящегося в Китае, по совершенно ошибочному мнению некоторых географов, и не из татарской страны, называемой Тюменью, а из большого стоячего озера в Калмыцкой Татарии, пробегает всю Сибирь и неподалеку от города Тобольска соединяется с рекой Тоболом (Tobolie), которая также вытекает из больших болот Кузковской Татарии (der Kuzkowischen Tartarey). Обе эти реки, слившись вместе, текут через всю Сибирь к северу и, наконец, совместным натиском (summo impetu) ввергаются в пролив Вайгач (Fretum Vaigats).

Что же касается этого пролива Вайгач, то это, собственно, не Ледовитое море, как некоторые думают, но только залив Гиперборейского моря (Sinus Maris Hyperborei) и так как с этим заливом граничат самоеды, то они на своем простодушном языке называют его лужей (Pfütze), проистекающей из Ледовитого моря. Эти самоеды рассказывают также, что в определенное время он судоходен; по крайней мере, по моему мнению и мнению верных людей, о котором я узнал там в стране, если бы затратить [известные] издержки, то можно было бы найти и отыскать более близкий морской путь в Восточную Индию, чем тот, который уже давно надеются найти голландцы. Я оставляю этот вопрос для любопытствующих и более опытных в таких делах людей; русским же, которые все равно не умеют наладить судоходства и которые разве только могут плавать по рекам или изредка делать несколько миль по морю, вообще невозможно вбить эту идею в их глупые головы; нужно вообще удивляться, что они, имея такую прекрасную возможность морских путешествий, не производят их, охотнее предоставляя это иностранным и чужим народам. Обращаясь же опять к упомянутым обеим рекам Оби и Тоболу, следует знать, что они принимают в себя много других маленьких рек, как, например, Tetschon, Rosochin, Nejeth, Iumei, Tura, Sojeba, Tabda; все они берут начало в стоячих озерах и болотах, которыми изобилует Сибирь, а также реку Skajabowei, которая вытекает из Bdjanzischen Tartarey. От этого происходит то, что около устья, при впадении в пролив Вайгач, они очень полноводны и, увлекая за собой толстый лед, производят такой шум и невероятный треск, что не слышно своих собственных слов.

На этой знаменитой Оби расположены следующие города: 1. Главный город Тобольск, 2. Городок Makrobskoi, 3. Kunskoi и 4. Bundsobbi. На берегах Тобола, за исключением Тобольска, нет ничего, кроме одной только пустоши; однако на реках Nejeth, Tura и Sojeba расположены следующие городки: Miter, Bokrosnoj, Wergotsustchs, Belir, Latschta.

На реке Skajabowei расположены следующие городки: 1. Kanizko, 2. Somskoi, 3. Sakoffskoi, 4. Kemskoi и, наконец, 5. Ili. Здесь следует отметить, что возле последнего городка начинается ужасно гористая и большая пустынная местность (Wüldnüss) Symmoi Böjas, т. е. Зимний Пояс, а не Земной Пояс, как некоторые пишут еще и сейчас. Я бы очень хотел знать, почему он должен называться Земной Пояс; те, кто так называли его, конечно, не знали, что эти чудовищные горы названы так от русского слова Sumnoi, что значит холодный (или зима) и Bojas—Пояс, во-первых, потому, что здесь всегда очень холодно и на них лежит нетающий снег, и во-вторых, потому, что эти горы лежат замкнувшись, подобно цепи или поясу, как это видно и на карте.

Этот З и м н и й П о я с древние называли Р и ф е й с к и м и г о р а м и; эти горы имеют необыкновенную вышину, так что никто не может на них подняться; при этом, как рассказывают самоеды, живущие возле самых гор, здесь водятся только духи и белые медведи; этих медведей ловят самоеды и шкуры их продают в Архангельск. На этих горах находится большое черное озеро, которое самоеды называют Тази (Tasi), т. е. Чортово озеро, так как в нем водятся и ловятся только большие черные рыбы, которых ни один человек не может употреблять в пищу по причине их страшного зловония. Существование этого озера Тази кажется мне заслуживающим такого же вероятия, как черный пруд на горах Плокских (Plocks-Berge), неподалеку от Брауншвейга, в котором также, говорят, виднеются черные рыбы.

Передаю то, что слышал.

На реке Кровавой (Krababoja), которая берет свое начало в Сибири в одном стоячем озере, пробегает всю Сибирь и Самоедию и вливается также в Вайгач, расположены следующие городки: 1. Oselinskoi, 2. Simostchik, 3. Oslimetkoi, 4. Konoja, 5. Gnisestlo, 6. Ninatschnja и 7. Tschuogamskoi.

На большой реке Wobsthi, которая вытекает из болота, находящегося в Tscherlukowische Tartarey, протекает через всю Сибирь и русскую местность Двину и также впадает в пролив Вайгач, в настоящее время, вследствие неплодородия этой местности, нет ничего, кроме непрерывной пустыни, и она известна только как путь сообщения и перевозки. На реке Стлене (Лене? Stlena), которая также вытекает из Сибирского болота, расположены два городка: Kaile и Lapkloi.

Есть [здесь] еще две реки: Колыма (Kelim) и Оленек (Oleneek), но так как там еще ничего не выстроено, о них нечего сообщить достопримечательного.

Таковы, следовательно, известнейшие из рек и выстроенные на них города и острожки, которые я нашел там во время своего там пребывания (so ich zu meiner Zeit darinnen angefunden). Те же, кто не живут в городах, но имеют пребывание на берегах рек и в лесах, представляют собою бедных охотников и рыбаков, которые круглый год не видят хлеба и принуждены из-за ужасных медведей обносить свои жилища высоким длинным частоколом из бревен, заостренных вверху, чтобы по ночам и они и их скот могли быть в безопасности. Их пищу составляют рыба и дичь; меховой товар они выделывают сами, и такие товары отправляют в Архангельск на ярмарку.

Иной, вероятно, мог бы сказать, что заставляет этих людей в такой бедности проводить жизнь в этих пустынных местностях и не могли ли бы они лучше жить в других лучших краях? И далее: только воля человека является его раем; поэтому и эти люди живут так и, следовательно, и у них также—привычка вторая натура.

Я знал в Швеции лапландцев, народ, который также живет в очень холодной и суровой стране и который, несмотря на это, предпочитает жить в нужде на своей родине, чем жить роскошно, но в чужих странах.

О плодородности и климатических условиях Сибири, а также об образе жизни, способах торговли и нравах ее жителей

(Глава VI)

Так как в Сибири, или стране крайнего севера, климат суров и мало тепла, всякий здравомыслящий человек легко может заключить отсюда, что в ней не может произрастать никакое из редких и благородных древесных и садовых плодов, что же касается любимых хлебных злаков, то они всходят здесь тонкими и редкими колосьями, так что если вообще иные пашни дают сам-15, сам-20 урожая, то сибирцы благодарят бога, если они могут собрать сам-4 или сам-5, причем хлеб должен быть посеян и собран в течение восьми летних недель; относительно же озимых посевов они не знают ничего. Помимо этого, ленивые обитатели этой страны не принадлежат к числу энергичных людей, которые приходят на помощь природе своим искусством и трудом, как это делают, напр., шведы, лифляндцы и другие северные народы, которые хорошо умеют пользоваться погодой, и так как их пахоты не приносят

столь обильной жатвы, как в других более благодатных странах, обычно вырубают большие леса, жгут деревья и таким образом превращают почву в более плодородную, что они называют у себя Räding, так что таким образом множество полей заменяет их недостаток и они могут ежегодно отправлять [от себя] несколько тысяч кораблей [груженых зерном]. Подобное же делают они с огородными растениями, причем для тех из них, которые природа, благодаря продолжительной зиме и суровому климату не может родить так, как в теплых странах, они заменяют тепло трудом и искусством, так что в своих садах они могут показывать и предлагать путешественникам благороднейшие плоды и цветы. Но так как всемогущий создатель не оставил своею благодатью даже самых худших стран, то и эту холодную и суровую Сибирь он все-таки наделил многими вещами, которых не имеют другие страны. Так что хотя здесь и не произрастают никакие фрукты, виноград и тому подобные плоды, но здесь зато есть так много м е д у, что я должен признаться, что ни в какой другой стране света (а я, говоря без всякого хвастовства, пошатался по всему свету) я не видел столько меда, собираемого пчелами в громадных диких лесах без всякого за ними ухода или наблюдения, как именно в этой холодной стране, так что там часто находят даже целые деревья, наполненные медом.

Рис. 67. Самоедское идолослужение (из книги Шлейсинга)

Не буду входить в пространное обсуждение причины того, отчего это возможно в столь холодной стране, и предоставляю это на обсуждение физиков и естествоиспытателей; я остаюсь, однако, при том мнении, что в летнее время, когда в Сибири, как и в других северных странах, очень жарко, и эта жара стоит в течение целых восьми недель, здесь вырастают самые крепкие цветы и травы (которые наверно известны опытным ботаникам), а также приятный липовый цвет, которым полна вся страна, и тогда эти чудесные создания, маленькие трудолюбивые медовые птички (Honig Vöglein) в это самое время

должны заботливо обслуживать себя и часто вносить к себе запасы, чтобы иметь возможность существовать в течение долгой зимы.

В Сибири находится так много меду, что деревьев с сотами даже не ищут; зато огромные медведи прекрасно их находят. Из этого меда сибиряки варят хорошего качества напиток—мед, который далеко вывозится. Среди других прекрасных трав здесь находится горичавка (Entzian), которая растет лучше, чем в какой-бы то ни было другой стране. Однако, жители не настолько любознательны, чтобы научиться и уметь собирать такие травы; к тому же они не имеют в Сибири также и опытных врачей, как и в столичном городе Москве (Mosco) (о чем на своем месте будет сообщено), а лечатся вместо этого сами чесноком и водкой. Некоторые (если они не знают своей болезни) делают при помощи острого ножа отверстие в руке или ноге и капают затем с зажженной лучины смолу такой горячей, что начинает нарывать и напухать, что они затем по-своему опять умеют изгнать и таким образом лечат пациента. Но подобное лечение годится лишь для русских и сибиряков, ни для кого другого!

Что касается скота, дичи, птиц и рыбы, то в них страна не только не терпит недостатка, но даже имеет избыток. Во время летнего времени радуются люди и животные, так как на это время приходится сенокос, посев и жатва, и они должны много работать. В продолжение лета солнце в Сибири также не заходит и, как в других северных странах, поскольку оно не бросает лучей, выглядит, как круглый огненный шар, так что при нем можно писать, читать и т. п. Когда же солнцестояние проходит, то дни быстро уменьшаются, и зимой их день длится едва три часа. Также летом, как бы жарко ни было, здесь никогда нет грома, в то время как зимой, во время самого сильного холода, чаще всего происходят гром и молния.

Что касается жителей Сибири, то это почти исключительно русские, за исключением немецких офицеров, стоящих на границах со своей стражей (Milice), затем немного армян и татар, исповедующих греческую религию и подчиненных русским законам, как я уже выше упоминал. Они торгуют различными соболями и мехами, юфтью, поташем, слюдой, бобровой струей, воском, вяленой рыбой и т. п., меняют их на другие товары или продают также за наличные деньги.

Поскольку Сибирь сурова и холодна, то и жители ее люди суровые, грубые и неуклюжие по сравнению с другими народами, и я поэтому согласен со Стефаном Гваццио, который в своем небольшом трактате „De civile Conneversatione“ делает большое различие между народами и, между прочим, высказывается следующим образом: „чем милостивее и прекраснее небо, тем более веж-

ливые и приятные люди под ним находятся; чем более сурова и дика страна, тем некультурнее и грубее люди, живущие в ней“.

Это кажется весьма правдоподобным, и было бы делом, если бы путем хорошего воспитания, образования и путешествий эта грубая натура могла бы измениться. Чего, однако, в этой варварской стране не найти, так как она всем этим пренебрегает, и достойные хвалы философские науки считает колдовством. Как хотя бы в 1682 г., когда в Москве разразилось большое и грозное восстание, знаменитый шведский математик Фойгт (Voigt) в своем календаре как раз в неделю, когда это восстание началось, поместил следующие слова: „Москва также не избежит своего несчастия!“ Они покойника Фойгта объявили бесовским знамением и колдуном, который умеет вызывать тайно сокрытое и будущее, также и календарь его, который они перед тем из года в год переводили и печатали в своей типографии и на своем языке, сожгли и под страхом телесного наказания и казни запретили опять его издавать.

Рис. 68. Титульный лист книги Г. А. Шлейсинга

Поэтому и в Сибири все пороки безнаказанны, кроме убийства, которое у русских без различия личности убийцы также карается смертью. Кроме же этого, всякий может совершить, что ему заблагорассудится, если у него только есть, чем заплатить. Ибо в России все зиждется на подкупах и подачках, так что можно было бы сказать: „кто побогаче, тот и сильнее“, ибо у них воевода, посаженный над Сибирью и правящий всем, может изрядно стричь своих овец (я едва не сказал баранов) и наполнять этим свой кошелек, ибо действительно только это он и делает, — а каков пастух, таково и стадо.

ПРИМЕЧАНИЯ

городок, называемый Или]. Географические названия в сочинении Шлейсинга настолько искажены, что догадаться об их значении иногда прямо невозможно. Поэтому в большинстве случаев мы оставляем их непереведенными. Река Кровавая отмечена на Годуновской карте.

можно сравнить со здешними Brussen]. Вероятно Brassen—лещи.

после того, как татары в 1644 г. играли в Китае первую скрипку]. В 1644 г., как указано было выше (Г. Ф. Горн.), в Пекине воцарилась Дайцинская (манчжурская) династия; вероятно это событие Шлейсинг и имеет в виду.

китайку] об этой материи и вообще о русско-китайской торговле сл. выше: Кильбургер.

через Китайскую стену, построенную в 215 г.]. Так назыв. «Великая каменная стена» возведена была по повелению императора Циньской династии, Ши-Хуан-Ди в 214 г. до нашей эры с целью оградить провинции внутреннего Китая от вторжения в его пределы монгольских орд. При этом императоре она была выстроена лишь до поворота р. Хуан-Хе на юг (т. е. оканчивалась у Линь-Тхао, нынешнего Лань-чжоу-фу) и только впоследствии была продолжена на запад и охватила всю провинцию Гань-су (Хэ-си).

Первая от этой Китайской стены орда называется]. Все эти искаженные названия отмечены и на карте Шлейсинга, скопированной, как указано во введении к настоящему тексту, с чертежа Сибири П. И. Годунова. Ablazevische Tartaren, б. м., Аблаевы улусы (улусы Аблая-тайши), отмеченные на этой карте; название Scherliskovische, б. м., находит свой источник в названии Урлюковы Годуновской карты; название Miglalizische, вероятно, мугалы; на той же русской карте отмечены нагаи, башкирцы и черемисы (см. воспроизведение этой карты у Л. С. Багрова. Карты Азиатской России, Пг., 1914, стр. 11). Названий: Shagredkenische и Bdjanzische Tartarei объяснить я не умею.

они принимают в себя много других маленьких рек]. Все приведенные ниже названия притоков Оби и Тобола объясняются из Годуновской карты Сибири, причем Шлейсинг зачастую неверно прочел их обозначения и в искаженном виде воспроизвел на своей карте. Telochon это р. Теча, Rosochin—р. Росоха, Tumei, конечно, Тюмень; Туру, Сосву и Тавду легко узнать в названиях Tura, Sojeba и Tabda.

На этой знаменитой Оби расположены следующие города]. Городок Makrobskoi—вероятно, Маковский острог, hunskoi—Кетский острог. На Годуновском чертеже Тобольск расположен на р. Оби.

Wergotsustchs] вероятно, Верхотурье. Bokrosnoi—не Покровск ли Годуновской карты?

Hanizko]. Вероятно Соликамск. На копии Годуновской карты К. И. Прютца (воспроизведена у А. Титова. Сибирь в XVIII веке, М., 1890; сл. В. А. Кордт. Материалы для истории русской картографии. Вторая серия, вып. 1, Киев, 1906, табл. XXII)—Kanitz. Подробное сличение всех копий Годуновской карты (как русской, так и иностранных), вероятно, позволило бы расшифровать значительную часть названий Шлейсинга.

Зимний пояс, а не Земной пояс]. Одна из многих, ни на чем не основанных догадок Шлейсинга. Русское название Урала было именно Земной, а не Зимний пояс, что удостоверено и рядом иностранных свидетельств о происхождении этого названия (см. Герберштейн).

На реке Кровавой]. На Годуновской карте и на копии ее К. Прютца на реке Кровавой не отмечено ни одного селения. Шлейсинг, вероятно, путает ее с Енисеем; возможно, что под Gnisestlo разумеется в таком случае Енисейск.

На большой реке Wobsthi]. Что за река имеется здесь в виду, не умею сказать; вероятно, она же на копии Прютца названа Moloch, однако почему она протекает «русскую местность Двину»—непонятно. Н. Чечулин высказал мнение (см. выше, введение к настоящему тексту), что это имя находится в связи с названием «Общий Сырт».

На реке Стлене]. Два городка Kaile и Lapkloi являются, вероятно, просто недоразумением. На всех копиях Годуновской карты верховья Лены отмечены довольно близко от Амура, на котором у Прютца стоит Lapkoor (написанное не совсем ясно). Это очевидно Лапка русской копии, то есть Лапкаев городок, или Албазин. Выше у Прютца отмечен Kailar (на русской копии Кизляр), т. е. Хайлар.

которые я нашел во время своего там пребывания]. Как показывают произведенные выше сопоставления, почти все названия взяты с Годуновской карты, прочитанной, однако, очень небрежно и неверно.

математик Фойгт]. Календари «Ягана Гендрика Фохта» (J. H. Voigt), «королевства Свейского математика» действительно пользовались большим распространением в Московской Руси в конце XVII века. П. Пекарский (Наука и литература в России при Петре Великом, СПб., 1862, т. I, стр. 285—289) подробно описывает ряд этих календарей в русских списках конца XVII века и попутно приводит свидетельство Г. Корба (1699), что календари Фохта были подвергнуты в Москве запрещению; в одном из предсказаний Фохта «Москва не избежит определенного ей несчастья», Корб видит намек на случившиеся потом стрелецкие смуты. Взял ли Корб это известие из книги Шлейсинга? В книге А. И. Соболевского—Переводная литература Московской Руси, СПб., 1903, стр. 89, 135, 136—перечислены русские рукописные переводы календарей Фохта в списках 1684—1696 годов. Более поздние русские списки календарей Фохта и издания их описаны также в книге: Библиотека Московской Синодальной Типографии, ч. I, вып. 5. Календари и святцы. Описал Алексей Покровский. М., 1911, стр. XV и сл. Об Иоганне Генрихе Фохте см. Jöcher, Allg. Gelehrten Lexikon, t. IV (Leipz., 1751), col. 1696.

XLVI. ДЕ-ЛА-НЕВИЛЛЬ | DE LA NEUVILLE

(1691)

Де-ла-Невилль—дипломатический агент французского правительства, посетивший Москву во второй половине 1689 г. Вопрос о личности де-ла-Невилля и о целях его приезда в Московию в свое время вызвал споры. Дело в том, что об изданной им в 1698 году французской книге о России возникло предположение, будто она принадлежит в действительности не Невиллю, а библиографу Адриену Байэ (Baillet), происходившему из городка Neuville, и что таким образом имя Невилля—только литературный псевдоним. Мнение это основывалось, между прочим, на том, что голландский переводчик этой книги перевел также и имя автора, сделав из Neuevill'я Niuwstad'a. А. И. Браудо, посвятивший этому вопросу специальную статью, доказал, что авторство и личность де-ла-Невилля не могут возбуждать никаких сомнений, так как имя его упоминается во французской дипломатической переписке, и о нем, как о живом и известном им лице, говорят в своих письмах Н. Витсен и Лейбниц (А. Браудо, „Russica" в „Сборнике статей в честь Д. Ф. Кобеко", СПб., 1913, стр. 247—250). Пользуясь данными, какие Невилль сообщает о себе самом в своей книге, а также справками, приведенными у А. Браудо, историю его приезда в Московию можно представить в следующем виде. Когда в 1689 г. французское правительство пожелало склонить Польшу к нападению на владения Бранденбургского курфюрста, то оно отправило в Варшаву де-ла-Невилля вместе с некиим Дютейлем с поручениями и в помощь чрезвычайному французскому посланнику в Польше—маркизу де-Бетюню. Последний нашел нужным отправить Невилля из Варшавы в Москву, чтобы тот, под видом польского посланника, мог разузнать, в чем будут состоять переговоры находившихся в Москве послов шведского и бранденбургского. Эта опасная миссия выполнена была Невиллем не очень удачно; аудиенции у царя, которой он добивался в течение пяти месяцев, Невилль так и не получил; благодаря проискам других иноземных дипломатов, его действия в интересах французского правительства были, в общем, скоро раскрыты; положение его не-

сколько раз становилось довольно опасным и вынуждало на продолжительное бездействие. Невилль использовал его для изучения современного состояния России и по возвращении на родину написал книгу, в которую занес все, что случилось ему видеть и слышать в Москве, под заглавием: „Новое и любопытное известие о Московии“ (Relation curieuse et nouvelle de Moscovie, contenant l'état présent de cet Empire, les Expeditions des Moscovites en Crimée en 1689. Les causes de derniers Révolutions. Leurs Moeurs et leur Religion. Le récit d'un voyage de Spatarus par terre, a la Chine. Paris, 1698). Проведя в Москве, в общем, около полугода и встречаясь со многими выдающимися деятелями того времени, напр., с кн. В. В. Голицыным, Андреем Артамоновичем Матвеевым, Е. И. Украинцевым и др., Невилль успел заметить и расспросить многое и оказался свидетелем важных исторических событий: стрелецкого бунта, падения В. В. Голицына и т. д. Поэтому книга его является „одним из интереснейших источников для истории тех смут, которые переживало русское государство в 80-е гг. XVII века и для характеристики этой эпохи русской истории вообще“ (см. А. Браудо. Записки де-ла-Невилля о Московии. „Русск. старина“, 1891, № 9, стр. 420; на важность и достоверность сообщаемых Невиллем известий указывали еще Н. Устрялов в „Истории Петра Великого“, т. I, стр. LXII и т. II, стр. 322 и в особенности М. П. Погодин, посвятивший книге Невилля специальную разведку в работе: „Семнадцать первых лет в жизни Петра“, прилож., стр. 72—92; подробный обзор литературы о Невилле см. у Н. Чарыкова. Посольство в Рим Павла Менезия, СПб., 1906, стр. 497—694). Последняя глава книги Невилля представляет запись его бесед с Николаем Спафари или Спафарием Милеску, служившим в Москве переводчиком в Посольском приказе, который за несколько лет перед тем (а не месяцев, как говорит Невилль) совершил путешествие в Китай через Сибирь. В письме к Людовику XIV, предпосланному к книге, Невилль рассказывает, что когда, находясь под подозрением, он „вынужден был для безопасности сидеть дома, затворив двери и никуда не выходя“, его „единственным развлечением“ являлись разговоры со Спафарием, который назначен был к нему в качестве пристава. Содержанием их бесед были путевые впечатления по дороге Спафария в Китай и характеристика русско-китайской торговли, которая крайне интересовала тогда всех иностранцев. „Сведения, полученные мною от него, весьма любопытны,—пишет Невилль королю,—и могут быть весьма полезны вашему величеству, указывая на возможность организовать сухопутную торговлю с Китаем; поэтому я тщательно заметил подробности всего, что я от него слышал“. В тексте книги Невилль замечает, что он хотел узнать от Спафария „все подробности, а также имена рек, гор и обла-

стей, через которые он проезжал“, но нашел его „очень осторожным в этом отношении и очень молчаливым“ и правильно объясняет это боязнью Спафария, как бы его не обвинили в раскрытии государственных тайн: безуспешные хлопоты Авриля (см.) убеждают в том, что Невилль не ошибался на этот счет. Тем не менее, сведения, которые Невилль получил от Спафария, в общем, довольно интересны и заслуживают внимания. Н. В. Чарыков (Посольство П. Менезия, СПб., 1906, стр. 507) полагает, что в особую последнюю главу́ разговоры со Спафарием были сгруппированы в январе или феврале 1691 г., „когда Невилль находился вблизи Парижа или уже туда приехал“; это вполне возможно, но ничуть не уменьшает их интереса и достоверности, хотя несомненно, что кое в чем (напр., при описании ловли соболей) Невилль или не понял Спафария или извратил его рассказы. В целом эта глава имеет несомненный интерес, так как она дополняет „Путешествие“ Спафария, которым не без труда смог воспользоваться и Ф. Авриль. Во Франции тогда укоренялась своеобразная мода на „китайщину“ (chinoiserie), оказавшая сильное влияние на искусство того времени (Bélévitch—Stankevitch. Le gout chinois en France au temps de Louis XIV, Paris, 1910); после русских посольств во Францию 1685 и 1687 гг., привезших в подарок Людовику XIV прекрасные китайские ковры и материи, злободневным стал вопрос о возможности торговли с Китаем непосредственно через Россию и Сибирь, а не при помощи дорогостоящего экспорта на кораблях Индийской компании. Поэтому сведения, добытые Невиллем у Спафария, действительно должны были вызвать к себе интерес, несмотря на то, что по этому вопросу уже ранее появилась книга Авриля. В связи с этим интересно отметить, что авторитет Спафария как путешественника и синолога стоял здесь очень высоко. В Париж попала даже рукописная копия „Описания Китайского государства“ Спафария, списанная Спарвенфельдом в немецкой слободе под Москвой в 1685 году (P. Martinoff. Les manuscrits slaves de la Bibliothéque Impériale de Paris. Paris, 1858, p. 105—106), несмотря на то, что она, как доказал Бэдлей, является ничем иным, как только переводом сочинения Мартини, во Франции хорошо известного (F. Baddeley. Russia, Mongolia, China. Lond., 1919, vol II, p. 208—212).

Книга Невилля издана была несколько раз; вслед за парижским изданием 1698 года последовали английский перевод (La Haye, 1699) и два голландских (Utrecht, 1699 и 1707), которые несколько отличаются от подлинника (ср. А. Браудо. Сборник в честь Д. Ф. Кобеко, стр. 247—250 и „Русск. Стар.“ 1891, № 9, 419—420). Первый русский перевод сочинения Невилля сделал Н. А. Полевой („Русский Вестник“, 1841, № 9 и 10), однако он отличается большими неточностями и, кроме того, сделан не с французского, а с английского текста. Новый и вполне точный перевод

дал А. Браудо в „Русской Старине“, 1891, т. LXXI и LXXII, откуда мы и заимствуем последнюю главу (стр. 274—281), приводя ее в сокращении и с комментарием, в указанном издании отсутствующим.

Изложение рассказов Спафария о путешествии в Китай и торговле с этою страною

Меховая торговля уже очень давно возникла в Московии, но она приняла теперь совершенно иной характер. В старину соболи в Московии были очень мало известны, и московитяне пользовались только дешевыми мехами, исключая горностаевых, на которые они выменивали то, что им было надобно. Дед нынешних царей, Василий Васильевич; прозванный Грозным, ...покоривши царство Казанское и Астраханское, открыл часть той обширной страны, которую называют Сибирью, что на славянском языке значит тюрьма, так как этот жестокий по природе властитель посылал в эту область, тогда не имезшую еще никакого названия, всех, кто лишался его милости; этим-то сосланным московитяне и обязаны открытием дороги в Китай и множества куниц, которых они нашли на этих обширных пространствах, покрытых непроходимыми и неизвестными доселе лесами, которые, вероятно, простираются до самого Ледовитого моря. Охотники проникли в эти леса, подвигаясь постепенно вперед за ловлею разных зверей, как-то: черных лисиц, рысей и других диких животных, которыми изобилуют упомянутые необитаемые никем леса и шкуры которых так дорого ценятся.

Добыча соболей производится преступниками, ссылаемыми в Сибирь, подобно тому, как во Франции ссылаются на галеры, и солдатами, которых посылают туда полками, под начальством полковника, оставляя их там обыкновенно на семь лет. И те и другие обязаны приносить еженедельно известное количество шкурок, причем они должны наблюдать, чтобы на них не было дырочек и чтобы они не были замараны кровью, от чего, как говорят, эти шкурки, в особенности же собольи, портятся; поэтому за каждую продырявленную шкурку охотника наказывают палочными ударами; чтобы избежать их, они не стреляют иначе, как только одною пулею в голову зверька, к чему они почти все приучены, так как московитяне вообще незнакомы с употреблением мелкой дроби. Так как охота эта требует, таким образом, большого терпения и усердия, то офицерам разрешено для того, чтобы заинтересовать солдат, распределять между ними все те шкурки, которые они добудут сверх того числа, которое они должны еженедельно представлять в казну. Излишек этот бывает очень значителен, так что полковник в семь лет наживает тысяч до четырех экю, а подчиненные ему офицеры по соразмерности; зарабо-

ток же солдат составляет не более шести или семи сот экю. Нужно иметь, таким образом, добрых друзей, чтобы быть туда посланным, так как каждый дворянин получает в Московии жалования не более 1000 экю, половина которых выплачивается притом же соболями, которые при этом оцениваются обыкновенно выше настоящей их цены. Полковник получает четыреста экю, а другие офицеры по соразмерности. Голицын хотел было установить, для пользы царя и офицеров, уплату всех государственных расходов сполна деньгами, для чего он и намеревался посылать все меха, в которых не имеется надобности, через надежных людей, в иностранные земли, чтобы продать их там или же обменять на нужные товары, которые были бы затем продаваемы в пользу царя. То, что он сделал для утверждения сухопутной торговли с Китаем через Сибирь и Татарию, заслуживает особого описания.

Спафарий, родом валах, был изгнан из своей родины после того, как ему отрезан был кончик носа за то, что он открыл султану тайный договор между волохским господарем, его родственником, и королем польским, после чего господарь был низложен и принужден бежать в Польшу, где и получает при дворе короля определенную пенсию. Спафарий удалился сначала к бранденбургскому курфюрсту, где был принят очень хорошо, так как он очень образован и хорошо знает греческий, латинский и итальянский языки. Но король польский уведомил курфюрста о вероломстве Спафария, и последний тотчас же должен был оставить его двор. Не зная, куда ему обратиться, он отправился в Московию. Голицын принял его очень хорошо, дал ему содержание, а через несколько времени потом отправил его от имени царя в Китай с поручением исследовать возможность учреждения сухопутной торговли между этим государством и Московиею. Два года провел Спафарий в путешествии, причем ему пришлось бороться с величайшими трудностями, но, будучи очень способен и умен, он собрал во время этого путешествия множество сведений о положении местностей, которые он проезжал, и по возвращении обнадежил Голицына, что во второе его путешествие можно будет устроить такой путь, который даст возможность ездить по этой стране так же удобно, как по всякой другой. На основании этих уверений, Голицын начал выбирать наиболее удобный и кратчайший путь для перевозки товаров; найдя его, он стал изыскивать средства для учреждения там постоянного сообщения и решил построить от Москвы до Тобольска, главного города Сибири, несколько деревянных домов на каждой десятой миле; в домах этих должны были быть поселены крестьяне, которым предоставлены были бы доходы с известного количества земель с тем, чтобы каждый дом содержал по три лошади, которых на первый раз он должен был им сам выдать с правом взимать с проезжающих в Сибирь и обратно

по собственной надобности по 3 коп. с лошади за каждые 10 верст, равные двум немецким милям. По всей сибирской дороге, так как и по всей Московии, поставили столбы для указания пути и числа верст. В тех местах, где снег так глубок, что лошади не могут итти, также построили дома, в которых поселили осужденных на вечное изгнание, снабдив их деньгами, припасами и заведя у них больших собак, которые должны были вместо лошадей тащить сани по снегу. В Тобольске же, городе, расположенном на реке Иртыше, который неправильно называют Обью, в которую он только впадает, Голицын велел выстроить большие магазины и в них иметь запасы, а также барки, караваны, которые могли по реке подыматься до Кизильбаша (Kesilbas) — озера, находящегося у подошвы гор Прагогских (Pragog), где также были устроены необходимые для продолжения путешествия удобства.

Спафарий уверял меня, что он совершил свое последнее путешествие через Сибирь в пять месяцев, и так легко и удобно, как в нашей Европе. Я хотел узнать от него все подробности, а также имена рек, гор и областей, через которые он проезжал, но я нашел его очень осторожным в этом отношении и очень молчаливым. Я понял хорошо, что если он не удовлетворил моему любопытству, то только из боязни, что если это узнается, его обвинят в том, что он открыл что-либо, что они желают держать в тайне от всех других народов, и угождение, которое он оказал мне, объяснив мне то, о чем я его спрашивал, будет награждено палочными ударами, от которых не избавляют в Московии никого, начиная с последнего крестьянина до бояр. Из слов его я, однако, понял, что он собирается в следующем своем путешествии найти путь более короткий и удобный. Голландцы, всегда завистливые к другим народам, что доказали они всеми учреждениями своими на востоке, стараясь захватить в свои руки всемирную торговлю и исключить из нее все другие народы, убедили московитян, после падения Голицына, запретить всем иностранным купцам проезд через русские владения. Они опасались, что если эта дорога будет узнана лучше и по ней откроется легкий проезд, то французы непременно постараются завладеть ею, станут перевозить лучшие предметы торговли, которые охотно покупают китайцы и татары, отдавая за них свои лучшие и ценные товары, а это со временем может нанести значительный вред голландской торговле через мыс Доброй Надежды, Батавию, Малакку и другие места на востоке, которые голландцы отняли у португальцев и англичан. Они предвидели, что удобство и безопасность сообщения по сухому пути, раз навсегда уже установленному, заставят всех иностранных купцов предпочесть именно его, чем видеть себя подверженными ежедневно бурям, неудобствам, болезням и всякого рода случайностям морского пути, не говоря уже о годах, кото-

рые нужно употребить на такое путешествие. Таким образом, благодаря иностранцам могла бы со временем развиться по этому пути обширная торговля. Московитян голландцам опасаться было нечего, ибо, как это им хорошо известно, они слишком мало имеют ума, чтобы добиться чего-либо значительного. Кроме того, они слишком бедны, чтобы покупать драгоценные товары этих стран, а потому они ничего и не будут в состоянии вывозить оттуда, кроме небольшого количества шелку, чаю, деревянных изделий и разных безделок. Таким образом, голландцы могут быть уверены, что московитяне ни теперь, ни в будущем не в состоянии будут соперничать с ними в торговле. Король польский, спустя несколько лет, жаловался через своего посланника на это запрещение, так как оно совершенно противоречит трактату 1686 года, в котором прямо сказано, что подданные короля польского могут ездить по этому пути туда и обратно. Но в ответ на это он получил только то, что так приказали цари. Подобный же ответ дан был и шведскому королю, посланник которого Фабриций для поддержания мира заключил в 1686 году с ними трактат по поводу торговли с Персией. Московитяне полагают, что они делают уже очень многое, разрешая польским послам ездить через их владения в Персию и доставляя им экипажи на всем протяжении до Астрахани.

Польский король включил вышеозначенную статью в трактат 1686 года по просьбе иезуитов, которые надеялись пробраться этим путем в Китай. Но Голицын, несмотря на все свое могущество, не мог, однако же, доставить разрешение позволения тем иезуитам, которых граф Сири, посланник польский в Персии, привез с собою в Москву в 1688 г. с просьбой короля об облегчении им пути в Китай; дело в том, что голландский посланник в Москве, действуя в духе своей нации, немедленно дал под рукою знать московитянам, что в числе 12-ти польских иезуитов находятся о. Авриль и Бовилье, французы, которых христианнейший король посылает будто бы разведать о пути в Китай. После этого эти варвары объявили польскому посланнику, что он может взять с собою в Персию подданных польского короля, но что касается до французов, король которых оскорбил царского посла, то им не будет никакой милости, кроме той, что они могут ехать обратно дорогою, которою приехали в Москву. По возвращении их в Польшу, король польский препроводил их в Царьград. Но можно надеяться, что по заключении мира, который принесет королю Франции столько же, а может быть и еще более славы, нежели заключенные раньше, ему легко будет принудить московитян разрешить его подданным учредить торговый путь с Китаем.

ПРИМЕЧАНИЯ

Василий Васильевич, прозванный Грозным]. Иностранцы часто путали имя и отчество Ивана Грозного, называя его просто «Basilowitz». Пропускаем несколько подробностей, почему царь заслужил прозванье Грозного, ничем не связанных с содержанием главы.

Сибирью, что на славянском языке значит тюрьма]. Фантастическая догадка самого Невилля. Н. Д. Сергеевский (Наказание в русском праве XVII века, СПб., 1888 г., стр. 250) по поводу указанного места замечает: «Сибирь населена была в значительной степени преступниками и даже можно сказать почти исключительно ссыльными и опальными. Недаром иностранцы думали, что даже само слово «Сибирь» означает на русском языке место заключения преступников». О толкованиях имени «Сибирь» см. выше, стр. 54—56.

дорого ценятся]. Пропускаем несколько страниц, посвященных истории возникновения иностранной торговли в Московском государстве.

Добыча соболей производится преступниками]. Сл. выше: Кильбургер и Авриль. Спафарий о соболях писал следующее: «А соболь зверок зело предивный и многоплодный (по-латыне и по-гречески именуются соболи зибелине) и нигде на свете не родится опричь в северной стране в Сибири, а в Сибири родятся добрые наипаче при море и где холоднее места, а где места теплые и степные, тут худые соболи родятся. А родятся они вдруг по 5 и 6, зверок радостный и красив, а красота его придет вместе со снегом и опять со снегом сойдет, и тот есть зверок, что у греков у старых и у латинов имянуется златая кожа, и для той кожи греки Аргонавте ходили по Черному морю, и после того вверх по рекам сыскали ту кожу, как историки пишут. И столь многоплодный есть тот зверок, что будто неистощаемый источник. И для того написали здесь про соболей, потому что лутче всех по Лене здесь родятся» (Ю. В. Арсеньев. Путешествие... Н. Спафария, СПб., 1882, стр. 134).

Голицын хотел было установить...]. О князе Вас. Вас. Голицыне, фактическом управителе Московского государства в конце 80-х гг., как указано во введении к настоящему тексту, много говорится в книге Невилля; на известиях этих и основываются, главным образом, биографы Голицына, напр., М. Погодин, А. Брикнер. Невилль пишет про Голицына, что его намерением было «поставить Московию на одну ступень с другими государствами» и что он даже хотел начать с освобождения крестьян. В книге Невилля приведены разнообразные данные, характеризующие реформаторские замыслы Голицына, которым, однако, не суждено было сбыться: Невилль был свидетелем падения Голицына. Из книги Невилля и из других источников, например, писем Л. Рингубера, мы знаем, что «Голицын, многосторонне образованный и склонный к западноевропейским приемам общежития, вообще производил на иностранцев очень благоприятное впечатление» (А. Брикнер, Рингубер. ЖМНПр. 1884, № 2, стр. 420).

Спафарий]. В биографии Спафария, излагаемой Невиллем, есть некоторые неточности. Спафарий был родом из Молдавии и прибыл в Россию, вероятно, в нач. 1672 г. Настоящее его имя было Николай Милеску, а прозвище Спафарий, обратившееся на Руси в его фамилию, могло произойти от должности спатара или спафара, которую он занимал в своем отечестве. Спафарий был молдавский боярин и родственник Александра Дуки. Принадлежа к турецкой партии молдавских бояр, он дал знать Порте о тайном союзе Александра Дуки с польским королем Михаилом Вишневецким; за это господарь подверг его позорному наказанию (отрезал ему нос) и изгнал его, как изменника, из отечества. Спафарий отправился к бранденбургскому курфюрсту Фридриху Вильгельму, но влияние польского короля не позволило ему здесь остаться, и он отправился в Россию. В Москве, как человек умный и ученый, владевший молдавским, гре-

ческим, латинским и итальянским языками, он нашел себе покровителя в лице кн. В. В. Голицына и при его посредстве получил место переводчика греческого языка при Посольском приказе. Заявив себя хорошим переводчиком, Спафарий написал и перевел ряд сочинений: «Арифмологион», «Хрисмологион», «Мусы или о седми свободных художествах», «О сивиллах» и т. д. (см. П. А. Сырку. Николай Спафарий до приезда в Россию. «Записки Вост. Отд. Р. Арх. Общ.», СПб., 1888, т. III, вып. 1—2, стр. 183—196; И. Н. Михайловский. Очерк жизни и службы Николая Спафария в России.—«Записки Историко-Филологического общества при институте Безбородко в Нежине» и отд. Киев. 1895, стр. 1—40; Ю. В. Арсеньев. Николай Спафари и его время. «Русск. Архив». 1895, № 7, стр. 349—360; его же. Новые данные о службе Н. Спафария в России (1671—1708). «Чтения в Общ. Ист. Древн.» 1900, кн. IV; подробнее литература указана в статье А. И. Яцимирского, приложенной к книге: Н. Г. Спафарий. Описание первыя части вселенные именуемой Азии, в ней же состоит Китайское государство с прочими его городы и провинции (Казань, 1910). Догадываются, что Спафарий еще до приезда в Россию был знаком с литературой о Китае (его «Арифмология»—дидактическая энциклопедия напоминает китайский трактат Сан-цзе-кинг) или знал о нем кое-что и интересовался им и что это знакомство не осталось без влияния на его назначение в посольство, отправленное в 1675 году в Китай. Самый замысел этого посольства стоит, быть может, в связи с переговорами Л. Рингубера, который отправлен был в Москву в начале 1674 г. с поручениями от саксонского герцога Эрнста. По поручению последнего, Рингубер, как видно из его донесения герцогу, в беседе с царем (7-го июля 1674 года) обратил его внимание на возможность успешного развития торговых сношений России с Китаем. «Нет сомнения,—пишет биограф этого саксонского дипломата,—что Рингубер во время своего пребывания в Саксонии в 1673 г. имел случай беседовать или с самим герцогом или с его сановниками о Китае и Абиссинии и о значении этих государств для России. Рингубер сам начал серьезно мечтать о средствах сближения России с Китаем и с Абиссинией, ему самому захотелось совершить путешествие в ту и другую страну. Поэтому он в своих беседах с царем Алексеем Михайловичем обращал особенное внимание на эти обширные проекты... Рингубер объяснял Матвееву, каким образом московское правительство могло бы воспользоваться удобным географическим положением царства для развития торговли с азиатскими державами, с Китаем, с Ост-Индией и т. д. По его мнению, торговля могла бы доставить России гораздо больше выгоды, нежели открытие рудников, на которое истрачены без пользы большие средства»... (А. Брикнер. Лаврентий Рингубер. ЖМНПр. 1884, № 2, стр. 404; ср. письмо самого Рингубера 29 авг. 1674 г.: «к этому прибавил я некоторые предложения... об открытии северо-восточного прохода в Хину и Ост-Индию, так как владения его царского величества распространяются до Китая. Китай же граничит с Хиной, затем об исследовании рек этих мест» и т. д. Relation du voyage en Russie fait en 1684 par Laurent Rinhuber, Berlin, 1883, p. 81—82; сл. ниже формулировку тех же «Propositiones», представленных А. Матвееву, p. 91, 132, 140). Все эти предложения несомненно заинтересовали русское правительство; во всяком случае, С. М. Протопопов, летом 1674 г. отправившийся в Саксонию послом вместе с Л. Рингубером, получил, между прочим, инструкцию «вести переговоры о средствах развития торговых сношений между Московским государством и Китаем» и действительно старался «ознакомиться с соображениями саксонских чиновников относительно Китая», вывезя оттуда даже некоторые рукописные материалы о Китае, например, «латинскую тетрадь, в которой предлагалась царю снарядить экспедицию для северо-восточного прохода» (P. Pierling. Saxe et Moscou. Un médecin diplomate Laurent Rinhuber de Reinufer, Paris, 1893, p. 43—44).

Все это заставляет предполагать, что разговоры, которые Рингубер вел в Москве, не остались без влияния на отправку посольства Спафария: слишком сходствуют предложения Рингубера с теми инструкциями, которые были даны

Спафарию. Недаром в бумагах Рингубера осталась довольно любопытная заметка о посольстве Спафария, в которой он пишет, что непременно сам принял бы участие в этом путешествии, если бы в это время не находился в Вене (Сл. P. Pierling, op. cit. p. 45; ЖМНПр. 1884, № 2, стр. 405—410). Спафарию предписано было собрать подробные сведения о путях сообщения между Сибирью и Китаем: «от государевы отчины от Сибири, на которое земли и улусы или кочевья ходить податнее... и сухим путем или водяным или горами, и сколько от которого и до которого города или улуса верст или милей или днищ». Как известно, он удачно справился со своей задачей, привезя с собой журнал своего путешествия (Ю. В. Арсеньев. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Ник. Спафария в 1675 г. СПб., 1882; К. В. Базилевич. В гостях у богдыхана. Лгр., 1925), а также ряд материалов о Китае; так, в Москве им были поданы еще: «Описание Китайского государства» (1677); «Описание Амура», составленное по пути в Китай; т. наз. «Татарская книжица», в которой он описал покорение Китая богдойцами и обычаи как их самих, так и других родственных им народностей; первая часть «Татарской книжицы» есть не что иное, как перевод сочинения Мартини «De bello Tartarico Historia» (Colonial, 1645); во второй части Спафарий говорит о богдойцах, гиляках, мунгалах, калмыках. Более чем вероятно, что часть обширных сведений, заключающихся во всех этих трудах Спафария, заимствована из неизвестных нам двух книг о Китае Юрия Крижанича (С. А. Белокуров. Юрий Крижанич в России. М., 1906, стр. 142—146). Спафарий встретился с Крижаничем в Тобольске, где пробыл с марта по май 1675 г. Крижанич оказал ему ряд важных услуг: во-первых, перевел ему «одну холандским языком напечатану книгу об посольству како суть холандци перед 8 летми в Китаю пословали» (Белокуров предполагает, что это было описание посольства голландцев в Китай Петера-ван-Горна в 1666—68 гг.), а во-вторых, дал ему «переписать свою книгу, которую издавна о китайских делах из всяких повестей собирал, а наипаче от себя по философии придумал, а в ней об заводу много корыстного с китайским кралевством торга, и как можно чрез таков торг и чрез изрядные промыслы государевой казне значну прибыль учинить». Крижанич упоминает также, что Спафарий усиленно просил его написать ему особо все, касавшееся сибирских путей и Китая, которое «в двух рукописях и увез с собою». «И он из того,— прибавляет Крижанич,— знает все, еже ему надобно, како дабы се тамо родил» (Белокуров, op. cit., стр. 145). О Спафарии см. еще «Журнал китайский, веденный в Пекине по случаю прибытия Спафария, переведенный с манчжурского»— «Сибирск. Вестник» 1823 г., ч. III. А. Ивановский. Посольство Спафария (манчжурский текст), Зап. Вост. Отд. Р. Арх. Общ., т. II; Б. Г. Курц. Русско-китайские сношения в XVI, XVII и XVIII в. Харьков, 1929, стр. 41—47. Таким образом, собеседник Невилля мог ему сообщить действительно немало интересного о Китае и Сибири.

Голицын... стал изыскивать средства для учреждения там постоянного сообщения]. «Рассказ, очевидно, передан Невиллем весьма неточно,— замечает И. Я. Гурлянд (Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII в. Ярославль, 1900, стр. 204—205),— ямская гоньба учреждена была в Сибири чуть ли не за сто лет до Голицына, и инициатива Спафария, как следует думать, сводилась лишь к каким-то реформам. Весьма возможно также, что именно с этого времени в особо глухих местах были привлечены к ямской гоньбе ссыльные; ссыльных селили в особых домиках, имевших значение промежуточных ямов»...

В Тобольске... расположенном на Иртыше, который неправильно называют Обью]. Невилль неточно передает слова Спафария. В тексте «журнала» его путешествия говорится: «река Тобол течет с рекою Иртышом подле самого города Тобольска, потому что город Тобольск построен на самом берегу Иртыша на высоком месте»... «А река Иртыш... течет до Белогорской горы, и там падет

Иртыш в Обь реку, и больши того не имянуется Иртыш, только Обь река» (изд. Ю. В. Арсеньева, стр. 40 и 46).

подыматься до Кизильбаша). Здесь имеется в виду озеро Зайсан, которое, как видно из данных Спафария, было посещаемо русскими уже во 2-й половине XVII века. Спафарий пишет, что еще до него в «давных годех близь озера Кизыльбаша или Ясана плыли (служилые люди) из Тобольска и сыскали слюду», а также, что «от Тобольска до самой вершины Иртышской мочно легкими судами плыть». О самом озере Зайсане он сообщает, что «сквозь то озеро прошла река Иртыш и не мешается с озером и опять за озеро течет своим течением. А в том озере вода пресная, зеленая, и рыбы много и зверей. И в нем есть зверь некоторой незнаемый, которой ловит лебедей и гусей и иные птицы, будто крокодил и мошно бы и крокодилом быти, только нихто не ведает; а калмыцким языком именуют то озеро Кизылбаш» (Путешествие, изд. Ю. В. Арсеньева, стр. 42, 182). Более точные данные об озере Зайсан находятся в «Описании Сибирского царства» (1683): «А от Ямышева озеро вверх по Иртыше реке Черных Калмык до улусов Бошохты хана Заисанкул урочище великому озеру; ширина тому озеру Зайсанкулю 7 поприщ; а посреде того озера бежит Иртыш река; ходу стругами 2 месяца, а сухим путем степью, лошадьми 2 недели кочевным ходом» (А. Титов. Сибирь в XVII веке. М., 1890, стр. 76—77).

гор Прагогских]. Озеро Зайсан лежит у подножья Алтая.

XLVII. ЭВЕРТ (ЭБЕРХАРД) ИСБРАНТ ИДЕС | EVERT ISBRAND IDES

(1692—1695)

Эверт Исбрант Идес (в России его называли: Елизарий Елизариев сын Избрант) родился около 1660 г. в г. Глюкштадте в Голштинии и по происхождению был или немец (так полагает В. А. Кордт в „Материалах для истории русской картографии", серия II, вып. 1, Киев, 1905, стр. 27) или голландец (такое предположение высказано В. А. Кордтом в его книге „Чужеземні подорожні, Киев, 1926, стр. 145), но датский подданный (в одной русской подрядной записи о нем говорится: „Се аз иноземец датской земли". Елагин. История русского флота, СПб., 1864, прилож. 1, стр. 241). Он происходил из купеческой семьи и с 1677 года занимался коммерческими делами в России. Из того факта, что Витсен называет его своим другом и, следовательно, был лично знаком с ним, обычно заключают, что Идес жил некоторое время в Нидерландах (Gebhard. Het leven v. N. Witsen, II, 322). Когда русское правительство, не получая отзыва из Китая о Нерчинском договоре, решило отправить туда нарочного, то исполнить это поручение вызвался Идес и в начале 1692 г. он был отправлен через Сибирь в Пекин. Поездку эту Исбрант надеялся использовать и в своих личных целях. „Родом есть земли датские", писал он сам, прося государя, чтобы ему „позволено было ехать через Сибирь в Китайское царство" и „побыть в том государстве для продажи своих и покупки тамошних товаров" (см. G. Cahen. Histoire des relations de la Russie avec la Chine sous Pierre le Grand, Paris, 1912, p. XXVI: челобитная; инструкции Исбранту напечатаны здесь же, p. XXVIII). Из Москвы он выехал весною 1692 года (Бантыш-Каменский. Собрание дел между российским и китайским государствами, Казань, 1882, стр. 66; И. Тыжнов. Заметки в городских летописях в Сибири. СПб., 1898, стр. 145; сл. рекомендательное письмо Патрика Гордона об Исбранте к иезуитам в Китае из Москвы от 10 марта 1692 г., напеч. в книге Tagebuch des Generals Patrick Gordon, hrsg. v. Posselt, Bd. III, 1851, S. 313—314; другие материалы об Исбранте помещены здесь же,

Bd. II, S. 327, 336, 369, 379, 506, 511); вернулся же в Россию в феврале 1695 года. Миссию его следует признать неудавшейся; в своих переговорах с китайским правительством он почти ничего не достиг; поэтому вывод В. Андриевича (Краткий очерк истории Забайкалья, Пгр., 1887, стр. 58), что в результате поездки Исбранта Манчжурия открылась для русской торговли, следует признать столь же неправильным, как и мнение Х. Трусевича (Посольские и торговые сношения с Китаем. М., 1882, стр. 33—34), что он успел договориться в Китае относительно русских казенных караванов (см. по этому поводу Б. Г. Курц. Русско-китайские сношения в XVI, XVII и XVIII ст. Харьков—Киев, 1929, стр. 54—58). Собственные же коммерческие дела Исбрант, повидимому, устроил, как это можно догадаться из писем живших в Москве иезуитов (Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и нач. XVIII в. СПб., 1904, стр. 11, 37—38). Зато поездка Исбранта оказалась важной в другом отношении. Во время своего путешествия Исбрант вел дневник, который был издан меньше, чем через год по его возвращении в Москву, сначала в Германии, потом в Голландии. Этот дневник является очень важным источником для этнографии и географии Сибири.

Уже в 1696 году Chr. Menzel в свою книгу Kurtze Chinesische Chronologie... nebst l. Anhang einer Moskowitischen Reisebeschreibung zu Lande nach China in 1693—1695 v. d. Abges. Isbrand Ides, Berlin, 1696 поместил извлечение из дневника Исбранта „о том, как московский посланник Исбрант предпринял сухопутное путешествие в Китай и какие он при этом встретил народы и племена" (Relation wie der Moskowitische Envoyé Mr. Isbrand seinen Weg zu Lande nach China genommen und was er von Nation-Völker angetroffen u. s. w.). Рукопись дневника была получена Менцелем от бранденбургского посланника в Москве Johannes'a Royer'a, который в свою очередь получил его непосредственно от Исбранта. В следующем 1697 году отрывок из его путевых записок напечатал Г. Г. Лейбниц в „Novissima Sinica historiam nostri temporis illustratura", и оно было переиздано в 1699 году. Впоследствии сам Исбрант послал свои записки Н. Витсену, который отредактировал их и приготовил к печати. В письме к Х. Кюперу от 24 сент. 1709 г. Витсен вспоминал: „Описание путешествия Исбранта в той форме, как оно издано, было редактировано мною по бумагам, которые он мне прислал и которые были написаны весьма запутанно (confus) на его гамбургском или нижнесаксонском наречии" („op sijn Hamburghs of Nedersax". См. Gebhard. Het leven v. N. Witsen, II, 332). Однако, еще до выхода в свет этого издания один из спутников Исбранта по путешествию немец Адам Бранд издал в Гамбурге описание их совместного пути, которое тотчас же было переведено на английский, а в 1699 г.—на голландский языки

(Adam Brand. Beschreibung der Chinesischen Reise welche vermittelst Einer Zaris. Gesandschaft durch Dero Ambassadeur, Herrn, Isbrand; Anno 1693, 1694 von Moskau, über gross Ustiga, Siberien Dauren und durch die Mongolischen Tartarey verrichtet worden, Hamb. 1698). Библиографию этого сочинения см. R. Minzloff. Pierre le Grand dans la littérature ètrangère. St. Pétersburg, 1872, p. 168—171; В. И. Межов. Сибирская библиография, т. II, № 12456—12460; G. Cahen. Histoire des relations de la Russie avec la Chine etc. Paris, 1912, p. CLI—CLII. H. Cordier. Bibliotheca Sinica, 2 éd. Paris, 1908, t. III, col. 2092, t. IV, col. 2466—2470. P. и O. v. Möllendorf (Manual of Chinese bibliography, Shangai, 1876, p. 229, № 3056) указывают еще неизвестное другим библиографам франкфуртское издание этого сочинения 1697 года (сочинение Адама Бранда значительно уступает дневнику самого Исбранта; собственно описание Сибири в нем отсутствует, так как в основном оно посвящено, главным образом, Китаю, о России же говорится лишь в самом начале книги. Ср. Е. И. Козубский. Заметки о некоторых иностранных писателях о России в XVII в., ЖМНПр. 1876, № 5, стр. 26, 27, 28).

Таким образом, о путешествии Исбранта в Европе знали уже задолго до появления в печати его подлинной рукописи. Наконец, она была напечатана по настояниям Витсена, как указано было выше, самолично ее отредактировавшего. Заглавие первого издания, напечатанного в Амстердаме в 1704 году, было: „Driejahrige Reize naar China, te Lande gedaen door den Moscovitischen Abgesant E. Isbrants Ides“ 4°; в нем помещены 29 гравированных листов, иллюстрирующих текст; издатель (Fr. Halma) приложил к нему также собственное предисловие, в котором рекомендует издаваемую им рукопись и письмо Идеса к Витсену от 25 мая 1696 г. Книга эта привлекла к себе большой интерес и переиздавалась много раз на разных языках: в 1706 г. в Лондоне вышел английский перевод, в 1707 году во Франкфурте—немецкий, в 1710 г. в Амстердаме появилось новое голландское издание, а в 1716—новое английское, в 1718 и 1727 г.—французские переводы. Отдельные ее части перепечатывались также в различных журналах и исторических сборниках (см., напр., С. В. Рождественский. Известия о России в историческом сборнике Theatrum Europeum, ЖМНПр. № 5, стр. 57—77); в 1800 г. в Праге вышел чешский перевод. Библиографию книги Исбранта см., кроме указанных выше библиографических пособий, также в следующих трудах: I. Beckmann. Literatur der älteren Reisebeschreibungen, II, 446, G. Henning. Die „Reiseberichte über Siberien von Herberstein bis Ides“. „Mitteilungen des Vereins f. Erdkunde zu Leipzig“, 1905, S. 315—316; K. G. v. Baer. Peters des Grossen Verdienste um die Erweiterung der Geogr. Kentnisse. Petersb., 1872, S. 17—18.

Путешествие Исбранта использовано многими писателями XVIII века; много обязан ему Н. Витсен (G. Henning. Die Reiseberichte, S. 315—316 пытается определить размер вклада Исбранта во 2-е издание книги Витсена); ряд данных из него взят (без указания на источник) в книгу „Der allerneueste Staat von Sibirien, Nürnberg, 1720, 2 изд. 1725; путевой дневник Исбранта был одним из главных источников для второй части „Робинзона Крузо“ Д. Дефо (1719), где последний описывает путешествие Робинзона из Китая через Сибирь в Архангельск (см. мою статью „Сибирь в романе Д. Дефо“, Ирк., 1928). В XVIII веке сделан был и первый русский перевод путевого дневника Исбранта (в Новиковской „Древней Российской Вивлиофике“, т. VIII и IX), которым доныне обычно пользуются русские исследователи. Однако он совершенно неудовлетворителен, так как не только значительно сокращает голландский подлинник, но и систематически искажает его. Повидимому, включение этого перевода в „Вивлиофику“ сделано не без участия историка Миллера (см. И. Гурлянд. К вопросу об участии Г. Ф. Миллера в „Древней Р. Вивлиофике“ Новикова. Чтения Общ. Ист. Др., 1899, III, стр. 20—24 и его же „Ямская гоньба в Московском государстве“. Ярославль, 1900, стр. 325—329). В русской литературе имеется еще описание путешествия Исбранта в полубеллетристической форме, сделанное К. В. Базилевичем („В гостях у богдыхана“. Путешествие русских в Китай в XVII веке. Лгр., 1927, стр. 169—213), интересное, однако, тем, что автор использовал для своей книги также архивные материалы, напр., статейный список посольства Исбранта (из б. Арх. Мин. Ин. Дел, книги китайск. двора, № 15). Издание нового перевода сочинения Исбранта, сделанного по голландскому подлиннику, с учетом отличий этого текста от предшествовавших ему немецких публикаций Минцеля и Лейбница, является совершенно необходимым. Недавние статьи В. П. Шляпина „Удора“ („Богатства севера“, 1920, № 6, стр. 13—14) и „К истории заселения нашего края“ (Известия Северо-Двинского общества изучения местного края, 1928, V, стр. 34—35. Чӧж-мӧр. Избраннедес о зырянах (сгренах)—„Коми-му“, 1928, № 1, стр. 36—39), также посвященные анализу некоторых известий Исбранта о коми-зырянском крае, показали, как много интересного из этого полузабытого источника может еще извлечь историк и этнограф. Сочинение Исбранта слишком велико для того, чтобы полный перевод его мог быть включен в настоящую книгу. Поэтому ниже приводится лишь несколько отрывков, могущих служить образцами текста, но отнюдь не заменяющих целое. При проезде через Сибирь Исбрант проявил любознательность и пытливость: он сообщает много любопытных наблюдений, сделанных им на месте во время пути. Возможно допустить со стороны Идеса и некоторую литературную и особенно картографическую подготовку, ко-

торую он предпринял, отправляясь в путешествие; так, например, он пользовался картой Витсена и отмечал на ней замеченные им неточности и погрешности ее (на основании собранных им таким путем материалов карта была исправлена и в уменьшенном виде приложена к описанию путешествия Идеса; переиздана она была в 1727 году в виде приложения к французскому переводу). (В. А. Кордт. Материалы для истории русской картографии, серия II, выпуск I, стр. 27—28; воспроизведение ее здесь же, табл. XXVI). Однако, с другой стороны, ценность сообщаемых Исбрантом сведений именно в их непосредственной свежести, так как они не повторяют прежних данных, но основаны на личных наблюдениях.

Биография Исбранта после возвращения из Китая в Москву недостаточно ясна. Когда после покорения Азова в 1697 г. было приступлено к сооружению флота „кумпанствами" и постройка коммерческих судов производилась подрядом, Исбрант исполнял в казанском кумпанстве заказы по постройке судов и доставке припасов, как видно из его рядных записей 1697, 1698 и 1700 гг. (Н. Устрялов. История Петра В., т. II, стр. 308—309; Приложение XV, стр. 4—8; Елагин. История русск. флота, СПб., 1864, стр. 61—62 и прилож. I, стр. 241—243, 306—309; Дополн. к Акт. Историч., XII, стр. 90—91). Год его смерти в точности неизвестен, но в 1709 г. его уже не было в живых (ср. письмо Витсена Кюперу от 24 сент. 1709 г. у Gebhard'a, op. cit., II., 322). Биографию Исбранта, написанную Ратцелем, см. также в „Allgemeine Deutsche Biographie", Bd. XIII, S. 747—749.

Приводимые ниже отрывки взяты из „Driejahrige Reize naar China", 1704, 40—45, 131—133.

[БУРЯТЫ]

Этот край, вплоть до самого Байкальского озера орошаемый Ангарой, населен язычниками, называемыми бурятами (Buratti). В этой местности, на холмах и в долинах живет много бурят, которые весьма богаты рогатым скотом, длинношерстными быками и коровами. Все они имеют весьма низкие жилища, сколоченные из дерева и покрытые дерном. Вверху на крыше находится дымовое отверстие; огонь разводят они посередине жилища. Они не знают ничего о хлебопашестве или огородничестве. Их дома, объединенные в деревни, расположены обыкновенно около рек. Буряты не меняют своего местожительства подобно тунгусам или другим народам. Вблизи от их домов стоят воткнутыми в землю стрелы, жерди и копья, к которым прикреплено несколько козлов и овец. Весною и осенью объединяются они толпами до ста человек и отправляются верхами на охоту на оленей, диких коз и овец; эта

охота называется ablavo. Когда они приезжают в то место, где они выслеживают дичь, разъезжаются они врозь по окрестности, чтобы удобнее настигнуть зверя и окружить его кольцом. Если они могут достать до него своими стрелами, то каждый стреляет из своего лука, так что редкий зверь остается в живых, потому что каждый стрелок один за другим может сделать тридцать выстрелов.

Рис. 69. Буряты (из книги Н. Витсена)

По окончании охоты каждый охотник выдергивает свои стрелы [из убитого зверя]. Случается при этом, что в суматохе попадают в лошадей и некоторых из них убивают. С убитой дичины снимается шкура, мясо отделяется от костей и затем высушивается на солнце. Когда запас [мяса] кончен, они вновь отправляются на охоту. Там находится множество дичи, и я сам издалека на расстоянии четверти мили видел несколько тысяч диких овец, которые как снегом покрывали гористые склоны. Здесь поблизости водится мало пушных зверей, кроме отдельных медведей и волков. Когда у них [бурят] хотят купить быка, которые здесь чрезвычайно велики, или верблюда, необходимого для путешествия в Китай, они

отдают их не за деньги, но за соболя с темным волосом, за оловянные или медные кружки, красные гамбургские шерстяные платки, за мех выдры, персидский некрученый шелк разных цветов, а также за слитки золота и серебра, и за эти товары, стоимостью от 4 до 5 рублей, можно купить доброго быка, годного на убой, весом от 800 до 1000 немецких фунтов, а верблюда за 10—12 рублей; рубль же равняется у нас двум талерам.

Рис. 70. Облава (Ablavo) у бурят (из книги И. Идеса)

Как мужчины, так и женщины высоки ростом, крепкого телосложения и по-своему довольно красивы, лицом своим напоминая несколько китайских татар. Зимою и те и другие носят длинные халаты (Röcke) из овечьего меха и подпоясываются широким поясом, отделанным железом. Они имеют род шапок, которые они называют malachaven и которые зимою можно опустить на уши. Летом носят они одежду из скверного красного сукна. Впрочем, и лицом и всей своей фигурой походят они на чертенят, потому что моются только при своем появлении на свет и никогда не обстригают себе

ногтей ни на руках, ни на ногах. Девушки заплетают свои волосы во много косичек, которые стоят и торчат на голове во все стороны, так что своим видом напоминают они Зависть, как ее обычно изображают. Замужние женщины носят одну косу, свисающую сзади головы и украшенную оловянными фигурами.

Когда кто-нибудь из них умирает, то они погребают его в красиво разукрашенных одеждах с луком и стрелами. Их богослужение состоит единственно в том, что они несколько раз в году, с преклонением головы воздают некоторые почести дохлым козлам и овцам, которые прикреплены перед их жилищами. То же самое делают они, обращаясь к солнцу и луне, склоняясь на колени с протянутыми руками и не произнося при этом ни слова. О другом богослужении не знают они ничего, да и не хотят знать; несмотря на это, они имеют своих священников, которых они убивают, когда им это заблагорассудится, и хоронят, кладя около них деньги и платья, полагая, что они нужны для того, чтобы покойник о них молился и для того, чтобы он имел деньги на питание и платья, дабы в них одеваться.

Когда кто-либо из них должен принести клятву, то они отправляются на озеро Байкал, близ которого находится гора, почитаемая ими священной, и до которой два дня пути. На этой горе приносят они свою клятву, кто же присягнет ложно, тот, по их мнению, не сойдет живым вниз. На ней приносят они также в жертву убойный скот.

Я отправился из Балаганска (Bulagansky)]... После нескольких дней пути среди бурят приехал я в город Иркутской (Jekutskoi), расположенный на реке Ангаре, которая вытекает из озера Байкала в шести милях от города и течет с юга на север. Этот город построен недавно и снабжен мощной крепостью и большими слободами. Хлеб, соль, мясо и рыба здесь очень дешевы, ржи больше всего, и столь много, что за семь стюйверов можно купить ее сто немецких фунтов. Тому причиной плодородие этой земли. От Иркутска до Верхоленска (Wergolensko) родится много разнообразных хлебных злаков (de graanen); там находится много русских дворов, которые наживают богатство земледелием и которые кроме этого ничем более не промышляют. Выше Иркутска, неподалеку от города, к западу, находится пещера, которая некогда извергала пламя; но из нее в настоящее время выходит лишь небольшой дым. Местные жители рассказывали мне, что в ней в течение многих лет держался огонь, и что погас он лишь недавно. Так как почти каждую осень в этих краях случаются землетрясения, хотя и без больших разрушений, я полагаю, что эта пламенеющая пещера благодаря им закрылась, ибо она представляет

собою не что иное, как большую трещину в плотном грунте, в коем некогда, повидимому, залегали некоторые легко воспламеняющиеся жилы, ныне выгоревшие. Тем не менее даже теперь, если глубоко воткнешь в это отверстие палку и станешь шевелить ею пепел, оттуда исходит еще некоторый жар. Неподалеку от этого места я видел большой монастырь, у подножия которого в реку Ангару впадает река Иркут; по имени ее назван город. В этом монастыре жил некий тайша или монгольский князек, подданный его царского величества, который принял греческую веру; в том же монастыре жила сестра этого князька; она была монгольской монахиней и, как мне показалось, недалека от принятия христианства по примеру своего брата, так как когда кто-либо говорил с ней о вере, она обыкновенно отвечала: „христианской бог сильной, и нашего бога из неба выгнал; однако же наш бог паки в небо вознесен будет, токмо же христианской бог и в другой раз его выгонит оттудова“.

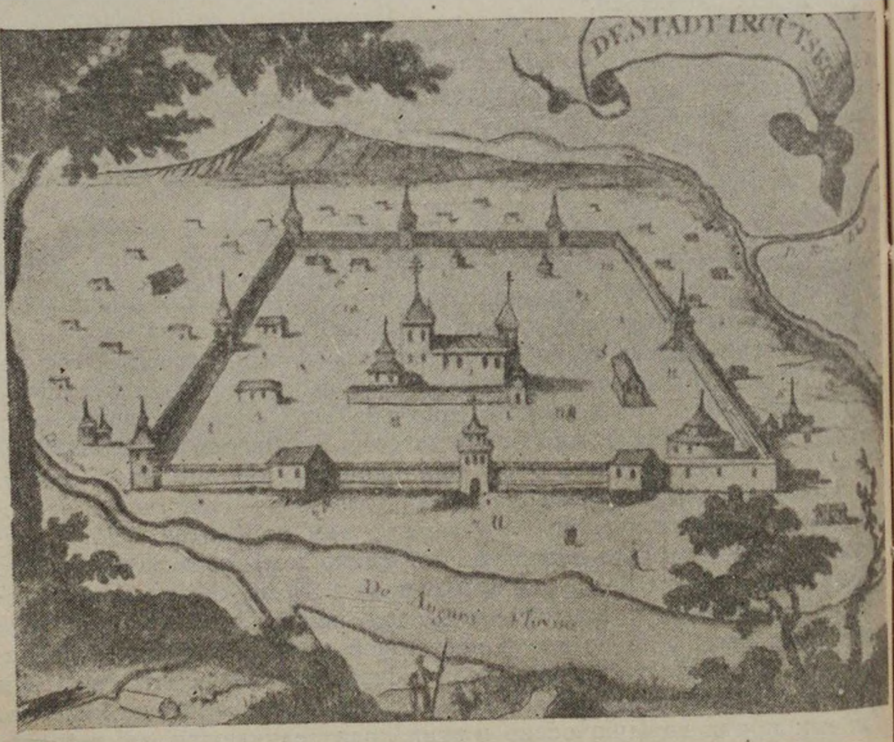

Рис. 71. Город Иркутск (из книги Н. Витсена)

Когда она входила в комнату, где находились люди, она никогда не кланялась, не потому, чтобы это был монгольский обычай, но потому просто, что таково было правило ее ордена; в руках держала она четки, перебирая их. В том же монастыре жил еще лама или монгольский священник, который также обычно держал в руках длинные четки и, непрестанно перебирая их своими пальцами, делал различные гримасы, бормоча себе что-то под нос. От долгой привычки перебирать четки он стер себе большой палец до сустава, но не чувствовал при этом никакой боли.

Отдохнув некоторое время в Иркутске, 4 марта я выехал в путь, а 10 марта приехал на берег озера Байкала, которое мы нашли уже покрытым крепким льдом. Переехав через него, мы счастливо достигли деревни Кабаньей (Kabania). Озеро Байкал имеет в ширину около шести немецких миль, а в длину—сорок. Толщина льда на нем была около шести футов. Опасно ехать по нему во время непогоды, потому что ветер сносит весь снег, и лед тогда становится таким скользким, что лошади непрестанно падают, если подковы их не снабжены весьма острыми шипами. На этом озере встречаются полыньи, которые никогда не замерзают; они часто являются гибельными для путников во время сильных ветров, так как, когда лошади падают, то их собственная тяжесть, вместе с силой ветра, увлекают их по льду, а с ними и сани, так что их невозможно удержать, и если по несчастью случится в это время поскользнуться близ отверстия, то они прямо туда низвергаются и безвозвратно погибают. Иногда же сильный ветер раскалывает лед с шумом, подобным грому; через несколько часов, однако, трещины снова замерзают. Когда же необходимо провести по льду этого озера верблюдов, то на ноги им одевают нечто вроде сапогов; на подошвах их приделаны железные шипы, которые их и удерживают. Быков подковывают так же, как и лошадей, потому что в противном случае они не смогли бы ходить по льду. Вода в этом озере пресная, но такая же чистая и зеленая, как и в океане; в нем водится много морских собак [тюленей], которые вылазят в отверстия во льду и на некоторое время показываются над водой. Они все черные и без шерсти, как те, которые водятся в Белом море. В озере также много рыбы, осетров, щук, которых там ловят, причем некоторые бывают так велики, что каждая рыба имеет весом до 200 немецких фунтов.

Единственная река, которая вытекает из Байкала,—это Ангара: она течет на северо-запад; впадает же в него река Селенга (Silinga), текущая с юга и являющаяся единственной большой рекой, которая берет начало в земле монгольской; все прочие же являются маленькими ручейками, притом очень каменистыми. В упомянутом небольшом море находятся также острова; на них и по берегам озера живут буряты, монголы и онкоты (onkotes); в окружающих

горах и лесах ловят красивых черных соболей; здесь же водится лучший сибирский кабардинер (Kaberdiner). Я забыл упомянуть, что когда я хотел спускаться на озеро у монастыря св. Николая, который расположен недалеко от того места, где вытекает река Ангара, местные жители пришли нарочно увещевать меня, чтобы я не называл Байкал озером, пока буду по нем ехать, но всегда

Рис. 72. Бурятский бык (из книги Избранта Идеса)

называл бы его Далай, что значит море, так как, по их словам, все путешественники, которые не слушались их совета, подвергались многим опасностям от буйного ветра, который подымался как раз в момент их проезда через него. Я начал смеяться этому нелепому утверждению и решил испытать, оставит ли море безнаказанным это мое оскорбление. Я поручил себя воле божией и поехал. Когда я был на самой средине переезда, я велел подать себе рюмку водки и, выпив за здоровье всех европейских христиан, призвал его в свидетели, называя его озером (osera), что означает

стоячую воду, но ветры не только не прогневались на меня, но даже успокоились, и оскорбленное мною море покорно снесло меня на своей спине вплоть до острожца Кабанского, первого места в даурской провинции, причем день был тихий и совсем ясный. Не нужно ли сожалеть о невежестве народа, который находится в таком суеверии, вместо того, чтобы поручать себя богу, который все создал и всем обладает, кому и море и ветры послушны?

[КАМЧАТКА, РЕКА ЛЕНА И ЕЕ ОБИТАТЕЛИ]

Ледяной мыс (Iskaap) представляет собой полосу земли, которая вдается в море, где ее перерезают несколько рукавов, образующих заливы и острова. Несколько выше море имеет вход, через который проходят рыбаки. Города Анадырск (Anadieskoi) и Собачье (Sabalska) населены чукчами (Xuxi) и коряками (Koeliki), которых мы только что описывали. Река Салазия (Salazia) очень рыбная, в ней ловят главным образом сельдей, осетров, стерлядь (Sterbeth) и нельму (Nebna). Вдоль этой реки, по мере удаления от моря, встречаются различные землянки, обитаемые казаками, которых его царское величество содержит там для сбора ясака с туземцев. Ловят там также соболей и рысь в таком изобилии, что это маленькое пространство земли поставляет его царскому величеству соболей больше, чем всякая другая область Сибири. Климат Ледяного Мыса или, как называют его русские, Святого Носа (Swetoinos op't Moscovisch), что значит Святого Мыса, необычайно холодный. Морозы там так сильны, что некоторые участки моря покрываются льдом, куски которого, гонимые ветром, нагромождаются друг на друга, образуя в короткие промежутки времени высокие горы, кои держатся из года в год. Случается иной раз, что эти ледяные нагромождения и даже поверхность моря по два и по три года не оттаивают, как было, напр., во время морозов 1694 г., продлившихся без перерывов до 1697 г. От Ледяного Мыса перехожу к большой реке Лене, которая течет на юго-запад из озера Байкала, отделяющего, как сказано выше, Сибирь от Даурии. На этой реке расположен город Якутск—главный город Северной области Сибири. Обитатели его приезжают в теплое время года на Святой Мыс, в Сабачин, в Анадырск и в залив Камчатский, чтобы охотиться там на нарвалов, у которых они берут зубы, а также на китов, из которых приготовляют масло. Употребляемые ими лодки сделаны из кожи и рассекают воду с большой быстротой. Народы, живущие в окрестностях этого города и на берегах реки Амги (Amga), называются якутами. Они носят одежду, составленную из кусков меха различного цвета, образующих странную смесь. На швах и вокруг всей одежды господствует обшивка из шерсти

белого оленя, шириной в руку; одежда открыта с обоих боков и сделана вроде как бы по немецкой моде. Народы эти носят длинные волосы, свисающие до плеч. Обычай носить рубашку им незнаком. Они убеждены в существовании некоего бога в небе, которому считают себя обязанными своим имуществом, женами и детьми. У них в году всего лишь один праздник, они празднуют

Рис. 73. Город Якутск (из книги Н. Витсена)

его весной с большой торжественностью. Церемония состоит в том, что они разжигают большой костер и поддерживают его во все время, пока длится праздник; они воздерживаются в это время от питья, но употребляют свой кумыс или арак (kunis of Arak) на изготовление возлияний, которые они, один за другим, приходят выливать в огонь с восточной стороны. Этот кумыс представляет собой водку из молока, которую они обычно употребляют. Когда кто-нибудь из них умирает, ближайший из его родственников принужден быть погребенным совер-

шенно живым рядом с умершим,—прискорбный обычай, происходящий, возможно, из той области Индии, где жена обязана итти на костер и смешать свой прах с пеплом супруга, дабы иметь возможность на том свете возобновить их обоюдное наслаждение. Язык якутов очень близок к языку магометанских татар, живущих в окрестностях Тобольска и происходящих от бухар; может быть, именно в подражание этим татарам каждому якуту разрешается иметь столько жен, сколько он может прокормить. Эти народы путешествуют и перевозят свои товары на санях, которые тащат олени, бегущие очень быстро. Они обычно отважны, смелы, искусны и, повидимому, любят правду. Когда его царское величество посылает в Якутск снисходительного воеводу, не умеющего их сдерживать, они иногда грабят один другого и делают друг другу все зло, какое только могут, но когда офицер со строгостью применяет свою власть, они живут в мире, и не слышно, чтобы говорили о каком-нибудь насилии среди них; они, напротив того, хвалят строгость воеводы и желают, чтобы он долго ими управлял. Они имеют обыкновение говорить, что предками их были монголы и что они населяли некогда часть страны калмыков, откуда русские их выселили, чтобы переселить в эти свои земли. Они добавляют, что гораздо охотнее предпочли бы жить на своей родине, чем в крайне холодной стране, где они вынуждены проводить три четверти года в подземных пещерах. Они сильно подвержены болезни скорбуту, но владеют секретом излечиваться от него в короткий срок, кушая в сыром виде какую-то рыбу и натираясь родом смолы, называемой д е г о т ь (Deugti).

Кроме якутов, на берегах реки Лены находим еще идолопоклонников, которые зовутся юкагирами. Все, что мне известно особенного об этих народах, это то, что они срезают мясо с костей своих мертвецов, высушивают их скелеты и, украсив их несколькими рядами стеклянных бус, вывешивают их вблизи своих жилищ и воздают им божеские почести. На берега Лены (Lima—stroom) каждый год приезжают искать зубы и кости мамонта. Эта река, протекая через горы, о которых я говорил в своем повествовании, принимает в себя потоки, которые оттуда льются во время таяния снегов весной и которые увлекают обыкновенно большие глыбы мерзлой земли; река перекатывает, и летом они видны на ее побережье. В этих-то глыбах земли и находят зубы, а иногда и целые скелеты чудовищных животных.

Важнейшие реки, вливающиеся в эту реку, суть: Витим (Witim), Олекма (Olekina) и Майя (Maja), которые текут все три на юг. Берега их так богаты черным соболем и некоторыми другими сортами прекрасного меха, что зимой там можно купить множество (koopen) шкур за три-четыре рубля.

Окрестности реки Майи, города Верхоленска (Wergolenkolso-sic!), где река Лена (Lima) берет свое начало, и страна, орошаемая маленькой рекой Киренгой, изобилуют зерном. Вся Якутская провинция ежегодно им питается и даже весьма дешево, так как сто фунтов ржаной муки стоят там не более 10—12 стюйверов; скот и мясо покупаются там в умеренном количестве; так как деньги редки в этой отдаленной провинции, цена его там необычайна.

Морское побережье от устья реки Лены до устья реки Енисея (Ienisea) непроходимо; ни один путешественник до сих пор не обошел его ни водой, ни сушей. Некоторые дошли, правда, до реки Тарсиды (Tarsida), но холод и лед помешали им перейти ее. Народы, обнаруженные между реками Енисеем и Тарсидой,—идолопоклонники, это частью самоеды, частью тунгусы и живут они, как и те народы, о которых я говорил выше.

ПРИМЕЧАНИЯ

называемыми бурятами]. Сведения о бурятской народности сравнительно поздно проникли в западно-европейскую литературу. Правда, по мнению Хэннинга, уже голландец Исаак Масса в своем описании Сибири (1612) приводит несколько сведений о бурятах, хотя и не называя их по имени; если предположение Хэннинга правильно, то краткое сообщение Массы является первым известием о бурятах в западно-европейской литературе, к тому же современным первым русским известием о бурятах, так как знакомство русских с этой народностью относится к первой четверти XVII столетия (Сл. G. Henning. Die Reiseberichte über Siberien von Herberstein bis Ides—«Mitteilungen des Vereins für Erdkunde zu Leipzig», 1905. S. 359). Я усомнился в правильности предположения Хэннинга (см. выше, стр. 273), чем заслужил упрек со стороны Е. Г. Кагарова («Советский север», 1934, № 5, стр. 106), справедливо заметившего, что против допущения немецкого ученого я не привел никаких доказательств. Отмечу поэтому, что фраза Исаака Массы о предполагаемых бурятах представляется мне прежде всего слишком туманной и содержит слишком немного конкретных указаний; по словам тунгусов, это были «понятливые люди, хорошо сложенные, с маленькими глазами, плоскими лицами и коричневой кожей красно-бурого оттенка»; вопрос о том, в какой области тунгусы встретили этих людей, также недостаточно ясен; река «Писида», т. е. Пясина, упоминаемая в тексте, свидетельствует скорее против допущения Хэннинга, так как местожительство бурят было южнее этой реки; одним из оснований его догадки было также упоминание у Массы слов «ом ом», которые якобы эти люди часто повторяли. Хэннинг толкует их, как искаженное «лам»—Байкал; об ошибочности такого толкования см. выше, стр. 272—273, где приведены и другие соображения о загадочном тексте. Более определенные данные о бурятах дают европейские источники конца XVII и нач. XVIII в. Так, французский иезуит Жербильон (см. о нем выше), описавший Забайкалье, приводит несколько любопытных сведений о народах, живущих вокруг озера, в том числе и о «браттах» (Brattes); о бурятах («Bratski») упоминает также другой иезуит Ф. Авриль (см. выше). Несколько сведений о бурятах, называемых «Bratski Mugalen» и «Brati», находится также в первом издании книги Витсена «Noord en Oost Tartarien» 1692 года, и они повторены с легкими изменениями во втором издании этого труда (1705). Я имею в виду изд. 1692 г., II. 433 (1705, II, 658 и сл.) и особенно статью: «Bericht noopende Tartarische Vol-

ken etc. beschreven door zecker. Heer van aenzien en geleertheit, welke alle hier in vermelte Landen in eigene perzoon heeft besichtigt» (1692, II, 542, 1705, II, 884). Возможно, что своими сведениями о бурятах Витсен обязан именно Исбранту Идесу, известие которого, приведенное выше, является одной из первых более или менее обстоятельных характеристик бурятской народности этнографического порядка.

В Нюренберге в 1720 году появилась книга под кудрявым заголовком: «Наиновейшее государство Сибирь, большая и ранее мало известная московитская провинция в Азии и т. д.» (Der allerneuste Staat von Siberien, eines grossen und zuvor wenig bekannten Moscowitischen Provinz in Asien etc. Nürnberg, 1726; 2 изд., 1725 г. тождественно с первым). Заключительная часть этой книги «Historische Nachricht von den merkwürdigen Begebencheiten der gefangenen Schweden in Sibirien» (S. 185—246) может дать повод к заключению, что в составлении всей книги принимали участие пленные шведы, собравшие, как известно, в своих дневниках и сочинениях весьма интересный историко-этнографический материал о Сибири; тем не менее ценность остальных частей книги далеко не оправдывает возлагаемых на нее надежд. Этнографическая часть ее представляет собою компиляцию, главным источником которой были книги Витсена и известия Исбранта Идеса. В частности 20 глава (S. 175—179), специально посвященная бурятам («von denen Buratten»), оказывается простым переводом соответственного места из описания путешествия Исбранта, хотя на него не сделано ни одной ссылки, и имя его также не названо. Анонимный автор допустил лишь легкие переделки текста, но не исключил из него почти ни одной подробности. Рассказ Исбранта ведется от первого лица,—здесь от третьего; аноним последовательно исключил все, относящееся к самому путешествию Исбранта, но не нарушил принятого у него порядка описания бурят, прибавив лишь округляющие его отдельные фразы. Наибольшая вставка сделана в самом начале главы; она гласит: «Буряты, находящиеся в подданстве русского царя, некогда имели свои жилища в области реки Селенги, но так как благодаря подстрекательству китайцев многие из них передались монголам, то остальные, чтобы избежать соблазна, перебрались оттуда на Байкальское озеро и р. Ангару, в окрестностях которых и живут по горам, платя его царскому величеству большую дань, состоящую из соболей и других драгоценных мехов, и будучи очень богаты молочным скотом и косматыми быками». Далее аноним буквально воспроизводит Исбранта, его характеристику бурятского жилища и т. д.

Эта охота называется: ablavo], т. е. «облава» Сл. древнейшие известия о зэгэтэ-аба, как эта групповая охота называется у бурят в статье М. Н. Хангалова. «Зэгэтэ-аба, облава на зверей у древних бурят». Изв. ВСОРГО, 1888, т. XIX, № 3 и М. Н. Богданов. Очерки истории бурят-монгольского народа. Верхнеудинск, 1926, стр. 11 и сл.

Здесь поблизости] от Балаганска.

которые они называют malachaven] ср. у Витсена (Noord en Oost Tartarien, 1705, II, 660: «malachey»; имеется в виду бурятское: малахаj, малагаj.

На этой горе приносят они свою клятву]. Имеется ввиду или Тункинская гора или гора на острове Ольхоне. Об этой горе см., между прочим, в очень интересном, хотя и мало известном описании бурят Ренье, швейцарца родом, жившего в Иркутске при детях губ. фон-Бриля (между 1767—1794), напечатанном в книге «Beiträge zur Erweiterung der Geschichtskunde, hrsg. von Johann Georg Meusel, 1780, I. S. 119—180.

Выше Иркутска... находится пещера]. «Землетрясения в Восточной Сибири в XVII и нач. XVIII вв.», Ирк., 1925 (отт. из книги «Очерки по землеведению и экономике Вост. Сибири», вып. II, изд. ВСОРГО, стр. 91—98) пишет: «со слов Исбранта об этой пещере или трещине в земле около Иркутска упоминают положительно, кажется, все авторы, писавшие в конце XVII и XVIII ст. об Иркутске.

Говорит о ней и Витсен, который полагает, что это был горящий уголь—kolk. Очень интересовался ею и Гмелин в бытность свою в Иркутске. Упоминает об этой горящей трещине в своем сочинении и Страленберг и др.»

онкоты]. Об этом народе см. И. Сельский в Зап. Сибирск. Отд. РГО, 1858, кн. V, стр. 118.

сибирский кабардинер] кабарга.

Далай, что значит море]. См. выше стр. 273.

Ледяной мыс... Святой нос]. См. K. V. Baer. Peter der Grossen verdienste um die Erweiterung d. geogr. Kenntnisse, St.-Petersb. 1872, S. 238—239.

сельдей, осетров, стерлядь и нельму]. В подлиннике «Haring, Steur Sferbeth en Nebna», последний термин условно перевожу «нельма»...

до реки Тарсиды]. Очевидно, р. Пясина, см. выше, стр. 223—224.

XLVIII. АДАМ БРАНД | ADAM BRAND

(1692—1695)

С посольством Исбранта Идеса, из Москвы в Китай, через Сибирь ехали, как известно, „пять человек немец, да один человек московской подьячий" („Записки к Сибирской истории служащие". Древн. Росс. Вивлиофика, изд. 2-е, ч. III, стр. 278—279). Одним из этих спутников был любекский купец Адам Бранд. Жизнь его мало известна. Родом он был из г. Глюкштадта в Голштинии. Для изучения торгового дела он приехал в Москву и, кажется, довольно хорошо выучил здесь русский язык. Будучи хорошо знаком с Исбрантом, Бранд по его ходатайству получил разрешение примкнуть к посольству и совершить с ним далекий путь. Следует, однако, подчеркнуть, что в свите посольства Адам Бранд не занимал никакого официального положения и считался его добровольным спутником; таким образом, лондонское издание его путешествия 1698 г. напрасно называет его „секретарем посольства" (Secretary of embassy); Лейбниц в „Novissima Sinica" (1697) ошибается, называя его даже „посланником". Несомненно, однако, что Адам Бранд совершил с русским посольством весь путь в Китай и обратно. Находясь уже в Пекине, Бранд просил Исбранта отпустить его по своим делам, намереваясь совершить самостоятельное путешествие по Китаю и оттуда через Батавию (на о. Яве) вернуться в Европу. Исбрант, однако, в этом ему отказал на том основании, что он не вправе отпустить кого-либо из своей свиты без царского на то указа. Распоряжение Исбранта нельзя толковать в том смысле, что Бранд принадлежал к официальному составу посольства; им руководили, вероятно, опасения, как бы его самого не обвинили в Москве в отпуске из своей свиты человека, к посольству причисленного, который мог бы разгласить за рубежом посольские тайны. Бранд принужден был вернуться в Москву вместе с Исбрантом, но, впрочем, получил там вскоре же разрешение вернуться на родину. Известно, что в конце 90-х годов XVII века он имел в Любеке собственную торговую контору. Дальнейшую судьбу его мы знаем плохо; в начале нового столетия он предложил берлинскому двору завязать ком-

мерческие сношения с Персией; предложение его было принято, и он получил приглашение стать во главе всего предприятия, но смерть прусского короля (1713) расстроила его планы, и сам он вскоре умер. Год его смерти неизвестен.

Во время путешествия своего с посольством Исбранта в Китай Бранд вел дневник; то обстоятельство, что Бранд попал на Запад вскоре же по возвращении из Китая, было причиной того, что дневник Бранда стал известен в Западной Европе ранее реляции Исбранта. Так, уже Г. Г. Лейбниц внес его сокращенный текст (в латинском переводе) в первое издание своего труда: „Novissima sinica historia nostri temporis illustratura etc. 1697"; см. здесь: „Brevis descriptio itineris Sinensis a Legatione Moscovitica Anno 1693, 94 et 95, communicante Dno Brandio à Moscis ad Sinas Ablegato"; напечатанные разрядкой ошибочные слова свидетельствуют, что в это время Лейбниц еще не знал имя настоящего посла; во втором же издании „Novissima Sinica" (1699) заглавие дневника Бранда изменено: „...communicante Dno Brandio Lubecensi qui fuit in comitatu Dni Isbrandi à Moscis ad Sinas Ablegati". Некоторые библиографы (см., напр., P. и O. Möllendorf, Manualof chinese bibliography, Changaï. 1876; p. 229, № 3056) указывают на франкфуртское издание дневника Бранда на немецком языке, вышедшее в 1697 году, одновременно с первым изданием книги Лейбница. Это немецкое издание, вероятно, и нужно считать первым изданием подлинного авторского текста; мне, однако, это издание видеть не пришлось, и я пользовался другим изданием, вышедшим в Гамбурге в следующем 1698 году. Полное заглавие его таково: „Beschreibung der Chinesischen Reise, welche vermittelst Einer Zaris. Gesandschaft durch Dero Ambassadeur, Herrn Isbrand Ao 1693, 94 von Moscau über Grosz-Ustiga, Siberien, Dauren und durch die Mongalischer Tartarey verrichtet worden, Hamburg, 1698. Ф. Аделунг (Kritisch.-Literar. Übersicht, Bd. II, S. 388—390; русск. перев. М., 1864, ч. I, 238—239) не называет этого издания, но, упоминая франкфуртское, говорит, что последнее было переиздано с дополнениями в Берлине (1712), а затем дважды в Любеке (1723, 1734). В 1698 г. в Лондоне вышло издание английского перевода этого сочинения, а в следующем 1699 г. появилось одновременно два французских перевода: 1) „Voyage très-curieux par terre et par mer fait récemment par l'ambassade de S. M. Czarienne de Moscou en Chine, sous la diréction de l'ambassadeur Isbrand à travers la Grande Ustiga, la Sibérie, la Daourie, la Tartarie Mongole etc., contenant les particularités extraordinaires et merveilleuses de quelques peuples inconnus, qu'ils ont rencontrés leurs aventures particulières et plugienos: autres choses mémorables, décrite par A. Brand, Tyel, 1699, 12°.

2) Relation du voyage de Mr. Evert Isbrand Ides, Envoyé du Czar à l'empereur de la Chine, en 1692—94 par Ad. Brand,

avec une lettre de l'état présent de la Moscovie, Amsterdam, 1699. О различных изданиях книги Бранда см. также: Gaston Cahen, Histoire des relations de la Russie avec la Chine sons Pierre le Grand, Paris, 1912, Bibliographie, p. CLI — CLII.

Справедливую оценку книге А. Бранда дал еще Тыжнов („Обзор иностранных известий о Сибири“, — „Сибирский Сборник“ под ред. В. А. Ошуркова, Ирк., 1890, стр. 42—48), обративший внимание на то, что тексты различных изданий книги Бранда друг с другом не совпадают. В более поздних изданиях Бранд, очевидно, заимствовал некоторые данные из книги Исбранта, первое же выпущено им самостоятельно. Н. Витсен в одном из писем к Лейбницу хорошо отзывается о самом Бранде, но досадует на краткость его книги (В. Герье. „Отношения Лейбница к России и Петру Великому“, СПб. 1871, стр. 32). „Казалось бы,—замечает Тыжнов,—что при таком отношении записок Бранда к запискам Исбранта и при таких отзывах об его труде, какие дал Витсен, описание его не имеет самостоятельного значения, но так как он описывал пройденный им путь как очевидец, то в его дневнике можно найти некоторые данные, которых мы напрасно стали бы искать в записках Исбранта“. Действительно, в своем раннем издании записки Бранда дают некоторые, хотя и незначительные дополнения к рассказам московского посланника, в свите которого он совершил свое путешествие. Нижеследующий отрывок заимствован из гамбургского издания 1697 г. (SS. 75—82).

С тем же посольством Исбранта связан еще один темный эпизод. В 1800 г., в Праге, один из чешских писателей Ян Рулик (Jan N. Josef Rulik, 1744—1812) опубликовал на чешском языке следующую книгу: „Путешествие из Москвы в Китай, благополучно совершенное с русским послом Исбрантом через Устюг, Сибирь, Даурию и монгольскую Татарию чешским рыцарем, Гиржем из Драхова в 1693 году“. В предисловии к этой книге Ян Рулик утверждает, что путешествие Гиржа (Юрия) было писано им самим на латинском языке и издано в Гамбурге в 1697 г. и что будто бы в следующем (1698) году вышел его немецкий перевод; чешский перевод сделан им с латинского. О самом авторе этой книги, Гирже из Драхова, Рулик сообщал очень мало данных. По словам Рулика, Гирж принадлежал к старому рыцарскому роду, местопребыванием которого служило местечко Драхов на реке Лузнице, неподалеку от Праги. В молодых годах он уехал из Чехии, побывал в Германии, Англии, Франции, затем попал в Константинополь. Здесь он познакомился и подружился с Михаилом Рубовским, послом московского царя в Турции; при отъезде своем из Константинополя Рубовской взял Юрия с собою и привез в

Москву, где как раз собиралось посольство Исбранта; по рекомендации Рубовского Юрий был принят в свиту посла и совершил с ним весь путь до Пекина и обратно. Затем, по словам Рулика, Гирж оставался некоторое время в России и служил в русских войсках во время азовских походов Петра.

Путешествие Гиржа из Драхова не пользуется известностью в научной литературе. Все писавшие или упоминавшие о нем всегда основывались исключительно на чешском переводе его Яна Рулика 1800 г. Это издание имеется в Гос. Публичной Библиотеке в Ленинграде (см. Catalogue de la section des Russica, St. Petersbourg, 1876, t. I, № 453); R. Minzloff („Pierre le Grand dans la littérature étrangère", St. Petersbourg, 1872 p. 698) также называет его, но оставляет без всяких пояснений; И. Первольф (Славянская взаимность, СПб., 1874, стр. 260) кратко упоминает о Гирже, но сообщает о нем лишь то, что известно из издания Рулика. В том же объеме данные о Гирже находятся и во всех чешских энциклопедических словарях, вплоть до новейших (см., например, „Masarikuv Slovnik Naucný", Die II, V Praze, 1926, str. 383 s. v. Drasky z Drachova, Jiri). Лишь недавно этим загадочным путешественником заинтересовался чешский ученый Франтишек Курфюрст, посвятивший ему большую часть своей книги: „K cesko-ruskym stykùm koncem stoleti XVII a pocátkom stoleti XVIII, Praha, 1936. На основании тщательного анализа пражского издания путешествия (1800 г.) Курфюрст пришел к заключению, что „перевод" Рулика есть не что иное, как ученый подлог. Гамбургских изданий „подлинного" латинского текста и немецкого перевода его 1697—1698 гг. не оказалось ни в одном из западно-европейских книгохранилищ и книги эти неведомы библиографам. Анализ самого текста путешествия Гиржа, опубликованного Руликом, приводит к убеждению, что это всего лишь литературная обработка г а м б у р г с к и х изданий сочинений предполагаемых спутников Гиржа—Исбранта и Адама Бранда. Рулик сделал извлечения из обоих сочинений, слегка переделал их и перевел на чешский язык. Курфюрст предполагает, что самая личность этого „чешского шляхтича" выдумана Руликом, так как ни в одном из документов посольства Исбранта нет никаких на него намеков. Подтверждением этому служит ряд допущенных Руликом ошибок исторического и географического характера, искажения собственных имен и т. д. Так, например, Рулик утверждает, что Гирж получил от Петра I георгиевский крест, но этот орден введен был в России лишь при Екатерине II; аналогичным образом плодом фантазии Рулика является польский иезуит Залесский, с которым Гирж будто бы познакомился в Пекине. Большая часть данных о проезде Гиржа по Восточной Сибири заимствована из книг Исбранта или Бранда, притом с характерными искажениями.

Так, в путешествии Гиржа говорится: „Из Енисейска прибыли мы 21 ноября в Иркутск“, однако из дневника Исбранта следует, что посольство достигло Енисейска 21 октября и стало ожидать зимнего пути; оно двинулось отсюда лишь в январе, а в Иркутск прибыло лишь в половине февраля. Географические наименования и сведения о сибирской флоре и фауне также сильно искажены. В итоге, следует вполне согласиться с мнением Курфюрста: издание Рулика есть литературная мистификация; на этом основании имя Гиржа из Драхова следует исключить из списка путешественников по Сибири.

Ниже мы помещаем в качестве образца отрывок из книги Бранда: перевод сделан по немецкому гамбургскому изданию 1698 г. (S. S. 75—82); к этому изданию приложено несколько гравюр, выполненных, впрочем, довольно плохо.

[В ГОСТЯХ У ТУНГУСОВ]

1 января 1693 года выехали мы из упомянутой деревни [Buhutcha] и продолжали путь при неописуемо-жестоком холоде, который в этом месте большого Востока ужасающе дает себя чувствовать: этот холод так одолевал нас днем и ночью, что мы еле могли двигаться; однако же самое большое неудобство, которое мы должны были претерпеть, было то, что благодаря сильному холоду мы не могли ни есть, ни пить, так как у нас все замерзало в руках; тем не менее милая холодная водица была нашим напитком. Наконец, мы от всего сердца воздали хвалу и благодарность всевышнему богу, когда 8 января мы оставили Большой волок позади себя и достигли деревни по имени Кезма (Käsma). Езда до сих пор по реке представляла для нас большое неудобство, так как река там и сям была завалена и усеяна ледяными глыбами; нашим возницам часто стоило больших трудов и сил, чтобы топорами и тесаками проложить себе хороший путь; нужно, впрочем, заметить, что по такой дороге, при езде на санях, ходят и ездят мало, не только благодаря множеству льда, но также и благодаря гористой местности. Здесь, по причине усталости и нас самих, и наших лошадей, решили мы остановиться на 13 дней; между тем, как наши возчики в близких и далеких деревнях старались раздобыть свежих лошадей, мы тем временем искали развлечений в лесах: здесь именно мы и видели жилища тунгусов, образ жизни которых я хочу вкратце описать.

Этот народ, распространившийся широко и далеко, был некогда народом воинственным и непокорным; теперь же свобода его похищена. Достославное оружие его царского величества подчинило их его власти; покоренные они платят ежегодно его царскому величеству ясак (Tribut). Что же касается их самих, то они

сильны и хорошо сложены, зимою и летом одеваются в грубые меховые одежды, сшитые из кусков меха различного цвета. Такого рода одежды носят мужчины и женщины, стар и млад, и так щеголяют они по-своему друг перед другом. В юности для украшения (весьма уважающегося среди этих людей) они дают различным образом прорвать и прошить свои лица черными, как уголь, нитями, то вдоль, то поперек, то кружками, то квадратами— каждый по своему желанию и вкусу; благосклонный читатель сам

Рис. 74.
Одежда остяков и киргизов
(из книги А. Бранда)

Рис. 75
Одежда тунгусов и дауров
(из книги А. Бранда)

может себе представить, с какою ужасающей болью это исполняется; мы видели некоторых из тех, кто незадолго до нашего прибытия претерпел подобное прошивание, и они имели столь ужасно

вспухшие и окровавленные лица, что едва могли смотреть своими глазами. Впрочем, они мало или вовсе ничего не спрашивают об этом, являются веселыми и хорошими ребятами, несмотря на приобретенную отцовскую метку, которую они не теряют в течение всей своей жизни, т. к. хотя это шитье (Nehe-Werck) заживает, знак всегда остается.

Что касается их домов и жилищ, то они изготовляют их из оленьих кож, и настолько прочно, что туда не может проникнуть ни дождь, ни град; некоторые делают их из войлока, некоторые же, напротив, из березовой коры, которая там часто встречается. Нужно удивляться тому, как эти бедные люди проводят свою горькую жизнь в столь жалких домах при столь ужасных холодах (которые, как уже было указано, свирепствуют в этих местах). Малых детей своих, как только они увидят свет, они беспощадно кладут летом в холодную воду, а зимой—в снег, дабы они закалялись с детства, и этот обычай их не портит, так как нигде в другом месте не встретишь столь крепкого народа. Они отличаются друг от друга или разделяются на народы трех родов: конные тунгусы (Kunny Tungusy), которые пользуются лошадьми, другие—оленные (Alenny), которые живут в тайге (im Wilde), третьи же собачьи (Sobaltzy), пользующиеся собаками.

Божества их, которые они почитают, сделаны попросту из дерева, и каждый из них имеет своего собственного патрона или идола, который, по их мнению, наделяет его счастьем и добром. Один из этих идолов наделяет лесной дичью и птицей, другой—соболями и разными пушными зверями, третий—рыбой и тому подобными вещами. Когда они после моленья промахиваются [на охоте] и ничего не получают, тогда они на этих богов не обращают внимания, и подвешивают их между небом и землей—до тех пор, пока они не начинают пользоваться хорошей ловлей; если же ловля их особенно хороша, тогда они угощают этого самого идола, владычествующего над пойманным ими, самыми изысканными кушаньями, не только подставляя их ему, но даже смазывая ими все его рыло. Разве эта не большая слепота?

Где пять или шесть тунгусов живут друг подле друга (следует, однако, знать, что они живут то там, то здесь), держат они шамана, своего рода священника или колдуна. Всякий раз когда они сообща приходят к нему, надевает он свое платье, на которое подвешано более пяти пудов, т. е. 200 фунтов, железных вещиц, изукрашенное всякого рода чортовыми масками, медведями, львами, змеями, драконами и тому подобным. Это платье разглядывали и ощупывали мы с большим удивлением. Когда этот самый шаман показывается разряженный в таком одеянии, берет он в руки большой барабан и бьет в него удар за ударом; вовсе не производит приятного звука у подобных барабанщиков то, когда они ужаса-

ющим образом кричат и воют, как собаки. Случается ли это по обычаю или по каким-либо другим причинам, этого нам не пришлось узнать, но несомненно, что ужасные образы духов, воронов и других страшных птиц, которые представляются на этом спектакле, немало прибавляют к этому необычному вытью; между тем, шаман падает ниц без памяти и затем его почитают и восхваляют как святого.

Хотя эти люди и ведут ужасную жизнь, но они не упускают случая иметь много жен, и в этом-то и заключается их наибольшее богатство. Большая их часть имеет от 6 или 10 до 12 жен, причем они обязаны для отца каждой из жен дать 10, а подчас и 15 оленей. Самый отвратительный здешний обычай—тот, который соблюдается при случае, когда кто-либо из них принужден дать клятву, а именно должен этот последний вместо клятвы ранить собаку ножом под левой передней ногой и из кровоточащей собаки высасывать кровь до тех пор, пока она не околеет.

Они не хоронят трупы своих покойников, но вешают их на деревья, где они должны засохнуть. Как ни ужасно и несчастливо живут эти люди, но они считают себя самыми счастливыми в подобном состоянии; у них никто не ругается и не бранится; а если бы и приключилось с ними что-либо подобное, то пожелал бы один другому, чтоб тот стал жить среди русских, чтоб тот возделывал поле или что-нибудь подобное. 21 января выехали мы из упомянутой деревни Кезма (Käsma), лежащей на реках населенной реки Тунгуски, затем оставили мы ее по правую руку и достигли маленькой речки Илимской (Ilimsko), также довольно населенной.

XLIX. ГЕНРИХ-ВИЛЬГЕЛЬМ ЛУДОЛЬФ | HEINRICH-WILHELM LUDOLF

(1692—1693)

Генрих Вильгельм Лудольф (1655—1712) родился в г. Эрфурте и был племянником знаменитого ориенталиста Иова Лудольфа (1621—1674), в доме которого он и получил свое воспитание. В качестве секретаря голландского посольства он уехал в Лондон и здесь сделался секретарем датского принца Георга, мужа королевы Анны английской. По указанию его ранних биографов, Лудольф в Англии познакомился с русским языком, а затем предприняв путешествие в Московское государство. По словам „General Biography composed by John Aikin, Th. Morgan and W. Johnston“, vol. VI, London, 1807, Россия была первой землею, возбудившей его любопытство, „и так как он приобрел уже некоторое знание русского языка, прежде чем оставил Англию, он вскоре был в состоянии разговаривать с туземцами и был вежливо принят главнейшими особами этой земли. Так как он знал музыку и был виртуозом на разных инструментах, он имел честь показать свое мастерство перед царем в Москве, к большому удивлению и удовольствию этого царя [Петра I]. Равным образом, большая ученость, которую он показал в разговорах с русским духовенством, заставила смотреть на него, как на чудовище учености; и особенно ловкость, с которой он разговаривал на еврейском языке с некоторыми евреями, бывшими в этой земле“ (Ак. Шифнер. „Биографические известия о Г. В. Лудольфе“—„Записки Академии Наук“, 1864, т. V, прилож. III, стр. 119—126). Точные даты пребывания Лудольфа в Московском государстве неизвестны: несомненно лишь, что он находился здесь в 1693 г., а может быть еще и в конце 1692 и в начале 1694 г. Во всяком случае, в 1694 г. он уже вернулся в Лондон, пережил здесь болезнь и операцию, а затем, как только позволило здоровье, принялся за работу над русской грамматикой, которую и опубликовал в Оксфорде в 1696 г. (Grammatica Russica quae continet non tantum praecipue fundamenta Russicae Linguae, verum etiam manuductionem quandam ad Grammaticam Slavonicam, Oxonii, 1696). Эта замечательная книга предназначалась, по его собствен-

ным словам, для самих русских, „с тем, чтобы они по ней могли учиться своему языку“. Вместе с тем, Лудольф предполагал, что этот его труд мог бы также принести пользу „купцам и путешественникам, так как он представляет введение в изучение языка, на котором говорят в стране от Архангельска до Астрахани и от Ингерманландии и до Китая“. „Русская грамматика“ Лудольфа несомненно ответила тем целям, для которых она предназначалась автором; ею очень заинтересовался западно-европейский ученый мир (П. Пекарский. „Переписка Лейбница с разными лицами о славянских наречиях и древностях“.—Записки Академии Наук, 1863, т. IV, кн. 1, стр. 2, 5—6; сборник „Россия и Италия“, т. IV, Л., 1927, стр. 296—297); книга широко использована была также в интересной „купеческой энциклопедии“—справочнике и путеводителе по России начала XVIII века—Пауля-Якоба Марпегара („Moscowitischer Kaufmann“, Lübeck, 1705, 2-е изд. 1723); известна она была и в России; экземпляр ее находился, например, в библиотеке Андрея Артамоновича Матвеева. Была она несомненно и в других книжных собраниях того же времени, так как нередко встречается в старых книгохранилищах. Большое значение книги Лудольфа, как первой научной грамматики русского языка, было вскрыто лишь недавно в специальном исследовании проф. Б. А. Ларина („Русская грамматика Лудольфа 1696 г.“ Л., 1937; к этой книге приложены также: перепечатка латинского подлинника грамматики и ее полный перевод, стр. 43—140). По словам Б. И. Ларина, книга Лудольфа „представляет незаурядный интерес и для лингвиста, и для филолога, и для историка. Выходец из передового саксонского бюргерства, широко образованный человек, Лудольф—в отличие от многих других, побывавших в России иностранцев—отнесся к наблюденным им фактам и к слышанным рассказам с исключительной трезвостью, с живым и доброжелательным интересом, с достаточным доверием и с достаточной осторожностью. Книга в основном посвящена языку, но она дает немало и для историка культуры, нравов, хозяйства России конца XVII века“ (стр. 5).

Помещенные в приложении к грамматике заметки о природных богатствах и о народах, живущих в России (p. 91—97), представляют для нашей цели особый интерес, так как в них идет речь и о Сибири. Обращают на себя внимание осторожное отношение автора к сообщенным им здесь сведениям; они собраны Лудольфом, главным образом, на основании расспросов бывалых людей, с которыми он беседовал в Москве (частично, быть может, и по литературным данным). Сообщая их, Лудольф, однако, не принимает их полностью на веру, как это нередко делали другие иностранные писатели, но сопровождает их собственными замечаниями или недоверчивыми оговорками. Последние представляют особый интерес, так как, в основном, приведенные Лудольфом факты не яв-

ляются особенно новыми в западно-европейской литературе. Между тем, их оценили по достоинству; это видно, например, из того обстоятельства, что уже в 1698 г. их перевели на английский язык: они напечатаны в приложении к английскому переводу книги Адама Бранда (Ādam Brand. A Journal of the Embassy, London, 1698: „Some curious observations concerning the products of Russia“, p. 119—134; ср. Köppen. Bibliotheca zoologica rossica Bd. I, 1905, S. 168). Мы приводим ниже несколько относящихся к Сибири отрывков из этого приложения к „русской грамматике“ по переводу Б. А. Ларина (op. cit., стр. 135—140).

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ПО ЕСТЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ РОССИИ

Минералы

На краю Сибири близ реки Енисей находят руду, которую приняли было по цвету и тяжести за золотую. Но опытные металлурги, посланные туда, установили, что этот металл легко испаряется на огне; они называли его мне сернистым золотом, полагая, что если бы кто-нибудь сумел его выплавить, то получил бы настоящее золото. Вероятно, что руда в таком отношении к золоту, как германский висмут в отношении к серебру... Серебряных копей у русских нет, но они часто выкапывают в Сибири из могильников то серебро, которое погребено там с покойниками. Чрезвычайно любопытная вещь—мамонтова кость (Mammotovoi Kost), которую в Сибири выкапывают из земли. В народе хотят о ней фантастические рассказы. Говорят, что это кости животного, проводящего жизнь под землей и величиной превосходящего всех наземных животных. Эту кость применяют в медицине в тех же целях, что и так называемый „рог единорога“. Кусочек мамонтовой кости подарил мне один из моих друзей, который, как он рассказывал, получил его от русского вельможи, вернувшегося из Сибири,—на мой взгляд, это настоящая слоновая кость. Более сведущие люди говорили мне, что эта мамонтова кость представляет собою зубы слонов. Надо полагать, что они были занесены туда во время всемирного потопа и в течение долгого времени все больше и больше покрывались землей.

Растения

...Наиболее замечательна из растений—коса-трава (falxherba); она, говорят, растет в Сибири и о нее ломается железо, так что коса, ее коснувшись, рассыпается на мелкие куски. Люди, достойные доверия, побывавшие в Сибири, рассказывали мне это, и я был бы уп-

рямцем, если б им не поверил. Однако, я очень хорошо знаю, что к народной молве в России надо относиться с большой осторожностью. Так рассказ о траве баранец, имеющей будто бы вид барашка, покрытой шерстью и поедающей траву вокруг себя—не соответствует истине, как я узнал от людей самых надежных. Эти люди, побывав в тех краях, где по рассказам растет эта трава, нигде не могли ее найти, но, по их словам, там, в некоторых частях Татарии, есть овцы, у которых ягнята с такой мелкой и красиво вьющейся шерстью, что шкурки этих ягнят продаются как шкурки баранца, овцы-растения.

Славится еще в России целебный корень, растущий в Сибири, называемый Волчаной корень (lupina radix). Говорят, он имеет значительную силу при заживлении ран. Мне говорили даже, что достаточно просто пожевать этот корень, чтобы какая угодно рана, в любой части тела, зажила. Впрочем, отстаивать этого я не буду...

Животные

Величайшую роскошь у русских представляют одежды из меха скифской или, верней, сибирской куницы, которую они называют соболем (Soboli). Цены на собольи меха очень разные: иная пара оценивается в три рубля, а иная продается за сто рублей. Чем темнее мех, тем он дороже; белые—очень редки.

В Даурской области,—возле Китая,—есть порода быков, называемая бобули (Bobuli), хвост у них очень похож на конский, а под брюхом свисают длинные волосы. Рога у быков обычного вида, а у коров их нет.

Население

...Русские ведут торг также с Китаем, доставая оттуда шелковые одежды. Привозят оттуда также чай и некое вещество—желтого цвета, ароматное, подобное мелу, называемое Темзуй (Temzui), которое считается у них отличным лекарством при многих болезнях. В столицу Сибири, Тобольск, часто приезжают с индийскими товарами бухарцы-магометане (их столица, как мне говорили, называется, если не ошибаюсь, Самарканд). Вероятно, ради них в Тобольске обучают арабскому языку, как мне рассказывали.

ПРИМЕЧАНИЯ

находят руду.] О поисках золотой и серебряной руды в Сибири см. выше: Ю. Крижанич.

часто выкапывают то серебро). О раскопках могильников сибирскими жителями с целью добычи серебра упоминают многие источники. Свод данных см. у В. Радлова. «Сибирские древности», т. I, вып. 3, стр. 117.

Мамонтова кость]. Фантастические рассказы о мамонтовой кости см. у нас выше: Юлий Помпоний Лэт, стр. 72; там же сближение поверий о мамонте, «проводящем жизнь под землей», с встречающимся в азбуковниках и Голубиной книге поверьем об «индрик-звере», «единороге» (ср. С. А. Усов. Сочинения, М., 1888, т. 1, стр. 398), о мамонтовой кости в медицине см. Е. В. Пфиценмайер. В Сибирь за мамонтом. М., 1928, стр. 11). Ср. у нас выше: Ф. Авриль.

Рассказ о траве «баранец»]. Сведения об этом удивительном феномене природы находятся у большого количества иностранных писателей о России: Герберштейна, Маржерета, Рейтенфельса, Олеария, Ламартиньера, Стрейса и т. д. Олеарий, писавший за 50 лет до Лудольфа, называет растение дыней, которая величиною и качеством похожа на другие обыкновенные дыни, но по внешнему виду имеет сходство с бараном, члены которого она совершенно ясно изображает. Поэтому русские и называют ее баранцем. Стебель прикреплен как бы к пупу дыни и куда она повернется (так как при росте она меняет свое место, насколько ей это позволяет стебель), там сохнет трава или, как говорят русские, «пожирается» дынею... Когда дыня поспеет, стебель отсыхает и плод получает меховую шкурку, подобно барану; по их словам, эту шкурку будто бы можно дубить и приготовлять к пользованию против холода. Нам в Москве показывали несколько кусков такой шкурки, оторванных от одеяла, говоря, будто бы они от дыни «баранец»; эта шкурка была нежна и курчаво-шерстиста, подобно шкуре ягненка, вырезанного из утробы матери или еще очень молодого (Олеарий, перев. А. М. Ловягина, стр. 161—162; ср. Герберштейн, перев. А. Малеина, стр. 158; Е. Е. Замысловский. «Древн. и Нов. Россия», 1875, кн. 12, стр. 33 прим., Ламартиньер. Путешествие в северные страны, стр. 163). Рассказы о «баранце» проникли даже в художественные произведения. Так, немецкий писатель Гриммельсгаузен в своем романе «Симплициссимус» (1669) рассказывает от имени своего героя, как тот был «украден толпою кочующих татар, которые повели меня в глубь своей страны, так что мне пришлось не только видеть как растет животно-растение «Borametz», но даже есть его (кн. V, гл. 22). Это же «Schäfsgewächs Borametz» фигурирует еще раз в одиннадцатой главе VI книги, где Симплициссимус, попав опять в Европу и хвастаясь своему хозяину о своих путешествиях и диковинках, какие ему пришлось встретить по пути, рассказывает, когда зашла речь о пленивших его татарах: «Я даже кушал прелестное и чудесное растение баранец у татар! И хотя я его в жизнь свою никогда не видал, я все-таки так сумел рассказать об его восхитительном вкусе моему хозяину, что у того слюнки потекли. Я сказал ему: мясо у «баранца», как у рака, цвет его как рубин или красный персик, а запах одновременно похож на аромат дыни и померанца». В русской исторической литературе «баранец» сделался классическим примером неосведомленности европейцев о русской природе, их легкомысленного доверия к своим источникам, небрежного и невежественного отношения к предмету своих описаний. Однако, справка в истории естествознания убеждает нас в том, что в XVI и XVII вв. в возможность реального существования такого явления верили лучшие естествоиспытатели этой эпохи. H. Chevreul в предисловии к «Estat de l'empire de Russie» Маржерета (Paris, 1855, p. XVI) справедливо говорит, что Маржерет в своем рассказе о баранце воспроизводил лишь то, что говорили ученые его времени. Еще в книге Nicolas Menardes de Seville (Histoire des médicaments

apportés de l'Amérique etc., Lyon, 1619, ch. XXXVI, p. 248) можно найти изображение «баранца» и целый трактат о нем, в котором приводятся мнения J. Scaliger'a, Cardan'a, G. Postel'я, I. B. Porta, du Bartas, Blaise de Vigenère'a, не сомневавшихся в его существовании; аналогичное изображение с пояснениями можно найти также у Claude Duret в его «Histoire admirable des plantes et herbes esmerveillables etmiraculeuses» (Paris, 1650, p. 350) и у Rymsdyck, Museum Britannicum, p. 38, tabl. 15. «Если такие ученые, как только что названные,—замечает Шеврель,—верили в справедливость этой басни, нужно ли удивляться, что ее воспроизвел простой солдат?» Любопытно, что еще у Эразма Дарвина (1731—1802), английского поэта-естествоиспытателя в его описательной поэме «Любовь растений» (1789) мы находим следующую характеристику «баранца»:

Cradled in snow, and fanned bu Arctic air,
Shines, gentle B a r o m e t z! The golden hair,
Rooted in earth each cloven hoofs descends,
And round and round her flexile neck she bends,
Crops the grau corae-moss, and hoary thyme,
Or laps with rosy tongue the melting rime.
Eyes with mute tenderness her distant dam,
Or scems to bleat, a V e g e t a b l e lamb.

(«Loves of the Plants», 1799, II, 37—39; приложена картинка с изображением «баранца»).

Легенда эта давно уже интересует ученых. Востоковеды обратили внимание на то, что аналогичный рассказ находится в китайских источниках (см. G. Schlegel, The Shui-yang or «water-sheep» in Chinese accounts from western Asia and the Agnus Scythicus or Vegetable Lamb of the European Mediaeval Travels. Congr. Intern. Orient. Stockholm, 1889) и что, с другой стороны, его же находим мы в реляции одного из ранних европейских путешественников в Китай (1316—1330) Одорика из Порденоне) «Cathay and the way thitter», by Henry Yule, vol. II, London, 1913, p. 240—243). Henry Lee в специальном исследовании: «The vegetable lamb of Tartary; A Curious table of the Cotton Plant». To which is added a sketch of the history of cotton and the cotton trade», London, 1887, пришел к заключению, что в основе этого рассказа лежат первые сведения об азиатском хлопке: некоторые исследователи, впрочем, считали, что в интересующих нас поздних рассказах о Сибири смешивались представления о хлопке и об изготовлении каракуля. Подробный анализ этой «ученой легенды», по китайским и европейским средневековым источникам, дает B. Laufer. The story of the Pinna and the Syrian Lamb. «Journal of American Folk-lore», april-june, 1915, p. 126. См. еще А. Фон-Тумен. Растения в колдовстве, СПб., 1909, стр. 16. Здесь же можно найти сведения и о других удивительных растениях, о которых рассказывает Лудольф.

Порода быков, называемая Бобули. Описание их см. также у Исбранта.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

Иркутский фрагмент Плано Карпини

Публикуемый фрагмент, как указано выше (стр. 4—8), содержит в себе отрывок из «Истории монголов» Плано Карпини. Мы приводим транскрипцию его, насколько это позволяет местами сильно попорченный текст, восстанавливая стершиеся места по соответствующей ему редакции рукописи в «Speculum historiale» Винцента из Бовэ, согласно изданию 1598—1600 гг. буквально воспроизведенному в книге R. Beazley. The text and versions of John de Plano Carpini and William de Rubruquis, Lond, 1903, p. 79—82, но раскрывая все аббревиатуры фрагмента.

В круглых скобках ( ) приводятся места, читаемые предположительно, в квадратных [ ]—дополнительные указания или разъяснения издателя; троеточием, заключенным в квадратные скобки [...], или вопросительным знаком в квадратных скобках [?] отмечены неразобранные или непонятные места; пустые строки, заполненные точками, означают обрезанные (отсутствующие) части фрагмента. Пунктуация—согласно изданию R. Beazley.

Буквами VB, H обозначены разночтения текстов Винцента из Бовэ и Гэклейта.

[Recto. *Столбец первый*]

[Cap. 7. De superstitiosis traditionibus ipsorum]

[Обрезано] [. . . . .] statione fit per quod extrahitur (ac sine vlla) miseratione occiditur. Item[1] si (quis calcat super limen stationis Ducis alicujus) (interficitur) [?] Multa etiam habent (similia) que[2] reputant peccata. Ac[3] homines occidere aliorum) terras inuadere, ac irs [?][4] illorum di(ripere), et contra dei[5] praecepta vel prohibi(tiones) facere, nullum aput[6] eos (pecca)tum. De vita (aeterna et) damnatione perpetua ni (hil) (sciunt). Credunt tamen quod post mortem in a(lio) seculo vi[u?]ant gregésque multiplicent, co(me)dant et bibant et cetera[7] faciant, quae hic a uiuentibus fiunt. In principio l(un)ationis uel in plenilunio incipiunt, qu(icquid) noui agere volunt, ipsamquae; lunam im(peratorem) (mag)num appellant, eamquae, de(pr)ecantes g(e)nua flectunt. Omnes, qui morantur in stationibus suis, oportet per igni p(urif)icari. Quae scilicet purificacio[8] fit hoc modo.

(Duos quidam ignes faciunt, et duas hastas iuxta eos, unamque; cordam in summitate hastarum ponunt. Ligantquae; super cordam illam quasdam de Bucaramo scissiones, sub qua scilicet corda et ligaturis inter illos ignes transeunt homines, ac bestiae ac stationes). S(unt) etiam due mulieres, vna hint [?][9], et alia (inde aquam proijcentes) ac quaedam carmina reci(tant)es. Caeterum si aliquis a fulgure oc(cide)tur, o(portet) [praedicto modo ?] in[10] per ignes transire omnes illos, qui [in?] (illis) stationibus morantur. Statio siquidem ac (le)ctus et currus, filtra et vestes et quidcq(uid) (talium) habent, a nullo tanguntur, sed ab hominib(us)(tanquam) immunda respuuntur. Et ut b(reuiter) (di)cam, omnia puriticari credunt per (ignem). Unde quando venerunt[11] [?] ad eos nun(cij), (vel) principes, aut qualescunque; personae...

[*Столбец второй*]:

[Обрезано] . . . .
. . . .
. . . .
. . . [Cap. 8. De initio imperij siue Principatus eorum] . .

Terra quidem illa orientalis [partibus?][1] de qua dictum est supra, que[2] mongal nomi(natur) (quatuor quondam) [habuisse memoratur ?]. Unus eorum jeka mongal, i. e. magni mongali vocabantur. Secundus sumongali, i. e. aquatici mongali, qui se ipsos appelabant, tartaro sa quodam fluuio per eorum terram currente, qui tartar nominatur. Tertius appelabatur merkiter[3]. Quar-

tus verò metrit. Omnes vnam personarum formam et unam linguarum habebant hu[4] populi quamnis inter se per principes ac prouinciae essent diunisi. In terra yeka mongal quidam fuit qui vocabatur chingis. Iste coepit robustus[5] esse: didicit enim homines furari et praedam capere. Ad alias terras ibat, et quoscunquae[6] poterat, captiuabat et[7] s[ibiquae?], associabat. Homines guoque sue[8] gentis incinauit ad se, qui tanquam ducem [ium?][9] sequebantur ad male agendum. Coepit (autem pugnare cum sūmongol, siue cum tartaris, et ducem eorum interfecit, multoquae; bello sibi tartaros omnes subiecit, et in seruitutem redegit. Post haec cum istis omnibus contra merkatas, iuxta terram positos) tartarorum pugnauit, quos etiam bello sibi subiecit. Inde procedens (contra metritas) pugnam exercuit et illos etiam obtinuit. Audientes naymani, quod chingis, multum[10] cleuatus esset, indignati sunt. Ipsi[11] habuerant imperatorem strenuum valde, cui dabant iributum cuncte nationes praedicte. Qui cum esset mortuus filij eius successerunt loco ipsius. Sed quia iuuenes ac stulti erant, populum tenere nesciebant, sed ad inuicem diuisi ac scissi erant. Unte[12] chingis[13] praedicto modo iam exaltato nihilominus in terras praedictas faciebant insultum...

[Verso. *Столбец первый*]

. . . .

. . . .

. . (vallem) strictam conuenerunt, et commissum est praelium, in quo naymani et karakitai[1] a mongalis deiucti sunt. Qui etiam pro maiori parti occisi fuerunt et alii (qui) euadere[2] poterunt in seruitutem redacti [sunt?]. [In] terra praedicatorum karakitaorum[3] occoday [cham?] filiu(s) (chin)giscam[4], postquam imperator fuit po(situs) qu(andam) ciuitatem edificaut, quam (chanil appellauit) [...?] (Prope quam) ad meridiem est quodam[5] desertum magnum, in duo pro certo siluestres[6] homines habitare dicuntur, qui nullatenus locuntur[7] nec iuncturas in cruribus habent, et si quando cadunt [per se?] surgere (non) valent. (Sed) tamen discretionem tantam (habent), (quod) filtra de lana camel(orum), (quibus vestiuntur), faciunt et contra ventum (ponunt). Et si quando tartari pergentes (ad eos) vulnerant eos sagittis, gramina in (vul)neribus ponunt et[8] ante eos[9] fugiunt.

[Cap. 9] De mutua victoria ipsorum et kytaorum[10].

Mon(gali) (autem in terram suas reuerentes, se contra) (ky)taos ad (praelium) (par)auerunt, et castra mouentes eorum terr(am) intrauerunt. Quod audiens[11] (imperator) [...?], venit cum exercitu suo contra illos et (commisum) est prelium durum, in quo mongali sunt deiucti, omnesquae; nobiles eorum qui erant in exercitu (praeter[12]) occisi[13]. Vnde cum illis volentibus impugnare aliquam[14] regionem minatur aliquis stratagem, adhuc responderint[15]: [...caan?][16] occisi [....] remansibus[17] et (tamen) modo creuimus (in multitudinem) magna(m), (ideo)quae, (non terremur de talibus). (Chi)ngis autem et (alij) qui remanserunt in (terram) suam fugerunt. Cumquae, quieuisset aliquantulum, (preparauit se) rursus ad praelium et pro(c) essit conra terram [...rorum[18]]. Isti sunt homines [...?[19]] de secta nesto (rianorum)...

[*Столбец второй*]

. . . .

. . . .

[...?], et contra terram (Hudirat prosessit) quas omnes bello deuicit. Inde (in terram suam) rediit[1] aliquantulum quieuit (Deinde) conuocatis omnibus hominibus suis contra kitaos[2] pariter processerunt, diuquae; contra illos pugnantes, magnam partem terrae illorum (uicerunt), eorumquae, imperato(rem) (in) civi(tatem) (suam) (maiorem) concluserunt. Quam et tam longo (tempore) (obsederunt, quod exercitus expensae omnino defecerunt. Cumquae) iam quod (manducarent), penitus non (habe)rent, precepit[3] (Chingiscam) suis, vt[4] decem (hominibus) unum ad (man)ducandum darent. Illi vero de cuitate (machi)nis et sagittis[5] contra istos uiliriter pug(nabant). (et cum) deficerent lapides, argentum et maxime liquefactum

(proij)ciebant. Ciuitas siquid(ent) illa multris[6] diuitijs plena. Cumquae; diu mo(ngali) pugnassent, et etiam (bello vin)cere non possent, unam magnam sub (terra viam ab exercitu vsquae; ad medium ciuitatis) fecerunt (et prosilientes) in medium eius contra ciues (pugnaverunt). Il(li) quoque, qui extra (remanse)rant, eodem modo contra illos (pugnabant). Deniq(ue); (conci)dentes portas ci(uitatis) intrauerunt, et imperatore (m) (cum) pluribus occidentes urbem posse-derunt, aurumquae; et argentum, et omnes[7] diuitias abstulerunt. Et cum illi terrae suos homines prafecissent, in terram propriam reuersi-sunt. Tunc primum imperatorem kataorum[8] d (euicto), (factus) est chingis[9] imperator. Quandam (tamen partem) illius terrae, quia posita erat in mari, nullate(nus deuicerunt) usquae; hodie. Sunt autem kitay[10] homin(es) pagani, habentes literam (specialem, et etiam), vt dicitur, veteris et novi testamenti scripturam. Habent[11]...

ПРИМЕЧАНИЯ И ВАРИАНТЫ

R e c t o. *Первый столбец.*

1 H: Item; VB: Iterum.
2 VB: quae.
3 VB: At.
4 Вероятно, описка; VB: res.
5 VB: Dei
6 VB: apud.
7 VB: caetera.
8 VB: purificatio.
9 VB: hinc.
10 VB: in отсутствует.
11 VB: veniunt.

Второй столбец

1 B VB: отсутствует.
2 VB: quae.
3 VB: Merkat
4 VB: hi
5 VB: robustus venator.
6 VB: quoscunquae.
7 B VB: отсутствует.
8 VB: suae.
9 VB: отсутствует.
10 B VB: вм. maltum: taliter.
11 B VB: Ipsi enim.
12 VB: Unde.
13 VB: Chingis, H: Chingi.

V e r s o. *Первый столбец.*

1 VB: Karakytay.
2 VB: euadere n o n.
3 VB: Karakytaorum.
4 VB: Chingischam.
5 VB: quoddam.
6 VB: syluestres.
7 VB: loquuntur.
8 VB: et fortiter.
9 VB: вм. eos: ipsos.
10 VB: Kythaorum.
11 VB: audiens e o r u m.
12 VB: praeter s e p t e m.
13 VB: occisi s u n t.
14 VB: aliquam impugnare.
15 VB: respondent.
16 VB: Olim etiam.
17 VB: occisi non nisi septem remansimus.
18 VB: Huyrorum.
19 VB: Christiani.

Второй столбец

1 VB: redijt et...
2 VB: Kythaos.
3 VB: precipit.
4 VB: ut de...
5 VB: sagittis viriliter.
6 Sic! VB: multis erat.
7 VB: omnes eius
8 VB: Kithaorum.
9 H: Chingischam; VB: Chingistam.
10 VB: Kytai.
11 [VB: habent etiam vitas patrum et eremitas et domos... etc.].

РУССКИЙ ПЕРЕВОД

[*Столбец первые*]

[Гл. 7. Об их суевериях и обычаях]

. . . .
поэтому, протащив его через юрту, убивают без всякого милосердия. Также убивают тех, кто наступит на порог юрты какого-либо начальника. Много у них есть подобного, что они считают грехом. Но убивать людей, нападать на чужие земли, грабить чужое добро и поступать против велений и заповедей божиих они, однако, не считают за грех. О вечной жизни и бесконечных муках они ничего не знают. Верят, однако, что после смерти будут жить на том свете, размножать стада, есть и пить и делать все то, что на этом свете делают живые люди.

Предпринимая что-либо заново, они начинают это в новолуние или полнолуние, луну называют великим императором и молятся ей, преклоняя колени. [Родственники] всех, кто умирает в их юртах, должны очищаться огнем, очищение же это, как увидите, происходит следующим образом.

Раскладывают два огня и подле них ставят два копья, с протянутой вверху их веревкой; к веревке привязывают какие-то обрезки букарама; под эту веревку и привески проводят, между названными огнями, людей, скот и юрты. Стоят там также две женщины, одна с одной стороны, другая—с другой, которые прыскают водой и бормочут какие-то прорицания. Также если кого-либо убьет молния, то они считают, что все, живущие в его юртах, должны пройти через огонь указанным образом. Юрта же его, постель и повозка, войлок и платья, все принадлежащие ему вещи остаются неприкосновенными и для всех считаются нечистыми. Одним словом, они верят, что огнем очищаются во всех отношениях.

Когда к ним приходят откуда-либо посланцы или князья, или какие бы то ни было лица . . . .

[*Столбец второй*]

[. . . . .
. . . .
. . . (Гл. 8. О начале их государства или об их главенстве) . . . .]

В восточных странах есть некая земля, о которой сказано было выше, и которая называется монгол. В ней жили некогда четыре народа. Один из них назывался йека-монгал, т. е. великие монголы, другой—су-моал, т. е. монголы вод; сами же себя называли они тартары, по имени некоей реки, текущей через их землю, которую они называли Тартар. Третий (народ) назывался меркиты, четвертый же—метриты. Все эти племена имели один облик и один язык, хотя у каждого из них были свои государи и земли их были разделены на самостоятельные области. В земле йека-монгалов был некий человек, прозывавшийся Чингисом. Он начал возвышаться в своем могуществе, т. е. научил людей воровать и разбойничать. Он ходил в чужие земли и брал в плен и присоединял себе кого и что только мог. Своих же единоплеменников он привлек к себе так, что они следовали за ним, как за вождем, на всякое злое дело. Он стал также воевать с су-монголами или тартарами, убил их вождя и после многих сражений покорил и обратил в рабство всех тартар. После того, со всеми ими, он стал воевать против меркитов, живших возле татарской земли, и покорил их также. Оттуда пошел он войною на метритов и победил их также. Найманы, услыша, что Чингис так возвысился, вознегодовали. Сами они имели государя, чрезвычайно храброго, которому платили дань все упомянутые народы. По смерти его место его наследовали его сыновья. Но они были молоды и глупы и не умели владеть народом, а между собою жили в несогласии и раздоре. В то время как

Чингис уже возвысился вышеуказанным образом, они делали набеги на названные земли...

[*Оборот листа. Столбец первый*]

. . . .
. . . .

сошлись в одной узкой долине и началось сражение, в котором найманы и кара-китаи были побеждены монголами. Большая часть их была побита, те же, кто мог избегнуть (смерти), были обращены в рабство. В названной выше земле кара-китаев хан Оккодай, сын Чингисханов, после того, как он поставлен был в императоры, построил город, назвав его Ханылом. Близ него, к югу, лежит большая пустыня, в которой, как утверждают, живут дикие (лесные) люди: они совсем не говорят и на ногах не имеют суставов, так что, упав, не могут подняться (без посторонней помощи). Однако они достаточно сообразительны для того, чтобы уметь приготовлять войлок из верблюжьей шерсти, в который они одеваются и который ставят против (в защиту от) ветра. И когда татары, устремляясь на них, ранят их стрелами, они затыкают раны травой и убегают быстрее их.

[Гл. 9.]. О взаимной победе их и китаев

Монголы же, возвратясь в свою землю, приготовились к войне с китаями и, двигаясь лагерями, вступили в их землю. Император же [китайский], услыша об этом, вышел против них со своим войском, и началось жестокое сражение, в котором все монголы были побеждены; все же вельможи их, которые были в этом войске, были убиты. Поэтому, когда они собираются войною на какую-либо страну и им грозят поражением, они отвечают... [...] нас всех перебили [...] остались и, однако, мы до чрезвычайности размножились и потому не боимся ничеог. Чингис же и те, кто остались в живых, бежали в свою страну. Отдохнув несколько, Чингис снова начал готовиться к войне и двинулся на землю...[ов] [уйгуров?]. Это были люди несторианской секты.

[*Столбец второй*]

. . . .
. . . .
. . . .

пошел на землю (Гудират) и победил их всех. Оттуда возвратился он в свою землю и несколько отдохнул. Затем, собрав всех своих людей, пошел также на китаев и, долго воевав с ними, завладел большею частью их земли; императора же их заперли они в его столице, которую осаждали так долго, что в войске их оказался недостаток в съестных припасах, когда же не стало у них пищи, то Чингис-хан приказал им, чтобы они дали на съедение (каждого) десятого человека. Жители же города храбро защищались машинами и стрелами, а когда все камни у них вышли, то вместо них брасали они серебро, особенно расплавленное, т. к. город этот был полон многих богатств. Долго воевали монголы и, не будучи в состоянии победить город, сделали большую дорогу под землею от своего войска до середины города и, выскочив вдруг в середине его, начали драться с жителями.

Оставшиеся же вне города дрались также, наконец, разбив ворота, вошли в город, убили императора со многими людьми и завладели городом, похитив золото, серебро и все богатства. Поставя в этой земле своих людей, возвратились они в свою собственную землю. Тогда только, когда побежден был китайский император, Чингис-хан провозглашен был императором. Некоторой же части этой земли, которая вдается в море, не могли они никак победить и до сего дня. Вышеназванные же китаи—это язычники, имеющие особое письмо и даже, как говорят, Ветхий и Новый Завет. Имеют они...

ПРИЛОЖЕНИЕ II

«Relatio de Siberia» Юрия Крижанича

Печатаемое ниже известие о Сибири, принадлежащее Юрию Крижаничу, наряду с другими его сочинениями, пользуется значительной известностью в русской исторической литературе. Сведения о самом Крижаниче, а также отдельные цитаты из «Relatio de Siberia» с комментариями к ним приведены в различных местах настоящей книги (см. особенно: Гильдебранд фон-Горн), однако, для читателя весьма существенно иметь его под рукой в его полном виде, так как оно является важным источником целого ряда западно-европейских сочинений о Сибири последней четверти XVII века.

Первый раз «Relatio de Siberia», по рукописи Гос. Публичной Библиотеки в Ленинграде, издал Григорий Спасский («Повествование о Сибири. Латинская рукопись XVII века, изданная с российским переводом и примечаниями», СПб. 1882, сумевшим оценить его по достоинству; однако, имя автора осталось для Спасского неизвестным. В качестве сочинения «неизвестного» или даже «скрывшего свое имя» писателя «Relatio» нередко упоминалось в русских исторических трудах до 80-х годов XIX века. Авторство Крижанича не было раскрыто, например, Е. Замысловским, одним из лучших в свое время знатоков иностранной «россики», сделавшим попытку извлечь из самой рукописи несколько сведений об ее авторе, и лишний раз обратившим внимание на действительное историческое значение этого труда. «Relatio de Siberia», основанное более всего на личных наблюдениях автора, представляет драгоценные известия о разных народах, обитавших в Сибири»,—писал Е. Замысловский («Царствование Федора Алексеевича», ч. I. СПб., 1871, стр. 208). Авторство Крижанича впервые установлено было П. А. Бессоновым, давно уже занимавшимся этим писателем. Еще в 1859—1860 гг. в приложении к «Русской беседе» под заглавием «Русское государство в половине XVII века. Рукопись времен Алексея Михайловича» П. А. Бессонов опубликовал (хотя и неисправно) одно из важнейших сочинений Крижанича, написанное им в Тобольске («Политика» или «Разговоры о владательству»), а затем поместил в журналах целый ряд заметок о Крижаниче биографического и литературного содержания. Лишь в 1882 году в небольшой газетной заметке («Важное ученое открытие»—«Новое Время», 1882, № 2203 от 18 апреля) П. А. Бессонов сообщил, что «Relatio de Siberia» «одно из старших и лучших описаний Сибири» принадлежит именно Юрию Крижаничу, прожившему в ссылке в Тобольске 15 лет (с 1661 по 1676 гг.). Здесь же П. А. Бессонов подчеркивал: «когда у нас рукописи лежали безвестно, не оцененные по истинному достоинству и приписанные неизвестному автору (хотя их пробовал издать и Спасский, и Соколов и т. д.), прежде всяких толков о Крижаниче в России и между славянами сочинение о Сибири с именем подлинного автора было уже хорошо известно в Западной Европе датчанам и особенно голландцам; из последних знаменитый Николай Витсен, бургомистр и сенатор Амстердама, целиком выписывает длинные тирады из Крижанича». См. также статью П. А. Бессонова. «Записка о значении Юрия Крижанича в истории Сибири»—«Тобольск. Губ. Ведомости», 1888, № 44. В 1885 г. подробный анализ «Relatio de Siberia» дал Н. Тыжнов в статье: «Обзор иностранных известий о Сибири со второй половины XVI века», «Сибирский Сборник», СПб., 1885, стр. 112—126. Не называя заметки «Важное ученое открытие» и, вероятно, независимо от П. А. Бессонова (хотя и пользуясь его статьями в «Православном Обозрении») Н. Тыжнов также пришел к заключению, что автор «Relatio»—Юрий Крижанич. Статья Тыжнова окончательно ввела в научный оборот имя подлинного автора рукописи; его указаниями воспользовался А. Н. Пыпин в «Вестнике Европы», 1888, апрель и в «Истории русской этнографии», т. IV, СПб., 1892, стр. 211—212; еще ранее латинский подлинник произведения, вместе с новым русским переводом, издан был вновь в сборнике «Сибирь

в XVII веке» под ред. Н. А. Титова (М., 1890), по той же рукописи Гос. Публичной Библиотеки, но на этот раз с именем автора. С тех пор литература о Юрие Крижаниче сильно выросла. Задуманное в 1889 году акад. А. А. Шахматовым издание полного собрания сочинений Крижанича не осуществилось, предпринятое же московским обществом Истории и Древностей Российских (см. «Об издании полного собрания сочинений Крижанича» — «Библиографические Записки», 1892, № 2, стр. 137) остановилось, к сожалению, на III выпуске (М., 1893); в изданные части «Relatio de Siberia» не вошла. Необходимо, конечно, новое научное издание этого труда по всем сохранившимся рукописям его, с комментарием, составленным заново на основании весьма многочисленной литературы о Крижаниче и необходимыми справками по истории и этнографии Сибири (сл. замечания С. В. Бахрушина. «Книга и пролетарская революция», 1936, кн. 10, стр. 78 и «Историк-марксист», 1936, кн. V, стр. 149). Старая литература о Крижаниче перечислена в «Русском Биографическом Словаре» (том «Кнаппе Кюхельбекер», СПб., 1903, стр. 441—443). Важнейшим трудом все еще остается тщательная и богатая фактическими данными работа С. А. Белокурова. Юрий Крижанич в России, М., 1906 (см. особенно: гл. IV «Крижанич в Сибири», стр. 105—158 и прилож. II. «Известия Крижанича о Сибири» у Витсена, стр. 19—27. См. также: С. А. Белокуров. «Из духовной жизни московского общества XVII века», М., 1903). Объемистого труда о Крижаниче ак. И. В. Ягича (Wien, 1921) видеть нам не пришлось.

Ниже мы воспроизводим перевод «Relatio» из сборника Н. А. Титова «Сибирь с XVII века», сопровождая его некоторыми пояснениями, в дополнение к тем, которые уже были сделаны в основном тексте настоящей книги.

ИСТОРИЯ О СИБИРИ

или сведения о царствах Сибири и береге Ледовитого и Восточного океана, также о кочевых калмыках и некоторые повествования об обманах ювелиров, рудоплавов и алхимиков

ИСТОРИЯ О СИБИРИ

Сибирь есть самая последняя, по направлению к востоку, область Скифии и Московского царства; она оканчивается у Восточного океана и граничит с царством Китайским.

Р. Кама. Соляные варницы

Отправляющиеся из Москвы, проследовав пятьсот левк, достигают реки Камы и города, называемого Соль Камская. Здесь, из весьма глубоких колодцев, черпается соленая вода; ее вливают в железные сосуды и печью, отопляемою под землею, выпаривают в соль. Место это есть конец России и начало Сибири. Отсюда к югу простираются горы, весьма длинные, но не особенно высокие: они отделяют Россию от Сибири и Астраханскую землю от Калмыцкой.

Горы

Р. Тура

На восточном склоне этих гор лежит первый сибирский город — Верхотурье, названный так от истока реки Туры, которая недалеко оттуда берет начало; по этой реке идет водный путь до другой реки, более значительной — Тобола; из этой последней можно попасть в третью, самую большую реку — Иртыш, к городу Тобольску, называемому так потому, что он построен против устья Тобола на восточном берегу Иртыша. От Верхотурья же до этого места считается почти сто левк.

Р. Тобол. Великая река Иртыш

О том же, сколько левк остается от Тобольска до конца Сибири, я не решаюсь сказать утвердительно; однако полагаю, что расстояние это огромно: путешественники, отправляющиеся из Тобольска в Москву в зимнее время, могут возвратиться домой в двенадцать недель, хотя путь этот вмещает в себе три тысячи русских верст (или 600 левк). Путешественники же, отправляющиеся из Тобольска в Даурию, к крайней крепости, именуемой Нерчинск, обыкновенно не могут возвратиться зимою того же года.

600 левк. Даурия. Нерчинск.

Сибирь перешла во власть Московских царей следующим образом. В числе многих бежавших от тирании царя Ивана Васильевича были и такие, которые повсюду промышляли разбоями; между ними был один разбойник, именем Ермак. Он грабил путников по реке Волге и ее берегам. Однако, услыхав, что против него идет сильный отряд войска, Ермак со своими товарищами, бросив лодки, вышел на берег и направился в восточный край. Дойдя до города Вычегды (где также, как и на Каме, вываривается соль), они нашли здесь одного солепромышленника, богатого человека, по прозвищу Строганова. Потомки этого последнего и по сей день живут в той же местности; они владеют обширными угодьями и ведут значительную торговлю. Их не требуют ни в военную, ни в гражданскую службу; они живут в довольстве своим промыслом и пользуются преимуществами, не в пример другим промышленникам. Строгановы имеют особый титул: «именитые люди»; впрочем, в челобитных к царю грамотах они пишутся не по примеру дворян: «холоп твой», а по примеру мещан и крестьян «сирота твой». Слово это и по значению, и по этимологии равнозначуще слову «вассал», то есть сирота или опекаемый, а между тем Готы (германское племя) все—и высшие и низшие—в обращениях своих к королям употребляли именно это слово. Таким образом не следует удивляться тому, что московские дворяне называют себя «холопами» своего царя, так как под этим словом они разумеют нечто большее, чем то, что заключается в слове «сирота» или «вассал», то есть не что иное, как заключающееся и в слове «слуга». Но возвратимся к Строгановым. Они ежегодно платят своему царю значительную подать, и в царском Уложении им оказываются значительные преимущества: они там неоднократно упомянуты, и имена их читаются как изъятых от некоторых повинностей. Эти привилегии оказаны им именно потому, что они много содействовали покорению Сибири.

Город Вычегда, соляные варницы

Итак, когда вышеупомянутый промышленник увидел себя окруженным разбойниками, он по необходимости прикинулся щедрым: обещал им и теперь и впредь в обилии доставлять съестные припасы, оружие, одежду, вьючный скот и повозки, лишь бы они не препятствовали его промыслу. Согласившись на такие условия, разбойники по обещанию были щедро снабжены всем необходимым для дальнего пути и после того направились на Сибирь. Достигнув реки Тобола (уже по наступлении следующей весны), они соорудили себе ладьи (и в этом деле казаки достаточно искусны) и, предав огню повозки и поколов скот, по течению реки Тобола доплыли до Иртыша. Здесь они немедля воздвигли укрепление и начали грабить Татар, а если им удавалось захватить пленников, то они принуждали их к выкупу. От этого места в шести левках находился город, называвшийся Сибирь; в нем жил татарский царек, по имени Кучум. Этот Кучум неоднократно высылал против казаков Татар, которые вступали с ними в бой, но, благодаря огнестрельному оружию казаков, Татары почти каждый

Город Сибирь

раз оставались побежденными и отступали, пока, наконец, не пал с частью своего отряда Ермак, осиленный чрезмерною и постоянно возраставшею многочисленностью Татар. Оставшиеся в живых казаки собрались в своем укреплении. Не теряя времени, они отрядили посла в Москву с таким наказом: если царь простит им совершенные злодеяния и пришлет необходимую подмогу, то они приобретут ему новое царство. Царь снизошел к их просьбе и отрядил к ним воеводу с оружием, деньгами и вспомогательным отрядом. Немного спустя после того, умер царек Кучум. Сын же его был приглашен казачьим атаманом будто бы для заключения мирного договора, угощен пиром и во время пира умерщвлен (под тем предлогом, что он с недостаточным для верноподданного усердием пил за здоровье Московского царя). Город Сибирь после того был разрушен Москвитянами и казаками. От этого-то городка, первого из завоеванных, русские и прозвали все эти области, как ближайшие, так и далеко отстоящие, Сибирью, хотя каждая из этих областей имеет свое собственное название или от реки, которою орошается, или от племени, в ней живущего. Впоследствии Москвитяне, постепенно распространившись к востоку, подчинили своей власти и остальные области, воздвигая в некоторых местах по берегам рек укрепления и оставляя в них гарнизон. Самая восточная река в Сибири—Лена; от нее получили имя и город, и область. Из этой области получаются лучшие шкуры соболей и чернобурых лисиц. Я лично видел того, кто первый воздвиг крепость на берегах Лены и обложил эту область податью именем своего царя

Разрушение гор. Сибири

Самая восточная р. Лена

Сибирь состоит из трех климатов, простирающихся от запада к востоку. Первый климат, омываемый Ледовитым морем,—северный; здесь не произрастают ни плоды, ни овощи, зато отсюда получаются шкурки соболей и чернобурых лисиц. Реки этого края, изливающиеся в море с юга на север, изобилуют рыбою выше меры, и чем ближе к морю, тем более в них рыбы. Здешние жители не знают другой пищи, кроме рыбы и оленьего мяса, почему и живут исключительно по берегам рек. Здесь нет иных домашних животных, кроме собак. Их запрягают в самые легкие сани и перевозят на них поклажу. Олени попадаются во множестве, и шкуры их служат одеждою туземцам. В крае этом живет мало москвитян, кроме городов Березова, Туруханска и Лены и других; но сюда посылают из городов ближайшего климата стрельцов для сбора царской подати. Эти сборщики задаривают ничтожными подарками бедняков-туземцев и за это, кроме подати, получают от них собольи меха; туземцы же получают от них иголки, крючки, ножи, топоры и проч. Старшины селений (которых называют князьями), кроме того, получают еще крупу для пищи; это угощение в их глазах является яствами сибаритов. В этом крае есть полуостров, называющийся Мангазея; на нем прежде находился московский гарнизон, и туда ежегодно из Тобольска по Иртышу и Оби посылалось восемь или девять круглых судов, называемых кочами, с съестными припасами и оружием. Однако, так как суда эти неоднократно застревали в мелях и припасы и прочий груз лишь с большим трудом могли быть доставляемы на лодках к городу, то укрепление в недавнее время было уничтожено, а гарнизон переведен в другое место. Этот северный край и его окрестности населены различными народностями, из которых каждая говорит на собственном наречии: таковы Вогуличи, Остяки, Зыряне, Братские, Дауры и друг. Все они язычники.

Три климата Сибири

Первый климат

О дикарях

Езда на собаках

Города Березов, Туруханск, Лена

Полуостров Мангазея

По рр. Иртышу и Оби

Уничтожение Мангазейского укрепления.

Различные народности

Язычники

О колдунах

[Они поклоняются деревянным идолам, которых видели голландцы, пытавшиеся проникнуть в Китай по Ледовитому морю, между Новою Землею и этими странами Сибири]. Идолы их не что иное, как деревянные обрубки, поставленные при дорогах; вершина обрубка представляет некоторое подобие головы. Чурбаны увешаны собольими шкурками и похищение их со стороны москвитян ни разу не проходило безнаказанно последним. Жрецов этих народцев Татары называют шайтанами, сами же они—шаманами; большая часть их вещуны [то есть, служители диавола]. Если кто-либо из русских обращается к ним с вопросом о своей судьбе, то шаман приказывает вопрошающему поразить его в бок стрелой или копьем. Вонзенное таким образом оружие остается в теле, а шаман в течение часа корчится в муках и покрывается пеною. Наконец, он приказывает поразившему его извлечь оружие (никто другой сделать этого не может); при этом крови вовсе не показывается, а оружие нагревается до такой степени, что кажется извлеченным из огня. Тогда шаман начинает предсказывать будущее. Однако вообще замечено, что никто из прибегавших к сказанным колдунам никогда во все последующее время не бывал весел и оканчивал жизнь каким-нибудь несчастным случаем.

Второй климат

Города: Верхотурье, Тюмень, Тара, Тобольск

Города: Томск, Красноярск, Кузнецк, Енисейск

Второй климат, средний, смежный с упомянутым выше, населен Русскими и Татарами. В нем находятся города: Верхотурье, Тюмень (некогда местопребывание Татарских царьков), Тара, Тобольск-столица (здесь имеет местопребывание митрополит и главный воевода, начальствующий над прочими Сибирскими воеводами), Томск, Красноярск, Кузнецк, Енисейск и др., в которых проживают, по двое [или по одному, начальники или наместники, назначаемые на три года (Москвитяне называют их воеводами), с прекрасно снаряженным войском. Здесь имеется много огнестрельного оружия. В других же укреплениях проживают начальники гарнизонов. Пояс этот богат произрастаниями земли, и земледелие в нем в высшей степени облегчено: земля вовсе не нуждается в удобрении навозом. Поселянин гонит перед собою лошадь, запряженную в самую легкую соху и сам в то же время направляет борозды: делается это почти на бегу, так как здесь не бороздят земли глубже, чем на три пальца. Сенокос здесь производится также особенным способом. Туземцы употребляют косы короче и легче, чем наши земляки, с загнутою назад рукояткою, так что косу можно двигать в обе стороны. Таким образом косцу ни разу не приходится даром взмахивать косою; при каждом взмахе, вправо или влево, ударом своей косы он срезывает траву.

Плодородие этого пояса

Немногочисленность собольих шкурок

В местах, ближайших к северному и среднему климату, произрастает особое дерево, из породы хвойных, необыкновенной вышины и прямизны, имеющее в диаметре нижней части ствола до четырех футов; называется оно кедр [кедры попадаются также и в нашей Руси, у гор Карпатских; они хвоею сходны (с сибирскими), но плод их уступает им в величине] и, быть может, не без основания, так как дерево это весьма удобно для построек. Оно приносит и орехи, родственные тем, которые Италианцы называют «pinioli» (хотя орехи эти не продолговатой формы); из них выжимают масло. В этой средней полосе соболей очень мало; зато шкурки горностаев и лисиц и лосиные меха получаются отсюда в большом количестве. В западной части этого края, на границах с Астраханскою областью, встречается особый вид соколов, назы-

ваемый кречетами (крайне редко они попадаются и у нас). Они величиною больше обыкновенного сокола, отличаются быстротою взора и превосходны для птичьего лова. За ними охотятся особо наряженные татары; всю добычу их летней охоты всевода зимою распределяет между охотниками и дает каждому особую повозку: в нее садится охотник со своею птицей и отправляется в Москву. Часть привезенных птиц царь удерживает для себя, часть в виде подарка обыкновенно отсылает Персидскому шаху [а также Турецкому султану, Крымскому хану, временами и королям Польским], которым и принимаются они с изъявлением благодарности.

Зимою езда на санях, запряженных собаками. Летний путь по воде: по рр. Туре, Тоболу, Иртышу в Обь

Здесь возможен двоякий способ путей сообщения. Зимою ездят на санях, запряженных, как мы выше сказали, собаками; но по причине трудности такого сообщения, им никто не пользуется, кроме воеводских или царских гонцов. Прочие путешественники совершают свой путь летом по воде: от Верхотурья по течению рек Туры, Тобола и Иртыша путники спускаются в Обь, близ ее впадения в море. Вверх по этой реке они вступают в Томь и, достигнув некоторого перешейка, то есть узкой полосы земли, находящейся между двумя реками (Томью и Енисеем), выгрузив здесь товары и вытащив суда (на берег), волоком тянут их по земле до реки Енисея, а по течению этого последнего доплывают до города того же имени и так далее. Хотя этот путь страдает неудобством, состоящим в вышесказанном вытягивании судов, однако он не лишен и своих значительных преимуществ: он свободен от опасностей, сопряженных с путешествием по морю и по суше (то-есть бурь, пиратов, войн, разбойников)

Р. р. Томь и Енисей

Переволочна

3-й климат Сибири

Калмаки или Калмуки, кочевники

Калмыцкий язык. Идолопоклонство

Лаба Кутухта

Третий климат (пояс) составляют обширнейшие степи, в которых блуждают кочевые Калмаки со своими стадами. Племена эти составляет народ, отличный от Татар: обе нации отличаются друг от друга и языком, и наружным видом, и верованиями: Татары—магометане, Калмыки же, по всем признакам,—язычники. Простой жрец называется у них мандза́, старший жрец—лаба́, а верховный—кутухта. Во время торжественных жертвоприношений мандза́, в панцыре, шлеме и с луком и стрелами в руках, производит некие движения и действия и вертится во все стороны, как бы обуреваемый злыми духами; направляя лук и стрелу то туда, то сюда, он прицеливается в зрителей, стоящих вокруг него венцом, и преисполняет их всех страхом и ужасом. Наконец, он неожиданно выпускает стрелу: кого он ранит или убьет, тот считается (у Калмыков) блаженным.

Калмыки употребляют молитвенные шарики, наподобие четок наших земляков [их употребляют также Турки и Татары]: от наших четок калмыцкие отличаются лишь числом шариков, да еще тем, что все они одинаковой величины; когда Калмыки произносят молитвы, то при каждом шарике произносят: Ommanî Batmechû, то есть, господи, помилуй, прибавляя и другие слова.

Каждый год, когда выпадает первый снег, Калмыки его собирают, топят и сохраняют эту воду в течение года для очистительных обрядов. Причиною такого своего обыкновения они приводят следующее: «Некогда»,—говорят они,—«бог посылал людям с неба муку в виде дождя, но затем, вследствие людских беззаконий, лишил людей этого благодеяния. Вот в память этой-то божественной милости и благодеяния мы и сохраняем у себя первый снег»

На темени каждый Калмык (вероятно, по какому-нибудь уставу или верованию) носит красный пучок, наподобие розы,

из шелка или какой-нибудь материи. Желающему узнать причину такого обычая Калмыки отвечают следующее: Некогда бог сходил на землю и укорял людей за их прегрешения; они же в своем безумии нанесли ему раны, так что кровь истекала в изобилии. В честь этой божественной крови калмыки и носят на голове упомянутый красный значок.

Калмыки живут на пространстве от Астрахани до Китая

Калмыцкие степи простираются от границ Астраханской области до самого Китая; пространство это может быть пройдено лишь в несколько недель. Все эти степи бесплодны, так как почва их песчаная и солонцеватая. Они изобилуют озерами, воды которых во время лета около берегов обыкновенно осаждают соль [подобные озера находятся также в Крыму]. Здесь хотя и произрастает трава, но она низка; деревьев же здесь не видно нигде, разве только по берегам рек. Туземные овцы крупнее наших, они имеют жирные хвосты, содержащие в себе до двух или трех фунтов жиру; но шерсть их чрезвычайно груба. Калмыки не пользуются солью, которою изобилует их страна, и не употребляют ее ни в какие кушанья, кроме тех, которые иначе могли бы испортиться, будучи сберегаемы впрок.

Из этих местностей вытекает много рек в Сибирь, но там они не так рыбны, как здесь. Кроме того, Калмыки, не имея льна, а, следовательно, и сетей, не слишком много занимаются рыбною ловлей. Вследствие того же недостатка во льне они не могут изготовлять себе палаток, подобных нашим; вместо того Калмыки валяют коровью шерсть, превращая ее в массу, подобную грубому сукну, которое Италианцы называют feltrum и, обмотав его вокруг кольев, воткнутых в землю, делают себе шалаши, которые называют кибитками. Калмыки остаются на одном месте до тех пор, пока стадам их хватает корму; затем, когда вся трава истреблена, они гонят стадо в другое место. Летом они кочуют в южной части края, приближаясь к пределам Бухарцев, Монголов и Китайцев; осенью же направляются в места, ближайшие к Сибири, ради изобилия там топлива. Поэтому некоторые тайши (в мою бытность там—двое) ради спокойного кочевания в этих пограничных и спорных землях обязались платить дань государю Московскому царю. Сено Калмыки вовсе не заготовляют, но заставляют свои стада зимою питаться кустарником [даже в северной Татарии]; вьючный же скот, разбивая копытами лед и разрывая там и сям снег, отыскивает скудную траву.

Бухарцы, Монголы, Китайцы

Что касается военного дела, то Калмыки выходят в бой прекрасно вооруженные, то есть в шлемах, с копьями и в кольчугах. Они сражаются стрелами и саблями, но короче наших и не загнутыми: их можно сравнить с оружием, называвшимся у римлян «siccae», сами же они называют их сулимами.

Народ этот чрезвычайно многочислен, так что он считается не уступающим в этом отношении даже Скифам или Татарам. Однако Москвитянами замечено, что в то время, когда была покорена Сибирь, калмыки были немногочисленны или же они еще не были достаточно известны. Они имели лишь одного тайшу или князя. С тех же пор они размножились в таком количестве, что их едва ли можно исчислить. Поэтому многие старались угадать (подобно тому, как Липсий недоумевал относительно иудеев, какую участь готовит им божественное провидение, но лишь по другой причине), чего должно ждать нам от этого народа по неисповедимым судьбам божиим. Ведь известно, что некоторые темные народы, каковы Готы, Вандалы, Герулы, Славяне, Гунны,

Сарацины, Татары, Турки и другие, неоднократно божиим произволением были насылаемы в наказание за грехи других народов. Муж, пользовавшийся весьма значительным влиянием, один из главных московских вельмож, Борис Морозов, спрашивал меня: известно ли мне из разговоров или из чтения что-либо об Алтыне-царе, Кон-тайше, Аблае-тайше, Везурте-тайше или о других калмыцких тайшах или князьях, живших ранее или в наше время. Я отвечал, что имена эти до сих пор оставались мне неизвестны; Морозов же удивлялся, что столь многочисленный и воинственный народ, каковы Калмыки, пройден молчанием у европейских историков, с трудами которых он считал меня знакомым.

Алтын-царь, Кон-тайша и др.

Как мы сказали, Калмыки прежде имели одного князя; теперь же князей у них много; они называют их тайшами. Эти последние имеют при себе многочисленные войска и время от времени ведут между собой войны. С Московитянами же тайши стараются жить в условиях дружелюбного соседства, на том лишь условии, чтобы послы их были благосклонно принимаемы. Это обыкновенно и соблюдается со стороны Московитян рачительно, тем более, что это им недорого стоит. Когда в Тобольск прибывает какой-либо калмыцкий посол, то его не допускают до личного представления воеводе (если только это не посол великого или верховного тайши): ему отводится помещение в пригороде, а для ознакомления с целью его приезда посылают подъячего, Причиною же посольства своего по большей части такие гонцы выставляют лишь желание осведомиться о здравии пресветлейшего государя царя Московского и донести о вожделенном здравии государя их тайши и его готовности к службе его царского величества во всякое время и во всяком месте, со всем своим войском, куда бы ни было приказано. Затем посла угощают различными питиями и ежедневно в изобилии доставляют ему съестные припасы; при отъезде же ему жалуются два или три куска обыкновенного сукна, а для тайши отпускается сукно получше. Благодаря такому щедрому приему, послы эти часто остаются по целым годам, хотя бы им нечего было делать. Впрочем, некоторые из них, по их требованию, признанному заслуживающим внимания, препровождаются в Москву, откуда возвращаются с более ценными подарками. Я лично видел замечательный пример верноподданности Калмыков. Однажды воевода Петр Годунов (желая выказать перед царем свою особую преданность и деятельность) снарядил в Китай нескольких купцов и воинов с сибирскими товарами, предназначавшимися для мены. Окончив свои дела, они вышли из Китайской стены и тут узнали, что среди Калмыков вспыхнула междоусобная война. Вследствие того они остановились невдалеке от вышесказанной стены и стали выжидать безопасного времени для возвращения. В таком положении они оставались около двух месяцев; но лишь только об этом обстоятельстве узнал селенгинский тайша (то есть тайша, кочевавший по берегам реки Селенги), как немедленно поспешил со своим войском к сказанным купцам, находившимся в сильном страхе. Взяв их под свою охрану, тайша доставил купцов до города Енисейска, находящегося во владениях Московского царя, снабдив их лошадьми и верблюдами для перевозки тяжестей. С ними вместе он отправил и посла своего с объявлением, что он во всякое время готов московским послам или купцам, отправляющимся в Китай, доставлять в требуемом количестве вьючный скот и свое войско для охраны. Подобным образом и все тайши

Селенгинский тайша

поддерживают дружеские отношения к Московитянам. Однако, есть между Калмыками и разбойники, которые не повинуются никакому тайше; эти по временам причиняют Московитянам затруднения, особенно близ городов Тары и Красноярска: во время жатвы они грабят и забирают земледельцев в плен.

Тобольский воевода ежегодно высылает вверх по Иртышу флот из сорока или более парусных судов в землю Калмыков к Соленому озеру, находящемуся недалеко от реки. Путь этот совершается в четыре месяца; там господствует некоторый тайша (в недавнее время это был Анциан) со своим улусом, то есть подчиненным ему племенем: то, что у Татар называется ордою, то у Калмыков называется улусом [по-арабски—«орда» означает стан; по-калмыцки же «улус»]. Как только Московитяне достигают этого места, они производят залп из пушек и снова их заряжают; затем производят огонь из ручных пищалей; отсалютовав таким образом тайше, Московитяне дают заложников и, получив таковых же от Калмыков, в тот же день воздвигают на берегу укрепление и ставят на нем пушки, чтоб иметь защиту в случае вероломства. Добыв из озера соль, они нагружают ею суда и затем вступают в торг меновой, так как на этих ярмарках деньги не в употреблении. Московитяне привозят с собою товары всякого рода, Калмыки же в обмен предлагают рогатый и вьючный скот, свои сласти и китайский табак; продают также рабов и рабынь—своих свойственников и собственных детей. Если проданные в рабство начинают горевать, то Калмыки говорят им: «Ступай, бедняга, и не грусти: тебе будет там лучше—не будешь так голодать, как голодал у нас». Таким образом, в Сибири нет ни одного человека с какими бы то ни было средствами, который не имел бы одного или более рабов или рабынь из калмыков. Наконец, по нагрузке судов солью и завершении торга, производится обмен заложников с обеих сторон. Московитяне, наделив тайшу небольшими подарками, разряжают пушки и отчаливают от берега.

Бухарские купцы

Кроме того, при этих торгах всегда присутствуют бухарские купцы; эти последние здесь не производят торга, но со своими товарами отправляются на московских судах в Тобольск. Бухарцы—народ не столь варварский и скифский, как Татары, хотя и они употребляют скифский язык и принадлежат к магометову лжеучению. Они высокого роста и красивы лицом; войнами, грабежами и разбоем не занимаются, а живут торговлей и земледелием. Живут в городах, обнесенных стенами, имеют собственного царя [Узбека]; но так как Бухарцы—народ весьма невоинственный, то, для избежания набегов, принуждены платить дань Калмыкам. Бухарцы находятся в частых сношениях с Китаем и оттуда, зимою на верблюдах, летом на судах (тем путем, о котором мы сказали выше) привозят свои товары в Тобольск—хлопок, хлопчатобумажные ткани, окрашенные в разные цвета, которые Московитяне называют «китайками», также корицу, но грубую и плохого качества, и особый род пахучей травы, называемой «бадьяном», которая лишь за несколько лет перед сим сделалась известна в Сибири. Московитяне не знают иного употребления этой травы, как для настаивания водки, которая от этого делается сладкою, как бы подслащенная сахаром. Однако, один любознательный человек попытался точнее исследовать свойства бадьяна; он уверял, что трава эта кажется ему пригодною для питья больным (вместо обыкновенно употребляемого навара из ячменя): она имеет, по его сло-

Бухарские ткани. Бадьян (Annizium Stellatum)

Чай или тея

вам, свойство поддерживать бодрость и по своему действию может быть сравнена с турецким кофе и с китайским чаем. Впрочем, те же бухарские купцы привозят и чай, который употребляется так же, как и кофе, но растение это иное. Привозят они и

Китайский табак

китайский табак столь мелкой резки, что по тонкости может поспорить с человеческим волосом. Вследствие такой тонины волокон многие сперва не верили, что это действительно табак; но русские купцы постоянно утверждали, что они собственными глазами видели, как Китайцы резали табачные листы таким образом. Табак этот бывает цвета темного, светлого и зеленого. Темный имеет самый приятный запах и опьяняет сильнее других сортов, так что те, у кого голова слаба, должны от него воздерживаться. Как говорят, табак этот разваривают в сахарном растворе. Китайцы и перенявшие от них Русские удивительно упиваются табачным дымом, так что они падают в обморок и как бы подвергаются судорогам; многие вследствие того даже испускали дух. Впрочем, Китайцы, наученные долгим опытом, умеют избежать такой опасности; у них есть маленькие медные трубочки с отверстием величиной в половину скорлупы лесного ореха. Набить и выкурить такую трубочку, вследствие ничтожности приема, не представляет никакой опасности.

Драгоценные бухарские камни

Кроме того, Бухарцы привозят еще драгоценные камни и умеют удивительным образом вводить ими в обман неопытных или неосторожных покупателей. Они предлагают стекло, окрашенное в различные цвета; стекло это, вылитое в разнообразные формы, имеет вид драгоценных камней, но диких и необработанных, так что они кажутся недавно вырытыми из гор вместе с корнями и приставшим сором или пятнами. Каждый камень имеет свою собственную форму и обделку, так что в сотне каменьев не найдется ни одного похожего на другой. Видя это разнообразие, покупатели и вводятся легко в обман. Расскажу один случай. Один служилый человек из Немцев пришел к Бухарцу, спросил у него каменьев, выбрал порядочное количество и, заплатив деньги, с торжеством возвратился домой. Он пригласил затем другого Бухарца, тобольского жителя, начальника царских сокольников, по имени Асбакея, и спросил у него: на сколько выгодна его покупка и какова цена этих каменьев в Москве. Асбакей снял с пальца кольцо и находившимся в нем алмазом потер один, другой и третий из показанных каменьев (на которых немедленно показались царапины), и отвечал: «Видишь эти царапины? Значит, это стекло, а не драгоценные камни. Если б это были драгоценные камни, то алмаз не мог бы их испортить, и царапин не было бы». Служилый человек позвал купца в суд, но толку из этого никакого не вышло, потому что купец утверждал, что он продал не эти поддельные, а другие, настоящие драгоценные камни.

Расскажем здесь и другой случай, но только о нечестности рудоплавов. В городе Туле были два мастера оружейного дела. Задумав обман, они послали челобитье, объявляя в нем, что нашли сереброносную жилу. Получив приказание представить образец своей находки, они подвергли действию огня выхваляемую ими руду и предъявили некоторое количество выплавленного серебра. Они были посланы в Москву, и в присутствии государственных сановников несколько раз производили опыты, но не могли выплавить серебра нисколько. Их подвергли пытке и тем заставили сознаться, что при первом своем опыте они примешали к руде серебро и его-то показали как выплавлен-

ное. За это их наказали плетьми и сослали в Тобольск. В это же время в Тобольском уезде, в одном монастыре, лежащем на реке Исети, недалеко от тех гор, которые, как мы (выше) сказали, отделяют Астраханскую область от Сибири, жил один монах, слывший колдуном, по имени Иов. Он хвалился, что выплавляет серебро из руды, добываемой им из соседней горы; серебро это он продавал по частям в слитках. Должно знать, что у сибирских Татар есть обычай погребать с знатными людьми их оружие, серебряные сосуды и конские украшения, а иногда и деньги. Во время моего там пребывания умер один Бухарец, по имени Мурат. Молва говорила, что с ним было зарыто восемь тысяч рублей (золотом). Некоторые из московских стрельцов сделали попытку разрыть его могилу, но были уличены и наказаны кнутом. В Сибири есть неизвестные могилы древних Скифов, на которых уже выросли кустарники или лес; разыскать их можно не иначе, как при помощи колдовства. С этою целью некоторые люди отдаются чернокнижию и, найдя таковые могилы, иногда вырывают из них немного серебра. Я сам видел серебряные сосуды, вырытые таким образом. Итак, вышесказанный монах Иов таким-то способом и приобретал серебро; но чтобы не навлечь на себя подозрения в колдовстве, он расплавлял вырытые сосуды и продавал их, ложно показывая, что серебро это выплавлено им из руды вышеупомянутой горы. В это время в Тобольск прибыл один воевода, который, сам будучи колдуном, как говорят, носил кольцо, в коем была заключена диавольская сила. Воевода этот послал к той горе, из которой, как говорили, монах Иов добывал серебро, воинов с приказанием привезти ему оттуда большое количество камней, которые, правда, блестели подобно серебру, но в сущности были не что иное, как не имеющий цены тальк. В присутствии многочисленных гостей воевода взял один из этих камней, показывал его гостям и с глубоким вздохом выражал желание узнать, что может скрываться в этом камне. А тут по условию находились и те двое ссыльных плутов рудоплавов. Как бы невзначай приметив их, воевода воскликнул: «Вот и кстати, что вы здесь. Скажите же, как вы полагаете, что заключает в себе этот камень?»—«Господин,—ответили они,—не может быть, чтобы в нем не было серебра, и даже в значительном количестве». «Ну, так расплавьте этот камень,—сказал воевода,—и извлеките из него серебро». Рудоплавы ответили, что этого нельзя сделать, если предварительно не будут выписаны из Голландии некоторые минеральные вещества, потребные для такой операции. Услыхав это, один из гостей сказал: «Господин, не верь им. В этом самом городе я найду для тебя трех или более серебряных дел мастеров, которые сегодня же сумеют отлично произвести требуемый опыт или пробу». Рассердившись, воевода стал сильно бранить гостя и спрашивал его, где он учился рудному делу и кто дал ему право быть серебряных дел мастером? Царю же он донес, что действительно есть гора, где много камней, имеющих вид серебра, и что некоторый монах неоднократно выплавлял из них серебро. Узнав об этом, царь немедленно послал гонца в Саксонию и велел пригласить оттуда какого-нибудь искусного рудознатца. Таким образом прибыл некоторый тайный чернокнижник из числа тех, которые называют себя братьями розенкрейцерами. Немного спустя был вызван в Москву и воевода; ему было приказано представить хваленый камень, чтобы рудознатец, в присутствии царя, испытал его доброкачественность.

Воевода дал камень; тот взял его, положил в иготь, растолок, подверг действию огня и расплавил. При опыте присутствовали царь и первый из его советников: они, не спуская глаз, наблюдали за тем, чтобы не было никакого обмана. Когда расплавка была окончена, рудознатец представил им две-три найденные на дне унции серебра. Но все это произошло благодаря обману, заранее условленному между двумя вышесказанными чернокнижниками: воевода просверлил и продолбил этот мягкий камень буравчиком, а скважину наполнил серебряным песком и искусно прикрыл ее тем же камнем; рудознатец же, будучи соучастником в обмане (и ему было выгодно обмануть царя, чтобы, таким образом, долее пользоваться щедрым жалованием), ни мало не осмотрев камня, поспешил его растолочь, чтобы нельзя было заметить скважины и обнаружить обман. Итак, царь послал этого самого рудознатца к вышеупомянутой Сибирской горе, дав ему в помощь других товарищей того же ремесла и два отряда войска. Пробыв там в течение года или более, они перекопали всю руду, плавили ее и переплавляли, но не выплавили серебра ни капли. Итак, до смерти засекши плетьми вышеупомянутого обманщика монаха (так как и он по приказанию находился при них), они возвратились в Москву. Воевода же вскоре погиб, убитый разбойниками, а рудознатец был лишен жалованья и некоторое время во всеобщем презрении проживал в Немецкой слободе.

[Далее мы опускаем рассказы из области демонологии и алхимии о делании золота, диспут протестанта и католика об истинных догматах, так как эта часть не имеет отношения к Сибири].

Московский острог над рекою Шингалом, у границ Китая

За тридцать слишком лет перед сим Москвитяне выстроили острог близ Восточного океана над рекою Шингалом; из него они нападали на подданных китайского царя, заставляя их платить дань. Однако флот, посланный сказанным царем, из океана вошел в устье сказанной речки и подошел к острогу. Войско начало осаду, пользуясь пушками, а также ручными огнестрельными пищалями. Москвитяне же, держась за стенами, многих из них положили замертво выстрелами из такого же рода орудий. Когда у них вышел весь порох, они должны были оставить острог и удалиться. Китайцы их не преследовали, но, разрушив крепость, и сами возвратились домой.

Острог Нерчинский. Дауры и Никаны

Однако, так как и после того Москвитяне беспокоили из другого острога, называемого Нерчинским, тех же китайских подданных (называемых Даурами и Никанами), то царь Китайский, около десяти лет перед сим, послал посла к Нерчинскому воеводе. Посол этот требовал, чтоб воевода взял у Китайцев заложников и представил ему двух или трех московских воинов для следования к Китайскому царю. Он говорил, что подданные его царя отказываются платить ему дань, так как они отягчены уже поборами со стороны Москвитян. Царь же его не может им верить и хочет собственными глазами убедиться: «Если все это действительно так, то царь пошлет с вашими людьми мирные условия для установления границ». Воевода отпустил трех воинов, которые рассказывали, что они совершили путь от Нерчинска до Стены и Китайских ворот в 4 недели, а от Стены до столицы Камбалик в 6 недель. Они были приведены к царю, который, осмотрев их с любопытством, одарил дарами и поручил им передать своему царю, чтоб он послал посла с полномочием установить границы двух царств и заключить договор ради спокойного соседства. Послы возвратились, прибыли в Москву и привезли грамоту, но так

От Нерчинска до Стены 4 недели

Посол Спафарий

как она была написана китайскими письменами, то не нашлось никого, кто мог бы ее прочесть. Затем, по прошествии трех лет, царь Московский послал туда посла, некоего Грека, по имени Спафария, с полномочием войти в соглашение относительно границ с Китаем и будущей с ним торговли. Проездом через Тобольск этот Спафарий рассказывал, что в Москве находились два члена общества Иисусова, посланные от папского престола; они ходатайствовали перед царем, чтоб им было дозволено с вышеупомянутым посольством отправиться в Пекин. Но так как было сомнительно, какой исход ожидает это посольство (до того времени и дорога туда была еще неизвестна), то сказанным отцам было отказано в исполнении их просьбы, а были они посланы через Астрахань в Персию. Однако Спафарий говорил мне: «Государь дал приказ, что если при моем возвращении кто-либо из отцов общества Иисусова пожелает со мною возвратиться в Европу, то чтоб я принимал их, сколько бы их ни было». Спафарий прибыл к Китаю и, проникнув по ту сторону Стены, написал в Москву. Что было с ним после того, мне неизвестно.

Военачальник Поляк

Река Абазин

Лет за двадцать и более перед сим был в городе Енисейске один военачальник, родом Поляк. Сестра его, девица, была лишена невинности одним из начальников; Поляк, движимый негодованием вследствие такого подлого поступка, склонил своих товарищей к восстанию. Они убили того начальника и, разграбив лавки купцов, вышли из города и направились к югу; пройдя путь многих дней, они воздвигли крепость на реке, именуемой Абазин. В течение десяти лет они утвердили там свое местопребывание, послали в Москву дары и били челом царскому величеству снять с них вину в совершенном ими преступлении; сами же обещали ежегодно собирать с туземцев дани и посылать царю. Царь, даровав им прощение, облек сказанного Поляка саном воеводы, а Енисейскому воеводе приказал снабжать их всем необходимым, в чем будут нуждаться.

Река Селенга

Немного лет спустя примеру их последовал один стрелец в городе Красноярске. Он собрал отряд товарищей, и, не учинив никакого злодеяния, они проникли далеко к югу до реки Селенги. Найдя, что река эта богата рыбой, а почва в изобилии приносит плоды, они основали здесь крепость и, по прошествии нескольких лет, послали к царю гонцов с дарами (в числе их находился и сам виновник предприятия, с которым я лично виделся и беседовал) и просили принять их под свою власть, обещая выплачивать дань. Царь и на их ходатайство благосклонно согласился.

Так как царство это, которое, по рассказам, окружено стенами, Португальцы называют Хиною или Синою, а его столицу— Пекином, Татары же и Москвитяне страну именуют Китаем, а столицу—Камбалыком, то было сомнительно, есть ли это одно и тоже царство или два различные. Но впоследствии (не слишком давно) стало известно, что Китай есть не что иное, как Сина, а Камбалык—Пекин.

Было и другое сомнение: соединено ли Ледовитое море с Восточным океаном, омывающим с востока Сибирь, затем южнее области Даурию и Никанию и, наконец, царство Китайское; или же моря эти, то есть Ледовитое море и Восточное, или Китайское, отделены друг от друга каким-нибудь материком, простирающимся от Сибири на восток? Сомнение это в самое последнее время было разрешено воинами Ленской и Нерчинской области: они, собирая с туземцев дань, прошли всю эту страну до самого

океана и утверждают, что к востоку нет никакой твердой земли, и что сказанные моря ничем друг от друга не отделены, но что Сибирь, Даурия, Никания и Китай (или Сина) с востока омываются одним сплошным океаном.

На вопрос же некоторых: могут ли корабли от гавани св. Михаила Архангела или же от устья реки Оби и города Березова, плывя беспрерывно около берегов Сибири, Даурии и Никании, приплыть к Китаю,—упомянутые воины отвечали, что в Ледовитом море лед никогда на тает вполне, но в течение всего лета по водам плавают в большом количестве огромные глыбы льда, сталкиваясь между собою; поэтому глыбы эти (особенно при сильном ветре) могут уничтожить какое угодно судно.

На это можно возразить: каким же образом, как мы выше сообщили, корабли из Китая через устье Шингала проникли в Никанию? Да будет же известно, что Шингал лежит гораздо южнее Ледовитого моря, в одном климате с Калмыцкою землею, в которой стоящая вода летом от солнечного жара сгущается в соль; поэтому нет ничего удивительного, что и льды океана в том же климате совершенно уничтожаются или даже вовсе не образуются. Следовательно, так как представляется совершенно неудобным из какого-нибудь пункта Сибири или России плыть на кораблях в Индию, то путь этот, как кажется, возможно совершить по берегам Даурии или Никании, мимо устьев Шингала, Абазина [Амура], Селенги и других рек, которые изливаются в Восточный океан.

ПРИМЕЧАНИЯ

Место это есть конец России и начало Сибири]. См. выше: Альбрехт Доббин.

один разбойник, именем Ермак]. См. по поводу этого места замечание И. И. Тыжнова («Обзор иностранных известий о Сибири». «Сибирский сборник» под ред. Н. М. Ядринцева, СПб., 1887, стр. 123—124). «Ермака считает автор разбойником, укрывшимся к Строганову, который по необходимости дает ему все нужное для похода. Таким образом, участие Строгановых представляется невольным. В этом отношении автор записал те предания, которые затем, в конце того же века, лет через 20 слишком, были записаны тобольским сыном боярским Семеном Емельяновичем Ремезовым и вошли потом в его летопись. Также сходны описания их и в том, что Ермак зимовал у р. Тобола, только Ремезов говорит, что Ермак делал набеги и «кормился от вогуличей», а затем уже, вытребовав пособие от Строгановых, двинулся в поход».

Строгановы имеют особый титул...]. Весь этот рассказ использован в книге Витсена, который пишет в «Noord en Oost Tartarye» (II, 735): «Фредерик Крижанич, польский монах, проживший много лет в Тобольске, сообщает в записке, которую он представил его польскому величеству в 1680 г., что роду Строгановых, кои много содействовали завоеванию Сибири и до сих пор проживают в тех местах, дозволено, в виде почетного наименования, подписываться, когда они подают просьбы их величествам, именем сирота твой, что значит «вассал» и т. д. См. С. А. Белокуров. «Юрий Крижанич в России». М., 1906, прилож. II,

стр. 21—22; И. И. Тыжнов, op. cit. стр. 119; детальный анализ этого известия и всех вообще иностранных свидетельств о Строгановых см. в статье Андрея Введенского «Происхождение Строгановых»—«Север. орган научного северного краеведения», 1923, № 2, стр. 68—75.

город, называвшийся Сибирь]. «В этом повествовании,—пишет Тыжнов (стр. 123),—отразились различные легенды, ходившие по Сибири после ее завоевания в среде туземного населения. Можно предполагать, что автор не был знаком с письменными памятниками, имевшими предметом описание покорения Сибири. Он писал свое сочинение уже по возвращении из Сибири, в Вильне, спустя 5—6 лет после возвращения, описывал «quod debilis retinuit memoria» то, что удержала слабая память. Если бы он читал какие-либо записки или летописи, он, без сомнения, упомянул бы о них. Но он этого не делает. Притом в его записки вошли такие предания, которые вошли потом, уже гораздо позже, в русскую летопись С. Ремезова. Отсюда мы вправе предположить, что автор писал это повествование о покорении Сибири на основании местных рассказов, что еще более возвышает ценность его записок»

татарский царек, по имени Кучум]. И. Тыжнов (op. cit., стр. 124) замечает, что «Известие о смерти сына Кучума, убитого во время пира, есть отголосок тех преданий, которые записал в своей летописи один летописец, как полагают в тридцатых годах XVII века, Савва Есипов, по мнению одних—казак, сподвижник Ермака, по мнению других—дьяк сибирского митрополита. Но автор «Повествования о Сибири» и Есипов передают различно; легенда эта потерпела здесь уже изменения; на место Сайдака, вероломно убитого воеводой Чулковым (Есиповск. л., гл. XXXII, по изд. Небольсина) в «Повествовании» подставлен сын Кучума».

Кочевые калмыки со своими стадами]. Ко всему рассказу о калмыках см. у нас выше: Неизвестный (1666). Интересно сравнить весь этот раздел «Relatio» с тем, что Крижанич говорит в другом своем сочинении («Политика»), касаясь вопроса о том, следует ли Московскому государству расширять свои пределы и как нужно поступать в отношении калмыков, остяков и самоедов. Крижанич пишет здесь: «С Калмыкми... для големых [великих, значительных] причин, советнее есть держать мир, неже заводить рать: яко хочем неже изказать. Али аще бы когда треба было рать им навесть может посол сице к ним говорить. Сибирскую землю царь господарь есть взял праведною ратию: по том что она земля есть была Татарскому народу подвержена. А Татары суть в давних временах русский народ сильно наезджали, и люто изобижали: и зарад того царь господарь есть имал праведну причину супроть татаром. А з вами калмыкми ему господарю причины несть: и он будучь праведен господать, не мыслит и не желит [не желает] вам ни в век никаковыя обиды чинить. А покаместа Сибирь не может жить без степныя соли, и без бухарского торговства, зарад того он господарь присылает к вам свое приязниво и милостиво поздравление, и прашает у вас: да бысте степныя соли господарёвым людем емать не бранили [не возбраняли]: яко доселе несте ея бранили; и да бысте торговства тоже не препачали [не заслоняли, не перечили]... «Соль бо есть бог сотворил людем на уживание», «торговство тоже есть народом потребно: а вы сие препачаете и тем народскую правду и общение разаряете»... «За то вы никаковые земли своею влащиною либо отчиною не чините. И за ту притчу на сей степи вольно есть царю господарю для рди своея потребы поставить острог; для ради поспешения торговству з бухарми, и з вами самими». «Аще Калмыки не препущают слободного торгования Русаком з Бухарми: и сия есть довольна причина, да можем путá и силою добивать» («Русское государство в половине XVII века», М., 1859, стр. 111—113).

Ommanî Batmechû]. Неправильная транскрипция известной буддийской молитвы: Om mani padme Hung! См. о ней выше: Исаак Масса, стр. 272.

Упомянутый красный значок]. Пропускаем далее рассказы об обращении калмыков и татар в христианство.

бухарские купцы]. См. выше: Неизвестный (1666).

травы, называемой «бадьяном»]. См. выше: Коллинз.

Однажды воевода Петр Годунов]. См. о нем выше: Н. Витсен. Воеводою тобольским он был в 1667—1668 гг., а может быть, и позднее. В 1670 г. он был убит в Свияжске. См. еще изданную С. О. Долговым «Ведомость о Китайской земле и о глубокой Индеи» («Памятники Древней Письменности и Искусства», вып. CXXXIII, 1899, стр. 14—35)—русское сочинение, составленное в Сибири «изысканием» П. И. Годунова «с товарищи». Факт, приводимый Крижаничем в доказательство дружественного отношения калмыков, относится к 1667—1669 гг.

царь послал этого самого рудознатца к... Сибирской горе]. Рассказывается о разведке руды в Сибири, окончившейся неудачно благодаря обманам воевод и мастеров. Крижанич вероятно имеет в виду разведки, производившиеся по приказу из Москвы в начале 70-х годов специально присланными для этого людьми, среди которых были иностранцы. Так в 1672 г. приехал в Сибирь искать серебряную руду «думный дворянин Яков Тимофеевич Хитров с товарищами. А для серебрянова руднова дела присланы были мастера, знатцы, немцы многие»... В 1671 г. для той же цели присылаемы были «Михайло Петров сын Селин, с Далматовым старцом Лотом, и с немцы». Поиски продолжались до 1674 г. на Урале и по Тоболу-реке; «думной ездил вверьх в степные места, сыскивал руды, и в Кузнецкой острог, и на Красной Яр, и в Томские уезды посыланы были немцы и Тобольские дети боярские и служивые люди, и нигде ничего не нашли». Государевой же казне «великая и неизглаголанная тщета и гибель учинилась от подъемов, и от поджогов, и всякими заводы» («Записки к Сибирской истории»—«Древняя Российская Вивлиофика», т. III, стр. 211—212). В другом сочинении Крижанича (так. наз. «Политика», напис. в 1663 г.) находится специальный отдел «Об рудах», представляющий любопытную аналогию приведенному рассказу «Relatio». Здесь говорится о добывании и обработке руд, приводятся рассказы иностранцев о рудах в России, сведения о местностях, где они чаще всего открываются; наконец, Крижанич указывает на лучшие способы их отыскания. Говоря о том, что в Сибири находится так много железа, что его хватило бы для всего государства на всякие орудия, и что вследствие нерадивости русских людей это дело находится в пренебрежении, Крижанич находит, что не следует давать иностранцам денег на отыскание руды: «немцы токмо; своея корысти бо ищут» («Русское государство в половине XVII в.», I, стр. 57—64. ср. Арс. Маркевич. Юрий Крижанич и его литературная деятельность, Варш., 1876, стр. 41—42). Находится здесь, между прочим, и следующий рассказ: «Поведаше мне некий человек: яко де в некоеой Сибирской горе, при Красном Яру [Красноярск], бяше начята руда сребрена, и отослан узор [образец] к Москве; а из нея ся изваряше осмая весом часть сребра. Али [но] де немцы завидливо и неверно [изменнически] утаишя и повторишя [выдали] руду за некорыстну. Я той басни не верую: али и то может не врешя [порою] быть, да [что] реместник завидлив утаит; или ин неуметелен, незнадущь отведать, владетелево надеяние прервет [обманет, нарушит] и дело сказит. Сице бо лопи [в прошлом году] в году 7170 [1662] из Тобольска бяше выправлен некий поляк ко китайскому острогу, на отведание руды, и пришедши назад, поведа руду быть некорыстну. Али будучь он чловек в рудах мало мудрен: его сведочество не здается быть довольно». При просмотре этого своего труда в 1664 г. Крижанич внес в него некоторые поправки и дополнения на полях рукописи. Здесь рассказано, что в этом (т. е. 1664) году один пленный поляк (лях сужень) рассказывал ему о сибирских народах «Татарского, кондабския и иныя некия орды. Копают железо и куют железные горны, котлы, меденики, малые и великие». «Морали беху [т. е. могли бы]

сибирски урядники при корзенной [меховой] казне и железа оного многу смету отсылать на Москву. Могли беху и в Сибири ковать сабли, мушкеты, палоши, трезубы, косы, стругачи, куяки [панцыри] и всяко оружие и отовде присылать на Москву». Через три недели Крижанич делает новую запись (28 ноября 1664 г.): «поведаше Иван Чукша, повернен из Красного Яра, яко де при Красном Яру ковачи не лихо [не только] тамошни, но и руски, куют белое железо, и ним красят коньския справы [упряжь], куяки и велчину. И тамо ся коплет та руда черного и белого железа». Несколько сходных с данными Крижанича свидетельств о состоянии горного дела в России находим также в сочинении Котошихина (1667): «А в Московском государстве золота и серебра не родится, хотя в Крониках пишут, что русская земля на золото и на серебро урожайная; однако сыскати не могут, а когда и сыщут, и то малое, и к такому делу московские люди не промышлены; а иных государств люди те места, где родится золото и серебро, сыскали бы, а не хотят к тому пристать, для того, что много потеряют на завод денег, а как они свой разум окажут, и потом их ни во что промысл и завод поставят и от дела отлучат». См. у нас выше: Балтазар Койет (прим. 3.).

некоего грека, по имени Спафария]. Подробные сведения о Николае Спафарие Милеску см. ниже: Де-ла-Невилль. Крижанич в «Relatio» сообщает немного данных о встречах своих со Спафарием в Тобольске; однако их можно дополнить другими данными, что и сделано С. А. Белокуровым («Юрий Крижанич в России», М., 1906, стр. 142—146; его же: «Из духовной жизни московского общества», стр. 225—230). В Тобольск Спафарий приехал 30 марта 1675 г., уехал же отсюда 2-го мая («Дополнения к актам историческим», т. VII, № 67; И. Тыжнов. Заметки о городских летописях Сибири, СПб. 1898, стр. 127—128); следовательно, он провел здесь около месяца. Здесь Крижанич познакомился с ним; по его словам, Спафарий «на приезду в первый день есть обо мне спросил; пять недель есть зде постоял, а ни единого обеда, ни вечери без мене не ел». О тех услугах, которые Крижанич оказал Спафарию при выборе дороги для дальнейшего путешествия своими книгами и т. д. подробно рассказано у С. А. Белокурова и у нас выше (см. Де-ла-Невилль). На возвратном пути из Китая, при проезде через Тобольск (в конце 1677), Спафарий Крижанича уже не застал, так как еще в марте 1676 г. Крижанич из Тобольска уехал.

в Москве находились два члена общества Иисусова]. Сл. у нас выше: Ф. Авриль и «Письма и донесения иезуитов о России XVII и нач. XVIII в.». СПб., 1904.

Хиною или Синою]. См. у нас выше: Кильбургер.

Камбалык-Пекин]. См. у нас выше: Рафаэль Барберини.

соединено ли Ледовитое море с Восточным океаном]. Сл. выше: Ф. Авриль.

Даурию]. Верхне-Амурский край.

Никанию]. См. у нас выше: Б. Койет.

гавани св. Михаила Архангела]. Архангельск.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Принятые сокращения

г.—гора
губ.—губерния
зал.—залив
м.—мыс
оз.—озеро
о.—остров
о-ва—острова
п-ов—полуостров
пос.—поселок
прол.—пролив
р.—река
хр.—хребет

А

Б

В

Г

Д

Е

Ж

З

И

К

Л

Н

О

П

Р

С

У

Ф

Х

Ц

Я

УКАЗАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН

А

Б

В

Г

Д

Е

Ж

З

И

К

Л

Н

О

П

Р

С

Т

Х

Ц

Ч

Ш

Щ

Э

Ю

Я

ОГЛАВЛЕНИЕ

Обложка, заставка и концовка—гравюры на дереве
работы худ. П. А. Шиллинговского.

Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей.
Ирк. обл. изд-во. 1941 г. Огиз № 878. Инд. Э-1.
Отв. редактор А. А. Ровинский. Технич. редактор Т. М. Трушкина.
Корректор М. А. Комченко.

Сдано в набор 25/I-1937 г. Подписано к печати 29/I-1941 г. Бумага $62\times89/_{16}$.
Бум. листов $21^{3}/_{8}$. Печ. листов $42^{3}/_{4}$. Уч.-изд. листов 53,31. Заказ № 197.
Тираж 2000. НЕ 6354. Цена книги 23 р. 50 к. Переплет 1 р. 50 к.

Отпечатано в Иркутской типографии Огиза треста „Полиграфкнига",
ул. К. Маркса, 11

2010389290